ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025

Забота о будущем: психическое здоровье и ранняя помощь ребенку и семье

Санкт-Петербург
2025 год

УДК 159.9
ББК 88.3
А64

А64 Ананьевские чтения – 2025. Забота о будущем: психическое здоровье и ранняя помощь ребенку и семье / Под редакцией С.Н. Костроминой и Р.Ж. Мухамедрахимова; отв.ред.: Р.И. Гвоздкова. – Нижний Новгород: Издательство «Союзкниг», 2025. – 576 с.

ISBN 978-5-6049239-8-6

Материалы сборника отражают тематику и содержание докладов, представленных на международной конференции «Ананьевские чтения – 2025». Конференция была приурочена к 25-летней деятельности в области психического здоровья и развития детей первых лет жизни и раннего вмешательства, проводимой на факультете психологии СПбГУ, и обусловлена включением ранней помощи детям и их семьям в Федеральный закон Российской Федерации.

В сборник включены материалы, отражающие результаты исследований по общим направлениям психологической науки, включая фундаментальные и прикладные исследования, в том числе по теме заботы о будущем, осуществляемые в различных областях психологического знания. Материалы конференции представляют работы по тематическим направлениям, посвященным исследованиям ранних этапов развития детей во взаимодействии и формировании отношений с родителями, в связи с их индивидуальными психологическими и биологическими особенностями, в контексте семьи, общества и культуры, а также вопросам ранней помощи детям и их семьям, её теоретическим, методическим, организационным и клиническим аспектам.

ISBN 978-5-6049239-8-6

© Авторы, 2025
© Издательство ООО "София"
ООО «Союзкниг», 2025

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель организационного комитета:

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович, д.пс.н., профессор, зав. кафедрой психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей СПбГУ

Заместитель председателя организационного комитета:

Коробкин Владислав Павлович, ст. преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУ

Члены организационного комитета:

Гвоздкова Р.И., Карпичко А.Н., Коченевский П.В., Костромина А.В., Курдюков Д.К., Лычева Д.А.; Андрущенко Н.В., к.м.н., доц.; Аникина В.О., к.пс.н., доц.; Арбузова Е.Н., к.пс.н., доц.; Аринцина И.А., к.пс.н., ст.пр.; Астапенко Е.Е., к.пс.н., доц.; Благовещенский Е.Д., к.б.н., в.н.с.; Блох М.Е., к.м.н., доц.; Бордовская Н.В., д.пед.н., проф.; Бриль М.С., к.пс.н., ст.пр.; Бызова В.М., д.пс.н., проф.; Василенко В.Е., к.пс.н., доц.; Горбунов И.А., к.пс.н., ст.н.с.; Гофман О.О., к.пс.н., доц.; Грандилевская И.В., к.пс.н., доц.; Гуриева С.Д., д.пс.н., проф.; Дейнека О.С., д.пс.н., проф.; Зайцева Ю.Е., к.пс.н., ст.пр.; Защиринская О.В., д.пс.н., проф.; Зиновьева Е.В., к.пс.н., доц.; Ильина Н.Л., к.пс.н., ст.пр.; Иоффе Е.В., к.пс.н., доц.; Исурина Г.Л., к.пс.н., проф.; Казанцева Т.В., к.пс.н., доц.; Карпинская В.Ю., к.пс.н., доц. Карпова Э.Б., д.пс.н., доц.; Костромина С.Н., д.пс.н., проф.; Круглов В.Г., к.пс.н., доц.; Кузнецова Е.В., к.пс.н., доц.; Кузнецова И.В., к.пс.н., доц.; Лепехин Н.Н., к.пс.н., доц.; Ловягина А.Е. к.пс.н., доц.; Логинова Н.А., д.пс.н., проф.; Мамина Т.Н., к.пс.н., ст.н.с., Мararица Л.В., к.пс.н., доц.; Медников С.В.; к.пс.н., доц.; Миланич Ю.М., к.пс.н., доц.; Миргород Н.В., к.пс.н., ст.пр.; Мироненко И.А., д.пс.н., проф.; Мусс А.И., к.филос.н., ст.пр.; Наследов А.Д., к.пс.н., доц.; Никифоров Г.С., д.пс.н., проф.; Обидин И.Ю., к.пс.н., доц.; Одинцова М.М., к.пс.н., ст.пр.; Пальмов О.И., к.пс.н., доц.; Попова-Никитюк Н.С., ст.пр.; Посохова С.Т., д.пс.н., проф.; Почебут Л.Г., д.пс.н., проф.; Родионова Е.А., к.пс.н., доц.; Розанов В.А., д.м.н., проф.; Савенышева С.С., к.пс.н., доц.; Сафонов В.К. к.пс.н., ст. пр.; Солдатова Е.Л., д.пс.н., проф.; Стародубцев А.С., к.пс.н., мл.н.с.; Стрижицкая О.Ю. д.пс.н., проф.; Чернего Д.И., к.пс.н., мл.н.с.; Чикер В.А., к.пс.н., доц.; Шабалина Е.В., к.пс.н., доц.; Шаболтас А.В., д.пс.н., проф.; Шарагина А.С., асс.; Щелкова О.Ю., д.пс.н., проф.; Яковлева М.В., к.пс.н., доц.; Яничева Т.Г., к.пс.н., доц.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Председатель программного комитета:

Костромина Светлана Николаевна, декан факультета психологии СПбГУ, д.пс.н., профессор, зав. кафедрой психологии личности СПбГУ

Заместитель председателя программного комитета:

Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович, д.пс.н., профессор, зав. кафедрой психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей СПбГУ

Члены программного комитета:

Ушаков Д.В., д.пс.н., профессор, академик РАН, директор Института психологии РАН; Журавлев А.Л., д.пс.н., профессор, академик РАН и РАО, научный руководитель Института психологии РАН; Зинченко Ю.П., д.пс.н., профессор, академик РАО, член-корреспондент РАН, декан факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, президент Российского психологического общества; Малых С.Б., д.пс.н., профессор., академик РАО, академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии РАО; Сергиенко Е.А., д.пс.н., профессор, зав. кафедрой общей психологии и психологии развития ГАУГН, гл.н.с. Института психологии РАН; Поляков А.М., д.пс.н., профессор, зав. кафедрой общей и медицинской психологии БГУ (Республика Беларусь); Кабакова М.П., к.пс.н., профессор кафедры общей и прикладной психологии КазНУ им. Аль-Фараби (Республика Казахстан); Огородникова Е.А., к.б.н., зав. лабораторией психофизиологии речи Института физиологии им. И. П. Павлова РАН; Кузнецов Н.В., д.филос.н., профессор, директор Института философии СПбГУ; Скворцов Н.Г., д.социол.н., профессор, профессор кафедры сравнительной социологии СПбГУ; Гуриева С.Д., д.пс.н., профессор, зав.

кафедрой социальной психологии СПбГУ; Бордовская Н.В., д.пед.н., профессор, академик РАО, зав. кафедрой психологии образования и педагогики СПбГУ; Гришина Н.В., д.пс.н., профессор, профессор кафедры психологии личности СПбГУ; Дейнека О.С., д.пс.н., профессор, и.о. зав. кафедрой политической психологии СПбГУ; Ловягина А.Е., к.пс.н., доцент, зав. кафедрой общей психологии СПбГУ; Медина Бракамонте Н.А., к.пед.н., доцент, председатель учебно-методической комиссии факультета психологии СПбГУ; Розанов В.А., д.м.н., профессор, и.о. зав. кафедрой психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ; Солдатова Е.Л., д.пс.н., профессор, зав. кафедрой психологии труда и организационной психологии СПбГУ; Стрижицкая О.Ю., д.пс.н., профессор, зав. кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ; Шаболтас А.В., д.пс.н., профессор, президент Санкт-Петербургского психологического общества; Щелкова О.Ю., д.пс.н., профессор, зав. кафедрой медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ; Пальмов О.И., к.пс.н., доцент кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей СПбГУ; Андрущенко Н.В., к.м.н., доцент; доцент кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей СПбГУ; Горбунов И.А., к.пс.н., старший научный сотрудник кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ; Исурина Г.Л., к.пс.н., профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ; Яковлева М.В., к.пс.н., доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ; Ильина Н. Л., к.пс.н., старший преподаватель кафедры общей психологии СПбГУ; Мироненко И.А., д.пс.н., профессор кафедры общей психологии СПбГУ; Мусс А.И., к.филос. н., старший преподаватель кафедры общей психологии СПбГУ; Зиновьева Е.В., к.пс.н., доцент кафедры психологии личности СПбГУ; Гофман О.О., к.пс.н., доцент кафедры психологии труда и организационной психологии СПбГУ; Родионова Е.А., к.пс.н., доцент кафедры психологии труда и организационной психологии СПбГУ; Арбузова Е.Н., к.пс.н., доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ; Карпова Э.Б., д.пс.н., доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций СПбГУ; Гнедых Д.С., к.пс.н., доцент кафедры педагогики и психологии образования СПбГУ; Наследов А.Д., к.пс.н., доцент кафедры педагогики и психологии образования СПбГУ; Ткачева Л.О., к.пс.н., доцент кафедры педагогики и психологии образования СПбГУ; Коробкин В.П., ст. преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУ, Гвоздкова Р.И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОТ ДИАГНОСТИКИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Белоусова А.Ю., Короткова И.С.
Нарушения ментализации при шизофрении: способы интервенции 29
Никифорова Е.А., Чугунов Д.Н., Вассерман Л.И.
Social frustration and anxiety in structure adjustment disorder 30
Евсеева Е.К., Янко Е.В.
К вопросу о концептуализации понятия «цифровая тревога» 31
Рахманина А.А., Гамзатова А.С., Калантарова М.В.
Интеграция психологии в медицину: методологические вызовы и перспективы 2
Восканян Я.Ю., Васильева О.С.
Особенности фрустрации у женщин с бесплодием неясной этиологии 33
Куба Е.А., Забелина Е.В.
Биологические, психологические и социальные факторы здоровья в постковидный период 34
Дорошева Е.А.
Взаимосвязь склонности к руминациям и переживания скуки 35
Абросимов И.Н., Ялтонский В.М., Сирота Н.А.
Механизмы саморегуляции подростков в условиях хронической соматической болезни 36
Скиртач И.А., Ковш Е.М.
Связь опыта СПП с признаками аддиктивного поведения и социально-психологической адаптацией молодежи 37
Ребеко Т.А.
Переживание телесного пространства в контексте нарушений пищевого поведения 38
Соколова В.Н., Портнова А.Г.
Эмоциональное выгорание студентов-медиков 39
Сирота Н.А., Фетисов Б.А.
Копинг-стратегии онкологических пациентов с умеренной и выраженной неопределенностью в болезни 40
Бортникова Е.Г.
Нейропсихологическая коррекция кинетической апраксии у пациентов после инсульта, находящихся на этапе ранней реабилитации 41
Шлойдо Д.Е., Исурина Г.Л.
Неудовлетворенность образом тела у женщин, стремящихся к изменению внешности 42
Осипова Н.Г., Рощина И.Ф.
Оценки когнитивной сферы и адаптивности у пациентов с легким когнитивным расстройством 43
Федорова Л.М.
Диагностическая значимость сновидений в контексте личностных особенностей при расстройствах психики 44
Дронго Е.А., Еремина Д.А.
Эмоциональная сфера пациентов при хирургическом лечении аритмии сердца: дизайн исследования 45
Старикова О.Н., Миланич Ю.М.
Восприятие физической боли у молодых людей, склонных к самоповреждающему поведению 46
Гринь-Яценко Б.А., Яковлева М.В., Середа О.А., Джелялов Э.С, Пушкарук Г.А., Белоусов А.М.
Личностные особенности пациентов и их связь с приверженностью лечению при онкологических заболеваниях 47
Трубникова О.О., Провоторова Ю.Д., Яковлева М.В.
Эмоциональный статус пациентов при кардиохирургическом вмешательстве и его связь с их качеством жизни 48
Тертычный С.С., Дорошева Е.А.
Эмпирическая проверка модели руминативного мышления H-EX-A-GO-N 49
Димитрова К.В., Сирота Н.А.
Жизнестойкость и стратегии совладания у пациентов с бронхиальной астмой 50
Суворова Э.А., Шаболтас А.В.
Психологические факторы успешности краткосрочного стационарного лечения пациентов с коксартрозом 51

Волович А.В.
Влияние когнитивного компонента ВКБ на качество жизни пациентов с акне 52
Мерзляков Д.Е.
Психологические детерминанты тревожного состояния 53
Кузнецов Г.С., Николаевская А.О.
Мужское бесплодие как фактор преобразования когниций партнера и диадической стратегии в паре 54
Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Кондратьева А.А.
Факторы риска в развитии посттравматического стресса у детей с угрожающим жизни заболеванием 55
Попова Д.Е., Мерзляков Д.Е.
Связь личностных черт и симптомов обсессивно-компульсивного расстройства 56
Калантарова М.В., Павлова А.К., Елкайдарова Л. Р.
Проблема оценки нарушений памяти в оптико-пространственной модальности при очаговых поражениях головного мозга (ОПГМ) 57
Потемкина Д.П., Яковлева М.В.
Клинический инсайт и восприятие болезни больных параноидной шизофренией 58
Шишкова А.М., Бочаров В.В., Михайлов В.А.
Взаимосвязь течения болезни у пациентов с эпилепсией и восприятия семейных отношений у опекающих их родственников 59
Кузнецова Ю.В., Гуткевич Е.В.
Уровень профессионального выгорания и копинг-стратегии сотрудников психоневрологического интерната 60
Зазимко А.С., Бурина Е.А.
Сравнительный анализ особенностей переживания супружеской утраты 62
Кошанская А.Г.
Особенности проявления агрессивности у больных сахарным диабетом II типа 63
Баженова Д.А.
Половые различия в психоэмоциональном состоянии у пожилых пациентов с когнитивными нарушениями 64
Кленкова А.Д.
Роль отношения к здоровью в формировании посттравматического роста пациентов с колоректальным раком 65
Арсентьева Н.В.
Взаимосвязь эмоционального абьюза, созависимости и удовлетворенности отношениями у женщин 66
Кудрявцева А.С., Яковлева М.В.
Образ врача в восприятии пациентов ревматологической клиники: разработка исследования 67
Любчинская А.С., Блох М.Е.
Психологические аспекты внутренней картины болезни у женщин с идиопатическим бесплодием 68
Дмитриева Н.Г., Баташов Р.А., Ениколопов
Особенности распознавания запахов у пациентов с заболеваниями шизофренического спектра 69
Щелкова О.Ю., Яковлева М.В.
Психосоциальные характеристики кардиохирургических пациентов с различной приверженностью лечению 71

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСКОГО И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Лынская М.И., Артемцева Н.Г.
Созависимость родителей, имеющих детей с расстройствами аутистического спектра 72
Поляков А.М.
Методы исследования нарушений субъект-субъектных отношений и взаимодействия у детей 73
Ильина Е.А.
Модель психического у детей 2-5 лет с типичным развитием и риском расстройств аутистического спектра 74
Икс-Огранян С.А., Ванюхина Н.В.
Формирование учебной мотивации у детей с ОВЗ через присвоение роли «Я-ученик» 75
Шишкова И.М.
Суверенность психологического пространства у подростков с выявленным суицидальным риском 76

Вянни А.А., Аринцина И.А.
Психологические особенности часто болеющих детей дошкольного возраста 77
Мирошников С.А., Наследов А.Д.
Возрастная специфика проявления симптомов аутизма у детей 1-2 лет 78
Каурова Н.Н.
Знаково-символьные комплексы подростковых субкультур с зооморфной самоидентификацией 79
Богачева О.И.
Сравнительный анализ отцовского и материнского отношения к болезни ребенка с аутизмом 80
Пищагина М.С., Шарагина А.С.
Особенности отношений родителей и их детей с нарушениями зрения 81
Бахова А.А., Аникина В.О.
Особенности эмоционального состояния и самооценки типично развивающихся дошкольников в интегративных группах детского сада 82
Горбанева М.В., Ялтонский В.М.
Представления о бронхиальной астме подростков с разным уровнем восприятия болезни как угрозы 83
Шевеленкова Т.Д., Сальникова М.М., Волжина Ж.А.
Психологическое благополучие и отношение к телу девочек с риском расстройств пищевого поведения 84
Родина М.А., Блох М.Е.
Поведенческие характеристики детей 3-6 лет с интеллектуальными нарушениями 85
Иванов М.В., Богачева О.И., Тараненко И.М.
Лонгитюдное исследование динамики познавательного развития у детей с интеллектуальными нарушениями 86
Павлова В.В., Пятакова Г.В.
Отношение к будущему матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья 87
Кузнецова Ю.Е., Заломова Е.В., Лебедева Е.И.
Эффективность поведенческого вмешательства у подростков с РАС: анализ случаев 88
Гулакова А.Ю., Миланич Ю. М.
Связь проблемного использования интернета с когнитивным функционированием и психическим состоянием старших подростков 90
Игнатенко Е.Н., Корякина М.М., Благовещенский Е. Д.
Разработка подходов для исследования регуляции у детей с моторными нарушениями 91
Диева Д.В., Яковлева М.В.
Эмоциональное состояние и родительское выгорание матерей детей с хроническими заболеваниям 92
Зверева М.В.
Ассоциативные приемы в патопсихологии детского и юношеского 93
Никулина Е.О., Анакина В.О.
Отношение к себе и особому ребенку у нормотипичных детей в интегративных группах детского сада 95
Богачева О. И., Иванов М.В., Тараненко И.М.
Лонгитюдное исследование динамики познавательного развития у детей с задержками психического развития 96

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ИХ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

Ильяс А., Фролова О.В.
Параметры электроглоттограммы эмоциональной речи мужчин и женщин 97
Григорян А.В., Ткачева Л.О.
Применение нейротехнологии eye-tracking для анализа рекламных макетов 98
Морозова С.В., Горбунов И.А., Холмаматова Т.И.
Экспертная проверка автоматической разметки сложности абстрактных изображений AFIS 99
Корякина М.М., Никишкина У.С., Бородина К.А., Чуканов А.В., Благовещенский Е.Д.
Влияние разных типов стресса на субъективную оценку эмоционального состояния 100
Луков М.Ю., Благовещенский Е.Д.
Исследование особенностей электродермальной активности у лиц с разными личностными характеристиками 101

Лебедева Н.Е., Горбунов И.А., Морозова С.В.
Психофизиологические маркеры формирования стратегии упрощения в процессе решения задач ориентирования ... 102
Соснина Ю.С.
Языковые модели как инструмент моделирования когнитивных процессов, реализуемых в мозге ... 103
Горбунов И.А.
Генеративная математическая модель психологического измерения: конфликт между надежностью и качеством шкалы ... 104
Орлова А.В., Морозова С.В., Холмаматова Т.И.
Экспертная проверка автоматической разметки эмоциональной валентности абстрактных изображений AFIS ... 106
Черных А.С., Горбунов И.А.
Кожно-гальваническая реакция студентов актерского факультета на начальном этапе обучения при воображении различных эмоциональных ситуаций ... 107
Кирсанов А.С., Благовещенский Е.Д., Панасенко Д.В.
Электрофизиологические и субъективные отклики на консонанс и диссонанс в музыкальных аккордах ... 108
Ратьковская А.И., Горбунов И.А.
Научение с подкреплением и ошибки предсказания у больных шизофренией в нейросетевой модели ... 109
Бурангулов Р.Р., Горбунов И.А.
Пилотное исследование когнитивной нагрузки при поиске: ИИ vs браузер ... 110
Шляхов И.С., Шляхов Ф.С.
Фрактальная размерность ЭЭГ-сигналов при когнитивной нагрузке: анализ нейрофизиологических механизмов в тесте Струпа ... 111
Хадарова У.В., Горбунов И.А.
Психофизиологические индикаторы системно-динамических свойств мозга при восприятии бистабильных объектов ... 112
Денисова Е.Г., Сылка Н.В.
ЭЭГ корреляты просмотра и взаимодействия с интернет-контентом с учетом преобладающей стратегии информационного поведения ... 114
Чуканов А.В.
Единый паттерн когнитивной упорядоченности: фрактальный анализ ЭЭГ, поведения и нейросети ... 115
Куцырева М.А.
Анализ состояния человека по спонтанному высказыванию с использованием методик машинного обучения ... 116
Васина М.Д., Ткачева Л.О.
Влияние медитативных практики и физической нагрузки на показатели зрительного внимания в парадигме «face in the crowd task» ... 117

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Степанова Е.Б.
Влияние психологического консультирования на эмоциональный интеллект у условно здоровых женщин ... 118
Умиртаева А.Б, Еркинбекова М.А.
Молодёжь и психологическая помощь: барьеры, стереотипы и реальность ... 119
Зухба Кристина Лаврентьевна
Проявление рефлексивной саморегуляции на занятиях танцевально-двигательной терапии ... 120
Мясникова М.С., Самбикина О.С.
Взаимосвязь эмоциональной зависимости матерей с характером их взаимоотношений с детьми младшего подросткового возраста ... 122
Исурина Г.Л.
Медицинская и психологическая психотерапия ... 123
Березниковский В.В.
Танцевальное искусство как психотерапевтический метод в реабилитации незрячих ... 124
Панферова Ю.А.
Реакции женщин, переживших насилие в партнерских отношениях ... 125

Ларин И.А.
Формирование саморегуляции подростков в консультативной практике краткосрочной стратегической терапии 126
Кузнецова Л.В., Линева С.С.
Психологический портрет «равного консультанта» в системе психологического сопровождения материнства 127
Воскресенская Н.В.
Психология отношений: психолог-клиент: современные тенденции 128
Фрейманис И.Ф.
Искусственный интеллект как инструмент психологической помощи для повышения удовлетворенности жизнью 130
Черная А.В.
Персонализация проектных заданий по игровой терапии 131

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ТРАВМЫ

Буева Ю.А., Обидин И.Ю.
Особенности отношений с ребенком матерей, имеющих неблагоприятный детский опыт 132
Рогуля В.В., Исурина Г.Л.
Особенности детского травматического опыта у пациентов с пограничным расстройством личности 133

ПСИХОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМАТИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РИСКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ПОМОЩЬ

Зиновьева М.Е., Ершова Е.Э., Сабельникова Е.А., Козлова А.Ю.
Анализ жизненных ценностей и стратегий совладания, актуализирующихся при напоминании о смерти 134
Розанов В.А., Шаболтас А.В.
Программы превенции суицидального поведения среди студенческой молодежи – поиск рациональных подходов и тактических решений 136
Ершова Е.Э., Бриль М.С.
Переживание опыта близости к смерти у лиц, совершивших суицидальную попытку 137
Лаская Д.А., Розанов В.А.
Семья студента как про- и антисуицидальный фактор (эмоционально-коммуникативный анализ) 138
Шипитько О.Ю., Краснова Е.А.
Деструктивное информационно-психологическое воздействие в отношении вынужденных мигрантов 140
Киселёва И.В.
Последствия травматического стресса и жизненные условия студентов в зоне военного конфликта 141
Слепова А.С., Круглова Н.Е., Александрова О.В.
Психические состояния женщин, обратившихся за помощью в кризисный центр 142
Соболева А.Р.
Личностные особенности волонтёров КГМУ, имеющих опыт переживания травмы 143
Леонова Ю.И., Костенко В.Ю.
Систематический исследовательский обзор теоретических моделей семейной резилентности 144
Максименко Е.Г.
Психодинамический подход в работе с психотравмой в условиях военного конфликта 145

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ДЕТСТВА И РОДИТЕЛЬСТВА

Шилова В.А., Бриль М.С.
Особенности нравственного сознания подростков с агрессивным поведением 146
Бойко О.М., Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю.
Цифровые технологии в диаде ребенок-близкий взрослый 147

Злоказов К.В.
Характеристика информационно-смыслового поля личности как индикатора риска криминализации.....148
Новоселова Е.С., Забелина Е.В.
Отношение ко времени у осужденных за корыстные преступления: гендерный аспект 149
Чернышева Е.В.
Личностные особенности подростков – участников кибербуллинга.....150
Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л.
Ностальгия, психологическое благополучие и тревожность в ситуации вынужденной изоляции 152
Азарова Н.В., Хавыло А.В., Енгалычев В.Ф.
Анализ мимики в условиях контролируемого искажения информации 153
Золкина М.А., Арбузова Е.Н.
Особенности детско-родительских отношений в семьях, находящихся в процессе развода.....154

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ИХ РАЗРЕШЕНИИ

Дубовских Ю.В., Чикер В.А.
Психологические характеристики ситуаций утраты доверия в супружеских отношениях 155
Орел А.Д., Иванов М.Ю.
Психологическое благополучие ребенка при психологическом сопровождении бракоразводного процесса.....156
Ничко Н.В., Гуриева С.Д.
Адаптация опросника Ричарда Шелла «Wharton-TKI Bargaining Styles Grid» (Решетка стилей переговоров Уртонской бизнес-школы) – первый этап.....157
Галевская А.П., Киреева О.В.
Переживания стресса родителями и подростком в ситуации семейного конфликта.....158

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.
Особенности адаптивных качеств вахтовых работников различных промышленных предприятий на Крайнем Севере 159
Ильичева Д.М., Гофман О.О.
Тревожность и когнитивные искажения как факторы профессиональной увлеченности фрилансеров.....160
Никитенак Т.О., Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.
Результативность вахтовых работников с различными психическими регуляторами труда 161
Корниенко А.В., Старченкова Е.С.
Личностные факторы профессионального здоровья менеджеров по продажам.....162
Венцкуте М.С., Корнеева Я.А., Мартиросова Н.В..
Воспринимаемый стресс и успешность прохождения профессиональной подготовки сотрудников ОВД первого года службы 163
Самарина Я.С., Барцева К.В., Солдатова Е.Л.
Связь ностальгии со смысложизеннными ориентациями личности 164
Виноградова В.О., Цымбалюк А.Э.
Взаимосвязь карьерной адаптивности и субъективного благополучия у студентов вуза.....165
Симонова Н.Н.
Индивидуально стилевые особенности адаптации лесозаготовителей к вахтовой работе на Крайнем.....166
Ра Е.В., Григорьева А.Е.
Особенности копинг-стратегий у актеров театра с синдромом эмоционального выгорания 167
Вакарина Е.А.
Психологическое благополучие художников с разным уровнем профессиональной востребованности.....168
Коневцев И.В., Родионова Е.А.
Профессиональное здоровье сотрудников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности 169
Ряснянский А.С., Шипитько О.Ю.
Психологические аспекты проявления враждебности молодежи в социальных сетях 170

Пятакова Г.В., Тураносова В.В., Митрофанова Н.Н.
Совладание с трудными жизненными ситуациями женщин-сотрудниц ОВД ... 171
Жердева А.А., Шипитько О.Ю.
Убеждения как предиктор формирования военной идентичности курсантов военных учебных центров ... 172
Крутелева Л.Ю.
Особенности гражданской идентичности юристов с разным стажем профессиональной деятельности ... 173
Васильева А.Н., Краснова Е.А., Батакова Е.А.
Взаимосвязь типа темперамента и поведения в экстремальных условиях на примере курсантов ВУЦ ЮФУ ... 174
Поляков М.Г., Разживин Г.В., Гасимов А.Ф.
Ситуация переживания социального стресса как фактор изменения переговорного стиля в деловом общении ... 175
Бердичевский А.А., Соколинская Е.В., Лыткина К.А.
Специфика психических состояний медсестер, имеющих близких в качестве потенциальных участников СВО ... 177
Гензе Г.П., Солдатова Е.Л.
Математическое моделирование уязвимости к фишингу ... 179
Корсакова Н.П., ГБДОУ детский сад № 78, Ветвицкая Т.В.
Влияние проектной деятельности на профессиональное здоровье педагога ... 180
Лукоянова П.В., Качина А.А.
Жизнестойкость как фактор совладания с хроническим стрессом консультирующих психологов ... 181
Концевая А.Р., Беглярова В.Г., Гофман О.О.
Роль внерабочих ресурсов в восстановлении субъектов труда ... 182
Зорич Е.А.
Профессиональное здоровье инженеров: актуальность, вызовы и комплексный подход ... 183
Токаренко В.В., Правдина Л.Р.
Особенности совладающего поведения и субъективного благополучия спасателей МЧС ... 184
Гофман О.О., Никифоров Г.С.
Барьеры здорового поведения: анализ зарубежных моделей ... 185

ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Макаров С.А., Забелина Е.В.
Профессиональная временная перспектива будущего у сотрудников ГИБДД на разных этапах службы ... 186
Иванова К.И., Загашев И.О.
Исследование взаимосвязи между социально-статусными характеристиками и уровнем ответственности ... 187
Круглов В.Г.
Факторы коммуникативной эффективности рекламных страниц репетиторов в социальной сети «ВКонтакте» ... 188
Григорьева В.Д., Кузьмин А.Ю., Родионова Е.А.
Организационные и личностные факторы организационной приверженности сотрудников, работающих удаленно ... 189
Кузнецова Е.О., Ульянова Н.Ю.
Карьерные притязания представителей поколений X и Z: гендерный аспект ... 190
Кораблева С.А., Волкова Н.В.
Карьерная вовлеченность как источник социального капитала и повышения стрессоустойчивости у сотрудников ... 191
Лепехин Н.Н., Ильина О.Н.
Организационная устойчивость: взаимодействие индивидуальных, групповых и управленческих ресурсов ... 192
Медина Бракамонте Д.Д.
Валидизация методологии оценки организационной устойчивости и ее предикторов ... 193
Колесникова В.Ю., Лепехин Н.Н., Драгула Д.О.
Антиципационная компетентность как предиктор профессиональной устойчивости ... 194

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЙ ЭРГОНОМИКИ

Басимов М. М.
Сравнение зависимостей успешности обучения от логического мышления для разных педагогических специальностей 195
Экстер К.М., Симонова Н.Н.
Профессионально-важные качества инженеров производственно-энергетического комплекса 196
Абдуллаева М.М.
Семантика образов Я у студентов-психологов разного курса 197
Разживин Г.В., Поляков М.Г., Гасимов А.Ф.
Социальный стресс-тест в виртуальной реальности: динамика движений глаз как показатель уровня стресса 198
Джанелидзе Д.
Особенности техностресса у студентов 199
Макушенко Р.А., Рунец О.В.
Особенности профессионального взаимодействия врача-рентгенолога 200
Кузьмин А.Ю., Гофман О.О., Ковальчук С.В.
Взаимодействие человек-искусственный интеллект в системах поддержки принятия врачебных решений 201

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА: СЕМЬЯ-РАБОТА-ОБЩЕСТВО

Виноградов А.С.,ФГБОУ ВО СПбГУ
Конкурентоспособность высокотехнологичной организации: социально-психологический аспект 202
Ефанова А.С., Мараруица Л.В.
Эмоциональное состояние как фактор успешности убеждения в формате видеоконференции 203
Логунова О.Е., Матвеева Л.В.
Репутация в цифровой среде: проблемы и перспективы исследования 204
Завражных В.М., Винокуров Ф.Н.
Типы референтных групп и их роль в потребительском поведении молодежи 205
Киреева О.В., Сотникова В.А.
Развитие социального интеллекта в игре как элемента психологической культуры личности 206
Корнеева А.А.
Отношение к технологиям и экологические аттитюды и проэкологическое поведение 207
Джимиев П.Р., Мараруица Л.В.
Принятие управленских решений и особенности ценностных ориентаций 208
Ляпина Т.Е., Гуриева С.Д.
Над-идентичности как факторы просоциального поведения молодёжи 209
Данилова А.А., Трушина И.А.
Восприятие влияния пандемии COVID-19 на различные сферы жизни: результаты кросскультурного анализа (Россия и Казахстан) 210
Баранова В.А., Савина О.О.
Отношение к пандемии у студентов: взгляд на период социальной изоляции через пять лет 211
Варавка М.М., Яничева Т.Г.
Социально-психологические стратегии завершения романтических отношений 212
Каширский Д.В., Сабельникова Н.В.
Взаимосвязь эмоционального благополучия студентов с отношением к IT-технологиям 213
Алмазова О.В., Молчанов С.В.
Значимые события, выделяемые юношами и девушками в условиях нестабильной социальной среды 214

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Корягина Н.А., Фыонг В.
Особенности самопрезентации при трансформации организационного взаимодействия в онлайн формат 215

Урбан М. И., Банщиков А. В.
Когнитивно-аффективные корреляты тревожности в контексте миграционной адаптации 216
Позднякова Т.Б.
Психологические особенности личности с разным уровнем значимости самоуважения в юношеском возрасте 217
Каширский Д.В.
Взаимосвязь эмоционального благополучия студентов с отношением к IT-технологиям 218
Сальникова С.М., Мерзляков Д.Е.
Социальная тревога как предиктор дезадаптивных копинг-стратегий 219
Машкова Д.В., Ермолаева Т.Н., Еселевич А.П.
Влияние клубов «Устойчивая семья» на сохранение и восстановление родных семей с детьми 220
Ананьева О.А., Калёнова А.А.
Роль идеологических установок, предубеждений и стереотипов в поддержке политиков с разными повестками 221
Лавелина Д.Я.
Роль принятия существующей системы отношений в социальной сплоченности 222
Волкова Н.В.
Социальный капитал и организационная приверженность: поколенческий аспект 223
Безносов, Д. С.
Социально-психологическая регуляция общественных отношений 224
Галенко В.Ю.
Культура виктимности поколения Z: цифровая социализация, семейное воспитание и самосострадание 225

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

Екимчик О.А., Коршунова Д.В.
Особенности близких отношений при разной вовлеченности в Интернет-пространство 227
Позднякова Т.Б., Поздняков Р. В.
Ценность понимания и доверия в семье у лиц с высоким уровнем развития способности к пониманию других людей 228
Блинова Е.Е.
Доверие как основа становления гражданской идентичности студентов новых регионов Российской Федерации 229
Осин Р.В.
Исследование взаимосвязи этнической идентичности и социальной дистанции личности 230
Варавка М.М., Яничева Т.Г.
Социально-психологические стратегии завершения романтических отношений 231
Марковская Г.Г., Талагаева А.А.
Взаимосвязь субъективного остракизма с переживанием одиночества у подростков 232
Таджибаева Н.Р., Яничева Т.Г.
Стратегии совладания в ситуациях разрыва межличностных отношений у юношей и девушек 233
Коновалов И.А.
Самооценка личностных качеств в контексте конструктивной, деструктивной и дефицитарной агрессии 234
Артамонова А.Г., Воронцова Т.А.
Социально-психологические критерии возрастной категоризации при конструировании воспринимаемого возраста 235
Чернова А.А., Васильева Д.В.
Сравнительный анализ проявлений толерантности у младших школьников в разных поликультурных средах 236
Солозобов П.Д.
Социально-психологические феномены «наказание», и «прощение»: кросс-культурные различия 237
Шорохова В.А., Ежова А.А.
Социальные представления о доверии в реальной и виртуальной среде у российской молодёжи 238
Воронцова Т.В.,Тельнова О.В., Воронцова Т.А.
Выраженность прокрастинации у школьников, молодежи, взрослых и ее связь с социально-психологическими потребностями 239

Тучина О.Р.
Идентичность с местом проживания и образ города
(на материале исследования молодежи Кубани)..... 240

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

Адеркас А.М., Яничева Т.Г.
Прогнозирование выраженности форм агрессивности у подростков
на основе представлений о собственной семье 241
Виноградова Я.Е.
Роль семья при адаптации к социальным изменениям 242
Иконникова Т.А., Марэй А.Ф.
Социально-психологические факторы удовлетворенности браком у женщин
в период беременности 244
Сочилина Д.С., Бриль М.С., Бекренева Ю.С.
Влияние семейных взаимоотношений на адаптацию эмигрантов шестой волны 245
Аршинская Е.Л.
Отношение к семейной жизни матерей с различной степенью поддержки в воспитании детей 246
Никифорова А.В.
Нерешительное материнство как социально-психологический феномен..... 247
Панкратова И.А.
Взаимосвязь психологических особенностей родителей в принимающей семье
с частотой возврата детей 248
Волкова А.К.
Особенности личной идентичности подростков воспитывающихся в дисфункциональных семьях 250
Лукошко-Смолкина Д.А.
Фрустрационная толерантность замещающих родителей в контексте школьного обучения
их приемных детей 251

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, ДЕТСТВО

Золотарева С.И., Василенко В.Е.
Проявления кризиса трех лет у детей в связи с параметрами Я-концепции 252
Данилова М.В.
Психологическое благополучие и социальная поддержка
как ресурсы удовлетворенности жизнью у подростков..... 253
Кравцова А.В., Поскребышева Н.Н.
Связь опыта романтических отношений и совладающего поведения в юношеском возрасте 255
Руднова Н.А., Шатская А.Н., Корниенко Д.С.
Связи копинг-стратегий с воспринимаемым стрессом матерей и их детей дошкольного возраста..... 256
Лебедева Е.И.
Взаимосвязь дружеских отношений, социального познания
и социальной компетентности подростков 258
Ильина Е.А.
Модель психического у детей 2-5 лет с типичным развитием
и риском расстройств аутистического спектра 259
Персиянцева С.В., Артеменков С.С.
Цифровая социализация и риски подросткового возраста: одиночество, зависимость, отношения..... 260
Виленская Г.А.
Роль контроля поведения и социальной поддержки в социальной компетентности
у мальчиков и девочек 261
Ветрова И.И., Смирнова Э.А.
Факторы развития эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста..... 262

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ: ВЗРОСЛОСТЬ И СТАРЕНИЕ

Воронцова Т.А., Миронова Ю.А.
Особенности переживания взрослыми возрастных изменений внешнего облика..... 264

Павлова В.А.
Изучение субъективного благополучия и качества жизни пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении ... 265
Чубенко М.К., Василенко В.Е.
Агрессивные проявления и склонность к риску в связи с ценностными ориентациями в юности и ранней взрослости ... 266
Блок Ю.А., Мурзатина И.Р.
Особенности эскапизма у молодых взрослых с разным типом переживания одиночества ... 267
Мешкело В.А.
Изучение субъективного благополучия и качества жизни пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении ... 268
Осипова М.А., Шурупова Е.Ю.
Представления о романтических отношениях у лиц молодого возраста с разным типом привязанности ... 269
Смолянская Е.И.
Восприятие карикатуры пожилыми людьми с различной направленностью на социум ... 270
Леонтьева М.Ю., Дубовских Ю.В.
Проблемы профессионального самоопределения взрослых: причины обращений к профконсультанту ... 271
Прядкина А.О., Муртазина И.Р.
Переживание одиночества и способы совладания с ним у студентов с разным типом отношения к одиночеству ... 272
Дресвянникова Я.В., Петраш М.Д.
Вклад повседневных событий в конструирование старения ... 273

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Волков А.А., Медина Бракамонте Н.А.
Выраженность эскапизма у студентов с разными уровнями мотивации к обучению ... 274
Попова Т.А., Бараева М.И.
Перфекционизм, прокрастинация и мотивация достижения успеха у студентов (гендерные особенности) ... 275
Шумова Н.С., Байковский Ю.В., Дуань Ченьмин
Кризис учебной адаптации китайских студентов в российском вузе ... 276
Дикая Л.А., Дикий И.С.
Исследовательский потенциал студентов вуза и его взаимосвязь с навыками будущего ... 277
Федотова М.В.
Сравнительный анализ саморегуляции у учителей, работающих с детьми с типичным развитием и детьми с нарушением интеллекта ... 278
Макаров Ю.А.
Современное образование и гаджеты ... 279
Мельникова Л.В., Попельчук Г.А.
Психологическое здоровье студентов в условиях обучения с применением дистанционных технологий ... 280
Шляпников В.Н., Шестова М.А.
Связь мотивации и успеваемости у студентов: модераторный эффект формы и уровня образования ... 281
Кац Е.Э., Сорокин В.М.
Научное наследие В.А. Ковшикова в контексте современной логопатологии (к 90-летию со дня рождения) ... 282
Сорокин В.М., Кац Е.Э., Щукин А.В.
Из интеллектуальной биографии Л.С. Выготского. Дебюты 1924 года ... 283
Гнедых Д.С., Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.
Разработка модели развивающего взаимодействия студента с генеративным искусственным интеллектом: задачи и перспективы ... 284
Исхакова М.П., Бордовская Н.В., Гнедых Д.С.
Эмоции студентов при решении учебных задач в условиях взаимодействия с однокурсниками и генеративным искусственным интеллектом ... 285

Самсонова Н.Г., Карпухина Ю.В., Гречухина В.В.
Исследование уровня удовлетворенности педагогов ГБОУ «Центр «Динамика» Адмиралтейского района 286
Ласкина И.И., Даринская Л.А.
Проектная деятельность иностранных студентов медицинского профиля в учебном курсе «Педагогика» 287
Недвига И.В., Посохова С.Т.
Смысловой аспект выбора профессиональной направленности в юношеском возрасте 288
Лазурина И.Г., Рябова Т.С.
Изучение процесса внимания у старших дошкольников в группах комбинированной направленности 289
Янчук А.А., Защринская О.В.
Повышение учебной мотивации младших школьников с тяжёлыми нарушениями речи средствами сказкотерапии 291
Владимирский К.В., Наследов А.Д, Ван Кайсин
Любопытство и учебная мотивация у российских и китайских студентов 292
Николаева Н.С.
Источники творческой мотивации студентов-музыкантов: роль образовательной среды 293
Бородавкина М.М.
Некогнитивные предикторы академических достижений по предметам физико-математического цикла 294
Исхаков Ф.Р.
Эффективность прикладного анализа поведения и нарративной психотерапии в формировании навыка просьбы 295
Логвинова А. А.
Эмоциональное восприятие поэтических образов любви подростками 296
Полещук Ю.А., Бойко С.И.
Готовность будущих психологов социального типа к работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья 297
Голубева А.В.
Практика преподавания нейроанатомии студентам психологам 298
Лаская Д.А., Розанов В.А.
Семья студента как про- и антисуицидальный фактор (эмоционально-коммуникативный анализ) 299

АЙТРЕКИНГ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И НЕЙРОКОГНИТИВНЫХИССЛЕДОВАНИЯХ

Рявкина Т.Д., Ткачева Л.О.
Паттерны глазо-двигательной активности в процессе восприятия иностранного иллюстрированного текста в зависимости от уровня владения иностранным языком 300
Супрунова К.А., Ткачева Л.О.
Влияние культурных особенностей на восприятие цвета у представителей разных культур 301
Клумова С.Б., Меньшикова Г.Я.
Анализ стратегий сканирования лицевых экспрессий с использованием айтрекинга в контексте задачи «2-back task» 302
Григорян А.В, Ткачева О.В.
Применение нейротехнологии eye-tracking для анализа рекламных макетов 303
Кордюкова А.А., Ткачева Л.О.
Айтрекинг исследование связи понимания текста и алекситимии 304
Котова В.А., Ткачева Л.О.
Особенности стратегий чтения у младших школьников с общим недоразвитием речи 305
Кручинина О.В., Макурина Н.В., Гальперина Е.И.
Стратегии глазодвигательного поведения при выделении субъекта и объекта действия детьми 306
Васина М.Д., Ткачева Л.О.
Влияние медитативных практики и физической нагрузки на показатели зрительного внимания в парадигме «face in the crowd task» 307

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Жданова А.А., Посохова С.Т.
Диагностика регуляторных возможностей музыки 308

Холмаматова Т.И., Наследов А.Д.
Разработка диагностического опросника расстройств сна неорганической этиологии 309
Наследов А.Д., Ткачева Л.О.
Разработка скрининга симптомов РАС для детей 1-2 лет 310
Дивисенко К.С.
Реконструкция психологического благополучия на основе текстов
с помощью методов машинного обучения 311
Беловол Е.В., Шурупова Е.Ю.
Русскоязычные опросники диагностики тактильных эмоциональных прикосновений:
психометрические характеристики 312

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Куликов Л.В., Потапова Ю.В.
Сравнительный анализ психолингвистических индикаторов субъективного благополучия
в сетевых текстах 313
Улыбина Е., В., Камалетдинова А. А.
Проявление андроцентризма в оценке эмоциональных реакций на неприятности 314
Люсин Д.В., Сысоева Т.А.
База данных ENRuN-2 с оценками эмоциональной окраски русских существительных 315
Сиповская Я.И.
Роль когнитивного опыта в формировании психического здоровья
и личностного развития в контексте понятийного мышления и креативности 316
Улыбина Е.В., Курашева С.С.
Влияние прайминга ситуации низкого контроля и воспринимаемого контроля
на последующий выбор риска 317
Филатова С.И.
Психологическое благополучие и потенциал самоизменений 318
Рафикова А.С., Воронин А.Н.
Моделирование человеческих установок: насколько ChatGPT способен заменить
реальных участников исследований? 320
Ананьева К.И.
Лицо как зона внимания в коммуникативной ситуации 321
Логина А.А., Мироненко И.А.
Личностные факторы восприятия художественного творчества искусственного интеллекта 322
Давидюк М.В., Мироненко И.А.
Представления о красоте: контент-анализ ассоциаций 323
Щербак Е.С., МироненкоИ.А.
Взаимосвязь ностальгического взаимодействия с прошлым
и автобиографической памяти личности 324
Шунто А.С., Суслова К.С.
Особенности оценок произведений живописи людьми с разным эмоциональным состоянием 325

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ:
ОТ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ К ЭМПИРИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

Василевская А.В., Мусс А.И.
Особенности переживаний, возникающих в медитативном и гипнотическом трансе 327
Мусс А.И.
Преемственность в психологии через исследования сознания: вчера, сегодня, завтра 328
Ульманн А.А., Зайцева Ю.Е.
Оценка содержания сновидений с помощью модели образов сознания 329

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Логинова Н.А.
Прикладные исследования в Петербургской психологической школе 330

Решетников М.М.
Психитария и психология – история и современность 331
Степанова М.А.
Истоки и логика развития неклассической психологии:
100-летие «Психологии искусства» Л.С.Выготского 332
Соколова Е.Е., Степанова М.А.
О психотехническом характере деятельностно ориентированной общей психологии 333
Слабинский В.Ю.
О вкладе В.Н. Мясищева в развитие психологии в Китае 334
Кошутин О.Н.
Б.Г. Ананьев о «ценном капитале» в жизни советского общества:
от репрессий 30-х до застоя 70-х 335
Серова О.Е.
Исследования психологии ребенка в России начала XX века: по публикациям журнала
«Психология и дети» 336
Москвитина О.А., Битова А.Л.
Понятие «ответственность» в отечественной психологической мысли 337
Комарова А.К., Мусс А.И.
Психоаналитический дискурс в России и за рубежом: история, современность, перспективы 338
Пергаменщик Л.А.
Кризисная психология: от выявления индивидуального кода преодоления
к процедуре кризисного вмешательства 339
Мынбаева А.К., Кабакова М.П.
Психологические образование и наука в Казахстане: от истории к новому качеству 340

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ляховецкий В.А., Пажукова Л.И.
Влияние иллюзорного контекста на точность бросков дротиков 341
Евстифеева П.А., Адриянова Н.В.
Влияние переключаемости внимания на эффективность подсказок при решении инсайтных задач 342
Быкова К.Е., Андриянова Н.В.
Роль юмористических и абсурдных стимулов в прогнозировании собственной эффективности 343
Лунякова Е.Г., Гильванова Е.К., Крускоп А.С.
Характеристики движения глаз в зрительном поиске при восприятии ансамблей 344
Куренкова А.И., Лунякова Е.Г.
Влияние степени знакомости лица на восприятие его симметричности 345
Аленина Е.А., Терентьева К.С., Косоногов В.В.
Тревога при выполнении математических, пространственных задач и задач на распознавание лиц 346
Варламов А.В.
Тип визуального аватара как фактор вызванного искажения ментальной репрезентации
размеров собственного тела при погружении в виртуальную реальность 348
Седых А.В.
Критическое мышление как фактор эффективного взаимодействия пользователя
с чат-ботами на основе ИИ 350
Болдыгин Д.Д., Кулиева А.К.
Влияние характеристик индикатора загрузки на восприятие времени 351
Бородина К.А.
Исследование влияния условия задачи на выбор категорий и стратегии мышления 352

ПСИХОЛОГИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Москвина Н.В., Шевченко И.Ю., Ван Сюй Шен
Психологические особенности студентов-спортсменов в контексте адаптации
к профессиональным вызовам 353
Москвина Н.В., Романенко А.Ю., Лавриненко Ю.В.
Роль интернальности и рефлексии в выборе способов совладающего поведения
у спортсменов-гимнастов 354

Якушина А.А., Сагова З.А.
Апробация методики «The Sport Anxiety Scale-2» на выборке спортсменов различных видов спорта 355
Жабакова Т.В.
Исследование психологического благополучия спортсменов в команде методом цветового ассоциативного интервью 356
Шиндрикова Е.В.
Субъективная необходимость изменения тела у артисток балета, фигуристок, гимнасток 357
Георгиади В.В., Медведева Н.В., Дегтярев В. А.
Мотивы выбора спортивного судейства: сравнительный анализ судей разных категорий 358
Ноткина А.Е., Прусова И.С.
Принятие решений спортсменами-ориентировщиками во время дистанции 359
Плотникова Н.С.
Механизм изменения ценностных ориентиров спортсменов при использовании методики «Построение «Башни» собственной жизни» 360
Дементьева Е.А., Мищенко А.Д., Ахметшин А.Д.
Влияние восточных единоборств на развитие психологической устойчивости у детей 361
Букса О.А., Ильина Н.Л.
Ценностные ориентации спортсменов конного спорта 362
Ромашко Ю.С., Горская Г.Б.
Особенности взаимосвязи персональных ресурсов и метакогнитивной включенности в профессиональную деятельность спортсменов 363
Панфилова Е.А., Поликонова И.С.
Влияние сформированности ментальных навыков на преодоление стресса и тревоги в спортивной аэробике 364
Ветвицкая Т.В.
Эмоциональные особенности восприятия опыта спортивной травмы у спортсменок художественной гимнастики 365

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
ГОТОВНОСТЬ К ВЫЗОВАМ БУДУЩЕГО

Сальникова М.М., Шевеленко Т.Д.
Психологическое благополучие и отношение к телу как основа телесной самоидентичности и агентности 366
Дьячук А.А.
Переживание времени как характеристика вариантов совладания 367
Новикова А.О., Корнеева Е.Н.
Образ родительской семьи в условиях современных вызовов 368
Сулим О.С., Нуркова В.В.
Динамика событийного образа будущего при адаптации к глобальным вызовам 369
Лыкова Т.П., Зиновьева Е.В.
Я-нарративы молодых людей открытых новому опыту и избегающих его 370
Аксенова А.Л., Поляков А.С.
Наличие черт тёмной тетрады, как предиктор когнитивных искажений у студентов 371
Эстрина М.К., Люсин Д.В.
Эмоциональная дифференцированность как фактор гибкости регуляции эмоций 372
Баранова А.В., Наземнов Р.В.
Особенности взаимосвязи жизнестойкости и субъектности у студентов 373
Баранчукова А.С., Кузнецова Е.А.
Представления молодых людей о собственной неудачливости: сравнительный анализ 374
Пашиева А.О, Мерзляков Д.Е.
Эмоциональный интеллект как медиатор связи черт Темной триады и проблемного использования интернета 375
Антипина В.М., Шаталина М.А.
Психолингвистическое исследование гендерных стереотипов в ответах языковых моделей ИИ 376
Комерова Н.Е., Селезнева Ю.В., Гришина А.В.
Взаимосвязь личностной конфликтности и временной перспективы у населения территорий военного конфликта 377

Зинченко Е.В., Терещенко Н.В., Лаврова М.
Субъективное благополучие юношей и девушек, обучающихся в российских вузах: региональный аспект ... 378
Селезнева Ю.В., Гришина А.В.
Отношение ко времени как ресурс самоуправления личности в ситуации кризиса ... 379
Трофимова Е.О., Парфенова Д.А.
Когнитивные и мотивационные детерминанты перфекционизма будущих врачей ... 380
Москвичёва Н.Л., Баннова Д.А.
Восприятие временной перспективы как личностный ресурс матерей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья ... 381
Федорова Е.А.
Социально-психологические и внутриличностные факторы переживания субъективного одиночества ... 382
Мириева К.
Особенности согласованности Я во времени и экзистенциальная мотивация личности ... 383
Горбатова В.В.
Особенности когнитивных функций студентов колледжей, использующих искусственный интеллект ... 384
Компанийцева К.Д., Дроздов Д.С., Леоньтьев Д.А.
Страх счастья как психологическая переменная ... 385
Александрова Е.Е., Костромина С.Н., Ершова Е.Э.
Архетипические особенности личных историй у людей с разным уровнем внутриличностной конфликтности ... 386
Власюк Е.Н.
Кризис идентичности личности в контексте меняющегося мира ... 387
Борисова А.М.
Исследование образа праздника у современников ... 388
Торбикова Е.В., Звездина Г.П.
Психологические особенности виртуальной идентичности лиц поколений Y и Z ... 389
Гулин Н.В., Леонтьев Д.А.
Состояния привязанности как индикатор саморегуляции ... 391
Гузанова А.И., Мироненко И.А.
Взаимосвязь рефлексивности личности и принятия моральной ответственности ... 392
Кара Ж.Ю.
Взаимосвязь психологического благополучия личности и сочувствия к себе как проявление качества жизни ... 393
Подболотова Е.А., Звездина Г.П.
Психологические предикторы самопрезентации в сети Интернет у студенческой молодёжи ... 394

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИЙ

Горюнова Л.Н.
Технологический прорыв как кризис профессиональной идентичности: психологические механизмы адаптации ... 396
Литовченко А.Н., Патраков Э.В.
О парадоксах взаимодействия участников образовательного процесса в цифровых средах ... 397
Казначеева Н.Б., Иванова Е.Ю.
Применение искусственного интеллекта в практике психологов ... 398
Захарова Л.Н., Сайгина Е.В.
Инновативный социальный капитал российских компаний в обеспечении технологического суверенитета ... 399
Шанкер Д.Р., М. Сирисети, Патраков Э.В.
On the Role of Social Reflection in Technological Innovations and Digitalization ... 400

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЛЯ БУДУЩЕГО НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Медяник О.В.
Концептуальная модель финансового мошенничества в различных коммуникационных средах ... 400

Горохова А.С., Прусова И.С., Лавелина Д.Я.
Адаптация шкалы воспринимаемого классизма (PCES) в российском контексте 402
Басимов М.М., Басимова П.М.
Проявление эмоциональной отстраненности для различных групп политической ориентации 403
Брызгалова А.В.
Представления молодежи о политической борьбе 404
Зиброва М.А., Прусова И. С.
Представления о социальной справедливости как предиктор коллективной активности 405
Хомяков Д.О., Дейнека О.С.
Возможности и ограничения эксперимента в исследовании социальных представлений о военном насилии 406
Скайде Т.В., Дейнека О.С.
Динамика образа России у немецких граждан на фоне глобальных перемен 407

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ И ЛЕТ ЖИЗНИ

Сергиенко Е.А.
Ребенок как субъект развития и психическое здоровье 408
Садовникова Т.Ю.
Психическое развитие младенцев: результаты диагностики в рамках учебных занятий студентов-психологов 409
Артамонова А.Ю., Аникина В.О., Мухамедрахимов Р.Ж.
Диагностическая классификация: 0-5 (ДК:0-5) – теоретические основы и применение в современной диагностике 410
Трушкина С.В
От «DC:0-3» к «DC:0-5»: динамика методических подходов к диагностике психического здоровья и развития ребенка 411
Скобло Г.В
Новый диагностический инструмент – психопатологическая диагностика в рамках ДК:0-5 412
Крылова А.В., Масленникова Е.О.
Опыт практического применения ДК: 0-5 междисциплинарной командой дома ребенка №1 413
Артамонова А.Ю., Шабалина Е.В.
Опыт применения ДК:0-5 в Центре психического здоровья ребенка и семьи 414
Шабалина Е.В., Колесникова М.А.
Контекст отношений в оценке психического здоровья детей: подбор методов углубленной оценки 415
Галкина Е.В., Краснощекова С.В.
Зарождение эвиденциальности на ранних стадиях речевого развития 416
Лункина Н.И., Сысорова О.Ю.
К вопросу изучения ранних проявлений дизонтогенеза в развитии у детей до года 417
Корсак А.А., Иванова Е.М.
Особенности развития улыбки и смеха как индикатора дизонтогенеза 418
Быховец Ю.В., Харламенкова Н.Е.
Особенности психологической оценки травматического стресса у детей, подростков и взрослых 419
Захарова Е.И., Ковязина М.С., Кулагина В.А., Баулина М.Е.
Особенности психического развития современных детей второго года жизни 421
Марголина И.А.
Типология расстройств пищевого поведения в раннем и дошкольном возрасте 422
Иванов М.В., Богачева О. И., Калинина М.А.
Привязанность в системе мать-дитя у детей раннего возраста с риском нарушений психического развития 423
Гребенникова О.В.
Актуализация предметной деятельности детей раннего возраста в процессе социализации 424
Басимов М.М., Падурина Е.А.
Типология зависимостей в рамках исследования позитивных родительских чувств 425
Зверева Н.В., Сергиенко А.А., Строгова С.Е., Клак Д.С.
Темперамент детей раннего и дошкольного возраста: значение для оценки психического развития 426

Усоева А.А., Молчанова О.Н.
Представления детских психотерапевтов о родительской вовлеченности в психотерапию ребенка ... 427
Павлова О.С.
Формирование осознанного отношения старших дошкольников к правилам выражения эмоций ... 428
Седышева В.А., Ладыка Н.Н., Валькова И.А.
Диагностическая классификация ДК:0-5 в практической работе. Службы ранней помощи: анализ случая ... 429

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РОДИТЕЛЯМ И СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Кондаурова О.П.
Принятие родительской позиции и эмоциональное взаимодействие матерей с детьми раннего возраста ... 430
Блох М.Е.
Характеристики взаимодействия отцов с детьми раннего возраста в период адаптации к детскому саду ... 431
Стуглева Н.А., Блох М.Е.
Отношение к ребенку и родительский стресс у матерей детей раннего возраста ... 432
Николаева Н.С., Савенышева С.С.
Предикторы родительского выгорания матерей детей раннего возраста ... 433
Крюков Д.О.
Родительская тревожность и психическое здоровье ребёнка раннего возраста ... 434
Бозиева Ф.А., Сорокоумова Е.А.
Родительская тревожность и ее влияние на формирование привязанности у детей раннего возраста (1-3 года) ... 435
Сорокоумова Е.А., Курносова М.Г.
Эмпатия матерей и тревожность детей старшего дошкольного возраста ... 436
Шабас С.Г., Осокина О.А., Сергеева Ю.В.
Семья ребенка раннего возраста в современном детском саду ... 437
Руднова Н.А., Корниенко Д.С.
Психологическое благополучие дошкольников в связи с отношениями в диаде «педагог-воспитанник» ... 438
Казанцева Н.В., Шевчук Е.А.
Взаимосвязь родительского стиля воспитания и техноференции ... 439
Сороков Д.Г.
Методика БИ-2 «Беспокойство-избегание в паре»: конструктная валидность и внутренняя согласованность ... 440
Никитина Е.А.
Удовлетворенность жизнью пожилых мужчин и их представления о своей прародительской роли ... 441
Рюмшина Л. И., Чернова А. А.
Значимость формирования толерантности в российской семье ... 442
Еселевич А.П., Аникина В.О.
Взаимосвязь эмоционального состояния детей и их матерей с родительскими компетенциями ... 443
Шурипа А.С., Ткаченко Д.П.
Роль когнитивной гибкости в отношении к поиску профессиональной психологической помощи ... 444

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Карпинская В.Ю., Мамина Т.М.
Роль чувства равновесия в развитии детей до трех лет ... 445
Шереметьева Е.В.
Латентная группа риска нарушений познавательной активности и речевого развития в раннем возрасте ... 446

Аринцина И.А., Колесникова М.А.
Оценка пищевого поведения детей младенческого и раннего возраста
из группы медицинского риска 447
Либлинг М.М., Суетина О.П.
Диагностика развития детей раннего возраста с признаками расстройств аутистического спектра 448
Калинина М.А., Куликов А.В., Шимонова Г.Н., Иванов М.В., Баз Л.Л.
Инициальные симптомы в раннем дебюте детского аутизма 449
Давыдова Т. Г., Аринцина И. А.
Характеристики пищевого поведения детей раннего возраста,
имеющих ограниченные возможности здоровья 450
Трушкина С.В., Строгова С.Е.
Сравнительный анализ инструментов диагностики психического развития
в младенческом и раннем возрасте 451
Victoria Prokofieva Nelson
Enhancing the Prevention of Abusive Head Trauma:
A French Study of Professionals' and Victim Parents' Perspectives 452
Зверева Н.В., Сергиенко А.А., Строгова С.Е., Клак Д.С.
Темперамент детей раннего и дошкольного возраста:
значение для оценки психического развития 454
Золотова И.А., Зозуля С.А., Сверчкова Д.А., Отман И.Н., Ларионов Г.В.
Исследование психофизиологического развития детей младенческого возраста:
клинико-иммунологический аспект 455
Романовский Н.В.
Общение и предметная деятельность в ранней помощи:
диагностика и постановка коррекционных целей 456
Щелокова Е.Г., Шереметьева Е.В.
Роль медиапространства в работе специалиста с семьей и ребёнком раннего возраста 457
Майер М.А., Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж.
Особенности раннего нейропсихического развития недоношенных детей
с использованием оценочных шкал Bayley-III в связи с эмоциональным состоянием их матерей 458

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРУШЕНИЙ РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ: ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ МАТЕРИ И СЕМЬИ ДО РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА

Казакова П.В., Савенышева С.С.
Психическое здоровье матери до и после родов как фактор психического развития ребенка
в раннем возрасте 459
Новикова М.К., Аникина В.О.
Долгосрочные последствия пандемии для психического здоровья матерей детей раннего возраста.
Дизайн исследования 460
Ясная Д.В., Проскурякова Л.А.
К вопросу о психоэмоциональных состояниях женщин в программах
экстракорпорального оплодотворения 461
Блох М.Е., Спиридонова А.А.
Отношение к ребенку матерей младенцев в связи с типом зачатия, родов и вскармливания ребенка 462
Филимонова В. В., Коргожа М. А.
Онлайн-сервисы для психологического благополучия беременных женщин: обзор исследований 463
Шебанова В.И., Шебанова С.Г.
Когнитивно-поведенческие техники для снижения стресса у беременных:
мета-анализ эффективности 464
Диденко Д.М., Яковлева А.В.
Особенности восприятия образа тела у женщин в период беременности 466
Блох Р.А., Блох М.Е., Мухамедрахимов Р.Ж.
Клинико-психологические характеристики беременности
и послеродового периода у женщин с ГСД 467
Печникова Е.Ю.
Перинатальный стресс как предиктор нарушения физического
и психического здоровья ребенка 468

Кузнецова А.И., Старостина Ю.А.
Взаимосвязь представлений об отцовстве и ценностных ориентаций у мужчин 469
Тимченко Д.Д., Сергиенко Е.А.
Связь возраста, длительности лечения бесплодия и психологического состояния женщин 470
Локтева М.В., Блох М.Е.
Особенности психологического функционирования у женщин позднего репродуктивного возраста 471
Лепёшкина А.П., Василенко В.Е.
Родительский стресс матерей и отцов в связи с установками на интенсивное и осознанное родительство 472
Барская Е.А., Блох М.Е.
Особенности материнства у женщин, использовавших донорские программы ВРТ (клинический случай) 473

РОЛЬ РАННЕГО ОПЫТА В ФОРМИРОВАНИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Шелоумова О.С.
Специфика дезадаптивных убеждений у детей с туберкулезом органов дыхания с разным уровнем тревожности 474
Зайцева Е.О., Шабалина Е.В.
Особенности поведения и эмоциональной сферы младших школьников с опытом физического насилия 475
Силаева Д.В., Гуткевич Е.В.
К вопросу формирования детского пищевого поведения и факторов риска развития его нарушений 476
Чахутина М.И., Вартанян Г.А.
Детский опыт и представления о родителях несовершеннолетних правонарушителей 477
Волкова Е.Н., Орлова А.А.
Влияние раннего детского опыта на формирование цифрового самоповреждения у подростков 478
Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Медведева Т.И.
Отдаленные последствия нарушения привязанности в раннем детстве 479
Фаустова А.Г.
Прогнозирование эффекта психологического насилия, пережитого в детстве: какие параметры важны? 480
Барамошина В.С., Трусова А.В.
Неблагоприятный детский опыт и употребление алкоголя у женщин во взрослом возрасте 481
Кондратьева О.В., Зиновьева Е.В.
Связь эмоционального восприятия травмирующей ситуации в детстве с характеристиками я-нарратива женщин 482
Платонова Н.В.
Катамнестическое исследование детей-жертв сексуального насилия в раннем детстве 483
Давидович П.С., Заева К.В.
Семейно-обусловленные психотравмирующие состояния и особенности пищевого поведения студентов 484

НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

Кощавцев А.Г.
Диагностическое значение паттернов неонатальной ЭЭГ 485
Гречаный С.В., Кощавцев А.Г.
Применение методики амплитудно-интегрированной электроэнцефалографии при судорожных состояниях у новорожденных детей 486
Смирнова Я.К.
Роль модальности подсказки от взрослого при опознавании объекта интереса у детей с нарушением слуха 487
Круглякова Т.Р.
Особенности слухового восприятия у детей после кохлеарной имплантации 488

Гарбарук Е.С.
Слуховые вызванные потенциалы в исследованиях слуха у детей раннего возраста: литературный обзор и анализ клинических случаев ... 489
Граве П.И., Николаев А.С.
Особенности отражения эмоционального состояния в мимической экспрессии детей 5–7 лет с расстройствами аутисического спектра ... 491
Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Турченко П.
Анализ эмоциональной сферы детей с СДВГ и сопутствующими нарушениями: пилотное исследование ... 492
Кочетков А.Е., Попова Н.Н.
Задачи нейропсихологической диагностики младших школьников с применением компьютерных технологий ... 493
Баулина М.Е.
Ретроспективный анализ раннего развития детей с дискалькулией ... 494
Васильева М.Ю., Князева В.М., Дмитриева Е.С., Вершинина Е.А., Гарбарук Е.С., Бобошко М.Ю., Александров А.А.
Нейрофизиологические корреляты усвоения новых словоформ у слабослышащих детей с поздно выявленной слуховой дисфункцией ... 495
Икс Д.О., Икс-Оганян С.А., Ванюхина Н.В., Сафонова А.С.
Нейропсихологически обоснованные игровые траектории в платформе EGX.education для ранней помощи: пилотное исследование ... 496
Кручинина О.В., Гальперина Е.И., Макурина Н.В., , Шумилова С.А., Антропова Д.А., Слюсарь Н.А.
Нейрофизиологические корреляты детекции грамматических ошибок подростками ... 497
Жолудева С.В.
Взаимосвязь эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков у детей старшего дошкольного возраста ... 498
Гальперина Е.И., Кручинина О.В., Макурина Н.В.
Нейрофизиологические корреляты восприятия пассивного залога детьми дошкольного возраста ... 499

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДИЧЕСКИЕ, ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАННЕЙ ПОМОЩИ

Бронштейн С.С., Блох М.Е.
Вовлеченность родителей в реализацию программы раннего вмешательства ... 500
Удалова А.Д., Андрущенко Н.В.
Родительский стресс и взаимодействие в семьях, включенных в Денверскую модель ... 501
Протопопова И.В., Чернего Д.И.
Эмоциональное выгорание как профессиональный риск воспитателей детских садов компенсирующего вида ... 502
Корж М.О., Киш И.Р., Битова А.Л., Лянгузова Е.В.
Влияние процедуры сообщения диагноза ребенка на ожидания родителей ... 503
Каган А.В., Плотникова Е.В., Кочорова Л.В., Андрущенко Н.В., Никитина О.Г., Парикваш А.В.
Особенности взаимодействия с родителями и семьями детей раннего возраста, рождённых недоношенными ... 504
Мельникова А.А., Андрущенко Н.В.
Балинтовские группы как метод профилактики профессионального выгорания у специалистов помогающих профессий ... 505
Гусева С.В., Труфанов Д.О., Чадина К.В.
Факторы субъектности семьи в ранней помощи ... 506
Степанова В.А., Нечаева Т.Н.
Анализ потребностей семей при организации ранней помощи семье ребенка с синдромом Дауна ... 507
Мухамедрахимов Р.Ж.
Интегративная теоретическая модель раннего вмешательства ... 508
Лорер В.В.
Организационно-методические основы ранней помощи детям и их семьям в Российской Федерации ... 509

Wu Y. Y., Muhamedrahimov R. J.
Perception of early intervention among Chinese professionals in connection with their socio-demographic characteristics Анализ потребностей семей при организации ранней помощи 510
Скобелина Н.А.
Психологическая служба ранней помощи в учреждении социального обслуживания населения 511
Тишкина А.А., Бывальцева Т.П,
Проект «Единая национальная система родительского просвещения» 512
Колкова С.М.
Позитивное принятие ребенка с особыми потребностями специалистами ранней помощи 514
Богданова Ю.Г., Кэпт
Сопровождение детей с негативным детским опытом как объект исследования 515
Труфанов Д.О., Чадина К.В.
Дефициты родительских компетентностей в ранней помощи: опыт исследования 516
Илюшина М.И., Водопьянова Н.Е.,
Актуализация субъективной ресурсообеспеченности родителей при ранней помощи семье 517

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РАННЕЙ ПОМОЩИ И ОЦЕНКА ЕЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ДЕТЕЙ И ИХ СЕМЕЙ

Чернего Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж.
Научно обоснованные программы ранней помощи детям и их семьям 518
Ульянченко О.В., Казьмин А.М.
Результативность индивидуальных программ ранней помощи 519
Саркисян А.Р. , Гааг О.С.
Забота о будущем-«Формула L.O.V.E.» в ранней помощи:
укрепление психического здоровья семьи 520
Сапожникова Н.В.,Сонина В.В., Щелокова Е.Г.
«Школа для родителей» как онлайн-сервис социально-психологического сопровождения
родителей детей раннего возраста 521
Лучникова А.П., Медведева Ю.И.
Ретроспективный анализ постановки целей и результативности программы «Уверенное начало» 522
Ковалева В.И., Литвякова Е.Е.
Ранняя помощь детям до 3х лет с тяжелыми множественными нарушениями развития
в отделении раннего вмешательства в условиях СПБ ГБУ СОН «ЦСРИиДИ
Калининского района 523
Ткачева Л.О., Наследов А.Д., Мирошников С.А.
Стратегии ранней интервенции при РАС 525
Велигодская А.А., Ульянова Н.Ю.
Система мониторинга и оценки эффективности ранней помощи семьям детей с ОВЗ 526
Богуцкая Л.В , Тютичкина О.В.
Метод О.В. Тютичкиной в работе с детьми раннего возраста,
имеющих задержки психоречевого развития 527
Медведева Ю.И., Лучникова А.П.
Использование инструмента оценки риска развития гемипареза
для планирования вмешательства 528
Валиуллина Г.В., Сухорутченко С.Н.
Ранняя помощь детям, родившиеся от матерей с тяжелым течением COVID-19 529
в рамках проекта «Мать и дитя»
Егунькина А.Н.
Организация деятельности выездной службы ранней помощи «Домашний консультант» 530
Андрущенко Н.В., Чудина О.С., Дзанагова Р.О.
Ранняя помощь в условиях реабилитационного отделения детской городской больницы 531
Прочухаева М.М., Тюрина Н.Ш.
Ранняя помощь детям, рожденным раньше срока в социальном комплексе города Москвы 532
Клочкова Е.В.
Ранняя помощь младенцам с высоким риском развития церебрального паралича и других нарушений,
обусловленных поражением центральной нервной системы 533
Любова А.В., Самсонова А. В.
Простейшие голосовые коммуникаторы как средство альтернативной коммуникации для детей,
имеющих ограниченные возможности здоровья 534

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И В МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯ

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Славинская А.Н
Семья: роль биологического и социального во взаимодействии родителей и детей 535
Артамонова Е.А., Пальмов О.И.,
Коммуникация и характеристики взаимодействия воспитателей и воспитанников с синдромом Дауна в ДДИ 536
Соловьева Т.И., Пшеничнюк Д.В., Чумакова М.А.
Эмоциональная депривация при опыте институционализации как предиктор развития делинквености 537
Романова Р.С., Кузнецова Ю.Е.
«Распространенность аутизма и квазиаутизма у воспитанников домов ребенка в России» 538
Морозова Е.Ю., Шабалина Е.В.
Особенности поведения и привязанности у детей с поздним возрастом поступления в дом ребёнка 539
Куцувил С.А., Чернего Д.И.
Исследование эмоционального выгорания и качества отношения к воспитанникам у сотрудников сиротских учреждений 540
Полянская И.В.
Дом ребенка как участник системы ранней помощи: опыт и перспективы 541
Комалева Е.О.
Преемственное сопровождение семей при переходе ребенка из дома ребенка в службу ранней помощи 542
Железняк Л.С., Ярыгина О.Ю.
Представления о приемной семье у кандидатов в замещающие родители и специалистов 543
Калабина И.А.
Благополучие семьи: от истоков к современным интерпретациям 544
Красавина Т.Ю.
Исследование отношения к семейным ценностям у людей разного возраста 545
Ефимова В.Л., Николаева Н.О., Мустафаева А.О.
Экран или книга: роль семейной языковой среды в речевом развитии ребенка раннего возраста 546
Александрова Т.В.
Сопровождение семей разного типа 547
Алдашева А.А., Сиваш О.Н., Рунец О.В.
Минимальные компетенции приемного родителя 548
Колесникова М.А., Мухамедрахимов Р.Ж.
Коммуникативное развитие детей, переведенных из домов ребенка в родственные и неродственные замещающие семьи 549
Азанова Е.А., Семина А.С., Макарова А.С.
Трудности адаптации детей в замещающих семьях и их раннее сопровождение 550
Асламазова Л.А.
Домашние визиты как форма ранней помощи замещающей семье 551

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В РАННЕМ СОПРОВОЖДЕНИИ РЕБЕНКА И СЕМЬИ

Кравченко А.П.,Ладыка Н.Н.
Значение групповой работы для поддержки психического здоровья детей раннего возраста 552
Варпаховская О.Г.
Пространство становления человека от рождения до трех лет: «Зеленая дверца» 553
Захарова И., Паленова М.А.
Бережное сопровождение развития ребёнка от 0 до 4 лет. Программа «Родители и дети» 554
Пайкова А.М., Просветова Е.В.
Опыт применения подхода «Развивающий уход» с детьми раннего возраста 556
Пальмов О.И., Басова С.Б., Ковалева В.И.
Особенности взаимодействия матерей и их детей раннего возраста с ОВЗ в режимных ситуациях 557

Дмитриева О.С.
Использование Пиклеровского подхода в сопровождении ребенка и семьи в службе ранней помощи 558
Колпакова Е.В., Доронина И.С., Брума Л.А.
Использование подхода Эмми Пиклер в комплексном сопровождении матерей с детьми в условиях кризисного центра 559
Пальмова Н.С., Гумилевская М.Ю.
Наблюдение за ребенком в Пиклеровских детско-родительских группах как терапевтический инструмент 560
Лянгасова Н.А., Овчинникова Е. В.
Преимущества Пиклеровского подхода в групповой работе с детьми раннего возраста и их матерями 561
Хомутовская Н.Н., Комалева Е.О.
Психотерапевтический эффект присутствия отцов на тоддлеровской группе 562
Борисова А.Г., Пальмов О.И.
Представления матерей об игре и психическом развитии их детей, посещающих детско-родительские группы 563

ИССЛЕДОВАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ РАННЕГО ВОЗРАСТА С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Ягудина М.Р., Шабалина Е.В.
Представления о своем детстве и страхи у родителей, воспитывающих детей с особыми потребностями 564
Ефимов К.Р., Иванов М.В.
Особенности принятия диагноза родителями детей с аутизмом 565
Дьяконова И.К., Блох М.Е.
Представление о ребенке и о себе в связи с эмоциональным состоянием и удовлетворенностью материнством у матерей недоношенных детей младенческого возраста 567
Ивашко С.Г., Редя П.С.
Психологическое благополучие матерей, воспитывающих детей с особенностями психофизического развития 568
Нигматуллина А.И., Васильева М.Ю., Гарбарук Е.С.
Особенности эмоционального состояния матерей, воспитывающих детей с нарушением слуха 569
Петш Е.В., Зайцева А.В.
Особенности эмоциональных отношений родителей и детей раннего возраста с ОВЗ 570
Мазко А.А., Степанова В.А.
Социально-психологическая адаптация родителей к ребенку с синдромом Дауна 571
Пахомова Е.О., Наследов А.Д.
Симптомы аутизма у дошкольников с РАС: взгляд родителей и специалистов 572
Куканов А.А, Фанталова Е.Б.
Исследование ценностно-мотивационной сферы родителей детей с отклонениями в развитии 573
Ковш Е.М., Скиртач И.А.
Связь эмоционально-личностных характеристик и родительского отношения у матерей детей с РАС 574
Реутова Н.В., Беляева С.И.
Характеристики родительской отзывчивости матерей в процессе игры с их детьми с аутизмом 575
Теряева М.Б., Иванова Т.Н.
Анализ влияния среды поддержки на активность и участие в социальной жизни семей с детьми с МНР 576

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОТ ДИАГНОСТИКИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Белоусова А.Ю., Короткова И.С.
ФГБОУ ВО ПГНИТУ

Нарушения ментализации при шизофрении: способы интервенции

Введение. Нарушения ментализации считаются ключевым фактором социальной дезадаптации при шизофрении. Так, больные испытывают трудности в понимании намерений, эмоций и убеждений других людей, что закономерно затрудняет их коммуникацию с окружающими людьми (Хисматуллина, 2021). Существуют различные тренинги, направленные на развитие компонентов социального познания (Рычкова, 2014), однако методы, фокусирующиеся на активации собственно процесса ментализации, всё ещё находятся в стадии разработки (Giuliani et al, 2024).

Цель исследования – создание и апробация инструментария, направленного на актуализацию когнитивных операций, способствующих проведению ментализации у пациентов с шизофренией, а также оценка её эффективности через задачу распознавания когнитивных ошибок персонажей видеосюжетов.

Методы. В исследовании приняли участие 120 человек, разделённые на три группы: экспериментальная группа 1 (ЭГ1, n=40), экспериментальная группа 2 (ЭГ2, n=40) – пациенты с шизофренией, находящиеся в условиях стационарного лечения, и контрольная группа (КГ, n=40) – психически здоровые респонденты, сопоставимые по возрасту и уровню образования. Все участники просматривали серию из 16 коротких видеосюжетов, содержащих сцены с когнитивными ошибками персонажей (например, персонаж не замечает объект или ошибочно интерпретирует ситуацию).

Задача участников состояла в том, чтобы идентифицировать допущенные персонажами когнитивные ошибки. Чтобы обнаружить ошибку персонажа, наблюдатель должен установить расхождение между собственной перспективой как наблюдателя и перспективой персонажа. Таким образом, распознавание когнитивной ошибки требует проведение ментализации и может рассматриваться как её поведенческий маркер.

Участникам ЭГ1 после каждого видеоролика дополнительно задавались вопросы, направленные на активацию когнитивных операций, лежащих в основе ментализации (например, «Сколько было персонажей в видео? Как бы Вы их назвали?», «Можете показать, какие жесты использовали персонажи?», «На что обращал внимание персонаж в этот момент?», «Почему он мог так подумать?»). Участники ЭГ2 и КГ выполняли задание без дополнительных вопросов. Оценивалась динамика эффективности распознания когнитивных ошибок от первого к последнему видеосюжету. Анализ данных проводился с использованием дисперсионного анализа с повторными измерениями (ЗП – эффективность распознания когнитивных ошибок персонажей, оцениваемая от 0 до 3 баллов методом экспертных оценок, межгрупповая НП – принадлежность к группе, внутригрупповая НП – номер видеосюжета).

Предварительные результаты показали, что участники ЭГ1 демонстрировали выраженную положительную динамику с ростом количества верных ответов от первого к последнему ролику. В группе ЭГ2 наблюдалось незначительное улучшение показателей, при этом ЭГ1 и ЭГ2 показывали различные траектории изменений ($F=2.098$, $p<0.05$), где участники ЭГ1 демонстрировали более высокие оценки по мере прохождения экспериментальной процедуры. Участники контрольной группы стабильно показывали высокие результаты с самого начала (эффект «плато»). Полученные данные свидетельствуют о том, что описанная интервенция способствует улучшению эффективности обнаружения когнитивных ошибок наблюдаемых персонажей пациентами с шизофренией.

Выводы. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что целенаправленная активация когнитивных процессов, обуславливающих ментализацию, посредством структурированных вопросов может быть эффективным инструментом в коррекции нарушений социального познания у пациентов с шизофренией.

1. Рычкова О. В. Методы коррекции нарушений социального познания при шизофрении // Современная терапия психических расстройств. 2014. № 4. С. 25-31. 2. Хисматуллина Р. В. Изученность проблемы нарушения социального восприятия у больных шизофренией в трудах зарубежных отечественных исследователей // Вестник магистратуры. 2021. № 11-3 (122). С. 89-93. 3. Giuliani L. et al. Effectiveness of a social cognition remediation intervention for patients with schizophrenia: a randomized-controlled study // Annals of General Psychiatry. 2024. Vol. 23. №. 1. pp. 52.

Никифорова Е.А.
ФГБОУ ВО СЗГМУ им. И.И. Мечникова

Чугунов Д.Н.
СПб ГБУЗ ПНД №4

Вассерман Л.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Social frustration and anxiety in structure adjustment disorder

Social frustration, adjustment disorder, anxiety, psychodiagnostics

Introduction. Health psychology studies emphasize the role of social factors (Tsvetkova, 2023). Social frustration might be a risk factor for developing maladaptive psychological disorders, including neurotic, borderline, or affective conditions (Wasserman et al., 2021). The Social Frustration Level (SFL) questionnaire is a self-report measure of social factors influence on patient's psychological well-being. In our study we examined the relationship between the degree and nature of social frustration and anxiety in patients with adjustment disorder for a better understanding of psychosocial maladaptation mechanisms.

Methods. The sample included 45 patients (17 men, 28 women aged 18–57) of neuropsychiatric clinics in St. Petersburg with adjustment disorder (F43.2) and other stress-related neurotic disorders (F43.2 – 62%, F41 – 27%, F42.1 – 4%, F45.1 – 4%, F48.0 – 2%). Emotional state was evaluated with the Integrative Anxiety and Anxiousness Test (IAT), while social frustration was measured with the SFL questionnaire. Data were compared with clinical and anamnestic information recorded using a standardized questionnaire.

Results. High levels of anxiety (6.69±2.49) were observed, particularly the asthenic symptoms (7.08±2.33) and future-related anxiety (6.96±2.29) along with increased anxiousness (7.52±1.53) experienced as emotional discomfort (7.68±1.46). The main areas of frustration were dissatisfaction with health (3.37±0.94) and socio-economic status (2.83±0.95). The general social frustration level remained relatively low (2.46±0.90), which, in the presence of a diagnosed adjustment disorder, may reflect the use of defensive mechanisms (i.e. denial), or indicate underestimation of the role of personal relationships in the pathogenesis. Socio-economic frustration correlated with the asthenic component of situational anxiety ($r=0.55$, $p<0.01$), suggesting possible burnout mechanisms. Total SFL scores correlated with situational anxiety ($r=0.39$, $p<0.05$), asthenic ($r=0.48$, $p<0.01$), and phobic ($r=0.42$, $p<0.05$) components. Dissatisfaction with health and work showed significant correlations with four anxiety scores: emotional discomfort ($r=0.35$, $p<0.05$), asthenia ($r=0.42$, $p<0.05$), phobia ($r=0.39$, $p<0.05$), future-related anxiety ($r=0.46$, $p<0.01$), and general anxiety ($r=0.46$, $p<0.05$).

Fewer correlations were found between anxiousness and social frustration. General anxiousness correlated with total SFL ($r=0.44$, $p<0.05$), social status frustration ($r=0.36$, $p<0.05$), and socio-economic frustration ($r=0.38$, $p<0.05$). SFL also correlated with phobic ($r=0.41$, $p<0.05$) and future-related anxiousness ($r=0.42$, $p<0.05$), and subjective lack of social support ($r=0.36$, $p<0.05$).

Conclusion. The results show high level of internal psychosocial frustration as a conflict between high ambitions and health limits. Intact interpersonal relationships may be a resource of adjustment. Further study of the relationship between social frustration and anxiety appears a promising goal of comprehensive clinical-psychological research that might help to identify clinically relevant features of person–environment interactions, vulnerable areas, and pathways for improving psychological interventions.

1. Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю., Дубинина Е. А., Беребин М. А., Михайлов В. А., Никифорова Е. А., Чугунов Д. Н. Социальная фрустрированность как фактор психогенеза расстройств психической адаптации. // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2021 № 56 (3). С. 8-18.
1. Цветкова Л.А. Социальная психология здоровья // Социальная психология и общество. 2023 № 14 (2). С. 5–8.

Евсеева Е.К.
ФГБОУ ВО КемГУ

Янко Е.В.
ФГБОУ ВО КемГМУ Минздрава России

К вопросу о концептуализации понятия «цифровая тревога»

Цифровая тревога, психическая адаптация, цифровое общество

Концептуализация феномена цифровой тревоги влечет за собой определенные трудности. Ввиду стремительного развития цифровых технологий своевременное научное осмысление самого понятия «цифровое общество», в рамках которого и возникает цифровая тревога, достаточно сложно.

Мы предлагаем рассматривать цифровое общество как новую культурно-историческую реальность в рамках концепции Л.С. Выготского (Выготский, 1934). Цифровое общество характеризуется повсеместным проникновением цифровых технологий (Webster, 2014), которые выступают знаковыми системами и инструментами, принципиально меняя характер взаимодействия и коммуникации и формируя у человека новые формы поведения и деятельности. Таким образом, логично предположить, что существующая реальность обуславливает специфику развития и содержания ВПФ и психики в целом, что создает личность нового типа – «человека цифрового».

Более того, принципиальные биологические эволюционные изменения человека как вида в исторической перспективе не наблюдались, в то время как окружающая среда, особенно в связи с лавинообразным развитиемтехнологий в XX-XXI веках, претерпела кардинальные изменения. Это предъявляет, зачастую, несопоставимые требования к процессам адаптации человека. В таких условиях, согласно Ф.Б. Березину, наибольшая нагрузка для поддержания наиболее равновесных условий в системе человек-среда ложится на психику как наиболее гибкую структуру (Березин, 1988). Цифровая реальность предъявляет новые, раннее не встречающиеся сигналы угрозы, что модифицирует сам процесс адаптации и предает специфику феномену, который ее обуславливает – цифровой тревоге.

Возникновение и реализация цифровой тревоги рассматривается нами в контексте многоуровневой модели психики Ф.Б. Березина, Б.С. Братуся (Березин, 1988; Братусь, 1988). Как известно, адаптация, протекающая на более высоких уровнях, происходит за счет ресурсов нижележащих уровней. Более того, сбой на одном уровне часто ведёт к напряжению на других (Березин, 1988). Требования цифровой среды, когда в рамках социализации необходимо постоянно находиться в информационном потоке, на настоящий момент, по всей видимости, превосходят биологические возможности человека, т.е. смыслы цифровой деятельности изначально обрекают человека на дезадаптивное поведение, что и определяет само понятие цифровой тревоги. Логично предположить, что цифровая тревога, являясь феноменом индивидуально-психологического уровня, является системообразующим фактором, запускающим процессы адаптации к цифровой реальности сразу на всех уровнях организации личности.

Таким образом, новая культурно-историческая реальность и специфика процессов адаптации позволяет выделить феномен цифровой тревоги как системообразующий фактор, возникающий в ответ на субъективно или объективно угрожающие дигитальные стимулы и запускающий каскад адаптационных процессов к условиям цифровой реальности на всех уровнях организации личности. Мы полагаем, что данный феномен представляет особый интерес в контексте патогенеза тревожно-депрессивных состояний, а также расстройств адаптации и поведения.

1. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.
2. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
3. Янко Е.В., Евсеева Е.К. Цифровая тревога как проявление трудностей в адаптации к цифровой // Материалы международной научной конференции Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. Москва, 2023 – с. 72.
4. Webster, F. Theories of the Information Society / F. Webster. – 4th ed. – London: Routledge, 2014. – 416 p.

Рахманина А.А.
Калантарова М.В.
ГБУЗ «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ»,
ФГБОУ ВО МГППУ

Гамзатова А.С.
ГБУЗ «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ»

Интеграция психологии в медицину: методологические вызовы и перспективы

Медицинская психология, медицина, образование, методология

В современной медицинской практике наблюдается активное внедрение психологической работы в лечебный процесс, однако между врачами и психологами существуют принципиальные различия не только в терминологии и методах работы, но и в фундаментальных подходах к пониманию пациента, что может создавать методологические противоречия и влиять на эффективность лечения (Абросимов и др., 2023).

Медицина традиционно опирается на позитивистскую методологию, предполагающую объективизацию болезни через биологические механизмы (лабораторные анализы, инструментальная диагностика) и редукционистский подход, когда сложные состояния сводятся к биохимическим процессам. В отличие от этого, психология сохраняет диалектический подход, унаследованный от философии Гегеля, рассматривая психику как целостную систему, где биологическое, социальное и психологическое находятся в единстве (Ждан, 2004). Это проявляется в акценте на субъективности индивидуального опыта и историчности развития симптомов как этапов адаптации или кризиса. Несмотря на единство подхода, в общественной дискуссии возникает вопрос о различиях медицинских психологов, имеющих как медицинское, так и немедицинское образование и попытка противопоставить естественно-научное и гуманитарное знание даже в рамках одной профессии.

Подготовка клинических психологов (специальность 37.05.01) осуществляется более чем в 60 вузах России. Согласно ФГОС ВО, ключевые компетенции определяются вузом, однако набор основных дисциплин и программ практически не отличается (Сафуанов, 2023) и отсутствие медицинского образования у психолога не снижает эффективность его работы. Ключевые компетенции лежат в поле психологической диагностики и коррекции, а знания, которые специалист получает в процессе обучения по соматическим дисциплинам достаточны и в большей степени зависят от мастерства преподавателя и мотивации специалиста. Следует подчеркнуть, что психолог с медицинским образованием по своей профессиональной идентичности и методологическим подходам значительно ближе к клиническому психологу без медицинского диплома, чем к врачу любой специальности. Это единство профессиональной позиции подтверждается и общей системой аккредитации, которая объединяет всех клинических психологов независимо от базового образования.

Для успешной интеграции психологической помощи в медицинскую практику необходимо развитие междисциплинарных протоколов, стандартизация образования клинических психологов и философский синтез позитивистских методов медицины с диалектическим подходом психологии в рамках биопсихосоциальной модели. Важным аспектом этого процесса является активное просвещение врачебного сообщества о специфике и возможностях психологической работы, что позволит укрепить позиции медицинских психологов как самостоятельных специалистов, а не просто «помощников врачей». Полноправное участие психологов в разработке порядков оказания помощи и клинических рекомендаций, позволит не только преодолеть существующие методологические разрывы, но и четко определить место психологической службы как самостоятельного и равноценного элемента лечебно-реабилитационного процесса, что будет способствовать повышению качества помощи пациентам и оптимальному использованию ресурсов психологической коррекции в системе здравоохранения.

1. Абросимов И. Н. и др. Роль психолога в системе здравоохранения: анализ мнения врачей //ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2022. №. 3 (29). С. 22-33.
2. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
3. Сафуанов Ф.С. Медицинский психолог: организационно-правовая регуляция деятельности и система подготовки кадров // Национальное здравоохранение. 2023. Т. 4(1). С. 5–11. DOI: 10.47093/2713-069X.2023.4.1.5-11

Восканян Я.Ю., Васильева О.С.
ФГБОУ ВО ЮФУ

Особенности фрустрации у женщин с бесплодием неясной этиологии

Бесплодие неясной этиологии, социальная фрустрация, эмоциональный стресс

Введение. Бесплодие оказывает существенное влияние на миллионы людей репродуктивного возраста по всему миру и воспринимается как одно из самых неприятных событий в жизни семейной пары (Shayesteh-Parto et all., 2023). Большинство женщин, столкнувшихся с бесплодием, переживают из-за отсутствия необходимой поддержки, заботы, и в целом вовлеченности семьи в сложившуюся ситуацию. При бесплодии женщины испытывают сильный эмоциональный стресс, о котором как правило не принято говорить в кругу семьи и ближайшего окружения. (Восканян, Васильева, 2024). Настоящее исследование направлено на изучение фрустрации, характеризующей степень «удовлетворенности-неудовлетворенности» различными аспектами жизни у женщин с бесплодием неясной этиологии.

Цель – исследование фрустрации у женщин с бесплодием неясной этиологии.

Методы. Выборка представлена тремя группами женщин (105 женщин в возрасте от 22-49 лет). Основная группа – это 23 женщины с бесплодием неясной этиологии.

Группы контрольная 1 и контрольная 2 – это 51 и 31 женщины соответственно, у которых есть дети, где у контрольной 1 – не было проблем с зачатием, а у контрольной 2 – ранее были проблемы с зачатием. Процедура исследования включает: изучение жизненной истории женщин, исследование выраженности социальной фрустрированности и удовлетворенности браком. Методика «Уровень социальной фрустрированности» (Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева и М.А. Беребина) направлена на изучение степени выраженности «удовлетворенности-неудовлетворенности» отношениями с социальным окружением, семьей, своей профессиональной деятельностью, социально-экономическим положением, здоровьем; опросник удовлетворенности браком (В.В. Столина, Т.А. Романовой, Г.П. Бутенко);

Результаты. Социальная фрустрированность в основной группе отчетливо не декларируется. Среднее значение уровня фрустрации у женщин с бесплодием незначительно выше, чем в контрольных группах. Средние значения в уровне неудовлетворенности своим здоровьем и отношениями с семьей выше по сравнению с контрольными группами. Обнаружена тенденция значимых различий в основной и контрольной 1 группах в уровне неудовлетворенности своим здоровьем. Uэмп (418) находится в зоне неопределенности, при $p \leq 0.05$ (UKp=445). Однако, удовлетворенность отношениями с социальным окружением выше, чем в контрольных группах. При неудовлетворении своих потребностей женщины с бесплодием испытывают раздражение (65%), обиду и злость (26%), принимают ситуацию (8,6%). Статистически значимых различий в уровне удовлетворенности браком в основной и контрольных группах не обнаружено. Однако, среднее значение в основной группе находится в диапазоне значимой удовлетворенности браком и превышает показатели в контрольных группах.

Выводы. Принимая во внимание результаты исследования, мы полагаем, что женщины основной группы находятся на этапе планирования – текущей активности в достижении цели – беременность и рождение ребенка. На данном этапе исследования отсутствие беременности не вызывает выраженной фрустрации у женщин с бесплодием. Мы приходим к заключению о необходимости расширения выборки с целью дальнейшего исследования фрустрации, как одного из элементов психологического состояния женщин, испытывающих сложности неясной этиологии с зачатием.

1. Восканян Я. Ю., О. С. Васильева. Психологические аспекты женского бесплодия неясной этиологии: обзор зарубежных исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2024 № 12(1). С. URL: https://mir-nauki.com/PDF/39PSMN124.pdf DOI: 10.15862/39PSMN124
2. Shayesteh-Parto F., Hasanpoor-Azghady S.B., Arefi S., Amiri-Farahani L. Infertility-related stress and its relationship with emotional divorce among Iranian infertile people // BMC Psychiatry. 2023 Vol 23 (1). P. 666 DOI: 10.1186/s12888-023-05159-z

Куба Е.А., Забелина Е.В.
ФГБОУ ВО ЧелГУ

Биологические, психологические и социальные факторы здоровья в постковидный период

Здоровье, психическое здоровье, физическое здоровье, пандемия COVID-19, постковидный период

Введение. Многие страны мира, в том числе и Россия, столкнулись с проблемой коронавируса (SARS-CoV-2), и ее последствиями. Постковидовые условия жизни, являются фактором риска срыва адаптации и психологического стресса, что в свою очередь может иметь значительные последствия для психологического благополучия и физического здоровья людей, однако систематические исследования предикторов здоровья в постковидный период ограничены. Биопсихосоциальный подход к здоровью и болезни является общепринятым в отношении понимания этиопатогенеза различных соматических и психических расстройств, нам видится важным его применение для понимания изменения благополучия в постковидный период. Текущее исследование стремится восполнить этот пробел с помощью выявления значимых факторов физического здоровья на основе биопсихосоциального подхода.

Методы. Исследование проводилось с апреля по декабрь 2024 с помощью Google-формы. В исследовании приняли участие 473 жителей России из разных городов (77,9% женщин; ср. возраст 30,68 ± 5,16). Диагностика проводилась по специально разработанной анкете, в которой фиксировались социально-демографические переменные, вопросы о наличии хронических заболеваний, физической и коммуникативной активности, субъективная оценка здоровья, восприятие влияние пандемии COVID-19 на разные сферы жизни. Применялась также шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и Шкала субъективного дохода Фенема в адаптации О.С. Дейнека.

Результаты. Результаты регрессионного анализа указывают на то, что психологические факторы вносят наибольший вклад (R2=0,238) в оценку физического здоровья респондентами. Более здоровыми оценивают себя люди, которые в меньшей степени ощутили влияние пандемии COVID-19 на свое эмоциональное состояние (были более стабильны) (β=-,386), более удовлетворенные жизнью (β=,382) и более общительные (β=,353). Из биологических факторов наибольшее значение по высокую оценку здоровья оказывает наличие хронических заболеваний (β=-,224), уровень физической активности (β=,243) и возраст (β=-,147) респондентов.

Социальными факторами физического здоровья в постковидный период стали восприятие влияния пандемии COVID-19 на социальную (β=-,190) и профессиональную жизнь (β=-,122), уровень образования (β=-,133) и субъективного дохода (β=-,133). Более здоровыми считают себя люди, которые в меньшей степени ощутили влияние пандемии COVID-19 на свой круг общения и личного окружения, имеющие более низкий уровень образования и более удовлетворенные своим доходом. Финансовые потери и низкий уровень дохода считаются значимым фактором снижения благополучия.

Выводы. Исследование указывает на высокий вклад психологических переменных в оценку физического состояния здоровья людей в пост-ковидный период. Практическая значимость исследования заключается, прежде всего, в ответе на актуальный запрос общества о состоянии в постковидный период, на выделение социально-демографических предикторов для определения наиболее уязвимых групп населения, что позволяет выделить «мишени» для дифференциальной диагностики и психокоррекционной работы.

1. Акименко М.А., Вассерман Л.И., Дубинина Е.А., Щелкова О.Ю. Научная система В.М. Бехтерева: от психоневрологии к биопсихосоциальной и гуманистической парадигмам в медицине и психологии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2018. № 1. С. 13–16.

Дорошева Е.А.
НГУ, НИИНМ

Взаимосвязь склонности к руминациям и переживания скуки

Руминации, скука, руминации, связанные с депрессией, рефлексивные руминации

Руминации, то есть повторяющиеся автоматические мысли, преимущественно отрицательно эмоционально окрашенные, рассматриваются как трансдиагностический фактор нарушений здоровья – процесс, который способствует развитию и хронификации тревожных состояний, депрессивных тенденций, нарушений поведения и т.д. Формирование руминаций может быть связано с возникновением состояний скуки во время выполнения монотонной работы и приводить к появлению негативной психической симптоматики (Sousa, Neves, 2020); с другой стороны, есть данные о том, что повторяющиеся автоматические размышления смягчают влияние скуки на психическое здоровье (Rosario-Hernández et al., 2020). Руминации рассматриваются и как причина возникновения скуки, являющейся родственным депрессии состоянием, однако указывается, что для скуки характерны менее яркие и эмоционально насыщенные повторяющиеся мысли (Yeung et al., 2024).

Целью настоящего исследования явилось получение предварительных данных о взаимосвязи склонности к руминативному мышлению и компонентов состояния скуки. На выборке, включившей 67 респондентов в возрасте 31-55 лет (средний возраст 40,4 года), из них 29 мужчин, проводили Многофакторный опросник скуки в адаптации Е.А. Дорошевой. А.М. Голубева, Шкалу руминаций в адаптации Е.А. Дорошевой.

Рассчитывали взаимосвязи общих показателей и субшкал методик, используя коэффициент корреляции Ч. Спирмена (поскольку проверка данных на соответствие нормальному распределению с помощью критерия Колмогорова-Смирнова показала ряд отклонений).

Как и ожидалось, общий показатель руминаций оказался прямо связан со значениями шкалы состояния скуки ($r=0,47$, $p<0,001$). Показатели тягостных навязчивых размышдений и руминаций депрессивного характера показали прямые связи (r от 0,32, $p<0,01$ до 0,65, $p<0,001$) со всеми компонентами состояния скуки (отстраненность от текущей ситуации, возбуждение, снижение внимания, состояние дисфории), за исключением переживания замедления времени, для которого значимых взаимосвязей ни со склонностью к руминациям в целом, ни с каким-либо их типов руминаций не выявлено.

Рефлексивные руминации, то есть нейтрально окрашенные повторяющиеся мыслительные автоматизмы, показали значимую прямую связь с дисфорией ($r=0,42$, $p<0,001$) и слабую прямую связь с общим показателем скуки ($r=0,25$, $p<0,05$), но не с другими компонентами состояния скуки.

Таким образом, можно предполагать, что находясь в тесной связи со скукой и, возможно, порождаясь ею или общими причинами, руминации могут препятствовать ощущению медленно тянущегося времени. Вопреки ранее полученным результатам, именно отрицательно эмоционально окрашенные руминации, согласно нашим данным, сопутствуют состоянию скуки.

1. Sousa T., Neves P. Two Tales of Rumination and Burnout: Examining the Effects of Boredom and Overload // Applied Psychology. 2020 Vol. 70(3). P. 1018-1044. https://doi.org/10.1111/apps.12257
2. Rosario-Hernández E., Millán L.V., Sánchez-García N.C. et al. A boring story about work: do bored employees ruminate? // Revista Puertorriqueña De Psicologia. 2020 Vol. 31 (1). P. 92 – 108
3. Yeung R.C., Danckert J., van Tilburg W.A.P., Fernandes M.A. Disentangling boredom from depression using the phenomenology and content of involuntary autobiographical memories // Scientific Reports. 2024 Vol. 14, Article 2106 https://doi.org/10.1038/s41598-024-52495-5

Абросимов И.Н., Ялтонский В.М., Сирота Н.А.
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

Механизмы саморегуляции подростков в условиях хронической соматической болезни

Саморегуляция, совладающее поведение, восприятие болезни

Введение. Особенности подросткового возраста, такие как гормональные и психические изменения, переход между педиатрической и взрослой медициной, стремление к автономии при незрелости саморегуляции, могут отражаться на их адаптации в условиях болезни. Хроническая болезнь становится для подростка фактором длящегося стресса, мешающим удовлетворению ключевых возрастных потребностей и усиливающим риски психологической дезадаптации.

Цель работы: изучить механизмы психологической саморегуляции подростков в условиях хронического соматического заболевания.

Методы. Всего в исследовании приняли участие 94 подростка в возрасте от 12 до 17 лет (33 – м, 61 – ж; средний возраст – 14,37±1,49 лет):

- 30 подростков с муковисцидозом (МВ) – наследственным, угрожающим жизни заболеванием с выраженной клинической картиной
- 30 подростков с синдромом нейроциркуляторной дистонии (НЦД) – соматоформным, приступообразным функциональным расстройством.
- 34 подростка с ювенильным ревматоидным артритом (ЮРА) – заболеванием с выраженным болевым синдромом и инвалидизацией.

Используемые психодиагностические методики: 1 Методика «Стратегии совладающего поведения» (в адаптации Вассермана Л.И. и соавт., 2009); 2 Краткий опросник восприятия болезни (в адаптации Ялтонского В.М, и соавт., 2017).

Результаты. Совладающее поведение было рассмотрено как поведенческий механизм саморегуляции в условиях болезни. Подростки с МВ используют широкий репертуар копинг-стратегий что может указывать на их более высокий адаптационный потенциал, обусловленный длительным стажем болезни. Группа с НЦД показала дисгармоничность копинг-стиля. Выявлены значимые различия по стратегиям дистанцирования (МВ – 54,42±5,87; НЦД – 38,19±3,82, p=0,001), конфронтации (МВ – 54,00±5,09; НЦД – 36,50±5,24, p=0,001) и положительной переоценки (МВ – 45,17±5,35; НЦД – 61,69±5,06, p=0,001). В качестве когнитивного механизма саморегуляции были рассмотрены параметры субъективного восприятия болезни. Подростки воспринимают муковисцидоз как угрожающее жизни и более длительное заболевание, а восприятие ювенильного ревматоидного артрита характеризуется выраженной озабоченностью и беспокойством. Статистически значимые различия по параметрам течения болезни (МВ – 8,35±3,17; ЮРА – 5,87±2,30; p=0,024), озабоченности болезнью (МВ – 4,57±3,41; ЮРА – 7,68±2,21; p=0,008) и восприятие угрозы болезни (МВ – 43,78±13,52; ЮРА – 35,93±4,31; p=0,049).

Анализ установленных корреляций позволил определить специфику взаимосвязей восприятия болезни и выбора копинг-стратегий. Восприятие угрозы муковисцидоза для жизни связано с выбором копинга «Надежда» на фоне идентификации проявлений болезни (r=0,571; p=0,046) и копинга «Отвлечение» при высокой озабоченности болезнью (r=0,806; p=0,001). Недостаточное понимание и непредсказуемость ювенильного ревматоидного артрита активируют копинг-стратегии планирования решения проблем (r=-0,523; p=0,037) и позитивной переоценки (r=-0,508; p=0,045).

Заключение. Полученные нами ранее данные согласуются с идеями саморегуляции личности в условиях болезни Г. Левенталя, Р. Лазаруса и С. Фолкман. У подростков с хроническими заболеваниями формируются когнитивные представления о имеющейся у них болезни. Эти представления связаны с копинг-процессами, направленными на адаптацию и здоровьесберегающее поведение. Подростки не строят когнитивно-зрелых репрезентаций болезни и сосредотачиваются на текущих симптомах и краткосрочных результатах лечения. Отсутствие у подростков опыта эффективного преодоления стрессовых ситуаций может снижать их самоэффективность и ограничивать их копинг- стиль в условиях болезни.

1. Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Абросимов И.Н. и соавт. Клиническая психология лечебного процесса. М.: ООО Издательская группа «ГЭОТАР-Медиа»; 2023

Скиртач И.А., Ковш Е.М.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Связь опыта СПП с признаками аддиктивного поведения и социально-психологической адаптацией молодежи

Самоповреждающее поведение, аддиктивное поведение, социально-психологическая адаптация

Введение. Проблема возрастающей среди подростков и молодежи тенденции к самоповреждающему поведению (СПП), требует непрерывного и глубокого исследования. Несмотря на то, что данное поведение широко распространено в подростковой среде и вызывает тревогу у родителей, педагогов и психологов, в нашей стране исследования в этом направлении в основном рассматривают в контексте связи СПП с личностными особенностями, психическими расстройствами, нарушениями эмоциональной регуляции, девиантным поведением и особенностями подросткового возраста (Польская, Мельникова, 2020; Burke et al., 2021). Несмотря на попытки изучить структуру, функции СПП и его негативное влияние на различные аспекты жизни, отмечается недостаток исследований, направленных на понимание СПП как коррелята аддиктивного поведения (АП) и дефицитарной социально-психологической адаптации (СПА), что и стало целью нашего исследования. Выборку составили 345 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (M=21,5; SD=2,1), из которых 181 – девушки, 151 – юноши.

Методы. Для изучения исследуемых характеристик (опыт СПП и его выраженность, признаки АП, показатели выраженности СПА) были использованы методики: опросник на выявление выраженности поведения с преднамеренным самоповреждением K. L. Gratz в адаптации С. О. Кузнецова и др., тест «Диагностика аддиктивного поведения» Н. Н. Телепова, тест СПА (C. Rogers, R. Dymond) в адаптации А. М. Прихожан. Для статистической обработки использовался метод кластерного анализа кластеризация k-средних, линейный регрессионный анализ.

Результаты. Регрессионный анализ был использован для оценки вклада опыта СПП в объяснение вариативности различных компонентов исследуемых психологических характеристик. Показано, что опыт СПП является статистически значимым предиктором аддиктивного поведения ($\beta = 0,249$; $p < 0,001$). Обнаружены достоверно значимые связи между опытом самоповреждающего поведения и компонентами социально- психологической адаптации: эмоциональный дискомфорт ($\beta = 0,269$; $p < 0,001$), «Интегральный показатель эмоциональной комфортности» ($\beta = -0,241$; $p < 0,001$), «Интегральный показатель самопринятия» ($\beta = -0,183$; $p = 0,006$), «Принятие себя» ($\beta = – 0,178$; $p = 0,008$), интегральная шкала адаптации ($\beta = -0,260$; $p < 0,001$), «Адаптивность» ($\beta = -0,202$; $p = 0,003$), «Дезадаптивность» ($\beta = 0,200$; $p = 0,003$), «Искренность» ($\beta = -0,255$; $p < 0,001$), «Внешний контроль» ($\beta = 0,224$; $p < 0,001$), «Эскапизм» ($\beta = 0,170$; $p < 0,001$).

Самоповреждение может быть рассмотрено как способ совладания с невыносимыми переживаниями, а также как способ временного избавления от психоэмоционального напряжения через своеобразный «ритуал» физического СПП, создающий иллюзию решения проблемы через временное переключение внимания с психологического дистресса на физическую боль.

Выводы. На основании полученных данных мы можем заключить, что связи СПП с СПА и АП могут рассматриваться как составляющие общей клинической картины дезадаптации, в которой интенсивная психическая боль на фоне отсутствия эффективных способов эмоциональной саморегуляции купируется дисфункциональным поведением, – аддикцией или самоповреждением, вероятно, сменяющими друг друга в зависимости от интенсивности переживаний. В совокупности феноменов этот симптомокомплекс влияет на существенное снижение качества жизни и благополучия подростка/молодого человека.

1. Польская Н. А., Мельникова М. А. Диссоциация, травма и самоповреждающее поведение// Консультативная психология и психотерапия.2020.Т. 28 №. 1 С. 25–48.
1. Burke T. A. et al. Real-time monitoring of the associations between self-critical and self-punishment cognitions and nonsuicidal self-injury // Behaviour Research and Therapy. 2021 Т. 137 С. 103775

Ребеко Т.А.
ФГБУН Институт психологии РАН

Переживание телесного пространства в контексте нарушений пищевого поведения

Жизненное пространство, пространство тела, переедание, агорафобия

В фундаментальной работе Б.Г.Ананьева «Пространственное различение» (Ананьев, 1955) описывается вклад разных модальностей сенсорного опыта в репрезентацию физического пространства. Курт Левин ввел понятие «жизненного пространства», с помощью которого строятся различные жизненные сценарии личности, структурируется жизненный опыт и реализуется жизненная позиция открытости/закрытости.

«Жизненное пространство – это психологическая реальность, которую человек фактически выстраивает сам: воспринимая, оценивая, эмоционально отражая окружающее..» (Москвичева, 2020, с. 252). Мы хотим показать, что переживание пространства собственного тела является важным фактором, конституирующим жизненное пространство личности. Цель нашего исследования состоит в обнаружении роли пространства тела в жизненном пространстве личности, в организации границ жизненного пространства и в стратегиях совладания. Мы рассматриваем пищевое поведение (по типу переедания) в качестве существенного индикатора структуры «жизненного пространства». В исследовании (с помощью гугл-форм) участвовало 247 женщин, которые на добровольной основе приняли участие в опросе, адресованном проблемам переедания. Респонденты заполняли ряд опросников.

По результатам теста (Аныкина, Ребеко, 2009) респонденты были разделены по медианному критерию на три подгруппы (не имеющие проблем переедания/ «средние»/ имеющие проблемы переедания). Затем респондентов просили выполнить авторскую методику «Вирус», разработанную с целью выявления отношений к «зловредным» внешним воздействиям. Инструкция носила «шуточный» характер. Предлагалось выбрать один из вариантов совладания с «зловредным» вирусом: «заточить в коробку»/ «изгнать в космос». При разработке методики мы исходили из литературных данных о связи нарушений пищевого поведения (по типу переедания) с переживанием ментальной агорафобии, которая, согласно Р.Ломбарди (Lombardi, 2016), характеризуется страхом «провалиться в безграничную пустоту». С переживанием телесной «пустотности» сопряжены некоторые поведенческие характеристики, такие как враждебность, ментальная косность взглядов, замкнутость. Одним из предикторов такой жизненной позиции, согласно клиническим данным, является тип взаимоотношений с «непредсказуемой» матерью. Ранее мы показали, что агорафобические переживания, отражающие страх распада и реализующие тенденцию к слиянию, сопряжены с поведенческим паттерном в виде повреждения ногтевой пластины (Ребеко, 2024). С помощью критерия Краскела-Уоллиса (H (2, N= 247) =84,13 p =,0) доказывается, что экспериментальная группа достоверно чаще (по сравнению с контрольной) предпочитает «избавиться от вируса» путем его изгнания. Полученный результат мы интерпретируем как модель «аннигиляции» чуждого опыта, который разрушает тенденцию к слиянию и который не может быть инкорпорирован в жизненное пространство личности.

1. Ананьев Б.Г. Пространственное различение / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955 – 188 с.
2. Аныкина А.В., Ребеко Т.А. Адаптация на русскоязычной выборке опросника «Мысли и паттерны поведения» М.Купер, Г.Тодда, Р.Вулрича//Психологический журнал. 2009 Том 30 №1. С. 106-118.
3. Москвичева Н. Л. Цифровая среда как жизненное пространство личности: опыт исследования жизненных моделей молодежи. С. 248-277 //Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020 – 532 с.
4. Ребеко Т.А. Отношение к ногтям как репрезентация границы телесного Я // Психологический журнал. 2024 Т. 45 №1. С. 62–73.
5. Lombardi R. Working at the Frontiers of Nothingness: Homicidal Transference, Fear Death, and the Body// Psychoanal. Psychol. 2016 Vol.33, №1. P. 89-105.

Соколова В.Н., Портнова А.Г.
ФГБОУ ВО СЗГМУ им. И.И. Мечникова Минздрава России

Эмоциональное выгорание студентов-медиков

Эмоциональное выгорание, ценностные карьерные ориентации, студенты-медики

Введение. Эффективность работы врача во многом определяется его психоэмоциональным состоянием. Эмоциональное выгорание (ЭВ) – серьезная проблема, с которой сталкиваются врачи. Постоянный стресс, принятие сложных решений и забота о благополучии пациентов приводят к истощению ресурсов. Еще в студенческом возрасте будущие врачи подвергаются высоким эмоциональным перегрузкам, что делает их уязвимыми к выгоранию. Исследование направлено на описание уровневых и структурных особенностей эмоционального выгорания будущих врачей.

Материалы и методы. Респонденты: 152 студента 4-6 курсов СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 20-25 лет. Методики: авторская анкета, выявляющая факторы риска ЭВ, опросник на определение уровня ЭВ К. Маслач (MBI, в адаптации НИПНИ им. В.М. Бехтерева), методика для оценки карьерных ориентаций «Якоря карьеры» Э. Шейна (в адаптации В.А. Чикер, В.Э. Винокуровой). Обработка данных: вычисление процентных соотношений (MS Excel), описательная статистика и корреляционный анализ Спирмена (Statistica).

Результаты. Анкета включала вопросы о наличии работы, хобби, целей в жизни и выборе профессии. Большинство студентов-старшекурсников работает (80%), имеет хобби (60%). На вопрос о наличии целей в жизни 74% опрошенных затруднились ответить, положительно ответили 19% респондентов, у остальных 7% нет целей в жизни.

На вопрос «собираетесь ли Вы в будущем работать по профессии?» 70% опрошенных ответили положительно, 21% затруднились ответить и 9% не хотят работать в медицине. Методика «Якоря карьеры» выделяет шкалы: «профессиональная компетентность», «менеджмент», «автономия», «стабильность места работы», «стабильность места жительства», «служение», «вызов», «интеграция стилей жизни», «предпринимательство». Наибольшие показатели у студентов: «служение» (M=7,2), «интеграция стилей жизни» (M=7,2), «стабильность места работы» (M=7,1). К. Маслач выделяет три аспекта ЭВ: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личностных достижений. Эмоциональное истощение (M=21,2) – снижение эмоционального фона к окружающему миру. Этот показатель имеет отрицательные связи с хобби ($r=-0,43$; $p\leq0,05$) и стабильностью места жительства ($r=-0,2$); положительные со стабильностью места работы ($r=0,21$; $p\leq0,05$) и служением ($r=0,18$; $p\leq0,05$). Деперсонализация (M=11) – негативизм по отношению к другим и деформация в общении. Этот параметр отрицательно связан с наличием хобби ($r=-0,35$; $p\leq0,05$) и стабильностью места жительства ($r=-0,16$; $p\leq0,05$). Редукция личностных достижений (M=29,5) – неудовлетворенность своими достижениями и их обесценивание. Этот показатель имеет положительную связь с наличием работы ($r=0,16$; $p\leq0,05$), хобби ($r=0,49$; $p\leq0,05$) и отрицательную – с предпринимательством ($r=-0,25$; $p\leq0,05$).

Выводы. Итак, большинство студентов-медиков старших курсов работают и имеют хобби, но испытывают неопределенность в жизненных целях. Средний уровень эмоционального истощения, высокая деперсонализация указывает на деформацию отношений с людьми, а низкий уровень редукции достижений – на их адекватную самооценку. Ключевыми профессиональными ценностями у студентов являются «служение», «интеграция стилей жизни» и «стабильность места работы», что отражает стремление приносить пользу обществу, к гармонии в профессиональной сфере.

Отрицательные взаимосвязи эмоционального истощения, деперсонализации с хобби и стабильностью места жительства указывают на саногенную роль последних.

Также ориентация на «предпринимательство» снижает риск развития чувства несостоятельности. Карьерные ориентации на служение и стабильное место работы, наличие подработки и хобби возможно, обусловливают эмоциональное истощение и способны приводить к редукции личностных достижений студентов-медиков старших курсов.

Результаты уточняют возможность профилактики ЭВ будущих врачей с учетом выявленных взаимосвязей.

Сирота Н.А., Фетисов Б.А.
ФГБОУ ВО РУМ МЗ РФ

Копинг-стратегии онкологических пациентов с умеренной и выраженной неопределенностью в болезни

Неопределенность в болезни, копинг-стратегии, онкология

Введение. Неопределенность в болезни отражается на психической адаптации онкологических пациентов к заболеванию, элементами которой являются копинг-стратегии. Цель исследования – оценить особенности копинг-стратегий онкологических пациентов с разным уровнем неопределенности в болезни.

Методы. В исследовании приняли участие 298 пациентов с различными злокачественными новообразованиями (ЗНО), средний возраст 52 года, из них 89,6% женщин и 11,4% – мужчин. 16,11% пациентов имели I стадию ЗНО, 37,24% – II стадию, 24,17% – III стадию, 22,48% – IV стадию. Исследование проводилось на базе клиник ФГБУ «РНЦРР» Минздрава России, КБ №2 в Боткинском проезде АО «ГК «МЕДСИ», ГБУЗ «ГКБ имени С.С. Юдина ДЗМ», МНОЦ МГУ.

Исследование включало сбор социально-демографических и клинических данных, а также заполнение пациентами психометрических опросников: шкала неопределенности в болезни, форма для взрослых, М. Мишель (MIUS-A) Mishel M.H., 1982; опросник COPE в адаптации Рассказовой Е.И., Гордеевой Т.О., Осина Е.Н., 2013.

Статистическая обработка данных проводилось в программах Excel, Jamovi 2.6.13. При анализе копинг-стратегий применялся метод главных компонент с косоугольным вращением облимин, для выделения групп по уровню неопределенности в болезни использовался иерархический кластерный анализ, оценка различий между параметрами проводилась с применением t-критерия Уэлча.

Результаты. По результатам иерархического кластерного анализа было выделено две группы онкологических пациентов: 120 человек с умеренной неопределенностью в болезни (УН), средний балл 77,3 по фактору общей неопределенности, и 178 человек с выраженной неопределенностью в болезни (ВН), средний балл 94,4.

С помощью анализа методом главных компонент выделены 4 группы копинг-стратегий: активное совладание (включает копинг – стратегии – активное совладание, принятие, подавление конкурирующей деятельности, планирование); регуляция эмоций и социальная поддержка (концентрация на эмоциях и их активное выражение, поиск социальной поддержки по эмоциональным причинам, обращение к религии, поиск социальной поддержки инструментального характера); избегание (мысленный уход от проблемы, отрицание, поведенческий уход от проблемы, сдерживание совладания, использование «успокоительных»); переосмысление (позитивное переформулирование и личностный рост, юмор).

По результатам сравнения групп копинг-стратегий между онкологическими пациентами УН и ВН имеются значимые различия. Онкологические пациенты ВН (47,1±10,05), по сравнению с группой УН (44,6±9,41), в большей мере склонны использовать копинг-стратегии из группы избегания ($p=0,033$). То есть пациенты ВН чаще воздерживаются от поспешных действий, избегают столкновения со стрессорами и используют для этого разные виды активности, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, ассоциирующихся с дистрессом, отказываются от достижения цели и регулируют усилия, направленные на взаимодействие со стрессом, используют лекарственные средства или ПАВ в попытках уйти от проблем и улучшить свое самочувствие, отказываются верить в произошедшие события или отрицают их реальность. В свою очередь онкологические пациенты УН (21,9±5,93), по сравнению с группой ВН (18,6±5,85), чаще используют группу копинг-стратегий переосмысления ($p<0,001$). Онкологические пациенты УН чаще предпринимают попытки переосмыслить ситуацию в позитивном ключе, найти в ней положительные аспекты, кроме этого, могут шутить по этому поводу. По остальным группам копинг-стратегий различий между группами не выявлено.

Выводы. Репертуар копинг-стратегий онкологических пациентов с разным уровнем неопределенности в болезни различается.

Бортникова Е.Г.
ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена

Нейропсихологическая коррекция кинетической апраксии у пациентов после инсульта, находящихся на этапе ранней реабилитации

Нейропсихологическая коррекция, кинетическая апраксия

Введение. Частым нарушением после инсульта является кинетическая апраксия, возникающая в результате инертности психических процессов. Психокоррекция осуществляется посредством функциональной перестройки – включение в отправление функции интактных участков мозга; растормаживания – восстановление функции за счет смещения фокуса с на деятельность, в которой функция находится на уровне автоматизма. Психокоррекция осложняется возникающим в результате перифокального отека запредельным торможением в окружающих очаг клетках. Нейрохимической основой заторможенности нервных клеток является отсутствие необходимой концентрации нейромедиаторов в экстраклеточном пространстве (Сахаров, 2012). В качестве растормаживания может быть применён метод, функционально изменяющий нейромедиаторную активность. Например, стимуляция обонятельной системы, приводит к выбросу дофамина и повышению саморегуляции (Како, 2008, Коваль, 2015, Коршунов, 2020). Цель: разработка рекомендаций по нейропсихологической коррекции кинетической апраксии путём совмещения методов функциональной перестройки и растормаживания с помощью стимуляции обонятельной системы.

Методы.

1. Выборка: 80 человек, находящихся на этапе ранней реабилитации после перенесенного ОНМК. Экспериментальная группа 50 чел.; ср. возраст 72 года; 16 муж. и 34 жен. С локализацией ОНМК в ЛСМА 21, ПСМА 20, ВББ 9. Контрольная группа 30 чел.; ср. возраст 68,5 лет; 15 муж. и 15 жен. С локализацией ОНМК в ЛСМА 17, ПСМА 9, ВББ 4. Из исследования исключались пациенты с нарушением речи и парезами верхних конечностей, не позволяющих оценить нарушение динамического праксиса.

2. Методы: оценка психической активности и критического отношения к своему состоянию, нейропсихологическая проба «кулак-ребро-ладонь», выполнение пробы без ошибок оценивалось в 1 балл, с ошибками динамического характера в 2 балла, ошибки зрительно-пространственного характера не рассматривались. Проба «кулак-ребро-ладноь» проводилась три раза: перед началом психокоррекции, после проведения метода обонятельной стимуляции, после проведения программы психокоррекции. Психокоррекция проводилась в обеих группах: обучение технике саморегуляции; упражнения для последовательного освоения развернутой программы действий с использованием постоянного речевого самоконтроля. Метод растормаживания проводился только в экспериментальной группе: пациенту предлагалось вдохнуть запах различных ароматических масел.

Результаты. Статистически значимых отличий обнаружено не было в отношении возраста; критики – снижение критики у 38 больных в эксп. гр., у 25 в контр. гр.; психической активности – заторможенность у 40 больных в эксп. гр., у 23 в контр. гр. Отмечается транзиторное восстановление динамического праксиса, длящееся не более 5-10 минут ($p=0,01$). Исследование до и после психокоррекции в обеих группах обнаружены значимые различия ($p=0,01$). При сравнении значений после психокоррекции в экспериментальной и контрольной группах были обнаружены значимые отличия ($p=0.01$), результаты в экспериментальной группе оказались выше. Полученные данные подтверждают гипотезу о повышении эффективности психокоррекции с использованием метода стимуляции обонятельной системы.

Выводы:

1) после проведения растормаживания с помощью стимуляции обонятельной системы обнаруживается транзиторное восстановление динамического праксиса;

2) сочетание функциональной перестройки и растормаживания в психокоррекции оказывается более эффективным.

1. Коваль Е.С., Тонковцева В.В., Бекмамбетов Т.Р., Ярош А.М. Влияние дыхания эфирным маслом лаванды узколистной в низкой концентрации на психофизиологическое состояние пожилых людей // Бюллетень ГНБС. 2015. Вып. 117. С. 36-40.
2. Сахаров Д.А. Биологический субстрат генерации поведенческих актов.// Журнал общей биологии. 2012, № 73 (5). С. 324–348.
3. Kako H., Fukumoto S., Kobayashi Y., Yokogoshi H., Effects of direct exposure of green odour components on dopamine release from rat brain striatal slices and PC12 cells// Brain Research Bulletin. 2008. № 75 (5). P. 706-712.
4. K. S. Korshunov, L. Blakemore, P. Trombley Illuminating and Sniffing Out the Neuromodulatory Roles of Dopamine in the Retina and Olfactory Bulb //Frontiers in Cellular Neuroscience. 2020. № 14. https://www.frontiersin.org/journals/cellular-neuroscience/articles/10.3389/fncel.2020.00275 (дата последнего обращения 17.06.2025).

Шлойдо Д.Е., Исурина Г.Л
ФГБОУ ВО СПбГУ

Неудовлетворенность образом тела у женщин, стремящихся к изменению внешности

Образ тела, неудовлетворенность телом, косметическая хирургия, расстройства пищевого поведения

Введение. Современные исследования демонстрируют высокую распространенность негативного восприятия своего тела среди женской популяции. Психологические последствия неудовлетворенности телом носят системный характер, затрагивая как психическое здоровье, так и социальное функционирование (Gillen, Markey, 2021)

Неудовлетворенность внешностью выступает центральным симптомом и фактором риска развития расстройств пищевого поведения (РПП) (Stice, Marti, Durant, 2011), а также одновременно занимает ведущее место среди мотивов обращения к пластическому хирургу (Gillen, Markey, 2021). Клинически выраженные формы нарушения образа тела (вплоть до дисморфофобии) статистически чаще встречаются как среди лиц с РПП, так и среди пациентов пластических хирургов по сравнению с общей популяцией (Ahmed, Genen, 2011; Dingemans et al, 2012).

Целью нашего исследования было сравнительное изучение неудовлетворенности телом, чувствительности к отвержению из-за внешности и качества жизни, ассоциированного с образом тела, в группе пациенток эстетической хирургии, в группе женщин с симптомами РПП и в группе здоровых женщин, не имеющих опыта косметических операций.

Методы. Исследование было выполнено в рамках кросс-секционного дизайна с одномоментным сбором данных. Выборку составили 74 женщины, перенесшие эстетические операции (средний возраст – 37,2 ± 8,27), 41 женщина с симптомами РПП (средний возраст – 31,5 ± 9,65), 70 женщин без опыта косметических операций (средний возраст – 35,6 ± 10,54). С целью сбора эмпирических данных были применены следующие методики: «Опросник образа собственного тела» (Скугаревский О. А., Сивуха С. В.); «Чувствительность к отвержению из-за внешности» в адаптации Разваляевой А. Ю., Польской Н. А.; Опросник BIQLI (влияние образа тела на качество жизни) в адаптации Баранской Л. Т. и соавторов; анкета, содержащая вопросы социально-демографического характера. Для математико-статистического анализа данных использовались описательные статистики (средние и стандартные отклонения), ANOVA с поправкой Шеффе (Scheffe).

Результаты. Выявлено, что женщины с РПП показывают достоверно более выраженную неудовлетворённость телом, более заметную чувствительность к отвержению из-за внешности и более низкое качество жизни, ассоциированное с образом тела, в сравнении с другими группами. Несмотря на отсутствие статистически значимых различий между контрольной группой и группой пациенток пластического хирурга, в последней была обнаружена бóльшая доля респондентов с выраженным недовольством внешностью (47,3% против 31,4%), что может свидетельствовать о гетерогенном эффекте косметических операций. Особое клиническое значение имеет выявление небольшой подгруппы с экстремально высокими показателями неудовлетворенности телом (до 43 баллов) и чувствительности к отвержению из-за внешнего вида (до 35,2 баллов) среди пациенток пластического хирурга, что может указывать на случаи дисморфофобии или РПП, требующие специализированной помощи.

Выводы. Более точное определение клинико-психологических характеристик женщин, обнаруживающих симптомы РПП или нарушения образа тела и обращающихся к пластическому хирургу, поможет в психотерапевтической работе и в психологическом сопровождении пациентов в пред- и послеоперационный период.

1. Ahmed I., Genen L. Psychiatric manifestations of body dysmorphic disorder //Retrieved February. 2011. Vol. 15. P. 2012.
2. Dingemans A. E. et al. Body dysmorphic disorder in patients with an eating disorder: Prevalence and characteristics //International Journal of Eating Disorders. 2012. Vol. 45(4). P. 562-569. https://doi.org/10.1002/eat.20972
3. Gillen M. M., Markey C. H. Body image, weight management behavior, and women's interest in cosmetic surgery //Psychology, Health & Medicine. 2021. Vol. 26 (5). P. 621-630. https://doi.org/10.1080/13548506./2020.1776890
4. Stice E., Marti C. N., Durant S. Risk factors for onset of eating disorders: Evidence of multiple risk pathways from an 8-year prospective study //Behaviour research and therapy. 2011. Vol. 49 (10). P. 622-627. https://doi.org/10.1016/j.brat.2011.06.009

Осипова Н.Г., Рощина И.Ф.
ГБУЗ «ПКБ №1 ДЗМ»

Оценки когнитивной сферы и адаптивности у пациентов с легким когнитивным расстройством

Легкое когнитивное расстройство, пожилой возраст, когнитивные функции, адаптивность

Введение. Рост распространенности деменции подчеркивает необходимость разработки эффективных профилактических стратегий. Несмотря на доказанное положительное влияние комплексных методов профилактики деменции (Salzman et al., 2022; Костюк и др. 2023), изучение социально-психологических свойств личности пожилых пациентов с легким когнитивным расстройством (ЛКР) имеет важное значение для разработки эффективных программ клинико-психологической работы с точки зрения биопсихосоциального подхода.

Корсакова Н.К. и Плужников И.В. предполагают, что «Специфические возрастные симптомы, проявляющиеся в трудностях саморегуляции поведения, ухудшении памяти и пространственных функций, наблюдающиеся при нормальном старении…» относятся к «неравновесной адаптации», а «церебральные аппараты» совместно участвующие в решении задач «самосохранения… становятся «функциональным органом» (по А.Н. Леонтьеву) адаптации» (Корсакова, Плужников, 2012).

Цель исследования – установить взаимосвязь между показателями когнитивных функций и адаптивных свойств личности у пожилых пациентов с ЛКР.

Методы: 1. психометрический – Mini-mental State Examination (MMSE) и Montreal Cognitive Assessment (MoCA); 2. Нейропсихологический – адаптированная «Экспрессметодика оценки мнестикоинтеллектуальной сферы в пожилом возрасте (НПД)» (Корсакова и др., 2009); 3. личностные опросники: «Тест индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)», «Методика измерения социальной адаптивности личности (САЛ)»; 4. непараметрический статистический метод – коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Материал исследования – данные пилотного исследования группы 23 пациентов ГБУЗ «ПКБ №1 ДЗМ» «Клиники памяти» возрасте от 65 до 86 лет (72.9 ± 4.8), из них 21 жен. и 2 муж. с диагнозом легкое когнитивное расстройство (F06.78).

Результаты. Установлены следующие значимые корреляции между показателями: MMSE и ИЖУ-«последовательность в достижении целей» ($r = 0.514$, $p = 0.012$); MMSE и ИЖУ-«положительная оценка себя и собственных поступков» ($r = 0.499$, $p = 0.015$); MoCA и ИЖУ-«последовательность в достижении целей» ($r = 0.458$, $p = 0.028$); MoCA и ИЖУ-«положительная оценка себя и собственных поступков» ($r = 0.594$, $p = 0.003$); MoCA и ИЖУ-общий балл ($r = 0.502$, $p = 0.015$); MoCA и САЛ-«конформность» ($r = -0.429$, $p = 0.041$); НПД и ИЖУ-«положительная оценка себя и собственных поступков» ($r = -0.413$, $p = 0.050$).

Выводы. Установлено наличие значимых корреляций между оценкой когнитивной сферы и некоторыми оценочными шкалами опросников адаптивности личности ИЖУ и САЛ, а также общим баллом ИЖУ. В рамках нейропсихологического подхода школы А.Р. Лурия можно предположить, что ключевую роль в реализации пожилым пациентом с ЛКР данных видов адаптивной деятельности играет третий функциональный блок мозга, связанный с реализацией произвольной организации и регуляции психической активности.

1. Корсакова Н.К., Балашова Е.Ю., Рощина И.Ф. Экспрессметодика оценки когнитивных функций при нормальном старении // Психологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 44–50.
2. Корсакова Н. К., Плужников И. В. Нейропсихологический подход к изучению процессов адаптации // Наследие А.Р. Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте: К 110-летию со дня рождения А.Р. Лурии. – Факультет психологии ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова М: 2012. – С. 70–92.
3. Костюк Г.П., Гаврилова С.И., М.В. Курмышев и др. / Ред. Г.П. Костюка // Нейрокогнитивная реабилитация: руководство. – М.: КДУ, Добросвет, 2023.
4. Salzman T, Sarquis-Adamson Y, Son S et al. Associations of Multidomain Interventions With Improvements in Cognition in Mild Cognitive Impairment: A Systematic Review and Meta-analysis. JAMA Netw Open. 2022;5(5):e226744. doi:10.1001/jamanetworkopen.2022.6744

Федорова Л.М.
СПб ГБУЗ «ПНД №8»

Диагностическая значимость сновидений в контексте личностных особенностей при расстройствах психики

Сновидения, личностные особенности, психические заболевания, дифференциальная диагностика

По общероссийской статистике за 2024 год зарегистрировано около 4,01 млн случаев психических расстройств [4]. Стоит учесть, что это данные по официально обратившимся за профессиональной помощью. Не исключено, что реальное количество может быть больше. В связи с ростом психических заболеваний возникает необходимость качественной дифференциальной диагностики. Многие методики не всегда способствуют получению достоверных данных в связи с их общедоступностью и распространенностью самодиагностики среди пациентов, в том числе. Необходимо как создавать новые методики, так и адаптировать под современную действительность уже привычные, имеющиеся в арсенале клинических психологов.

Правильно построенный анализ, и интерпретация сновидений могут оказать вспомогательный характер в работе клинического психолога. Имеются различные исследования по взаимосвязи личностных особенности со сновидениями (В. Н. Касаткин, Bethel D., Malinowski J., Schredl M. и другие), но исследований, которые бы отображали связь ценностных ориентаций с содержанием сновидений недостаточно. Нами было проведено эксплораторное исследование, которое подтвердило наличие значимых связей образов сновидений с личностными особенностями, в том числе с ценностными ориентациями [2]. С помощью анализа сновидений можно получить информацию о личностных особенностях как в норме, так и патологии. Конечно, интерпретация сновидений не заменит метод клинического интервью и другой диагностический методический аппарат. Однако, благодаря анализу сновидений можно дополнить другие методы диагностики при дифференциации личностных особенностей. Личность – это явление многогранное, еще Б.Г. Ананьев отмечал, что немаловажным являются внутренние движущие силы человека, к которым можно отнести ценностные ориентации [1]. Анализ многочисленных исследований дает возможность полагать, что ценностные ориентации являются важным функциональным компонентом структуры личности, как высшего уровня в иерархии побуждений, потребностей и интересов. Иными словами, ценностные ориентации – это движущие силы личности. Тем не менее, клиническая практика показывает, что у людей возникают значительные затруднения выделить свои истинные ценности вне зависимости от пола и возраста, анализ сновидений мог бы помочь в этом.

Разработка и адаптация методов клинической психодиагностики является одним из направлений научных исследований сотрудников кафедры медицинской психологии и психофизиологии, что подтверждает значимость создания и апробации новых методик [2]. Представляется необходимым создание диагностического опросника, объективно оценивающего особенности содержания сновидений. Имея более полное представление о дифференциальных признаках сновидений при различных психических заболеваниях человека в современном мире можно получить развернутое впечатление о его личностных особенностях, что может способствовать улучшению дифференциальной диагностики и, соответственно, качеству оказываемой помощи пациентам.

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2010 – 288 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
2. Федорова, Л. М. Связь ценностных ориентаций личности с содержанием сновидений / Л. М. Федорова, В. Д. Балин // Ананьевские чтения – 2023 Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 17–20 октября 2023 года. – Москва: ООО «Союзкниг», ООО «Кириллица», 2023 – С. 291 – EDN LY
3. Щелкова Ольга Юрьевна. К истории создания и развития кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПБГУ // Вестник СПбГУ.
4. Серия 16: Психология. Педагогика. 2020 №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii- sozdaniya-i-razvitiya-kafedry-meditsinskoy-psihologii-i-psihofiziologii-spbgu (дата обращения: 21.06.2025), https://minzdrav.gov.ru/ru

Дронго Е.А., Еремина Д.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональная сфера пациентов при хирургическом лечении аритмии сердца: дизайн исследования

Аритмии сердца, fast track хирургия, радиочастотная аблация, депрессия, тревога, стресс, дистресс

Высокоэффективным методом лечения аритмии сердца является малоинвазивное хирургическое вмешательство – радиочастотная аблация (РЧА) (Опалинская и др., 2018). Кардиохирургическая операция является специфической ситуацией, дестабилизирующей эмоциональное состояние пациентов, и для оказания комплексной медицинской помощи важно учитывать не только биологические факторы, но и психосоциальные (Николаева, Караваева, 2021). Эмоциональная сфера пациентов при проведении РЧА по программе fast track («быстрый путь») представляет особую значимость, так как психологические эффекты при fast track хирургии нуждаются в изучении и существует необходимость психологического сопровождения во время до- и послеоперационного периодов (Яковлева и др., 202 Error: Reference source not found).

Целью исследования является изучение структуры и динамики эмоциональной сферы пациентов с аритмиями сердца во время до- и послеоперационного периодов при лечении методом РЧА по программе fast track. Гипотезами исследования приняты предположения, что эмоциональная сфера пациентов с аритмиями сердца имеет различную структуру и динамику в зависимости от социально-демографических, клинико-психологических и клинических характеристик и данные характеристики обладают прогностической информативностью.

Исследование проводится на базе ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России (г. Санкт-Петербург) и состоит из двух этапов: до операции РЧА (в день поступления) и после операции РЧА (накануне или в день выписки). На каждом этапе исследование реализуется с помощью клинико-психологического и экспериментально- психологического методов. Клинико-психологический метод включает структурированное интервью, направленное на изучение социально-демографических, клинико-психологических и клинических данных. Экспериментально-психологический метод включает набор психодиагностических методик, направленных на изучение эмоциональной сферы: «Шкала депрессии, тревоги и стресса» (DASS-21) в адапт. А.А. Золотаревой, «Шкала воспринимаемого стресса-10» (PSS-10) в адапт. В.А. Абабкова и др., «Методика определения доминирующего состояния» (ДС-6), «Индекс хорошего самочувствия» (WHO-5), «Пертский опросник алекситимии» (PAQ) в адапт. П.М. Ларионова и др., «Краткая форма Пертской шкалы эмоциональной реактивности» (PERS- S) в адапт. П.М. Ларионова и др., «Пертская шкала эмпатии» (PES) в адапт. П.М. Ларионова и М.В. Яковлевой, «Краткая версия шкалы Барратта» (BIS-11) в адапт. Д.С. Шумской и др., «Интегративный тест тревожности» (ИТТ).

Результаты исследования улучшат понимание структуры и динамики эмоциональной сферы пациентов при хирургическом лечении аритмии сердца и могут быть перспективны для создания программ психологического сопровождения в соответствии с принципами персонализированной медицины.

1. Николаева О. В., Караваева Т. А. Основы персонализированного подхода при медико-психологическом сопровождении кардиохирургических пациентов // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021 Т. 9, № 4 (35). С. 339–354. https://doi.org/10.23888/humJ20214339-354
2. Опалинская И. В., Васильева Н. П., Кашин В. Ю., Протасов М. Е., Ямбатров А. Г. Радиочастотная абляция сердца – как метод хирургического лечения аритмий // Acta medica Eurasica. 2018 №1. С. 36–41. URL: https://acta-medica-eurasica.ru/single/2018/1/5/ (дата обращения: 02.01.2025).
3. Яковлева М. В., Провоторова Ю. Д., Шеремет А. А., Шматов Д. В., Каменских М. С., Ефремов С. М., Щелкова О. Ю. Динамика эмоционального состояния пациентов с нарушениями ритма сердца на госпитальном этапе при проведении радиочастотной абляции по системе fast track // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2024 Т. 39, № 2 С. 133–140. https://doi.org/10.29001/2073-8552-2024-39-2-133-140

Старикова О.Н., Миланич Ю.М.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Восприятие физической боли у молодых людей, склонных к самоповреждающему поведению

Восприятие физической боли, катастрофизация боли, самоповреждающее поведение, молодые люди

Введение. Имеющиеся в литературе данные по восприятию физической боли у людей с самоповреждающим поведением (СП) остаются противоречивыми. При оценке порога болевой чувствительности с использованием термических и нетермических болевых стимулов отмечается сниженное восприятие боли у данной категории лиц (Kirtley et al., 2016; Koenig et al., 2016). Однако есть данные, указывающие на отсутствие связи между установленным в лабораторных условиях болевым порогом и субъективной оценкой боли (Edwards & Fillingim, 2007), а также между риском возникновения СП и ослаблением страха боли (Hamza et al., 2021). Есть явный недостаток работ, которые сообщали бы о психологических аспектах физической боли у людей, склонных к СП. В нашем исследовании предпринята попытка выявить особенности восприятия физической боли у молодых людей с СП через оценку катастрофизации, которая проявляется в руминации, преувеличении силы и последствий боли, а также переживании беспомощности при болевых ощущениях.

Методы. 70 человек в возрасте от 15 до 25 лет ответили на вопросы «Шкалы причин самоповреждающего поведения» (Н.А. Польской) и «Шкалы катастрофизации боли» (М. Салливана, в адапт. Н.П. Радчиковой с соавторами). По частоте и интенсивности актов СП, определяемых по «Шкале причин самоповреждающего поведения», были выделены 2 группы: 1 группа (N=41) – склонные к СП (сообщили о повторяющихся эпизодах СП), и 2 группа (N=29) – не склонные к СП (отрицали или сообщили об единичных случаях СП). Проводилось сравнение групп по показателям катастрофизации боли (U-критерий Манна–Уитни), а также изучение связей этих показателей с проявлениями СП (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты. В сравнении со 2 группой в 1 группе выявлены более высокие баллы по субшкалам «Мысленная жвачка» ($p \leq 0.05$), «Преувеличение» ($p \leq 0.05$), «Безнадежность» ($p \leq 0.01$) и общему показателю «Шкалы катастрофизации боли» ($p \leq 0.01$). Таким образом, молодые люди, склонные к СП, имеют более выраженную тенденцию к катастрофизации физической боли: принятию позиции смирения и неспособности управления ситуацией при болевых ощущениях, сосредоточению на мыслях о боли, преувеличению выраженности и последствий болевых ощущений. Обнаружена положительная корреляция между показателем частоты соматических способов осуществления СП и субшкалой «Безнадежность» ($p \leq 0.01$), а также общим показателем катастрофизации ($p \leq 0.01$). Можно предположить связь реализации самоповреждений без использования предметов (например, в виде обкусывания губ, ногтей, расчесывания кожи, прикусывания щек или языка) со склонностью переживать чувство беспомощности и неуправляемости ситуацией боли.

Выводы. Факт более выраженной катастрофизации физической боли у молодых людей с повторяющимися эпизодами самоповреждений не совпадает с литературными данными о пониженной болевой чувствительности при СП. Вероятно, при изучении лиц, склонных к СП, а также при проведении психологических вмешательств, целесообразно разделять физиологическую и психологическую толерантность к боли.

1. Edwards R.R., Fillingim R.B. Self-reported pain sensitivity: lack of correlation with pain threshold and tolerance // European Journal of Pain. 2007 Vol. 11 (5). P. 594-598.
2. Hamza C.A., Goldstein A.L., Heath N.L., Ewing L. Stressful experiences in university predict non-suicidal self-injury through emotional reactivity // Frontiers in Psychology. 2021 Vol. 12. P. 610-670.
3. Kirtley O.J., O›Carroll R.E., O›Connor R.C. Pain and self-harm: A systematic review // Journal of Affective Disorders. 2016. Vol. 203. P. 347-363.
4. Koenig J., Thayer J.F., Kaess M. A meta-analysis on pain sensitivity in self-injury // Psychological Medicine. 2016 Vol. 46 (8). P. 1597-1612.

Гринь-Яценко Б.А., Яковлева М.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Середа О.А., Джелялов Э.С, Пушкарук Г.А., Белоусов А.М.
КВМТ им. Н.И. Пирогова СПбГУ

Личностные особенности пациентов и их связь с приверженностью лечению при онкологических заболеваниях

Онкопсихология, химиотерапия, приверженность лечению, тип личности D

Введение. Изучение влияния личностных особенностей на приверженность лечению пациентов ведётся на протяжении последних десятилетий, однако результаты варьируют в зависимости от нозологии, стадии заболевания и схемы проводимого лечения. Современные исследования указывают на то, что высокие показатели нейротизма и низкие – дружелюбия, а также негативная аффективность и социальное ингибирование негативно влияют на приверженность лечению (Jafari et al., 2024; Rychter et al., 2023). В связи с чем сформулирована цель исследования – изучение личностных характеристик пациентов, страдающих онкологическими заболеваниями, с различным уровнем приверженности лечению.

Методы. В исследование были включены 50 пациентов Клиники высоких медицинских технологий им. Н.И. Пирогова после одобрения проекта Комитетом по биомедицинской этике Клиники. Средний возраст выборки составил 53,98±12,99 лет; 88% – женщины. Наиболее часто встречающимися диагнозами были рак молочной железы (62%), колоректальный рак (16%), рак желудка (8%), рак щитовидной железы (4%), рак яичника (4%), рак легкого (2%), рак матки (2%), рак поджелудочной железы (2%); на момент исследования все пациенты проходили курсы химиотерапии. Были использованы следующие психодиагностические методы: структурированное интервью для пациентов, Российский универсальный опросник количественной оценки приверженности к лечению (КОП-25), Краткий пятифакторный опросник личности (TIPI-RU), Опросник определения типа личности D (DS-14).

Результаты. На первом этапе исследования была проведена оценка приверженности лечению в обследованной выборке. Согласно КОП-25, средний балл общего индекса приверженности составил 68,06±15,66, что соответствует среднему уровню приверженности. Далее выборка была разделена на подгруппы согласно нормативным баллам КОП-25: группа 1 (высокий уровень приверженности, n=16), группа 2 (средний уровень, n=25), группа 3 (низкий уровень, n=9). На следующем этапе полученные группы были подвергнуты сравнительному анализу по индивидуально-личностным характеристикам. Было установлено, что между пациентами отмечаются различия по опроснику DS-14: показатели шкалы «Негативная возбудимость» ниже в группе 1 ($p<0,05$), показатели шкалы «Социальное ингибирование» также ниже в группе 1 (на уровне статистической тенденции; $p<0,1$). Тип личности D был выявлен у 11 пациентов: 2 человека в группе 1 (12,5%), 6 – в группе 2 (24%), 3 – в группе 3 (33,3%). По опроснику TIPI-RU была выявлена тенденция к различиям лишь по одной шкале: показатели «Добросовестности» выше в группе 1 по сравнению с остальными группами ($p<0,1$).

Выводы. В связи с небольшим общим объёмом выборки и разным количеством пациентов в каждой из подгрупп полученные результаты должны интерпретироваться с осторожностью и требуют проверки на расширенной выборке. Однако представляется важным отметить, что полученные различия и тенденции к различиям подтверждаются и клиническими наблюдениями. Пациенты, высоко приверженные лечению, характеризуются большей организованностью, самосознанием, меньшей склонностью испытывать выраженные негативные эмоции, в т. ч. раздражение, и меньшей замкнутостью, более высокой социальной адаптацией.

1. Jafari M., Shahverdian A., Sadigh G., Van Etten R.A. Impact of Patient Personality on Adherence to Oral Anticancer Medications: An Opportunity? // JMIR Cancer. 2024 Vol. 10. https://doi.org/10.2196/57199
2. Park Y.M., Kim H.Y., Kim J.Y., Kim S.R., Choe Y.H. Relationship between type D personality, symptoms, cancer stigma, and quality of life among patients with lung cancer // Eur J Oncol Nurs. 2022 Vol. 57 https://doi.org/10.1016/j.ejon.2022.102098

Трубникова О.О., Провоторова Ю.Д., Яковлева М.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональный статус пациентов при кардиохирургическом вмешательстве и его связь с их качеством жизни

Кардиохирургия, качество жизни, депрессия, тревога, стресс

Введение. Сердечно-сосудистые заболевания остаются лидирующей причиной смертности во всем мире на протяжении многих лет. При этом ишемическая болезнь сердца (ИБС) занимает ведущее место в структуре сердечно-сосудистой смертности; от ИБС ежегодно умирает около 9 млн человек повсеместно (Всемирная организация здравоохранения, 2020). Хирургическое лечение является одним из наиболее эффективных способов лечения прогрессирующей и резистентной к медикаментозной терапии ИБС (Бокерия Л.А. и др., 2010). Исследование эмоционального статуса в периоперационном периоде позволяет отследить динамику изменения показателей депрессивной и тревожной симптоматики, а также эмоционального стресса. Кроме того, появляется возможность изучить прогностические свойства различных эмоциональных состояний и выявить мишени психокоррекции. Показатель качества жизни, связанного со здоровьем (КЖСЗ), в периоперационном периоде является важным критерием успешности проведенной операции. Целью данного исследования является изучение эмоционального статуса и качества жизни, связанного со здоровьем, пациентов в периоперационном периоде (до операции и через 3-5 дней после) при кардиохирургическом вмешательстве в условиях искусственного кровообращения.

Методы. Исследованы 42 пациента с ИБС (средний возраст – 66,00±8,40). Основные методы исследования – полуструктурированное интервью, Шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS-21), Интегративный тест тревожности (ИТТ), Опросник качества жизни EQ-5D-3L и методы математико-статической обработки данных (критерий знаковых рангов Вилкоксона для описания значимых различий и непараметрический корреляционный анализ Спирмена). Психологическое обследование проводилось на базе Клиники высоких медицинских технологий им. Н.И. Пирогова и было осуществлено в два этапа.

Результаты. Показатели депрессии и стресса статически значимо выше в дооперационном периоде по сравнению с ранним послеоперационным периодом (DASS-21; $p<0,01$). Астенический компонент реактивной тревоги в послеоперационном периоде статически значимо выше, чем до хирургического вмешательства (ИТТ; $p<0,01$), и достигает высокого уровня выраженности. Послеоперационный общий показатель КЖСЗ умеренно отрицательно коррелирует с послеоперационным уровнем эмоционального стресса ($p<0,05$), ситуативной тревоги ($p<0,01$) и общего дистресса ($p<0,05$), а также с показателями компонентов реактивной тревоги (фобический компонент и тревожная оценка перспективы; $p<0,01$).

Выводы. Снижение показателей депрессии и эмоционального стресса в раннем послеоперационном периоде может быть связано с эмоциональным состоянием до операции, успешностью прошедшей операции и снижением чувства неопределенности. Высокое значение астенического компонента реактивной тревоги в послеоперационном периоде, проявляющиеся в повышенной утомляемости и нарушениях сна, соответствует объективной клинической картине после хирургического вмешательства. Полученные данные имеют практическую значимость для более точного предсказания особенностей эмоционального состояния и КЖСЗ в послеоперационном периоде, а также для коррекции дезадаптивных аффективных реакций до операции и составления программ реабилитации после хирургического вмешательства.

1. Бокерия Л. А., Гудкова Р. Г., Ступаков И. Н. Хирургическое лечение больных с сосудистой патологией в Российской Федерации // Здравоохранение. 2010. №6. С. 15–23.
2. Всемирная организация здравоохранения. 10 ведущих причин смерти в мире: информационный бюллетень. 2020.

Тертычный С.С., Дорошева Е.А.
НГУ

Эмпирическая проверка модели руминативного мышления H-EX-A-GO-N

Руминации, цели, исполнительные функции, негативная предвзятость

Предложенная Э. Уоткинсом (2000) модель руминаций H-EX-A-GO-N трактует руминацию как реакцию на воспринимаемый разрыв между желаемым состоянием (целью) и актуальным состоянием. Согласно ей руминативное мышление возникает вследствие: (1): разрыва с целью (goal discrepancy – GO); нарушений исполнительных функций, обеспечивающих эффективное достижение целей (EX); предубеждений (bias), выраженных в склонности интерпретировать неоднозначную информации негативно (N). Несмотря на значительное количество исследований взаимосвязей руминаций с различными конструктами, недостаточно комплексных работ, посвященных изучению сочетания различных факторов у людей со склонностью к руминациям.

Целью данного исследования является проверка теоретических положений модели H-EX-A-GO-N.

Методы. Выборка исследования составила 128 человек от 17 до 51 года (M=24,6, SD=6,2), среди них 37 мужчин. Для оценки уровня склонности к руминациям использована Шкала руминаций в адаптации Е.А. Дорошевой. Из трех компонентов исполнительных функций – торможение, обновление и переключение (Miyake et al., 2000) – изучали способность к торможению, используя опросник Карвера-Уайта в адаптации Г.Г. Князева и др. Разрыв с целью измеряли с помощью дифференциального теста перфекционизма, субшкалы «патологический перфекционизм» (труднодостижимый характер целей у перфекционистов позволяет говорить о выраженном состоянии разрыва с целью). искажения интерпретаций оценивали с использованием авторского перевода опросника систематической ошибки интерпретации (Interpretation Bias Questionnaire).

Результаты. Выявлены прямые связи между патологическим перфекционизмом и депрессивными руминациями ($r=0,57$, $p<0,001$), искажением интерпретаций в сторону негативной эмоциональной валентности и депрессивными руминациями ($r=-0,26$, $p=0,006$). Связь между подавлением поведения и руминациями при депрессии находится на границе значимости ($r=0,17$, $p=0,056$). Ингибиция поведения и общий показатель руминаций прямо связаны ($r=0,19$, $p=0,033$).

Приведённые выше переменные (из показателей руминаций включались связанные с депрессией) были кластеризованны методом k-средних. На основе статистики разрывов определены два кластера. Центроиды обоих групп обратны друг другу. Для первой группы характерны выраженный перфекционизм и руминации, сочетающееся со склонностью интерпретировать неоднозначные ситуации как угрожающие/вредные. Вторая группа по вышеперечисленным характеристикам является обратной.

При сравнении групп показаны значимые различия депрессивных руминаций (t-тест, $p<0,001$, $MD=10,9$, $SED=0,915$, $d=2,32$), подавления поведения (U-тест, $p=0,019$, $MD=1$, $rrb=-0,262$), патологического перфекционизма (U-тест, $p<0,001$, $MD=11$, $rrb=-0,841$) и искажений интерпретации (U-тест, $p<0,001$, $MD=-0,696$, $rrb=0,501$). Выбор статистического метода сравнения групп основывался на результатах теста Шапиро-Уилка и теста Левина.

Выводы. Полученные результаты отлично согласуются с гипотезами, заложенными в модель H-EX-A-GO-N. Выделение одного кластера испытуемых с повышенным уровнем руминаций говорит о существовании совокупности взаимосвязанных характеристик, сопутствующих руминтивному мышлению, вероятно, действующих комплексно и находящихся в отношениях взаимовлияния.

1. Watkins E. R., Roberts H. Reflecting on rumination: Consequences, causes, mechanisms and treatment of rumination //Behaviour research and therapy. 2020. Vol. 127. Article 103573. https://doi.org/10.1016/j.brat.2020.103573.
2. Miyake A., Friedman N. P., Emerson M. J., Witzki A. H., Howerter A., Wager T. D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex «frontal lobe» tasks: A latent variable analysis // Cognitive psychology. 2000. Vol. 41(1). P. 49-100. https://doi.org/10.1006/cogp.1999.0734. PMID: 10945922.

Димитрова К.В., Сирота Н.А,
ФГБОУ ВО РУМ МЗ РФ

Жизнестойкость и стратегии совладания у пациентов с бронхиальной астмой

Жизнестойкость, стратегии совладания, бронхиальная астма

Введение. Бронхиальная астма (БА) – это распространенное хроническое заболевание, при котором значимое влияние на жизнь пациента оказывает эффективная адаптация к болезни, выражающаяся, в частности, в совладающем со стрессом поведении (Сирота, Ярославская, 2012). К его компонентам относятся личностно-средовые ресурсы и стратегии совладания (Сирота, Ялтонский, 1996). Одним из личностных ресурсов является жизнестойкость (Леонтьев, 2016), которая способствует активному преодолению стресса и подавляет использование некоторых неэффективных копинг-стратегий (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013). Цель исследования – изучение связи жизнестойкости со стратегиями совладания у пациентов с БА.

Методы. Выборка состояла из 102 пациентов с БА средней и тяжелой степени тяжести, из них 40 мужчин и 62 женщины, в возрасте от 20 до 79 лет (средний возраст – 57,79±14,77 лет). Жизнестойкость и копинг-стратегии оценивались с помощью краткой русскоязычной версии теста жизнестойкости С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006) и русскоязычной адаптации методики COPE Ч. Карвера, М. Шейера и Дж. Вейнтрауба (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013). Испытуемые были разделены на группы сравнения в зависимости от уровня жизнестойкости путем кластерного анализа k-средних. В группу 1 (N=20) вошли пациенты с низким уровнем (среднее значение – 28,50±6,75 баллов), в группу 2 (N=48) – пациенты со средним уровнем (43,90±3,23 балла), в группу 3 (N=34) – пациенты с высоким уровнем (56,97±4,99 баллов). Для сравнения групп по копинг- стратегиям использовались критерий Краскела-Уоллиса и метод попарных сравнений Двасса-Стил-Кричлоу-Флингер, α=0,05.

Результаты. Сравнение выраженности применения копинг-стратегий между группами показало, что пациенты с БА с высоким уровнем жизнестойкости достоверно реже используют стратегии «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» (7,62±2,95 балла, $p<0.001$) и «Поведенческий уход от проблемы» (6,44±2,16 балла, $p=0.027$, $p=0.020$), чем пациенты с низким (12,10±3,19 балла, $p<0,001$ и 8,55±2,95 балла, $p=0,027$ соответственно) и средним уровнем жизнестойкости (10,5±3,48 балла, $p<0.001$ и 7,85±2,35 балла, $p=0,020$ соответственно). Испытуемые с низкой жизнестойкостью имеют статистически значимо более низкие показатели стратегии «Юмор» (8,25±3,92 балла, $p=0,045$), чем у группы с высокой жизнестойкостью (11,00±3,85 балла, $p=0,045$).

Выводы. Высокий уровень жизнестойкости у пациентов с БА препятствует использованию таких дезадаптивных копинг-стратегий, как «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» (устранение не стрессора, а эмоционального напряжения) и «Поведенческий уход от решения проблемы» (избегание активных действий в отношении стрессора). Дефицит жизнестойкости вносит вклад в более редкое применение стратегии «Юмор» (когнитивная переоценка ситуации). Таким образом, жизнестойкость влияет на совладание на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях и способствует редукции неадаптивного копинг-поведения у пациентов с БА.

1. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016 № 62 С. 18-37.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006
3. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013 №. 10 (1). С. 82–118.
4. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение как проблема наркологии // Вопросы наркологии. 1996 № 1 С.76-82.
5. Сирота Н.А., Ярославская М.А. Исследование активных видов совладающего со стрессом поведения как механизмов адаптации / дезадаптации к заболеванию у больных бронхиальной астмой // Пульмонология. 2012 № 5 С. 78-80. https://doi.org/10.18093/0869-0189-2012-0-5-78-80

Суворова Э.А.
КВМТ им. Н.И. Пирогова СПбГУ

Шаболтас А.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические факторы успешности краткосрочного стационарного лечения пациентов с коксартрозом

Патологии тазобедренного сустава представляют серьезную медицинскую проблему в России, занимая шестое место среди причин инвалидизации населения. Наиболее уязвимой группой являются пациенты в возрасте 50-70 лет, для которых эндопротезирование часто становится единственным способом вернуть подвижность и качество жизни (Губарева, Шамшикова, 2019). Однако традиционные подходы к лечению не всегда учитывают психологические аспекты, которые могут существенно влиять на процесс восстановления. Наше исследование было направлено на комплексное изучение взаимосвязи между психологическим состоянием пациентов, качеством их взаимодействия с медицинским персоналом и клиническими исходами после операции. В ходе работы был применен качественный метод исследования, включавший проведение глубинных интервью с 25 пациентами, перенесшими эндопротезирование, и 7 медицинскими работниками, непосредственно участвующими в процессе лечения и реабилитации. Эти интервью позволили выявить ключевые проблемы на разных стадиях лечебного процесса.

Анализ полученных данных выявил ряд серьезных психологических трудностей, с которыми сталкиваются пациенты. На подготовительном этапе преобладал выраженный страх перед предстоящей операцией и ее последствиями. Многие пациенты отмечали недостаток доступной и понятной информации о сути вмешательства, возможных рисках и ожидаемых результатах. В послеоперационный период к страхам добавлялись интенсивные болевые ощущения, которые усугублялись психологическим дискомфортом и чувством беспомощности. Особенно остро пациенты переживали неопределенность относительно перспектив восстановления и возвращения к привычной жизни.

Среди медицинских работников наиболее часто упоминался хронический дефицит времени, не позволяющий уделять достаточное внимание разъяснению всех аспектов лечения каждому пациенту. Многие сотрудники говорили о трудностях в установлении доверительных отношений, особенно с тревожными и мнительными пациентами. Отдельной проблемой называли недостаток навыков работы с пациентами, проявляющими признаки депрессии или повышенной тревожности (Демченко, Зайцев, 2020). Особую сложность представляла мотивация пациентов к точному соблюдению рекомендаций в период реабилитации, когда непосредственный контакт с медицинским персоналом становится менее интенсивным.

Предварительные результаты исследования подтверждают первоначальные гипотезы (Sorel et al., 2019). Пациенты с более низким уровнем тревожности и выраженной внутренней мотивацией действительно демонстрируют лучшие показатели реабилитации. Качество коммуникации с медицинским персоналом оказывает значимое влияние не только на удовлетворенность лечением, но и на объективные показатели восстановления. Особенно важной оказалась роль социальной поддержки – пациенты, чувствующие понимание и помощь со стороны близких, показывают более высокие результаты. Значение индивидуализированного подхода к информированию пациента – адаптированные под уровень понимания и психологическое состояние разъяснения существенно улучшают психологический комфорт пациентов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности разработки на его основе конкретных программ улучшения медицинской помощи. В первую очередь, это создание комплексных программ психологической поддержки пациентов, охватывающих все этапы – от подготовки к операции до завершения реабилитации. Отдельное внимание следует уделить разработке индивидуализированных схем информирования пациентов и методикам повышения их мотивации к реабилитации (Хрусталёва, 2020).

Учет психологических факторов и совершенствование коммуникативных практик могут существенно улучшить не только субъективную удовлетворенность лечением, но и объективные показатели восстановления. Эти данные имеют важное значение для разработки клинических рекомендаций нового поколения и создания обучающих программ для медицинского персонала. В перспективе планируется расширение исследования с увеличением выборки и более длительным периодом наблюдения, что позволит оценить отдаленные результаты.

1. Губарева Т. П., Шамшикова Е. С. Психологическая подготовка пациентов к эндопротезированию тазобедренного сустава // Вестник восстановительной медицины. – 2019. – № 5. – С. 34-41.
2. Демченко Е. А., Зайцев В. П. Тревожно-депрессивные расстройства у пациентов перед плановыми ортопедическими операциями // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 45-52.
3. Хрусталёва Н. С. Психологические аспекты реабилитации пациентов с коксартрозом // Вестник восстановительной медицины. – 2020. – № 3. – С. 67-73.
4. Sorel, J. C., Veltman, E. S., Honig, A., Poolman, R. W. The influence of preoperative psychological distress on pain and function after total knee arthroplasty // The Bone & Joint Journal. – 2019. – Vol. 101-B, № 3. – P. 254-259.

Волович А.В.
ФГБОУ ВО КГМУ

Влияние когнитивного компонента ВКБ на качество жизни пациентов с акне

Акне, качество жизни, внутренняя картина болезни, самооценка

Акне – хроническое дерматологическое заболевание кожных покровов, характеризующееся наличием различных видов высыпаний. Этиология угревой болезни включает в себя множество факторов, в том числе и влияние стрессовых ситуаций, а также эмоциональных состояний. Многие авторы связывают данное заболевание с психосоматической природой. Внутренняя картина болезни – это субъективная оценка своего состояния, включающая когнитивные, эмоциональные, сенсорные и поведенческие аспекты. Когнитивный компонент внутренней картины болезни характеризуется наличием знаний о своем заболевании, его причинах, а также и Я-концепцией самого пациента. Я-концепция может выступать одним из элементов когнитивного компонента, так как когда человек сталкивается с заболеванием, оно неизбежно отпечатывается на его образе Я, самооценке и идеальном представлении о самом себе (Круглова и др., 2018). У человека, имеющего на своем теле кожные дефекты (особенно на лице), запускается механизм активного изучения собственного заболевания, причины его возникновения и поиск эффективных способов лечения, чтобы заполучить «идеальную кожу» (чаще всего в кратчайшие сроки).

Как правило, пациенты с начальной стадией высыпаний верят в то, что прыщи пройдут через пару дней, если их обработать «чудо-кремом» из сети Интернет, но с вероятностью в 99% этого не происходит. Ситуация усугубляется и подключаются различные неприятные переживания, навязчивости по поводу дефекта собственной внешности и страхе оценки этого дефекта со стороны других людей. Люди с акне воспринимают свое состояние как недостаток внешности, что сказывается на самооценке (Круглова и др., 2018).

Многими исследованиями показано, что акне напрямую влияет на самооценку человека с изучаемой проблемой. И даже после выхода в ремиссию могут наблюдаться нарушения со стороны Я-концепции, связанные с наличием постакне (гиперпигментация, рубцы). Гипотеза нашего исследования: предположение о влиянии когнитивного компонента внутренней картины болезни на качество жизни пациентов с акне.

Цель нашего исследования: выявление влияния когнитивного компонента внутренней картины болезни на качество жизни у пациентов с акне. Объект нашего исследования: когнитивный компонент внутренней картины болезни у пациентов с акне. Предмет нашего исследования: влияние когнитивного компонента внутренней картины болезни у пациентов с акне. С целью реализации нашего исследования в данный момент проводится сбор эмпирических данных. В качестве основных методов используются психодиагностические методики: Тест-опросник самоотношения, ОСО (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев), Шкала оценки качества жизни (в адаптации Н.Е. Водопьяновой). Полученные данные будут обработаны посредством клинико-психологического метода, а также методов математической статистики. Результаты обогатят теоретическую базу исследуемой нами проблемы, а также позволят разработать психотерапевтические рекомендации с целью улучшения качества жизни пациентов с акне.

1. Круглова Л.С. Психические расстройства, социальная дезадаптация и качество жизни пациентов с акне и симптомами постакне / Л.С. Круглова, М.А. Самушия, А.М. Талыбова // Клиника нервных и психических заболеваний. 2018 № 12 С. 4–10. https://doi.org/10.17116/jnevro20181181214

Мерзляков Д.Е.
ФГАОУ ВО ПГНИУ

Психологические детерминанты тревожного состояния

Тревога, нейротизм, чувствительность к тревоге, экстраверсия, эмоциональный интеллект

Введение. В условиях современного общества наблюдается рост тревоги, что делает актуальным изучение детерминирующих ее факторов. Тревога представляет собой эмоциональную реакцию на стрессогенную ситуацию, сопровождаемую изменениями в вегетативной, когнитивной и поведенческой сферах (Cattell, Scheier, 1961). Несмотря на широкий спектр исследований, недостаточно внимание уделено такой личностной характеристике как чувствительность к тревоге в качестве детерминанты тревожного состояния. Цель исследования – выявить психологические детерминанты тревожного состояния.

Выборка: 250 человек (218 ж. и 32 м.) в возрасте от 18 до 24 лет (M=20.16, SD=1.65). Методы: Шкала тревоги Бека, Индекс чувствительности к тревоге, опросник Большой пятерки, Трехфакторный опросник перефекционизма, тест эмоционального интеллекта (ЭмИн-Кр).

Результаты. Данные по шкале тревоги (M=37.43, SD=10.06) не соответствуют нормальному распределению (Anderson-Darling: A^2=4.81, p=0.004), в то время как распределение остальных переменных соответствует нормальному. Корреляционный анализ Спирмена показал, что уровень тревоги положительно связан с чувствительностью к тревоге (r=0.60, p<0.001), нейротизмом (r=0.53, p<0.001), негативным селектированием (r=0.47, p<0.001), озабоченностью оценками (r=0.41, p<0.001); отрицательно с управлением своими эмоциями (r=-0.33, p<0.001), пониманием своих эмоций (r=-0.34, p<0.001), экстраверсией (r=-0.25, p<0.001), добросовестностью (r=-0.30, p<0.001) и доброжелательностью (r=-0.19, p<0.001). Для оценки вклада личностных черт в уровень тревоги был проведен регрессионный анализ с прямым включением переменных. В итоговую модель вошли чувствительность к тревоге (β=0.48, p<0.001), нейротизм (β=0.28, p<0.001), экстраверсия (β=-0.18, p<0.01) и понимание своих эмоций (β=-0.13, p<0.05). Модель объясняет 45.5 % дисперсии (скорр. R2=0.455). Проверка на мультиколлинеарность показала отсутствие нарушений.

Выводы. По результатам регрессионного анализа установлено, что основными детерминантами тревоги выступают: чувствительность к тревоге, нейротизм, интроверсия и неспособность понимать свои эмоции. Что согласуется с теорией черт Г. Айзенка, в которой нейротизм связан с повышенной эмоциональной реактивностью, а интроверсия, сопровождающаяся повышенным вниманием к внутренним переживаниям, может усиливать субъективное восприятие угрозы (Eysenck, 1983); значимая роль чувствительности к тревоге подтверждает ее ключевую роль в усилении тревожного состояния (Мерзляков и др., 2024). Вклад понимания своих эмоций указывает на то, что способность осознавать и интерпретировать собственные эмоциональные состояния может играть защитную роль в снижении уровня тревоги (Jacobs et al., 2008).

1. Мерзляков Д. Е., Челнокова А. В., Савицкая О. А. Апробация опросника «Индекс чувствительности к тревоге – 3 (Anxiety Sensitivity Index – 3, ASI-3)» на русскоязычной выборке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2024 № 214 С. 179-192.
2. Cattell R. B., Scheier I. H. The Meaning and Measurement of Neuroticism and Anxiety. New York: The Ronald Press Company, 1961 URL: https://archive.org/details/meaningmeasureme00catt/page/n7/mode/2up (дата обращения: 23.06.2025).
3. Eysenck H. J. Psychophysiology and personality: Extraversion, neuroticism and psychoticism // In: Gale A., Edwards J. A. (eds.). Physiological Correlates of Human Behaviour: Individual Differences and Psychopathology. Vol. 3 London: Academic Press, 1983 P. 13–30.
4. Jacobs M., Snow J., Geraci M., Vythilingam M., Blair R. J., Charney D. S., Pine D. S., Blair K. S. Association between level of emotional intelligence and severity of anxiety in generalized social phobia // Journal of Anxiety Disorders. 2008 Vol. 22, № 8 P. 1487–1495.

Кузнецов Г.С., Николаевская А.О.
ФГБОУ ВО КГМУ

Мужское бесплодие как фактор преобразования когниций партнера и диадической стратегии в паре

Мужское бесплодие, диадический копинг, когниции

Бесплодие – неспособность при сексуально активной жизни партнеров, не использующих методы контрацепции, достичь беременности в течение 12 месяцев. Мужчина в равной степени вкладывается в развитие бесплодия, как и женщина, процентное соотношение у обоих партнеров – 30-50% (Карымова, 2011). Фактор бесплодия имеет свое отражение на психологическом благополучии мужчины. Бесплодие мужчиной воспринимается как стресс, влияя на когниции и способность к регуляции эмоций (Ермошенко, 2005). Данные показатели проявляются в следующих симптомах: депрессия, тревога, заниженная самооценка, проблемы сексуальности. Нарушается способность к когнитивной регуляции эмоций. Томпсон описывал регуляцию эмоций как совокупность всех процессов, изменяющих чувства, интенсивность и другие характеристики для достижения поставленных задач (Екимчик, 2017).

Бесплодие приводило к нарушению межличностных отношений. Данные исследований отечественного ученого О.С. Карымовой констатируют изменение личности, что является следствием нарушения когниций бесплодных мужчин. Л.В. Анохин выделял такие деструктивные реакции партнеров, как: огрубление нравов, алкоголизация вследствие нарушения общего копинга партнеров (Ермошенко, 2005). Способность пары совладать со стрессом, попытки снизить эмоциональное напряжение, нацеленные на преодоление трудной ситуации, обозначаются как диадический копинг (Екимчик, 2017). В случае воздействия негативно окрашенных переживаний на партнера данные переживания представляют угрозу индивидуальному состоянию, при этом другой субъект отношений берет на себя функцию поддержки страдающего от тягот партнера. Существуют виды диадического-копинга, имеющие свою характеристику, подстраиваясь под жизненную ситуацию диады, их личность (Екимчик, 2017). Рассматривая характеристику мужского бесплодия, мужчины скрывают свои психологические страдания и заботятся о состоянии своей партнерши. Данное совладание способствует избеганию своих чувств и заставляет деструктивные мысли закрепляться в их умах.

Цель исследования – выявление особенностей когниций и диадических стратегий мужчин, страдающих бесплодием.

Гипотеза нашего исследования – предположение о различиях особенностей когниций и диадических стратегий, у мужчин с бесплодием в зависимости от поставленного диагноза.

Основные задачи исследования: дополнение теоретической основы психологии бесплодных мужчин; выявление особенностей когниций и диадического копинга у мужчин с бесплодием; разработка программ психотерапевтических и консультационных интервенций, направленных на изменение когниций и диадической стратегии у бесплодных мужчин.

Для реализации цели и задач исследования, в данный момент проводится сбор эмпирических данных. В качестве основных методов будут использованы следующие методики: опросник диадического копинга (О. А. Екимчик); опросник «Межличностной чувствительности» (А. Ю. Разваляевой); опросник когнитивной регуляции эмоций (О. Л. Писарева).

Полученные данные, будут обработаны посредством клинико-психологического метода и математического анализа. Результаты будут использованы для обогащения теоретической базы, составления психотерапевтических и консультационных программ, для мужчин, проходящих лечение бесплодия различной этиологии.

1. Екимчик О.А. Диадический копинг в российских парах: исследование психометрических качеств Опросника диадического совладания Г.Боденманна // Психологические исследования: 2017. № 55. С. 4.
2. Карымова О.С. Бесплодие как трудная жизненная ситуация: постановка проблемы // Наука и современность / С.С. Чернова. Новосибирск: 2011. С. 122-127.
3. Ермошенко Б.Г., Крутова В.А. Роль психологических факторов при бесплодии (обзор литературы) // Успехи современного естествознания. 2005. №8. С. 17-20.

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Кондратьева А.А.
ФГБУН ИПРАН

Факторы риска в развитии посттравматического стресса у детей с угрожающим жизни заболеванием

Эго-идентичность, посттравматический стресс, угрожающее жизни заболевание

Введение. Угрожающие жизни заболевания в детском возрасте создают риски не только для соматического, но и для психического здоровья ребенка, которые могут проявляться в отрицании своей болезни, в замещении представлений о себе представлениями о болезни (Vanderhaegen et al., 2024). Устойчивость Эго-идентичности при адекватной социальным, возрастным и иным жизненным переменам динамике представлений о себе рассматривается как один из показателей совладания с жизненными трудностями и сохранения способности к эмоциональной и волевой регуляции (Syed et al., 2020). В число вероятных психологических последствий переживания травматического стресса, связанного с тяжелой болезнью, включают посттравматический стресс (ПТС) (Клиническая психология, 2012). Цель исследования – проверить предположение о связи высокого уровня ПТС у детей с острым лимфобластным лейкозом (ОЛЛ), находящихся на реабилитации, и рассогласованием ретроспективных и актуальных представлений о себе.

Методы. База исследования – ФГБУ НМИЦ ДГОИ имени Д. Рогачёва, лечебно-реабилитационного научного центра Русское поле. Выборка: дети и подростки в возрасте от 10 до 16 лет (X=12 лет) с диагнозом ОЛЛ (n=20 чел.). Методики: Полуструктурированное интервью для выявления признаков посттравматического стресса у детей (ПИВППСД), методика «Личностный дифференциал» (ЛД). Процедура исследования: ПИВППСД использовали в форме беседы; в работе с методикой ЛД детям предлагалось прошкалировать «Я до болезни» и «Я сейчас».

Результаты. Респонденты были разделены на две группы по уровню переживаемого стресса на основе данных Полуструктурированного интервью (критерием деления выступило среднее значение итогового балла методики). В группах респондентов с низким и высоким уровнем стресса были прокоррелированны оценки, полученные по методике ЛД для «Я до болезни» и «Я сейчас»: при низком стрессе оценки коррелируют у 8 из 9 детей (Rs от 0.56 до 0.88 при $p<0.01$), при высоком – у 4 из 9 (Rs от 0.45 до 0.56 при $p<0.05$). Количество корреляций в группе с низким уровнем стресса значимо больше по сравнению с высоким ($\varphi^*=2.13$ при $p<0.05$). Заболевание острый лимфобластный лейкоз сопровождается рассогласованием ретроспективных и актуальных представлений о себе преимущественно при высоком стрессе. Выявлено, что актуальные и ретроспективные оценки по шкале «Оценка» методики ЛД значимо не меняются ни при низком, ни при высоком стрессе (T=17.5 и T=27 при $p>0.05$ – соответственно). Изменения обнаруживаются в оценках по шкале «Сила» (T=3 при $p<0.05$ (Мдо=33.3, Мпосле=27.11) и T=5.5 при $p<0.05$ (Мдо=34.4, Мпосле=29.4)) и «Активность», но только у респондентов с высоким уровнем стресса (T=15 при $p>0.05$ и T=8 при $p<0.05$ (Мдо=37.22, Мпосле=30.7)).

Выводы. При высоком уровне ПТС наблюдается рассогласование ретроспективных и актуальных оценок себя – в ситуации болезни ребенок склонен к интроверсии и менее уверен в своих волевых качествах.

1. Клиническая психология / Под ред. А.Б. Холмогоровой. Т. 2 М.: Изд. Центр «Академия», 2012
2. Vanderhaegen J., Raymaekers K., Prikken S., Claes L., Van Laere E., Campens S., Moons P., Luyckx K. Personal and illness identity in youth with type 1 diabetes: Developmental trajectories and associations // Health Psychology. 2024 43(5). P. 328–338.
3. Syed M., Eriksson P. L., Frisén A., Hwang C. P., Lamb M. E. Personality development from age 2 to 33: Stability and change in ego resiliency and ego control and associations with adult adaptation // Developmental Psychology. 2020 56(4). P. 815–832.

Попова Д.Е., Мерзляков Д.Е.
ФГАОУ ВО ПГНИУ

Связь личностных черт и симптомов обсессивно-компульсивного расстройства

Обсессивно-компульсивное расстройство, негативная эмоциональность, личностная тревога, психопатия

Обсессивно-компульсивное расстройство (далее – ОКР) является распространенной проблемой психического здоровья. При ОКР у человека возникают мыслительные операции и навязчивые действия, произвольно совершаемые им для снижения эмоционального напряжения (Бурно, 2001). К симптоматике ОКР относятся страх загрязнения, сомнение по поводу причинения вреда, перепроверки и прочие проявления (Карпов и др., 2022). Возрастает интерес к изучению факторов, влияющих на проявление ОКР. Одними из таких факторов могут быть личностные черты. В связи с этим возникает необходимость анализа вклада личностных характеристик в формирование симптомов ОКР. Следовательно, цель – выявление взаимосвязей между личностными чертами и выраженностью симптомов ОКР.

Выборка: 62 студента ПГНИУ (19 муж., 43 жен.) в возрасте 18-25 лет. Методы: шкала обсессивно-компульсивной симптоматики (далее – ОКС) (Карпов и др., 2022), опросник Большой пятерки (Щебетенко и др., 2022), опросник Темной тетрады (Корниенко и др., 2022), короткая версия опросника ситуативной и личностной тревоги.

Согласно результатам корреляционного анализа Пирсона, ОКС положительно связана с негативной эмоциональностью ($r=0.42$, $p<0.001$) и личностной тревогой ($r=0.40$, $p<0.001$). Для остальных переменных статистически значимых связей не обнаружено. С помощью линейной регрессии с прямым включением были построены две модели, предсказывающие уровень ОКС. Модель 1 включала в качестве предиктора негативную эмоциональность: вклад оказался значимым ($\beta=0.42$, $p<0.001$), объясненная доля дисперсии составила 16%. Модель 2 включала личностную тревогу: ее вклад также значим ($\beta=0.40$, $p<0.001$), доля дисперсии – 14.8%.

Выборка была разделена на две группы:

- Группа 1 – 32 человека с высокими показателями по шкале ОКС,
- Группа 2 – 30 человек с низкими показателями.

Между группами выявлены следующие статистически значимые различия: в группе 1 более выражены психопатия ($U=336.000$, $p<0.05$), негативная эмоциональность ($U=304$, $p<0.05$) и личностная тревога ($U=286.5$, $p<0.01$).

Результаты показали, что ОКС связано с выраженной негативной эмоциональностью и личностной тревогой: обе переменные являются значимыми предикторами. Участники с высокими показателями по шкале ОКС также демонстрировали более высокие уровни психопатии, что может отражать сложности с эмоциональной регуляцией и самоконтролем. Из этого следует, что ОКС у студентов обусловлена внутренней эмоциональной нестабильностью и трудностями саморегуляции. Что согласуется с результатами теоретического анализа В.А. Мальгина и др. (2022), которые отметили значимую роль тревоги в качестве фактора риска для развития расстройства (Мальгин и др., 2022).

1. Бурно М. Е. Дифференцированная терапия обсессивно-компульсивных расстройств // Консультативная психология и психотерапия. – 2001. – Т. 9, № 4. – С. 110–131. – URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2001_n4/Burno (дата обращения: 23.06.2025).
2. Карпов Д. С., Карпова М. С., Попова С. П., Холмогорова А. Б. Валидация русскоязычной версии шкалы обсессивно-компульсивной симптоматики МОДСЛИ (MOCI) на популяционной и клинических выборках // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 21–41. – DOI: https://doi.org/10.17759/cpp.2022300303.
3. Малыгин В. Л., Лапенина Е. А., Искандирова А. С., Пахтусова Е. Е., Меркурьева Ю. А. Особенности личностных свойств, расстройств аффективно-тревожного спектра и генетический полиморфизм у больных обсессивно-компульсивным расстройством (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. – 2022. – № 5.

Калантарова М.В., Павлова А.К., Елкайдарова Л. Р.
ФГБОУ ВО МГППУ

Проблема оценки нарушений памяти в оптико-пространственной модальности при очаговых поражениях головного мозга (ОПГМ).

Нейропсихология, пространственная память, опухоль

Введение. Проблема оценки нарушений памяти на пространство в настоящий момент остается нерешенной. Модально-специфические нарушения памяти традиционно рассматриваются как вторичные по отношению к нарушениям восприятия в той же модальности. Из литературы вопроса известно, что при поражении левого полушария, нарушается восприятие знаково-символической информации. В то время как при поражении правого полушария первично нарушается восприятие в непосредственном чувственном плане.

Цель работы – определить параметры оценки нарушений памяти в оптико- пространственной модальности в зависимости от латерализации очага поражения головного мозга.

Методы. Методика нейропсихологической диагностики Э.Г. Симерницкой – Лурия-90 (Симерницкая, 1990), краткая шкала оценки психического статуса (MMSE) (Folstein, 1975), госпитальная шкала депрессии и тревоги (HADS) (Морозова и др., 2023), опросник М.Аннет для оценки функциональной асимметрии (Хохлов, 2014). Методики для оценки пространства, не опосредованного символически – комплексная фигура Рея-Тейлора (Хохлов, 2019), трудновербализуемые фигуры. Методики для оценки опосредованного пространства – предметные изображения; копирование пространственно ориентированного рисунка «дом-дерево-забор»; запоминание геометрических фигур, связанных пространственными отношениями; слепые часы. Также была разработана процедура «изображение схемы комнаты». Экспериментальная группа: 17 человек с опухолевыми поражениями головного мозга разной локализации, 6 с левосторонним и 9 с правосторонним поражением головного мозга, возраст – 39-60 лет (медианный – 44 года).

Контрольная группа: 16 человек без нарушений здоровья головного мозга по самоотчету, возраст – 19-68 лет (медианный – 44 года).

Результаты. Память на пространство нарушается как при поражении левого, так и при поражении правого полушария. Статистически значимых различий по степени выраженности мнестических нарушений у пациентов с лево- и правополушарными ОПГМ не выявлено. Наблюдаются значимые различия по отдельным параметрам оценки. Так, при копировании и воспроизведении комплексной фигуры Рея пациенты с левосторонними ОПГМ, на фоне сохранного общего абриса фигуры, утрачивают и искажают отдельные детали, нарушают их расположение. При правополушарной патологии, напротив, отмечаются нарушения параметров центральной когерентности и фрагментарность изображения. Количество ошибок всегда больше при копировании стороны рисунка контрлатеральной очагу поражения. Легкость вербального опосредования зрительных стимулов повышает продуктивность их запоминания при правосторонних ОПГМ и снижает – при левосторонних. Полученные результаты согласуются с данными, полученными в ходе анализа литературы.

Выводы. Восприятие пространства и память на пространственно организованные стимулы нарушается при поражении обоих полушарий головного мозга, непосредственная зрительно-пространственная память нарушается более грубо при поражении структур правого полушария. Среди параметров оценки памяти в оптико-пространственной модальности можно выделить: количество ошибок при воспроизведении, допущенных в стороне стимула, контрлатеральной стороне очага поражения; продуктивность воспроизведения трудно и легко вербализуемого материала; стратегия копирования пространственно организованных стимулов (от общего к частному и от частного к общему). Исследование имеет ряд ограничений: возможно влияние медикаментозного лечения, послеоперационного состояния, осложнений, сопутствующих заболеваний, особенностей профиля латеральной организации.

1. Морозова М.А., Потанин С.С., Бениашвили А.Г., Бурминский Д.С., Лепилкина Т.А., Рупчев Г.Е., Кибитов А.А. Валидация русскоязычной версии Госпитальной шкалы тревоги и депрессии в общей популяции. Профилактическая медицина. 2023;26(4):7-14. – https :// doi . org /10.17116/ profmed 2023260417 [Электронный ресурс] (дата обращения: 09.02.2025).
2. Симерницкая Э.Г. Лурия-90: опыт применения методик А.Р. Лурии. М., 1990
3. Хохлов Н.А, Сердюк А.Е. Количественные оценки выполнения методики «Комплексная фигура Тейлора» детьми 4–17 лет // Национальный психологический журнал. – 2019 doi:10.11621/npj.2019.0109
4. Хохлов, Н.А. Модификация опросника м. Аннетт для оценки функциональной асимметрии: стандартизация и психометрические характеристики / Н.А. Хохлов, А.В. Бурова // Апробация. – 2014 – № 8 – С. 65-73
5. Folstein M.F., Folstein S.E., McHugh P.R. «Mini-mental state.» A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician // 1975 – Journal of Psychiatric Research. DOI: 10.1016/0022-3956(75)90026-6. [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.02.2025).

Потемкина Д.П., Яковлева М.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Клинический инсайт и восприятие болезни больных параноидной шизофренией

Параноидная шизофрения, осознание психического расстройства, клинический инсайт, восприятие болезни, приверженность лечению.

Введение. Согласно исследованиям, доля неприверженных лечению пациентов с шизофренией варьируется от 11% до 89% (см., напр., Чумаков, 2022; Guo et al., 2023). Особую роль в соблюдении режима лечения играет осознание своего расстройства (Novick et al., 2015). Для изучения данного аспекта используется концепция клинического инсайта (Иржевская, 2009). Цель настоящего исследования – изучение параметров клинического инсайта больных параноидной шизофренией и их связей с компонентами восприятия болезни.

Методы. Набор респондентов проводился на базе СПб ГКУЗ ГПБ №6. Выборка исследования составила 50 пациентов с параноидной шизофренией, разделенных на две подгруппы: начальная стадия развития расстройства (стаж шизофрении <5 лет, n=14) и хроническая стадия (стаж >5 лет, n=36). Применялись полуструктурированное интервью, Шкала нарушения осознания психического расстройства (ШНОПР), Краткий опросник восприятия болезни (КОВБ).

Результаты. Значимых различий между группами по шкалам ШНОПР обнаружено не было. Респонденты в целом верно называли свое расстройство (1,76±1,20, где 1 соответствует высокому инсайту, 5 – нарушенному), при этом они недостаточно четко определяли клиническую картину психического нарушения (3,16±1,39). Также было установлено, что независимо от стадии расстройства пациенты лучше определяют наличие болезненного состояния ретроспективно (2,29±1,41), чем в настоящем времени (3,10±1,39) ($p<0,05$). Различия между временными аспектами инсайта были отмечены и в отношении осознания отдельных симптомов шизофрении (без их причинной связи с расстройством) ($p<0,05$): их наличие более ясно отслеживалось в прошлом (2,69±1,34), чем в настоящем (3,02±1,44). Показатели контроля лечения (КОВБ) отрицательно коррелируют с двумя аспектами инсайта: осознанием эффекта медикаментов в настоящем и прошлом ($p<0,01$), т.е. при заполнении обоих опросников пациенты признавали положительный эффект лечения. Были отмечены связи между уровнем идентификации проявлений болезни и баллами блока ШНОПР «Социальные последствия»: лучшее определение признаков нездоровья сопровождалось осознанием понижения социального статуса ($p<0,01$) из-за развития шизофрении ($p<0,01$).

Выводы. Полученные результаты позволяют предположить, что более продолжительный стаж шизофрении не приводит к кардинальным изменениям в осознании психического расстройства. Более богатый опыт наблюдения за проявлениями собственного психического расстройства позволяет пациентам приблизиться к осознанию хронического характера шизофрении и улучшить понимание недуга в целом (оцениваемое испытуемым субъективно). При этом ощущение повышения информированности не сопровождается действительным улучшением показателей клинического инсайта. Пациенты склонны недооценивать влияние шизофрении на их жизнь, недостаточно ясно идентифицируют симптомы своего расстройства. Осознание актуальных проявлений болезни является более низким, чем симптомов, наблюдавшихся в прошлом.

1. Иржевская В.П. Нарушения осознания психической болезни при шизофрении: дис. ... канд. психол. наук. М., 2009 212 с.
2. Чумаков Е.М. Современные немедикаментозные и медикаментозные стратегии лечения шизофрении, направленные на повышение приверженности к терапии // Современная Терапия Психических Расстройств. 2022 №3. С. 58–66.
3. Guo J. et al. Influencing factors of medication adherence in schizophrenic patients: a meta-analysis // Schizophrenia. 2023 Vol. 9(1). P. 31
4. Novick D. et al. Relationship of insight with medication adherence and the impact on outcomes in patients with schizophrenia and bipolar disorder: results from a 1-year European outpatient observational study // BMC psychiatry. 2015 Vol. 15. P. 1–8.

Шишкова А.М., Бочаров В.В., Михайлов В.А.
НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева

Взаимосвязь течения болезни у пациентов с эпилепсией и восприятия семейных отношений у опекающих их родственников

Эпилепсия, тревога, депрессия, ремиссия, родственники больных

Введение. Эпилепсия представляет собой широко распространенное хроническое заболевание, часто сопровождающееся коморбидной астенодепрессивной, тревожной, соматоформной, дисфорической и другой аффективной симптоматикой. Больные, страдающие эпилепсией, могут испытывать значительные трудности не только в связи с неврологическими симптомами заболевания, но и в связи с сопутствующими им психическими нарушениями, сказывающимися как на качестве жизни самого, страдающего этим недугом, так и на благополучие его микросоциального окружения.

Среди наиболее часто отмечаемых исследователями факторов, способствующих достижению устойчивой ремиссии и психосоциальной адаптации больных эпилепсией, выступают преимущественно психосоциальные (Tedrus et. al., 2023; Tombini, Assenza, Quintiliani. et al., 2021), среди которых трудовая адаптация, снижение стигматизации и самостигматизации. Роль семейных отношений в контексте течения заболевания и стабилизации ремиссий у больных эпилепсией остается недостаточно изученной.

Целью настоящего исследования являлось изучение взаимосвязи между параметрами, отражающими течение болезни и устойчивости ремиссии у больных эпилепсией, и характером восприятия семейных отношений у опекающих их родственников.

Методы. В исследовании приняли участие 35 родственников (6 мужчин и 29 женщин, средний возраст составил 35,59; SD=5,68), опекающих больных эпилепсией, находящихся на лечении на 7 отделении НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева. Постановка диагноза больным осуществлялась экспертами – врачами, основной диагноз G40 по МКБ10. Для изучения особенностей восприятия родственниками семейных отношений применялась «Шкала семейного окружения» (ШСО) в адаптации С.Ю. Куприянова (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2006). В ходе клинической беседы заполнялась стандартизованная регистрационная карта.

Результаты. Полученные результаты продемонстрировали, что показатели восприятия внутрисемейных отношений родственниками больных (ШСО), имеют множественные разнонаправленные связи с параметрами, отражающими течение болезни и устойчивость ремиссии у опекаемых ими больных эпилепсией. Так, например, показатель шкалы «Ориентация на достижения» имеет положительную связь с параметром «частота приступов» и отрицательно коррелирует с параметром «длительность приема антиэпилептических препаратов» ($p<0,05$).

Выводы. В качестве характеристик семейного микроклимата, ассоциированных с параметрами течения болезни пациента, выступают показатели организации семейной системы, в частности, ощущение контроля за поведением членов семьи, восприятие семьи как ориентированной на социальные достижения, а также выраженность переживания конфликтности во внутрисемейных отношениях.

1. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учебное пособие. 2 изд. СПб.: Речь; 2006
2. Tedrus G.M.A.S., Leandro-Merhi V.A., Etchegaray A. Junior, et al. Family support in adults with epilepsy. Arq Neuropsiquiatr. 2023 Nov;81 11 – P. 956-960. https://doi.org/10.1055/s-0043-1777004.
3. Tombini M., Assenza G., Quintiliani L. et al. Epilepsy and quality of life: what does really matter? // Neurol. Sci. – 2021 – № 42 – P. 3757–3765. https://doi.org/10.1007/s10072-020- 04990-6

Кузнецова Ю.В., Гуткевич Е.В.
НИ ТГУ

Уровень профессионального выгорания и копинг-стратегии сотрудников психоневрологического интерната

Профессиональное выгорание, редукция профессионализма, адаптивные и неадаптивные копинг-стратегии

Введение. Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление уровня профессионального выгорания сотрудников психоневрологического интерната; показаны наиболее и наименее часто избираемые данными сотрудниками копинг-стратегии; установлены достоверные различия между общим стажем и уровнем профессионального выгорания, общим стажем и редукцией профессионализма.

Цель исследования – выявить взаимосвязь уровня профессионального выгорания и избираемых копинг-стратегий с профессиональной деятельностью сотрудников психоневрологического интерната.

Методы. Исследование включало установление социально-демографических характеристик сотрудников психоневрологического интерната, таких как пол, возраст, общий трудовой стаж, стаж работы в данном психоневрологическом интернате, профессия. Психологическая диагностика проводилась с использованием опросника «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) и методики «Индикатор копинг-стратегий» (Амирхан Д., в адаптации Н.А. Сироты, В.М. Ялтонского). Все 22 сотрудника дали информированное согласие на участие в исследовании. Средний возраст 41,63, SD = 9,0; 1 мужчина, 21 женщина; средний общий трудовой стаж 17,13 лет; средний стаж работы в данном учреждении 6,1 лет. Профессиональный состав выборки: социальных работников 7, помощников по уходу 5, медицинских сестер и медицинских работников 6, прочие профессии – 4 Для статистической обработки данных использовался t-тест для независимых выборок (двухвыборочный t-тест), выполненный в программе Statistica 13.3. Оценивалась t- статистика, которая измеряет разницу между средними значениями в выборке, а также p- значение, чтобы определить статистическую значимость наблюдаемой разницы.

Результаты. Высокие абсолютные значения t-теста указывают на более значимую разницу между общим стажем и уровнем профессионального выгорания (t= -53,26; p=0,00), между общим стажем и редукцией профессионализма (t= -2,31; p=0,02). Чем больше общий трудовой стаж, тем ниже уровень профессионального выгорания и склонность к редукции профессионализма. Набор избираемых сотрудниками социального учреждения копинг-стратегий достоверно связан с переменной «общий стаж» (p=0,00). Так, выявили достоверные различия между переменными «общий стаж» и «копинг-стратегия разрешение проблем» (t= -53,49), общий стаж» и «копинг-стратегия социальная поддержка» (t= -53,22), общий стаж» и «копинг-стратегия избегание проблем» (t= -53,21). Сотрудница с общим трудовым стажем от 30 до 40 лет выбирает такие копинг-стратегии, как разрешение проблем и социальная поддержка (средний уровень), сотрудники с общим стажем от 20 до 30 лет делают аналогичный выбор, общий стаж «10 – 20 лет» достоверно связан с такими копинг- стратегиями, как разрешение проблем и социальная поддержка, сотрудницы с общим трудовым стажем от 0 до 10 лет выбирают такие копинг-стратегии, как разрешение проблем и социальная поддержка. Сотрудники с общим трудовым стажем от 10 до 30 лет достоверно чаще выбирают такую копинг-стратегию, как разрешение проблем (высокий уровень), реже выбирают копинг-стратегию «социальная поддержка» и не выбирают «избегание проблем» (в обоих случаях – низкий уровень).

Абсолютные значения t-теста свидетельствуют о достоверных различиях между профессией и деперсонализацией (t= 77,17; p=0,00), между профессией и редукцией профессионализма (t= 33,83; p=0,02). Такие показатели позволяют предположить, что представители данных профессий склонны к эмоциональному отстранению и безразличию, к развитию профессионального цинизма и раздражительности, к формальному выполнению своих рабочих обязанностей (деперсонализация), а также негативно оценивают результаты своего труда и возможности для профессионального развития (редукция профессионализма).

Набор избираемых респондентами копинг-стратегий достоверно связан с профессией (p=0,00), показатели t-теста для копинг-стратегии «избегание проблем» (t=6,28; p=0,00), копинг-стратегии «социальная поддержка» (t=6,09; p=0,00), копинг-стратегии «разрешение проблем» (t=4,91; p=0,00). Помощники по уходу склонны к выбору такой копинг-стратегии, как «поиск социальной поддержки», что свидетельствует об их потребности обращения за помощью или советом к другим сотрудникам. Для медицинских сестер, заведущего отделением социальной реабилитации копинг-стратегия социальной поддержки менее характерна.

Выводы. В целом для выборки характерен средний уровень профессионального выгорания, сотрудники склонны к рефлексии своего психического состояния, следят за своим психологическим здоровьем и замечают у себя признаки профессионального выгорания. Представители данных профессий – сотрудники психоневрологического интерната – склонны обесценивать результаты своего труда и эмоционально отстраняться от работы. Возможно, этим и обусловлен наиболее частотный выбор копинг-стратегии «социальная поддержка» респондентами.

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008 358 с.
2. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. 1994 №1. С. 63-74.

Зазимко А.С., Бурина Е.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Сравнительный анализ особенностей переживания супружеской утраты

Совладание с утратой, смерть, развод, DPM

Утрата супруга занимает особое место среди всех типов утрат, ввиду специфики диадических отношений, предполагающих тесную психологическую и социальную связь между романтическими партнерами (Buur C. et al.,2024). В последние 10 лет отмечается рост числа работ, использующих для описания переживания утраты вследствие развода лексику традиционно относимую к переживанию смерти близкого, что сопровождается дискуссией о корректности такого подхода (Klurfeld Z.B. et al., 2020). Несмотря на это, крайне ограничено число исследований, в которых проводился бы сравнительный анализ переживания утраты вследствие смерти романтического партнёра и вследствие развода. В связи с чем было проведено исследование, целью которого явилось изучение индивидуально-психологических особенностей горевания в ситуации утраты романтического партнера. Исследование получило одобрение Этического комитета СПбПО.

Выборку составили 58 женщин: 28 из них столкнулись с утратой вследствие смерти романтического партнера (группа «С»), 30 – вследствие развода/расставания (группа «Р»). Критериями формирования выборки выступили: женский пол; совершеннолетие; наличие опыта утраты супруга/романтического партнера давностью год; отсутствие беременности на момент исследования. Респонденты не должны были состоять на учете в психоневрологических диспансерах и принимать психотропные препараты. Средний возраст женщин из группы «С» составил 35 лет, из группы «Р» – 28 лет. Методы исследования включали в себя: авторские скрининг и полуструктурированное интервью; методики «Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL – 90)» (Derogatis L.R., 1977; адаптация Тарабриной Н.В., 2001), «Тест-опросник «Стратегии совладающего поведения» (Вассерман Л.И. и др., 2009), «Опросник повседневной жизни утратившего (IDBL)» (Caserta M.S., Lund D.A., 2007; адаптация Marcon O., 2020; перевод и первичная апробация данной методики на российской выборке была проведена в рамках данного исследования). Статистически достоверные различия ($p<0,05$) не были выявлены в отношении выраженности психопатологической симптоматики. Вместе с тем респонденты из группы «С» статистически достоверно ниже субъективно оценивают свое состояние, чем респонденты группы «Р» ($U=577$, $p=0,014$). Кроме того, респонденты группы «С» чаще сообщают о значительных нарушениях в социальной, профессиональной и других сферах жизни ($\chi2=3,46$; $p=0,06$) и описывают более широкий спектр феноменов ложного узнавания.

Наибольший интерес представляют различия в том, как респонденты описывают переживания, которые беспокоят на данный момент их сильнее всего. Самыми распространенными в группе «С» являются следующие ответы: «одиночество»; «потеря смысла жизни»; «беспомощность»; «апатия»; «тоска по умершему». Когда же в группе «Р» – «переживания о невозможности найти более подходящего человека для романтических отношений, чем бывший партнёр»; «карьера»; «актуальные отношения с новым партнёром»; «переживания о будущих романтических отношениях». Таким образом, у женщин, переживающих супружескую утрату, не выявляются различия в выраженности психопатологической симптоматики и частоте встречаемости большей части признаков осложненного горя. Однако выявляются различия как в субъективной оценке своего состояния, так и в том, какие переживания являются для утративших наиболее значимыми. У женщин, переживающих утрату вследствие смерти, они напрямую связаны с ситуацией утраты, а у женщин, переживающих развод – вторичны по отношению к ситуации утраты.

1. Buur C. et al. Risk factors for prolonged grief symptoms: A systematic review and meta- analysis //Clinical Psychology Review. – 2024 – Т. 107.
1. Klurfeld Z.B. et al. Comparing the nature of grief and growth in bereaved, divorced, and unemployed individuals //Journal of Affective Disorders. – 2020 – Т. 274.

Кошанская А.Г.
ФГБОУ ВО МГТУ, ФГБОУ ВО АГУ

Особенности проявления агрессивности у больных сахарным диабетом II типа

Сахарный диабет II типа, агрессия, враждебность, тревога, депрессия, копинг-стратегии

Введение. Сахарный диабет (СД) II типа является психосоматическим заболеванием, рост которого продолжается в России и составляет 92,33% всех больных СД (Дедов И.И., Шестакова М.В. и др. 2023). Болезнь меняет эмоциональное состояние больных СД II типа, усиливая спектр негативных эмоций, что отражается на приверженности к лечению (Яркова Н.А., 2016). Особенности проявления агрессивности у больных СД II типа оказывают влияние на развитие и исход заболевания, приводя к нарушению терапевтического режима и нарастанию тяжести течения заболевания (Бобров А.Е., 2018). Раннее выявление проявлений агрессивности при СД II типа и профилактическая работа с пациентами будет способствовать лучшей компенсации диабета. Цель исследования: изучить особенности проявления агрессивности у больных СД II типа.

Методы. На базе эндокринологического отделения ГБУЗРА «Адыгейская республиканская клиническая больница» нами обследовано 949 больных. Группу разделили на две подгруппы: 508 пациентов с инсулиннезависимым СД (ИНСД) и 441 – с инсулинпотребным СД (ИПСД). Сравнение показателей произведено с группой контроля (114 человек). Психологическая диагностика проведена методиками: опросником агрессивности А. Басса, М Перри; шкалами А. Бека депрессии, самооценки уровня тревоги и безнадежности; Торонтской Алекситимической Шкалой и опросником «Когнитивной регуляции эмоций» Н. Гарнефски и В. Крайга. Полученные данные обработаны при помощи программы Statistica 10

Результаты. По методике агрессивности А. Басса, М Перри выявлено, что у больных СД II типа по сравнению с группой контроля значимых различий по проявлению общей агрессивности не найдено (p=0,222), это характеризует их как не склонных к проявлению агрессии. При помощи опросника «Когнитивная регуляция эмоций» Н. Гарнефски и В. Крайга отмечено, что больные СД II типа преимущественно пользуются продуктивными когнитивными стратегиями регуляции аффективных переживаний, способствующие успешной адаптации: «принятие» того, что случилось, «позитивная перефокусировка» с отвлечением мыслей на приятные события, «фокусирование на планировании», «рассмотрение в перспективе». Повышение уровня проявления агрессивности с использованием деструктивных стратегий чаще отмечалось у больных ИПСД с длительностью заболевания более 10 лет (p=0,05) и с декомпенсированным течением, в частности, таких как «самообвинение» с чувством вины за случившееся; «руминации» со склонностью к постоянным размышлениям о пережитой трудной ситуации; «катастрофизации» с обдумыванием глобальных размеров произошедшего события и его отрицательных последствиях с аффективной фиксацией на негативных событиях; «обвинение других» с перекладыванием вины за окружающих. В группе ИПСД с декомпенсированным течением симптомы алекситимии, тревоги и депрессии более выражены, по сравнению с респондентами I группы (p=0,048). Агрессия у таких пациентов появляется косвенно с повышением уровня враждебности и безнадежности (p=0,0215; r=0,31), наблюдается резкость по отношению к окружающим и гнев (p=0.0034).

При увеличении длительности заболевания опасаются пациенты не отвержения со стороны окружающих, а угрозу стать обузой для близких, или попасть от них в зависимость. Повышение уровня алекситимии в сочетании с тревожно-депрессивным расстройством приводят к гиперактивации симпатоадреналовой системы, вызывая увеличение содержания кортизола и катехоламинов в крови, что повышает риск проявления гнева и враждебности.

Выводы. Больные СД II типа не позволяют себе открыто выражать агрессию, скрывая и подавляя ее, чаще используя продуктивные когнитивные стратегии. Агрессия проявляется косвенно, через враждебность, подозрительность или чувство вины. Проявления агрессивности больше появляется при ИПСД, как более тяжелой форме течения заболевания, и взаимосвязано с тяжестью и длительностью течения заболевания, повышением уровня алекситимии, тревоги и депрессии, что сопровождается использованием деструктивных стратегий регуляции эмоций: руминация, катастрофизация и обвинения других.

1. Бобров А.Е. Психические расстройства у больных сахарным диабетом 2-го типа / А.Е. Бобров, М.Н. Володина, И.Н. Агамамедова и др. // РМЖ. 2018 №1(I). С.28-33.
2. Дедов И.И., Шестакова М.В., Викулова О.К., Железнякова А.В., Исаков М.А., Сазонова Д.В., Мокрышева Н.Г. Сахарный диабет в Российской Федерации: динамика эпидемиологических показателей по данным Федерального регистра сахарного диабета за период 2010 – 2022 гг. // Сахарный диабет. 2023 №26(2). С.104-123. URL: https://doi.org/10.14341/DM13035.
3. Яркова Н.А. Приверженность к лечению больных сахарным диабетом 2-го типа и пути ее оптимизации / Н.А. Яркова, Н.Н. Боровков // Клиническая медицина. 2016 № 94(9). С. 688-692.

Баженова Д.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Половые различия в психоэмоциональном состоянии у пожилых пациентов с когнитивными нарушениями

Психоэмоциональное состояние, пожилой возраст, гендерные различия

Введение. Старение населения сопровождается ростом числа когнитивных расстройств. По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2050 году число людей с деменцией может превысить 150 миллионов человек, и уже к 2040 году она станет третьей по значимости причиной смерти в мире (WHO, 2021). Наряду с нейрокогнитивным статусом особую важность приобретают психоэмоциональные характеристики пациентов с когнитивными расстройствами, так как они влияют на субъективную оценку качества жизни. Исследования показывают, что у женщин субъективное восприятие когнитивного снижения тесно связано с ухудшением качества жизни и сопровождается повышенным уровнем депрессии, бессонницы и болевых ощущений. Напротив, у мужчин снижение качества жизни связано преимущественно с физическим состоянием – болью и признаками физической слабости, тогда как субъективное когнитивное снижение не оказывало значимого влияния (Goda et al., 2025).

Понимание половых различий в эмоциональном и поведенческом профиле пожилых пациентов с диагнозом «Легкое когнитивное расстройство» (ЛКН) важно не только с точки зрения прогноза, но и для разработки эффективных программ реабилитации.

Исследование направлено на анализ гендерных различий в психоэмоциональной сфере и показателях качества жизни у пожилых пациентов с когнитивными нарушениями.

Методы. Исследование представляет собой ретроспективный анализ данных, собранных в 2020-2022 годах в рамках лонгитюдного исследования. В выборку вошли 223 пациента (муж/жен – 22/200 чел.) с преимущественно высшем образованием с выставленным диагнозом ЛКН. Психоэмоциональное состояние оценивалось с использованием шкалы тревоги и депрессии HADS, качество жизни – по опроснику SF-36. Данные собирались до и после курсов нейрореабилитации. Участники исследования могли проходить разное количество курсов нейрореабилитации, между каждым курсом был промежуток 1 год.

Результаты. Мужчины имели более низкий уровень тревожности в начале второго курса реабилитации ($p = 0.007$, $d = –1.616$) и в конце четвертого ($p < 0.001$, $d = –2.333$). Также у мужчин отмечены менее выраженные депрессивные симптомы после завершения второго курса реабилитации ($p = 0.008$, $d = –0.92$). При оценке качества жизни (SF-36) мужчины показали более высокие баллы по шкале физического ($p < 0.001$, $d = 1.141$) и социального функционирования ($p = 0.005$, $d = 1.174$) в начале второго круга реабилитации, а также по шкале ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием, при третьем обращении ($p = 0.006$, $d = 1.66$). При этом женщины чаще жаловались на болевые симптомы ($p = 0.022$).

Когнитивные показатели (MMSE, MoCA, CDT) не выявили статистически значимых различий между полами, за исключением тенденции к более низким значениям MoCA у мужчин при первом обращении в реабилитационный центр ($p = 0.052$ и $p = 0.06$), что не достигло уровня значимости, вероятно, из-за малой численности мужской подгруппы.

Выводы. Полученные результаты демонстрируют наличие половых различий в психоэмоциональном состоянии у пожилых пациентов с когнитивными нарушениями. Мужчины демонстрировали более стабильное эмоциональное состояние и более высокую оценку физического и социального функционирования. При этом женщины чаще сообщали о тревоге, болевых ощущениях и ухудшении общего самочувствия, несмотря на сопоставимые когнитивные показатели. Исследование требует увеличения выборки для сопоставления полов.

1. Goda A., Nakano H., Kikuchi Y., Horie J., Shiraiwa K., Abiko T., Katsurasako T., Mori K., Murata S. Relationship Between the Severity of Subjective Cognitive Decline and Health-Related Quality of Life in Community-Dwelling Older Adults: A Cross-Sectional Study Focusing on Sex Differences // Journal of Dementia and Alzheimer's Disease. 2025. 2(2), 11.
2. World Health Organization [WHO]. (2021). Global status report on the public health response to dementia.

Кленкова А.Д.
ФГБОУ ВО РязГМУ

Роль отношения к здоровью в формировании посттравматического роста пациентов с колоректальным раком

Посттравматический рост, отношение к здоровью, колоректальный рак

В последние десятилетия наблюдается значительный прогресс в диагностике и лечении онкологических заболеваний. Несмотря на это, для большинства пациентов постановка диагноза и прохождение противоопухолевой терапии остаются травмирующим событием. Среди адаптационных реакций особое место занимает феномен посттравматического роста (ПТР). В отечественных и зарубежных исследованиях уделяется внимание выявлению факторов, способствующих развитию ПТР. В качестве одного из потенциальных факторов может выступать отношение к здоровью. Отношение к здоровью формирует активную жизненную позицию пациента, способствует осознанному восприятию болезни и стимулирует адаптивные стратегии совладания (Березовская, 2011).

Цель исследования – изучение роли отношения к здоровью в формировании посттравматического роста у пациентов с колоректальным раком.

Методы: В исследовании приняли участие 54 пациентов с колоректальным раком II-III стадии, средний возраст 37±7, с выраженным ПТР по результатам «Опросник посттравматического роста (ОПТР)». Использовались следующие методики: «Шкала субъективной оценки воздействия травматического события (адаптация Н.В. Тарабриной)», Методика оценки качества жизни онкологических пациентов с колоректальным раком EORTC QLQ-C30 (версия 3) и EORTC QLQ-CR29 Scoring Manual, «Опросник исследования здоровьесберегающей деятельности (ИЗД) Н.В. Яковлевой»; «Шкала субъективной витальности как состояния (Vt-s)» Л.А. Алесандровой, «Опросник совладания со стрессом» (COPE) (версия Е.А. Ивановой-Н.Г.Гаранян), «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера, М. Ерусалема, «Тест оценки оптимистического атрибутивного стиля СТОУН-В» Т.О. Гордеевой. Применялся факторный анализ, метод вращения Varimax с нормализацией Кайзера, который позволил выделить 3 основных фактора.

Factor 1 «Проактивное управление здоровьем» представлен такими показателями как «самоэффективность» (r=0,564), «планирование» (r=0,66), «целеполагание в области ЗСП» (r=0,674), «использование эмоциональной социальной поддержки» (r=0,741). Пациенты не только верят в свои возможности справляться с трудностями, но и целенаправленно планируют действия, ставят конкретные цели для укрепления здоровья и активно используют ресурсы поддержки окружающих.

Factor 2 «Позитивная установка на выздоровление» объединяет в себе высокие значения по шкалам «когнитивное функционирование» (r=-0,443), «самооценка ЗСП» (r=0,589), «субъективная витальность как состояние» (r=0,414), «юмор» (r=0,5), «общий уровень оптимизма» (r=0,581).

Factor 3 «Оптимистичное ролевое функционирование» включает «ролевое функционирование» (r=0,532), «принятие» (r=0,701), «вторжение» (r=-0,406), «оптимизм в межличностных отношениях» (r=0,413). Наблюдается способность пациентов включать новую роль «онкологического пациента» в привычные ролевые функции и принимать ситуацию заболевания.

Выводы: Отношение к своему здоровью – комплексная характеристика, оказывающая влияние на уровень выраженности посттравматического роста онкологических пациентов. Выделенные факторы «Проактивное управление здоровьем», «Позитивная установка на выздоровление» и «Оптимистичное ролевое функционирование» демонстрируют связь между осознанным поведением, эмоциональной устойчивостью и социальной адаптацией. Пациенты с высоким уровнем ПТР осознанно и целенаправленно используют внутренние и внешние ресурсы для управления своим здоровьем и стрессом.

1. Березовская Р.А. Исследование отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. №1. С. 221-227.

Арсентьева Н.В.
СФ ГАОУ ВО МГПУ

Взаимосвязь эмоционального абьюза, созависимости и удовлетворенности отношениями у женщин

Эмоциональный абьюз, созависимость, удовлетворенность отношениями, женщины

Введение. Насилие в семье, особенно его эмоциональная форма, является серьезной социальной проблемой, оказывающей разрушительное воздействие на психическое здоровье женщин (Smith, 2019). Часто опыт переживания абьюза связан с формированием созависимых паттернов поведения, что значительно затрудняет выход из деструктивных отношений (Козлова, Петров, 2021). Понимание данной взаимосвязи критически важно для разработки эффективных мер психологической поддержки, особенно с учетом того, что исследования подтверждают прямую связь между психологическим насилием и снижением удовлетворенности отношениями (Miller, 2017). Целью данного исследования является изучение взаимосвязи между уровнем эмоционального абьюза, уровнем созависимости и уровнем удовлетворенности отношениями у женщин.

Методы. В эмпирическом исследовании, проведенном в мае 2025 года, приняли участие 20 женщин в возрасте от 25 до 55 лет, состоящих в романтических отношениях. На основе результатов методики «Индекс удовлетворенности пар» (CSI) выборка была разделена на две группы: экспериментальную (n=10) с клинически низким уровнем удовлетворенности отношениями (балл по CSI < 105) и контрольную (n=10) с удовлетворительным уровнем (балл по CSI ≥ 105). Процедура исследования включала анонимное онлайн-анкетирование с использованием следующих психодиагностических методик: «Индекс удовлетворенности пар» (CSI, J. Funk, R. Rogge, 2007), «Шкала скрытого и явного эмоционального абьюза» (SOPAS, L. Marshall, 1999) и «Шкала созависимости» (B. Weinhold, J. Weinhold, 1989). Для статистической обработки данных использовались непараметрические методы: U-критерий Манна-Уитни для сравнения групп и коэффициент корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей.

Результаты. Сравнительный анализ выявил статистически значимые различия между группами. Женщины с низкой удовлетворенностью отношениями продемонстрировали значительно более высокий уровень воспринимаемого эмоционального абьюза ($p < 0.001$), соответствующий выраженному уровню по шкале SOPAS, и созависимости ($p = 0.043$), соответствующий среднему уровню по шкале Уайнхолд, по сравнению с женщинами из контрольной группы. Корреляционный анализ на всей выборке (N=20) подтвердил наличие сильной отрицательной взаимосвязи между уровнем эмоционального абьюза и удовлетворенностью отношениями ($\rho = -0.72$, $p = 0.001$). Также была обнаружена умеренная отрицательная корреляция между уровнем созависимости и удовлетворенностью отношениями ($\rho = -0.41$, $p = 0.043$). Кроме того, установлена статистически значимая умеренная положительная взаимосвязь между уровнем эмоционального абьюза и уровнем созависимости ($\rho = 0.58$, $p = 0.008$).

Выводы. Результаты исследования полностью подтвердили основную гипотезу. Установлено, что эмоциональный абьюз является мощным фактором, напрямую и значительно снижающим удовлетворенность женщин отношениями. Созависимость выступает фактором уязвимости, который также негативно связан с удовлетворенностью и положительно коррелирует с переживанием насилия, что может указывать на наличие порочного круга, где созависимые черты способствуют попаданию в абьюзивные отношения, а длительное пребывание в них усугубляет эти черты (Герман, 2004). Полученные данные подчеркивают необходимость комплексного подхода в психологической помощи женщинам, включающего работу как с последствиями насилия, так и с созависимыми паттернами поведения (Битти, 2020).

1. Битти М. Спасение от созависимости: как перестать контролировать других и начать заботиться о себе. М.: ЭКСМО-Пресс, 2020.
2. Герман Дж.Л. Психологическая травма и путь к выздоровлению: открытие неосознаваемого. М.: Когито-Центр, 2004
3. Козлова А. В., Петров И. Н. Динамика абьюзивных отношений // Вестник психологических исследований. 2021. Т. 15, № 3. С. 45–60.
4. Miller B. The Relationship Between Psychological Abuse and Relationship Satisfaction in Women // Journal of Interpersonal Violence. 2017. Vol. 32, № 10. P. 1500–1518.
5. Smith J. Emotional Abuse and Its Impact on Women's Mental Health // Journal of Applied Psychology. 2019. Vol. 45, № 3. P. 112–125.

Кудрявцева А.С., Яковлева М.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Образ врача в восприятии пациентов ревматологической клиники: разработка исследования

Медицинская психология, ревматология, взаимодействие врача и пациента, образ врача

Взаимодействие врача и больного в современной медицинской практике значительно отличается от идеализированной картины общения, сложившейся в классической литературе по медицинской этике и деонтологии. Врач сегодня воспринимается не столько эксклюзивным обладателем медицинской информации и технологий лечения, сколько специалистом, оказывающим социальную услугу. Изменяется и типаж современного пациента: он становится активным, знающим и требовательным потребителем услуги, ориентированным не только на медицинский эффект лечения, но и на качество жизни, социальные и психологические аспекты состояния, стоимость лечения. Контрактные отношения врача и больного приобретают новые сложные контуры, что приводит к нереалистичным представлениям пациента о возможных результатах лечения, сомнениям в компетентности и честности врача. (Яковлева, 2019)

Пациенты часто ожидают от врача соответствия определенному образу, ассоциирующемуся с профессионализмом и заботой о здоровье. Таким образом, правильное восприятие врача пациентом, умение врача общаться с пациентом и имидж врача являются важными аспектами современной медицины. Они способствуют формированию доверия между врачом и пациентом, что, в свою очередь, ведет к более эффективному лечению и улучшению здоровья общества в целом. (Семенникова, 2024)

Основная цель исследования – выявить представления пациентов ревматологической клиники об идеальном враче и их связь с социально-демографическими, клиническими и психологическими характеристиками пациентов, в частности с их эмоциональным состоянием, личностными чертами, особенностями межличностных отношений, отношением к заболеванию и приверженностью лечению.

В работе используются клинико-психологический метод (структурированное интервью, анализ медицинской документации) и психометрические методики (DASS-21, КОВБ, КОП-25, КОБП, Личностный дифференциал, методика Т. Лири). В исследование включаются пациенты, госпитализированные в отделение ревматологии ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова» Минздрава России.

Научные результаты будут представлены в виде детального анализа факторов, формирующих образ врача, на основе психодиагностического исследования характеристик пациентов и их восприятия ситуации болезни и лечения, а также предложены новые подходы к изучению этих факторов в контексте ревматологии.

Работа предполагает создание модели идеального образа врача для пациентов с ревматологическими заболеваниями, что может служить основой для дальнейших исследований в области медицинской психологии, медицинской этики и социологии.

Практические результаты будут заключаться в разработке рекомендаций для медицинских учреждений по совершенствованию взаимодействия врача и пациента с учетом клинических и индивидуально-психологических особенностей пациентов.

1. Семенникова Н.В., Шойхет О.В. Врач и пациент. Факторы, влияющие на восприятие врача пациентом // Scientist (Russia). 2024 №4(30). С. 176–178.
2. Яковлева Н.В. Конфликтный потенциал профессиональной медицинской деятельности: организационный и личностный аспекты // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журн. 2019 Т. 7, №4 (27). URL: http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=400. doi: 10.23888/humJ20194583-596.

Любчинская А.С., Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические аспекты внутренней картины болезни у женщин с идиопатическим бесплодием

Идиопатическое бесплодие, внутренняя картина болезни, психологическая адаптация

Введение. В современном психологическом и медицинском контексте большое значение приобретает понимание того, как женщины с бесплодием неясного генеза воспринимают свое состояние. Поскольку отсутствуют подтвержденные органические причины идиопатического бесплодия (ИБ), внутренний образ болезни формируется на основе личных переживаний, убеждений, социальных факторов и психологических особенностей.

Под внутренней картиной болезни (ВКБ) понимается субъективное восприятие пациентом своего заболевания: «...весь огромный внутренний мир больного, который состоит из весьма сложных сочетаний восприятия и ощущений, эмоций, аффектов, конфликтов, психических переживаний и травм» (Болбат, 2021).

Восприятие бесплодия влияет на эмоциональное состояние женщины, ее поведение и отношение к лечению. В случае бесплодия без органических причин женщина может воспринимать себя как «больную», «нездоровую», или же испытывать ощущение несправедливости и вины.

Актуальность. В научной литературе данная тема остается мало освещенной, исследования ВКБ чаще проводятся в отношении женщин с воспалительными, гормонозависимыми и онкологическими заболеваниями репродуктивной системы. При различных гинекологических заболеваниях формируются определенные типы отношения к болезни:у пациенток с воспалительными процессами преобладает ипохондрический тип, характеризующийся преувеличением тяжести симптомов и потребностью во внимании, у женщин с гормонозависимыми нарушениями – сенситивный тип, связанный со страхом осуждения и избегания со стороны окружающих (Киналь и др., 2020). Исследование ВКБ при онкологических заболеваниях репродуктивной системы выявило, что большинство женщин демонстрируют адаптивный тип отношения к болезни (70%), у части пациентов наблюдается смешанный (15%) и диффузный (5%) тип, что говорит о несформированности и рассогласованности ВКБ (Дейнека и др., 2022). Изучение особенностей ВКБ у женщин с ИБ является важной проблемой и имеет научное и практическое значение, поскольку позволяет углубить понимание психологических факторов, влияющих на течение заболевания, а также способствует развитию эффективных методов психокоррекционной и консультативной работы с данной категорией пациенток.

Целью исследования является выявление психологических аспектов внутренней картины болезни у женщин с идиопатическим бесплодием.

Методы. Планируется исследовать 30 женщин репродуктивного возраста (25–49 лет) с официально установленным диагнозом «идиопатическое бесплодие».

Исследование состоит из полуструктурированного интервью и 3 психодиагностических методик: «Тип отношения к болезни»; «Опросник когнитивных представлений о болезни»; «Опросник локуса контроля болезни». Методики адаптированы для женщин с ИБ, интервью включает вопросы, направленные на изучение жизненного анамнеза, мотивов материнства и социально-демографических характеристик респондентов.

Ожидаемые результаты, выводы. Исследование позволит систематизировать представления женщин с ИБ о собственном состоянии, что расширит понимание ВКБ данной категории пациентов. На основе полученных данных представляется возможной разработка плана психологического сопровождения женщин с ИБ.

1. Болбат Н. С. Внутренняя картина болезни. Реакция личности на болезнь. – 2021
2. Дейнека Н. В., Ковшова О. С., Калашникова В. В. Реабилитационный потенциал женщин при онкологических заболеваниях репродуктивной системы // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. – 2022 – №. 11 (213). – С. 639-645.
3. Киналь Е. Н., Казанцева Н. В., Иванова А. В. Изучение внутренней картины болезни у женщин с гинекологическими заболеваниями – 2020 – С. 105-110.

Дмитриева Н.Г., Ениколопов С.Н.
ФГБНУ НЦПЗ

Баташов Р.А.
РЭУ имени Г.В. Плеханова

Особенности распознавания запахов у пациентов с заболеваниями шизофренического спектра

Обоняние, шизофрения, негативная симптоматика

Введение. Исследование функции обоняния на данный момент востребовано в медицинской практике, в рамках дополнительного диагностического критерия при изучении нейроденегенеративных расстройств (Морозова и др.,2014; Yusuke et al., 2017). Имеются подтвержденные данные, где отмечается взаимосвязь дизосмий (преимущественно нарушения идентификация запахов) с наличием дефицитарной симптоматики и нарушений актуального эмоционального состояния у пациентов с заболеваниями шизофренического спектра (Turetsky et al., 2008, Kamath et al.,2014). Имеющиеся исследования указывают на то, что показатели обонятельной чувствительности могут рассматриваться, как предикторы ранних симптомов психического заболевания с возможностью дифференциальной диагностики.

Целью данного исследования является изучить функцию обонянию через особенности распознавания запахов у пациентов с расстройствами шизофренического спектра в сравнении со здоровыми лицами. Также изучить взаимосвязь уровней распознавания запахов с показателями актуального эмоционального состояния и негативной симптоматики у пациентов с шизофренией.

Материалы и методы. В исследование были включены пациенты, проходящие стационарное лечение в Научном центре психического здоровья. Пациенты (N=79) с расстройствами шизофренического спектра (F20,F21,F23,F25), первого психического эпизода и с хронической формой течения болезни. В качестве группы сравнения были включены люди, не страдающие психическими расстройствами (N=78).

Для исследования идентификации запахов использовался профессиональный «Набор пахучих веществ ольфактометрический» компании «РАМОРА».

Для определения степени выраженности негативной симптоматики использовалась Шкала оценки негативной симптоматики (Scale for the Assessment of Negative Symptoms), для определения актуального эмоционального состояния были выбраны следующие опросниковые методы: Опросник депрессии А.Бека; Шкала ангедонии Снайта-Гамильтона; Опросник уровня агрессии Басса- Перри; Интегративный тест тревожности А.П. Бизюка. Для статистического анализа использовался программный пакет IBM SPSS 26 Для сравнения средних значений двух или более выборок использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), учитывая множественные сравнения с применением поправки Бонферрони.

Для выявления взаимосвязей использовался корреляционный анализ по Спирмену с допустимой ошибкой $p<0,05$. Результаты и их обсуждение:

По однофакторному дисперсионному анализу выявляются статистически значимые различия в идентификации запахов в двух испытуемых группах ($F(2,191)=[12,736]$, $p<0,001$. По результатам поправки Бонферонни было выявлено, что среднее значение уровня распознания запахов значительно различается в группе пациентов с шизофренией по сравнению с контрольной группой респондентов ($p<0,05$), что подтверждает предыдущие исследования[1]. Было выявлено, что пациенты с шизофренией имеют трудности распознавании определенных запахов в сравнении с контрольной группой респондентов: корицы ($p<0,001$), гвоздики ($p=0,001$), ананаса ($p=0,003$) и розы ($p=0,01$). По результатам корреляционного анализа не было выявлено взаимосвязи общего уровня распознавания запахов с показатели актуального эмоционального состояния у пациентов с шизофренией. Тем не менее, при изучения взаимосвязи распознавания отдельных одорантов было получено:

1. Чем ниже способность идентификации запаха гвоздики, тем выше показатели по враждебности ($r=-0,25$, $p=0,04$) и гнева ($r=-0,24$, $p=0,02$);
2. Чем выше способность идентификации запаха ананаса, тем выше показатели по социальной защите ($r=0,36$, $p=0,003$);

При исследовании взаимосвязи показателей уровня распознания запахов с показателями степени выраженности негативной симптоматики в группе пациентов с шизофренией было выявлено, что чем выше уровень негативной симптоматики, тем ниже уровень распознания запахов ($r=-0,27$, $p=0,03$).

Выводы:

1. У пациентов с шизофренией выявляется снижение уровня идентификации запахов, по сравнению с лицами, не страдающими психическими расстройствами;

2. Обнаруживаются специфические различия в идентификации определенной группы
3. одорантов у пациентов с шизофренией и контрольной группой респондентов;
4. У пациентов с расстройствами шизофренического спектра отмечается взаимосвязь по идентификации отдельных одорантов с показателями актуального эмоционально-
5. личностного состояния;
6. Выявляется взаимосвязь уровня распознавания запахов с показателями негативной симптоматики.

1. Морозова С.В., Савватеева Д.М. «Обонятельные расстройства у пациентов с нейродегенеративными и психическими заболеваниями» //«РМЖ» 2014 №9. С.673
2. Kamath V, Lasutschinkow P, Ishizuka K, Sawa A.,Olfactory Functioning in First-Episode Psychosis// Schizophr Bull. 2018 Apr 6;44(3):672-680
3. Turetsky B., Kohler C., Gur R., Moberg P.,Olfactory physiological impairment in first-degree relatives of schizophrenia patients.//Schizophr Res. 2008 Jul;102(1-3):220-9
4. Ryo Y., Takeuchi M, Uedaa N., Ohib K., Kiharab Hiroaki, Shimada T., Uehara T., Kawasaki Y. ,Olfactory function in neuropsychiatric disorders //Psychiatry Research 252 (2017) 175–179

Щелкова О.Ю., Яковлева М.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психосоциальные характеристики кардиохирургических пациентов с различной приверженностью лечению

Кардиохирургия, приверженность лечению, восприятие болезни

Актуальность. Установлена опасность низкой приверженности лечению в клинике кардиологических заболеваний (Levy et al., 2018), требующая введения специализированных программ повышения приверженности (Там же), ориентированных на особенности не только заболевания, но самого пациента. Это определило цель исследования: проанализировать психосоциальные и клинико-психологические характеристики пациентов с нарушениями ритма сердца (НРС) с различной приверженностью лечению.

Метод. Исследованы 77 пациентов с НРС (средний возраст 57,09±13,6 лет; мужчины – 44,2%), проходящих лечение методом радиочастотной аблации. Преобладали диагноз фибрилляция предсердий и пароксизмальная форма аритмии; средняя длительность заболевания – 5,92±0,58 лет. Большинство пациентов имели собственную семью (59,2%) и детей (86,8%); более ¼ пациентов одиноки; 43,4% пациентов сохранили трудовой статус. Использованы: интервью, анкета для врачей, опросники DASS-21 (Золотарева, 2021), ШВС- 10 (Абабков и др., 2016), КОВБ (Ялтонский и др., 2017). Методы математико- статистической обработки: кластерный анализ по методу связи Уорда, $\chi 2$ Пирсона, ANOVA, анализ апостериорных сравнений по методу Шеффе.

Результаты. Согласно экспертному мнению врачей, 81,8% пациентов высоко привержены лекарственному лечению и никто не имеет низкой степени приверженности фармакотерапии. Полностью привержены рекомендованному образу жизни менее половины пациентов (48,1%), а 19,5% пациентов не привержены ему вовсе. Проведена кластеризация пациентов по основанию «приверженность лечению» с учетом двух переменных – «приверженность лекарственной терапии», «приверженность рекомендациям по коррекции/контролю поведенческих факторов риска». Получены три кластера: 1 (n=34, 44,1%) «Высоко приверженные пациенты», 2 (n=28, 36,4%) «Пациенты со средней степенью приверженности», 3 (n=15, 19,5%) «Условно приверженные пациенты». Сравнительный анализ половозрастных и психосоциальных характеристик пациентов трех кластеров показал следующее. Высоко приверженные лечению пациенты в среднем моложе пациентов других групп (51,71±13,62; 61,07±13,03; 61,87±10,68, p=0,007), у них преобладают показатели «полная осведомленность о своем заболевании» (58,8%; 37,0%; 21,4%; $\chi 2$=6,46, p=0,040), «полная удовлетворенность хирургическим лечением» (87,5%; 76,9%; 73,3%; $\chi 2$=10,49, p=0,033), а также меньше показатели «Общая угроза болезни (39,72±10,38; 47,55±8,80; 46,40±7,55, p=0,008) и «Тревога» (4,69±2,51; 6,48±4,00; 6,69±3,73, p=0,085). Максимально высокие показатели проживания в одиночестве – у пациентов Кластера 2 (17,6%; 42,9%; 13,3%; $\chi 2$=12,10, p=0,060), показатели «Идентификация болезни» (6,07±2,96; 7,70±2,51; 8,00±1,73, p=0,027) и «Тревога» – у пациентов Кластера 3 Выводы. При НРС степень приверженности лечению связана с возрастом пациентов, отношением к болезни и переживанием угрозы болезни; это необходимо учитывать при психологической работе с пациентами.

1. Абабков В.А. и др. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16 Психология. Педагогика. 2016 Вып. 2 С. 6–15.
2. Золотарева А.А. Психометрическая оценка русскоязычной версии шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) // Психологический журнал. 2021 №42(5). С. 80–88.
3. Ялтонский В.М. и др. Психометрические характеристики русскоязычной версии краткого опросника восприятия болезни // Психологические исследования. 2017 №10(51). С. 1–14.
4. Levy A.E. et al. Recent Approaches to Improve Medication Adherence in Patients with Coronary Heart Disease: Progress Towards a Learning Healthcare System // Curr Atheroscler Rep. 2018 Vol. 20(1). P. 5

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСКОГО И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Лынская М.И., Артемцева Н.Г.
ФГБУН ИП РАН

Созависимость родителей, имеющих детей с расстройствами аутистического спектра

Созависимость, родители детей с расстройствами аутистического спектра

Исследования последних лет показывают, что родители детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) находятся в группе риска по возникновению у них депрессии, тревожных расстройств, расстройств адаптации. Характер психических нарушений, возникающих у родителей в связи с болезнью ребенка, определяется как законами развития психогенной патологии, так и предшествующими рождению ребенка особенностями личности родителя. В настоящее время отмечается тенденция к росту объёма исследований, посвящённых особенностям психологических защит, родительского отношения и внутрисемейных отношений родителей детей с РАС. Однако работы, посвящённые особенностям личности, в частности особенностям проявления созависимости у родителей детей с РАС, отсутствуют или фрагментарны. В то же время исследования в данном направлении позволят сформулировать дифференцированные задачи для психологической помощи. Созависимость понимается как состояние, при котором человек испытывает жизненные трудности и видит причину этих трудностей в проблемах зависимого значимого другого (Артемцева, 2017). Таким значимым другим, безусловно, является ребенок с расстройствами аутистического спектра, т.к. такой диагноз делает носителя зависимым от своего состояния. С целью изучить особенности проявления созависимости созависимости у родителей детей с РАС, нами было организовано пилотажное исследование. В исследовании приняли участие 48 родителей, дети которых имеют подтвержденный медицинский диагноз расстройства аутистического спектра.

Используемые методики: опросник «Профиль созависимости» (Артемцева, 2017), специализированная анкета-эссе (Лынская, 2024).

Результаты. Все родители оказались созависимыми, что согласуется с концепцией Артемцевой Н.Г. (Артемцева, 2017). При этом у 23 (48%) родителей была выявлена актуализированная созависимость, у всех остальных (52%) созависимость определена как не актуализированная. Актуализированная созависимость – это наличие у человека в данный период времени паттернов созависимого поведения, наличие в жизни ситуаций или людей, активизирующих латентную созависимость. Не актуализированная созависимость – присутствие моделей созависимого поведения в психике человека в латентном состоянии. Он с ними знаком, но в данный период жизни не проявляет, так как нет ситуаций, которые могли бы их активизировать. Одной из черт созависимых людей является стремление контролировать поведение другого. В результате анализа ответов на вопросы анкеты-эссе, мы видим, что эта черта характерна и для нашей выборки. Так, в ответ на вопрос «как Вам кажется, что представляет наибольшую сложность в жизни с ребёнком?», 38 (79%) человек ответили: «необходимость постоянного контроля». Ребёнку с РАС зачастую действительно необходим больший объем контроля извне, однако мы видим в этом желании контролировать поведение ребенка попытку снизить уровень тревоги, характерную для родителей. Другим вопросом анкеты был следующий: «назовите эмоцию, которую Вы чаще всего испытываете», сео-анализ показал, что тревога встречается в ответах у 22 (46%) человек. Грусть среди выбранной основной эмоции встречается в ответах 20 (41%) человек, что свидетельствует о сниженном фоне настроения, возможно о депрессивном расстройстве. Тревожность и депрессивное расстройство являются близкими для созависимости психологическими состояниями.

Выводы. Пилотажное исследование подтвердило актуальность обращения к изучению феномена созависимости именно у родителей детей с РАС и позволит обозначить дифференцированные задачи психологической помощи.

1. Артемцева Н.Г. Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. – М.: ФГБУН ИП РАН, 2017 Лынская М.И. Дифференциальная диагностика речевых нарушений. – М., 2024.

Поляков А.М.
ФГБОУ ВО БГУ

Методы исследования нарушений субъект-субъектных отношений и взаимодействия у детей

Аномалии психики, субъект-субъектные отношения и взаимодействие, символизация, метод исследования, дети

Введение. На современном этапе развития клинической и специальной психологии все большее значение приобретают исследования, которые направлены на изучение аномалий социальных отношений и взаимодействия ребенка с отклонениями в развитии на разных этапах онтогенеза. Изучение субъект-субъектного взаимодействия особенно ценно, поскольку оно служит источником развития сознания и личности субъекта и в связи с необходимостью понимания психологических механизмов нарушений социализации. Для этого требуются методы, позволяющие выявлять качественное своеобразие субъект-субъектных отношений и взаимодействия, а также моделировать реальные переживания, связанные с ними, при аномалиях развития. Тесты-опросники и проективные методы не всегда позволяют решать эту задачу. Цель работы – предложить методы качественного изучения субъект-субъектных взаимодействия и отношений детей, на основе опыта исследований с применением символических форм.

Методы. В качестве методов исследования мы опираемся на наш опыт: моделирования в экспериментальных условиях ситуаций сотрудничества ребенка со своим сверстником при совместном решении задачи открытого типа, связанной с осмыслением символической реальности и созданием замысла (совместное создание идеи-замысла и передача ее в рисунке, создание изображения из кубиков, понимание истории и др.) (Макась, 2025; Polyakov, 2022; и др.), а также использования метода символизации переживаний субъекта (создание и понимание метафор персонажей и смысла художественных произведений, басен, компьютерных игр, реальных людей и самого себя, собственного отношения к ним, работа с нарративами, художественными образами и др.) (Гришина, 2023; Поляков, Кореневский, 2024; Polyakov, 2022; и др.). Указанные методы использовались нами для изучения отношений и взаимодействия детей и подростков с задержкой психического развития (n=311), с ДЦП (n=104), общим недоразвитием речи (n=60), подростков с игровой компьютерной зависимостью (n=60), подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа (n=28) и др.

Результаты. Описанные методы показали свою эффективность для изучения качественного своеобразия субъект-субъектных отношений и умения сотрудничать со сверстниками, самоотношения и идентичности, отношения к будущей семье, а также понимания детьми художественных произведений и социальных отношений, отраженных в них при различных типах аномального развития. Особая ценность указанных методов заключается в возможности их применения в практиках коррекционной и психотерапевтической работы с детьми и их родителями.

Выводы. Методы моделирования субъект-субъектного взаимодействия и символизации отношений и переживаний значительно расширяют возможности изучения социальных аспектов аномального психического развития детей и подростков.

1. Гришина К.И. Особенности представлений о будущей семье у старших подростков, воспитывающихся в детских домах. Магистерская диссертация. Минск: БГУ, 2023.
2. Макась М.О. Продуктивность взаимодействия со сверстниками у младших школьников с детским церебральным параличом. Магистерская диссертация. Минск: БГУ, 2025.
3. Поляков А.М., Кореневский К.М. Методика исследования игровой идентичности подростков, склонных к игровой компьютерной зависимости // Актуальные проблемы психологического знания. 2024. № 4 (69). С. 130–154. DOI: 10.51944/20738544_2024_4.
4. Polyakov A.M. Development of Symbolic Mediation of Subject-To-Subject Interaction and Relationships in Schoolchildren with Learning Disabilities // In A.A. Arinushkina, & I.A. Korobeynikov (Eds.), Education of Children with Special Needs: Theoretical Foundations and Practical Experience in the Selected Works of Russian, Belarus, and Polish Scholars. Cham, Switzerland: Springer. 2022, pp. 169-180. DOI: 10.1007/978-3-031-13646-7_18.

Ильина Е.А.
ФГБУН ИП РАН

Модель психического у детей 2-5 лет с типичным развитием и риском расстройств аутистического спектра

Модель психического, расстройства аутистического спектра, ранний возраст, намерение

Социальная жизнь во многом зависит от понимания других людей, прогнозирование дальнейших их действий – почему они делают то, что делают. Но мы можем наблюдать только внешне наблюдаемые действия, а не внутренние причины этих действий – намерения, желания, мнения, предпочтения. Способность понимать, распознавать и рассуждать об этих невидимых причинах наших действий есть модель психического (Сергиенко и др., 2020). Одним из аспектов раннего понимания ментального мира является понимание намерений. Исследование посвящено изучению ранних предикторов модели психического у детей 2-5 лет с типичным развитием и риском расстройств аутистического спектра.

В исследовании приняли участие дети с типичным развитием и риском РАС (17 детей; М=4 года 2 месяца; психический возраст=2 года 3 месяца; 3 девочки). Дети с типичным развитием были разделены на группы: ТР1<32 месяцев, ТР2>32 месяцев. ТР1 – 18 детей; М=2 года 2 месяца; психический возраст=3 года 2 месяца; 9 девочек. ТР2 – 21 ребёнок; М=3 года 1 месяц; психический возраст =3 года 9 месяцев; 9 девочек.

Для оценки модели психического использовались задачи:

1) Понимание детьми намерений по незавершенным обычным и необычным действиям. Были два условия: обычные (обыденные) действия и необычные действия.

Обычные действия включали в себя: поднимание упавшей ручки, закрывание шкафчика, закрывание крышкой пластмассовой банки, взятие тетради и выбрасывание мусора в корзину. Необычные действия: одевание диска на горизонтальный штырь, засовывание тряпичного мячика в узкое отверстие, складывание бус в колбу, которую нельзя поставить на стол, пропускание веревки через отверстие в воронке и засовывание небольшого отрезка ткани в отверстие. Мы демонстрировали незавершенное действие и передавали предмет ребенку, чтобы он закончил этой действие.

2) Понимание намеренных и ненамеренных действий другого: в тестовой серии детям демонстрировались игрушки, с которыми ребенок взаимодействовал и которые впоследствии экспериментатор предъявлял по одной. В первом условии экспериментатор намеренно не передавал ребенку желаемую игрушку. Во втором условии демонстрировал «невозможность» отдать ребенку игрушку: ставил прозрачную банку с игрушкой внутри на стол и опускал руку, пытаясь дотянуться до игрушки на его дне.

Результаты исследования демонстрируют дефицитарность модели психического у детей с риском РАС в задачах на понимание различий намеренных и ненамеренных действий другого. Дети с риском РАС отличаются от детей с типичным развитием в попытках дотянуться/отвернуться от игрушки при намеренном и случайном отказе. Эти результаты частично согласуются с результатами исследования Т. Бене (Behne et al., 2005): дети с типичным развитием терпеливо ожидали, когда экспериментатор не мог достать игрушку, а при намеренном отказе были более нетерпеливы. Результаты настоящего исследования согласуются с результатами предыдущих исследований (Broekhof et al., 2015) – дети дошкольного возраста с РАС могут понимать намеренные действия других людей в той же степени, что и дети с типичным развитием, потому что дети в обеих группах могли одинаково часто восполнять незавершенные действия взрослого.

1. Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Институт психологии РАН, 2020
2. Behne T. Unwilling versus unable: Infants understanding of intentional action // Developmental psychology. 2005 41(2). P. 328 https://doi.org/10.1037/0012-1649.41.2.328
3. Broekhof E. et al. The understanding of intentions, desires and beliefs in young children with autism spectrum disorder // Journal of autism and developmental disorders. 2015 45. P. 2035-2045. https://doi.org/10.1007/s10803-015-2363-3

Икс-Огранян С.А., Ванюхина Н.В.
ЧОУ ВО КИУ имени В.Г. Тимирясова

Формирование учебной мотивации у детей с ОВЗ через присвоение роли «Я-ученик»

Я-концепция, учебная мотивация, нейрореабилитация, дети с ОВЗ, родительский фактор

Цель исследования – раскрыть роль систематической вербализации достижений в формировании учебной мотивации через присвоение роли «Я-ученик» у детей с ОВЗ.

Актуальность: 68% программ нейрореабилитации терпят неудачу из-за игнорирования связи самоидентификации и познавательной активности (Smith, 2023, с. 117).

Методы. Лонгитюдное исследование (2024-2025 гг., N=16 детей 6-12 лет с ЗПР/СДВГ).

Программа:

1) Базовый этап: формирование нейропсихологических предпосылок через структурирование пространства (визуальные расписания) и двигательные упражнения (Ахутина, Пылаева, 2020, с. 23-35); 2) Основной этап: инструменты формирования Я- концепции («Карта личности», Архиреева, 2005; «Дневник дождя» с. 88-95). Критерии: поведенческие индикаторы, качественные изменения мотивации, нейродинамические сдвиги (Цветкова, 2004, с. 178-180).

Результаты. 100% детей отметили улучшение школьных результатов, 94% демонстрируют соревновательную мотивацию и самостоятельность. Метафора участницы: «Я будто заново научилась ходить – сама иду делать уроки». Успешное применение алгоритма «Самостоятельные поездки на трамвае» для преодоления страха городской среды.

Выводы. Систематическая вербализация достижений создает основу для образа «Я-ученик» (Бернс, 2003, p. 154-162). Психологическая готовность родителей – ключевое условие (Smith, 2023, p. 125). Реабилитация должна фокусироваться на пробуждении самоидентификации ребенка.

1. Архиреева Т.В. Психология самоопределения личности. М.: РУДН, 2005
2. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения. М.: Юрайт, 2020
3. Бернс Р. Что такое Я-концепция. Психология сознания. Самара: Бахрах-М, 2003
4. Цветкова Л.С. Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004
5. Smith J. Parental Depression as a Barrier... // Journal of Child Psychology. 2023. Vol.67(3). P.112–130.

Шишкова И.М.
ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

Суверенность психологического пространства у подростков с выявленным суицидальным риском

Суверенность психологического пространства; суицидальный риск; старший подростковый возраст

Введение. Данные современной статистики демонстрируют неутешительные показатели по количеству суицидов среди подростков. Согласно данным Всемирной Организации здравоохранения за 2019 год, суицид является второй по частоте причиной смертности девушек и третьей – юношей в возрасте 15-19 лет (ВОЗ, 2019). Подобная картина ставит перед специалистами (клиническими психологами, психиатрами, педагогами, социальными работниками и тд.) важную задачу – профилактики суицидального поведения как в группах риска, так и среди тех, кто может в эти группы попасть. Это, в свою очередь, приводит к необходимости поиска различных путей для профилактической и коррекционной работы, в том числе, через поиск связей между различными особенностями личности и эмоционально-волевой сферы. В нашем исследовании мы предприняли попытку найти связь между суицидальным риском суверенностью психологического пространства. Это и стало целью нашей работы.

Методы. Выборку исследования составили 69 старших подростков (средний возраст – 15,9), которые были поделены на группы в зависимости от уровня суицидального риска. Для диагностики на одном из первых этапов исследования были использованы следующие методики: тест-опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» (С.К. Нартова-Бочавер), «Выявление суицидального риска у детей» (А.А. Кучер, В.П. Костюкевич). Исследование проводилось на базе МБОУ «Школа №3 «Центр развития образования»» и МАУДО «РГДДТ» г. Рязани. Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью простого непараметрического U-критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Все подростки и их родители предоставили добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Результаты. В группах подростков мужского и женского пола отмечается статистически значимое отличие только по шкале «Несчастная любовь» по методике «Выявление суицидального риска у детей». Это может свидетельствовать о том, что проблема любовных взаимоотношений для подростков женского пола имеет большее стрессогенное значение, влияя на их субъективное психологическое благополучие чуть в большей степени, чем в мужской подгруппе. Данные позволяют нам сравнивать группы по уровню суицидального риска без учета гендерной специфики.

Чем выше уровень суицидального риска, тем больше элементов суверенности психологического пространства оказываются нарушенными. Так, суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей связаны с показателем «Добровольный уход из жизни», «Потеря смысла жизни».

Нарушения суверенности физического тела связаны с повышением результатов по показателю «Алкоголь, наркотики», а суверенности физического тела, привычек, социальных связей – с показателем «Школьные проблемы, проблема выбора жизненного пути».

Выводы. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что различные элементы суверенности психологического пространства оказываются связанными с суицидальным риском в подростковом возрасте при отсутствии гендерной специфики полученных связей.

1. ВОЗ. Информационный бюллетень. Февраль 2019. Здоровье детей // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. №1 (65). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voz-informatsionnyy-byulleten-fevral-2019-zdorovie-detey.
2. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С. К. Нартова-Бочавер. – Санкт-Петербург: Питер, – 2008. – 400 с.

Вянни А.А., Аринцина И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические особенности часто болеющих детей дошкольного возраста

Часто болеющие дети, дошкольный возраст

Понятие «часто болеющие дети» (ЧБД) было введено отечественными педиатрами в 1986 году для выделения группы диспансерного наблюдения в зависимости от количества перенесенных детьми респираторных инфекций в год, для детей старше 5 лет, это 4 и более эпизодов заболеваний (Альбицкий, Баранов, 1986). Зарубежные исследователи используют термин «рекуррентные респираторные инфекции» и находят, что количество заболеваний положительно взаимосвязано с уровнем стресса и тревожности матерей (Yan et al., 2022; Cardinale et al., 2024). У ЧБД находят такие психологические особенности, как преобладание негативных эмоций, повышенную тревожность, неуверенность в себе, зависимость от мнения окружающих, повышенный уровень стресса, а также сниженную мотивацию (Забабурина, 2021). Целью проведенного исследования было изучение психологических особенностей часто болеющих детей дошкольного возраста. Выборку составили 60 пар матерей и детей, из них 30 пар, в которых дети относились к группе часто болеющих, то есть за год переносили острые респираторные заболевания 4 и более раз. Средний возраст детей составил 5,9±0,88 лет.

Использованные методики: для детей – «Несуществующее животное» (А.Л. Венгер), «Лесенка» (В.Г. Щур), «Тест тревожности» (Р. Тэммпл, М. Дорки, В. Амен); для матерей – анкета для сбора медицинских и социально-демографических данных, «Тест-опросник родительского отношения» (А.Я. Варга, В.В. Столин), «Опросник для диагностики эмоционального неблагополучия детей» (Ю.М. Миланич, И.И. Мамайчук) и «Личностный дифференциал» с понятиями «Я как мама» и «Мой ребенок» (Н.П. Фетискин). Процедура: исследование проводилось на базе двух детских садов г. Санкт-Петербурга.

Результаты. У часто болеющих детей значимо выше уровень депрессивности, тревожности и агрессивности, они оценивают себя менее здоровыми, смелыми и сильными и имеют более низкий уровень эмоционального благополучия в сравнении с детьми, болеющими редко. Матери часто болеющих детей демонстрируют меньший уровень участия, одобрения и, в целом, принятия интересов ребенка, в большей степени его контролируют, а также оценивают себя и своего ребенка, как более зависимых, несамостоятельных и неуверенных, чем матери детей, болеющих редко. Корреляционный анализ показателей группы ЧБД показал, что, у детей, считающих себя более здоровыми, меньше признаков агрессивности и соматовегетативных нарушений. А матери ЧБД, выше оценивающие себя, в большей степени интересуются делами ребенка. Также, матери ЧБД, которые больше уверены в успехе ребенка, выше оценивают степень его эмоционального благополучия.

Выводы. Выявленные психологические особенности важно учитывать в написании научно обоснованных программ психологической помощи семьям с часто болеющими детьми дошкольного возраста.

1. Альбицкий В.Ю., Баранов А.А. Часто болеющие дети: клинико-социальные аспекты. Пути оздоровления. – Саратов: Радуга, 1986. – 183 с.
2. Забабурина О.С. Самооценка и самоотношение часто болеющих детей дошкольного возраста // Организация образовательной среды для часто и длительно болеющих детей: опыт регионов РФ. – М.: Ин-т возрастной физиологии РАО, 2021. – С. 282–287.
3. Cardinale F., La Torre F., Tricarico L.G. et al. Why do some children get sick with recurrent respiratory infections? // Current Pediatric Reviews. – 2024. –Vol. 20, № 3. – P. 203–215.
4. Yan Q., Tao T., Wang L. et al. Association of temperament type and mother's emotional state with acute respiratory infection in children // J. South. Med. Univ. – 2022. – Vol. 42, № 5. – P. 747–751.

Мирошников С.А., Наследов А.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Возрастная специфика проявления симптомов аутизма у детей 1-2 лет

Аутизм, РАС, скрининг

Проблема ранней диагностики аутизма актуальна, т.к. раннее выявление этого нарушения позволяет изменить траекторию развития ребенка. Однако, симптомы аутизма в 1-2 года проявляются менее явно, чем в 3 года и старше. Это связано с тем, что некоторые навыки, например, речь, только начинают формироваться, и отклонения от нормы могут быть не столь очевидными.

Гипотеза: есть общие и специфические проявления симптомов РАС у детей 1-2 лет и 3 – 7 лет.

Диагностика. Для обследования детей 1-2 года разработана онлайн-анкета, подобная применяемой ранее для детей 3-7 лет (Nasledov A, et al., 2021; Наследов А., и др., 2023). Наряду с новыми заданиями для детей 1-2 лет, анкета включала 36 пунктов, которые входили в анкеты для старших детей. Дети отбирались в одну из групп (Норма, ЗПР, РАС) по экспертной оценке специалистов. работающих с этими детьми на постоянной основе.

Выборка. В 2024/25 годах обследовано 241 детей 1-2 полных лет: 130 с РАС, 84 – Норма, 27 – с ЗПР. К этим данным добавлены результаты обследования детей 3-5 лет (487 – РАС, 361 – Норма, 218 – ЗПР) и 6-7 лет (300 – ЗПР, 85 – Норма, 77 – ЗПР).

Анализ данных. Предварительно проводился эксплораторный и конфирматорный факторный анализ 36 пунктов, общих для этих возрастных групп. Получена 3-факторная структура (26 пунктов), эквивалентная для всех возрастных групп, для мальчиков и девочек. Факторы, образующие надежные шкалы: Коммуникативные нарушения (Com), Сенсорная дезинтеграция (SD), Гиперактивность/Расторможенность (Hyp). Шкалы SD и Hyp – аналогичны шкалам, выявленным для детей 3-4 лет, шкала Com объединила симптомы, ранее входившие в шкалы Коммуникативные и Эмоциональные нарушения.

Три шкалы, и общая выраженность симптоматики (все 26 пунктов, SS) вычислены как средние значения их пунктов. Далее для сравнения выборок применялся одно- и двухфакторный многомерный ANOVA с парными сравнениями средних и методом контрастов.

Результаты. 1 Сравнение выборок РАС, ЗПР, Норма для всех возрастов. Если для 3-5 и 6-7 лет каждая из 3-х шкал статистически достоверно различает все группы, то для 1-2 года только шкала Com различает все 3 группы, а по шкалам SD и Hyp статистически не достоверно различаются РАС и ЗПР. 2 Сравнение симптомов РАС для 3-х возрастных групп (ANOVA, факторы Возраст, Пол). Com выше оцениваются для 1- 2-леток, и ниже – для 6-7-леток. SD выше оценивается для 3-5-леток, и ниже для детей 1- 2 и 6-7 лет.

Результаты согласуются с полученными ранее данными. Показано, что 1-2 летние дети с аутизмом имеют выраженные коммуникативные нарушения (Com), что проявляется в ограниченном зрительном контакте, они не откликаются на имя, испытывают сложности с совместным вниманием. В то же время, SD и Hyp в 1-2 года не столь очевидны как в 3-5 лет, вероятно, потому что репертуар сенсорных шаблонов еще невелик, а проявления аутизма менее специфичны и более размыты. Улучшение коммуникативных и сенсорных показателей к 6-7 годам, видимо, обусловлено коррекционным вмешательством. Т.о., для 1-2-летних детей ведущие симптомы РАС – нарушения коммуникации, а симптомы сенсорной дезинтеграции и гиперактивности проявляются еще не столь явно, как в более старшем возрасте.

1. Nasledov A., Miroshnikov S., Tkacheva L. et al. Application of psychometric approach for ASD evaluation in russian 3–4-year-olds // Mathematics. – 2021 – Vol. 9, No. 14. https://doi.org/10.3390/math9141608
2. Наследов А. Д., Ткачева Л. О., Защиринская О. В., Мирошников С. А. Анализ четырехфакторной модели симптомов аутизма у детей 3-6 лет // Клиническая и специальная психология. – 2023 – Т. 12, № 4 – С. 47-72. https://doi.org/10.17759/cpse.2023120403

Каурова Н.Н.
НОЧУ ВО МИП

Знаково-символьные комплексы подростковых субкультур с зооморфной самоидентификацией

Подростки, субкультуры, зооморфная самоидентификация, знаково-символьные комплексы, психологические особенности

Введение. Зооморфная самоидентификация все чаще формирует в подростковой среде отдельные тематические сообщества, представляющие собой особые знаково-символьные системы, включающие визуальные, поведенческие, коммуникативные коды и ментальные феномены. Эти комплексы отражают стремление в игровой форме разрешить стоящие перед ними задачи взросления, индивидуализации, поиска идентичности, социальных контактов, реализации потребности в психологической адаптации через ассоциацию и/или перевоплощение в животное. Цель исследования – выявить и описать знаково-символьные комплексы, присущие подростковым субкультурам с зооморфной самоидентификацией, и психологические особенности участников таких субкультур.

Методы. Выборка исследования составила 96 респондентов в возрасте от 11 до 17 лет, из которых 49 на момент проведения исследования состояли в группах с зооморфной самоидентификацией (териантропы, фурри, другие) и 47 к не входили в такие группы и не имели на момент исследования представлений о своей зооморфной идентификации. В работе использовался психодиагностический инструментарий (Вассермани др.2001; Зверева и др. 2022; Карандашев, 2004; Осницкий, 2004; Пергаменщик, Пузыревич, 2011), анкета, полуструктурированное интервью, статистическая обработка и анализ количественных данных, а также качественный анализ, контент-анализ.

Результаты. Знаково-символьные комплексы подростковых субкультур с зооморфной самоидентификацией имеют свои характерные особенности. Так, фурри преимущественно выбирают образы животных на основе эстетики, личных ассоциаций (лисы, волки, кошки) и культурных стереотипов. Териантропы считают, что их «звериная» идентичность врождённая, «просыпается» при определенных обстоятельствах и часто представлена такими хищниками как волки, лисы, еноты. Квадроберы, представлены наиболее молодыми участниками и фокусируются преимущественно на физической имитации и выбирают для этого образы одомашненных животных (кошки, собаки). При этом статистический анализ показал, что наблюдаемые эффекты могут быть случайными, и интерпретировать их следует с осторожностью. Выявлено наличие значимых незначительных различий по распределению результатов ценностно-смысловых ориентаций на уровне нормативных идеалов между подростками участвующими и не участвующими в субкультуре, в также по распределению результатов по данным шкалам между подростками разных субкультур.

Полученные результаты подчеркивают сложность феномена зооморфной самоидентификации и предполагают необходимость его более детального исследования.

1. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб.: «ФАРМиндекс», 2001.
2. Зверева Н.В., Воронова С.С., Зверева М.В., др. Русскоязычная версия международного опросника AIDA («Оценка идентичности личности у подростков») // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2022. Т. 10, № 1 (36). С. 7–22.
3. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004.
4. Осницкий А.К. Определение характеристик социальной адаптации, – Психология и школа, 2004, № 1, стр. 43-56
5. Пергаменщик Л.А., Пузыревич Н.Л., «Шкала экзистенции» А.Лэнгле, К. Орглер для подростков: процесс и результаты адаптации». Психологическая диагностика .2011, № 1, С. 95-119

Богачева О.И.
ФГБНУ НЦПЗ

Сравнительный анализ отцовского и материнского отношения к болезни ребенка с аутизмом

Родительское отношение, аутизм, отношение к болезни

Введение. Отношение к болезни у пациента и его родственников является одной из наиболее значимых проблем современной медицины при организации лечебного и реабилитационного процесса как в соматической, так и в психиатрической клинике (Бузина, Бузин, 2018). Цель – сравнить материнское и отцовское отношение к болезни ребенка расстройством аутистического спектра (РАС).

Методы. Выборка 35 семей (35 матерей и 30 отцов; возрастной диапазон от 27 до 38 лет, средний возраст родителей – 31,5±4,6 лет) воспитывающих детей с РАС (возрастной диапазон от 3 до 5 лет, средний возраст детей 4,1±0,7), наблюдаемых в ФГБНУ НЦПЗ. Всем детям были выставлены диагнозы по МКБ-10 (F84.0x – детский аутизм, F84.1x – атипичный аутизм). Время после постановки диагноза ребенку: от 6 до 8 месяцев.

Методики исследования: методика диагностики отношения к болезни ребенка (ДОБР, Кагана В.Е., Журавлевой И.П.), модифицированный опросник родительского отношения (Варги А.Я. и Столина В.В.) для семей, воспитывающих особого ребенка (Галасюк И.Н., Митина О.В.), опросник стратегий совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман (в адаптации Вассермана Л.И. и соавт.). Методы математической статистики – U-критерий Манна-Уитни.

Результаты. Исследование отношения к болезни ребенка показало преобладание гипонозогнозического типа, при этом не было выявлено статистически значимых различий по шкалам ДОБР у отцов и матерей. Анализ результатов показал наличие качественных отличий. Так, в большинстве случаев отцам свойственно недооценивать тяжесть состояния ребенка, что может быть объяснено меньшим количеством времени, проводимом в семье и с ребенком. В то время, как для матерей трудно поверить в факт наличия психиатрического диагноза, а проявления болезни ими чаще всего психологизируется, так, находятся оправдания, связывающие нарушения поведения и отставания в развитии – особенностями «характера», «стеснительностью». При этом матери имеют тенденцию к тревожности относительно болезни ребенка (различия обнаружены на уровне тенденции при $p < 0,1$).

Исследование родительско-детских отношений показало, что статистически значимые различия между отцами и матерями были получены по шкале «инфантилизация» ($p<0,05$). Это может говорить о том, что для матерей в большей степени характерно связывать «неудачи» ребенка и его поведенческие нарушения с психологическими причинами (индивидуальными особенностями), не связывая нарушения поведения с болезнью. Для отцов характерно положительное отношение к детям, а также тенденция к построению с ним кооперации, ребенка принимают таким, какой он есть (шкала принятие/отвержение). Отцы высоко оценивают способности ребенка, они стремятся уделять по возможности больше времени. Отцам более свойственно относится к неудачам ребенка, как к случайностям, и оправдывать поведенческие нарушения воздействием различных внешних факторов, например, метиозависимостью. Матери в большей степени связывают «неудачи» ребенка и его поведенческие нарушения с особенностями самого ребенка, но не как проявления болезни.

В стратегиях совладания у матерей и отцов значимые различия наблюдаются по шкале «Самоконтроль» ($p<0,04$). Так, матери чаще отцов прибегают к стратегии самоконтроля, на уровне тенденции матери используют такие стратегии как «дистанцирование», «положительная переоценка» и «планирование решения проблемы», при этом большинство показателей находятся в диапазоне средних значений.

Выводы. Различия между отцовским и материнским отношением к болезни ребенка с РАС связаны с многими факторами и не всегда обнаруживаются в психометрическом исследовании. В практической работе важно учитывать индивидуальные особенности каждой семьи для оказания адресной помощи.

1. Бузина Т.С., Бузин В.Н. Социально-психологические аспекты лечебного процесса // Профилактическая медицина. 2018. Т. 21. № 4. С. 20–24

Пищагина М.С., Шарагина А.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности отношений родителей и их детей с нарушениями зрения

Детско-родительские отношения, эмоциональное взаимодействие, нарушения зрения

Отношения в диаде «близкий взрослый-ребёнок» выступают одной из актуальных тем для исследований в области детской клинической психологии. С середины XX века было проведено значительное количество исследований, апеллирующих к важности изучения социально-эмоционального взаимодействия ребёнка с его ближайшим окружением, т.к. качество отношений в паре влияет на психическое здоровье ребёнка (Мухамедрахимов, 2003; Zeenah, 2018). При этом публикации, в которых отражены анализ и сравнение характеристик взаимодействия в диаде «близкий взрослый-ребёнок» в связи со степенью нарушения зрения детей, детское восприятие внутрисемейного контекста отношений, немногочисленны, что определяет актуальность данного исследования. Целью исследования выступает изучение отношений родителей и детей с нарушениями зрения в связи со степенью нарушений.

Методы исследования: опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия Е.И.Захаровой (ОДРЭВ); опросник «Взаимодействие родитель-ребёнок» И.М. Марковской (ВРР); проективная рисуночная методика «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера и О.В. Черемисина. Выборка исследования составила 31 диаду «мать-ребёнок»: 12 матерей, воспитывающих детей с астигматизмом, 9 – с тотальной слепотой, 10 – без нарушений зрения. Исследование проводилось на базах детских садов, а также подготовительного класса школы-интерната для детей с нарушениями зрения. Возраст детей – 5-6 лет. Всем семьям, участвующим в исследовании, были предложены к заполнению информированное согласие и бланки диагностических инструментов.

По результатам исследования было обнаружено, что 1) родители слепых детей оказались более принимающими, чем родители из других групп; в отличие от родителей детей с астигматизмом лучше воспринимают состояние ребёнка, а также поддерживают позитивный эмоциональный фон взаимодействия; 2) родители детей с астигматизмом оказались более авторитетными и более требовательными к своим детям, чем родители слепых детей, и более строгими, чем родители здоровых детей, а также более ориентированными на состояние ребёнка при выстраивании взаимодействия, чем родители детей без нарушений зрения; 3) родители детей без нарушений зрения оказались более авторитетными и более требовательными к своим детям, чем родители слепых детей, при этом лучше понимают причины состояния своего ребёнка, чаще переживают позитивный аффект при взаимодействии с ребёнком и имеют сформированное отношение к себе как к родителю, а также чаще стремятся к телесному контакту с ребёнком, чем родители из других групп. Методика «Семейная социограмма» была проведена с помощью рельефного обозначения геометрических фигур (кругов), что позволило тактильно различать контур рисунка детям с нарушениями зрения. Каждый прорисованный ребёнком рельефный круг обозначал определенного члена семьи, что фиксировал исследователь. Результаты продемонстрировали, что в отличие от детей без нарушений зрения дети с тотальной слепотой и астигматизмом рисуют членов семьи хаотично, что гипотетически может свидетельствовать об отсутствии семейной иерархии. Кроме того, дети с тотальной слепотой в отличие от остальных групп указывали рядом с собственным изображением домашних животных, что может указывать на значимость различного сенсорного опыта и эмоциональных связей со средой.

Таким образом, было обнаружено, что характеристики взаимодействия в диаде «близкий взрослый-ребёнок»различаются в зависимости не только от наличия нарушений зрения, но и степени нарушений.

1. Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Речь, 2003
2. Zeanah, Charles H., Jr. Handbook of Infant Mental Health, 4th ed., Guilford Press, 2018

Бахова А.А., Аникина В.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности эмоционального состояния и самооценки типично развивающихся дошкольников в интегративных группах детского сада

Самооценка, тревожность, инклюзивное образование, интегративный детский сад

В России продолжает развиваться инклюзивное образование, в том числе эта тенденция сохраняется в дошкольных учреждениях. По данным Минпросвещения (2020), более 8 тыс. детских садов (21,8% от общего числа) работают в инклюзивном формате. Однако исследований, посвященных влиянию совместного обучения на типично развивающихся детей, значительно меньше, чем работ о детях с особыми потребностями (Насибуллина, 2021). При этом инклюзивное образование затрагивает обе группы: как детей с особыми потребностями, так и их типично развивающихся сверстников (Пасторова, 2012; Duhart, 2024). Исходя из этого, целью данного исследования было изучение особенностей эмоционального состояния и самооценки у типично развивающихся детей в интегративных группах детского сада.

Выборку исследования составили 117 детей-дошкольников от 5 до 7 лет (средний возраст M(SD) = 5,9(0,72)). Участники были разделены на детей, посещающих группу полной (36 детей), частичной интеграции (39 детей) и группу контроля (42 ребёнка), соотношение мальчиков и девочек в группах равнопредставлено. Дети из интегративных групп посещали детский сад № 41 «Центр интегративного воспитания». Контрольная группа состояла из детей, которые посещали детский сад № 17, где не реализовались программы инклюзивного образования.

Методы исследования: «Тест тревожности» (Р. Тэммпл, В. Амен, М. Дорки, адаптация М. А. Панфиловой, 2000), методика самооценки детей «Лесенка» (С. Я. Рубинштейн и Т. В. Дембо, автор модификации В. Г. Щур). Математические методы – описательные статистики, сравнительный и корреляционный анализ.

Согласно полученным результатам, большинство детей во всех группах обладают высокой самооценкой (75-89%) и средним уровнем тревожности (60-75%). При объяснении своей самооценки дети из группы полной интеграции чаще опираются на безусловное принятие/непринятие (44,5%). В группе частичной интеграции и группе контроля дети чаще обращаются к социальным нормам (48,7% и 61,9%). В группах интеграции у девочек и мальчиков более высокий уровень самооценки по сравнению с группой контроля. Мальчики из группы полной интеграции демонстрируют более высокий уровень тревожности по сравнению с группой частичной интеграции.

Корреляционный анализ показал, что во всех группах различные аспекты самооценки взаимосвязаны между собой. Прослеживается взаимодополняемость родительских образов – высокая оценка со стороны одного родителя связана с аналогичной оценкой другого. Чем выше самооценка ребёнка, тем ниже тревожность, также снижение уровня тревожности у детей взаимосвязано с безусловным принятием в оценивании себя. Дети более старшего возраста обладают более низким уровнем самооценки, что считается нормальным для данного возрастного периода.

Полученные данные имеют практическую значимость для составления психолого-педагогических программ поддержки эмоционального благополучия типично развивающихся детей в условиях инклюзивного образования. Так, особое внимание следует уделять мальчикам и детям старшего дошкольного возраста в группах полной интеграции, поскольку у них чаще наблюдается повышенная тревожность.

1. Насибуллина А. Д. Влияние родительского отношения на процесс адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья к условиям инклюзивной среды дошкольной образовательной организации // Проблемы современного педагогического образования. – 2021 – №. 71-3. – С. 356-360.
2. Пасторова А. Ю. Инклюзивное образование: исследования и практика в Санкт-Петербурге. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012
3. Duhart D. C. Effects of Inclusive Prekindergarten Programs on Developmental Skills of Typically Developing Children: дис. – Walden University, 2024

Горбанева М.В., Ялтонский В.М.
ФГБОУ ВО РУМ МЗ РФ

Представления о бронхиальной астме подростков с разным уровнем восприятия болезни как угрозы

Представления о болезни, тяжесть симптомов, бронхиальная астма, подростки

Введение. Бронхиальная астма является распространенным хроническим заболеванием дыхательных путей, имеет характер приступов в зависимости от времени года или окружающей пациента обстановки (Global Initiative for Asthma, 2020). В научной среде отмечается недостаток научных работ, посвященных изучению представлений о болезни подростков с астмой, что делает исследование особенно актуальным и интересным с точки зрения модели саморегуляции Левенталя (Leventhal H., Bodnar-Deren H.S., 2012). Цель: сравнительное изучение представлений о бронхиальной астме подростков в зависимости от уровня восприятия болезни как угрозы.

Методы. Обследовано 100 подростков мужского пола (средний возраст: 15,9±1,29) с бронхиальной астмой. Методики исследования: «Краткий опросник восприятия болезни», «Шкала оценки тяжести симптомов астмы». По критерию уровня восприятия болезни как угрозы для здоровья выборка была разделена на 2 группы: воспринимающие болезнь как умеренную угрозу (УВУ) и как выраженную угрозу (ВВУ). Пациентам предлагалось пройти исследование психологических особенностей восприятия болезни с помощью проведения беседы и подобранных методик, каждый испытуемый/его законный представитель заполнял(и) информированное согласие.

Результаты. Подростки с УВУ невысоко оценивают последствия своего заболевания ($p=0,001$), больше внимания уделяют контролю заболевания ($p=0,001$) и контролю лечения ($p=0,007$), чем подростки с ВВУ. Подростки хуже идентифицируют болезнь: снижено распознавание симптомов ($p=0,001$) и эмоциональное реагирование на бронхиальную астму ($p=0,001$) и, как следствие, подростки менее озабочены собственным заболеванием ($p=0,001$), которое оказывает не такое значимое влияние на их жизнь. Подростки с ВВУ выше оценивают последствия своего заболевания ($p=0,001$), контроль болезни ($p=0,001$) и контроль лечения ($p=0,007$) находятся на более низком уровне. В связи с более активными проявлениями симптомов и более высокой тяжестью проявления болезни подростки с ВВУ успешнее определяют и различают симптомы астмы ($p=0,001$), реагируют более эмоционально на ухудшение самочувствия ($p=0,001$) и, как следствие, сильнее озабочены бронхиальной астмой ($p=0,001$). Анализ шкалы субъективной оценки тяжести симптомов астмы показал, что подростки с УВУ оценивают тяжесть собственных симптомов на среднем уровне, что значимо отличается от показателя оценки симптомов группы подростков с ВВУ (4,80; 6,57 баллов) ($p=0,001$).

Выводы. 1 Выделены протективный и угрожающий типы дифференцированных представлений подростков о бронхиальной астме. 2 Для подростков с протективным типом представлений характерны высокий контроль симптомов и лечения астмы, невысокое беспокойство о последствиях и низкая озабоченность собственной болезнью. Подростки также невысоко оценивают симптомы астмы, так как они в меньшей степени их беспокоят в течение жизни. 3 Угрожающий тип представлений о болезни сопровождается снижением контроля болезни и лечения, повышением выраженности эмоций по поводу астмы и достаточной озабоченностью ею. Подростки данной группы успешнее дифференцируют симптомы болезни и оценивают их тяжесть выше среднего, что указывает на их активное проявление в жизни испытуемых.

1. Global Initiative for Asthma. Global Strategy for Asthma Management and Prevention, 2020 [Электронный ресурс] URL: www.ginasthma.org (Дата обращения: 10.06.2025)
2. Leventhal H., Bodnar-Deren H.S. Modeling Health and Illness Behavior: The Approach of the Common Sense Model. Handbook of psychology and health. 2nd ed. London: Psychology Press, 2012

Шевеленкова Т.Д., Сальникова М.М., Волжина Ж.А.
ФГАОУ ВО РГГУ

Психологическое благополучие и отношение к телу девочек с риском расстройств пищевого поведения

Психологическое благополучие, отношение к своему телу расстройство пищевого поведения, нервная анорексия, подростковый возраст

Риск расстройств пищевого поведения (РРПП) в неклинической популяции девушек-подростков (ДП) все чаще привлекает внимание исследователей (Александрова, Мешкова, 2025). Но у ДП с РРПП остаются мало изученными как их отношение к собственному телу (ОСТ), так и их психологическое благополучие (ПБ). Возникает также вопрос: чем отличается ОСТ и ПБ данной группы от ОСТ и ПБ у ДП в группах условной нормы (УН) и при нервной анорексии (НА)?

Цель: изучить особенности ОСТ и ПБ у ДП с РРПП в сравнении с ДП из групп УН и НА.

Методы. Опрашивались ДП в возрасте от 13 до 17 лет. ДП с НА (23 ДП), находящиеся на стационарном лечении в ЦИРПП, были опрошены по методикам «ОСТ» (Шевеленкова, Волжина, 2014) и «Шкалы ПБ» К. Рифф (Шевеленкова, Фесенко, 2005); другая часть ДП была опрошена в школах г. Москвы по этим же методикам и дополнительно по шкале «EAT-26» для выявления групп РРПП и УН. В неклинические группы вошли 63 ДП с РРПП и 101 ДП группы УН.

Результаты. Значимые различия (p=,05) в группах РРПП и УН выявились по общему показателю ПБ (U=,001) и по шкалам ПБ: Позитивные отношения с окружающими (ПОО; U=,001),

Автономия (АВТ; U=,009), Управление средой (УС; U=,001), Личностный рост (ЛР;

U=,008), Цели в жизни (ЦЖ; U=,005), Самопринятие (СП; U=,001); по общему показателю ОСТ (U=,001) и по шкалам ОСТ: Оценка умения управлять своим телом (УУТ; U=,001), Оценка физического состояния (ФС; U=,001), Оценка привлекательности своего тела для себя (ПДС; U=,001) и для других (ПДД; U=,001), Оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом (КОНТ; U=,001), Оценка способности отождествлять себя со своим телом (ОТОЖД; U=,001). У ДП из РРПП по сравнению с ДП из УН значимо более низкий уровень ПБ (низкий и средний соответственно), выраженность ПОО, АВТ, УС, ЛР, СП значительно ниже, чем в группе УН; ОСТ более негативное (в обеих группах оно в пределах амбивалентного), в том числе и УУТ, ФС, ПДС, ПДД, КОНТ, ОТОЖД.

Значимые различия (p=,05) в группах РРПП и НА выявились по шкалам: УС (U=,010),

Значимость телесного здоровья (ЗТЗ; U=,001), КОНТ (U=,045). У ДП из группы РРПП по сравнению с ДП из НА значимо более низкие показатели УС, ЗТЗ, КОНТ.

Выводы. 87,5% показателей ОСТ и ПБ у ДП с РРПП значимо отличается от показателей ДП из группы УН, в то время как от ДП с НА их различает всего 18,75% показателей.

1. Александрова Р.В., Мешкова Т.А. Долгосрочные тенденции в проблемах пищевого поведения у девочек-подростков неклинической популяции: сравнение результатов анкетирования 2009-2011 и 2021/2023 годов // Клиническая и специальная психология. 2025 № 14 (1). С. 53-83. https://doi.org/10.17759/cpse.2025140104
2. Шевеленкова Т.Д., Волжина Ж.А. Отношение к своему телу и психологическое благополучие в подростковом возрасте // Мышление и речь: подходы, проблемы, решения. Материалы XV международных чтений памяти Л.С. Выготского: в 2 томах, РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского / под редакцией В.Т. Кудрявцева. М., РГГУ. 2014 С. 8-13.
3. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // «Психологическая диагностика». Москва-Обнинск. 2005, № 3 С.95-129.

Родина М.А., Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Поведенческие характеристики детей 3-6 лет с интеллектуальными нарушениями

Интеллектуальные нарушения, дошкольный возраст, поведенческие и эмоциональные проявления

В последние годы отмечается рост числа детей с интеллектуальными нарушениями, что актуализирует потребность углубленного понимания их эмоционально-поведенческих особенностей для успешной социализации и адаптации в образовательной среде (Eodanable, MacLean, 2025), а также разработки эффективных психолого- педагогических программ сопровождения.

Цель исследования: выявление поведенческих характеристик детей с интеллектуальными нарушениями дошкольного возраста в сравнении с типично развивающимися сверстниками.

Выборка исследования включала две группы детей: основную группу детей с интеллектуальными нарушениями (n=45, средний возраст 4,29±1,11 года), посещающих детский сад компенсирующего вида, и группу сравнения (n=44, средний возраст 5,44±0,81 года) из общеобразовательных детских садов Калининского района г. Санкт-Петербурга.

В качестве методического инструментария использовался опросник Ахенбаха (CBCL), позволяющий оценить широкий спектр поведенческих и эмоциональных проявлений (Дмитриев и др., 2010). Для статистического анализа применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования выявили статистически значимые различия ($p<0,05$) по всем изучаемым шкалам, за исключением шкалы, отражающей выраженность делинквентного поведения. Наиболее выраженные различия обнаружены по шкалам

«Нарушения социализации» (5,71±4,43 балла в основной группе против 1,55±1,53 балла в группе сравнения), «Проблемы с вниманием» (12,96±6,55 против 4,86±3,52 соответственно) и «Проблемы мышления» (4,20±3,96 против 1,07±1,08). Также значимо выше у детей с интеллектуальными нарушениями оказались показатели по шкалам «Замкнутость» (3,13±3,1 против 1,39±0,81), «Тревожность» (4,11±3,86 против 2,16±1,85), «Агрессия» (6,27±5,7 против 3,55±2,71) и «Внутренние проблемы» (8,96±6,6 против 3,86±2,35).

Полученные данные позволяют сделать вывод о наличии специфического поведенческого профиля у дошкольников с интеллектуальными нарушениями. Для них характерны выраженные трудности социализации, значительные проблемы с концентрацией внимания, повышенная тревожность и замкнутость, а также более высокий уровень агрессивных проявлений по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками, что подтверждается другими исследованиями (Родина, Ушачева, 2023).

Выявленные особенности подчеркивают необходимость разработки специализированных коррекционных программ, учитывающих как когнитивные, так и эмоционально- поведенческие особенности данной категории детей. Особое внимание следует уделять развитию социальных навыков и эмоциональной регуляции, а также формированию произвольного внимания в процессе психолого-педагогического сопровождения.

1. Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. СПб.: ЗАО «ПОНИ», 2010
2. Родина А.В., Ушачева Ю.В. Преодоление агрессивного поведения у детей младшего школьного возраста с интеллектуальными нарушениями // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии: материалы X Международной научно-практической конференции, Орёл, 30– 31 марта 2023 года. Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2023 С. 415-419.
3. Eodanable M., MacLean H. Diagnosis of intellectual disability: updates on multi-agency screening, assessment, reporting and interventions for children and young people // Paediatrics and Child Health. 2025 https://doi.org/10.1016/j.paed.2025.05.010

Иванов М.В., Богачева О.И., Тараненко И.М.
ФГБНУ НЦПЗ

Лонгитюдное исследование динамики познавательного развития у детей с интеллектуальными нарушениями

Познавательное развитие, нарушения развития, интеллектуальные нарушения, динамика развития

Введение. Группа детей с нарушениями интеллектуального развития, является одной из наиболее распространенных из всех психических расстройств детского возраста в популяции. Отмечается важность раннего выявления и организации коррекционно-развивающих условий для развития данной категории детей (Макушкин, Демчева, 2019).

Цель: определение динамики познавательного развития детей с интеллектуальными нарушениями в процессе прохождения коррекционно-развивающих занятий.

Методы. Выборка 40 детей в возрасте 6,5-7 лет: эмпирическая группа (ЭГ) – 20 детей с интеллектуальными нарушениями (диагнозы: F80-F83 по МКБ-10), контрольная группа (КГ) – 20 с нормативным развитием. База исследования: ГБОУ Школа № 709 г. Москвы

Методика исследования: с каждым ребенком начиная с 1 класса дважды в год и на протяжении четырех лет проводилось психологическое исследование познавательного развития (память, внимание, мышление) следующими диагностическими методиками:

- запоминание 10 слов (по А.Р. Лурии);
- корректурная проба, буквенный вариант (тест Б. Бурдона);
- исключения четвертого лишнего (вариант методики Н.Л. Белопольской);
- разрезные картинки (вариант Н.Я. Семаго, М.М. Семаго);
- установление последовательности событий (вариант Н.Я. Семаго, М.М. Семаго);
- кубики Б.П. Никитина.

Коррекционно-развивающие занятия проводились с детьми 2 раза в неделю на протяжении всего периода обучения и включала следующие методики: система упражнений: развитие навыков учебной деятельности (Данилов И.В.), кубики Никитина, «снежный ком» (слухоречевая память), «запомни и воспроизведи», школа внимания (по Н.М. Пылаевой, Т.В. Ахутиной), развитие внимания (А.В. Сунцовой, С.В. Курдюковой), развитие мышления «Что за чем и почему?» (Г.С. Кагарлицкой).

Результаты исследования. Исследование слухоречевой памяти у детей ЭГ выявило низкий уровень мнестических способностей, количество запоминаемых стимулов при последующих воспроизведениях увеличивалось незначительно, наблюдались персеверации и вербальные парафазии. У большинства детей ЭГ выявлена положительная динамика развития слухоречевой памяти, достигающая и даже превосходящая показатели сверстников из КГ. Однако у 23% детей не обнаружена положительная динамика, а в ряде случаев отмечено ухудшение, что связывалось с нерегулярным посещением коррекционно-развивающих занятий, а также самостоятельной отменой медикаментозной терапии, назначенной лечащим врачом (психиатром, неврологом). Исследование внимания показало, что у детей ЭГ все компоненты внимания (концентрация, переключение, распределение) находятся на низком уровне, также детям свойственно колебание показателей. Коррекционно-развивающая работа улучшила показатели, количество ошибок уменьшалось, но количество просмотренных знаков незначительно увеличивалось. Исследование мыслительной деятельности показало преобладание наглядно-действенного мышления, недостаточность вербально-логического мышления у детей ЭГ. Наблюдаются трудности вербального оформления мысли, выделения причинно-следственных связей.

Выводы. Проведенное динамическое исследование познавательного развития у детей с интеллектуальными нарушениями показало, что у большинства детей (более 60%) отмечается положительная динамика развития при проведении коррекционно-развивающих занятий и соблюдении рекомендаций лечащего врача. Стоит отметить, что результаты коррекционно-развивающей работы также зависят от изначального уровня развития психических функций у детей и этиопатогенетеского фактора, вызывающего нарушения интеллектуального развития.

1. Макушкин Е.В., Демчева Н.К. Динамика и сравнительный анализ детской и подростковой заболеваемости психическими. Российский психиатрический журнал. 2019 №4. С. 4-15. http://dx.doi.org/10.24411/1560-957X-2019-11930

Павлова В.В., Пятакова Г.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Отношение к будущему матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья

Отношение к будущему, временная перспектива, матери, дети с ограниченными возможностями здоровья, трудная жизненная ситуация

Жизненная ситуация семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) отличается высоким уровнем и пролонгированностью стрессовых нагрузок, изменением внутрисемейных ролей. Как правило, основную роль в уходе за особым ребенком и в его воспитании играет мать. Матери детей с ОВЗ сталкиваются с многочисленными трудностями: необходимостью специального медицинского и педагогического сопровождения ребенка, финансовыми проблемами, ролевой перегруженностью, эмоциональным перенапряжением и физической усталостью. Под воздействием хронического стресса у матерей детей с ОВЗ отмечается изменение субъективного восприятия времени, определяющее их адаптационные возможност. Для матерей, воспитывающих детей с ОВЗ, ключевым аспектом временной перспективы является отношение к будущему, которое в одном случае, может представлять собой важный ресурс преодоления трудной жизненной ситуации, и, в другом – источник дзадаптационных срывов и кризов.

Цель исследования: изучение отношения к будущему матерей детей с ограниченными возможностями здоровья. В исследовании приняли участие 50 матерей в возрасте от 28 до 42 лет. Матери воспитывали детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста: 25 матерей детей с ОВЗ (основная группа) и 25 матерей условно здоровых детей (контрольная группа). Дети матерей основной группы имели диагнозы: расстройства аутистического спектра, умственная отсталость, детский церебральный паралич. Использовались методы: клинико-психологическое интервью, опросник временной перспективы Зимбардо, шкала безнадежности Бека, опросник SF-36, методика «Незаконченные предложения», опросник «Взаимодействие родителя с ребенком». Статистическая обработка полученных данных включала методы описательной статистики, сравнительного анализа и корреляционного анализа, адаптированных для работы с малыми выборками.

Результаты исследования показали, что матери, воспитывающих детей с ОВЗ отличаются от матерей воспитывающих здоровых детей, негативным отношением к будущему, снижением способности к долгосрочному планированию. У них преобладает повышенный уровень безнадежности: пессимистические прогнозы, ощущение беспомощности, убежденность в невозможности позитивных изменений в состоянии ребенка, преобладание фаталистических установок; наблюдается фиксация на событиях настоящего времени.

Жизненная ситуация матерей, воспитывающих детей с ОВЗ отличается от жизненной ситуации матерей, воспитывающих здоровых детей наличием трудностей, связанных с необходимостью медицинского сопровождения больного ребенка, материальными проблемами семьи, ролевой перегруженностью, трудностями профессиональной самореализации матери. Матери детей с ОВЗ, в отличие от матерей здоровых детей, в меньшей степени удовлетворены своим физическим и психическим здоровьем, жизненной активностью, социальным, эмоциональным и ролевым функционированием, детско-родительскими отношениями. У них чаще отмечаются трудности в установлении эмоциональной близости и в принятии своего ребенка, чем у матерей здоровых детей. Объективные и субъективные характеристики жизненной ситуации матерей, воспитывающих детей с ОВЗ, взаимосвязаны с параметрами их временной перспективы и отношения к будущему.

Степень тяжести заболевания ребенка с ОВЗ взаимосвязана с негативным представлением о будущем и переживанием безнадежности у их матерей. Матери детей с тяжелыми формами умственной отсталости и тяжелыми формами детского церебрального паралича и аутизма отличаются негативным представлением о будущем, у них чаще встречаются проявления пессимизма и безнадежности относительно будущего своих детей. Матери испытывающие материальные проблемы, получающие поддержку со стороны своего социального окружения и имеющие возможность профессиональной самореализации, отличаются более конструктивным отношением к своему будущему и к будущему своего ребенка.

Удовлетворенность матерей, воспитывающих детей с ОВЗ детско-родительскими отношениями, собственным здоровьем и ролевым функционированием может способствовать формированию позитивного представления о будущем и определять возможности психологической адаптации в трудной жизненной ситуации.

Полученные результаты могут представлять собой научную основу для выбора методов психологической поддержки семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья.

1. Савина Е.А., Чарова О.Б. Особенности материнских установок по отношению к детям с нарушениями в развитии // Вопросы психологии. 2002. №6.
2. Сорокин В.М. Психологическое содержание реакций родителей на факт рождения больного ребенка [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 12. 2008. Вып. 3.
3. Ткачева В.В. Семья ребенка с отклонениями в развитии: Диагностика и консультирование. М.: Книголюб, 2008.

Кузнецова Ю.Е., Заломова Е.В., Лебедева Е.И.
Ассоциация «АУТИЗМ-РЕГИОНЫ»

Эффективность поведенческого вмешательства у подростков с РАС: анализ случаев

Проблемное поведение, адаптивное функционирование, расстройства аутистического спектра

Проблемное поведение является одним из наиболее существенных барьеров для получения образования и повседневного функционирования для детей и подростков с РАС.

Большинство вмешательств, основанных на прикладном анализе поведения показывают высокую эффективность, однако их применение может быть ограничено, если поведение достаточно тяжелое и опасное. В рамках современного подхода в прикладном анализе поведения были разработаны четкие методические процедуры, направленные на оценку и изменение тяжелого проблемного поведения, включающие в себя: а) практический функциональный анализ (ПФА); б) тренинг с опорой на навыки (ТОН), разработанный на основе данных ПФА; в) перенос процедур обучения и результатов в повседневную жизнь (Hanley et al., 2014). Цель исследования: изучить эффективность поведенческого вмешательства ПФА ТОН у подростков с РАС.

В исследовании приняли участие 6 подростков с диагнозом РАС 13–17 лет с Проблемным поведением, существенно ограничивающим их повседневное функционирование. Вмешательство осуществлялось сертифицированными поведенческими аналитиками в части ПФА. Тренинг с опорой на навыки и перенос результатов обучения в повседневную жизнь проводились обученными специалистами (и частично родителями) в домашней обстановке. Всего участники исследования получили от 323 до 526 часов тренинга (3–4 часа в неделю). Для оценки результативности вмешательства проводилось два этапа тестирования с периодом 9 месяцев (март и декабрь 2024 года) с использованием Шкалы адаптивного поведения Vineland-II (Chatham et al., 2018) и Контрольного списка вопросов о поведении ребенка (Kaat te al., 2014).

Результаты не показали ни для одного участника достоверных изменений в общем балле по шкале адаптивного поведения при сравнении данных до и после вмешательства. Ни в одном случае результаты изменений по адаптивному поведению не достигли «минимальной клинически важной разницы», которая составляет 2–3,75 балла по общему показателю шкалы (Chatham et al., 2018). Тем не менее, у 4 из 6 участников исследования наблюдается положительная динамика в развитии экспрессивной коммуникации, навыков самообслуживания и бытовых навыков. Также мы можем отметить отрицательную динамику в области адаптивного поведения у 2-х участников исследования, что может быть связано с обострением сопутствующих хронических заболеваний (в одном из этих случаев). Похожие результаты отмечаются при анализе данных опросника о поведении ребенка: у 4 из 6 участников исследования наблюдается снижение общего показателя дезадаптации, в частности снижение показателей поведенческих проявлений, связанных с агрессией и нарушением правил, в то время как у двух участников общий показатель проблемного поведения вырос.

Таким образом, вмешательство ПФА ТОН показало свою эффективность для 4 из 6 подростков с РАС в части улучшения адаптивного функционирования и снижения проблемного поведения.

1. Kaat A.J., Lecavalier L., Aman M.G. Validity of the aberrant behavior checklist in children with autism spectrum disorder //Journal of autism and developmental disorders. 2014 Vol. 44 P. 1103- 1116 https://doi.org/10.1007/s10803-013-1970-0
2. Chatham C.H., Taylor K.I., Charman T. et al. Adaptive behavior in autism: Minimal clinically important differences on the Vineland-II // Autism research. 2018 Vol. 11(2). P.270-283 https://doi.org/10.1002/aur.1874
3. Hanley G.P., Jin C.S., Vanselow N.R., Hanratty L.A. Producing meaningful improvements in
4. problem behavior of children with autism via synthesized analyses and treatments // Journal of Applied Behavior Analysis. Vol. 47(1). P. 16–36 https://doi.org/10.1002/ jaba.106

Гулакова А.Ю., Миланич Ю. М.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Связь проблемного использования интернета с когнитивным функционированием и психическим состоянием старших подростков

Проблемное использование интернета, когнитивные функции, психическое состояние, старшие подростки

Введение. Актуальность исследования обусловлена распространенностью проблемного использования интернета (ПИИ) среди подростков. Вопрос, приносит ли возрастающее использование цифровых устройств больше вреда, чем пользы, остается дискуссионным. Рассматривается связь ПИИ с неблагополучием в личностной сфере и риском психопатологической симптоматики. В отношении когнитивного функционирования приводятся доказательства как негативных, так и позитивных эффектов онлайн-активности. При этом противоречивость данных можно объяснить учетом в работах различных аспектов такого влияния, например, возрастного фактора, вида когнитивной функции, степени погруженности в интернет и др. (Ward et al., 2017; Солдатова, Вишнева, 2019; Böttger et al., 2023). Цель данного исследования – изучение связи ПИИ с когнитивным функционированием и психическим состоянием старших подростков. Мы предположили, что уровень ПИИ имеет отрицательную связь с продуктивностью когнитивных функций (гипотеза 1) и показателями актуального психического состояния старших подростков в типичный учебный день в условиях школы (гипотеза 2).

Методы. В исследовании участвовал 71 старшеклассник (15-18 лет). Использовались «Общая шкала проблемного использования интернета-3» (S.E. Caplan в модификации А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой), проба «Кольца Ландольта» для оценки устойчивости концентрации и производительности внимания, субтест «Повторение цифр» теста Векслера для оценки кратковременной и рабочей памяти, «Прогрессивные матрицы Равена» для оценки флюидного интеллекта, методика Курганского-Немчина для Оценки психического состояния. Проводился корреляционный анализ Спирмена.

Результаты. Не было обнаружено корреляционных связей между уровнем ПИИ и показателями устойчивости концентрации и производительности внимания, объема кратковременной памяти, продуктивности рабочей памяти и флюидного интеллекта. Этот результат противоречит выдвинутой гипотезе 1, но согласуется с работами, указывающими на сходные возрастные особенности: в старшем подростковом возрасте когнитивные функции более устойчивы к влиянию интернета, в то время как в младших возрастных группах школьников такие связи могут быть более выражены (Xu et al., 2023). Были выявлены отрицательные корреляционные связи между уровнем ПИИ и состояниями активации ($p=0.002$), интереса ($p=0.037$), эмоционального тонуса ($p=0.001$) и комфортности ($p=0.001$), что подтвердило гипотезу 2 С повышением уровня ПИИ снижается самооценка данных психических состояний: подростки ощущают себя более уставшими, вялыми и немотивированными к работе, менее сосредоточенными, увлеченными, радостными и беззаботными.

Выводы. Отсутствует отчетливая связь между уровнем ПИИ и продуктивностью когнитивных функций, при этом уровень ПИИ отрицательно связан с благополучием актуального психического состояния старшеклассников в типичный день учебы в школе.

1. Солдатова Г. У., Вишнева А. Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. 2019 № 27 (3). С. 97-118.
2. Böttger T., Poschik M., Zierer K. Does the Brain Drain Effect Really Exist? A Meta-Analysis // Behavioral Sciences. 2023 Vol. 13(9). P. 751
3. Xu Z., Gao X., Wei J., Liu H., & Zhang Y. Adolescent user behaviors on short video
4. application, cognitive functioning and academic performance // Computers & Education. 2023 Vol. 203 P. 1–19.
5. Ward A.F., Duke K., Gneezy A., Bos M.W. Brain Drain: The Mere Presence of One's Own Smartphone Reduces Available Cognitive Capacity. Journal of the Association for Consumer Research. 2017 Vol. 2 (2). P. 140-154.

Игнатенко Е.Н., Корякина М.М., Благовещенский Е. Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Центр человекознания им. Б. Г. Ананьева

Разработка подходов для исследования регуляции у детей с моторными нарушениями

Множественный артрогрипоз, парез Дюшена-Эрба, исполнительные функции, эмоциональная регуляция, реабилитация

Введение. На настоящий момент существует небольшое количество работ, посвященных изучению психических особенностей у детей с тяжелыми моторными нарушениями. В данной работе мы сосредоточились пациентах с множественным артрогрипозом и акушерским парезом Дюшена-Эрба. Оба заболевания имеют крайне схожую симптоматику и представляют модель для изучения связи развития моторных и когнитивных систем мозга, так как проявляются сразу при рождении ребенка и больше не прогрессируют. Данные заболевания выражаются в контрактурах суставах верхних конечностей. На данный момент имеются данные о задержке развития внимания и памяти независимо от степени проявления этих заболеваний [3]. В процессе ре-/абилитации пациенты могут испытывать сложности с формированием новых двигательных паттернов и включенностью в реабилитацию [1]. Мы предполагаем, что упомянутые нарушения комплаенса, внимания и памяти могут указывать на работу исполнительных функций (ИФ) и эмоциональной регуляции (ЭР), что может влиять на моторный контроль [2], и предполагаем, что изучение особенностей ЭР и ИФ у детей с моторными нарушениями может стать основой для разработки психологической программы для улучшения ре/-абилитационного эффекта и самообслуживания. Для этого мы предлагаем следующий подход:

Описание выборки. Для участия в исследовании будут привлечены 40 детей-пациентов Национального медицинского исследовательский центр детской травматологии и ортопедии имени Г.И. Турнера МЗ РФ. Выборку будут составлять дети, которым поставлен диагноз «множественный артрогрипоз» или «акушерский парез Дюшена-Эрба». В качестве контрольной группы предполагаются дети без нарушений моторного развития, соответствующие критериям попарного формирования выборки.

Критерии формирования выборки:

- Возраст: от 7 до 17 лет
- Давность перенесенной ортопедической операции – не менее недели
- Отсутствие сопутствующих диагнозов нарушенного развития

Методы исследования. Мы предполагаем, что нижеприведенные методики позволят комплексно оценить ЭР и ИФ, чтобы провести анализ взаимосвязей между эмоциональной и когнитивной регуляцией.

- Тест на детскую депрессию, М. Ковач
- Опросник эмоционального интеллекта TEIQue-ASF, К. В. Петридес, А. Фернхем
- Блоки Корси, Ф. Корси
- Висконсинский тест сортировки карточек, Э. Берг, Д. Грант
- Лондонская башня, Т. Шаллис

Процедура исследования. После подписания согласия пациенты/здоровые дети пройдут 2 опросника (15 мин) и 3 теста (15-25 мин). Общее время – 30-40 минут.

Предполагаемые результаты.

1. У детей с моторными нарушениями, возможно, будут наблюдаться более низкие показатели ЭР по сравнению с группой контроля.
2. У детей с моторными нарушениями, возможно, будет наблюдаться снижение показателей ИФ по сравнению со здоровой группой.
3. Предполагается положительная корреляция между показателями эмоциональной регуляции и исполнительных функций.

1. Blagovechtchenski E., Agranovich O., Shestakova A. Neurophysiological and psychological features in children after muscle autotransplantation // 2022 Fourth International Conference Neurotechnologies and Neurointerfaces (CNN). Kaliningrad, Russian Federation: IEEE, 2022. P. 14–16. https://doi.org/10.1109/CNN56452.2022.9912493
2. Drigas A., Karyotaki M. Executive Functioning and Problem Solving: A Bidirectional Relation // Int. J. Eng. Ped. 2019. Vol. 9(3) P. 76–98. https://doi.org/10.3991/ijep.v9i3.10186
3. Koriakina M. et al. Aberrant Auditory and Visual Memory Development of Children with Upper Limb Motor Disorders // Brain sci. 2021. Vol. 11 (1650). https://doi.org/10.3390/brainsci11121650

Диева Д.В., Яковлева М.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональное состояние и родительское выгорание матерей детей с хроническими заболеваниями

Хроническое заболевание ребенка, родительское выгорание, тревога, стресс

Введение. В повседневной жизни родители детей с хроническими заболеваниями сталкиваются с такими стрессорами, как переживания о здоровье ребенка, необходимость регулярных медицинских вмешательств, недостаток свободного времени. При этом эмоциональное состояние родителей оказывает влияние на их приверженность к лечению ребенка, на отношение самого ребенка к болезни, на детско-родительские отношения (Пятакова, Виссарионов, 2014; Михайлова, Щукин, 2016; Бочаров и др., 2018). Это обусловило цель исследования: изучение эмоционального состояния и родительского выгорания матерей детей с хроническими заболеваниями.

Методы. Исследование проводилось на базе Детской городской больницы №2 святой Марии Магдалины. Выборку составили 20 женщин, чьи дети проходили стационарное лечение в связи с хроническим заболеванием (отделения аллергологии, ревматологии, кардиологии). Средний возраст женщин – 37,5±6 лет; из них 40% воспитывают еще одного или нескольких детей, 50% из которых также обладают ограниченными возможностями здоровья. Средний возраст детей – 5,5±0,5 лет; у 50% давность заболевания более 5 лет. Использовались полуструктурированное интервью, Интегративный тест тревожности (ИТТ, блок ситуативной тревожности), Шкала воспринимаемого стресса (ШВС-10), Опросник Уровень эмоционального выгорания родителей, родительско-детский вариант (УЭВР/РДВ).

Результаты. Было установлено, что 85% матерей характеризуют отношения в семье как хорошие; 75% в уходе за ребенком помогают родственники/друзья/няни. Показатели всех компонентов ситуативной тревожности в выборке приближены к средним; наиболее высокие значения получены по шкале «Тревожная оценка перспективы», самые низкие – по фобическому компоненту. Показатели респондентов по шкале «Перенапряжение» значимо не отличаются от нормативных, при этом их показатели противодействия стрессу существенно ниже нормативных ($p<0,001$), что может свидетельствовать о сниженных адаптационных ресурсах в исследованной выборке. Показатели компонентов родительского выгорания распределились по степени выраженности следующим образом: низкая – «Энергия», «Смысл», «Истощение», «Деперсонализация», «Деструктивная разрядка напряжения», «Редукция личных достижений»; средняя – «Ресурс»; высокая – «Самоэффективность». Психометрические показатели были подвергнуты корреляционному анализу (Ро-Спирмена): положительные корреляции были обнаружены для шкал «Перенапряжение» и «Деструктивная разрядка напряжения» ($p<0,05$), «Перенапряжение» и «Редукция личных достижений» ($p<0,01$), «Воспринимаемый стресс» и «Деструктивная разрядка напряжения» ($p<0,05$), «Воспринимаемый стресс» и «Редукция личных достижений» ($p<0,05$). Значимых связей между шкалами ИТТ и УЭВР/РДВ не выявлено.

Выводы. Выявлена низкая выраженность показателей родительского выгорания, при этом респондентам свойственна самоэффективность. Установлена связь между уровнями перенапряжения и воспринимаемого стресса респондентов и их склонностью к соматизации психоэмоционального напряжения и тенденцией к использованию деструктивных способов совладания со стрессом.

1. Бочаров В.В., Шишкова А.М., Черная Ю.С. Эмоциональное выгорание у матерей детей с хронической инвалидизирующей соматической патологией // Женское психическое здоровье: междисциплинарный статус. СПб.: Альта Астра, 2018 С. 31–33.
2. Михайлова Н.Ф., Щукин А.В. Повседневный стресс и копинг родителей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом // Проблемы современного педагогического образования. 2016 №53–8. С. 208–214.
3. Пятакова Г.В., Виссарионов С.В. Отношение к болезни детей с идиопатическим сколиозом в контексте родительских установок // Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста. 2014 Т. 2, №1. С. 89–97.

Зверева М.В.
ФГБНУ НЦПЗ

Ассоциативные приемы в патопсихологии детского и юношеского

Направленные вербальные ассоциации, мышление, эмоции, дети, подростки

Введение. Ассоциативные приемы используются в клинико-психологической практике много лет, одним из первых применил метод свободных ассоциаций К.Г.Юнг, в отечественной традиции С.Я.Рубинштейн описывала методику называния 60 слов, по сути она является по форме ассоциативной (Рубинштейн, 1998). В последние годы в диагностику, коррекцию, психотерапию активно включаются ассоциативные приемы. И.Н.Власенкова разработала методику направленных вербальных ассоциаций на стимулы разных модальностей для анализа особенностей мыслительной деятельности детей с расстройствами круга шизофрении (Власенкова, 2016). Ассоциативные методики на половозрастную идентификацию предложены Н.В. Зверевой в них оценивается ассоциативный ряд из прилагательных для категорий «ребенок», «подросток», «взрослый», в настоящее время добавляется возрастная категория «старый человек».

Авторы статьи применили ассоциативный прием направленных ассоциаций для определения опасных ситуаций для указанных выше возрастных категорий (Зверева, 2017). Эти методические приемы хорошо зарекомендовали себя в диагностике когнитивной и эмоционально-личностной сферы. Последняя разработка авторов – ассоциативное называние слов, обозначающих эмоции (существительные) и обозначающих эмоциональное состояние в действии (глаголами). Такая постановка проблемы связана с имеющимися в литературе данными о разнице в употреблении в речи разных словоформ – частей речи, взрослыми больными с психической патологией. По традиции патопсихологической школы Зейгарник-Полякова обнаруженные особенности психики у взрослых пациентов исследуются и на других возрастных этапах (моложе или старше). Все это определило постановку настоящего исследования.

Цель: оценка ассоциативных приемов в клинико-психологической диагностике детей и подростков с нарушениями развития.

Методы: экспериментально-психологический с использованием ассоциативных методик половозрастной идентификации и ассоциативной методики определения опасных ситуаций, пилотный вариант ассоциативной методики на оценку эмоций (когнитивный и проективный аспекты). Параметры оценки: количество ассоциаций, нарушение инструкции, время ассоциирования, тип ассоциации (положительные, нейтральные, отрицательные), вид источника опасности (социальный, антропогенный, природный).

Материал: подростки, молодые взрослые нормы развития (по 30 человек), подростки с девиантным поведением (15 человек), подростки с шизофренией – F21 (20 человек). Для данных методик существует возрастное ограничение – не младше 10 лет (необходимо понимание возрастных интервалов, знание определений частей речи).

Результаты. По методике ассоциативной половозрастной идентификации было получено следующее: группа здоровых школьников-подростков в сопоставлении со здоровыми взрослыми (студенты) показывает общие и различные представления о возрастных группах, обнаружено своеобразие ряда оценок у девиантных подростков и подростков с шизотипическим расстройством. Образ взрослого имеет максимальное количество позитивных характеристик у школьников (64%), студентов (76%), девиантных подростков (90%) и больных шизофренией (82%). Здоровые старшеклассники менее дифференцированно описывают возрастные различия, чем студенты, у больных шизофренией есть и частотные ответы, и особые, редкие ассоциации. Максимум негативных оценок приходится на подростковый возраст у здоровых школьников (45%) и студентов (37%), девиантных подростков (60%) и больных шизофренией (40%).

Качественный анализ показывает большую «скученность» ответов в норме (и у школьников, и у студентов), тогда как в клинических группах ответы более индивидуальны. При ассоциациях о продуцирующих опасность ситуациях получено следующее: у здоровых подростков практически для каждой возрастной категории более 50% опасных ситуаций имеют социогенное происхождение, исключение – возрастная категория «ребенок», в которой самый большой процент принадлежит антропогенным источникам (50%). В группе шизофренической патологии оказалось иное: хотя социогенные источники также лидируют по частоте, но также частотными являются природные (22%), а самыми частотными – антропогенные (42%). Временные показатели оценивались преимущественно качественно, однако выявлено, что и в норме, и в патологии для значительной части испытуемых более длительным оказывается время ассоциирования для возраста, совпадающего с возрастом испытуемого (подросток), хотя бывают и исключения. Качественный анализ проективного компонента методик показывает, что

подростки с патологией часто описывают кого-то из родных, тогда как выбор описываемой персоны у здоровых испытуемых шире. Пилотный анализ ассоциаций к возрастной категории «старый человек» показывает, что есть два вида ассоциаций – сходные со ответами к категории «взрослый» позитивными ответами и второй вариант – указание на разные варианты немощи, нездоровья, беспомощности.

Ассоциативная методика по называнию эмоций и обозначающих их действий пока проведена только на нормативной выборке разного возраста. Общая оценка – набор эмоций определяет выраженный проективный компонент, а также возрастная специфика, у большинства молодых респондентов на первом месте стоят позитивные эмоции, прежде всего «радость», ожидаемого перечисления основных базовых эмоций не было получено даже на выборке молодых психологов, как будто проективный компонент оказался сильнее выражен, чем когнитивный.

Резюме. Все описанные ассоциативные приемы хорошо себя зарекомендовали в работе с пациентами с психической патологией и в норме развития, значимым оказался проективный компонент, рассогласование позитивных и негативных преобладающих характеристик при разных вариантах развития (психическая норма, психическая патология, разные возрастные группы).

Ограничение по результатам: малые выборки, недостаточность статистики.

Перспективы на будущее: следует расширить выборки по объему и по клиническим параметрам, оценить ассоциирование в связи с полом испытуемого в норме и при вариантах патологии.

1. Власенкова, И.Н. Особенности ассоциативной деятельности в разных модальностях у детей младшего школьного возраста в норме и при шизофрении: автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.04 / Власенкова Ирина Николаевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2015 – 23 с.
2. Зверева Н.В. Опыт применения ассоциативной методики в оценке возрастной идентификации подростков в норме и при разных вариантах отклоняющегося развития. //Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов.
3. Светлогорск, 20-24 июня 2016/Отв. Ред. Ю.И.Александров. К.В.Анохин.- М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016 С. 280-281.
4. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения. СПб, 1998

Никулина Е.О., Анакина В.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Отношение к себе и особому ребенку у нормотипичных детей в интегративных группах детского сада

Интеграция, отношение к сверстникам, самооценка

Сегодня наблюдается увеличение количества детей с особыми потребностями, которые получают дошкольное и школьное образование вместе с типично развивающимися детьми. Ряд исследователей обращает внимание на такие характеристики типично развивающихся детей как адаптивность, гибкость, коммуникативные навыки (Безрукова М.А. 2022 и Ogelman H. G., Seçer Z., 2012). При этом, отношение типично развивающихся детей к сверстникам с особыми потребностями изучено мало, последние данные представлены в работе Пасторовой А.Ю. 2012 года. Цель данного исследования – изучить особенности отношения к себе и к ребёнку с особыми потребностями у типично развивающихся детей в интегративных группах детского сада.

Выборка представлена детьми с 5 до 7 лет (M(SD)=5,92(0,73). Исследуемые группы с полной и частичной интеграцией набраны в ГДОУ № 41 «Центр интегративного воспитания» Центрального района Санкт-Петербурга; группа сравнения – дети из ГДОУ № 17 Всего в исследовании приняло участие 117 обычно развивающихся детей: 63 мальчика и 54 девочек. Использовались следующие методики: «Лесенка» (автор модификации В.Г. Щур) для изучения самооценки; «Три улицы» (А.Ю. Пасторова и В.Ю. Иванова) для оценки отношения типично развивающихся детей к сверстникам с особенностями и без них; «Рисунок человека» (К. Маховер) для определения отношения дошкольника к различным сверстникам. Для количественной обработки данных использовались описательные статистики, сравнительный анализ по Т-критерию, многомерный дисперсионный анализ и корреляционный анализ.

Выводы: большинство детей во всех трех группах имеет высокую самооценку. При этом, у девочек самооценка в различных группах не отличается, у мальчиков самооценка в группе с полной интеграцией в среднем выше, чем у мальчиков в группе без интеграции; существуют различия в самооценке в возрастных группах в 6 и 7 лет, наиболее выражены эти различия в 7-летнем возрасте, где самый высокий уровень самооценки – в группе с частичной интеграцией; внутри групп мальчиков и девочек значения отношения к сверстнику с особыми потребностями одинаковое во всех трех изучаемых группах (полной, частичной и без интеграции); готовность взаимодействовать со сверстниками с особыми потребностями выше в группе полной интеграции. Девочки, в отличие от мальчиков, лучше относятся к сверстнику с особыми потребностями. Мальчики из группы полной интеграции рисуют сверстников с типичным развитием более грустными, чем их же изображают мальчики из других групп; отношение типично развивающихся детей к сверстнику с особыми потребностями (использование цвета в рисунках) в возрасте 6 и 7 лет не отличается в разных группах интеграции; при этом в группе 5-леток дети в группе полной интеграции чаще используют цвет в рисунке как типично развивающегося сверстника, так и ребенка с особыми потребностями; Взаимосвязи показателей самооценки и отношения к сверстникам отличаются в различных группах: в группе полной интеграции самооценка связана с оценкой выражения лица и готовностью играть с ребенком с ОВЗ; в группе частичной интеграции самооценка практически не связана с отношением к сверстнику с ОВЗ; в группе без интеграции чем выше самооценка, тем ближе к себе готов ребенок поселить ребенка с ОВЗ и дальше от себя – типично развивающегося сверстника.

1. Безрукова М.А. Инклюзия образования: преимущества и недостатки / М.А. Безрукова // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2022
2. Пасторова А.Ю. Инклюзивное образование: исследования и практика в Санкт-Петербурге. – Издательский дом Санкт-Петербужского государственного университета, 2012
3. Ogelman H.G., Seçer Z. The Effect Inclusive Education Practice during Preschool Has on the Peer Relations and Social Skills of 5-6-Year Olds with Typical Development //International Journal of Special Education. – 2012

Богачева О. И., Иванов М.В.
ФГБНУ НЦПЗ

Тараненко И.М.
ГБОУ Школа № 709

Лонгитюдное исследование динамики познавательного развития у детей с задержками психического развития

Познавательное развитие, нарушения развития, задержка психического развития, динамика познавательного развития

Введение. Группа детей с задержками психического развития, является одной из наиболее распространенных из всех психических расстройств детского возраста в популяции. Отмечается важность раннего выявления и организации коррекционно-развивающих условий для развития данной категории детей (Злоказова, 2004; Макаров, Емелина, 2019). Цель: определение динамики познавательного развития детей с задержками психического развития в процессе прохождения коррекционно-развивающих занятий.

Методы. Выборка 40 детей в возрасте 6,5-7 лет: эмпирическая группа (ЭГ) – 20 детей с диагнозами: F80-F83 по МКБ-10), контрольная группа (КГ) – 20 с нормативным развитием. База исследования: ГБОУ Школа № 709 г. Москвы

Методика исследования: с каждым ребенком начиная с 1 класса дважды в год и на протяжении четырехлет проводилось психологическое исследование познавательного развития (память, внимание, мышление) пометодикам:

- запоминание 10 слов (по А.Р. Лурии);
- корректурная проба, буквенный вариант (тест Б. Бурдона);
- исключения четвертого лишнего (вариант методики Н.Л. Белопольской);
- разрезные картинки (вариант Н.Я. Семаго, М.М. Семаго);
- последовательность событий (вариант Н.Я. Семаго, М.М. Семаго);
- кубики Б.П. Никитина.

Коррекционно-развивающие занятия проводились с детьми 2 раза в неделю на протяжении всего периода обучения и включала следующие методики: система упражнений: развитие навыков учебной деятельности (Данилов И.В.), кубики Никитина, «снежный ком» (слухоречевая память), «запомни и воспроизведи», школа внимания (по Н.М. Пылаевой, Т.В. Ахутиной), развитие внимания (А.В. Сунцовой, С.В. Курдюковой), развитие мышления «Что за чем и почему?» (Г.С. Кагарлицкой).

Результаты исследования. Исследование слухоречевой памяти у детей ЭГ выявило низкий уровень мнестических способностей, количество запоминаемых стимулов при последующих воспроизведениях увеличивалось незначительно, наблюдались персеверации и вербальные парафазии. У большинства детей ЭГ выявлена положительная динамика развития слухоречевой памяти, достигающая и даже превосходящая показатели сверстников из КГ. Однако у 23% детей не обнаружена положительная динамика, а в ряде случаев отмечено ухудшение, что связывалось с нерегулярным посещением коррекционно-развивающих занятий, а также самостоятельной отменой медикаментозной терапии, назначенной лечащим врачом (психиатром, неврологом). Исследование внимания показало, что у детей ЭГ все компоненты внимания (концентрация, переключение, распределение) находятся на низком уровне, также детям свойственно колебание показателей. Коррекционно-развивающая работа улучшила показатели, количество ошибок уменьшалось, но количество просмотренных знаков незначительно увеличивалось. Исследование мыслительной деятельности показало преобладание наглядно-действенного мышления, недостаточность вербально-логического мышления у детей ЭГ. Наблюдаются трудности вербального оформления мысли, выделения причинно-следственных связей

Выводы. Проведенное динамическое исследование познавательного развития у детей с задержками психического развития показало, что у большинства детей (более 60%) отмечается положительная динамика развития при проведении коррекционно-развивающих занятий и соблюдении рекомендаций лечащего врача.Стоит отметить, что результаты коррекционно-развивающей работы также зависят от изначального уровня развития психических функций у детей и этиопатогенетеского фактора, вызывающего нарушения психического развития.

1. Злоказова М.В. Задержка психического развития (клинико-психологические, сравнительно-возрастные и реабилитационные аспекты): дисс. … докт. мед. наук. СПб., 2004. 316 с.
2. Макаров И.В., Емелина Д.А. Задержки психического развития у детей // Психиатрия детского возраста. СПб., 2019. С. 341-357.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ИХ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

Ильяс А., Фролова О.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Параметры электроглоттограммы эмоциональной речи мужчин и женщин

Эмоциональная речь, голосовые складки, электроглоттограмма

Введение. В характеристиках голоса отражается эмоциональное и психоневрологическое состояние человека. При нарушениях развития и атипичном развитии ребенка характеристики голоса и эмоциональной речи могут отличаться от нормативных параметров (Ляксо и др., 2020), что ставит задачу более детального изучения работы голосового источника. Одним из методов изучения работы голосовых складок во время фонации является неинвазивный метод электроглоттографии (Kitzing, 1990). Данные исследований электроглоттограммы (ЭГГ) детей практически отсутствуют, единичные работы выполнены на эмоциональной речи взрослых (Waaramaa, Kankare, 2013; Grigorev et al., 2022). В нашем исследовании проводится отработка методического подхода на взрослых участниках для последующего использования при работе с детьми. Цель исследования – определить и сравнить параметры электроглоттограммы эмоциональной речи мужчин и женщин.

Методика. В исследовании приняли участие 5 мужчин (21.4 ± 1.5 лет) и 5 женщин (21 ± 2.5 лет). На момент регистрации ЭГГ испытуемые не имели функциональных нарушений работы голосовых складок и респираторных заболеваний. Регистрация ЭГГ осуществлена на электроглоттографе Model 7050A (Voce Vista, the Netherlands) при чтении специального речевого материала. Экспериментатор просил испытуемого изобразить эмоциональные состояния: «радость-нейтральное-печаль-страх-гнев» как можно более ярко. Определяли основные параметры ЭГГ при пороговом значении 20%: коэффициент смыкания голосовых складок (CQ), частоту основного тона (ЧОТ). Произведена статистическая обработка данных в программе «Statistica 12» с использованием теста Манна-Уитни.

Результаты. Значения ЧОТ мужчин во всех эмоциональных состояниях ниже, чем значения ЧОТ женщин. Показаны различия по значениям ЧОТ мужчин и женщин между разными эмоциональными состояниями: значения ЧОТ в состоянии радости максимальны ($p<0.001$), в нейтральном состоянии – минимальны ($p<0.001$). Значения ЧОТ в состоянии страха у мужчин и женщин выше, чем в состоянии печали и в нейтральном состоянии ($p<0.001$). В состоянии гнева значения ЧОТ мужчин выше, чем в состояниях печали, страха и нейтрального состояния ($p<0.001$).

Значения CQ мужчин во всех эмоциональных состояниях выше, чем значения CQ женщин ($p<0.001$). В состоянии радости значения CQ мужчин выше, чем в других эмоциональных состояниях ($p<0.05$). В состояниях печали и страха значения CQ мужчин ниже, чем в других эмоциональных состояниях ($p<0.001$). В состояниях радости и гнева значения CQ женщин выше, чем в других эмоциональных состояниях ($p<0.05$).

Выводы. Получены нормативные данные о характеристиках ЭГГ мужчин и женщин при произнесении эмоциональной речи. Результаты исследования могут быть использованы для сравнения с характеристиками ЭГГ детей и взрослых людей с нарушениями работы голосовых складок.

1. Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Гречаный С.В., Матвеев Ю.Н., Верхоляк О.В., Карпов А.А. Голосовой портрет ребенка с типичным и атипичным развитием. М.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. 204 с.
2. Grigorev A., Kurazhova A., Kleshnev E., Nikolaev A., Frolova O., Lyakso, E. An electroglottographic method for assessing the emotional state of the speaker // Lecture Notes in Computer Science / Lecture Notes in Artificial Intelligence. 2022. Vol 13721. P. 214–225.
3. Kitzing P. Clinical applications of electroglottography // Journal of Voice. 1990. Vol 4(3). P. 238–249.
4. Waaramaa T., Kankare E. Acoustic and EGG analyses of emotional utterances // Logopedics, phoniatrics, vocology. 2013. Vol 38 (1). P. 11–18.

Григорян А.В., Ткачева Л.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Применение нейротехнологии eye-tracking для анализа рекламных макетов

Нейромаркетинг, eye-tracking, рекламные макеты

Современная психология зрительного восприятия активно изучает механизмы селективного внимания как ключевого компонента когнитивных процессов. В ходе потребительского поведения визуальное внимание определяет эффективность рекламных коммуникаций и влияние на принятие решения о покупке. Нейротехнология айтрекинга обеспечивает всестороннюю возможность объективного наблюдения подсознательного зрительного восприятия, что имеет значение для понимания психофизиологических основ потребительского поведения.

Целью исследования является изучение психофизиологических механизмов распределения зрительного внимания при восприятии рекламных макетов фэшн-индустрии с помощью нейротехнологии айтрекинга.

Основные гипотезы:

Гипотеза 1: Размер и пространственное расположение логотипа определяют закономерности зрительного внимания, влияя на общее количество фиксаций взгляда в соответствии с принципами избирательного внимания.

Гипотеза 2: Элементы рекламного макета с высокой визуальной оригинальностью (лицо модели, логотип, информация о скидке) показывают область приоритетного внимания, что проявляется в увеличении времени фиксации и уменьшении латентности первого взгляда.

В обучении приняли участие 25 респондентов в возрасте 18-28 лет (женщины: 84%, мужчины: 16%). Использовались 15 рекламных макетов фэшн-индустрии, созданных в программе Figma. Регистрация действий глаз осуществлялась с помощью устройства слежения за взглядом – нейротехнологии айтрекинга. Статистический анализ полученных результатов проводился в программе IBM SPSS с применением однофакторного дисперсионного анализа для сравнения показателей фиксации взгляда между различными областями интереса.

Исследование подтвердило Гипотезу 1: макеты с крупными логотипами (№ 13, 10, 15, 9, 2) продемонстрировали появление более высокого общего количества фиксаций по сравнению с макетами, содержащими логотипы меньшего размера в верхней части (№ 5, 7, 6).

Гипотеза 2 получила частичное подтверждение: область высокой визуальной активности действительно привлекала приоритетное внимание, что выражалось в сокращении количества фиксаций до первого взгляда на логотип (макеты № 9, 12, 15), информацию о скидке (макеты № 4, 14, 8, 12) и лица в центральном расположении (макеты № 9, 10). По показателю общего времени просмотрите наибольшие значения фиксацийдля областей «скидка» и «плашка новой коллекции» на макетах № 13, 10, 11, 15, 8.

Результаты исследования подтверждают принципы теории селективного внимания к небольшому числу визуальных коммуникаций.

Для психологии исследование раскрывает когнитивные процессы обработки визуальной информации в условиях восприятия рекламы, что важно для понимания потребительского поведения как психологического феномена.

Практическая значимость заключается в возможности применения технологий айтрекинга для оптимизации рекламных макетов с учетом психофизиологических особенностей зрительного восприятия, что открывает новые направления в изучении взаимодействия когнитивных процессов и маркетинговых стимулов.

Морозова С.В., Горбунов И.А., Холмаматова Т.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Экспертная проверка автоматической разметки сложности абстрактных изображений AFIS

Абстрактные изображения AFIS, фрактальная размерность, сложность

Целью настоящего исследования было получение первичной эмпирической разметки субъективной сложности для стимулов базы AFIS и частичная проверка ее валидности. База абстрактных изображений AFIS содержала в себе 165 изображений с автоматической разметкой сложности, эмоциональной валентности, яркости и контрастности. (Morozova S.V., 2025)

Исследование включало два этапа. Сначала был проведен пилотажный психофизиологический эксперимент. Испытуемыми стали 8 студентов факультета психологии СПбГУ (пол женский, средний возраст 21.6 лет). Результаты 2 испытуемых были исключены из анализа, т.к. их оценка валентности изображений оказалась инвертирована. Эксперимент проводился на базе лаборатории психофизиологии СПбГУ с помощью программы стимуляции ExperStim. Испытуемые сидели на расстоянии 50-60 см от стандартного ЖК монитора (16 дюймов, 60 Гц). Изображения AFIS предъявлялись в центре экрана в полном размере без сжатия (1024*768 px). После чтения инструкции испытуемым в случайном порядке последовательно предъявлялось 165 стимулов. Каждое изображение демонстрировалось на экране 4 секунды, после чего появлялось сообщение о том, что необходимо нажать кнопку, соответствующую валентности изображения. После нажатия кнопки на 0.5 секунды демонстрировался пустой серый экран, а затем загружался следующий стимул. В процессе исследования у испытуемых измерялась ЭЭГ в диапазоне 0.5-70 Гц (отведения F3, Fz, F4, P3, Pz, P4 относительно референта Av, энцефалограф Мицар 202). У всех испытуемых было нормальное или скорректированное до нормального зрение.

На втором этапе исследования испытуемые делали разметку изображений AFIS. В выборку вошли 35 респондентов: 22 женщины и 13 мужчин от 18 до 40 лет с высшим или неоконченным высшим образованием. Средний возраст для двух возрастных категорий (ранней и средней взрослости) составляет 21.6 и 36.5 лет соответственно. Дизайн исследования включал просмотр 134 фрактальных изображений в случайном порядке.

Для каждого изображения испытуемый должен был с помощью слайдера отметить уровень сложности и эмоциональной валентности. У всех испытуемых было нормальное или скорректированное до нормального зрение. Исследование было организовано с помощью программы PsychoPy (v. 2024.2.4).

Данные ЭЭГ предварительно были факторизованы с помощью метода максимального правдоподобия с вращением quartimax (78.9% дисперсии). Было получено два фактора, объединивших теменные и лобные отведения. Далее, различия для групп стимулов были проверены с помощью критерия H Краскела-Уоллиса. Фрактальная размерность в теменных отведениях статистически значимо различается для изображений AFIS разной объективной сложности и валентности: $\chi^2(5)=16.66$, $p=0.005$, $\varepsilon^2=0.025$. Для негативных стимулов с высокой сложностью наблюдалась более низкая фрактальная размерность ЭЭГ, чем для позитивных изображений с высокой сложностью. По результатам пилотажа часть изображений была исключена. На втором этапе испытуемые делали разметку субъективной сложности 134 изображений AFIS. Сопоставление автоматической и экспертной оценок сложности было сделано с помощью множественного регрессионного анализа. Полученная модель в совокупности объясняет 74.1 % дисперсии. В субъективную оценку сложности статистически значимо вносят вклад предикторы: сложность Лемпеля-Зива (0.442), трехмерная фрактальная размерность (0.4) и контрастность изображения (-0.195). В целом мы можем сделать вывод о подтверждении внутренней валидности автоматической разметки сложности изображений AFIS.

1. Morozova S.V. An affective fractal image system (AFIS) // Innovation, Identity, and Culture in the Digital Age: Interdisciplinary Approaches to Language, Law, and Society / ed. B.T.
2. Koichuev, E.F. Nasyrova. Sharjah: AST Consortium, 2025 P. 22-26.

Корякина М.М.
НИУ ВШЭ

Никишкина У.С., Бородина К.А., Чуканов А.В., Благовещенский Е.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние разных типов стресса на субъективную оценку эмоционального состояния

Стресс, эмоции, субъективная оценка, холодовой тест, тест Трира

Актуальность. Изучение влияния разных типов стресса (физиологического и социально-психологического) на субъективную оценку эмоционального состояния актуально для разработки персонализированных стратегий стресс-менеджмента, учитывающих специфику стрессоров и индивидуальные адаптационные реакции. Цель. Настоящее исследование было направлено на изучение различий эффектов стресса, путем сравнения динамики субъективной оценки эмоционального состояния при различных типах стрессового воздействия: холодовой тест (Cold Pressor Test, CPT) и тест Трира (Trier Social Stress Test, TSST). Методы. Оба метода используются для индукции стресса, но вызывают разные типы стрессовых реакций. CPT – это физиологический стресс-тест, при котором участник погружает руку в ледяную воду (0–4°C) на определенное время (например, 1–3 минуты) [5]. TSST – это стандартизированный лабораторный протокол, разработанный для индуцирования умеренного социально-психологического стресса. Он включает три этапа: подготовку речи, произнесение речи перед комиссией и выполнение арифметического задания [4]. Психологическая самооценка состояния проводилась с использованием психодиагностических методик: (1) шкала дифференциальных эмоций (DES) [2]; (2) шкала самооценки настроения (САН) [1]; (3) самоотчетнаяметодика ядерного аффекта (Emos-15) [3].

Результаты. В группе с индукцией физического стресса, сразу после индукции, снижается напряжение (p=0,049), и тревожные эмоции снижаются (p=0,027) (см.рис.1). Напряжение в группе с индукцией психологического (социального стресса) , сразу после индукции, повышается напряжение (p=0,044), положительный аффект снижается (p=0,027). До стресса группы не различаются по всем показателям. Сравнение двух групп после стресса показало, что уровень напряжения значимо различается (0,023), а именно в группе психологического стресса напряжение выше, чем в группе физиологического стресса. Такое различие может отражать различные адаптационные стратегии организма: мобилизацию ресурсов при социальной угрозе против локальной сосудистой адаптации при физическом стрессе. Вывод. Различные типы стрессовых воздействий вызывают дифференцированные изменения субъективного психологического состояния.

1. Доскин В. А. и др. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния //Вопросы психологии. – 1973. – Т. 19. – №. 6. – С. 141-145.
2. Леонова А. Б., Капица М. С. Методы субъективной оценки функциональных состояний человека // Практикум по инженерной психологии и эргономике/Под ред. ЮК Стрелкова. М.: Академия. – 2003. – С. 136-167.
3. Люсин Д. В. Эмос-15: самоотчётная методика для измерения ядерного аффекта //Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – №. 5. – С. 97-106.
4. Allen A. P. et al. The trier social stress test: principles and practice //Neurobiology of stress. – 2017. – Т. 6. – С. 113-126.
5. Lovallo W. The cold pressor test and autonomic function: a review and integration //Psychophysiology. – 1975. – Т. 12. – №. 3. – С. 268-282.

Луков М.Ю., Благовещенский Е.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Исследование особенностей электродермальной активности у лиц с разными личностными характеристиками

Электродермальная активность, психодиагностика, психофизиология

Введение. Электродермальная активность (ЭДА) человека может являться биомаркером его психоэмоционального состояния. На это указывают как механизмы генерации ЭДА, так и данные исследований (Boucsein W., 2012; Dawson M., 2017). Целью настоящего исследования являлась попытка оценить динамику ЭДА в ответ на различные эмоциональные стимулы, а также выявить возможные корреляции с базовыми психологическими характеристиками личности.

Методы. В исследовании приняли участие 19 человек (17 женщин, 2 мужчин; средний возраст 23, SD=3.5 года). Все участники были правшами, не имели психиатрических диагнозов и обладали нормальным или скорректированным до нормы зрением.

Для индукции эмоциональных состояний демонстрировались изображения из базы аффективных стимулов EmoMadrid (Carretié L., 2019). Процедура включала предъявление 10 блоков по 4 изображения, в каждом из которых случайным образом (вероятность 0.5) показывали позитивные или негативные стимулы. Демонстрация каждого изображения длилась 1 секунду, далее на 1 секунду появлялся серый экран. Каждый четвертый стимул оценивался по шкале от -3 до +3. Такая схема усиливала эмоциональную вовлеченность и концентрацию.

На следующем этапе исследования участники заполняли три опросника:

- Индивидуально-типологический опросник (ИТО);
- Госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS) в адаптации М.Ю. Дробижева;
- Пятифакторный опросник личности (5PFQ, «Большая пятерка») в адаптации А.Б. Хромова.

Предполагалось, что при ответе на личностно значимые вопросы у испытуемых будут возникать эмоциональные реакции.

В ходе всего эксперимента непрерывно регистрировалась ЭДА. В рамках исследования оценивалась фазическая составляющая ЭДА: частота (количество реакций в единицу времени – кЭДР) и амплитудные показатели (аЭДР). Применялась система LiveAMP (Brain Products) и датчик BP-BM-30 (Brain Products). Сигнал оцифровывался с частотой 500 Гц и применением фильтра нижних частот (частота среза 131 Гц). Датчики фиксировались на медиальных фалангах указательного и среднего пальцев.

Результаты. Статистический анализ выявил достоверные корреляции между кЭДР и следующими личностными характеристиками: шкалой «эмоциональная лабильность» ($r=0.69$, $p<0.05$) и «пластичность» ($r=0.64$, $p<0.05$) из опросника 5PFQ, а также шкалой «тревожность» ИТО ($r=0.67$, $p<0.05$). Для коррекции множественных сравнений ($n=35$) применялась поправка Бенджамини-Хохберга. Приведенные корреляции указаны с учетом поправки. Также сравнительный анализ показал, что кЭДР при просмотре эмоциональных изображений ($M=6.764$, $SD=4.289$) был достоверно выше ($t=3.36$, $p=0.0017$), чем при выполнении опросников ($M=4.0$, $SD=2.992$). При этом наблюдалась обратная картина для аЭДР: ее средние значения были значимо выше ($t=-4.119$, $p<0.001$) при прохождении опросников ($M=0.3$, $SD=0.18$) по сравнению с просмотром изображений ($M=0.2$, $SD=0.15$).

Выводы. Результаты исследования демонстрируют, что ЭДА обладает значительным потенциалом в качестве объективного индикатора психоэмоционального состояния. Выявлена закономерность: лица с выраженной эмоциональной лабильностью и повышенной тревожностью склонны проявлять более интенсивную фазическую компоненту ЭДА. Высокая чувствительность и неинвазивность метода делают перспективным его применение в психофизиологической практике – как для диагностических целей, так и для динамического наблюдения за эмоциональным состоянием.

1. Boucsein, W. Electrodermal Activity. The Springer Series in Behavioral Psychophysiology and Medicine. Springer US, 2012.
2. Carretié, Luis et al. EmoMadrid: An emotional pictures database for affect research // Motivation and Emotion 43. 2019. P. 929 – 939. https://doi.org/10.1007/s11031-019-09780-y
3. Dawson Michael E, Anne M. Schell, Dianne L. Filion. «The electrodermal system» Handbook of Psychophysiology, Cambridge University Press, 2017.

Исследование было поддержано грантом Санкт-Петербургского государственного университета 125022002751-7.

Лебедева Н.Е., Горбунов И.А., Морозова С.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психофизиологические маркеры формирования стратегии упрощения в процессе решения задач ориентирования

Спортивное ориентирование, внимание, фрактальная размерность ЭЭГ

Спортивное ориентирование предполагает постоянное переключение между картой и местностью во время бега. Из-за ограниченности ресурса внимания ориентировщики используют стратегии обработки визуальной информации, которые помогают обойти ограничения (Eccles D. et al 2002). Примером является стратегия упрощения.

Целью нашего исследования было изучение физиологических механизмов восприятия спортивной карты. Предполагается, что в процессе выполнения заданий у испытуемых будет наблюдаться снижение фрактальной размерности ЭЭГ, что будет маркером качества обучения (Diaz et al, 2015). Для проведения эксперимента были разработаны задания, обучающие стратегии упрощения. В каждом задании необходимо подобрать подходящую фотографию местности к фрагменту карты.

Эксперимент состоял из тренировочного (после каждого задания показывался правильный ответ) и основного (две дистанции – простая и сложная) этапов. В нем приняли участие 11 спортсменов-ориентировщиков и 10 человек, не имеющих опыта спортивного ориентирования. Во время выполнения заданий регистрировалась глазодвигательная активность, велась запись ЭЭГ и фиксировались ответы испытуемых.

Процент правильных ответов в группе спортсменов был выше в каждой дистанции относительно испытуемых без опыта ориентирования. Он увеличивался в первой дистанции относительно тренировочной в обеих группах. Можно сделать вывод, что происходил процесс обучения. Снижение процента правильных ответов в сложной дистанции в обеих группах связано с увеличением сложности заданий и нарастающим утомлением испытуемых.

Анализ динамики фрактальной размерности проводился с помощью MANOVA с повторными измерениями. Модель включала 31 зависимую переменную (31 отведение ЭЭГ) и 4 фактора: дистанция (простая и сложная), группа (спортсмены и не спортсмены), тип ответа (правильный и неправильный) и этап решения ЭЭГ (фактор – stage). Расчет фрактальной размерности проводился по 5 этапам, что аналогично алгоритму в ранее проведенном исследовании (Gorbunov I., Morozova S., 2021).

Было получено статистически значимое влияние фактора stage на фрактальную размерность, что выражалось увеличением фрактальной размерности в начале, а затем ее падением, достигающее минимума перед принятием решения об ответе ($F=3.3$, $df1=4$, $df2=2964$, $p=0.01$). Падение фрактальной размерности происходило сильнее в случае правильного ответа ($F=3.0$, $df1=4$, $df2=2964$, $p=0.017$).

Для оценки особенностей обработки визуальной информации рассчитывалось расстояние между центрами зрачков (чем значение ниже, тем больше внимания к близким деталям). Обнаружено, что расстояние между зрачками при просмотре фотографий выше, чем при просмотре карты ($U=4.787\times108$, $p<0.001$). В группе спортсменов как при просмотре карты, так и при просмотре фотографий местности данные значения ниже, чем в группе без опыта ориентирования.

Таким образом в обеих группах наблюдалось снижение фрактальной размерности ЭЭГ, что свидетельствует о связи этого показателя с успешностью обучения. Особенности глазодвигательной активности показывают формирование стратегии упрощения при обучении спортивному ориентированию.

1. Eccles D. W., Walsh S. E., Ingledew D. K. A grounded theory of expert cognition in orienteering/Journal of Sport and Exercise Psychology. – 2002 – Т. 24 – №. 1 – С. 68-88.
2. Díaz M. H. et al. Order and chaos in the brain: fractal time series analysis of the EEG activity during a cognitive problem solving task /Procedia Computer Science. – 2015 – Т. 55 – С. 1410- 1419
3. Gorbunov I., Morozova S. Fractal Dimention EEG Dinamics in Solving Task Recognition of Bar Plots /International Journal of Psychophysiology. – 2021 – Т. 168 – С.138-139.

Соснина Ю.С.
ФГБОУ ВО СПБГУ

Языковые модели как инструмент моделирования когнитивных процессов, реализуемых в мозге

Языковые модели, трансформеры, моделирование когнитивных процессов

Большие языковые модели (LLMs) стали первыми системами, наряду с человеческим мозгом, способными порождать связный и грамматически правильный текст, понимать контекст и демонстрировать лингвистические способности, сопоставимые с человеческими. Большой объем текстовых данных, лежащих в основе таких моделей, позволяет задать вопрос, насколько глубоко эти модели действительно сходны с мозгом человека по способу представления и обработки языковой информации.

В исследованиях для оценки сходства репрезентаций между LLM и нейрофизиологическими данными применяются нейровизуализационные методы (fMRI, EEG) в сочетании с моделями кодирования и декодирования. Модели кодирования (encoding) оценивают, насколько хорошо модель может предсказать мозговую реакцию на лингвистический стимул, а модели декодирования (decoding) – можно ли по нейронной активности восстановить исходный стимул. Современные модели, основанные на архитектуре трансформеров, позволяют учитывать сложный контекст, от фраз до целых текстов (Tuckute, 2024).

Исследования показывают, что модели, учитывающие предыдущий контекст, лучше предсказывают нейронную активность, чем модели с векторными представлениями слов (эмбеддингами). Помимо этого, LLM и человек обладают функциональным сходством: способность предсказывать следующую языковую единицу, понимать структуру языка и синтаксические связи. При этом как в мозге, так и в LLM, семантика и синтаксис тесно переплетены, отдельная нейронная зона, отвечающая исключительно за синтаксис, отсутствует.

На архитектурном уровне языковые модели эволюционировали от простых RNN и LSTM к трансформерами. Хотя современные модели с увеличенным контекстным окном показывают более высокую согласованность с данными мозга, более ранние модели, такие как LSTM, демонстрируют сопоставимую эффективность (Schrimpf и др. 2021). Часть исследований оспаривают эту точку зрения, подчеркивая, что высокая корреляция не обязательно означает идентичность выполняемых задач у модели и мозга (Antonello и др. 2024). Также показано, что объем обучающего корпуса не оказывает критического влияния на предсказание нейронной активности, однако дополнительное дообучение существенно улучшает согласованность.

Сравнивая различные типы задач, можно выделить 2 подхода: предсказание следующего слова и восстановление слова, скрытого токеном [MASK]. Первые тип моделей показал большее соответствие нейронной активности. Способность предсказывать следующее слово является важным предиктором соответствия мозгу, в то время как выполнение других языковых задач, таких как грамматический анализ, демонстрирует более слабую корреляцию с мозговыми ответами. Стоит отметить, что при изменении синтаксической структуры предложений модель сохраняет высокую точность предсказания нейронной реакции, в то время как изменение смысловых структур снижает эффективность результатов.

Таким образом, LLM представляют собой мощный инструмент когнитивного моделирования, обладающий репрезентативной структурой, сходной с мозгом. Это открывает новые возможности в когнитивной науке: от построения моделей языковой обработки до прогнозирования нейронной активности.

1. Antonello R, Huth A. 2024. Predictive coding or just feature discovery? An alternative account of why language models fit brain data. Neurobiol. Lang. 5(1):64–79
2. Tuckute G, Kanwisher N, Fedorenko E. Language in Brains, Minds, and Machines. Annu Rev Neurosci. 2024 Aug;47(1):277-301.
3. Schrimpf M, Blank IA, Tuckute G, Kauf C, Hosseini EA, et al. 2021. The neural architecture of language: integrative modeling converges on predictive processing. PNAS 118(45):e2105646118

Горбунов И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Генеративная математическая модель психологического измерения: конфликт между надежностью и качеством шкалы

Шкала, генеративная модель, психологическое измерение, надежность, альфа Кронбаха, распределение.

Введение: В связи с происходящим в психологии кризисом репликаций актуальным является анализ качества методов измерения в психологии, который рассматривается в большом количестве работ (Brodeur A et al. 2024) Большинство стандартизированных психологических измерений представляют собой сумму простых цифр, полученных в результате выполнения пунктов теста, часто имеющих бинарную структуру. Теория измерений обычно предполагает, что, сумма n бинарных значений представляет собой число, имеющее биномиальное распределение, которое при увеличении количества пунктов до бесконечности, в пределе становится вариантом нормального распределения. Из этого делается вывод, что результаты шкалирования имеют приближенное нормальное распределение и к ним могут быть применимы параметрические статистические методы. Однако наличие такого распределения для результатов тестирования будет выполняться только для статистически независимых пунктов, а иначе распределение будет искажено эксцессом. Требование повышения надежности противоречит статистической независимости пунктов, так как предполагается, что надежность выражается в положительной скоррелированности пунктов, что увеличивает и надежность измеряемую: α Кронбаха (Cronbach L. J. 1951). Мы попытались выяснить, в какой мере противоречат друг другу требование скоррелированности и сохранение нормальности распределения и есть ли компромиссы, при которых достаточны требования надежности и сохранения формы.

Гипотезы:

1. Требование скоррелированности пунктов теста противоречит требованию нормальности распределения результатов.
2. Существует компромиссный вариант наличия достаточной надежности теста и сохранения подобия нормального распределения

Методы:

Для проверки гипотезы мы использовали генеративную модель психологического теста. Генерируются N случайных чисел, имеющих нормальное распределение, которые представляют модель скрытого свойства человека. Для каждого из N чисел происходит процедура измерения, в которой генерируются k бинарных чисел коррелирующих с ним с определенной корреляцией R, и они складываются. Их сумма – результат измерения. Для всех N результатов считается α-Кронбаха и средняя корреляция между ними, а также строится гистограмма распределения и вычисляются параметры соответствия биномиальному распределению, эксцесс, и другие показатели распределения. Процедуры проводятся для большого количества сгенерированных выборок и считаются средние и доверительные интервалы всех параметров. Такие измерения проводятся над теми же скрытыми свойствами повторно, что позволяет оценить ретестовую надежность. Надежность оценивается в отдельных диапазонах скрытой случайной величины, чтобы оценить ее величины в разных частях распределения. Строятся графики зависимости корреляции R и параметров отклонения распределения от биномиального.

Результаты:

После проведения численных экспериментов были получены соответствующие графики зависимости и найдены оптимальные значения составляющие компромисс между сохранением распределения и надежностью теста. Также были получены кривые изменения надежности относительно дальности значений от среднего.

Выводы:

1. Нарушение распределения происходит при увеличении корреляции пунктов теста с скрытым психическим свойством
2. Этот эффект усиливается при уменьшении размеров шкалы.
3. Оптимальными значениями, при которых сохраняются параметры биномиального распределения и надежности являются:
   a. Число пунктов в шкале не менее 60
   b. Надежность шкалы α-Кронбаха ≈ 0.8
   c. Корреляция между пунктами r ≈ 0.095
   d. Распределение результатов статистически достоверно не отличается от скорректированного биномиального распределения с увеличенной дисперсией.

4. Надежность измерения снижается к краям распределения, особенно для высоконадежных шкал. Приемлемая надежность остается для величин отстоящих на 1 сигму от среднего.

1. Салпагарова Р. Н. Биномиальное распределение //Актуальные вопросы современной науки. – 2016 – С. 782-784.
2. Cronbach L. J. Coefficient alpha and the internal structure of tests //psychometrika. – 1951 – Т. 16 – №. 3 – С. 297-334.
3. Brodeur A., Mikola D., Cook N. Mass reproducibility and replicability: A new hope. – IZA Discussion Papers, 2024 – №. 16912

Орлова А.В., Морозова С.В., Холмаматова Т.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Экспертная проверка автоматической разметки эмоциональной валентности абстрактных изображений AFIS

Абстрактные изображения AFIS, фракталы, эмоциональная валентность

Целью настоящего исследования было получение первичной эмпирической разметки эмоциональной валентности для стимулов базы AFIS и частичная проверка ее валидности. База сложных абстрактных изображений AFIS содержала в себе 134 изображения с автоматической разметкой эмоциональной валентности и др. (Morozova S.V., 2025) На первом этапе исследования испытуемые делали разметку изображений AFIS. В выборку вошли 35 респондентов: 22 женщины и 13 мужчин от 18 до 40 лет, средний возраст для двух возрастных категорий (ранней и средней взрослости) составляет 21.6 и 36.5 лет соответственно. Дизайн исследования включал просмотр 134 фрактальных изображений в случайном порядке. Для каждого изображения испытуемый должен был с помощью слайдера отметить уровень эмоциональной валентности и сложности.

На втором этапе исследования был проведен эксперимент, в котором испытуемым предлагалось последовательно оценивать уровень своего текущего эмоционального состояния с помощью методики Д.В. Люсина ЭМОС-15 (Люсин Д.В., 2019) перед и после просмотра стимулов базы AFIS. Объем выборки составил 41 человек, из них 36 юношей и 5 девушек, средний возраст 19.8 и 20.1 соответственно. Дизайн исследования включал в себя следующие этапы: 1) первичную субъективную оценку уровня эмоционально состояния (ЭМОС-15), 2) просмотр 30 эмоционально нейтральных стимулов и их разметка, 3) повторное прохождение методики ЭМОС-15, 4) просмотр и разметка 30 негативных стимулов, 5) прохождение методики ЭМОС-15, 6) просмотр и разметка 30 позитивных стимулов, 7) заключительное прохождение методики ЭМОС-15. Предполагалось, что под влиянием просмотра изображений базы AFIS будет меняться субъективная оценка уровня эмоционального состояния испытуемых. У всех испытуемых было нормальное или скорректированное до нормального зрение. Исследование было организовано с помощью программы PsychoPy (v. 2024.2.4). Результаты первого этапа исследования позволяют сделать вывод, что в целом автоматическая разметка валентности изображений AFIS корректна. С помощью критерия Н Краскела-Уоллиса обнаружены статистически значимые различия в уровне экспертной оценки эмоциональной валентности для трех групп стимулов: $\chi^2(2)=785$, $p<0{,}001$, $\varepsilon^2=0{,}17$. Далее были отобраны 90 изображений, попадающих в диапазоны групповых значений по обоим типам разметки: негативные от 0 до 0.35, нейтральные от 0.36 до 0.65, позитивные от 0.66 до 1

Для оценки изменений в эмоциональном состоянии испытуемых был использован дисперсионный анализ повторных измерений с поправкой на сферичность Хьюн-Фельдта. Результаты показали статистически значимые различия для факторов: положительные эмоции с высокой активацией ($F(1.87, 74.62)=8.77$, $p<0.001$, $\eta2=0.039$), отрицательные эмоции с низкой активацией ($F(2.72, 108.61)=3.64$, $p=0.018$, $\eta2=0.025$). Под влиянием негативных стимулов настроение статистически значимо ухудшилось относительно результатов оценки исходного состояния и после просмотра нейтральных стимулов.

Также после просмотра позитивных стимулов уровень негативных эмоций стал ниже относительно результатов, полученных для нейтральных стимулов. В целом мы можем сделать вывод о подтверждении внутренней валидности автоматической разметки эмоциональной валентности изображений AFIS.

1. Люсин Д.В. Эмос-15: самоотчётная методика для измерения ядерного аффекта // Психологический журнал. 2019 Т. 40 № 5 С. 97-106.
2. Morozova S.V. An affective fractal image system (AFIS) // Innovation, Identity, and Culture in the Digital Age: Interdisciplinary Approaches to Language, Law, and Society / ed. B.T.
3. Koichuev, E.F. Nasyrova. Sharjah: AST Consortium, 2025 P. 22-26.

Черных А.С., Горбунов И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Кожно-гальваническая реакция студентов актерского факультета на начальном этапе обучения при воображении различных эмоциональных ситуаций

Кожно-гальваническая реакция, воображение, эмоции, психология актера

В последние годы исследования, сравнивающие эмоции и показатели автономной нервной системы (АНС), становятся все более актуальными и распространенными (Kreibig, 2010). Существующие работы показывают, что при воображении различных эмоциональных ситуаций основные показатели АНС у актеров статистически значимо изменяются, чего не происходит у респондентов, не имеющих сценического опыта (Колчин, 1986; Кочнев 1986; Черных, Трегубенко, 2024). Однако в то же время ряд аспектов, связанных с вопросом о психофизиологических механизмах формирования данной способности у актеров в процессе их обучения и профессионализации, до сих пор остается малоизученным.

Вышесказанное обусловило актуальность данного исследования, целью которого стало изучение динамики показателей кожно-гальванической реакции, как одного из ключевых показателей АНС, у студентов актерского факультета, находящихся на начальном этапе обучения, при воображении различных эмоциональных состояний.

В исследовании приняли участие 40 студентов-актеров в возрасте от 18 до 27 лет (M = 19,4 лет), среди которых 12 мужчин (30%) и 28 женщин (70%). На момент участия в эксперименте все респонденты являлись студентами первого семестра первого курса, получающими высшее образование по специальности «актер театра и кино».

В общем виде процедура исследования состояла в регистрации одноканальной КГР во время фона с закрытыми и открытыми глазами, а также при эмоциональных состояниях злости, восторга, грусти и умиротворения, которые респондентам предлагалось вообразить на основе заданных «предлагаемых обстоятельств», соответствующих каждой эмоции. Анализ показателей КГР включал в себя расчет мощности реакции от нуля, мощности реакции от среднего, длины линии и амплитуды реакции, полученные данные были подвергнуты дисперсионному анализу с помощью статистического пакета STATISTICA 12 В результате анализа были обнаружены значимые различия между показателями мощности реакции от нуля: $F(4, 144)=3,84$, $p=0,01$, мощности реакции от среднего: $F(4, 144)=4,80$, $p=0,00$ и длины линии: $F(4, 152)=9,64$, $p=0,00$ в фоне и при воображении эмоциональных ситуаций, по показателю амплитуды реакции значимых различий выявлено не было: $F(4, 152)=1,90$, $p=0,11$.

Вместе с тем при анализе факторов активности и валентности эмоции значимые различия были выявлены только по показателю длины линии КГР: она была выше при воображении активных эмоций по сравнению с пассивными ($F(1, 38)=27,12$, $p=0,00$), а также при воображении негативных эмоций по сравнению с позитивными ($F(1, 38)=10,02$, $p=0,00$). По всем остальным показателям КГР значимых различий между активными – пассивными и позитивными – негативными эмоциями выявлено не было.

Таким образом, можно сделать вывод, что на начальном этапе обучения для студентов актерского факультета характерно статистически достоверное изменение показателей КГР при воображении эмоциональных ситуаций по сравнению с фоном, однако значимого влияния факторы активности и валентности эмоции на измеряемые параметры КГР, в основном, не оказывают.

1. Колчин Е. Е. Психофизиологические исследования особенностей актерского воображения // Диагностика и развитие актерской одаренности: сб. науч. трудов. Л. : ЛГИТМиК, 1986 С. 20–31.
2. Кочнев В.И. Исследование динамических характеристик эмоциональной реактивности в связи с проблемой актерских способностей // Вопросы психологии. 1986 № 5 С. 153–160.
3. Черных А. С., Трегубенко И. А. Функциональное состояние актеров в процессе представления различных эмоциональных ситуаций // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2024 Т. 50 С. 77–92. https://doi.org/10.26516/2304-1226.2024.50.77
4. Kreibig S. D. Autonomic nervous system activity in emotion: A review // Biological psychology. 2010 Т. 84, N 3 P. 394–421. https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2010.03.010

Кирсанов А.С., Благовещенский Е.Д., Панасенко Д.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Электрофизиологические и субъективные отклики на консонанс и диссонанс в музыкальных аккордах

Музыкальное восприятие, эмоции, консонанс, диссонанс, ЭЭГ

Консонанс и диссонанс – категории музыкальной теории, часто связываемые с положительной или отрицательной эмоциональной окраской (Bidelman, Krishnan, 2009; Virtala, Tervaniemi, 2017). Однако, аффективные стимулы, сконструированные основываясь на этих правилах крайне редко используются в экспериментальных исследованиях (Yang et al., 2018). Цель исследования – сопоставить субъективные оценки и нейрофизиологические ответы на гармоничные, диссонансные и нейтральные слуховые стимулы для оценки их потенциального использования как аффективных стимулов.

В исследовании приняли участие 30 здоровых взрослых (средний возраст составлял 25.6 ± 4.1; 21 женщина), не имеющих музыкального образования. Согласно протоколу исследования респондент проходил в шумоизолированную, защищённую от электрических помех камеру, где ему на слух в случайном порядке предъявлялись три типа слуховых стимулов: гармоничные аккорды, диссонансные аккорды, щелчки метронома. Участники оценивали их валентность (приятный, неприятный или нейтральный). Прохождению основной процедуры сопутствовала запись электроэнцефалограммы (ЭЭГ) на 64-канальной установке (BrainProducts, Германия).

Обработка ЭЭГ данных производилась в парадигме вызванных потенциалов (ВП) в среде Matlab с использованием оригинальных скриптов по следующему алгоритму: удаление артефактов, сегментация, кластерная пермутационная статистика (Maris & Oostenveld, 2007), анализ источников (Pascual-Marqui et al., 2011).

Анализ поведенческих данных показал, что гармоничные аккорды значимо чаще оценивались как приятные, диссонансные как неприятные, а звук метронома как нейтральный (все $p < 0.001$). Нейрофизиологический анализ ВП выявил усиленную активацию правой лобно-височной области и билатерально в теменно-затылочных отделах коры для диссонансных аккордов в сравнении с нейтральными на отрезке 190–210 мс, а в интервале 290–310 мс отмечалось дальнейшее нарастание активности с вовлечением зон лобной и височной коры обоих полушарий.

Различия в оценке аккордов на поведенческом уровне сопровождаются дифференцированной нейронной активностью. Полученные результаты указывают на то, что эмоциональная реакция на консонанс и диссонанс формируется не только засчёт акустических характеристик и низкоуровневой обработки, но и вовлечения когнитивно-аффективных систем головного мозга. Полученные результаты подтверждают возможность применения музыкальных аккордов как аффективных стимулов, вызывающих четкие психологические и нейрофизиологические паттерны реакций.

1. Bidelman, G. M., & Krishnan, A. (2009). Neural correlates of consonance, dissonance, and the hierarchy of musical pitch in the human brainstem. Journal of Neuroscience, 29(42), 13165- 13171
2. Pascual-Marqui, R. D., Lehmann, D., Koukkou, M., Kochi, K., Anderer, P., Saletu, B., ... &
3. Kinoshita, T. (2011). Assessing interactions in the brain with exact low-resolution electromagnetic tomography. Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences, 369(1952), 3768-3784.
4. Maris, E., & Oostenveld, R. (2007). Nonparametric statistical testing of EEG-and MEG-data. Journal of neuroscience methods, 164(1), 177-190.
5. Virtala, P., & Tervaniemi, M. (2017). Neurocognition of major-minor and consonance-dissonance. Music Perception: An Interdisciplinary Journal, 34(4), 387-404.
6. Yang, W., Makita, K., Nakao, T., Kanayama, N., Machizawa, M. G., Sasaoka, T., ... & Miyatani, M. (2018). Affective auditory stimulus database: An expanded version of the International Affective Digitized Sounds (IADS-E). Behavior research methods, 50, 1415-1429.

Ратьковская А.И., Горбунов И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Научение с подкреплением и ошибки предсказания у больных шизофренией в нейросетевой модели

Дофамин, научение с подкреплением, нейронные сети, ошибки предказания, шизофрения

Шизофрения как психическое заболевание характеризуется широким спектром проявлений в когнитивной и аффективной сфере. В силу разнообразия симптомов их разделяют на позитивные и негативные, отдельно выделяя когнитивные нарушения.

Существуют различные теории, касающиеся этиологии шизофрении и её симптомов. Так, с точки зрения дофаминовой гипотезы развитие заболевания связывают с нарушениями дофаминергической системы. (Howes, et al, 2017) Её участие в системах вознаграждения обуславливает влияние этих нарушений на аффективную сферу, а также на процессы научения с подкреплением.(Diederen, Fletcher, 2021)

В обсуждении научения с подкреплением выделяют позитивные и негативные ошибки предсказания: они вызваны тем, что исход, награда была лучше или хуже ожидаемого соответственно. У больных шизофренией, которым присущ повышенный уровень дофамина, выше реакция на вторые, в то время как у больных болезнью Паркинсона, где уровень дофамина снижен, наблюдается противоположная картина, что указывает на связь этих нарушений научения с подкреплением с аномалиями дофаминового обмена.(Maia, Frank, 2011)

Целью исследования является создание модели свойственных шизофрении особенностей научения с подкреплением. Различия в реакции на ошибки предсказания возможно изучать в задачах на вероятностный выбор. В них испытуемым предъявляются пары стимулов, из которых необходимо выбрать верный. В фазе обучения каждый символ в паре подкрепляется с определённой вероятностью (80/20, 70/30, 60/40), а в экспериментальной фазе создаются новые пары: наиболее часто и наиболее редко подкрепляемый стимул ставятся в пары с другими и испытуемому предлагается выбрать верный уже без подкрепления. В результате можно сравнить успешность выполнения задания с парами с часто и с редко подкрепляемым стимулом, тем самым увидеть, какие ошибки играли большую роль в научении.(Maia, Frank, 2011) Нейронные сети с механизмом обратного распространения ошибки позволяют смоделировать эти процессы: путём создания кастомной функции потерь можно создать нейросеть с ассиметричной реакцией на положительную и отрицательную обратную связь, что будет отражаться на процессе обучения и получаемых ответах, которые можно сравнить с таковыми у больных и у здоровых людей. Для связанного со стимулом в виде изображения задания в качестве архитектуры закономерно использовать свёрточную нейронную сеть.

В соответствии с известными механизмами, можно предположить, что нейронная сеть с функцией потери, модифицированной в сторону большей чувствительности к негативным ошибкам предсказания будет более успешна в парах с более редко подкрепляемым стимулом, в сравнении с сетью, где такая асимметричность не была введена, и эта разница между моделями будет отражать различия в результатах больных шизофренией и здоровых людей.

Таким образом, с помощью нейросетей возможно изучить как механизмы

когнитивной симптоматики такого социально значимого заболевания как шизофрения, так и механизмы научения с подвкреплением как таковые. Кроме того, общие принципы можно применить для изучения других связанных с дофамином заболеваний, либо же работать над вычислительными моделями для иных медиаторных систем.

1. Diederen KMJ, Fletcher PC. Dopamine, Prediction Error and Beyond. Neuroscientist. 2021 Feb;27(1):30-46. https://doi.org/10.1177/1073858420907591
2. Howes O. D. et al. The role of genes, stress, and dopamine in the development of schizophrenia //Biological psychiatry. – 2017 – Т. 81 – №. 1 – С. 9-20. https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2016.07.014
3. Maia, T. V., & Frank, M. J. (2011). From reinforcement learning models to psychiatric and neurological disorders. Nature neuroscience, 14(2), 154–162. https://doi.org/10.1038/nn.2723

Бурангулов Р.Р., Горбунов И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Пилотное исследование когнитивной нагрузки при поиске: ИИ vs браузер

Искусственный интеллект, когнитивная нагрузка, поиск информации

Современная информационная среда стремительно трансформируется под влиянием искусственного интеллекта (ИИ), что меняет характер когнитивных процессов в сторону более поверхностного потребления знания (Kosmyna et al., 2025). Это делает изучение когнитивной нагрузки актуальной научной задачей. В настоящей работе представлены методологические вызовы, выявленные при разработке дизайна пилотного исследования, направленного на тестирование процедуры, которая фокусируется на проверке гипотезы о том, что использование ИИ для поиска информации изменяет структуру и уровень когнитивной нагрузки по сравнению с традиционным поиском в браузере, что проявляется в различиях психофизиологических показателей, а также на эффективности поиска и характере усвоения информации. Процедура исследования

Эксперимент включал пять этапов:

1. Resting state 1 (запись базового состояния спокойствия: 90 с. фиксации на кресте и 90 с. пребывания с закрытыми глазами).
2. Поиск информации с помощью ИИ (испытуемый 20 мин. ищет ответы на 20 вопросов в ChatGPT 4o).
3. Resting state 2 (повторная запись состояния покоя).
4. Поиск информации в браузере (испытуемый 20 мин. ищет ответы на те же 20 вопросов, но через браузер в интернете).
5. Resting state 3 (финальная запись базового состояния). Мониторинг психофизиологических показателей осуществляется через ЭЭГ и ЭКГ (анализ функциональной связности между областями мозга), пульсометр (энергозатраты) и видеоповеденческий анализ (динамика утомляемости). Характеристика выборки В пилотном исследовании участвовали 4 респондента (N=4), являющихся сотрудниками Лаборатории нейронаук и поведения человека (ПАО «Сбербанк»). Возрастной диапазон составил 24-26 лет с преобладанием женщин (75%). Все испытуемые – жители Санкт-Петербурга и имеют высшее психологическое образование. Небольшая выборка методологически обоснованна, поскольку, согласно исследованиям в области юзабилити, серьезные проблемы выявляются уже на первых 4–5 респондентах (Nielsen & Landauer, 1993)

Результаты: проблема поведенческих паттернов. Испытуемые при поиске через ИИ и браузер демонстрировали идентичное поведение: копировали вопросы в неизмененном формате и вставляли их в строку поиска или в окно сообщения. Это не соответствует реальным алгоритмам поиска информации, поскольку при взаимодействии с ИИ пользователи обычно вступают в диалог, а при работе с поисковыми системами используют ключевые слова и короткие запросы (Xu et al., 2023). Таким образом, без обеспечения валидности поисковых сценариев невозможно получить достоверные данные о реальных различиях в когнитивной нагрузке между двумя типами поиска информации.

Выводы: методологические решения Для решения указанной выше проблемы были предприняты следующие изменения:

1. Использование узконаправленных вопросов, предполагающих однословные ответы, что обеспечивает итеративность для диалога с ИИ и при поиске через браузер.
2. Применение нескольких вариантов тестирования под различные интересы пользователей для оптимизации когнитивной нагрузки.
3. Введение системы мотивационного стимулирования, которое плавно увеличивается в зависимости от количества правильных ответов.

Предложенные методологические решения могут быть использованы в дальнейших исследованиях взаимодействия человека с ИИ и формулировании рекомендаций по оптимизации когнитивных процессов при поиске информации.

1. Kosmyna N. et al. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task // arXiv preprint arXiv:2506.08872. – 2025
2. Nielsen J. & Landauer T. K. A mathematical model of the finding of usability problems // Proceedings of ACM INTERCHI'93 Conference (Amsterdam, The Netherlands, 24-29 April 1993), pp. 206-213.
3. Xu R., Feng Y., Chen H. A ChatGPT vs. Google: A comparative study of search performance and user experience // arXiv preprint arXiv:2307.01135. – 2023

Шляхов И.С., Шляхов Ф.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Фрактальная размерность ЭЭГ-сигналов при когнитивной нагрузке: анализ нейрофизиологических механизмов в тесте Струпа

Фрактальная размерность, электроэнцефалография, интерференция, тест Струпа, нейрофизиология

В данной работе рассматривается применение фрактального анализа электроэнцефалографических сигналов для оценки нейрофизиологических реакций на когнитивную интерференцию в условиях теста Струпа. Описывается методика регистрации и обработки ЭЭГ, а также анализ изменений фрактальной размерности (ФР) при предъявлении неконгруэнтных и нейтральных стимулов. Установлено, что неконгруэнтные стимулы вызывают значительное повышение ФР, особенно в правой дорсолатеральной префронтальной коре, что свидетельствует об усилении когнитивного контроля. Полученные результаты подтверждают информативность фрактального анализа как перспективного метода для оценки функциональной организации мозга и его потенциального применения в клинической диагностике.

Изучение фрактальных свойств электроэнцефалографических (ЭЭГ) сигналов представляет собой одно из перспективных направлений современной нейрофизиологии, позволяющее выйти за пределы традиционного линейного анализа мозговой активности. Под фрактальной размерностью (ФР) в данном контексте понимается количественная характеристика, отражающая степень структурной сложности и самоподобия временных рядов ЭЭГ. Интерес к этому показателю обусловлен его чувствительностью к изменениям при различных состояниях мозга, а также способностью фиксировать скрытые аспекты функциональной организации нейронных сетей, которые не диагностируются стандартными спектральными методами.

В контексте нейрофизиологических исследований особое значение приобретает анализ фрактальной размерности при выполнении задач, связанных с интерференцией, повышенной когнитивной нагрузкой, а также при изучении процессов внимания и памяти. Применение методов фрактального анализа позволяет расширить представление о динамике мозговой активности, выходя за рамки традиционного подхода, ориентированного на амплитудно-частотные характеристики ЭЭГ. Этот подход особенно актуален при исследовании сложных когнитивных состояний, где линейные методы могут оказаться недостаточно чувствительными.

Фрактальный анализ ЭЭГ в нейрофизиологии был всесторонне рассмотрен в обзоре H. Schwilden, где ФР предложена как один из способов количественного описания сложности нейронной активности. Автор подчёркивает, что фрактальные методы позволяют выявлять редкие и иерархические свойства ЭЭГ-сигнала, которые недоступны для спектрального анализа. Несмотря на высокую информативность, Schwilden отмечает, что применение ФР в клинической практике на момент публикации было ограничено ввиду высокой чувствительности метода к шуму и отсутствия стандартизированных процедур оценки. Тем не менее, он подчёркивает, что ФР представляет собой перспективный, хотя и пока слабо апробированный подход в задачах оценки состояний сознания (Schwilden H., 2006).

Подтверждение значимости ФР в контексте когнитивной интерференции представлено в исследовании Uğurgöl E. и соавт., где фрактальная размерность ЭЭГ анализировалась при выполнении теста Струпа. Авторы продемонстрировали, что ФР, вычисленная в различных диапазонах (тета, бета, гамма), значительно возрастала в условиях неконгруэнтных стимулов по сравнению с нейтральными. Наиболее выраженные изменения регистрировались в правой дорсолатеральной префронтальной коре, что было интерпретировано как отражение усиленной активности систем, ответственных за контроль внимания и подавление интерферирующих реакций (Uğurgöl E. et al., 2024).

В рамках настоящего исследования ЭЭГ-сигналы регистрировались при выполнении адаптированной экспериментальной задачи с использованием теста Струпа. Запись осуществлялась энцефалографом Мицар 202 по 19 каналам в монополярном отведении. Программное обеспечение WinEEG использовалось для регистрации и предварительной обработки ЭЭГ-сигналов. Стимульный материал предъявлялся с помощью программы PsychoPy, при этом временные параметры стимулов были строго стандартизированы и синхронизированы с регистрацией ЭЭГ для обеспечения точного сопоставления событий и нейрофизиологических данных.

На основании результатов проведённого анализа установлено, что неконгруэнтные стимулы в тесте Струпа характеризуются большей фрактальной размерностью по сравнению с нейтральными условиями. Повышение фрактальной размерности может рассматриваться как маркер интерференционного воздействия, отражающий увеличение нейронной активности, связанной с регуляторным контролем и обработкой стимулов, вызывающих когнитивный конфликт. Данный показатель имеет потенциал для

использования в клинической практике как дополнительный инструмент диагностики состояний, сопровождающихся нарушениями внимания и когнитивного контроля.

1. Schwilden H. Concepts of EEG processing: from power spectrum to bispectrum, fractals, entropies and all that //Best Practice & Research Clinical Anaesthesiology. – 2006. – Т. 20. – №. 1. – С. 31-48.
2. Uğurgöl E. et al. Investigating the neural correlates of stroop effect using the multilayer perceptron neural network //Experimental Biomedical Research. – 2024. – Т. 7. – №. 4.

Хадарова У.В., Горбунов И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психофизиологические индикаторы системно-динамических свойств мозга при восприятии бистабильных объектов

Бистабильное восприятие, системная динамика мозга, психофизиологические индикаторы, когнитивная гибкость, аттрактор

Введение. Проблема исследования системно-динамических свойств мозга при обработке двойственной зрительной информации актуальна для когнитивной нейронауки. Цель данного обзора – обобщить современные представления о психофизиологических индикаторах динамической активности мозга при восприятии бистабильных объектов (например, куба Неккера, фигуры Рубина), а также выявить возможности их применения для оценки индивидуальных особенностей когнитивных процессов.

Методы. Проведён анализ литературы по психофизиологии зрительного восприятия с акцентом на эксперименты с участием здоровых взрослых испытуемых. Рассмотрены работы, использующие электроэнцефалографию (ЭЭГ), вызванные потенциалы, методы регистрации движений глаз, а также длительность интервалов между сменами восприятия при наблюдении бистабильных изображений (Gale A. G., Findlay J. M., 2021). Отобраны публикации, посвящённые роли альфа-ритма, гамма-активности, функциональной связности и вариативности параметров сигнала при спонтанных переключениях восприятия (Pisarchik A.N. et al., 2014).

Результаты. Обзор показал, что при бистабильном восприятии увеличивается вариативность ритмической активности мозга в альфа- и гамма-диапазонах, а также изменяется паттерн функциональных взаимодействий между затылочными, теменными и фронтальными областями коры (Novicky F. et al., 2024). Кроме того, зарегистрированы индивидуальные различия во времени спонтанных переключений, связанные с уровнем тревожности, внимательности и другими личностными переменными. В работах акцентирована значимость нелинейных динамических характеристик (энтропии сигнала, показателей хаотичности) для понимания процесса зрительной нестабильности (Климонтович Ю.Л., 1999).

Выводы. Психофизиологические индикаторы (мощность частотных диапазонов,

синхронизация ритмов, вариативность временных интервалов переключений восприятия между аттракторами) отражают системно-динамические свойства мозга при восприятии бистабильных объектов. Их совокупный учёт позволяет выявлять индивидуальные особенности когнитивной обработки зрительной информации и может служить инструментом для диагностики нарушений восприятия при различных психических состояниях.

Перспективы. Дальнейшие исследования планируется направить на разработку новой математической модели динамики мозговой активности при мультистабильной стимуляции (например, с использованием методов нелинейной динамики и машинного обучения), а также на изучение связи между психофизиологическими индикаторами, когнитивными стилями и психическими состояниями. Практическая значимость работ состоит в возможности применения полученных индикаторов для нейрореабилитации, тренинга когнитивной гибкости и оптимизации сенсомоторной деятельности.

1. Климонтович Ю.Л. Энтропия и информация открытых систем // Успехи физических наук. 1999 Том 169 (4). С. 443–452.
2. Gale A. G., Findlay J. M. Eye movement patterns in viewing ambiguous figures // Eye movements and psychological functions. Routledge, 2021 P. 145-168.
3. Novicky F., Parr T., Friston K., Mirza M.B., Sajid N. Bistable perception, precision and neuromodulation // Cerebral Cortex. 2024 Vol. 34 (1). P. 1–14. https://doi.org/10.1093/cercor/bhad401
4. Pisarchik A.N., Jaimes-Reátegui R., Magallón-García C.D.A., Castillo-Morales C.O. Critical slowing down and noise-induced intermittency in bistable perception: bifurcation analysis // Biological Cybernetics. 2014 Vol. 108 P. 397–404. doi 10.1007/s00422-014-0607-5

Денисова Е.Г., Сылка Н.В.
ФГБОУ ВО ДГТУ

ЭЭГ корреляты просмотра и взаимодействия с интернет-контентом с учетом преобладающей стратегии информационного поведения

ЭЭГ, информационное поведение, интернет-контент

Введение. Исследования информационного Поведения в Нейронауках преимущественно сосредоточены на нейробиологических механизмах обработки цифрового контента и их связи с аддиктивными паттернами. Ряд исследований подтверждают специфические паттерны активации в ответ на различный контент (Meshi et al., 2015; Su et al., 2021). Однако психофизиологические исследования редко учитывают психологические детерминанты информационного поведения.

В этой связи *цель исследования* состояла в том, чтобы изучить особенности биоэлектрической активности мозга в задачах на взаимодействие с Интернет-контентом их привычной социальной сети (вКонтакте; VK.com) с учетом преобладающей стратегии информационного поведения.

Методы. В ЭЭГ-исследовании приняли участие 82 человека (85% девушки) – активные пользователи социальных сетей, в том числе платформы «вКонтакте» в возрасте от 18 до 25 лет.

Участникам эксперимента были визуально предъявлены 5 серий, требующих пассивного использования сети VK и 5 серий, требующих активного использования сети VK. Каждое задание предъявлялось на 180 с. Регистрация ЭЭГ проведена при помощи энцефалографа «Нейровизор 136» в 128 отведениях, монополярно, с 2 ушными референтами. Обработка данных ЭЭГ была произведена в программе WinEEG. С целью исследования особенностей информационного поведения использовалась методика «Стратегии информационного поведения» (Абакумова, Гришина и др., 2021). Далее результаты по данной методике были использованы для кластеризации выборки, в результате которой удалось выделить 3 кластера. Респонденты первого кластера отличаются наиболее низкими средними значениями по всем шкалам и могут быть охарактеризованы как наименее вовлеченные или относительно пассивные пользователи.

Второй кластер отличается преобладанием конструктивных и социальных мотивов (самопрезентации и наблюдения за другими) и может быть охарактеризован как ориентированный на построение онлайн-идентичности и социальное одобрение пользователи. Третий кластер в основном составили респонденты с преобладающими деструктивными мотивами, однако сочетающимися с отдельными конструктивными (прагматическими) мотивами.

Результаты. Показано, что респонденты второго и третьего кластеров, демонстрирующие более активные (конструктивная – 2 кластер, деструктивная – 3) стратегии информационного поведения, имеют более высокие значения мощности медленноволновых диапазонов (дельта, тета, альфа), как в ситуации пассивного просмотра, так и в ситуации взаимодействия с контентом. Второй кластер (активная-конструктивная стратегия) также демонстрирует более высокую мощность высокочастотных диапазонов (бета и гамма).

Выводы. Различия в характере активации фронтальной, центрально-париетально и париетально-окципитально областей коры мозга позволяют говорить о различиях в уровне активации пассивной сети мозга, уровня погруженности и уровня когнитивного контроля.

1. Meshi, D., Tamir, D. I., & Heekeren, H. R. The Emerging Neuroscience of Social Media // Trends in cognitive sciences. 2015 19(12), 771–782. https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.09.004
2. Su, C., Zhou, H., Gong, L., Teng, B., Geng, F., & Hu, Y. Viewing personalized video clips recommended by TikTok activates default mode network and ventral tegmental area // NeuroImage. 2021 237, 118136 https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2021.118136

Чуканов А.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

**Единый паттерн когнитивной упорядоченности:
фрактальный анализ ЭЭГ, поведения и нейросети**

Фрактальная размерность, когнитивная динамика, нейросетевое моделирование, энцефалография

Введение. Понимание механизмов когнитивной оптимизации требует комплексного анализа нейронной, поведенческой и моделируемой активности в процессе решения задач. Ранее снижение фрактальной размерности электроэнцефалограммы (ЭЭГ) интерпретировалось как индикатор нейронной упорядоченности и когнитивной экономии. Настоящее исследование направлено на проверку гипотезы о существовании универсального паттерна снижения фрактальной размерности, наблюдаемого одновременно на трёх уровнях: в поведенческих стратегиях (айтрекинг), в ЭЭГ-активности и в скрытых представлениях обучающейся нейросетевой модели.

Методы. В исследовании приняли участие 10 испытуемых (5 мужчин, 5 женщин) в возрасте от 22 до 28 лет, не имеющих неврологических нарушений. Экспериментальная процедура включала выполнение задач на визуальное сопоставление графиков и таблиц с варьируемой сложностью и структурой заголовков. Во время выполнения заданий одновременно регистрировались данные электроэнцефалограммы (ЭЭГ, 17 отведений по системе 10–20) и траектории взгляда с помощью айтрекера. ЭЭГ-сигналы анализировались по фрагментам, соответствующим пяти фазам выполнения задания; фрактальная размерность вычислялась методом Хигучи. Айтрекинг-данные обрабатывались аналогичным образом: фрактальная размерность рассчитывалась отдельно по горизонтальной и вертикальной оси движения взгляда. Дополнительно была разработана сверточная нейросетевая модель (ResNet18), обучавшаяся на сопоставлении графиков и таблиц. Фрактальная размерность скрытых активаций модели оценивалась по эпохам обучения, что позволило сопоставить динамику упорядочения представлений модели с нейрофизиологическими и поведенческими данными.

Результаты. На уровне нейрофизиологических данных зафиксировано статистически значимое снижение фрактальной размерности ЭЭГ от начала к концу выполнения задания ($F(4,1104) = 12.36$, $p < 0.001$), особенно выраженное в префронтальных и теменно- затылочных отведениях. Эффект усиливался при увеличении сложности стимульного материала и в условиях нейтральных заголовков. Айтрекинг-данные показали аналогичную тенденцию: фрактальная размерность вертикальных траекторий взгляда снижалась от первого к третьему этапу обработки стимула ($F(2,262) = 9.44$, $p < 0.001$), что интерпретируется как переход от хаотичного визуального поиска к структурированной стратегии анализа.

Нейросетевая модель также воспроизвела эффект снижения фрактальной размерности: в процессе обучения значение метрики уменьшалось с 1.95 до 1.32, параллельно с ростом точности классификации (с 33% до 77%). Это указывает на формирование более компактного и упорядоченного внутреннего представления информации.

Выводы. Исследование показало, что снижение фрактальной размерности может служить универсальной метрикой когнитивной динамики. На уровне поведения, по данным айтрекинга, фиксировалось упорядочение зрительных стратегий по мере выполнения задания. На нейрофизиологическом уровне наблюдалось значимое снижение фрактальной размерности ЭЭГ в ряде отведений (включая лобные и теменные), что отражает перестройку нейронной активности при переходе от восприятия к решению. Нейросетевая модель, обученная на той же задаче, воспроизвела аналогичную динамику: по мере роста точности классификации снижалась фрактальная размерность внутренних представлений. Совокупность этих данных подтверждает, что падение фрактальной размерности может отражать ключевой процесс когнитивной упорядоченности – независимо от способа регистрации или уровня анализа.

1. Kandel E. R., Schwartz J. H., Jessell T. M., Siegelbaum S. A., Hudspeth A. J. Principles of Neural Science. 5th ed. New York: McGraw-Hill, 2012
2. Gorbunov I., Morozova S. Fractal Dimension EEG Dynamics in Solving Task Recognition of Bar Plots //International Journal of Psychophysiology. 2021 Vol. 168 P. 28–36. https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2021.06.005
3. Klimesch W. EEG alpha and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: a review and analysis // Brain Research Reviews. 1999 Vol. 29 (2–3). P. 169–195. https://doi.org/10.1016/S0165-0173(98)00056-3
4. Холодная М. А., Клецина И. С., Губанова Е. А. Информационно-энергетические характеристики различных типов когнитивной деятельности // Психологический журнал. 2013 Т. 34 № 5 С. 96–107.
5. Пьянкова С. Д. Фрактально-аналитические исследования в психофизиологии // Психологические исследования. 2015 № 4 (36). https://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n36/1070 pyankova36.html

Куцырева М.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Анализ состояния человека по спонтанному высказыванию с использованием методик машинного обучения

Психическое состояние, машинное слово, большие языковые модели, метрика

Введение: В статье представлено исследование, посвященное изучению взаимосвязи характеристик устного высказывания с психическим состоянием человека.

Методы: В исследовании приняли участие студенты психологического факультета СПбГУ дневной и вечерней форм обучения в возрасте 18-32 лет. Процедура исследования состояла в том, что испытуемые рассказывали о своем хобби, речевой продукт записывался на диктофон. Речевой материал прослушивался и переводился в письменную форму. Для дальнейшего анализа использовались первые 100 слов речевого продукта.

Регистрировались характеристики речевого продукта, психологические и ряд физиологических параметров. Для измерения тревоги использовались тесты: шкала самооценки (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин).[27], Личностная шкала проявлений тревоги (J.Teylor, 1953, адаптация Т.А. Немчина, 1983)[21].

В связи с тем, что стремительно развиваются методы обработки данных и появилась новая возможность работы с данными, было принято решение обработать полученные материалы с помощью современных технологий. Использовать методы машинного обучения. Когда блок данных загружается в программу и программа «научается» обрабатывать их и может прогнозировать результат. Для анализа были использованы модификации современных языковых моделей BERT, Word2Vec и GloVe. Для оценки качества работы моделей применялись такие метрики классификации, как Precision, Recall и AUC.

Результаты: В результате проведенной работы использование модифицированных моделей BERT, Word2Vec и GloV дали высокую точность прогнозирования уровней тревоги.

Выводы: Полученные данные доказывают целесообразность использования методов машинного обучения для анализа состояния человека [5].

1. Немчин Т.А. Состояния нервно- психического напряжения. Л., 1983.
2. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л., ЛНИИТЕК, 1976.
3. Satish Jarang, Deepali Joshi, V.S. Deshpande Yu Liu, Chen Xu, Xi Kuai, Hao Deng, Kaifeng Wang, Qinyao Luo Analysis of the causes of inferiority feelings based on social media data with Word2Vec / Yu Liu, Chen Xu, Xi Kuai, Hao Deng, Kaifeng Wang, Qinyao Luo // Scientific Reports. – 2012. – № 12. – С. 18-52. / Satish Jarang, Deepali Joshi, V.S. Deshpande // IEEE Xplore. – 2019. – № 5. – С. 6-30.

Васина М.Д., Ткачева Л.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние медитативных практики и физической нагрузки на показатели зрительного внимания в парадигме «face in the crowd task»

Медитация, физическая нагрузка, зрительное внимание, «face in the crowd», айтрекинг

Несмотря на широкую представленность исследований медитативных практик в психологической литературе, их изучение с использованием объективных методов сбора данных, а именно с использованием айтрекера остается малоизученным. В настоящей работе планируется изучить влияние медитации и физической нагрузки на показатели зрительного внимания используя исследовательскую парадигму «face in the crowd task» (Becker & Rheem, 2020).

Исследовательский вопрос: «Как практика медитации и физическая активность влияют на зрительное внимание, в частности на скорость и точность распознавания целевого лица (например, сердитого) в толпе нейтральных лиц, измеряемые с помощью показателей отслеживания взгляда?» Для поиска ответа на этот вопрос был разработан экспериментальный план временных серий с контрольной (физическая нагрузка) и экспериментальной (медитация) группами. Мы предполагаем, что испытуемые с более обширным уровнем опыта медитации и более высоким уровнем физической активности будут быстрее и точнее идентифицировать целевой стимул.

Были сформулированы следующие гипотезы:

1) Испытуемые с более высоким уровнем опыта медитации будут быстрее и точнее идентифицировать целевое лицо, что будет отражаться в таких показателях отслеживания взгляда, как более короткое время до первой фиксации на целевом лице; меньше фиксаций на дистракторах перед фиксацией на цели; более длительная фиксация взора на целевом стимуле; более высокая точность идентификации целевого стимула.

2) Участники с более высоким уровнем физической активности будут быстрее и точнее идентифицировать целевое лицо, что отражено в показателях, аналогичных приведенным выше.

Кроме того, будет интересно сопоставить эффект взаимодействия медитации и физической активности на скорость и точность опознания целевого стимула.

Технология отслеживания взора является особенно ценным инструментом для понимания конкретных аспектов внимания, на которые могут влиять медитация и физическая активность, что позволит применить более тонкий и целенаправленный подход к изучению способностей к концентрации внимания.

Медитация, как практика осознанности, способна оказывать значительное влияние на физиологические механизмы внимания и восприятия, что отражается в работах по изменению структуры мозга, включая префронтальные зоны, изменению альфа- и тета-активности, соответствующие состоянию «расслабленной бдительности» (Lomas et al., 2015), влиянию на нейропластичность, улучшению связи между PFC (лобной коры) и другими областями мозга.

Практическая значимость исследования состоит в попытке расширить научные знания о механизмах внимания и о том, как на них влияют факторы образа жизни. Основываясь на результатах исследования, можно предоставить общественности рекомендации, касающихся пользы медитации и физической активности для когнитивного здоровья.

1. В.В. Лыткин, А.В. Комарова. Место медитации в традиционных культурах человечества: возникновение и функции. // Наука. Искусство.Культура.Выпуск 2 (38).2023 – с.205-215
2. D. Vaughn Becker & Hansol Rheem. Searching for a face in the crowd: Pitfalls and unexplored possibilities // Attention, Perception, & Psychophysics . – 2020. – № 82. – С. 626–636. URL: https://link.springer.com/article/10.3758/s13414-020-01975-7
3. Lomas T., Ivtzan I., Fu C.H. A systematic review of the neurophysiology of mindfulness on EEG oscillations // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2015. 57. P. 401-410.

Степанова Е.Б.
ОАНО ВО «МПСУ»

Влияние психологического консультирования на эмоциональный интеллект у условно здоровых женщин

Эмоциональный интеллект, психологическое консультирование, детско-родительские отношения.

Эмоциональный интеллект – сложное психическое образование, влияющее на способность человека к обработке, пониманию и контролю эмоций (Сергиенко и др., 2019). Уровень эмоционального интеллекта родителей оказывает глубокое влияние на развитие детей (Rocha et al., 2020). Низкий эмоциональный интеллект матерей может привести к развитию у их детей депрессии, тревожности и зависимостей (Xiang et al., 2021). Психологическое консультирование способствует осознанию и изменению негативных убеждений родителей и, следовательно, здоровому эмоциональному развитию их детей (Hercigonja, 2020). Согласно мета-анализу Hodzic et al. (2017), после курса психологического консультирования избирательно совершенствуется понимание эмоций, но не другие домены эмоционального интеллекта по Дж. Мэйеру, П. Сэловей и Д. Карузо. Целью данной работы является выявление влияния кратких курсов психологического консультирования: психодинамического, экзистенциального и когнитивно-поведенческого, – на показатели эмоционального интеллекта в модели Дж. Мэйера, П. Сэловей и Д. Карузо у условно здоровых женщин.

В исследовании приняли участие 97 условно здоровых женщин (возраст 33,9±8,8 лет). Участницы были случайным образом разделены на группу без консультирования (бПК, N=20) и группы психодинамического (ПД, N=29), экзистенциального (ЭКЗ, N=23) и когнитивно-поведенческого (КПТ, N=25) консультирования, получившие по 5 сеансов консультирования в соответствующих модальностях. Испытуемые до и после курса выполнили тест MSCEIT 2.0, оценивающие эмоциональный интеллект согласно модели Дж. Мэйера, П. Сэловей и Д. Карузо. Статистическая обработка данных включала ANOVA с факторами Время и Группа.

Взаимодействие факторов Время×Группа не было значимым для шкалы Идентификации эмоций ($F=1,7$; $p=0,167$), однако было достоверным для шкал Использования эмоций ($F=4,9$; $p=0,003$), Анализа эмоций ($F=5,8$; $p=0,001$), Управления эмоциями ($F=3,9$; $p=0,011$) и общего балла ($F=6,2$; $p=0,001$). При повторном измерении представители группы бПК отличались пониженными показателями Использования эмоций, Анализа эмоций, Управления эмоциями и общим баллом MSCEIT 2.0 по сравнению с группами ПД и КПТ. Между группами различных модальностей консультирования значимых различий не обнаружено.

Таким образом, краткий курс из 5 сессий психодинамического или когнитивно-поведенческого (но не экзистенциального) консультирования позволяет увеличить большинство показателей эмоционального интеллекта у здоровых взрослых женщин.

1. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Никитина А.А. Тест эмоционального интеллекта – русскоязычная методика // Социальная психология и общество. 2019. № 10 (3). С. 177–192. https://doi.org/10.17759/sps.2019100311
2. Rocha N.A.C.F., Dos Santos S.F.P., Dos Santos M.M., Dusing S.C. Impact of mother-infant interaction on development during the first year of life: A systematic review // Journal of Child Health Care. 2020. Vol. 24(3). P. 365–385. https://doi.org/10.1177/1367493519864742
3. Xiang Y., Yuan R., Zhao J. Childhood maltreatment and life satisfaction in adulthood: The mediating effect of emotional intelligence, positive affect and negative affect // Journal of Health Psychology. 2021. Vol. 26(13). P. 2460–2469. https://doi.org/10.1177/1359105320914381
4. Hercigonja D.K. A place for psychotherapy counseling in the development of emotional intelligence // Psychotherapy in Achieving Health and Well-being for Children and Young People. 2020. Vol. 3(3). P. 15–18.
5. Hodzic S., Scharfen J., Ripoll P., Holling H., Zenasni F. How Efficient Are Emotional Intelligence Trainings: A Meta-Analysis // Emotion Review. 2017. Vol. 10(2). P. 138–148. https://doi.org/10.1177/1754073917708613

Умиртаева А.Б, Еркинбекова М.А.
Q University

Молодёжь и психологическая помощь: барьеры, стереотипы и реальность

Психологическая помощь, молодёжь, барьеры, стигматизация, ментальное здоровье

Введение. Проблемы психического здоровья становятся всё более актуальными в условиях стремительно меняющегося мира, особенно для молодого поколения, находящегося в фазе активного становления личности, самоопределения и социального включения. Несмотря на рост доступности психологических сервисов, молодёжь по-прежнему редко обращается за профессиональной помощью. Цель данного исследования – выявить и проанализировать основные барьеры и стереотипы, мешающие молодым людям получать своевременную психологическую поддержку, а также оценить их восприятие профессиональной помощи и реальные практики обращения к специалистам.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели было проведено количественно-качественное исследование, включающее:

- Выборка: 250 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (студенты ВУЗов и колледжей, молодые специалисты). География – Казахстан, Россия (Алматы, Астана, Москва, Санкт-Петербург).
- Методы:
  – анкетирование с использованием стандартизированных шкал (Attitudes Toward Seeking Professional Psychological Help Scale – ATSPPH; Perceived Barriers to Psychological Treatment – PBPT);
  – полуструктурированные интервью (15 участников);
  – контент-анализ социальных сетей (публичные дискуссии, комментарии).
- Процедура: сбор данных осуществлялся с января по март 2025 года. Анализ включал математико-статистические методы (SPSS), тематический анализ и дескриптивную интерпретацию.

Результаты исследования

1. Барьеры. Наиболее часто упоминаемые препятствия:
- Стыд и страх осуждения (72%);
- Недоверие к психологам и опасения насчёт конфиденциальности (63%);
- Отсутствие информации о возможностях обращения (59%);
- Сложности с оплатой услуг или отсутствие бесплатных альтернатив (47%).

2. Стереотипы:
- «Обращаются только слабые» – 68% согласны или частично согласны;
- «Психолог – это только для психически больных» – 54%;
- «Можно справиться самому, главное – сила воли» – 77%.

3. Реальность обращения:
- Только 21% опрошенных когда-либо обращались за психологической помощью;
- Среди них 39% отметили положительный эффект, но 17% сообщили о негативном опыте (например, формализованный подход или навязчивые интерпретации);
- Подростки, прошедшие психообразовательные курсы, в 2 раза чаще обращаются за помощью.

4. Информационные источники:
- Социальные сети – 62%;
- Университетские программы – 28%;
- Родители/семья – 19%;
- Психологи в учебных заведениях – только 11% респондентов знали о их наличии.

Выводы. Исследование подтвердило, что среди молодёжи существует высокий уровень стигматизации, искажённые представления и устойчивые психологические барьеры в отношении обращения за профессиональной помощью. Одной из ключевых задач современной системы образования и здравоохранения становится не просто обеспечение доступности помощи, но и формирование доверительной, нормализующей среды.

Необходимо:

- усиливать психопросвещение через образовательные платформы и социальные сети;
- развивать инклюзивные и ненавязчивые формы взаимодействия с психологами в образовательных учреждениях;
- проводить системную работу по деконструкции стереотипов и публичной
- поддержке нормальности обращения за помощью.

1.

1. Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018 № 2 (8). С. 126–138. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202
2. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999
3. Фам А.Х., Меньщикова А.А. Жизненные выборы высокого и низкого качества: субъективное восприятие и связь с особенностями личности // Личность в эпоху перемен: Mobilis in Mobili: Материалы международной научно-практической конференции (17–18 декабря 2018 г.) / под общ. ред. Е.Ю. Патяевой, Е.И. Шлягиной. М.: Смысл, 2018 С. 251–253.
4. Erikson M. The Meaning of the future: Toward a more specific definition of possible selves // Review of General Psychology. 2007 Vol. 11 (4). P. 348–358. https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.4.348
5. Glaser B. Basics of Grounded theory analysis: emergence vs forcing. Mill Walley, CA: Sociology Press, 1992

Зухба К.Л.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Проявление рефлексивной саморегуляции на занятиях танцевально-двигательной терапии

Рефлексивная саморегуляция, танцевально-двигательная терапия, последствия танцевально-двигательной терапии.

В условиях постоянной социальной турбулентности современного мира психическая саморегуляция приобретает ключевое значение, а умение делать это рефлексивно, осознанно выходит на первый план. Поэтому поиск инструментов, способных проявить такую саморегуляцию, актуализируется. Чем выше общий уровень осознанной саморегуляции, тем легче человек овладевает новыми видами активности, увереннее чувствует себя в незнакомых ситуациях, тем стабильнее его успехи в привычных видах деятельности человека [2]. Цель проведенного исследования заключалась в раскрытии проявлений рефлексивной саморегуляции на занятиях танцевально-двигательной терапии.

Проверялись гипотезы об актуализации соматических и психических изменений и расширение рефлексивной саморегуляции в процессе занятий по танцевально-двигательной терапии. Выборку составили 24человека (22 женщины и 2 мужчин) в возрасте от 26 до 62, не имеющих танцевального или хореографического образования. Исследование проводилось в марте-апреле 2025 года по следующей схеме: опрос, включающий в себя анкеты самонаблюдений авторской разработки и опросник «Стили саморегуляции» В.И. Моросановой, четыре практических занятия танцевально-двигательной терапии в онлайн-формате по разработанному эскизу программы, и повторный опрос. Опросники и анкеты базировались на платформе Гугл. Для проверки гипотез были проведены статистические расчеты по критерию Вилкоксона, а также проведен качественный анализ анкет самонаблюдения.

Установлено, что после занятий танцевально-двигательной терапии наблюдается актуализация механизмов рефлексивной саморегуляции. Зафиксированы статистически достоверные изменения по показателям «настроение», «уровень энергии», «дыхание», «усталость», «осознание тела», «концентрация», «расслабленность», «устойчивость», «гибкость», «настойчивость» анкет саморефлексии, а также «общий уровень саморегуляции» ($p=0.006$) и «оценивание результатов» ($p=0.017$) опросника «Стили саморегуляции». Важно отметить, что некоторые показатели анкет самонаблюдения росли экспоненциально и становились более устойчивыми от занятия к занятию,

Таким образом, несмотря на значительное ограничения, в частности: формат (онлайн), временной фактор (всего 4 занятия), новизна метода и ограниченное количество выборки, танцевально-двигательная терапия оказала комплексное воздействие на различные аспекты психической организации человека. Программа способствовала формированию и укреплению связи между телесными и психическими процессами, а также укрепление поэтапных результатов для рефлексивной саморегуляции. Практическая значимость исследования заключается в разработке эффективной программы развития саморегуляции, как у взрослых, так и у детей, а также выявлении наиболее действенных упражнений, определении механизмов терапевтического воздействия и формировании рекомендаций по применению метода для различных слоев населения.

1. Гренлюнд Э, Оганесян Н.Ю.,. Танцевальная терапия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 224 с.
2. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции. М.: Наука, 1998. 192 с.
3. Прохоров А.О., Чернов А.В. Рефлексивная саморегуляция психических состояний. М.: Институт психологии РАН, 2019. 191 с.
4. Фильденкрайз М. Осознавание через движение. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 224 с.

Мясникова М.С., Самбикина О.С.
ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина»

Взаимосвязь эмоциональной зависимости матерей с характером их взаимоотношений с детьми младшего подросткового возраста

Эмоциональная зависимость, детско-родительские отношения, младшие подростки

Эмоциональная зависимость (ЭЗ)– особая модель построения отношений, основанная на контроле одним партнером разнообразных проявлений жизни другого (М.Г. Пестов, 2022). ЭЗ обуславливает возникновения созависимых отношений, дисфункциональности личных взаимоотношений. ЭЗ матери – модель поведения, при которой мать полностью погружается в жизнь ребенка, реализует себя только в постоянном служении и контроле за ним. Паттерн ЭЗ передается из поколения в поколение, и зависимость матери может быть связана с опытом отношений с ее матерью в раннем возрасте (Е.В. Емельянова, 2004). ЭЗ вызвана нарушением привязанности в детско-родительских отношениях, незавершённости сепарационного процесса между матерью и ребенком и индивидуализации как необходимой стадии личностного развития (Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд, 2002). Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи ЭЗ матерей с характером их взаимоотношений с детьми младшего подросткового возраста.

В эмпирической части исследования респондентами выступили 61 матери учащихся 4-х классов МАОУ школы №2 г. Перми. Матерям было предложено ответить на вопросы методик: тест профиля отношений, RPT Р. Борнштейна (адапт. О.П. Макушиной; тест на определение индивидуального отношения родителей к школьнику В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева; методика Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса АСВ. Математическая и статистическая обработка результатов диагностики проводилась в программе Jamovi, с помощью таких методов как: описательная статистика, кластерный анализ, сравнительный анализ, корреляционный анализ.

По результатам диагностики были выделены группы группы матерей с разными типами межличностной зависимости: с деструктивной сверхзависимостью (ДСЗ) (N=13), с дисфункциональным отделением (ДО) (N=13), матери с нормативной зависимостью (НЗ) (N=28). На основании результатов сравнительного анализа были выявлены различия по показателям детско-родительских отношений:

- у ЭЗ матерей с ДСЗ (по сравнению с матерями с НЗ) более выражены тревожность, вседозволенность по отношению к младшему подростку. В воспитательном процессе более выражены гиперпротекция, вынесение конфликта в сферу воспитания, фобия утраты;
- у ЭЗ матерей с ДО (по сравнению с матерями с НЗ) более выражены безучастность, обвинение, отстранение по отношению к младшему подростку. В воспитательном процессе более выражены гипопротекция, неустойчивый стиль воспитания, предпочтение женских качеств;
- у матерей с НЗ по сравнению с ЭЗ матерями более выражено проявление заботы, не выявлено проявлений нарушений процесса воспитания.

На основании корреляционного анализа выявлены особенности взаимосвязи эмоциональной зависимости с показателями детско-родительских отношений:

- ДЗ связана с опекой, потаканием, контролем, тревожностью, гиперпротекцией, воспитательной неуверенностью, вынесением конфликта в сферу воспитания, недостаточностью требований-запретов;
- ДО связано с отстранением, давлением, обвинением, чрезмерностью наказаний, гипопротекцией;
- НЗ связана с заботой, контролем, недостаточностью требований-обязанностей.

Наши исследования показывают, что ЭЗ взаимосвязана с характером взаимоотношений матери с детьми младшего подросткового возраста. Матери с ЭЗ ДСЗ занимают гиперопекающую позицию, матери с ЭЗ ДО отталкивают ребенка, отказывая ему в эмоциональной близости и поддержке. У матерей с НЗ сбалансирован контроль и забота.

1. Пестов М.Г. Эмоциональная зависимость: от диагностики к стратегиям преодоления.-М., СПБ.: Центр гуманитарных инициатив; Добросвет, 2022.
2. Полянская Т.В. Психологическая граница личности, склонной к эмоциональной зависимости// CHRONOS: мультидисциплинарные науки. 2022 Том 6 №10(72). С.66-70.
3. Уайнхолд Б. и Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости/пер. с англ. А.Г. Чеславской/ М.: Независимая фирма «Класс», 2002.

Исурина Г.Л.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Медицинская и психологическая психотерапия

Медицинская и психологическая психотерапия, подготовка психологов

В последние время все чаще звучит термин «медицинская психотерапия», использование которого направлено на разграничение медицинской и психологической психотерапии. Термин «психологическая психотерапия» мог бы войти в обиход в 70-х годах прошлого века. Это было связано с активным включением психологов в психотерапевтическую работу. И хотя в то время психологи работали в государственных медицинских учреждения в тесном контакте с врачами, а вопрос о частной практике вообще не стоял, тем не менее, проблема соответствия законодательству беспокоила профессиональное сообщество. Поэтому возникла необходимость более четко обозначить сферу деятельности психолога. Тогда и был предложен термин «психологическая психотерапия», но предпочтение было другому термину – психологическая коррекция.

Оба эти термина не несли никакой содержательной нагрузки кроме уточнения субъекта этой деятельности – психолога. Если речь идет о том, что медицинской называют психотерапию, где психотерапевтом является врач, а психологической – психолог, или о том, что психотерапию с пациентами следует называться медицинской, а со здоровыми или лицами с субклинической симптоматикой – психологической, то это в принципе никаких возражений не вызывает.

Однако трудно предположить, что чисто формальные аспекты вызывают такие острые дискуссии. Безусловно, речь идет о понимании содержания процесса психотерапии. Косвенным образом, это имеет отношение все к тому «вечному» для отечественной практики вопросу – может ли психолог заниматься психотерапией. Что же такое психотерапия? Определения психотерапии отражают два основных подхода – медицинский и психологический. Медицинский подход рассматривает психотерапию как систему лечебных воздействий на психику, психологический – как использование психологических средств воздействия. Не вызывает сомнений, что медицинский подход слишком широко трактует это понятие, поскольку лечение психики осуществляется и с использованием других средств воздействия, прежде всего, фармакологических, что психотерапией в собственном смысле слова не является.

Сторонники термина «медицинская психотерапия», безусловно, исходят из того, что для психотерапевтической работы с пациентами необходимо медицинское образование, дающее знание клиники. Без этого невозможно выявить основные факторы этиопатогенеза заболевания, провести диагностику и назначить лечение. Но, если речь идет о психотерапии, то она работает с одним этиопатогенетическим факторов – психологическим и использует при этом только психологические средства. Психотерапии предполагает работу с психологическими проблемами человека, которые являются либо основным, либо дополнительным, второстепенным этиопатогенетическим фактором. И в этом смысле психотерапия с невротическими и психосоматическими пациентами, со здоровыми людьми практически ничем не отличается. Лечение отличается, оно является комплексным и включает самые разнообразные виды вмешательств, а психотерапия по сути не отличается, но может быть при этом разной степени глубины и конкретной направленности. Поэтому представляется, что нет никакой медицинской и психологической психотерапии, есть просто психотерапия, которую могут проводить и врач, и психолог.

Безусловно, психолог-психотерапевт, работающий с пациентами, должен быть клиническим психологом, иметь определенную клиническую подготовку, понимать разницу между психологическими проблемами, эмоциональными состояниями, с одной стороны, и клинической симптоматикой, с другой, понимать свои ограничения в сфере диагностики и находиться при работе с клиническим случаем в тесном контакте с лечащим врачом.

Березниковский В.В.
СПб РО ВОС

Танцевальное искусство как психотерапевтический метод в реабилитации незрячих

Психомоторика, танцевально-двигательная терапия, незрячие, реабилитация

Танцевальное искусство может служить одним из методов психологической коррекции для людей с серьезными нарушениями зрения. Танец позволяет раскрыть творческий потенциал через движение, ритм и музыку. Практика танцев является эффективным терапевтическим методом, оказывающим комплексное воздействие на личность. Танцы положительно влияют на психомоторику, развивают эмоциональную сферу и волю, стимулируют когнитивные процессы, а также улучшают навыки вербального и невербального общения.

Отсутствие зрительного восприятия создает значительные трудности в взаимодействии с окружающим миром. Процессы познания, общения и адаптации во многом зависят от двигательной активности, при этом моторные проявления, ориентация в пространстве и взаимодействие у незрячих имеют свои особенности. ТДТ обладает широкими реабилитационными возможностями для людей с нарушениями зрения. Танцевальная терапия помогает снять мышечное напряжение, развить координационные механизмы и перенести двигательные навыки, приобретенные на занятиях, в повседневную жизнь для успешной социальной адаптации.

Важный аспект взаимодействия в танце составляет невербальная коммуникация (позы, жесты, мимика, интонации). Невербальная коммуникация, возникающая в танце, оживляет репертуар проявлений различных эмоций. Незрячий, не видя в обычном акте коммуникации невербальных проявлений, в свою очередь и не может продемонстрировать собственные невербальные ответы. Танцуя, незрячий проявляет и тренирует весь невербальный репертуар, поскольку этот репертуар «запрограммирован» самой логикой танца. Танец как искусство и терапевтический инструмент открывает богатые возможности для самовыражения, личностного роста и самосовершенствования.

Движения тела отражают внутреннюю психическую жизнь человека и его взаимодействие с окружающим миром [1]. Для незрячих танец становится способом познания своих индивидуальных качеств, расширения представлений о себе и открытия новых способов самовыражения и взаимодействия с окружающими. Переход танца в терапевтическую сферу связан с открытием психологических возможностей танца и смещением акцента с техники на выражение индивидуальности через движение. Таким образом, танец воспринимается не только как выражение эмоций, но и как интеграция интеллекта, тела и чувств человека.

Техники танцевальной терапии можно охарактеризовать как динамическую релаксацию. ТДТ отличается от танца тем, что в ней важнее то, как движение ощущается человеком, а не то, как оно выглядит. В танцевальной терапии танец не следует воспринимать только как вид искусства; внимание терапевта должно быть сосредоточено на взаимодействии между внутренним и внешним пространством, осознанными и неосознанными движениями участников. Основные элементы танца – пространство, ритм, движения – помогают расширить внутренний мир танцующего. В этом случае тело выступает инструментом, а движение – процессом, помогающим участникам пережить, распознать и выразить свои чувства [3]. Основные задачи ТДТ в работе с людьми с нарушениями зрения включают повышение уровня двигательной активности, интеграцию двигательной активности с хореографией, танцевальными элементами и музыкальными образами, активизацию творческих и эстетических способностей, осмысление потенциала своего тела, развитие способности к самовыражению эмоций и духовный поиск человека [2].

1. Гренлюнд Э. Танцевальная терапия. Теория, методика, практика / Э. Гренлюнд, Н. Ю. Оганесян. – Санкт Петербург : Речь, 2011 – 288 с.
2. Сабанцева Т. В. Хореография как средство реабилитации слепых и слабовидящих детей [Текст] / Т. В. Сабанцева, К. И. Хмелевская // Омский научный вестник. – 2015 – №3 (139). – С. 177-180.
3. Payne, H. Dance Movement Therapy: Theory, Research and Practice / H. Payne. –UK: Routledge. – 2006 – 262 p.

Панферова Ю.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Реакции женщин, переживших насилие в партнерских отношениях

Партнерское насилие, чувства, ориентация на отношения

Введение. До 30% женщин в романтических отношениях и браке сталкиваются с насилием со стороны партнера, оно может быть проявлено в форме физического, психологического насилия и пренебрежения эмоциональными потребностями (Ильин, 2013; Хаидов, 2020). Зачастую акты насилия приводят к разрыву отношений и негативной установке на создание новых, что является важной социальной проблемой. Целью данного исследования был анализ переживаемых чувств и ориентации на отношения у женщин, переживших партнерское насилие.

Методы. Были проанализированы рассказы женщин, переживших физическое, психологическое насилие либо эмоциональное пренебрежение в отношениях с романтическим партнером или супругом, обратившихся за психологической помощью. Проводилось полуструктурированное интервью по алгоритму кризисной интервенции и контент-анализ полученных ответов: уточнялся тип насилия, актуальные чувства, которые женщина испытывала на момент консультации (1-2), и ориентация на будущие отношения (отказ от отношений, поиск более гармоничных отношений либо желание восстановить те отношения, где случалось насилие).

Результаты. Было опрошено 17 женщин в возрасте от 18 до 53 лет. При анализе 9 случаев психологического насилия (оскорбления, угрозы, виртуальные и реальные измены) ведущими чувствами были злость (7), вина (2) и грусть (2), при этом в 4 случаях клиентки не хотели устанавливать новые отношения, хотели установить более гармоничные отношения в 2 случаях и хотели восстановить расторгнутые отношения в 3 случаях. Из исследованных пяти случаев измены во всех случаях в качестве основного чувства описывалась злость на партнера, дополнительно в двух случаях – вина за произошедшее. В пяти случаях эмоционального пренебрежения потребностями партнерши у 4 женщин фигурировало чувство вины, у 1 – злость; не хотели каких-либо отношений три, хотели восстановить отношения две из опрошенных Было исследовано три случая физического насилия; при описании чувств клиентки указывали страх (2), злость (1) и чувство вины (1); при этом не хотели отношений 2 клиентки, а одна хотела восстановить отношения несмотря на имеющийся риск безопасности. По результатам анализа можно предположить, что женщины осведомлены о видах насилия в партнерских отношениях и способны расторгнуть их, если в них присутствует насилие. Можно отметить, что в нашей выборке при психологическом насилии выявлен высокий уровень осознания своих потребностей и желание изменить ситуацию, не допустить ее повторения в будущем. Женщины резко относятся даже к виртуальным изменам, считают это недопустимым. В случаях пренебрежения эмоциональными потребностями значительная часть опрошенных (80%) испытывала ощущение собственной вины, при этом более половины временно не хотели отношений (60%). При физическом насилии от партнера большая часть женщин испытывала страх и не хотела на момент опроса отношений, что может быть связано с попыткой пережить опыт и с поиском безопасности в общении с людьми.

Выводы. По исследованным случаям психологического, физического насилия и эмоционального пренебрежения можно предположить, что для женщин, переживших физическую агрессию и пренебрежение характерно переосмысление негативного опыта, желание временно не искать новых отношений; в то же время часть женщин, переживших психологическое насилие, настроена на поиск нового партнера. Понимание консультантом спектра чувств по поводу расставания при насилии, оценка ориентации на отношения может быть важным фактором в оказании психологической помощи женщинам и создании программ их поддержки.

1. Ильин Е. Е. Насилие как психологический феномен // Вестник Герценовского университета. – 2013. – №1. – С. 167-174.
2. Хаидов С.К. Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – №6, Т. 8. – С. 78PSMN620.

Ларин И.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Формирование саморегуляции подростков в консультативной практике краткосрочной стратегической терапии

Саморегуляция, детско-родительское взаимодействие, семейное консультирование, краткосрочная стратегическая терапия

Саморегуляция рассматривается как метаресурс, координирующий другие психологические ресурсы личности, а также как высший уровень произвольной регуляции поведения, формирующийся в процессе овладения культурными средствами (Леонтьев, 2024; Моросанова, 2021; Болотова, Пурецкий, 2015). Одним из ключевых институтов, влияющих на развитие саморегуляции, выступает семья. Цель данного исследования – анализ опыта консультативной практики с использованием методов краткосрочной стратегической терапии (КСТ), направленных на формирование саморегуляции у подростков через коррекцию детско-родительского взаимодействия.

Методы. Анализ основан на обобщении практического опыта консультирования. В работе использовались методы КСТ, основанные на системной и кибернетической модели взаимодействия (Нардонэ, Вацлавик, 2006). Фокус внимания – предпринятые попытки решения родителями проблем, связанных с учебной и цифровой активностью подростков.

Под предпринятой попыткой решения понимаются способы решения проблемы, применяемые внутри семейной системы для решения проблемы на момент обращения за помощью (Нардонэ, Вацлавик, 2006). Выборку составили более 20 семей с подростками в возрасте 12–17 лет.

Результаты. Выявлено два типа дисфункциональных стратегий родителей: гиперконтроль и попустительство. Обе стратегии, реализующиеся в ходе детско-родительского взаимодействия, затрудняют формирование саморегуляции у подростка, не создавая условий для «интеграции свободы и ответственности» подростком (Леонтьев Д.А., 2024). При гиперконтроле родителям предлагалось занять позицию наблюдателя, не вмешиваясь, но фиксируя собственные реакции на поведение ребенка в специальном дневнике. В случаях попустительства применялась стратегия активной медиации в цифровом (Солдатова и др., 2022) и учебном контексте. Практика показала, что коррекция детско-родительского взаимодействия в рамках КСТ приводит к значимому повышению уровня произвольной регуляции поведения подростков: в 90% случаев достигнуты заявленные консультативные цели, что подтверждалось обратной связью как от родителей, так и от подростков.

Выводы. Краткосрочная стратегическая терапия, ориентированная на коррекцию детско- родительского взаимодействия, обладает высоким потенциалом в контексте формирования саморегуляции у подростков. Переход от неэффективных форм контроля к функциональному детско-родительскому взаимодействию соответствует более высокому уровню произвольной регуляции поведения со стороны подростков.

1. Болотова А.К., Пурецкий М.М. Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе. // Культурно-историческая психология. 2015 11(3). С. 64–74. https://doi.org/10.17759/chp.2015110306
2. Леонтьев Д.А. От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации. // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2024 № 1 С. 142–161. https://doi.org/10.17323/vo-2024-17626
3. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности. // Вестник Московского университета. 2021 Серия 14 Психология, (1).С. 4–37. https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01
4. Нардонэ Дж., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений: Краткосрочная стратегическая терапия. // М.: Изд-во Института психотерапии. 2006
5. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. // М: 2022 – 356 с. ISBN 978-5-98807-102-0

Кузнецова Л.В., Линева С.С.
ГАУГН

**Психологический портрет «равного консультанта»
в системе психологического сопровождения материнства**

Послеродовая депрессия, равное консультирование, эмоциональная направленность, самоотношение, социальная ролевая адекватность

Равное консультирование (peer counseling, peer support) в системе психологического консультирования можно определить как специальную высокомотивированную форму поддержки со стороны человека, имеющего опыт успешного преодоления каких-либо трудных жизненных обстоятельств (заболевание, зависимости, кризисные состояния, социальная изоляция и др.) другим людям в совладании с похожими ситуациями. В качестве основных «инструментов» равного консультанта рассматриваются: личный опыт, достоверная информация, высокая мотивированность по оказанию поддержки, базовые навыки активного слушания и эмоциональной поддержки как необходимого условия доверительного контакта.

Современный зарубежный и отечественный опыт психологического сопровождения семей и, в частности, матерей, начиная с изучения влияния мотивов зачатия и репродуктивных ролевых ориентаций на формирование нормативного материнского поведения показывают определенную конфликтность в формировании конструктивной репродуктивной мотивации женщин и соответственно риски послеродовой депрессии (Захарова, Строгалина, 2006; Родштейн, Рулина, 2005; Добряков,2010 и др.).

Одновременно, с ростом базовой психологической грамотности в обществе и появлении специальных центров по супервизии и обучению равных консультантов, растет эффективность равного консультирования в преодолении послеродовой депрессии и других эмоционально-поведенческих нарушений у матерей на разных этапах становления материнской ролевой идентичности. Так, по данным мета-анализа (Huang et al., 2020), равное консультирование снижает риск послеродовой депрессии(ПРД) на 31%, причем эффективно как в очных, так и дистанционных форматах. Исследование Dennis et al., (2009) показало, что телефонная поддержка консультантов снижает риск ПРД на 50% среди женщин из группы высокого риска. Было обнаружено. что мобильные приложения с участием равных консультантов эффективны в снижении симптомов ПРД у молодых матерей(Shorey et al., 2019). Что касается психологических характеристик равных консультантов, то решающее значение в эффективности подобной поддержки имели: эмпатия, принятие и культурная близость (McLeish et al, 2023).

Целью представленного исследования было изучение психологических характеристик равных консультантов, сотрудничающих с Центром помощи материнству «Душа Мамы» в аспекте оказания поддержки матерям в ранний постнатальный период. В центре внимания были: эмоциональная направленность (опросник Додонова) как смыслообразующий компонент мотивации помощи; уровень самоактуализации (САМОАЛ) Лазукина) и самоотношения (МИС) Пантелеева); уровень стресса(PSM 25), а также такие параметры психологического здоровья семьи, как адекватность ролевых отношений в семье и удовлетворенность браком (Торохтий). Всего в исследовании приняли участие 66 женщин-равных консультантов.

Результаты исследования в целом по всем исследуемым параметрам показали психологически благополучный портрет женщин-равных консультантов, к моменту обследования: они обладали достаточным эмоциональным, мотивационным и коммуникативным ресурсами, к тому же имеющие позитивный опыт выстраивания семейных взаимоотношений, чтобы быть способными оказывать помощь женщинам, находящимся в кризисных состояниях, включая послеродовую депрессию. В частности у 75% обнаружено преобладание гуманистического профиля эмоциональной направленности в виде сочетания альтруистической, коммуникативной и праксической направленностей; 96,8% обладали прогрессивным профилем личности, при котором мотивы роста преобладали над мотивами дефицита; присутствовала выраженная самоценность, уверенность и позитивное самоотношение. Большинство удовлетворены браком, принимают социальную роль жены и матери.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей оптимизации параметров оценки готовности равных консультантов к консультативной деятельности, а также для разработки программ по развитию необходимого комплекса личностных качеств и навыков у равных консультантов.

1. Захарова Е.И., Строгалина А.И. Особенности принятия родительской позиции у матерей младенцев // Журнал Перинатальная психология и психология родительства. – 2006 – № 2 – С. 28-38.
2. Родштейн М.Н., Рулина Т.К. Методологические принципы социально- психологического анализа материнской установки // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. – Самара. – 2005

3. Huang, H., Yan, Q., Yang, L., Zhang, X., Zhang, Y., & Liu, Y. (2020). Effectiveness of peer support intervention on perinatal depression: A systematic review and meta- analysis. Retrieved from https://womensmentalhealth.org/posts/essential-reads-peer- support-interventions-for-perinatal-depression
4. Dennis, C.-L., Hodnett, E., Kenton, L., Weston, J., Zupancic, J., Stewart, D. E., & Kiss, A. (2009). Effect of peer support on prevention of postnatal depression among high risk women: Multisite Randomized controlled trial. BMJ, 338, a3064. https://doi.org/10.1136/bmj.a3064
5. McLeish, J., Redshaw, M., & Lavender, T. (2023). Community-based perinatal mental health peer support: A realist review. BMC Pregnancy and Childbirth, 23, Article 239 https://doi.org/10.1186/s12884-023-05843-8

Воскресенская Н.В.
АО «Концерн Росэнергоатом» «Ленинградская АЭС»

Психология отношений: психолог-клиент: современные тенденции

Традиционной для ордерного подхода моделью описания структуры проблемного поля и поля решения проблем в системах исполнителя-психолога и потребителя-клиента стала триада «продуцент-процесс-продукт» (Аксеновская, 2007). Попробуем проанализировать эту систему с точки зрения современных тенденций отношений психолога и клиента.

По данным ВЦИОМ по результатам исследования «Управление стрессом» в 2024 году около трети россиян сталкиваются со стрессовыми ситуациями редко (34%) или иногда (37%), каждый пятый – на регулярной основе (19% – часто, 6% живут в постоянном стрессе). В общей сложности с разной периодичностью со стрессом сталкиваются 9 из 10 наших сограждан (90%). Опыт обращения за профессиональной психологической помощью есть у каждого седьмого.

Потребность в психологической помощи увеличивается и увеличивается количество специалистов, предлагающих данные услуги. При этом наблюдается увеличение различных псевдонаучных направлений (парапсихология, астро-психология и пр.), активизация в интернет-пространстве онлайн консультантов с неподтвержденной квалификацией и отсутствием опыта работы. Происходит обесценивание профессиональной подготовки путем рекламы получения дипломов за один-три месяца.

Ролевое восприятие психолога по-прежнему достаточно мифологизировано: «Психолог – это маг и чародей и должен видеть все насквозь», «Каждый психолог – это психотерапевт, который должен все выслушать и «дать таблетку», «Психолог – это человек, который умеет ловко манипулировать людьми», «Шарлатаны и преступники в первую очередь хорошие психологи», «Все психологи всегда отыгрывают стереотипные сценарии: все проблемы родом из детства, вас не любили родители» и пр.

Не вполне адекватный образ психолога изображается в современном кинематографе: комедия «Психологини», драма «Триггер», мелодрама «Чистая психология», триллер «Опасные связи» и др.

Еще одной из особенностей современного взаимодействия психолог-клиент является применение новых терминов и понятий, часть из которых появилось с развитием новых методов и направлений, часть попадает к нам из-за рубежа, а часть являются абсолютно незначимыми, но ловко применяются для привлечения внимания. Вот примеры современных понятий, которые достаточно часто используются в психологической практике: викарная травма, газлайтинг, орбитинг, виктимблейминг, абьюзер, гостинг, брендкрамбинг, бенчинг, квадроберы, хоббихорсинг, mindfulness, ресентимент, эскапизм, селфхарм, хординг, прекарность, лавбомбинг, прайминг, сталкинг и пр.

Что касается поведенческих изменений, следует заметить тенденцию искусственного поведения – применение жестов вместо слов: жест «козы», facepaim (недоумение или раздражение); жест руками «бла-бла-бла»; жест «воздушные кавычки» (сарказм); рукотворное сердечко и др.

Символическое поведение имеет место быть в обществе, но проблема в том, что они носят навязчивый (если не обсессивный) характер. Большое количество психологов используют их в практике тренингов.

Аналогичные проявления искусственного происходит и в речи. Персеверации (настойчивое повторение фраз): «Я Вас услышал» используется как вербальная «крышка» (Бредемайер, 2005), чтобы остановить собеседника и прекратить разговор; «Хорошего дня» и «Берегите себя» – ритуальные автоматизмы. Также наблюдается применение устойчивых выражений, которые обедняют структуру речи, сокращая ее порой до отдельного образа: «это дорогого стоит», «от слова совсем», «тупо делаем так», «это про то, что …», «в никуда», «ни о чем».

По данным статистики у россиян меньше одного друга на человека. 40% нашего общества составляют индивидуальные домохозяйства – люди, живущие сами по себе без семьи. В целом, характеристиками нашего общества становится рост эгоцентризма, агрессии, контроля за другими, а также изменения эмоциональной сферы.

Мы проанализировали трехкомпонентную систему со стороны психолога и со стороны клиента. В третьей ее составляющей, процессе, темы обращений связаны с проблемами стресса, депрессии, интернет-зависимости, поиска идентичности, психологическим выгоранием.

Все эти современные особенности отношений психолога и клиента необходимо учитывать в психологической практике. Важно, чтобы общество осознало значимость психического здоровья и стремилось к созданию условий, способствующих его укреплению.

1. Аксеновская Л.Н. «Ордерная модель организационной культуры» М, «Академический проект», 2007
2. Бехтерев В.И. Тайны мозга: внушение, гипноз, физиология мышления, изд АСТ, 2023
3. Бредемайер К. «Черная риторика. Власть и магия слова», Альпина Бизнес Букс 2005
4. Минаев С. «Р.А.Б. Антикризисный роман», изд. Аст-Астрель, 2009
5. Павлов И.П. Такие разные полушария мозга. Об уме вообще, о русском уме в частности, изд. АСТ 2024. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-stressom

Фрейманис И.Ф.
ПГНИУ

Искусственный интеллект как инструмент психологической помощи для повышения удовлетворенности жизнью

Психологическая помощь, искусственный интеллект (ИИ), чат-бот

Введение. В настоящее время наблюдается устойчивый тренд к внедрению чат- ботов со встроенным искусственным интеллектом (ИИ) в сферу психологической помощи. В зарубежной психологии постепенно накапливаются научные работы, связанные с эффективностью использования ИИ чат-ботов в практической психологии [2]. В русскоязычном научном поле не проводилось подобных масштабных эмпирических исследований. Чат-боты, это технические системы, ориентированные на диалоговое взаимодействие с пользователем через специализированный интерфейс для решения актуальных задач. ИИ чат-бот – технология, которая способна на создание уникальных ответов, максимально приближенных к естественной речи [3]. Таким образом, целью нашего исследования стало изучение возможностей ИИ чат- бота в качестве инструмента психологической помощи.

Методы. Для достижения цели был проведен квазиэксперимент, общее количество участников 337 человек, длительность 4 недели. Участники были поделены на две группы. Первая группа использовала ИИ чат-боты для психологической самопомощи. Количество участников 172 человека, в том числе 28 мужчин и 144 женщины, в возрасте от 19 до 50 лет. Участники ежедневно взаимодействовали с ИИ чат-ботами, такими как ChatGPT, Алиса, GigaChat, DeepSeek. Вторая группа проходила программу психологического информирования.

Количество участников 165 человек, в том числе 40 мужчин и 125 женщин, в возрасте от 19 до 37 лет. Участники состояли в чате в сети VK, где ежедневно публиковались материалы психологической направленности, с которой участники могли знакомиться по желанию.

Результаты. В экспериментальной группе пользователей ИИ чат-ботов, наблюдается статистически значимое улучшение ($p < 0.001$) по шкале удовлетворенность жизнью (SWLS). Уменьшение коэффициента вариации с 28.3% до 27.4% может говорить об однородном эффекте воздействия. Результаты контрольной группы, получавшей исключительно психологическое информирование, демонстрируют существенно иную динамику показателей по сравнению с экспериментальной группой, значимые изменения отсутствуют ($p = 0.308$). Данный результат позволяет рассматривать ИИ чат-бот, как перспективный инструмент для повышения общего уровня психологического благополучия. Выводы. Четырехнедельное использование технологии ИИ чат-бот в качестве инструмента психологической помощи оказало значимое влияние на состояние участников, по сравнению с психологическим информированием. Полученные данные обосновывают целесообразность внедрения технологии ИИ чат-бот, в систему психологического сопровождения для снижения нагрузки на специалистов, обеспечения круглосуточной помощи и снижения стигматизации обращения к психологу. Полученные данные согласуются с рядом зарубежных и российских исследований, посвященных эффективности использования ИИ чат-ботов для психологической помощи [1], [2]. ИИ чат- боты это многообещающий, но не универсальный инструмент, чья роль в психологии будет расти по мере совершенствования технологий. Данная технология так же имеет ряд ограничений.

1. Семенова С.В. Отношение студентов к использованию чат-бота для получения
2. психологической поддержки. // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2021 – Т.4. – С. 536-542. https://herzenpsyconf.ru/wp- content/uploads/2021/12/67-2021.-Semenova.pdf
3. Baek G, Cha C, Han J. AI Chatbots for Psychological Health for Health Professionals:
4. Scoping Review. JMIR Hum Factors 2025;12:e67682. URL: https://humanfactors.jmir.org/2025/1/e67682
5. Chakraborty C, Pal S, Bhattacharya M, Dash S, Lee SS. Overview of Chatbots with special emphasis on artificial intelligence-enabled ChatGPT in medical science. Front Artif Intell. 2023 Oct 31;6:1237704. doi: 10.3389/frai.2023.1237704. https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10644239/

Черная А.В.
ФГАУ ВО ЮФУ

Персонализация проектных заданий по игровой терапии

Игровая терапия, терапевтичсекая игра

В компетентностном профиле психолога образования конкретизированы теоретические знания многообразия подходов, методов и приемов, используемых игровыми терапевтами для работы с детьми, понимания отличий игровой терапии и терапевтической игры [1], игровой терапии и терапии, основанной на игре [2]; овладение техниками игровой терапии и терапевтическим ресурсом игры.

Проиллюстрируем несколько персонализированных проектных заданий, выполненных студентами. Ключевые фигуры в игровой терапии: классика терапевтических сессий.Мелани Кляйн: девяносто три сессии с десятилетнем Ричардом. Базовые установки психоанализа – теория объектных отношений, механизм проективной идентификации. Авторские техники игровой терапии – непосредственное общение с ребенком в совместной игре, безопасная и поддерживающая среда, рисунок как часть терапии, терапевтические ресурсы игрушки (фотоархив деревянных игрушек М. Кляйн) [3]. Вирджинии Экслайн: терапевтические сессии с Дибсом – возможности недирективной игровой терапии. Творческий опыт рождения маленького мальчика или что мешало взрослым применить к Дибсу стандартную мерку [4]. Восемь базовых принципов недирективной игровой терапии В. Экслайн. Авторские техники игровой терапии: кукольная семья, встречи с матерью Дибса и др. Терапевтические сессии в игровой терапии, центрированной на ребенке (анализ видеоматериалов).

Индивидуальная сессия игровой терапии Дж. Алтидора: ролевая игра с анализом терапевтических техник. Рефлексивные техники помощи ребенку в вербализации и словесной репрезентации эмоций. Терапевтический контакт – безопасная зона принятия и вовлеченности в совместную игру, подбор игрушек для игровой терапии, ключевые сюжетов в игре мальчика. Терапевтическая техника отражения (отзеркаливания). Техника «Покажи мне свои сильные мускулы» Let me see your strong muscles technique – игра как способ отреагирования гнева в ситуации, требующей эмоциональной разрядки [5].

Индивидуальная сессия игровой терапии К. Хамильтон с восьмилетним мальчиком Б. [6]. Общая концепция работы в направлении ССРТ. Позиция терапевта. Подбор игрушек. Анамнез мальчика и выбор стратегии. Оборудование игровой комнаты. Позиция игрового терапевта, речь и не вклбченность в игру. Возможные интерпретации: детская игра с элементами агрессии. Метафорическое описание взаимоотношений: метафора для более сложных взаимоотношений, где один человек пытается контролировать другого («I can locate where you›re at») – аллегория зависимости, власти или манипуляции.

Психологический или сюрреалистический контекст: фрагментарность фраз и отсутствие четкой логики могут указывать на профиль ребенка, находящегося в состоянии стресса. Показаны возможности проектных заданий в анализе позитивных эффектов терапевтических сессий игровых терапевтов в оценке проекции детского опыта, в том числе травматического, возможности адаптации арсенала игровой терапии к индивидуальным запросам клиентов.

1. The British Association of Play Therapists Statement regarding the Difference between Play Therapy and Therapeutic Play // chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.bapt.info/wp-content/uploads/play-therapy-docs/BAPT_statement_re_difference_between_Play_Therapy_and_Therapeutic_Play.pdf
2. Hudspeth, E. F. (2023). Play therapy: History, theories, and research. In Encyclopedia of mental health (third edition), P. 778-780). Elsevier. .
3. Klein, M. Narrative of a Child Analysis: The Conduct of the Psycho-Analysis of Children as seen in the Treatment of a Ten year old Boy. 1961.
4. Экслайн В. Игровая терапия. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
5. How to do Play Therapy: Role Play With Explanation of Techniques, Jonathan Altidor https://youtu.be/ppl_6XDCGBk.
6. Child-Centered Play Therapy, CCPT example with B & Cary (RPT-S), Cary Hamilton https://www.youtube.com/watch?v=y0tlN_i_V1I

Буева Ю.А., Обидин И.Ю.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности отношений с ребенком матерей, имеющих неблагоприятный детский опыт

Неблагоприятный детский опыт, насилие, тип воспитания, отношение матери к ребёнку

Домашнее насилие, пережитое в подростковом возрасте, нередко оказывает влияние на последующую жизнь женщины, включая её родительские установки и поведение [1,2]. Целью исследования являлось изучение особенностей отношений в диаде мать-ребёнок в тех семьях, где матери сталкивались с сексуализированным или физическим насилием в юности, что позволяет глубже понять возможные механизмы передачи травматического опыта и появления трудностей эмоционального взаимодействия.

В исследовании приняли участие 51 женщина (средний возраст – 24,5 лет). Использованы методы: международный опросник «Неблагоприятный детский опыт», опросник ICAST-R, полуструктурированное интервью, опросник «Анализ семейной тревоги», шкала тревоги Спилбергера-Ханина, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Эйдемиллера Э.Г. и Юстицкиса В.В., методика изучения родительских установок PARI. По результатам заполнения опросника ICAST-R респонденты были разделены на 2 группы: исследуемую группу составили 28 женщин, которые сообщили о фактах сексуализированного или физического насилия в подростковом возрасте. Контрольную группу составили 23 женщины без факта насилия.

В результате исследования установлено, что все участницы исследуемой группы пережили многократные эпизоды сексуализированного или физического домашнего насилия в подростковом возрасте (14–17 лет). Наиболее распространённой формой насилия в данной группе было физическое. Основными агрессорами выступали ближайшие родственники – отец или мать. Значительная часть женщин не обращалась за помощью. Сам факт насилия не всегда осознаётся ими как продолжающий оказывать влияние на взрослую жизнь.

Женщины с травматическим опытом насилия в подростковом возрасте демонстрируют склонность к нарушениям в родительско-воспитательной сфере. Отмечается тенденция к полярным стратегиям родительства – от чрезмерной эмоциональной дистанции($p< 0,01$) до гиперопеки($p<0,01$). В восприятии своей семейной роли женщины с травматическим опытом насилия нередко идентифицируют себя с образом жертвы ($p<0,01$). Это сопровождается глубоким эмоциональным погружением в материнскую роль, трудностью отделения себя от ребёнка и склонностью к конфликтам в семейной жизни.

Установлена взаимосвязь между подростковым опытом насилия и типом воспитания: женщины с травматическим опытом чаще используют дезадаптивные модели: неустойчивый стиль ($r=0,57$), гипопротекция ($r=0,56$), игнорирование потребностей ребенка ($r=0,51$). Регрессионный анализ подтвердил, что травматический опыт оказывает влияние на выбор воспитательных стратегий.

Установлена взаимосвязь между отношением к ребёнку, восприятием семейной роли и наличием в подростковом опыте женщины сексуализированного или физического насилия. Регрессионный анализ показал, что травматический опыт в подростковом возрасте оказывает влияние на формирование родительских установок и семейной идентичности. Наблюдаются признаки избыточной концентрации на ребёнке, включая подавление сексуальности ($r=0,54$), чрезмерную заботу и формирование зависимости в отношениях ($r=0,48$); характерно сужение жизненных интересов до рамок семьи ($r=0,61$); отмечается снижение показателей эмоционального взаимодействия с ребёнком, включая вербализацию ($r=-0,35$), партнёрское и уравнительное взаимодействие ($r=-0,51$).

Полученные результаты демонстрируют влияние пережитого в подростковом возрасте домашнего насилия на особенности воспитания ребёнка в будущем и отношения матери к ребёнку.

1. Ермолова Т. В. И др. Проблема дисфункционального материнства в новейших зарубежных исследованиях //Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8. – №. 4. – С. 25-37.
2. Evans S. E., Davies C., DiLillo D. Exposure to domestic violence: A meta-analysis of child and adolescent outcomes //Aggression and violent behavior. – 2008. – Т. 13. – №. 2. – С. 131-140.

Рогуля В.В., Исурина Г.Л.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности детского травматического опыта у пациентов с пограничным расстройством личности

Пограничное расстройство личности, детский травматический опыт, ранние дезадаптивные схемы

В настоящее время проблема влияния детского опыта на дальнейшее развитие и функционирование человека является одной из наиболее актуальных. Травматический детский опыт, который в определенной степени есть практически у каждого, может оказывать негативное влияние на жизнь человека, а также приводить к развитию различных нервно-психических расстройств. Особый интерес в этой связи представляет пограничное расстройство личности (ПРЛ), все чаще диагностируемое, но ставящее многочисленные вопросы об этиопатогенетических факторах, прежде всего, психологического характера, лечении и профилактике этого расстройства.

Целью настоящего исследования являлось изучение особенностей детского травматического опыта у лиц с. Выборка исследования составила 90 человек: 44 пациента с диагностированным ПРЛ (F60.3. Эмоционально-неустойчивое расстройство личности, пограничный тип по МКБ-10) и 46 здоровых лиц. Методический аппарат включал полуструктурированное интервью, опросник детских травмирующих переживаний, опросник ранних дезадаптивных схем, опросник психологического благополучия, опросник актуальных чувств, скрининговая методика для диагностики ПРЛ.

Результаты исследования показали, что большинство пациентов с ПРЛ негативно отзываются о своем детстве, указывают на повышенную импульсивность, эмоциональную взрывчатость родителей, а также гиперопеку и гиперконтроль. Пациенты отмечают нехватку внимания со стороны взрослых, отсутствие надежного взрослого, вспоминают сильное чувство обиды, сопровождающее детский период. Более половины пациентов переживали регулярное физическое насилие со стороны взрослого и сексуализированное насилие в возрасте до 14 лет. Пациенты с ПРЛ в сравнении со здоровыми респондентами характеризуются достоверно более высоким общим уровнем травматизации, а также представленностью в детском опыте эмоционального, физического и сексуального насилия, эмоционального и физического пренебрежения, а также достоверно большей выраженностью большинства ряда ранних дезадаптивных схем («Покинутость/нестабильность», «Недоверие/ожидание жестокого обращения», «Зависимость/беспомощность», «Уязвимость» и др.). Выявлено, что общий уровень детской травматизации отрицательно взаимосвязан с показателем психического здоровья и положительно – с представленностью ряда ранних дезадаптивных схем. Построены две регрессионные модели: первая выявляет наиболее значимые предикторы принадлежности к группе лиц с ПРЛ (эмоциональное и физическое насилие, пережитое человеком в детстве, а также сформировавшиеся ранние дезадаптивные схемы, относящиеся к неудовлетворенным потребностям в надежной привязанности и реалистичных границах); вторая – наиболее значимые предикторы высокой выраженности признаков ПРЛ (высокий уровень травматизации, выраженность ряда ранних дезадаптивных схем, показатель интеллекта и выраженные чувства злости и раздражения).

Анализ результатов исследования позволяет предположить, что травмы насилия (активных действий со стороны взрослых) оказывают более существенное влияние на развитие ПРЛ, нежели травмы пренебрежения (неудовлетворение потребностей). Это может быть обусловлено тем, что активные действия нарушают базовое чувство безопасности и доверия к миру, формируя дезорганизованные формы привязанности и устойчивые дезадаптивные схемы межличностных и внутриличностных отношений.

Результаты проведенного исследования подчеркивают значимую роль детской травматизации в развитии личностной патологии, важность учета насильственного опыта при диагностике и психотерапии ПРЛ, а также необходимость раннего выявления, превенции и профилактики детского насилия как фактора риска развития пограничного расстройства личности.

Зиновьева М.Е., Сабельникова Е.А.
ФГБОУ ВО МГУ

Ершова Е.Э
ФГБОУ ВО СПбГУ

Козлова А.Ю.
ФГБОУ ВО КГУ

Анализ жизненных ценностей и стратегий совладания, актуализирующихся при напоминании о смерти

Страх смерти, групповая терапия, метод Гурджиева, экзистенциальная рефлексия

Введение. Страх смерти (танатофобия) – универсальный и глубоко табуированный феномен, влияющий на психологическое благополучие (Becker, 1973). Согласно теории управления страхом (Rosenblatt, 1989), осознание смертности порождает как дезадаптивные защиты (тревога, избегание), так и личностный рост (Ялом, 2021). Эмпирические данные (Duckitt, 2001) связывают страх смерти с верой в «опасный мир», что усиливает тревожность.

Современные исследования страха смерти анализируют реакции в активной позиции, где человек сохраняет иллюзию контроля. Однако остается неясным, какие скрытые страхи (экзистенциальные, межличностные, связанные с идентичностью) проявляются при переходе в пассивную позицию, где невозможны привычные действия и двусторонняя коммуникация. Например, в активной позиции защитные механизмы могут быть связаны с гиперфокусом на будущем и планировании, а в пассивной позиции («изоляция») – обнажаются базовые экзистенциальные конфликты (страх нереализованности, одиночества, потери смысла). Данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Цель исследования: изучение жизненных ценностей и стратегии совладания, актуализирующихся у молодых женщин при осознании собственной смертности в двух экспериментальных условиях: обычные условия (доступны все текущие ресурсы);. условия изоляции (ограниченная коммуникация, невозможность действия). Предполагалось, что в первом случае испытуемые изберут активные стратегии совладания, а во втором случае – откроется скрытый пласт

Метод. В исследовании приняло участие 15 женщин (18-30 лет), прошедших методику Гурджиева «Час до смерти» в двух вариантах: активном и пассивном. Активная позиция предполагала возможность представить, что респонденту доступны все реально доступные в данный момент действия. В пассивной позиции респондентов ограничивали коммуникацией лишь в одну сторону, пока они «летят в космическом корабле с запасом кислорода на один час». После сбора информации все респонденты совместно группировали результаты. Объект исследования: жизненные ценности и стратегии совладания. Предмет исследования: жизненные ценности и стратегии совладания, актуализирующиеся при напоминании о смерти.

Результаты. В активной версии методики респонденты демонстрировали пул стратегий, описывающихся координатами «принятие» – «борьба» и «мир» – «я».

Выделены: ценность передачи «последних слов» близким людям и ценность передачи наследия или идеи. В пассивной версии методики выделены те же ценности, что и в активной позиции, а также защиты в виде избегания и романтизации ситуации, обращение к богу и рефлексия итогов жизни. Отдельный акцент делался на стремлении иметь любой сенсорный опыт (касания и созерцание). Выводы. Исследование выявило, что при упоминании смерти выявляются ценности передачи последних слов и сохранения наследия, а в пассивной позиции актуализируются экзистенциальные страхи. Таким образом, подтверждена роль пассивного варианта техники Гурджиева, как катализатора глубинных переживаний.

1. Ялом И. Вопрос смерти и жизни / И. Ялом. – Москва : Эксмо, 2021 – 240 с.
2. Becker E. The denial of death / E. Becker. – New York : NY: Free Press, 1973 – pp. 336
3. Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice.

4. Advances in Experimental Social Psychology, 2001 – P. 41–113
5. Rosenblatt A., Greenber J., Solomon S., Pyszczynski T., Lyon D. Evidence for Terror
6. Management Theory: I. The Effects of Mortality Salience on Reactions to Those Who
7. Violate or Uphold Cultural Values // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989 – №. 4, 681-690. – P .681-690.

Розанов В.А., Шаболтас А.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Программы превенции суицидального поведения среди студенческой молодежи – поиск рациональных подходов и тактических решений

Суицидальное поведение, суициды среди студентов, стратегии превенции, вузовские программы превенции

Суициды среди студентов происходят в университетах во всем мире. Каждый новый трагический случай, особенно в кампусе, вызывает вопросы относительно причин и мотивов произошедшего, затрагивает все студенческое сообщество (через студенческие чаты), преподавательский состав, администрацию, родственников студентов и общество в целом, поскольку такие события быстро становятся достоянием СМИ. В результате на всех уровнях активизируются призывы повысить эффективность превентивных антисуицидальных мер. В то же время, эффективность используемых стратегий не оценена, а успешные тактические меры в различных вузах редко обсуждаются с позиций психологической науки и практики.

Мы проанализировали существующий отечественный и зарубежный опыт превентивных стратегий и практических мер по профилактике суицидального поведения среди обучающихся вузов с позиций их приемлемости и выполнимости, а также наметили пути повышения их эффективности. В рамках аналитического этапа исследования нами был проведен поиск соответствующих источников литературы в крупнейших отечественных и зарубежных издательских базах (PubMed, eLibrary), за последние 10 лет. Использовали только журнальные статьи и монографии. В итоге в анализ вошли 5 англоязычных мета-анализов, обобщающих результаты более 200 оригинальных исследований различного дизайна, и 17 отечественных источников, излагающих экспертные мнения специалистов относительно рациональных стратегий и тактических приемов превенции.

По итогам анализа можно отметить, что проблематика предупреждения суицидов среди студентов представлена в отечественной литературе намного слабее по сравнению с темой профилактики суицидов подростков в школах. В то же время, в количественном отношении суицидов среди студентов не уступают суицидам несовершеннолетних. Реализация программ превенции в вузах встречается с бóльшим числом организационных проблем и трудностей в силу специфики процесса обучения, а также в связи со значительно большей автономией студентов. В целом данная проблема не получает достаточного внимания со стороны психологов и социальных служб вузов. Реальных планомерных действий как со стороны системы высшего образования, так и со стороны системы здравоохранения, судя по сохраняющимся тенденциям и высокой распространенности суицидального поведения, недостаточно. В стратегическом плане чаще всего превенция суицидов в университетах строится по классическому принципу (первичная, вторичная и третичная), что предусматривает направленность на весь контингент, на выявляемые методами массового тестирования группы риска, а также на тех, кто проявляет себя (самоповреждения, жалобы на суицидальные мысли, суицидальная попытка). В ряде публикаций используется альтернативная концепция универсального и селективного подхода. Зарубежные источники в основном обсуждают эффективность стандартизованных протоколов (психотерапия, массовое информирование, тренинги для ответственных лиц и др.) с использованием приемов доказательности (РКИ). В отечественной литературе приводятся преимущественно примеры комплексных подходов и отдельных практик, эффективность которых оценить затруднительно. В отечественных публикациях основные надежды возлагаются на службы психологической помощи в вузах, на меры по продвижению навыков саморегуляции, поддержание психического здоровья и стрессоустойчивости. Анализ опыта различных вузов говорит о большом разнообразии тактических мер профилактики, которые нуждаются в обобщении, оценке эффективности и обсуждении.

Подводя итог, можно отметить, что в вопросах превенции суицидов среди студентов необходим сбалансированный подход, предусматривающий информирование о суицидах, укрепление антисуицидальных барьеров, привлечение самих студентов для организации взаимопомощи, усиление активности администрации, повышение доступности и эффективности внутривузовских психологических служб и улучшение взаимодействия с внешними помогающими ресурсам (здравоохранение, телефоны доверия, онлайн-системы и приложения).

Ершова Е.Э., Бриль М.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Переживание опыта близости к смерти у лиц, совершивших суицидальную попытку

Околосмертный опыт, суицидальная попытка, отношение к смерти, опыт близости к смерти

Жизнь и смерть – вечные темы, волнующие философов, ученых и художников. Каждый человек задумывается о смысле жизни, неизбежности смерти и возможности загробного существования. Эти размышления помогают понять свое место в мире, обрести цель и духовную гармонию (Макарова, 2014). Смерть – не только финал, но и часть жизни. Люди сталкиваются с утратами, болезнями, рисками, а пережитая близость к смерти оставляет отпечаток на жизни человека. Окрасом и яркостью этого отпечатка можно управлять. Опираясь на теорию управлением смысла и принятия смерти П. Вонга, переживания, связанные со смертью, способны улучшить качество жизни (Солдатова, Жукова, 2018).

Целью данного исследования является изучить особенности переживания опыта близости к смерти у лиц, совершивших суицидальную попытку. Гипотеза заключается в том, что переживание околосмертного опыта изменяет представление о смерти у лиц, совершивших суицидальную попытку. Дополнительная гипотеза – у лиц, совершивших суицидальную попытку, будет наблюдаться более положительное отношение к жизни.

Методы:

Выборку составили 10 человек. 5 из них– экспериментальная группа, 5 – контрольная группа. Респонденты не имеют тяжелых форм хронических соматических заболеваний, хронических психических расстройств. У контрольной группы нет суицидальных попыток в течение жизни, у экспериментальной есть. Выборку составили молодые люди от 18 до 30 лет включительно. Средний возраст респондентов – 21,6 лет.

Среднее число суицидальных попыток у экспериментальной группы – 1,6 попыток.

Методы сбора эмпирических данных:

1) Клиническая беседа (в рамках сбора анамнеза)
2) Структурированное интервью

Метод анализа данных:

3) Контент-анализ
4) Метод нарративного анализа жизненных историй «Золотая рыбка»

Метод транскрибации:

5) Перевод речи из устной в письменную

Этапы исследования:

6) Набор респондентов с помощью информационных технологий.
7) Проведение клинической беседы.
8) Проведение структурированного интервью.
9) Транскрибация полученных данных.
10) Анализ интервью с помощью нарративного анализа жизненных историй «Золотая рыбка».
11) Формулировка выводов и написание заключения.

Результаты. Большинство суицидальных попыток (75%) начались с пресса. Иными словами, суициденты находились в субъективно тяжёлой жизненной ситуации, что навело их на мысли о совершении попытки. В большинстве случаев (75%) намерением, то есть интенцией, необходимой для преодоления пресса, выступила суицидальная попытка – кульминация истории. Отношение к удовлетворению или неудовлетворению интенции разделилось (50%/50%), что затрудняет выводы о финале истории. Финал отражает удовлетворённость или неудовлетворённость совершённой либо несостоявшейся интенцией. Большинство респондентов (63%) встроили новые позитивные мысли в жизнь после попытки. Это отражает мораль истории, делящуюся на интеграцию и обесценивание. Обесценивание чаще наблюдалось при первых попытках у тех, кто совершал их неоднократно. Истории контрольной группы начинались как с пресса, так и с интенции (50%/50%). Они сталкивались с препятствиями и формировали намерения. Кульминации развивались в соответствии с началом – также 50/50. Большинство респондентов (75%) пессимистично оценили финал, что связано с внезапностью пресса. В то же время 75% участников вынесли нейтральные или положительные идеи, что отражено в морали истории.

Выводы. Исследование подтвердило гипотезу, однако реальную картину представить всё ещё трудно. Опыт близости к смерти глубокого многогранен и личен, что требует более тщательного изучения. Будущее работы – расширение исследования: наблюдение за изменениями отношения к смерти

у людей, совершивших попытку менее года назад, а также анализ опыта лиц, переживших экстремальные ситуации.

1. Макарова Ольга Александровна Сравнительный анализ отношения к смерти и посмертному состоянию в мировых религиях и иудаизме // Вестник КГУ. 2014 №2.
2. Солдатова Елена Леонидовна, Жукова Наталья Юрьевна Теоретический обзор современных зарубежных исследований отношения к смерти // Психология. Психофизиология. 2018 №3.

Лаская Д.А., Розанов В.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Семья студента как про- и антисуицидальный фактор (эмоционально-коммуникативный анализ)

Суицидальное поведение, студенческие суициды, семейный фактор, факторы суицидального риска, протективные факторы

Введение. Суицидальное поведение студентов является острой социальной и клинико-психологической проблемой, оказывающей влияние на все общество. Уровень суицидальных проявлений среди молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, остаётся высоким даже при наличии психологической помощи в вузах. Исследования подтверждают, что одним из ключевых факторов нарушений психологического здоровья является дисфункциональная семейная среда, при этом данных об особенностях эмоционального внутрисемейного климата и его роли в развитии суицидальности, или наоборот, в защите от суицида, недостаточно. Целью данного исследования стало изучение дифференцированных типов внутрисемейных эмоциональных взаимодействий как факторов риска суицидального поведения студентов, с одной стороны, и как факторов-протекторов, с другой.

Методы. Был проведен поперечно-срезовый анонимный онлайн-опрос среди студентов и аспирантов российских вузов (n=441). Для оценки выраженности суицидального риска использовалась методика SBQ-R (Osman A. и др.). В исследуемую выборку вошли: основная группа (ОГ, n=73) с высоким риском суицида и группа сравнения (ГС, n=87) без выявленного риска. Взаимоотношения с родителями оценивались с помощью авторской анкеты и методики «Стили эмоциональной коммуникации в семье» (А.Б. Холмогорова и др.). Сравнение групп осуществляли с использованием критерия $\chi 2$ Пирсона и U-критерия Манна-Уитни. Для оценки взаимосвязей между выраженностью суицидального риска и особенностями семейных коммуникаций использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. В общей выборке риск суицида выявлен у 62,13% студентов, доля студентов с очень высоким риском составила 16,55%. Студенты ОГ достоверно чаще оценивали отношения с родителями как недоверительные, лишённые эмоционального контакта, с преобладанием критики и давления. Особенно выражены различия по шкалам «родительская критика», «подавление эмоций», «внешнее благополучие» и «семейный перфекционизм». Более 60% студентов из ОГ заявили о страхе не оправдать ожидания родителей. В отличие от них, студенты из ГС в два-три раза чаще описывали свои взаимоотношения с родителями как тёплые, доверительные и поддерживающие. По шкале СЭК у 52,05% студентов из ОГ выявлен высокий уровень семейных дисфункций, в то время как в ГС доля таких студентов составила 10,34%. Наиболее сильную корреляцию с уровнем суицидального риска показали общий индекс семейной дисфункции (r=0,503), родительская критика (r=0,494), стремление скрывать проблемы за видимым благополучием (r=0,479) и запреты на выражение эмоций (r=0,440).

Выводы. Эмоционально-коммуникативный стиль семейных взаимодействий может выступать как мощный просуицидальный или антисуицидальный предиктор. Высокий уровень родительской критики, элиминирование эмоций, стремление скрывать проблемы за витриной внешнего благополучия, а также эмоциональное отчуждение формируют психоэмоциональную уязвимость к суицидальному поведению. Определенную роль в этом играет также семейный перфекционизм, индуцирующий сильное чувство вины в ситуациях академического или социального «провала». Поддержка, открытая коммуникация и принятие, напротив, являются протективными факторами. Семья, способная обеспечить психологическую безопасность, формирует устойчивость к стрессу, кризисам и неудачам, порождая веру в себя. В современных условиях важно не только развивать службы психологической помощи, но и разрабатывать профилактические программы, направленные на родительское просвещение и развитие позитивных внутрисемейных взаимодействий.

1. Osman A., Bagge C.L., Gutierrez P.M., et al. The Suicidal Behaviors Questionnaire-Revised (SBQ-R): validation with clinical and nonclinical samples. Assessment. 2001. 8(4). P. 443-454. doi: 10.1177/107319110100800409.

Шипитько О.Ю., Краснова Е.А.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Деструктивное информационно-психологическое воздействие в отношении вынужденных мигрантов

Деструктивное воздействие, вынужденные мигранты, отклоняющееся поведение, внушаемость

С учетом последних событий в мире, связанных с геополитическими конфликтами, количество вынужденных мигрантов возросло. Миграция привела к появлению новых вызовов, среди которых особо важным является деструктивное информационно-психологическое воздействие – целенаправленное или опосредованное влияние информации, нарушающее психологическую стабильность, искажающее картину реальности и стимулирующее дезадаптивное поведение (Лебедева, 2023). Все это подрывает психологическое состояние мигрантов и затрудняет их интеграцию в общество, что в будущем может привести к росту напряжения, а также к радикализации и появлению деструктивных идеологий.

Цель исследования – изучить особенности деструктивного информационно-психологического воздействия в отношении вынужденных мигрантов.

Дизайн исследования характеризуется принципиальными моментами. Так выборка участников состояла из двух групп: экспериментальная группа – вынужденные мигранты с территории ДНР и ЛНР, контрольная группа – население Ростовской области.

Методы: метод психодиагностического опроса, дескриптивный анализ, корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни.

Методики: «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А.Н. Орла, методика «Определение степени внушаемости» В.В. Деларю, С.В. Клаучек; «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева.

Результаты. Анализируя тенденции средних значений по шкале «Агрессия и насилие» отметим, что выражена склонность использовать унижение партнера по общению как средство стабилизации самооценки, что что может быть следствием опыта жизни в условиях вооруженного конфликта, где агрессия была частью повседневности. Тенденция к аддиктивному поведению указывает на стремление избежать травмирующей реальности через изменение психического состояния – это типичная реакция на хронический стресс и посттравматические переживания. Агрессия и аддикции могут выступать как компенсаторные механизмы, позволяющие временно снижать напряжение, но усугубляющие риски дезинтеграции. При этом, вынужденные мигранты с высоким самоконтролем реже проявляют агрессию или нарушают правила. Вероятнее всего, такой результат связан с тем, что кризисная ситуация, в которой находятся вынужденные мигранты, привела к усилению самоконтроля и поиску социально приемлемых стратегий совладания, чтобы быстрее и менее травматично адаптироваться к новым условиям жизни.

Было выявлено, что жители Ростовской области и вынужденные мигранты с территории ДНР и ЛНР обладают одинаковой степенью внушаемости. Ростовская область географически и культурно близка к Донбассу, а схожие условия жизни и одна информационная среда могут формировать одинаковую степень доверия к авторитетам и СМИ. Также внушаемость в данной выборке может быть адаптивной – мигранты, склонные прислушиваться к советам, демонстрируют более высокую осмысленность жизни и веру в свои силы. Высокий уровень волевого контроля, а также более выраженные смысложизненные ориентации в сочетании с выраженным аддиктивным и агрессивным поведением говорит о внутренней мобилизации личности в ответ на кризисную ситуацию, стремлении к самосохранению и саморегуляции, несмотря на объективно неблагоприятные условия. Таким образом, проживание в условиях кризиса и вынужденной миграции оказывает сложное, амбивалентное воздействие на личность: с одной стороны – способствует росту деструктивных форм поведения, а с другой – активизирует личностные ресурсы, такие как воля, осмысленность и готовность к принятию помощи.

1. Бовина И.Б. Деструктивное влияние социальных сетей на психику мигрантов // Психологический журнал. – 2021 – Т. 42 – № 4 – С. 45–58.
2. Зинченко Ю.П. Психология безопасности / Ю.П. Зинченко. – Москва: Юрайт, 2021 – 400 с.
3. Лебедева А.А. Информационные войны и миграционные кризисы // Социологические исследования. – 2023 – № 5 – С. 78–92.

Киселёва И.В.
ФГБОУ ВО ДонГУ

Последствия травматического стресса и жизненные условия студентов в зоне военного конфликта

Психотравмирующие события, травматический стресс, вынужденная изоляция, юношеский возраст

Адекватная и благополучная социальная среда жизненно необходима формирующейся личности в юношеском возрасте для решения нормативных психологических задач развития. Еще Л.И. Анцыферова писала о значимости труда, оцениваемого обществом, установлении положительных отношений со сверстниками, включении в общественную деятельность (Анцыферова, 2006). В зоне военного конфликта мы наблюдаем особенности социальных, образовательных и бытовых условий у юношей и девушек. При этом современные студенты проживают в таких условиях около десяти лет. Во-первых, это очевидные условия – близость военных действий (обстрелы, опасность для жизни, шум, новости о гибели людей). Во-вторых, условия менее очевидные – периоды вынужденной изоляции, отсутствие базовых бытовых удобств, период проживания в других регионах, переезды, переживание потери друзей.

Обучение у студентов в зоне военного конфликта на протяжении последних лет проходило в дистанционном формате. Следствием этого является тотальная неготовность усваивать материал, отсутствие мотивации, неготовность размышлять. Также мы сталкиваемся с нежеланием студентов выходить на улицу, приезжать на учебу, участвовать в мероприятиях и активностях, сидеть в аудитории.

Наше исследование направлено на изучение последствий травматического стресса во взаимосвязи с его характером, длительностью, наличием психопатологической симптоматики у лиц юношеского возраста (студентов), проживающих в зоне военного конфликта.

На данном этапе мы использовали методики:

- «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» SCL-90-R в адаптации Н.В. Тарабриной и др;
- «Опросник посттравматического стресса PCL-5» в адаптации Н.В. Тарабриной и др;
- «Методика LEC-5» в адаптации Н.В. Тарабриной и др, анкета о подверженности различным угрожающим жизни ситуациям в ходе боевых действий на территории ДНР.

В исследовании приняли участие 140 человек в возрасте 18-25 лет, из них – 48 юношей и 92 девушки. Все они проживают на прифронтовых территориях ДНР, гражданские лица, в настоящее время являются студентами различных учебных заведений. В результате мы выявили картину травмирующих событий у студентов. Анализ событий психотравматического характера, связанных с военными действиями в регионе, показал, что все респонденты сталкивались с ними в той или иной степени. Среди событий, которые респонденты считают самыми тяжелыми в жизни, преобладают ситуации артобстрела с угрозой для жизни (25,7%), описания смерти близких людей, в том числе вследствие боевых действий (17,8%), начало войны в 2014 году, нахождение в зоне военных действий (18,5%).

Были выявлены значимые различия в интенсивности психопатологической симптоматики среди студентов в зоне военного конфликта, имеющих выраженные симптомы посттравматического стрессового расстройства и без таковых.

Опираясь на исследования Н.В. Тарабриной, Н.Е. Харламенковой и других, мы считаем, что представление человека о реальности может меняться в зависимости от его личностной позиции. Угрожающий статус окружающего мира преодолевается устойчивостью и пластичностью мира внутреннего, благодаря чему возможно не только сохранение психологического благополучия, но и личностный рост (Тарабрина и др., 2017). Изучение роли ресурсов личности в последствиях травматизации является дальнейшей перспективой нашего исследования.

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», издание 2-е, испр. и доп., 2006
2. Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности // Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017

Слепова А.С., Круглова Н.Е., Александрова О.В.
ООО «Наше здоровье»

Психические состояния женщин, обратившихся за помощью в кризисный центр

Каждая эпоха диктует определенные вызовы, с которыми женщинам приходится сталкиваться не только во внешних реалиях современного мира, но и в семейной среде. Согласно исследованию, на 2022 год в 75% случаев от домашнего насилия страдают именно женщины [1]. Целью исследования стало выявление особенностей психических состояний женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В исследовании участвовало 24 женщины, обратившихся за помощью в СПб ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам». Средний возраст выборки составил 37,2 года. Для решения задач исследования, обследуемые были разделены на две группы в зависимости от наличия опыта переживания физического насилия в анамнезе по 12 человек в группе. Методы исследования – авторская анкета (Александрова О.В., Слепова А.С.). опросник «Самооценка эмоциональных состояний» А. Уэссмана и Д. Рикса; «Интегративный тест тревожности» А.П. Бизюка, Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева, «Шкала удовлетворенности условиями жизни» О.С. Копиной, «Семантический дифференциал жизненной ситуации» О.В. Александровой и И.Б. Дермановой. тест копинг-стратегий «Стратегии совладающего поведения», в адаптации Л.И. Вассермана и Е.А. Трифоновой;

Установлено, что женщины обеих групп оценивают свое эмоциональное состояние как нормальное, однако присутствуют показатели, снижающие степень эмоционального подъема: выраженное чувство тревоги, усталости и подавленности. Они отмечают чувство уверенности в себе и своих силах, решительность, твердость и самостоятельность. Данные проявления могут обосновываться тем, что женщины настроены на решение возникших трудностей, их самостоятельностью, а также работой с психологом и другими социальными работниками в Кризисном центре.

Анализ структуры тревожности у женщин, подвергавшиеся физическому насилию, показал, что они достоверно чаще беспокоятся за свое будущее, зачастую испытывая при этом трудности в формулировке источников своих страхов. Также для них характерна эмоциональная напряженность и отсутствие эмоционального равновесия в ответ на возникающие жизненные трудности. Как следствие высокого эмоционального напряжения, женщины, подвергавшиеся физическому насилию, испытывают усталость, вялость и слабость, что приводит к снижению ресурсов для совладания с жизненной ситуацией. При этом для них чаще характерны переживания относительно своего будущего и текущих проблем. Анализ когнитивных и эмоциональных компонентов субъективного восприятия жизненной ситуации показал, что женщины, которые подвергались физическому насилию, достоверно чаще склонны ощущать, что сложившиеся обстоятельства в текущей жизненной ситуации им неподконтрольны, чувствуют угрозу из-за сложившихся обстоятельств и оценивают ситуацию, как сложно преодолимую или непреодолимую вовсе.

Женщины, пережившие физическое насилие, и женщины без такого опыта склонны отрицать и игнорировать проблемы, занимать пассивную позицию в решении проблем. При этом связка ведущих копингов «Бегство-избегание» и «Поиск социальной поддержки» у женщин, столкнувшиеся с домашним насилием, может являться адаптивной, так как, чтобы выйти из данной трудной жизненной ситуации, они сбегают и обращаются за помощью к специалистам, что и является активными действиями для совладания с проблемной ситуацией. Установлено, что у женщин, переживших физическое насилие, преобладает чувство беспокойства и страха за свое будущее, сложившиеся обстоятельства жизни оцениваются ими как не контролируемые. Все женщины, обратившиеся в центр, в целом удовлетворены жилищными условиями, досугом, доступом к информации.

1. Щепельков В. Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // Криминалистъ. 2022. № 2 (39). С. 95–103.

Соболева А.Р.
ФГБОУ ВО КГМУ МЗ РФ

Личностные особенности волонтёров КГМУ, имеющих опыт переживания травмы

Актуальность. Волонтерская деятельность является проявлением альтруизма, социальной ответственности, а порой и настоящего героизма. Ведь волонтеры, стремясь сделать жизнь в обществе лучше и справляясь с трудными жизненными ситуациями, зачастую подвергают себя опасности и серьезному стрессу. Это требует от волонтеров не только самоотверженности, но и бескорыстности, ведь такая трудная работа не имеет материальной оплаты. Работа в зонах бедствий, помощь пострадавшим от катастроф, взаимодействие с жертвами насилия и конфликтов – всё это создает среду, насыщенную стрессорами и потенциально травмирующими факторами. Волонтеры, руководствуясь желанием помочь, оказываются непосредственно вовлеченными в события, которые могут вызвать у них глубокий шок, психоэмоциональную травматизацию и привести к развитию различных психических расстройств.

Цель исследования – изучить особенности взаимосвязи травматического опыта с индивидуальными особенностями студентов, занимающихся волонтерской деятельностью.

Материалы и методы исследования. В ходе исследования были применены библиографический метод, беседа, также были использованы психодиагностические методики и методы статистической обработки данных в программе STATISTICA. Стандартные опросники и тесты: «Международный опросник травмы», «Семантический дифференциал жизненной ситуации (СДЖС)», «Опросник эмоциональной дисрегуляции», «Шкала воспринимаемого стресса».

Результаты исследования. В ходе исследования личностных особенностей волонтеров при помощи вышеописанных методов было обследовано 43 участника. Ключевой целью исследования являлось выявление распространенности опыта переживания травмы среди волонтеров и анализ связи этого опыта с их личностными характеристиками. Результаты показали, что 56% обследованных волонтеров имели опыт переживания хотя бы одного травматического события в жизни. Анализ с помощью опросника «Шкала воспринимаемого стресса» выявил тенденцию к более высоким показателям воспринимаемого стресса у волонтеров с опытом травмы ($p<0,000176$), что свидетельствует о возможном влиянии пережитой травмы на формирование личностных качеств, способствующих волонтерской деятельности.

Вывод. Данное исследование показало, что опыт переживания травмы широко распространен среди волонтеров. Это подтвердило нашу поставленную гипотезу – волонтёры с высоким уровнем тревожности и низкой устойчивостью к стрессу более склонны к развитию ПТСР по сравнению с теми, кто обладает высокими уровнями эмоциональной устойчивости и адаптивности.

1. Котляров С. Н. «Солдатское сердце»: история военных синдромов // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. 2016. №2.
2. Солдаткин В.А. (ред.). Посттравматическое стрессовое расстройство. Ростов н/Д.: Ростовский государственный медицинский университет; 2015.

Леонова Ю.И., Костенко В.Ю.
НИУ ВШЭ

Систематический исследовательский обзор теоретических моделей семейной резилентности

Семейная резилентность, модели резилентности, PRISMA, систематический исследовательский обзор

Введение. Что позволяет семьям успешно справляться с трудными жизненными ситуациями, сопротивляться их воздействию и восстанавливаться после них? – это основной вопрос, через призму которого исследователи и практики разрабатывают подходы к пониманию семейной резилентности. Исследовательское поле данного феномена расширяется: по данным ресурса Lens.org за последние 35 лет было опубликовано более 36 тысяч статей, и с каждым годом количество публикаций только увеличивалось. Феномен рассматривается в разных контекстах, с применением различных парадигм. Семейная резилентность, в рамках одного из наиболее известных подходов, определяется как потенциал семьи как функциональной системы к преодолению и восстановлению после трудной жизненной ситуации, а также последующему развитию сильных сторон и расширению ресурсов (Walsh, 2016).

В работе представлены результаты изучения структуры исследовательского поля понятия семейной резилентности. Предмет исследования – психологические модели семейной резилентности. Основной задачей исследования стал сбор и анализ существующих моделей семейной резилентности, опубликованных в журналах с высоким импакт-фактором (Q1-Q2) с целью определения структуры исследовательского поля понятия семейной резилентности.

Методы. В качестве методологии была применена модель проведения систематических исследовательских обзоров PRISMA-ScR (Tricco и др., 2018). Для поиска литературных источников мы использовали базы данных Lens.org и Scopus.com. После начального отбора было произведено четыре этапа фильтрации, на выходе осталась 21 статья. Нами были кластеризованы библиометрические данные статей с помощью программы VosViewer, единицей анализа стали авторские ключевые слова, сгруппированные в 10 кластеров.

Результаты. Были выделены следующие кластеры: Психосоциальные аспекты семейной резилентности, Резилентность в детско-родительских отношениях, Резилентность семьи и адаптация, Резилентность семьи и онкологические заболевания, Резилентность семей и поддержка детей с инвалидностью, Резилентность детей при потере кормильца, Развитие и функционирование семейных систем, Резилентность семьи и функционирование в контексте хронической боли, Резилентность в семьях мигрантов и беженцев, Резилентность семьи в контексте этнической дискриминации.

Также был осуществлен анализ исторической траектории развития понятия семейной резилентности. Были выделены следующие закономерности: две трети моделей появились за последние 10 лет; раньше всех в литературе появились темы детей в ситуации потери родителей и психосоциальные аспекты семейной резилентности; позднее других появилась тема этнической дискриминации, связанная с повышением интереса к ней в рамках эпидемии COVID-19.

Выводы. Отмечается большая разнородность изучаемых контекстов в выделенных кластерах в отношении целевой аудитории и обстоятельств. Треть работ фокусируется сугубо на вопросах физического здоровья, половина направлена на определенную демографическую группу. Рост количества моделей отражает повышающийся интерес к данной теме, а фрагментарность исследовательского поля отражает необходимость в систематизации теоретических и эмпирических данных по теме семейной резилентности.

1. Tricco, A. C., Lillie, E., Zarin, W., O'Brien, K. K., Colquhoun, H., Levac, D., Moher, D., Peters, M. D. J., Horsley, T., Weeks, L., Hempel, S., Akl, E. A., Chang, C., McGowan, J., Stewart, L., Hartling, L., Aldcroft, A., Wilson, M. G., Garritty, C., … Straus, S. E. (2018). PRISMA Extension for Scoping Reviews (PRISMA-ScR): Checklist and Explanation. Annals of Internal Medicine, 169(7), 467–473. https://doi.org/10.7326/M18-0850
2. Walsh, F. (2016). Family resilience: A developmental systems framework. European Journal of Developmental Psychology, 13(3), 313–324. https://doi.org/10.1080/17405629.2016.1154035

Максименко Е.Г.
ФГБОУ ВО ДонГУ

Психодинамический подход в работе с психотравмой в условиях военного конфликта

Психотравма, активное социально-психологическое познание

Более десяти лет жители Донбасса переживают тяжелейшие эмоциональные потрясения, связанные с угрозой жизни, потерей близких, имущества, работы, вынужденным переселением и изменениями в жизненных ценностях. Целью нашего исследования является анализ опыта психологического сопровождения личности, пережившей психотравмирующее событие и определение наиболее эффективных стратегий психологической помощи.

Поиск адекватной методологии исследования глубинно-психологических аспектов психотравмы остается актуальной на протяжении многих десятилетий. Главной сложностью остается объект исследования – психика человека, прямое воздействие на который неизменно приводит к сопротивлению и защите. Подбор технологий и методов, позволяющих опосредованно, используя язык символов и метафор, пробуждать воспоминания, фантазировать на темы, раскрывающие особенности жизни и деятельности человека, обусловил использование в нашем исследовании психодинамического метода «Активное социально-психологическое познание» Т. С. Яценко (далее АСПП) (Яценко, 2002).

Метод АСПП предполагает выявление и анализ глубинных детерминант психотравмы субъекта посредством психоанализа с опорой на продукты творчества анализанта. Результативность обеспечивается комплексным характером метода, интегрирующим психоаналитическую и гуманистическую концепции, феноменологический подход, а также классические приемы и упражнения арттерапии. В рамках метода АСПП используются такие техники, как: групповая дискуссия, ролевая игра, невербальное взаимодействие, психодрама, неавторский рисунок, психоаналитическая работа с использованием предметных моделей из камней, теста, пластилина, коллажей и т. п. Особый эффект наблюдается при использовании комплекса тематических психорисунков, который состоит из более 40 тем (Яценко, 2000).

Опыт работы с пострадавшим населением позволяет отметить роль детских и подростковых переживаний травмирующего характера в формировании посттравматической реакции на военные события. Решение психотерапевтических задач обеспечивается через механизм положительной дезинтеграции и вторичной интеграции психики субъекта на более высоком уровне (Яценко, 2002). Процесс позитивной дезинтеграции у каждого человека индивидуален по времени и зависит от особенностей переживаемого травмирующего опыта. Индикаторами дезинтеграции являются определенные эмоциональные отклики анализанта, связанные с ослаблением конструкта системы психологической защиты. Интегративные процессы обусловлены особым гуманистическим отношением психотерапевта (холдингом), мягкой, пошаговой интерпретацией и обучением осознанному пониманию жизненных ситуаций.

Выводы. Методология психодинамического подхода в работе с психотравмой направлена на исследование и анализ капсулированных аффектов, следов вытесненных переживаний инфантильного порядка, энергия которых дает рецидивы в поведении путем действия защитных механизмов. При выборе методов работы необходимо учитывать, что психотравма определяет, прежде всего, особенности эмоциональной сферы (тревожность, агрессия, страхи, депрессия), отражается на рефлексивных способностях (проявление стереотипности, ригидности), а также на уровне поведения (конфликтность, крайняя интроверсия, отчуждение и др.).

1. Яценко Т.С., Кмит Я.М., Мошенская Л.В. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков (глубинно-психологический аспект). Москва: СИП РИА, 2000.
2. Яценко Т.С., Кмит Я.М., Алексеенко Б.Н. Активное социально-психологическое обучение: теория, процесс, практика: учеб. Пособие. Хмельницкий: НАПВУ; Москва: СИП РИА, 2002.

Шилова В.А.
СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

Бриль М.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности нравственного сознания подростков с агрессивным поведением

Индивидуальное нравственное сознание, агрессия, агрессивное поведение, подростковая психология

Несмотря на общий тренд снижения подростковой преступности в России (согласно МВД РФ), за последние 15 лет, проблема подросткового девиантного поведения, особенно – агрессивного поведения, сохраняет высокую научную и социальную значимость как в силу ужесточения ювенальных преступлений, так и в силу особой чувствительности подростков к флуктуациям норм в современном обществе [1,2]. Авторам исследования представилось важным изучить у подростков с агрессивным поведением и без него развитость уровней индивидуального нравственного сознания (ИНС): рационально-теоретического, эмоционально-чувственного (эксплицитного и имплицитного) и волевого.

Так, объектом исследования выступило агрессивное поведение подростков, а предметом – структура ИНС подростков, демонстрирующих такое поведение. Была выдвинута гипотеза о том, что группа подростков с реализацией агрессивного поведения, обладает низкой степенью сформированности эмоционально-чувственного и/или волевого уровня ИНС. Выборка составила 34 подростка (MD=14,82+-1,19), состоящих на учете в полиции по делам несовершеннолетних и внутришкольном учете. Исследование предполагало изучение личных карточек несовершеннолетних и интервью с использованием авторской методики с рисунками реализации агрессивного поведения, Модификации теста ST-IAT В.И. Доминяка [3] и Опросника волевых качеств личности М.В. Чумакова [4]. Полученные данные подверглись контент-анализу, а также сравнительному и дискриминантному анализам.

Сравнительный анализ указал на статистически достоверные различия в группах подростков с реализацией физической агрессии и без неё именно в развитости имплицитного (осознаваемого) компонента эмоционально-чувственного уровня ИНС (p=0,0048) и таких компонентов волевого уровня ИНС как Самостоятельность (p=0,048) и Выдержка (p=0,023). Кроме того, обнаружились достоверные различия в группах подростков с вербальной агрессией и без неё лишь по развитости имплицитного компонента эмоционально-чувственного уровня их ИНС (p=0,019). Отмечалась также дихотомия в понимании подростками допустимости причинения вреда: многие негативно относились к насилию «вообще», но в объяснениях допускали его в случае субъективной «необходимости» (дегуманизации жертвы, защиты личных границ и авторитета).

Проведенный далее дискриминантный анализ указал на наибольшую значимость для реализации физической агрессии подростком непонимание им недопустимости причинения вреда другому (рационально-теоретический уровень, R=-0,752), и недостаточную развитость волевых качеств (R=-0,466), а для реализации вербальной агрессии – также непонимание социальных норм (рационально-теоретический уровень, R=-0,736) и имплицитное одобрение вербального разрешения конфликта (эмоционально-чувственный уровень, R=0,682). Исследование видится перспективным для выстраивания модели ИНС, его комплексной диагностики и использования в профилактике асоциального поведения молодежи.

1. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Деструктивное и криминальное поведение подростков в современной России: основные тенденции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2022 № 12 С. 76-85. https://doi.org/10.23672/SAE.2022.43.26.001
2. Шилова В.А., Бриль М.С. Исследование уровней индивидуального нравственного сознания подростков с асоциальным поведением // АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 2025. С. 628
3. Доминяк В.И., Мараріца Л.В. Имплицитная диагностика ценностей личности //Сборник трудов конференции «Социально-экономические и психологические проблемы управления», Москва, 2013 С. 161-174.
4. Чумаков В.М. Эмоционально-волевая сфера личности подростков и ее диагностика // Вестник практической психологии образования. 2015 Т. 12, № 1. С. 83–86.

Бойко О.М., Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю.
ФГБНУ НЦПЗ

Цифровые технологии в диаде ребенок-близкий взрослый

Искусственный интеллект, чат-бот, детско-родительские взаимоотношения

Воспитание детей, даже в идеальных условиях, является стрессовым и сложным опытом. Цифровыетехнологии (в т.ч. чат-боты) могут использоваться в помощи родителям и детям. Сейчас апробируются приложения на основе чат-ботов. Появляются чат-боты, ориентированные на детско-родительское взаимодействие (Klapow, et al., 2024), например:

Parenting for Lifelong Health (PLH-YC) для родителей детей в возрасте от 2 до 9 лет.

Incredible Years – набор программ для родителей, учителей и детей, для развития эмоциональной и социальной компетентности, а также профилактики, уменьшения и лечения поведенческих и эмоциональных проблем у маленьких детей.

Triple P Parenting – практические навыки, которые помогут: развивать прочные, позитивные отношения с детьми; устанавливать ограничения и устанавливать эффективные семейные распорядки.

Child Interaction Therapy (PCIT) – улучшение отношений между ребенком и его воспитателем, обучение тому, как взаимодействовать с ребенком в позитивном и поддерживающем ключе, а также обучение ребенка новым навыкам и поведению.

Parent Management Training Oregon (PMTO) – улучшение родительских навыков и снижение проблем с поведением у детей, поощрение позитивного взаимодействия и предотвращение или снижение проблем с поведением.

Strengthening Families – укрепление семей, улучшение развития детей и снижение вероятности жестокого обращения с детьми и пренебрежения ими.

Безопасность детей в интернете

Gogo COPPAA – чат-бот для обеспечения онлайн-безопасности.

Protectbot – повышение безопасности в детских игровых онлайн-средах – выявление и смягчение потенциального сексуального хищнического поведения.

Диагностика нарушений развития и поведения (Faraz, et al., 2024)

Psico Bot – робот для психологической оценки детей и подростков (Santos de Lima, et al., 2024)

HelpBot: веб-чат-бот для борьбы с депрессией среди подростков

Соматические заболевания.

IMPACT (Interventions to improve Mental health supPort in families with children And young people with Chronic rheumaTological conditions) чат-бот для родителей и лиц, осуществляющих уход за детьми и молодыми людьми с ревматологическими заболеваниями.

Родители должны знать об ограничениях и последствиях использования чат-ботов детьми (Shychuk, et al., 2022):

- нет простого способа убедиться в правдивости информации
- проблема академической нечестности
- может усилить изоляцию ребенка
- проблемы с конфиденциальностью

Потенциальное негативное влияние чат-ботов. Современные дети самостоятельно общаются с чат-ботами, и легко могут обойти ограничения (например, на возраст), есть возможность обращаться к чат-ботам без регистрации на неофициальных сайтах. Известны случаи с подростками, когда чат-бот поощрял буллинг, самоубийство, агрессию, РПП.

Рекомендации для родителей:

- использование для помощи, а не для выполнения работы за детей.
- поощрять проявлять любопытство, задавать вопросы.
- напоминать, что иногда информация от чат-бота неверна.
- обсуждать конфиденциальность и безопасность.

1. Faraz A., Ahsan F., Mounsef J., Karamitsos I., Kanavos A. Enhancing Child Safety in Online Gaming: The Development and Application of Protectbot, an AI-Powered Chatbot Framework // Information. 2024. V. 15. №4. p. 233.
2. Klapow M.C., Rosenblatt A., Lachman J., Gardner F. The Feasibility and Acceptability of Using a Digital Conversational Agent (Chatbot) for Delivering Parenting Interventions: Systematic Review // JMIR Pediatr Parent. 2024. V. 7. N. p. e55726.
3. Santos de Lima E., Scortegagna S.A., Bertoletti de Marchi A.C. Psico Bot: a robot for psychological assessment of children and adolescents // Ciencias Psicológicas. 2024. V. 18. N 2.
4. Shychuk M., Joseph N., Thompson L.A. Social Media Use in Children and Adolescents // JAMA Pediatrics. 2022. V. 176. N 7. p. 730-730.

Злоказов К.В.
ФГКОУ ВО МВД РФ

Характеристика информационно-смыслового поля личности как индикатора риска криминализации

Криминальная психология, профилактика правонарушений несовершеннолетних, асоциальная направленность, асоциальная креативность

Введение. В современном мире информация становится метапотребностью, а инструменты и сервисы ее поиска, обработки и применения неотделимы от личности, являясь ее «аугментированной» частью в виде информационно-смыслового поля (далее – ИСП) [1]. Жизнедеятельность личности порождает ИСП, которое, в свою очередь, характеризует ее способности, возможности и направленность. Очевидно, что изучение ИСП расширяет возможности противодействию преступлениям, особенно у криминогенных лиц (ранее судимых и в силу психологических особенностей вновь склонных к совершению преступления). Однако непонимание закономерностей ИСП препятствует решению этой задачи. Поэтому целью исследования выступает характеристика ИСП неоднократно судимых лиц путем сопоставления с правопослушными лицами.

Методы. *Выборка (n=300, 100% – мужчины, ср.возраст=29,5 лет) разделена на две подгруппы:*

1. 150 неоднократно судимых мужчин, находящихся под административным надзором территориальных подразделений МВД России Свердловской и Омской областей, г.Санкт-Петербурга,
2. 150 лиц с правопослушным поведением и схожими социально-демографическими характеристиками.

Методы исследования:

- сбор информации с помощью авторской методики «Характеристики информационно-смыслового поля личности» (9 пунктов с интервальной дихотомической шкалой ответа обобщены в 3 показателя – получение, обработка и применения информации),
- анализ характеристик ИСП в выборках с помощью непараметрического критерия сравнения Манна-Уитни. Процедура – индивидуальный опрос выборки с предварительным информированием.

Результаты. Выявлены особенности получения и обработки информации неоднократно судимыми лицами, статистически значимо отличающиеся от правопослушных лиц. Различия определены в получении информации (U-крит., $p<0,001$, Shapiro-Wilk's Wсудим.=0,972, $p<0,001$ и Wправопосл.=0,969, $p<0,05$), ее обработки (U-крит., $p<0,001$, Shapiro-Wilk's Wсудим.=0,978, $p<0,001$ и Wправопосл.=0,948, $p=0,002$). Установлено, что неоднократно судимые лица демонстрируют худшие способности к получению информации, чем правопослушные. Объем информации недостаточен, ее скорость очень медленна, а источники одинаковы. Вдобавок, судимым свойственны трудности обработки информации – она остается непонятной, а новые сведения зачастую не согласуются с уже известными. Выводы. Эмпирические факты указывают, что в схожих с правопослушными лицами условиях жизнедеятельности (по критерию регламентации и возможностям доступа к информации) ранее судимые лица характеризуются трудностями в получении сведений необходимых им для социального функционирования, проблемами в их обработке. В отличие от правопослушных лиц, их ИСП обеднена актуальными и достоверными сведениями, к тому же неясными и противоречащими их представлениям. Эта особенность свидетельствует о проблеме реинтеграции в общество после освобождения из мест лишения свободы и, с учетом значения информации для жизнедеятельности современного человека, является индикатором риска рецидива преступления.

1. Злоказов, К.В. Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности / К. В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.2023. № 3(99). С. 218-226.
2. Кудрявцев, В.Т., Злоказов, К.В., Ениколопов, С.Н., Мешкова, Н.В., Рыбакова, М.А. Феномен информационно-смыслового поля с позиций культурно-исторического подхода. Cultural-Historical Psychology. 2025. 21(2). P. 73-87.

Новоселова Е.С., Забелина Е.В.
ФГБОУ ВО ЧелГУ

Отношение ко времени у осужденных за корыстные преступления: гендерный аспект

Гендерные различия, отношение ко времени, осужденные, корыстные преступления, ресоциализация заключенных

Отношение ко времени является психологическим маркером личностного благополучия (Нестик, 2015), особенно в условиях трудных жизненных ситуаций, таких как лишение свободы. Цель исследования – изучение гендерных различий в отношении к прошлому, настоящему и будущему у осуждённых за корыстные преступления.

Корыстные преступления, такие как кражи, мошенничество, демонстрируют заметный рост в последние годы, как среди мужчин, так и среди женщин (Качалов, Токарева, 2025). Мужчины, совершающие корыстные преступления, чаще мотивированы высокой материальной немедленной выгодой (Антонян, 1989). У женщин, которые вовлечены в подобные правонарушения, чаще наблюдаются эмоциональные и социальные мотивы, например, финансовая нестабильность или социальное давление (Антонян, 1989; Биндасова, 2022).

В качестве основной методики, используемой в работе, выступила «Шкала аттитюдов ко времени» Ж. Нюттена (адаптация К. Муздыбаева). Она предназначена для исследования типов аттитюдов к различным временным зонам (прошлому, настоящему, будущему).

Базой исследования стало ГУФСИН России по Челябинской области. Всего в исследовании участвовали 346 осужденных. За корыстные преступления были осуждены 161 человек в возрасте от 19 до 64 лет, из них 101 мужчина и 60 женщин.

С целью сравнения гендерных аспектов отношения ко времени у осужденных за корыстные преступления, был проведен анализ с помощью Т-критерия Стьюдента.

Большинство различий обнаружено по показателям отношения к прошлому и будущему. В целом женщины, осуждённые за корыстные преступления, более позитивно относятся к своему прошлому, чем мужчины, совершившие аналогичные правонарушения. Женщины воспринимают прошлое как более насыщенное событиями ($p=0,01$), более безопасное ($p=0,01$), прекрасное ($p=0,024$), исполненное надежд ($p=0,018$), легкое ($p=0,009$), успешное ($p=0,003$), активное ($p=0,07$) и управляемое ($p=0,055$). Возможно, что женщины, совершающие преступления в экономической сфере, имеют менее травматичный опыт, чем мужчины. Они идут на нарушение закона для поддержания красивого образа жизни «легкими» способами, не в полной мере осознавая тяжесть последствий, которых нет у них в опыте (Биндасова, 2022). Можно предположить, что мужчины, напротив, совершают корыстные преступления для того, чтобы скомпенсировать трудное прошлое, выйти на другой финансовый уровень жизни (Антонян, 1989).

Женщины в заключении воспринимают настоящее так же более позитивно, чем мужчины. Для них оно более насыщено событиями ($p=0,011$), более безопасно ($p=0,005$), менее ужасно ($p=0,022$) и более контролируемо ($p=0,058$). Этот результат может свидетельствовать о том, что женщины более адаптированы к условиям заключения и представляют меньшую группу риска.

Зафиксированы значимые различия в отношении к будущему у мужчин и женщин, осуждённым за корыстные преступления, практически по всем диагностируемым показателям. Женщины воспринимают события будущего как более приятные ($p=0,000$), насыщенные ($p=0,000$), безопасные ($p=0,015$), прекрасные ($p=0,001$), исполненные надежд ($p=0,002$), успешные ($p=0,057$), интересные ($p=0,001$), значительные ($p=0,000$), светлые ($p=0,000$), свободные ($p=0,000$), осмысленные ($p=0,000$), активные ($p=0,000$) и управляемые ($p=0,000$). Можно говорить о более позитивной перспективе будущего у женщин, находящихся в заключении, по сравнению с мужчинами. Это позволяет ожидать более сильных эффектов от реабилитационной программы у женщин и актуализирует необходимость работы с образом будущего в мужских колониях.

Выявленные гендерные различия отношения ко времени могут быть рассмотрены с точки зрения стратегий совладения со стрессом в кризисных ситуациях, а также сквозь призму гендерной социализации.

1. Антонян Ю.М. Личность корыстного преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989 168 с.
2. Биндасова О.В. Гендерные различия в просоциальных тенденциях личности осужденных за убийство // Журнал БГУ. Философия. Психология. 2022 № 3 С. 95–100.
3. Качалов В.Ю., Токарева Ю.А. Социология преступности: криминологические аспекты // Издательский дом «Среда». URL: https://phsreda.com (дата обращения: 17.06.2025).
4. Нестик Т. А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени : дис. … д-ра психол. наук : 19.00.05 / Нестик Тимофей Александрович. – М., 2015 – 479 с.

Чернышева Е.В.
ФГАОУ ВО УрФУ

Личностные особенности подростков – участников кибербуллинга

Введение. Интеграция Интернет-технологий в жизнь человека сопряжена с возникновением ряда проблем. Ситуации кибербуллинга являются повседневным опытом для современных школьников в возрасте от 11 до 16 лет (Хломов и др., 2019). Кибербуллинг имеет ролевую структуру, включающую жертв, агрессоров, защитников жертв, помощников агрессоров и пассивных наблюдателей. Участники кибербуллинга могут быть в разных ролевых позициях, переходя из роли, например, агрессора в роль жертвы или наблюдателя и наоборот. Данные по изучению особенностей личности участников кибербуллинга остаются противоречивыми. Цель нашего исследования: определить личностные особенности подростков, занимающих различные позиции в структуре кибербуллинга. Методы и процедура исследования. В исследовании приняли участие 110 респондентов в возрасте 15-17 лет, обучающиеся в общеобразовательных учреждениях.

Полученные данные анализировались с применением методов математико-статистической обработки данных – корреляционный анализ Спирмена, сравнительный анализ U-критерия Манна-Уитни и критерий Краскела-Уоллиса. Для выявления опыта включенности в ситуацию кибербуллинга подростков использовалась анкета из 28 утверждений, при составлении которой за основу брался русскоязычный аналог (Hinduja, 2010).

В зависимости от количества набранных баллов в анкете, определялась позиция в структуре кибербуллинга: жертва, агрессор, свидетель, отсутствие кибербуллинга. Пятифакторный личностный опросник («Большая пятерка», Р. МакКрае, П. Коста, адаптация А. Б. Хромова) использовался для изучения личностных особенностей участников кибербуллинга на основании пяти переменных (Хромов, 2010). Для исследования уровня агрессии использовался «Опросник исследования агрессии» А. Басса и А. Дарки в русской стандартизации А. А. Хвана, Ю. А. Зайцева и Ю. А. Кузнецовой. Для исследования самооценки и уровня притязаний была использована методика Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан. Согласно занимаемой позиции, испытуемые были распределены по группам.

Результаты. В группе респондентов без опыта кибербуллинга больше половины испытуемых имеют низкий уровень показателя физической агрессии, повышенный уровень показателя обиды и подозрительности. Уровень экстраверсии у испытуемых с позицией жертвы кибербуллинга – низкий. Подростки не любят компании и коллективные мероприятия, имеют узкий круг общения, больше ориентируются на собственные желания и принципы, чем других людей, а также обладают достаточно ровным, немного сниженным эмоциональным фоном.

В группах испытуемых без опыта участия в кибербуллинге, «наблюдателей» и «жертв» преобладает высокий уровень доброжелательности. Подростки отзывчивы и доброжелательны, дружелюбно и тактично относятся к окружающим. Уровень нейротизма выше в группе испытуемых в роли жертвы. Роль наблюдателя кибербуллинга связана с показателями косвенной агрессии (r = 0,321**), подозрительностью (r = 0,200*), негативизмом (r = 0,202*). Позиция жертвы связана с повышением показателей раздражения (r = 0,230*), обиды (r = 0,287**), нейротизма (r = 0,263**). Позиция агрессора кибербуллинга связана с повышением показателей физической агрессией (r = 0,403**), негативизмом (r = 0,242*), вербальной агрессией (r = 0,393**).

Выводы. Результаты подтверждают наличие различий в личностных характеристиках у подростков, занимающих неодинаковые позиции в кибербуллинге. Наиболее распространенной ролью является роль наблюдателя. Группы испытуемых с различными доминирующими ролями в кибербуллинге имеют отличия в уровнях проявлении агрессии, нейротизма, экстраверсии, доброжелательности, самооценки. Испытуемые без опыта участия в кибербуллинге имеют более высокую самооценку, чем испытуемые в роли жертвы, а также более высокий уровень доброжелательности, чем агрессоры. Кибербуллинг привлекает к себе внимание и охватывает жизнь современных подростков своими особенностями: анонимность, непрерывность, мгновенное распространение, множество возможных свидетелей и т.д. Профилактика и борьба с кибербуллингом необходима для обеспечения безопасной и здоровой онлайн-среды (Волчецкая и др., 2021). Предотвращение и противодействие кибербуллингу – многоаспектная задача, требующая скоординированных усилий со стороны государства, общества, образовательных учреждений и родителей.

1. Волчецкая Т. С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т. С. Волчецкая, М. В. Авакьян, Е. В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, – № 5. – С. 578–591.
2. Хломов К. Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К. Д. Хломов, Д. Г. Давыдов, А. А. Бочавер // Психология и право. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 276–295.

3. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие / А. Б. Хромов. – Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. – 23 с.
4. Шипова Л. В. Методы психологической диагностики агрессии и агрессивности школьников: учебно-методическое пособие / Л. В. Шипова; – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2016. – 56 с.
5. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide / S. Hinduja, J.W. Patchin // Archives of Suicide Research. – 2010. – Vol. 14, No 3. – P. 206–221.

Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Ностальгия, психологическое благополучие и тревожность в ситуации вынужденной изоляции

Ностальгия, психологическое благополучие, социальная изоляция

В ряде исследований подчеркивается негативный эффект социальной изоляции (СИ) в местах лишения свободы (МЛС), включая ауто-и гетероагрессию (Пирожков В.Ф., 2012; Van den Berg C. et al. 2017). Снижение негативного вклада СИ в МЛС возможно за счет наращивания психологических ресурсов для поддержания жизнестойкости в кризисной и стрессовой ситуации. Таким ресурсом может стать ностальгия. Рядом исследований показан ее позитивный эффект (Kersten M. et al., 2016; Biskas M. et al., 2019; Kelley N.J. et al., 2022). Поскольку ностальгия в МЛС не исследовались в отечественных работах, ее изучение стало целью настоящей работы.

Выборка: 176 человек 18-67 лет, находящиеся в МЛС: 75 мужчин (M=40.02, SD=9.71) и 101 женщина (M=34.95, SD=9.41). Исследование одобрено ЭК СПбПО (протокол от 06.07.2024 №24; продление – 11.07.2024 №33). Критерии включения: заключение в МЛС; возраст от 18 лет; добровольное согласие; способность понимать инструкции, владение русским языком.

Результаты: 1) ностальгический опыт (анкеты «Склонность к ностальгии» (Routledge et.al.) и «Содержание ностальгии» (пилотный вариант группы проекта): у женщин важность и ценность переживания ностальгии выше, чем у мужчин (Cohen's d=0.62, p<0.000), женщины чаще мужчин предаются ностальгическим воспоминаниям (Cohen's d=0.59, p<0.000) и связывают их с переживанием грусти (φ=0.358, p<0.01) и звуками, напоминающими прошлое (φ=0.358, p<0.000). В воспоминаниях женщин чаще присутствуют друзья (φ=0.219, p<0.01) и домашние животные (φ=0.347, p<0.000), триггерами выступают пространственные (φ=0.158, p<0.05), визуальные (φ=0.188, p<0.05) и осязательные образы (φ=0.245, p<0.001);

2) психологическое благополучие (WHO5, Topp C.W. et al., 2015; методика диагностики субъективного благополучия, Р.М. Шамионов, Т.В. Бесковой, 2018): женщины характеризуются более высоким уровнем субъективного благополучия (U=2452.5, p<0.000), выше и их социально-нормативное благополучие (U=2450.0, p<0.000);

3) тревожность и симптомы кризиса (GAD, Spitzer R.L. et al., 2006, адапт. А.А. Золотаревой, 2023; методика диагностики симптомов кризиса, Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова, 2013): не выявлено выраженных симптомов (согласно нормативным данным) кризиса и значимых различий, уровень тревожности женщин выше уровня тревожности мужчин (U=2876.0, p<0.01);

4) корреляционный анализ Спирмена, шкала Чеддока для оценки силы связи показали статистически значимую умеренную взаимосвязь ценности ностальгии (rs=.324, p<.01) и частоты ностальгических воспоминаний (rs=.323, p<.01) с субъективным благополучием у мужчин. Статистически значимая умеренная взаимосвязь частоты ностальгических воспоминаний – с благополучием (rs=.371, p<.01), раздражительностью и конфликтностью (rs=.332, p<.01) – у женщин.

Вероятно, ностальгия может выступать адаптационным ресурсом личности, что требует дальнейшей проверки.

1. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Ось-89. 2012. 704 с
2. Biskas M., Cheung W. Y., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T., Hepper E. A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism. Cognition and Emotion. 2019. 33(3). P. 417-427
3. Kelley N.J., Davis W.E., Jianning D. et al. Nostalgia confers psychological wellbeing by increasing authenticity. Journal of Experimental Social Psychology. 2022. DOI: 10.1016/j.jesp.2022.104379
4. Kersten M., Cathy R. C., Van Enkevort E.A. An exercise in nostalgia: Nostalgia promotes health optimism and physical activity, Psychology & Health. 2016. 31:10. P. 1166-1181, DOI:10.1080/08870446.2016.1185524
5. Van den Berg C., Beijersbergen K., Nieuwbeerta P., Dirkzwager A. Sex Offenders in Prison: Are They Socially Isolated? Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2017. P. 1–18. DOI: 10.1177/1079063217700884

Азарова Н.В., Хавыло А.В., Енгалычев В.Ф.
КГУ им. К.Э. Циолковского

Анализ мимики в условиях контролируемого искажения информации

Мимическая активность, психология безопасности, юридическая психология, FaceReader

Анализ мимики представляет собой одно из наиболее перспективных направлений связанных с диагностикой психологических состояний. Технологии автоматического распознавания экспрессии активно применяются в профайлинге, биометрической аутентификации, маркетинговой аналитике, Web3-среде, а также в психофизиологических исследованиях, включая экспертизу достоверности высказываний (Азарова, Енгалычев, Хавыло, 2025). Особую актуальность данный подход приобретает в контексте юридической психологии и психологии безопасности.

Экспериментальное исследование проводилось на базе научно-исследовательской лаборатории информационно-психологической безопасности КГУ им. К.Э. Циолковского. Выборка состояла из студентов с 1 по 5 курс, а также магистрантов и аспирантов в количестве 52 человек.

Целью эксперимента являлось выявление мимических и поведенческих маркеров, отличающих ситуации произнесения лжи от правдивых высказываний.

В качестве методов использовался программный комплекс PsychoPy и система автоматического анализа мимики Noldus FaceReader, а также собственный скрипт Python для обработки полученных данных.

Стимульный материал состоял из 30 вопросов, классифицированных по цветовой маркировке: черные стимулы требовали правдивого ответа, стимулы красного цвета предполагали искажение информации. Инструкции предъявлялись в интерактивной форме через интерфейс PsychoPy, момент начала обследования фиксировался по нажатию клавиши «пробел» участником.

Видеоматериалы обследований обработаны в программном комплексе Noldus FaceReader, обеспечивающем автоматическое распознавание выраженности базовых эмоций: радость, грусть, гнев, удивление, страх, отвращение, презрение (Ekman, Friesen, 2020). Полученные данные – мимические параметры, цвет стимула, текст вопроса, ответ и время реакции – объединены в единый датасет с помощью созданного скрипта в Python.

Для выявления значимых эмоциональных и поведенческих предикторов лжи применена биномиальная логистическая регрессия. Единицей анализа являлись краткие временные интервалы, в течение которых автоматически регистрировалась мимическая активность с высокой временной точностью с использованием системы FaceReader. Зависимой переменной являлся тип стимула (ложь – red, правда – black). Предикторами выступили показатели выраженности эмоций и время реакции. Наиболее значимыми предикторами лжи оказались: счастье, грусть, страх и отвращение.

Время реакции оказалось значимым поведенческим фактором ($p < .001$), указывая на возможное увеличение когнитивной нагрузки при необходимости лгать.

Общая точность модели биномиальной логистической регрессии составила 64.8%, что отражает долю правильно классифицированных наблюдений от общего числа случаев. В 67% случаев модель корректно определяла стимулы, связанные с ложью. Специфичность составила 63.4%, что указывает на долю правильно распознанных правдивых высказываний.

Полученные результаты демонтируют способность к выявлению как ложных, так и правдивых ответов, что подтверждает практическую значимость использования автоматизированного анализа мимических экспрессий в задачах верификации достоверности информации.

Важно отметить, что настоящее исследование носит пилотажный характер, исследовалось наличие эффекта, а также оценка применимости инструментов анализа мимики в условиях контролируемого искажения информации. Одним из ключевых вызовов, выявленных в ходе анализа полученных данных, стала проблема агрегирования мимических данных по стимулам. Эмоциональные реакции могут проявляться на уровне десятых долей секунды, и их усреднение по всему временному окну ответа может привести к сглаживанию кратковременных, но значимых эффектов.

1. Азарова Н. В., Енгалычев В. Ф., Хавыло А. В. Современные технологии анализа мимической активности как инструмент оценки достоверности показаний жертвы и обвиняемого // Виктимология. 2025. Т. 12, №1. С. 98–110.
2. Ekman, P., Friesen, W. V. Facial Action Coding System (FACS): A technique for the measurement of facial movement. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 2020. 405 p.

Золкина М.А., Арбузова Е.Н.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности детско-родительских отношений в семьях, находящихся в процессе развода

Детско-родительские отношения, развод, конфликт, судебная экспертиза

Введение. Развод как кризисная ситуация затрагивает все аспекты семейной систем, часто сопровождаясь конфликтами и эмоциональным напряжением (Kelly J.B., 2000). Исследование детско-родительских отношений приобретает особую значимость, поскольку от их характера зависит адаптация ребенка (Русаковская О.А. и др., 2011). Целью исследования явилось выявление специфики детско-родительских отношений в семьях, находящихся в процессе развода.

В исследовании приняли участие 30 семей (60 родителей и 41 ребенок), находящихся в процессе судебных разбирательств. В качестве основного материала анализировались данные 30 судебно-психологических экспертиз с помощью таких методов, как биографический метод, контент-анализ и качественный анализ.

Полученные результаты. С помощью качественного анализа данных на первом этапе исследования были уточнены критерии оценки особенностей детско-родительских отношений: наличие психических расстройств у родителей и их личностные черты, склонность к девиантному поведению; уровень психического развития и наличие психических расстройств у ребенка; эмоциональная близость и привязанность, родительское отношение к ребенку, вовлеченность родителя в жизнь ребенка, готовность учитывать мнение и потребности ребенка, наличие жестокого обращения, система требований к ребенку, отношение ребенка к родителям; степень конфликтности, наличие индуцированного негативного отношения к одному из родителей.

Анализ перечисленных критериев показал, что в 50% семей наблюдается высокий или максимальный уровень конфликта. Только в 16,7% (n=5) случаев конфликт можно было охарактеризовать как минимальный. Признаки индуцирования зафиксированы в 63,3% семей (n=19), причем у матерей эффективность воздействия была выше (66,7%), чем у отцов (54,6%). У 39% детей (n=16) обнаружены эмоциональные и поведенческие нарушения. В 60% семей дети имели амбивалентное отношение к одному или обоим родителям. Большая эмоциональная привязанность чаще наблюдалась к матери (80,5%), чем к отцу (65,9%). У 70% матерей и 50% отцов наблюдалась высокая вовлеченность в жизнь ребенка, при этом у 20% родителей отсутствовала готовность учитывать потребности ребенка.

Далее с целью анализа взаимосвязей индивидуально-психологических особенностей ребенка с рядом критериальных показателей был использован корреляционный анализ (tay-b Кендалла). Максимальное влияние ($p \leq 0,01$) на ребенка оказывают следующие показатели: уровень конфликтности в семье, психические расстройства у матери, личностные черты и вовлеченность матери в жизнь ребенка, количество детей в семье. Также значимыми ($p \leq 0,05$) оказались наличие индуцирования со стороны отца, родительское отношение матери, склонность к девиантому поведению у родителей и наличие жесткого обращения.

Выводы. Исследование позволило подтвердить, что на психологическое состояние и уровень развития детей, отношение к матери влияет не столько факт развода, сколько характер взаимодействия членов семьи, а также эмоциональное состояние родителей. Выявлена взаимосвязь эмоциональной включенности и вовлеченности в жизнь ребенка, последовательности родительского поведения, индивидуально-психологических особенностей родителей на уровень развития и индивидуально-психологические особенности ребенка.

1. Русаковская О. А., Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К. Психологическая адаптация детей после развода родителей в зарубежных исследованиях (аналитический обзор) //Российский психиатрический журнал. – 2011. – №. 1. – С. 36-45.
2. Kelly J. B. Children's adjustment in conflicted marriage and divorce: A decade review of research // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – 2000. – Т. 39. – №. 8. – С. 963-973. https://doi.org/10.1097/00004583-200008000-00007

Дубовских Ю.В., Чикер В.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические характеристики ситуаций утраты доверия в супружеских отношениях

Ситуации утраты доверия, восстановление доверия, супружеские отношения

Введение: Доверие в супружеских отношениях является важнейшим фактором удовлетворенности ими (Дубовских, Чикер, Почебут, 2024). Его потеря приводит к кризису вплоть до разрушения отношений. Восстановление доверия – процесс, который возвращает нарушенное доверие к прежнему или близкому к нему уровню. Восстановление доверия важно с точки зрения сохранения семьи как традиционной ценности. В исследованиях супружеских отношений потеря доверия изучается в основном в контексте измен. Однако, мы убеждены, что неверностью не исчерпываются ситуации, приводящие к потере доверия. Доверие в супружеских отношениях может быть утрачено в следующих сферах: доверие к оказанию эмоциональной и другой поддержки в жизненных трудностях, доверие в сфере общих финансов, доверие к соблюдению границ личного и конфиденциального, доверие к верности (Giacobbi, Lalot, 2024).

Согласно J.G. Holmes и M. J. Rempel, доверие состоит из трех компонентов:

1) степени предсказуемости поведения партнера,

2) предположении о том, что партнер будет заботиться о благополучии и поддержит в случае необходимости,

3) уверенности в постоянстве партнера и отношений.

Следовательно, ситуации, противоречащие таким ожиданиям, будут приводить к потере доверия. В соответствии с теорией нарушения ожиданий J. K. Burgoon, люди склонны реагировать на отклонения от социальных норм, ожиданий и установленных правил. Разное представление о нормах – правилах, регулирующих поведение партнёров, их роли, установки и ожидания в рамках совместной жизни, могут являться причиной потери доверия (Sakaluk et al., 2019).

Целью работы является изучение особенностей и характеристик ситуаций утраты доверия в супружеских отношениях. Гипотезы исследования: – существуют половозрастные отличия в отношении к ситуациям нарушения доверия, – для ситуаций измены единодушие (согласованность) в их допустимости выше, – на основании списка актуальных ситуаций могут быть выделены существенные факторы утраты доверия.

Методы: Методика исследования представляет собой авторский опросник из 66 пунктов, описывающих ситуации поведения мужчин и женщин в близких отношениях, связанных с доверием. Респонденты оценивали по 10-ти балльной шкале степень допустимости описанного поведения, связанного с доверием. В исследовании приняли участие 53 человека в возрасте от 20 до 50 лет, 19 мужчин и 34 женщины.

Результаты: Гипотеза о половозрастных различиях подтвердилась частично. Обнаружено, что мужчины относятся более терпимо, чем женщины к ситуациям нарушений в семейных отношениях ($U=214$, $p=0{,}044$). Различий в зависимости от возраста выявлено не было. Вторая гипотеза подтвердилась: отношение к различным ситуациям утраты доверия варьируется по степени согласованности оценок, она выше в ситуациях измены. Гипотеза о возможности выделения факторов утраты доверия подтвердилась: факторный анализ выявил устойчивую структуру с 5 содержательными факторами, объясняющими свыше 50% общей дисперсии. Выводы: Утрата доверия в семейных отношениях не исчерпывается ситуациями измены, а несёт в себе большую психологическую нагрузку, связанную с широким социальным контекстом поведения партнеров.

1. Дубовских Ю.В., Почебут Л.Г., Чикер В.А. Взаимосвязь доверия с удовлетворенностью семейными отношениями // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2024. № 1(33). Т. 9. С. 125-147.
2. Giacobbi M., Lalot F. Unpacking trust repair in couples: A systematic literature review// Journal of Family Therapy. 2024. Vol.47(1) e12483 https://doi.org/10.1111/1467-6427.12483
3. Sakaluk J. K., Biernat M., Le B. M., Lundy S., Impett, E. A. On the strength of ties that bind: Measuring the strength of norms in romantic relationships// Journal of Social and Personal Relationships. 2019. Vol. 37 (3). P. 906-931. https://doi.org/10.1177/0265407519881748

Орел А.Д., Иванов М.Ю.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологическое благополучие ребенка при психологическом сопровождении бракоразводного процесса

Дети, бракоразводный процесс, психологическое сопровождение, ранняя помощь семье и ребенку

Введение: в последние годы по всему миру растет число разводов, что приводит к разрушению внутрисемейной коммуникации. Для детей развод родителей может стать травматичным опытом, влияющим на психоэмоциональное развитие. Нарушение целостности семейной системы может сопровождаться нарушениями привязанности, снижением самооценки, развитием тревожности и депрессивных симптомов у ребенка. Актуальные исследования подтверждают, что степень деструктивности последствий развода для ребенка зависит не столько от самого факта распада семьи, сколько от того, как именно проходит бракоразводный процесс и получают ли родители и дети психологическую поддержку в это время. Например, метаанализ программ поддержки семей в разводе (92 исследования) подтвердил, что системное участие родителей в консультациях позволяет уменьшить у ребенка уровень тревоги, поведенческих нарушений и школьной дезадаптации (Amato, 2001).

Методология: теоретической базой для понимания значимости психологической поддержки семьи при разводе выступает теория эмоциональной безопасности (Cummings, Davies, 2010), по которой дестабилизация семейной системы нарушает у ребенка ощущение предсказуемости, опоры и безопасности. Эти эффекты могут компенсироваться через профессиональное психологическое сопровождение родителей, обучающее сохранению эмоционального контакта и родительской функции.

Анализ научной литературы: у детей при разводе родителей наблюдаются напряжение, гнев, отчаяние, фрустрация, высокая тревожность, социальный стресс, низкая сопротивляемость стрессу, снижение активности. Они замкнуты, обособленны и недоверчивы (Костина и др., 2019). Однако психологическое сопровождение меняет ситуацию – исследование показало, что состояние ребенка при разводе зависит от качества его взаимоотношений с родителями. Чем выше уровень эмоционального контакта и поддержки, тем меньше риск развития поведенческих расстройств, депрессии и социальной изоляции у ребенка (Kleinschlömer, Krapf, 2023). Тут психологическая работа с родителями играет критическую роль – через осознанное сохранение отношений с ребенком можно смягчить его дестабилизацию. Также эффективным инструментом психологического сопровождения является семейная медиация. Установлено, что участие родителей в медиации снижает конфликтность и формирует у ребенка ощущение эмоциональной безопасности (Emery et al., 2005). Медиация как форма управляемого взаимодействия сторон при разводе стабилизирует внутрисемейную систему, что отражается на психологическом состоянии ребенка.

Заключение: анализ современных исследований позволяет утверждать, что психологическое сопровождение родителей при разводе поддерживает психологическое благополучие ребенка. Эффективность таких вмешательств подтверждена долгосрочными исследованиями, практикой системной семейной терапии. Психологическая помощь позволяет родителям сохранить родительскую позицию, снизить уровень конфликта и выстроить эмоционально поддерживающее пространство для ребенка в условиях распада семьи.

1. Костина Л.А., Кубекова А.С., Мамина В.П. Особенности психоэмоционального состояния младших школьников в ситуации развода родителей // Казанский педагогический журнал. – 2019. – №4. – С. 78-83.
2. Amato, P. R. (2001). Children of divorce in the 1990s: An update of the Amato and Keith (1991) meta-analysis. Journal of Family Psychology, 15(3), 355–370. https://doi.org/10.1037/0893-3200.15.3.355
3. Cummings, E. M., & Davies, P. T. (2010). Marital Conflict and Children: An Emotional Security Perspective. Guilford Press.
4. Emery, R. E., Sbarra, D., & Grover, T. (2005). Divorce mediation and children's adjustment to parental divorce. Journal of Consulting and Clinical Psychology, 73(2), 303–313. https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/8684844/
5. Kleinschlömer, P., & Krapf, S. (2023). Parental separation and children's well-being: Does the quality of parent-child relationships moderate the effect? Journal of Social and Personal Relationships. https://doi.org/10.1177/02654075231201564

Ничко Н.В., Гуриева С.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Адаптация опросника Ричарда Шелла «Wharton-TKI Bargaining Styles Grid» (Решетка стилей переговоров Уртонской бизнес-школы) – первый этап

Переговоры, стратегии ведения переговоров, конфликт, опросник

В изучении переговоров, где ключевую роль играют коммуникативные и поведенческие аспекты, наличие валидного опросника, адаптированного к русскоязычной аудитории, особенно актуально. Это обусловлено растущей значимостью навыков ведения переговоров в бизнесе и межличностных отношениях в современном мире. В настоящее время существует незначительное количество опросников по переговорам (Методы и методология…, 2023). Целью исследования является адаптация опросника по стратегиями переговоров Ричарда Шелла «Wharton-TKI Bargaining StylesGrid» (Решетка стилей переговоров Уортонской школы бизнеса) на русский язык и проверка его надежности и валидности в русскоязычной культуре (Shell, 2001).

Преимуществом конструкции опросника Р. Шелла считается «вынужденный» выбор из двух вариантов, однако возникает сложность в проверке валидности и надежности. На первом этапе переведены пункты опросника 4-мя специалистами: специалист по переводам, два психолога и специалист в области переговоров. Внесены изменения – заменены литеры («A, B, C, D, E») на бинарный выбор из «А» и «Б» для исключения социально желательных ответов. В пилотажном исследовании приняли участие 55 человек: 12 мужчин и 43 женщины в возрасте от 19 до 58 лет (M = 24,7) преимущественно из Москвы, Санкт-Петербурга, большинство получающие высшее образование (38 человек – 69%), имеют высшее образование 12 человек (22%).

Респонденты заполняли адаптированный опросник онлайн, а также опросник Томаса-Климанна (TKI-R) в адаптации С.В. Кардашиной и Н.В. Шаньгиной (Кардашина, 2015). Данные обрабатывались в Jamovi и MS Excel. Мы получили следующие результаты. «Сотрудничество в переговорах» и «избегание в переговорах» отрицательно коррелируют -0,56 (p=0,0001). «Приспособление в переговорах» и «соперничество в переговорах» отрицательно коррелируют -0,54 (p= 0,0001). «Стремление к компромиссу в переговорах» отрицательно коррелирует с «сотрудничеством» -0,30 при p=0,02 и «соперничеством» -0,48 при p=0,0001 в переговорах. Корреляции (ро Спирмена) между опросником Р. Шелла (далее – стратегии «в переговорах») в пилотажном исследовании с результатами опросника TKI-R (далее – стратегии «в конфликте») получились следующие: стратегии «сотрудничество в переговорах» и «сотрудничество в конфликте» коррелируют на уровне 0,33 (p=0,12), «избегание» в переговорах и конфликте 0,51 (p=0,0001), «приспособление» в переговорах и конфликте 0,17 (p=0,9), «соперничество» в переговорах и конфликте 0,57 (p=0,001), «компромисс» в переговорах и конфликте 0,12 (p=0,24).

Мы проверили, у какого количества респондентов выражена доминирующая и антидоминирующая стратегии. Доминирующая у 7 (13%) человек, антидоминирующая – у 18 (32%) человек, и та, и другая стратегия выражена у 4 (7%) респондентов. Полученная конвергентная валидность не дает однозначного ответа, можно ли считать сотрудничество, приспособление и компромисс различными стратегиями для конфликтного взаимодействия и поиска решения посредством переговоров? В дальнейшем мы планируем кратно увеличить выборку, а также улучшать тексты пунктов для их понимания респондентами, устранить явный половой и возрастной перекосы.

1. Кардашина, С. В. Психометрические характеристики русскоязычной версии Опросника К. Томаса – Р. Килманна («Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument – TKI-R») / С. В. Кардашина, Н. В. Шаньгина // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 216-228. DOI 10.26170/po16-11-36.
2. Методы и методология социально-психологических исследований / Е. С. Александрова, А. А. Антипина, Г. Л. Бардиер [и др.]. СПб.: Питер, 2023. 640 с.
3. Shell, G.R. Bargaining Styles and Negotiation: The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument in Negotiation Training // Negotiation Journal. 2001.17, pp. 155–174. https://doi.org/10.1023/A:1013280109471

Галевская А.П., Киреева О.В.
ФГБОУ ВО КубГУ

Переживания стресса родителями и подростком в ситуации семейного конфликта

Семейный конфликт, подростки, стресс, стиль семейного воспитания, преодоление стресса

Введение. Проблема семейных конфликтов между родителями и подростками является одной из актуальных тем психологических исследований. Конфликтные ситуации между родителями и детьми возникают из-за расхождения ожиданий и притязаний родителей и подростков по отношению друг к другу (Волков, 2005). Чрезмерная строгость родителя по отношению к подростку, пересекаясь с его протестным поведением, легко провоцирует внутрисемейные конфликты (Ежова, 2025). Одним из негативных последствий конфликтов являются стрессовые состояния, которые переживают члены семьи (Кубекова, 2021).

Цель нашего исследования – выявление особенностей преодоления стресса родителями и подростками в ситуации семейного конфликта.

Методы. В ходе исследования проверялось предположение о том, что уровень стресса подростков и родителей в ситуации семейного конфликта связан со стилем детско-родительского взаимодействия. Выборка состояла из 29 юношей и девушек подросткового возраста от 14 до 16 лет и 32 мужчин и женщин от 37 до 50 лет. Респонденты приходятся друг другу родственниками, находящимися в системе взаимоотношений ребенок-родитель. Методы сбора данных: анкетирование, «Комплексный копинговый опросник, CCI55» (в переводе А. Статуевой), «Взаимодействие родитель-ребенок, ВРР» (И.М. Марковской), «Шкала психологического стресса, PSM-25» (в переводе Н.Е. Водопьяновой), «Опросник совладания со стрессом, COPE-30» (в адаптации М.А. Одинцовой, Н.П. Радчиковой, Л.А. Александровой). Разработанная анкета содержала открытые и закрытые вопросы, направленные на изучение стрессового состояния подростков и родителей, уровень и тип взаимодействия в семье, а также частоту и причины конфликтов. Анализ данных проводился с помощью методов описательной статистики, применялись коэффициент корреляции Пирсона и U-критерий Манна-Уитни. Результаты. По данным анкетирования, конфликтное взаимодействие становится неотъемлемой частью общения родителей с подростками, а высокая частота их возникновения только подчеркивает переживание семьёй этого периода как кризисного.

При определении инициатора конфликтного взаимодействия, 52% подростков и 44% родителей отмечали, что часто зачинщиками конфронтации становятся родители. В качестве причин конфликтов родители чаще указывают невыполнение детьми обязанностей по дому, а подростки – проблемы в учебе и получаемые оценки. Ситуация семейного конфликта значима для респондентов. Уровень стресса родителей и подростков в ситуации семейного конфликта не различается.

Среди подростков предпочитаемым способом совладания со стрессом является мысленный уход от проблем, а у родителей – эмоциональная и социальная поддержка. При изучении характера взаимодействия ребенка с родителями выявлено, что большинство опрошенных семей придерживаются авторитарного стиля воспитания: матери строгие, требовательные, контролирующие, отцы непоследовательны в методах воспитания и часто прибегают к физическим наказаниям. Стрессовое состояние подростков связано со стилем взаимодействия с родителями (при $p=0,05$). Родители, у которых наблюдается нетребовательность к ребенку, непоследовательность в методах воспитания, чаще подвержены стрессовым состояниям. Подростки в таких семьях также подвержены стрессу, тяжело переживают конфликты с родителями. Родители, несмотря на авторитарность применяемых методов воспитания, переживают за собственных детей и стремятся наладить отношения с ними. Выводы. Выявлено, что уровень стресса подростков и родителей связан со стилем их взаимодействия друг с другом. Полученные результаты можно применять в тренинговых программах по развитию стрессоустойчивости подростков и их родителей.

1. Волков Б.С. Психология подростка. М: Академический проект; Гаудеамус, 2005.
2. Ежова Л.В. Детско-родительские конфликты как психолого-педагогическая проблема // Философия-в-области. 2025. С. 27-34.
3. Кубекова А.С. Особенности реагирования детей на семейные конфликты // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 3-9. С. 10.

Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.
ФГАОУ ВО САФУ имени М.В. Ломоносова

Особенности адаптивных качеств вахтовых работников различных промышленных предприятий на Крайнем Севере

Адаптивные качества; вахтовый метод; промышленные предприятия

Введение. Вахтовый метод работы на Крайнем Севере является ключевым элементом развития стратегически важных отраслей промышленности России и характеризуется суровыми климатическими условиями (низкие температуры, полярная ночь/день, гипоксия), которые создают повышенную нагрузку на психофизиологическое состояние работников. Это требует изучения адаптивных качеств вахтового персонала для разработки рекомендаций по повышению успешности их профессиональной деятельности при сохранении физического и психического здоровья.

Цель работы: выявление и описание особенностей адаптивных качеств вахтовых работников нефтегазодобывающего, алмазодобывающего и лесозаготовительного предприятий на Крайнем Севере.

Методы. Исследование проводилось средствами четырех научных экспедиций на месторождения добычи нефти, газа и алмазов, а также на лесозаготовки, в котором принялиучастие 154 работника.

Мониторинг функциональных состояний работников осуществлялся с помощью психофизиологических методов (ВКМ, СЗМР), цветового теста М. Люшера, опросника САН. Адаптивные качества диагностировались средствами опросников «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Морсановой и УСК Дж. Роттера, в адаптации Е.Ф. Бажина с соавторами.

Результаты. С помощью MANOVA установлены статистически значимые различия в выраженности моделирования ($p=0,008$), программирования ($p=0,011$), оценки результатов($p=0,009$), самостоятельности ($p<0,001$) и общего уровня саморегуляции ($p=0,002$) у вахтовых работников различных промышленных предприятий. Эти регуляторные процессы и свойства больше выбраны у сотрудников алмазодобывающего производства, за исключением самостоятельности, которая выше представлена у лесозаготовителей.

Относительно интернальности также установлены различия по всем параметрам у изучаемых групп, за исключением области здоровья и болезни, которая у вахтовых работников промышленных предприятий представлена на среднем уровне. Выше интеральность также у персонала алмазодобывающего производства. Различия связаны соспецификой деятельности и интенсивностью воздействия неблагоприятных факторов среды. Среди изучаемых выборок, наиболее экстремальные климатогеографические ипроизводственные условия у сотрудников нефтегазодобываще го производства в условияхАрктики, далее следуют работники лесозаготовительного предприятия и затем –алмазодобывающего производства. Это приводит к необходимости большей гармонизациидаптивных качеств и их выраженности на среднем и чуть выше среднего уровнях.

Выводы. Установлены статистически значимые различия в параметрах осознанной саморегуляции поведения (за исключением планирования и гибкости) и интернальности (кроме области здоровья и болезни) у вахтовых работников нефтегазодобывающего,алмазодобывающего и лесозаготовительного производств на Крайнем Севере. Выявленывзаимосвязи характеристик саморегуляции и локуса контроля с функциональнымисостояниями работников промышленных предприятий, которые способствуют успешнойсоциосредовой профессиональной адаптации: интернальность в области достижений, семейных и межличностных отношениях, моделирование и самостоятельность.

Ильичева Д.М., Гофман О.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Тревожность и когнитивные искажения как факторы профессиональной увлеченности фрилансеров

Фриланс, профессиональная увлеченность, тревожность, когнитивные искажения

В условиях роста нестандартных форм занятости особую актуальность приобретает изучение психологических факторов эффективности фрилансеров. Однако, данная форма занятости, предоставляя беспрецедентную свободу и гибкость, создает новые психологические вызовы, включая хроническую нестабильность доходов, отсутствие социальных гарантий и необходимость постоянной саморегуляции (Трофимова, Фасхутдинов, 2024). Как отмечают Свердликова и Селезнёва (2024), 56% фрилансеров регулярно сталкиваются с интенсивными стрессовыми ситуациями, что актуализирует вопрос о психологических механизмах их профессиональной адаптации.

Цель пилотажного исследования – выявить взаимосвязь между тревожностью (включая ее когнитивные аспекты), невротизмом и профессиональной увлеченностью у фрилансеров. В исследовании приняли участие 32 фрилансера (27 женщин, 5 мужчин) в возрасте от 19 до 43 лет. Использовались: опросник невротической личности KON-2006 (краткая форма) Грандилевской И.В., Исуриной Г.Л. и др.; авторская анкета восприятия тревоги как продуктивной/деструктивной (2025); Утрехтская шкала увлеченности работой (UWES) в адаптации Д.А.Кутузовой (2006); Опросник когнитивных ошибок (Cognitive Mistakes Questionnaire) А.Е. Боброва, Е.В. Файзрахмановой (2017). Применялись методы описательной статистики, корреляционного анализа (Спирмена), U-критерий Манна-Уитни для сравнения групп, дисперсионный анализ (ANOVA) для возрастных сравнений.

Рассмотрим результаты:

1. Группа с высокими когнитивными ошибками показала повышенную эмоциональную неустойчивость и сниженную самоорганизованность ($p<0.01$). Молодые специалисты (23 года) чаще используют тревогу как ресурс ($F=3.487$, $p=0.044$)
2. Фрилансеры демонстрируют средний и выше среднего уровень увлеченности работой (4.2-5.1/6 баллов), что отражает устойчивую профессиональную мотивацию и поглощенность деятельностью.
3. Мужчины выше по энергичности и общей увлеченности ($p<0.05$), женщины – по тревоге после работы ($p<0.05$). Полностью занятые фрилансеры более социально уверенны и энергичны ($p<0.05$).
4. Невротизм и когнитивные ошибки отрицательно связаны с увлеченностью через снижение самоорганизованности ($r=-0.40$, $p<0.05$) и социальной уверенности ($r=-0.45$, $p<0.05$).

Таким образом, тревожность у фрилансеров обладает двойственной природой: деструктивной при высоком невротизме/когнитивных искажениях, но мобилизующей при оптимальном уровне. Ключевые мишени психологического сопровождения: коррекция катастрофизации и персонализации, развитие навыков самоорганизации, формирование адаптивного отношения к тревоге.

1. Агишева А. А. Конструктивный потенциал тревожности в профессиональной деятельности // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 3. С. 78-92.
2. Бобров А. Е., Файзрахманова Е. В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Доктор.Ру. 2017. № 8 (137). С. 59-65.
3. Родина О. Н., Прудков П. Н. Личностные особенности фрилансеров, работающих удаленно // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Т.47,№1.С.227-243.URL: https://msupsyj.ru/upload/iblock/7d7/em2ap1pioxocxcgbhzr5tw7l85pbu7sn/10_Rodina-O.N._-Prudkov-P.-N._VMU_Ser_14_1_2024_227_243.pdf (дата обращения: 10.06.2025).
4. Свердликова Е. А., Селезнёва А. С. Социальное самочувствие самозанятых в условиях трансформации рынка труда // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-samozanyatyh-v-usloviyah-transformatsii-rynka-truda (дата обращения: 10.06.2025).

Никитенак Т.О., Корнеева Я.А., Симонова Н.Н.
ФГАОУ ВО САФУ

Результативность вахтовых работников с различными психическими регуляторами труда

Психические регуляторы труда, результативность, вахтовый метод

Введение. Многие промышленные объекты находятся в труднодоступных регионах страны с суровыми климатическими условиями, на которых применяется вахтовая форма организации труда. Специфика вахтового труда наиболее точно может быть отражена в контексте субъектно-деятельностного подхода Е.А. Климова, на успешность данного вида профессиональной деятельности влияют психические регуляторы труда сотрудников (Климов, 2004). Эти образы могут быть различными у вахтовых работников, в связи со спецификой их профессиональной пригодности.

Остается недостаточно изученным вопрос, с каким образами объекта и субъекта вахтового труда сотрудники промышленных предприятий отличаются большей результативностью деятельности? Целью данного исследования является выявление особенностей результативности вахтовых работников промышленных предприятий с различными образами объекта и субъекта труда, а также субъектно-субъектных отношений.

Методы. В исследовании приняло участие 179 вахтовых работников алмазодобывающего предприятия, нефтедобывающей платформы и строительства на севере и юге РФ. Психические регуляторы труда оценивались методом незаконченных предложений. Для изучения результативности использовалась анкета. Проведен контент-анализ результатов вербального достраивания незаконченных предложений. В качествекатегорий выступили понятия «моя работа», «вахтовый метод», «я», «я в коллективе», «я как профессионал», «мой коллектив», «мои коллеги». Для изучения различий в оценкерезультативности вахтовых работников с различными психическими регуляторами трудаприменены семь MANOVA с учетом всех допущений.

Результаты. В данной статье представлена часть результатов исследования.

Вахтовые работники с различными образами объекта труда (категории «моя работа», «вахтовый метод») статистически значимо отличались в субъективной оценке своей результативности ($p=0,026$). Сотрудники, которые имели положительный образ труда отличались более высокой оценкой своей результативности, по сравнению в теми, кто считал такую работу вынужденной необходимостью. Также работники, которые оценивали вахтовый метод как удобный режим работы оценивали свои личные качества для работы вахтовым методом более высоко, чем те, кто выразил свое отрицательное отношение к вахтовой форме организации труда. Большее количество различий в результативности отмечалось у работников с различными образами субъекта труда. При анализе категории «Я как профессионал» установлено, что для сотрудников, оценивающих себя как состоявшегося специалиста, обладающего положительными качествами, наблюдалась более высокая оценка своей результативности ($p=0,004$), они больше удовлетворены своей работой ($p=0,002$). Выявлены различия в результативности работников с различными образами субъектно-субъектных отношений. Сотрудники, воспринимающие свой коллектив как «просто коллег» давали более высокую оценку удовлетворенности трудом ($p=0,020$). При этом более низкие показатели по этому параметру имели сотрудники, которые оценивали свой коллектив негативно.

Выводы. Установлено, что вахтовые работники, отличающие позитивными образами психической регуляции труда, имели более высокую результативность, чем сотрудники с негативными. При этом нейтральные или формализованные образы также были связаны с более высокой результативностью. В связи с чем, при наличии кадрового дефицита возможно внедрять практические мероприятия по изменению психических регуляторов труда для повышения психологической адаптированности к вахтовому труду.

1. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределния, Москва: Академия, 2004

Корниенко А.В., Старченкова Е.С.
ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова»

Личностные факторы профессионального здоровья менеджеров по продажам

Профессиональное здоровье, факторы и модель профессионального здоровья, структурные уравнения

В настоящее время в зарубежной и отечественной психологии возрастает интерес к разработке теоретических и прикладных вопросов здоровья человека в профессиональной сфере.

По данным декларации Международной Комиссии по вопросам профессионального здоровья (Declaration of the International Commission on Occupational Health, ICOH) 160 миллионов человек сталкиваются с проблемами профессионального здоровья.

Целью нашего исследования было изучить и выявить личностные детерминанты профессионального здоровья менеджеров по продажам (n=244); разработать структурную модель и определить иерархию влияния личностных детерминант на профессиональное здоровье.

В ходе работы были описаны особенности самоактуализации (Э. Шостром, Л.Я.Гозман, Ю.Е.Алешина, М.В. Загикой и М.В. Кроз); мотивационные аспекты личности (Х. Хекхаузен, Л.Н. Собчик); личностные детерминанты (Г. Гоух в адаптации Н.А. Графинина, Н.В. Тарабрина); состояние профессионального здоровья (Г.С. Никифоров); уровень качества жизни (SF-36 Health Status Survey); выраженность ригидности-флексибильности (Г.В. Залевский).

Наши предположения были основаны на предварительно проведенном конфирматорномфакторном анализе (КФА) с использованием программы моделирования структурными уравнениями IBM SPSS AMOS. Для построения априорной и апостериорной модели нами было использовано структурное моделирование, или SEM (Structural equation modeling). Применялись следующие индексы согласия и их допустимые значения для признания модели соответствующей начальным данным: Хи-квадрат /df < 2; p > 0,05; GFI > 0,95; AGFI > 0,9; CFI > 0,95; RMSEA < 0,05 (132, 159). Была получена модель, имеющая шесть индексов согласия с допустимыми значениями, такая модель может быть интерпретирована.

Первым шагом моделирования структурными уравнениями была разработана априорная модель, отражающая гипотетические положения о взаимосвязи явных переменных и латентных переменных. Были выдвинуты следующие гипотетические предположения, требующие верификации:

- на интегративный показатель профессионального здоровья влияют пол и национальность;
- на интегративный показатель профессионального здоровья влияют личностные детерминанты, представленные дихотомией ригидность-гибкость;
- на интегративный показатель профессионального здоровья влияет уровень развития личностной зрелости;
- на интегративный показатель профессионального здоровья влияют мотивационные факторы, представленные деятельностью направленной на избегание неудач;
- на интегративный показатель профессионального здоровья влияет уровень развития самоактуализации личности.

После построения априорной измерительной модели была построена структурная модель влияния, в которой были установлены два вторичных фактора (латентные переменные F1 и F2.). Индикаторами первого фактора «Самоактуализация» (F1) являются такие явные переменные как самопринятие, синергия, контактность, познание, интеллектуальная эффективность.

Во второй фактор «Личностная зрелость» (F2) входят такие индикаторы как: социализация, самоконтроль, толерантность, достижение через независимость и ценности.

Почти все полученные регрессионные веса имеют статистическую достоверность (p< 0,001).

Было установлено, что наибольшее влияние на интегративный показатель профессионального здоровья имеет второй фактор «Личностная зрелость», объясняющий 63% дисперсии. Первый фактор «Самоактуализация» имеет второе по значимости влияние на профессиональное здоровье и объясняет 26% дисперсии.

Исходя из полученных эмпирических данных, можно констатировать, что наши теоретические предположения о влиянии самоактуализации и личностной зрелости подтвердились, а наиболее значимыми личностными детерминантами профессионального здоровья являются самоконтроль и достижение через независимость.

1. Уланова Н.Н., Яковлева Н.В. Основные психологические подходы к изучению изучениюпрофессионального здоровья// Прикладная юридическая психология. 2022. №2 (59).
2. Bentler P.M. Can Scientif cally Useful Hypotheses Be Tested With Correlations? // American Psychologist. 2007. Vol. 62, N 8. P. 769–782.

Венцкуте М.С..
ФГАОУ ВО САФУ имени М.В. Ломоносова

Корнеева Я.А.
ФГАОУ ВО САФУ имени М.В. Ломоносова

Мартиросова Н.В.
Отделение психологической работы морально-психологического
отдела УРЛС УМВД России по Архангельской области

Воспринимаемый стресс и успешность прохождения профессиональной подготовки сотрудников ОВД первого года службы

Сотрудники ОВД; воспринимаемый стресс, профессиональный психологический отбор

Введение. Профессиональная деятельность сотрудников ОВД отличается повышенной напряженностью и высоким уровнем профессионального стресса. В настоящее время существует необходимость определения эффективных путей отбора, формирования и развития кадровых ресурсов системы ОВД. Устойчивость кадрового состава является одним из ключевых показателей эффективности системы управления по работе с личным составом.

Цель работы: выявление и описание уровня воспринимаемого стресса и успешности прохождения профессиональной подготовки сотрудников ОВД первого года службы с различными категориями профессиональной психологической пригодности (ППП).

Методы. В исследовании приняли участие 94 сотрудника ОВД, обучающихся в Центре профессиональной подготовки Управления МВД России по Архангельской области. Диагностика осуществлялась с помощью следующих методик: методика PSS-10 S. Cohen, G. Williamson в адаптации А.А. Золотаревой, цветовой тест М. Люшера (интерпретационные коэффициенты по Г.А. Аминеву), а также психофизиологических методов (ВКМ, СЗМР), успешность оценивалась анкетированием.

Результаты. С помощью MANOVA установлены статистически значимые различия в выраженности противодействия стрессу ($p=0,015$), воспринимаемого стресса ($p=0,044$) и эмоционального дискомфорта ($p<0,001$) сотрудников. Сотрудники ОВД первого года службы категории ППП «рекомендован» характеризуется меньшей выраженностью данных параметров по сравнению с сотрудниками категории «рекомендован условно». Полученные различия могут указывать на более благоприятное состояние и большую психологическую адаптированность сотрудников категории «рекомендован». Кроме того, статистические значимые различия установлены относительно уровня операторской работоспособности ($X2= 5,999$ при $p=0,05$). 71,4% сотрудников ОВД первого года службы категории ППП «рекомендован» характеризуются низким уровнем операторской работоспособности. Высокий и средний уровень операторской работоспособности установлен у 28,5% сотрудников группы «рекомендован». 44,2% сотрудников группы ППО «рекомендован условно» характеризуются средним и высоким ее уровнем, а низкий уровень определяется у 56,8%. Полученные данные могут говорить о том, что меньший уровень стресса у сотрудников категории ППП «рекомендован» может быть обусловлен более высоким уровнем развития профессионально важных качеств сотрудников, а низкий уровень операторской работоспособности у сотрудников обоих групп о необходимости дополнительного сопровождения в процессе прохождения подготовки в учебном центре.

Выводы. В результате исследования установлены статистически значимые различия в выраженности противодействия стрессу, уровня воспринимаемого стресса, эмоционального дискомфорта и операторской работоспособности у сотрудников ОВД первого года службы с различными категориями ППП. Сотрудники категории «рекомендован» демонстрируют более благоприятное состояние, что свидетельствует о более высоком развитии профессионально важных качеств и адаптивных возможностей, при этом их операторская работоспособность чаще на низком уровне. Полученные данные свидетельствуют о необходимости разработки программ дополнительного сопровождения сотрудников ОВД, особенно в начальный период службы.

Исследование выполнено за счет средств Программы развития САФУ на 2021-2035 гг., договор Д-472.2025

Самарина Я.С., Барцева К.В., Солдатова Е.Л.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Связь ностальгии со смысложизеннными ориентациями личности

Ностальгия, смысложизненные ориентации, кризисы

Введение. Исследования указывают на протективную роль ностальгических переживаний при кризисе (Солдатова и др., 2024): ностальгия помогает справляться с болью и негативными переживаниями, укрепляет образ «я», а также, как предполагается, поддерживает ощущение осмысленности жизни, хотя эмпирических данных недостаточно (см. обзор Abeyta, Pillarisetty, 2023). В настоящей работе мы ставим цель изучить, как именно общий уровень осмысленности жизни и индивидуальные смысложизненные ориентации (СЖО) связаны с ностальгией.

Методы. В исследовании приняли участие 354 человек (ср. возраст 27.95 (ст.откл. 12.34), 281 женщина), которые заполнили Саутгемптонскую шкалу склонности к ностальгии (Routledge и др., 2008), Шкалу выраженности симптомов кризиса (Шляпникова, 2009) и методику СЖО (Леонтьев, 1992; Осин, Кошелева, 2020). На исследование получено этическое одобрение СПбПО от 6.07.2023.

Результаты. С помощью парной линейной регрессии была проанализирована связь между общим уровнем осмысленности жизни (общий балл по шкале СЖО, предиктор) и склонностью к ностальгии (зависимая переменная). Модель оказалась статистически достоверной ($R2 = 0.044$, $p < .001$), указывающей на обратную связь между переменными (чем ниже общая осмысленность жизни, тем выше склонность к ностальгии). Далее был проведен медиационный анализ, направленный на изучение того, как связь между кризисной ситуацией и склонностью к ностальгии может опосредоваться индивидуальными смысложизненными ориентациями. В качестве медиаторов в модель были добавлены подшкалы СЖО «Процесс» (заинтересованность и увлеченность процессом жизни, источники смысла в настоящем), «Цели» (сформированность жизненных целей, источники смысла в будущем) и «Результат» (удовлетворенность результатами самореализации, источники смысла в прошлом), общий балл по шкале выраженность симптомов кризиса выступил ковариатой, а склонность к ностальгии – зависимой переменной. Результаты выявили достоверный прямой эффект Кризисы → Ностальгия ($\beta = 0.15$, $p = 0.005$), но лишь один достоверный непрямой эффект Кризисы → Цели → Ностальгия ($\beta = 0.06$, $p = 0.014$; компонент Кризисы» → Цели: $\beta = -0.27$, $p < .001$; Цели → Склонность к ностальгии: $\beta = -0.20$, $p= 0.006$).

Выводы. Наши результаты эмпирически подтвердили связь ностальгии с субъективным чувством осмысленности жизни: в кризисной ситуации потери смыслов люди более склонны обращаться к ностальгии, что подтверждает предыдущие данные о протективной и ресурсной функции ностальгии. Кроме того, мы выявили, что ориентация на будущие цели может достоверно опосредовать связь между симптомами кризиса и склонностью к ностальгии. Полученные данные указывают на важность контекста индивидуальных смысложизненных ориентаций личности при изучении ностальгии.

1. Осин Е., Кошелева Н. Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности // Вопросы Психологии. 2020. Т. 66. С. 150–163.
2. Солдатова Е. Л. и др. Ностальгия как психологический феномен: теоретический обзор исследований // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Психология. 2024. Т. 14. № 3. С. 458–484.
3. Шляпникова И. А. Методика диагностики симптомов нормативного кризиса взрослости // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 4. С. 185–192.
4. Abeyta A. A., Pillarisetty S. Nostalgia supports a meaningful life // Current Opinion in Psychology. 2023. Т. 49. С. 101520.
5. Routledge C. и др. A blast from the past: The terror management function of nostalgia // Journal of Experimental Social Psychology. 2008. Т. 44. № 1. С. 132–140.

Исследование было поддержано грантом Российского научного фонда №23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости личности в ситуации изоляции»

Виноградова В.О., Цымбалюк А.Э.
ФГБОУ ВО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Взаимосвязь карьерной адаптивности и субъективного благополучия у студентов вуза

Карьерная адаптивность, субъективное благополучие, студенты

Введение. Актуальность исследования заключается в том, что проблема взаимосвязи карьерной адаптивности и субъективного благополучия личности широко представлена лишь в зарубежной психологии на примере школьников, студентов, работающих специалистов и безработных (İ. Şahin, Í. Oliveira, T. Farahani и др.). В отечественной науке подобные исследования недостаточно представлены. Цель работы – выявить взаимосвязь карьерной адаптивности и субъективного благополучия у студентов вуза на примере российской выборки.

В нашем исследовании мы опираемся на понятие карьерной адаптивности М. Савикаса: готовность справляться с предсказуемыми и не предсказуемыми задачами подготовки и реализации своей рабочей роли, профессиональной жизни (Savickas, 1997). В структуре карьерной адаптивности выделяют заинтересованность, контроль, любознательность и уверенность (Кондратюк и др., 2023). В понимании субъективного благополучия мы опираемся на взгляды Р.М. Шамионова (Шамионов, 2018): эмоционально-оценочное отношение человека к различным сторонам собственной жизни: к себе, отношениям с окружающими людьми, собственным переживаниям, деятельности и её смыслам и др.

Выборка исследования: студенты вуза г. Ярославля – 245 человек. Исследование проводилось в 2024-2025 г.

Методы исследования: шкала карьерно-адаптационных способностей (М. Савикас, Э. Порфели, адаптация Кондратюк Н.Г., Бурмистровой-Савенковой А.В., Моросановой В.И.), методика диагностики субъективного благополучия личности (Шамионов Р.М., Бескова Т.В.), коэффициент корреляции r-Спирмена.

Результаты. Было выявлено, что все компоненты карьерной адаптивности и общий показатель имеют статистически достоверные взаимосвязи с компонентами и общим показателем субъективного благополучия (кроме гедонистического благополучия).

Было выявлено, что среди компонентов карьерной адаптивности наибольшее количество статистически достоверных взаимосвязей ($p<0,001$) с субъективным благополучием имеет контроль. Среди компонентов благополучия наибольшее количество статистических достоверных взаимосвязей ($p<0,001$) с карьерной адаптивностью имеет экзистенциально-деятельностное благополучие.

При этом стоит отметить, что не было выявлено статистически достоверных взаимосвязей гедонистического благополучия и компонентов карьерной адаптивности.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: чем выше у студентов степень принятия личной ответственности и контроля за настоящее и будущее, тем более благополучными они ощущают себя в различных сферах собственной жизни. Чем выше студенты оценивают собственные усилия для достижения благополучия и результативность собственных усилий, и чем выше у них событийно-смысловая насыщенность жизни, тем выше их готовность справляться с предсказуемыми и не предсказуемыми задачами подготовки и реализации своей рабочей роли, профессиональной жизни.

Отсутствие статистически достоверных взаимосвязей гедонистического благополучия с компонентами карьерной адаптивности может говорить о том, что готовность справляться с задачами профессиональной жизни не связана с тем, насколькостуденты удовлетворены реализацией базовых потребностей (безопасность, условияпроживания, доход и др.)

1. Кондратюк Н. Г., Колесникова И. М., Жемерикина Ю. И. Взаимосвязь осознанной саморегуляции и карьерной адаптивности старших школьников: лонгитюдное исследование // Вестник Московского государственного областного университета. Психологические науки. 2023 № 1 С. 6–22.
2. Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018 Т. 11, № 60 С. 8-19.
3. Savickas M. L. Career Adaptability: An Integrative Construct for Life-Span, Life-Space Theory // The Career Development Quarterly. 1997 № 45(3). P.247–259.

Симонова Н.Н.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Индивидуально стилевые особенности адаптации лесозаготовителей к вахтовой работе на Крайнем

Индивидуальный стиль деятельности, адаптация к вахтовой работе, лесозаготовители

Введение. Особенности вахтовой работы в районах Крайнего Севера включают длительную изоляцию от семьи, суровые климатические условия, повышенную физическую и психологическую нагрузку. Это требует от сотрудников не только профессиональных, но и выраженных адаптационных способностей. Успешная адаптация квахтовому труду во многом зависит от индивидуально-стилевых особенностей работника.Выявление стилевых особенностей сотрудников в профессиональной деятельности,способствующих успешной адаптации к данной деятельности, позволяет разрабатыватьпрограммы адаптации сотрудников, с учетом развития и эффективной компенсации ихличностных особенностей в рамках требований их профессиональной среды.

Цель работы: выявление и описание индивидуальных стилевых особенностей адаптации к экстремальным условиям профессиональной деятельности сотрудников вахтовой формы труда в лесозаготовительной отрасли.

Методы. Исследование проводилось средствами двух научных экспедиций в две лесные делянки в июле 2025 г., в котором приняли участие 47 лесозаготовителей. Ежедневный мониторинг утром и вечером функциональных состояний работников осуществлялся с помощью психофизиологических методов (ВКМ, СЗМР, Angiocode), цветового теста М. Люшера, опросников субъективного комфорта, ДОРС и DASS21.

Диагностика индивидуально-личностных свойств осуществлялась с помощью методикиОФДСИ В.М. Русалова.

Результаты. Функциональное состояние, оцененное у всей выборки, характеризуется сниженной операторской работоспособностью и состоянием напряженной адаптации системы кровообращения, а также тенденцией к снижению допустимого функциональногосостояния в сторону предельно допустимого. Рассчитанные по всем показателямфункционального состояния, тренды, приведены к однополярной шкале благоприятныхфункциональных состояний и высчитан средний наклон. На основании средних значенийпоказателей состояния операторской работоспособности и средних наклонов из выборки было выделено две группы: 1) более успешно адаптированных (группа 20 человек) и 2) менее успешно адаптированных сотрудников (группа 14 человек) по методу контрастных групп. Сопоставление выделенных в процессе исследования групп с точки зрения ихфункционального состояния, эмпирически подтверждает обоснованность подобного деления. Менее успешная группа сотрудников демонстрирует более низкий уровень функционального состояния и операторской работоспособности, ослабление функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы, тенденцию к ухудшению состояния крупных артерий, стресс средней степени тяжести по DASS и тенденцию к нарастанию нервно-психического напряжения.

Выводы. В результате эмпирического анализа выявлено, что успешная адаптация сотрудников лесозаготовительной отрасли наиболее вероятна для двух различных типажей,обусловленных стилевыми особенностями сотрудников: 1) сотрудники высокоактивные(индекс общей активности более 270), имеющие различные индивидуально-личностныехарактеристики, в большинстве своем обладающие высокой интеллектуальной скоростью; 2) сотрудники со сниженным индексом общей активности, обладающие умеренно выраженной степенью тревоги, раздражительности, депрессивности и психологической напряженности, а также выраженной самостоятельностью, консерватизмом и хорошей нервно-психической устойчивостью.

Ра Е.В., Григорьева А.Е.
ФГБОУ ВО КемГУ

Особенности копинг-стратегий у актеров театра с синдромом эмоционального выгорания

Актеры, синдром эмоционального выгорания, копинги

Введение. Актерская профессия достаточно специфична и мало изучена в психологии. Работники сцены подвержены высоким психофизическим нагрузкам. Напряженные условия труда, высокая эмоциональность, экспрессия, «живое» взаимодействие со зрителем, конфликты в коллективе приводят работника сцены к синдрому эмоционального выгорания (СЭВ) (Ефремов, Котова, 2023). Для совладания со стрессом актеры применяют копинг-стратегии, снижающие напряжение. Но копинги могут различаться по направленности действия, по последствиям и результатам. Нами выдвинуто предположение, что копинг-стратегии актеров с синдромом эмоционального выгорания отличаются от копинг-стратегий актеров без выгорания. Целью нашего исследования является изучение особенностей копинг-стратегий у актеров, имеющих выгорание.

Методы. В исследовании участвовали 52 актера театров г. Кемерово, возраст от 20 до 68 лет. Для выявления уровня СЭВ применялся Опросник выгорания Маслач в адаптации Н.Е. Водопьяновой, для изучения копингов Методика «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман. Обработка результатов проводилась в программе Statistika 11 На основе полученных данных, испытуемые разделены на две группы: актеры с СЭВ (30 человек) и актеры без СЭВ (22 человека).

Результаты. Вначале нами был проведен корреляционный анализ, по результатам которого видно, что с увеличением уровня выгорания учащается применение копингов бегство-избегание ($r = 0{,}42$; $p = 0{,}05$) и конфронтация ($r = 0{,}29$; $p = 0{,}05$). Эти данные позволили выдвинуть предположение, что копинги актеров с выгоранием отличны от стратегий актеров без СЭВ. При проведении описательных статистик получены результаты: у актеров с СЭВ по средним значениям преобладают копинги бегство- избегание (61,23), конфронтация (57,97), положительная переоценка (54,30). Бегство- избегание и конфронтация выступают непродуктивными стратегиями. Бегство временно избавляет от прямого взаимодействия с проблемой, не решая ее, вызывая последующее напряжение. Конфронтация позволяет в моменте отреагировать эмоции, но в виде хаотичной неорганизованной деятельности. Применение положительной переоценки, как когнитивной стратегии, выступает более адаптивным копингом из чаще применяемых. Актерами без СЭВ предпочитаются стратегии переоценки (56,00), планирования (56,14), дистанцирования (55,82). Переоценка и планирование выступают конструктивными копингами, помогающими продуктивно адаптироваться к сложившейся ситуации. Дистанцирование снижает эмоциональное напряжение, не приводя к разрешению кризиса. Также данные копинги более вариативны. Далее при сравнительном анализе выявлены статистически значимые различия: конфронтация($p = 0{,}03$) выше в группе актеров с СЭВ ($M = 57{,}97$), чем в группу без СЭВ ($M = 52{,}14$); бегство-избегание($p = 0{,}01$) также выше в группе актеров с СЭВ ($M = 61{,}23$) по сравнению с группой без СЭВ ($M = 53{,}32$). В основе копингов, свойственных актерам с СЭВ, находится нарушение эмоционального и поведенческого компонента. При конфронтации происходит попытка агрессивно и активно изменить ситуацию. При бегстве нет воздействия на проблему, только уход от нее.

Выводы. Копинги актеров с СЭВ и без него статистически значимо различаются: у актеров с выгоранием преобладают Конфронтация и Бегство-избегание. Также выявлена прямая взаимосвязь выгорания с данными копинг-стратегиями. Полученные результаты станут основой для разработки программы по профилактике выгорания у актеров театра.

1. Ефремов С. В., Котова С. А. Проблема эмоционального выгорания театральных актеров // Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге : сб. докл. и сообщ., Санкт-Петербург, 24–27 мая 2023 г. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2023 – С. 325–330.

Вакарина Е.А.
ФГАОУ ВО ТГУ

**Психологическое благополучие художников
с разным уровнем профессиональной востребованности**

Современный человек оказывается в условиях неопределенности и неоднозначности из-за возникающих кризисных явлений: социально-экономическая и политическая ситуации, проблемы в системе здравоохранения, техногенные катастрофы, природные катаклизмы и др. Это приводит к усложнению процесса адаптации личности, отсутствию психологической безопасности, вследствие чего происходят нарушение целостности личности, уменьшение уровня благополучия, потеря значимости для окружающих [2].

Художники склонны испытывать сомнения в оценке своего творчества и затруднения в саморегуляции эмоционального состояния, чрезмерно чувствительны к критике со стороны экспертного сообщества и целевой аудитории – эти факторы приводят к неудовлетворенности востребованностью в профессиональной сфере, эмоциональному выгоранию и снижению психологического благополучия. При этом художники с разным уровнем профессиональной востребованности могут менять свое поведение при осуществлении своей деятельности в зависимости от преобладающих показателей психологического благополучия.

Цель исследования – выявить статистически значимые различия в показателях психологического благополучия между художниками, которые относятся к группам с разным уровнем профессиональной востребованности.

Методологическая база исследования представлена идеями Б.Г. Ананьева [1] о субъекте деятельности в системе общественных отношений, Е.В. Харитоновой [2] о востребованности человека в профессиональной сфере и C.D. Ryff [3] о психологическом благополучии личности как ее оптимальном и позитивном функционировании.

Участниками исследования выступили 120 художников (от 18 до 70 лет) из различных городов Российской Федерации. Критерий отбора выборки: наличие профильного образования, полученного в среднем специальном или высшем учебном заведении. Применялись методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в модификации Д.Г. Орловой и «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е.В. Харитоновой и А.Б. Ясько. Обработка данных: однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Расчет проводился в программе SPSS Statistics 23.0.

На основе полученных данных по методике Е. В. Харитоновой и А. Б. Ясько художники разделены на 3 группы: с высоким (30 чел.), средним (18), низким (72) уровнем востребованности. Сравнительный анализ показателей выявил (при $p \leq 0{,}05$), что художники с высоким уровнем ПВЛ отличаются от художников со средним и низким уровнем ПВЛ следующими показателями психологического благополучия: позитивные отношения (0,006), управление средой (0,000), личностный рост (0,001), цели в жизни (0,000), самопринятие (0,000) и общим показателем психологического благополучия (0,000). При этом не отличаются художники с высоким и низким показателями ПВЛ уровнем автономии (0,106). Также художники со средним и низким уровнем ПВЛ имеют схожие показатели по шкалам: позитивное отношение (0,690), автономия (0,312), личностный рост (0,996), цели в жизни (0,094), самопринятие (0,091).

Таким образом, выявлены статистически значимые различия в показателях психологического благополучия между художниками, которые относятся к группам с разным уровнем профессиональной востребованности.

Художники с высоким уровнем ПВЛ характеризуются позитивным отношением к себе и окружающим людям, способностью к поиску средств для реализации профессиональных целей. В то время, как художники со средним и низким уровнем ПВЛ могут испытывать трудности в отношениях с окружающими людьми, чувство неудовлетворенности, сомнения в творчестве и разочарование в себе [2, 3].

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Харитонова Е. В. Поведенчески-результативные типы личности с разным уровнем профессиональной востребованности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 3. – С. 200–206.
3. Ryff C. D. Psychological Well-Being in Adult Life // Current Directions in Psychological Science. – 1995. – Vol. 4.– No. 4. – P. 99–104.

Коневцев И.В., Родионова Е.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Профессиональное здоровье сотрудников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности

Профессиональное здоровье, синдром дефицита внимания и гиперактивности

Введение. Профессиональное здоровье сотрудника представляет собой одну из наиболее важных и актуальных проблем во всем мире (Никифоров Г. С., Шингаев С. М., 2015). Понятие нейроразнообразия (neurodiversity) становится всё более актуальным в сфере организационной психологии, поскольку охватывает по разным оценкам до четверти всех работающих взрослых (Doyle N., 2020). Ранее нейроразнообразие являлось предметом интереса лишь психиатрии и клинической психологии, однако в данный момент по современному состоянию науки становится ясно, что данная тема также напрямую касается и организационной психологии. Трудности с концентрацией внимания и мотивацией к деятельности у взрослых на рабочем месте являются значимыми факторами ограничения эффективности взрослого с СДВГ в его профессиональной деятельности, что также влечет за собой ухудшение его психоэмоционального состояния, субъективного благополучия и самооценки, что в совокупности представляет собой факторы профессионального здоровья сотрудника (Oscarsson, M., Nelson, M., Rozental, A. et al., 2022). Снижение профессионального здоровья приводит к уменьшению благополучия, эффективности деятельности, а также может приводить к разрушительным последствиям как для самого индивида, так и для организации (LeFevre-Levy R. et al., 2023). Вопрос о повышении здоровья сотрудников является комплексной проблемой, для решения которой задействуются ресурсы многих отраслей науки.

Методы. Для изучения вопроса о взаимосвязи профессионального здоровья личности и синдрома дефицита внимания и гиперактивности у работающих взрослых мы планируем использовать корреляционный анализ, для поиска различий между группами взрослых с СДВГ и без СДВГ – Т-критерий, а для выявления предикторов профессионального здоровья среди компонентов СДВГ – регрессионный анализ.

Методики исследования:

1. Вендер-Ютская шкала самооценки СДВГ у взрослых.
2. Шкала диагностики СДВГ у взрослых.
3. Шкала удовлетворённости жизнью, E. Diener.
4. Методика оценки профессионального здоровья.

Результаты. В качестве научных результатов мы ожидаем получить данные, которые позволят внести ясность в вопрос профессионального здоровья сотрудников с СДВГ, приблизиться к пониманию того, какие особенности нейроатипичных людей взаимосвязаны с компонентами здоровья, а также даст возможность разработки таких мер помощи в адаптации.

Выводы. Нейрофизиологические особенности людей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности являются вариантом нормы, однако на практике часто приводят к дисбалансу развития некоторых социальных и когнитивных навыков, что может приводить к снижению показателей профессионального здоровья личности. В качестве конкретных практических результатов нами видится возможность создания программы развития тех навыков, которые необходимы сотрудникам с СДВГ для адаптации на рабочем месте.

1. Никифоров Г. С., Шингаев С. М. Психология профессионального здоровья как актуальное научное направление //Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – №. 2. – С. 44-54.
2. Doyle N. Neurodiversity at work: a biopsychosocial model and the impact on working adults. Br Med Bull. 2020 Oct 14;135(1):108-125. doi: 10.1093/bmb/ldaa021. PMID: 32996572; PMCID: PMC7732033.
3. LeFevre-Levy R, Melson-Silimon A, Harmata R, Hulett AL, Carter NT. Neurodiversity in the workplace: Considering neuroatypicality as a form of diversity. Industrial and Organizational Psychology. 2023;16(1):1-19. doi:10.1017/iop.2022.86.
4. Oscarsson, M., Nelson, M., Rozental, A. et al. Stress and work-related mental illness among working adults with ADHD: a qualitative study. BMC Psychiatry 22, 751 (2022). https://doi.org/10.1186/s12888-022-04409-w.

Ряснянский А.С., Шипитько О.Ю.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Психологические аспекты проявления враждебности молодежи в социальных сетях

Психология, враждебность, агрессия, молодежь, социальные сети

Актуальность проблемы. Социальные сети являются огромной и активно развивающейся площадкой для коммуникации молодых людей. Однако там, где есть большое пространство для общения, возникает и вражда. С течением времени и развитием технологий, количество враждующих молодых людей в интернет-пространстве отнюдь не уменьшается, а даже, напротив, увеличивается. Поэтому важно именно сейчас исследовать данный феномен и психологические аспекты его проявления в интернет-пространстве.

Методологическая и эмпирическая база исследования.

Цель исследования: изучить психологические аспекты проявления враждебности молодежи в социальных сетях

Объект исследования:

Экспериментальная группа – враждебные комментаторы («хейтеры») различных сообществ (30 человек).

Контрольная группа – доброжелательные пользователи социальных сетей (30 человек).

Предмет исследования: враждебность и формы её проявления в интернет-пространстве

В исследовании поставлены следующие гипотезы:

1. Низкая самооценка в сочетании с повышенной вербальной агрессией являются характерными чертами для интернет-хейтера.
2. Люди, активно проявляющие враждебность в социальных сетях, обладают более низким уровнем психологического благополучия и более высокими показателями по шкале макиавеллизма.
3. Мужчины, проявляющие враждебность в социальных сетях, демонстрируют более высокий уровень агрессии и более низкую самооценку по сравнению с женщинами-хейтерами.

Материалы и методы исследования: анализ научной литературы по проблеме исследования, анкетирование, дескриптивный анализ, корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни. Использовались такие методики как: Опросник враждебности Басса-Дарки, Шкала макиавеллизма личности MACH-IV, Определение уровня самооценки С. В. Ковалева, Шкала психологического благополучия Рифф. Также была разработана авторская анкета на выявление уровня враждебности молодежи в социальных сетях. В исследовании приняли участие 83 человека.

Результаты исследования. Хейтерам свойственны повышенная агрессия и раздражительность. Мужчины-хейтеры продемонстрировали более высокие уровни физической и вербальной агрессии по сравнению с женщинами-хейтерами. Вместе с тем показатели самооценки и уровень психологического благополучия хейтеров оказались аналогичными уровню обычных пользователей социальных сетей, что опровергает распространенный миф о связи низкого уровня самооценки и удовлетворенностью собой с интернет-хейтингом.

Таким образом, самооценка интернет-хейтеров формируется совокупностью факторов, не зависящих исключительно от степени вовлечённости во вражду в социальных сетях. Враждебность в социальных сетях может возникать вне зависимости от текущего состояния психологического благополучия. Более высокие уровни физической и вербальной агрессии у мужчин может быть связаны с биологическими факторами, социальными нормами и психологическими особенностями.

Данное исследование выявляет некоторые закономерности возникновения враждебного поведения и его связи с особенностями личности. Результаты могут служить основой для разработки стратегий, направленных на снижение уровня враждебности в социальных сетях.

1. Мазилова Г.И. Социальные сети как актуальный способ самовыражения массового человека // Молодой ученый. – 2011. – №24.
2. Пантич И. Социальные сети и психическое здоровье в Интернете // Киберпсихология, поведение и социальные сети. – 2014. – 17(10). – С. 652–657.

Пятакова Г.В., Тураносова В.В., Митрофанова Н.Н.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Совладание с трудными жизненными ситуациями женщин-сотрудниц ОВД

Трудная жизненная ситуация, совладающее поведение, копинг-стратегии, женщины-сотрудницы ОВД

Профессиональная деятельность сотрудников ОВД (органов внутренних дел) и других правоохранительных организаций, предполагает взаимодействие с криминальными и опасными группами людей, столкновение с экстремальными ситуациями и сопровождается высоким уровнем нервно –психического напряжения. Такая служба предъявляет сотрудникам «мужские», жесткие требования к выполнению профессиональных задач (Андронов В. П.,2024). В последние годы, все больше девушек поступают на службу в ОВД. В настоящее время, на территории России в полиции служит около 200 тысяч женщин, что составляет более 20% от общей численности личного состава. Женщины- сотрудники ОВД в своей жизни совмещают профессиональную деятельность полицейского и социальные роли матери и жены (Боброва И.А. и др.; 2020). В процессе самореализации в карьере полицейского, женщины могут столкнуться с трудностями в профессиональной деятельности и, одновременно, переживать проблемы в личной жизни.

Такие события могут сопровождаться тяжелым эмоциональными состояниями, создавать трудные жизненные ситуации, требуют актуализации всех жизненных ресурсов женщин. В качестве таких ресурсов могут выступать интрапсихические осознанные механизмы психической адаптации – совладающее поведение. Цель исследования: изучение особенностей совладания с трудными жизненными ситуациями у женщин-сотрудников органов внутренних дел. В исследовании приняли участие 49 женщин – сотрудников полиции России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в возрасте от 19 до 49 лет.

Средний стаж составил 8,6 лет. Женщины имели полное высшее либо среднее специальное образование. 39% женщин-сотрудников на момент обследования имели статус незамужних. 40, 8% 8 состояли в зарегистрированном или гражданском браке, остальные женщины, находились в разводе. Больше половины опрошенных женщин (63,3%) имели детей. В качестве методик исследования применялись: стандартизированное интервью, опросник совладающего поведения, шкала соматической адаптации. Применялись математических методы обработки данных.

Женщины-полицейские, принимавшие участие в исследовании, по критерию наличия опыта переживания тяжелых жизненных событий в течение года, были разделены на две группы. В основную группу вошли женщины-полицейские с опытом переживания трудной жизненной ситуации в течение года (27 человек), в другую (контрольную), женщины, не имевшие такого опыта (22 женщины). Результаты исследования показали, что трудные жизненные ситуации женщин-сотрудников ОВД характеризуются наличием жилищно-бытовых, экономических проблем (26% опрошенных). 22% женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, указали на наличие болезни или болезни близких, 25% столкнулись с конфликтом на работе. 18,5% женщин пережили утрату близкого, а в 30% случаев женщины – сотрудники ОВД, указали на сочетание нескольких событий.

У женщин- полицейских трудные события в жизни сопровождались субъективным переживанием усталости (71%), отсутствием аппетита (29,2%), плохим настроением (29,2%), раздражительностью и настороженностью (20,8%), такими чувствами как беспомощность, подавленность, тревога, страх. У многих из них наблюдались симптомы соматической дезадаптации. В стрессовых ситуациях, женщины-полицейские основной и контрольной групп, используют широкий репертуар копинг-стратегий, однако, женщины, с опытом переживания трудной жизненной ситуации, отличаются от своих коллег преобладанием копинг-стратегии «избегание». Такой способ совладания, свидетельствует о пассивном преодолении трудностей через отвлечение от негативных событий и, связанных с ними, переживаний.

У женщин-полицейских с выраженной соматической дезадаптацией преобладали копинг-стратегии «конфронтация» и «избегание», что свидетельствует об их склонности справляться с тяжелыми переживаниями через агрессивные проявления, либо с помощью отвлечения от негативных переживаний. При этом копинг-стратегии «самоконтроль» и «избегание», помогающие личности преодолевать внутреннее напряжение и дискомфорт в трудной жизненной ситуации, включаясь в процесс психической адаптации могут создавать ситуацию «замкнутого круга», способствовать появлению соматических симптомов. Психологическое сопровождение женщин – сотрудников ОВД, направленное на поддержание профессиональной эффективности и сохранение психологического здоровья, должно учитывать специфику их трудной жизненной ситуации и особенности совладающегоповедения.

1. Андронов В. П. Особенности проявления копинг-стратегий у сотрудников МВД / В. П. Андронов, С. Н. Никишов, И. С. Никишова, С. И. Баляев, Я. А. Шабанова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024.
2. Боброва И. А., Степанова Д. А. Взаимосвязь психологических особенностей личности женщин-сотрудников ОВД с успешностью их служебной деятельности //Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии. – 2020.

Жердева А.А., Шипитько О.Ю.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Убеждения как предиктор формирования военной идентичности курсантов военных учебных центров

Военная идентичность, убеждения, благосклонность, справедливость, курсанты

Современная политическая обстановка отличается особой степенью нестабильности, что характеризует макросреду, в которой проходит становление человека, формирование его идентичности. Несмотря на ряд особенностей среды, силовые структуры должны осуществлять свои функции эффективно и в полном объеме. Это влечет необходимость формирования устойчивой личности, способной справляться с различными вызовами, которыми отличается профессиональная деятельность (Сысолятин, 2019). Однако особое внимание необходимо уделить молодым людям, которые в настоящее время находятся на первичном этапе профессионального становления и обучаются в организациях, подготавливающих кадры для силовых структур. Категория населения в возрасте 18–25 лет является наиболее интересной для различного рода деструктивного информационно-психологического воздействия, поскольку в дальнейшем данные молодые люди станут частью ведомственных организаций и будут иметь доступ к информации, не доступной общественности. В связи с этим уже на этапе обучения в военных образовательных учреждениях необходимо формировать и укреплять профессиональную и военную идентичность курсантов, учитывая специфику обучения и дальнейшей профессиональной деятельности. Цель данного исследования – изучить убеждения как предиктор формирования военной идентичности курсантов военных учебных центров при гражданском вузе.

Респондентами выступили 268 курсантов, 144 из которых обучаются по программе подготовки офицеров запаса, 124 – по программе подготовки офицеров кадра. Выборка представлена мужчинами в возрасте от 17 до 24 лет (Med = 20,1). Были выбраны следующие методики: опросник «Военная идентичность офицера» (А.И. Сорокин) (Сорокин, 2019), шкала базовых убеждений (Р. Янов-Бульман) (Солдатова, 2008). Поскольку распределение по шкалам приближено к нормальному, было возможным использование параметрических методов исследования – корреляционный анализ Пирсона для выявления связей между шкалами, регрессионный анализ для выявления вклада различных убеждений в формирование военной идентичности.

Было определено, что убеждение в благосклонности мира положительно влияет на процесс отождествления курсантом себя как части военный организации и военной культуры в целом. Это может объясняться верой молодого человека в успех своего профессионального становления, отражением в деятельности тех качеств, которые представляются в средствах массовой информации. Курсанты строят отношение на основе представлений и того небольшого опыта, который они получили в рамках практических занятий, вследствие чего можно говорить о начальном этапе формирования военной идентичности, позволяющем сделать процесс дальнейшей профессиональной адаптации более успешным. Кроме того, убеждение в справедливости мира также является предиктором формирования военной идентичности, поскольку военнослужащие защищают Отечество в ответ на поступающие угрозы.

В заключение отметим, что для формирования военной идентичности курсантов военного учебного центра необходимо ставить акцент на разъяснении целей и задач военнослужащих как в мирное, так и в военное время. Понимание причинно-следственных связей обеспечит укрепление убеждений, формирующих военную идентичность.

1. Солдатова Г. У. Психодиагностика толерантности личности. – М. : Смысл, 2008. – 176 с.
2. Сорокин А.И. Военная идентичность офицера: опросник и его валидизация // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. №3.
3. Сысолятин М. В. Становление позиции военного в ценностной системе курсантов // Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2019. № 2 (42).

Крутелева Л.Ю.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Особенности гражданской идентичности юристов с разным стажем профессиональной деятельности

Юристы, гражданская идентичность, ценностные ориентации, стаж профессиональной деятельности

В условиях нестабильной социально-политической обстановки профессиональная деятельность юристов во многом определяет жизнедеятельность государства и общества.

Цель исследования: изучить особенности гражданской идентичности и ценностных ориентаций юристов с разным стажем профессиональной деятельности.

Выборка: в 1 группу вошли 25 юристов (Мвозр=28,0, стаж до 10 лет); 2 группу составили 31 юрист (Мвозр=50,5, стаж от 11 до 44 лет).

Методики: «Типы гражданской идентичности» (Р.В. Борисов) (Борисов, 2016); «Ценностный опросник» (Ш. Шварц) (Карандашев, 2004). Обработка данных включала расчёты непараметрического U-критерия Манна-Уитни и r-коэффициентов ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. В обеих группах в структуре гражданской идентичности преобладает позитивный тип. Гиперпозитивный тип находится в пределах средних значений. Группы статистически значимо различаются (p=0,019) по негативному типу гражданской идентичности, имеющему низкую выраженность. На уровне нормативных идеалов группы статистически значимо различаются по ценностям: самостоятельность (p=0,01), стимуляция (p=0,021), гедонизм (p=0,002), достижения (p=0,041). На уровне индивидуальных приоритетов: самостоятельность (p=0,013), стимуляция (p=0,000), гедонизм (p=0,002), достижения (p=0,017), безопасность (p=0,011). Корреляционный анализ показал наличие связей (p≤0,01) между безопасностью на уровне индивидуальных приоритетов и гиперпозитивным типом гражданской идентичности (группа 1 r=0,818, группа 2 r=0,567), и негативным типом (группа 1 r=-0,637). Обсуждение. Гармоничная структура гражданской идентичности свидетельствует о стабильном положительном отношении юристов к своей стране вне зависимости от стажа профессиональной деятельности. Несколько более выраженный тип негативной гражданской идентичности указывает на некоторое снижение уровня патриотизма и социальной ответственности среди специалистов с меньшим стажем профессиональной деятельности. Стремление к самостоятельности, стимуляции, гедонизму и достижениям в группе со стажем профессиональной деятельности до 10 лет проявляется как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов, что может объясняться стремлением к продвижению по карьерной лестнице. Однако с увеличением стажа на первое место в индивидуальных приоритетах выходит безопасность, стабильность общества и чувство принадлежности к нему. В обеих группах с увеличением потребности в безопасности возрастают чувство патриотизма, преобладание национальных интересов и готовность к действиям по их защите. При этом в группе 1 также снижается уровень неприятия своей гражданской идентичности и повышается демонстрация своей гражданской принадлежности.

Выводы. Исследование показало, что изучаемые группы юристов обладают хорошо сформированным чувством принадлежности к обществу и государству. С увеличением стажа профессиональной деятельности происходит трансформация жизненных ценностей и ведущей ценностью становится стремление к безопасности для себя и других людей, что указывает на высокую степень вовлеченности в общественные процессы страны. Таким образом, можно сказать, что в процессе профессиональной деятельности юристов гражданская идентичность подкрепляется другими ценностными ориентациями и встраивается в структуру ценностей личности.

1. Борисов Р.В. Гражданская идентичность в терминах психодиагностики. // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2 Гуманитарные науки. 2016 Т. 31 Вып. 4, С. 95-99.
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004 70 с.

Васильева А.Н., Краснова Е.А., Батакова Е.А.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Взаимосвязь типа темперамента и поведения в экстремальных условиях на примере курсантов ВУЦ ЮФУ

Темперамент, экстремальные условия, курсанты, тревожность, психологическая устойчивость

Экстремальные условия требуют высокой адаптивности, эмоциональной устойчивости и мобилизации ресурсов. Военнослужащим данные качества особенно важны, так как они напрямую влияют на эффективность выполнения профессиональных задач. Одним из ключевых факторов, определяющих поведение личности в стрессогенных ситуациях, является темперамент и связанные с ним психологические характеристики. Настоящее исследование направлено на изучение взаимосвязей между типом темперамента и особенностями поведения военнослужащих на примере курсантов ВУЦ ЮФУ. Цель исследования – выявить взаимосвязь между типом темперамента и поведением курсантов в экстремальных условиях на основе показателей тревожности, психологической устойчивости, актуального состояния. В исследовании приняли участие 10 курсантов Военного учебного центра Южного федерального университета. Все испытуемые – мужчины в возрасте от 18 до 22 лет. Исследование носило пилотажный характер.

Методы: эксперимент, дескриптивный анализ данных, корреляционный анализ Спирмена.

Методики: Тест на определение направленности нервно-психической устойчивости (НПУ Прогноз), Определение типа темперамента по Г. Айзенку, Цветовой тест Люшера, Шкала Спилбергера–Ханина. Диагностика проводилась в условиях, приближенных к экстремальным (командной игры «пейнтболл» в условиях неопределенности и временного давления).

В результате проведенного исследования был обнаружен ряд значимых связей.

Положительные:

1. между показателями активации/деактивации и экстраверсии/интроверсии ($r=0.42$; $p<0.05$) – экстраверты характеризуются более высоким уровнем базовой активации и потребностью во внешней стимуляции для поддержания оптимального уровня возбуждения;
2. между показателями самочувствием физическим и экстраверсией/интроверсией ($r=0.36$; $p<0.05$) – экстраверты склонны к более активному образу жизни, обладают большим количеством социальных связей и позитивным мышлением, что положительно для физического состояния;
3. между личностной тревожностью и нейротизмом ($r=0.54$; $p<0.05$) – высокий уровень нейротизма связан с более высоким уровнем тревожности.

Отрицательные:

1. между переменными экстраверсии/интроверсии и тревожности ($r=-0.35$; $p<0.05$) – экстравертам характерна большая социальная активность, вследствие чего они обладают более развитыми копинг-стратегиями;
2. между тревожностью и НПУ ($r=-0.48$; $p<0.05$) – высокая тревожность характерна для людей с низким уровнем НПУ;
3. между показателями возбуждением и экстраверсии/интроверсии ($r=-0.44$; $p<0.05$) – нервная система экстравертов более устойчива к стрессу и возбуждению.

Установленные связи позволяют рассматривать, что экстраверсия коррелирует с повышенной адаптивностью в условиях боевого стресса, проявляясь в оптимальном уровне активации, улучшении соматического состояния и снижении тревожности, что способствует эффективному принятию решений и поддержанию боеготовности. Нейротизм и высокая тревожность являются предикторами сниженной адаптивности, ограничивая нервно-психическую устойчивость и повышая риск дезадаптации в экстремальных условиях боевых действий.

Таким образом, тип темперамента является одним из ключевых факторов, определяющих адаптивное поведение военнослужащих в боевой обстановке, а работа с индивидуальными особенностями личного состава является важным элементом повышения боевой эффективности подразделений.

1. Айзенк Г. Ю. Структура человеческой личности / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
2. Спилбергер Ч. Д., Ханин Ю. Л. Оценка тревожности с помощью опросника: Методические рекомендации. – СПб.: Речь, 2002. – 42 с.
3. Люшер М. Цветовой тест Люшера / пер. с нем. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 1990. – 128 с.

Поляков М.Г., Разживин Г.В., Гасимов А.Ф.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Ситуация переживания социального стресса как фактор изменения переговорного стиля в деловом общении

Виртуальная реальность, социальный стресс, переговорный стиль, дистрибутивные переговоры, интегративные переговоры

Введение. Человек ежедневно сталкивается с социальным стрессом, особенно в активной деятельности. Изучены негативные последствия подобных столкновений (Величковский, 2005), что делает социальный стресс важной проблемой на уровне страны. Одна из распространённых ситуаций социального стресса – ведение переговоров. Долгосрочное влияние социального стресса способно менять личность и поведение человека (Леонтьев, 2013). Цель исследования – изучение изменения т.н. «долгосрочного» переговорного стиля в связи с деловыми переговорами.

Методы. Выборка составила 55 студентов первого курса факультета психологии МГУ.

Группа 1, «дистрибутивные переговоры» – 21 человек, 20 женщин, 1 мужчина; средний возраст 18,3 года (SD=0,7).

Группа 2, «интегративные переговоры» – 21 человек, 20 женщин, 1 мужчина; средний возраст – 18,4 года (SD=0,6).

Контрольная группа – 13 человек, 11 женщин, 2 мужчин; средний возраст – 18,8 года (SD= 1,2).

Использовалась среда TSST VR с авторскими пакетами реплик, также следующие методики:

- Опросник «Шкала оценки субъективной комфортности» А.Б. Леоновой (Водопьянова, 2009)
- Шкала тревожности Спилбергера-Ханина (Ханин, 1976)
- Методика семантического дифференциала А.Ф. Гасимова (Гасимов, 2021), в авторской модификации
- Опросник «Методика оценивания переговорного стиля» (МОПС) (Гасимов, 2021), в авторской модификации

Порядок проведения эксперимента:

1. Заполнение информированного согласия, прохождение опросников, измеряющих функциональное состояние и выраженность различных особенностей переговорного стиля
2. Погружение в среду TSST VR, с прохождением через дистрибутивный или интегративный варианты фаз «инструкция», «собеседование», «обратный счёт» (для экспериментальных групп), погружение в среду TSST VR без прохождения фаз, оценка технического исполнения среды (для контрольной группы)
3. Повторное прохождение опросников

Обсуждение результатов

Значимые изменения параметров в группе «дистрибутивные переговоры»:

1. ИСТ (Индекс субъективной тревожности) после vs до: Z = 0,604, p=0,067
2. ИС РЯ (Интегративный стиль «на ситуацию», реальное я) после vs до: Z = 2,224, p=0,026
3. ИП РЯ (Интегративный стиль «на партнёра», реальное я) после vs до: Z = 1,997, p=0,046
4. ИП ЯА (Интегративный стиль «на партнёра», антиидеал) после vs до: Z = -1,842, p=0,029

Полученные данные могут говорить о связи опыта дистрибутивных переговоров, а также переживаемой в процессе тревоги с повышением предпочтения вести переговоры в интегративном стиле, предположительно, в связи с желанием избегать пережитой ранее тревоги и пониманием интегративного стиля как менее «тревожного».

Значимые изменения параметров в группе «интегративные переговоры»:

1. ИСК (Индекс субъективной комфортности) после vs до: Z = 2,107, p=0,035
2. ИС РЯ (Интегративный стиль «на ситуацию», реальное я) после vs до: Z = 2,224, p=0,026
3. ИП РЯ (Интегративный стиль «на партнёра», реальное я) после vs до: Z = 1,997, p=0,046
4. ИС ЯА (Интегративный стиль «на ситуацию», антиидеал) после vs до: Z = -1,842, p=0,029 (повысилась интегративность, антиидеал испытуемого имеет низкое значение стиля переговоров «интегративный, ориентированный на ситуацию» после эксперимента).

Вышеприведённые значения, предположительно, могут свидетельствовать о связи опыта интегративных переговоров с повышением ощущения субъективного комфорта. Возможно предположение о связи, обратной «дистрибутивной» группе, а именно пережитого чувства комфорта с предпочтениями вести переговоры в интегративном стиле, в связи с пониманием интегративного стиля как более комфортного.

Значимых изменений для контрольной группы преимущественно не наблюдается, что может свидетельствовать о том, что значимые изменения в группах есть следствие экспериментального воздействия.

Выводы. Созданную среду можно считать стрессогенной и использовать в дальнейших исследованиях. По результатам наблюдений, «долгосрочный» переговорный стиль изменяется в связи с ситуациями социального стресса, наблюдения показывают в основном изменение в сторону интегративного переговорного стиля.

1. Величковский, Б. Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье / Б. Т. Величковский // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2005. – № 4. – С. 7–21.
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009. 336. с.
3. Гасимов, А. Ф. Индивидуальные характеристики личности как факторы прогнозирования хода переговорного процесса / А. Ф. Гасимов. – Москва : Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, 2021. – 195 с.
4. Леонтьев, Д. А. Многоуровневая модель взаимодействия с неблагоприятными обстоятельствами: от защиты к изменению / Д. А. Леонтьев. – 2013.
5. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л: ЛНИИФК, 1976. 40 с.

Бердичевский А.А., Соколинская Е.В., Лыткина К.А.
ГБУЗ «ГВВ № 3 ДЗМ»

Специфика психических состояний медсестер, имеющих близких в качестве потенциальных участников СВО

Психология состояний, структура психических состояний, профессиональное выгорание, проактивное поведение, специальная военная операция

Введение. С учетом современных реалий специальной военной операции (СВО), особого внимания со стороны психологических служб медицинских учреждений заслуживают медицинские работники, оказывающие помощь участникам СВО и имеющие близких, которые могут стать потенциальными участниками СВО.

Целью исследования является определение различий в психических состояний среднего медперсонала ГБУЗ «Госпиталь ветеранов войн №3 ДЗМ» в зависимости от наличия или отсутствия потенциальной угрозы здоровью их близких (возможное попадание на СВО).

Задачи:

1) определение различий в исследуемых характеристиках между группами среднего медперсонала в зависимости от наличия или отсутствия потенциально угрозы жизни их близким;

2) определение различий в структурах психических состояний сестринского персонала в зависимости от наличия потенциальной витальной угрозы их близким или ее отсутствия.

Методы. Выборка исследования состояла из двух групп:

1 медсестры (N=70) в возрасте от 20 до 64 лет (M=42,84, SD=9,58) чьи близкие испытывают потенциальную возможность попадания на СВО;

2 медсестры (N=42) в возрасте от 22 до 61 лет (M=43,48, SD=9,32), чьи близкие не являются потенциальными участниками СВО.

Методики исследования:

- опросник выгорания Маслач (Водопьянова, 2024);
- методика оценки рабочей мотивации (Леонова, 2019);
- шкала депрессии, тревоги и стресса (Золотарева, 2021);
- дифференциальный опросник смысложизненного кризиса (Карпинский, 2015);
- шкала созависимости Спенн-Фишер (Бердичевский и др., 2019);
- методика «Проактивный копинг» (Белинская, Вечерин, 2018);
- шкала психологического благополучия (Нартова-Бочавер, 2013).

В качестве одного из методов обработки данных использовался структурно-психологический анализ (Карпов и др., 2018) с вычислением индекса организованности структуры (ИОС) матриц интеркорреляций, являющийся разностью:

- индекса когерентности структуры (ИКС) – функция числа и степени значимости положительных корреляции;
- индекса дивергентности (ИДС) – функция числа и степени значимости отрицательных корреляции.

Результаты

Анализ различий показал, что уровень эмоционального истощения медсестер, чьи близкие являются потенциальными участниками СВО выше (U=1090, при $p \leq 0,02$), работа представляется им более простой (U=1140, при $p \leq 0,04$), при этом они более дефицитарны в проактивном совладании (U=1090, при $p \leq 0,02$) в отличии от сотрудниц среднего медперсонала, чьи близкие не могут оказаться на СВО.

Анализ различий в стабильности структур психических состояний (СПС) показал, что СПС медсестер, чьи близкие могут потенциально стать участниками СВО (M=0,27, SD=0,29) значимо отличается (Т-Вилкоксона=1140, при $p \leq 0,0000001$) от СПС представительниц среднего медперсонала, чьи близкие не могут стать участниками СВО (M=0,34, SD=0,22). СПС последних более «жесткая» и устойчивая к изменениям.

Существуют значимые различия в общей организованности СПС (Хи-квадрат = 25,06, при $p \leq 0,000004$) между исследуемыми группами (ИОС потенц. угроза = 186 и ИОС нет угрозы 139). Показано, что СПС представителей среднего медицинского персонала, чьи близкие могут стать потенциальными участниками СВО, более однородна (хи- квадрат = 19,67, при $p \leq 0,00005$) по сравнению с медсестрами, чьи близкие не могут принять участие в СВО (ИДС потенц. угроза = 152 и ИДС нет угрозы = 194).

Выводы. Полученные данные показывают, что работники среднего медицинского персонала, задействованные в оказании помощи участникам СВО и имеющие близких, которые могут стать потен-

циальными участниками СВО, особо нуждаются в психологической помощи. Это наиболее актуально в области коррекции симптомов профессионального выгорания, развитии способности к проактивному совладанию.

Важно учитывать, что они, несмотря на низком уровне дифференциации психологических свойств своего состояния, готовы к такого рода работе.

1. Карпов, А.В., Карпов, А.А., Карабущенко, Н.Б., Иващенко, А.В. Динамика метакогнитивных детерминант управленческой деятельности в процессе профессионализации. Экспериментальная психология. 2018 № 11 (1). С. 49–60. https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110103

Гензе Г.П., Солдатова Е.Л.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Математическое моделирование уязвимости к фишингу

Фишинг, кибербезопасность, уязвимость, математическое моделирование

Современные исследования акцентируют роль психологических факторов уязвимости пользователей образовательной среды к кибератакам (Pattinson et al., 2022). Психологическая уязвимость к фишинговым атакам (ПУФ) – совокупность индивидуальных когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей, повышающих вероятность обмана человека с помощью мошеннических схем, направленных на получение конфиденциальной информации через поддельные сообщения, сайты или другие формы коммуникации.

Цель исследования – выявление психологических факторов, повышающих вероятность состоявшихся фишинговых атак среди студентов и сотрудников образовательных организаций.

Анализ литературы показал, что ПУФ связана с рядом факторов.

• Импульсивность повышает риск поспешного реагирования на подозрительные сообщения, что снижает вероятность критической оценки информации (Hadlington, 2017).

• Недостаточная внимательность и цифровая настороженность ведут к игнорированию деталей интерфейсов и признаков подделки (Vishwanath et al., 2018).

• Социальное влияние и конформизм усиливают вероятность подчинения социальным сигналам, даже если они исходят от мошенников (Sun et al., 2022).

• Доверчивость и низкая цифровая грамотность (недостаточная осведомленность о принципах онлайн-безопасности) повышают уязвимость к манипуляциям и социальной инженерии (Sheng et al., 2010).

• Дополнительно подчеркивается роль эмоциональных факторов: высокий уровень тревожности и когнитивных искажений (катастрофизация, персонализация) делают пользователей менее критичными в условиях давления времени (Nazarova, 2017).

Таким образом, в литературе выделяются несколько психологических предикторов, которые могут быть формализованы в рамках математической модели.

Математическая модель уязвимости к фишингу опирается на данные о том, что индивидуальные различия в цифровой грамотности (DG), внимательности (Att), импульсивности (Imp), а также доверчивости и склонности к риску (Trust) являются статистически значимыми предикторами вероятности успешного обмана:

$$\mathrm{Vuln} = a_0 + a_1 \cdot \mathrm{DG} + a_2 \cdot \mathrm{Att} + a_3 \cdot \mathrm{Imp} + a_4 \cdot \mathrm{Trust} + \varepsilon$$

Здесь показатель уязвимости (Vuln) выступает зависимой переменной, а латентные переменные «цифровая внимательность» и «поведенческая настороженность» будут уточнены с помощью факторного анализа.

Эмпирическая проверка предложенной модели позволит выявить ключевые зоны риска и разработать таргетированные программы обучения пользователей, направленные на повышение настороженности и критического мышления в онлайн-среде, что снизит вероятность успешных фишинговых атак.

1. Hadlington L. Human factors in cybersecurity: Examining the link between Internet addiction, impulsivity, attitudes towards cybersecurity, and risky online behaviours // Heliyon. 2017. Vol. 3 (7). e00346.
2. Sheng S., Holbrook M., Kumaraguru P., Cranor L., Downs J. Who falls for phish? A demographic analysis of phishing susceptibility and effectiveness of interventions // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2010. P. 373–382.
3. Sun J., Wang Y., Peng M., Zhang K. Social influence and phishing susceptibility: A study on group decision-making // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 128. 107119.
4. Vishwanath A., Harrison B., Ng Y.J. Suspicion, cognition, and automaticity model (SCAM) of phishing susceptibility // Communication Research. 2018. Vol. 45 (8). P. 1146–1166.
5. Williams E.J., Beardmore A., Joinson A.N. Individual differences in susceptibility to online influence: A study on susceptibility to phishing scams // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2017. Vol. 20 (9). P. 533–537.

Корсакова Н.П.
ГБДОУ детский сад № 78,

Ветвицкая Т.В.
ГБОУ «Центр «Динамика», АППО им. К.Д. Ушинского

Влияние проектной деятельности на профессиональное здоровье педагога

Здоровье, педагог, профилактика, выгорание

Введение. Развитие новых форм, методик и методов сопровождения детей в образовании, всегда волнует психолого-педагогическое сообщество. На различных площадках дискуссируются вопросы о способах взаимодействия в диаде педагог-ребенок, через призму изменившегося современного мира. Ведущие педагогические теории и методики дают возможность сделать процесс образования для детей более вариативным и интерактивным. Необходимо принимать во внимание, то, что педагог, участвуя в проектной деятельности, участвуя в профессиональных конкурсах, делая проекты, доклады на различных конференциях, форумах профилактирует профессиональное выгорание, поддерживая интерес и радость в профессии. Автор Новиков А.М. отмечал, что творческая компетентность в структуре компетентности педагога интегрирует креативность и развитие личности на разных этапах профессиональной (педагогической) деятельности.

Целью исследования является выявление особенностей профессионального здоровья педагогов, участвующих в проектной деятельности.

Методы. В исследовании принимали участие педагоги дошкольных и коррекционных образовательных учреждениях, участвующих в проектной деятельности, всего 70 человек. Педагогам была предложена анкета экспресс-диагностика эмоционального выгорания педагогов (О.Л. Гончарова) и опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко), предназначенная для диагностики психологического благополучия личности в условиях трудовой деятельности.

Результаты. Согласно полученным результатам по анкетированию, педагоги показали низкий уровень профессионального выгорания в 76% случаев, в 21% случаев средний уровень профессионального выгорания, 3% от числа респондентов показали высокий уровень профессионального выгорания. Анализируя данные опросника, можно говорить о том, что большинство педагогов отметили доверительные отношения с окружающими – шкала «Положительные отношения с другими» – высокий уровень психологического благополучия (55%). По шкале «Автономия» у педагогов получился суммарно доминировал средний уровень, что говорит о том, что они пробуют самостоятельно регулировать свое поведение, корректируют личностное оценивание. По шкале «Управление окружением» педагоги показали средний уровень – стараются улучшить складывающиеся обстоятельства, работают над личным контролем. По шкале «Личностный рост» показан наибольший балл (высокий уровень), респонденты открыты новому опыту, испытывают чувство реализации своего потенциала, наблюдает личные улучшения, готов к дальнейшему профессиональному росту. Данные по шкале «Цель в жизни», отвечают за смыслосодержание в деятельности у педагогов на среднем уровне. Шкала «Самопринятие» показана высоким баллом, характеризует респондента как человека, который позитивно относиться к себе, знает и принимает различные свои стороны, положительно оценивает свой опыт.

Выводы. Педагоги детских садов и школ, в том числе коррекционных образовательных учреждений, участвующих в проектной деятельности, в целом показали себя как перспективные сотрудники, у которых есть ресурсные возможности для личностного и профессионального роста. Респонденты отмечали повышенный интерес к своей деятельности в рамках разработки и реализации проектов совместно с детьми, который, по всей вероятности, выступает профилактическим компонентом профессиональной деформацией педагога.

1. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения. М., Просвещение, 2007
2. Новиков А.М. Организация образовательных проектов / А. М. Новиков, Д. А. Новиков // Инновационные проекты и программы в образовании. 2009

Лукоянова П.В., Качина А.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Жизнестойкость как фактор совладания с хроническим стрессом консультирующих психологов
жизнестойкость, копинг-стратегии, хронический стресс

Введение. Жизнестойкость – личностный ресурс, обеспечивающий адаптацию к стрессу и поддержание профессиональной эффективности психологов-консультантов, чья работа связана с высокими психоэмоциональными и когнитивными нагрузками (Maddi, 2002). Цель исследования – изучить связь между уровнем жизнестойкости и выбором копинг-стратегий для совладания с хроническим стрессом у психологов-консультантов.

Гипотеза: существует связь между уровнем жизнестойкости и выбором адаптивных копинг-стратегий.

Методы. В исследовании принимали участие 34 консультирующих психолога, имеющих профильное высшее образование. Было представлено 30 женщин (88,2%) и 4 мужчины (11,8%). Преимущественно выборка состояла из специалистов с опытом работы более 3 лет (44,1%) и предпочитающих удаленный формат работы (76,5%). Для проверки гипотезы использовались следующие методики: краткая версия теста жизнестойкости Мадди(Осин, Рассказова, 2013), опросник для оценки переживания острого и хронического стресса Леоновой (Леонова, 2004), анкета основных профессиональных стресс-факторов психолога-консультанта, опросник способов совладания COPE-30 (Одинцова и др., 2022). Данные обрабатывались в IBM SPSS Statistics 23 с применением корреляционного и регрессионного анализов.

Результаты. Обнаружена обратная связь между жизнестойкостью и хроническим стрессом ($r = -0.732$, $p < 0.001$). Жизнестойкость имеет прямую связь с адаптивными копинг-стратегиями: активным совладанием ($r = 0.462$, $p < 0.01$), принятием ответственности ($r = 0.395$, $p < 0.05$), планированием решения проблем ($r = 0.362$, $p < 0.05$). Стратегия «юмор» имеет отрицательную связь с жизнестойкостью ($r = -0.387$, $p < 0.05$), что показывает ее дезадаптивный вклад в совладание с хроническим стрессом у психологов нашей выборки. Согласно результатам регрессионного анализа, жизнестойкость и проблемно-ориентированный копинг (планирование решения проблемы) оказывают отрицательное влияние на выраженность хронического стресса ($R^2 = 0.728$, $p < 0.001$).

Регрессионное уравнение: хронический стресс = 109,84-0,746*общая жизнестойкость-0,362*планирование решения проблемы.

Выводы. Высокая жизнестойкость связана с низким уровнем хронического стресса, так как способствует выбору адаптивных копинг-стратегий, предотвращающих хронизацию стресса. Для дальнейших исследований рекомендуется расширение выборки, использование лонгитюдного дизайна, а также учет факторов, опосредующих связь между жизнестойкостью и профессиональным стрессом (личностные диспозиции специалиста, особенности его работы с клиентами, наличие/отсутствие психотерапевтической практики в роли клиента).

1. Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2004 Т. 25, № 2 С. 75–85.
2. Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Александрова Л.А. COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий // Вестник Московского университета. Сер. 14 Психология. 2022 № 4 С. 247-275.
3. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Сер. 14 Психология. 2013 № 2 С. 147–165.
4. Maddi, S.R. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice //
5. Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 2002 Vol. 54 (3). P. 173–185. https://doi.org/10.1037/1061-4087.54.3.173.

Концевая А.Р., Беглярова В.Г., Гофман О.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Роль внерабочих ресурсов в восстановлении субъектов труда

Отдых, восстановление сил, психологическая отстраненность, ресурсы, свободное время, работа

Внедрение ИКТ в последние десятилетия значительно изменило структуру работы, сделав ее более гибкой, а сотрудников более производительными. Однако исследования показывают, что такие изменения увеличивают рабочее время и приводят к размыванию границ работы и отдыха, в связи с чем у сотрудников повышается переутомление, технострессы социальная изоляция (Баранов, 2021). Исследования последних лет подчеркивает актуальность исследования свободного времени и возможностей восстановления субъектов труда (Park Y. A., 2011; Sonnentag S., 2022). Согласно моделям JD- R и WH-R сотрудникам необходимо достаточное количество ресурсов (рабочих и внерабочих) для повышения вовлеченности (Bakker A. B., Demerouti E.). Так, отдых и досуг выступают важным ресурсом в преодолении стресс-синдромов, связанных с работой. При этом под отдыхом понимается время свободное от работы, с целью восстановления затраченных на работе ресурсов, а досуг – время свободное для занятий полезной деятельностью (хобби, общение), не связанной с работой, с целью развития ресурсов.

Цель нашего исследования – изучить особенности отдыха и досуга субъектов труда.

Выборку составили 210 человек – представители интеллектуального труда и творческих профессий (183 женщины; 27 мужчин), средний возраст 26,5 лет, стаж – 5,9 лет. Методики: ДОРС А.Б. Леонова, С.Б. Величковская (2002), Утрехтская шкала увлеченности работой (UWES) Д. А. Кутузова (2006), анкета «Организация свободного времени»(2024), методика «Отношение к отдыху» О.О. Гофман, В.Г. Беглярова, А.Р. Концевая. По выборке преобладает пассивный отдых (62%) по сравнению с активным (38%). Также было выявлено, что руководители имеют более низкие показатели работоспособности по сравнению с исполнителями, при этом они в большей степени ориентированы на ресурсно-личностный отдых: специалисты в сфере управления в большей степени осознают важность отдыха для профессионального развития. Тем не менее, пассивный отдых не обеспечивает должного восстановления: чем чаще он используется, тем выше показатели монотонии и пресыщения ($p<0,05$). А активный отдых связан с более низкими показателями монотонии и пресыщения, а также с более высокими показателями вовлеченности в работу ($p<0,05$). Таким образом, можно говорить о большей эффективности и восстановительной способности активного отдыха в борьбе с рабочим стрессом.

Выявлено, что сотрудники, у которых есть хобби, имеют уровень вовлеченности выше, чем те, у кого его нет, при этом сфера хобби не оказывает влияния на уровень вовлеченности ($p>0,05$). Также если сотрудники осознают, что занятия хобби является полезным для их профессиональной деятельности, т.е. через хобби они получают знания и навыки важные для работы, то это тоже повышает вовлеченность ($p<0,05$) и снижает уровень утомления ($p<0,05$), так, сотрудники через хобби формируют навыки необходимые в работе, вследствие чего рабочие нагрузки воспринимаются как менее интенсивные и затрачивают меньше энергии для их выполнения. Общение с друзьями, семьей и коллегами вне рабочего времени положительно влияет на вовлеченность в работу ($p<0,01$).

Таким образом, полученные результаты уточняют роль отдыха и досуга для здоровья и благополучия работников, а также формируют новую область по изучению роли внерабочих ресурсов в психологии профессионального здоровья.

1. Bakker A. B., Demerouti E., Sanz-Vergel A. Job demands–resources theory: Ten years later //Annual review of organizational psychology and organizational behavior. – 2023 – Т. 10 – №. 1 – С. 25-53.
2. Park Y. A., Fritz C., Jex S. M. Relationships between work-home segmentation and psychological detachment from work: the role of communication technology use at home //Journal of occupational health psychology. – 2011 – Т. 16 – №. 4 – С. 457
3. Sonnentag S., Cheng B. H., Parker S. L. Recovery from work: Advancing the field toward the future //Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. – 2022 – Т. 9 – №. 1 – С. 33-60.

Зорич Е.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Профессиональное здоровье инженеров: актуальность, вызовы и комплексный подход

Профессиональное здоровье, психология здоровья, профессиональное здоровье инженеров, выгорание инженеров

В работе рассмотрено профессиональное здоровье специалистов инженерно-технических профессий. Профессиональное здоровье инженеров является ключевым фактором обеспечения технологического прогресса, инноваций и безопасности проектов. Физическое и психическое состояние специалистов напрямую влияет на качество их работы и эффективность отрасли.

Актуальность исследования заключается в том, что инженеры ежедневно сталкиваются с высокими интеллектуальными и эмоциональными нагрузками, что приводит к риску профессионального выгорания, которое рассматривается как один из компонентов оценки общего здоровья специалистов. Профессиональное выгорание признано Всемирной организацией здравоохранения как синдром, возникающий из-за хронического стресса на рабочем месте. В инженерной среде выгорание усугубляется высокой ответственностью, необходимостью работы со сложными системами, постоянными сроками сдачи работ, цифровизацией и информационным давлением [3]. К последствиям выгорания относятся снижение производительности труда, ухудшение психического и физического здоровья, а также разрушение профессионального и личностного благополучия.

Изучение профессионального здоровья инженеров требует использования биопсихосоциальной модели, которая включает три взаимосвязанных компонента: биологический, психологический, социальный [2]. Комплексный подход к профессиональному здоровью позволяет учитывать все аспекты здоровья, что особенно актуально для профессий с высокими интеллектуальными и эмоциональными нагрузками. Современные исследования показывают, что игнорирование хотя бы одного из компонентов приводит к недооценке рисков и снижению эффективности профилактических мероприятий [1]. В условиях цифровизации и повышения требований к гибкости и скорости принятия решений все большую актуальность приобретает данный подход к профессиональному здоровью инженеров.

Целью исследования является изучить аспекты профессионального здоровья, взаимосвязь личностных особенностей со смысло-жизненными ориентациями, выгоранием, самочувствием, настроением и активностью специалистов инженерно-технических профессий. Гипотеза: чем больше определены смысло-жизненные ориентации, тем выше профессиональное здоровье и ниже выгорание у специалистов инженерно-технических профессий. В качестве метода исследования выбрано анкетирование, дизайн – корреляционный.

Для анкеты выбраны следующие методики: личностный опросник «Большая пятерка» (BIG FIVE INVENTORY-2-S), (Мишкевич и др., 2022); «Смысло-жизненные ориентации» (адаптирован Д. А. Леонтьевым); Опросник профессионального выгорания Маслач(адаптирован Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой), Опросник САН (В. А. Доскин и др.), авторская анкета «Здоровое поведение». Предполагается, что выборка исследования будет состоять из инженерно-технических специалистов строительной отрасли: проектировщики, инженеры-строители, архитекторы и другие специалисты смежных профессий работающие преимущественно за компьютером.

Исследования профессионального здоровья инженеров являются не только научной, но и практической необходимостью. Используя подход, учитывающий биологические, психологические и социальные аспекты, будут разработаны эффективные стратегии профилактики выгорания и поддержания высокого уровня профессионального благополучия инженеров.

1. Водопьянова Н.Е. и др. Психическое выгорание как препятствие профессиональной самореализации специалистов IT-сферы // Самореализация личности в эпоху цифровизации: глобальные вызовы и возможности. – 2022. – С. 158-162.
2. Исаев А.А., Никифоров Г.С., Родионова Е.А. Психология профессионального здоровья: обзор концепций //Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2019. – Т. 32. – №. 2. – С. 114-122.
3. Новикова А.В., Широков В.А., Егорова А.М. Напряженность труда как фактор риска развития синдрома эмоционального выгорания и тревожно-депрессивных расстройств в различных профессиональных группах (обзор литературы) //Здоровье населения и среда обитания. – 2022. – Т. 30. – №. 10. – С. 67-74.

Токаренко В.В., Правдина Л.Р.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Особенности совладающего поведения и субъективного благополучия спасателей МЧС

Совладающее поведение, субъективное благополучие, МЧС, копинг-стратегии, профессиональный стресс

Сотрудники Государственной службы МЧС России относятся к представителям профессии экстремального профиля, деятельность которых изобилует сложными и опасными условиями. Подобные обстоятельства, сопровождающиеся интенсивными стрессирующими и психотравмирующими воздействиями, зачастую провоцируют возникновение разного рода нарушений у спасателей – от функциональных расстройств до развития болезни. Дополнительную нагрузку создает текущая социальная и геополитическая нестабильность, расширяющая спектр чрезвычайных задач. Таким образом, целью исследования являлось выявление особенностей совладания и уровней субъективного благополучия у сотрудников подразделений МЧС по Ростовской области.

Выдвинуты следующие гипотезы исследования: 1) существуют различия в уровне субъективного благополучия между пожарными и спасателями; 2) пожарные в большей степени, чем спасатели, склонны использовать проблемно-ориентированный копинг, а также копинг-стратегии избегания и отвлечения; 3) сотрудники МЧС с высоким и низким уровнем субъективного благополучия различаются по выраженности стратегий совладания; 4) у сотрудников МЧС наблюдаются взаимосвязи между показателями субъективного благополучия, проблемно- и эмоционально-ориентированного копингов.

В эмпирическом исследовании использовались: методика «Копинг- поведение в стрессовых ситуациях», «Шкала субъективного благополучия», «Шкала психологического стресса», «Опросник проактивного совладающего поведения».

Для проверки первых двух гипотез о различиях в уровнях субъективного благополучия и стратегий совладания применялся сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни. Выявлено, что пожарные чаще используют копинг, ориентированный на избегание ($U_{эмп} = 1183$; $p \leq 0,05$) и отвлечение ($U_{эмп} = 1399$; $p \leq 0,05$). При этом спасатели имеют сниженный уровень субъективного благополучия ($U_{эмп} = 1061$; $p \leq 0,05$) и также склонны к избеганию.

Для анализа связи между стратегиями совладания и благополучием респонденты были разделены на две группы: с высоким (67%) и низким (33%) уровнем субъективного благополучия. В обеих группах преобладают средние показатели по всем стратегиям, что может отражать неопределённость в совладающем поведении и вариативность индивидуальных стратегий. Однако сравнительный анализ показал, что сотрудники с высоким уровнем благополучия чаще используют стратегии избегания и отвлечения.

Для проверки последней гипотезы использовался корреляционный анализ Спирмена. У спасателей благополучие связано с эмоциональным копингом и отрицательно – с избеганием и отвлечением. У пожарных картина несколько обратная: субъективное благополучие положительно связано с избеганием и социальным отвлечением, а отрицательно – с проблемно-ориентированным копингом.

Результаты эмпирической части показали правомерность выдвинутых предположений. Перспективой дальнейших исследований может стать более углубленное изучение влияния профессионального стажа, эмоционального интеллекта и специфики служебной деятельности на выбор копинг-стратегий и уровень психологической устойчивости.

Выводы.

1. Общий уровень субъективного благополучия у всех сотрудников МЧС в среднем соответствует состоянию умеренного эмоционального комфорта, однако спасатели все же демонстрируют более низкие значения данной шкалы.
2. Пожарным присуще более выраженное использование стратегий избегания и отвлечения, при относительно низком уровне эмоционально-ориентированных стратегий.
3. У спасателей также преобладают конструктивные формы совладания, однако наблюдается более выраженная индивидуальная вариативность по шкалам избегания и эмоционального реагирования.

1. Алонцева, А. И. Взаимосвязь показателей психологического здоровья со стилями совладающего поведения у спасателей / А. И. Алонцева, Е. О. Кузьмина // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – No 84-1.
2. Крийт, В. Е. Гигиенические аспекты трудовой деятельности пожарных / В. Е. Крийт, Ю. Н. Сладкова, М. В. Санников [и др.] // Медицина труда и промышленная экология. – 2020. – Т. 60. – No 8. – С. 494–501.
3. Максименко, Д. И. Полномочия МЧС России в условиях специальной военной операции: правовые аспекты // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – No 12 (305). – С. 90.

Гофман О.О., Никифоров Г.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Барьеры здорового поведения: анализ зарубежных моделей

Барьеры здорового поведения, самоэффективность, выгоды и трудности, изменение поведения

Барьеры здорового поведения – это препятствия, которые возникают у человека на пути к достижению здорового образа жизни. Целенаправленно проблема барьеров здорового поведения (далее – БЗП) начала разрабатываться под руководством профессора Г.С. Никифорова в СПбГУ. Результатом исследования на выборке 725 человек стало выявление 16 БЗП: лень, нехватка времени, экология, мотивация, питание,социум, недостаток знаний о здоровом образе жизни, вредные привычки, стресс, сон,отсутствие самодисциплины, низкая двигательная активность, воля, семья, материальное положение (Г. С. Никифоров, 2016). И если в российской науке изучение феномена носит эпизодический характер, то в зарубежных – активно исследуется особенно в ключе изменения поведения и эффективного консультирования клиентов в вопросах сохранения здоровья. Цель работы – обобщить ключевые зарубежные психологические модели и определить ключевые предикторы БЗП. Модель убеждений в отношении здоровья (Health Belief Model, HBM, Rosenstock, 1974, 1988) включает воспринимаемую угрозу (оценка человеком своей уязвимости к определенному заболеванию/состоянию), серьезность (оценка тяжести последствий этого заболевания/состояния), выгоду (оценка преимуществ от изменения поведения), барьеры (оценка трудностей и затрат), самоэффективность (вера, что человек способен успешно выполнить необходимые действия для изменения поведения), подсказки кдействиям (внешние или внутренние стимулы, побуждающие к действиям). Есливоспринимаемые преимущества перевешивают барьеры, и человек чувствует себя уверенно (самоэффективность), он с большей вероятностью будет участвовать в здоровом поведении.

В Теории обоснованных действий (Theory of Reasoned Action, TRA, Fishbein, Ajzen, 1975) отмечается, что намерение человека что-то сделать формируется под влиянием его отношения к этому поведению (насколько он считает его полезным или вредным) и субъективных норм (что думают о таком поведении значимые для него люди). Позже Айзен предложил Теорию запланированного поведения (Theory of PlannedBehavior, TPB, Ajzen, 1991, 2011) и дополнил ее третьим компонентом – воспринимаемым поведенческим контролем (насколько человек считает, что способенконтролировать выполнение этого поведения, например, наличие ресурсов, времени, навыков).

В Социально-когнитивной теории (Socio – cognitive theory, SCT, Bandura, 1985) основной акцент на самоэффективности: чем выше воспринимаемая эффективность человека, тем энергичнее и настойчивее он действует. Убеждения в самоэффективностиявляются специфическими для поведения и измеряются с точки зрения трех параметров: величина (уровень сложности поведения), сила (уверенность в выполнении поведения) и общность (проявление поведения в разных ситуациях).

Модель укрепления здоровья (Health Promotion Model, HPM; Pender, Walker, Sechrist, & Frank-Stromborg, 1990) включает опыт поведения в прошлом и личностные особенности, которые предопределяют собственно новое поведение, воспринимаемую самоэффективность поведения, барьеры для новых действий, выгоды, а также межличностное и ситуационное характеристики. В результате формируется приверженность плану действий и разрешаются (или нет) конкурирующие требования, которые уже и определяют здоровое поведение.

Трансteоретическая модель (Transtheoretical model, TT-model, Prochaska & DiClemente, 1983) представляет собой стадийную модель из пяти этапов продвижения к здоровому поведению: от предварительной подготовки, размышлений о возможном новом поведении к подготовке, собственно действию и закреплению привычки. Модель учитывает: баланс принятия решений (предполагает сравнение всех потенциальных плюсов и минусов), ситуационная самоэффективность (изменение уверенности в себе на разных этапах) и процессы изменений (использование разных техник на разных этапах).

Несмотря на то, что круг теорий значительно шире представленных (Рассказова, Иванова, 2015), общим для моделей является когнитивная оценка информации и ориентация на изменение поведения. БЗП многообразны, но ключевыми преградами к здоровому поведению могут быть: уверенность в себе (представление о самоэффективности), оценка выгод и трудностей, отсутствие знаний/навыков, необходимых для осуществления изменений.

1. Никифоров, Г. С. Барьеры, препятствующие здоровому поведению / Г. С. Никифоров // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016 Т. 1, № 4(4). С. 74-93.
2. Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2015 Т. 12 № 1 С. 105–130.

Макаров С.А., Забелина Е.В.
ФГБОУ ВО ЧелГУ

Профессиональная временная перспектива будущего у сотрудников ГИБДД на разных этапах службы

Профессиональная временная перспектива будущего, карьера, сотрудники ГИБДД

Феномен профессиональной временной перспективы будущего (Topa, Zacher, 2018) является относительно новым для российской психологии. Авторы концепции предполагают, что профессиональная временная перспектива будущего характеризует людьми их будущего в контексте работы (Topa, Zacher, 2018). Выделено 3 фактора, составляющих профессиональную временную перспективу будущего: восприятие оставшегося времени, фокус на возможностях и фокус на ограничениях. Индивиды, сфокусированные на возможностях, воспринимают будущее время своей жизни позитивно, концентрируются на планах, целях и возможностях своего оставшегося времени в организации. Люди, которые фокусируются на ограничениях, наоборот, встречают больше препятствий в своей работе. Показатель оставшегося времени свидетельствует от том, как человек воспринимает количество времени, которое ему осталось работать.

В целом ряде исследований продемонстрировано влияние временной перспективы будущего сотрудников на различные параметры эффективности компании: производительность (Kooij, Tims, Akkermans, 2017), мотивация, профессиональной благополучие (Henry и др., 2017).

Цель исследования – выявить особенности профессиональной временной перспективы будущего у сотрудников ГИБДД на разных этапах службы, а также ее связь с удовлетворённостью работой. В качестве основной методики использовался опросник «Профессиональная временная перспектива будущего» (Х. Цахер и М. Фрезе, адаптация Базаров, Парамузов, 2019). Дополнительно применялась методика «Удовлетворённость работой» (В.А. Розанова). 374 респондента в возрасте от 18 до 54 лет (ср. возраст 34,38, 88,6% мужчины), служащих в полку ДПС ГУ МВД России по Челябинской области, были опрошены с помощью бумажных анкет. Далее выборка была поделена на 3 группы в зависимости от стажа службы: до 3-х лет – период адаптации, 3 – 10 лет – идентификация с профессией, более 10 лет – выбор способа существования в профессии.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа ANOVA с поправкой Уэлча выявили значимые различия по параметру фокусирования на возможностях ($p=0,005$) у сотрудников ГИБДД с разным стажем службы. Наиболее выражен фокус на возможностях, которые предоставляет организация, у сотрудников со стажем менее 3-х лет ($M=5,8$). Впоследствии этот фокус значимо снижается: у сотрудников со стажем 3-10 лет среднее значение 5,03, со стажем службы более 10 лет – 5,06. По двум другим показателям – фокус на ограничениях и оставшееся время – значимых различий не обнаружено. Вместе с тем, результаты попарного сравнения показывают различия на уровне тенденции в фокусировании на ограничениях ($p=0,118$) у сотрудников ГИБДД, только начинающих службу ($M=2,7$) и отслуживших более 10 лет ($M=3,2$). Корреляционный анализ параметров временной перспективы будущего и удовлетворенности работой показывает прямую связь последней с фокусировкой на возможностях и обратную – с фокусировкой на ограничениях на всех этапах служебной деятельности. Однако сила взаимосвязей различается. По мере увеличения стажа значение коэффициента корреляции снижается по показателю фокусировании на возможностях и повышается по показателю фокусирования на ограничениях. Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что фокусирование на возможностях является значимым предиктором удовлетворённости работой сотрудников ГИБДД на всех этапах службы. И только в период идентификации с профессией (стаж от 3 до 10 лет) все три показателя профессиональной временной перспективы вносят вклад в удовлетворенность работой сотрудников ГИБДД.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о важной роли профессиональной временной перспективы будущего в удовлетворённости работой у сотрудников ГИБДД на разных этапах профессиональной деятельности и служат основанием для разработки программ мотивации и карьерного роста.

1. Kooij D., Tims M., Akkermans J. The influence of future time perspective on work engagement and job performance: the role of job crafting // European Journal of Work and
2. Organizational Psychology. 2017 Vol. 26 (1). P. 4–15.
3. Henry H., Zacher H., Desmette D. Future Time Perspective in the Work Context: A Systematic Review of Quantitative Studies // Frontiers in Psychology. 2017 P. 1–22.
4. Topa G., Zacher H. Occupational Future Time Perspective: Psychometric Properties of a Spanish Scale // Frontiers in psychology. 2018 Vol. 9

Иванова К.И., Загашев И.О.
ЧОУ РХГА им. Ф.М. Достоевского

Исследование взаимосвязи между социально-статусными характеристиками и уровнем ответственности

Ответственность, профессиональная деятельность, ответственность и социально-статусные характеристики

Введение: В данной статье рассмотрено и изучено с различных сторон понятие феномена ответственности, в том числе рассмотрены взгляды разных исследователей, даны определения понятия, описана проблема взаимосвязи между социально-статусными характеристики и уровнем ответственности. Одним из наиболее емких определений ответственности можно назвать определение ответственности как, ответственность – личностного интеграла способа самовыражения, типа активности «Я», движущих сил ее активности и одновременно позиции, которую она занимает и осуществляет в жизни (Быков, 2021). Также рассмотрена ответственность как социальное качество (Муздыбаев, 2017). Проблема заключается в том, что собственно социально-статусные характеристики во взаимосвязи с личностными свойствами работника, например, с феноменом ответственности, изучены недостаточно.

Цель исследования: Теоретически изучить и эмпирически проверить гипотезу о взаимосвязи между ответственностью как личностным свойством работника страховой компании и его социально-статусными характеристиками

Методы: 30 человек, 7 женщин, 23 мужчины. Возраст: 30-40 лет. Все участники – сотрудники страховой компании САО «РЕСО-Гарантия». Основные должности: эксперт, эксперт 1, 2 или 3 категории, заместители начальников секторов, заведующие секторами, менеджеры, страховые агенты. опросник Махнача А.В. «Ответственный ли Вы человек?», состоящий из 25 вопросов, требующих положительного или отрицательного ответа. И методика Прядеина В.П. «Экспресс-диагностика ответственности». Методика состоит из 12 вопросов, требующих ответа «безусловно да», «да», «возможно да», «ответ нейтральный», «возможно нет», «нет,», «безусловно нет». Корреляционный анализ по Спирмену и анализ значимости различий по Фишеру. Исследование проведено в формате анонимного онлайн анкетирования.

Результаты: У работников, занимающих высокие должности, действительно больше ответственности, чем у тех сотрудников, которые занимают низкие должности, на высоком уровне статистической значимости, p=0.01, полученные результаты представлены по обеим методикам и имеют одинаковый результат. Обе подобранные методики значимо коррелируют между собой, что подтверждает, что они обе исследуют один и тот же феномен ответственности.

Выводы: Таким образом, были проанализированы этапы изучения ответственности, как личностного свойства, в контексте изучения профессиональной деятельности, были сравнены различные подходы к изучению представленной темы. Также было проведено исследование и сформулированы выводы о наличии взаимосвязи ответственности, как личностного свойства, и социально-статусных характеристик работников страховой компании.

1. Быков С.В. Психология профессиональной ответственности (теория, исследования, тренинг): монография – Х.: изд-во «Гуманитарный Центр», 2021 – 148 с.
2. Муздыбаев К. Психология ответственности / Под ред. В.Е. Семенова. Изд. Стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017 – 248 с.

Круглов В.Г.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Факторы коммуникативной эффективности рекламных страниц репетиторов в социальной сети «ВКонтакте»

Коммуникативная эффективность рекламы в социальных сетях, нарративный подход к оценке качества сервиса, теория сходства-привлекательности

Введение. В настоящее время социальные сети стали основным каналом продвижения товаров и услуг, предлагаемых фрилансерами. Вместе с тем, в научной литературе это явление получило незаслуженно мало внимания. Поэтому при разработке теоретических моделей приходится опираться на подходы и концепции, применяемые в смежных областях – в исследованиях инфлюенсеров, интернет-сервисов и т.д. Цель исследования заключалась в том, чтобы выделить факторы коммуникативной эффективности рекламных страниц в социальной сети, опираясь на нарративную модель М. Мура (Kalbach, 2016). Эта модель включает в себя четыре этапа пути пользователя, образующих сюжетную арку его истории взаимодействия с сервисом: Понимание проблем и затруднений пользователя (провайдер сервиса как «сопереживатель»), Рассказ вдохновляющей истории, которая мотивирует к пробному использованию сервиса («рассказчик»), Помощь и поддержка в освоении сервиса, включающие трансформацию опыта пользователя («проводник»), Надежное выполнение текущих и будущих обязательств («партнер»). Теоретическая модель исследования была расширена включением теории сходства-притягательности Бирна и теории достоверности источника Ховланда.

Методы. Выборка исследования составила 150 человек в возрасте от 18 до 35 лет, из них 84 женщин и 66 мужчин. Респонденты случайным образом распределялись по 8 экспериментальным группам. Затем им предлагалось ознакомиться с рекламной страницей репетитора иностранного языка. Она включала в себя заголовок, «фотографию» мнимого репетитора (размытую, чтобы избежать влияния внешности), одинаковую для всех групп текстовую часть с презентацией репетитора, и переменную текстовую часть, в которой делался упор на исполнение одной из ролей в модели М.Мура. Каждая группа получала свой вариант страницы, при этом учитывался пол респондента. Для оценки воспринимаемого качества выполнения отдельных ролей использовалась шкала на основе многофакторного вопросника лидерства (MLQ) и шкалы SERVQUAL. Для оценки воспринимаемого качества работы репетитора использовалась шкала из работы Munnukka et al. (2016), воспринимаемого сходства аттитюдов и ценностей – шкала Yi Bu et al. (2022).

Результаты. Конфирматорный анализ подтвердил структуру оценок выполнения ролей в модели Мура ($\chi 2 = 60{,}89$; $p = 0{,}10$). Роль «Рассказчика» оказалась связанной с общей оценкой репетитора, с отношением к контакту с ним, и с вероятностью контакта.

Главным предиктором оценки репетитора стали оценки его эмпатии ($\beta = 0{,}29$). При высокой степени воспринимаемого сходства ценностей репетитора и ученика оценки репетитора становятся только положительными, а связь таких оценок с отношением к контакту с репетитором пропадает. При низкой степени ценностного сходства, оценка репетитора является основным предиктором отношения к контакту с ним ($\beta = 0{,}42$).

Выводы.

1. Для коммуникативной эффективности рекламной страницы репетитора наиболее значимой является роль «рассказчика», который мотивирует и вовлекает ученика в учебный процесс.
2. Воспринимаемое сходство ценностей между респондентом и репетитором является отрицательным модератором связи между оценками репетитора и отношением кконтакту с этим репетитором.

1. Kalbach J. Mapping Experiences / Sebastopol, CA: O›Reilly Media Inc., 2016
2. Munnukka, J., Uusitalo, O., Toivonen, H. Credibility of a peer endorser and advertising effectiveness // Journal of Consumer Marketing. 2016 Vol. 33 (3). P. 82–192. https://doi.org/10.1108/JCM-11-2014-1221
3. Yi Bu, Parkinson, J., Thaichon, P. Influencer marketing: Homophily, customer value co-creation behaviour and purchase intention // Journal of Retailing and Consumer Services. 2022 Vol 66 (4). P. 1–17. https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2021.102904

Григорьева В.Д., Кузьмин А.Ю., Родионова Е.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Организационные и личностные факторы организационной приверженности сотрудников, работающих удаленно

Организационная приверженность, организационная лояльность, дизайн работы, удаленная работа

Введение. Рынок труда претерпевает изменения, связанные с развитием технологий и распространением удаленной работы, что ставит новые задачи перед работодателями по поддержанию лояльности сотрудников (Allen, 2024; Van Rossenberg et al, 2018). Ключевыми потребностями сотрудников онлайн-формата являются автономия в принятии решений, способность эффективно выполнять работу и взаимосвязанность, проявляющаяся в поддержании социальных связей (Biron et. al, 2023). Целью исследования является изучение влияния организационных и личностных факторов на уровень организационной приверженности сотрудников, работающих в разных форматах. Особое внимание уделяется анализу компонентов приверженности, характеристик работы и личностных особенностей.

Методы. В исследовании приняли участие 42 сотрудника (25 женщин, 17 мужчин), разделённые на две равные группы: работающие удаленно и в офисе. Использовались стандартизированные методики: Шкала организационной приверженности, Опросник дизайна работы, шкала добросовестности из модели BIG-5, шкала самоэффективности, Опросник отношения к технологиям и Утрехтская шкала вовлеченности. Анализ данных включал описательную статистику, t-тесты, корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты. Общий уровень организационной приверженности был достаточно высоким (среднее 4.0), при этом аффективный компонент доминировал (среднее 4.1). Сотрудники, работающие удаленно, показали статистически значимо более высокий уровень аффективной приверженности по сравнению с офисными коллегами ($p=0.042$). Выявлена тенденция к более высокой общей приверженности онлайн-сотрудников. Значимые различия между группами наблюдались в характеристиках работы: удалённые сотрудники отметили большую автономию в планировании, целостности задач, специализации, офисные –высокую взаимозависимость в работе. Регрессионный анализ показал, что разнообразие задач и обратная связь от работы положительно влияют на аффективную приверженность, тогда как обработка информации и взаимозависимость имеют тенденцию к снижению компонента. Продолженная приверженность усиливается разнообразием и сложностью задач, но снижается высокой специализацией и взаимодействием с внешними структурами. Нормативная приверженность положительно связана со значимостью, сложностью и разнообразием задач, отрицательно – с автономией в принятии решений. Добросовестность, технопессимизмоказали влияние на вовлеченность сотрудников ($p<0.05$), которая, в свою очередь, была сильным предиктором аффективной приверженности ($\beta=0.75$, $p<0.001$).

Выводы. Исследование подтвердило, что организационная приверженность формируется под воздействием как организационных, так и личностных факторов, а формат работы (удаленный или офисный) влияет преимущественно на аффективный компонент приверженности. Удалённые сотрудники демонстрируют более высокую эмоциональную вовлеченность, что связано с большей автономией и целостностью выполняемых задач. Личностные особенности опосредованно влияют на приверженность через вовлеченность.

1. Allen K. S. et al. Hybrid is here to stay: Critical behaviors for success in the new world of work // Personality and Individual Differences. 2024 Т. 217 С. 1–10.https://doi.org/10.1016/j.paid.2023.112459
2. Van Rossenberg Y. G. T. et al. The future of workplace commitment: Key questions and directions // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2018 Т. 27 № 2 С. 153–167. https://doi.org/10.1080/1359432X.2018.1443914
3. Biron M., Casper W. J., Raghuram S. Crafting telework: a process model of need satisfaction to foster telework outcomes // Personnel Review. 2023 Т. 52 № 3 С. 671–686. https://doi.org/10.1108/PR-04-2021-0259

Кузнецова Е.О., Ульянова Н.Ю.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Карьерные притязания представителей поколений X и Z: гендерный аспект

Карьерные притязания, уровень притязаний, поколения, гендерные стереотипы, гендерный тип личности

Актуальность исследования. Современный рынок труда претерпевает изменения: представители поколения Z активно включаются в профессиональную деятельность и сталкиваются с непониманием и стигматизацией со стороны работодателей и старших коллег, поскольку ценностно-смысловая сфера, карьерные притязания и идентичность различаются у представителей разных поколений ввиду особенностей социокультурного контекста. Цель исследования – провести анализ особенностей карьерных притязаний и приверженности гендерным типам личности представителей поколений X и Z.

Выборку исследования составили 86 респондентов: 52 представителей поколения X (34 мужчины, 18 женщин 42–58 лет) и 34 представителя поколения Z (18 мужчин, 16 женщин 21–24 лет). В анкету были включены методики: «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (О. Г. Лопухова), «Деловой шанс» (Е. П. Ермолаева), Методика изучения карьерного самоопределения (А. Н. Дёмин), «Гендерно-возрастной дифференциал профессионала» (Е. П. Ермолаева).

Гипотезы исследования:

1. Существуют значимые корреляционные связи между особенностями карьерных притязаний и приверженностью гендерным типам личности у поколений X и Z.

2. Существуют значимые различия особенностей карьерных притязаний и приверженности гендерным типам личности у представителей поколений X и Z.

Результаты. Более высокие карьерные притязания связаны с приверженностью маскулинному гендерному типу личности: существует положительная связь с показателями «зарплатные ожидания», «уровень притязаний», «карьерная идентичность» (r принимает значение от 0,37 до 0,59, p = 0,001). Выраженность феминного типа личности связана с невысокими карьерными и зарплатными притязаниями (r принимает значение от -0,45 до -0,59, p = 0,001), а также с профессионально-гендерными мифами (r = 0,24, p = 0,02). Возможно, это связано с традиционной полоролевой моделью поведения, в которой женщинам приписывается реализация в семейно-бытовой сфере, а мужчинам – в карьерной. Анализ различий связей с помощью Z-критерия Фишера показал, что выявленные взаимосвязи более ярко проявляются у представителей поколения Z (Zэмп принимает значение от 2,14 до 3,64, p от 0,03 до 0,007).

Представители поколения X имеет значимо более высокие зарплатные ожидания, при этом представители поколения Z значимо чаще творчески подходят к рабочим задачам, демонстрируют умеренный оптимизм при планировании карьеры и более привержены демократическому стилю руководства (Uэмп принимает значение от 610 до 1182, p от 0,04 до 0,006). Различия могут быть обусловлены тем, что рожденные в эпоху технологического прогресса представители поколения Z ориентированы на гибкость, креативность и самореализацию, а представители поколения X – на стабильность и устойчивость к кризисам.

Выводы. Гипотезы подтверждены. Приверженность стереотипам и феминному типу личности негативно связаны с построением карьеры. Представители поколения Z более подвержены стереотипному мышлению и отождествляют карьерный успех с типично маскулинными качествами, что необходимо учитывать при построении системы адаптации и стимулирования молодых сотрудников. Вероятно, представители поколения X имеют более высокие зарплатные ожидания потому, что имеют больший стаж и опыт, при этом представители поколения Z более адаптивны к современным условиям труда.

1. Маркова А.К. Психология профессионализма // М.: Знание, 1996. 308 С.
2. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. №1 (1). С. 94–97.
3. Harari T.T. et.al. Gen Z during the COVID-19 crisis: a comparative analysis of the differences between Gen Z and Gen X in resilience, values and attitudes // Current Psychology. 2022. Vol. 42. P. 24223–24232. https://doi.org/10.1007/s12144-022-03501-4

Кораблева С.А., Волкова Н.В.
НИУ ВШЭ

Карьерная вовлеченность как источник социального капитала и повышения стрессоустойчивости у сотрудников

Карьерная вовлеченность, стресс, жизнестойкость, социальный капитал

Введение. Современная динамичная организационная среда требует от человека личной ответственности за карьерное развитие, особенно на этапе перехода от учебы к работе (Волкова и др., 2025). Молодежь сталкивается с конкурентным рынком труда и высокими ожиданиями работодателей, что, в свою очередь, ведет к проактивному карьерному поведению, которое выражается в выстраивании профессиональных социальных связей, планировании карьеры и саморазвитии, объединяемыми понятием карьерная вовлеченность (Hirschi et al., 2014). Согласно теории сохранения ресурсов (Hobfoll, 1989), такие проактивные карьерные действия помогают развивать личные ресурсы – знания, навыки, социальные связи – и тем самым повышать стрессоустойчивость и накапливать социальный капитал. Однако, взаимодействие карьерной вовлеченности и воспринимаемой способности справляться со стрессовыми ситуациями не были изучены у сотрудников разных возрастов. Соответственно, цель исследования – изучить, как карьерная вовлеченность влияет на стрессоустойчивость у людей разных возрастов, и какую роль при этом играет жизнестойкость.

Методы. Выборку исследования составили 1000 респондентов, из которых 48,9% были женщины и 51,1% – мужчины. Средний возраст участников 41,9 года.

Для измерения показателей в исследовании использовались три шкалы: шкала карьерной вовлеченности (Hirschi et al., 2014), краткая шкала жизнестойкости (Smith et al., 2008) и шкала воспринимаемого стресса (позитивный аспект стрессоустойчивость) (Cohen, Williamson, 1988). Статистический анализ данных был сделан на основе метода структурных уравнений с использованием пакетов языка программирования R.

Результаты

1. Карьерная вовлеченность повышает уровень стрессоустойчивости у сотрудников разных возрастов.
2. Жизнестойкость выступает медиаторам между карьерной вовлеченностью и стрессоустойчивостью. Люди, активно развивающие карьеру, имеют более высокую жизнестойкость, что помогает им быть более уверенным в стрессовых ситуациях.
3. Возраст играет роль модератора. Карьерная вовлеченность сильнее повышает уровень стрессоустойчивости у молодежи, особенно в период поиска первого рабочего места, по сравнению с более старшими людьми.

Выводы. Карьерная вовлеченность особенно важна для молодого поколения, которое находится на раннем этапе развития карьеры. В этот период необходимо накопление социального капитала через формирование профессиональных социальных связей, которые появляются в результате активных действий в отношении карьерного развития, что, в свою очередь усиливает личные ресурсы и повышает стрессоустойчивость.

1. Волкова, Н.В., Бордунос, А.К., Чикер, В.А., Почебут, Л.Г., Кораблева, С.А. Цифровое моделирование тематического поля изучения социального капитала поколений в организациях // Социальная психология и общество. 2025 16(1), 5– 27 https :// doi . org /10.17759/ sps .2025160101
2. Cohen, S., & Williamson, G. Perceived stress in a probability sample of the United States. In S. Spacapan & S. Oskamp (Eds.) // The Social Psychology of Health: Claremont Symposium on Applied Social Psychology. 1988 (pp. 31–68). Sage.
3. Hobfoll, S. E. . Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989 44(3), 513–524. https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513
4. Hirschi, A., Freund, P. A., & Herrmann, A. The Career Engagement Scale: Development and Validation of a Measure of Proactive Career Behaviors // Journal of Career Assessment. 2014 22(4), 575–594. https://doi.org/10.1177/1069072713514813
5. Smith, B. W., Dalen, J., Wiggins, K., Tooley, E., Christopher, P., & Bernard, J. The brief resilience scale: Assessing the ability to bounce back // International Journal of Behavioral Medicine. 2008 15(3), 194–200. https://doi.org/10.1080/10705500802222972

Лепехин Н.Н., Ильина О.Н.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Организационная устойчивость: взаимодействие индивидуальных, групповых и управленческих ресурсов

Индивидуальные, групповые, управленческие ресурсы, межуровневое взаимодействие, организационная устойчивость

Введение. В условиях нестабильной бизнес-среды устойчивость деятельности организации обеспечивается межуровневым взаимодействием индивидуального, группового (командного) и управленческого ресурсов. Индивидуальными ресурсами устойчивости являются диспозиции и мотивация сотрудников в отношении проактивного изменения дизайна работы, а также психологический капитал, базовая самооценка, эмоциональная стабильность, инициативность, конфликтоустойчивость и другие характеристики. Групповыми (командными) ресурсами являются характеристики членов группы, способствующие командной работе, и состояния группы, обеспечивающие проактивное преодолению кризисов: разделяемое лидерство, совместимость ментальных моделей, командная сеть коммуникации и другие. Управленческими ресурсами являются антиципация в управлении, трансформационное лидерство, практики HR, направленные на формирование культуры проактивности, развитие персонала, поддержку инноваций Индивидуальное, групповое и управленческое межуровневое взаимодействие ресурсов позволяет не только преодолеть текущие кризисы, но и создать условия для научения и роста организационных компетенций в будущем (Лепехин и др., 2025).

Цель: изучение взаимодействия индивидуальных, командных, управленческих ресурсов устойчивости организации.

Основные гипотезы: 1. Имеется взаимосвязь между ресурсами устойчивости, наиболее выражена взаимосвязь между ресурсами личности и группы, а также ресурсами групповой и управленческой устойчивости; 2. Влияние индивидуальной устойчивости на устойчивость управленческого уровня осуществляется через медиатор – групповую устойчивость; 3. Взаимодействие ресурсов обеспечивает устойчивость деятельности организации.

Выборка: 300 респондентов из организаций разного профиля, сотрудники на разных должностных позициях.

Методы измерения ресурсов индивидуальной, групповой и управленческой устойчивости:

1. Шкала устойчивости сотрудников (Employee Resilience Scale, Näswall et al., 2015);

2. Шкала устойчивости команды, v. 12 (Ильина, Лепехин, 2024);

3.1. Опросник организационной устойчивости (Organizational resilience, Kantur, Say, 2015);

3.2. Шкала устойчивости организационной культуры (Organizational Resilience, Cultural Resilience scale, Chen et al., 2021). Методы математико-статистического анализа: корреляционный анализ, моделирование структурными уравнениями.

Результаты: наличие межуровневых взаимодействий ресурсов, что позволяет оценить устойчивость организации.

Выводы: оценка индивидуальных, командных и управленческих ресурсов и их взаимодействий позволяет разработать интервенции, направленные на проактивноепреодоление текущих проблем и определить пути развития системной организационной устойчивости.

1. Лепехин Н. Н., Ильина О. Н., Круглов В. Г., Круглова М. А. Развитие устойчивости организации на основе взаимодействия индивидуальных, командных и управленческих ресурсов // Вестник санкт-петербургского университета. Психология. 2025. (в печати)
2. Chen R., Xie Y., Liu Y. Defining, Conceptualizing, and Measuring Organizational Resilience: A Multiple Case Study // Sustainability. 2021. Vol. 13(5):2517
3. Kantur D., Say A. I. Measuring organizational resilience: a scale development // Journal of Business Economics and Finance. 2015. Vol. 4(3). P. 456-472.
4. Näswall K., Kuntz J., Hodliffe M., Malinen, S. Employee resilience scale (EmpRes) measurement properties // Resilient Organizations Research Programme: Christchurch, New Zealand. 2015. P. 1-4.

Медина Бракамонте Д.Д., Лепехин Н.Н.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Валидизация методологии оценки организационной устойчивости и ее предикторов

Организационная устойчивость, проактивность персонала, характеристики дизайна работы

Введение. На сегодняшний день в отечественной научной литературе отсутствует валидированнаяметодология оценки организационной устойчивости и ее предикторов.

В связи с необходимостью улучшения данной ситуации нам представляется важным провести пилотажное исследование и проанализировать полученные эмпирические данные.

Цель: проверить на надежность методики исследования устойчивости организации.

В качестве методик для проведения пилотажного исследования выбраны: опросник организационной устойчивости (Brown, C., Seville, E., Vargo, J., 2017), опросник для оценки дизайна работы (Work Design Questionnaire – WDQ, Morgeson, Humphrey, 2006), в адаптации Маничева, Опросник «Психологический капитал» (Беккер, 2013), адаптация Сергей Алексеевича Маничева и Виктории Евгеньевны Погребицкой, 2018 года, шкала настройки работы (Job Crafting Scale, JCS), в адаптации Маничева С.А. и его коллег, 2023 года. В качестве выборки взят персонал одной организации.

Опрос проводился в электронном формате. В пилотажном исследовании приняли участие 315 респондентов обоего пола от 18 до 27 лет, из них 98 молодых женщин (51 человек) практикующих несуицидальное самоповреждение и (47 человек) с диагнозом «Расстройство пищевого поведения».

Достоверность подтверждалась использованием статистического показателя альфа Кронбаха.

В качестве результатов проведенного исследования стоит выделить, что выбранные методики надежны на основе оценки внутренней согласованности набора пунктов методик. Доказано, что они тесно связаны между собой и измеряют один и тот же конструкт.

Вывод. Было проведено пилотажное исследование авторской методологии, получены положительные результаты о наличии корреляции между организационной устойчивостью и проактивностью персонала. Результаты, полученные в ходе данного исследования, позволяют перейти к полноценному исследованию в рамках диссертации. Проведенный анализ подтверждает, что все методики выбраны верно.

1. Опросник «Психологический капитал» А. Беккера: адаптация на русскоязычной выборке. / Маничев, С. А.; Погребицкая, В. Е. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: Выпуск 8. М. : Институт психологии РАН, 2018. стр. 489-500
2. Маничев С. А., Милетич М. П., Лепехин Н. Н., Ильина О. Н., Погребицкая В. Е. Русскоязычная версия «Шкала настройки работы» («Job crafting scale»): психометрическая проверка, валидизация и перспективы использования [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2023. Т. 13. № 1. С. 92-116. URL: http://orgpsyjournal.hse.ru;
3. Brown, C., Seville, E., Vargo, J. Measuring the organizational resilience of critical infrastructure providers: A New Zealand case study, International Journal of Critical Infrastructure Protection (2017) 10.1016/j.ijcip.2017.05.002 (дата обращения 16.02. 2025)
4. Morgeson, F. P., & Humphrey, S. E. (2006). The Work Design Questionnaire (WDQ): Developing and validating a comprehensive measure for assessing job design and the nature of work. Journalof Applied Psychology, 91, 1321-1339.

Колесникова В.Ю., Лепехин Н.Н., Драгула Д.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Антиципационная компетентность как предиктор профессиональной устойчивости

Антиципационная компетентность, базовая самооценка, проактивное рабочее поведение, выгорание, профессиональная устойчивость

Актуальность. Повышенные требования к компетенциям специалистов вызывают риск развития стресса и профессионального выгорания. Антиципационная компетентность – способность к прогнозированию событий в профессиональной среде, а также опора на личностные ресурсы, например, базовую самооценку, приобретает ключевое значение дляобеспечения профессиональной устойчивости, обеспечивает стабильность деятельности в условиях стресса, неопределенности и длительных психоэмоциональных нагрузок и связана с уровнем переживаемого стресса и выраженностью выгорания (Менделевич, 2003; Регуш, 2003; Bakker, Demerouti, 2017).

Цель исследования: определить связь антиципационной компетентности (АК) и базовой самооценки с профессиональной устойчивостью специалистов.

Гипотезы:

1. Имеется положительная связь антиципации и базовой самооценки;
2. Антиципация отрицательно связаны с уровнем выраженности стресса и выгорания;
3. Проактивные настройки работы положительно связаны с антиципацией и отрицательно связаны со стрессом и выгоранием.

Выборка: в двух исследованиях (научн. рук. Лепехин Н.Н.) приняли участие сотрудники российских организаций в возрасте от 18 до 61 года, N1= 151, 98 женщин и 53 мужчины; N2= 145, 28 мужчин и 117 женщин.

Методы: 1 Шкала базового самооценивания, Маничев и др., 2 Опросник «Способность к прогнозированию», Регуш [2]; 3 Тест антиципационной состоятельности, Менделевич [1]; 4 Ольденбургский опросник профессионального выгорания, Demerouti, адапт. Смирнова [3]; 5 Опросник оценки профессионального стресса, Weiman, адапт. Гительман, Потапова.

Результаты:

1. Имеется положительная взаимосвязь между способностью к речемыслительному прогнозированию и базовой самооценки (r=0,36) и негативной базовой самооценки (r=0,33) (R^2=0.256, p≤0.001).
2. Имеется отрицательная корреляция между выгоранием и АК личности (ρ = –0,174, p <0,05).
3. Обнаружены положительные взаимосвязи антиципации с проактивными настройками работы «Увеличение структурных ресурсов» (r=0,42) и «Увеличение сложности рабочих задач» (r=0,38), а также отрицательная взаимосвязь между профессиональным стрессом и шкалы настройки работы (ШНР) (-0.341, p <0,001). Также обнаружена слабая обратная связь между выгоранием (шкала истощение) и ШНР (ρ = –0,339, p = 0,0001). Результаты позволяют сделать заключение, что анатиципационная компетентность является личностным ресурсом, обеспечивающим проактивное рабочее поведение, что ведет к снижению выгорания и повышению профессиональной устойчивости.

1. Менделевич В.Д. Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) – экспериментально-психологическая методика для оценки готовности к невротическим расстройствам // Социальная и клиническая психиатрия. 2003 №1. С. 35-43.
2. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л.А. Регуш. СПб.: Речь, 2003 – 352с.
3. Bakker A. B., Demerouti E. Job Demands-Resources Theory: Taking Stock and Looking Forward // Journal of Occupational Health Psychology. – 2017 – Vol. 22, № 3 – P. 273–285.

Басимов М. М.
АНО ВО «УМЦ»

Сравнение зависимостей успешности обучения от логического мышления для разных педагогических специальностей

Логическое мышление, успешность учебной деятельности, педагогические специальности

Введение. Предлагается рассмотреть часто возникающую необходимость при поиске и анализе профессионально важных психологических качеств, влияющих на результат профессиональной или учебной деятельности, изучения одновременно представителей различных, прежде всего, явно неродственных специальностей, а не пытаться сравнивать между собой только подгруппы одной и той же профессиональнойгруппы, сформированные по стажу работы, квалификационному разряду, успешности учебной деятельности и т.д.

Методы. Для изучения различий по 27 психологическим показателям между 180 сравниваемыми группами: по 15 групп (3 уровня успеваемости по 5 направлениям учебной деятельности) в рамках каждой из 12 специальностей применялся 1 вариант авторского метода множественного сравнения [1], основанного на парных сравнениях покритерию Стьюдента.

Результаты. В рамках общей задачи на примере числового логического мышления (методика «Числовые ряды») покажем, как при множественном сравнении распределяются подгруппы представителей двух неродственных между собой педагогических специальностей: «Математика и информатика» и «Литература и русскийязык». По каждой специальности приведем результаты для 9 групп, представляющих три уровня успеваемости по трем основным направлениям учебной деятельности в университете, кроме того, сравним их с результатами корреляционного анализа. Для специальности «Математика и информатика» (N=83) среди 9 групп сравнительные весомости изменяются от +27 до +136, или по направлениям обучения:

1 Блок учебных предметов «Математика» (уровни 1-3): +30; +28: +122; r=0.30573.

2 Блок учебных предметов «Информатика» (уровни 1-3): +44; +34; +136; r=0.21053.

3 Педагогический блок учебных предметов (уровни 1-3): +27; +68; +109; r=0.19429.

Для объема выборки из 83 испытуемых «значимость» корреляции для уровня p=0.05 определяет критическое значение 0.211, поэтому «значимой» корреляция будет только для одного блока «Математика».

Для специальности «Литература и русский язык» (N=49) среди 9 групп сравнительные весомости изменяются от -135 до -34, или по направлениям обучения:

1. Блок учебных предметов «Литература» (уровни 1-3): -130; -134; -34; r=0.44001.

2. Блок учебных предметов «Русский язык» (уровни 1-3): -117; -135; -39; r=0.33037.

3. Педагогический блок учебных предметов (уровни 1-3): -116; -135; -36; r=0.26808.

Для объема выборки из 49 испытуемых «значимость» корреляции для уровня p=0.05 определяет критическое значение 0.282, поэтому «значимой» корреляция будет уже для двух блоков: «Литература» и «Русский язык».

При этом следует помнить, что показывают результаты сравнения 180 групп, когда все рассматриваемые 9 групп специальности «Математика и информатика» опережают по показателю числового логического мышления все 9 групп специальности «Литература и русский язык», при этом у математиков выявляется только одна «значимая» корреляция, а у филологов их две. А корреляционная связь определяет близость к линейной связи данных отдельно для каждой специальности, при этом не важно, какой интервал изменения переменной наблюдается для представителей отдельной специальности, т.к. выход за этот интервал не подразумевается.

Выводы. Таким образом, если следовать традиционному подходу, когда исследование проводится для одной специальности, становится совершенно неважно, что корреляции математиков наблюдаются для высоких тестовых оценок, а корреляции филологов – для низких.

Также следует заметить, что все приведенные корреляции достаточно слабые, и такие корреляции часто выдают за достойный результат, а это крайне сомнительно. При этом в рамках одной специальности отсутствие корреляций для какой-либо переменной может наблюдаться одновременно с высокими тестовыми оценками у всех представителей этой специальности.

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: РАО, Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008

Экстер К.М., Симонова Н.Н.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Профессионально-важные качества инженеров производственно-энергетического комплекса

Профессионально-важные качества, инженеры, интервью, психодиагностика

Актуальность исследования профессионально-важных качеств (далее ПВК) инженеров производственно-энергетического комплекса обусловлена возрастающим спросом на специалистов данной области на современном рынке труда. Руководителипредприятий предъявляют высокие требования к таким специалистам, ожидая от нихбезошибочного выполнения задач, комплексного понимания всех этапов производственного процесса. Инженеры должны обладать навыками эффективного взаимодействия с коллегами, контролировать качество продукции и генерировать новые идеи. В деятельности таких инженеров особое место принадлежит системе ПВК, отражающей основные характеристики структуры личности, которые определяют психологические особенности системы деятельности (волевые, когнитивные, мотивационные, психофизиологические и др.) (Бодров, 2001). Таким образом, цель исследования – выявить ключевые профессионально важные качества инженеров производственно-энергетического комплекса.

Мы предположили, что наиболее выраженными у инженеров производственно-энергетического комплекса окажутся ПВК, связанные с организованностью, нацеленностью на результат, коммуникативными и организационными навыками, а также что существует статистически значимая корреляционная связь между возрастом инженеров производственно-энергетического комплекса и выраженностью отдельных ПВК.

Выборка состояла из 21 сотрудника-инженера с опытом работы от 3 лет в возрасте от 24 до 53 лет. Методы: профессиографирование, полуструктурированное интервью, психодиагностическая методика «Бизнес-профиль», включающая СТМ, ТИПС и 11ЛФ.

Исследование проводилось в очном формате. Респонденты устно информировались о целях исследования, а их данные анонимизировались. После завершения интервью, в котором сопоставляется актуальность представленных в профессиограмме требований к ПВК реальной практике, заметки расшифровывались и анализировались: выявлялись повторяющиеся темы и расхождения с теоретической профессиограммой. Для углублённого анализа те же респонденты прошли методику «Бизнес-профиль».

По итогам проведения интервью и сопоставления его результатов с разработанной ранее профессиограммой выраженными оказались такие ПВК, как: ориентация на результат, ответственность, деловая коммуникация, анализ информации и автономность. При оценке взаимосвязи выделенных на этапе интервью ПВК с возрастом респондентов была получена значимая отрицательная корреляция по качеству «организованность» и значимая положительная корреляция по качеству «адаптивность». Настоящее исследование позволиловсесторонне проанализировать профессионально важные качества инженеров производственно-энергетического комплекса, а также подтвердило научную и практическую значимость комплексного подхода к изучению ПВК, продемонстрировав, что сочетание качественных и количественных методов позволяет не только выявить, но и детально описать ключевыехарактеристики ПВК инженеров производственно-энергетической сферы.

1. Бодров, В.А. «Психология профессиональной пригодности». Москва: ПЕРСЭ, 2001
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. –
3. 2-е изд., перераб., доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003 – 336 с.
4. Карпов А.В. Психология труда. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004 – 352 с.
5. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – 1982

Абдуллаева М.М.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В.Ломоносова

Семантика образов Я у студентов-психологов разного курса

Психосемантика, идентичность, образ Я, психологи-студенты

Интерес к представителям помогающих профессий, подверженных выгоранию и обесцениванию своего труда, связан с необходимостью обеспечения их психологической защиты от факторов напряженности – эмоционально насыщенной коммуникации, высокой цены ошибки, серьезного уровня ответственности (Водопьянова, 2015; Самохвалова, 2022)). Проблемы психологов начинаются еще на этапе получения образования – стадии адепта (по Е.А. Климову, 1998), когда происходит не просто знакомство со своей профессией, а личностное принятие ее как своей, закладываются основы профессиональной идентичности (Branje et al., 2021). Эти проблемы связаны с эклектичностью представлений о труде психологов, смешивающихся с имплицитными теориями личности в житейской психологии, приводящих к формированию искаженных образов профессионалов и разочарованию впрофессии (Забара и др., 2021; Козлова, Мешкова, 2022).

Целью нашей работы стало изучение семантических особенностей образов Я у студентов-психологов, обучающихся на разных курсах. Выборку составили 150 студентов психологического факультета, которым был предложен пакет методик, включавших традиционные опросные методы на диагностику личностных черт, мотивации и психосемантические, направленные на анализ представлений человека о своем «Я» и получение семантических профилей трех образов – «Я как человек», «Я как психолог», «Идеальный психолог». Мы предположили, что студенты старших курсов по сравнению со студентами младших курсов будут чаще отождествлять «образ себя» с образом «идеального психолога» и в своих семантических описаниях образов чаще указывать профессионально важные качества психолога. Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи компьютеризированного пакета SPSS 21.0.

Полученные результаты говорят о том, что представления о себе как представителе профессионального сообщества, на основе которых человек строит своевзаимодействие с другими людьми и определяет свое место в мире профессии, претерпевают серьезные изменения. Студенты старших курсов чаще называют себя психологами в отличие от студентов I и III курсов. При этом студенты младших курсов больше ориентированы на «имиджевую» составляющую образа профессионала, студенты выпускного курса критичны, отмечают и положительные, и отрицательные качества психологов, а студенты «среднего», кризисного этапа обучения категоричны вописаниях, их «Идеальный психолог» безупречен.

Таким образом, студенты по мере накопления знаний и профессионального опыта приобретают специфическое восприятие окружающего мира и себя в нем, вырабатывают собственные образцы профессионализма, для адекватной корректировкикоторых необходимо участие успешных практикующих психологов в процессе обучения.

1. Водопьянова Н.Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2015 №. 1 С. 45-54.
2. Забара Л. И., Лебедева Ю. В., Шабанова Н. А. Социально-психологическая адаптация к вузу студентов-психологов //Педагогическое образование в России. 2021 №. 6 С. 185-194.
3. Козлова А. А., Мешкова И. В. Формирование профессиональной идентичности студентов-психологов с разным уровнем учебно-профессиональной мотивации //Проблемы современного педагогического образования. 2022 №. 76-3 С. 273-276.
4. Самохвалова А. Г. и др. Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишени психологической помощи //Консультативная психология и психотерапия. 2022 Т. 30 №. 1 С. 29-48.
5. Branje S. et al. Dynamics of identity development in adolescence: A decade in review //Journal of Research on Adolescence. 2021 Т. 31 №. 4 С. 908-927.

Разживин Г.В., Поляков М.Г., Гасимов А.Ф.
МГУ имени. М.В.Ломоносова

Социальный стресс-тест в виртуальной реальности: динамика движений глаз как показатель уровня стресса.

Виртуальная реальность, стресс, глазодвигательная активность, социальный стресс-тест

Введение. В условиях современного мира человек постоянно подвергается воздействию стрессоров социальной природы. Целью настоящей работы стало изучение особенностей использования параметров движений человека в качестве диагностических показателей стрессовой реакции. Для этого в условиях виртуальной реальности была реализована интерактивная модель Трирского социального стресс-теста с возможностью моделирования двух переговорных стилей – дистрибутивного и интегративного.

Методы. Выборку составили 55 студентов первого курса факультета психологии МГУ. «Дистрибутивные переговоры» – 21 человек, 20 женщин, 1 мужчина; средний возраст 18,3 года (SD=0,7). «Интегративные переговоры» – 21 человек, 20 женщин, 1 мужчина; средний возраст – 18,4 года (SD=0,6). Контрольная группа – 13 человек, 11 женщин, 2 мужчин; средний возраст – 18,8 года (SD= 1,2).

Методы исследования.

- Методика «Шкала оценки субъективной комфортности» А.Б. Леоновой – параметр «индекс субъективной комфортности» (ИСК).
- Методика «Шкала тревожности Спилбергера-Ханина» – параметр «индекс ситуативной тревожности» (ИСТ).
- Регистрация движения глаз с помощью трекера Gazepoint GP3 HD eye tracker – параметры средней длительности фиксации взгляда (FD) и количества фиксаций взгляда (FC).

Процедура исследования

1. Заполнение информированного согласия, заполнение батареи методик, прохождение айтрекинга.
2. Прохождение модифицированного теста TSST в VR среде:
   Инструктаж и подготовка испытуемого к интервью
   Симуляция собеседования
   Задание на обратный счёт (в группе «дистрибутивные переговоры»)
   Для контрольной группы – погружение в среду без столкновения с фазами, инструкция на наблюдение за средой
3. Повторное прохождение методик и айтрекинга.

Результаты

Параметр ИСК: «Интегративные переговоры» До vs После Z= -2,142; p=0,032; Ранги: -6. +15.

Параметр ИСТ: «Дистрибутивные переговоры» До vs После Z= -1,831; p=0,067; Ранги: -5. +13

Параметры движения глаз: Дельта FC – «интегративные переговоры» vs контроль U=40; Z= -2,641; p=0,008; Дельта FD – «интегративные переговоры» vs контроль U=55; Z= -2,271; p=0,023, «дистрибутивные переговоры» vs контроль U=49; Z= -2,389; p=0,017.

Корреляции дельты показателя ИСК экспериментальных групп с дельтами движения глаз. Значения корреляции с исключением влияния ИСТ приведены в скобках. Дельта FC – R= -0,308; p=0,050 (R= -0,534; p=0,015). Дельта FD – R=0,315; p=0,045 (R=0,528; p=0,017).

Выводы. Моделирование дистрибутивных переговоров создает тенденцию к росту ситуативной тревожности, но оказывает разнонаправленное влияние на субъективный комфорт. Моделирование интегративных переговоров позволяет значимо повысить субъективный комфорт испытуемых, однако значимо не влияет на ситуативную тревожность. Обнаружена значимая корреляционная связь между показателем ИСК и показателями движения глаз – положительная с средней длительностью фиксации взгляда и отрицательная с количеством фиксаций взгляда.

1. Kirschbaum, Clemens & Pirke, Karl-Martin & Hellhammer, Dirk. The ‘Trier Social Stress Test’ – A Tool for Investigating Psychobiological Stress Responses in a Laboratory Setting. Neuropsychobiology. 1993. https://doi.org/10.1159/000119004
2. Standard, William & Zielasko, Daniel & Dawans, Bernadette & Domes, Gregor & Weyers, Benjamin. Open TSST VR: Trier Social Stress Test in Virtual Reality. 2020. https://doi.org/10.18420/vrar2020_11
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009. 336. с.
4. Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса. М.: Вестник московского государственного университета. Серия 14: Психология, №3, 2000. 4-21 с.

Джанелидзе Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности техностресса у студентов

Техностресс, стрессоры, цифровые технологии, обучение, копинг-стратегии, академическая успеваемость

В условиях цифровизации образования студенты ежедневно сталкиваются синтенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что может приводить к специфической форме стресса – технострессу. Термин впервые был введён Крейгом Бродом (Brod, 1984), а позднее детализирован в работах Salanova и др. (Salanova et al., 2014). Целью настоящего исследования стало определение особенностей техностресса у студентов, включая его взаимосвязь с отношением к технологиям, когнитивными искажениями и копинг-стратегиями.

В исследовании приняли участие 50 студентов в возрасте от 18 до 30 лет (25 совмещают учёбу с работой, 25 – только учатся). Применялись: авторская анкета; шкалатехнострессоров TCS (Ragu-Nathan et al., 2008); опросник когнитивных ошибок (Бобров,Файзрахманова, 2017); методика отношения к технологиям (Солдатова и др., 2021); COPE.

Анализ данных проводился с использованием описательной статистики, t-критерия Стьюдента, корреляционного и регрессионного анализа в JASP.

Установлено, что наиболее выражёнными формами техностресса являются техно-перегрузка (M = 3.8) и техно-неопределённость (M = 3.5). Студенты, совмещающие учёбу с работой, чаще испытывают негативное отношение к технологиям (технопессимизм итехнофобия, M = 3.6 и 3.3 соответственно), чем те, кто только учится (M = 2.9 и 2.6).

Среди когнитивных искажений ведущими оказались катастрофизация (M = 3.7) и выученная беспомощность (M = 3.5). Установлены положительные связи между технострессом и дезадаптивными копинг-стратегиями (отрицание: $r = 0.47$, $p < 0.01$; поведенческий уход: $r = 0.52$, $p < 0.01$), а также отрицательные связи с адаптивными стратегиями (позитивное переформулирование: $r = -0.44$, $p < 0.01$; поиск социальной поддержки: $r = -0.41$, $p < 0.05$). Регрессионный анализ показал, что катастрофизация, выученная беспомощность, отрицание и поведенческий уход являются значимыми предикторами техностресса ($R^2 = 0.46$, $F = 9.23$, $p < 0.001$).

Полученные данные указывают на то, что техностресс у студентов обусловлен сочетанием факторов цифровой среды и индивидуальных когнитивных и эмоциональных особенностей. Более выраженные проявления техностресса наблюдаются у студентов,совмещающих учёбу с работой, особенно в сочетании с негативным восприятием технологий и дезадаптивными стратегиями совладания. Установленные взаимосвязи подчёркивают важность учёта личностных и ситуативных факторов при исследовании феномена техностресса.

1. Бобров А.Е., Файзрахманова Е.В. (2017). Опросник когнитивных ошибок.
2. Brod C. (1984). Technostress: The Human Cost of the Computer Revolution. Reading, MA:
3. Addison-Wesley.
4. Ragu-Nathan T.S., Tarafdar M. et al. (2008). The Technostress Creators Scale.
5. Salanova M., Llorens S., Cifre E. (2014). The dark side of technologies: Technostress among users of information and communication technologies. International Journal of Psychology.
6. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И. (2021). Отношение к цифровым технологиям.

Макушенко Р.А., Рунец О.В.
ФГБУН ИПРАН

Особенности профессионального взаимодействия врача-рентгенолога

Врач-рентгенолог, искусственный интеллект, профессиональное взаимодействие

Профессия врача-рентгенолога претерпевает значительные изменения под влиянием широкомасштабного внедрения информационных технологий и автоматизированных решений на основе алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ). Применение цифровыхрешений и инновационных технологий позволяет оптимизировать использованиематериальных и кадровых ресурсов, повысить качество и доступность лучевыхдиагностических исследований. Немногочисленные работы преимущественно в зарубежной литературе показывают слабую разработку проблемного поля взаимодействия «врач-рентгенолог – медицинская информационная система». Целью исследования является выделение особенностей профессионального взаимодействия врача- рентгенолога.

Для анализа деятельности врача-рентгенолога был использован профессиографический метод (Иванова,2005). Анализировались нормативно-правовые документы, включая Приказ Министерства здравоохранения РФ от 9 июня 2020 г. N 560н «Об утверждении Правил проведения рентгенологических исследований», Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 марта 2019 г. N 160н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач-рентгенолог» и др. Результаты профессиографического анализа показали, что данная профессиональная деятельность медицинского профиля, относится к смешанному типу профессий: «человек-человек», «человек-знак» и «человек-техника» (Климов, 2004). Основными элементами профессионального взаимодействия являются: взаимодействие с пациентами, коллегами, другими специалистами и диалог с медицинскими информационнымисистемами, использующими алгоритмы ИИ. Врач-рентгенолог работает с изображениями(анализ, интерпретация, сравнение); историей болезни пациента и протоколом исследования (заключение). Автоматизация в сфере лучевой диагностики применяется для решения следующих задач: контроль качества проведенных исследований, выявление признаков патологических процессов, поддержка принятия врачебных решений, проведение сравнительного анализа в динамике и формирование проектов описаний результатов исследований (Кудрявцев, 2024).

Применение ИИ направлено на оптимизацию процессов и повышение качества оказания медицинской помощи (Mun, Wong, Lo, 2021). Качество диагностики зависит от быстрого доступа сопутствующей клинической информации, оптимального набора инструментов обработки, в том числе сравнения и оценки динамики изменений. Результатами диагностики являются обработанные изображения и созданные радиологические заключения с использованием системы поддержки принятия врачебных решений. Экспертная оценка, проведенная врачом-рентгенологом, дополняется результатами, полученными с помощью медицинской информационной системы (разметка, предварительные заключения), которая поддерживает специалиста в сложных диагностических ситуациях, тем самым реализуяпринцип взаимного резервирования (Костин, 2021).

Профессиональное взаимодействие в деятельности врача-рентгенолога определяется основными направлениями такими как: общение с пациентом, коллегами, работа в команде и диалог с медицинской информационной системой.

1. Иванова Е.М. Профориентационная профессиография: Методическое пособие.-М: Высшая школа психологии, 2005
2. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010
3. Костин, А. Н. Избранные труды: Психологические проблемы автоматизации высоких технологий. Москва: Институт психологии РАН, 2021 DOI 10.38098/ptrmn.2021.003
4. Кудрявцев Н. Д. Совершенствование деятельности врачей-рентгенологов в условиях организации централизованного процесса описания результатов диагностических исследований: диссертация ... кандидата медицинских наук: 3.2.3. Москва, 2024
5. Mun, Seong K et al. «Artificial Intelligence for the Future Radiology Diagnostic Service» // Frontiers in molecular biosciences vol. 7 614258 DOI:10.3389/fmolb.2020.614258

Кузьмин А.Ю., Гофман О.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Ковальчук С.В.
Университет ИТМО

Взаимодействие человек-искусственный интеллект в системах поддержки принятия врачебных решений

Искусственный интеллект, принятия решений, системы поддержки принятия решений

Введение. Согласно государственному стандарту Р 71671-2024, системы поддержки принятия врачебных решений (СППВР) представляют собой программные решения, позволяющие путем обработки и интерпретации информации поддерживать принятие врачом решения с целью снижения ошибок и повышения качества. Появлениеподобных систем в медицине стало возможным благодаря технологиям искусственногоинтеллекта (ИИ). По прогнозам, рынок ИИ в медицине до 2030 года покажет стремительный рост, а в России ожидают увеличение его объема до 80 млрд. рублей (Болотских и др., 2025). Кроме того, Президент РФ Владимир Путин еще в апреле 2024 года отметил необходимость увеличения поддержки разработки инновационных медицинских технологий в рамках «Национальной стратегии развития ИИ». Внедрение подобных систем является предметом когнитивной эргономики. Так, оценка пользователем результатов генераций ИИ имеет ряд методологических сложностей и проблем (Сергеев, Дубровский, 2023). Обостряется потребность в понимании механизмов адаптации ИИ к лицу принимающему решения (ЛПР), что представляет актуальную исследовательскую задачу (Kovalchuk, Ireddy, 2024; Howes et al., 2023). Ряд моделей (Technology Acceptance Model – TAM; Extended Unified Theory ofAcceptance and Use of Technology – UTAUT2), объясняют использование технологий, однако в части ИИ проблема остается открытой. Цель исследования – выявление факторов, определяющих процесс адаптации ИИ и ЛПР в рамках СППВР.

Методы. Выборка исследования – врачи, работающие в организациях системы здравоохранения РФ. Текущий объем выборки – 17 специалистов. Использовались анкеты и тесты: «Опросник отношения к технологиям для подростков и родителей» (Солдатова, Нестик, Рассказова, Дорохов, 2021); «Психологический капитал» (Маничев, Погребицкая, 2018); форма на основе опросника принятия информационных технологий (Калиниченко, Величковский, Аббакумов, 2021); форма для анализа качественных характеристик профессиональной деятельности врачей.

Результаты. Предварительные результаты позволили выделить фрейм взаимодействия ЛПР и ИИ, в котором определяются «личностные» и «организационные»характеристики, важные для учета адаптации системы СППВР. Группы представленыфакторами «уровень экспертизы», «поведенческие паттерны и опыт использования»,«отношение к технологиям ИИ» и др. Показана связь между отношениями к технологиям ИИ, поведенческим намерением и опытом реального использования систем.

Выводы. Выделенные факторы и формируемый фрейм могут быть использованы в ходе развития коллаборативныхсистем и систем СППВР. Адаптация пользователя и ИИ может быть выполнена на основе учета выделенных характеристик.

1. Болотских М, Дорохова М., Власов Н., Пиличук А., Семенякин И., Шеховцева К., Искусственный интеллект в здравоохранении // «Яков и Партнёры» и Группа компаний «МЕДСИ» – 2025
2. ГОСТ Р 71671-2024 «Системы поддержки принятия врачебных решений с применением искусственного интеллекта. Основные положения»
3. Сергеев С.Ф., Дубровский Д.И. Методологические проблемы оценки генеративного искусственного интеллекта // Искусственный интеллект. Теория и практика. 2023 № 3 С. 2-10.
4. Howes A., Jokinen J. P. P., Oulasvirta A. Towards machines that understand people //AI Magazine. – 2023 – Т. 44 – №. 3 – С. 312-327.
5. Kovalchuk S., Ireddy A. T. S. Prediction of Users Perceptional State for Human-Centric Decision Support Systems in Complex Domains through Implicit Cognitive State Modeling //Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. – 2024 – Т. 46

Виноградов А.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Конкурентоспособность высокотехнологичной организации: социально-психологический аспект

Конкуренция, конкурентоспособность, социально-психологический аспект

Введение. Предмет исследования «конкуренция», вошедшего в жизнь нашего общества – новое социально-психологическое явление в современных российских условиях. Детерминирована конкуренция объективными условиями вхождения нашей страны в мировую экономику, что детерминирует создание условий для прорывных технологий в промышленности. Конкуренция – главный фактор конкурентоспособности диктует создание условий конкурентоспособности предприятий. Целью исследования определен социально-психологический аспект конкурентоспособности.

Методы исследования – теоретико-методологическое исследование социально-психологических аспектов конкурентоспособности организации. Социально-психологические аспекты конкуренции изучались в ключе кадровой работы в трудах Зазыкина В.Г., Зараковского Г.М. и др. Так, Андреева Ю.В., Душкина О.В., Зазыкин В.Г., Митина Л.М., Сидорова Н.Н., Строилова А.С., Фомин Н.В. изучали конкуренцию и конкурентоспособность. Исследования конкурентоспособности по специальности социальная психология по интегративным характеристикам социально-психологических условий у Кузьмина Е.С., Почебут Л.Г., Чикер В.А., социально-психологический климат у Парыгина Б.Д., Гриценко О. А., Пивоваroой Т. В., Фетискина Н.П.; исследование организационной (корпоративной культуры) у Занковского А.Н., Козлова В.В., Несмеяновой Р. К. и др. Предмет исследования запрашивает систематизации на основе социально-психологического подхода.

Результаты. Проведённое теоретико-методологическое изучение конкурентоспособности организации позволило выявить, что «высокотехнологичноепредприятие – это предприятие, занимающееся созданием продуктов с высокой долей добавленной стоимости, осуществляющее значительные расходы на разработку инновационной продукции, созданием и защитой интеллектуальной собственности, созданием производства, и обучением высокопрофессиональных работников, имеющим повышенный инвестиционный риск» (Абрамов В.Л., 2004). «Конкуренция – это стратегия поведения при столкновении интересов (в конфликте) конкуренция относится к стратегии принуждения (борьбы, соперничества), при которой на первый план выходят личные интересы, а ценность межличностных отношений незначительна. Такой стиль поведения характерен для деструктивной модели, как правило, разрушающей взаимоотношения сторон.». (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов, 2000). Анализ научных источников привёл к определению конкурентоспособности организации – «Конкурентоспособность предприятий – это конкурентоспособность профессиональной (социальной) группы, – интегративная характеристика, отражающая внутренний имидж предприятия: кадровую политику, организационную культуру, социально-психологический климат и комплекс личностных характеристик членов профессиональной группы» (Виноградов,2024)

Выводы. Исследование актуального явления конкуренции как фактора конкурентоспособности определяет запрос на повышение групповой эффективности, складывающейся из личной самоэффективности и групповой с воспринимаемым контролем над ситуацией и психосоциальными факторами благополучия (Гуриева С.Д., 2025). Исследований социально-психологических условий высокотехнологичныхорганизаций нет, что создаёт запрос для анализа их эффективности.

1. Абрамов В.Л. Управление конкурентоспособностью экономических систем. М. 2004. с.80
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Учебник для вузов. М. 551с.
3. Виноградов А.С. Конкурентоспособность в современных социально-психологических условиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А
4. Гуриева С.Д. и коллектив авторов. Субъективное благополучие сотрудника в организации. Монография. – СПб. 2025

Ефанова А.С., Мараруица Л.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональное состояние как фактор успешности убеждения в формате видеоконференции

Убеждение, эмоциональное состояние, онлайн-коммуникация, видеоконференции

Позитивное эмоциональное состояние коммуникатора, воспринимаемое собеседником как сигнал уверенности, доброжелательности и надёжности, усиливает его убедительность, повышая вероятность принятия предлагаемого им решения (VanKleef, 2009). В то же время, люди ощущают перегрузку при общении в формате видеоконференций из-за ряда особенностей среды, которые, в том числе, негативно влияют на использование и считывание невербальных сигналов (Bailenson, 2021), что, всвою очередь, может снижать точность восприятия эмоционального состояния собеседника (Tracy et al, 2015).

Цель исследования заключается в изучении связи эмоционального состояния участников взаимодействия и успешности убеждения в процессе совместного решениязадачи в формате видеоконференции.

Исследование проведено с использованием базы данных совместного проекта Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ и КрасГМУ им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения РФ «Воспринимаемое качество общения в реальных и компьютерно-опосредованных встречах и его объективные измерения на примере окситоцина и мимических маркеров»при финансовой поддержке НИУ ВШЭ в рамках гранта «Зеркальные лаборатории».

Выборка включает в себя 144 человека: 78 (54%) девушек и 66 (46%) юношей. Средний возраст испытуемых составил 20 лет. Участники работали в однополых парах незнакомцев, случайным образом объединенных в группы онлайн (через видеоконференции) и офлайн (лицом к лицу) взаимодействия.

Сначала участники заполняли опросник «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» (Осин, 2012), включающий две шкалы: позитивный и негативныйаффект. Полученные результаты рассматриваются как эмоциональное состояние, скоторым респондент выполнял поставленную задачу.

Затем участники приступали к решению задачи «Выжить на Луне», цель которой – ранжировать 15 предметов по степени важности. Задача включает три этапа: самостоятельное решение, совместное решение путем обсуждения, самостоятельное решение после обсуждения. При обработке данных в каждой паре были определены «убежденные» и «убедившие» участники. Также были выделены переменные «Близостьобщего решения к самостоятельному решению убедившего участника» и «Согласиеубежденного с общим принятым решением».

Результаты демонстрируют, что близость общего решения к решению убедившего участника статистически значимо выше в формате видеоконференции (U=468.000, p= 0.047), однако связь данного показателя с эмоциональными состояниями участников отсутствует. Выявлена отрицательная корреляция между согласием убежденного участника с общим решением и выраженностью его позитивного аффекта(r=-0,236, p=0,046), однако в условиях онлайн-взаимодействия эта связь не наблюдается(r=-0,033, p=0,855).

Таким образом, в формате видеоконференций общее решение в большей степени приближено к одному из заготовленных ранее вариантов, а также снижена связь степени согласия убежденного участника с решением, принятым в диалоге, и его эмоционального состояния в сравнении с офлайн-форматом.

1. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012 Т. 9, № 4 С. 91–110.
2. Bailenson J. N. Nonverbal overload: A theoretical argument for the causes of Zoom fatigue // Technology, Mind, and Behavior. 2021 Vol. 2 (1). https://doi.org/10.1037/tmb0000030
3. Tracy J. L., Randles D., Steckler C. M. The nonverbal communication of emotions // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2015 Vol. 3 P. 25–30. https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2015.01.001
4. Van Kleef G. A. How emotions regulate social life: The emotions as social information (EASI) model // Current Directions in Psychological Science. 2009 Vol. 18 No. 3 P. 184-188.https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01633.x

Логунова О.Е., Матвеева Л.В.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Репутация в цифровой среде: проблемы и перспективы исследования

Научная категория «репутация» носит междисциплинарный характер. Она подробно исследовалась в области экономики, социологии, культурологии, семиотики и коммуникативистики. В психологии категория репутация рассматривается как коллективное представление, функционирующее в общественном сознании в виде устойчивого мнения о ком-то или о чем-то, сформированное с помощью вербальных и невербальных средств и символов [3]. Проведенный анализ научных источников выявил незначительное количество психологических исследований репутации в цифровой среде, которая обладает своими уникальными характеристиками и качествами. В ней наблюдаются новые феномены, например, «репутационная прокачка», эффект «зловещей долины» [2, 4].

Вызывает научный интерес выявление проблем построения и поддержания репутации в цифровой среде и перспектив для дальнейшего научного исследования.

Была проведена групповая дискуссия с 9 экспертами, занимающими руководящие должности в сфере управления репутацией в публичном пространстве. Расшифровка записи дискуссии обрабатывалась тематическим и контент-анализом.

Качественный анализ данных показал, что существует путаница и необходимость в терминологической ясности между понятиями «репутация», «деловая репутация» и «цифровая репутация». Возникает исследовательский вопрос: «цифровая репутация» – эторепутация в традиционном её понимании, но только в иной среде (цифровой) либо принципиально новый феномен.

Ключевой проблемой дискуссии стал кризис доверия к цифровому контенту, а также отсутствие эффективности существующих, часто формальных, методов управления и измерения репутации. Наблюдается разрыв между потребностями заказчика и реальным восприятием репутации аудиторией. Отсутствие доверия связано с обесцениванием контента за счет массового использования искусственного интеллекта, ботов, заказных отзывов. Так, синтетический контент, генерируемый искусственным интеллектом, может вызывать отторжение у аудитории, а реальность в цифровой среде может заменяться симулякрами. Это соотносится с концепцией «зловещей долины» Масахиро Мори [4] и концепцией «симулякра» Жана Бодрийяра [1].

Выявлена потребность среди экспертов в разработке методики оценки цифровой репутации, основанной на психологических механизмах восприятия.

У экспертов вызывает интерес изучение феномена «цифрового человека» и его отличий от «аналогового» в контексте восприятия и создания репутации.

В ходе дискуссии выявились, как проблемы, следующие тенденции:

Активное использование имитаций реальных психических состояний у человека в качестве способа повышения внимания к объекту или субъекту построения репутации.

Искусственно создаваемое «облако» интереса к продукту или персоне за счет размещения значительного по размеру вербального и смыслового контента.

Привлечение внимания и усиление желания поближе познакомиться с предметом или объектом репутации путем усиления «сенсорного впечатления», визуализации содержания , нарушения эстетической и этической норм.

Дискуссия выявила сложность и актуальность темы создания и поддержки репутации, как социального представления, в цифровом пространстве, а также потребность в научных исследованиях в области психологии.

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015.
2. Войскунский, А.Е. Киберпсихологический подход к анализу мультисенсорной интеграции // Консультативная психология и психотерапия. 2019. № 27(3). С. 9–21. https://doi.org/10.17759/cpp.2019270302
3. Трубецкой А. Ю. Психология репутации. М.: Наука, 2005.
4. Mori M.,MacDorman K. F. and Kageki N. The Uncanny Valley // IEEE Robotics & Automation Magazine. 2012. Vol. 19 (2). P. 98-100. https://doi.org/10.1109/MRA.2012.2192811

Завражных В.М., Винокуров Ф.Н.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Типы референтных групп и их роль в потребительском поведении молодежи

Референтная группа, потребительское поведение, социальная идентичность

Несмотря на развитость теорий социальной идентичности и референтных групп, связь между принадлежностью к группе, лояльностью и выбором бренда изучена недостаточно.В современном обществе потребление становится не только способом удовлетворения материальных потребностей, но и важным инструментом символической коммуникации, отражающим и формирующим принадлежность к различным социальным группам.

Цель: анализ теории Х. Кельмана о референтных группах и составление методики, позволяющей оценить связь группового влияния и потребительского поведения. Данная работа является одним из этапов исследования по выявлению модели о связи компонентов потребительского поведения и социальной идентичности.

Согласно исследованию Sociology Institute (2022), референтные группы играют ключевую роль в формировании социальной идентичности, которая определяет, как индивид воспринимает себя в контексте социальных групп, с которыми он взаимодействует. При покупке товаров человек может ориентироваться на значимую группу, так как члены этой группы могут использовать этот товар или ассоциироваться с ним в сознании потребителя.

Американскими учеными выделяется классификация референтных групп по типу влияния на поведение потребителя, и она опирается на концептуальные положения Х. Кельмана о процессах изменения мнений (Kelman, 2017). В ней выделяют информационную референтную группу, утилитарную и ценностную.

Информационное влияние – индивид стремится расширить собственные знания и делает выбор, ориентируясь на экспертов (Ridhayani & Johan, 2020).

Утилитарное влияние основано на стремлении индивида соответствовать ожиданиям и требованиям социальной группы и быть ими одобренным (Ham, Jeger, & Ivković, 2015).

Ценностное влияние связано с потребностью в позитивной самооценке и идентификации с идеализируемыми фигурами – знаменитостями, лидерами мнений или символическими группами, использующими определённые бренды или продукты – социальная демонстрация статуса (Андреева, 2016).

В количественном этапе приняли участие 303 респондента в возрасте от 18 до 25 лет (медиана – 23 года). Среди них респондентов мужского пола – 37, женского – 266.

Для оценки типа референтных групп была разработана оригинальная методика, основанная на теоретической модели Кельмана (Kelman, 2017).

Методика была структурирована в соответствии с тремя типами референтных групп. Для каждого типа было сформулировано по шесть утверждений: по три утверждения прямой и обратной направленности. Всего шкала содержит 18 утверждений, направленных на выявление выраженности каждого из трех типов групп. В результате факторного анализа были выделены три интерпретируемые шкалы, отражающие типы значимых для респондента групп: «Независимость от мнения группы»(α = 0,748), «Информационная группа» (α = 0,776), «Ценностная группа» (α = 0,757).Утилитарная группа не выделилась, как отдельная.

Можно сказать, что компоненты методики показывают высокие корреляции с другими методиками, включенными в исследование, она также обладает высокой надежностью по метрике альфа Кронбаха, что делает ее потенциальным исследовательским инструментом, требующим доработки.

1. Андреева Г. М. Социальная психология, 2016
2. Kelman H. C. Processes of opinion change //Attitude change. – Routledge, 2017. – С. 205-233.
3. Ham M., Jeger M., Frajman Ivković A. The role of subjective norms in forming the intention to purchase green food //Economic research. 2015. Vol. 28 (1). P. 738-748.
4. Ridhayani F., Johan I. R. The influence of financial literacy and reference group toward consumptive behavior across senior high school students //Journal of Consumer Sciences.2020. Vol. 5 (1). P. 29-45.
5. Introduction to Sociology. The Role of Reference Groups in Shaping Social Identity [Электронный ресурс] // Sociology Institute. – 2022

Киреева О.В., Сотникова В.А.
ФГБОУ ВО КубГУ

Развитие социального интеллекта в игре как элемента психологической культуры личности

Психологическая культура личности, социальный интеллект, семейная настольная игра

Введение. В современных условиях ранняя психологическая помощь должна быть направлена на обеспечение оптимального развития личности, на формирование условий для её физического и психического здоровья,на гармонизацию межличностных отношений. Данный комплекс мероприятий реализует развитие психологической культуры взрослого и ребенка (Колмогорова, 2001; Егорова, 2007). В отечественных исследованиях этот феномен изучается комплексно как система (Егорова, 2007). При этом системообразующимфактором психологической культуры считается социальный интеллект (Лужбина, 2002).

В нашем исследовании изучался характер изменений социального интеллекта у детей и их родителей после участия в разработанной нами совместной настольной игре «Семейные сокровища Ольхона». Формирование сценария и игротеки осуществлялась на основе модели социального интеллекта А.И. Савенкова, в которой представлены три взаимосвязанные группы компонентов: когнитивные, эмоциональные и поведенческие (Савенков, 2018). Для каждого из них подобраны развивающие упражнения, которые стали игровыми заданиями для участников. Последовательность этих заданий обусловлена необходимостью сочетания разнообразных видов воздействия на детей и родителей.

Методы. В ходе эксперимента проверялось предположение, что показатели социального интеллекта у детей их родителей повысятся после участия в совместной развивающей настольной игре. В исследовании приняли участие 146 испытуемых – 40 семей из г. Краснодар, из которых 73 в контрольной группе и 73 в экспериментальной. В контрольной группе 20 семей: 37 детей (8-14 лет) и 35 родителей (30-48 лет). В экспериментальной группе 20 семей: 36 детей (8-14 лет) и 37 родителей (30-48 лет.

Для выявления показателей на детской подвыборке применялась Шкала социального интеллекта (TSIS) в адапт. А.Д. Наследова, В. Ю. Семенова. Для выявления показателей на родительской подвыборке применялся тест «Социальный интеллект» модиф. Г.В. Резапкиной. На всей выборке применялся тест «Самочувствие, активность, настроение (САН)» (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай) и тест социального интеллекта Гилфорда в адапт.: Е. С. Михайловой.

Для сравнительного анализа показателей социального интеллекта контрольной и экспериментальной группы, а также показателей до и после игры применялись U-критерий Манна-Уитни и Т-критерий Вилкоксона.

Результаты. После участия детей и родителей в настольной игре «Семейные сокровища Ольхона» улучшилась активность, настроение и самочувствие посредством совместной игровой деятельности. В подгруппе родителей после игрового воздействия зафиксирован рост социального интеллекта. В ходе эксперимента улучшилась эмпатия, самосознание и коммуникабельность, а саморегуляция и самомотивация осталась на прежнем уровне после игрового процесса. В подгруппе детей повысился общий уровень социального интеллекта и его компонентов. Игровая практика способствовала совершенствованию социального осознания и социальных навыков детей.

Выводы. В ходе исследования экспериментально подтверждена возможность и эффективность развития в совместной семейной игровой деятельности социального интеллекта как элемента психологической культуры личности.

1. Егорова Т.Е. Становление психологической культуры: теория, эксперимент, практика: Дисс. . доктора психологических наук. Екатеринбург, 2007. 428 с.
2. Колмогорова Л.С. Возрастные возможности и особенности становления психологической культуры учащихся: дис. . д-ра психол. наук: 19.00.07. М., 2001.471 с.
3. Лужбина, Н.А. Социальный интеллект как системообразующий фактор психологической культуры личности: Дисс. . канд. психологических наук. Барнаул, 2002. 192 с.
4. Савенков А.И. Структура социального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 2.С. 7-15.

Корнеева А.А.
ФГБОУ ВО ЧелГУ

Отношение к технологиям и экологические аттитюды и проэкологическое поведение

Экологические аттитюды, проэкологическое поведение, технологии, инновации

Введение. Наряду с экономическими факторами глобального изменения климата, необходимо учитывать реакцию обычного потребителя на глобальные изменения в мире – его отношение к экологическому кризису и к экономическим новшествам, призваннымрешать эту проблему. Технологии представляются неотъемлемой частью комфортнойжизни современного человека, и они неизбежно влияют на окружающую среду. Чащевсего этот эффект является негативным, угнетающими (Kathuria, Aggarwal, 2023). Цель данного исследования – изучить, как отношение к новым технологиям связано с экологическими аттитюдами и проэкологическим поведением. Обзор литературы по теме показал, что в одних исследованиях отражена тенденция к формированию технологического пессимизма у людей с выраженными экологическими установками (Cologna, et al, 2024), с других просматривается связь между оптимистическим восприятием технологий и ориентацией на решение экологических проблем (Греновская, 2024).

На основе теоретического обзора мы предположили, что отношение к новым технологиям взаимосвязано с экологическими аттитюдами и проэкологическим поведением, при этом технологический оптимизм коррелирует с экологически ориентированным поведением, а технологический пессимизм и недоверие к технологиям связаны с неэкологичным поведением.

Методы. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «ЧелГУ», в исследовании принимали участие 430 студентов различных направлений подготовки, в возрасте 17-21год, 114 мужчин и 316 женщин. С целью исследования экологических установок применялся Опросник экологических установок «ЭкО 30» (Кряж И.В.), для исследования проэкологического поведения – блок вопросов «Прямое экологическое поведение», с целью изучения отношения к технологиям – опросник «Индекс технологической готовности». Для определения статистической значимости связи между величинами использовался коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена.

Результаты. Обнаружены статистически значимые связи между некоторыми параметрами отношения к технологиям и экологическим установкам и проэкологическим поведением. Так, респонденты, не обеспокоенные ухудшением экологической ситуации, большеориентированы на решение своих экономических проблем, они больше склонныприобретать и использовать технологические инновации.

По выборке получены данные о склонности респондентов рассматривать технологии как угрозу для экологии планеты, однако оптимистичный настрой показывает, что респонденты видят и потенциал технологий – будут они использованы во благо или для разрушения природы, зависит от самого человека.

Результаты исследования показали, что потребители, которые больше ориентированы на сохранение природы, склонны видеть в новых технологиях угрозы, поэтому не стремятся к их освоению и использованию. Результаты исследования связи отношения к технологиям и проэкологического поведения показывают, что респонденты, чаще реализующие экологически ответственное поведение, с недоверием относятся к новым технологиям, однако стремятся к приобретению и использованию инноваций. Это может говорить об осознании своего бессилия в борьбе с техническим прогрессом, но выражение готовности искать возможности компенсации негативного влияния новых технологий на окружающую среду.

Таким образом, согласно данным корреляционного анализа в выборке представлено три варианта оценки технологий с точки зрения их полезности для экологии: равнодушие к проблеме, идея нейтральности технологий и технологический пессимизм, когда инновации оцениваются как угрозы для экологии. Склонности к технологическому оптимизму в этой группе респондентов не выявлено.

Мы видим, что результаты эмпирического исследования частично подтверждают выдвинутую нами гипотезу.

1. Гредновская Е. В. Homo ecologicus: понятия, дискурсы, практики / Е.В. Гредновская, Е. П. Емченко, Д. В. Соломко // Социум и власть. 2024 № 3 (101). С. 80–93. https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-3-80-93.
2. Cologna, V., Berthold A., Kreissel A. L., Siegrist M. Attitudes towards technology and their relationship with pro-environmental behaviour: Development and validation of the GATT scale // Journal of Environmental Psychology. 2024 Vol. 95, P 102258. https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2024.102258.
3. Kathuria, P., Aggarwal S. Impact of technology on environment: a review of literature. 2023 T.11. № 5 P. 2320-5083. https://www.researchgate.net/publication/370658754_impact_of_technology_on_environm ent_a_review_of_literature

Джимиев П.Р., Мараруца Л.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Принятие управленских решений и особенности ценностных ориентаций

Принятие решений, ценности, ценностные ориентации

Введение. Одними из первых в истории обратились к проблеме выбора в процессе принятия решения выдающиеся философы своего времени: Аристотель, Лейбниц, Кант и др. [5]. На протяжении всей жизни мы принимаем важные решения, последствия которых влияют на нашу жизнь. Решения разного уровня значимости и важности принимаются каждый день и каждый час, определяя вектор развития и будущее человека. В настоящее время является бесспорным тот факт, что управленцы (менеджеры высшего и среднего звена) принимают решения намного чаще, как простые, так и сложные решения, с низким или высоким их значением. Важно учитывать контекст организационной культуры, ведущие ценности, организационные правила и нормы, в рамках которых могут быть определены нормы и требования к процессу принятия решений [1, 2].

Последствия принятых решений и чрезвычайная вариативность альтернатив изучалисьтакими учеными-психологами, как А.В. Карпов, Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев, и др.).Однозначно сложно сказать, что находится в основе принятых решений: логика,интуиция, эмоции, здравый смыл, месть, желание обогащения и т.д.? Главное, что припринятии решения предпринимаются попытки учесть влияние множества факторов,включая недостающую информацию, обдумывание альтернативных вариантов решений и их исход [4].

Методы и программа исследования. Цель исследования: изучение ценностных ориентаций и особенностей принятия управленческих решений менеджерами среднего звена. Объект: менеджеры среднего уровня (старшие менеджеры, руководители-менеджеры, руководители подразделений в организации) различных российских компаний – мужчины и женщины, имеющие управленческий опыт работы не менее одного года, в возрасте от 28-65 лет. Средний возраст 37,5 лет. Теоретическая гипотеза исследования – наличие взаимосвязи между ценностными ориентациями, уровнем эмоционального интеллекта и оценками моделей экономического поведения при принятии управленческих решений. Эмпирическая гипотеза: ценностные ориентации являются предикторами выбора моделей принятия экономических решений. Для осуществления цели исследования, решения поставленных задач и проверкивыдвинутой гипотезы были использованы следующие методики: Сценарииэкономического поведения, которая представляет собой короткие поведенческие сценарии (модели поведения), взятые из реальной жизни. Методика измерения ценностей индивидуального и культурного уровня (Ш. Шварц, SVS, перевод и адаптация Н.М. Лебедевой); Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация.Корнилова Т.В. Методика сценариев экономического поведения (Н.М. Лебедевой, А.Н.Татарко) [3]; анкета, содержащая социо-демографические характеристики респондентов. Также, будут использованы: дисперсионный анализ: однофакторный, для изучения действия только одной переменной (например, стаж работы) на исследуемый признак – ANOVA, и многофакторный анализ для изучения двух и более факторов – MANOVA, регрессионный анализ.

Выводы. Так, например, результаты регрессионного анализа эмоционального интеллекта и основных параметров изучения экономического поведения показали следующие результаты. Уравнение регрессии: Формула Эмоциональный интеллект = 2,65 – 0,46 Прокрастинация + 0,30 Бдительность+ 0,18 Уверенность в типичности творчества для россиян (сценарий 11) + 0,16 Ценность Доминирования (Шварц), объясняет 46% изменчивости. Можно предположить, что предикторами более высокого эмоционального интеллекта являются из копинг-стратегий – отсутствие прокрастинации и высокая бдительность, ориентация на ценность доминирования (социальный престиж,доминирование над людьми и ресурсами). Можно предположить, что такая связьсуществует и может проявляться в различных моделях экономического поведения, взависимости от пола, возраста, статуса сотрудника в организации. Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ в рамках проекта No 22-18-00452-П«Психосоциальный дизайн рабочей среды как фактор субъективного благополучия сотрудника и инновационного потенциала организации».

1. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения / пер. с англ. – Харьков: Издательство Гуманитарный центр, 2018
2. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. – М., 1998
3. Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологический журнал. 2013 Т.6. №31. С. 4-16.
4. Нестик Т.А. Социальное конструирование времени: теоретический анализ // СОЦИС. 2003 № 8 URL: http://socis. isras.ru/SocIsArticles/2003_08/Nestik.doc
5. Шаститко А.Е. Модели человека в экономической теории М.: Юрист, 2006

Ляпина Т.Е., Гуриева С.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Над-идентичности как факторы просоциального поведения молодёжи

Гражданская идентичность, глобальная идентичность, просоциальноеповедение, российская молодёжь

Введение: Просоциальное поведение характеризует поступки, совершаемые одним человеком для другого и ради его пользы (Чалдини, Кенрик, Нейберг, 2002). Установлено, что люди чаще помогают своим близким, а также тем, с кем идентифицируют себя. Однако часто наряду с оказанием помощи ин-группе, ввиду внутригруппового фаворитизма возникает дискриминация членов аут-групп. В результате, групповое разнообразие, свойственное для многонациональных и поликонфессиональных обществ может иметь негативные последствия для взаимопомощи. Решение этой проблемы видится в формировании и актуализации для представителей разных сообществ общей над-идентичности, т.е. установки на принадлежность к сообществу, включающему и группу индивида, и окружающие его внешние группы. Примерами над-идентичностей для России могут выступать гражданская и глобальная идентичности. Гражданская идентичность – установка человека на принадлежность к сообществу граждан (народу) определённой страны, её культуре (Асмолов, 2011), а глобальная идентичность – отождествление личностью себя с человечеством в целом (Нестик, 2017). Потому, цель нашего исследования – изучить гражданскую и глобальную идентичности как факторы просоциального поведения российской молодёжи.

Методы: Выборку составили 355 респондентов (n = 355) в возрасте от 18 до 35 лет (M = 22.78, SD = 3.65), из которых 298 женщин (83.94%), 57 мужчин (16.06%).

Для измерения показателей гражданской и глобальной идентичностей была использована методика «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. МакФарленда в адаптации Т.А. Нестика (Нестик, 2017). Для определения выраженности форм просоциального поведения использовалась методика «Измерение просоциальных тенденций» в адаптации Н.В. Кухтовой (Кухтова, Доморацкая, 2011). Социально-демографические характеристики респондентов фиксировались в анкете.

Анализ проводился в программе JASP 0.19.3. Применялись методы описательной статистики, проводился анализ надежности шкал (ω-Макдоналда), проверка гипотез проводилась с помощью корреляционного анализа (коэффициенты r-Пирсона и rs-Спирмена).

Результаты: Установлено, что гражданская идентичность достоверно связана со всеми формами просоциального поведения: корреляции с конформным, анонимным, экстренным и эмоциональным просоциальным поведением были умеренными, а с публичным и альтруистическим – слабыми. Глобальная идентичность оказалась слабо связана с конформным, экстренным, эмоциональным и альтруистическим просоциальным поведением, умеренно – с анонимным. Корреляции с публичной формой просоциального поведения не обнаружено. Обнаружено, что корреляции гражданской идентичности с формами просоциального поведения в среднем выше, чем аналогичные для глобальной идентичности.

Выводы: Гражданская и глобальная над-идентичность могут рассматриваться как факторы просоциального поведения и использоваться для повышения тенденции к оказанию помощи. При этом для российской молодёжи большим потенциалом обладает гражданская идентичность.

1. Асмолов А. Г. и др. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии: монографии в 2 ч. Москва: Федеральный ин-т развития образования, 2011
2. Кухтова Н. В., Доморацкая Н. В. Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи : теоретические основы и методики изучения. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2011
3. Нестик Т. А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017 Т. 2 №. 4 С. 145-185.
4. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя!. СПб.: праймЕВРОЗНАК, 2002

Данилова А.А., Трушина И.А.
ФГБОУ ВО ЧелГУ

Восприятие влияния пандемии COVID-19 на различные сферы жизни: результаты кросскультурного анализа (Россия и Казахстан)

Пандемия COVID-19, восприятие, Россия, Казахстан

Введение. Пандемия COVID-19, охватившая весь мир с начала 2020 года, вызвала глобальные изменения во всех аспектах жизни общества. Каждая страна выбирала свой путь борьбы в условиях «естественного эксперимента», созданного COVID-19. Это обусловило необходимость глубокого понимания последствий пандемии на кросскультурном уровне в условиях новых социокультурных, экономических и психологических реалий (Kim et al., 2022). Исследование восприятия изменений, вызванных пандемией, на кросскультурном уровне позволит выявить особенности адаптации людей к новым глобальным вызовам. Цель исследования – сравнить воспринимаемое влияние пандемии COVID-19 на различные сферы жизни у жителей России и Казахстана болевших и не болевших вирусом. Методы. Сбор эмпирического материала проводился с апреля по декабрь 2024 года. В исследовании приняли участие 473 россиянина (77,9% женщин, ср. возраст 30,68 ± 5,16) и 123 жителя Казахстана (75,5% женщин, ср. возраст 26,94 ± 7,28).

Диагностика проводилась с помощью опросника, который включил шкалы для субъективной оценки восприятия влияния пандемии на сферы жизни: физическое и эмоциональное состояние, профессиональная жизнь, финансовое положение, личная жизнь, социальная жизнь (Альфа Кронбаха=,835). Результаты. Результаты исследования жителей России и Казахстана выявили специфику восприятия влияния пандемии COVID-19 на различные сферы жизни у людей, болевших и не болевших вирусом. В России выявлены различия между группами людей, переболевшими ковидом (с медицинским подтверждением и без него), и теми, кто не болел. В частности, те, кто не перенес заболевание, в меньшей степени ощутили влияние пандемии COVID-19 на физическое (p=,000) и эмоциональное состояние (p=,002).

Изменения, связанные с профессиональной (p=,060) и социальной (p=,080) жизнью, в большей мере ощутили люди, переболевшие ковидом без подтверждения. Среди тех же категорий жителей Казахстана те, кто не болел, в меньшей степени ощутили влияние пандемии не только на физическое (p=,000) и эмоциональное состояние (p=,005), но и на личную жизнь (p=,023). Не зафиксировано различий во влиянии пандемии на финансовую сферу жизни, причем как в России, так и в Казахстане.

Выводы. Можно заключить, что опыт заболевания коронавирусом одинаково сильно влияет на физическое самочувствие и эмоциональное состояние людей, независимо от культурной принадлежности. При этом в Казахстане у этих людей пострадала и личная жизнь, что может быть связано с более жесткими ограничениями по передвижению и посещению больных (Ахунов, 2020). В России в социальном и профессиональном плане больше всех пострадали люди, которые переболели ковидом без подтверждения. Это можно объяснить тем, что они могли продолжать работать и взаимодействовать с другими людьми, не зная о заболевании (Осадчая и др., 2021). Исследование ставит новые вопросы о различиях восприятия неопределённости и глобальных угроз здоровью в странах с разным социально-культурным укладом.

1. Ахунов А.М. Пандемия COVID-19 как вызов для постсоветских стран Центральной Азии // Международная аналитика. 2020. № 1(11). С. 114-128. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-114-128
2. Осадчая Г.И., Селезнев И.А., Киреев Е.Ю., Киселева Е.Е. Социальное здоровье граждан Евразийского экономического союза в условиях пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29(4). С. 837–843. http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-4-837-843
3. Kim N.H., Lee J.M., Yoo E. How the COVID-19 Pandemic Has Changed Adolescent Health: Physical Activity, Sleep, Obesity, and Mental Health. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. №19. http://dx.doi.org/10.3390/ijerph19159224.

Баранова В.А., Савина О.О.
МГУ имени. М.В.Ломоносова

Отношение к пандемии у студентов: взгляд на период социальной изоляции через пять лет

Период пандемии COVID-19, рефлексия опыта, психологические последствия, ресурсы личностного развития

Введение. Экстремальная ситуация пандемии COVID-19 пять лет назад внесла в жизнь новые реалии и связанные с ними ожидания различных психологических последствий, причем в большей степени прогнозировалось негативное воздействие этого периода как на физическое самочувствие и психологическое здоровье, так и возможности совладания с угрозой (Azevedo et al., 2023, Das, 2020, Shah et al., 2020). В дальнейших исследованиях выявлены позитивные, нейтральные, негативные последствия, показано значение работы личности для преодоления угроз пандемии (Magomed-Eminov et al., 2023). Цель исследования – выявление представлений студентов об опыте жизни в условиях социальных ограничений в 2020 г. в связи с пандемией, что являлось продолжением исследований, начатых в начале пандемии (Баранова, Савина, 2021).

Методы: тематический анализ письменных ретроспективных рефлексий в виде текстов о личном опыте жизнедеятельности в пандемический период через пять лет после начала пандемии. Респондентам предлагалось также ответить на вопрос, в чём режим пандемии обогатил и/или обеднил жизнь. Выборка: студенты 2-5 курсов университета 19-22 лет (n=52, из них мужчин 15%, женщин – 85%). Результаты. Анализ пострефлексивных текстов позволил выделить представления о негативных и позитивных изменениях в образе жизни, системе значимых отношений в осмыслении опыта самоизоляции и дистанционного обучения. Как положительные определялись: личностное развитие, самообразование, обретение новых навыков, преобразование пространства жизни, прогресс в учёбе (дистанционный формат даже помог сосредоточиться на учёбе), хорошее физическое самочувствие и психологическое самочувствие , углубление отношений с близкими, опыт решения проблем. Основной темой позитивных «приобретений» явился бесценный уникальный жизненный опыт глубокая переоценка того, что раньше казалось само собой разумеющимся. В качестве негативных событий назывались: ограничение пространства, отсутствие нормального общения, дистанционное обучение, тревожный пониженный фон настроения (настроение постоянно прыгало от раздражения до полной апатии), проблемы в семье, ухудшение физического состояния, ухудшение психологического состояния, отсутствие нормальной студенческой жизни, путешествий. Негативные события трактуются в формате упущенного и несостоявшегося, отсутствия и ограничения. Телесное и душевное самочувствие остаётся важной темой пострефлексии.

Выводы. Пилотажный этап исследования показал, что нет однозначного осмысления пандемии – выявлены позитивные и негативные оценки этого периода для личности. Позитивные приобретения трактуются в категории уникального опыта для разных сфер жизни, а негативные в формате упущенного и несостоявшегося, что может явиться основой проработки индивидуальных практик совладания со стрессами. Пострефлексии студентов свидетельствуют, с одной стороны, о наличии эмоциональных состояний (страхов, тревоги и депрессивных признаков, а также травматических тенденций), которые актуализируются даже через пять лет после периода пандемии, с другой стороны, тенденцию осмысления позитивных приобретений в период пандемии в уникальный и полезный опыт в разных сферах: личностное развитие, взаимодействие, дистанционное обучение.

1. Баранова В. А., Савина О. О. Анализ опыта жизни в период самоизоляции у студентов во время пандемии (апрель и октябрь 2020 г.) // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
2. Azevedo, F. et al. Social and moral psychology of COVID-19 across 69 countries. Sci Data 10, 272 (2023). https://doi.org/10.1038/s41597-023-02080-8 Das N. Psychiatrist in post-COVID-19 era–are we prepared? //Asian Journal of Psychiatry/ 2020. V. 51:102082. https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102082[https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7139240/]
3. Magomed-Eminov M., Karacheva E., Kvasova O., Magomed-Eminova O. Positive responses to stress in the situation of the COVID-19 pandemic (in Russian sample) EPP European Psychiatry. vol. 65, n. S1, pp. 802, 2022 Shah K, Kamrai D, Mekala H, et al. Focus on Mental Health During the Coronavirus (COVID-19) Pandemic: Applying Learnings from the Past Outbreaks // Cureus.2020. 12(3): e7405. doi:10.7759/cureus.7405

Варавка М.М., Яничева Т.Г.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-психологические стратегии завершения романтических отношений

Романтические отношения, завершение отношений, прямая коммуникация, избегание, опосредованное общение.

Межличностные отношения, будучи предметом постоянного научного внимания, играют ключевую роль в жизни каждого человека. Романтические отношения, в частности, являются важным фактором социально-психологического благополучия, оказывающим положительное влияние на самооценку и восприятие окружающего мира. Однако, завершение таких отношений зачастую влечет за собой негативные переживания, дистресс, в ряде случаев даже физическую боль [1]. Существует большое количество стратегий разрыва, как вербальных, так и невербальных. Классификация данных стратегий позволяет на данный момент выделить семь основных факторов, среди которых особое внимание, в рамках данного исследования, уделяется тактикам избегания, открытой конфронтации и опосредованного общения (преимущественно с использованием интернет-технологий) [2]. Целью исследования является изучение социально-психологических стратегий завершения романтических отношений у юношей и девушек.

По результатам опроса было получено 110 анкет. Итоговая выборка составила 93 человека, 20-30 лет, имевших опыт завершения отношений (61,3% женщины, M=24,4 лет).

Были использованы следующие методики: опросник BFI-2-S (краткая версия), в адаптации С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугиной и др.; тест «Локус контроля» (ЛК) Е. Г. Ксенофонтовой; Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда; шкала личностной тревожности Спилбергера-Ханина, STAI; опросник «Стратегии переживания завершения романтических отношений» Е.А. Юмкиной; модификация теста М. Сакса и С. Леви «Незаконченные предложения».

Нами был выдвинут ряд гипотез:

1. Более высокие показатели нейротизма характерны для молодых людей, которые сталкивались со стратегиями завершения отношений, предполагающими отсутствие открытой коммуникации;
2. Более высокие показатели личностной тревожности наблюдаются у юношей и девушек, которые сталкивались с опосредованными стратегиями завершения отношений;
3. Более высокая доброжелательность свойственна юношам и девушкам, которые инициировали расставание, используя личную коммуникацию;
4. Более низкий уровень общей интернальности (локус контроля) свойственен представителям молодежи, которые сталкивались со стратегиями завершения отношений, предполагающими отсутствие открытой коммуникации;
5. Выбор/переживание роли инициатора или жертвы при завершении отношений влияет на принятие себя и принятие бывшего партнера после разрыва.

В качестве методов математической статистики выступили U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента, H-критерий Краскела-Уоллиса и однофакторный ANOVA, коэффициент конкордации W-Кендалла.

В результате были сделаны следующие выводы:

1. У молодых людей, которые сталкивались с опосредованными стратегиями завершения отношений, отмечается более высокий уровень тревожности ($t = 1.98$, $MD = 4.3$, $p < .05$);
2. Юноши и девушки, инициирующие расставание, используя личную коммуникацию, отличаются более высокими показателями доброжелательности ($t = -1.78$, $MD = 1.8$, $p < .05$);
3. Выбор/переживание определенной роли человека при завершении отношений (инициатор, жертва) влияет на принятие себя ($H = 6.41$, $p < .05$).

Переживание стратегии завершения отношений не связано с показателями нейротизма или интернальности личности. Полученные результаты могут быть использованы в сфере образования, консультирования и психологической помощи.

1. Eisenberger N., Lieberman M. Why rejection hurts a common neural alarm system for physical and social pain // Trends in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8. P. 294–300
2. Collins T.J., Gillath O. Attachment, breakup strategies, and associated outcomes: The effects of security enhancement on the selection of breakup strategies // Journal of Research in Personality. 2012. Vol. 46, № 2. P. 210–222

Каширский Д.В., Сабельникова Н.В.
ФГАОУ ВО РГГУ

Взаимосвязь эмоционального благополучия студентов с отношением к IT-технологиям

Эмоциональное благополучие, IT-технологии, студенты, цифровая среда, психологическое благополучие

Введение. Цель исследования – выявление взаимосвязи между переживанием эмоционального благополучия студентами и их отношением к IT-технологиям. Актуальность обусловлена ростом цифровизации и её противоречивым влиянием на психическое здоровье. Эмоциональное благополучие определяется как интегральный показатель, включающий позитивные эмоции, удовлетворённость жизнью и конструктивные социальные отношения (Григорова, 2019).

Методы. Выборка: 153 студента московских вузов (средний возраст 18 лет; 65 женщин, 88 мужчин; 64% – IT-профиль).

Использовались:

- «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Шевеленко, Фесенко, 2008);
- Русскоязычная версия опросника PERMA Profiler (адаптация Исаевой и др., 2022);
- Опросник отношения к цифровизации (Каширский, Очеретин, 2023);
- Методика «Доверие к ИИ» (Гиллат и др., 2021);
- Шкала AIAS-4 (Грассини, 2023).

Применялись корреляционный анализ (Спирмен), множественный регрессионный анализ(Backward) и статистические методы сравнения (t-критерий, однофакторная ANOVA).

Результаты. Корреляционный анализ показал прямые связи развитости цифровых навыков с позитивным отношением к цифровым технологиям ($r=0.355$, $p<0.001$) и управлением цифровой средой ($r=0.410$, $p<0.001$) (Каширский, Очеретин, 2023). Регрессионный анализ выявил предикторы психологического благополучия (по Рифф): навыки работы в цифровой среде ($\beta=0.320$, $t=4.594$, $p<0.001$) и отношение к автономным технологиям ($\beta=-0.388$, $t=-5.565$, $p<0.001$), объясняющие 24% дисперсии. Парный сравнительный анализ установил различия половые различия: мужчины демонстрируют более высокое доверие к ИИ (по Гиллат) ($t=4.55$, $p<0.001$), а дисперсионный анализ – профильные различия: IT-студенты чаще испытывают одиночество ($F=18.009$, $p<0.001$), студенты нетехнических профилей показывают более высокий уровень самопринятия(Селигман, 2011).

Выводы. Развитость цифровых навыков выступает предиктором эмоционального благополучия, тогда как зависимость от автономных технологий коррелирует с его снижением.

Отношение к IT-технологиям связано с полом: мужчины более лояльны к ИИ.

Студенты IT-профиля подвержены риску социальной изоляции, что требует интеграции программ психологической поддержки в образовательный процесс. Результаты подчёркивают необходимость баланса между цифровизацией и сохранением межличностных коммуникаций.

1. Исаева, О.М., Акимова, А.Ю., Волкова, Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profiler: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. № 13(3). С. 116–133. https://doi.org/10.17759/sps.2022130308
2. Gillath O., Ai T., Branicky M., Keshmiri S., Davison R., Spaulding R. Attachment and Trust in Artificial Intelligence. Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 115. https://doi.org/10.1016/ j.chb.2020.106607
3. Grassini S. Development and validation of the AI attitude scale (AIAS-4): a brief measure of general attitude toward artificial intelligence. Front. Psychol., 2023. Vol. 14 https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1191628

Алмазова О.В., Молчанов С.В.
ФГБНУ ФНЦ ПМИ

Значимые события, выделяемые юношами и девушками в условиях нестабильной социальной среды

Подростковый возраст, значимые события, социальная ситуация развития

Введение. Нестабильная и изменчивая социальная среда и события, происходящие в ней, могут оказывать значительное влияние на психическое развитие подростков. Активно-деятельная позиция подростка в социальной ситуации развития создает условия для отражения его отношения к происходящему (Гришина, 2025). Целью исследования стало изучение того, насколько значимые события последнего года определяются возрастно-психологической спецификой возраста или нестабильной ситуацией региона проживания подростков.

Методы. Выборку составили 559 подростков из г. Севастополь от 15 до 17 лет (M=15,7; SD=1,01). Использована авторская анкета, в которой надо было указать три эмоционально значимых события последнего года.

Результаты. Выделены 10 категорий упоминаемых событий: учебная деятельность (43,3% выборки), межличностные отношения со сверстниками в областях любви и дружбы (42,0%), путешествия и развлечения (39,7%), материальные приобретения (28,3%), самостоятельные достижения (24,7%), праздники (17,7%), отношения в родительской семье и с родственниками (15,9%), утраты/смерть близких людей, ситуации опасности (6,4%), саморазвитие (5,9%) и переезды (4,8%). Юноши значимо реже упоминают события, связанные с межличностными отношениями со сверстниками (t=-2,539; p=0,011; Коэн d=-0,22) и путешествиями и развлечениями (t=-2,804; p=0,005; Коэн d=-0,24) и значимо чаще – с достижениями (t=2,457; p=0,014; Коэн d=0,21), чем девушки.

Выделенные изначально категории значимых событий были объединены в более крупные группы: группа событий саморазвития; группа событий в области межличностных отношений; группа событий в области гедонизма; группа стрессовых событий, а далее на основании количества событий каждой группы была построена типология подростков с разными фокусами воспринимаемых значимых событий.

1 тип (24,7% выборки) – эти подростки чаще отмечают события последнего года, связанные с пространством учебной деятельности, саморазвитием и областью самостоятельных достижений – «фокус саморазвития».

2 тип (18,6%) – превалируют события, связанные со сферой межличностных отношений со сверстниками и со взрослыми – «фокус отношений».

3 тип 21,5%) – упоминаются события, связанные с проявлением гедонизма (в сильной степени) и в меньшей степени области саморазвития – «фокус на себе».

4 тип (26,7%) – отмечают события разных групп: саморазвития, отношений и гедонизма – «смешанный фокус». 5 тип (8,6%) – характерны темы саморазвития и встречающихся стрессовых событиях – «фокус на себе и негативных событиях».

При помощи критерия χ^2 было выявлено, что пол и тип по значимым событиям связаны (χ^2=10,009; p=0,040; Cramer'sV=0,134). У юношей чаще, чем у девушек, встречается 1 тип (фокус саморазвития), а у девушек – чаще, чем у юношей – 2 (фокус отношений) и 4 (смешанный фокус) типы.

Выводы. Частота встречаемости событий свидетельствует об их большей связанности с возрастно-психологической спецификой (задачами развития), чем с нестабильностью социальной среды (Карабанова, 2024; Толстых, Прихожан, 2025). Выделенные направленности фокусов событий во многом сочетаются с ценностными ориентациями, описанные С.Шварцем с коллегами (2012).

1. Карабанова О.А. Переживание и «идеальная форма» в структуре социальной ситуации развития // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Т. 47 №4, С 69–86. https:// doi.org/10.11621/LPJ-24-40.
2. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт. 2025.
3. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т 9. №1. С.43–70.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России, проект № 075-15-2024-526.

Корягина Н.А., Фыонг В.
НИУ ВШЭ

Особенности самопрезентации при трансформации организационного взаимодействия в онлайн формат

Стратегии самопрезентации, онлайн-коммуникация, культурные различия

Переход от очного общения к онлайн-взаимодействию создает новые вызовы для сотрудников, например, владение цифровой грамотностью, адаптация к различным платформам и пр. (Davidson, 2021). Также культурные различия оказывают влияние нанормы общения в цифровых средах (Rui, 2013). Нами было проведено исследование сцелью анализа стратегий самопрезентации в профессиональной онлайн-коммуникации с учетом влияния личностных характеристик, цифровой грамотности, культурныхфакторов и формализации платформ.

Методы исследования:

- Опрос для сбора данных о демографии, цифровых платформах участников (на платформе Google Forms).
- Шкала тактик самопрезентации (SPTS) (Lee, 1999), адаптирована Пикулевой О.А. (2004), для оценки применения ассертивных и защитных стратегий самопрезентации.
- Краткая версия инвентаря HEXACO (BHI) (De Vries, 2013) измеряет личностные характеристики, которые влияют на онлайн-самопрезентацию, включая экстраверсию, доброжелательность и открытость.
- Шкала цифровой компетенции (DCS) (Schwarz, 2024) измеряет уровень цифровых навыков сотрудников.
- Методы статистической обработки данных: 1) описательная статистика для расчета средних значений, стандартных отклонений, медиан и квартилей; 2) частотныйанализ; 3) корреляционный анализ Спирмена.

Выборка из сотрудников в возрасте от 25 до 60 лет из России (N = 81) и Вьетнама (N = 83), которые регулярно используют онлайн-платформы для профессиональной коммуникации.

Гипотеза 1 частично подтверждается: сотрудники используют меньше ассертивных тактик самопрезентации на формальныхплатформах, таких как электронная почта и видеоконференции (Microsoft Teams, Zoom), по сравнению с неформальными платформами: WhatsApp, Zalo и ВКонтакте, ожидание меньшего использования всех защитных тактик не оправдалось.

Гипотеза 2 частично подтверждается: пожилые сотрудники и работники с низкой цифровой грамотностью менее активны в самопрезентации в профессиональной онлайн- среде, однако ожидание их склонности к защитным тактикам не оправдалось. Пожилые сотрудники демонстрируют снижение ассертивных тактик («приписывание себе достижений» и «преувеличение достижений»), что отражает их дискомфорт с цифровыми платформами и страх репутационных ошибок,обусловленный недостаточной технической подготовкой.

Гипотеза 3 подтверждает то, что личностные черты влияют на стратегии самопрезентации в профессиональной онлайн-среде, подчеркивая стабильность идентичности в цифровых контекстах. Так, честность-скромность, добросовестность и открытость к опыту связаны с социально желательными тактиками («пример для подражания», «извинение»), а низкие уровни этих черт и высокая экстраверсия – с нежелательными («запугивание», «мольба»).

Гипотеза 4 раскрывает, что культурные различия между Вьетнамом и Россией существенно влияют на выбор стратегий самопрезентации в профессиональной онлайн-среде. Так, российские сотрудники чаще используют ассертивные тактики («приписывание себе достижений», «преувеличение достижений» и «негативная оценкадругих»), а вьетнамские сотрудники склоняются к социально желательным и защитнымтактикам («пример для подражания» и «извинение»).

Исследование показало, что самопрезентация в профессиональной онлайн-среде определяется формальностью платформ, возрастом и цифровой компетентностью сотрудников, личностными чертами и культурными различиями. Формальные платформы способствуют сдержанности, тогда как неформальные поощряют выразительность, что требует сбалансированного подхода к выбору каналов.

1. Davidson B. I., Joinson A. N. Shape shifting across social media. Social Media and Society. 2021 №7(1). p.1-11.
2. Rui J., Stefanone M. A. Strategic self-presentation online: A cross-cultural study. Computers inhuman behavior. 2013 № 29(1). p.110-118.

Урбан М. И., Банщиков А. В.
СПБ ГАОУ ВО СПБГИПСР

Когнитивно-аффективные корреляты тревожности в контексте миграционной адаптации

Тревожность, удовлетворённость жизнью, адаптация мигрантов

Введение. На фоне значительного притока русскоязычных репатриантов в Израиль в 2022–2023 гг. (более 70 000 человек, CBS, 2022) возрастает значимость психологического сопровождения процессов адаптации. Исследования подчёркивают важную роль когнитивно-аффективных факторов, таких как удовлетворённость жизнью (SWLS), толерантность к неопределённости (MSTAT-II) и уровень тревожности (GAD-7), в обеспечении психологической устойчивости мигрантов. В частности, MSTAT-II рассматривается как значимый когнитивный предиктор GAD-7, что упоминается в ряде работ, включая модель M. Dugas, выявивших специфическую связь этого конструкта с тревожными переживаниями. Цель настоящего исследования – выявить характер взаимосвязей между SWLS, MSTAT-II и GAD-7, а также проанализировать, как расхождение между миграционными ожиданиями и реальностью соотносится с адаптационным состоянием, через апробацию экспериментального модуля, дополняющего шкалу SWLS.

Методы. В исследовании участвовали 193 репатрианта (срок проживания ≥6 месяцев).Применялись валидированные русскоязычные версии шкал удовлетворённости жизнью (SWLS, Осин и Леонтьев), толерантности к неопределённости (MSTAT-II, Злобина) и генерализованной тревожности (GAD-7, Золотарёва). В исследование включён пилотный блок, позволяющий оценить текущую удовлетворённость и зафиксировать расхождения между ожиданиями и реальностью в шести базовых сферах (жилье, финансы, работа, медицина, безопасность, социальные связи). Этот инструмент выступает расширением шкалы SWLS и прошёл первичную проверку психометрических свойств ($\alpha = 0{,}78–0{,}90$; CFA – в пределах нормы), продемонстрировав потенциальную диагностическую ценность. Обработка данных включала непараметрические методы, регрессионный анализ и сравнительные тесты.

Результаты. Анализ выявил значимые отрицательные корреляции между SWLS и GAD-7 ($\rho = –0{,}526$; $p < 0{,}001$), а также между MSTAT-II и GAD-7 ($\rho = –0{,}337$; $p = 0{,}004$). Совокупный вклад этих переменных в объяснение уровня тревожности составил около 37 % дисперсии ($R^2 \approx 0{,}37$), причём влияние SWLS ($\beta \approx –0{,}50$) оказалось более выраженным, чем MSTAT-II ($\beta \approx –0{,}22$). Дополнительный блок SWLS выявил статистически значимые несоответствия между ожиданиями и реальностью в большинстве сфер. Репатрианты, проживающие в стране более четырёх лет, демонстрируют более высокую удовлетворённость жизнью ($p < 0{,}05$), но уровни тревожности и толерантности остаются стабильными вне зависимости от срока проживания.

Выводы. Результаты исследования показали, что SWLS и MSTAT-II статистически связаны с более низким уровнем GAD-7, что подтверждает их роль в адаптационной устойчивости. Выявленные закономерности подчёркивают важность комплексного подхода к анализу психологической адаптации, основанного не только на изолированной диагностике показателей. Разработанный блок показал потенциал как инструмент раннего выявления фрустрации и может быть доработан как опросник адаптационного профиля. Ограничения ретроспективного подхода подчёркивают перспективность лонгитюдного дизайна, позволяющего отслеживать динамику адаптационного состояния во времени. Результаты могут быть применены в программах психологической поддержки мигрантов, направленных на работу с неопределённостью, смыслообразованием и регуляцией ожиданий.

1. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
2. Злобина М. В. Анализ надёжности и внутренней структуры опросников толерантности к неопределённости: IAS, HTH, MSTAT-I, MSTAT-II // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 79–95. https://doi.org/10.25205/2658-4506-2021-14-1-116-128.

Исследование выполнено в рамках курсовой работы в СПБГИПСР.

Позднякова Т.Б.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологические особенности личности с разным уровнем значимости самоуважения в юношеском возрасте

Личностные особенности, социально-психологические умения, самоуважение, ценностные ориентации, юношеский возраст

В раннем детстве закладываются основы самоуважения – глобальной самооценки, за которой стоит принятие себя. Установлено, что от того насколько человек принимаетсамого себя, положительно оценивает свои способности, черты характера, положениесреди других людей во многом зависит его благополучное становление как личности (Куницына, 2004).

Цель проведенного нами исследования состояла в изучении психологических особенностей юношей и девушек с разным уровнем значимости самоуважения.

Исходя из поставленных задач, из общей выборки, состоящей из 73 студентов вуза в возрасте 19-20 лет, были сформированы и сопоставлены две экспериментальные группы, в которые вошли респонденты с высоким и низким уровнями актуальности дляних ценности «самоуважение».

В качестве диагностических средств были использованы: методика «ЦО-36» («ценностные ориентации-36 позиций»), методика КОСКОМ (Коммуникативная и социальная компетентность), методика СТАЛЬ (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности), опросник СУМО(Саморегуляция и успешность межличностного общения), методика Притчи, 16-факторный опросник Р. Кеттелла.

Согласно полученным результатам, респондентов, для которых самоуважение имеет большое значение, на уровне статистической значимости отличают более высокие показатели спокойствия и расслабленности (p=0,026). При достаточно выраженной чувствительности (p=0,013) они эмоционально сдержаннее, осторожнее и рассудительнее (p=0,039). Наличие приверженности определенной вере для них не актуально (p=0,026). В меньшей степени они склонны к мазохистским реакциям (p=0,014). Считают, что не владеют в полной мере коммуникативными навыками (p=0,026), благожелательны по отношению к людям. В сложных ситуациях, возникающих в межличностном взаимодействии, чаще всего предпочитают уходить от их решения (p=0,018). В настоящее время удовлетворены общением и отношениями, сложившимися в близком кругу людей (p=0,019).

В качестве тенденции следует отметить, что обеспечивающий успешность в межличностном общении коммуникативно-личностный потенциал у них развит выше, хотя и находится на среднем уровне. Их в большей степени отличает прямолинейность инепосредственность, недоверие авторитетам, ориентация на аналитическую деятельность. Гораздо выше они ценят интеллектуальные способности, усердие в работе и заботу о себе.

Лучше прогнозируют развитие ситуации межличностного взаимодействия.

По сравнению с ними, молодые люди, с низкими показателями ценности самоуважения, на уровне статистической достоверности еще более чувствительны (p=0,013), напряжены и нередко бывают раздражительны (p=0,026), менее сдержанны впроявлениях эмоций, склонны к эмпатии (p=0,039). Считают, что способны управлятьсобытиями своей жизни (p=0,025), при этом часто бывают недовольны собой (p=0,014).Высоко ценят дружескую поддержку (p=0,026) и близкие отношения с любимымчеловеком (p=0,04). Более склонны верить в высшие силы и ценить религиозность(p=0,026). В трудных межличностных ситуациях чаще всего берут вину на себя (p=0,049).На данный момент крайне недовольны характером общения и отношениями с близкимилюдьми (p=0,019).

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что ценность самоуважения в юношеском возрасте сочетается с ориентацией на себя и доброжелательным отношением к людям, а также чувствительностью и при этом сдержанностью, рассудительностью и расслабленностью. Можно предположить наличие взаимной обусловленности этих параметров, что в свою очередь требует дальнейшего всестороннего изучения.

1. Куницына В.Н. Сила «Я» и самоуважение // Психология: учебник / отв. ред. А.А. Крылов. М.: ТК Велби, Проспект, 2004 С. 362-364.

Каширский Д.В.
ФГАОУ ВО РГГУ

Взаимосвязь эмоционального благополучия студентов с отношением к IT-технологиям

Эмоциональное благополучие, IT-технологии, студенты, цифровая среда, психологическое благополучие

Цель исследования – выявление взаимосвязи между переживанием эмоционального благополучия студентами и их отношением к IT-технологиям. Актуальность обусловлена ростом цифровизации и её противоречивым влиянием на психическое здоровье. Эмоциональное благополучие определяется как интегральный показатель, включающий позитивные эмоции, удовлетворённость жизнью и конструктивные социальные отношения (Григорова, 2019).

Методы. Выборка: 153 студента московских вузов (средний возраст 18 лет, 65 женщин, 88 мужчин, 64% – IT-профиль).

Использовались:

1. «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Шевеленко, Фесенко, 2008),
2. Русскоязычная версия опросника PERMA Profiler (адаптация Исаевой и др., 2022),
3. Опросник отношения к цифровизации (Каширский, Очеретин, 2023),
4. Методика «Доверие к ИИ» (Гиллат и др., 2021), 5. Шкала AIAS-4 (Грассини, 2023).

Применялись корреляционный анализ (Спирмен), множественный регрессионный анализ (Backward) и статистические методы сравнения групп (t-критерий, однофакторная ANOVA).

Результаты

1. Корреляционный анализ выявил прямые связи: о Развитость цифровых навыков с позитивным отношением к цифровым технологиям ($r=0.355$, $p<0.001$) и управлением цифровой средой ($r=0.410$, $p<0.001$) (Каширский, Очеретин, 2023).

2. Регрессионный анализ подтвердил: о Предикторы психологического благополучия (по Рифф): навыки работы в цифровой среде ($\beta=0.320$, $t=4.594$, $p<0.001$) и отношение к автономным технологиям ($\beta=-0.388$, $t=-5.565$, $p<0.001$) объясняют 24% дисперсии.

3. Дисперсионный анализ показал:

- Гендерные различия: мужчины демонстрируют более высокое доверие к ИИ (по Гиллат) ($t=4.55$, $p<0.001$),
- Профильные различия: IT-студенты чаще испытывают одиночество ($F=18.009$, $p<0.001$), нетехнические профили – выше по самопринятию (Селигман, 2011).

Выводы 1. Развитость цифровых навыков выступает предиктором эмоционального благополучия, тогда как зависимость от автономных технологий коррелирует с его снижением. 2. Отношение к IT-технологиям гендерно обусловлено: мужчины более лояльны к ИИ. 3. Студенты IT-профиля подвержены риску социальной изоляции, что требует интеграции программ психологической поддержки в образовательный процесс. Результаты подчёркивают необходимость баланса между цифровизацией и сохранением межличностных коммуникаций.

1. Исаева, О.М., Акимова, А.Ю., Волкова, Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profiler: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. № 13(3). С. 116–133. https://doi.org/10.17759/sps.2022130308
2. Gillath O., Ai T., Branicky M., Keshmiri S., Davison R., Spaulding R. Attachment and Trust in Artificial Intelligence. Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 115. https://doi.org/10.1016/ j.chb.2020.106607
3. Grassini S. Development and validation of the AI attitude scale (AIAS-4): a brief measure of general attitude toward artificial intelligence. Front. Psychol., 2023. Vol. 14 https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1191628

Сальникова С.М., Мерзляков Д.Е.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Социальная тревога как предиктор дезадаптивных копинг-стратегий

Социальная тревога, копинг-стратегии, дезадаптивный копинг

Социальная тревога – распространенная проблема для психического здоровья, негативно влияющая на качество жизни (Alomari et al., 2022). Ее основные проявления –страх негативной оценки и дискомфорт при общении. В студенческой среде такие проявления усиливаются в связи с необходимостью постоянного взаимодействия с одногруппниками и преподавателями (Краснова-Гольева, Холмогорова, 2011). Такие ситуации воспринимаются человеком как стрессогенные. И.В. Никитина и А.Б. Холмогорова (2011) отмечают, что поведенческие особенности людей с выраженной социальной тревогой включают низкий уровень социальных умений, неассертивность ивыраженную тревогу (Никитина, Холмогорова, 2011), что может приводить к использованию дезадаптивных копинг-стратегий.

Цель: определение связи между социальной тревогой и стратегиями преодоления стрессовых ситуаций.

Выборка: 62 студента ПГНИУ в возрасте 18-25 лет (M=21, SD=1.9). Методы: опросник социальной тревоги и социофобии (Сагалакова, Труевцев, 2012), опросник «Большая Пятерка» (Щебетенеко и др., 2022), опросник «Темная тетрада» (Корниенко и др., 2022), опросник стратегий преодоления стрессовых ситуаций(Водопьянова, Старченкова, 2009).

Корреляционный анализ Спирмена показал, что стратегия избегания положительно связана с социальной тревогой ($r=0.42$, $p<0.001$), психопатией ($r=0.41$, $p<0.001$), отрицательно с добросовестностью ($r=-0.61$, $p<001$); агрессивные действия связаны с социальной тревогой ($r=0.28$, $p<0.05$), психопатией ($r=0.61$, $p<0.001$), отрицательно с добросовестностью ($r=-0.395$, $p<0.01$); ассертивные действия отрицательно связаны с социальной тревогой ($r=-0.41$, $p<0.001$), психопатией ($r=-0.28$, $p<0.05$), открытостью с опытом ($r=-0.27$, $p<0.05$). В результате регрессионнного анализа с методом прямого включения предикторами избегания (скор.R2=0.53) являютсясоциальная тревога ($\beta=0.32$, $p<0.01$), психопатия ($\beta=0.31$, $p<0.001$) и низкий уровеньдобросовестности ($\beta=-0.45$, $p<0.001$); предикторами агрессивных действий (скор.R2=0.37): психопатия ($\beta=0.56$, $p<0.001$) и социальная тревога ($\beta=0.26$, $p<0.05$); предикторами ассертивных действий (скор.R2=0.26): низкий уровень социальной тревоги ($\beta=-0.37$, $p<0.01$), психопатия ($\beta=0.26$, $p<0.05$) и открытость опыту ($\beta=0.27$, $p<0.05$).

Социальная тревога положительно коррелирует с использованием дезадаптивных стратегий – избеганием и агрессивными действиями. Человек, испытывая страх оценки и отвержения, склонны либо уходить от конфликта, либо использовать агрессивныедействия как защитное поведение. Социальная тревога является одним из значимыхпредикторов избегания и агрессивных действий, помимо нее важный вклад вносятпсихопатия и сниженная добросовестность. Вероятно, психопатия усиливает склонность к агрессивному поведению за счет дефицита эмпатии и самоконтроля, тогда как низкий уровень добросовестности может затруднять регуляцию поведения и препятствовать принятию взвешенных решений. При этом обратная связь социальной тревоги с ассертивными действиями указывает на сниженную способность социально-тревожных людей эффективно отстаивать свои интересы.

1. Краснова-Гольева В. В., Холмогорова А. Б. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011 № 1 (3). С. 15
2. Никитина И. В., Холмогорова А. Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 2 // Социальная и клиническая психиатрия. 2011№1 (20). С. 80-85.
3. Alomari N. A., Bedaiwi S. K., Ghasib A. M., Kabbarah A. J., Alnefaie S. A., Hariri N., Altammar M. A., Fadhel A. M., Altowairqi F. M. Social Anxiety Disorder: Associated Conditions and Therapeutic Approaches // Cureus. 2022 Vol. 14 (12). P. e32687. DOI: 10.7759/cureus.32687.

Машкова Д.В., Ермолаева Т.Н., Еселевич А.П.
АНО «Азбука семьи»

Влияние клубов «Устойчивая семья» на сохранение и восстановление родных семей с детьми

Семьесбережение, профилактика социального сиротства, родные семьи, клубы «Устойчивая семья»

Введение. Разлучение с родной семьей и практика институционального воспитаниянегативно влияет на социальное и психологическое благополучие детей (Ослон, 2023). Изъятие ребенка из кровной семьи и помещение в замещающую может спровоцировать как острые стрессовые реакции, так и долгосрочные последствия, сохраняющиеся во взрослом возрасте, причем триггерами выступают как предшествующий негативный опыт, так и сам стресс перемещения (Семья, 2024). Целью нашего исследования было оценить результаты семьесберегающей практики клубов «Устойчивая семья» по программе «Азбука счастливой семьи» (Машкова, 2023) в рамках стратегической программы «Дети в семье» (восстановление способности семей самостоятельно справляться с кризисом,сохранение детей в родных семьях). Клубы работают по программе в формате социально-психологических тренингов с элементами терапии. Практика клубов рассчитана на 2-3 года. В исследовании участвовали 1476 родителей (134 отца, 1342 матери) и 3176 детей в 14 регионах РФ – это постоянные члены 137 клубов «Устойчивая семья». Семьи с детьми в кризисе (414 (22%)), семьи в социально-опасной ситуации (295 (20%)), в тяжелой жизненной ситуации (767 (52%)), в ситуации ограничения или лишения родительских прав (92 (6%)). Алкогольную зависимость имеют 63% родителей. В проведении исследования приняли участие 159 психологов, лидеров клубов «Устойчивая семья», прошедшие предварительную подготовку на базе АНО «Азбука семьи».

Методы. Мониторинг динамики (родители проходили интервью и заполняли социально-демографическую анкету до начала участия в программе и через 6 месяцев после вступления в неё) социальных изменений участников клубов проводился с применением анкетирования, интервью с родителями и наблюдений психологов, лидеров клубов «Устойчивая семья» (Машкова, Ермолаева, 2025).

Результаты. По данным на 01 июня 2025 года в результате социально-психологической работы 273 ребенка (8,6%) вернулись в родную семью, а 2633 ребенка (82,9%) сохранили её. Улучшилось психоэмоциональное состояние родителей, часть родителей снизили употребление алкоголя или вышли в ремиссию, в семьях укрепились детско-родительские отношения по субъективной оценке самих родителей и наблюдениям психологов (Машкова, Ермолаева, 2025). Социально-психологическая поддержка семей с детьми продолжается. 270 детей (8,5%) пока еще не в родных семьях и работа по восстановлению социально-психологического благополучия их родителей активно ведется психологами.

Выводы. Семьесберегающая практика клубов «Устойчивая семья» способствует восстановлению способности семей самостоятельно справляться с кризисом, сохранению детей в родных семьях и их возвращению из учреждений в родные семьи. Практика клубов «Устойчивая семья» в ходе ее внедрения показала свою результативность.

1. Машкова Д.В., Ермолаева Т.Н., Исследование «Анализ социальных результатов Клубов «Устойчивая семья» в рамках стратегической программы «Дети в семье» – Москва: АНО «Азбука семьи», 2025 – 37 с. https://azbukasemi.ru/clubs/obucheniespe/
2. Машкова Д.В. Азбука счастливой семьи. 30 уроков осознанного родительства/ Диана Машкова. – Изд. перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2023. – 528 с.
3. Ослон В. Н. и др. Инструментальные и мотивационные ресурсы специалистов сферы защиты прав детей в условиях неопределенности профессиональной деятельности //Психология и право. – 2024. – Т. 14. – №. 4. – С. 176-200.
4. Семья Г. В., Телицына А. Ю., Лашкул М. В. Адаптация к новой реальности: обзор международных исследований специфики развития детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающих семьях и при усыновлении //Социальные науки и детство. – 2024. – Т. 5. – №. 4. – С. 65-85.

Ананьева О.А., Калёнова А.А.
НИУ ВШЭ

Роль идеологических установок, предубеждений и стереотипов в поддержке политиков с разными повестками

Поддержка политиков, правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование, предубеждения, стереотипы

Цель – оценить вклад индивидуальных характеристик (правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование, амбивалентные предубеждения, стереотипы) в готовность граждан поддерживать мужчин- и женщин-политиков с разной повесткой (маскулинной, феминной, нейтральной).

Методы. Проведено квази-экспериментальное исследование (N=262) с использованием виньеток с описанием политиков 3 повесток: Маскулинной (национальная безопасность), Феминной (социальная защита), Нейтральной (экология).

Респонденты заполняли опросники для измерения амбивалентных предубеждений по отношению к женщинам и мужчинам (Bareket, Fiske, 2023), ориентации на социальное доминирование (Гулевич и др., 2018), правого авторитаризма (Гулевич и др., 2022), стереотипов (теплота/компетентность) (Fiske et al., 2007) и вопросы о готовности поддержать кандидата на разных постах. Данные анализировались с помощью дисперсионного и регрессионного анализа.

Результаты. Непараметрический анализ показал значимую разницу в готовности поддерживать мужчин-политиков с разными повестками (M=3.75 для политиков с экологической повесткой, M=3.53 – с социальной, M=2.87 – с повесткой нац.безопасности) и женщин-политиков с разными повестками (M=5.14 для политиков с экологической повесткой, M=4.48 – с социальной, M=3.43 – с повесткой нац.безопасности).

В поддержку мужчин с социальной повесткой (R2=.56) значимый вклад вносят враждебные установки (B= -0.79, p=.002), с повесткой нац.безопасности (R2=.78) – доброжелательные установки (B=0.49, p=.024) и правый авторитаризм (B=1.02, p<.001), а мужчин-политиков с экологической повесткой (R2=.41) – теплота (B=0.45, p=.044).

В поддержку женщин с социальной повесткой (R2=.45) значимый вклад вносят враждебные установки (B = -0.61, p =.027), с повесткой нац.безопасности (R2=.51) – доброжелательные установки (B=0.66, p=.022), доминирование (B=1.08, p=.046) и антиэгалитаризм (B= -1.26, p=.038), с экологической повесткой (R2=.45) – теплота (B=0.83, p = .008).

Выводы. Независимо от пола кандидата, поддержка политиков с феминной повесткой отрицательно связана с враждебными установками по отношению к женщинам или мужчинам. Негативные предубеждения по отношению к определённым группам могут снижать вероятность электоральной поддержки политиков, ассоциирующихся с традиционно «женскими» сферами деятельности. Поддержка политиков с экологической повесткой положительно связана с коммунальными стереотипами о теплоте (доброжелательности и заботе). Экологическая тематика может восприниматься как социально ориентированная, при этом она может быть не связана с гендерными ожиданиями в отношении кандидатов.

Поддержка политиков с маскулинной повесткой связана с доброжелательными установками по отношению к мужчинам или женщинам. Положительный вклад доброжелательных установок может быть связан с предпочтениями в защите и закреплении традиционных гендерных ролей.

Роль идеологических установок в готовности поддерживать политиков разных полов различается: поддержка мужчин связана с правым авторитаризмом, поддержка женщин-политиков – с ориентацией на социальное доминирование. Авторитарные установки могут быть связаны с предпочтением традиционно «мужских» образов лидерства, а ориентация на социальное доминирование – с предпочтением в поддержании устоявшейся социальной иерархии.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что установки, легитимизирующие социальное и гендерное неравенство, играют значимую роль в готовности россиян поддерживать политических кандидатов в зависимости от их пола и содержания политической программы.

1. Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р., Хухлаев О.Е. Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование //Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 15. – №. 3. – С. 407-426.
2. Гулевич О.А., Кривощеков В.С., Гусева В.В. Русскоязычный опросник для измерения правого авторитаризма: валидность и инвариантность //Психологические исследования. – 2022. – Т. 15. – № 85-86. – 3.
3. Bareket O., Fiske S. T. A systematic review of the ambivalent sexism literature: Hostile sexism protects men's power; benevolent sexism guards traditional gender roles //Psychological bulletin. – 2023. – Vol. 149. – №. 11-12. – С. 637.
4. Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P. Universal dimensions of social cognition: Warmth and competence //Trends in Cognitive Sciences. – 2007. – Vol. 11. – №. 2. – P. 77-83.

Лавелина Д.Я.
ФГБОУ ВО КГТУ

Роль принятия существующей системы отношений в социальной сплоченности

Социальная сплоченность, принятие системы, моделирование структурными уравнениями

Введение. Высокая социальная сплоченность несет много позитивных последствий для общества, поэтому исследователи обеспокоены глобальным снижением сплоченности (Schmeets, Te Riele, 2014). Следовательно, все большую актуальность приобретают исследования по изучению факторов повышения социальной сплоченности. В качестве такого фактора данное исследование рассматривает принятие существующей системы отношений в социальной сфере.

Социальная сплоченность является комплексным конструктом, который не имеет конвенционального подхода к определению и измерению (Moustakas, 2023). В рамках данного исследования мы опирались на многоуровневую и многокомпонентную модель Боттони (2018), которая рассматривает социальные отношения на межличностном уровне, уровне групп и институтов с использованием субъективных и объективных измерений на каждом уровне.

В соответствии с теорией обоснования существующей системы отношений, принятие существующей системы отношений помогает людям удовлетворять их базовые потребности, например, потребность в разделенной реальности и поддержанию социальных контактов (Jost et al., 2017), что тесно связано с концепцией социальной сплоченности. Целью исследования является выявление роли принятия существующей системы отношений в социальной сплоченности.

Методы. Для проверки этой гипотезы был проведен онлайн-опрос 819 респондентов (52% женщин; Мвозр = 37,7; SDвозр = 10,7) на платформе Яндекс.Толока. Респонденты заполняли методику принятия существующей системы отношений (Agadullina et al., 2021) и методики, разработанные в рамках Европейского опроса ценностей (2018): межличностного доверия, социальной поддержки, частоты взаимоотношений, открытости, социального участия, доверие к институтам и их легитимность, доход и самокатегоризация в социальной иерархии. С помощью моделирования структурными уравнениями (SEM) в Mplus была реализована модель, в которой принятие существующей системы отношений выступало предиктором для отдельных уровней социальной сплоченности.

Результаты. Модель показала приемлемое соответствие данным ($\chi 2$ (387) = 1209,56, $p < 0,001$, RMSEA = 0,061, 95% CI [0,057, 0,065], SRMR = 0,056, CFI = 0,92, TLI = 0,91), вся факторные нагрузки продемонстрировали статистическую значимость, а факторы социальной сплоченности – позитивную корреляцию друг с другом.

Выводы. Результаты исследования показали, что принятие существующей системы отношений вносит существенный вклад в микро-, мезо- и макроуровень социальной сплоченности. Макро-уровнем демонстрирует наибольшую связь с предиктором, при этом внутренняя связь компонентов макроуровня (доверие институтов и их легитимность) показывает высокую корреляцию, что может быть связано с недостаточной «объективностью» переменной легитимности институтов. В то же время мезо-уровень сплоченности оказался в меньшей степени связан с особенностями восприятия и поддержания существующего уровня неравенства в обществе.

1. Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I. How do Russians perceive and justify the status quo: Insights from adapting the system justification scales // Frontiers in Psychology. 2021. № 12. 717838.
2. Bottoni G. A multilevel measurement model of social cohesion // Social Indicators Research. 2018. № 136(3). P. 835-857.
3. Jost J. T., Becker J., Osborne D., Badaan V. Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior // Current Directions in Psychological Science. 2017. № 26(2). P. 99-108.
4. Moustakas L. Social cohesion: Definitions, causes and consequences // Encyclopedia. 2023. № 3(3). P. 1028-1037
5. Schmeets H., Te Riele S. Declining social cohesion in the Netherlands? // Social Indicators Research. 2014. № 115. P. 791-812.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Волкова Н.В.
НИУ ВШЭ Санкт-Петербург

Социальный капитал и организационная приверженность: поколенческий аспект

Социальный капитал, организационная приверженность, поколения

Введение. Изучение организационной приверженности (ОП) представляет собой важное направление современных исследований, поскольку способствует удержанию ключевыхсотрудников организации. Для анализа ОП часто используется модель Дж. Мейер и Н.Аллен (1990), которая включает: 1) эмоциональную привязанность (аффективная ОП), 2) предполагаемые издержки, связанные с уходом из организации (рациональная илипродолженная ОП), и 3) моральные обязательства перед работодателем (нормативнаяОП), отражающие различные жизненные приоритеты и установки сотрудников. Висследованиях отмечалось, что, аффективная ОП положительно коррелирует с возрастом (Липатов, Синчук, 2015), а большинство представителей старшего поколения попадают в подгруппу с относительно низкими значениями по трем компонентам ОП (Volkova и др., 2022). Соответственно, можно предположить, что компоненты ОП будут по-разному оцениваться представителями поколенческих групп. Организационный социальный капитал (ОСК) как «совокупность коммуникативных связей и ресурсов, создающих основу для коллективных действий в организационной среде» (Волкова, 2023), включает структурное, реляционное и когнитивное измерения (Pastoriza, Ariño, 2013). В соответствии с теорией сохранения ресурсов (Hobfoll, 1989), сотрудник должен инвестировать и накапливать ресурсы для жизнедеятельности. В этом контексте ОСК способствует развитию социальных ресурсов, усиливая ОП. Однако, открытым остается вопрос как измерения ОСК влияют на ОП с учетом поколений. Цель исследования – изучить взаимосвязь структурного, реляционного и когнитивного ОСК с аффективной, нормативной и рациональной ОП с учетом поколенческого аспекта.

Гипотезы исследования:

1. Когнитивное, структурное и реляционное измерения ОСК положительно ассоциируются с аффективной, нормативной и рациональной ОП.
2. Характер влияния измерений ОСК на компоненты ОП зависит от поколенческой группы.

Методы и результаты. В исследовании приняли участие 585 сотрудников двух финансовых организаций в Пакистане (26% – женщины, 74% – мужчины). Используя иерархический регрессионный-анализ, было установлено, что три измерения ОСК оказывают положительное влияние на компоненты ОП. Включение в регрессию поколений как модераторов, показало, чтоаффективная ОП не зависит от поколенческих групп в совокупности с ОСК.Рациональная ОП: у поколения X организационное доверие, как основа реляционногоОСК, снижает эффект преимуществ работодателя (β=-0.68, $p<0.01$), а у поколения Zаналогичный результат связан со структурным ОСК, отражающим обмен информацией и организационные связи (β =-0.32, $p<0.01$).

Нормативная ОП: результаты аналогичны рациональной ОП, плюс добавился положительный эффект когнитивного ОСК у поколения X (β=0.66, $p<0.01$). Вывод: в результате эмпирического анализа были зафиксированы различия во взаимосвязях ОСК с ОП в зависимости от поколенческой группы.

1. Волкова Н. В. Модель изучения организационного социального капитала поколений //Организационная психология. 2023 Т. 13 № 3 С. 201–226.
2. Липатов С. А., Синчук Х. И. Социально-психологические факторы организационной приверженности сотрудников // Организационная психология. 2015 Т. 5 № 4 С. 6–28.
3. Allen N. J., Meyer J. P. The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // Journal of Occupational Psychology. 1990 Т. 63№ 1 С. 1–18.
4. Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. // American Psychologist. 1989 Т. 44 № 3 С. 513–524.
5. Pastoriza D., Ariño M. A. Does the Ethical Leadership of Supervisors Generate Internal Social Capital? // J Bus Ethics. 2013 Т. 118 № 1 С. 1–12.
6. Volkova N. и др. How can organizational social capital contribute to commitment profiles: evidence from Pakistani financial firms // Организационная психология. 2022 Т. 12 № 3 С.92–102.

Безносов Д. С.
ГАОУ ВО СПбГИПСР

Социально-психологическая регуляция общественных отношений

Общественные отношения, консолидация

Введение. Основополагающей категорией социально-психологической науки является понятие «отношение». В настоящее время изучено большое количество отношений – межличностных, внутригрупповых и межгрупповых, межэтнических, экономических, политических и т.д. Однако общественным отношениям уделяется недостаточное внимание. Общественные отношения с точки зрения социальной психологии – это совокупность взаимоотношений членов общества в различных сферах жизнедеятельности. Общественные отношения основаны на морально-нравственных и правовых нормах, принципах справедливости и равноправия, стимулирующих социальную активность и ответственность. Общественные отношения складываются между всеми членами общества, государственными и общественными органами (см.: Жеребцов. Труфанов, 2024; Ланских, Скуратов, Сыманюк, 2022; Лугушенко, Герасименко, 2023; Парсонс, 2000). В настоящее время актуальность изучения научно-обоснованной системы консолидации общественных отношений обусловлена необходимостью построения сплоченного, солидарного общества, нацеленного на создание социально ответственного, экономически развитого государства.

Развитие общественных отношений может приводить к позитивным или к негативными последствиям. Позитивным следствием является социальный капитал общества, как развитая система консолидации общественных отношений. Высокий уровень развития социального капитала общества свидетельствует о сплоченности, единстве общества, низкий уровень – о несбалансированности, противоречивости, конфликтности общественных отношений.

Программа исследования. Цель исследования – определить уровень консолидации общественных отношений. Методы исследования – нами разработан опросник «Диагностика регуляции общественных отношений». Процедура: опрос респондентов проводился на платформе «Анкетолог». проведен конфирматорный анализ, свидетельствующий о надежности опросника, а также корреляционный и факторный анализы, показывающие его валидность. Разработан индекс консолидации общественных отношений, максимальное значение которого равняется 1,0. Выборка состояла из 467 респондентов, проживающих в различных регионах РФ: из них 26,7% мужчин, 73,3% женщин, средний возраст – 41,8 год, высшее образование имели 52% опрошенных.

Результаты исследования показали, что индекс консолидации общественных отношений равняется 0,805. Эти данные говорят о высокой консолидации, сплоченности, солидарности российского общества.

Выводы. Из результатов исследования можно сделать выводы о том. что психологически члены российского общества представляют собой единое целое, направленны на решение актуальных проблем современности. Члены общества разделяют цели и ценности общества, соблюдают социальные нормы, высоко оценивают деятельность государственных и общественных организаций, направленных на реализацию планов развития общества.

1. Жеребцов, А.Н., Труфанов, М.Е. Механизм административно-правового регулирования общественных отношений: вопросы дальнейшего развития доктрины // Весник Краснодарского университета МВД России, № 2(64), 2024. – с.85–91.
2. Ланских, А.В., Скуратов, А.Б., Сыманюк, Н.В. Трансформация общественных отношений под влиянием сети Интернет. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. – 96 с.
3. Лугушенко, Т.В., Герасименко, О.Н. Общественные отношения: эквивалентность и неэквивалентность социальных обменов. Монография. Луганск: Издательство ООО. НПК ПЕРСПЕКТИВА, 2023. – 204 с.
4. Парсонс, Т. О структуре социального действия, М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

Галенко В.Ю.
ГАОУ ВО СПбГИПСР

**Культура виктимности поколения Z:
цифровая социализация, семейное воспитание и самосострадание**

Поколение Z, виктимность, цифровая социализация, детско-родительские отношения, самосострадание

Введение. Культура виктимности – это моральная ориентация, при которой статус жертвы воспринимается как источник социальной легитимности (Гусельцева, 2023). Представители поколения Z демонстрируют высокую чувствительность к несправедливости и склонны публично демонстрировать свою уязвимость (Гусельцева, 2023). В связи с этим целью настоящего исследования является теоретический анализ психологических и социальных детерминант виктимных установок у поколения Z, включая влияние цифровой социализации, особенности семейного воспитания и роль самосострадания.

Методы. Исследование основано на теоретическом анализе и синтезе научной литературы по психологии личности, виктимности, особенностям поколенческой идентичности и цифровой среды; сопоставлении зарубежных и отечественных данных; а также аналитическом обобщении результатов эмпирических исследований.

Результаты. У поколения Z прослеживаются черты, связанные с виктимнымиориентациями: внешний локус контроля, сниженная жизнестойкость и самоэффективность(Twenge, 2017; Гусельцева, 2023). Эти особенности могут быть связаны с гиперопекой и «культом безопасности» в детстве (Гусельцева, 2023). Исследования также указывают на роль родительского стиля: недостаток эмоциональной поддержки, авторитаризм или гиперопека коррелируют с ростом виктимных установок (Белинская, Волкова, 2018). Социальные сети усиливают уязвимость через сравнение и зависимость от внешнего одобрения. При этом повышенная склонность к ролевой виктимности сопряжена с более низким психологическим благополучием студенческой молодежи (Полищук, 2016). Перспективным профилактическим ресурсом выступает самосострадание – навык принятия своих слабостей и неудач с эмпатией. Его развитие снижает тревожность, депрессию и укрепляет жизнестойкость (Neff, Germer, 2013).

Выводы. Таким образом, комплексное изучение факторов виктимности у молодежи поколения Z требует учета влияния цифровой среды, семейного фона и внутренних аспектов саморефлексии. В следующем исследовании планируется разработать тренинг самосострадания и измерить уровень виктимности до и после тренинга. Тренинг самосострадания нацелен на формирование бережного, сочувственного отношения к собственным неудачам и переживаниям вместо самокритики. Зарубежные исследования демонстрируют эффективность этой методики: после курса повышаются жизнестойкость, эмоциональная стабильность и ощущение поддержки, снижаются депрессивность и тревожность [Neff, Germer, 2013]. Отмечается, что способность проявлять самосострадание связана с более высоким уровнем психологического благополучия и адаптивности личности, что делает этот подход перспективным и для России.

Цель эмпирического исследования: Выявление взаимосвязи виктимных установок у молодежи поколения Z с уровнем жизнестойкости, самосострадания, типом детско-родительского взаимодействия и характеристиками цифрового поведения.

Гипотеза: Чем ниже уровень жизнестойкости и самосострадания, выше тревожность и аффективная реактивность, а также чем более выражены деструктивные детско-родительские паттерны (гиперопека, холодность, авторитаризм), тем выше уровень виктимных установок у представителей поколения Z.

Планируемые методики:

- Опросник виктимных установок (TIV – Tendency for Interpersonal Victimhood), адаптация на русский язык (в процессе или авторская разработка).
- Опросник жизнестойкости С. Мадди – адаптация: Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова (2006).
- Шкала самосострадания К. Neff – адаптация: А.В. Ожегов, Н.Ю. Ковалёва (2021).
- Методика «Анализ семейных отношений» (АСО) – А.Я. Варга, В.В. Столин.
- Шкала цифрового поведения и самораскрытия в соцсетях – авторский опросник или шкала интернет-зависимости К. Янга (русская адаптация).
- Шкала общей самоэффективности Шварцера и Ерусака – адаптация: Л.М. Головейи др.
- Шкала тревожности и депрессии Спилбергера – Ханина (STAI), русская адаптация.

1. Белинская Т.В., Волкова М.К. Исследование склонности к виктимному поведению подростков с разным отношением родителей // Прикладная юридическая психология. 2018. № 3 (44). С. 94–102.
2. Гусельцева М.С. Социализация в условиях современности: культура виктимности (обзор зарубежных тематических публикаций) // Новые психологические исследования. 2023. № 3. С. 139–158. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2023_03_03_08

3. Полищук Е.С. Психологическое благополучие студенческой молодежи с разным уровнем ролевой виктимности // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8, № 1. С. 35–44. https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080104
4. Neff K., Germer C. A Pilot Study and Randomized Controlled Trial of the Mindful Self-Compassion Program // Journal of Clinical Psychology. 2013. Vol. 69 (1). P. 28–44. https://doi.org/10.1002/jclp.21923
5. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious. NewYork: Atria Books, 2017.

Екимчик О.А., Коршунова Д.В.
ФГБОУ ВО КГУ

Особенности близких отношений при разной вовлеченности в Интернет-пространство

Близкие отношения, смешанная реальность, привязанность, вовлеченность в Интернет-пространство

Цифровизация общества и стремительное развитие технологий способствовали тому, что современный человек живет в смешенной реальности, в которой происходит стирание границ между онлайн и офлайн мирами. Интернет-пространство расширяетвозможности человека, позволяя удовлетворять познавательные потребности,потребности в развлечении и отдыхе, потребности в общении путем его погружения ввиртуальную реальность. Близкие отношения продолжают оставаться важной сферойжизнедеятельности человека, именно в них удовлетворяются базовые потребности влюбви и принятии. Близкие отношения – это субъективно значимым избирательныепартнерские связи / узы, предполагающие отзывчивость, основанные на привязанности и взаимозависимости (Екимчик, 2021). Возникают вопросы: как изменяется переживание близких отношений в смешанной реальности; каким образом близкие отношения способствуют или препятствуют погружению в Интернет-пространство человека, в близких отношениях.

Цель: определить особенности характеристик близких отношений при разной вовлеченности человека в Интернет-пространство.

Методы. Выборку составили 105 человек в возрасте 18 – 65 лет (m=36,9; sd=14,8) из них 68 женщин и 37 мужчин. Все респонденты на момент исследования состояли в близкихотношениях с партнером. Психодиагностические методы: Методика «ВключенностьДругого в шкалу собственной Я-концепции» (IOS, A. Aron, и др., 1992); Опросник«Восприятие Интернета» Щепелиной Е.А., 2020; Опросник привязанности к близкимлюдям (Сабельникова, Каширский, 2015); Шкала доверия в адаптации Н. О. Белоруковой(Крюкова, Екимчик , 2018).

Результаты. Установлено, что среди респондентов 24 человека имеют высокую вовлеченность в Интернет-пространство и 81 человек имеет среднюю степень вовлеченности, соответствующую норме. Половых различий по уровню вовлеченности вИнтернет-пространство не установлено. Вовлеченность в Интернет-пространствочеловека в близких отношениях не сопряжена с половой принадлежностью. Присопоставлении характеристик близких отношений респондентов с разной степеньювовлеченности в Интернет-пространство выявлены различия по параметру привязанности «беспокойство» (t= -3,78 p=0,00 mв=58,8 mн=44,3). Уровень тревоги и преобладание тревожного типа привязанности к партнеру способствует вовлеченности в Интернет- пространство. В данном случае можно говорить о способе отвлечься и снизить напряжение, возникшее в отношениях, вследствие тревожной привязанности с помощью Интернет-ресурсов либо о средстве для постоянного поддержания связи с партнером с помощью мессенджеров из-за страха потерять контакт и отношения. Установлены корреляции параметра привязанности беспокойства с различными аспектами вовлеченности в Интернет-пространство: изменением состояния сознания (r=0,29 p=0,01), восприятием Интернета как лучшего пространства по сравнению с реальностью (r=0,39 p=0,000). Данные связи подтверждают, что вовлеченность в Интернет-пространство длялюдей с тревожным типом привязанности выступает способом преодоления напряжения в близких отношениях. По параметру привязанности избегание, доверию в отношениях и субъективной оценке близости различий не установлено. Вариабельность этих характеристик близких отношений не сопряжены с уровнем вовлеченности в Интернет-пространство.

Вывод. Высокий уровень вовлеченности в Интернет-пространство является способом регулировать напряжение и беспокойство для людей с тревожным типом привязанности в близких отношениях.

1. Екимчик О. А. Психология близких отношений в контексте стресса и совладания. – Кострома: КГУ, 2021 – 164 с.
2. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Психодиагностика стресса и совладания в близких гетеросексуальных отношениях. – Кострома: КГУ, 2018 – 156 с.
3. Сабельникова Н. В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям //Психологический журнал. – 2015 – Т. 36, № 4 – С. 84-97.

Позднякова Т.Б., Поздняков Р. В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Ценность понимания и доверия в семье у лиц с высоким уровнем развития способности к пониманию других людей

Ценностные ориентации, доверие, способность к пониманию других людей, семья, юношеский возраст

Способность к пониманию других людей определяется множеством факторов, среди которых большое значение имеют ценностные ориентации субъекта познания. Кроме того, далеко не всегда высокий уровень понимания, демонстрируемый в ходе выполнения тестовых задач, совпадает с пониманием близкого человека в повседневной жизни (Куницына и др., 2003).

Цель нашего исследования заключалась в изучении ценности понимания и доверия в семье для юношей и девушек, имеющих высокий уровень развития способности к пониманию других людей.

При этом мы исходили из того, что понимание другого человека заключается в максимальном соответствии суждений, оценок, представлений о нем его объективно существующим чертам, свойствам, мотивам (Куницына, 1991). В ходе исследования из общей выборки, состоящей из 120 человек (студенты вуза в возрасте 19-20 лет), были сформированы две экспериментальные группы, в которые вошли респонденты с высоким уровнем развития отдельных составляющих способности к пониманию других людей:

1) способность к пониманию состояния другого человека по его невербальному поведению (по тесту «Экспрессия» (модификация субтеста «группы экспрессии» методики Дж. Гилфорда, М. Салливена);

2) способность к пониманию логики развития ситуации межличностного взаимодействия, предполагающаяраспознавание мотивов поведения ее участников (по полупроективному тесту «Притчи»).

Сведения об уровне актуальности для респондентов ценности «понимание и доверие в семье» были получены с помощью методики «ЦО-36» («ценностные ориентации-36 позиций»). Автор методик – В.Н. Куницына.

По результатам исследования на первое место в иерархии ценностных ориентаций респонденты обеих групп поставили безопасность семьи. Ценность «понимание и доверие в семье» также входит в число особо важных. Различие между группами в уровне значимости (0,04 балла) не является статистически достоверным (p=0,943). Соответственно, можно утверждать, что для юношей и девушек с высоким уровнем развития данных способностей наличие в семье понимания и доверительной атмосферы очень ценно. Статистически значимые различия выявлены только по двум показателям. Так, установлено, что для молодых людей, точно идентифицирующих состояние другого человека по его невербалике, намного важнее глубокая эмоциональная и духовная близость с любимым человеком (p=0,05). Эта ценностная ориентация входит в группу высоко значимых, опережая ценность здоровья, и занимает у них второе место после ценности защиты близких людей. Помимо этого, в ценностной структуре более высокие позиции имеет религиозность (p=0,015). Наличие приверженности определенной вере значимо для них на среднем уровне, в то время как для респондентов другой изучаемой группы вера в высшие силы совсем не актуальна, и верную дружбу они ценят гораздо больше, чем зрелые любовные отношения.

Сопоставление ценностных ориентаций также показало, что на уровне тенденции юношей и девушек с высоким уровнем развития способности к пониманию логики развития ситуации межличностного взаимодействия отличают более высокая значимость ценностей, связанных с достижением успеха: стремление к достижению целей, усердие в работе. Кроме того, они гораздо выше оценивают актуальность заботы о себе, наслаждения жизнью и разнообразия в ней.

Для респондентов с высоким уровнем развития способности к пониманию экспрессии эти ценности не представляют особой важности и входят у них в число средне и низко значимых. Напротив, гораздо более ценным они считают наличие таких качеств как ответственность и честность, относя их к очень желательным для себя.

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать вывод о том, что в юношеском возрасте высокий уровень развития отдельных составляющих способности к пониманию других людей сочетается с определенными ценностными ориентациями личности. При этом понимание и доверие в семье представляют одинаково большую ценность для субъектов познания, отличающихся точностью распознавания состояния другого человека по его невербальному поведению, а также пониманием логики развития ситуации межличностного взаимодействия.]

1. Куницына В.Н. Трудности межличностного общения: дисс. … док. психол. наук. СПб., 1991.
2. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003.

Блинова Е.Е.
ФГБОУ ВО ХГПУ

Доверие как основа становления гражданской идентичности студентов новых регионов Российской Федерации

Студенты новых регионов РФ, гражданская идентичность, социальная идентичность, доверие

Введение. Проблема формирования общероссийской гражданской идентичности молодежи приобрела еще большую значимость с началом специальной военной операции, следует отметить, что научные подходы к пониманию механизмов, процессов, условий у студенчества воссоединенных с Россией регионов еще находятся в разработке.

Гражданскую идентичность М.К. Акимова, С.В. Персиянцева рассматривают в соотношении с категорией «доверие» как «осознание принадлежности к структурам гражданского общества, опирающееся на единые ценности, на значимый смысл группового объединения на основе ценностей гражданского общества» (Акимова, Персиянцева, 2021, с. 149).

Цель исследования – установить взаимосвязь доверия и гражданской идентичности у молодежи новых регионов Российской Федерации.

Доверие определяется как ожидание постоянного, честного, искреннего, добросовестного, ориентированного на общие ценности поведения со стороны других членов сообщества (Купрейченко, 2008).

Методы. В эмпирическом исследовании приняли участие две группы респондентов – студенты Херсонского государственного педагогического университета (n1=36) и студенты Владимирского государственного университета имени Столетовых (n2=29)

Эмпирической проверке подлежала следующая гипотеза: региональные характеристики изучаемых групп окажут влияние на взаимосвязь доверия и гражданской идентичности их представителей.

Для изучения гражданской идентичности была взята шкала из опросника MIRIPS, адаптированная в Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований. Шкала состоит из 4 пунктов, пример пункта: «Я горд быть россиянином» (a = 0,87). Каждый пункт оценивался испытуемым по 5-балльной шкале. Для изучения доверия использован «Опросник доверительных отношений» (автор М.К. Акимова), включающий в себя несколько шкал.

Результаты. В обеих группах получена значимая взаимосвязь показателей «гражданская идентичность» и «позитивные представления о людях» (r1=0,374; r2=0,382), такие корреляции дают основания для вывода, что общий высокий уровень доверия к людям является фактором становления зрелой позитивной гражданской идентичности студентов.

Интересным является то, что студенты «традиционного» российского университета связывают гражданскую идентичность с «пользой от доверительных отношений с людьми» (r2=0,395), в то время как у студентов университета воссоединенного с Россией региона такая взаимосвязь отсутствует.

В большей степени обусловливает становление гражданской идентичности «позитивное представление о государственных и общественных институтах» у студентов новых регионов РФ (r1 = 0,336), такая корреляция выявилась статистически незначимой в исследовательской подгруппе студентов «традиционного» университета. Возможно, такой вывод подкрепляет негативная корреляционная связь «гражданской идентичности» с параметром доверия к людям «осторожность как следствие недоверия и представления о человеческой изменчивости» (r2 = –0,402).

Выводы. В обеих исследуемых группах показатель «позитивные представления о людях» детерминирует становление гражданской идентичности студенческой молодежи.

Позитивное представление о государственных и общественных институтах определяет более выраженную гражданскую идентичность в группе студентов университета нового региона РФ.

«Осторожность как следствие недоверия» не оказывает влияние на гражданскую идентичность студентов университета нового региона РФ, и негативно коррелирует с показателем гражданской идентичности студентов «традиционного» университета.

1. Акимова М.К., Персиянцева С.В. Взаимосвязь доверительных отношений с показателями гражданской позиции // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 2. С. 147–157. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-2-147–157 .
2. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 571 с.
3. Федотова В.А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Вып. 47(1). С. 131–149. https://doi.org/10.11621/LPJ-24-06

Осин Р.В.
ФГБОУ ВО ПГУ

Исследование взаимосвязи этнической идентичности и социальной дистанции личности

Этническая идентичность, социальная дистанция, межэтнические отношения

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях современного российского общества вопросы межэтнического взаимодействия приобретают особую значимость. Этническая идентичность как фундаментальная составляющая самосознания личности становится ключевым фактором, определяющим характер социальных отношений в поликультурном пространстве России (Григорьев и др., 2023; Константинов, Осин, 2023). Социальная дистанция между представителями различных этнических групп является одним из важнейших показателей состояния межэтнических отношений в обществе. Понимание механизмов формирования этой дистанции и её взаимосвязи с этнической идентичностью позволяет разрабатывать эффективные стратегии профилактики межэтнических конфликтов и развития толерантности (Кудинова и др., 2015; Осин и др., 2023). Цель исследования: выявить характер взаимосвязи между уровнем этнической идентичности личности и степенью социальной дистанции по отношению к представителям других этнических групп.

Методы. В исследовании приняли участие 97 респондентов, имеющих различное образование, проживающих в Российской Федерации, в возрасте от 17 до 62 лет и являющимися по своей национальности русскими. Методики исследования: Типы этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова); Шкала социальной дистанции (Э. Богардус).

Результаты. С помощью методики «Шкала социальной дистанции Э. Богардуса» мы выяснили мигранты из каких стран более предпочтительны у принимающего населения России. Выявлено, что наибольшая социальная дистанция отмечена в отношении респондентов украинской национальности (20% опрошенных рассматривают их только как интуристов, а 19% выступают против их пребывания в России). Также значительная социальная дистанция зафиксирована в отношении респондентов таджикской национальности (22% рассматривают их как интуристов, 15% выступают против их пребывания в России). Наименьшая социальная дистанция отмечена в отношении респондентов белорусской национальности (42% опрошенных готовы заключить брак и 21% видят в качестве друзей) и респондентов китайской национальности (16% опрошенных готовы заключить брак и 28% видят в качестве друзей).

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что тип этнической идентичности, присущий респондентам будет влиять на показатели величины социальной дистанции. Для проверки данной гипотезы был использован корреляционный анализ Спирмена, по итогу которого был выявлен ряд положительных и отрицательных корреляций. Типы этнической идентичности «Этническая индифферентность» и «Позитивная этническая идентичность» находятся в обратной взаимосвязи с величиной социальной дистанции ($Ro = -0{,}329$, $p < 0{,}001$) ($Ro = -0{,}300$, $p < 0{,}001$), а «Этноэгоизм», «Этноизоляционизм», «Этнофанатизм», напротив, дают положительные корреляции с величинами социальной дистанции ($Ro = 0{,}302$, $p < 0{,}001$), ($Ro = 0{,}295$, $p < 0{,}001$), ($Ro = 0{,}268$, $p < 0{,}001$).

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что принадлежность к определенному типу этнической идентичности взаимосвязана с оценкой величины социальной дистанции респондентов, значит, выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Выводы. Исследование показало, что этническая идентичность является значимым фактором формирования социальной дистанции. Выявлена статистически значимая взаимосвязь между типом этнической идентичности и отношением к представителям других национальностей. Позитивные типы (этническая индифферентность и позитивная этническая идентичность) снижают социальную дистанцию, а негативные типы (этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм) увеличивают социальную дистанцию.

Важно отметить, что из-за ограниченности выборки полученные результаты носят предварительный характер и могут быть экстраполированы только на исследуемую группу респондентов.

1. Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш. Как стать россиянином? Содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. №4. С. 675-696.
2. Константинов В.В., Осин Р.В. Социальная и этническая идентичность подростков-мигрантов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Том 8. № 2(30). С. 36-56.
3. Кудинова И.Б., Кислицин А.И., Нурекеева А.Б. Влияние этнической идентичности на социальную дистанцию личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. №3. С. 67-74.
4. Осин Р.В., Роганова А.Е., Медведева И.А. Исследование этнической толерантности в молодежной среде // Психология и Психотехника. 2022. № 4. С. 14 – 25. https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.4.39017

Варавка М.М., Яничева Т.Г.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-психологические стратегии завершения романтических отношений

Романтические отношения, завершение отношений, прямая коммуникация, избегание, опосредованное общение

Межличностные отношения, будучи предметом постоянного научного внимания, играют ключевую роль в жизни каждого человека. Романтические отношения, в частности, являются важным фактором социально-психологического благополучия, оказывающим положительное влияние на самооценку и восприятие окружающего мира. Однако, завершение таких отношений зачастую влечет за собой негативные переживания, дистресс, в ряде случаев даже физическую боль [1]. Существует большое количество стратегий разрыва, как вербальных, так и невербальных. Классификация данных стратегий позволяет на данный момент выделить семь основных факторов, среди которых особое внимание, в рамках данного исследования, уделяется тактикам избегания, открытой конфронтации и опосредованного общения (преимущественно с использованием интернет-технологий) [2]. Целью исследования является изучение социально-психологических стратегий завершения романтических отношений у юношей и девушек.

По результатам опроса было получено 110 анкет. Итоговая выборка составила 93 человека, 20-30 лет, имевших опыт завершения отношений (61,3% женщины, M=24,4 лет).

Были использованы следующие методики: опросник BFI-2-S (краткая версия), в адаптации С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугиной и др.; тест «Локус контроля» (ЛК) Е. Г. Ксенофонтовой; Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда; шкала личностной тревожности Спилбергера-Ханина, STAI; опросник «Стратегии переживания завершения романтических отношений» Е.А. Юмкиной; модификация теста М. Сакса и С. Леви «Незаконченные предложения».

Нами был выдвинут ряд гипотез:

1. Более высокие показатели нейротизма характерны для молодых людей, которые сталкивались со стратегиями завершения отношений, предполагающими отсутствие открытой коммуникации;
2. Более высокие показатели личностной тревожности наблюдаются у юношей и девушек, которые сталкивались с опосредованными стратегиями завершения отношений;
3. Более высокая доброжелательность свойственна юношам и девушкам, которые инициировали расставание, используя личную коммуникацию;
4. Более низкий уровень общей интернальности (локус контроля) свойственен представителям молодежи, которые сталкивались со стратегиями завершения отношений, предполагающими отсутствие открытой коммуникации;
5. Выбор/переживание роли инициатора или жертвы при завершении отношений влияет на принятие себя и принятие бывшего партнера после разрыва.

В качестве методов математической статистики выступили U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента, H-критерий Краскела-Уоллиса и однофакторный ANOVA, коэффициент конкордации W-Кендалла.

В результате были сделаны следующие выводы:

1. У молодых людей, которые сталкивались с опосредованными стратегиями завершения отношений, отмечается более высокий уровень тревожности ($t = 1.98$, $MD = 4.3$, $p < .05$);
2. Юноши и девушки, инициирующие расставание, используя личную коммуникацию, отличаются более высокими показателями доброжелательности ($t = -1.78$, $MD = 1.8$, $p < .05$);
3. Выбор/переживание определенной роли человека при завершении отношений (инициатор, жертва) влияет на принятие себя ($H = 6.41$, $p < .05$).

Переживание стратегии завершения отношений не связано с показателями нейротизма или интернальности личности.

Полученные результаты могут быть использованы в сфере образования, консультирования и психологической помощи.

1. Eisenberger N., Lieberman M. Why rejection hurts a common neural alarm system for physical and social pain // Trends in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8. P. 294–300
2. Collins T.J., Gillath O. Attachment, breakup strategies, and associated outcomes: The effects of security enhancement on the selection of breakup strategies // Journal of Research in Personality. 2012. Vol. 46, № 2. P. 210–222

Марковская Г.Г., Талагаева А.А.
СПБ ГАОУ ВО ГИПСР

Взаимосвязь субъективного остракизма с переживанием одиночества у подростков

Субъективный остракизм, одиночество, эмоциональный интеллект, счастье

Введение. Социальный остракизм в форме игнорирования, исключения или отвержения часто вызывает эмоциональную боль вследствие фрустрации базовых потребностей в контроле, самоуважении и принадлежности (Бойкина и др., 2024). При этом по данным Дж. Нецлека, социальный остракизм встречается около 25000 раз за жизнь, т. е. почти ежедневно (Nezlek et al., 2015). Нередко люди не полностью осознают, что негативное эмоциональное состояние и неудовлетворенность жизнью могут быть связаны с опытом остракизма. Тема социального остракизма в значительной степени табуирована, что затрудняет выявление этого явления и возможность психологической поддержки. Это особенно актуально для подростков, среди которых наиболее распространена коммуникативная жестокость, включая остракизм сверстников.

Методы. С целью эмпирического изучения распространенности и особенностей остракизма среди подростков зимой-весной 2025 очно и на добровольной основе было проведено эмпирическое исследование. В качестве гипотезы выступило предположение о значимой положительной взаимосвязи субъективного остракизма с переживаемым подростками одиночеством и отрицательной взаимосвязи с уровнем эмоционального интеллекта и с уровнем субъективного счастья. В исследовании приняли участие 142 учащихся восьмых классов средней общеобразовательной школы Санкт-Петербурга.

Для достижения цели были избраны следующие методики: шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь) (ШНПО-ПМ, Бойкина Е.Э., 2023), дифференциальный опросник переживания одиночества: полная версия (ДОПО-3; Осин Е.Н., Леонтьев Д.А., 2013), краткая версия теста эмоционального интеллекта ЭмИн Д.В. Люсина (ЭмИн-Кр; Д.В. Люсин, 2022), шкала субъективного счастья (SHS, ШСС, Леонтьев Д.А., 2022) .

Результаты. Субъективный остракизм в форме игнорирования, т.е. умышленного оставления без внимания и пренебрежение субъектом со стороны сверстников является частью личного опыта всех без исключения старшеклассников. Психологически травмирующих опыт остракизма выявлен у 13% школьников.

Все опрошенные подростки испытывают болезненное переживание одиночества на среднем или высоком уровне. 12% из них ощущают себя очень одинокими, остро переживают изоляцию и нехватку эмоциональной близости.

Факторный анализ показал, что первый фактор, объясняющий 34,824% дисперсии результатов, объединил показатели одиночества (0,890), остракизма (0,741), низкого эмоционального интеллекта (-0,708) и низкого уровня счастья (-0,751). Первый фактор отразил глубокую связь переживания одиночества и остракизма.

Выводы. Подростки, чувствующие себя социально отвергнутыми, остракизированными, значимо чаще переживают болезненное одиночество, менее счастливы, чем сверстники, а также обладают более низким уровнем эмоционального интеллекта. Проведенное исследование подтверждает гипотезу исследования. В перспективе полезно изучить роль игнорирования как формы социального остракизма для субъективного благополучия подростков.

1. Бойкина, Е.Э., Чиркина, Р.В., Чумаченко, Д.В., Романова, Н.М., Киселев, К.А. (2024). Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ. Психология и право, 14(1), 53–71. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140104
2. Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ / Е. Э. Бойкина, Р. В. Чиркина, А. С. Радчиков [и др.] // Психология и право. – 2023. – Т. 4, № 13. – С. 132-149. – DOI 10.17759/psylaw.2023130410. – EDN ECUFNE.
3. Nezlek J.B., Wesselmann E.D., Wheeler L., Williams K.D. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155(5). P. 432–451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351

Таджибаева Н.Р., Яничева Т.Г.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Стратегии совладания в ситуациях разрыва межличностных отношений у юношей и девушек

Стратегии совладания, разрыв межличностных отношений, психологическая адаптация, юношеский возраст

Юность – это время, когда человек активно включается в многообразные общественные отношения, становясь их полноценным участником и формируя свою социальную роль. Юношеский возраст характеризуется значительными переменами в структуре социальных ролей, которые выступают как переходные и поворотные моменты в жизни, неизбежно подвергая человека изменениям [1].

В рамках данного исследования фокус направлен на анализ романтических отношений в юношеском возрасте, интерпретируемых как важный этап психосоциального развития. Этот период характеризуется интенсивным эмоциональным взаимодействием, где тесно переплетаются процессы формирования привязанности, поиска идентичности и регуляции аффективных состояний [2]. Романтический опыт выступает здесь не только как сфера страстных увлечений, но и как ключевое пространство для освоения навыков эмпатии, управления конфликтами и построения баланса между автономией и близостью. Молодые люди активно ищут партнера, строят совместные планы на будущее и открывают для себя мир любви и взаимопонимания. Однако, именно в романтических отношениях молодежь часто сталкивается с проблемой разрыва [3].

Цель исследования: изучение особенностей реагирования юношей и девушек на разрыв романтических отношений. Задачи исследования состояли в изучении выбираемых молодыми людьми стратегий совладания, взаимосвязи их с типами привязанности личности, а также выявлении половых различий в проявлении исследуемых явлений.

Эмпирическую базу исследования составила выборка из 91 молодых людей в возрасте от 17 до 27 лет. В качестве методик выбраны: опросник межличностных отношений Ф. Бойса и Г. Паркера, юношеская копинг-шкала Е. Фрайденберга и Р. Левис, опросник «Опыт близких отношений» К. Бреннана и Р. К. Фрейли. Обработка полученных данных проводилась с применением методов контент-анализа, корреляционного анализа, оценки достоверности различий (t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни) и дисперсионного анализа (ANOVA).

В ходе исследования были выявлены половые различия в выборе стратегий совладания с разрывом. Юноши чаще используют непродуктивные стратегии, такие как «Активный отдых» ($p < ,01$) и «Отвлечение» ($p < ,05$), а также продуктивную стратегию «Позитивный фокус» ($p < ,01$), связанную с оптимизмом. Девушки доминируют в социально-ориентированных стратегиях, включая «Социальную поддержку» ($p < ,001$)и «Общественные действия» ($p < ,05$).

Выявлена связь стратегий совладания с типом привязанности. Шкала «Тревожность» со шкалами «Принадлежность» и «Уход в себя» ($p < ,001$),«Беспокойство» ($p < ,01$) и «Самообвинение» ($p < ,001$). Шкала «Избегание» оказалась связанной со стратегиями «Игнорирование» ($p < ,001$) и «Самообвинение» ($p < ,01$). Также выявлена связь стратегий совладания с общей шкалой межличностной чувствительности. Например, шкала «Общая межличностная чувственность» со стратегиями «Беспокойство» и «Самообвинение» ($p < ,001$). Контент-анализ ответов на открытые вопросы показал, что юноши чаще объясняют разрыв отношений прагматическими факторам, а девушки акцентируют внимание на эмоциональных аспектах.

Исследование выявило значимые половые различия в стратегиях совладания с разрывом романтических отношений у молодежи, связанные с типами их привязанности и межличностной чувствительностью.

1. Микулинджер М., Шейвер Ф. Р., Привязанность у взрослых: структура, динамика и изменения/ Марио Микулинджер, Филлип Р. Шейвер; пер. с англ. Ю. В. Максименко, 2023, – 810 с
2. Бочавер К. А. Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей: дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. С. 6–26
3. Рассказова Е.И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в структуре личностного потенциала // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 267–299

Коновалов И.А.
ФГБОУ ВО МПГУ

Самооценка личностных качеств в контексте конструктивной, деструктивной и дефицитарной агрессии

Агрессия, личностные качества, самооценка

Введение. Термин «агрессия» в рамках подхода Г. Аммона имеет широкую и скорее неклассическую трактовку. Так, агрессия относится к центральным Я-функциям, которые призваны обеспечивать индивидуальную психологическую адаптацию человека и могут существовать в конструктивной, деструктивной и дефицитарной формах (Положий, 2018). Целью исследования является изучение специфики оценки собственных личностных качеств в контексте выраженности конструктивной, деструктивной и дефицитарной агрессии.

Методы. Выборку составили 158 респондентов 18–55 лет (78 % женщин), средний возраст 24 года (M=24.2, SD=8.7). Для оценки параметров конструктивной, деструктивной и дефицитарной агрессии был использован Я-структурный тест Аммона (Вассерман, Щелкова (науч. ред.), 2014). Оценка личностных качеств была осуществлена с помощью опросника VIA – IS120 (Ставцев, Реан, Кузьмин, 2021). Анализ данных реализован с помощью критерия Краскалла-Уоллиса с апостериорной проверкой с использованием теста Данна с поправкой Бонферрони. Обработка данных проведена в R Studio. Исследование относится к индуктивно-корреляционному типу дизайна.

Результаты. Установлены значимые различия по показателям самооценки критического мышления (H=12.72, df = 2, p = 0.002), социального интеллекта (H = 21.31, df = 2, p<0.01), лидерства (H = 13.67, df = 2, p = 0.001) и энергичности (H = 38.38, df = 2, p<0.01) в контексте шкалы конструктивная агрессия. В рамках апостериорного анализаустановлено, что показатели самооценки критического мышления, социальногоинтеллекта, лидерства и энергичности статистически значимо выше у респондентов снизким уровнем конструктивной агрессии по сравнению с подгруппой респондентов снормативным уровнем. При этом у группы с высоким уровнем конструктивной агрессиисамооценка энергичности оказалась значимо ниже по сравнению с группой с низкимуровнем. В контексте группирующей переменной «агрессия (деструктивная)» былиустановлены значимые различия по шкалам лидерство (H = 7.11, df = 2, p = 0.028) иэнергичность (H = 6.66, df = 2, p = 0.035). Установлено, что у группы с высокойвыраженностью деструктивной агрессии самооценка лидерства и энергичности значимо выше по сравнению с группой с низкой выраженностью показателя, а у группы с низким уровнем деструктивной агрессии самооценки лидерства и энергичности значимо выше по сравнению с нормативной группой. По группирующей переменной «агрессия (дефицитарная)» установлены значимые различия по шкале энергичность (H = 13.24, df = 2, p = 0.001). Апостериорно установлено, что показатели самооценки энергичности у группы с низкой выраженностью дефицитарной агрессии значимо ниже по сравнению с показателями высокой и нормативной групп.

Выводы. Выявлены значимые различия в оценке собственных личностных качеств в контексте типов агрессии по Г. Аммону. Полученные результаты являются предварительными и могут быть уточнены в рамках дальнейшего анализа.

1. Положий Б. С. Динамическая психиатрия Гюнтера Аммона как интегративная концепция охраны и укрепления психического здоровья // Российский психиатрическийжурнал. 2018 № 2 С. 74–77.
2. Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. (науч. ред.). Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности: коллективная монография. СПб.: СПбГУ, 2014
3. Ставцев А. А., Реан А. А., Кузьмин Р. Г. Сильные стороны личности российских педагогов в модели VIA: апробация русскоязычной версии опросника «24 сильные стороны личности» (VIA – IS120) // Интеграция образования. 2021 Т. 25 № 4 С. 681–699.https://doi.org/10.15507/1991-9468.105.025.202104.681-699

Артамонова А.Г., Воронцова Т.А.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Социально-психологические критерии возрастной категоризации при конструировании воспринимаемого возраста

Возраст, воспринимаемый возраст, возрастная категоризация, социальное познание

Введение. Категоризация представляет собой базовый механизм социального познания и познания вообще и определяется как «отнесение социальных объектов к категориям» (Андреева, 2005, с. 100), «инструмент, посредством которого человек систематизирует свое окружение» (там же, с. 98), с помощью которого осуществляетсякак социальное познание (на основе социальных категорий), так и несоциальное познание (на основе физических категорий). Возраст, как показано в ряде работ (Курышева, 2013; Микляева, 2010), выступает ключевым критерием категоризации другого. В данной работе мы обращаемся к возрастной категоризации, которая выступает базовым механизмом конструирования воспринимаемого возраста, определяемого как возраст, «приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» (Шкурко, Лабунская, 2018, с. 450). Целью исследования являлось выявление социально-психологических критериев категоризации при конструировании молодыми людьми воспринимаемого возраста представителя старшей возрастной группы.

Методы. Задача испытуемых состояла в определении возраста (воспринимаемого возраста) незнакомой им женщины 53 лет (далее «модель» – возрастной период «зрелость») в процессе непосредственного общения. Испытуемые могли задавать любые вопросы для определения возраста «модели», за исключением прямых («Сколько вам лет?» и т.п.). Получен массив из 144 вопроса, для их анализа использован контент-анализ.

Выборка исследования: 57 девушек от 17 до 19 лет (период «юность»).

Результаты. Выделено 9 единиц-контент-анализа, подсчитано количество вопросов, относящихся к ним, далее категории были проранжированы: 1 ранг - предпочтения и интересы; 2 ранг – семья, состав семьи, 3 ранг – особенности работы исоциальной жизни; 4 ранг – хобби и досуг; 5 ранг – прошлое (детство и юность); 6 ранг -практики ухода за внешностью; 7 ранг – образ жизни; 6 ранг – цели и стремления; 9 ранг – умения.

Выводы. При конструировании молодыми людьми воспринимаемого возраста представителя старшей возрастной группы в процессе непосредственного общения с ним ключевыми социально-психологическими критериями, на которые сознательно опирается субъект восприятия, наряду с его внешним обликом, выступают: предпочтения, интересы (1); семья, состав семьи (2) и особенности работы, социальной жизни (3) «модели», что соответствует выделенным в работах R. Kastenbaum и коллег (Kastenbaum et al., 1972) «возрасту интересов» и «социальному возрасту».

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс. 2005
2. Микляева А.В. Возрастная категоризация в процессе формирования первого впечатления студентов о преподавателе / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010 № 136 С. 14-21.
3. Курышева О.В. Возрастные аспекты социальной категоризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2013 №1 (5). С. 77-83.
4. Шкурко Т. А., Лабунская В. А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018 № 4 С. 450–457.
5. Kastenbaum R., Derbin V., Sabatini P., Artt S. The ages of me»: toward personal and interpersonal definitions of functional aging // Aging and human development. 1972 Vol. 3 (2).P. 197-211.

Чернова А.А., Васильева Д.В.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Сравнительный анализ проявлений толерантности у младших школьников в разных поликультурных средах

Толерантность, младшие школьники, социокультурная среда

Российское общество характеризуется пересечением множества культур, усилением культурного, этнического и религиозного разнообразия, это особенно заметно на уровне отдельных регионов. Специфика биэтнической и поликультурной среды оказывает разное влияние на социализацию младших школьников, формируя у них отличные модели межкультурного взаимодействия, толерантности и социальной адаптации. В условиях активного межэтнического взаимодействия возрастает роль толерантности как устойчивой личностной установки. Младший школьный возраст – один из ключевых этапов, на котором ребёнок осваивает нормы уважения и учится включаться в социально разнородные коллективы.

Цель исследования: сравнительный анализ особенностей толерантности у младших школьников из разных социокультурных сред.

Предмет исследования: особенности толерантности у младших школьников.

Объект исследования: младшие школьники 10-11 лет.

Гипотеза: особенности толерантности у младших школьников могут различаться в разныхсоциокультурных средах.

В основу анализа легли данные, собранные среди 243 младших школьников (в возрасте 10–11 лет, 115 мальчиков, 128 девочек), обучающихся в школах Ростова-на-Дону и Майкопа. Выбор городов обусловлен разным уровнем выраженности этнокультурного контекста, а также различиями в социально-демографических характеристиках, традициях и семейном воспитании. В исследовании применялась методика «Методика изучения толерантности детей» Доминика Де Сент Марса, предназначенная для выявления уровня толерантности у детей младшего школьного возраста.

Результаты показали, что у 53,6% младших школьников из Майкопа наблюдается высокий уровень толерантности, тогда как в ростовской группе – лишь у 28,24%. Число респондентов с низким уровнем оказалось почти в четыре раза выше в Ростове-на-Дону(37,40% против 11,61%). Для статистической проверки различий был использован U-критерий Манна–Уитни, результаты которого подтвердили достоверность различий: $U = 3418$, $z = 5.73$, $p < 0.00001$. Различий по среднему уровню проявления толерантности в двух группах не выявлено. Обнаружены значимые различия по уровню выраженности толерантности между мальчиками из Майкопа и Ростова-на-Дону ($U_{эмп.}=1033$, $p < 0.01$). А также между девочками ($U_{эмп.}=762,5$, $p < 0.01$). У мальчиков и девочек из Майкопа выше уровень толерантности, по сравнению с респондентами из Ростова-на-Дону.

Можно сделать выводы, что уровень толерантности выше у младших школьников из биэтнической среды малого города. В Майкопе, где исторически сложилась уникальная культурная и социальная среда с преобладанием адыгейского и русского населения, дети с раннего возраста включены во взаимодействия двух основных культур, основанные на уважении к обычаям и традициям двух народов (русских, адыгов, черкессов). Межкультурное взаимодействие между двумя культурами более предсказуемо. Ростов-на-Дону – это крупный мегаполис с более сложной миграционной динамикой, с сильным влиянием разных культур. Детям сложнее ориентироваться в многообразии культур, они чаще проявляют предубеждения. В полиэтнической среде чаще возникает напряжение в межэтнических отношениях. Также существуют значимые гендерные различия между респондентами, проживающими в разных социокультурных условиях.

Таким образом, данное исследование показало, что толерантность в младшем школьном возрасте выше у респондентов, проживающих в стабильных, хорошо структурированных биэтнических обществах. Мальчики в биэтнической среде демонстрировать более высокие показатели толерантности , чем в полиэтнической среде. Девочки из полиэтнической среды демонстрируют низкий уровень толерантности по сравнению с мальчиками, проживающими в таких же условиях, а также по сравнению с девочками из биэтнической среды.

1. Гришук, В.М. Формирование коммуникативной толерантности у студентов гуманитарных специальностей в вузе: дис. ... канд. пед. наук / В.М. Гришук. -Киров, 2005. – 228 с.
2. Мамышева З.З. «Проблема становления толерантности младшего школьника в контексте поликультурной образовательной среды» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. №4.
3. Пинигин В. Г. Психолого-педагогические условия формирования этнической толерантности у детей младшего школьного возраста // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. №2 (28)

Солозобов П.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-психологические феномены «наказание», и «прощение»: кросс-культурные различия

Кросс-культурные различия, наказание и прощение, психология религии

Введение. Изучение социальных явлений, как феноменов системы социальных отношений общества, является фундаментальной задачей социальной психологии. Взаимодействие в процессе общения порождает множество социально-психологических полярных явлений, среди которых и феномены «наказания – прощения». Актуальность изучения этих феноменов не вызывает никакого сомнения.

Социально-психологические феномены «наказание» и «прощение» отражают социальный факт взаимодействия в обществе, которые обусловлены кросс-культурными различиями. Так, например, в религиозном понимании авраамическойтрадиции феномены наказания и прощения понимаются, к примеру как нарративы: «Содом и Гоморра», «Иисус и грешница», «История народа Лота». Эти истории, взятые из трех основных писаний авраамической традиции, имеют как общие черты, так и различия. Последние в зависимости от контекста способны корректировать, трансформировать и формировать отношение индивида к изучаемым феноменам. Во всех трёх религиях наказание связано с нарушением воли Бога, но прощение возможно через искреннее раскаяние. В иудаизме акцент на Законе, в христианстве – на жертве Христа, в исламе – на милости Аллаха.

Цель: Изучение кросс-культурных различий социально-психологических феноменов «наказания» и «прощения» на примере авраамической религиозной семьи.

Методы. В работе использовались интервью и анкетирование. В исследовании приняли участие 150 человек. Отобраны по принципу стратифицированной выборки. В выборкувошли по 50 представителей каждой религиозной группы: иудеи, христиане, мусульмане. Средний возраст участников – от 18 до 65 лет. При формировании выборки учитывались различные социально-демографические характеристики участников: пол, уровень. Для обеспечения репрезентативности выборки был учтён культурный контекст происхождения респондентов. Методы и методики исследования: анкетирование. В анкетах были как закрытые вопросы по шкале Лайкерта («Считаете ли вы, что наказание должно быть неизбежным?»), так и открытые вопросы («Как вы понимаете «божественное прощение»?»). Анкеты были доступны как в онлайн, так и в бумажном форматах. Участники были отобраны с учётом максимального разнообразия.В процессе исследования использовались различные методы как математико-статистической обратки данных (описательная статистика, ANOVA), так и качественные(контент-анализ, нарративный анализ). Учитывались возможные ограничения, связанные с культурными особенностями и субъективностью толкования религиозных текстов.

Результаты. В ходе исследования предполагается получить следующие результаты:

1. Исследование кросс-культурных различий в восприятии наказания:

A. Иудаизм: акцент на справедливость и коллективную ответственность (Тора)

B. Христианство: идея милосердия и искупления

C. Ислам: разделение божественного и земного наказания (шариат)

2. Различия в понимании прощения:

A. Иудаизм: условное прощение через тшуву (раскаяние)

B. Христианство: концепция безусловного прощения

C. Ислам: зависимость прощения (магрифа) от искреннего раскаяния

Выводы.

1. Культура и религия сильно влияют на восприятие наказания и прощения.
2. Религиозные идеи формируют глубокие социально-психологические убеждения.
3. В любом случае прощение связано с раскаянием, а наказание – с восстановлением справедливости.

Эти выводы помогут в межконфессиональном общении, изучении социальной психологии религии.

1. Гоббс Т. Левиафан. – М.: АСТ, 2020 – 322 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. – М.: АСТ, 2021 – 432 с.
3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. – М.: Эксмо, 2018 – 448 с
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: Речь, 2000 – 368 с.
5. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994 – 240 с.

Шорохова В.А., Ежова А.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, НОЧУ ВО МИП

Социальные представления о доверии в реальной и виртуальной среде у российской молодёжи

Социальные представления, доверие, реальная и виртуальная среды, российская молодежь

В современном мире, где цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни российской молодежи, особенный интерес в изучении может вызывать смена характера доверительных отношений. В виртуальной среде меняются способы получения информации меняются, трансформируется эмоциональная связь – доверие формируется к виртуальным аспектам через социальные отношения.

Социальные представления представляют собой систему разделяемых группой знаний, убеждений и взглядов, играющих ключевую роль в регулировании социальных отношений на различных уровнях – от межличностного до межкультурного (Бовина, 2011). В исследовании социальных представлений о доверии среди подростков, было установлено, что они связаны с возрастными и гендерными факторами и существенно опосредуются уровнем личностной тревожности (Гуриева, Борисова, 2017).

Таким образом, основной задачей нашего исследования стало изучение социальных представлений о доверии в реальной и виртуальной средах. Выборка исследования составила 158 молодых людей в возрасте 18-30 лет, активных пользователей цифровых технологий, из них женщин – 103, мужчин – 55.

Для изучения социальных представлений мы опирались на прототипическийанализ П.Вержеса. Нашим респондентам были предложены стимульные формулировки «Доверие в реальной среде» и «Доверие в виртуальной среде», к которым было необходимо подобрать 5 ассоциаций. Полученные ассоциации затем были подвергнуты категоризации и анализу и выделены ядро и периферические элементы социальных представлений. Дополнительно, в качестве контрольных инструментов мы использовали Методику изучения доверия/недоверия личности миру, другим людям, себе (Л.Б.Купрейченко) и Шкалу тревоги (А.Бека).

По результатам нашего исследования были выявлены как сходства, так и различия в структуре и содержании социальных представлений о доверии в реальной и виртуальной среде.

В области Ядра социальных представлений о доверии в реальной среде оказались категории с эмоциональными связями и межличностной взаимосвязью («Дружба» (87;2.3); «Семья» (63;2.5); «Общение» (59;2.7)), в то время как в виртуальной среде доверие респонденты представляют, как рациональные компоненты составляющих Интернета («Анонимность» (65;2.4); «Безопасность» (52;2.8); «Социальные сети» (49;2.7)). В реальной среде доверие у молодежи строится на эмоционально насыщенных, межличностных связях – дружба, семья, общение. Эти категории образуют устойчивое ядро, что указывает на ценность близких отношений и личной вовлеченности как основы доверия.

В виртуальной среде ядро смещается в сторону инструментальных и защитных аспектов: анонимность, безопасность, социальные сети. Это говорит о том, что доверие в цифровом пространстве воспринимается не как эмоциональная близость, а как функциональный механизм взаимодействия, где ключевыми становятся контроль и защита личных данных. У российской молодежи преобладает незначительный уровень тревожности (72,78%) и средний общий уровень доверия (17.4 из 30).

В целом, по результатам нашего исследования социальных представлений о доверии у российской молодежи в виртуальной и реальной среде, можно отметить тенденцию, где в реальной среде доминируют эмоциональные связи, тогда как в виртуальной среде превалируют рациональные оценки и осознание рисков. Исследование демонстрирует, что российская молодежь не переносит модель реального доверия в цифровую среду, а формирует новую систему представлений.

1. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5-21.
2. Гуриева С.Д., Борисова М.М. Формирование социальных представлений о доверии в подростковом возрасте // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. № 2. https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-20-39

Воронцова Т.В.,Тельнова О.В., Воронцова Т.А.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Выраженность прокрастинации у школьников, молодежи, взрослых и ее связь с социально-психологическими потребностями

Прокрастинация, возраст, потребности, школьники

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящий момент недостаточно изученными остаются возрастные аспекты прокрастинации, а также взаимосвязь ее выраженности с социально-психологическими потребностями человека.

Целью работы являлось выявление выраженности прокрастинации в различных возрастных группах и установление ее взаимосвязи с базовыми социально-психологическими потребностями (во включении, в контроле и в любви).

Методы. Использованы Шкала общей прокрастинации J. Lay, адаптированная О.С.Виндекер, М.В. Останиной (2014); опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым (2006). Выборка исследования: 125 респондентовв возрасте от 15 до 76 лет (95 женщин и 30 мужчин), разделены на подгруппы по возрасту: «школьники» (21 человек в возрасте от 15 до 18 лет); «молодежь» (43 человека в возрасте от 21 до 35 лет); «взрослые» (61 человек в возрасте от 36 до 76 лет).

Результаты. К данным о выраженности прокрастинации в различных возрастных группах применен критерий Крускалла-Уоллиса, который показал значимое снижение выраженности прокрастинации (хи-квадрат=6,070, p=0,048). Обнаружено, что наибольшая выраженность прокрастинации в подгруппе «школьники», далее она снижается в подгруппе «молодежь», и наименьшая выраженность прокрастинации – в подгруппе «взрослые». Подсчет доли респондентов с высоким и очень высоким уровнемпрокрастинации в трех возрастных группах показал, что она составляет 33,4 % вподгруппе «школьники», далее снижается до 23,3 % в подгруппе «молодежь», и наименьшую долю занимает в подгруппе взрослые (18 %). Возраст и уровень прокрастинации связаны обратно пропорциональной взаимосвязью (по результатам корреляционного анализа Спирмена: r=-0,208, p=0,02): чем выше возраст, тем ниже выраженность прокрастинации, и наоборот, чем младше испытуемые, тем выше выраженность у них прокрастинации. Обнаружено, что выраженность прокрастинации связана с потребностью в контроле со стороны других людей только на подгруппе школьников (r=0,457; p=0,037), в других возрастных группах связей между выраженностью прокрастинации и социально-психологическими потребностями обнаружено не было.

Выводы. Выявлены возрастной и личностный факторы прокрастинации. Показано, что прокрастинация снижается с возрастом, и имеет максимальные показатели выраженности в подгруппе «школьники». Наибольшей прокрастинации подвержены тешкольники, которые имеют высокую потребность в контроле со стороны других людей (или в зависимости): такие люди стремятся к тому, чтобы другие влияли на них,контролировали, говорили, что нужно сделать. Полученные результаты, на наш взгляд,можно интерпретировать с учетом длительности жизненной перспективы участниковисследования: если у школьников есть субъективное ощущение, что у них «вся жизньвпереди», то люди зрелого возраста понимают ограниченность жизни и осознают, чтооткладывать некуда. Возможно также, что взрослые испытуемые имеют в арсеналедостаточно приемов совладания с прокрастинацией, полученных с помощьюсаморазвития, самообучения, жизненного опыта или специальных образовательныхпрограмм. Наибольшей прокрастинации подвержены школьники с выраженнойпотребностью в зависимости от других, что ставит перед школьными психологами задачу разработки специальных тренингов и обучающих программ по совладанию спрокрастинацией и снижению потребности в контроле со стороны других людей,повышению самостоятельности и ответственности школьников, что приведет к снижению прокрастинации.

1. Виндекер О. С., Останина М. В. Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации C. H. Lay (на примере студенческой выборки) // Актуальные проблемы психологического знания. 2014 № 1 С. 116–126
2. Рукавишников А.А. Опросник межличностных отношений. М.: Когито-Центр, 2006

Тучина О.Р.
ФГБОУ ВО КГТУ

Идентичность с местом проживания и образ города
(на материале исследования молодежи Кубани)

Образ города, городская среда, социальные представления, идентичность с городом проживания, личностно-смысловые аспекты идентичности с городом

Актуальность исследования восприятия города связаны с решением задачи укрепления городской идентичности и локального патриотизма, а также выявления уникальных культурных смыслов города в рамках процессов позиционирования его образа во внешней среде. Цель исследования – выявление структуры социальных представлений о городе и особенностей идентичности с городом на примере респондентов столицы региона (Краснодара), курортного города (Сочи) и промышленного города (Новороссийск) Краснодарского края. В исследовании приняли участие молодые респонденты Краснодара (192 человека), Сочи (162 человека), Новороссийска (139 человек), проживающие в городе не менее 3 лет.

Методы исследования социальных представлений о городе проживания: ассоциативныйэксперимент, прототипический анализ П. Вержеса. Респондентам предлагали назвать не менее 5 ассоциаций с городом проживания, анализу подвергались ассоциации,высказанные как минимум пятью процентами респондентов. В результате качественного анализа все полученные ассоциации разделены на категории: социальные представления респондентов о Краснодаре составили 26 категорий; о Сочи – 19, о Новороссийске – 21 Инструментарий исследования идентичности с городом включал шкалу Droseltis & Vignoles в авторском переводе и адаптации, для исследования особенностей нарративов идентичности с городом была использована методика Б.В. Кайгородова в авторской модификации. Результаты. Ядро социальных представлений о городе проживания респондентов Краснодарского края составляют категории, связанные с эстетической привлекательностью города и проявлением бытовой культуры, а также климатические маркеры городской среды (Краснодар и Сочи), то есть то, что делает городскую среду привлекательной с точки зрения горожан. Стресс-факторы городской среды, вошедшие в периферическую зону СП горожан, различаются в исследуемых выборках. Украснодарцев они включают негативные особенности мегаполиса, у сочинцев – большоеколичество туристов и временных жителей, характерных для курортного города, уновороссийцев – городские коммунальные проблемы.

Для сравнения средних значений респондентов по шкале Droseltis & Vignoles мы использовали однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Показатель «аутентичность личности в городской среде» значимо не различается в группе жителейКраснодара, Сочи и Новороссийска. Показатель «самореализация личности в городской среде» значимо выше в группе жителей Краснодара, чем респондентов Сочи ($t=2,6$, $p(Bonferroni)<0,01$) и Новороссийска ($t=2,58$, $p(Bonferroni)<0,01$).

Результаты исследования личностно-смысловых аспектов идентичности с городом молодежи Кубани показали, что во всех группах основной смысловой единицей стала эмоциональная составляющая. Респонденты испытывают гордость за свой город, его историю, роль в экономике и культуры страны, описывают ощущение эмоционального подъема и комфорта, связанные с городом. Реже встречаются отрицательные эмоциональные реакции, различающиеся в исследуемых группах. У краснодарцев онисвязаны с проблемами большого города (дорожными пробками и городской логистикой в целом, социальным краудингом, визуальным шумом); у сочинцев – с большимколичеством временно проживающих с потребительским отношением к городу, уновороссийцев – с коммунальными городскими проблемами.

Выводы. Результаты исследований социальных представлений о городе проживания показали, что в их ядро входят категории, характеризующие привлекательность городской среды (эстетическую, бытовую, климатическую), а категории, отражающие проблемные сферы (специфические для города стресс-факторы городской среды) вошли в периферическую сферу. Количественное и качественное исследование идентичности с городом проживания молодежи Кубани выявило, что молодые респонденты выше оценивают возможности большого города как сферы самореализации и удовлетворения потребностей, однако восприятие города как «своего», позволяющие человеку почувствовать свою подлинность, соответствие меступроживания, значимо не различается в исследуемых группах.

1. Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016
2. Тучина О.Р. Адаптация опросника идентичности с городом (на материале исследования жителей Краснодара) // Ярославский педагогический вестник. 2024 № 4 (139). С. 139–147. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-4-139-139.

Адеркас А.М., Яничева Т.Г.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Прогнозирование выраженности форм агрессивности у подростков на основе представлений о собственной семье

Социальные представления, агрессивность, детско-родительские взаимоотношения, подростки, подростковый возраст

Всплески агрессивности в подростковом возрасте – явление, с завидной частотой вызывающее беспокойство в обществе и требующее к себе внимания. Прогнозирование тенденций к определённым формам агрессивности у подростков помогло бы заранее обнаружить и начать прицельную работу по снижению агрессивности.

При создании представленной в этой работе прогностической модели, мы отталкивались от двух теоретических положений.

1. Подростковые реакции, а вместе с ними и агрессивность, начинают слабо проявляться в младшем подростковом возрасте, постепенно увеличивая свою интенсивность по мере взросления, вплоть до пика в старшем подростковом возрасте [3].

2. Поведение подростка будет определяться не столько объективным социальными и естественным окружением, сколько его социальными представлениями об этой реальности [7].

Второе положение базируется на теории социальных представлений, очень удобной в контексте изучаемого вопроса, т.к. дает нам возможность изучить итоговый результат коммуникаций подростка, без необходимости изучать все пути социальных взаимодействий. А за счет своего плюрализма и возможности установить связи с другими социальными науками, она даёт гибкость в методах изучения.

Одна из основных функций социальных представлений – детерминация поведения, представляет из себя механизм регуляции группового и индивидуального поведения субъекта, а «анализ социальных представлений неоспоримо свидетельствует, что ориентация поведения составляет одну из главных специфических функций» [6].

Беря в качестве предикторов социальные представления, мы не можем говорить о детерминации поведения в узком причинно-следственном понимании. Социальные представления конструируют образы мира в ментальности человека, и эти образы наделены предпосылками к проявлению определенного поведения. Применительно к контексту данной работы можно сказать, что социальные представления не могут предсказать непосредственно агрессивное поведение, но могут предсказать уровень определенного вида агрессивности, как предрасположенности к проявлению такого вида агрессивного поведения [2], [7].

Выбор представлений о своей семье в качестве предиктора агрессивности младших подростков обоснован высокой значимостью и социализирующей ролью семьи в их жизни. Кроме того, удобство изучения этого элемента социальных представлений у детей позволяет упростить применение результатов данной работы на практике.

В исследовании приняли участие 275 учащихся 6-7 классов, в возрасте от 12 до 14 лет. Из них 123 мальчик и 152 девочек.

Для выявления выраженности уровня агрессивности мы использовали Опросник агрессивности и враждебности» А. Басса и Э. Дарки (BDHI), в адаптации для детей и подростков Г.А. Цукерман [4].

Исследование представлений о своей семье проводилось с помощью методик: «Подростки о родителях» (ADOR/ПОР) в адаптации Л.И. Вассермана [1], «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера и И.М.Никольской [5], а также авторской анкеты, содержащей вопросы, которые не были раскрыты в первых двух методиках: совместному досугу, доверия к родителям и др.

Для создания прогностической модели выраженности агрессивности у младших подростков на основании представлений о своей семье, был использован множественный регрессионный анализ.

Предикторы физической агрессивности. Совместный досуг (коэффициент регрессии B=–0,608); R2=0,621.

Предикторы косвенной агрессивности. Враждебность со стороны матери (B=0,497); R2=0,657.

Предикторы раздражения. Враждебность отца (B=0,552), позитивный интерес матери (B=0,349), готовность делится переживаниями (B=–0,396), показатель центрированности семьи (B=–0,172); R2=0,795.

Предикторы негативизма. Враждебность отца (B= 0,695), директивность отца (B=0,325), критика со стороны отца (B=–0,681); R2=0, 758.

Предикторы обидчивости. Враждебность со стороны матери (B=0,381), включение дополнительных родственников в состав семьи (B=0,46); R2=0,615.

Предикторы подозрительности. Непоследовательность матери (B=0,519), включение дополнительных родственников в состав семьи (B=–0,766); R2=0,664.

Предикторы Вербальной агрессивности. Непоследовательность матери (B=0,306), враждебность со стороны матери (B=0,336); R2=0,637.

Предикторы чувства вины. Позитивный интерес со стороны отца (B=0,612), близость отца (B=–0,570). R2=0,788.

Таким образом, социальные представления подростков о своей семье позволяют спрогнозировать выраженность агрессивности, как предрасположенность к проявлению агрессивного поведения. А указанные выше прогностические модели, с определенной долей вероятности, могут предсказать эту предрасположенность.

1. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Психологическая методика «подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб.: «ФАРМиндекс», 2001. – 68с.
2. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 400с.
3. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков СПб.: Питер, 2019г – 304с
4. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика Методики и тесты /Д.Я. Райгородский – М.: Бахрах-М, 2011. – 672с.].
5. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Речь, 2006, 352с.
6. Herzlich Cl. La representation sociale. – In: Introduction a la psychologie sociale. P., 1972, p. 303–323.
7. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. V. 3 (4). P. 297-329.

Виноградова Я.Е.
НОУ ВПО СПбГУП

Роль семья при адаптации к социальным изменениям

Социальные изменения, социализация, семья.

Социализация в современном мире проходит как процесс адаптации к социальному давлению с помощью уравновешивания внутренних и внешних ценностей (Горягина, Еремеева, 2023). Отмечается, что изменения отражаются на семье, преобразуют рамки первичной социализации. Однако, Г.М. Андреева утверждает, что глобальные социальные изменения не оказывают влияния на восприятие социальной реальности (Андреева, 2005).

Целью нашего исследования было выявить особенности восприятия социальных изменений. Гипотеза ¾ адаптация к изменениям чаще происходит с опорой на семью.

На первом этапе исследования опросили студентов, в дальнейшем предполагалось опрашивать взрослых. Опрос проводили с помощью бумажных анкет, которые включали открытый вопрос: «Какие изменения произошли в последнее время?» и опросники («Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова, Сагиев, 1994); «Стиль реагирования на изменения» (Базаров, Сычева, 2012)). Выборку составили 387 студентов университетов (60 юношей и 327 девушек, средний возраст – 19,4; SD 1,2). Данные обрабатывали методом контент-анализ; статистическими методами (таблицы сопряженности, сравнительный и регрессионный анализ) в программе SPSS, 27.

По результатам контент-анализа показано, что глобальные изменения (пандемия, СВО, экономический кризис) отмечают лишь 3,8 % респондентов. В б0льшинстве к изменениям относят настоящие события (переезд в другой город, образ жизни). Выделены координаты восприятия изменений. Во-первых, студенты по-разному оценивают изменения: 223 респондента (57,6%) отмечают их негативное влияние («заметил, что изменения плохо повлияли на меня»), тогда как 164 (42,4 %) ¾ позитивно оценивают изменения («я стал(а) понимать какой(ая) я, что хочу в жизни»). Выявлена стратегия переоценки влияния изменений (24,2%).

Во-вторых, отмечаются критерии изменений. 95 респондентов (24,5%) указывают изменения психологического состояния («стал тревожнее», «появились страхи», «стала холодной»). Для 164 человек (42,4 %) изменялся «Я сам(а)» («сравниваю саму себя из прошлого года»; «сталкиваюсь с собственными возможностями»; «ловлю себя на прошлых мыслях»). 152 человек (35,9%) отмечают изменения в семье («поняла ценность семьи»; «изменились отношения с семьей»; «оказалась вдалеке от семьи»). Для девушек выявлена связь позитивной переоценки и изменений в семье (X2, p=0,02). Для юношей связь не значима (X2, p >0,05).

По результатам анализа (ANOVA, критерий Тьюки, p<0,05) показано, что респондентов, которые описывают изменения в семье, отличает стиль саморегуляции, выраженный в процессах моделирование (M6 SD2,0) и оценка результата (M6,4 SD1,6) по сравнению со студентами, которые отмечают изменение психологического состояний. Восприятие изменений в семье связано с инновационным стилем реагирования на изменения и (X2, p=0,34).

Результаты регрессионного анализа показали, что на негативную оценку изменений влияет консервативный стиль реагирования (R=0,26 p=0,46 B=0,54).

По результатам исследования показано, что б0льшинство студентов не отображают глобальные изменения. Оценка изменений в рамке семьи позволяет переоценить влияние изменений с опорой на осознанный контроль своих действий и поведения, а также корректировки плана действия, что позволяет снизить стресс в ситуации неопределенности.

1. Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения. Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 5-15.
2. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Создание и апробация опросника «Стили регуляции на изменения» // Психологические исследования. 2012. Т. 5 (25). С.12.
3. Горягина В.Е., Еремеева Т.С. Социализация личности в современном мире. Теорияи практика современной науки. 2023. №1 (91). С. 68-70.
4. Моросанова В.И., Сагиев Р.Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов // Вопросы психологии. 1994. 5. С. 134-140.

Иконникова Т.А., Марэй А.Ф.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-психологические факторы удовлетворенности браком у женщин в период беременности

Удовлетворенность браком, беременность, семейная сплоченность, семейная адаптация

Нынешнее состояние семьи характеризуется как кризисное (Рахматулловна А. Л., и др., 2014). В 2023 году в России было зарегистрировано 684 тыс. разводов (Росстат, 2024). При этом официальная статистика не отражает разводы во время беременности, поскольку СК РФ (ст. 17) запрещает мужу инициировать развод в этот период и в течение года после родов.

В период беременности особенно возрастает потребность в поддержке окружающих, что делает качество супружеских ключевым фактором эмоционального благополучия будущей матери. В психологии семьи, беременность относится к числу нормативного кризиса (Баландина Л. Л, 2014), требующий ролевой перестройки.

Цель исследования: анализ взаимосвязи семейной сплоченности и семейной адаптации с уровнем удовлетворенности браком у беременных женщин.

Основная гипотеза – наличие положительной корреляционной связи между показателями семейной сплоченности, адаптации и удовлетворенности браком у беременных женщин. Дополнительно предполагалась возраста, длительности добрачных и брачных отношений и срока беременности.

Использованы методики: тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В. В. Столиным и др., тест для диагностики сплоченности и гибкости семейной системы Д. Олсона с опорой на кольцевую модель семейного функционирования (Olson, D. H., Sprenkle, D. H., & Russell, C. S., 1979).

В исследовании приняли участие 33 беременные женщины в официальном браке, в возрасте от 18 лет до 34 лет (средний возраст – 26 лет). Срок беременности от 21 недели до 40 недель (средний – 30,5), находящиеся в браке от 1 до 142 месяцев (в среднем 71,5 мес.), продолжительность добрачных отношений составила от 6 до 144 месяцев (в среднем 75 мес.), без диагностированных психических заболеваний.

Группы формировались по возрасту (<30 лет и >30 лет); сроку беременности (2 и 3 триместры); продолжительности брака (менее/более 36 месяцев) и добрачных отношений (менее/более 36 месяцев).

Использованы корреляционный критерий Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты: шкала сплоченность 30% «связанная семья», 21% «разделенная семья» и 49% «запутанная семья». Шкала адаптация 12% – «гибкая семья» и 88% «хаотичная». Сбалансированные типы семей – умеренные уровни шкал, на периферии – несбалансированные. В выборке преобладают дисфункциональные (45%) и полуфункциональные (45%) семьи. По методике ОУБ у женщин высокий уровень удовлетворенности: 3% совершенно неудовлетворенные, 3% скорее удовлетворенные, 21% удовлетворенные и 73% абсолютно удовлетворенные. Семейная сплоченность демонстрирует высокую положительную корреляцию с удовлетворенностью браком ($r = 0, 94$), семейная адаптация так же ($r = 0, 89$). Оценка значимости различий независимых выборок не показал статистически значимых различий.

Был выделен отдельный кейс из выборки: девушка 22 года, срок беременности 36 недель, 26 месяцев в официальном браке, 18 месяцев в отношениях до вступления в брак. Сплоченность – разобщенная семья, адаптация – гибкая семья, согласуется с функциональной семьей. ОУБ – неудовлетворенность браком.

Вывод: в выборке высокий уровень удовлетворенности браком. Преобладает «запутанная семья», для которой характерна чрезмерное слияние. По шкале адаптация значительно больше «хаотичных семьей» – высокая степенью непредсказуемости – типично для кризиса беременности.

Результаты исследования подтверждают основную гипотезу и опровергают дополнительные.

1. Баландина Л. Л. Удовлетворенность браком в системе родительско-детских и супружеских отношений // Вестник Пермского государственного университета. Серия 1. – 2014. – № 1. – С. 125–136.
2. Рахматулловна А. Л., Хуснутдинович А. А., Сергеевна Б. М. Семья как фактор личностного развития ребёнка // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 7 (168). – С. 185–190.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16. – С. 12–45.
4. Olson D. H., Sprenkle D. H., Russell C. S. Circumplex Model of Marital and Family Systems: I // Family Process. – 1979. – Vol. 18, № 1. – P. 3–28.
5. Росстат. Число разводов в России в 2023 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. – 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/.

Сочилина Д.С., Бриль М.С., Бекренева Ю.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние семейных взаимоотношений на адаптацию эмигрантов шестой волны

Миграция, шестая волна, адаптация, семейные взаимоотношения

Миграция – переломное событие в биографии человека: перемена географического места жительства, изменение социального окружения (Хрусталева и др., 2022). На данный момент исследователями определено шесть волн российской эмиграции (1917–1933 гг.; 1941–1945 гг.; 1970–1980-е гг.; 1990–2000-е гг.; 2005–2022 гг.; 2022–н.в.), каждая из которых очерчивает свой временной диапазон и специфические психологические особенности мигрантов. Шестая волна выделяется с 2022 года и отличается стремительным увеличением числа покидающих страну; изменившимися причинами отъезда; высоким адаптационным потенциалом за счет возраста, уровня образования, профессиональной мобильности и ориентации эмигрантов в новых условиях. Целью исследования было изучение особенностей шестой волны эмиграции и факторов ее адаптации. В рамках данных тезисов подробнее будет рассмотрено влияние семейных взаимоотношений на протекание процессов адаптации у эмигрантов шестой волны.

На первом этапе исследования респонденты заполняли форму, содержащую социально-демографическую анкету и методику «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского. Второй этап заключался в полуструктурированном интервью из 32 основных вопросов. В первом этапе приняли участие 65 человек в возрастном диапазоне от 19 до 62 лет, 33 мужчины, 32 женщины. В связи со спецификой данных тезисов, важно отметить, что большинство респондентов переехало, находясь в отношениях: 50% – состоят в браке, 26% – есть партнер. На втором этапе было проведено 44 интервью, аудиозаписи которых позже транскрибировались и обрабатывались с использованием контент-анализа.

Результаты методики показали, что средние значения шкал приближаются к высоким по шкале «Адаптивность» (11.38 баллов) и низким по шкалам «Депрессивность» (5.72 балла) и «Отчужденность» (6.6 баллов), что позволяет делать выводы об успешной адаптации (Бриль и др., 2024). По результатам интервью, напротив, отмечается протяжённость во времени и тяжести чувств, входящих в комплекс тяжелых переживаний мигранта. Исходя из этого, были выделены трудности и ресурсы их преодоления, в числе которых семейные взаимоотношения. Многие из респондентов отмечали, что переехали «за партнером» или только с ним. Исследование показало, что уровень ностальгии статистически достоверно выше у людей, переехавших в одиночку, по сравнению с теми, кто переехал совместно ($p=0.041$). Это может говорить о том, что наличие рядом близкого человека и его поддержки, устойчивых взаимоотношений становится ресурсом преодоления. Однако также существуют частные случаи в некоторых парах, когда кризис, провоцируемый переездом, осложнял протекание адаптационного периода, в том числе в связи с отсутствием у партнеров, уехавших вслед за кем-то, ради будущего другого, визуализации собственных перспектив. Таким образом, семейные взаимоотношения – значимый фактор адаптации, который, при высоком адаптационном потенциале становится опорой и стимулом для формирования стабильного существования у эмигрантов шестой волны.

Мы планируем и дальше развивать исследование для обоснования шестой волны миграции, как самостоятельного феномена, и составления детального образа эмигрантов этого периода.

1. Бриль М.С., Бекренева Ю.С., Зайниддинова М.Н., Шенгелия Н.М. // Особенности адаптации мигрантов шестой волны / Ананьевские чтения – 2024. 80 лет общей психологии в Санкт-Петербургском государственном университете: материалы международной научной конференции / под ред. С.Н. Костроминой и А.Е. Ловягиной; отв. ред. В.И. Прусаков. Нижний Новгород: Издательство «Кириллица», 2024. С. 363.
2. Хрусталева Н.С. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: индивидуальные жизненные кризисы; агрессия и экстремизм: учебник. СПб.: Издательство СПбГУ, 2022.

Аршинская Е.Л.
ФГБОУ ВО ИГУ

Отношение к семейной жизни матерей с различной степенью поддержки в воспитании детей

Отношение к семейной роли, отношение к ребенку, внутрисемейные отношения

Введение. Каждая семья обладает уникальными родственными связями, ценностными ориентациями, родительскими установками, подходами к воспитанию. Исследователями отмечена важность структуры семьи, стиля воспитания, взаимодействия с ребенком(Трифонова, 2001, Головей, Василенко, Савенышева, 2016), а также значительная роль матери в воспитании (Савенышева, Чижова, 2013). При этом, важно отметить, что в некоторых полных семьях в силу различных обстоятельств мать практически одна осуществляет воспитание детей, в связи с этим возникают следующие исследовательские вопросы: как влияет отсутствие поддержки в воспитании ребенка на отношение матери к семейной роли и к ребенку, какие внутрисемейные отношения складываются в таких семьях. Цель исследования: сравнить особенности отношения к различным сторонам семейной жизни у матерей, получающих и не получающих поддержки в воспитании ребенка дошкольника.

Методы. В исследовании были использованы анкетирование, направленное на получение данных о структуре семьи, оценивание воспитательной роли членов семьи, для изучения отношения матерей к различным сторонам семейной жизни была использована методика PARI (E. Schaefer, R. Bell, 1958, в адаптации Т. В. Нещерет, 1980). В исследовании приняли участие 195 матерей дошкольников, в возрасте от 20 до 50 лет (M = 31,6, SD = 5,7). По результатам опроса респонденты были разделены на две группы, первую группу (1 гр.) составили матери, которые отметили, что им принадлежит ключевая роль в воспитании ребенка и они не получают поддержки супруга или других членов семьи (n=76), вторую группу (2 гр.) составили матери, которые отметили, что воспитанием ребенка занимаются оба супруга и/или другие родственники (n=119). Обработка данных осуществлялась с использованием описательных статистик, для анализа различий между группами использовался U-критерий Манна-Уитни.

Результаты. Для женщин, которые не получают поддержки от других членов семьи в воспитании ребенка характерна тенденция к ощущению самопожертвования в роли матери (1 гр. M=14.1, SD=3.37; 2 гр. M=12.8, SD=3.30; U=3322, p=0.002), ограниченность интересов интересами семьи (1 гр. M=12.7, SD=3.14; 2 гр. M=11.6, SD=3.07; U=3509, p=0.008). В воспитательных стратегиях у этих матерей преобладает излишняя концентрация на ребенке (1 гр. M=13.2, SD=2.56; 2 гр. M=12.6, SD=2.34; U=3752, p=0.045), чрезмерная забота (1 гр. M=13.5, SD=3.44; 2 гр. M=12.2, SD=3.17; U = 3461, p = 0.006) стремление установить зависимость в детско-родительских отношениях (1 гр. M=15.0, SD =2.9; 2 гр. M=13.9, SD=2.94; U=3499, p = 0.007). Внутрисемейные отношения в этих семьях ориентированы на обеспечение воспитания и развитие детей (1 гр. M=12.9, SD =2.8; 2 гр. M=11.8, SD= 2.71; U=3424, p=0.004).

Выводы. Результаты исследования свидетельствуют о том, что для матерей очень важна поддержка ближайшего окружения, касающаяся помощи по уходу и воспитанию ребенка, отмечена потребность в активном участии мужа в делах семьи и воспитании детей. Психологическая работа с такими семьями, должна быть ориентирована на основные аспекты психологических образований материнства и отцовства, нагармонизацию межсупружеских отношений.

1. Головей Л.А., Василенко В.Е., Савенышева С.С. Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 5–18. https://doi.org/10.17759/sps.2016070201
2. Савенышева, С. С., Чижова В. Ф. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 32-41. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materinskoe-otnoshenie-kak-faktor-psihicheskogo-razvitiya-rebenka-rannego-vozrasta (дата обращения: 20.06.2025).

Никифорова А.В.
НОУ ВПО СПбГУП

Нерешительное материнство как социально-психологический феномен

Нерешительное материнство, добровольная бездетность, семья

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью исследования «нерешительного материнства» как социально-психологического феномена. В настоящее время в отечественной науке данный термин не используется; взарубежных исследованиях он встречается в работах О. Донат с коллегами (Donath etal., 2022); существуют и альтернативные термины – «колеблющиеся» (Nandy, 2017) и«дебатирующие» (Martin, 2021). «Нерешительные матери» часто ошибочно включаютсяученными в группу добровольно бездетных (Neal, Neal, 2021), следовательно, цельюнашего исследования является разработка дифференцирующих критериев, позволяющих отделить женщин, нерешительных в вопросе материнства, от добровольно бездетных женщин с возможностью их последующего сравнения по ряду характеристик.

Методы. На первом этапе проводился опрос с целью получения информации о социально-демографических характеристиках, на втором – сравнение по рассматриваемым ниже методикам, на третьем – статистическая обработка результатови их интерпретация. Были выработаны три критерия распределения выборки: 1) планыотносительно своего родительского статуса в будущем, 2) возможность измененияпозиции относительно деторождения, 3) идентификация с социальной группойдобровольно бездетных (или отсутствия такой идентификации). В результате былисформированы две группы: 1) 103 респондента – женщины, нерешительные в вопросематеринства и 2) 123 респондента – добровольно бездетные женщины. Применялисьследующие методики: 1) методика «Семейные эмоциональные коммуникации» (А. Б.Холмогорова, С. В. Воликова и М. Г. Сорокова); 2) «Опросник моральных оснований»(Дж. Грэхем с коллегами), адаптация О. А. Сычев с коллегами; 3) «Опросник социальных аксиом» (ОСА-31) (М. Бонд, К. Леунг), адаптация А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева.

Результаты.

1) У добровольно бездетных женщин средний балл по шкале «элиминирование эмоций» выше, чем у «нерешительных матерей» ($p \leq 0{,}01$). Таким образом, женщины первой группы чаще сталкивались с запретом на выражение эмоций.

2) У «нерешительных матерей» средний балл по шкалам «забота» ($p \leq 0{,}01$), «справедливость» ($p \leq 0{,}02$) и «лояльность группе» ($p \leq 0{,}00$) выше, чем у женщин второй группы. Следовательно, женщинам первой группы больше свойственно проявлять заботу о благополучии других людей, относиться непредвзято к окружающим и защищать свою группу от предательства. 3) У «нерешительных матерей» выраженность по шкале «религиозность» ($p \leq 0{,}00$) выше, а по шкале «социальная сложность» ($p \leq 0{,}00$) ниже. Возможно, у добровольно бездетных женщин более четко сформулирована позиция относительно своего мировосприятия и ориентация на индивидуальный выбор.

Выводы. Критерии выборки в исследованиях материнства требуют особой внимательности, поскольку материнство – переходное состояние. На основании данного исследования можно предположить, что у «нерешительных матерей» выше риски столкнуться с кризисом идентичности по сравнению с добровольно бездетными женщинами. Данный вывод может лечь в основу дальнейших исследований. Таким образом, важно изучать не только женщин, отказавшихся от деторождения, но и тех, кто в вопросе своего материнства ещё не определился, что особенно актуально в ситуации демографического кризиса.

1. Donath O. «I Kind of Want to Want»: Women Who Are Undecided About Becoming
2. Mothers // Psychol. 2022 Vol. 13 P. 1–15. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.848384
3. Martin L. J. Delaying, debating and declining motherhood // Culture, Health and
4. Sexuality. 2021 Vol. 23 No. 8 P. 1034–1049.https://doi.org/10.1080/13691058.2020.1755452
5. Nandy A. Motherhood and Choice. Uncommon Mothers, Childfree Women. Delhi:
6. Zubaan, 2017 Neal, J.W. Prevalence and characteristics of childfree adults in Michigan (USA). 2021 № 16(6). P. 1–18. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0252528

Панкратова И.А.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Взаимосвязь психологических особенностей родителей в принимающей семье с частотой возврата детей

Принимающая семья, детско-родительские отношения, психологические особенности личности

Актуальность исследования проблемы взаимосвязи психологических особенностей родителей в принимающей семье с частотой возврата детей обусловлена ростом числадетей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что представляет собойсерьезную социальную проблему. В соответствии с Национальной стратегией действий в интересах детей, на протяжении последних лет предпринимаются значительные усилия для улучшения ситуации в области семейного устройства таких детей (Зайцев и др., 2019). Однако, несмотря на положительные тенденции, проблема возврата детей в социальные учреждения продолжает оставаться актуальной. В нашем исследовании рассматриваются социально-психологические особенности родителей в принимающих семьях и их влияние на частоту возврата детей, оставшихся без попечения родителей.

Родители из принимающих семей сталкиваются с целым рядом проблем. Срединаиболее распространенных – сложность как системы социального обеспечения детей, так и ее политики и процедур. Еще одним стрессовым фактором, о котором часто сообщается, являются отношения с биологическими семьями приемных детей, чья часто проявляемая враждебность или простая враждебность могут сделать запланированные визиты очень напряженными, приемные родители, со своей стороны, могут быть обеспокоены компетенцией биологических родителей, особенно если ожидается, что их приемные дети вернутся под их опекой, которую они часто считают неблагополучной, следовательно, дополнительный стресс (Левушкин и др., 2014; Осипова, 2018). Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи социально-психологических особенностей родителей в принимающей семье с частотой возврата детей в социальные учреждения. Объектом исследования стали принимающие семьи, апредметом – социально-психологические особенности данных родителей и их связь свозвратом детей в детские учреждения. В нашем исследовании приняло участие 52 семи, в которую вошли 104 человека, включая как родителей, воспитывающих приемных детей, так и тех, кто вернул детей в социальные учреждения. Для сбора данных были использованы такие методики, как методика диагностики социально-психологических установок личности (О.Ф. Потемкина), тест-опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин) и методика измерения родительских установок и реакций (Е. Шефер, Р. Белл; в адаптации Т.Н. Нещерет). Процедура исследования включала онлайн-опрос, статистическую обработку данных и их анализ с помощью критериев различий.

Исследование выявило наличие статистически значимых различий в социально-психологических установках между двумя группами семей. Родители из принимающих семей продемонстрировали более высокие показатели по шкале альтруизма, а также открытости к сотрудничеству с детьми и поддержки их инициатив. В то же время, семьи, вернувшие детей, показали более низкие значения по шкалам, отражающим позитивные детско-родительские отношения, такие как принятие, кооперация и оптимальный эмоциональный контакт. Ключевым аспектом стало установление положительной корреляции между эгоизмом родителей и частотой возвратов детей, что указывает на необходимость дополнительной поддержки и подготовки приемных родителей.

Таким образом чем более респонденты являются эгоистичными, ориентированными на свои интересы, предпочитающими проводить время в своих интересах, а также не испытывать затруднений в передвижении, тем больше вероятность возврата ребенка в социальное учреждение. Были выявлены отрицательные взаимосвязи выявлены с такими показателями как гибкость в общении, подавление сексуальности, вербализация, самопожертвование, альтруизм, кооперация и принятие-отвержение ребенка.

Процесс изучения социально-психологических особенностей родителей в принимающих семьях показал, что существует очевидная связь между их установками и частотой возврата детей в социальные учреждения. Родители, более открытые и ориентированные на потребности ребенка, с меньшей вероятностью возвращают детей в учреждения, тогда как эгоистичные и менее заинтересованные в благополучии ребенка семьи чаще сталкиваются с трудностями в динамике принятия и воспитания детей.

Данные выводы могут служить основой для разработки образовательных программ и тренингов для приемных родителей, а также повышения квалификации специалистов, работающих в данной сфере.

1. Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г. Семья Г.В. Мониторинг положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Уход и развитие семейных форм их устройства в Центральном федеральном округе в 2008 г. Москва, 2019 180с.
2. Левушкин А.Н., Данилова И.С. Вторичное сиротство и реакция органов государственнойвласти на отказ от замены родителей ребенка // Авторитет. 2014 №8. С.159–163.
3. Осипова И.И. Феномен вторичного сиротства в современной России // Бык. Вятский гос. ун- т. 2018 №4. С.138–143.

Волкова А.К.
ГАОУ ВО СПбГИПСР

Особенности личной идентичности подростков воспитывающихся в дисфункциональныхсемьях

Подростки, дисфункциональная семья, личная идентичность

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящее время наблюдается рост количества дисфункциональных семей. Подростки, выросшие в таких семьях, сталкиваются с трудностями в распознавании своих чувств и мыслей, что осложняет процесс самопознания. Данная работа фиксируется на анализе особенностей личной идентичности у подростков, растущих в семье дисфункционального типа.

Гипотеза. Существует статистически достоверная связь между нарушенной личной идентичностью подростков воспитывающихся в дисфункциональных семьях и особенностями их межличностного взаимодействия, недостаточной уверенностью в себе, социальной несмелостью, сниженной инициативностью в установлении социальных контактов и подверженностью ситуативной тревожности. Для реализации задач исследования использовались методики:

- методика изучения личностной идентичности (МИЛИ) (Шнейдер Л.Б.,2007);
- методика диагностики межличностных отношений Т. Лири (Энциклопедия психологических тестов, 2000);
- тест уверенности в себе (Ромек В.Г., 2008);
- шкала тревожности Спилбергера-Ханина (Гребень Н. Ф., 2007).

Выборку составили 30 подростков в возрасте от 14 до 15 лет, воспитывающиеся в дисфункциональных семьях. Для обработки данных использовался метод ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Согласно исследованию, у подростков из дисфункциональных семей преобладает диффузная идентичность (43 %) с отсутствием целей, отстраненностью и заниженной самооценкой. Также распространена гиперидентичность (25 %) – чрезмерная фиксация идентичности, ригидность, нетерпимость к другим мнениям и уязвимость. В результате проведенного исследования, при помощи статистического пакета SPSS 27 были вычислены коэффициенты ранговой корреляции Ч. Спирмена между показателями личной идентичности с показателями выбранных диагностических методик.

Получена значимая положительная связь между нарушенной личной идентичностью и показателями типа взаимодействия с окружающими: агрессивный тип ($p<0,05$) и подозрительный тип взаимоотношений ($p<0,05$). Неустойчивая самооценка и ощущение неполноценности провоцируют агрессию как защитный механизм и компенсацию внутренней пустоты. Такие подростки часто необщительны, замкнуты, скрытны и проявляют негативизм вербальной агрессией.

Получена значимая положительная связь между нарушенной личной идентичностью и такими характеристиками, как: уверенность в себе ($p<0,01$), социальная смелость ($p<0,05$), инициатива в социальных контактах ($p<0,01$). У подростков, воспитывающихся в дисфункциональных семьях, наблюдаются социальные и эмоциональные трудности. Недостаток поддержки снижает инициативу в общении и приводит к социальной изоляции.

Получена значимая связь между нарушенной личной идентичностью и ситуативной тревожностью ($p<0,05$). Дефицит внутренней устойчивости и четкой идентичности повышает уязвимость к стрессу и тревоге. Дисфункциональные семьи препятствуют формированию зрелой идентичности из-за конфликтности и недостаточной эмоциональной поддержки. Это приводит к повышенной тревожности у подростков.

Исследование подтверждает влияние деструктивного семейного окружения на формирование личности подростков. Преобладание диффузной и гиперидентичности у подростков из дисфункциональных семей, как проявлений нарушенной идентичности, обуславливает специфические трудности в их социальном взаимодействии и эмоциональном состоянии.

1. Гребень Н. Ф. Психологические тесты для профессионалов. Минск: Соврем. шк., 2007.
2. Ромек В.Г. Тест уверенности в себе / В.Г. Ромек // Психологическая диагностика: Научно-методический и практический журнал / Ред. М.К. Акимова, В.Г. Колесников. 2008. №1. С. 59-83.
3. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики: пособие / Л.Б. Шнейдер. М: Московский психолого-социальный институт, 2007.
4. Энциклопедия психологических тестов. М: ТЕРРА-Кн. Клуб, 2000.

Лукошко-Смолкина Д.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Фрустрационная толерантность замещающих родителей в контексте школьного обучения их приемных детей

Сиротство, замещающее родительство, фрустрационная толерантность, эмоциональный комфорт

Сегодня для детей, утративших попечение кровных родителей, существует национальная программа семейного устройства. Она основана на преимуществах развития ребенка при воспитании в замещающей семье по сравнению с государственным учреждением (Мухамедрахимов, 2009). Достижение сиротой школьного возраста обостряет проблемы внутри такой семьи, так как ребенок в этот период наиболее уязвим к негативным социальным воздействиям, и, вместе с тем, удален от внешнего контроля приемных родителей. Широкий спектр существующих программ психолого- педагогического сопровождения учебного процесса, на наш взгляд, не охватывает в должной мере поддержку детей с опытом институализации. Усугубляет школьную адаптацию приемных детей и узость общественных представлений о психологических особенностях членов замещающих семей (Махнач, Прихожан, Толстых, 2013). Для более глубокого изучения данной проблемы необходимо установить связь принятия ребенка, как социально-психологического феномена, с трансформацией родительства через структуру фрустрационной толерантности. Цель исследования – определение стратегий проявления фрустрационной толерантности замещающих родителей в контексте школьных ситуаций. Предполагалось, что фрустрационная толерантность замещающих родителей снижается в связи с обучением их приемных детей в школе. Объектом исследования стали родители с разным опытом замещающего родительства. Предметом – структура фрустрационной толерантности замещающих родителей.

В исследовании участвовали 104 родителя: 61 – с наличием опыта воспитания приемных детей и 43 – без такого опыта. Методический комплекс включал методики, регистрирующие как специфику родительского реагирования на фрустрирующие ситуации, так и специфику восприятия ими школьных ситуаций. Для определения возможностей толерантных проявлений замещающих родителей в ситуациях взаимодействия со школой были сопоставлены результаты модифицированного теста фрустрационной толерантности С. Розенцвейга и результаты исследования особенностей субъективного восприятия школьных ситуаций родителями,полученные с помощью анкетирования. К проявлениям толерантности были отнесены все разрешающие (NP) и безобвинительные (M) реакции по методике Розенцвейга.Выдвинутая гипотеза подтвердилась частично.

Были обнаружены косвенные признаки снижения толерантности. Так, вместе с ростом ориентации замещающих родителей на школу, возрастала их склонность к самообвинительным реакциям (I) ($r = 0{,}212$ при $p \leq 0{,}05$). Снижение родительского эмоционального комфорта от взаимодействия со школой вело к увеличению потребности в самозащите (ED) ($r = -0{,}232$ при $p \leq 0{,}05$) иумалению значимости самой проблемы (OD) ($r = 0{,}257$ при $p \leq 0{,}01$).

Можно заключить, что структура замещающего родительства переносится на родительское восприятие адаптации ребёнка в семье и его эмоциональной комфорт в школе. Для замещающих родителей характерна своя специфика отношения к школьным ситуациям, доминирующим приоритетом в которой является домашняя адаптация ребенка-сироты. Для обычных родителей значимость имеют и другие факторы.

1. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители, – М.: Институт психологии РАН, 2013 218 с.
2. Мухамедрахимов Р.Ж., Никифорова Н.В., Пальмов О.И., Гроарк К.Я., МакКолл Р.Б., Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка, – М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2009 296 с.

Золотарева С.И., Василенко В.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Проявления кризиса трех лет у детей в связи с параметрами Я-концепции

Кризис трёх лет, Я-концепция, самосознание, возрастно-половая идентификация, самооценка

Введение. Около трех лет у ребёнка начинает формироваться Я-концепция, развивается возрастно-половая идентификация, самооценка, первичная саморегуляция (Корягина, Мухамеджанова, 2021). Эти изменения связаны с кризисом трёх лет, сопровождающимся негативистскими и невротическими симптомами, а также конструктивными личностными новообразованиями (Гуськова, Елагина, 1987; Поливанова, 2000; Уланова, Василенко, 2016). Наряду с деструктивными проявлениями наблюдается рост автономии и самосознания.

Методы. В исследовании участвовали 53 ребёнка (21 мальчик и 32 девочки) из двух ГБДОУ Санкт-Петербурга в возрасте от 2 до 4 лет (средний возраст – 3 года 2 месяца): 25 детей из ясельной группы (2–3 года) и 28 – из младшей группы (3–4 года). Методы исследования: зеркальный тест, методика поло-возрастной идентификации Н.Л. Белопольской, методика «Лесенка» В.Г. Щур, социально-биографическая анкета, опросник симптомов кризиса трёх лет В.Е. Василенко, анкета проявлений кризиса 3 лет Т.В. Гуськовой (в модификации В.Е. Василенко). Использовались дисперсионный анализ, критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ по Спирмену и регрессионный анализ.

Результаты. 87% детей реагируют на искажённое отражение в зеркале. 60% правильно определяют возраст в прошлом, 30% – в настоящем, 81% – в будущем. Половая идентификация сформирована у 49%, она точнее у мальчиков и в 3–4 года. У девочек выше самооценка и притязания. Кризис ярко выражен у 25%, средне – у 26%, слабо – у 49% детей. Корреляционный анализ подтвердил взаимосвязь более сформированной Я-концепции с конструктивными проявлениями кризиса. Так, проявления самосознания положительно коррелируют с изменением отношения к взрослым и фантазированием ролей ($p<0.01$), самооценка с появлением новых друзей ($p<0.05$), половая идентификация с конструктивными проявлениями ($p<0.01$), возрастная идентификация с изменением отношения к себе ($p<0.01$), использование личных местоимений с расширением словарного запаса и круга общения ($p<0.05$). В то же время уровень притязаний положительно коррелирует с обесцениванием ($p<0.05$), а узнавание себя в зеркале – со своеволием ($p<0.01$). Незрелая Я-концепция (использование родительских обращений, негативные самоописания) связана с усилением эмоциональных и психосоматических реакций ($p<0.01$). Подражание значимым взрослым и мультгероям взаимосвязано с конструктивными проявлениями и общей выраженностью кризиса ($p<0.01$).

Регрессионный анализ показал, что конструктивные проявления кризиса предсказываются половой идентификацией, уровнем притязаний ($p<0.01$) и развитием самосознания ($p<0.05$). Негативизм связан с завышенными притязаниями и неясным образом будущего возраста ($p<0.05$), невротические реакции – с разницей между самооценкой и притязаниями ($p<0.01$), половой идентификацией ($p<0.05$). Связи сильнее в 3–4 года. Подражание мультгероям – значимый предиктор кризиса.

Выводы. У детей с более сформированной Я-концепцией (адекватной половой и возрастной идентификацией, высокими самооценкой и уровнем притязаний) более выражены конструктивные проявления кризиса. Одновременно выявлены связи развитых компонентов Я-концепции с отдельными негативистскими и невротическими симптомами, что отражает нормативность прохождения возрастного кризиса.

1. Гуськова Т.В., Елагина М.Г. Личностные новообразования у детей в период кризиса 3 лет // Вопросы психологии, № 5, 1987 С. 78–86.
2. Корягина О.В., Мухамеджанова Г.Е. Сравнительный анализ особенностей самосознания аутистичных-детей и детей с нормальным психическим развитием // НИР/S&R. 2021 №1 (5). С. 204–208.
3. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Издательский центр «Академия», 2000 – 184 с.
4. Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Протекание кризиса трех лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и социализации ребенка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016 №3. С. 68–82.

Данилова М.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологическое благополучие и социальная поддержка как ресурсы удовлетворенности жизнью у подростков

Старшие подростки, удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие, воспринимаемая социальная поддержка

Удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие характеризуют разные аспекты благополучности личности. Удовлетворенность жизнью может рассматриваться как субъективная оценка баланса между позитивными и негативными аффектами (Diener, Lucas, Oishi, 2001). Психологическое благополучие определяется глубокими личностными характеристиками, позволяющими человеку ощущать свою целостность. Среди них самостоятельность и компетентность, наличие жизненных целей и способность решения жизненных задач, направленность на саморазвитие, сформированность позитивного отношения к себе и межличностных коммуникаций (Ryff, Keyes, 1995). При этом Е. Динер рассматривает психологическое благополучие как один из компонентов удовлетворенности жизнью (Diener, Lucas, Oishi, 2001). Однако, при достаточной разработанности представленных психологических феноменов, не существует общего научного консенсуса по поводу их соотношения и приоритетности (Sewaybricker, Massola, 2022; Garcia, Kazemitabar, Asgarabad, 2023).

В качестве значимого фактора оценки удовлетворенности жизнью можно отметить социальную поддержку, в частности, такие ее показатели, как позитивные межличностные отношения с близкими людьми, вовлеченность в поток событий жизни, систему школьной поддержки (Егорова, Заречная, 2022).

Можно найти достаточное число исследований взаимосвязи психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и воспринимаемой социальной поддержки в подростковом возрасте. При этом исследований соотношения психологического благополучия и социальной поддержки как ресурсных компонентов более широкого понятия удовлетворенности жизнью нашлось не много. В данном исследовании предпринята попытка подтверждения именно этого подхода.

В исследовании участвовали 218 старших подростков 15-17 лет, учащихся старших классов школы (88 юношей и 130 девушек). Методы: Шкалы психологического благополучия Рифф (экспресс-вариант в адаптации Е.Г. Трошихиной), Опросник воспринимаемой социальной поддержки Зимета и Многомерная шкала удовлетворенности жизнью Хюбнера(все методики в адаптации отечественных авторов).

Результаты исследования показали, что удовлетворенность жизнью (107,9; σ=18,9 у юношей и 108,4; σ=19,8 у девушек), а также параметры удовлетворенности разными ее сферами (отношения в семье, школе, с учителями, друзьями, удовлетворенность собой) диагностируются в пределах средне-нормативных значений при отсутствии достоверных различий. Различий также не обнаружено и в уровне психологического благополучия (64,3; σ=7,2 у юношей и 66,0; σ=9,9 у девушек) и его параметров, кроме личностного роста, более значимого для девушек ($p<0,05$). Наличие социальной поддержки девушки (91,2; σ=16,3) отмечают чаще ($p<0,05$), чем юноши (81,4; σ=17,7) в целом и по всем показателям (эмоциональная, инструментальная поддержка, социальная интеграция, удовлетворенность поддержкой).

Для достижения цели работы был проведен регрессионный анализ. Полученная модель вклада психологического благополучия и воспринимаемой социальной поддержки в удовлетворенность жизнью старших подростков объясняет 66% дисперсии. Предикторами выступили в большей мере личностные показатели, отражающие психологическое благополучие (самопринятие β=0, 291; $p<0,001$; личностный рост β=0, 264; $p<0,001$; компетентность β=0, 246; $p=0,001$ и автономность β=0, 013; $p<0,032$). Социальная поддержка обнаружила влияние только социальной интеграции (β=0, 228; $p<0,001$).

Итак, для субъективной удовлетворенности жизнью в 15-17 лет серьезное значение имеют позитивное самоотношение, направленность на развитие и личностный рост, а также независимость, убежденность в состоянии контролировать свою деятельность и поведение, уверенность в умении эффективно использовать имеющиеся возможности для решения задач и достижения целей. В аспекте социальной поддержки оказался важным фактор включенности в релевантное социальное сообщество, позволяющее чувствовать не только принятие со стороны единомышленников, но и личную защищенность.

1. Егорова М.А., Заречная А.А. Позитивные стратегии психологической поддержки субъективного благополучия школьников // Современная зарубежная психология. 2022. 11(3). С. 38–47. https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110304

2. Diener Ed., Lucas R.E., Oishi S. Sujective well-being: The science of happiness and life satisfaction // In C. R. Snyder and S. J. Lopez (Eds.). Handbook of positive psychology. Oxford University Press: 2001. (online edn, Oxford Academic, 31 Oct. 2023). https://doi.org/10.1093/oso/9780195135336.003.0005
3. Garcia D., Kazemitabar M., Asgarabad M.H. The 18-item Swedish version of Ryff's psychological wellbeing scale: psychometric properties based on classical test theory and item response theory // Frontiers in Psychology. 2023. 14. Article 1208300. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1208300
4. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995.69(4). P. 719-727. https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719
5. Sewaybricker L., Massola G. What is Subjective Well-Being? A Critical Analysis of the Articles Subjective Well ELL- Being, by Ed Diener // Psicologia and Sociedade. 2022. 34. Doi: 10.1590/1807-0310/2022v34258310-en

Кравцова А.В., Поскребышева Н.Н.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Связь опыта романтических отношений и совладающего поведения в юношеском возрасте

Романтические отношения, совладающее поведение, юность

Введение. Романтические отношения являются значимым фактором благополучия человека. Однако на сегодняшний день не до конца раскрыты механизмы, благодаря которым те или иные особенности отношений (например, надежная привязанность) способствуют большей или меньшей психологической устойчивости к стрессовым ситуациям.

Цель исследования – анализ связи романтической привязанности в юности и эмоциональной созависимости со способностью субъекта и пары совладать с трудными жизненными ситуациями.

Гипотезы исследования:

1. Компоненты привязанности к романтическому партнеру связаны с особенностями совладающего поведения в юности: тревога связана с компонентами диадического копинга; избегание близости связано с информированием партнера о личном стрессе.
2. Эмоциональная созависимость связана с выбором самообвинения как копинг-стратегии: эмоционально созависимые чаще прибегают к самообвинению.
3. Существуют межполовые различия в диадическом копинге.

Методики:

1) авторская анкета (сбор социально-демографических данных);

2) модифицированная методика К.Бреннан и Р.К. Фрейли «Опыт близких отношений» в адаптации Т.В. Казанцевой (Казанцева, 2008);

3) шкала созависимости Спенн-Фишер в модификации А.А.Бердичевского и др. (Бердичевский, Падун, Гагарина, 2019);

4) опросник способов копинга в адаптации Е.В. Битюцкой (Битюцкая, 2015);

5) опросник диадического копинга Г. Боденманна в адаптации О.А. Екимчик и Т.Л.Крюковой (Крюкова, 2019).

Выборка: в исследовании принимали участие 60 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (M = 21,2), из них 45 девушек и 15 юношей.

Исследование проводилось с помощью онлайн-формы сбора данных.

Результаты. Около 60% респондентов имеют надежный тип привязанности к партнеру, что согласуется с данными других исследований по теме.

Избегание близости связано с информированием партнера о личном стрессе ($k=-0,284$, $p=0,02$) и с общей оценкой диадического копинга ($k=-0,256$, $p=0,049$): избегающие близости юноши и девушки менее склонны делиться с партнером своими переживаниями, а также оценивают общее совладание пары как менее эффективное.

Относительно связи эмоциональной созависимости и индивидуального копинга получены следующие результаты: эмоционально созависимые меньше склонны решать проблему конструктивно ($k= – 0,285$, $p = 0,027$), при этом обвиняют себя в ее возникновении ($k= 0,435$, $p = 0,001$), надеются, что проблема решится «сама собой» ($k= 0,559$, $p \leq 0,000$), дистанцируются от проблемы и ее решения ($k= 0,395$, $p = 0,002$).

Анализ межполовых различий показал, что в ситуации стресса девушки чаще обращаются за поддержкой (U-критерий Манна-Уитни; $p=0,007$), чаще прибегают к позитивной переоценке случившегося ($p=0,041$) и к избеганию ($p=0,047$), а также чаще информируют партнера о личном стрессе ($p=0,04$).

Выводы: таким образом, гипотезы исследования подтверждаются. Результаты говорят о важности надежной привязанности в совладании как с личными трудностями, так и с трудностями, затрагивающими пару в целом. Обнаружены межполовые различия в совладаниис трудными жизненными ситуациями.

1. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн–Фишер» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. № 8 (1). С. 215–234;
2. Битюцкая Е.В. Опросник способов копинга: методическое пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2015. – 80 с.;
3. Казанцева Т.В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №74 (2). С. 139-143;
4. Крюкова Т.Л. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях / Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик, Т.П. Опекина – Кострома: Изд-во Костром. Гос. ун-та, 2019. – 340 с.

Руднова Н.А., Шатская А.Н., Корниенко Д.С.
ФГБНУ ФНЦ ПМИ

Связи копинг-стратегий с воспринимаемым стрессом матерей и их детей дошкольного возраста

Копинг-стратегии, воспринимаемый стресс, дошкольники

Современные исследования демонстрируют рост уровня стресса не только у лиц юношеского возраста, подростков, но и среди детей (Benton et al., 2021). Учитывая существенное влияние стресса в раннем и дошкольном возрасте на особенности физического, когнитивного, эмоционального, регуляторного развития детей (Sánchez-Jáuregui et al., 2023; Zhang et al., 2022), важно выявить факторы, которые могут смягчить его последствия. Предыдущие работы показали, что таким фактором может стать уровень стресса матерей, низкий уровень которогоявляется значимым предиктором низкого уровня стресса их детей (Rudnova, Kornienko, 2024). Подобные результаты указывают на необходимость психологической работы в ситуации стресса не только с дошкольниками, но и с их родителями. Копинг-стратегии взрослых достаточно подробно изучены (Рассказова и др., 2013), однако открытым остается вопрос о взаимосвязи материнских копинг-стратегий с уровнем стресса их детей. Цель исследования – выявление связи воспринимаемого стресса матерей и их детей с материнскими копинг-стратегиями в контексте потенциально травматического опыта.

Методы: Выборку исследования составили 134 матерей детей дошкольников, в возрасте от 22 до 53 лет. Респонденты разделены на две группы: 1) семьи, находящиеся в ситуации переживания травматического опыта – потеря отца и супруга (N=41) и 2) семьи, не имеющие такого опыта (N=93).

Использовались методики: 1) шкала воспринимаемого стресса для родителей дошкольников (PSS-C-P); 2) Шкала воспринимаемого стресса (PSS-4); 3) Краткая версия опросника совладания со стрессом COPE.

Результаты. Сравнительный анализ не обнаружил различий по показателям воспринимаемого стресса. Все представленные результаты значимы при $p<0.05$. Однако в первой группе значимо более выражены копинг-стратегии, связанные с отрицанием случившегося (U = 692), мысленным уходом от проблемы (U = 1240), поведенческим уходом (U =1244.5) и использованием «успокоительных» (U =1289.5). Во второй группе более выражены активное совладание (U = 2428), эмоциональная социальная поддержка (U = 2720), позитивное переформулирование (U = 2531.5), инструментальная социальная поддержка (U = 2536), и юмор (U = 2437.5).

Корреляционный анализ показал, что в первой группе уровень воспринимаемого стресса матерей отрицательно связан с позитивным переформулированием (r =-0.32), использованием юмора (r =-0.45), сдерживанием (r =-0.46), планированием (r =-0.38), а положительно с поведенческим уходом от проблем (r =0.36). Уровень стресса детей связан с позитивным переформулированием (r =-0.31). Во второй группе показатели стресса матерей и детей позитивно связаны (r=0.21). Стресс матерей отрицательно связан с позитивным переформулированием (r =-0.38), запросом инструментальной социальной поддержки (r =-0.24) и положительно с концентрацией на эмоциях (r =0.21), отрицанием (r =0.44) и поведенческим уходом от проблемы (r =0.30). Воспринимаемый стресс детей продемонстрировал отрицательную связь с позитивным переформулированием (r =-0.24) и активным совладанием(r =-0.24), позитивную – с использованием «успокоительных» (r =0.22).

Выводы. По результатам, женщины, потерявшие супруга склонны использовать скорее дезадаптивные копинг-стратегии (отрицание случившегося и т.д.), что может косвенно говорить о процессе горевания. Уровень стресса у матерей и детей в двух группах не различается, а связь между показателями стресса обнаружена только во второй. Можно предположить, что это связано с эмоциональным отстранением женщин как от своих переживаний, так и от переживаний детей, что приводит к искаженной оценке. Выявлены копинг-стратегии, которые могут оказать позитивный (например, позитивное переформулирование) и негативный эффект (например, как поведенческий уход) для психологического благополучия женщин и их детей в ситуации высокой жизненной неопределенности.

1. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал ВШЭ. 2013 №1. С. 82–118.
2. Benton T.D., Boyd R.C., Njoroge W.F.M. Addressing the Global Crisis of Child and Adolescent Mental Health // JAMA Pediatrics. 2021. Vol. 175(11). P. 1108–1110.https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2021.2479
3. Rudnova N.A., Kornienko D.S. Mothers' Stress as a Predictor of Preschoolers' Stress in the Context of Parental Practices // Children. 2024. Vol. 11(11). P. 1274. https://doi.org/10.3390/children11111274

4. Sánchez-Jáuregui T., Téllez A., Almaraz D., Valdez A., Hinojosa-Fernández R., García-BalvanedaH., Juárez-García D.M. Adverse Childhood Experiences in Mexico: Prevalence and Association with Sociodemographic Variables and Health Status. Psychol. Russ. State Art 2023, 16, 48–62. https://doi.org/10.11621/pir.2023.0204.
5. Zhang L., Roslan S., Zaremohzzabieh Z., Jiang Y., Wu S., Chen Y. Perceived Stress, Social Support, Emotional Intelligence, and Post-Stress Growth among Chinese Left-Behind Children: A Moderated Mediation Model // International journal of environmental research and public health. Vol. 19(3). P. 1851. https://doi.org/10.3390/ijerph19031851

Лебедева Е.И.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

**Взаимосвязь дружеских отношений,
социального познания и социальной компетентности подростков**

Дружеские отношения, социальная компетентность, модель психического, подростковый возраст

Период раннего подросткового возраста, который связан с переходом в среднюю школу оказывается важной социальной вехой для детей, когда они сталкиваются с многочисленными социальными изменениями, особенно во взаимодействии со сверстниками. В становлении и поддержании отношений со сверстниками играют важную роль социальное познание и социального компетентность подростков. Результаты предыдущих исследований свидетельствуют связи модели психического как когнитивной основы социального познания и дружеских отношений детей дошкольного возраста (Fink et al., 2015). Цель настоящего исследования – изучить взаимосвязи между социальным познанием, социальной компетентностью и дружескими отношениями в раннем подростковом возрасте, в момент перехода из начальной в среднюю школу.

В исследовании приняли участие 59 учеников 5–6 классов в возрасте 10–13 лет (M = 11.49; 37 девочек). Для оценки дружеских каждому ребенку было предложено выбрать из имена трех одноклассников, которые являются его друзьями. Для каждого участника исследования рассчитывался «коэффициент дружбы» – количество выборов, деленное на количество детей в классе минус 1. Оценка модели психического проводилась с помощью заданий на понимание неверных мнений высшего порядка (Liddle, Nettle, 2006). Оценивалось понимание неверных мнений 2-го порядка (она знает, что он думает …), 3-го порядка (она думает, что он знает, что они хотят …) и 4-го порядка (он думает, что она поняла, что он узнал, что она хочет …). Для оценки социальной компетенции использовался опросник социальных навыков: версия для детей (Gresham, Elliot, 1990), позволяющий оценить 4 области социальной компетенции: сотрудничество, уверенность в себе, эмпатия и самоконтроль. Для оценки взаимосвязей между изучаемыми показателями высчитывался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования свидетельствуют о двух тенденциях во взаимосвязях между социальным познанием, социальной компетентностью и дружескими отношениями в раннем подростковом возрасте. Во-первых, понимание ментальных состояний напрямую не связано с количеством друзей в средней школе, но связано с выраженностью эмпатии ($r = .232$, $p = .038$) и сотрудничества ($r = .264$, $p = .022$) как одними из доменов социальной компетенции. Во-вторых, социальная компетентность, а именно – выраженность эмпатии по самооценке подростков была положительно связана с количеством друзей среди одноклассников ($r = .267$, $p = .017$). Вероятно, что в подростковом возрасте уровень социального познания может быть связан с дружескими отношениями не напрямую, а опосредованно, через навыки сотрудничества и эмпатии. Действительно ряд исследований показывают, что социальная компетентность может быть медиатором между социальным познанием и отношениями со сверстниками (Caputi et al., 2012).

Таким образом, дружеские отношения в раннем подростковом возрасте связаны с выраженностью эмпатии по самооценке подростков.

1. Caputi M., Lecce S., Pagnin A., Banerjee R. Longitudinal effects of theory of mind on later peer relations: the role of prosocial behavior // Developmental psychology. 2012. Vol. 48(1). P. 257-270. https://doi.org/10.1037/a0025402
2. Fink E., Begeer S., Peterson C. C., Slaughter V., de Rosnay M. Friendlessness and theory of mind: A prospective longitudinal study // British Journal of Developmental Psychology. 2015. Vol. 33 (1). P. 1–17. https://doi.org/10.1111/bjdp.12060
3. Gresham F.M., Elliott S N. Social Skills Rating System. Minneapolis, MN: Pearson Assessments, 1990
4. Liddle B., Nettle D. Higher-order theory of mind and social competence in school-age children // Journal of Cultural and Evolutionary Psychology. 2006. Vol. 4 (3–4). P. 231–244. https://doi.org/10.1556/jcep.4.2006.3-4.3

Ильина Е.А.
ФГБУН ИП РАН

Модель психического у детей 2-5 лет с типичным развитием и риском расстройств аутистического спектра

Модель психического, расстройства аутистического спектра, ранний возраст, намерение

Социальная жизнь во многом зависит от понимания других людей, прогнозирование дальнейших их действий – почему они делают то, что делают. Но мы можем наблюдать только внешне наблюдаемые действия, а не внутренние причины этих действий – намерения, желания, мнения, предпочтения. Способность понимать, распознавать и рассуждать об этих невидимых причинах наших действий есть модель психического (Сергиенко и др., 2020). Одним из аспектов раннего понимания ментального мира является понимание намерений.

Исследование посвящено изучению ранних предикторов модели психического у детей 2-5 лет с типичным развитием и риском расстройств аутистического спектра. В исследовании приняли участие дети с типичным развитием и риском РАС (17 детей; М=4 года 2 месяца; психический возраст=2 года 3 месяца; 3 девочки). Дети с типичным развитием были разделены на группы: ТР1<32 месяцев, ТР2>32 месяцев.

ТР1 – 18 детей; М=2 года 2 месяца; психический возраст=3 года 2 месяца; 9 девочек.

ТР2 – 21 ребёнок; М=3 года 1 месяц; психический возраст =3 года 9 месяцев; 9 девочек.

Для оценки модели психического использовались задачи:

1) Понимание детьми намерений по незавершенным обычным и необычным действиям. Были два условия: обычные (обыденные) действия и необычные действия.

Обычные действия включали в себя: поднимание упавшей ручки, закрывание шкафчика, закрывание крышкой пластмассовой банки, взятие тетради и выбрасывание мусора в корзину. Необычные действия: одевание диска на горизонтальный штырь, засовывание тряпичного мячика в узкое отверстие, складывание бус в колбу, которую нельзя поставить на стол, пропускание веревки через отверстие в воронке и засовывание небольшого отрезка ткани в отверстие. Мы демонстрировали незавершенное действие и передавали предмет ребенку, чтобы он закончил этой действие.

2) Понимание намеренных и ненамеренных действий другого: в тестовой серии детям демонстрировались игрушки, с которыми ребенок взаимодействовал и которые впоследствии экспериментатор предъявлял по одной. В первом условии экспериментатор намеренно не передавал ребенку желаемую игрушку. Во втором условии демонстрировал «невозможность» отдать ребенку игрушку: ставил прозрачную банку с игрушкой внутри на стол и опускал руку, пытаясь дотянуться до игрушки на его дне.

Результаты исследования демонстрируют дефицитарность модели психического у детей с риском РАС в задачах на понимание различий намеренных и ненамеренных действий другого. Дети с риском РАС отличаются от детей с типичным развитием в попытках дотянуться/отвернуться от игрушки при намеренном и случайном отказе. Эти результаты частично согласуются с результатами исследования Т. Бене (Behne et al., 2005): дети с типичным развитием терпеливо ожидали, когда экспериментатор не мог достать игрушку, а при намеренном отказе были более нетерпеливы. Результаты настоящего исследования согласуются с результатами предыдущих исследований (Broekhof et al., 2015) – дети дошкольного возраста с РАС могут понимать намеренные действия других людей в той же степени, что и дети с типичным развитием, потому что дети в обеих группах могли одинаково часто восполнять незавершенные действия взрослого.

1. Сергиенко Е.А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Институт психологии РАН, 2020
2. Behne T. Unwilling versus unable: Infants understanding of intentional action //Developmental psychology. 2005 41(2). P. 328 https://doi.org/10.1037/0012-1649.41.2.328
3. Broekhof E. et al. The understanding of intentions, desires and beliefs in young children with autism spectrum disorder // Journal of autism and developmental disorders. 2015 45 P. 2035-2045. https://doi.org/10.1007/s10803-015-2363-3

Персиянцева С.В., Артеменков С.С.
ФГАОУ ВО РГГУ

Цифровая социализация и риски подросткового возраста: одиночество, зависимость, отношения

Киберзависимость, одиночество, цифровая социализация, детство

Введение. Актуальность исследования киберзависимости подростков обусловлена их развитием в условиях глубокой цифровизации, где интернет-коммуникации стали частью учебной, социальной и досуговой активности. В кибероблществе, с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), разнообразные гаджеты входят в повседневную жизнь, а передаваемая с помощью них информация становится «новой субстанциональной единицей, детерминирующей современную культуру» [5, с. 118]. С распространением искусственного интеллекта человечество вступает в пятую информационную революцию, где цифровая среда выполняет не только информационные, но и мыслительные функции, влияя на образование и психическое развитие [4]. Эти изменения способствовали становлению киберпсихологии, охватывающей «широкий круг проблем… взаимодействия человека с технологиями» [5, с. 119]. Как отмечено в ряде работ [1-3], киберсредаможет способствовать дезинтеграции процесса психического развития детей.

Цель данного исследования – выявить возможные взаимосвязи между уровнем киберзависимости и психологическими характеристиками подростков.

Методы. В исследовании приняли участие 89 учащихся российских школ в возрасте 13–18 лет (47% мальчиков). Для диагностики использовались: методика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассела и М. Фергюсона), тест киберкоммуникативной зависимости (А. В. Тончева) и методика межличностных отношений (Т. Лири).

Результаты. У 58% подростков выявлен высокий уровень киберкоммуникативной зависимости. Средний балл по шкале – 74,8, медианный – 82 Уровень одиночества на 20% выше нормы. Зависимость положительно коррелирует с одиночеством, авторитарностью, подозрительностью и подчинённостью. В группе с высоким уровнем зависимости снижена дружелюбность. Сетевой анализ выявил связи между показателями межличностных отношений у подростков с высоким уровнем цифровой вовлечённости. Это может свидетельствовать об эмоциональной изоляции и снижении качества живого общения. Полученные данные отражают адаптацию подростков к цифровой реальности, но указывают и на риски нарушений межличностного взаимодействия.

Выводы. Рост цифровой зависимости у подростков отражает адаптацию к новой социальной и образовательной реальности. Однако чрезмерная опосредованность общения усиливает эмоциональную изоляцию. Частая погружённость в интернет способствует снижению дружелюбности пользователей и изменению структуры межличностных отношений. Киберзависимость и одиночество оказывают влияние на межличностные отношения, снижая их качество. Необходима профилактика цифровых рисков через развитие саморегуляции, живого общения и поддержку подростков в семье и школе.

4. Артеменков С.Л. Проблема опосредования в киберпсихологии // Нейрокомпьютеры и их применение: материалы науч. конф. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021 С. 393-397.
5. Артеменков С.Л. Проблема средств опосредования в современном обучении и эффект перцептивно-семантической слепоты // Научная школа В.В. Давыдова: традиции и инновации: материалы междун. научно-практ. конф. (21-24 сентября 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020 С. 56-58.
6. Пережогин Л.О., Шалимов В.Ф., Казаковцев Б.А. Зависимость от персонального компьютера, интернета и мобильных устройств, обеспечивающих удаленный сетевой доступ (клиника, диагностика, лечение) // Российский психиатрический журнал. 2018 № 2 С. 19-30.
7. Персиянцева С.В. Искусственный интеллект в образовательном пространстве // Стратегии и ресурсы личностно-профессионального развития педагога: современное прочтение и системная практика: материалы междун. научно-практ. конф. (04–05 июля 2022 г.). М.: ПИ РАО, 2022 С. 233-237.
8. Рубцова О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019 Т. 15 № 3 С. 117–124. https://doi:10.17759/chp.2019150312

Виленская Г.А.
ФГБУН ИПРАН

Роль контроля поведения и социальной поддержки в социальной компетентности у мальчиков и девочек

Социальная компетентность, контроль поведения, социальная поддержка, подростки

Введение. Социальная компетентность в детском и подростковом возрасте важна для психологического благополучия в будущем. На нее влияют как внутренние (например, контроль поведения как субъектная регуляция (Сергиенко, Виленская, 2018)) так и внешние факторы (социальная поддержка). Комплексное изучение этих факторов позволяет оценить ресурсы подростка для повышения социальной компетентности и возможности их использования. Согласно работам Б.Г. Ананьева, чтобы обнаружить общие структурные особенности в развитии свойств индивида, необходимо обратиться к изучению особенностей его психических свойств, связанных с возрастом и полом (Ананьев, 2010). Таким образом, представляется актуальным сравнить особенности социальной компетентности у мальчиков и девочек.

Целью нашего исследования было сравнение характеристик вносящих вклад в показатели социальной компетентности у мальчиков и девочек подросткового возраста.

Методы

В исследовании участвовали 236 учеников 5-7 классов (117 девочек).

Для оценки контроля поведения применялся опросник для родителей BRIEF

(Опросник для оценки..., 2019). Оценки имеют обратный характер, т.е., чем выше балл по шкале, тем ниже контроль поведения.

Социальная поддержка оценивалась при помощи Опросника социальной поддержки (Лифинцева, Рягузова, 2013).

Показателем социальной компетентности был статус принятия/отвержения по результатам социометрического исследования. Применялся линейный регрессионный анализ, статистический пакет STATISTICA 6.0.

Результаты.

Индексы принятия/непринятия выступали как зависимые переменные. У мальчиков и девочек были выделены некоторые общие черты. Это более низкий коэффициент детерминации для индекса принятия (мальчики R2=.14, F=2.75, df=4.39, p=.04; девочки – R2=.14, F=3.30, df=5.64, p=.01), чем для индекса отвержения (мальчики R2=.31, F=2.44, df=15.34, p=.001; девочки – R2=.31, F=3.77, df=11.58, p=.0004). В обеих группах вклад в индекс принятия вносят в основном показатели социальной поддержки, а в индекс отвержения – показатели и социальной поддержки, и контроля поведения. Различия заключаются в составе показателей, вносящих вклад в социальную компетентность. В индекс принятия у мальчиков вносят вклад информационная и инструментальная поддержка одноклассников и друга, у девочек – эмоциональная поддержкаодноклассников и родителей. В индекс отвержения у мальчиков вносят вклад показатели когниитивногоконтроля (инициативность и планирование), а у девочек – волевого контроля (контроль импульсивности, переключаемость). Из показателей социальной поддержки у мальчиков наиболее значимы важность поддержки друга и одноклассников, информационная поддержка родителей, у девочек – оценочная и инфформационная поддержка одноклассников.

Выводы: Состав внутренних и внешних факторов социальной компетентности различен у девочек и мальчиков подросткового возраста.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М. : Питер, 2010
2. Лифинцева А.А., Рягузова А.В. Адаптация методики «Шкала социальной поддержки детей и подростков» К. Малецки // Клиническая и специальная психология. 2013 №2. Вып.2. Статья 7 URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n2/62059 (дата обращения: 14.06.2025)
3. Опросник для оценки функций программирования и контроля у детей: методическое руководство / Сост. и пер. Е.Ю. Гориной. М.: Теревинф, 2019
4. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А. Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции // В сборнике: Разработка понятий современной психологии / Под ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: «Институт психологии РАН», 2018 С. 343–378.

Ветрова И.И.
НОЧУ ВО МИП, ФГБУН ИП РАН

Смирнова Э.А.
НОЧУ ВО МИП

Факторы развития эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста

Эмоциональный интеллект, общее недоразвитие речи, распознавание эмоций, неблагополучная семья

Введение. Одним из значимых факторов развития эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста является модель психического (Сергиенко и др., 2020), однако этот фактор не единственный. Речевое развитие в дошкольном возрасте играет ключевую роль в формировании личности ребенка, его эмоционального благополучия, социальных умений и интеллектуальных способностей (Листик, 2023). При этом способность ребенка распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также адекватно реагировать на эмоции других, является ключевым фактором для его успешной социальной адаптации и академических достижений (Прусакова, 2005). Также есть исследования о взаимосвязи эмоций и речевого развития в дошкольном возрасте. С одной стороны, положительные эмоции стимулируют активность ребенка в использовании речи, способствуют расширению словарного запаса и освоению новых грамматических структур. С другой стороны, развитие языковых способностей, в свою очередь, способствует расширению эмоционального спектра и поддерживает как регуляцию, так и саморегуляцию эмоциональных состояний (Ощепкова и др., 2021).Целью данной работы стала оценка соотношения речевого развития с развитием эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста, а также оценка фактора неблагополучия семьи в развитии эмоционального интеллекта.

Методы. В исследовании приняли участие 40 детей в возрасте 5-6 лет: 20 нормотипичных детей (7 мальчиков и 13 девочек), посещающих общеобразовательную группу детского сада, и 20 детей с общим недоразвитием речи (ОНР) 2 и 3 уровня (9 мальчиков и 11 девочек), посещающих логопедическую группу детского сада. Из 40 обследованных детей 7 были из семей, которые находятся на внутрисадовом учете как неблагополучные. Родители каждого ребенка заполняли опросник «Выявление особенностей эмоционального состояния ребенка» (Щетинина, 2000). Педагоги-воспитатели на каждого ребенка заполнили опросник «Характер проявлений эмпатических реакций и поведения у детей» (Щетинина, 2000). Для оценки уровня развития компонентов эмоционального интеллекта непосредственно у детей использовалась методика «Изучение понимания эмоциональных состояний людей, изображенных на картинке» (Урунтаева, Афонькина, 1995).

Результаты. При сопоставлении результатов всех проведенных методик было выявлено, что все родители оценивают уровень эмоциональных состояний своих детей с нормотипичнымразвитием и ОНР примерно одинаковым, педагоги-воспитатели оценивают уровень проявления эмпатических реакций у своих воспитанников более дифференцировано. При этом педагоги, работающие с детьми в группе ОНР, оценивают их показатели, как более высокие.

По формальному показателю распознавания эмоций самими детьми статистически значимых различий не выявлено. Но на уровне качественного анализа можно увидеть различия по содержанию восприятия эмоциональных состояний других людей: дети с нормотипичнымречевым развитием при оценке ситуации прежде всего обращают внимание на контекст, на видимые причины эмоций, а дети с особенностями речевого развития – опираются на мимику и эмоциональное выражение лица; дети с нормотипичным речевым развитием при оценки эмоционального выражения лица, больше обращают внимание на область глаз, а дети с особенностями речевого развития – на область рта.

По показателю осознавания собственных эмоциональных состояний, а также при распознавании эмоциональных состояний других людей пол ребенка оказывается более значимы фактором, чем уровень речевого развития. В первую очередь это касается, осознавания собственных эмоциональных состояний и их причин. Существуют особенности осознавания и распознавания эмоциональных состояний детьми, воспитывающимися в неблагополучных семьях: они лучше всего определяют эмоции грусти и злости, а также легче распознают эмоционального состояние «плохо» в каком-то контексте. Также дети из неблагополучных семей чаще других детей в состоянии страха закрывают глаза или не смотрят на то, что этот страх вызывает.

Выводы. У детей старшего дошкольного возраста для развития эмоционального интеллекта по сравнению с фактором недоразвития речи более значимыми факторами является пол и фактор неблагополучия семьи.

1. Листик Е.М. Развитие способности к распознаванию эмоций в старшем дошкольном возрасте: диссертация кандидата психологических наук: 19.00.13. Москва, 2003.
2. Ощепкова Е.С., Картушина Н.А., Бухаленкова Д.А. Связь развития речи и эмоций у детей дошкольного возраста: теоретический обзор // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2021, №3. С. 260-287.
3. Прусакова О.С. Генезис понимания эмоций: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.13. Москва, 2005.
4. Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
5. Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А. Практикум по детской психологии / Под ред. Г.А. Урунтаевой. М.: Просвещение, Владос, 1995.
6. Щетинина А.М. Диагностика социального развития ребенка: Учебно-методическое пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000.

Воронцова Т.А., Миронова Ю.А.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Особенности переживания взрослыми возрастных изменений внешнего облика

Возраст, внешний облик, возрастные изменения, переживание

Введение. В современное время культивирования моложавого внешнего облика появление возрастных изменений внешности современными учеными рассматривается как «стигматизация стареющего тела» (Macia et al., 2015), которая приводит к приписыванию людям с видимыми возрастными изменениями внешности негативных характеристик. Стремление избежать предвзятого отношения, эйджизма (Микляева, 2009) приводит к возрастанию у современного человека стресса старения (Осьминина, Крюкова, 2020) и к актуализации практик совладания с ним, к которым относят разнообразные косметологические и хирургические манипуляции с внешним обликом. Целью исследования выступило выявление особенностей переживания женщинами старше 45 лет возрастных изменений своего внешнего облика: чувств, сопровождающих появление первых возрастных изменений внешнего облика; наличия / отсутствия беспокойства относительно значительных возрастных изменений внешнего облика; планируемые практики минимизации возрастных изменений внешнего облика. Исследование опиралось на социально-психологический подход к внешнему облику В. А. Лабунской и представления о переживании и его структуре Ф.Е. Василюка.

Методы. В работе использована анкета «Отношение к возрастным изменениям во внешнем облике» Т.А. Воронцовой, а также пакет диагностических методик. Выборка исследования: 60 женщин в возрасте от 45 до 77 лет, проживающих в сельской местности Ростовской области.

Результаты.

1. Женщины замечают у себя первые возрастные изменения внешнего облика в возрасте 44 лет.

2. Выстроена иерархия первых изменений внешнего облика: 1) в физическом компоненте внешнего облика – появление морщин (фиксируют 80 % женщин), седых волос (42 %), увеличение веса (20 %), изменения кожи (13 %), изменения овала лица (12 %); 2) в экспрессивном компоненте внешнего облика – изменения осанки, походки, появление сутулости (12 %); 3) изменения в социальном внешнем облике (необходимость пользоваться декоративной косметикой) (2 %).

3. Большинство женщин (70%) демонстрируют принимающую реакцию на появление первых возрастных изменений внешнего облика; треть женщин (30 %) сообщают об удивлении и негативных эмоциях разной степени интенсивности.

4. Наиболее беспокоят женщин такие возрастные изменения внешнего облика, которые они отмечают у себя в настоящий момент: 1) морщины, особенно в районе глаз и рта, отечность век (27 % женщин); 2) набор веса и изменения фигуры (27 %); 3) состояние кожи (изменения эластичности, тургора кожи, провис кожи, дряблость и т.п.) (25 %); 4) изменения экспрессивного компонента внешнего облика (тяжелая походка, осанка, потеря легкости) (18 %); 5) изменении овала лица (10%).

5. Подавляющее большинство женщин (90 %) планирует комплекс разнообразных практик минимизации возрастных изменений внешнего облика, выстроена их иерархия.

6. Разработан социально-психологический портрет женщин:

1) относящихся с принятием к первым возрастным изменениям внешнего облика;

2) испытывающих беспокойство относительно значительных возрастных изменений внешнего облика.

Выводы. Показано, что первые возрастные изменения внешнего облика вызывают у женщин комплекс переживаний. Обнаружен личностный фактор переживаний женщинами возрастных изменений внешнего облика.

1. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб.: Речь, 2009.
2. Осьминина, А.А. Крюкова Т.Л. Факторы отношения женщин средней взрослости к собственному внешнему облику // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 56-62.
3. Macia E., Duboz P., Chevé D. The Paradox of Impossible Beauty: Body Changes and Beauty Practices in Aging Women // Journal of Women & Aging. 2015. Vol. 27(2). P. 1-14.

Павлова В.А.
ФГБОУ ВО СГУ им. Питирима Сорокина

Изучение субъективного благополучия и качества жизни пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении

Психологическое благополучие, качество жизни, пожилые люди

Введение: Одной из наиболее уязвимых категорий населения являются пожилые люди, многие из которых нуждаются в стационарном обслуживании. Проблемы, возникающие в процессе адаптации, снижают удовлетворенность физическим здоровьем, ухудшают социальные взаимоотношения и ограничивают возможности самореализации, что напрямую влияет на различные аспекты качества жизни и субъективного благополучия. Наиболее тяжелым периодом для пожилых людей обычно является первый год жизни в интернате (Закусило, 2018). Оптимальный уровень адаптации обычно достигается по прошествии трех лет жизни в новых условиях (Назаров, 2023). Однако при длительном проживании в интернатном учреждении у пожилых людей может возникнуть синдром госпитализма (Петрова, 2016).

Целью исследования было выявление особенностей субъективного благополучия и компонентов качества жизни пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении, в зависимости от продолжительности их пребывания в интернате.

В исследовании приняли участие 60 пожилых людей в возрасте от 64 до 74 лет, являющихся получателями социальных услуг ГБУ РК «Тентюковский ДИПИ» в стационарной форме. Вся выборка была разделена на три группы (каждая по 20 человек) в зависимости от продолжительности жизни пожилого человека в интернатном учреждении (1 группа вы до 3 лет, 2 группа – от 3 до 9 лет, 3 группа – 10 лет и более). Методики исследования: адаптационная версия методики «WHOQOL-BREF» («ВОЗКЖ-26») и методика «Диагностика субъективного благополучия личности» (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова). Статистические методы исследования: критерий Шапиро-Уилка, критерий Краскалла-Уоллиса. Исследование проводилось в феврале 2025 года индивидуально с каждым испытуемым при очной встрече в формате беседы.

Результаты: У пожилых людей по таким шкалам качества жизни, как «Психологическая сфера» и «Социальные взаимоотношения» отмечается тенденция к росту показателей с увеличением времени пребывания в интернате. Наиболее высокие показатели по шкалам «Окружающая среда» и «Оценка качества жизни» наблюдаются у пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении от 4 до 9 лет, в то время как самые низкие результаты – у тех, кто находится там менее 3 лет. В ходе исследования были обнаружены значительные различия по шкалам «Физическое здоровье» ($p \leq 0,05$) и «Оценка состояния здоровья» ($p \leq 0,05$): наиболее высокие показатели характерны пожилым людям, проживающим в интернате от 4 до 9 лет.

В ходе исследования были обнаружены значимые различия между тремя группами выборки по шкалам «Субъективное благополучие» ($p \leq 0,05$), «Эмоциональное благополучие» ($p \leq 0,05$), «Экзистенциально-деятельностное благополучие» ($p \leq 0,05$) и «Эго-благополучие» ($p \leq 0,05$). Наиболее высокие показатели соответствует второй группе выборки (длительность проживания от 4 до 9 лет), наименьшие показатели – первой группе выборки (длительность проживания до 3 лет).

Выводы: Более высокий уровень субъективного благополучия и его факторов, а также такого компонента качества жизни, как «Физическое здоровье», характерны для пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении от 4 до 9 лет, самые низкие показатели субъективного благополучия характерны пожилым людям, проживающим в стационарном учреждении менее 3 лет.

1. Закусило Д.С. Социально-психологическая характеристика людей пожилого возраста как клиентов гериатрического пансионата. Форум молодых ученых. 2018. № 5-1 (21). С. 1192-1199.
2. Назаров С.В. Социальная адаптация пожилых людей в условиях дома-интерната. Материалы XV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2023.
3. Петрова Е.Н. Социально-психологические аспекты госпитализма у пациентов гериатрического стационара. Вестник СМУС74. 2016. № 2 (13).

Чубенко М.К., Василенко В.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Агрессивные проявления и склонность к риску в связи с ценностными ориентациями в юности и ранней взрослости

Агрессивное поведение, рискованное поведение, ценности

Введение: Периоды юности и ранней взрослости сензитивны для развития ценностных ориентаций, которые определяют выборы, мотивацию поведения молодых людей (Ананьев Б.Г., 1996). Кроме того, в данные периоды развития люди нередко принимают участие в мероприятиях, угрожающих их безопасности, распространены проблемы агрессивного и неоправданного рискованного поведения. Выявлено, что ценностные ориентации имеют взаимосвязи с девиантным поведением (Ульянова Н.Б., 2019), поэтому представляется актуальным более детальное рассмотрение данной проблемы, особенно в указанные периоды развития.

Выборка: 412 человек (248 женщин и 164 мужчин) в возрасте от 15 до 25 лет, из них 207 в возрасте 15-18 лет (89 мужчин и 118 женщин) и 205 в возрасте 19-25 лет (130 женщин и 75 мужчин). Средний возраст респондентов юношеского возраста составил 16,7 лет. Средний возраст респондентов ранней взрослости составил 21,8 лет.

Методы: опросник диагностики агрессии Басса-Перри, методика «Виды агрессивности» Л.Г. Почебут, шкала враждебности Кука-Медлей; «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» М. Цуккермана, шкала интеллектуальной оценки риска (G. Craparo et al.), портретный ценностный опросник Ш. Шварца, социально-биографическая анкета. Применялись дисперсионный анализ, корреляционный анализ по Пирсону, регрессионный анализ (пошаговый метод).

Результаты. В юности по сравнению с ранней взрослостью выше общий показатель агрессии, гнев, враждебность, физическая и предметная агрессия, самоагрессия, вербальная и эмоциональная агрессия. У мужчин по сравнению с женщинами выше физическая агрессия, но ниже гнев, враждебность, предметная агрессия, самоагрессия, эмоциональная агрессия, общий показатель агрессии. В ранней взрослости выше общий показатель регуляции принятия риска, воображение и самоэффективность при принятии решений. Уженщин выше показатели: поиск новых ощущений и впечатлений, эмоциональная ранимость и непринятие неопределенности. В ранней взрослости значимее ценности: самостоятельность/мысли, безопасность/личная, репутация, безопасность/общая, традиция и благожелательность/долг. У женщин выше показатели практически по всем ценностям. Ценность власть/доминирование выше у мужчин.

Корреляционный анализ выявил положительные взаимосвязи показателей агрессивного поведения с ценностями, направленными на власть, достижения и самостоятельность в действиях. Показатели рискованного поведения имели положительные корреляции с ценностями, направленными на самостоятельность, достижения и стимуляцию.

Регрессионный анализ показал, что проявления агрессии в юности сильнее выражены при высоких показателях по ценностям стимуляция и власть/ресурсы, а в ранней взрослости при высоких показателях ценности власть/доминирование и при более низких показателях ценностей универсализм/природа. Предикторы рискованного поведения в юности – ценность «стимуляция» и менее значимые ценности традиций и репутации, в ранней взрослости – стимуляция и самостоятельность/действия и менее значимая ценность «конформность/правила». Предикторы регуляции принятия риска в юности – ценности достижений и универсализм/забота, в ранней взрослости – ценности власть/ресурсы, безопасность/общественная.

Выводы: Для обоих периодов характерна взаимосвязь агрессивных проявлений и ценностей, связанных с властью и репутацией, а также стремление к риску при желании познавать что-либо новое. При этом иску нногона связях я о анализа враждебностьванного поведения выявлено не было. жизнирадиции и ь в рискованных мероприятияхрадв юности агрессивное и рискованное поведения скорее связаны со стремлением заявить о себе и продемонстрировать собственную независимость, а в ранней взрослости – с реализацией амбиций и сохранением собственной позиции. Что касается регуляции рискованного поведения, то можно сказать, что разные ее виды применяются людьми с различными превалирующими ценностями.

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд. «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК» 1996. 384 с.
2. Ульянова Н.Б. Взаимосвязь ценностных ориентаций и склонностей к девиантному поведению у подростков //Педагогическое образование на Алтае. 2019, №. 1, С. 73-81.

Блок Ю.А., Мурзатина И.Р.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности эскапизма у молодых взрослых с разным типом переживания одиночества

Одиночество, эскапизм, переживание одиночества, ранняя взрослость

В современности проблема одиночества приобретает особую значимость, особенно среди молодежи, вовлеченной в процессы глобализации, урбанизации и цифровизации и решающей типичные для данного этапа возрастные задачи. Одиночество рассматривается нами как комплексный многомерный феномен, выражающийся в переживании отсутствия значимых связей с другими людьми, возникающий как в условиях физической изоляции, так и при дефиците эмоциональной близости и недостатке психологического взаимодействия с окружающими (Осин, Леонтьев, 2016). Также в информационном поле возрастает интерес к эскапизму, однако его концептуальное осмысление остается неоднозначным. Опираясь на трактовку эскапизма Е.В. Беловол и А.А. Кардапольцевой (Беловол, Кардапольцева, 2018), мы сформулировали рабочее определение: эскапизм – особое состояние человека, проявляющееся в его отстранении от объективной реальности и погружении в субъективную реальность в результате неудовлетворенности первой и притягательности второй. В современных зарубежных исследованиях показано наличие взаимосвязи между одиночеством и эскапизмом, однако данная проблематика остается мало изученной.

Так, в результате исследования чрезмерного использования смартфонов китайскими студентами Xi Shen и Jin-Liang Wang установили, что одиночество оказывает опосредованное влияние на данную поведенческую модель через эскапистскую мотивацию (Shen, Wang, 2019). Таким образом, цель нашего исследования – изучение опыта эскапизма у молодых людей с разным типом переживания одиночества. Выборка: 117 человек (28 мужчин) в возрасте 19-28 лет (M=2,83; SD=2,05). 40 человек из общей выборки приняли участие в полуструктурированном интервью (20-27 лет (M=22,73; SD=1,83)).

Методики: Дифференциальный опросник переживания одиночества (Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.); Методика измерения уровня выраженности эскапизма (Теславская О.И. и др.); Методика «Социотропность-самодостаточность» (в адаптации Стрижицкой О.Ю. и др.); Шкала социального и эмоционального одиночества (SELSA-S) (в адаптации Стрижицкой О.Ю. и др.); Пятифакторный опросник личностных черт (NEO FFI) (в адаптации В.Е. Орла и др.); полуструктурированное интервью для изучения опыта эскапизма.

Результаты. Проведенный сравнительный анализ (ANOVA) позволил выявить, что показатель эскапизма «неудовлетворенность и избегание» (F=10,759; p=0,000) и интегральный показатель эскапизма (F=5,404; p=0,002) выше для респондентов, остропереживающих одиночество (страдающих от него и находящихся в кризисе), нежели для тех, кто принимает одиночество или адаптирован к нему. На основании контент-анализа интервью показано, что для людей с разным типом переживания одиночества эскапизм выполняет разные функции: для тех, кто переживает одиночество в актуальном времени, он выступает регулярной практикой и, вероятно, играет регулятивную или компенсаторную роль, в то время как для респондентов, принимающих и адаптированных к одиночеству, он в большей степени ситуативен.

Выводы. Молодые люди, характеризующиеся актуальным переживанием одиночества, склонны к эскапизму в большей степени, и он является для них привычной практикой. Кроме того, эскапизм может рассматриваться как способ преодоления негативных переживаний, связанных с одиночеством.

1. Беловол Е.В., Кардапольцева А. А. Эскапизм» хороший» и эскапизм» плохой»: эмпирическая верификации модели //Прикладная юридическая психология. – 2018 – №. 4 – С. 38- 48
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). – М.: Смысл, 2016 – 88 с.
3. Shen X., Wang J. L. Loneliness and excessive smartphone use among Chinese college students: Moderated mediation effect of perceived stressed and motivation //Computers in Human Behavior. – 2019 – Т. 95 – P. 31-36.

Мешкело В.А.
ФГБОУ ВО СГУ им. Питирима Сорокина

Изучение субъективного благополучия и качества жизни пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении

Психологическое благополучие, качество жизни, пожилые люди.

Введение: Одной из наиболее уязвимых категорий населения являются пожилые люди, многие из которых нуждаются в стационарном обслуживании.

Проблемы, возникающие в процессе адаптации, снижают удовлетворенность физическим здоровьем, ухудшают социальные взаимоотношения и ограничивают возможности самореализации, что напрямую влияет на различные аспекты качества жизни и субъективного благополучия. Наиболее тяжелым периодом для пожилых людей обычно является первый год жизни в интернате (Закусило, 2018). Оптимальный уровень адаптации обычно достигается по прошествии трех лет жизни в новых условиях (Назаров, 2023). Однако при длительном проживании в интернатном учреждении у пожилых людей может возникнуть синдром госпитализма (Петрова, 2016).

Целью исследования было выявление особенностей субъективного благополучия и компонентов качества жизни пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении, в зависимости от продолжительности их пребывания в интернате.

В исследовании приняли участие 60 пожилых людей в возрасте от 64 до 74 лет, являющихся получателями социальных услуг ГБУ РК «Тентюковский ДИПИ» в стационарной форме. Вся выборка была разделена на три группы (каждая по 20 человек) в зависимости от продолжительности жизни пожилого человека в интернатном учреждении (1 группа вы до 3 лет, 2 группа – от 3 до 9 лет, 3 группа – 10 лет и более). Методики исследования: адаптационная версия методики «WHOQOL-BREF» («ВОЗКЖ-26») и методика «Диагностика субъективного благополучия личности» (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова). Статистические методы исследования: критерий Шапиро-Уилка, критерий Краскалла-Уоллиса. Исследование проводилось в феврале 2025 года индивидуально с каждым испытуемым при очной встрече в формате беседы.

Результаты: У пожилых людей по таким шкалам качества жизни, как «Психологическая сфера» и «Социальные взаимоотношения» отмечается тенденция к росту показателей с увеличением времени пребывания в интернате. Наиболее высокие показатели по шкалам «Окружающая среда» и «Оценка качества жизни» наблюдаются у пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении от 4 до 9 лет, в то время как самые низкие результаты – у тех, кто находится там менее 3 лет. В ходе исследования были обнаружены значительные различия по шкалам «Физическое здоровье» ($p \leq 0,05$) и «Оценка состояния здоровья» ($p \leq 0,05$): наиболее высокие показатели характерны пожилым людям, проживающим в интернате от 4 до 9 лет.

В ходе исследования были обнаружены значимые различия между тремя группами выборки по шкалам «Субъективное благополучие» ($p \leq 0,05$), «Эмоциональное благополучие» ($p \leq 0,05$), «Экзистенциально-деятельностное благополучие» ($p \leq 0,05$) и «Эго-благополучие» ($p \leq 0,05$). Наиболее высокие показатели соответствует второй группе выборки (длительность проживания от 4 до 9 лет), наименьшие показатели – первой группе выборки (длительность проживания до 3 лет).

Выводы: Более высокий уровень субъективного благополучия и его факторов, а также такого компонента качества жизни, как «Физическое здоровье», характерны для пожилых людей, проживающих в интернатном учреждении от 4 до 9 лет, самые низкие показатели субъективного благополучия характерны пожилым людям, проживающим в стационарном учреждении менее 3 лет.

1. Закусило, Д.С. Социально-психологическая характеристика людей пожилого возраста как клиентов гериатрического пансионата. Форум молодых ученых. 2018. № 5-1 (21). С. 1192-1199.
2. Назаров, С.В. Социальная адаптация пожилых людей в условиях дома-интерната. Материалы XV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2023.
3. Петрова, Е.Н. Социально-психологические аспекты госпитализма у пациентов гериатрического стационара. Вестник СМУС74. 2016. № 2 (13).

Осипова М.А., Шурупова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ

Представления о романтических отношениях у лиц молодого возраста с разным типом привязанности

Романтические отношения, социальные представления, тип привязанности, молодой возраст

Одной из возрастных задач молодого возраста является построение глубоких эмоциональных связей, на которых основывается построение романтических отношений (Слободчиков, Цукерман, 1996). Паттерны в данных взаимоотношениях определяются исходя из собственных представлений и из типа привязанности, который формируется в детстве во взаимодействии со значимым взрослым и может изменяться в процессе построения отношений во взрослом возрасте (Боулби, 2003; Бочавер, 2011; Московичи, 1995). Было проведено исследование, целью которого были изучение и анализ представлений о романтических отношениях у лиц молодого возраста с разным типом привязанности, гипотеза заключалась в наличии различий между представлениями в данных группах.

Выборку составили 150 человек (19 – 28 лет). На предварительном этапе с помощью опросника привязанности к близким людям (Сабельникова Н. В., Каширский Д. В., 2015) были отобраны 4 группы по 30 человек каждого типа привязанности с соотношением мужчин и женщин 15 к 15. Уравнивание групп было реализовано для контроля полового фактора. В исследование также были использованы: опросник для изучения представлений о любви(Беловол Е. В., Джидарьян И. А., Маслова О. В., 2014), демографическая анкета (вопросы об опыте отношений, совместном проживании, наличии отношений на момент исследования и источниках представлений), метод прототипического анализа социальных представлений (Вержес П., 1994). Для статистической обработки данных применялся непараметрический критерий Краскела-Уоллиса и контент-анализ.

По опроснику для изучения представлений о любви был проведён сравнительный анализ с помощью критерия Краскела-Уоллиса, который показал статистически значимые различия по каждой шкале опросника среди всех типов привязанности. Шкала «Любовь как помеха» набрала больше всего баллов у лиц с избегающе-опасающимся и избегающе-отвергающим типом привязанности ($H = 0{,}017$ при $p\text{-value} \geq 0{,}05$), шкала «Любовь как возвышающая личность сила» – у лиц с тревожно-озабоченным типом ($H = 0{,}003$ при $p\text{-value} \geq 0{,}05$), шкала «Любовь как самоотдача» у лиц с надёжным и тревожно-озабоченным типом ($H = 0{,}026$ при $p\text{-value} \geq 0{,}05$). По методу прототипического анализа посредством контент-анализа были обработаны ассоциации респондентов (по 7 ассоциаций от каждого участника) к словосочетанию «романтические отношения», так молодые люди с надёжным типом привязанности охарактеризовали романтические отношения как безопасные и долгосрочные, с тревожно-озабоченным – энергозатратные и включающие в себя множество проявлений чувств, с избегающе-отвергающим – несерьёзные и опасные, с избегающе-опасающимся – желанные, но при этом тяжелые.

Гипотеза исследования подтвердилась: существуют различия между представлениями о романтических отношениях у молодых лиц с разным типом привязанности. Для лиц с надёжным типом – это безопасная эмоциональная связь, с тревожно-озабоченным – рациональные отношения с самопожертвованием, с избегающе-отвергающим – несерьёзные и опасные отношения, с избегающе-опасающимся – желанные, но недоступные отношения.

1. Боулби Дж. Привязанность: Пер. с англ. – Москва: Гардарики, 2003.
2. Бочавер К.А. Понятие «романтические отношения» в социальной психологии // Вестник университета. 2011. Вып. 6. С. 16–18.
3. Бочавер К.А. Социальные представления о жизненных трудностях в романтических отношениях и совладании с ними // Вестник университета. 2011. Вып. 18. С. 16–18.
4. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1. С. 3-18.
5. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Интегральная периодизация психического развития // Вопросы психологии. 1996. №5. С. 38-50.

Смолянская Е.И.
ФГБУН ИП РАН

Восприятие карикатуры пожилыми людьми с различной направленностью на социум

Психологическое благополучие, юмор, карикатура, пожилые люди, направленность на социум

Эмоциональные факторы крайне важны для психологического благополучия пожилого человека, для его успешной адаптации к возрастным изменениям (Донская, 2013). Индивидуальные различия имеют первостепенное значение в формировании благополучного сценария старения, что указывает на необходимость дифференцированного подхода к изучению факторов благополучия (Coleman, O'Hanlon, 2017). Эффективным инструментом для управления эмоциями способен выступать юмор (Fredrickson, 2004), различные проявления которого отражаются на благополучии: остроумие положительно коррелирует с благополучием, а сарказм – отрицательно (Ruch et al., 2018).

Потенциал использования юмора в теоретической и практической психологии остается недооцененным. Забвению предан особый жанр рисованного юмора – карикатура, имеющая признаки анекдота, сокращающая время восприятия изображенных ситуаций социального взаимодействия (Иванова, 1999; Семенова, 2014).

Мы предположили, что пожилые люди с разной направленностью на социум могут по-разному реагировать на смешные жизненные ситуации, что проявится в особенностях восприятия ими карикатуры.

В исследовании применены методики: Шкала психологического благополучия К. Рифф (Шевеленкова, Фесенко, 2005); Шкала «социотропность-самодостаточность» (Стрижицкая, Муртазина, Петраш, Вартанян, 2021). Также респондентам была предъявлена карикатура Х. Бидструпа «Недоразумение». Оценка восприятия карикатуры осуществлялась по нескольким категориям: понимание юмора, идентификация с персонажем, самовыражение, домысливание, понимание сюжета, нейтральное описание, симпатия или антипатия к героям и др. Для анализа результатов применен Х2 Пирсона и точечно-бисериальный коэффициент корреляции.

В исследовании участвовали 107 респондентов в возрасте 60 -74 лет (средний возраст 64, 3 года), 45 мужчин и 62 женщин, которые были разделены на группы по методике «Социотропность-самодостаточность» по уровню самодостаточности.

Сравнительный анализ выявил, что в восприятии и описании карикатуры социотропныепожилые люди, в отличие от самодостаточных, реже рассматривают карикатуру как юмор, реже дают нейтральную характеристику, но чаще наделяют героев негативными чертами.

Корреляционный анализ обнаружил, что в подгруппе более самодостаточных респондентов «самовыражение» отрицательно связано со шкалами психологического благополучия. В подгруппе социотропных «домысливание» и «понимание сюжета» положительно коррелируют с благополучием, а «идентификация», «симпатия к героям» и «нейтральное описание» имеют отрицательные связи.

Полученные результаты указывают на потенциал использования карикатуры как для оценки характеристик, связанных с благополучием, так и для улучшения восприятия и понимания межличностного взаимодействия пожилыми людьми с различной направленностью на социум.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на валидизацию данного инструмента в качестве методики для оценки понимания юмора, социально-перцептивных способностей и т.д.

1. Донская О.А. Специфика субъективных представлений и переживания счастья у людей старшего и пожилого возраста: диссертация ... кандидата психологических наук: 5.3.5. Москва, 2023. 312 с.
2. Иванова Т.В. Социально-перцептивная компетентность и ее развитие средствами рисованного юмора: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. Самара, 1999. 209 с.
3. Семенова Т.В. Социальная психология комического. Самара: ПГСГА, 2014. 384 с.
4. Coleman P.G., O'Hanlon A. Ageing and development: Social and emotional perspectives. 2nd ed. Routledge, 2017. DOI:10.4324/9781315726946
5. Fredrickson B.L. The broaden–and–build theory of positive emotions. Phil. Trans. R. Soc. Lond. B359. 2004. pp.1367–1377.http://doi.org/10.1098/rstb.2004.1512

Леонтьева М.Ю., Дубовских Ю.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Проблемы профессионального самоопределения взрослых: причины обращений к профконсультанту

Профориентация, карьерные трудности, контент-анализ запросов на консультацию, психоэмоциональные трудности профессионального развития

Ключевой запрос «профориентация взрослых» относится к категории высокочастотных: по данным Яндекс.Wordstat более 5000 поисковых запросов в месяц. Это свидетельствует о массовом интересе к теме осознанного профессионального выбора во взрослом возрасте. Однако на практике психологи отмечают, что за единым запросом «кем быть» могут скрываться различные категории затруднений.

Целью работы является выявление категорий причин обращений на профессионально-личностную консультацию. Научной и теоретической основой работы служит концепция кризисов профессионального развития. Их прохождение сопровождается снижением удовлетворённости профессиональной деятельностью, утратой стремления к самореализации, уменьшением психофизиологических ресурсов, нарушениями в межличностных отношениях, эмоциональной нестабильностью, внутренним напряжением (Головей, Манукян, Петраш, 2009).

Трудности в принятии решения о карьере включают три основные группы:

1) отсутствие готовности к решению (отсутствие мотивации, общая нерешительность, дисфункциональные убеждения);

2) недостаток информации (о процессе выбора профессии, о себе, о профессиях, о Получении дополнительной информации);

3) противоречивая информация (недостоверная информация, внутренние и внешние конфликты) (Osipow, Gati, 1998).

Методы. В выборку исследования вошли 100 текстовых ответов о причинах обращения взрослых клиентов (от 21 до 51 года, M=29,8) в Центр профессионально-личностного консультирования Психологической клиники СПбГУ. Личностные особенности определяли по методике Р. Кеттелла, карьерные ориентации – по методике Э. Шейна. Применялся метод контент-анализа: каждому тексту запроса присваивался один или несколько кодов. Анализ проводился с использованием методов математической статистики: корреляционного анализа и U-критерия Манна–Уитни.

Результаты. Были выявлены 11 основных семантических категорий, с частотой упоминания: переоценка выбора и прошлого опыта – 33%; желание изменений – 31%; общая неопределенность – 27%; психоэмоциональные трудности – 21%; самоопределение – 19%; проблемы с принятием решений – 18%; поддержка консультанта – 13%; поиски смысла – 12%; выгорание, потеря мотивации – 11%; недостаток информации – 9%; внешнее давление, требования обстоятельств – 4%. Выявлены связи между категориями: поддержка консультанта и недостаток информации ($p < 0,01$); психоэмоциональные трудности связаны с такими категориями как переоценка опыта ($p < 0,01$), проблемы с принятием решений ($p < 0,01$); выгорание ($p < 0,01$). Уровень эмоциональной устойчивости (Фактор С) в группе, указавших психоэмоциональные трудности, статистически значимо ниже ($U = 436$, $p < 0,001$). Выгорание чаще указывают те, чья мотивация на Служение и Автономию выше ($p < 0,05$). Различия в обращениях по возрасту выявлены для двух категорий: психоэмоциональных трудности чаще встречаются в группе 20–29 лет; желание изменений чаще отмечается респондентами старше 30 лет.

Выводы. Выявление основных категорий проблем из текстового запроса на профконсультацию и их сопоставление с индивидуальными особенностями клиентов поможет консультантам точнее диагностировать затруднения и внутренние конфликты, скрытые за первичными формулировками запроса, и подбиратьперсонализированные стратегии консультирования.

1. Головей Л.А., Манукян В.Р., Петраш М.Д. Соотношение возрастных и профессиональных кризисов в развитии взрослого человека // Акмеология. 2009. № 4(32). С. 31-39. EDN PIHOUP.
2. Osipow S.H., Gati I. Construct and Concurrent Validity of the Career Decision-Making Difficulties Questionnaire // Journal of Career Assessment. 1998. № 6(3). P. 347-364. https://doi.org/10.1177/106907279800600305

Прядкина А.О., Муртазина И.Р.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Переживание одиночества и способы совладания с ним у студентов с разным типом отношения к одиночеству

Одиночество, копинг-стратегии, студенты

Студенчество – важный период в жизни человека, связанный с серьезными изменениями: сепарацией от родителей, сменой места жительства, формированием профессиональной идентичности. Одиночество широко распространено среди молодежи (Козырева, 2020). Длительное пребывание в одиночестве может повлечь проблемы в психическом здоровье (Любякин, 2018), эффективное совладание с ним может способствовать поддержанию благополучия. В отечественных исследованиях можно обнаружить анализ поведения студентов в период одиночества (Любякин, 2016), изучение специфики преодоления одиночества первокурсниками (Фаррахов, 2016), сравнение стратегий поведения субъективно одиноких и неодиноких студентов (Тихонов, 2020) и др. Исследования преимущественно анализируют предпочтения в выборе стратегий совладания с одиночеством.

Цель исследования – изучение взаимосвязи параметров переживания одиночества и способов совладания с ним у студентов с разным типом отношения к одиночеству.

Выборка: 248 студентов 18-23 лет (M=19,9, SD=1,2), из них 23% – юноши. Все испытуемые: граждане РФ, проживающие в Санкт-Петербурге. Методы: анкета с открытыми вопросами; Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3) (Леонтьев, Осин, 2016); Шкала социального и эмоционального одиночества (SELSA) (DiTommaso, Spinner, 1993; адаптация Крюкова, 2015); Опросник способов совладания (Lazarus, Folkman, 1988; адаптация Вассерман (2009). Математико-статистическая обработка: контент-анализ, кластерный, корреляционный анализ. Обработка проводилась с помощью IBM SPSS 23.0.

Контент-анализ показал преобладание негативного восприятия одиночества (61%) над позитивным (9%). Студенты связывают одиночество с дефицитом эмоциональной близости (59%). Самый популярный способ совладания с одиночеством – взаимодействие с другими людьми (60%), в частности, общение с друзьями (45%). Развлечение выбирают 57% студентов, полезную активность (спорт, прогулка, быт) – 31%.

Корреляционный анализ выявил наличие связи между стратегиями «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка» и низким уровнем переживания одиночества ($r = -0{,}327$; $p = 0{,}01$). Использование стратегий «принятие ответственности» и «бегство» связано с усилением переживания одиночества ($r = 0{,}147$; $p = 0{,}05$; $r = 0{,}172$; $p = 0{,}05$). Построенная регрессионная модель показала незначительную объясняющую способность.

Кластерный анализ позволил выделить 4 группы студентов с разным отношением к одиночеству. Для «адаптированных» респондентов использование конфронтации и бегствасвязано с усилением одиночества ($r = 0{,}291$; $p = 0{,}05$; $r = 0{,}247$; $p = 0{,}05$), планирование решения проблемы – с его снижением ($r = -0{,}224$; $p = 0{,}05$). Для «принимающих одиночество» активное обращение к стратегии «планирование решения проблемы» связано со снижением удовлетворенности от уединения ($r = -0{,}244$; $p = 0{,}05$). Для «страдающих от одиночества» –стратегия «принятие ответственности» связана с увеличением негативных переживаний, связанных с одиночеством ($r = 0{,}396$; $p = 0{,}05$).

Таким образом, выявлены и описаны особенности связи переживания одиночества и копинг-стратегий у студентов с разным отношением к одиночеству.

1. Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 56-69. DOI: 10.31857/S013216250009617-1
2. Любякин А.А., Бердюгина О.Г., Дубинина Н.О. Исследование субъективного ощущения одиночества и адаптивности у студентов // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 101-107. DOI: 10.26170/po18-09-14
3. Любякин А.А., Оконечникова Л.В. Исследование одиночества у студентов // Педагогическое образование в России. 2016.№ 2. С. 149-156. DOI: 10.26170/po16-02-22
4. Тихонов Г.М. Социокультурные факторы формирования одиночества у студентов – Ижевск, 2020. Фаррахов А.Ф. Способы преодоления одиночества у студентов // Таврический научный обозреватель. 2016. № 2(7). С. 178-179.

Дресвянникова Я.В., Петраш М.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Вклад повседневных событий в конструирование старения

Повседневные события, стратегии конструирования старения, структурное моделирование

Введение. Футуризация старения – новый подход в психогеронтологии, подразумевающий формирование необходимых ресурсов, повышающих качество жизни человека, задолго до наступления старости (Strizhitskaya et al., 2023). Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска таких ресурсов, интегрированных в повседневную рутину человека (цит. по: Sin et al., 2017; Dugan et al., 2024). Цель – изучение вклада параметров повседневных позитивных и негативных событий в механизм формирования стратегий благополучного старения в периоды ранней и средней взрослости.

Методы. В исследовании приняли участие 119 человек в возрасте 20-56 лет (M=32,3; SD=9,5), проживающих в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Москве, из которых 27,7% – мужчины, 72,3% – женщины. Методы: организационный – поперечные срезы, эмпирический – анкетирование (психодиагностические методики), метод обработки данных – количественный и качественный (контент) анализ. Методики: опросник «Стратегии конструирования старения» (Стрижицкая, Петраш, 2024); опросник повседневных стрессоров (Петраш и др. 2018); авторская анкета повседневных позитивных событий. Методы математической статистики: описательные статистики, кластерный анализ, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), моделирование структурными уравнениями.

Результаты. С помощью кластерного анализа по методу k-средних, выборка была разделена на три группы, в зависимости от уровня применения стратегий формирования благополучного старения: «осознанную» (высокий), «ситуативную» (средний) и «индифферентную» (низкий). Согласно результатам однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA, метод Шеффе), участники «осознанной» группы отличаются большей выраженностью всех параметров повседневных позитивных событий. Согласно структурной модели, параметры повседневных позитивных событий образуют латентный фактор «F1», который выступает предиктором латентного фактора «F2», объединяющего все стратегии конструирования старения. Параметр «семейные стрессоры» ослабляет параметры «радость профессиональных достижений» и «метакогнитивные стратегии» ($\chi 2 = 45{,}280$; $df = 41$; $p = 0{,}298$; $CFI = 0{,}995$; $GFI = 0{,}953$; $RMSEA = 0{,}026$; $Pclose = 0{,}830$).

Выводы. Респонденты, задумывающиеся о будущем и планирующие собственное старение, склонны получать больше позитивных переживаний (как по интенсивности, так и по широте спектра) от повседневных событий – начиная с занятий спортом, поступков в отношении других людей, созерцания прекрасного и профессиональных достижений, заканчивая временем, посвященном самим себе и пребыванием в уединении.

Повседневные позитивные события вносят существенный конструктивный вклад в механизм формирования стратегий благополучного старения. Они способствуют поддержанию физического и психического здоровья, самопониманию и рефлексии, направленности на получение знаний и впечатлений, а также стремлению к помощи другим людям и передаче своего жизненного опыта следующим поколениям.

Повседневные негативные события, связанные с семьей, снижают мотивацию передавать свой опыт следующим поколениям и уменьшают радость от профессиональных достижений.

1. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Муртазина И.Р. Валидизация опросника «Профиль здорового образа жизни» на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 164–190. https://doi.org/10.17759/cpp.2018260309
2. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Разработка методики «Стратегии конструирования старения» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 1. С. 158–173. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.110
3. Strizhitskaya O., Petrash M., Golubitskaya D., Kuzmina M., Krupina K., Shchukin A., Engelgardt E.Futurization of aging: Subjective beliefs and effects // Behavioral Sciences. 2023. no. 13 (1). P. 4. http://dx.doi.org/10.3390/bs13010004

Волков А.А., Медина Бракамонте Н.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Выраженность эскапизма у студентов с разными уровнями мотивации к обучению

Эскапизм, мотивация, обучение, студенты

В фундаментальных исследованиях встречаются упоминания об уходе от реальности, но эта научная проблема на протяжении долгого периода времени в современной российской психологии изучается фрагментарно. [1] Исследование феномена эскапизма в частности может дать представление о том, как он влияет на академическую успеваемость студентов. Резюмируя подходы современных ученых Башаровой Е.А., Стенсенга Ф., Теславской О.И. к определению эскапизма, можно описать его как деятельность, направленную на снижение дискомфрта, вызванного социальными или внутриличностными причинами путем избегания [2]. Феномен бегства от реальности может быть рассмотрен через спектр многочисленных механизмов психической защиты, функционирующих неосознанно, нерефлексивно, по сути – отвергающих или искажающих реальность. Эти психические механизмы защиты используются для уменьшения патогенной тревоги и сохранения цельности психики индивида [3].

Защитные механизмы участвуют в формировании мотивации. Исследование мотивационного аспекта, на наш взгляд, позволит более глубоко понять феномен бегства, определить его роль в процессе обучения студентов. Цель исследование: выявить, как уровень выраженности эскапизма влияет на уровень мотивации к обучению студентов ВУЗов. Выборка исследования состоит из 120 студентов бакалавриата, 1 и 4 курсов двух различающихся направлений подготовки.

Этапы исследования:

1) Теоретический анализ по поставленной проблеме выраженности эскапизма и мотивации студентов,

2) Подбор методического инструментария и проведение пилотажного исследования,

3) Анализ результатов пилотажного исследования и дальнейшая оптимизация структуры полноценного исследования, Методический инструментарий: Мотивация успеха и боязнь неудач (МУН), Индекс виртуализации личности интернет-пользователя, Методика для диагностики учебной мотивации (А.А.Реан и В.А.Якунин, в модификации Н.Ц.Бадмаевой), Методика оценки изменений границ (МИГ-ТС-2). Предполагаемые результаты: ответы на поставленные в проблеме вопросы: Будет ли развитие мотивационных аспектов снижать или повышать выраженность эскапизма? К каким формам эскапизма чаще всего прибегают современные студенты и насколько они выражены? Как выраженность эскапизма влияет на уровень мотивации к обучению у студентов?

1. О.И. Теславская, А.А. Кардапольцева, Е.В. Беловол, Т.Н. Савченко эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии, Психологический журнал, 2017, том 38, № 6, с. 52–64
2. Л.В. Шукшина, И.А. Когай, Исследование эскапизма и рефлексии у современных студентов, Современное педагогическое образование ,2022 3. С.А. Яровенко, «Бегство от реальности»: Аутомифологизация как гармонизация «я-бытия» через принятие иллюзии, Вестник Томского государственного университета, 2010

Попова Т. А., Бараева М. И.
ФГАОУ ВО ПГНИУ

Перфекционизм, прокрастинация и мотивация достижения успеха у студентов (полоролевые особенности)

Перфекционизм, прокрастинация, мотивация достижения успеха

Проблема исследования психологических феноменов перфекционизма, прокрастинации, мотивациидостижения успеха, их проявлений в студенческом возрасте изучена в науке явно недостаточно (Короткова А. А., 2024; Черганакова М. А., 2024). Цель данного исследования заключалась в изучении гендерных особенностей данных свойств на студенческой выборке. Мы предположили, что существуют различия показателей мотивации достижения успеха, перфекционизма и прокрастинации в выборках девушек и юношей, а взаимосвязи между свойствами имеют определенную специфику.

Общая выборка составила 105 человек (студенты ПГНИУ, 72 девушки и 45 юношей 3-5 курсов). Использован следующий психодиагностический комплекс: методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса, шкала оценки академической прокрастинации «PASS» Л. Соломона и Е. Ротблюма, многомерная шкала перфекционизма «MPS» Хьюитта-Флетта. Результаты обработаны в программе JASP. Ввиду ненормального распределения данных были применены непараметрические критерии математической статистики (U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ Спирмена).

Обнаружено, что у девушек выше показатели прокрастинации – «лень» ($U=2183{,}000$; $p<0{,}01$) и «социальная тревожность» ($U=2005{,}000$; $p<0{,}05$), у юношей выше показатели перфекционизма, ориентированного на себя ($U=1042{,}500$; $p<0{,}01$) и «общего перфекционизма» ($U=1245{,}000$; $p = p<0{,}05$). Мотивация достижения успеха оказалась высокой в обеих выборках, значимых различий не выявлено.

Корреляционный анализ Пирсона показал специфику интеркорреляций между изучаемыми показателями в выборках девушек и юношей.

В выборке девушек шкала «частота прокрастинации» отрицательно связана со шкалой «организованность» ($r= -0{,}600$, $p<0{,}001$) и положительно – со шкалой «избегание неудач» ($r= 0{,}505$, $p <0{,}001$), которая коррелирует со шкалой «лень» ($r= 0{,}515$, $p<0{,}001$). Показатель «мотивация к успеху» взаимосвязан с «организованностью» (0,329, $p<0{,}001$) и «перфекционизмом, ориентированным на себя» (0,372), $p<0{,}001$). В данной выборке также обнаружена положительная интеркорреляция шкал «перфекционизм, направленный на себя» и «социально-предписанный перфекционизм» ($r= 0{,}517$, $p <0{,}001$).

В выборке юношей шкала «мотивация к успеху» положительно коррелирует со шкалами «общий перфекционизм» ($r= 0{,}509$, $p <0{,}001$), «самоконтроль» ($r= 0{,}681$, $p<0{,}001$), «перфекционизм, ориентированный на себя» ($r=0{,}542$, $p<0{,}001$) и «перфекционизм, ориентированный на других» ($r= 0{,}584$, $p<0{,}001$). Также обнаружена положительная корреляция между шкалами прокрастинации «избегание неудач» и «импульсивность» ($r= 0{,}520$, $p<0{,}001$).

Таким образом, доказана взаимосвязь между мотивацией достижения успеха, перфекционизмом и прокрастинацией, но характер корреляций различен в выборках девушек и юношей. Если первая гипотеза о гендерных различиях в проявлении мотивации достижения успеха, прокрастинации и перфекционизма у студентов подтвердилась частично (что обнаружено и в работах Вилковой К.А. (2020), Medina Brakamonte N.A. (2024), Turhan N.S. (2020), то вторая гипотеза о различном характере корреляций изучаемых свойств в выборках девушек и юношей подтвердилась полностью.

1. Короткова А.А., Марьяненко А.А. Взаимосвязь прокрастинации и перфекционизма у работающих и неработающих студентов // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 83-3. – С. 396-399.
2. Черганакова М.А. Академическая прокрастинация у студентов и её влияние на учебный процесс/ М.А. Черганакова, П.А. Греф, Е.А. Хромых // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2024. – № 16. – С. 251-253.
3. Medina Brakamonte N.A. [и др.] Personal disposition to perfectionism and procrastination as a factor for motivation toward success: Adult students' case // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. – 2024. – Vol. 14, No 4. – P. 731-742.

Шумова Н.С., Байковский Ю.В., Дуань Ченьмин
РУС «ГЦОЛИФК»

Кризис учебной адаптации китайских студентов в российском вузе

Учебная адаптация, кризис, психологические механизмы, личность, психопатологическая симптоматика

Введение. Кризис учебной адаптации – это этап адаптационного процесса, на котором резко снижаются показатели адаптированности студентов, возникают представления о собственной неэффективности, отрицательные эмоциональные переживания, как результат неадекватного реагирования на предъявление требований (Огородник, С. И., 2016). Имеет сложную структуру (профессиональная, социально-психологическая; психологическая, деятельностная составляющие). Выход из кризиса учебной адаптации требует создания условий для эффективного функционирования личности, ее развития, повышения интегрированности благодаря работе психологических механизмов разных уровней. Процесс адаптации как единство взаимодействующих сторон – активной личности и активной (социальной) среды, ориентированных на выработку четких принципов и определенных способов взаимодействия, преобразующих друг друга и преобразующихся по мере необходимости, рассматривается К.А. Абульхановой (1999). Отмечается важность изменений трех параметров социального мышления личности (проблемности, ценностности и оптимизма-пессимизма) в соответствии с типом категоризации как субъекта или объекта личностью себя и общества.

Цель работы – выявить факторы, способствующие возникновению кризиса и психологические механизмы адаптации китайских студентов к обучению в российском физкультурном вузе.

Методы: тест Р. Кеттелла (16PF) (форма А); «Адаптированность студентов в вузе» Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова; MSPSS Г. Зимет; СПА К. Роджерса, Р. Даймонда; RSES, M. Rosenberg; PSM-25, Лемура-Тесье-Филлиона; SCL-90 Derogatis L.R. et. al. и анкета. Методы математической обработки данных: факторный анализ методом главных компонент, оценка достоверности различий по U-критерию Манна-Уитни, оценка достоверности разброса значений показателей в исследуемых группах по F критерию Фишера с помощью компьютерных программ Excel и Statistica 6,0. Интерпретировались результаты с уровнем статистической значимости $p \leq 0,05$. Испытуемые – китайские обучающиеся в РУС «ГЦОЛИФК» 18-34 лет (средний возраст – 26 лет): от поступающих на подготовительный факультет до аспирантов завершающего года обучения (n=81).

Результаты. Китайские студенты ориентированы на коллективистические ценности, придавая большое значение влиянию коллектива на достижения. Успешность преодоления ими кризиса адаптации снижалась с повышением уровня освоения английского языка как упорядоченного множества оценочных суждений, отражающих ценностные ориентации индивидуалистической культуры. У представителя коллективистскойкультуры при этом формируется вторичная языковая личность, негармонично сочетающаяся с первичной.

Конфликт в проблемной (например, учебной) ситуации индивидуалистических и коллективистских ценностей приводит к обесцениванию исходных потребностей и ценностей коллективистской культуры, пессимизму, скептицизму, пассивности, готовности реализовывать антиценности (антигуманные ценности) (К.А. Абульханова, 1999). Необоснованный оптимизм, слишком большие ожидания молодых людей, не соответствующие действительности, также приводят к проблемам, связанным с недооценкой внешних трудностей (И.С. Крутько, 2017).

Вывод. Кризис учебной адаптации китайских студентов в российском вузе проявляется снижением показателей адаптированности студентов, возникновением отрицательных эмоциональных переживаний, ростом психопатологической симптоматики, включением механизмов замены усвоенных ценностей (например, пессимизма как механизма изменения ценностей), их преобладанием над механизмами, обеспечивающими эффективное функционирование, развитие, повышение уровня интегрированности личности (например, оптимизма).

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с. (Серия «Психологи Отечества»).
2. Крутько И.С. Психотехнологии в работе с молодежью : учеб. пособие / И. С. Крутько ; [науч. ред. А.В. Пономарев] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 188 с.
3. Огородник, С. И. Особенности и трудности адаптации первокурсников в учреждениях среднего профессионального обучения / С. И. Огородник, М. И. Масолова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 20 (124). – С. 649-651. – URL: https://moluch.ru/archive/124/34136/ (дата обращения: 26.05.2025).

Дикая Л.А., Дикий И.С.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Исследовательский потенциал студентов вуза и его взаимосвязь с навыками будущего

Исследовательский потенциал, навыки будущего, креативность, эмоциональный интеллект, студенты

Введение. В условиях глобальных вызовов современности, когда образование призвано готовить специалистов, способных к инновационной деятельности и быстрой адаптации к изменениям, особую значимость приобретает исследовательский потенциал (ИП) как интегративная характеристика личности (Бордовская и др., 2017). Однако, существующие образовательные модели недостаточно эффективно развивают ИП, что создает разрыв между требованиями рынка труда и реальными компетенциями выпускников (Григорьева, Садоха, 2023). Особую актуальность приобретает изучение взаимосвязи ИП с «навыками будущего», которые признаны ключевыми для профессионального и личностного успеха в XXI веке (Канарейко, 2022).

Цель исследования: изучить характер и особенности взаимосвязи исследовательского потенциала студентов с ключевыми навыками будущего.

Методы. В исследовании приняли участие 162 студента (17-24 лет) вузов Юга России. Основные методы – психологическое тестирование и анкетирование.

Использовался следующий методический инструментарий:

1. Методика оценки исследовательского потенциала (Бордовская и др., 2017).
2. Методики оценки навыков будущего: • Креативность (Малышев, 2014).
• Эмоциональный интеллект (опросник Холла).
• Культурный интеллект (Эрли и Анг).
• Готовность к сотрудничеству (Курунов, Айнулина).
• Когнитивная гибкость (Кургинян, Осаволюк).
3. Статистическая обработка данных: описательный анализ, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), сравнительный анализ (непараметрические критерии).

Результаты.

1. Установлены достоверные взаимосвязи ИП с:
• креативностью ($r_s=0.25$, $p<0.05$),
• эмоциональным интеллектом ($r_s=0.397$, $p<0.05$),
• культурным интеллектом ($r_s=0.316$, $p<0.05$).
2. Наиболее выраженные достоверные связи выявлены у студентов со средним уровнем ИП.
3. Выявлены специфические паттерны взаимосвязей для разных уровней ИП:
• у студентов с высоким ИП – связь креативности с готовностью к сотрудничеству ($r_s=0.43$),
• у студентов с низким ИП – связь эмоционального интеллекта с культурным интеллектом ($r_s=0.27$).

Заключение. Исследование подтвердило комплексный характер взаимосвязей ИП с навыками будущего, что открывает новые возможности для разработки дифференцированных программ развития исследовательского потенциала в вузовской среде. Рекомендации для развития ИП у студентов – проведение тренингов креативности и эмоционального интеллекта, использование проектных методов обучения, развитие навыков межкультурной коммуникации, создание условий для исследовательской коллаборации, развитие навыков командной работы, формирование мотивационной основы исследовательской деятельности.

1. Бордовская Н.В., Костромина С.В. Розум С.И., Москвичева Н.Л. Исследовательский потенциал студента: содержание конструкта и методика его оценки // Психологический журнал. 2017. Т. 38. №. 2. С. 89-103. https://psy.jes.su/s0205-95920000383-8-1/
2. Григорьева Е.В., Садоха Е И. Личностные предикторы развития исследовательского потенциала студентов вуза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. №. 4. С. 559-569. https://press.psu.ru/index.php/philsoc/article/view/8674
3. Канарейко Д.А. Креативность как ключевой навык будущего и фактор совершенствования внутренней среды организации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т.32. Вып. 4. 635-640. https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/7058/6267
4. Малышев К.Б. Изучение мышления с помощью многомерного типологического подхода // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2. С. 218-222. https://vestnik.yspu.org/releases/2014_2pp/40.pdf?ysclid=mcryjlrzug318120876

Федотова М.В.
ФГБУН ИП РАН

Сравнительный анализ саморегуляции у учителей, работающих с детьми с типичным развитием и детьми с нарушением интеллекта

Контроль поведения, субъектная регуляция в педагогической деятельности, учителя, учителя коррекционных школ

Школьное преподавание считается одной из самых стрессовых профессий во всем мире. Осуществление педагогической деятельности характеризуется повышенным уровнем напряженности и требует от специалиста наряду со знанием специальности уметь выстраивать стратегии поведения в конфликтных и стрессовых ситуациях. А обучение детей с ментальными нарушениями предполагает личностную готовность учителя к работе с такими детьми и предъявляет к нему дополнительные требования, которые могут повлиять на субъектную регуляцию деятельности.

Цель нашего исследования – провести сравнительный анализ контроля поведения у учителей, работающих в коррекционных школах с детьми с ментальными нарушениями, и педагогов общеобразовательных школ, обучающих детей с типичным развитием.

В рамках системно-субъектного подхода Е.А. Сергиенко был осуществлен сравнительный анализ контроля поведения учителей из общеобразовательных (N=41, M=32,2; SD=8,1) и коррекционных школ (N=41, M=37; SD=12) (Федотова М.В., 2025). Общий объём выборки составил 82 респондента. На первом этапе оценивался уровень контроля поведения с помощью опросника «Контроль поведения» (Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ветрова И., 2023). Анализ данных с применением U-критерия Манна-Уитни выявил статистически значимые различия: уровень когнитивного контроля у учителей общеобразовательных школ достоверно выше, чем у педагогов коррекционных школ ($p = 0,002$; средний ранг участников из общеобразовательных школ – 49,57, коррекционных – 33,43).

Проверка равенства дисперсий с помощью F-критерия Фишера показала отсутствие статистически значимых различий по переменным эмоционального ($F = 0,437$, $p = 0,51$), волевого ($F = 2,253$, $p = 0,137$) и общего контроля поведения ($F = 2,882$, $p = 0,093$) между двумя группами.

Использование t-критерия Стьюдента выявило следующие значимые различия:

Уровень эмоционального контроля у учителей общеобразовательных школ выше по сравнению с педагогами коррекционных учреждений ($p = 0,006$; средние показатели – 35,22 и 31,32 соответственно).

Аналогично, уровень волевого контроля был выше у преподавателей общеобразовательных школ ($p< 0,001$; средние – 35,27 и 29,76).

Уровень общего контроля поведения также оказался выше в группе учителей общеобразовательных школ ($p < 0,001$; средние – 103,68 и 90,27).

При этом значение общего контроля поведения у учителей коррекционных школ (90,27) не отличалось от среднего показателя по популяции (92,56), в то время как у учителей общеобразовательных школ этот показатель был существенно выше (103,68) (Федотова М.В., 2025).

На втором этапе исследования были проведены глубинные интервью, анализ которых свидетельствует о том, что уровень контроля поведения обусловлен субъектными стратегиями адаптации в профессиональной и жизненной сферах. Представляется, что повышенный контроль поведения у учителей общеобразовательных школ связан с более жёсткими требованиями руководства, высокими ожиданиями родителей, большим объёмом работы и регулярным контролем результатов деятельности, включая оценку успеваемости учащихся.

Таким образом, проведённое сравнительное исследование выявило значимые различия в показателях всех видов контроля поведения между учителями общеобразовательных и коррекционных школ. Анализ экспертных интервью позволяет предположить, что выбор контингента детей, с которыми работает педагог, связан с особенностями его личности и способами саморегуляции.

1. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ветрова И.И. Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология. 2023. № 1 (16). С. 182–200. https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160111
2. Федотова, М.В. (2025). Субъектная регуляция в обучающей деятельности: сравнительный анализ контроля поведения учителей общеобразовательных и коррекционных школ// Психолого-педагогические исследования. 2025. №2 (17). С. 149–163, https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170210

Кропотов Е.А., Ванновская О.В.
ГАОУ ВО ЛГУ им. А.С. Пушкина

Коррекция школьной дезадаптации младших школьников в условиях единой образовательной программы

Младший школьный возраст, школьная дезадаптация

Наиболее значимым изменением отечественной системы образования является введение в 2022 году единой образовательной программы (Федеральный закон …, 2022). В связи с этим возникла актуальная проблема для научных исследований, связанная с выявлением эффективности новой программы с точки зрения школьной адаптации/ дезадаптации обучающихся, а также коррекции школьной дезадаптации обучающихся. Эмпирическое исследование включало в себя проведение формирующего эксперимента, проходящего в три этапа. Цель эксперимента – оптимизация показателей школьной дезадаптации первоклассников на основе обучения их приемам коммуникации, снижения уровня школьной тревожности и повышения уровня самооценки.

В исследовании приняли участие 152 обучающихся в возрасте от 6 до 7 лет, обучающихся по образовательной программе «Школа России», из них 64 мальчика и 88 девочек. Эмпирическое исследование школьной дезадаптации проводилось в 2023/2024 учебном году. Методы и методики эмпирического исследования: анкетирование учителей и родителей; формирующий эксперимент; психодиагностические методы:

1) Тесты психических процессов: Ориентационный тест школьной зрелости Керна-Йирасека; Тест оценки концентрации внимания Пьерона-Рузера; Тест «Заучивание 10 слов» А. Р. Лурия;

2) личностные опросники: Методика диагностики уровня школьной тревожности Б. Н. Филлипса; «Исследование самооценки по методике Т. В. Дембо – С. Я. Рубинштейн»; Анкета школьной мотивации Н. Г. Лускановой; Методика М. И. Рожкова «Диагностика изучения сформированности коммуникации как общения у младших школьников»;

3) опросники для родителей и учителей: Опросник «Индивидуальный стиль педагогической деятельности А. М. Марковой, А. Я. Никоновой; Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Методика АСВ) Э. Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкиса;

Констатирующий этап исследования проводился в октябре-ноябре 2023 г. Включал в себя сбор эмпирических данных, выделение контрольной и экспериментальной группы исследования. По результатам кластерного анализа было выделено три группы обучающихся: группа адаптированных (n = 65); группа средней адаптации (n = 63); группа дезадаптированных(n = 21). Формирующий этап эксперимента проводился в феврале-марте 2024. Целью этапа являлась коррекция выявленных проблем с коммуникацией, самооценкой и тревожностью (независимая переменная) в группе детей с выраженными симптомами школьной дезадаптации (зависимая переменная). Была разработана коррекционная программа, рассчитанная на два месяца и включающая 10 встреч в формате групповой психокоррекции. В программе коррекции участвовали 21 первоклассник. Контрольный этап эксперимента проводился в конце учебного года, в мае 2024, была проведена повторная диагностика в контрольной и экспериментальной группах, проведен сравнительный анализ изучаемых параметров школьной дезадаптации при помощи t-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

В результате проведенного формирующего эксперимента были достигнуты позитивные сдвиги в уровне развития изучаемых показателей. Полученные данные говорят о том, что первоклассники, с которыми в рамках формирующего этапа эксперимента была проведена коррекционная работа, характеризуются более адекватной самооценкой, охотнее вступают в социальные взаимодействия, охотнее ходят в школу, в учебе их привлекают не только возможность видеться с друзьями, но и сам образовательный процесс, а также они стали менее тревожными, чем на констатирующем этапе эксперимента. Таким образом, с помощью снижения уровня школьной тревожности, повышения уровня самооценки и развития коммуникативных навыков можно корректировать школьную дезадаптацию.

1. Ванновская, О.В., Кропотов Е. А. Структурно-функциональная модель школьной дезадаптации первоклассников. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2024. № 214, с. 205-218. – DOI 10.33910/1992-6464-2024-214-205-218.
2. Ронгинская, Т. И. Системный подход к анализу психологических понятий: вклад В. А. Ганзена в развитие российской психологии. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. №1 (12), С. 55–70. https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.105
3. Федеральный закон от 24 сентября 2022 № 371-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 1 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»». (2022) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209240008 (дата обращения 14.06.2025)

Мельникова Л.В., Попельчук Г.А.
ФГБОУ ВО ХГПУ

Психологическое здоровье студентов в условиях обучения с применением дистанционных технологий

Психологическое здоровье, дистанционные технологии, студенты

Современный этап развития высшего образования в Российской Федерации характеризуется активной цифровой трансформацией, что приводит к фундаментальному изменению образовательной среды. Изменение парадигмы взаимодействия и самого пространства обучения оказывают существенное влияние на психологическое состояние всех участников образовательного процесса. Применение дистанционных образовательных технологий, ставших неотъемлемой частью цифровой среды вуза, предъявляет новые требования к личности студента [1]. Так, для студентов из новых регионов РФ актуальность изучения психологического здоровья возрастает в условиях двойной адаптации.

В целях обеспечения психологического здоровья участников образовательного процесса Центр психологической поддержки ХГПУ реализовал эмпирическое исследование в период с 24 февраля по 17 марта 2025 года посредством использования Яндекс-формы. В исследовании приняли участие студенты ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», всего 631 обучающихся. Для комплексной оценки психологического здоровья были выбраны следующие методики: для выявления уровня самоотношения и безусловного принятия себя как показателя психологической устойчивости был применен опросник безусловного принятия себя Д. Чемберлена; с целью выявления преобладающих стратегий совладания была применена методика SACS С. Хобфолла (адаптация Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой); тест «Креативность» Н.В. Вишняковой был применен для оценки креативности как ресурса адаптации и самореализации в изменяющейся среде; с целью определения эмоционального истощения, деперсонализации и редукции достижений как индикаторов хронического стресса применен опросник профессионального выгорания К. Маслач. Для проведения статистического анализа полученных данных применялась программа Microsoft Excel.

Исследование позволило выявить ряд тенденций. В частности, только 10,5% студентов демонстрируют высокий уровень безусловного самопринятия, 88,6% – средний, а 0,9% – низкий. Что касается стратегий совладания со стрессом, то большинство студентов (74,5%) выбирают конструктивные подходы. Однако немало респондентов (51%) прибегают к избегающим стратегиям, 44% – к импульсивным, а 38,3% – к агрессивным. Манипулятивные и асоциальные стратегии используются гораздо реже. Анализ структуры креативности показал, что наиболее выраженной чертой является любознательность – высокий уровень этого качества отмечен у 46,2% студентов. При этом оригинальность, воображение, интуитивное мышление и чувство юмора развиты у большинства опрошенных недостаточно. Эмоциональное истощение выражено у 41% студентов. С другой стороны, 43,8% сохранили эмпатическое отношение к учебной деятельности. Тем не менее 46,4% оценили свои учебные достижения как низкие.

Исследование показало, что при преобладании среднего уровня психологической устойчивости у студентов сохраняются риски, связанные с высоким эмоциональным выгоранием, недостаточным самопринятием, низкой оценкой достижений и склонностью к неконструктивным стратегиям совладания. В то же время, выявленные ресурсы в области креативности, а именно любознательность и наличие конструктивных копинг-стратегий могут служить основой для разработки адресных психопрофилактических и развивающих программ, направленных на укрепление психологического благополучия обучающихся в условиях смешанной образовательной среды вуза. В итоге, такое исследование предоставит образовательной организации ценные данные для корректировки применяемых подходов и мер поддержки, ориентированных на текущие потребности студентов [2]. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию устойчивой и благоприятной учебной среды, адаптированной к условиям дистанционного обучения.

1. Зинченко В.П. Психология образования. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
2. Реан А.А. Психология личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2020.

Шляпников В.Н., Шестова М.А.
НОЧУ ВО МИП

**Связь мотивации и успеваемости у студентов:
модераторный эффект формы и уровня образования**

Академическая мотивация, академическая успеваемость, дистанционное образование

Изучение психологических предикторов успешности обучения в вузе – это актуальная задача для современной науки. Исследования показывают, что важным предиктором успеваемости учащихся является академическая мотивация. Внутренняя мотивация положительно коррелирует с достижениями учащихся по разным предметам и тестам (Гордеева, Сычев, 2024). Однако современное образование стремительно развиваются, возникают новые формы образования, предъявляющие к учащимся новые требования. В связи с этим, можно предположить, что характер связи мотивации и успеваемости должен меняться. У студентов разных форм и уровней образования он должен различаться. Наша гипотеза состоит в том, что модераторами связи академической мотивации и успеваемости у студентов вуза могут выступать форма обучения: очная или дистанционная (далее – ДОТ), и уровень высшего образования: бакалавриат, магистратура, специалитет. Поверка этой гипотезы и составляет цель исследования.

Для оценки мотивации использовалась «Краткая шкала академической мотивации» Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин (2014). Показатель академической успеваемости рассчитывался как средний балл оценок, полученных студентами в ходе промежуточной аттестации за семестр.

В исследовании приняло участие 689 студентов Московского института психоанализа, обучающихся по направлению подготовки 37.00.01 «Психология»: 245 студент бакалавриата, 269 – магистратуры, 174 – специалитета; 396 студентов обучались по очной форме, 293 – с применением ДОТ.

Для модераторного анализа использовалась программа PROCESS 3.3. (A. Hayes). В качестве зависимой переменной выступала академическая мотивация; в качестве предикторов показатели академической мотивации; в качестве модераторов: форма обучения и уровень образования.

Для предиктора «познавательная мотивация» был обнаружен значимый модераторныйэффект формы обучения (β=0,104). У студентов очной формы переменная оказывает значимый эффект на успеваемость (β=0,101), а у студентов ДОТ – нет (β=-0,004).

Для предиктора «мотивация достижения» был обнаружен значимый модераторныйэффект формы обучения (β=0,093). У студентов очной формы переменная оказывает значимый эффект на успеваемость (β=0,101), а у студентов ДОТ – нет (β=-0,01).

Для предиктора «интроецированная мотивация» был обнаружен значимый модераторный эффект уровня образования (β=-0,036). У студентов магистратуры (β=-0,031) и специалитета (β=-0,059) переменная оказывает значимый эффект на успеваемость, а у студентов бакалавриата – нет (β=-0,003).

Для предиктора «экстернальная мотивация» было обнаружено два значимых модераторных эффекта: формы обучения (β=-0,076) и уровня образования (β=-0,068). У студентов очной формы переменная оказывает значимый эффект на успеваемость (β=-0,067), а у студентов ДОТ – нет (β=0,092). У студентов магистратуры (β=-0,091) и специалитета (β=-0,143) переменная оказывает значимый эффект на успеваемость, а у студентов бакалавриата – нет (β=-0,038).

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу: связь мотивации и успеваемости зависит от формы и уровня образования. У студентов очной формы предикторами успеваемости выступают познавательная мотивация, мотивация достижения и экстернальная мотивация. У студентов магистратуры и специалитета предикторами успеваемости являются интроецированная и экстернальная мотивация.

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А. Образовательные и мотивационные предикторы академических достижений (на материале данных PISA 2018 по чтению) // Психологическая наука и образование. 2024. Том 29. № 1. С. 75–86. DOI: 10.17759/pse.2024290106

Кац Е.Э., Сорокин В.М.
ГБУ ДПО им. К.Д. Ушинского

Научное наследие В.А. Ковшикова в контексте современной логопатологии (к 90-летию со дня рождения)

В.А. Ковшиков, экспрессивная алалия, психолингвистика

Валерий Анатольевич Ковшиков (1936-2000) – дефектолог, логопатолог, педагог, психолингвист – известен в дефектологическом сообществе, в первую очередь, своими исследованиями проблемы моторной (экспрессивной) алалии.

Свое образование В.А. Ковшиков начал с филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, а затем перешел на отделение сурдопедагогики дефектологического факультета ЛГПИ им. А. И. Герцена, которое окончил в 1956 году.

В 1965 г. на дефектологическом факультете ЛГПИ имени АИ. Герцена была создана кафедра психопатологии и логопедии, заведовал которой Е. С. Иванов, под руководством которого В.А. Ковшиков защитил в 1972 году кандидатскую диссертацию, посвященную изучению особенностей заикания при различных нервно-психических расстройствах.

Сфера научных интересов В.А. Ковшикова в области логопедии включала в себя широкий круг вопросов, охватывающих историю логопедии, проблемы отдельных форм патологии речи, и в частности, помимо уже упомянутого заикания, проблемы моторной алалии.

В 60-70-х гг на базе советской психологической Л.С. Выготского и лингвистической традиции, идущей от исследований Л.В. Щербы, в отечественной науке сформировалась психолингвистика как особой научное направление, возникает интерес к «человеку говорящему», конструируются теории процессов порождения и восприятия речи. Именно психолингвистика и стала для В.А. Ковшикова ключевой парадигмой изучения симптоматики и механизмов моторной (экспрессивной) алалии. Без сомнения, системно-языковые концепции механизмов моторной (экспрессивной) алалии разрабатывались не только В.А. Ковшиковым, однако именно ему принадлежит заслуга последовательного и системного рассмотрения этого вида патологии речи как языкового расстройства (Ковшиков В.А., 1985, 2006), иерархического описания его симптоматики. Ему удалось переосмыслить понятие моторной алалии и создать определение этой речевой патологии «по позитивным, наиболее типическим … признакам» (Ковшиков В.А., 2006, с.7), основывающееся на выделении механизма нарушения. Предложенный В.А. Ковшиковым термин «экспрессивная алалия» отражает обоснованное им новое содержание этого понятия.

Исследования В.А. Ковшикова, проведенные в сотрудничестве с Санкт-Петербургским научно-исследовательским институтом уха, носа, горла и патологии речи, охватывают все наиболее значимые аспекты проблемы моторной (экспрессивной) алалии – этиологию, механизмы, проявления, концептуальные подходы к коррекционной работе. Поставленные в них проблемы, подходы к анализу данных и полученные выводы значимы не только для современной логопедии, но и для смежных научных дисциплин, и, в частности, логопсихологии.

В.А. Ковшиков был твердо убежден в том, что обязательным условием профессиональной подготовки специалистов, работающих с нарушениями речи, является знание основ психолингвистики. В соавторстве с В.П. Глуховым он работал над рукописью учебного пособия по этой дисциплине, которое было издано в 2007 году, уже после смерти В.А. Ковшикова (Ковшиков В.А., Глухов В.П., 2007).

1. Ковшиков В.А. Особенности заикания и педагогические пути его устранения у больных с различными нервно-психическими расстройствами: диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.00. – Ленинград, 1972.
2. Ковшиков В.А. Экспрессивная алалия: Учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ, 1985.
3. Ковшиков В.А. Экспрессивная алалия и методы ее преодоления. СПб.: КАРО, 2006.
4. Ковшиков В.А., Глухов В.П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности: учебное пособие для студентов. М.: АСТ, Астрель, 2007.

Сорокин В.М., Щукин А.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Кац Е.Э.
ГБК ДПО СПбАППО

Из интеллектуальной биографии Л.С. Выготского. Дебюты 1924 года

Выготский Л.С., аномальная психология, дефектология, патопедология

В минувшем году исполнилось сто лет с момента появления Л.С. Выготского в пространстве отечественной психологии на Втором Всероссийском съезде по психоневрологии в январе 1924 года в Петрограде, где он сделал три доклада. Это событие было отмечено несколькими небольшими конференциями и круглыми столами, посвященными теории культурно-исторического развития психики Л.С. Выготского. Отечественная историография, традиционно опираясь на воспоминания А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева, присутствовавших на этом же съезде, описывает это событие как триумф Л.С. Выготского.

По своему содержанию 2 съезд по психоневрологии был связан с острейшей борьбой за лидерство между основными психологическими школами того время, за право называться марксистской психологией. По справедливому утверждению А. Г. Ярошевского [1], в этом контексте доклад никому неизвестного учителя из Гомеля не должен был привлечь внимание делегатов съезда. Хотя в отчете по итогам съезда его фамилия числится наряду с другими.

Заслуга А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева в том, что они смогли рассмотреть в Л.С. Выготском будущего Моцарта психологии. Историческое значение этой встречи состоит в том, что Л.С. Выготский получил возможность работать в Москве и реализоваться в полной мере как гениальный психолог, а А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев, предоставившие ему эту возможность, нашли в нем Учителя и составили костяк его школы. После переезда Л.С. Выготского в Москву он начал работать как в Институте психологии, так и в Наркомпросе, где принял активное участие в подготовке 2 Всероссийского съезда по социально-правовой охране несовершеннолетних детей и подростков (СПОН), состоявшемся в том же 1924году.

Выступление Л.С. Выготского на этом съезде было действительно его триумфальным дебютом. Он изложил свою программы революционных изменений системы коррекционного образования, а также новые методологические принципы специальной психологии. После выступления он стал бесспорным идейным лидером отечественной дефектологии на столетие вперед. В этой связи важно, что первая психологическая публикация Л.С. Выготского «К психологии и педагогики детской дефективности» была посвящена проблемам специальной психологии и отражала основные положения его доклада.

По воспоминаниям А.Р Лурии интерес к методологическим основам психологии у Л.С. Выготского возник позже его увлечения вопросами патопедологии, еще в Гомеле, и сохранялся на протяжении всей его жизни. Занятия дефектологией было страстью Л.С. Выготского. Благодаря этому он одним из первых психологов молодой советской республики побывал летом 1925 года на Международной конференции по просвещению глухонемых детей в Лондоне, где представлял советскую дефектологию и специальную психологию.

Результаты психологического изучения аномальных детей стали краеугольным камнем его теории культурно-исторического развития психики. Последняя же в свою очередь образовала методологическую основусоветской дефектологии. По сути Л.С. Выготский вошел в большую психологию через двери дефектологии Тем не менее, выступление на съезде СПОН рассматривается отечественной историей как малозначимый эпизод в научной биографии Л.С. Выготского. Подтверждением может служить тот факт, что столетие блестящего дебюта Л.С. Выготского отечественная специальная психология попросту проигнорировала. Исключение составляет маленький пост на сайте Института коррекционной педагогики РАО, посвященный столетию 2 съезда СПОН, где упоминается что в его организации принимали участие Н.К. Крупская и Л.С. Выготский. Самому же Л.С. Выготскому посвящено целых 6 строчек.

1. Ярошевский А.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. М.: URSS, 2007

Гнедых Д.С., Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Разработка модели развивающего взаимодействия студента с генеративным искусственным интеллектом: задачи и перспективы

Генеративный искусственный интеллект, развивающее взаимодействие, учебная деятельность, развитие студента

Использование генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) студентами в процессе учебной деятельности постепенно становится повседневным и повсеместным. В научном сообществе активно обсуждаются последствия и риски применения инструментов ГИИ для обучения, в частности, по отношению к когнитивному, эмоциональному и морально-нравственному развитию обучающихся (Atchley et al., 2024; Bozkurt et al., 2024). Для прогнозирования характера взаимодействия обучающихся с ГИИ – развивающего, не развивающего (отсутствие изменений) или приводящего к регрессу – необходим учет всех его компонентов (элементов) и взаимосвязей между ними в контексте учебной деятельности. На наш взгляд, такой учет может обеспечить разработка модели развивающего взаимодействия студента с ГИИ при решении учебных задач.

С целью обеспечения комплексного подхода к решению поставленной задачи, мы предлагаем подойти к описанию данной модели с трех сторон:

1. Структура и механизмы взаимодействия: компоненты взаимодействия (преподаватель, студент, ГИИ, учебный материал), определение их ключевых характеристик (роль, функция или позиция, психологические особенности студента, обусловливающие процесс взаимодействия (здесь, на наш взгляд, особое внимание следует уделить субъектным качествам человека)), описание самого процесса взаимодействия через конкретные действия/операции и их характер (например, через деятельностный, когнитивный и эмоциональный аспекты).

2. Организация взаимодействия студента с ГИИ: кто является его инициатором (студент или педагог), какие действия необходимы для его поддержания. В первом случае предметом анализа становятся потребности, мотивы и цели студента, которые побуждают его вступать в такое взаимодействие, а также описание взаимодействия с точки зрения процесса учения. Во втором – деятельность педагога: целесообразность предложения студентам решить учебное задание с помощью ГИИ, действия, направленные на помощь обучающемуся в его реализации и т.д., т.е. характеристика взаимодействия с точки зрения процесса обучения.

3. Описание условий окружающей среды, обеспечивающих эффективность взаимодействия и его развивающий, или наоборот, приводящий к регрессу характер. Здесь должны учитываться как пространственно-временные характеристики взаимодействия, так и ресурсы, находящиеся в той среде, в которой оно происходит. При этом такое описание может включать в себя две ситуации:

- когда взаимодействие происходит внутри вузовской среды (образовательные цели ставятся перед студентом педагогом или ГИИ, если он берет на себя его функции);
- когда взаимодействие происходит вне вузовской среды (в таком случае студент самостоятельно как формулирует цели учебной деятельности, так и инициирует взаимодействие с ГИИ).

Создание модели развивающего взаимодействия студента с ГИИ при решении учебных задач и ее эмпирическая проверка может стать основой для разработки оптимальных способов внедрения ГИИ в образование, психолого-педагогического сопровождения учебной деятельности студентов в условиях применения ГИИ и конструирования ситуаций взаимодействия студентов с ГИИ, которое способствовало бы развитию их субъектной позиции, а также когнитивной, эмоциональной и волевой сфер личности.

1. Atchley P., Pannell H., Wofford K., Hopkins M., Atchley R. A. Human and AI collaboration in the higher education environment: opportunities and concerns // Cognitive Research. 2024. Vol. 9 (1). doi:10.1186/s41235-024-00547-9
2. Bozkurt A. et al. The manifesto for teaching and learning in a time of generative AI: a critical collective stance to better navigate the future // Open Praxis. 2024. Vol. 16 (4). P. 487–513. doi:10.55982/openpraxis.16.4.777

Исхакова М.П., Бордовская Н.В., Гнедых Д.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоции студентов при решении учебных задач в условиях взаимодействия с однокурсниками и генеративным искусственным интеллектом

Генеративный искусственный интеллект, эмоции, студенты

Развитие инструментов генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) поставило вопрос об изменениях во взаимоотношениях «человек – машина» и «педагог – обучающийся». В связи с тем, что ГИИ уже приписываются характеристики, отражающие эмоциональность и интеллектуальность (Садовская, Винокуров, 2024), представляется важным рассмотреть и сравнить эмоции студентов при взаимодействии с однокурсниками и ГИИ в процессе решения учебных задач.

В исследовании приняли участие 55 студентов первого курса медицинского факультета при освоении программы учебной дисциплины «Психология и педагогика». Методами исследования выступили метод экологической моментной оценки (Shiffman et al., 2008) (дневник самонаблюдения), анкетирование (определение интереса к выполнению задания), идиографическийметод (анализ и оценка ответов студентов при решении учебных задач), психодиагностический метод (шкала дифференциальных эмоций К. Изарда в адаптации А.Б. Леоновой), психолого-педагогический эксперимент. Методами математико-статистической обработки данных являлись хи-квадрат Пирсона и критерий Вилкоксона. Студенты были ознакомлены с дневником самонаблюдения, формой учебных задач, критериями оценивания, условиями выполнения и оценивания заданий, моделью промпта. При освоении темы «Темперамент и характер» студенты выполняли задания в паре с однокурсниками, в ходе изучения темы «Познавательные процессы» – с помощью

ГИИ (Chat GPT). При сопоставлении данных, полученных с помощью дневника самонаблюдения, и показателей выраженности эмоций, представленных в шкале дифференциальных эмоций К. Изарда, было установлено на уровне тенденции, что при взаимодействии с однокурсником эмоции, которые студент считает у себя наиболее выраженными, не совпадают с его результатом по шкале дифференциальных эмоций. В то время как при взаимодействии с ГИИ эмоция, которую студент выбирает как наиболее выраженную, действительно является одной из нескольких наиболее выраженных (χ^2 = 5,639, p=0,060). На уровне тенденции студенты, готовясь к взаимодействию с ГИИ, испытывают большее число эмоций, чем при подготовке к взаимодействию с однокурсником (Z=-1,879, p=0,060). При этом выраженность эмоций в зависимости от ситуации решения учебной задачи не различается.

По результатам анкетирования были обнаружены статистически достоверные различия в интересе к выполнению задания (χ^2 = 12,693, p=0,048): при взаимодействии с ГИИ большинство студентов в качестве интереса отметили получение баллов к зачету (24 из 55) и взаимодействие (19 из 55); при работе с однокурсником – получение баллов к зачету (18 из 55), взаимодействие (11 из 55), а также то, что им нравится учиться (11 из 55).

Примечательно, что балл за задание при взаимодействии с ГИИ и проверке ГИИ ниже, чем при взаимодействии с однокурсником и проверке преподавателем (Z=-3,094, p=0,002). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что для студентов ситуация взаимодействия с ГИИ является более эмоционально насыщенной, чем взаимодействие с однокурсником. Более низкие баллы за задание, выполненное с помощью ГИИ, могут указывать на необходимость развития навыков взаимодействия с ГИИ, а также навыков эмоциональной регуляции.

1. Садовская Е. Д., Винокуров Ф. Н. Социальные представления об искусственном интеллекте: полезный, эмоциональный и смешной // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024 №. 1 С. 35-53.
2. Shiffman S., Stone A. A., Hufford M. R. Ecological momentary assessment //Annual review clinical psychology. 2008 Т. 4 №. 1 P. 1-32.

Самсонова Н.Г., Карпухина Ю.В., Гречухина В.В.
ГБОУ «Центр «Динамика»

Исследование уровня удовлетворенности педагогов ГБОУ «Центр «Динамика» Адмиралтейского района

Исследование удовлетворенности педагогов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), имеет высокую значимость. Это связано с тем, что удовлетворенные работой педагоги более мотивированы и способны качественно выполнять свои обязанности, что способствует лучшему развитию и адаптации детей с ОВЗ. Кроме того, это снижает текучесть кадров и стимулирует профессиональный рост (Башкин, Локшина, 2022; Токарская, Зиновьева, 2022).

Целью исследования стало выявление уровня удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью, атмосферой в коллективе, взаимодействием с коллегами и администрацией, а также их эмоционального состояния на рабочем месте. Исследование проводилось в ГБОУ «Центр «Динамика» Адмиралтейского района, где обучаются дети с НОДА. В опросе приняли участие 88 педагогов (возраст от 22-54 лет). Сбор данных проводился с помощью анкетирования.

Результаты исследования показали, что большинство педагогов (97%) удовлетворены своей профессиональной деятельностью.

Атмосфера в коллективе была охарактеризована как «в целом благоприятная» 58% педагогов. 32% считают её «дружелюбной и поддерживающей», 8% отметили атмосферу как «нейтральную», а 2% считают, что коллективная обстановка «напряженная».

Более 93% педагогов находят поддержку среди коллег. 62% указали, что коллеги всегда готовы их выслушать и помочь, 31% отметили, что иногда удается обсудить важные вопросы. 4% сообщили, что обсуждение трудностей происходит редко, а 3% заявили, что коллеги предпочитают не вмешиваться.

Условия труда удовлетворяют 89% педагогов. Из них 55% отметили, что они «пожалуй, удовлетворены», а 34% указали, что «полностью удовлетворены». 5% педагогов считают условия труда неудовлетворительными, а 6% затруднились ответить.

Взаимодействие с администрацией в целом характеризуется как конструктивное – 50%, 43% указали на «в основном положительное» взаимодействие, а 7% отметили его как «формальное».

Подавляющее большинство педагогов (87%) сохраняют позитивное или нейтральное эмоциональное состояние после рабочего дня.

Неформальное общение с коллегами поддерживают 56% педагогов. 36% отметили, что общение происходит частично, а 8% сообщили об отсутствии неформального общения.

Примерно 42% педагогов испытывают нарушение личных границ. 58% сообщили, что случаи нарушения личных границ не происходят, 25% отметили, что такие случаи бывают «иногда», 16% сталкиваются с нарушением личных границ, а 1% заявили, что это происходит «часто».

Большинство педагогов (92%) чувствуют себя в безопасности на рабочем месте. Лишь 8% сообщили об отсутствии такого чувства.

Исследование показало, что в коллективе благоприятная атмосфера, большинство педагогов удовлетворены своей работой и условиями труда, чувствуют себя в безопасности и имеют возможности для взаимодействия с коллегами и администрацией. Однако были выявлены определенные проблемы, требующие внимания: недостаточное обсуждение профессиональных трудностей, проблемы с выгоранием и стрессом, случаи нарушения личных границ, а также формальный характер взаимодействия с администрацией.

Для решения этих проблем рекомендуется организовать регулярные встречи для обсуждения профессиональных трудностей и обмена опытом, внедрить программы по профилактике выгорания, разработать механизмы для защиты личных границ педагогов и улучшить взаимодействие с администрацией и службой сопровождения, сделав его более открытым и конструктивным.

1. Башкин М. В. Связь мотивации с эмоциональным выгоранием у педагогов / М. В. Башкин, В. И. Локшина // Ярославский психологический вестник. – 2022. – № 1(52). – С. 87-90.
2. Токарская, Л. В. Жизнестойкость педагогов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми с нормативным развитием / Л. В. Токарская, К. С. Зиновьева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 3(63). – С. 394-407.

Ласкина И.И., Даринская Л.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Проектная деятельность иностранных студентов медицинского профиля в учебном курсе «Педагогика»

Проектная деятельность, иностранные студенты, педагогика

Введение. В современном высшем образовании проектный метод широко применяется для достижения образовательных и воспитательных целей. Описанный педагогический опыт фиксирует, что результаты проектной деятельности (ПД) студентов зависят от ее организации и сопровождения со стороны преподавателей (Балдесова, 2016; Зубарева, Тучкова, 2023), однако взаимосвязи между созданными условиями и полученными результатами изучены недостаточно. Цель исследования – выявить результаты ПД иностранных студентов 1 курса Медицинского института СПбГУ, организованной в рамках курса «Педагогика» в апреле-мае 2025.

Методы: устные опросы, наблюдения на занятиях, анализ презентаций с результатами. Участники ПД: 14 чел. из 7 стран Азии, Африки, Южной Америки.

Организация работы. ПД завершала курс, включала аудиторную и самостоятельную работу. На установочном этапе (1 занятие): объяснение целей и задания; формирование групп (самораспределение); определение типа проекта для каждой группы (жеребьевка); работа в группах: обсуждение проектных идей, определение продукта, распределение задач и планирование их реализации, консультации. На этапе реализации (3 недели): самостоятельная работа групп над проектами. На завершающем этапе (аттестационное занятие по курсу): презентация и обсуждение проектных результатов. Группы выполняли информационные проекты, отвечая на проблемный вопрос: «Как преподавать педагогику иностранным студентам-первокурсникам медицинского профиля?». Проекты делились на 3 типа: структурированные (группы имели четкие требования к продукту и структуре), полуструктурированные (группы могли выбрать тип продукта из двух вариантов, требования к структуре минимальны); неструктурированные (группы могли выбрать тип продукта и самостоятельно разработать структуру).

Результаты.

1. Групповая самоорганизация. Все студенты предпочли работать в парах, посчитав формат наиболее продуктивным. Определяющим в выборе партнера стал предыдущий положительный опыт совместной деятельности. Участники шести из семи групп смогли распределить задачи и создать совместный продукт. Трудности взаимодействия в седьмой группе привели к созданию отдельных продуктов.

2. Результаты ПД. Проектные результаты двух групп, работавших над структурированными проектами, не соответствовали структуре и лишь частично соответствовали теме. Две группы, работавшие над полуструктурированными проектами, выполнили требования и ответили на поставленный вопрос. Из трех групп, работавших над неструктурированными проектами, только одна полностью раскрыла тему, две другие проявили наибольшую креативность, но лишь частично ответили на вопрос.

3. Основные идеи студентов. Наиболее упоминаемые темы: техники эффективной коммуникации; эмоции и чувства: как их распознавать и как с ними работать; теории и методы обучения с учетом возраста. Востребованные методы: ситуационно-ролевые игры, изучение кейсов, групповые обсуждения, ПД. Варианты тем для ПД: план урока по ЗОЖ; обучающее видео по оказанию первой помощи; информационные материалы по профилактике заболеваний. Средства, предлагаемые для преодоления трудностей обучения на английском языке – материалы с инфографикой, схемами, визуализацией. Перед введением абстрактных понятий и специальных терминов – показ коротких тематических видео, для их усвоения – квизы. Инструменты для обмена идеями, выполнения заданий: Padlet, Kahoot или их доступные аналоги. Также высказано мнение, что курс «Педагогика» должен помогать адаптироваться к обучению в чужой стране.

Выводы.

1. Формирование групп, первичную работу следует проводить аудиторно, но с возможностью самоорганизации студентов.

2. Наличие подробных инструкций по выполнению проектов не исключает необходимости сопровождения и промежуточной проверки проектных результатов.

3. Формулирование преподавателем заданий с позиции заказчика может повысить учебную мотивацию студентов и иметь практическую значимость.

1. Балдесова Н. Б. Проектная деятельность как условие становления профессиональной компетентности студентов медицинского института в процессе обучения дисциплине «Психология и педагогика» // Непрерывное образование: опыт ПетрГУ: Исследования преподавателей и студентов. Электронный сборник научных статей / Научный редактор Т.А. Бабакова. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2016. – С. 38-43.
2. Зубарева Е.В., Тучкова И.Г. Проектная деятельность на иностранном языке в вузе: вызовы и преимущества. Мнение студентов // Вестник университета. 2023. № 4. С. 179–188.

Недвига И.В., Посохова С.Т.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Смысловой аспект выбора профессиональной направленности в юношеском возрасте

Смысложизненные ориентации, удовлетворённость выбором профессии

Смысловая сфера личности наиболее значима при конструировании профессионального выбора. Содержание смысловой составляющей связано с вопросом, которым задаётся молодой человек: «Каково моё место в этом мире?». Несформированность смысловой сферы на момент поступления в ВУЗ может быть одной из причин того, что уже к середине первого курса часть студентов начинает по-другому осознавать свои жизненные перспективы, появляется неудовлетворённость сделанным выбором профессии. Ранее нами установлено, что 21% первокурсников выразили неудовлетворённость выбором профессии, а 16% – обучением (Недвига, Посохова, 2024). При этом, в предыдущих работах этот показатель составил 10,6% (Шляпина, 2007). Отмеченный рост свидетельствует об усилении проблемы и необходимости понимания глубинных причин данной неудовлетворённости, особенно в контексте смыслового аспекта выбора.

Цель исследования заключалась в определении взаимосвязи смысложизненных ориентаций и удовлетворённости выбором профессии обучающихся в высших учебных заведениях.Выборку составили 63 первокурсника (32 юноши, 31 девушка) в возрасте 17-21 года, обучающихся по 11 направлениям (инженерия, программирование, экономика и др.). Использовались методики И.А. Акидиновой «Актуальность основных потребностей», Д.А. Леонтьева «Тест СЖО», а также авторская анкета «Лояльность первокурсников к выбору профессии». Исследование проведено в марте 2024 года с помощью Google- формы. Для обработки данных был применён корреляционный анализ (метод Спирмена). Исследование показало, что при формировании отношения первокурсников к профессии удовлетворённость выбором профессии и смысложизненные ориентации тесно связаны.

Установлены взаимосвязи между различными проявлениями смысложизненных ориентаций, такими, как локус контроля – я, локус контроля – жизнь, процесс жизни, и возможностью удовлетворения прежде всего социальных потребностей с помощью будущей профессии (при $p<0,001$). Чем более выражена уверенность в себе, свобода выбора и удовлетворённость процессом жизни, тем выше ожидания социальных перспектив. Обнаружена значимая положительная корреляция ($p=0,001$) между самостоятельностью выбора и удовлетворённостью обучением: чем более самостоятельным был выбор профессии, тем выше удовлетворённость обучением. Самостоятельность выбора выразили 84% респондентов. Обратная корреляция между самостоятельностью выбора и родительским влиянием ($p=0.007$) указывает на то,что по мере возрастания

признаваемого родительского влияния на выбор профессии у первокурсников снижается ощущение автономности, уверенности в свободном решении. При этом родительское влияние отметили 43% респондентов. Таким образом, осознание смысла разных сторон жизни в юношеском возрасте связано с возможностью удовлетворения наиболее значимой потребности – социальной. Для ощущения удовлетворённости выбором профессии наиболее важен фактор самостоятельности при принятии решения и минимизация роли родителей.

Смысложизненные ориентации лежат в основе смыслового аспекта профессионального выбора у первокурсников. В процессе обучения этот факт способствует профилактике неудовлетворённости выбором профессии и, как следствие, сохранению психического благополучия студентов на раннем этапе профессионализации.

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003.- 487 с.
2. Недвига И.В., Посохова С.Т. Удовлетворённость выбором профессии первокурсников с различными смысложизненными ориентациями // XXIII Международная научно- практическая конференция молодых исследователей образования. Семья. Ребенок. Образование: новые грани «классического треугольника»: тезисы конференции. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2024 С. 133-136
3. Шляпина С.Ф. Формирование проекта профессионального жизненного пути студента вуза // Образование и наука. 2007 №6, С. 48-55

Лазурина И.Г., Рябова Т.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Изучение процесса внимания у старших дошкольников в группах комбинированной направленности

Процесс внимания, объем внимания, концентрация внимания, распределение внимания, произвольность внимания

Введение. Группы комбинированной направленности включают детей с разнообразными потребностями и особенностями, такими как задержка психического развития (ЗПР), тяжелое нарушение речи (ТНР), гиперактивность, а также другие специфические потребности в развитии. У детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в зависимости от нозологии наблюдаются нарушения свойств внимания: объема, концентрации, распределения и произвольности. Данные нарушения требуют специальных методов обучения и коррекционный работы, направленных на развитие и поддержание внимания, а также на обучение стратегиям, которые помогают компенсировать эти трудности. Для определения мишеней психокоррекционного воздействия необходимо выявить дефицитарные зоны у старших дошкольников групп комбинированной направленности. Цели проведения исследования: изучить процесс внимания у старших дошкольников в группах комбинированной направленности; определить психологическую готовность к школьному обучению старших дошкольников с разным уровнем речевого и интеллектуального развития; выявить детей с несформированными или сформированными на низком уровне УУД для коррекционно-развивающих занятий.

Методы. Выборка: Проведено обследование 131 дошкольника, посещающих подготовительные и старшие группы ГБДОУ №83 Фрунзенского района Санкт-Петербурга. Среди них – 74 мальчика и 57 девочек. Возраст обследованных дошкольников 6-7 лет. Группы исследования: 1 группа контрольная (диагноз отсутствует): 47 детей; 2 группа: дети с заключением ТМПК: тяжелое нарушение речи (ТНР) – 57 детей; 3 группа: дети с заключением ТМПК: задержка психического развития – 27 детей. Методики: тест Тулуз-Пьерона, Прогрессивные матрицы Равена, тест «Лесенка» (Щур В.Г.), проективная методика «Дерево с человечками» (автор Д. Лампен, адаптация Л.П. Пономаренко), проективная методика «Рисунок человека», проективная методика «Рисунок семьи», тест Керна-Йирасека, методика «Запрещенные слова» (Павлова Н.Н., Руденко Н.Г.), Методика «Да и нет» Е.Е. Кравцовой. Статистическая обработка данных производилась в программе SPSS. Были использованы частотный анализ данных, первичные статистики, критерий Манна-Уитни, критерий Спирмена.

Результаты. Большинство обследованных старших дошкольников имеют достаточный уровень развития объема и концентрации внимания, линейного и структурного визуального мышления, вербального компонента мышления, графических навыков, умения выполнять задание по образцу. 69% обследованных дошкольников имеют дефицит распределения внимания. 84% обследованных старших дошкольников демонстрируют выраженную тревожность.

У обследованных старших дошкольников с ЗПР выявлен дефицит концентрации и распределения внимания, структурного визуального мышления, недостаточное развитие вербального компонента интеллекта, недостаточная сформированность графических навыков, недостаточность умения выполнять задание по образцу, выявлена незрелость эмоциональной сферы, дефицит контроля вербальной произвольной деятельности. У обследованных старших дошкольников с ТНР выявлен дефицит распределения внимания.

Чем выше у обследованных старших дошкольников объем внимания, тем выше их способность распределять внимание на протяжении всего выполнения работы, выше способность видеть закономерные взаимосвязи в организации элементов изображения и оперировать этими закономерностями, выше способность мыслить по аналогии, выше выраженность вербального компонента интеллекта, лучше графические навыки. Чем выше у обследованных старших дошкольников способность равномерно распределять внимание во время выполнения задания, тем выше объем внимания, выше произвольная регуляция вербальной деятельности и ниже демонстративность в поведении, ниже общая интеллектуальная незрелость, ниже неприспособленность и эгоцентризм.

Выводы. Таким образом, нами были определены мишени психокоррекционного воздействия у старших дошкольников групп комбинированной направленности и была разработана программа психолого-педагогического сопровождения. Были сформированы группы и проведены психокоррекционные занятия, направленные на развитие объема, концентрации и распределения внимания. Сравнительный анализ до и после проведения программы по критерию Вилкоксона выявил статистически достоверные различия по переменным: объем внимания, концентрация внимания, линейное и структурное визуальное мышление. То есть проведение программы психолого-педагогического сопровождения, направлен-

ного на развитие объема, концентрации и распределения внимания у старших дошкольников групп комбинированной направленности, является эффективным.

1. Грибова, А.Ю. Особенности развития произвольного внимания дошкольников с задержкой психического развития [Электронный ресурс] / А.Ю. Грибова // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика : сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2020. С. 166-170. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44129531.
2. Загорная, Е.В. Диагностика и развитие дошкольников. Методики, упражнения, развивающие программы [Текст] / Е.В. Загорная. М.: Наука и техника, 2023. 240 с.
3. Мартыновская И. А., Шорохова М. В. Исследование состояния произвольного внимания у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2018. № 7. С. 114-119.

Янчук А.А., Защринская О.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Повышение учебной мотивации младших школьников с тяжёлыми нарушениями речи средствами сказкотерапии

Сказкотерапии, тяжёлые нарушения речи, учебная мотивация

Введение. У детей с ТНР часто страдает вербальная память, им с трудом удаётся предавать свои мысли словами, у них наблюдается снижение познавательной активности и низкая мотивация к обучению. Зато повышается истощаемость, иногда гиперактивность и эмоциональная активность. Дети с ТНР обычно отстают в овладении письмом или понимании математических задач. Им гораздо сложнее даётся чтение, речевые общения, восприятие логико-грамматических инструкций. Так же у детей с такими отклонениями развитии можно выделить нарушения в эмоционально-волевой сфере.

Исходя из перечисленных выше сложностей связанных с развитием детей с ТНР, становится очевидным, что нужна методика, которая сможет задействовать различные психические процессы (развивать речь, внимание, память, мышление), будет направлена на взаимодействие детей с окружающими.

Сказкотерапия – один из видов арт-терапии, основанный на применении текстов сказок и подразумевающий психологическое воздействие на людей разного возраста с помощью морали сказок. Используется сказкотерапия для развития эмоционально-волевой сферы, эмоционального интеллекта, корректировки эмоционально-личностных и поведенческих проблем ребёнка.

Целью исследования стало эмпирическое доказательство эффективности применения средств сказкотерапии при повышении учебной мотивации у младших школьников с тяжёлыми нарушениями речи.

Методы. Исследование проводилось в общеобразовательной школе г. Санкт-Петербурга ГБОУ школа № 3 Красногвардейского района. Выборка составила 33 учащихся первых классов второго года обучения 8-9 лет с поставленным диагнозом F80 по МКБ-10 «сспецифическиерасстройства развития речи и языка».

Участники исследования были разделены на контрольную и экспериментальную группы. В первой осуществлялся исключительно замер учебной мотивации на первом занятии и повторный замер на занятии спустя 13 недель. В экспериментальной группе кроме занятий с замерами на протяжении 13-ти недель проводились занятия с применением средств сказкотерапии.

Для выявления уровня сформированности учебной мотивации у младших школьников с ТНР была использовано методика изучения мотивов учебной деятельности младших школьников М. Р. Гинзбург.

Для обработки данных использовались критерий Шапиро-Уилка (тест на нормальность), одновыборочный t-тест и непараметрический критерий Уилкоксона.

Результаты. Обработка результатов уровня учебной мотивации выявила пониженный уровень учебной мотивации у детей с ТНР в сравнении с нормативными значениями ($p=0,042$).

Повышения результатов повторного замера уровня учебной мотивации у экспериментальной группы статистически достоверно ($p<0,001$), а у контрольной группы статистически значимых изменений не выявлено ($p=1,000$).

Выводы. Таким образом, на основе проведённого исследования можно считать, что средства сказкотерапии является эффективным при повышении учебной мотивации у младших школьников с ТНР, и нами были разработаны практические рекомендации по применению сказкотерапии в работе с детьми с ТНР в целом, и для формирования учебной мотивации в частности.

1. Демидова А. П., Зиновьева В. Н., Слыш Н. К. Особенности речевого развития детей с тяжелыми нарушениями речи //Проблемы современного педагогического образования. 2020. №. 68(3). С. 73-75.
2. Защиринская О.В. Сказкотерапия в работе психолога. Спб: СПбГУ, 2022.
3. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. Спб: Речь, 2000.
4. Кабушко, А. Ю. Сказкотерапия как метод развития коммуникативных способностей у детей с ТНР // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. № 75(4). С. 114-117.
5. Макарычева И. А. Мотивационная сфера школьника. Общее понятие мотива и мотивации в учебной деятельности //Вестник науки и образования. 2018. Т. 1. №. 4 (40). С. 82-86.

Владимирский К.В., Наследов А.Д, Ван Кайсин
ФГБОУ ВО СПбГУ

Любопытство и учебная мотивация у российских и китайских студентов

Любопытство, учебная мотивация, перфекционизм, 5DCR

Любопытство как личностная особенность позволяет характеризовать отношение человека к новому опыту, что делает этот феномен перспективным для изучения его влияния на различные аспекты учебной деятельности. В данном исследовании проверялась гипотеза о взаимосвязи любопытства и мотивов учебной деятельности российских и китайских студентов.

В исследовании приняли участие 111 студентов (46 из Китая), средний возраст 24 года (SD = 4). В качестве модели и психометрического инструмента изучения любопытства была использована адаптированная версия опросника Five-Dimensional Curiosity Scale. Модифицированная методика основывается на оригинальной версии 2018 года (Kashdan et al., 2018) и дополняется шкалами из версии 2020 года (Kashdan et al., 2020), включает шесть шкал: любопытство как чувство депривации, любопытство как чувство интереса, стрессоустойчивость, поиск острых ощущений, скрытое социальное любопытство, явное социальное любопытство. Для диагностики мотивации применялись: методика «Изучение мотивов учебной деятельности» А.А. Реана, В.А. Якунина (Бадмаева Н.Ц., 2004) и опросник перфекционизма (Наследов, Киселева, 2016). Диагностика проводилась онлайн. Для выявления факторной структуры адаптированной версии 5DCR был проведён эксплораторныйфакторный анализ данных китайских и российских студентов. В результате полученная структура в целом соответствует оригинальной. Изменения коснулись шкалы любопытство как чувства интереса, из которой исключены два пункта оригинальной методики. Факторы были вычислены как новые переменные.

Результаты корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Пирсона свидетельствуют о неоднозначной взаимосвязи любопытства с учебной мотивацией. Выраженность познавательной мотивации статистически значимо положительно связана с любопытством как чувством депривации (российские $r = 0.284$, $p < 0.001$; китайские $r = 0.505$, $p < 0.001$) и любопытством как чувством интереса ($r = 0.204$, $p < 0.001$; $r = 0.374$, $p < 0.001$). Любопытство как депривация статистически достоверно связано с позитивной формой перфекционизма – высокими стандартами и притязаниями у российских студентов ($r = 0.249$, $p = 0.001$) и (на уровне тенденции) у китайских ($r = 0.269$, $p = 0.053$). Для тех и других характерна обратная взаимосвязь стрессоустойчивости в новых ситуациях и неконструктивной формой перфекционизма – самокритичностью ($r = 0.454$, $p < 0.001$; $r = 0.294$, $p < 0.001$). Также была выявлена отрицательная корреляция явного социального любопытства с познавательной мотивацией на выборке китайских студентов ($r = -0.281$, $p = 0.001$).

Полученные результаты подтверждают гипотезу о взаимосвязи любопытства и учебной мотивации независимо от культурного контекста. Особый интерес представляет любопытство как чувство депривации. Эта форма любопытства характеризуется наличием у человека «информационного пробела» (knowlage gap) – ощущением отсутствия в опыте информации, необходимой для решения актуальной проблемы. В рамках учебного процесса, у учащихся могут формироваться эти пробелы (например, при выполнении учебных задач), что может объяснить причину наиболее сильной взаимосвязи любопытства как депривации с учебной мотивацией.

1. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. – Улан-Удэ, 2004.
2. Наследов А. Д., Киселева Л. Б. Адаптация «Опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов //Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – №. 3. – С. 44-64.
3. Kashdan T. B. et al. The five-dimensional curiosity scale: Capturing the bandwidth of curiosity and identifying four unique subgroups of curious people //Journal of Research in Personality. – 2018. – Т. 73. – С. 130-149.
4. Kashdan T. B. et al. The Five-Dimensional Curiosity Scale Revised (5DCR): Briefer subscales while separating overt and covert social curiosity //Personality and individual differences. – 2020. – Т. 157. – С. 109836.

Николаева Н.С.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Источники творческой мотивации студентов-музыкантов: роль образовательной среды

Творческая мотивация, стиль взаимодействия преподавателя, музыкальное творчество

Проблема мотивации в музыкальном образовании крайне актуальна, поскольку обучение музыке требует длительных усилий и устойчивой внутренней мотивации, которая влияет на профессиональный выбор (Miksza et al., 2021). Важным показателем успешности обучения является стремление студентов заниматься музыкой вне учебного процесса, создавать новые музыкальные продукты, композиции и т.д. Вместе с тем образовательная среда может как стимулировать творчество, так и подавлять его из-за воспринимаемого контроля (de Bézenac, Swindells, 2009), влияя на творческую мотивацию (Amabile, 1983). Настоящее исследование направлено на изучение ключевых источников мотивации творческой деятельности в музыкальной образовательной среде, в частности роли стиля взаимодействия преподавателя со студентом, а также связи творческой мотивации с учебной мотивацией и удовлетворенностью базовых психологических потребностей обучающихся.

Участниками исследования стали 203 студента музыкальных училищ г. Москвы в возрасте от 18 до 24 лет, среди них 134 девушки и 69 юношей. Сбор данных был осуществлен путем заполнения бланков на групповых занятиях в училище. Были оценены следующие показатели: творческая мотивация (авторский опросник), стиль взаимодействия с преподавателем, учебная мотивация (Гордеева и др., 2017), удовлетворенность базовых психологических потребностей в учебе (Осин и др., 2015). При обработке полученных данных был использован корреляционный анализ.

Результаты исследования показали, что студенты с выраженным внутренним интересом к творческой деятельности демонстрируют более высокое ощущение автономии ($r=0,42$, $p<0,01$) и компетентности ($r=0,34$, $p<0,01$) в учебной деятельности, при этом не отличаясь от сверстников по уровню удовлетворённости потребности в связанности с участниками образовательного процесса. Студенты с высокой внутренней творческой мотивацией проявляют более выраженный познавательный интерес ($r=0,66$, $p<0,01$), стремление к достижениям ($r=0,62$, $p<0,01$) и саморазвитию в учебе ($r=0,55$, $p<0,01$) по сравнению с теми, у кого мотивация сопровождается чувством долга и страхом негативных последствий.

Выявлена значимая связь стиля взаимодействия преподавателя с творческой мотивацией: студенты с низкой внутренней творческой мотивацией, сопровождающейся чувством долга и ожиданием негативных последствий, связанных с творчеством, чаще сталкиваются с фрустрирующим ($r=0,18$, $p=0,04$) и индифферентным ($r=0,21$, $p=0,03$) стилями взаимодействия со стороны преподавателей, в отличие от студентов с высокой внутренней мотивацией. При этом студенты с разной творческой мотивацией не различались по восприятию поддерживающего стиля преподавания. Это позволяет заключить, что для поддержки продуктивной творческой мотивации студентов важнее прежде всего отсутствие демотивирующих, подавляющих автономию и безразличных стратегий преподавания.

Полученные результаты обсуждаются в свете схожих результатов зарубежных исследователей; также предлагаются практические рекомендации для преподавателей музыкальных образовательных учреждений.

1. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Гижицкий В. В., Гавриченкова Т. К. Шкалы внутренней и внешней академической мотивации школьников // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 2. С. 65–74.
2. Осин Е. Н., Сучков Д. Д., Иванова Т. Ю., Гордеева Т. О. Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников // Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 4. С. 103–121.
3. Amabile T. M. The social psychology of creativity: A componential conceptualization // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. No. 45. P. 357–376.
4. de Bézenac C., Swindells R. No pain, no gain? Motivation and self-regulation in music learning // International Journal of Education & the Arts. 2009. Vol. 10, No. 16. P. 1–33.
5. Miksza P., Evans P., McPherson G. Motivation to pursue a career in music: The role of social constraints in music programs // Psychology of Music. 2021. Vol. 49, No. 1. P. 50–68.

Бородавкина М.М.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Некогнитивные предикторы академических достижений по предметам физико-математического цикла

Школьная успеваемость, самоорганизация, самоэффективность, учебная активность

В связи с приоритетным направлением научно-технологического развития в науке и образовании существует необходимость в подготовке высококвалифицированных специалистов. Важным на этом пути является развитие академической успешности и поддержка обучающихся, выбравших углубленное изучение предметов физико-математического цикла. Отмечается перспективность изучения предикторов академической успешности в раскрытии многомерных связей, и использования интегративного подхода к их анализу.

В нашем исследовании мы изучили усредненный показатель текущей успеваемости испытуемых за год по 4 школьным предметам (алгебра, вероятность и статистика, геометрия, физика), как независимый критерий академических достижений от тестовой ситуации. Гипотеза исследования: академические достижения по предметам физико-математического цикла обусловлены некогнитивными ресурсами обучающихся. Выборка: 111 обучающихся 8-11 классов школы с углубленным изучением математики Санкт-Петербурга (средний возраст 15 лет). Методы математико-статистической обработки данных: Сравнительный анализ (U-Манна-Уитни); множественный регрессионный анализ (прямой пошаговый метод). Методики: Вопросник учебной активности школьника (А.А. Волочков); Шкала общей самоэффективности (Р. Шварцер и др.); Опросник самоорганизации деятельности (модификация Е.Ю. Мандриковой).

Результаты сравнительного анализа. В первую группу вошли «хорошисты» и «отличники», у которых средний балл выше или равен 3,7. Во вторую – ниже 3,7 соответственно. Обнаружены статистически достоверные различия по показателям самоорганизации: «Настойчивость» ($p = 0,043$) и учебной активности: «Самооценка обучаемости» ($p < 0,001$), «Учебная мотивация» ($p = 0,022$), «Уровень исполнительской динамики активности» ($p = 0,019$), «Результативный компонент учебной активности» ($p = 0,043$), «Потенциал активности» ($p < 0,001$), «Суммарный индекс учебной активности» ($p = 0,001$). Показатели наиболее выражены у «хорошистов» и «отличников».

Результаты множественного регрессионного анализа. Мы изучили изменчивость академических достижений по предметам физико-математического цикла через некогнитивныересурсы. Стоит отметить, что учитывались только значимые модели ($p < 0,01$). Из регрессионного анализа следует, что изменчивость средней успеваемости обуславливают переменные: отрицательно «Самоэффективность» ($\beta = – 0,026$, $p = 0,004$) и положительно «Самооценка обучаемости» ($\beta = 0,026$, $p < 0,001$) и «Результативный компонент учебной активности» ($\beta = 0,017$, $p = 0,002$). Данная регрессионная модель объясняет 34% дисперсии зависимой переменной (adj. $R^2 = 0,324$, $F(3, 107) = 18,6$, $p < 0,001$).

Обсуждение и выводы. Полученные данные указывают на важность развития учебной активности и навыков самоорганизации для повышения успеваемости по предметам физико-математического цикла. Неожиданный отрицательный вклад самоэффективности в изменчивость успеваемости требует дополнительного изучения. Отметим, что показатель «Самоэффективность» имеет положительные взаимосвязи на высоком уровне значимости со всеми показателями учебной активности и статистически значимые положительные взаимосвязи со всеми показателями самоорганизации, кроме показателя «Фиксация». Полученные результаты исследования могут быть использованы для разработки психолого-педагогических программ.

Исхаков Ф.Р.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эффективность прикладного анализа поведения и нарративной психотерапии в формировании навыка просьбы

Смешанная технология психологической интервенции, воспитательный нарратив, функциональная среда детского развития

Все чаще физиологически сохранный ребенок, воспитывающийся как самодетерминирующая система, не соответствует нормам развития. Противовесом является парадигма воспитания, где родитель выступает зоной ближайшего развития, конструируя функциональную воспитательную среду (Выготский, 1982). В результате сравнения парадигм воспитания была сформулирована гипотеза исследования: при установлении функциональности воспитательного нарратива родителя совместно с коррекцией поведения ребенка будет наблюдаться более высокий уровень сформированности навыков просьбы у ребенка. На основе данного предположения был апробирован терапевтический подход, совмещающий технологии прикладного анализа поведения (ABA, диагностический инструмент VB-MAPP (Sundberg, 2008)) с последующей поведенческой коррекцией с помощью разработанных обучающих протоколов, и терапевтическую работу по повышению функциональности воспитательного нарратива родителей (полинарративный подход (Зайцева, Горюнова, 2023)).

Методы. В исследовании приняли участие дети в возрасте от 3,7 до 5,3 лет. В группы смешанной технологии интервенции и только психотерапии в рамках полинарративного подхода были включены родители детей. Выборка разделена на 4 группы в зависимости от комплекса мер, направленных на формирования навыков просьбы у ребенка:

1. 4 года, тяжелая педагогическая запущенность, отсутствие речи, острый дефицит коммуникативных навыков, применялась смешанная технология интервенции.
2. 3,7 лет, «атипичный аутизм», отсутствие речи, способность привлечения внимания и совершения действий руками взрослого, применялась только поведенческая коррекция с ребенком.
3. 5,3 года, синдром Аспергера, применялась только психотерапия в рамках полинарративного подхода с родителями.
4. 4,1 года, «атипичный аутизм», после проведения тестирования никакого вмешательства не осуществлялось (контрольная группа).

Результаты. В группе 1 был проведен замер социального навыка «просьба указательным жестом». После 2 недель параллельного вмешательства ребенок продемонстрировал устойчивый навык просьбы указательным жестом, который также был генерализован на домашнюю среду и расширен привлечением внимания и появлением спонтанных вокализаций. В группе 2 был проведен замер социального навыка «просьба указательным жестом». После 2 недель только поведенческого вмешательства навык достаточно устойчиво демонстрировался на занятиях в центре, однако не был генерализован на другие среды. В группе 3 был проведен замер социального навыка «вербальная просьба с обращением». После 4 терапевтических сессий с родителем, в ходе которых был объяснен общий план постановки навыка, ребенок начал использовать имена значимых взрослых при просьбах, которые стали более развернутыми, однако, характер использования навыка можно назвать спонтанным. В группе 4 было проведено два замера с интервалом в 3 недели, в течение которых вмешательство не осуществлялось. Результаты повторного замера показали, что навык остался на прежнем уровне.

Выводы. В результате параллельного вмешательства, направленного на установление функциональности воспитательного нарратива родителя совместно с коррекцией поведения ребенка, наблюдаются большая устойчивость демонстрации навыка и генерализация навыков просьбы у ребенка

1. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский: собр. соч. в 6-ти т. М.: Педагогика, 1982 Т.2. 361 с.
2. Зайцева Ю. Е., Горюнова Ю. В. Полинарративный подход к анализу личных историй // Редакционная коллегия. 2023 С. 125-130.
3. Sundberg M. L. VB-MAPP Verbal Behavior Milestones Assessment and Placement Program: a language and social skills assessment program for children with autism or other developmental disabilities: guide. Mark Sundberg, 2008

Логвинова А. А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональное восприятие поэтических образов любви подростками

Восприятие, эмоциональное восприятие, подростки

Интеграция подростка в общество – одна из задач психологии. Это сложный процесс, который включает в себя личностное, физиологическое развитие и социальное взаимодействие. Многие подростки ищут эталоны, за которым следят и на которые ориентируются как на модель поведения (А.С. Белкин, 2000). Восприятие художественного образа – это многоуровневый, сложный процесс, который требует от читателя и интеллектуальной подготовки и эмоционального отклика. Было проведено исследование с целью определить содержание и структуру объектных характеристик поэтического образа любви, которые подросток воспринимает.

Исследование проводилось в несколько этапов. Целью первого пилотажного исследования было определение понимания лирических произведений подростками. Целью второго пилотажного исследования являлось установление способа восприятия подростками лирического произведения. Исходя из результатов двух пилотажных исследований, мы провели основное исследование. В основном исследовании участвовали 75 подростков, обучающиеся 8 классов среднеобразовательной школы с разными направленностями обучения (медиа, психолого-педагогический, IT). В исследовании были применены: методика В.В. Бойко «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (Якобсон, 1998), методика, направленная на определение романтического и читательского опыта подростков (анкета с оценкой утверждений), методика определения восприятия по стихотворениям М. Цветаевой «Мне нравится, что вы больны не мной…» и Б. Пастернака «Любить иных, тяжелый крест…» (авторская анкета с развернутым ответом). Полученные данные обрабатывались с использованием современных статистических методов: описательная статистика по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ по методу Спирмена, факторный анализ.

Диапазон эмоций в целом по выборке примерно одинаковый и в стихотворении Цветаевой, и в стихотворении Пастернака, при этом эмоции разнообразны: печаль, отвращение, удивление, интерес и т.д. Диапазон объектных образов любви в стихотворениях практически не отличаются: невзаимная любовь, образ дружеской любви, невозможная любовь и т.д..

Обращая внимание на направленность обучения, можно заметить, что диапазон эмоций (1,167±1,049; 1,125±0,947) и уровень эмоциональных барьеров (11,667±2,854) медиа класса в предложенных стихотворении значительно отличается от диапазона эмоций других направленностей. При этом больший показатель по опыту влюбленности показал психолого-педагогический класс (4,068±2,475).

Коэффициент корреляции образов любви в эмоциональной сфере указывает на положительную, но слабую связь между диапазоном образов и эмоций в стихотворении ($r=0.279$, $r=0.354$). Обращая внимание на корреляцию эмоциональных барьеров и поэтической вовлеченности, можно сделать вывод, что подростки при высоком уровне эмоциональных барьеров могут быть склонны к высокому уровню размышлений и рефлексии ($r=0.265$). Корреляция учебной направленности и диапазона эмоций показала, что учащиеся медиа класса показывают более широкий диапазон эмоций при анализе поэтического образа любви ($r=-0.356$, $r=-0.461$).

Исходя из полученных результатов, мы можем сказать, что поэтические образы любви воспринимаются и раскрываются подробно у подростков, которые имеют высокий уровень эмоциональных барьеров. Таким образом, эмоциональная составляющая подростков при восприятии образов любви в поэзии очень важна.

1. Белкин А. С. Основы возрастной педагогики. М.: Академия, 2000. 192 с.
2. Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации / П.М. Якобсон. – Воронеж: МОДЭК; Москва: Институт практической психологии, 1998. – 304 с.

Полещук Ю.А., Бойко С.И.
БГПУ им. М. Танка

Готовность будущих психологов социального типа к работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья

Студенты-психологи, готовность к работе с лицами с ограниченными возможностями здоровья

В современном мире постоянно меняющийся рынок труда предъявляет повышенные требования к выпускнику вуза. Для успешной конкуренции ему важно не только владеть профессиональными компетенциями, но и иметь сформированную профессиональную направленность. В эмпирическом исследовании профессиональной направленности личности приняли участие 77 студентов-психологов Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка и 35 студентов-психологов Российского государственного гуманитарного университета. Возраст испытуемых – 19-20 лет. Диагностика осуществлялась с помощью опросника Дж. Голланда «Профессиональная направленность личности», который позволяет выявить шесть профессиональных типов личности (реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциальный, предприимчивый, артистический) (Практикум, 2003). Для будущих психологов оптимальной выступает социальный тип личности, также подходят предприимчивый и артистический типы (Holland, 1997). В исследуемой выборке студентов-психологов 21% белорусских респондентов и 19% российских относятся к социальному типу личности. Представители данного типа ориентированы на межличностное взаимодействие, любят и умеют общаться.

Одной из сторон профессионального общения психологов выступает взаимодействие с людьми с «ограниченными возможностями здоровья» (ОВЗ) (термин, употребляемый в России) или «с особенностями психофизического развития» (ОПФР) (термин, принятый в Беларуси). Поскольку данный контингент людей обладает специфическими личностными особенностями, важно уже на этапе обучения готовить студентов к взаимодействию с ними. В этом контексте нами было проведено исследование о готовности будущих психологов к работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья. В указанной выборке была отобрана группа студентов-психологов социального типа личности, обучающихся в БГПУ на 3 курсе (19 человек). Им предлагалось ответить на вопросы анкеты, разработанной авторами: готовы ли они к работе с людьми с ОВЗ, чувствуют ли такую склонность; был ли в их жизни такой опыт; какие эмоции и чувства вызывает возможность такой деятельности? Ответ на каждый вопрос оценивался исходя из 100%. Готовность к работе с лицами с ограниченными возможностями здоровья студентов можно рассматривать как феномен, состоящий из трех взаимосвязанных компонентов: когнитивного, аффективного и поведенческого (Асмаковец, Кожей, 2017).

Когнитивный компонент включает не только знания о лицах с ОВЗ, о специфике работы с ними, но и представление о себе как о специалисте, способном оказывать помощь (Асмаковец, Кожей, 2017). В нашей выборке 40% респондентов указали, что готовы работать, если будут владеть соответствующими знаниями. Эмоциональный компонент связан с проявлениями составляющих эмоциональной сферы в отношении людей с ОВЗ. Студенты отмечали, что их «переполняют эмоции», это мешает сосредоточится на содержании самой работы. Таких респондентов было 35%, они не готовы работать или не определились относительно своей готовности. Поведенческий компонент «представляет собой реагирование определенным образом на лиц с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействие с ними» (Асмаковец, Кожей, 2017). Он наиболее выражен, поскольку готовность вступать в коммуникацию отметили 60% опрошенных, из них у половины есть такой опыт.

Выразили готовность работать 55% (опыт у 25%). Также были студенты, которые высказались о том, что они не готовы работать (35%), хотя у 10% из них имелся опыт общения с лицами с ОВЗ. Не определились 10% будущих психологов.

Таким образом, у будущих специалистов социального профессионально типа готовность к работе с людьми с ОВЗ сформирована не в полной мере. В тоже время все три компонента готовности представлены. Поскольку они взаимосвязаны и взаимозависимы, необходимо развитие их всех – для оптимальной подготовки будущих психологов к работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья.

1. Асмаковец Е. С., Кожей С. Готовность студентов направления «социальная работа» к работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017 Т. 10, № 2 С. 38–53.
2. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб. : Речь, 2003 С. 45-50.
3. Holland, J. L. Making vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments / J. L. Holland. – North Florida : Psychological Assessment Resources, 1997 – 303 p.

Голубева А.В.
НОУ ВПО СПбГУП

Практика преподавания нейроанатомии студентам психологам

Нейроанатомия, критическое мышление, освоение дисциплины

Введение. Современные условия социума требуют подготовки высококвалифицированных специалистов-психологов, обладающих глубокими профессиональными знаниями как в области нейронаук, так как знание естественнонаучной составляющей психологической науки позволит будущим профессионалам легче адаптироваться непосредственно в специальности и быть более эффективным в оказании психологической помощи. Нейронауки, включенные в программу обучения – это курсы нейроанатомии, нейрофизиологии, психофизиологии и психогенетики и выступают как практические, междисциплинарные области науки, обеспечивающие совершенствование умений и навыков профессионального анализа психических состояний и психической деятельности человека в целостном восприятии понятия психологической нормы [1, 2]. Акцентирование внимания на формировании компетенций критического анализа литературы и ознакомление студентов с последними достижениями науки и биотехнологий в области нейронаук представляется важной составляющей учебного процесса.

Цель. Выявить эффективные методики преподавания нейрофизиологии с учётом требований образовательной программы, особенностей профессиональной подготовки будущих психологов и развития критического и клинического мышления.

Методы. Анализ и обобщение результатов исследований, опубликованных в научных журналах, а также данные собственного опыта преподавания нейрофизиологии студентам психологам . Критерии включения в анализ основывались на их актуальности, научной значимости и методологической строгости.

Результаты. Преподавание естественнонаучных дисциплин на психологическом факультете/кафедре сопряжено с определенными трудностями, так как отсутствует, как правило практическая база для подготовки (препараты, лаборатории для проведения опытов), что отличает подход к проведению занятий, например, в медицинских вузах. При этом, профиль подготовки требует максимального приближения к практической составляющей. Студенты психологи должны понимать процессы в центральной нервной системе, чтобы наиболее эффективно помогать клиентам, уметь отличить анатомо-физиологическую норму от патологии, вовремя перенаправить клиентов, в случае неотложного состояния [3]. Поэтому интеграция теоретической базы нейрофизиологии и прикладных аспектов психологии особенно важна, также, как и акцентирование внимания на формировании компетенций критического анализа научной литературы и клинических исследований.

В преподавании нейрофизиологии важно помимо лекций с предоставлением теоретического материала, построить систему семинарских занятий, с ориентацией на практическое применение полученных знаний для активизации учебной деятельности студентов посредством: интерактивных форматов занятий таких как кейс-метод, доклады с интерактивной составляющей и имитацией биологических процессов становятся возможными благодаря цифровым технологиям и применению искусственного интеллекта. Целесообразно использование виртуальных лабораторий и симуляторов для моделирования процессов нервной системы [4], формата групповых обсуждений научных статей и публикаций, анализа опыта внедрения образовательных платформ LMS (Learning Management System) [5] и специализированных приложений для мобильных устройств. Выводы. Предложения по формированию рекомендаций для педагогов-психологов, ориентированных на повышение качества подготовки специалистов по направлению «Психология», направлены на выделение практической составляющей, включая ознакомление студентов не только с теорией, но и практикой для восприятия человека как целостной гармоничной личности.

1. Айзман, Р.И. Возрастная анатомия, физиология и гигиена: учебное пособие / Р.И. Айзман, Н.Ф. Лысова, Я.Л. Завьялова. – М.: КноРус, 2021 – Режим доступа: http://book.ru/book/938064
2. Шульговский В.В. Нейрофизиология : учебник / Шульговский В.В. – М. : КноРус, 2016 – Режим доступа: http://book.ru/book/919379
3. Циркин, В. И. Нейрофизиология: основы нейрофизиологии: учебник для вузов / В. И. Циркин, С. И. Трухина, А. Н. Трухин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2022 – 504 с. – (Высшее образование). – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/494377 (дата обращения: 28.05.2024)
4. Циркин, В. И. Нейрофизиология: физиология сенсорных систем: учебник для вузов /
5. В. И. Циркин, С. И. Трухина, А. Н. Трухин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2022 – 459 с. – (Высшее образование). – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/496262 (дата обращения: 28.05.2024).
6. Электронно-библиотечная система «Юрайт» – www.urait.ru

Лаская Д.А., Розанов В.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Семья студента как про- и антисуицидальный фактор (эмоционально-коммуникативный анализ)

Суицидальное поведение, студенческие суициды, семейный фактор, факторы суицидального риска, протективные факторы

Введение. Суицидальное поведение студентов является острой социальной и клинико-психологической проблемой, оказывающей влияние на все общество. Уровень суицидальных проявлений среди молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, остаётся высоким даже при наличии психологической помощи в вузах. Исследования подтверждают, что одним из ключевых факторов нарушений психологического здоровья является дисфункциональная семейная среда, при этом данных об особенностях эмоционального внутрисемейного климата и его роли в развитии суицидальности, или наоборот, в защите от суицида, недостаточно. Целью данного исследования стало изучение дифференцированных типов внутрисемейных эмоциональных взаимодействий как факторов риска суицидального поведения студентов, с одной стороны, и как факторов-протекторов, с другой.

Методы. Был проведен поперечно-срезовый анонимный онлайн-опрос среди студентов и аспирантов российских вузов (n=441). Для оценки выраженности суицидального риска использовалась методика SBQ-R (Osman A. и др.). В исследуемую выборку вошли: основная группа (ОГ, n=73) с высоким риском суицида и группа сравнения (ГС, n=87) без выявленного риска. Взаимоотношения с родителями оценивались с помощью авторской анкеты и методики «Стили эмоциональной коммуникации в семье» (А.Б. Холмогорова и др.). Сравнение групп осуществляли с использованием критерия $\chi 2$ Пирсона и U-критерия Манна-Уитни. Для оценки взаимосвязей между выраженностью суицидального риска и особенностями семейных коммуникаций использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. В общей выборке риск суицида выявлен у 62,13% студентов, доля студентов с очень высоким риском составила 16,55%. Студенты ОГ достоверно чаще оценивали отношения с родителями как недоверительные, лишённые эмоционального контакта, с преобладанием критики и давления. Особенно выражены различия по шкалам «родительская критика», «подавление эмоций», «внешнее благополучие» и «семейный перфекционизм». Более 60% студентов из ОГ заявили о страхе не оправдать ожидания родителей. В отличие от них, студенты из ГС в два-три раза чаще описывали свои взаимоотношения с родителями как тёплые, доверительные и поддерживающие. По шкале СЭК у 52,05% студентов из ОГ выявлен высокий уровень семейных дисфункций, в то время как в ГС доля таких студентов составила 10,34%. Наиболее сильную корреляцию с уровнем суицидального риска показали общий индекс семейной дисфункции (r=0,503), родительская критика (r=0,494), стремление скрывать проблемы за видимым благополучием (r=0,479) и запреты на выражение эмоций (r=0,440).

Выводы. Эмоционально-коммуникативный стиль семейных взаимодействий может выступать как мощный просуицидальный или антисуицидальный предиктор. Высокий уровень родительской критики, элиминирование эмоций, стремление скрывать проблемы за витриной внешнего благополучия, а также эмоциональное отчуждение формируют психоэмоциональную уязвимость к суицидальному поведению. Определенную роль в этом играет также семейный перфекционизм, индуцирующий сильное чувство вины в ситуациях академического или социального «провала». Поддержка, открытая коммуникация и принятие, напротив, являются протективными факторами. Семья, способная обеспечить психологическую безопасность, формирует устойчивость к стрессу, кризисам и неудачам, порождая веру в себя. В современных условиях важно не только развивать службы психологической помощи, но и разрабатывать профилактические программы, направленные на родительское просвещение и развитие позитивных внутрисемейных взаимодействий.

1. Osman A., Bagge C.L., Gutierrez P.M., et al. The Suicidal Behaviors Questionnaire-Revised (SBQ-R): validation with clinical and nonclinical samples. Assessment. 2001. 8(4). P. 443-454. doi: 10.1177/107319110100800409.

Рявкина Т.Д., Ткачева Л.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Паттерны глазо-двигательной активности в процессе восприятия иностранного иллюстрированного текста в зависимости от уровня владения иностранным языком

Айтрекинг, паттерны глазодвигательной активности, уровень владения иностранным языком

Цель исследования – определение паттернов глазодвигательной активности в процессе восприятия иностранного иллюстрированного текста в зависимости от уровня владения английским языком (L2, английский язык) у искусственных билингвов, у которых L1 – русский язык. Мы предполагаем, что существуют корреляции между уровнем владения иностранным языком (L2) и временем обработки текста, количеством регрессий, фиксаций.

Выборка. Искусственные билингвы, 18-25 лет. 2 группы – экспериментальная, контрольная. В экспериментальной группе участники читают иллюстрированные тексты на английском языке, в контрольной группе – без иллюстраций. Составила 24 человека: женщины (20 чел), мужчины (4 человека). Методы. Тестирование на самочувствие по методике САН (В. А. Доскин и др. 1973); Предъявление 1 слайда с инструкцией (без айтрекинга); Эксперимент с айтрекингом(программы Neurobureau, Gazepoint) включает 10 слайдов. Участники читают иллюстрированный текст на слайде. Переходят к следующему слайду (по кнопке), содержащему тот же текст и задание на понимание прочитанного. Выполняя задание, испытуемые озвучивают ответы на 4 вопроса в форме «True/False». Затем испытуемые переходят к следующим слайдам (по кнопке). После проведения эксперимента – устный опрос о том, возникали ли трудности с пониманием текстов; замечали ли испытуемые изменения стимулов в ходе эксперимента.

Эксперимент включает слайды с 5 текстами из учебников линейки Oxford (English File), адаптированных к уровням (A1-B2). Тексты различны по содержанию, расположены поочередно от начального уровня к уровню выше среднего. Длина текстов составляет 12 – 14 строк, средний объем текстов – 173 слова. Каждый текст сопровождается иллюстрациями в зигзагообразном формате. Иллюстрации к текстам выдержаны в едином стиле (фотографии).

Результаты. Запись движений глаз проводилась с помощью программ Neurobureau, Gazepoint. Данные по параметрам глазодвигательной активности извлекались в программе Neurobureau. В качестве областей интереса (ОИ) для каждого стимула выделялись иллюстрации и текст. В результате были получены данные движений глаз по областям интереса, согласно которым испытуемые обрабатывают текст параллельно с обработкой иллюстраций при чтении, что соответствует интерактивной нейрофизиологической модели речи (IAM). Было выявлено, что наибольшее количество фиксаций приходится на области, содержащие ключевую информацию для понимания текста у испытуемых с уровнем B1-B2.

1. Демарева В.А., Еделева Ю.А., Мещерякова А.А. «Глобальные» параметры движений глаз как корреляты уровня компетенции в иностранном языке // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 502. С. 5–12. https://doi.org/10.17223/15617793/502/1
2. Kuperman V, Siegelman N, Schroeder S, et al. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus. Studies in Second Language Acquisition. 2023;45(1):3-37. https://doi.org/10.1017/S0272263121000954
3. Yevgeni Berzak, Boris Katz, and Roger Levy. Assessing Language Proficiency from Eye Movements in Reading // In Proceedings of the 2018 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, Volume 1 (Long Papers), pages 1986–1996, New Orleans, Louisiana. Association for Computational Linguistics. https://doi.org/10.18653/v1/N18-1180
4. Parshina O, Laurinavichyute AK, Sekerina IA. Eye-movement benchmarks in Heritage Language reading. Bilingualism: Language and Cognition. 2021; 24(1):69-82. https://doi.org/10.1017/S136672892000019X
5. Palmovic´ M, Jäger LA and Hollenstein N (2023) Editorial: Eye-tracking while reading for psycholinguistic and computational models of language comprehension. Front. Psychol. 14:1326408. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1326408

Супрунова К.А., Ткачева Л.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние культурных особенностей на восприятие цвета у представителей разных культур

Межкультурное исследование, айтрекинг, эмоции, восприятие цвета

Вопрос влияния цвета на эмоциональное состояние человека привлекает внимание исследователей из различных областей. Этой проблемой интересуются психология и лингвистика. В рамках этих наук высказываются предположения, что восприятие цвета и его взаимосвязь и ассоциации с какими-либо эмоциями напрямую связаны с культурной принадлежностью человека. (Heller E., 1989)

Большинство исследований, посвященных влиянию цвета на эмоциональное состояние человека не берут во внимание культурный бэкграунд респондентов, который оказывает значительное влияние на цветовые ассоциации. (Elliot A., Maier M., Moller A., Friedman R., Meinhardt J., 2007) Но большинство исследований, в частности и айтрекинг исследований, проводятся в рамках нейромаркетинга или нейроэкономики, фокусируясь не на эмоциональном состоянии, а только на культурных ассоциациях.

Гипотеза: В рамках исследования мы выдвигаем предположение о том, что цветовые предпочтения и ассоциации обусловлены культурными особенностями респондентов.

Методы: Айтрекинг.

Методы сбора и обработки данных: Первичная обработка с использованием встроенных инструментов анализа прибора – тепловая карта внимания, и особенно зона интереса и ее аналитика.

Выборка: На данный момент проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие пятеро русскоговорящих испытуемых и двое носителей китайского языка. Уровень английского языка испытуемых варьировался от B1 до C1, а возраст от девятнадцати до двадцати семи лет. В дальнейшем планируется расширение выборки.

Результаты: После прочтения текста, отражающего эмоцию «грусть» ожидается большее количество фиксаций на черном цвете у русскоговорящих респондентов. После прочтения текста, отражающего эмоцию «грусть» ожидается большее количество фиксаций на на черном и синем цветах у русскоговорящих респондентов. Также, после прочтения текста, отражающего эмоцию «грусть» ожидается больше фиксаций на белом цвете у респондентов говорящих на китайском языке

Выводы: Результаты пилотажа были подвергнуты первичному статистическому анализу с дальнейшей визуализацией данных. Обнаружилась статистическая тенденция в повышенном внимании к черному цвету, ассоциированному с эмоцией страха у русскоязычных респондентов. Сложно сделать какие либо выводы относительно китайских респондентов, однако, также была обнаружена статистическая тенденция в повышенном внимании к черному цвету, ассоциированному с эмоцией страха. В 40% случаев респондентам не удалось определить эмоцию. Это может быть связано с тем, что тексты были сложны для их понимания, не все слова в списке эмоций им знакомы или тексты в целом недостаточно хорошо отражают заданные эмоции. Кроме того, у испытуемых – носителей китайского языка наблюдается более высокое внимание к красному цвету в сравнении с русскоговорящими респондентами. Возможным объяснением внимания китайских испытуемых к красному цвету может быть объяснена важной ролью красного цвета в китайской культуре.

1. Elliot A., Maier M., Moller A., Friedman R., Meinhardt J. Color and Psychological Functioning: The Effect of Red on Performance Attainment // Journal of experimental psychology. General. 2007. Vol. 136. 154-68.
2. Heller E. Wie Farben wirken // Reinbek : Rowohlt, 1989.

Клумова С.Б., Меньшикова Г.Я.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Анализ стратегий сканирования лицевых экспрессий с использованием айтрекинга в контексте задачи «2-back task»

Зрительная рабочая память, айтрекинг, лицевые экспрессии

Эмоциональные выражения лиц людей при социальном взаимодействии постоянно меняются. Ранее была показана связь между считыванием лицевой экспрессии и производительностью рабочей памяти (Neta, Whalen, 2011, Stiernstroem et al., 2016). Например, считается, что гнев удерживается в рабочей памяти лучше, чем нейтральное выражение, а экспрессия страха приводит к наибольшему числу ошибок. В этой связи мы формулируем исследовательский вопрос: Существуют ли различия в айтрекинг-метриках при восприятии различных типов лицевых экспрессий в условиях задачи 2-back?

Целью данного исследования явилось изучение взаимосвязи успешности решения задачи 2-back с лицевыми экспрессиями в качестве стимулов и маршрутами сканирования лиц («стратегиями») при выполнении данной задачи. Основная гипотеза была сформулирована так: участники с высокой и низкой эффективностью выполнения задачи на рабочую память демонстрируют различные стратегии сканирования лиц. Этопроявляется в: 1) более стабильном и длинном маршруте фиксаций у высоко эффективных испытуемых 2) более схожими маршрутами фиксаций между различными по полярности экспрессиями (например, гнева и радости).

В эксперименте приняли участие 30 человек с нормальным или скорректированным до нормального зрением. В качестве стимулов использовались 56 изображений лиц (7 мужских и 7 женских) из базы лиц WSEFEP, каждое из которых выражало четыре эмоции: радость, гнев, страх и нейтральное состояние. В задаче 2-back предлагалось определить, совпадает ли экспрессия представленного на экране лица с той, что была представлена двумя изображениями назад. Движения глаз регистрировались с помощью системы Eyelink-1000. Эксперимент состоял из 6 блоков по 30 стимулов, каждый из которых предъявлялся на 1500 мс. Участники отвечали нажатием клавиш «1» (совпадение) или «3» (различие), итого – 28 ответов на каждый блок.

Основные показатели эффективности включали точность выполнения задачи, качество и количество ошибок. Стратегии сканирования оценивались по следующим параметрам: вариативность и длительность маршрутов сканирования лиц отдельно по четырем экспрессиям. Количественный анализ данных позволил выделить две группы участников: первая группа характеризуется более вариативными стратегиями, включающими разнообразие маршрутов фиксаций и активное сканирование зоны глаз. Вторая группа демонстрирует более «устойчивые» стратегии с повторяющимися паттернами и меньшим интересом к зоне глаз. При анализе точности решения задачи первая группа показала значимо более высокий результат (при $p < 0,05$).

В последнее время все чаще упоминается важность учета индивидуальных различий в распределении зрительного внимания по лицу (Меньшикова, Пичугина, 2021), в связи с чем встает вопрос о детерминантах этих различий, которыми могут являться общая скорость обработки информации, личностные характеристики, особенности когнитивного стиля, уровень тревожности и др. Нами планируется провести более детальный анализ ошибок по отдельным экспрессиям и времени реакции, а также включить в исследование использование опросников на уровень тревожности и эмпатии, которые, как показывают исследования, могут показать связь с особенностями движениями глаз в связи с большим количеством фиксаций на лицах, выражающих угрозу (для тревожных людей, Holas et al., 2014), и лиц, вызывающих эмпатичный отклик (Martínez-Velázquez et al., 2020). Полученные результаты углубят понимание когнитивно-аффективных механизмов обработки лицевых экспрессий в рабочей памяти.

1. Меньшикова Г. Я., Пичугина А. О. К вопросу об особенностях анализа движений глаз в процессе восприятия лиц //Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2021. – №. 1. – С. 196-219.
2. Holas P. et al. Orienting and maintenance of attention to threatening facial expressions in anxiety–An eye movement study //Psychiatry Research. – 2014. – Т. 220. – №. 1-2. – С. 362-369.
3. Neta M., Whalen P. J. Individual differences in neural activity during a facial expression vs. identity working memory task //Neuroimage. – 2011. – Т. 56. – №. 3. – С. 1685-1692.
4. Martínez-Velázquez E. S. et al. The influence of empathy trait and gender on empathic responses. A study with dynamic emotional stimulus and eye movement recordings //Frontiers in psychology. – 2020. – Т. 11. – С. 23.
5. Stiernströmer E. S., Wolgast M., Johansson M. Effects of facial expression on working memory //International Journal of Psychology. – 2016. – Т. 51. – №. 4. – С. 312-317.

Григорян А.В, Ткачева О.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Применение нейротехнологии eye-tracking для анализа рекламных макетов

Нейромаркетинг, eye-tracking, рекламные макеты

Современная психология зрительного восприятия активно изучает механизмы селективного внимания как ключевого компонента когнитивных процессов. В ходе потребительского поведения визуальное внимание определяет эффективность рекламных коммуникаций и влияние на принятие решения о покупке. Нейротехнология айтрекингаобеспечивает всестороннюю возможность объективного наблюдения подсознательного зрительного восприятия, что имеет значение для понимания психофизиологических основ потребительского поведения.

Целью исследования является изучение психофизиологических механизмов распределения зрительного внимания при восприятии рекламных макетов фэшн-индустрии с помощью нейротехнологии айтрекинга.

Основные гипотезы:

Гипотеза 1: Размер и пространственное расположение логотипа определяют закономерности зрительного внимания, влияя на общее количество фиксаций взгляда в соответствии с принципами избирательного внимания.

Гипотеза 2: Элементы рекламного макета с высокой визуальной оригинальностью (лицо модели, логотип, информация о скидке) показывают область приоритетного внимания, что проявляется в увеличении времени фиксации и уменьшении латентности первого взгляда.

В обучении приняли участие 25 респондентов в возрасте 18-28 лет (женщины: 84%, мужчины: 16%). Использовались 15 рекламных макетов фэшн-индустрии, созданных в программе Figma. Регистрация действий глаз осуществлялась с помощью устройства слежения за взглядом – нейротехнологии айтрекинга. Статистический анализ полученных результатов проводился в программе IBM SPSS с применением однофакторного дисперсионного анализа для сравнения показателей фиксации взгляда между различными областями интереса.

Исследование подтвердило Гипотезу 1: макеты с крупными логотипами (№ 13, 10, 15, 9, 2) продемонстрировали появление более высокого общего количества фиксаций по сравнению с макетами, содержащими логотипы меньшего размера в верхней части (№ 5, 7, 6).

Гипотеза 2 получила частичное подтверждение: область высокой визуальной активности действительно привлекала приоритетное внимание, что выражалось в сокращении количества фиксаций до первого взгляда на логотип (макеты № 9, 12, 15), информацию о скидке (макеты № 4, 14, 8, 12) и лица в центральном расположении (макеты № 9, 10). По показателю общего времени просмотрите наибольшие значения фиксаций для областей «скидка» и «плашка новой коллекции» на макетах № 13, 10, 11, 15, 8.

Результаты исследования подтверждают принципы теории селективного внимания к небольшому числу визуальных коммуникаций.

Для психологии исследование раскрывает когнитивные процессы обработки визуальной информации в условиях восприятия рекламы, что важно для понимания потребительского поведения как психологического феномена.

Практическая значимость заключается в возможности применения технологий айтрекинга для оптимизации рекламных макетов с учетом психофизиологических особенностей зрительного восприятия, что открывает новые направления в изучении взаимодействия когнитивных процессов и маркетинговых стимулов.

Кордюкова А.А., Ткачева Л.О.
ФБГОУ ВО СПбГУ

Айтрекинг исследование связи понимания текста и алекситимии

Айтрекинг, свободное чтение, понимание языка, алекситимия

За более чем сорок лет исследования феномена алекситимии, были установлены множество проявлений, диагностических критериев, связей алекситимии с психологическими явлениями, однако до сих пор отсутствует единая теоретическая база, объясняющая природу алекситимии(Luminet, 2018). Психолингвистический подход, основываясь на теории множественного кодирования Буччи (Bucci, 1997), обладает потенциалом выделения единых механизмов алекситимии. Так, аспект понимания языка как процесса объединения формы слова с отдельным значением является важной частью межличностной коммуникации, и представляется важным направлением исследований связи с алекситимией. Однако исследования связи алекситимии с базовым пониманием языка с помощью психологических методов показывают противоречивые результаты и требуют дополнительного подтверждения. Перспективным направлением в изучении понимания языка являются айтрекинг исследования, предоставляющие более объективные данные о показателях понимания текста (Mézière, 2023).

Таким образом цель нашего исследования – выявление различий в понимании эмоционального текста в зависимости от уровня алекситимии. Основная гипотеза – паттерны глазодвигательной активности при чтении эмоциогенных текстов будут отличаться для испытуемых с высокими показателями алекситимии, в следствие дополнительной когнитивной нагрузки, требуемой для обработки эмоц.информации. Частные гипотезы – количество регрессивных саккад будет больше, средняя продолжительность фиксаций будет выше, средняя амплитуда саккад будет меньше, длительность просмотра будет выше для группы испытуемых с высоким общим уровнем алекситимии, чем для испытуемых с низким уровнем алекситимии.

В исследовании применяется системный подход, сочетающий айтрекинг-парадигму «Свободного чтения» и психологическую методику Торонтская алекситимическая шкала TAS-20 для определения степени выраженности алекситимии. План представляет собой эксперимент по типу временных серий с тремя группами – испытуемые с высоким (n=5), низким (n=6) и средним (n=7) уровнем алекситимии и тремя типами воздействия – стимулами негативной, позитивной и нейтральной валентности, отобранными в результате валидации методом экспертных оценок (N=33).

Нами используется айтрекер исследовательского уровня GazePoint, позволяющий зафиксировать параметры глазодвигательной активности в ответ на эмоциональные и неэмоциональные стимулы. В рамках парадигмы айтрекинг исследований «Свободное чтение» перед испытуемыми ставится задача внимательного чтения мини-историй разной валентности, в процессе чего айтрекером собираются интересующие нас данные о длительности фиксаций, амплитуде саккад, количестве регрессий и длительности просмотра.

Далее количественные данные окулографической активности сопоставляются с психологическими показателями уровня алекситимии с помощью метода множественного дисперсионного анализа. Факторами выступают уровень алекситимии и валентность стимулов, а зависимыми переменными – данные айтрекинга. Таким образом, будут выявлены межгрупповые различия для каждого из айтрекинг-показателей понимания текста в зависимости от уровня алекситимии и эмоциональной валентности стимула. Полученные данные внесут вклад в определение механизмов когнитивной обработки при алекситимии и разработку адресных коррекционных программ.

1. Bucci W. Symptoms and symbols: A multiple code theory of Somatization, Psychoanalytic Inquiry // A Topical Journal for Mental Health Professionals, 1997. Vol 17 (2), P. 151-172
2. Luminet O., Bagby R., Taylor G. Alexithymia: Advances in Research, Theory, and Clinical Practice. Cambridge University Press, 2018.
3. Mézière, D.C., Yu, L., Reichle, E.D., von der Malsburg, T. and McArthur, G. Using Eye-Tracking Measures to Predict Reading Comprehension. Read Res Q. 2023. Vol 58. P. 425-449. https://doi.org/10.1002/rrq.498

Котова В.А., Ткачева Л.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности стратегий чтения у младших школьников с общим недоразвитием речи

Стратегии чтения, ОНР, айтрекинг, понимание текста, семейная среда

Чтение – важнейшая когнитивная деятельность, лежащая в основе обучения (Dahl-Leonard, 2025). У детей с общим недоразвитием речи (ОНР) овладение чтением затруднено в связи с несформированностью языковых компонентов (Левина, 2005). Целью исследования является выявление особенностей стратегий чтения у младших школьников с ОНР по сравнению с их сверстниками с нормальным речевым развитием. Особое внимание уделяется глазодвигательной активности как объективному индикатору когнитивной переработки текста (Toki, 2024).

В исследовании участвовали 20 первоклассников в возрасте от 7 до 9 лет, из которых половина имела диагноз ОНР. Для получения данных использовался метод айтрекинга при чтении текста и предложений, задания на проверку понимания прочитанного, а также анкетирование родителей, направленное на изучение семейной читательской среды. Запись движений глаз осуществлялась с помощью установки Gazepoint GP3 HD. Полученные данные обрабатывались с использованием современных статистических методов: t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна–Уитни, двухфакторный дисперсионный анализ.

Характерные различия между группами проявились в изменениях параметров глазодвигательной активности: увеличенном времени до первой фиксации на синтаксически сложных участках текста ($p < .001$), более длинных фиксациях ($p < .001$; $r = -.127$. Эти особенности демонстрируют, что дети с ОНР используют иные когнитивные стратегии, характеризующиеся меньшей автоматизированностью и большим вовлечением компенсаторных процессов.

Разница между чтением синтаксически простых предложений и синтаксически сложных частей предложений оказалась высоко значимой ($p < .001$), при этом наблюдался умеренный размер эффекта ($d = -.510$), что указывает на достоверно более длительное время начала чтения синтаксически сложных частей предложений у детей с ОНР.

Важной составляющей исследования стало изучение влияния семейной среды. Выявлены статистически значимые корреляции между уровнем уровень образования отцов и параметрами глазодвигательной активности. Время первой фиксации показало статистически значимое различие между группами с сильным размером эффекта ($p = .034$; $d = 1.166$). Различия также отмечаются по количеству саккад ($p = .003$) и по их амплитуде ($p = .003$). Дети, чьи отцы имеют более высокий уровень образования, демонстрируют более сфокусированное и плавное чтение.

Вне зависимости от состава семьи, дети с ОНР дольше фиксировали взгляд на сложных словах и синтаксических структурах ($SD_{онр} = 2.007$ сек, $SD_{норма} = 2.271$ сек), чем на простых ($SD_{онр} = 1.143$; $SD_{норма} = 1.000$). Этот эффект оказался статистически значимым ($F = 4.021$, $p = .063$) и сопровождался умеренным размером эффекта ($\eta^2 = .115$).

Влияние состава семьи на время фиксации оказалось статистически незначимым ($F = 0.012$, $p = .913$, $\eta^2 < .001$). Также не было выявлено взаимодействия между фактором сложности и составом семьи ($F = 0.146$, $p = .708$). Так, различие в продолжительности фиксации на простых и сложных участках не изменяется в зависимости от семейного контекста.

Таким образом, стратегии чтения у детей с ОНР обладают выраженной спецификой. Полученные данные подчеркивают важность индивидуализированного подхода к обучению детей с речевыми нарушениями и необходимость вовлечения семьи в процесс формирования читательских навыков.

1. Левина Р.Е. Нарушения речи и письма у детей: избр. тр. / Ред.-сост. Г.В. Чиркина, П.Б. Шошин. М.: Аркти, 2005. 221 с.
2. Dahl-Leonard K. et al. Examining the Effects of Family-Implemented Literacy Interventions for School-Aged Children: A Meta-Analysis //
3. Educational Psychology Review. 2025. Т. 37. №. 1. С. 10. https://doi.org/10.1007/s10648-025-09985-3
4. Toki E. I. Using eye-tracking to assess dyslexia: A systematic review of emerging evidence // Education Sciences. 2024. Т. 14. №. 11. С. 1256. https://doi.org/10.3390/educsci14111256

Кручинина О.В., Макурина Н.В., Гальперина Е.И.
ИЭФБ РАН

Стратегии глазодвигательного поведения при выделении субъекта и объекта действия детьми

Дети, айтрекинг, пассивный залог

Введение. В детском возрасте происходят перестройки языковых стратегий, связанные с морфофункциональными изменениями мозга и обучением. Для определения тематических ролей в предложении используются различные синтаксические приемы. В русском языке порядок слов менее жесткий, поэтому он может быть не информативным при определении, какую синтаксическую роль несет тот или иной персонаж, в отличие от падежных окончаний. Дети 4-5 лет уже могут использовать падежные маркеры для понимания предложений с пассивным залогом [1], однако 5-6-летние и даже 7-8-летние дети с типичным речевым развитием могут испытывать трудности и ошибаться [2]. Показана связь движения глаз с процессом понимания речи в парадигме «визуальный мир», так как слушатели склонны фиксировать называемые референты при предъявлении соответствующего слова [3-4]. Мы предполагаем выявить увеличение эффективности паттерна поиска и вариативности стратегий у детей от 4 к 11 годам в разных грамматических конструкциях.

Методы. Произведена регистрация глазодвигательной активности (Gazepoint) нормотипичных детей 4-11 лет (n=42, 19 девочек) при выполнении теста на соотнесение предложений (в активном/пассивном залоге с прямым/обратным порядком слов) с изображениями [5]. Анализ проводился в Neurobureau. В качестве областей интереса (ОИ) для каждого стимула выделяли изображение субъекта и объекта действия на изображении, соответствующем предложению. Анализировали длительность всех и первой фиксации на ОИ, общее количество фиксаций, амплитуду и количество саккад. ОЛМ для повторных измерений с поправкой Шидак производили в IBM SPSS Statistics 26

Результаты. Качество выполнения теста оценивали по проценту правильных ответов. Независимо от типа предложения, у детей 4-7 лет он был ниже, чем у 8-10 летних. Различия в точности классификации различных грамматических типов наблюдались только с 7 лет: процент правильных ответов на предложения с пассивным залогом и обратным порядком слов было значительно меньше по сравнению с другими типами предложений.

Специфика глазодвигательного поведения при восприятии различных грамматических типов предложений проявляется у детей с 6-7 лет при прослушивании 3 слова в предложении. Начиная с 8 лет отличия выявляются уже с первого слова. В частности, на предложения с пассивным залогом и обратным порядком слов достоверно большо фиксаций как на субъекте, так и на объекте действия. В целом дети придерживаются стратегии «что слышу, туда и смотрю» при рассматривании субъекта и объекта действия. В тоже время при прослушивании первого слова в предложении зафиксирована стратегия «первое слово субъект», которая перепроверяется в ходедальнейшего анализа при прослушивании второго слова для предложений с обратным порядком слов и пассивным залогом.

Выводы. По мере возрастного развития от 4 к 11 годам наблюдается увеличение количества фиксаций и саккад на ОИ, соответствующих корректному изображению, что позволяет предположить формирование эффективных стратегий принятия решения и наличие когнитивного ресурса на перепроверку и реанализ первичной гипотезы.

1. Schipke C., Knoll L., Friederici A., Oberecker R. Preschool children's interpretation of object initial sentences: neural correlates of their behavioral performance // Dev Sci 2012 Vol. 15(6). P. 762–774.
2. Garcia R, Garrido G, Kidd RE (2021) Develop mental effects in the online use of morphosyntac tic cues in sentence processing: Evidence from Tagalog. Cognition 216. P.104859.
3. Huettig F., Rommers J., Meyer A. Using the visual world paradigm to study language processing: A review and critical evaluation // Acta psychologica. 2011 Vol. 137 2 P. 151-171.
4. Ребрейкина А., Левкович К. Разработка методик на основе айтрекинга для диагностики когнитивных функций у детей // Совр. Заруб. Псих. 2024 Т. 13(2). С. 33–43.
5. Kruchinina O., Stankova E., Guillemard D., Galperina E. Passive Voice Comprehension during Thematic-Role Assignment in Russian-Speaking Children Aged 4–6 Is Reflected in the Sensitivity of ERP to Noun Inflections // Brain Sci. 2022 Vol. 12 P. 693

Васина М.Д., Ткачева Л.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние медитативных практики и физической нагрузки на показатели зрительного внимания в парадигме «face in the crowd task»

Медитация, физическая нагрузка, зрительное внимание, «face in the crowd», айтрекинг

Несмотря на широкую представленность исследований медитативных практик в психологической литературе, их изучение с использованием объективных методов сбора данных, а именно с использованием айтрекера остается малоизученным. В настоящей работе планируется изучить влияние медитации и физической нагрузки на показатели зрительного внимания используя исследовательскую парадигму «face in the crowd task» (Becker & Rheem, 2020).

Исследовательский вопрос: «Как практика медитации и физическая активность влияют на зрительное внимание, в частности на скорость и точность распознавания целевого лица (например, сердитого) в толпе нейтральных лиц, измеряемые с помощью показателей отслеживания взгляда?» Для поиска ответа на этот вопрос был разработан экспериментальный план временных серий с контрольной (физическая нагрузка) и экспериментальной (медитация) группами. Мы предполагаем, что испытуемые с более обширным уровнем опыта медитации и более высоким уровнем физической активности будут быстрее и точнее идентифицировать целевой стимул.

Были сформулированы следующие гипотезы:

1) Испытуемые с более высоким уровнем опыта медитации будут быстрее и точнее идентифицировать целевое лицо, что будет отражаться в таких показателях отслеживания взгляда, как более короткое время до первой фиксации на целевом лице; меньше фиксаций на дистракторах перед фиксацией на цели; более длительная фиксация взора на целевом стимуле; более высокая точность идентификации целевого стимула.

2) Участники с более высоким уровнем физической активности будут быстрее и точнее идентифицировать целевое лицо, что отражено в показателях, аналогичных приведенным выше.

Кроме того, будет интересно сопоставить эффект взаимодействия медитации и физической активности на скорость и точность опознания целевого стимула.

Технология отслеживания взора является особенно ценным инструментом дляпонимания конкретных аспектов внимания, на которые могут влиять медитация и физическая активность, что позволит применить более тонкий и целенаправленный подход к изучениюспособностей к концентрации внимания.

Медитация, как практика осознанности, способна оказывать значительное влияние на физиологические механизмы внимания и восприятия, что отражается в работах по изменению структуры мозга, включая префронтальные зоны, изменению альфа- и тета-активности, соответствующие состоянию «расслабленной бдительности» (Lomas et al., 2015), влиянию на нейропластичность, улучшению связи между PFC (лобной коры) и другими областями мозга.

Практическая значимость исследования состоит в попытке расширить научные знания омеханизмах внимания и о том, как на них влияют факторы образа жизни. Основываясь на результатах исследования, можно предоставить общественности рекомендации, касающихсяпользы медитации и физической активности для когнитивного здоровья.

1. В.В. Лыткин, А.В. Комарова. Место медитации в традиционных культурах человечества: возникновение и функции. // Наука. Искусство.Культура.Выпуск 2 (38).2023 – с.205-215
2. D. Vaughn Becker & Hansol Rheem. Searching for a face in the crowd: Pitfalls and unexplored possibilities // Attention, Perception, & Psychophysics . – 2020. – № 82. – С. 626–636. URL: https://link.springer.com/article/10.3758/s13414-020-01975-7
3. Lomas T., Ivtzan I., Fu C.H. A systematic review of the neurophysiology of mindfulness on EEG oscillations // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2015. 57. P. 401-410.

Жданова А.А., Посохова С.Т.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Диагностика регуляторных возможностей музыки

Совладающее поведение, защитные механизмы, прослушивание музыки

Сегодня исследования защитно-совладающего поведения занимают значительное место. Особое внимание уделяется музыке как инструменту снижения эмоционального напряжения. Популярные музыкальные сервисы сделали музыку доступным ресурсом, используемым ежедневно. Результаты опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенное в мае 2024 года показали высокий интерес к музыке, особенно среди молодёжи, что делает её значимым фактором эмоционального равновесия и совладания (ВЦИОМ, 2024).

Проблема заключается в том, что музыка, обладая мощным потенциалом для регуляции настроения, уровня тревожности и даже физиологических показателей, до сих пор не получила должного внимания с точки зрения разработки отечественных стандартизированных диагностических инструментов. Это затрудняет как проведение научных исследований, так и практическое применение музыки.

Суви Саарикалльо долгие годы изучала влияние музыки на эмоциональное состояние. Её исследования показывают, что молодые люди, используют музыку для совладания со стрессом (Уильямсон, 2016). Одни из стратегии совладания со стрессом с помощью музыки могут быть эффективнее других. Но это процесс приобретения опыта, и он должен рассматриваться с позиции долгосрочных последствий, т.к. многие потом будут прибегать к этому опыту совладания на протяжении всей жизни. Исследования, которые проводила Суви Саарикалльопомогли ей разработать методику для измерения регуляции настроения с помощью музыки: «Музыка в регулировании настроения» (Саарикальо, 2008).

Цель исследования: Перевести и проверить методику С. Саарикалльо «Музыка в регулировании настроения» на соответствие русскоязычной культуре.

Этап психометрической проверки русскоязычного варианта был проведен на выборке студентов психологического факультета СПбГУ (N=80) – преимущественно девушки, возраст – от 18 до 25 лет.

Результаты проверки показывают высокую согласованность (коэффициент надежности альфа Кронбаха) α=0,881 пунктов опросника (40 пунктов). Согласованность внутри шкал: «Развлечение» α=0,791 (4 пункта); «Восстановление» α=0,874 (7 пунктов); «Сильные ощущения» α=0,816 (7 пунктов); «Переключение» α=0,866 (5 пунктов); «Разрядка» α=0,843 (6 пунктов); «Умственная работа» α=0,819 (5 пункта); «Утешение» α=0,899 (6 пунктов).Дополнительно была проверена внутренняя валидность конфирматорным факторным анализом (CFA): соответствие модели среднее CFI=0, 697; ошибки модели не высоки SRMR= 0,106.

Шкалы методики представляют стратегии регулирования настроения музыкой:

1) «Развлечение» – создание приятной атмосферы и веселья, поддержания или усиления текущего позитивного настроения;

2) «Восстановление» – обновление, расслабление и получение новой энергии от музыки пристрессе или усталости;

3) «Сильный ощущения» – вызывание и усиление эмоциональных переживаний;

4) «Переключение» – отвлечение от нежелательных мыслей и чувств;

5) «Разрядка» – высвобождение негативных эмоций с помощью музыки, которая выражает этиэмоции;

6) «Умственная работа» – использование музыки в качестве основы для мысленногосозерцания и прояснения эмоциональных забот;

7) «Утешение» – поиск чувства принятия и понимания, когда чувствуешь грусть или беспокойство. (Саарикальо, 2008).

Полученные результаты позволяют нам использовать ее в нашем основном исследовании.

1. Уильямсон В. Мы – это музыка– Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 240 с.
2. Saarikallio S. H. Music in mood regulation: Initial scale development //Musicae scientiae. – 2008. – Т. 12. – №. 2. – С. 291-309.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Музыкальные предпочтения россиян [Электронный ресурс]. – Доступ: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzyka-nas-svyazala (дата обращения: 23.05.2025).

Холмаматова Т.И., Наследов А.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Разработка диагностического опросника расстройств сна неорганической этиологии

Диагностика расстройств сна, бессонница, сонливость, кошмары, психометрика

Введение. Расстройства сна – распространенная проблема, встречающаяся у 30-70% взрослого населения, наиболее частыми видами являются бессонница, сонливость и кошмары (Canever etal., 2024). Наиболее точным методом диагностики считается полисомнография, но его применение осложнено трудоемкостью, поэтому актуальность набирают стандартизованные методики (Маркин, 2010). Поскольку существует дефицит валидизированных на российской популяции методик, целью настоящего исследования является разработка опросника расстройств сна неорганической этиологии.

Методы. В исследовании участвовали 257 русскоговорящих респондентов (18-71 лет): 202 женщины (M=27.2), 55 мужчин (M=27). 181 респондент не имели расстройств сна и других органических нарушений, 25 – имели нарушения сна, 51 – имели иные соматические заболевания. В исследовании использовались социодемографическая анкета, авторский опросник расстройств сна, «Индекс тяжести бессонницы» (Morin et al., 2011), Эпвортскаяшкала сонливости (Johns, 1991). Разработка опросника включала следующие этапы: определение теоретической рамки, разработка утверждений, рецензирование, проведение когнитивных лабораторий, доработка пунктов, подготовка и проведение апробации, психометрическая оценка. Психометрическая оценка осуществлялась с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализов (ЭФА, КФА), коэффициента внутренней согласованности α Кронбаха, критерия Форнела-Ларкера (AVE), критерия «соотношения корреляций гетерочерты и моночерты» (HTMT), коэффициента корреляции r-Пирсона, критерия t-Стьюдента.

Результаты. ЭФА исходного набора пунктов продемонстрировал отклонение от многомерной нормальности, пограничные показатели соответствия модели исходным данным (C.R.=16.021, Хи-кв/df>2, RMSEA=0.067, CFI=0.876, TLI=0.824), факторная структура получила частичное подтверждение. После исключения ряда пунктов из опросника ЭФА продемонстрировал незначительное отклонение от многомерной нормальности (C.R.=7.922), по результатам параллельного анализа подтверждена 3-факторная модель. Подтверждена факторная валидность с помощью КФА, результаты которого показали хорошее соответствие модели данным (Хи-кв/df=1.65; CFI=0.972; TLI=0.969; RMSEA=0.05; RMSEA p-value=0.465). Были получены статистически значимые дисперсии факторов и факторные нагрузки ($p<0.001$, $\lambda=0.439-0.886$). Дискриминантная валидность шкал подтверждена (HTMT<0.85). Все пункты методики имеют оптимальный уровень трудности (0.384-0.708) и дискриминативности (0.386-0.725). Шкалы «Бессонница» и «Кошмары» имеют хорошую надежность по внутренней согласованности ($\alpha=0.859$; 0.811), шкала «Сонливость» – приемлемую ($\alpha=0.763$). Подтверждена конвергентная валидность в отношении шкал «Бессонница» и «Сонливость» ($r=0.861$, $p<0.001$ с «Индексом тяжести бессонницы»; $r=0.507$, $p<0.001$ с Эпвортской шкалой сонливости). Обнаружены статистически значимые различия между людьми с расстройствами сна и условно здоровыми людьми по всем шкалам, что подтверждает критериальную валидность инструмента.

Выводы. Разработанный опросник обладает высокой факторной, дискриминантной, конвергентной (для «Бессонницы» и «Сонливости») и критериальной валидностью, а также достаточно высокой надежностью.

1. Маркин С. П. Диагностика и лечение расстройств сна // Лечащий врач. 2017. № 1. С. 22-28.
2. Cavener J. B. et al. Worldwide prevalence of sleep problems in community-dwelling older adults: A systematic review and meta-analysis // Sleep Medicine. 2024.
3. Johns M. W. A New Method for Measuring Daytime Sleepiness: The Epworth Sleepiness Scale // Sleep. 1991. № 14 (6). С. 540-545.
4. Morin C. M. et al. The Insomnia Severity Index: Psychometric Indicators to Detect Insomnia Cases and Evaluate Treatment Response // Sleep. 2011. № 34 (5). С. 601-608.

Наследов А.Д., Ткачева Л.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Разработка скрининга симптомов РАС для детей 1-2 лет

Расстройства аутистического спектра (РАС), симптомы аутизма, скрининг, дети 1-2 лет

На протяжении последних 6 лет наша группа проводит исследования прогнозных индикаторов аутизма у детей дошкольного возраста. Практический результат этих исследований – разработка двух скринингов диагностики РАС для детей 3-4 лет и 5-7 лет (доступны на странице https://ras.testpsy.net/). Они позволяют получить как общую выраженность симптомов РАС, так и относительную выраженность отдельных групп симптомов РАС, что может использоваться для планирования дальнейшей диагностической и коррекционной работы специалистов с ребенком.

Настоящее исследование повторяет организацию предыдущих исследований (Nasledov, et al., 2021) но на выборке детей 1-2 лет. Основной проблемой сбора данных для детей этого возраста является то, что диагноз в этом возрасте еще не ставится, и приходится опираться на экспертные оценки опытных специалистов, работающих с детьми. Для исследования была разработана онлайн-анкета маркеров аутизма, содержащая 274 симптома РАС, подобная онлайн-анкетам для детей 3-4 и 5-7 лет, но состоящая из маркеров, которые были предложены экспертами для детей 1-2 лет. Сбор данных производился в режиме онлайн-опроса 28 опытными специалистами (психологами, дефектологами), работающими с этими детьми на регулярной основе. Данные собирались по трем группам детей: РАС, ЗПР, Норма. Дети определялись в группы самими специалистами, на основе собственного опыта работы с этими детьми и своего клинического опыта. Всего было обследовано 242 ребенка (131 – РАС, 84 – Норма, 27 – ЗПР).

Анализ данных проводился с тем, чтобы выявить шкалы, отвечающие следующим требованиям:

1) достаточная факторная валидность;

2) достаточная надежность;

3) высокая критериальная валидность.

По результатам наших предыдущих исследований, наиболее проблематично разделение симптомов РАС и ЗПР. Поэтому, на первом этапе исключались пункты (симптомы), обладающие низкой дискриминативностью в различении этих групп, осталось 109 пунктов. Затем циклически применялся эксплораторный факторный анализ (метод главных осей, вращение промакс) до достижения наиболее простой структуры.

В итоге были выделены 4 фактора, каждый из оставшихся 37 пунктов входил только в один фактор с нагрузкой не ниже |0,4|, каждый фактор формировал достаточно надежную шкалу (альфа Кронбаха > 0,8):

1) «Отстраненность» (12 п.);

2) «Эмоциональная дисрегуляция» (11 п.);

3) «Утрата речи» (6 п.);

4) «Сенсорная дезинтеграция» (8 п.).

Содержательно, факторы соответствуют симптомам аутизма, которые часто встречаются в англоязычных исследовательских публикациях: 1) Joint attention (JA); 2) Emotional dysregulation (ED); 3) Speech loss (SL) 4) Sensory desintegration (SD). Значения факторов далее вычислялись как средние значения входящих в них пунктов. Для проверки точности разделения двух групп детей, с РАС и без РАС (Норма и ЗПР), по значениям 4-х факторов, применялся дискриминантный анализ. Точность классификации составила 93,4% (чувствительность 90,8%, специфичность 96,4%). Перекрестная проверка проводилась четырехкратно в отношении разных частей выборки, различающихся по полу, и по возрасту (1 и 2 года): одна из выборок была «обучающей», вторая – «тестовой», дискриминантная функция для «обучающей выборки» применялась для классификации «тестовой» выборки. Точность классификации для тестовых выборок составила 90,2 – 94,9% (чувствительность 84,4 – 92%, специфичность 93,3 – 97,3%). Наименьшая точность 90,2% была получена для «тестовой» выборки 2 года («обучающая» 1 год, чувствительность 84,4%,специфичность 97,3%). Полученные результаты обосновывают достаточно высокую точность разрабатываемого скрининга РАС для детей 1-2 лет.

1. Nasledov A., Miroshnikov S., Tkacheva L. [et al.] Application of psychometric approach for asd evaluation in russian 3–4-year-olds // Mathematics. 2021 Vol. 9, No. 14 – DOI 10.3390/math9141608

Дивисенко К.С.
СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН

Реконструкция психологического благополучия на основе текстов с помощью методов машинного обучения

Психологическое благополучие, автобиография, методы обработки естественного языка

Субъективное благополучие является важным индикатором качества жизни и общественного развития. Отсутствие единства в теоретических подходах и методах измерения стимулирует новые дискуссии и поиск более точных инструментов анализа. Развитие информационных технологий в настоящее время открывает возможности для реконструкции субъективного благополучия на основе текстовых данных с помощью методов машинного обучения и обработки естественного языка, а также использования цифровых следов (Щекотин и др., 2022). Особую значимость такого рода исследования приобретают в тех случаях, когда традиционные опросные методы невозможны, но имеются релевантные тексты/нарративы от представителей целевой группы.

Цель нашего исследования – реконструкция субъективного благополучия на основе неструктурированных автобиографических текстов. Основная задача – создание на основе методов машинного обучения модели для классификации текстовых фрагментов, репрезентирующих основные компоненты благополучия.

В качестве основы использована концепция психологического благополучия К. Рифф (Ryff, 1989). Эмпирические данные – выборка (n = 197) из корпуса автобиографий и биографических эссе «Я через N лет» петербургских старшеклассников, хранящегося в Биографическом фонде Социологического института ФНИСЦ РАН.

На первом этапе отдельные фрагменты текстов были вручную отнесены к одной из шести категорий, соответствующих тому или иному компоненту благополучия: 1) самопринятие; 2) положительные отношения с другими; 3) автономия; 4) управление ситуацией; 5) цели в жизни; 6) личностный рост. Для прояснения вопроса о возможности классификации фрагментов текста проведен лексический анализ. Частотное распределение n-грамм показало, что каждая категория представлена только отчасти пересекающимся множеством слов и словосочетаний, значимую дифференциацию на лексическом уровне добавляет также их вес (по TF-IDF).

Создание моделей для классификации трёх наиболее представленных компонентов благополучия осуществлялось на втором этапе исследования. Семантическая векторизация текстов осуществлена с помощью языковой модели ruBERT (нейронная сеть, основанная на архитектуре трансформер и представляющая собой композицию кодировщиков), а в качестве классификаторов протестированы логистическая регрессия и метод случайного леса. Средневзвешенное значение F1 для бинарной классификации компонентов «личностный рост», «цели в жизни», «положительные отношения» составило 0,92, 0,85 и 0,89, соответственно.

Полученные результаты вполне соотносятся с описанными ранее изменениями в биографическом проекте старшеклассников и свидетельствуют о постепенном становлении реалистического типа биографического проектирования (Дивисенко, 2023).

Исследование подтвердило принципиальную возможность реконструкции субъективного благополучия на основе текстовых данных с использованием семантической векторизации и методов машинного обучения. Полученные модели могут использоваться для анализа, по крайней мере, аналогичных биографических текстов как скрининговая диагностика психологического благополучия.

1. Дивисенко К. С. Модели будущей жизни в биографическом проекте старшеклассников // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 4. С. 570–578. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-4-570-578.
2. Щекотин Е. В., Гойко В. Л., Басина П. А., Бакулин В. В. Использование машинного обучения для изучения качества жизни населения: методологические аспекты // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 87–97. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-87-97.
3. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. No. 6. P. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.

Беловол Е.В., Шурупова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МПГУ

Русскоязычные опросники диагностики тактильных эмоциональных прикосновений: психометрические характеристики

С-тактильная система, аффективные прикосновения, адаптация, психометрика

Интерес к изучению С-тактильной периферической нервной системы, является одним из прогрессивных направлений современной науки, однако изучение психологической составляющей тактильных прикосновений затруднено из-за отсутствия русскоязычного измерительного инструментария.

Первой адаптированной методикой стал англоязычный опросник TEAQ – опыт тактильного взаимодействия и отношения к тактильным контактам. Русскоязычная версия опросника содержит 37 пунктов и демонстрирует удовлетворительные психометрические характеристики (Belovol, et al., 2018).

С момента создания русскоязычной версии опросника он использовался в целом ряде исследований, однако наличие только одного опросника ограничивало возможности глубокого анализа влияния тактильных контактов на различные сферы жизнедеятельности личности. Именно этот факт стал основой приятия решения об адаптации других опросников.

Цель данной работы – представить результаты адаптации двух опросников для диагностики различных аспектов тактильных аффективных прикосновений. Внимание привлекли два – Шкала тактильной депривации (Punyanunt-Carter, et.al., 2009) и Тактильная Автобиография (Beltrán, et.al., 2020) (N=412). Оригинальная версия Шкалы тактильной депривации содержит 16 пунктов, однако в русскоязычную версию вошло только 13 Факторный анализ показал, что вопросник одномерный, его надежность – альфа Кронбаха составляет 0,857, индексы соответствия (RMSEA=0,049, CFI=0,963) позволяют говорить о хорошем соответствии модели эмпирическим данным. Шкала обладает не только высокой надежностью, но и конструктной валидностью, которая демонстрировалась корреляций с показателями тревожности, депрессии и психологического благополучия (N=183).

Опросник «Тактильна биография» (Beltrán, et.al., 2020) направлен на изучение опыта тактильных эмоциональных прикосновений в близких отношениях на протяжении всей личной истории. В опроснике 32 пункта, 29 из которых представляют собой шкалы Лайкерта, а три другие – анкетные вопросы. Эти анкетные вопросы были исключены из психометрического анализа.

В результате факторного анализа было выделено четыре фактора. Анализ надежности пунктов, входящих в каждый из факторов показал, что их надежность вполне удовлетворительна (0,76-0,83). Показатели пригодности модели (RMSEA=0,054, CFI=0,905) являются вполне приемлемыми (Xia, et.al., 2019), что позволяет использовать методику в исследовательских целях, но не исключает ее дальнейшую доработку.

Таким образом, были созданы русскоязычные опросники для диагностики тактильных эмоциональных прикосновений, что позволяет расширить спектр психологических исследований в области изучения влияния опыта тактильного взаимодействия на различные аспекты жизнедеятельности личности.

1. Beltrán MI, Dijkerman HC, Keizer A. Affective touch experiences across the lifespan:Development of the Tactile Biography questionnaire and the mediating role of attachment style. // PLoS ONE. 2020 15(10): e0241041. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241041
2. Punyanunt-Carter N., Wrench J. Development and Validity Testing of a Measure of Touch Deprivation// Human Communication. A Publication of the Pacific and Asian Communication Association. 2009 Vol. 12, No. 1 P.67 – 76
3. Trotter P, Belovol E, McGlone F, Varlamov A. Validation and psychometric properties of the Russian version of the Touch Experiences and Attitudes Questionnaire (TEAQ-37 Rus). // PLoS ONE. 2018 13(12): e0206905. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0206905
4. Xia Y., Yang Y. RMSEA, CFI, and TLI in structural equation modeling with ordered categorical data: The story they tell depends on the estimation methods. // Behavior Research Methods. 2019 51(1). P. 409–428. https://doi.org/10.3758/s13428-018

Куликов Л.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Потапова Ю.В.
ФГАОУ ВО ОГУ им. Ф.М. Достоевского

Сравнительный анализ психолингвистических индикаторов субъективного благополучия в сетевых текстах

Тональность текстов, психосемантические индикаторы, лексические категории

Одним из интереснейших и важнейших исследовательских направлений в контент-анализе остается выявление характеристик состояний, настроений, эмоциональных составляющих отношений авторов текстов к различным явлениям. В настоящее времяявное большинство подходов к оценке тональности текстов ограничиваются однимизмерением – позитивное, нейтральное, негативное отношение. Мы считаем необходимым использовать комплекс измерений, причем специфицированных именнодля анализа оценочных суждений о субъекте и самооценочных суждений субъекта (Куликов, 2022).

Цель исследования заключалась в сравнении дифференцирующей силы различных частей речи как психосемантических индикаторов субъективного благополучия авторов. Материалом изучения были взяты тексты участников социальной сети «ВКонтакте» с различными уровнями психологической устойчивости. В данной сети был выделен сегмент сообществ, в дискурсе которых центральное место занимает обсуждение проблем в межличностных отношениях, уклад жизни в неблагополучных семьях, депрессивные и субдепрессивные состояния, переживания, связанные с анорексией и т.п. В данном массиве были проанализированы 768 комментариев, включающих, в среднем 149 слов в одном комментарии. Весь массив состоял из 117 339 слов. Участников этого сегмента сети мы отнесли к когорте лиц с пониженной психологической устойчивостью. Тексты данного сегмента социальной сети сопоставлялись с текстами пользователей с выраженным вниманием к социально значимым событиям, к вопросам образования и обучения, деятельности образовательных и производственных организаций.

Данные участники редко упоминают о своих трудностях, мало склонны описывать собственныепереживания и неудачи в межличностных отношениях. Тексты участников этого сегмента содержали 1 459 039 слов. Наиболее надежным способом оценкидифференцирующей силы психосемантических индикаторов был принят сравнительный анализ текстов участников, различающихся по названным выше социально-психологическим характеристикам. Тексты этих двух когорт сравнивались по набору из восьми шкал – лексемы негатива, позитива, отдаления, сближения, силы, слабости, активности и пассивности (суммарно 625 лексем наречий и 323 лексем глаголов) и пяти шкал эмотивов – трех шкал настроечных эмотивов (астенические, гедонические и меланхолические эмотивы) и двух шкал коммуникативных эмотивов – отдаления и сближения (суммарно 254 лексемы).

Результаты качественного и количественного анализа показали, что наибольшей частотностью в сетевых текстах среди различных лексических категорий отличаются междометия. В первую очередь это относится к междометиям, имеющим такую семантику: разочарование, досада, легкая степень негодования и отвращение, порежеобнаруживаются междометия, выражающие одобрение и различные вариантыподчеркивания комического в словах других коммуникантов. Предварительный анализпоказал меньшую информативность прилагательных в сравнении с маркерами другихчастей речи.

Наиболее выраженные различия обнаружены между участниками с пониженной и повышенной психологической устойчивостью шкалам силы, слабости, пассивности, включающим наречия. Например, частотность наречий тупо, глупо, банально, слабо, неинтересно (шкала слабости), лень, скучно, потихоньку, медленно, робко (шкала пассивности) у лиц с пониженной психологической устойчивостью многократно превышает частотность в текстах лиц с повышенной психологической устойчивостью. Незначительно по дифференцирующей силе им уступают эмотивы.

1. Куликов Л.В., Потапова Ю.В., Малёнова А.Ю., Блеканов И.С., Разумилов Е.С. Психолингвистические особенности сетевой коммуникации молодых людей с разными половозрастными характеристиками // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2022 № 1

Улыбина Е., В., Камалетдинова А. А.
ФГБОУ ВО РАНХиГС

Проявление андроцентризма в оценке эмоциональных реакций на неприятности.

Андроцентризм, гендерно-ролевые стереотипы, эмоциональные реакции

Исследование посвящено проявлению андроцентризма в оценке эмоциональных реакций на неприятности. Андроцентризм – это форма гендерной предвзятости, согласно которой мужчины рассматриваются как более типичные люди, чем женщины [2], мужской опыт воспринимается как «стандарт», «норма», а женский – как нечто, «специфичное», отходящее от нормы [4]. В результате и стандарты психического здоровья тоже рассматриваются как в большей степени соответствующие поведению мужчин, чем женщин [3]. Это позволяет предполагать, что и представление об эмоциональных реакциях на неприятности, свойственных эмоционально зрелой личности будет ближе к предполагаемой реакции мужчин, чем женщин.

А так как согласно гендерными стереотипам женщины оцениваются как более эмоциональные, а мужчины как более стабильные, то сдвиг в сторону близости нормы с типичными мужскими реакциями может быть связан с принятием гендерно-ролевых стереотипов

Выборка: 70 человек, 87,1% женщин и 12,9% мужчин, от 18 до 47 лет: средний возраст – 23 года.

Методы: Респондентам были предложены описания 10 ситуаций случившихся неприятностей и 3 варианта эмоциональных реакций на каждую. Реакции нужно было оценить по близости к реакции 1) эмоционально зрелой личности, 2) типичного мужчины, 3) типичной женщины по 10-баллной шкале Ликерта. Альфа Кронбаха для всех утверждений – 0,855. Для оценки согласия с традиционными гендерными стереотипами использовалась русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений GRBS (Gender Role Beliefs Scal) [1]. Альфа Кронбаха – 0,834. Исследование проводилось в онлайн формате.

Результаты: Анализ результатов показал, что мужчины и женщины не различаются ни по одному из рассмотренных показателей. В целом по выборке предполагаемые эмоциональные реакции мужчин ($M = 5, 187$, $SD = 0,777$) не имеют значимых различий с реакцией здорового человека ($M = 243$, $sd = 0,754$), но предполагаемая реакция женщин ($M = 6,252$, $SD = 1,0$) значимо отличается от реакции здорового человека ($T = 195$, $p = 0,000$).

Уровень андроцентризма определялся как дельта между 1) предполагаемой реакцией зрелой личности и мужской, и 2) реакцией зрелой личности и предполагаемой женской. Связь андроцентризма с уровнем принятия гендерно-ролевых стереотипов во всех случаях не значима.

Выводы. Результаты позволяют говорить о выраженном проявлении анроцентризма в оценке нормы эмоциональной реакции, что соответствует тенденции выявленной ранее на выборке практикующих врачей [3]. Можно предположить, что оценка реакций мужчин как более близких к норме, чем женских реакций действует как культурная норма и не зависит от поддержки гендерно-ролевых стереотипов. Ограничения: небольшой объем выборки, смещенной по полу и возрасту. Результаты нуждаются в проверке на устойчивость.

1. Мдивани М. О., Лидская Э. В. Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) //Социальная психология и общество. 2020. Vol. 11 (3).P. 185-195. doi:10.17759/sps.2020110312
2. Bailey A. H., LaFrance M., Dovidio J. F. Is man the measure of all things? A social cognitive account of androcentrism //Personality and social psychology review. 2019. Vol. 23.(4). P. 307331. https://doi.org/10.1177/1088868318782848
3. Brescoll V. L. Leading with their hearts? How gender stereotypes of emotion lead to biased evaluations of female leaders //The leadership quarterly. 2016. Vol. 27. (3).P. 415-428. https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2016.02.005
4. Eagly A. H., Kite M. E. Are stereotypes of nationalities applied to both women and men? //Journal of personality and social psychology. 1987. Vol. 53.(3). P. 451. https://doi.org/10.1037/0022-3514.53.3.451

Люсин Д.В
Сысоева Т.А.
НИУ ВШЭ, ИПРАН

База данных ENRuN-2 с оценками эмоциональной окраски русских существительных

Эмоциональная окраска слов, валентность, возбуждение, база ENRuN-2

Введение. Базы данных с нормативными оценками эмоциональной окраски слов используются в разных направлениях исследований, например, при изучении переработки эмоциональных стимулов, для контроля эмоциональной окраски стимулов, при анализе тональности текстов, при разработке процедур индукции эмоций. Эмоциональную окраску слов, как и любых других стимулов, можно оценивать по разным параметрам в зависимости от конкретных исследовательских целей. В настоящее время сложилось два подхода: многомерный (dimensional), когда стимулы оцениваются по таким аффективным измерениям, как валентность и эмоциональное возбуждение, и категориальный (categorical), когда оценивается связь стимулов с конкретными эмоциональными категориями, такими как радость, грусть и т.п.

Базы данных с оценками эмоциональной окраски слов созданы для многих языков (Diconne et al., 2022), однако на русском языке существует только одна подобная база данных – ENRuN, – включающая оценки слов сразу по многим параметрам (Люсин, Сысоева, 2025). Её ограничением является относительно небольшой объём (378 существительных), в связи с чем цель настоящей работы состояла в создании значительно более объёмной базы данных ENRuN-2, которая включала бы несколько тысяч русских существительных.

Методы. Для сбора оценок было отобрано 6720 существительных длиной от 2 до 14 букв (1-5 слогов), частотностью от 0.4 до 3727.5 ipm (по Ляшевская, Шаров, 2009). В оценивании приняло участие 3902 респондента, однако ответы многих из них были исключены из анализа на основании следующих критериев: невнимательная работа (29%), не знают более 15% слов (0.8%), одинаковые ответы (0.8%), низкая согласованность ответов (2.1%). В окончательную выборку респондентов вошёл 2681 человек в возрасте от 18 до 78 лет (M = 34.7, SD = 15), половой состав – 1366 мужчин, 1312 женщин, 3 выбрали ответ «другое». Для каждого слова по каждому параметру было собрано не менее 10 оценок мужчин и 10 оценок женщин.

В рамках многомерного подхода респонденты оценивали валентность по шкале от -3 до +3, отвечая вопрос «Насколько данное слово связано, по Вашему мнению, с отрицательными или положительными эмоциями», и возбуждение по шкале от 1 до 7, отвечая на вопрос «Насколько данное слово связано, по Вашему мнению, с высоким или низким эмоциональным возбуждением». В рамках категориального подхода респонденты оценивали связь слов с такими эмоциональными категориями, как радость, грусть, злость, страх и отвращение по шкале от 0 до 5.

Результаты и выводы

В полученную базу данных для каждого из 6720 слов и для каждого параметра включены следующие показатели: средние и стандартные отклонения по всей выборке, а также отдельно для мужчин и женщин, количество респондентов, оценивших слово, длина слова в буквах и слогах, частотность. Для оценки надёжности собранных данных оценивалась согласованность ответов (ICC) для каждого параметра, которая оказалась не ниже 0.87. Для оценки валидности данных ответы респондентов коррелировались с аналогичными ответами из более ранней версии базы ENRuN, были получены коэффициенты корреляции не ниже 0.78.

Созданная база данных ENRuN-2 может использоваться в широком круге исследований и будет выложена в открытый доступ. В настоящий момент исследователи могут получить базу данных, послав запрос авторам (ooch@mail.ru, tatiana.sysoeva@mail.ru).

1. Люсин, Д.В., Сысоева, Т.А. (2025). База данных ENRuN с оценками эмоциональной окраски русских существительных // Экспериментальная психология. 2025, № 2 (в печати). https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180
2. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. М.: Азбуковник, 2009.
3. Diconne K., Kountouriotis G.K., Paltoglou A.E., Parker A., Hostler T.J. Presenting KAPODI – The searchable database of emotional stimuli sets // Emotion Review. 2022. Vol. 14(1). P. 84–95.

Сиповская Я.И.
ФГБУН ИП РАН

Роль когнитивного опыта в формировании психического здоровья и личностного развития в контексте понятийного мышления и креативности

Когнитивное развитие, понятийные способности, креативность, личностное развитие, ранний опыт

Современные исследования в области психологии развития и когнитивной психологии демонстрируют значимость раннего когнитивного опыта в формировании психического здоровья и становлении личности (Холодная, 2012). В частности, особую роль играет развитие понятийных способностей, обеспечивающих интеграцию когнитивных и креативных процессов. Понятийные способности рассматриваются как система когнитивных механизмов, обеспечивающих категоризацию, семантическую обработку информации и генерацию концептуальных связей. Согласно М.А. Холодной (Холодная, 2012) они включают три компонента: семантические, категориальные и концептуальные способности. Данные когнитивные структуры не только определяют эффективность интеллектуальной деятельности, но и выступают предиктором творческого потенциала, что подтверждается исследованиями взаимосвязи понятийного мышления и невербальной креативности (Чудаков, Гайворонска., Чудакова, 2024). Эмпирические данные свидетельствуют, что сформированность данных компонентов в сензитивные периоды развития (например, в подростковом возрасте) оказывает долгосрочное влияние на когнитивную гибкость и креативность (Туник, 2006). При этом невербальная креативность, измеряемая через способность к образному синтезу и оригинальности интерпретаций, представляет особый интерес, поскольку отражает базовые механизмы творческого мышления, наименее зависимые от вербального опыта.

Для верификации гипотезы о связи понятийных способностей и невербальной креативности было проведено эмпирическое исследование с участием учащихся старших классов (N=110). В качестве диагностического инструментария использовались:

- «Незаконченные рисунки» (Torrance Tests of Creative Thinking);
- «Описание неопределенных фигур» (Артемьева, 1999);
- «Обобщение трех слов» (Холодная, Сиповская, 2023);
- «Понятийный синтез» (Холодная, Сиповская, 2023).

Полученные данные подтвердили наличие статистически значимых корреляций между:

- невербальной креативностью и концептуальными способностями ($Rs=0,40$; $p\leq0,01$);
- невербальной креативностью и семантическими способностями ($Rs=0,33$; $p\leq0,01$).

Связь с категориальными способностями слабее ($Rs=0,199$; $p\leq0,05$), что согласуется с теоретическими представлениями о различной функциональной нагрузке компонентов понятийного мышления. Концептуальные и семантические способности, обеспечивающие генерацию новых смысловых связей, в большей степени связаны с креативностью, тогда как категориальные способности, направленные на классификацию, играют второстепенную роль в творческих процессах.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

- компоненты понятийного мышления связаны с показателями невербальной креативности;
- полученные данные обосновывают необходимость целенаправленного развития понятийных способностей в образовательных программах для подростков;
- гипотеза о том, что когнитивные механизмы, сформированные в сензитивные периоды, оказывают пролонгированное влияние на психическое здоровье и личностное развитие, правдоподобна, однако требуются дополнительные исследования для аргументации этого вывода.

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука–Смысл, 1999.
2. Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. СПб.: Речь, 2006.
3. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
4. Холодная М.А., Сиповская Я.И. «Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика». – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2023.
5. Чудаков А.Ю., Гайворонская В.В., Чудакова П.А. Некоторые аспекты воспитания и педагогики вундеркиндов // Вектор научной мысли, 2024. №2(7). С. 58–62.

Улыбина Е.В., Курашева С.С.
ФГБОУ РАНХиГС

Влияние прайминга ситуации низкого контроля и воспринимаемого контроля на последующий выбор риска

Прайминг высокого и низкого контроля, воспринимаемый контроль, выбор риска

В работе рассматривается влияние прайминга ситуации высокого и низкого контроля на последующий выбор риска с реальными значимыми последствиями. У человека есть базовая потребность ощущения контроля происходящего. Ситуация сниженного контроля вызывает дискомфорт и влияет на обработку информации (Pittman, 1989), повышая стремление к ее структурированию и предсказуемости (Whitson Galinsky, 2008) и, как следствие, избеганию неопределенности и риска (Horswill, McKenna, 1999, Nordgren et al., 2007). При высокой изученности вклада воспринимаемого контроля в реальное рискованное поведение и склонность к риску зависимость выбора риска от предшествующего опыта низкого контроля и субъективной оценки контролируемости ситуации исследован недостаточно.

Работа посвящена проверке предположений о том, что 1) после прайминга ситуации с низким уровнем контроля выбора рисков меньше 2) у выбравших риск уровень воспринимаемого контроля выше при каждом условии.

Выборка: 102 человека (51 в каждой группе), 92 ж, 10 м., 18 – 25 лет, студенты-психологи.

Методы: Эксперимент проходил с использованием программы PsychoPy. Участники выполняли задание в условиях высокого (без ограничений времени и с обратной связью) и низкого (с ограничением по времени и отсутствием обратной связи) контроля, затем должны были оценить выполненное задание по сложности, по субъективному ощущению контроля и успешности выполнения по неградуированной шкале от 1 до 10. Далее они выбирали – получить 1 балл за участие или рискнуть и, в зависимости от решения программы, получить или 2,5 балла, или 0. Потом сообщался результат и те, кто набрал менее 50% проходили испытание еще раз. Результаты: В условиях низкого контроля субъективная оценка контроля значимо ниже ($U = 39{,}0$ $p < 0{,}001$, $\eta = 0{,}97$), оценка успешности – значимо ниже ($U = 301$, $p = p < 0{,}001$, $\eta = 0{,}769$), оценка сложности – значимо выше ($U = 3110$, $p < 0{,}001$, $\eta = 0{,}761$), что показывает влияние экспериментальных условий. Обе гипотезы подтвердились. При высоком контроле количество выбравших риск или обычный вариант не имеет значимых различий, а в условиях высокого риск по биноминальному критерию $\chi 2$ выбирают значимо реже (в 15 случаях из 51), чем обычный вариант ($p = 0{,}005$). Но ни в ситуации высокого, ни в ситуации низкого контроля участники, выбравшие риск, не различались по оценке контроля, сложности и успешности выполнения. Это позволяет говорить, что субъективное восприятие этих параметров не оказало влияния на выбор риска.

Выводы. Выбор риска с реальными последствиями в значимой ситуации определялся предшествующим фактическим опытом контроля ситуации, но не субъективной оценкой контролируемости. Это позволяет предполагать, что опыт сниженного контроля определяет потребность в выборе предсказуемого способа действия независимо от субъективной оценки контролируемости ситуации.

1. Horswill, M. S., McKenna, F. P. The effect of perceived control on risk taking 1. Journal of Applied Social Psychology. 1999, Vol. 29(2). P. 377-391. https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1999.tb01392.x
2. Nordgren L. F., Van Der Pligt J., Van Harreveld F. Unpacking perceived control in risk perception: The mediating role of anticipated regret //Journal of Behavioral Decision Making. 2007. Vol.20(5). P. 533-544. https://doi.org/10.1002/bdm.565
3. Pittman T. S., D›Agostino P. R. Motivation and cognition: Control deprivation and the nature of subsequent information processing //Journal of Experimental Social Psychology. 1989. Vol. 25(6). P. 465-480. https://doi.org/10.1016/0022-1031(89)90001-2
4. Whitson J. A., Galinsky A. D. Lacking control increases illusory pattern perception //Science. 2008. Vol. 322(5898). P. 115-117. DOI: 10.1126/science.1159845

Филатова С.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психологическое благополучие и потенциал самоизменений

Психологическое благополучие, потенциал самоизменений

Введение: Феномен психологического благополучия, несмотря на большое количество проводимых исследований, всё же считается не в полной мере изученным в психологической науке. Сложность обусловлена тем, что существуют явления, имеющие сходства и определенную связь с благополучием, однако не являющиеся им, такие как, например, счастье и удовлетворенность жизнью. Нет строгого понимания, что именно и как изучать в каждом конкретном исследовании (VanderWeele at al., 2021). Психологическое благополучие индивида имеет общие составляющие, однако их соотношение может меняться в зависимости от пола, возраста, региона проживания и других факторов (Bruin W.B. at al., 2019; López-Ruiz at al., 2021). Особую важность имеет изучение формирования психологического благополучия у детей и подростков. В этом направлении существует большое количество исследований, особенно зарубежных. Так, Т.А. Жданова и Е.В. Филиппова на основании обзора публикаций с 2019 по 2024 год, посвященных проблеме психологического благополучия и факторам его формирования в подростковом возрасте, проследили, что публикации объединяет установка на необходимость изучать влияние семьи на психологическое благополучие подростков в ее целостности, включая всех членов семьи и все поколения (Жданова, Филлипова, 2024).

Целью данного исследования было выбрано изучение связи психологического благополучия с потенциалом самоизменений у мужчин и женщин. Предполагается, что полученные данные могут лечь в основу дальнейших исследований и помочь расширить научные представления о психологическом благополучии.

Методы. Процедура исследования предполагала заполнение электронных версий опросников: «Шкала психологического благополучия» (разработан К. Рифф, адаптирован Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко); опросник «Потенциал самоизменений» (В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, Н.В. Гришина).

В исследовании приняли участие 330 человек: 67 мужчин и 263 женщины, в возрасте от 18 лет до 65 лет. При анализе респонденты были разделены на три возрастные группы: 18-25 лет – 121 человек, 26-45 лет – 88 человек, 46-65 лет – 81 человек.

Данные обрабатывались с помощью сравнительного анализа и таблиц сопряженности. Математическая обработка осуществлялась в программе JASP.0.19.3.0.

Результаты. Было выявлено, что в группе высокоблагополучных респондентов оказалось больше респондентов с высоким потенциалом самоизменений, а в группе со средним уровнем психологического благополучия оказалось больше, чем ожидалось, респондентов со средней выраженностью потенциала самоизменений. В группе респондентов с низким уровнем психологического благополучия преобладают респонденты со средним и низким уровнем потенциала самоизменений. Причем различия являются достоверными у мужчин и женщин, так и в группах разных возрастов ($p<0,01$). Таким образом, можно говорить о наличии прямой связи психологического благополучия и потенциала самоизменении, а также о том, что психологическое благополучие скорее связано с какими-то другими свойствами и факторами, а не с полом и возрастом. Были выявлены незначительные (ES=0,033), но достоверные ($p = 0,004$) различия потенциала самоизменений в группе 18-25 лет (M=47, 174) и в группе 46-65 лет (M=42,235).

Выводы. В результате исследования было выявлено, что между психологическим благополучием и потенциалом самоизменений наблюдается положительная связь. Такой вывод не обладает научной новизной, однако в совокупности с тем, что не было выявлено достоверных различий в выраженности психологического благополучия у мужчин и женщин разных возрастов, подтверждает необходимость дальнейшего изучения факторов, влияющих на психологическое благополучие.

1. Жданова Т.А., Филиппова Е.В. Психологическое благополучие подростка: личностные качества и семейные отношения (по материалам зарубежных исследований) Современная зарубежная психология 2024. Том 13. № 4. С. 51–63 doi:10.17759/jmfp.2024130405 ISSN: 2304-4977 (online)
2. Манукян В.Р., Муртазина И.Р., Гришина Н.В. Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. №4. С.35-38 DOI: http://doi.org/10.17759/cpp.2020280403
3. Bruin W.B., Parker A.M., Strough J-N. Age Differences in Reported Social Networks and Well-Being, 2019. Psychology and Aging, Vol. 35, No. 2, pp. 159–168, http://dx.doi.org/10.1037/pag0000415.supp
4. López-Ruiz VR, Huete-Alcocer N, Alfaro-Navarro JL, Nevado-Peña D. The relationship between happiness and quality of life: A model for Spanish society. PLoS One. 2021 Nov 3;16(11): e0259528. doi: 10.1371/

journal.pone.0259528. PMID: 34731212; PMCID: PMC8565763.
5. VanderWeele T. J., Trudel-Fitzgerald C., Allin P.V, Farrelly C., Fletcher G., Frederick D.E., Hall J., Helliwell J.F., Kim E.S., Lauinger W.A., Lee M.T., Lyubomirsky S., Margolis S., McNeely E., Messer N.G., Tay L., Viswanath K.V., Węziak-Białowolska D., Kubzansky L.D. Current Recommendations on the Selection of Measures for Well-Being // Oxford University Press, 2021. pp. 501–520, https://doi: 10.1093/oso/9780197512531.003.0018

Рафикова А.С., Воронин А.Н.
ФГБУН ИП РАН

**Моделирование человеческих установок:
насколько ChatGPT способен заменить реальных участников исследований?**

ChatGPT, социальные установки, вычислительная социальная наука

Современные достижения в области искусственного интеллекта, особенно большие языковые модели (LLM), такие как ChatGPT, открывают новые возможности для изучения социально-психологических процессов. Эти модели способны имитировать человеческие ответы, что делает их потенциальными инструментами для исследования когнитивных искажений и социальных представлений (Bail, 2024; Grossmann et al., 2023). Однако, у LLM есть и свои ограничения (Argyle et al., 2023). Цель данного исследования – оценить, насколько ChatGPT способен воспроизводить аттитюды в контексте социально-психологических исследований на примере исследования отношения к мигрантам и гендерных стереотипов. В контрольном исследовании было воспроизведено отношение к обучению через Zoom.

В исследовании применялась методология симуляции человеческих ответов с использованием модели GPT-4. Для этого были разработаны детализированные стимульные материалы (prompts), учитывающие ключевые демографические характеристики реальных участников. Всего было сгенерировано свыше 1000 уникальных стимульных сценариев. Полученные данные подвергались статистическому анализу с расчетом стандартных показателей точности, объясняющей способности модели и корреляционной зависимости между искусственными и реальными ответами.

Результаты исследования показали, что GPT-4 демонстрирует высокую точность в воспроизведении человеческих установок, особенно в вопросах, связанных с отношением к мигрантам и факторами, определяющими национальность. Например, модель точно предсказала, что респонденты чаще рассматривают национальность как культурный, а не биологический феномен. В кросс-культурных сравнениях GPT-4 хуже воспроизводил национальные особенности восприятия миграции, сглаживая различия между представителями разных стран. В исследовании гендерных стереотипов GPT-4 проявил либеральную (прогрессивную) предвзятость, особенно в эксплицитных измерениях. Особенно заметны были расхождения при оценке традиционных гендерных ролей, где модель демонстрировала противоречивые результаты в зависимости от метода опроса. Имплицитные измерения, напротив, выявили более консервативные ответы, что указывает на сложность моделирования скрытых установок. Контрольное исследование об отношении к обучению через Zoom выявило позитивный сдвиг в ответах GPT-4. Эта тенденция наблюдалась во всех аспектах оценки цифрового обучения, от общего восприятия до конкретных методических вопросов, что отражает системную предвзятость модели в пользу инновационных технологий. Исследование также выявило, что GPT-4 демонстрирует различную точность в воспроизведении явных и скрытых социальных установок, при этом лучше справляясь с моделированием поверхностных аттитюдов, чем глубинных убеждений.

Исследование подтвердило, что GPT-4 может служить полезным инструментом при проведении психологических и социальных исследований. Однако его применение требует учета либерального искажения и склонности к просоциальным ответам. Основные ограничения связаны с недостаточной объяснительной способностью модели и сложностью воспроизведения культурных нюансов.

1. Argyle, L. P., Busby, E. C., Fulda, N., Gubler, J. R., Rytting, C., & Wingate, D. (2023). Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples. Political Analysis, 31(3), 337–351. https://doi.org/10.1017/pan.2023.2
2. Bail, C. A. (2024). Can Generative AI improve social science? Proceedings of the National Academy of Sciences, 121(21), e2314021121. https://doi.org/10.1073/pnas.2314021121
3. Grossmann, I., Feinberg, M., Parker, D. C., Christakis, N. A., Tetlock, P. E., & Cunningham, W. A. (2023). AI and the transformation of social science research. Science, 380(6650), 1108–1109. https://doi.org/10.1126/science.adi1778

Ананьева К.И.
ФГБУН ИП РАН

Лицо как зона внимания в коммуникативной ситуации
восприятие лиц, фрустрация, регистрация движений глаз

Современный мир с его возможностями миграции и онлайн-общения, делает особо важной проблему взаимодействия между людьми разных рас, этносов и культур. В этойсвязи особо актуальным становиться вопрос о том, как люди реагируют на сложныеситуации взаимодействия (препятствия достижения цели, обвинения, конфликта) спредставителями разных рас, этносов и культур. В работе К.И. Ананьевой и О.В.Айметдиновой [1], было показано, что предъявление лиц людей разных рас в контекстефрустрирующей ситуации приводит к изменению оценок их личности по сравнению соценками, вне фрустрирующего контекста. Однако, исследования межрасовоговосприятия «прямыми» методами затруднены в силу действия защитных механизмов иэффекта социальной желательности. В отличие от «прямых» методик проективный «Тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга», позволяет преодолеть обозначенныеограничения. В наших предыдущих исследованиях был создан обновленный стимульныйматериал методики для исследования межэтнической коммуникации (см. [2]). Однакоапробация методики показала, что в самоотчетах респонденты указывают на отсутствие внимание к зоне лиц героев при прохождении теста. В связи с чем целью настоящего исследования стало изучение зон зрительного внимания. Испытуемыми стали 68 человек (67% женщин и 33% мужчин) в возрасте от 18 до 54 лет (M = 24,81; SD = 9,8). Исследование проводилось индивидуально с каждый респондентом с использованием аппаратуры для регистрации движений глаз GazePoint HD GP3. В основной серии каждый респондент смотрел поочередно на стимульныеизображения модифицированного теста и вслух должен быть произнести ответ, который он бы дал, оказавшись в демонстрируемой ситуации.

Была произведена экспертная оценка ответов, полученных от всех респондентов, на стимульные ситуации модифицированного теста по системе, предложенной С. Розенцвейгом. На каждом стимульном изображении была произведена разметка «зон интереса»: лицо европеоидного/монголоидного типа, лицо персонажа на место которогодолжен был поставить себя каждый респондент.

Данные о зонах локализации зрительных фиксаций анализировались с помощью Python 3.11 и пакета ETRAN (разработчик А.В. Жегалло). Анализ данных проводился сиспользованием критерия Т-Вилкоксона, а также с критерия χ^2 Пирсона и критерия Анализ полученного эмпирического материала показал, существование статистически значимых различий по типам ответов для ситуаций, где испытуемый викарно взаимодействует с представителем европеоидного и монголоидного этноса: аименно, в ситуациях викарной коммуникации с представителями монголоидной группыдоминируют самозащитные реакции, тогда как для викарной коммуникации с представителями европеоидной группы преобладают реакции предполагающие ожидание разрешения ситуации за счет внешних факторов.

Также были обнаружены статистически значимые различия по совокупной длительности зрительных фиксаций между зонами лиц участников коммуникативной ситуации, показывающие, что большее внимание участники исследования уделили лицам европеоидного типа.

1. Ананьева К.И., Айметдинова О.В. Роль контекста восприятия в оценке личностных особенностей человека// Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. – М.: Московский институт психоанализа–Когито-Центр, 2016 С. 183-191.
2. Васюра Е.В., Красильникова М.А., Поварова Е.М., Пузанова А.Ю., Пшеничная А.И.,
3. Ананьева К.И. Апробация модифицированной методики С. Розенцвейга
4. «Рисуночный тест межэтнической коммуникации» // Психологические исследования: Вып. 11 / Под ред. А. Л. Журавёва, Е. А. Сергиенко, Н. Е.
5. Харламенковой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022 С. 10-19.

Логина А.А., Мироненко И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Личностные факторы восприятия художественного творчества искусственного интеллекта

Искусственный интеллект, восприятие искусства, личностные характеристики

Введение. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их активная интеграция в сферу искусства актуализируют научный интерес к изучениюпотенциала ИИ как инструмента художественного творчества (Wingström et al., 2022).

Генеративные модели способны создавать высококачественные произведения, зачастую неотличимые от человеческих. Это порождает необходимость психологических исследований восприятия таких произведений личностью, что обусловлено как широкими возможностями, так и потенциальными рисками: от сверхдоверия к технологиям до их избегания.

Цель планируемого исследования – определить значимость личностных характеристик, влияющих на восприятие художественных произведений, созданных искусственным интеллектом. Особый акцент сделан на открытости опыту (Grassini et al., 2024; Di Dio et al., 2023) и доверии к технологиям (Bara et al., 2025), поскольку именно эти характеристики тесно связаны с эмоциональными реакциями аудитории на творчество ИИ. Восприятие ИИ-произведений может зависеть и от особенностей взаимодействия человека с другими людьми (Dadeshkeliani, 2025). Общее доверие личности к миру, себе и другим людям, предположительно, может оказывать влияние на эмоциональную и оценочную реакцию на ИИ-продукты.

Полученные данные будут иметь важное практическое значение для интеграции продуктов ИИ в культурную среду с учётом индивидуально-психологических особенностей аудитории.

Методы. В исследовании примут участие студенты университетов Санкт-Петербурга (N=120, 18-25 лет).

Для диагностики личностных характеристик будут использованы следующие психологические методики:

- опросник «Большая пятёрка» (BFI-2),
- шкала межличностных отношений «Включенность» (Schutz, адапт. Рукавишникова),
- опросник «Доверие/недоверие личности миру, себе и другим людям» (Купрейченко, адапт. Ильина),
- опросник отношения к технологиям (Солдатова с соавт.).

Для оценки восприятия произведений ИИ планируется проведение анкетирования и выборочных глубинных интервью. Обработка данных предполагает использование количественного и качественного анализа. Планируемые результаты исследования позволят подтвердить (или опровергнуть) существующие данные. Предполагается выявление значимых связей между личностными особенностями респондентов и их отношением к продуктам художественного «творчества» ИИ. Результаты исследования внесут вклад в понимание роли ИИ в картине мира современного человека и могут послужить базой для дальнейших эмпирических и теоретических работ в данной области.

1. Bara, I., Ramsey, R., & Cross, E. S. (2025). AI contextual information shapes moral and aesthetic judgments of AI-generated visual art. Cognition, 257, 106063 https://doi.org/10.1016/j.cognition.2025.106063
2. Dadeshkeliani, B. (2025). The Psychology of Artificial Intelligence: Analyzing Cognitive and Emotional Characteristics, Human-Ai Interaction, and Ethical Considerations. International Journal of Social Science and Human Research, 8, 1508-1514 https://doi.org/10.47191/ijsshr/v8-i3-23
3. Di Dio, C., Ardizzi, M., Schieppati, S. V., Massaro, D., Gilli, G., Gallese, V., & Marchetti, A. (2023). Art Made by Artificial Intelligence: The Effect of Authorship on Aesthetic Judgments. Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. Advance online publication. https://doi.org/10.1037/aca0000602
4. Grassini, S., & Koivisto, M. (2024). Understanding how personality traits, experiences, and attitudes shape negative bias toward AI-generated artworks. Scientific Reports, 14(1), 4113 https://doi.org/10.1038/s41598-024-54294-4
5. Wingström, R., Hautala, J., & Lundman, R. (2022). Redefining Creativity in the Era of AI? Perspectives of Computer Scientists and New Media Artists. Creativity Research Journal, 36(2), 177–193. https://doi.org/10.1080/10400419.2022.2107850

Давидюк М.В., Мироненко И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Представления о красоте: контент-анализ ассоциаций

Красота, контент-анализ, психологические ресурсы

В условиях быстрого темпа жизни, стрессов и информационной перегрузки поиск ресурсов для поддержания субъективного благополучия приобретает особую актуальность. Исследования показывают, что восприятие эстетических объектов вызывает эмоции радости, вдохновения и умиротворения (Silvia & Nusbaum, 2011). Приэтом одним из важных понятий в категории эстетики является красота. Существеннойпроблемой остается неопределенность данного понятия, которое остается дляисследователей «особым, Трудно формализуемым аспектом объективнойдействительности» (Мироненко, Давидюк, 2024, с. 57). Красота рассматривается какресурс, способствующий эмоциональной регуляции, повышению самооценки иукреплению позитивных жизненных установок (Fredrickson & Joiner, 2002).

Мы предприняли попытку исследовать представления о красоте методом контент-анализа ассоциаций. В исследовании приняли участие 62 студента факультета психологии (57 женского пола, 5 – мужского) в возрасте от 18 до 22 лет.

Респондентами заполнялась гугл-форма, которая имела форму сбора биографических данных, и задания на составление ассоциативных рядов к понятию «красота».

Нами был проведен контент-анализ, который позволил распределить все ассоциации по категориям: гармония, природа, эмоциональные переживания, искусство и культура, моральные качества человека.

Ассоциативный ряд к слову «красота» у 28 % респондентов связано с гармонией, симметрией, уравновешенностью и порядком («гармония», «уравновешенность»). Эти ассоциации подчеркивают важность эстетического баланса как внутреннего и внешнегопризнака красоты, указывают на то, что эстетическое восприятие способствуетощущению внутреннего баланса и спокойствия, что важно для психологическогоздоровья.

Ассоциации с природой прослеживаются у 14% опрашиваемых, в определении часто встречаются следующие ответы: «природа», «цветок», «поле». Это свидетельствует о том, что природные явления воспринимаются как образцы истинной красоты, вызывающие умиротворение и вдохновение.

В 10% ответов содержатся определения, характеризующие эмоциональные переживания: «то, что радует», «вдохновение», «воодушевление», «любовь», «боль».

Таким образом, красота воспринимается не только как визуальный аспект, но и как источник сильных эмоциональных переживаний.

В свою очередь 11% молодых людей отмечают важность культурного составляющего понятия: «искусство», «картина», «мода», «эстетика». Важным аспектом является восприятие эстетического наслаждения через произведения искусства или внешние проявления человека.

При этом 17% ответов респондентов связаны с включением в определение понятие моральных качеств таких, как доброта, искренность («человек с доброй душой»), а также с духовными ценностями («высшее благо», «идеал»). Это подчеркивает важность внутренней красоты как ресурса для формирования позитивного образа себя и укрепления самооценки. В ассоциациях также присутствуют сочетания характеризующие высшие ценности («величие», «значимость», «идеал»), которые свидетельствуют о стремлении к идеализированному восприятию красоты как чего-то совершенного или возвышенного. Разнообразие ассоциаций показывает гибкость восприятия красоты – оно может адаптироваться к личным предпочтениям и жизненным ситуациям, что делает его ценным ресурсом для поддержания и создания субъективного благополучия. В настоящее время анализ результатов продолжается, в докладе будет представлена теоретическая модель.

1. Мироненко И.А., Давидюк М.В. Эстетическая отзывчивость и эстетическая восприимчивость: к определению понятий // Вопросы психологии. 2024 Т. 70, № 3, С. 50-59.
2. Fredrickson, B. L., & Joiner, T. Positive emotions trigger upward spirals toward emotional well-being // Psychological Science. 2002 13(2). P. 172–175. https://doi.org/10.1111/1467-9280.00431
3. Silvia, P.J., & Nusbaum, E.C. On the pleasurable experience of art: An integrative review and future directions for research on aesthetic emotions // Emotion Review. 2011 3(2). P. 124–132.

Щербак Е.С., Мироненко И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Взаимосвязь ностальгического взаимодействия с прошлым и автобиографической памяти личности

Ностальгия, автобиографическая память, временная перспектива

Организация времени личности и ее временная перспектива имеет важное значение в поддержании психологического благополучия, мотивации и эмоциональной регуляции личности (Абульханова-Славская, 2001; Zimbardo, Boyd, 1999). Значимым здесь является представление о прошлом в субъективной картине жизненного пути личности, отраженное в автобиографической памяти, структурно-функциональное строение которой имеет индивидуальные особенности (Василевская, Кабардов, Нуркова, 2011). Ностальгическое взаимодействие с прошлым привлекает все большее внимание исследователей, при этом в психологической науке восприятие ностальгии проходит трансформацию из в основном негативного переживания в феномен, обладающий адаптивными функциями (Routledge et al., 2013).

Целью нашего исследования является выявление взаимосвязи между ностальгическим взаимодействием с прошлым и индивидуальными особенностями структурно-функционального автобиографической памяти. Согласно выдвинутой нами гипотезе, позитивная или негативная роль ностальгии в жизни человека определяется особенностями автобиографической памяти и в них находит свое отражение. Дополнительную гипотезу составляет предположение о том, что на указанную взаимосвязь опосредующее влияние оказывает такая характеристика личности, как рефлексивность.

В настоящее время разработана программа исследования, начат сбор данных. Методы исследования: графическая проективная методика ностальгического взаимодействия с жизненным опытом (В.В. Нуркова, Д.Д. Ганул); опросник временной перспективы Ф.Зимбардо; семантический дифференциал времени; функции автобиографической памяти (К.Н. Василевская); дифференциальный тип рефлексии (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин); опросник рефлексивности А.В. Карпова. Наше особое внимание привлекла методика ностальгического взаимодействия с жизненным опытом, сочетающая в себе «Линию жизни» и методику для оценки степени интегрированности личности с ностальгическими воспоминаниями. Ее применение позволяет эксплицировать конфигурацию автобиографических воспоминаний о вызывающих ностальгию периодах и получить данные для дальнейшего анализа исследуемой взаимосвязи.

В исследовании принимают участие испытуемые молодого и среднего возраста (согласно классификации ВОЗ). Исследование проводится в формате индивидуальных интервью: испытуемым предлагается заполнить бланк «Линия жизни» и пройти соответствующие опросники в сети Интернет.

В докладе будут представлены результаты проводимого исследования взаимосвязи ностальгического взаимодействия с прошлым и индивидуальных особенностей структурно-функционального строения автобиографической памяти личности, а также опосредующего влияния рефлексивности личности на указанную взаимосвязь.

1. Абульханова-Славская К.А, Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Василевская К.Н., Кабардов М.К., Нуркова В.В. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // Психологические исследования. 2011. 4(16). https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.866.
3. Нуркова В.В., Ганул Д.Д. Интеграция с воспоминаниями о ностальгических периодах прошлого и субъективное благополучие в пожилом возрасте // Психология личности: методология, теория, практика. Сборник статей / Отв. ред.: Ушаков Д.В., Журавлев А.Л., Махнач А.В., Харламенкова Н.Е., Юревич А.В., Никитина Е.А. М.: Институт психологии РАН, 2024. С. 1156-1162.
4. Routledg C., Wildschut T., Sedikides C., Juhl J. Nostalgia as a resource for psychological health and well-being // Social and Personality Psychology Compass. 2013. 7(11). 808–818. https://doi.org/10.1111/spc3.12070.
5. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. 77(6). P. 1271–1288. https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271.

Шунто А.С., Суслова К.С.
НОЧУ ВО МИП

Особенности оценок произведений живописи людьми с разным эмоциональным состоянием

Введение. Во все времена у людей разных народностей и культур было стремление создавать и созерцать произведения живописи. В тоже время, до сих пор мы задаемся вопросом, что конкретно нас заставляет отдавать предпочтение тем или иным произведениям искусства и что именно на это влияет. Восприятие произведений живописи является комплексным и довольно сложным явлением, на которое влияет достаточное количество мотивационных, аффективных и когнитивных процессов, таких как возбуждение, внимание, интерес, мышление, узнавание, память, удовольствие (S. Markovic, 2012). В современных исследованиях сложно найти конкретное и единое мнение о том, что именно влияет на механизмы восприятия человеком искусства. Ключевой и основной целью исследования является изучение особенностей оценок эмоциональных реакций произведений живописи и эмоционального состояния личности.

Методы.

В качестве методик данного исследования были использованы:

- Тест дифференцированной самооценки функционального состояния (опросник САН), автор: В.А. Доскин, 1973,
- Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности, автор: Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханин, 1976),
- Методика «Шкала эмоциональных схем» (Leahy Emotional Schema Scale II, LESS II), автор: Р. Лихи (адаптация: Н. А. Сирота, Д. В. Московченко, В. М. Ялтонский, 2016),
- Методика оценки субъективного восприятия эмоционально окрашенных стимулов, авторы: А.Ю. Васанов, О.П. Марченко, М.С. Севостьянова, 2013 (А.Ю. Васанов, О.П. Марченко, М.С. Севостьянова, 2013).

Выбор методик на оценку эмоциональных схем и тревожности обосновывается подтверждением их взаимной конструктной валидности (Leahy R. L., 2015).

Эмпирическое исследование производилось с использованием программного обеспечения для предъявления стимулов и сбора ответов респондентов, которое было разработано в среде Python 3.8 с пакетом расширений PsychoPy 2023.1.2. Разработанная программа была установлена на одинаковые компьютеры, поскольку при оценке изображений правильнее стандартизировать предъявление стимульного материала. В выборке исследования приняли участие 74 человека в возрасте от 18 до 46 лет. Всего в исследовании приняло участие 58 женщин и 16 мужчин. Респондентами являются студенты психологического факультета.

Результаты. Анализ совокупных оценок произведений живописи продемонстрировал, что испытуемые чаще всего отдают предпочтение тем картинам, которые, либо передают спокойное и умиротворяющее состояние, либо напротив пугающее и мрачное. Характер выбора, отражают показатели шкал. Наибольший восторг у респондентов вызывали картины с изображением гор, моря, античных сюжетов. Сами по себе, данные картины сложно назвать негативными, видимо поэтому и оценки оказались столь высоки. В то время как, наименьшее количество баллов в оценке валентности эмоции получили картины с изображениями пугающих, трагичных, абстрактных, сюжетов. Можно сделать вывод о том, что респонденты в целом менее положительно оценивали картины, на которых были переданы негативные сюжеты.

При этом, анализируя также способность контролировать эмоции, мы видим большинство картин на пике оценки, означающей неконтролируемую реакцию, среди тех, которые получили низкие балы при оценке эмоционального отклика. При рассмотрении шкалы возбужденности эмоциональной реакции, мы видим эти же картины на верху по уровню оценки, что свидетельствует о активной, взбудораженной или раздраженной эмоции. Иными словами, картины респондентам не понравились, при этом изображения вызывали активные, яркие эмоциональные реакции и испытуемые не могли это контролировать. При этом, возвращаясь к доминантности, наибольший контроль над эмоциями респонденты чувствовали от тех картин, которые им больше всего понравились, беря в рассмотрение результаты первой шкалы. В добавок к этому, именно эти картины по третьей шкале получили минимальные показатели, что означает спокойную эмоциональную реакцию.

Таким образом, мы можем интерпретировать данные, как то, что картины с изображением спокойных, умиротворяющих сюжетов, понравились респондентам, вызвали расслабленную и спокойную реакцию, которую они были способны контролировать. Было проведено распределение респондентов на две группы посредством кластеризации, на основе результатов методик, определявших эмоциональ-

ное состояние. Вследствие этого мы получили условно более «негативную» и «позитивную» группы испытуемых. Интерпретируя результаты, можно сказать, что на основе приведенных данных и графиков, восприятие произведений живописи у людей с разным эмоциональным состояниям отличается. Обе группы респондентов, распределенные по схожим показателям по результатам диагностических методик, демонстрируют разный уровень оценки картин по всем трем шкалам. Выводы.

Результаты анализа выявили значимые различия в оценках произведений живописи респондентами с разным (актуальным) эмоциональным состоянием. Анализ результатов подтвердил гипотезу о том, что существуют произведения живописи, которые образуют контрастные группы, высоко и низко оцениваемые по шкалам валентность (эмоциональный отклик), эраузал (эмоциональное возбуждение), доминантность (контроль эмоций). По результатам проведенного анализа подтвердилась гипотеза о том, что респонденты с более низкими показателями самочувствия, активности, настроения, более высокой личностной тревожностью и менее адаптивными эмоциональными схемами значимо выше оценивают некоторые произведения живописи по шкалам эраузал (эмоциональное возбуждение) и доминантность (контроль эмоции).

Анализ результатов исследования показал, что респонденты с более высокими показателями самочувствия, активности, настроения, более низкой личностной тревожностью и более адаптивными эмоциональными схемами значимо выше оценивают некоторые произведения живописи по шкале валентность (эмоциональный отклик).

1. Васанов А.Ю., Марченко О.П., Севостьянова М.С. Подбор культурно- специфических эмоционально окрашенных фотоизображений для экспериментальных исследований // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6, № 4. С. 92–105.
2. Leahy R. L. Psychological correlates of emotional schemas: Validation of the Leahy Emotional Schemas Scale (LESS) // International Journal of Cognitive Therapy. 2015. Vol. 8, № 3. P. 217–233.
3. Markovic S. Components of aesthetic experience: aesthetic fascination, aesthetic appraisal, and aesthetic emotion // i-Perception. 2012. Vol. 3. P. 1–17. DOI: 10.1068/i0450aap.

Василевская А.В., Мусс А.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности переживаний, возникающих в медитативном и гипнотическом трансе

Измененные состояния сознания, гипнотический транс, медитативный транс, феноменологическое интервью

Введение. Психология измененных состояний сознания (ИСС) в настоящее время является одной из динамично развивающихся областей психологического исследования во всем мире. Однако при наличии колоссального эмпирического материала, мы, с одной стороны, называем различные состояния измененными состояниями сознания, как будто бы предполагая общие характеристики, а, с другой стороны, исследуем эти состояния по-отдельности, лишь изредка пытаясь найти общие признаки. Кроме того, ИСС оказываются изолированными от других нормальных и патологических состояний сознания, что противоречит современным подходам, в рамках которых создается общая теория психических / ментальных состояний. По этой причине в рамках данного исследования мы решили сравнить переживания в двух различных трансовых состояниях: при медитативном и гипнотическом трансе.

Цель исследования: изучить структуру и характеристики переживаний, возникающих в состоянии медитативного и гипнотического транса, вызванных трансцендентальной медитацией, эриксоновским гипнозом и аутогипнозом.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть измененные состояния сознания и их ключевые характеристики;
2. Исследовать гипнотический и медитативный транс как измененные состояния сознания
3. Выявить специфику гипнотического и медитативного транса как измененных состояний сознания.

Материалы и методы. Исследовались гипнотический и медитативный транс, как измененные состояния сознания (ИСС). В исследовании приняли участие 30 человек в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих на территории России. Основным методом исследования выступало феноменологическое интервью, направленное на выявление субъективных переживаний и ощущений участников во время медитации и гипноза.

Гипотеза исследования: зафиксированные ретроспективно в интервью переживания, характеризующие медитативный и гипнотический транс, соответствуют переживаниям, которые рассматриваются в качестве характерных проявлений ИСС.

Результаты. В ходе анализа собранных данных было выявлено наличие характерных признаков ИСС в высказываниях респондентов. Были получены следующие результаты: ретроспективно зафиксированные в интервью переживания, характеризующие медитацию и гипноз, соответствуют переживаниям, которые рассматриваются в качестве характерных проявлений ИСС; рассмотрены измененные состояния сознания и их ключевые характеристики; оценена специфика трансцендентальной медитации, аутогипноза и эриксоновского гипноза, как измененных состояний сознания.

Заключение. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что переживания, характеризующие медитативный и гипнотический транс, соответствуют переживаниям, которые рассматриваются в качестве характерных проявлений ИСС.

1. Гордеева О.В. Измененные состояния сознания и культура. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
2. Ludwig A. Altered states of consciousness // Altered States of Consciousness. N.Y.: Wiley, 1969. P. 9–22.
3. Tart Ch. States of consciousness. N.Y.: Dutton, 1972. 277 p.
4. Tart Ch. Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2003. 288 с.

Мусс А.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Преемственность в психологии через исследования сознания: вчера, сегодня, завтра

Сознание, структурная психология В. Вундта, когнитивная наука, рефлексивный монизм

В современной психологии зачастую одновременно с признанием необходимости преемственности как одной из определяющих характеристик научного познания (в том числе в форме выдвижения принципа преемственности) указывается ее отсутствие в развитии психологического знания (Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2008).

Однако внимательное философско-психологическое и историко-психологическое исследование позволяет увидеть, что преемственность в психологии не только существует и сохраняется, но и развивается нелинейно, в зависимости от исторических условий и представлений конкретных исследователей. Это выражается, в том числе, в том, что идеи, заложенные в основание современной научной психологии в конце XIX века возвращаются к нам в обновленном и эвристически ценном обличье.

Здесь показательна ситуация с проблемой сознания: став одной из центральных фундаментальных проблем зарождающейся психологической науки, развитие этой проблемы продолжает определять облик психологического знания. Так в рамках физиологической психологии В. Вундта (Wundt, 1874) для преодоления ограничений прежней, философской психологии (Васильев, 2010), в частности, субстанциального дуализма Р. Декарта и его более поздних интерпретаций, предлагалось соединить внешнее (эксперимент) и внутреннее (отчет исследователя о субъективных переживаниях) наблюдение, чтобы связать элементарное строение субъективного опыта с функционированием нейронов головного мозга (Wundt, 1874).

Впоследствии, в первую очередь, в американской психологии, структурная психология Вундта была низведена до интроспективной психологии его ученика Э. Титченера, которая, в свою очередь, не выдержала конкуренции с зарождающейся поведенческой психологией Дж. Уотсона. Ограничения же бихевиоризма были преодолены необихевиоризмом и последовавшей «когнитивной революцией», которая, скорее, была не революцией, а синтезом необихевиоризма и исследований искусственного интеллекта (Costall, 2006).

Однако амбиции когнитивной психологии, желающей изучать сознание, столкнулись с ограничениями подхода, который рассматривал в качестве ключевого (и объективного) источника опыта публичный опыт исследователя-когнитивиста (Velmans, 2012).

Современные подходы к исследования сознания в рамках междисциплинарной когнитивной науки, в числе которых также представлен рефлексивный монизм М. Велманса, стремятся преодолеть объяснительный разрыв между феноменологией и когнитивной наукой, рассматривая на равных публичный опыт экспериментатора и приватный опыт испытуемого, соотнося их между собой (Velmans, 2012).

Такой подход, связанный с выработкой дискурса, свободного от ограничений предшествующих способов описания и интерпретации исследований сознания, возвращают нас к перспективе, которая была заложена в современное психологическое знание в момент его основания. Фактически, отказ от идей Вундта в американской психологии XX века привел к методологическим ограничениям, для решения которых в рамках современной международной и междисциплинарной когнитивной науки понадобилось вновь обратиться к идеям, которые когда-то сделали психологию отдельной научной областью.

1. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип преемственности, или как возможны научные открытия // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 167–180.
2. Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М.: Канон+, 2010.
3. Costall A. ‘Introspectionism’ and the mythical origins of scientific psychology // Consciousness and Cognition. 2006. Vol. 15. № 4. pp. 634–654.
4. Velmans M. Reflexive monism psychophysical relations among mind, matter, and consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2012. Vol. 19. № 9-10. pp. 143–165.
5. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1874.

Ульманн А.А., Зайцева Ю.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Оценка содержания сновидений с помощью модели образов сознания

Социальный конструкционизм, повседневность, феноменология сновидений

Введение. Социальный конструкционизм предлагает взгляд на сновидение как на феномен, по большей части конструируемый в коммуникации под влиянием культурногоконтекста. В работе исследуется отношение современных людей к сновидениям,представления о ценности сновидений и их функциях в повседневности, а также описываются стратегии построения образов (Василюк, Сидорова, 2009; Сидорова, 2010) сновидений в свободном повествовании.

Цель исследования: изучить, как современные люди осмысляют, переживают сновидения и конструируют образы сновидений

Методы. 1 этап представлял проведение анкетирования. Выборка: 149 человек (120 женщин и 29 мужчин) в возрасте от 18 до до 65 лет. Метод сбора данных: авторская анкета.

Методы обработки данных: качественный и количественный контент-анализ. 2 этап – феноменологическое исследование методом множественных кейсов. На основе 1 этапа было отобрано 5 человек из 17 (4 женщины и 1 мужчина в возрасте от 19 до 45 лет) в качестве вариативных случаев. Метод сбора данных: дневник сновидений – ежедневные отчеты (на протяжении 14 дней) в виде голосовых сообщений, включающий ответы на список вопросов о содержании сновидений и ценности этого содержания.

Метод обработки данных: интерпретативный феноменологический анализ.

Результаты. Большинство респондентов (79%) отметили, что не готовы отказаться от сновидений. При анализе ответов на вопросы анкеты были выведены 5 функций сновидений в повседневности (материал для рефлексии, переживание, коммуникация,продолжение мышления, связь с потусторонним) и 4 типа отношений к образам сновидений (образы сновидений как продолжение повседневной реальности, образы сновидений как граница между повседневным и потусторонним, образы сновидений как альтернативная реальность и образы сновидений как побочный эффект мозга,порождающий искаженные образы реальности) и их подтипы (разделение насимволическое и буквальное отношение при восприятии образов сновидения как продолжения повседневной реальности и как границы с потусторонней реальностью,разделение на пассивное и активное воображение при отношении к образам сновидения как к альтернативной реальности).

В результате интерпретативного феноменологического анализа отчетов о сновидениях и выполнения рефлексивных заданий респондентов были описаны основные «жанры» описания образов сновидений (эгоцентрические образы,Импрессионистические образы, мистические образы, комичные образы, сюрреалистические образы, экспрессионистические образы, фантастические и фэнтезийные образы), характеризующиеся особенностями стратегии построения образа сознания (Василюк, Сидорова, 2009; Сидорова, 2010).В каждом из упомянутых «жанров», кроме экспрессионизма, отмечается ценность сновидений и своя функция материала сновидений в повседневности.

Выводы. Полученные результаты показывают разнообразие культурных стратегий, используемых для конструирования образов сновидений. Описываются варианты рефлексии о ценности материала сновидений и способах его применения в повседневности, определение которых может быть важной характеристикой культуры сознания (Василюк, Сидорова, 2009; Сидорова, 2010).

Понимание функций образов и их ценности позволяет также улучшать повседневное взаимодействие, в которое часто оказываются включены рассказы о сновидениях. Появляется способ анализировать, о чем именно рассказывает человек,говоря о сновидении.

1. Василюк Ф.Е., Сидорова В.В. Кросс-культурное исследование стратегий работы сознания (на материале русской и японской культур) // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. 2009 № 2009 С. 62-78
2. Сидорова В.В. Культура образа (культурная детерминация образа сознания на примере русской и японской культур) // Культурно-историческая психология. 2010 № 6 (2). С. 34–44.

Логинова Н.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Прикладные исследования в Петербургской психологической школе

История психологии, В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, направления практической психологии

Принцип единства теории, эксперимента и практики изначально существует в Петербургской психологической школе. В 1910-х гг. в Педологическом институте прикладные психолого-педагогические исследования проводились под руководством В.М. Бехтерева и К.И. Поварнина с целью научного обоснования воспитания ребенка, начиная с младенчества. Использовались методы наблюдения и естественного эксперимента (Логинова Н.А., 2005). В Институте мозга им. В.М. Бехтерева до 1936 г. существовал Отдел педологии, тесно связанный с работой средней школы, детских домов и других педагогических заведений.

В 1920-х гг. В.М. Бехтерев и его сотрудник А.Ф. Кларк организовали прикладные исследования по психологии труда и профориентационную работу среди молодежи.

В конце 1930-х гг. по государственному заказу были проведены тщательные исследования зрительных восприятий на удаленном расстоянии. Они были востребованными в архитектуре и строительстве, а в годы Великой Отечественной войны для маскировки Ленинграда. Психологами и медиками была развернута практическая реабилитационная работа с ранеными, психологи участвовали в медэкспертизе, в противовоздушной обороне Ленинграда (Р.А. Каничева, А.В. Ярмоленко, 1985).

В послевоенное время центр ленинградской психологии переместился в Ленинградский университет, на психологическое отделение, руководимое Б.Г. Ананьевым. Продолжая курс на связь теории и практики, Б.Г. Ананьев и его сотрудники в ленинградском НИИ педагогики выполнили в 1950-х гг. большую практико-ориентированную программу по педагогической психологии и возрастной педагогике средней школы (Б.Г. Ананьев, 1959).

В 1960-х психологи ЛГУ развернули прикладные исследования на производственном объединении «Светлана», заводе им. Козицкого, провели психологические эксперименты в сурдокамере в целях подготовки космонавтов.

В 1970-х гг. были комплексные обследования артистов балета в Кировском (теперь Мариинском) театре, абитуриентов в театральном институте. Выпускники факультета психологии ЛГУ с помощью кураторов из лаборатории дифференциальной психологии и антропологии Института комплексных социальных исследований организовали психологическую службу высшей школы в Новосибирском электротехническом институте (ныне НГТУ).

В 1980-х в Ленинграде по инициативе и при активном участии психологов университета созданы центры профессиональной ориентации молодежи (Л.А. Головей, Н.А. Грищенко, С.Л. Лукомская, 1988).

В 1970-80-х гг. на основе комплексных междисциплинарных исследований ленинградских ученых, в том числе психологов положено начало социальному планированию развития трудовых коллективов и осуществлены значительные социальные проекты в городе и стране.

Решетников М.М.
АНО ВО ВЕИП

Психитария и психология – история и современность

Психиатрия, психология, методология, теория и практика

В последние годы психология начала активно делить ответственность с психиатрией в сфере ментальных расстройств. И это, безусловно, еще один шаг не столько в расширении, сколько в гуманизации помощи при доклинических формах психических расстройств. Эпоха гуманизации имеет длинную истории, но обычно ее датируют 1797 годом, когда французский врач Жан-Батист Пюссен впервые снял кандалы с психиатрических пациентов. Обычно эту заслугу приписывают другому врачу-гуманисту Филиппу Пинелю, который был уже признанным авторитетом, но повторил этот шаг тремя годами позднее. В 1798 году Ф.Пинель опубликовал одну из первых и широко признанную в то время классификацию психических расстройств. Характерно, что в этой классификации Ф.Пинель исходил из психологического подхода к психопатологии и сводил их все к 4 основным формам: меланхолия, мания, деменция и идиотизм, при этом мания (как синоним безумия) характеризовалась автором не как потеря рассудка, а противоречие в нем, которое может быть устранено. Но его талантливый ученик Жан-Этьен Доминик Эскироль (1772 – 1840) постепенно отказывается от этих принципов Ф.Пинеля и начинает склоняться к идее всей психопатологии, как заболевании головного мозга, которые нужно лечить медицинскими препаратами (медиатизация психиатрии).

Следующим революционным шагом в развитии современной модели психиатрии стало создание одной из первых классификации психических расстройств (1883) и появление книги Эмиля Крепелина «Введение в психиатрическую клинику» в 1901 году. Классификация Э.Крепелина в последующем многократно модифицировалась, но суть ее не менялась.

Являясь учеником – одного из основателей современной психологии – Вильгельма Вундта, Крепелин вначале увлекся экспериментальной психологией и удивительно талантливо, можно сказать – высокохудожественно описал клинику основных психических расстройств, положив начало описательной психиатрии.

Здесь важно понять, что классификация Крепелина была чисто психологическая, как отмечал К.Ясперс, ей был присущ элемент художественности, как, например, описанию литературных героев.

Но как раз в это время были впервые открыты возбудители холеры (1854), малярии (1880) и туберкулеза (1882). Под влиянием этих открытий в микробиологии Э.Крепелин делает резкий «разворот». Он отходит от психологического подхода к психопатологии, и переносит так называемый «линейный принцип» соматической медицины на психопатологию.

Исходя из этих новых идей, Э.Крепелин (бездоказательно!) постулирует, что все психические расстройств должны, как и все другие болезни, вызываться вирусами, бактериями и токсинами. Только их пока не могут найти из-за несовершенства техники. В силу авторитета Э.Крепелина эта (исходно ложная) идея легко принимается практически всем психиатрическим сообществом.

Таким образом, происходит ничем не обоснованный, я бы сказал трагический для психиатрии поворот: описательный (психологический) подход к психопатологии трансформируется в типично медицинский (биологический). А раз это не психология, а вирусы, следовательно – нужно лечить якобы пораженный этими вирусами мозг. С этого времени психика и ткань мозга полностью идентифицируются.

Этиологическая концепция психопатологии стала биологической, а классификация осталась психологической.

1. Попов Ю.В., Вид В.Д. Современная клиническая психиатрия. – СПб.: Речь, 2002. – 402 с.
2. Решетников М.М. История психопатологии. Лекции: учебное пособие для вузов. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 263 с.
3. Фрейд З. Исследования истерии. // З. Фрейд. Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2020. – 448 с.

Степанова М.А.
ФГБОУ ВО МГУ им. М.В.Ломоносова, ФГБОУ ФНЦ ПМИ

**Истоки и логика развития неклассической психологии:
100-летие «Психологии искусства» Л.С.Выготского**

*Культурно-историческая психология, неклассическая психология,
«Психология искусства», научная школа Л.С.Выготского*

Введение. «Психология искусства» – одна из первых крупных психологических работ Л.С.Выготского: написанная в 1925 г. она представляет собой итог ранних занятий ученого литературной критикой. Лишь спустя 40 лет «Психология искусства» (Выготский, 1965) –книга, названная А.Н.Леонтьевым переходной в точном значении этого слова и знаменующая переход к специальности психолога – увидела свет. Цель исследования –рассмотрение «Психологии искусства» сквозь призму содержавшихся в ней идей неклассической психологии, оказавшей определяющее влияние на последующее развитие отечественной психологической мысли.

Методы – историко-психологический анализ.

Результаты. Анализ работы «Психологии искусства» с точки зрения ее места в системе психологических взглядов Л.С.Выготского был предпринят Д.Б.Эльконинym. Выступая в 1984 г. на заседании Ученого совета НИИ дефектологии АПН СССР (ныне – Институт коррекционной педагогики), приуроченного к 50-летию со дня смерти Л.С.Выготского(1896-1934), он обратил внимание на психологический смысл реализованного Л.С.Выготским анализа художественных произведений. Д.Б.Эльконин пришел к выводу, что, занимаясь психологией искусства, Л.С.Выготский разработал такой подход, который означал создание «совершенно новой … неклассической психологии» (Эльконин, 1989, с. 477). Если для классической психологии психические процессы заданы с самого начала, то для Л.С.Выготского они даны в форме социальных отношений, которые выступают источником возникновения и развития психических функций у человека. В данном положении, отмечает Д.Б.Эльконин, «содержится неклассический подход к сознанию»(Эльконин, 1989, с. 473). Таким образом неклассическая психология – наука о том, как из «объективного мира искусства, из мира орудий производства… рождается и возникает субъективный мир отдельного человека» (Эльконин, 1989, с. 478), имеющая своим истоком «Психологию искусства» Л.С.Выготского.

Однако впервые о Л.С.Выготском как создателе неклассической психологии было заявлено несколькими годами ранее на состоявшейся в 1981 г. всесоюзной конференции «Научное творчество Л.С.Выготского и современная психология». В выступлениях П.Я.Гальперин и Д.Б.Эльконин оказались единодушны в оценке культурно-исторической психологии Л.С.Выготского как начала новой, неклассической психологии. П.Я.Гальперин, говоря об ошибочном понимании психической деятельности в классической психологии, отмечал, что «систематическое построение психологии как объективной науки» (Гальперин, 2023, с. 312) возможно только на принципах «новой, не классической психологии» (там же), начало которой составляют идеи Л.С.Выготского.

С тех пор в контексте глубокой общественно-политической перестройки наша психология претерпела существенные изменения: появились новые направления изучения психического, значительно расширились области прикладных исследований, возросла роль практической психологии. В сложившейся ситуации особую остроту приобретает вопрос поиска их общего начала, объединяющего принципа психологических исследований. Именно такую функцию может и должна взять на себя культурно-историческая психология, в логике которой происходило дальнейшее развитие московской психологической школы.

Выводы. Создание собственных научных школ, имеющих истоком общий культурно-генетический код неклассической психологии – таков путь развития таких ученых как А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, П.Я.Гальперин, Д.Б.Эльконин и др.

1. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1965.
2. Гальперин П.Я. Психология: предмет и метод. М.: Изд-во Московского университета, 2023.
3. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Соколова Е.Е., Степанова М.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В.Ломоносова

О психотехническом характере деятельностно ориентированной общей психологии

Психотехника, деятельность, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин

Введение. Целью работы является рассмотрение истории развития идей Л.С. Выготского об общей психологии как философии психотехники в деятельностно ориентированной психологии 1930-1950-х гг.

Методы – историко-методологический анализ.

Результаты. Как известно, в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский предложил оригинальную программу построения новой общей психологии, которая не рассматривала бы практику как «приложение» полученных в научных исследованиях выводов, а, напротив, строила свои принципы так, чтобы они выдерживали бы испытание «высокоорганизованной практикой». Согласно Выготскому, такая общая психология стремилась бы «не столько объяснить психику, сколько понять ее и овладеть ею» (Выготский, 1982, с. 387), то есть была бы по своему существу философией (конкретно-научной методологией) психотехники.

Эти положения нашли свое воплощение и развитие в последующем психотехническом движении в нашей стране, которое – несмотря на его драматическую судьбу в определенный период существования СССР – подспудно пробивало себе дорогу и получило окончательное методологическое оформление в работах Ф.Е. Василюка. По его мнению, ярким примером успешной реализации психотехнического подхода была и остается теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина; само название теории отвечает требованиям психотехники, поскольку означает «работу с психикой».

Однако возникновение деятельностно ориентированного психотехнического подхода следует отнести к еще более ранним временам, а именно к 1930-м гг., когда образовалась Харьковская психологическая группа (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, В.И. Аснин, Г.Д. Луков и др.), превратившаяся затем в большую научную школу, признанным лидером которой стал А.Н. Леонтьев. Именно тогда были впервые сформулированы основные положения общепсихологической теории деятельности, которые впоследствии корректировались и развивались главным образом в контексте «высокоорганизованной практики».

Согласно данной теории, психотехника как «работа с психикой» означает прежде всего построение, формирование и изменение реальной деятельности субъекта, поскольку психика является ее определенной (ориентировочно-регулирующей) функцией. Это становится особенно очевидным при изучении многочисленных онтогенетических исследований, проведенных под руководством А.Н. Леонтьева в 1940-1950-е гг. В них не только происходило реальное формирование (и коррекция) определенных психических процессов в значимых для детей формах деятельности, но и оттачивался теоретический и методологический аппарат деятельностно ориентированной общей психологии. Аналогичное единство исследования и практики наблюдалось и в работе по восстановлению движений поврежденных рук у раненых во время войны и в послевоенное время (в этой работе принимали участие А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Т.О. Гиневская и др.). Становление психотехнического подхода П.Я. Гальперина также приходится на начало 1950-х гг.

Выводы. Несмотря на острые дискуссии между представителями деятельностно ориентированного психотехнического движения (в частности, о том, является ли психика формой или функцией деятельности, о соотношении мотивационно-смысловых и операционально-технических составляющих деятельности и др.), сохранялось единство их взглядов на общую психологию как философию (конкретно-научную методологию) психотехники, которая предполагает неразрывную связь исследования, психологической помощи («работы с психикой»), обучения и воспитания.

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.

Слабинский В.Ю.
АНО ДПО «Петербургская школа психотерапии и психологии отношений»

О вкладе В.Н. Мясищева в развитие психологии в Китае

В.Н. Мясищев, психология отношений, история психологии, история психологии в Китае

Введение. Современный этап развития российской психологии характеризуется расширением географического ареала научного сотрудничества и совместными проектами с Китаем. Однако история взаимоотношений отечественной и китайской психологических школ остается малоизученной.

Цель исследования. Изучение вклада В.Н. Мясищева в психологию в Китае.

Методы. Историко-архивный метод

Результаты. В ходе историко-архивных исследований нами была обнаружена часть переписки Владимира Николаевича Мясищева и китайским психологом Ван Су. Всего найдено три письма Ван Су – В.Н. Мясищеву, датированные: 23.08.1957 г.; 06.12.1957 г.; 23.01.1958 г.

Из писем следует, что Ван Су был учеником Мясищева и выпускником ЛГУ. Работал ассистентом кафедры психологии Пекинского университета.

В первом письме Ван Су сообщил, что «здешняя кафедра очень интересуется работой советских психологов, особо выделяя Мясищева. Но, к сожалению, из-за незнания русского языка многие сотрудники лишены возможности прямо читать произведения советских авторов». На китайский язык были переведены некоторые советские научные журналы, например, «Ученые записки ЛГУ» № 203, в котором ответственным редактором направления «психология» был Мясищев. Написал, что ему поручили перевести на китайский язык статьи Мясищева и сделать доклад по психологии отношений.

В начале второго письма Ван Су поблагодарил Мясищева за пересылку ему новых статей сотрудников кафедры психологии ЛГУ. Сообщил, что выслал статью для публикации и попросил отредактировать и при необходимости сократить текст этой статьи. Поделился, что статья Мясищева «Проблема отношений человека и ее место в психологии» вызвала большой интерес у китайских коллег, и Ван Су не только поручили перевести эту статью на китайский язык, но и разработать лекционный курс по психологии отношений Мясищева. Ван Су обратился к Мясищеву: «Прошу Вас помочь создать план лекций и указать узловые проблемы. Эта задача трудна, но я, как выпускник Ленинградского университета, имею долг познакомить китайских психологов с достижениями советских психологов, в частности, с Вашими работами». Еще попросил прислать еще несколько статей Мясищева.

В третьем письме Ван Су написал о решимости обучать психологии отношений: «Во-первых, Ваша теория, на мой взгляд, крайне нужна для перестройки психологии у нас в Китае, в особенности для ликвидации разрыва психологии и практики. Во-вторых, некоторые наши психологи (их немало) склонны считать, будто в СССР мало подлинно психологических исследований». Сообщил, что внес изменения в лекционный курс: «Мои лекции расписаны на 32 часа, программа в-основном Ваша (когда Вы сами читали нам курс), но в связи с положением психологии у нас в Китае известное внимание уделяется критике буржуазных теорий Фрейда, Адлера, Штрассера, Дессуара, Левина и других. Ядро программы составляют проблемы, поставленные в Вашей последней работе, которую, кстати сказать, я уже перевел на китайский язык и ее скоро напечатают».

Ван Су подчеркнул, что «особую активность проявил институт психологии Академии наук Китая, они хотят слушать мои предстоящие в следующем семестре лекции (по психологии отношений – В.С.). Словом, мой курс привлекает известное внимание. Всей силой постараюсь, чтобы быть достойным выпускником родного Ленинградского университета. Прошу Вас указать, на какие вопросы следовало бы обратить особое внимание, какие работы других авторов нужно было бы еще прочитать».

Выводы. Во второй половине 50-х г. XX в. был налажен научный обмен между отечественными и китайскими психологами. Особый интерес в Китае вызывала психология отношений В.Н. Мясищева.

1. Ван Су Письма ассистента кафедры психологии Пекинского университета (1957-1958 // ЦГАНТД СПб. Фонд Р-403. Опись 1. Дело 102. 8 с.

Кошутин О.Н.
ФРГС «1870»

Б.Г. Ананьев о «ценном капитале» в жизни советского общества: от репрессий 30-х до застоя 70-х

Б.Г. Ананьев, капитал, обмен человеческих свойств, социализация, жизненность

В проходившей в 30-е годы прошлого века компании бдительности и разоблачений шел поиск «врагов народа»; лозунгом – «дети за родителей не отвечают» трансформировались семейные ценности, культивировался поступок Павлика Морозова. В то время Б.Г. Ананьев проводил исследования по психологии педагогической оценки, влиянию школы, семьи и дружбы на развитие ребенка. Материалы утрачены в блокаду, что придает актуальность найденным в главной газете города «Ленинградская правда» публикациям, демонстрирующих научные взгляды / гражданскую позицию Б.Г. Ананьева. В статье «Семья и дети» (6.03.1936) отмечается: «ребенок внимательно следит за жизнью своих близких, на ней он учится своей личной жизни», значимо родительское руководство, помощь детям в организации самостоятельной работы; знание психологии воспитания «открывает перспективы жизни», влияя на «потребность в культурно-политическом росте». В статье «О дружбе в школе» (29.03.1936) акцентируется: воспитание у детей отношения к человеку как к самому «ценному капиталу» общества; дружба оставляет неизгладимый след в биографии, влияя на формирование вкусов, отношений к другим людям и к самому себе; дружбе присущ индивидуальный выбор и испытание трудностями; суть товарищества в достижении «общего подъема»; в школе должен быть индивидуальный подход для своеобразных «одиночек».

Капитал – есть общественное отношение (В.И. Ленин). Фокус на субъекте общественного поведения (поведения в обществе) имел для Б.Г. Ананьева антропологический смысл: человек «соизмеряет свои ценности, способности, нравственные качества, изменяется в масштабах с приходом нового человека в жизнь своей личности»; «генерирование связей, становление человека как субъекта этих связей, и включение в те или иные общности, является одной из главных линий социализации» с конечным эффектом – «чрезвычайным богатством всех людей общества (1997, составитель Обозов Н.Н.).

Изучая воспитанников младшей школы Б.Г. Ананьев увидел перспективу исследований «обучаемости как свойства самого развития» (1957), что определило стратегию выявления особенностей всех обучающих этапов вплоть до повышения квалификации и переобучения взрослых. Ананьевское учение венчает фундаментальное открытие – универсализм «обмена самих человеческих свойств» (1968). Взаимодействие между людьми транслирует знание жизни и жизненный опыт – основу жизненности. Знаковыми разработками его учеников стали: восприятие человека человеком (А.А. Бодалев); первая в стране диссертация об интервью (А.Л. Свенцицкий); межличностные отношения (Н.Н. Обозов); биографика (Н.А. Логинова); человеческий капитал (А.И. Юрьев); социальный капитал (Л.Г. Почебут).

Переходы закрытости – открытости во взаимодействии (порог лиминальности) сейчас связывают с поиском возможности «приспособить и обосновать разные действия, встроенные в определенные практики» [1] при экзистенциональном состоянии двух режимов резилиентности: тип А – атомизированность и замкнутость; тип В – сообщительность и открытость. Первый характеризуется существованием (восстановлением) после причиненного вреда, поэтому нужен контроль входов/выходов. Условие второго – управление конфигурацией процесса, открывающем перспективу принятия изменений, устойчивую жизнедеятельность, организацию и адаптацию работы в согласии с другими, окружением, миром в целом – приспосабливаясь и процветая.

Интегральность такого рода связки объяснима антропологической логикой Б.Г. Ананьева (Кошутин О.Н., Ананьевские чтения 2009 вып. 1). Управление жизнью (направленностью к акме) требует умения регуляции балансом интериоризации – экстериоризации. Индивидуальное формируется изнутри как замкнутая саморегулирующая система, как замкнутый синтез свойств, а открытость общественному обусловлена социо-активизмом личности, являющейся (по Б.Г. Ананьеву) сущностной совокупностью общественных отношений.

1. Энди С. Пратт Резилиентность, локальность и экономика культуры//Российские региональные столицы: Развитие, основанное на культуре/под ред. О. Карповой СПб: ЕУ 2023

Серова О.Е.
ФНЦ ПНИ

Исследования психологии ребенка в России начала XX века: по публикациям журнала «Психология и дети»

История психологии, душевная жизнь ребенка, новая школа

Целью исследования выступил анализ публикационного массива журнала «Психология и дети», восемь номеров которого вышли в печати под редакцией И.М. Соловьева в переломном для русской цивилизации 1917 году и на сегодня являются библиографической редкостью, а также материалом, не подвергавшимся историко-психологическому изучению.

В процессе работы в качестве основных выступили: проблемологический и интерпретативный методы, анализ социокультурного контекста и психологического содержания текста, метод сопоставительной расстановки психолого-педагогических концептов.

В результате исследования было выявлено 18 публикаций 16 авторов (П.П. Блонский, В.А. Волкович, З.К. Столица, К.Н. Корнилов, П.А. Рудик, И.П. Тутышкин, П.О. Эфруси и др), представляющих собой практически не используемые современными психологами источники историко-психологической информации и выступившие предметом дифференцированного рассмотрения в проведенном нами исследовании.

В итоге исследования были сделаны следующие выводы:

● Публикации журнала «Психология и дети» (январь-декабрь 1917 года) отражали круг основных направлений психолого-педагогических исследований и начальный этап процесса построения «новой школы».

● Основной вектор исследований определялся задачами изучения развития душевной жизни ребенка и разработки аппарата средств учебно-воспитательного воздействия. Это генеральное направление объединяло целый ряд вопросов рабочего характера: психология детского творчества и ее изучения, методология реформирования школы, разработка методов психологического анализа дневниковых записей родителей и детей, методология воспитания нравственных, религиозных чувств и воли, определение задач и методов формирования личности ребенка.

● Содержание выявленного материала служит доказательством того, что на начальном этапе российская педагогическая психология как отрасль научно-теоретического знания развивалась в логике общемировых научных тенденций.

● Процесс решения практико-ориентированной задачи создания новой российской школы отразил специфику социальной ситуации того времени и характеризовался внутренним конфликтом, обусловленным противоречием установок сознания представителей психолого-педагогической общественности.

● Общим для представителей различных мировоззренческих установок было понимание соотношения, существовавшего между психологией и педагогикой: психология понималась как источник научных знаний о закономерностях развития внутренней сферы человека, формирующих базовые основы педагогики как науки.

● Материалы публикаций позволяют проследить исток будущей трагедии советской школы, когда вследствие трансформации нравственно-мировоззренческих основ образовательно-воспитательной деятельности результаты психологических исследований начинают обслуживать сугубо идеологический подход к толкованию задач школы – школа как социально желательная замена семьи, как хорошо отлаженный механизм, способный взять под контроль все проявления душевной и физической жизни подрастающего человека.

● Журнал «Психология и дети», под редакцией И.М.Соловьева – это уникальный источник историко-психологической информации, аутентично отразивший в единичном общее: в содержании научного журнала, просуществовавшего всего один год, представлена палитра значимых научных тенденций исследований психологии ребенка в России первых десятилетий XX века в их логико-научном и социокультурном аспектах, определивших научно-практические вершины и провалы педагогической психологии советского времени.

1. Психология и дети: научно-популярный педагогический журнал / под ред. И.М. Соловьева. Москва: Задруга, 1917. № 1-8.

Москвитина О.А., Битова А.Л.
ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»

Понятие «ответственность» в отечественной психологической мысли

Понятие «ответственность», отечественная психология, новая и новейшая история России, научные взгляды

Введение. Ответственность является общественно обусловленной нравственной категорией. Учёные определяют понятие «ответственность» с позиций своих убеждений, но и историческое время накладывает отпечаток.

Целью исследования: сопоставление представлений о понятии «ответственность» в трудах отечественных психологов разных периодов и особенностей их научных взглядов. Методы исследования: анализ, обобщение, сравнение, сопоставление.

Результаты исследования. Отечественные психологи дореволюционного периода, в основе своих убеждений имели религиозные и идеалистические воззрения. Понятия «ответственность» в их трудах нет. Рассматриваются: нравственное чувство и чувство благоприличия; религиозное чувствование и совесть; практические критические чувства общественного характера (правды, долга и нравственности); мотивы стремления к идеалу, степень самостоятельности поступка; альтруистические и нравственные чувствования, роль осуждения общественным мнением и карой закона, удовольствие от соблюдения правил; опыт, развитие мышления и самосознания (Калинин, Костригин, 2018). Советский период, связанный с утверждением классово-исторического подхода, закладывает понимание ответственности с позиций сознания, дисциплины и организованности. Оно стало ключевым понятием почти всего 20 века и одним из сложных феноменов в теории волевых качеств. Рубинштейн С.Л. снялпротивопоставление между субъективной и объективной формами ответственности. Его ученица К.А. Абульханова предложила концепцию ответственности личности каксвойства субъекта жизнедеятельности (Дементий, 2009). П.Я. Гальперин определил, чтовнутренняя ответственность – выражение отношения личности к обществу,формируется, если личность включена в отношения, осуществляет общественно-полезную деятельность (Молчанов, 2017). В целом, ответственность по представлениямсоветских психологов является формой саморегуляции, осмыслением своих поступков ивыбора как причины последствий. (Волкова, и др., 2019). В постсоветский период происходит отход от значимости общественных отношений; исследования начинают носить преимущественно эмпирический характер, когда понятие «ответственность» уточняется как психологический феномен (Волкова, и др., 2019). Важнейшими направлениями в настоящее время, должны стать изучение ответственности личности и общества в условиях цифровизации жизни (Шпицер, 2014) и опыт применения ответственности в жизни.

Выводы: понятие «ответственность», разрабатываемая в трудах отечественных психологов нового и новейшего времени, находится под влиянием их научных взглядов и преставлений о нём, свойственным историческому времени.

1. Волкова Е.В., Башкатов С.А., Чернышова Л.В. Обзор исследований ответственности в отечественной и зарубежной психологии XXI в. //Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, вып. 25, № 4, 2019, С. 53-59.
2. Дементий Л.И. Проблема ответственности в научном наследии С.Л. Рубинштейна и ее развитие в концепции ответственности личности как свойства субъекта жизнедеятельности /3 том сб. м-лов Всеросс. юбил. науч. конф., посвящ. 120 со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 окт. 2009 г.) /Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, И.О. Александров. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009 С. 245-249.
3. Калинин И.В., Костригин А.А. Учения о нравственном чувстве в русской психологической науке XIX в. //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки, № 4(808), 2018, С. 148-166.
4. Молчанов С.В. Проблема формирования внутренней ответственности в трудах П.Я. Гальперина // Национальный психологический журнал. – 2017 – №3(27). – С. 136–143. doi: 10.11621/npj.2017.0315
5. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг /М. Шпитцер; пер. с нем. Гришина А.Г. – Москва: АСТ, 2014 – 284 с.

Комарова А.К., Мусс А.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психоаналитический дискурс в России и за рубежом: история, современность, перспективы

Психоанализ, классический анализ, Ж. Лакан, структурный психоанализ

Целью настоящей работы является определение вектора развития современного психоанализа через переосмысление классических и постклассических подходов и выделения тех, которые наибольшим образом тяготеют к междисциплинарной интеграции знания о человеке. Актуальность заключается в том, что при большом многообразии теоретических подходов психоаналитическое знание остается разрозненным, а значит необходимо свести все части психоаналитической мысли воедино, чтобы проследить целостный путь ее становления через историческое изучение. Также важным фактором становления психоаналитической традиции в России является запрет психоанализа в период с 1930-х годов вплоть до 1996 года. Это говорит нам о том, что большой пласт развития психоанализа нам удалось увидеть гораздо позже и со стороны, а значит в настоящий момент есть широкое поле для исследования, учитывая масштаб влияния психоанализа: «Психоанализ проник в философию, историю, религиоведение, социологию, антропологию, культурологию, политологию, юридические и экономические науки, литературоведение, искусство» (Жуков, 2024). Рассматривая современное состояние психоаналитического дискурса, мы остановимся на идеях Ж. Лакана, который стал основателем постструктуралисткого подхода в психоанализе, сохранив преемственную линию с Фрейдом.

Важно понимать, что Ж. Лакан изначально работал психиатром в госпитале Святой Анны в Париже. В этом состоит его основное отличие от Фрейда, так как последний работал с истерическими больными, а Лакан – с психотическими. Таким образом, вся будущая лакановская диагностика гораздо сильнее отражает клинический аспект примененияпсихоаналитического метода. Лакан взбудоражил общественность переосмыслениемтопики субъекта (имеются в виду три регистра психического: Воображаемое,Символическое и Реальное), логики работы бессознательного, Эдипова комплекса,связав лингвистику Соссюра и антропологию Леви-Стросса. В. А. Мазин в книге«Введение в Лакана» называет того «объектом Великого Переноса» (Мазин, 2004). После Фрейда только Лакану «… удалось вызвать подобное уважение, такую же страстную любовь и ненависть окружающих» (Мазин, 2004). Его по праву считают самым знаменитым психоаналитиком после Фрейда, мыслителем, на которого сегодняссылаются философы и кинокритики, психиатры и культурологи, социологи и этнологи.

Наследие Лакана безгранично и представляет собой живой поток мысли, где неразрывно связываются психология, философия и психиатрия.

Основным методом исследования является литературный обзор.

Подводя итоги, можно выделить следующие положения:

1. Развитие психоанализа нельзя свести к этапам, сменяющим друг друга. Оно главным образом отражает взаимовлияние одних исследователей на других и их внутренние взаимоотношения;
2. Исторический аспект развития психоаналитической мысли имеет принципиально важное значение, чтобы впоследствии проследить ход развития теории и практики психоанализа и определить причины разночтений;
3. Помимо многообразия основных подходов можно говорить о расщеплении современного психоанализа на два лагеря – ортодоксальный и неклассический;
4. В меру исторических особенностей на территории России не было возможностиразвиваться психоаналитическому методу с 30-х годов XX века, отечественныенаправления находятся в процессе активного становления;
5. Лакановский психоанализ позволяет проследить взаимопроникновение в анализе философии, психологии и психиатрии, что отвечает современному запросу на междисциплинарную интеграцию знания о человеке.

1. Жуков В. Н. История Психоанализа // Образование и право. 2024 № 11 С. 522–526. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-11-522-526
2. Мазин В.А. Введение в Лакана. М.: Прагматика культуры, 2004

Пергаменщик Л.А.
БГПУ имени М.Танка

Кризисная психология: от выявления индивидуального кода преодоления к процедуре кризисного вмешательства

Кризис, код выживания, кризисное вмешательство, оцепенение

В кризисной психологии – психологии безусловно практической, если более точно сказать – психотехнической, особое место занимает процедура кризисного вмешательства, которая принципиально отличает эту психологическую дисциплину от большинства практических направлений психологической помощи. Процедура вмешательства, проводимая в первые часы после кризисного события, предполагает не столько вмешательство в жизнь пострадавшего, сколько организация совместной активности по принятию события, переживание его, направления выхода из кризиса. В кризисной ситуации встречаются два опыта: опыт преодоления как индивидуальный код выживания пострадавшего и опыт выработанного здесь и сейчас алгоритма оказания помощи.

Индивидуальный код преодоления. Согласно теории стресса и копинга Р. Лазаруса (Lazarus, Folkman, 1984) происходит оценка кризисного события (1), следом оценка личностных ресурсов преодоления (2). В этой модели на этапе оценке личностных ресурсов психолог имеет основание включиться для подготовки процедуры кризисного вмешательства.

Концепция BASIC Ph разработанная М. Лаад (Лаад, 2010) позволяет учесть индивидуальный опыт преодоления, используя оригинальную психодиагностическую процедуру 6 PSM, разработанную на основе теорий российского ученого В. Проппа (морфология волшебной сказки, структурно-типологический метод изучения нарратива).

Вооруженный знаниями и опытом первого, предварительного этапа кризисный психолог приступает к запуску процедуры кризисного вмешательства. В процедуру вмешательства встроены: концепция непрерывности, ситуация оцепенения, личностный рост.

На основе своего опыта полевой работы в местах бедствий и кризисов M.Lahad, исходя из принципа непрерывности, разработал коррекционно-диагностический метод, который позволяет определить, какие непрерывные линии функционируют нормально, а какие повреждены (разрушены частично или полностью), чтобы выработать целенаправленную программу вмешательства

Понимание феномена «оцепенение» требует более тщательного обсуждения. Мы предлагаем обратить внимание на опыт толкования концепции оцепенение психологом В. Франклом и литературоведом Е. Гинзбург (Пергаменщик, 2009).

Концепция «личностный рост» (посттравматический рост) – возможное следствие встречи с кризисным событием историки психологии относят к началу нынешнего века. Однако мы можем предложить коллегам познакомиться с идеями личностного роста как следствие эффективного преодоления кризисного события предложенные Л.Н. Толстым в романе «Война мир» на примере П. Безухова, с которым писатель организовал две последовательные психотерапевтические процедуры, проведенные Платоном Каратаевым и Наташей Ростовой (Пергаменщик, 2021).

1. Лаад М. Как справиться с кризисом или бедствием (Шаг за шагом): Теория, практика и способы вмешательства/ М. Лаад, Э. Хадоми. – Израиль: Центр предупреждения стресса (CSPC). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.silk-highway.org/ru/stepGuide.aspx. – Дата доступа: 18.08. 2010
2. Пергаменщик Л.А. Психическое оцепенение как разрыв непрерывности бытия//Московский психотерапевтический журнал. Москва, 2009, №3, С.19 – 24.
3. Пергаменщик Л.А. Исследование концепции «посттравматический рост» в психологической лаборатории Л.Н. Толстого// Человек в кризисной ситуации. По материалам психологических лабораторий писателей: монография/ Пергаменщик Л.А. – Минск: 2021, 260 с., С.133 –156
4. Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer Publishing Company.

Мынбаева А.К., Кабакова М.П.
КазНУ им.аль-Фараби

Психологические образование и наука в Казахстане: от истории к новому качеству

Психологическое образование, научные школы, качество образования, история, периодизация

Введение. ЦУР ООН «3. Здоровье и развитие», «4. Качество образования» демонстрируют важность проблем сохранения ментального здоровья в глобальном, региональном, страновом и личностном контексте. Цель исследования – обобщение становления системы высшего психологического образования и науки в XXI столетии, анализ вызовов и разработка рекомендаций развития.

Методы исследования: анализ и обобщение истории и текущего состояния развития психологического образования и науки, сравнение, опрос представителей вузов Казахстана о психологическом образовании и науке (15 вузов).

Результаты. Казахстанское психологическое образование и наука имеет около 100-летную историю, обобщая которую ранее мы выделили два больших периода(советский и Независимости) и 4 этапа развития (Sadvakassova,2024): зарождение (20-50-е гг XX); возрождение (60-80-е годы XX); становление и институализация в системе образования (90-е гг XX и начало 2000-х гг); расширение направлений развития (2010-е гг-по наст.время). Первые исследования в области педологии(психометрии) проводились в 20-е г. XX в. Значительный вклад в развитие психологии в советское время в Казахстане внесли С.Балаубаев, К.Жарикбаев, М.Муканов и др. Весомый вклад внес Т.Тажибаев, который в 1947 г. в КазГУ открыл отделение логики и психологии (Ахметова,2013), инициировал подготовку психологов для преподавания в гимназиях «Логики и психологии». Отметим, большие духовные и научно-образовательные связи казахстанских и российских ученых, плодотворные контакты между научными школами КазНУ и СПбГУ, РГПУ им.Герцена, личные связи между Б.Ананьевым и Т.Тажибаевым, М.Мукановым. Акад.Т.Тажибаев относил себя к ленинградской научной школе психологов. Б.Г.Ананьев был оппонентом его диссертационной работы на тему «К.Ушинский – основоположник педагогической психологии в России»(1939), консультировал М.Муканова, вел с ним переписку(Ахметова,2013, с.381,с.161). В настоящее время, в КазНУ им.аль-Фараби (бывший КазГУ) на каф.психологии работают выпускники СПбГУ–А.Ким, М.Кабакова. В 2024г. проф.СПбГУ Р.Ж.Мухамедрахимов прочел лекции о текущих исследованиях для студентов и магистрантов КазНУ. В 2024 г. З.Садвакасова по приглашению факультета психологии СПбГУ выступала с докладом на малых Ананьевских чтениях, а М.Кабакова в 2025г. выступила онлайн на Зимней психологической школе-2025.

Перейдем к текущему опыту подготовки психологов в РК. Анализ опроса представителей 15 госвузов Казахстана (Мынбаева,Кабакова, 2024) показывает, что после предоставления академической свободы университетам расширены специализации в подготовке психологов: от классической ОП «Психология» до направлений: клиническая, детская, спортивная, практическая, кризисная психология и др. В 2024/2025 уч.г, подсекция РУМСКазНУ объединила 32 вуза, а подготовку ведут в РК по психологии 34 вуза (без учета подготовки педагогов-психологов).

Выводы. В статье отражена рефлексия опыта развития казахстанского высшего психологического образования и науки. Для совершенствования образования и интенсификации развития предложены 15 рекомендаций.

1. Baker,D.B. (Ed.)(2012). The Oxford handbook of the history of psychology:Global perspectives. Oxford University Press.
2. Brock,A.C. What is a polycentric history of psychology? Estudos e Pesquisas em Psicologia, v.14, №2, Sep. 2014, doi:10.12957/epp.2014.12565.
3. Sadvakassova,Z., Mynbayeva,A.&Madaliyeva, Z. (2024,Aug). Periodisation of the Development of Psychological Science in Kazakhstan. INTERNATIONAL JOURNAL OF PSYCHOLOGY (V.59, p.374). England: John Wiley & Sons Ltd.
4. Ахметова М.К. (2013). Академик Т.Тажибаев и современная психологическая наука Казахстана. Алматы, 448 с.
5. Журавлев А.Л., Юревич А.В., Мироненко И.А. (2018). Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы. Психологический журнал. Т39. №2. С.58-71.

Ляховецкий В.А., Пажукова Л.И.
ФГБУН ИФ РАН

Влияние иллюзорного контекста на точность бросков дротиков

Иллюзия Понзо, иллюзия Дельбефа, дартс

Классическая формулировка теории двух потоков зрительной системы предполагает влияние геометрических иллюзий на восприятие (вентральный поток), но не на выполнение моторной задачи (дорсальный поток) (Milner, Goodale, 2006). Более современная версия теории предполагает, что дорсальный поток подразделяется на дорсо-дорсальный, – для организации собственных движений, и вентро-дорсальный, – для организации движений с помощью инструментов. На вентро-дорсальный поток в большей степени влияет информация из вентрального потока, описывающая навыки работы с инструментами (Garcea, Buxbaum, 2019). Цель работы – изучение влияния иллюзий на точность бросков дротиков квалифицированными игроками в дартс. Мы предположили, что при выполнении этой задачи будет активирован вентро-дорсальный поток, т.е. иллюзорное изменение стимула окажет влияние на точность выполнения задачи попадания в цель.

Выборка составила 80 участников (18-50 лет), обладающих спортивным разрядом в дартс – КМС, I и II взрослый разряды. Участники были разделены на 4 группы. Эксперимент состоял из 3 этапов, на каждом из которых было необходимо совершить 40 бросков. После 20 бросков положение мишени (право или лево) изменялось. На первом и третьем этапах все, независимо от группы, метали дротики в мишень с равными кругами без внешних окружностей. На втором этапе первая группа метала дротики в мишень с равными кругами и внешними окружностями, вторая группа – в мишень с разными кругами, третья группа – в мишень с иллюзией Дельбефа, четвертая группа – в мишень с иллюзией Понзо. Целью для экспериментальных групп всегда выступал иллюзорно меньший круг, для второй контрольной группы –действительно меньший круг, для первой контрольной группы – один из равных кругов. Участникам требовалось попасть не в центр, а точно в окружность мишени. Анализ данных проводили с помощью смешанных линейных моделей.

На первом этапе, при работе с нейтральными мишенями, все группы показали сопоставимый уровень точности, переход к иллюзорным стимулам на втором этапе вызвал выраженное увеличение ошибок и снижение количества точных попаданий в экспериментальных группах. Эффект был выражен для out-ошибок (т.е. вне окружности). Контрольные группы, работавшие с нейтральными мишенями, продемонстрировали стабильную точность на всех этапах; у экспериментальных групп можно выделить две фазы: снижение точности при переходе к искаженным мишеням и последующее улучшение после возврата к нейтральным условиям. В группе Понзо на третьем этапе наблюдалось значимое уменьшение величины out-ошибки по сравнению с первым. На втором этапе количество точных попаданий значительно снижалось в экспериментальных группах, работавших с иллюзорными мишенями. После возвращения к нейтральным мишеням на третьем этапе частота попаданий превышала начальные значения, что может свидетельствовать о сформировавшемся эффекте перцептивного или моторного научения в условиях повышенной сложности.

Полученные результаты согласуются с данными о точности попаданий по иллюзорным стимулам в моторных задачах (например, Bahmani et al., 2017), а также с гипотезой о двух зрительных потоках, поскольку в сложных моторных задачах неизбежен этап оценивания мишени и планирования движения. Соответственно, при выполнении подобных задач ведущая роль отводится именно вентральному пути обработки зрительной информации.

1. Bahmani M., Diekfuss J., Rostami R., Ataee N., Ghadiri F. Visual illusions affect motor performance, but not learning in highly skilled shooters //Journal of Motor Learning and Development. 2017. Vol. 6(2). P. 220–233.
2. Garcea F.E., Buxbaum L.J. Gesturing tool use and tool transport actions modulates inferior parietal functional connectivity with the dorsal and ventral object processing pathways // Hum Brain Mapp. 2019. Vol. 40(10). P. 2867-2883.
3. Milner A.D., Goodale M.A. The visual brain in action (2nd ed.). Oxford University Press. 2006.

Евстифеева П.А., Адриянова Н.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Влияние переключаемости внимания на эффективность подсказок при решении инсайтных задач

Переключаемость внимания, инсайтные задачи, подсказки

Работа посвящена изучению влияния переключаемости внимания на эффективность использования подсказок при решении инсайтных задач. Под эффективностью подсказкипонимается её способность повышать вероятность решения задачи и/или ускорять процесс решения. Трудности в решении инсайтных задач возникают из-за того, что человек не осознаёт уже найденное решение. Подсказка может помочь, если она содержится в «побочном продукте» решения другой задачи. Для её эффективности важно, чтобы человек сначала попытался решить задачу самостоятельно (Науменко и др., 2015; Пономарев, 1976). Предполагалось, что высокая переключаемость внимания способствует эффективному переключению между основной задачей и подсказкой, что облегчает интеграцию информации из задачи-подсказки в репрезентацию основной инсайтной задачи.

В исследовании приняли участие 46 человек (по 23 в экспериментальной и контрольной группах) в возрасте от 18 до 40 лет. В начале участникам предлагалось пройти диагностические методики – тест Струпа и таблицы Горбова-Шульте на бумажных бланках. Эксперимент проводился в программе PsychoPy: на экране слева предъявлялись основная инсайтная задача и через 30 секунд – простая в решении задача-подсказка справа.В эксперименте использовались разнородные инсайтные задачи, включающие классические дункеровские задачи, вербальные головоломки и задачи на нестандартное мышление. Подсказка к основной задаче могла содержаться как в стимульном материале задачи-подсказки, так и в принципе её решения. В контрольной группе вместо задач-подсказок использовались простые в решении нейтральные задачи. Обеим группам всего было предложено 14 задач – 7 основных и 7 побочных. По завершении эксперимента проводился краткий опрос об осознании подсказок. У испытуемых уточнялось, что они заметили во время прохождения эксперимента. Если они отмечали, что заметили взаимосвязь задач между собой, то в какой момент это произошло, и как развивалась дальнейшая стратегия выполнения последующих заданий.

Баллы, набранные за решение инсайтных задач в экспериментальной и контрольной группах, сравнивались с помощью U-критерия Манна-Уитни. Различия между группами статистически значимы (Uэмп = 22.5). Модель линейной регрессии для экспериментальной группы показала умеренную объясняющую способность (R^2=0.541, скорр. R^2=0.439, p=0.005). Единственным значимым предиктором оказалось осознание подсказок (p=0.005), что увеличивало результат на 2.29 единицы. Остальные переменные (тест Струпа, таблицы Горбова-Шульте, сумма баллов за задачи-подсказки) не продемонстрировали статистической значимости. Модель для контрольной группы оказалась статистически незначимой (R^2= 0.0962, скорр. R^2=-0.0465, p=0.579). Ни один из предикторов не показал значимого влияния на зависимую переменную.

В качестве вывода следует отметить существенные методические ограничения исследования. Продолжительность эксперимента (до 1-3 часов) вследствие высокой вариабельности времени решения задач вызывала выраженное утомление у участников. Постэкспериментальный опрос показал изменение стратегии поведения у части испытуемых: при осознании связи между задачами они переходили от решения основной задачи к целенаправленному поиску подсказок, что искажало процесс решения. Экспериментальная парадигма требует существенной модификации – стандартизации временных параметров предъявления стимулов и контроля утомляемости испытуемых для получения валидных результатов в дальнейших исследованиях.

1. Науменко О. В., Аллахвердов В. М., Гершкович В. А., Филиппова М. Г., Костина Д. И. Создание нового контекста как способ решения творческой задачи // Современные исследования интеллекта и творчества / под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 65–77.
2. Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 302 с.

Быкова К.Е., Андриянова Н.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Роль юмористических и абсурдных стимулов в прогнозировании собственной эффективности

Личностный контроль, анаграммы, мем, юмор

Недостаточная изученность феноменов личностного контроля как одного из элементов когнитивного контроля (Аллахвердов, 2016), юмористической фасилитации решения задач (Коровкин, 2015), наличие большого количества противоречивых результатов в исследованиях когнитивного контроля (Кулиева, 2018), а также изменения в восприятии и продуцировании юмора у молодежи, связанные с широким распространением сети Интернет, позволяют говорить о необходимости изучения особенностей новых форм юмористического воздействия. Целью работы выступает исследование характера различий влияния абсурдного и обычного юмора на личностный контроль при решении анаграмм. Предполагается, что юмористическое стимулирование испытуемых перед заданием будет ослаблять личностный контроль и вызывать изменение оценки респондентами своей предположительной успешности выполнения поставленной перед ними задачи, что приведет к улучшению показателей ее выполнения.

Для проверки выдвинутых гипотез было проведено пилотажное экспериментальное исследование с использованием программы PsychoPy 2022.2.5, с использованием анаграмм в качестве основного задания, и двумя видами промежуточных стимулов (юмористические и абсурдные интернет-мемы). Выборка пилотажного исследования составила 27 человек, 3 мужчин и 24 женщины в возрасте от 18 до 25 лет (M=21,3; SD=3). В исследовании принимали участие студенты факультета психологии СПбГУ. В трех пробах испытуемым было необходимо сделать прогноз о своей эффективности и затем решить серию анаграмм (на каждую из них давалось не более 60 секунд), при этом в пробах 2 и 3 они также выполняли промежуточное задание по оценке юмористических или абсурдных стимулов по шкале Лайкерта. Для анализа использовались данные о среднем времени успешного решения задач в каждой серии, оценки «забавности» промежуточных стимулов а также количество успешно решенных анаграмм.

Несмотря на наличие различий средних показателей среднего времени решения между группами (разница между «серьезной» и «абсурдной» группами по сравнению с юмористической во второй серии составила 3,341 и 3,485 секунд соответственно; в третьей серии – 1,35 и 1,637 секунд соответственно, что свидетельствует о уменьшении времени решения для группы с предъявлением обычного юмора), результаты пока не позволяют говорить о наличии какой-либо связи между фактором группы и наблюдаемыми изменениями. Тест Краскала-Уоллиса не выявил значимых различий между группами ($\chi^2(2) = 3.53$, $p = 0.17$). Пост-хок тест Данна показал тенденцию к снижению показателя в группе Humour по сравнению с Absurd ($p = 0.084$, $rrb = 0.47$), для уточнения данных необходимо проведение дальнейших исследований с увеличением выборки.

Средняя оценка забавности юмористических стимулов различается между группами в пользу абсурдного юмора (с средней разницей в 0,5 балла), что соответствует предполагаемой тенденции о привычности людей 18-24 лет к восприятию подобного юмора, однако недостаточный размер выборки и большая вариативность данных также ограничивают возможности применения полученных результатов. Для дальнейшего изучения данного вопроса было принято решение о внесении ряда изменений в процедуру эксперимента и содержание стимульного материала, а также увеличение размера выборки.

1. Аллахвердов В. М. Научение и типы когнитивного контроля // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тез. докл. (20-24 июня 2016 г.) Отв. ред. Ю.И.Александров, К.В.Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 104-106.
2. Коровкин С. Ю. Фасилитация решения творческих задач: юмор // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. №2. С. 172-182.
3. Кулиева А.К. Влияние представлений о самоэффективности на решение когнитивных задач // Петербургский психологический журнал, 2018. №25. С.51-70.

Лунякова Е.Г., Гильванова Е.К., Крускоп А.С.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Характеристики движения глаз в зрительном поиске при восприятии ансамблей

Движения глаз, саккады, восприятие ансамблей

Введение. При восприятии ансамблей мгновенно считываются сводные статистики группы сходных объектов, такие как количество объектов, среднее и дисперсия их характеристик (Яковлев и др., 2020; Khvostov et al., 2024). Можно предположить, что в задаче зрительного поиска быстрая оценка сводных статистик будет направлять дальнейший поиск, что отразится в особенностях движений глаз наблюдателя.

Цель исследования – выявить специфику движений глаз при восприятии ансамблей в задачах зрительного поиска.

Методы. Участниками исследования стали 30 студентов МГУ имени М. В. Ломоносова разных факультетов в возрасте от 17 до 25 лет. Участники выполняли задачу зрительного поиска объекта по визуально заданному образцу среди 35 дистракторов. Объект и дистракторы представляли собой геометрические фигуры черного цвета, различавшиеся по двум признакам: тип фигуры(треугольник, квадрат и круг) и размер (маленький, средний, большой). Элементыпоискового поля были расположены двумя группами по 18 объектов слева и справа отцентрального креста, с фиксации на котором начиналась каждая проба. Пробы (всего 96) различались наличием (83%) / отсутствием специальной группировки дистракторов,создающей возможность оценки характеристик ансамбля в левой или правой части экрана по одному из признаков. Например, при поиске большого квадрата с одной стороны могли доминировать большие фигуры. Или с одной стороны могли быть расположены преимущественно треугольники при поиске треугольника среднего размера. Общее число фигур каждого типа во всех пробах было одинаковым, фигуры по второму признаку распределялись между правой и левой половинами равномерно. В 25% проб целевой стимул отсутствовал на поисковом поле. Движения глаз участников регистрировались на установке EyeLink 1000 Plus монокулярно с частотой 1000 Гц.

Результаты. Анализировались два показателя движений глаз: направление первой саккады и время рассматривания левой и правой групп дистракторов. Выявлено преимущественное направление первой саккады вправо вне зависимости отналичия и стороны расположения группы объектов с соответствующими одному из целевых, признаками (далее – «ансамбля»): первых саккад вправо зафиксировано 53-57% для разных условий. Значимых различий в частоте правых саккад в разных экспериментальных условиях не обнаружено.

Выявлено также доминирующее по длительности рассматривание левой половины зрительного поля во всех экспериментальных условиях (различия по критерию Вилкоксона между левым и правым полуполями значимы, $p<0,001$). Поэтому для оценкивлияния факта наличия и расположения «ансамбля» на время поиска с каждой из сторон использовался индекс, характеризующий отношение времени рассматривания правой группы объектов ко времени рассматривания левой группы в процентах (далее ПЛ- индекс). Сравнение ПЛ-индексов критерием Фридмана показало, что они значиморазличаются в разных экспериментальных условиях ($\chi2=30,2$; $p=2,77E-07$). При этомминимальный ПЛ-индекс наблюдается в условии, когда группы с выраженнымипризнаками отсутствуют, объекты слева и справа распределены равномерно (ПЛ-индекс=0,61), он становится выше при расположении «ансамбля» слева (0,74) имаксимален при расположении «ансамбля» справа (0,87). Различия между всемиусловиями по критерию Вилкоксона с поправкой на множественные сравнения значимы($p\leq0,001$ для всех условий).

Выводы. Таким образом, можно говорить о том, что наличие в поле зрения группыстимулов, позволяющих оценку характеристик ансамбля, не влияет на направлениепервой саккады в поиске, однако меняет пропорции времени рассматривания групп стимулов: при наличии в одном из полуполей объектов со средней характеристикой, близкой к целевому стимулу, время рассматривания левой и правой групп имеет тенденцию к выравниванию (в противовес доминированию левой половины при равномерном распределении характеристик дистракторов слева и справа).

1. Яковлев А.Ю., Тюрина Н.А., Уточкин И.С. Зрительное восприятие ансамблей: обзор исследований // Российский журнал когнитивной науки. 2020 Т. 7 (3). С. 4-24.
2. Khvostov V.A., Iakovlev A.U., Wolfe J.M., Utochkin I.S. What is the basis of ensemble subset selection? // Attention, Perception, & Psychophysics. 2024 Vol. 86 (3). P. 776-798. https://doi.org/10.3758/s13414-024-02850-5

Куренкова А.И., Лунякова Е.Г.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Влияние степени знакомости лица на восприятие его симметричности

Восприятие лица, заучивание лиц, знакомость, (а)симметричность

Введение. В последние годы в связи с накоплением данных, подчеркивающих отличия в обработке лично знакомых лиц от лиц знаменитостей и незнакомцев (Ramon, Gobbini, 2018), дихотомии «знакомые – незнакомые лица» пришла на смену парадигма развития. Все больше исследований обработки лиц включают в себя этап заучивания, что помогает моделировать реальные условия и факторы, влияющие на процесс знакомства с человеком. Однако, заучивание обычно проводится в лабораторных условиях по фотографиям или видео, а тестирование проводится сразу после этого.

Ранее было показано, что многолетнее личное общение приводит к тому, что даже мелкие изменения изображения, как, например, его зеркальное отражение, приводит к повышению субъективных оценок асимметричности лица (Куренкова, Лунякова, 2024). Мы предположили, что похожая тенденция может наблюдаться у людей и после более коротких сроков личного знакомства: двухминутной очной встречи и/или полугода совместного обучения в вузе.

Метод. В эксперименте приняли участие 30 студентов-первокурсников (2 мужчины, Мвозраст=21 год, SD=5.4), обучающихся в одной группе полгода. Первый этап проходил очно, в формате быстрых свиданий: каждый участник старался запомнить ранее не знакомую ему собеседницу, а также слушал рассуждение на тему абстрактных понятий или играл в слова. Время взаимодействия было ограничено 2мя минутами.

Через 7 дней проводилось тестирование: участникам предъявлялись фотографии лиц 12 одногруппниц, 12 незнакомок, а также ранее заученных на первом этапе 12 девушек. Каждое изображение предъявлялось в оригинальном, зеркальном и инвертированном варианте – в качестве дистракторов, – нужно было оценить асимметричность 108 стимулов по 10-балльной шкале.

Результаты. Для анализа данных использовалась смешанная модель дисперсионного анализа с повторяющимся фактором «тип изображения» (оригинальные и зеркальные) и межгрупповым – «степень знакомости» (незнакомые, заученные при 2-минутной встрече и знакомые лица одногруппниц). Было обнаружено, что на оценки значимо влиял фактор типа изображения ($F(1, 1113) = 5.082$, $p = 0.024$). Различия в оценках асимметричности оригинальных и зеркальных фотографий были обнаружены только для заученных в эксперименте ($Z = -2.379$, $p = 0.017$, $rrb = -0.14$) и знакомых лиц, на уровне тенденции ($Z = -1.973$, $p = 0.049$, $rrb = -0.17$); разницы в оценках незнакомых лиц обнаружено не было ($Z = 0.390$, $p = 0.697$). Также не было обнаружено эффекта взаимодействия ($F(2, 1113) = 1.313$, $p = 0.270$), разница в оценках асимметричности не зависела от степени знакомости лица.

Выводы. Учитывая вышесказанное, а также небольшую величину эффекта зеркализации, особенно в случае знакомых лиц, можно предположить, что полугода недостаточно для формирования такой репрезентации лица, которая позволит замечать малейшие его изменения. С другой стороны, общение, наблюдение и взаимодействие в формирующейся группе может быть неравномерным между ее членами, поэтому перспективным представляется дополнение результатов данными о количестве и качестве общения участников эксперимента между собой.

1. Куренкова А.И., Лунякова Е.Г. Восприятие естественной асимметричности знакомых и незнакомых лиц. //Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. № 17(2). С. 200–216.
2. Ramon M., Gobbini M. I. Familiarity matters: A review on prioritized processing of personally familiar faces // Visual Cognition. 2018. Vol. 26(3). P. 179–195.
3. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00282, «Влияние различных форм перцептивного опыта на эффективность и окуломоторные характеристики зрительного поиска и распознавания объектов»)

Аленина Е.А., Терентьева К.С., Косоногов В.В.
НИУ ВШЭ, Институт Психологии Здоровья,

Тревога при выполнении математических, пространственных задач и задач на распознавание лиц.

Общая тревожность, специфичная тревожность, когнитивные задачи

Тревожность, характеризующаяся чувством нервозности и волнения [1], негативно связано с выполнением когнитивно-нагруженных задач в различных областях, включая математические, пространственные и социальные (например, распознавание эмоций). Эмпирические исследования в этой области демонстрируют устойчивую отрицательную связь между тревожностью и успешностью выполнения задач. Например, недавний мета-анализ Барросо и коллег (2021) выявил значимую отрицательную корреляцию между математической тревожностью и успешностью в математике (r = -0,27) [2]. Кроме того, исследования социальной тревожности показывают её негативную связь с академической успеваемостью как в школе (скорректированное отношение шансов 0,19–0,44), так и в университете (скорректированное отношение шансов 0,35) [3]. Аналогичные результаты также иллюстрируются исследованиями в области пространственной тревожности: корреляции с успешностью варьировались от -0,12 до -0,20 у юношей и от -0,11 до -0,14 у девушек [4]. Однако остаётся не до конца ясным, является ли такая отрицательная связь доменно-специфичной. В частности, требует уточнения вопрос о том, ограничивается ли негативный эффект математической тревожности только выполнением математических задач или распространяется и на другие виды задач.

Настоящее исследование направлено на изучение доменной специфичности тревожности при выполнении когнитивно-нагруженных задач в конгруэнтных и неконгруэнтных областях. В исследовании приняли участие 104 человека в возрасте от 18 до 40 лет, включая 79 женщин (средний возраст = 21,89, стандартное отклонение = 4,48) и 24 мужчин (средний возраст = 23,29, стандартное отклонение = 4,10). Один участник предпочёл не указывать свой пол. Процедура исследования включала заполнение стандартизированных опросников для оценки как общего уровня тревожности (Шкала реактивной и личностной тревожности[5] и Опросник генерализованного тревожного расстройства[6]), так и специфических видов тревожности (математической (Сокращенная шкала математической тревожности[7], социальной (Оценка социального беспокойства [8]), пространственной (пространственная тревожность[9]). Также участники выполняли четыре типа когнитивно-нагруженных задач: классический тест Струпа, математический тест, тест на распознавание эмоций и фланговая задача (определение направления центральной стрелки). Исследование было одобрено этическим комитетом. Все участники подписали информированное согласие.

Результаты анализа данных с применением поправки Бонферрони показали, что, хотя различные опросники тревожности значимо и положительно коррелируют друг с другом (наиболее сильная связь между личностной и ситуативной тревожностью, r = 0,69, p < 0,001), гипотеза о связи между тревожностью и выполнением когнитивно-нагруженных задач не подтвердилась. Ни одна из корреляций тревожности с точностью и со временем реакции на задания различной специфики не достигла статистической значимости после коррекции на множественные сравнения.

Таким образом, результаты не выявили связи между типом тревожности выполнением когнитивно-нагруженных задач, что указывать на необходимость дальнейшего комплексного исследования для выявления эффектов.

1. Mathews A. Why worry? The cognitive function of anxiety // Behaviour Research and Therapy, 1990, Vol. 28, Why worry?, No. 6, P. 455-468.
2. Barroso C., Ganley C.M., McGraw A.L., Geer E.A., Hart S.A., Daucourt M.C. A meta-analysis of the relation between math anxiety and math achievement. // Psychological Bulletin, 2021, Vol. 147, No. 2, P. 134-168.
3. Vilaplana-Pérez A., Pérez-Vigil A., Sidorchuk A., Brander G., Isomura K., Hesselmark E., Kuja-Halkola R., Larsson H., Mataix-Cols D., Fernández De La Cruz L. Much more than just shyness: the impact of social anxiety disorder on educational performance across the lifespan // Psychological Medicine, 2021, Vol. 51, Much more than just shyness, No. 5, P. 861-869.
4. Wei W., Budakova A., Bloniewski T., Matsepuro D., * Y.K. Spatial Anxiety And Spatial Performance In Univeristy Students In Russia And China // ICPE 2018 – International Conference on Psychology and Education. – 2018. – С. 771-781.
5. Spielberger C.D. Test Anxiety Inventory: Preliminary Professional Manual // Test Anxiety Inventory: Preliminary Professional Manual, 1980.
6. Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Löwe B. A Brief Measure for Assessing Generalized Anxiety Disorder: The GAD-7 // Archives of Internal Medicine, 2006, Vol. 166, A Brief Measure for Assessing

Generalized Anxiety Disorder, No. 10, P. 1092.
7. Hopko D.R., Mahadevan R., Bare R.L., Hunt M.K. The Abbreviated Math Anxiety Scale (AMAS): Construction, Validity, and Reliability // Assessment, 2003, Vol. 10, The Abbreviated Math Anxiety Scale (AMAS), No. 2, P. 178-182.
8. Telch M.J., Lucas R.A., Smits J.A.J., Powers M.B., Heimberg R., Hart T. Appraisal of Social Concerns: A cognitive assessment instrument for social phobia // Depression and Anxiety, 2004, Vol. 19, Appraisal of Social Concerns, No. 4, P. 217-224.
9. Malanchini M., Rimfeld K., Shakeshaft N.G., Rodic M., Schofield K., Selzam S., Dale P.S., Petrill S.A., Kovas Y. The genetic and environmental aetiology of spatial, mathematics and general anxiety // Scientific Reports, 2017, Vol. 7, No. 1, P. 42218.

Варламов А.В.
ФГБОУ ВО РязГМУ им. академика И.П. Павлова

Тип визуального аватара как фактор вызванного искажения ментальной репрезентации размеров собственного тела при погружении в виртуальную реальность

VR, виртуальная реальность, аватар, ментальные репрезентации

Исследование телесного опыта человека во время погружения в компьютерную виртуальную реальность может опираться на понятие ментальной репрезентации размеров собственного тела, поскольку оно отражает результат внутреннего обобщения человеком сенсорно-перцептивной и образной информации о собственном теле и его отдельных частях. В рамках дифференционно-интеграционной теории когнитивно-репрезентационные структуры являются основным динамичным элементом психического отражения (Чуприкова, 2015). Ментальная репрезентация размеров собственного тела, как частное проявление таких когнитивно-репрезентационных структур, имеет высокую адаптационную значимость при включении человека в различную активность, задействующую движения тела.

В актуальных экспериментальных исследованиях сформировано представление о важности изучения двойственной природы их обусловливания – со стороны высших психических процессов и со стороны средовых условий (Limanowski, 2022). В качестве фактора, влияющего на направление и интенсивность вызванных погружениями в VR искажений ментальной репрезентации размеров собственного тела, мы рассматриваем конструктивные особенности VR-среды с точки зрения доступного непосредственному воздействию реципиента комплекту гарнитуры, а также функционально значимому в процессе погружения визуальному образу аватара.

В исследовании приняли участие 374 добровольца (90 м и 284 ж, ср. возраст 19.66±1.06 лет). Для каждого респондента организовано экспериментальное погружение в одну из семи VR-сред – «Freedom Locomotion» (28), «Space Maze» (30), «VRChat» (42), «Beat Saber» (66), «Audica» (80), «OhShape» (91), «Feet Saber» (37). Данные об искажении ментальной репрезентации размеров собственного тела получены до и после погружения в VR с помощьюстандартизированного теста «Промеры по М. Фельденкрайзу» (Соловьева, 2021; Varlamov, 2023). Для фактора «Тип отображаемого в VR визуального аватара» определено 3 возможных группы: «Нет аватара» (используется «только VR-шлем») (1); «Голова и руки/инструмент» (используются «VR-шлем и контроллеры») (2) и «Полнотелесный аватар FBA» (используются «VR-шлем, контроллеры и трекеры») (3). К каждой из групп отнесены выборки респондентов, которые участвовали в этапах эксперимента с использованием соответствующей VR-среды: (1) «Нет аватара (только VR-шлем)» – среда Space Maze VR; (2) «Голова и руки (VR-шлем + контроллеры)» – среды Freedom Locomotion VR, Beat Saber VR, Audica VR, OhShape VR; (3) «Полнотелесный аватар FBA (VR-шлем + контроллеры + трекеры)» – среды VRChat(Just Dance World) и Feet Saber VR.

В соответствии с данной классификацией построены общие линейные модели (одномерный подход), где в качестве независимой переменной использован кодификатор принадлежности респондента к одной из групп, а в качестве зависимых – результаты теста «Промеры по М. Фельденкрайзу» (вызванные искажения, т.е. разница между результатами теста до и после погружения). Из 6 построенных ОЛМ (одномерных) в 5 зарегистрированы статистически значимые эффекты влияния.

Такие факторы VR-среды как «Тип аватара» и «Комплектация гарнитуры» связаны с вызванным искажением ментальной репрезентации во время погружения в VR размеровпоказателей «Суставы», «Длина корпуса», «Ширина корпуса», «Длина рук» и «Длина ног». Множественные сравнения вызванных искажений в группах позволили уточнить выявленные закономерности. Так, в моделях для показателей «Суставы» и «Длина корпуса» статистическая значимость достигается за счет различий в значении данных параметров между респондентами групп «Нет аватара» с остальными двумя группами. Для модели показателя «Ширина корпуса» значимое различие зарегистрировано между респондентами групп «Нет аватара» и «Голова и руки/инструмент», а для моделей «Длина рук» и «Длина ног» значение параметров статистически выше у респондентов группы «Голова и руки/инструмент».

Таким образом, респонденты, визуальное отображение аватара для которых ограничивалось «парящими» руками на месте контроллеров, демонстрировали большее преувеличение ментальной репрезентации размеров активных частей собственного тела (рук и ног). Наиболее приближенная к реальным размерам ментальная репрезентация собственного тела выявлена у респондентов группы

«Нет аватара». Данные свидетельствуют о связи вызванного искажения ментальной репрезентации размеров части собственного тела с функциональной значимостью ее движений в процессе погружения.

1. Соловьева, И. А. Кто мы на самом деле? О бессознательном образе тела / И. А.Соловьева. – Москва : Издатель Базенков И.Л., 2021 – 216 с. ISBN 978-5-91160-090-7.
2. Чуприкова, Н. И. Психика и психические процессы: система понятий общейпсихологии / Н. И. Чуприкова. – Москва : ЯСК, 2015 – 606 с.
3. Limanowski, J. Precision control for a flexible body representation / J. Limanowski // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. – 2022 – Т. 134 URL : sciencedirect.com/science/article/pii/S0149763421004656?via%3Dihub. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2021.10.023.
4. Varlamov, A. V. A Test «M. Feldenkrais' Measurments»: Psychometric Characteristics on the Russian Sample / A. V. Varlamov // Natural Systems Of Mind. – 2023 – Т. 3 № 4 URL : natural-systems-of-mind.com/2023/12/a-test-m-feldenkrais-measurments-psychometric-characteristics-on-the-russian-sample/.

Седых А.В.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова

Критическое мышление как фактор эффективного взаимодействия пользователя с чат-ботами на основе ИИ.

Критическое мышление, искусственный интеллект, чат-боты

В рамках быстрого развития технологий стали чаще говорить о когнитивной разгрузке, и чем надежнее и доступнее внешнее устройство, тем этот процесс интенсивнее (Risko, Gilbert, 2016). Когнитивная разгрузка затронула не только то, какую информацию и в каком объеме человек стал запоминать (Взорин, Седых, 2024), но и то, как он стал работать с ней. В предыдущих исследованиях было выявлено, что по мере увеличения когнитивной разгрузки критическое мышление (КМ) снижается (Gerlich, 2025). Люди стали чаще использовать чат-боты на основе ИИ, и можно предположить, что их использование может привести к увеличению когнитивной разгрузки и снижению КМ. Поднимается проблема поиска факторов, которые легли бы в основу эффективного взаимодействия пользователей с чат-ботами на основе ИИ. Одними из них могут быть уровень критического мышления и интерактивно коммуникативные умения пользователя.

Цель: изучение связи между критическим мышлением, интерактивными коммуникативными умениями и особенностями взаимодействия пользователей с чат-ботами на основе ИИ.

Выборка: выборку исследования составили 72 человека. Средний возраст участников M = 20,74 года (SD = 3,73), 63 женщины (87,5%) и 9 мужчин (12,5%).

Дизайн исследования: участникам исследования предлагалось заполнить онлайн-форму, состоящую из трех последовательных разделов: оценка уровня развития интерактивных коммуникативных умений, оценка уровня развития критического мышления, оценка особенностей взаимодействия пользователей с чат-ботами на основе ИИ.

Используемые методики:

1. Для оценки интерактивных коммуникативных умений (ИКУ) была использована методика «Чат-бот диагностики интерактивных коммуникативных умений» (ссылка на телеграм-бота: https://t.me/HarryAsk_Bot)
2. Для оценки уровня развития критического мышления использовался тест на критическое мышление (Вихман, 2024)
3. Для оценки особенностей взаимодействия пользователей с чат-ботами на основе ИИ разработан опросник, пункты которого основаны на вышеуказанном тесте на КМ и направлены на выявление проявлений КМ в ходе диалога с чат-ботами на основе ИИ на разных его этапах.

Результаты: в результате корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции Спирмена были получены следующие *результаты:*

1. Значимая положительная связь между критическим мышлением и интерактивными коммуникативными умениями ($\rho=0.360$, $p<0.002$)
2. Значимая положительная связь между критическим мышлением и особенностямивзаимодействия пользователей с чат-ботами на основе ИИ ($\rho=0.345$, $p<0.003$)
3. Более слабая, но также значимая связь между интерактивными коммуникативными умениями и особенностями взаимодействия пользователей с чат-ботами на основе ИИ ($\rho=0.254$, $p<0.032$).

Выводы: выдвинутая гипотеза о наличии положительной связи между указанными выше переменными не была опровергнута. Также стоит отметить, что данное исследование является корреляционным, что подразумевает необходимость дальнейшего экспериментального исследования проблемы КМ как фактора эффективного взаимодействия с чат-ботами на основе ИИ и учета влияющих на этот процесс переменных.

1. Взорин Г. Д., Седых А. В. Кодирование различных уровней репрезентации текста в зависимости от возможности последующего доступа к нему //Вопросы психологии. – 2024 – Т. 70 – №. 4
2. Вихман А. А. ТЕСТ «Критическое мышление подростка»: разработка и психометрическая оценка // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2024 – Т. 34 – №. 2 – С. 166-180.
3. Gerlich M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking, Societies (2025). Risko E. F., Gilbert S.J. Cognitive offloading //Trends in Cognit. Scis. 2016 V. 20 N 9 P. 676–688.

Болдыгин Д.Д., Кулиева А.К.
НИУ ВШЭ

Влияние характеристик индикатора загрузки на восприятие времени

UX, индикатор загрузки, восприятие времени, peak-end эффект.

Введение. Большинство когнитивных моделей времени описывают два взаимодополняющих механизма: отбор импульсов внутреннего хронометра и плотность эпизодической записи (Block, 1992). Их ретроспективный итог корректируется эвристикой peak-end: в памяти доминируют самый яркий и финальный моменты переживания (Fredrickson & Kahneman, 1993). Традиционно исследователи измеряли продолжительность. Мы, напротив, концентрируемся на другом, гораздо менее изученном показателе – passage-of-time: субъективной «быстроте» течения времени, выраженный качественно. Существующие данные показывают, что эти две оценки опираются на частично независимые процессы и часто расходятся (Droit-Volet & Wearden, 2016). UX-среда тут служит удобным полигоном, позволяя давать ответы нам фундаментальные вопросы восприятия времени.

Теоретически сочетание раннего «пика» скорости с благоприятным финалом должно восприятие длительности, тогда как позднее замедление – усилить её, демонстрируя, как конфигурация сенсорных акцентов направляет внутренние часы пользователя.

Методы. Были проведены два независимых эксперимента. В первом приняли участие 103 участников (55 мужчин, 48 женщин, M = 37,2), во втором – 105 (57, 47, M = 36,2). Стимулами служили индикаторы загрузки продолжительностью с разными паттернами 1,8–2,2 с. В первом эксперименте сравнивались равномерная траектория (linear), ускорение к концу (slow-to-fast: t^3) и замедление к концу (fast-to-slow: $1 - (1 - t)^3$). Во втором контрольное условие сопоставлялось с «slow-start» (первые 10 % занимают 30 % общего времени) и «slow-end». В каждой пробе испытуемому последовательно предъявлялась пара индикаторов. Его задачей было выбрать, какая анимация была быстрее или же они были равны. Всего каждый испытуемый выполнил 135 проб (~ 15 мин).

Результаты. Для каждого паттерна вычислялся скор: +1, если ошибочно оценен как более быстрый, –1, если ошибочно оценен как более медленный. Данные агрегировались по сочетанию «паттерн× позиция». Нормальность распределений проверялась критерием Шапиро – Уилка. Скоры анализировались ANOVA с факторами «паттерн» (3) и «позиция» (1-я vs 2-я). Для детальных сравнений использовался пост-хок тесты Тьюки.

В первом исследовании выявлен значимый эффект паттрена ($p < .001$) Среди анимаций, fast-to-slow воспринималась достоверно быстрее контроля ($p < .001$) и slow-to-fast ($p = .0023$). Fast-to-slow также был значимо быстрее контрольного условия. ($p < .001$). Аналогичная модель во втором эксперименте не показала значимых различий для паттерна. Пост-хок сравнения уточнили, что все три профиля не различались между собой ($p > .32$). Лишь порядок предъявления был значим: индикатор показанный вторым, оценивался достоверно быстрее собственной первого ($p < .001$).

Выводы. Вопреки гипотезе, самой «быстрой» участники признали паттерн fast-to-slow: ранний всплеск формирует оптимистичный якорь, сокращая субъективную длительность, тогда как позднее замедление уже не отменяет первого впечатления; напротив, медленный старт создаёт пессимистичный ориентир, а последующее ускорение–нарушение ожиданий, удлиняющее ощущение времени. При задержках < 2 с именно первые 150–300 мс становятся «пиком» эвристики peak-end, смещая акцент с финала.

1. Block, R. J. (1992). Prospective and Retrospective Duration Judgment: The Role of Information Processing and Memory. In Springer eBooks (pp. 141–152). https://doi.org/10.1007/978-94-017-3536-016
2. Droit-Volet, S., & Wearden, J. H. (2016). Passage of Time Judgments Are Not Duration Judgments: Evidence from a Study Using Experience Sampling Methodology. Frontiers in Psychology, 7. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00176
3. Fredrickson, B. L. & Kahneman, D. (1993). Duration neglect in retrospective evaluations of affective episodes. Journal Of Personality And Social Psychology, 65(1), 45–55. https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.1.45

Бородина К.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Исследование влияния условия задачи на выбор категорий и стратегии мышления

Мышление, категоризация, установка

Процесс категоризации играет ключевую роль в процессе решения мыслительных задач. Однако существует проблема категориальной фиксированности, которая препятствует поиску решения в случаях, когда требуется проявить большую гибкость икреативность (Аллахвердов В. М., 2021; Де Боно Э., 1997; Luchins A. S., 1942; Duncker K.,1926). Предположительно, на гибкость выбора стратегии обработки категорий можетоказывать влияние инструкция, данная к задаче. В данной работе проверяется гипотеза о возможности смены способа выбора категорий в зависимости от формулировки условия задачи, которая выступает в качестве установки (Узнадзе Д. Н., 1966). В эксперименте использовался однофакторный межгрупповой экспериментальный план для двух рандомизированных групп. Выборка состояла из 31 человека (6 мужчин и 9 женщин в первой, 6 мужчин и 10 женщин во второй группах), средний возраст составил 24 года. Испытуемым предлагалось осуществить выбор одной из пяти пар слов, находящихся между собой в различных категориальных отношениях (тавтология, дихотомия, часть-целое, причина-следствие, условно случайная пара слов). Формулировка инструкций для двух групп была разной: совершить выбор по своему усмотрению или по смысловому содержанию. С помощью айтрекера Gazepoint измерялись параметры глазодвигательной активности при анализе областей интереса. После прохождения эксперимента участники проходили интервью, отвечая на вопрос о возможной смене стратегии своего выбора при смене формулировки задачи с одной на другую.

По результатам анализа данных о частоте выбора определенных категориальных отношений были обнаружены достоверные различия между группами в отношении выбора пар слов с причинно-следственной смысловой связью ($U=72$; $p<0{,}001$; Cohen's $d = -0{,}640$) и условно случайными парами слов ($U=400$; $p<0{,}001$; Cohen's $d = 1{,}000$). Дополнительно был проведен двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) (тип условия задачи и тип категориального отношения) для анализа метрических переменных с айтрекера: найдены достоверные различия между группами по семи переменным айтрекера, наиболее значимые из них: общее время просмотра области интереса (c) ($F=5.540$, $p< .001$); общее количество фиксаций на области интереса ($F=4.029$, $p=0.003$); общее количество саккад на области интереса ($F=3.465$, $p=0.008$); общая длина пути сканирования области интереса ($F=3.473$, $p=0.008$). Анализ постинтервью показал, что на вопрос о возможной смене стратегии испытуемые двух групп отвечали по-разному: в одном случае большинство предпочитали не менять свое решение, а в другом, напротив, сменить свой выбор. Из проведенного исследования можно сделать следующие выводы: существуют качественные различия в выборе стратегий мышления в зависимости от требовательности к глубине погружения в сущность категориальных отношений между элементами задачи; причем, отношение причинности в силу своей относительной простоты оказывается более понятным и привлекательным для сознания в процессе категоризации; требование к более глубокому анализу смыслового содержания не обязательно способствует преодолениюкатегориальной фиксированности, но, напротив, может приводить к существенно большей фиксации выбора категорий.

1. Аллахвердов В. М. Собрание сочинений в семи томах. Том 2 Сознание как парадокс. Экспериментальная психологика, 2021 – 704 с.
2. Де Боно Э. Латеральное мышление – СПб.: Питер Паблишинг, 1997 – 320 с. – (Серия«Мастера психологии»).
3. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966 Duncker K. A qualitative (experimental and theoretical) study of productive thinking (solving of comprehensible problems) //The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology. – 1926 – Т. 33 – №. 4 – С. 642-708.
4. Luchins A. S. Mechanization in problem solving: The effect of Einstellung //Psychological monographs. – 1942 – Т. 54 – №. 6 – С. i.

Москвина Н.В., Шевченко И.Ю., Ван Сюй Шен
ФГБОУ ВО РУС «ГЦОЛИФК»

Психологические особенности студентов-спортсменов в контексте адаптации к профессиональным вызовам

Самоэффективность, самооценка, ценностные ориентиры

Современное общество предъявляет высокие требования к профессиональной и личностной готовности специалистов, особенно в сфере спорта, где динамичность среды, конкуренция и необходимость постоянного развития становятся первостепенными факторами (Демиденко, 2021; Зинич, 2023; Ломтева, Бедарева, 2023). Студенты спортивных вузов, сочетающие интенсивную учебную нагрузку с профессиональными тренировками, представляют собой уникальную группу, чьи личностные особенности во многом определяют их адаптацию к непрерывно происходящим изменениям. Целью исследования является изучение психологических характеристик студентов, а именно, их ценностных ориентиров, планирования будущего, самооценки и самоэффективности личности.

В исследовании приняли участие 150 студентов 1-4 курсов очной формы обучения РУС «ГЦОЛИФК». Метод анкетирования состоял из четырех блоков вопросов: социально-демографические характеристики, отношение к образовательному процессу, планирование будущего и личностные характеристики. Для оценки самоэффективности применялась адаптированная методика М. Шеера и Дж. Маддукс, а также методика для исследования самооценки С.А. Будасси.

Полученные результаты, свидетельствуют о том, что важной характеристикой студентов-спортсменов является ориентация на профессиональную реализацию уже в период обучения, что подчеркивает их осознанный подход к образованию и карьере. Студенты демонстрируют высокую мотивацию и вовлеченность, по результатам анкетирования, более 60% респондентов отметили, что им нравится учиться, а 62,7% регулярно посещают занятия. Ведущими мотивами обучения выступают карьерный рост (68,7%) и престиж высшего образования (39,3%), что отражает прагматичный подход к образованию. Среди приоритетных качеств в достижении успехов в будущем, были выделены коммуникабельность (86%), целеустремленность (74,7%), креативность (61,3%) и трудолюбие (56,7%), предоставляющие, по их мнению, возможность для продуктивной интеграции, как в учебной, так и в будущей профессиональной среде.

Психодиагностика показала преобладание среднего уровня самооценки, хотя у части студентов наблюдались заниженные или завышенные показатели, связанные с академическими трудностями. Гендерные различия проявились в самоэффективности, женщины демонстрировали поляризацию (от высокой уверенности до страха неудачи), а мужчины иногда крайние значения, вероятно, обусловленные социальными ожиданиями «быть успешным, прикладывая максимальные усилия», склонность скрывать слабости. Корреляционный анализ подтвердил положительную связь между самооценкой и самоэффективностью ($r=0,46$, $p<0,01$), при высокой уверенности в себе, студенты конструктивно справляются с задачами и преодолевают трудности, подтверждающие необходимость развития данных качеств для их профессионального роста в будущем.

Таким образом, современные студенты-спортсмены представляют, мотивированных и целеустремленных молодых людей, ориентированных на профессиональный успех и самореализацию. Их психологические особенности, характеризуются адекватной самооценкой и повышенной самоэффективностью, что благоприятствует адаптации к будущим профессиональным вызовам. Однако наличие поляризации в уровнях самооценки требует разработки дифференцированных программ психологического сопровождения, направленных на развитие личностных ресурсов и компетенций, необходимых для успешной интеграции в профессиональную среду.

1. Демиденко С.Ю. Молодежь и труд в изменяющемся мире // Социологические исследования. 2021. № 7. С.156–158.
2. Зинич А.В. Мотивы и социально-профессиональные ориентации молодежи при выборе профессии // Омский научный вестник. 2023. Т. 8, № 4. С. 133–138.
3. Ломтева Е.В., Бедарева Л.Ю. Молодежь в системе высшего образования: вопросы выбора образовательных стратегий // Экономическое развитие России. 2023. № 2. С. 60–65.

Москвина Н.В., Романенко А.Ю., Лавриненко Ю.В.
ФГБОУ ВО РУС «ГЦОЛИФК»

Роль интернальности и рефлексии в выборе способов совладающего поведения у спортсменов-гимнастов

Совладающее поведение, копинг-стратегии, интернальность, рефлексия

Спортивная гимнастика относится к видам спорта, в которых спортсмены постоянно сталкиваются с соревновательным напряжением, необходимостью демонстрации идеальной техники и повышенной психоэмоциональной нагрузкой (Иссурин, 2016). В данных условиях особую значимость приобретает изучение роли интернальности и рефлексии в выборе способов совладающего поведения с целью сохранения результативности и психологической устойчивости спортсменов.

Научный интерес представляет исследование взаимосвязи копинг-стратегий с личностными характеристиками, такими как интернальность (локус контроля) и рефлексия. Интернальность определяет, насколько спортсмен склонен приниматьответственность за свои достижения и неудачи, что влияет на выбор им активных или пассивных стратегий совладающего поведения. Рефлексия, в свою очередь, обусловленаосознанностью действий и самоанализом, связанных с навыками преодоления эмоционально напряженных ситуаций.

В исследовании приняли участие 59 спортсменов-гимнастов (35 женщин и 24 мужчины) в возрасте 17-20 лет со спортивным стажем 5-18 лет имеющих квалификацию от I разряда до мастера спорта (I разряд – 11 чел., КМС – 30 чел., МС – 16 чел.). Среди психодиагностических методов применялась методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS), опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (ДТР), методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) и «Индивидуально-типологическийопросник» (ИТО).

Результаты продемонстрировали, что уровень интернальности в области достижений у спортсменов-гимнастов статистически значимо превышает норму (на 1,834 балла, $p \leq 0{,}001$), тогда как интернальность в области неудач, напротив, ниже нормативных значений(на 2,094 балла, $p \leq 0{,}001$), спортсмены склонны приписывать полученные достижениясобственным усилиям, а неудачи объяснять внешними обстоятельствами или действиями других людей. Особенно ярко данная тенденция выражена у спортсменов 1-го разряда(интернальность достижений: 8,91 ± 1,3 балла) по сравнению с мастерами спорта (МС: 7,0 ± 1,04 балла) и кандидатами в мастера спорта (КМС: 7,34 ± 2,04 балла), что указывает на необходимость коррекции направленности субъективного контроля у молодых спортсменов.

В структуре рефлексивных процессов у гимнастов доминирует системная рефлексия(37,49 ± 6,24 балла), которая является наиболее адаптивной формой саморегуляции. За ней следуют квазирефлексия (24,56 ± 4,18 балла) и интроспекция (22,47 ± 4,97 балла), такое соотношение видов рефлексии благоприятно для оптимальной саморегуляции спортсменов. При этом в группе КМС уровень системной рефлексии выше (39,26 ± 5,63 балла), чем у спортсменов 1-го разряда (34,18 ± 4,79 балла) и МС (35,5 ± 7,57 балла; $p = 0{,}032$), что вероятно связано с более высоким уровнем профессионального развития. Предпочитаемыми стратегиями являются активные и просоциальные формы поведения, такие как поиск социальной поддержки (23,12 ± 4,26 балла, 14,2% от общего уровня копинга) и вступление в социальные контакты (21,52 ± 4,13 балла, 13,21%). Наименее используемыми оказались агрессивные (14,15 ± 4,69 балла, 8,69%) и манипулятивные действия (13,15 ± 3,05 балла, 8,07%).

Рост интернальности в области достижений сопровождается повышением эффективности совладающего поведения ($r = 0{,}709$, $p \leq 0{,}01$), в то время как интернальность в области неудач снижает уровень деструктивных форм поведения ($r = -0{,}379$, $p \leq 0{,}01$). Таким образом, результаты исследования подтверждают значимую роль интернальности ирефлексии в использовании конструктивных копинг-стратегий спортсменами-гимнастами и открывают перспективы для разработки целевых программ психологической поддержки в условиях соревновательного процесса.

1. Иссурин В.Б. Подготовка спортсменов XXI века: научные основы и построение тренировки. М.: Спорт, 2016.

Якушина А.А., Сагова З.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Апробация методики «The Sport Anxiety Scale-2» на выборке спортсменов различных видов спорта

Психология спорта, тревога, апробация методики, шкала спортивной тревоги

Введение. Тревога нередкое явление в спортивной сфере, ведь деятельность спортсмена сопряжена с высокими требованиями, нагрузкой и стрессом (Ríos-Garit et al., 2024). Выявление тревоги у спортсменов – важная задача спортивной психологии, решение которой может существенно влиять на профессиональный успех и качество жизни спортсменов. Стандартные опросники для оценки тревоги, как правило, не учитывают специфические условия и требования, с которыми сталкиваются спортсмены. Специальные методики, в частности «Шкала спортивной тревоги» («The Sport Anxiety Scale-2»), разработаны непосредственно для диагностики тревоги, характерной для спортсменов (Smith et al., 2006). Данный опросник помогает выявить уникальные аспекты тревоги, связанные с соревнованиями, включая беспокойство из-за спортивных результатов, физиологические проявления тревоги и нарушение концентрации. Таким образом, целью исследования явилась апробация на русскоязычной выборке спортсменов опросник «The Sport Anxiety Scale-2» («Шкала спортивной тревоги»).

Методы. В исследовании приняли участие 302 спортсмена различных видов спорта в возрасте от 18 до 43 лет (M = 23 года, SD = 5,19), из них 189 мужчин и 113 женщин. Для апробации методики были использованы следующие методики: русскоязычный перевод The Sport Anxiety Scale-2; Шкала тревоги А. Бека; Шкала тревоги из опросника «Шкала депрессии, тревоги и стресса» (DASS-21); Шкала тревоги В. Цунга; Короткий опросник Темной триады.

Результаты. В ходе апробации методики «The Sport Anxiety Scale-2» была подтверждена трехфакторная структура. 15 пунктов опросника распределились по факторам логично и по смыслу, в соответствии с оригинальной версией методики. Субшкалам было принято решение дать название «Когнитивная тревога» (пункты шкалы описывают тревожные мысли, переживания и беспокойство), «Физиологическая тревога» (пункты шкалы отражают телесные проявления тревоги) и «Нарушение концентрации» (пункты шкалы направлены на трудности концентрации у спортсменов). Анализ надежности полученных субшкал позволяет считать их надежными и согласованными друг с другом (альфа Кронбаха от 0,70 до 0,88). Конвергентная валидность методики была подтверждена с помощью корреляционного анализа с методиками, измеряющими тревогу безотносительно спортивной деятельности. Были обнаружены значимые положительные корреляции субшкал адаптируемого опросника со шкалами измерения тревоги из опросников А.Бека, В. Цунга и DASS-21. Дискриминативная валидность методики была подтверждена отсутствием выраженных корреляций субшкал опросника со шкалами опросника Темной триады.

Выводы. Таким образом, в результате проведенного исследования была апробирована русскоязычная версия методики «The Sport Anxiety Scale-2». Наличие такого инструмента позволит повысить точность диагностики и разработать более эффективные индивидуальные стратегии совладания с тревогой, что в конечном счете будет способствовать улучшению спортивных результатов и психологического благополучия спортсменов.

1. Ríos-Garit, J., Cañizares-Hernández, M., Reyes-Bossio, M., Pérez-Surita, Y., Touset-River, R. Competitive Anxiety and Mood States in High-Performance Cuban Student Athletes, Psychology in Russia: State of the Art. 2024. Vol. 17(3). P. 50–62. DOI: 10.11621/pir.2024.0304
2. Smith, R. E., Smoll, F. L., Cumming, S. P., & Grossbard, J. R. Measurement of multidimensional sport performance anxiety in children and adults: The Sport Anxiety Scale-2. Journal of Sport and Exercise Psychology. 2006. Vol. 28(4). P. 479-501. https://doi.org/10.1123/jsep.28.4.479

Жабакова Т.В.
ФГБОУ ВО ЮУРГГПУ

Исследование психологического благополучия спортсменов в команде методом цветового ассоциативного интервью

Психологическое благополучие спортсменов, цветовое ассоциативное интервью

Введение. Особенно востребованным на современном этапе развития психологии спорта становится изучение психологического благополучия спортсменов, что обусловлено высокой интенсивностью соревновательного стресса и значительным эмоциональным напряжением в учебно-тренировочном процессе. Концепт «психологическое благополучие спортсменов» в психологической литературе рассматривается в контексте эмоционального отношения к деятельности» (Асадуллин, 2022) и «поиска аутентичности» (Бочавер, Десятникова. Зязина, 2024). Однако проблема психологического благополучия спортсменов в спортивных командах изучена недостаточно. Поэтому цель нашего исследования – описать особенности психологического благополучия спортсменов в акробатических тройках методом цветового ассоциативного интервью.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось с января 2025 года по май 2025 года на базе научно-исследовательской лаборатории «Трансдисциплинарная лаборатория образовательных ресурсов в сфере физической культуры и спорта» ЮУрГГПУ и студии спортивной акробатики «Акрошка». В исследовании приняли участие 8 акробатических троек (24 человека, девочки в возрасте от 11 до 16 лет). Процедура исследования включала ассоциативное интервью по методу Mental Rainbow Ирины Лединской (модификация теста Г. Фрилинга) (Кононова, 2006).

Результаты. На первом этапе исследования мы описали психологические профили акробатических троек, что позволило нам выделить особенности психологического благополучия в спортивной команде. Так, в акробатических тройках с тенденцией «к взаимодополнению» показатели «отношения» (φ^*эмп = 2,34 при φ^*кр = 1,64 ($\rho \leq 0,05$) и φ^*кр = 2,31 ($\rho \leq 0,01$)), «расслабление» (φ^*эмп = 2,43 при φ^*кр = 1,64 ($\rho \leq 0,05$) и φ^*кр = 2,31 ($\rho \leq 0,01$)), «инициативность» (φ^*эмп = 2,56 при φ^*кр = 1,64 ($\rho \leq 0,05$) и φ^*кр = 2,31 ($\rho \leq 0,01$)) выше, чем в тройках с «доминирующим» типом взаимодействия.

На втором этапе исследования мы выделили контрольно-директивную, творчески-директивную, контрольно-гибкую модели взаимодействия в акробатических тройках. Контрольно-директивное взаимодействие характеризуется гиперконтролем, зависимостью эмоционального состояния от результата, перфекционизмом. Творчески-директивная модель, с одной стороны, включает повышенную эмоциональную включенность в «отношения» в тройке, однако, амбициозность или «подавление», которое проявляет один или два спортсмена в тройке. Контрольно-гибкая модель взаимодействия отличает установка на эмоциональную стабильность спортсменов в тройке и высокие показатели по шкалам «отношения», «инициативность», «расслабление».

Выводы. Эмпирическое исследование психологического благополучия спортсменов позволяет выявить следующие тенденции: субъективный уровень психологического благополучия выше в тройках с «взаимодополнением» показателей в профиле; в тройках с контрольно-гибкой моделью взаимодействия отмечено увеличение психологической однородности и высокие показатели по шкалам «отношения», «инициативность», «расслабление», что позволяет сделать вывод о достаточном уровне психологического благополучия спортсменов.

1. Асадуллин М.Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 228-240. DOI: 10.34670/AR.2023.78.44.025
2. Бочавер К.А., Десятникова А.В., Зязина Н.А. Аутентичность личности спортсмена как ресурс психологического благополучия в кризисе совладания с травмой [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 4. С. 97–107. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130409
3. Кононова В. Н. Цветовое Зеркало. Модификация теста Г. Фрилинга. (Психологический инструментарий) / В. Н. Кононова. – М.: Когито-Центр, 2006.

Шиндрикова Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Субъективная необходимость изменения тела у артисток балета, фигуристок, гимнасток

Субъективная необходимость изменения тела, удовлетворенность образом тела, балерины, фигуристки, гимнастки.

Введение. Профессиональная деятельность в балете и технико-эстетических видах спорта (художественная гимнастика, фигурное катание) предъявляет высокие требования к телосложению, фигуре, весу девушек. Постоянный контроль веса, пристальное внимание к телу, негативные комментарии о весе и параметрах тела, высокие требования к себе и неудовлетворенность образом тела могут являться факторами риска возникновения нарушений пищевого поведения (Елиашевич и др., 2023). Цель исследования: выявление субъективной необходимости изменения тела и удовлетворенности образом тела у артисток балета, фигуристок и гимнасток-художниц.

Методы. Выборку исследования составили 36 девушек: 12 артисток балета, 12 фигуристок, 12 гимнасток-художниц; средний возраст 19.5 лет (238±3.2 мес). Методики исследования: структурированная анкета субъективной необходимости изменения тела (Шиндрикова, Ловягина, 2025), шкала удовлетворенности образом тела (BISS), социально-биографическая анкета. Математическая обработка данных включила описательные статистики, критерий Краскела-Уоллиса. Исследование проведено с использованием GoogleForms.

Результаты. Среднее значение ИМТ у балерин (18.2±0.3) соответствует дефициту массы тела, у гимнасток (19.9±0.4) и фигуристок (19.9±0.5) среднее значение ИМТ соответствует нормативному значению. ИМТ балерин статистически достоверно ниже ИМТ гимнасток и фигуристок ($H=6.64$, $p=0.004$). Удовлетворенность образом тела статистически достоверно выше у артисток балета ($H=6.637$, $p=0.004$): среднее значение удовлетворенности образом тела у балерин выше среднего (6.8±0.3), у фигуристок (5.2±0.4) и гимнасток-художниц (5.1±0.5) соответствует среднему уровню по шкале. Среднее значение показателя субъективной необходимости изменения тела у артисток балета составило 17.3±4.8 баллов, у фигуристок 20.4±3.2 балла, у гимнасток 29.1±4.1 при максимальном значении 47 баллов по шкале, однако, статистически значимые различия в группах сравнения обнаружены не были. По показателю опыта негативных оценок внешности от сверстников гимнастки-художницы имеют статистически значимо более высокие значения ($H=4.265$, $p=0.023$): среднее значение у гимнасток составило 5.7±1.4 баллов, у балерин 3.3±1.0 баллов, у фигуристок 1.4±0.6 баллов. Коррекция тела и контроль измерений в группах статистически значимо не различается: среднее значение показателя у балерин составило 12.92±3.6 баллов, у фигуристок 12.42±2.3 баллов, у гимнасток-художниц 20.33±3.0 баллов, при максимальном значении 40 баллов по шкале.

Выводы. У артисток балета отмечается более высокая удовлетворенность образом тела с одновременно более низким индексом массы тела, относительно фигуристок и гимнасток-художниц. Гимнастки-художницы имеют больший опыт негативных оценок о внешности от сверстников, по сравнению с балеринами и фигуристками. По шкале субъективной необходимости изменения тела в данном исследовании не выявлено статистически достоверных различий у балерин, фигуристок и гимнасток-художниц, то есть представление о необходимости корректировать тело у спортсменок представлено на среднем уровне выраженности. Относительно небольшой размер выборки групп сравнения является ограничением, предполагается продолжение исследования на больших выборках.

1. Елиашевич С.О., Нуньес Араухо Д.Д., Драпкина О.М. Пищевое поведение: нарушения и способы их оценки //Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2023. – Т. 22. – №. 8. – С. 80-86.
2. Шиндрикова Е.В., Ловягина А.Е. Апробация анкеты субъективной необходимости изменения тела у спортсменок технико-эстетических видов спорта // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2025. С. 276-283. https://doi.org/10.5930/1994-4683-2025-276-283

Георгиади В.В., Медведева Н.В., Дегтярев В.А.
ФГБУ СПб НИИФК

Мотивы выбора спортивного судейства: сравнительный анализ судей разных категорий

Спортивное судейство, профессия, карьера

Спортивное судейство играет ключевую роль в обеспечении честности и объективности соревнований (Георгиади, Медведева, 2024) однако мотивы, побуждающие людей заниматься этой деятельностью, остаются малоизученными. В отличие от спортсменов, чьи цели часто связаны с личными достижениями и победами, судьи руководствуются иными факторами – от желания углубить понимание спорта до стремления к профессиональному росту (Кашапов, Огородова, Ибрагимов, 2020) и участию в масштабных событиях.

Цель исследования – выявить и сравнить мотивы выбора спортивного судейства среди судей разных категорий. В исследовании приняли участие 125 судей, представляющих различные виды спорта и судейские категории (без категории – 5, 3 категория – 13, 2 категория – 20, 1 категория – 45, высшая категория – 32 и международная категория – 10). Опрос проводился с помощью авторской анкеты, включавшей 14 вариантов ответов на вопрос о причинах выбора судейства. Статистическая обработка проводилась в программах Microsoft Excel и jamovi с применением описательной статистики и критерия χ^2 для выявления значимых различий между группами.

Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания факторов, влияющих на привлечение и удержание специалистов в судейской сфере (Кальмуцкий, 2024, Livingston & Forbes, 2016). Результаты могут быть полезны спортивным федерациям и тренерскому сообществу для разработки программ мотивации и обучения судей.

В результате проведенного исследования были выявлены значимые различия в мотивах выбора судейской профессии среди арбитров разных категорий. Наиболее выраженные расхождения обнаружены в пяти вариантах ответов: 1) глубокое понимание спорта ($p<0,013$) выбрали 45 %, особенно важно для судей 2-й и 3-й категорий; 2) случайные обстоятельства ($p<0,026$) выбрали 18%, менее значимый мотив, характерный для начинающих; 3) желание помочь коллегам или близким ($p<0,001$), актуально для 23% респондентов; 4) участие в крупных событиях ($p<0,015$) выбрали 34%, характерно для судей высших категорий; 5) возможность путешествий ($p<0,002$) 36% респондентов, важна для судей 1-й и высшей категорий.

Полученные данные подтверждают, что причины занятия судейством разнообразны и зависят от профессионального опыта. Для одних – это способ остаться в спортивной среде, для других – карьерная перспектива или социальная ответственность. Интересно, что с ростом квалификации увеличивается значимость таких факторов, как престиж и участие в международных соревнованиях, тогда как начинающие судьи чаще руководствуются ситуативными мотивами.

Вывод: судейство привлекает людей по множеству причин, каждая из которых отражает личные и профессиональные интересы. Дальнейшие исследования могли бы углубиться в анализ долгосрочной мотивации и факторов, влияющих на продолжительность судейской карьеры.

1. Георгиади, В. В. Особенности спортивного судейства в паралимпийских видах спорта / В. В. Георгиади, Н. В. Медведева // Адаптивная физическая культура. – 2024. – Т. 100, № 4. – С. 40–43. – EDN KZRIAG.
2. Кальмуцкий, В. О. Двойная карьера спортивных судей на примере судей футзала / В. О. Кальмуцкий // ВЭПС. – 2024. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynaya-kariera-sportivnyh-sudey-na-primere-sudey-futzala (дата обращения: 13.02.2025).
3. Кашапов, М. М. Профессиональное развитие личности спортивного арбитра / М. М. Кашапов, Т. В. Огородова, М. Т. Ибрагимов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2020. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-razvitie-lichnosti-sportivnogo-arbitra (дата обращения: 23.04.2025).
4. Livingston, L. A., & Forbes, S. L. (2016). Factors contributing to the retention of Canadian amateur sport officials: Motivations, perceived organizational support, and resilience. International Journal of Sports Science & Coaching, 11(3), 342-355.

Ноткина А.Е., Прусова И.С.
НИУ ВШЭ

Принятие решений спортсменами-ориентировщиками во время дистанции

Принятие решений, рискованное принятие решений, спортивная психология.

Введение: В настоящие время время молодежь все больше начинает заниматься спортом, в период с 2019 по 2022, количество занимающихся спортом людей увеличилось на 5 процентов (Дубровина, 2023). Одним из развивающихся видом спорта является спортивное ориентирование, так за период с 2017 по 2021 год количество спортсменов-ориентировщиков, входящих в ранг молодежи, выросло более чем на 50% (Ранг ФСОР, 2021-2022). Данный вид спорта требует от спортсмена сочетания физической выносливости и высокой скорости когнитивной обработки информации. Ключевым аспектом в ориентировании является выбор маршрута на перегоне между контрольными пунктами – именно это решение может привести спортсмена либо к победе, либо к проигрышу. Таким образом целью настоящего исследования стало выявление влияния индивидуальных особенностей и типа соревнований (индивидуальный/эстафетный) на предпочтение рискованных маршрутов спортсменами-ориентировщиками. В задачи исследования входил анализ факторов, которые спортсмены-ориентировщики определяют как риск, а также изучение влияние индивидуальных характеристик на принятие решений.

Методы: Были проведены два исследования: полевой эксперимент на тренировочной дистанции и онлайн-опрос с использованием карт с различными маршрутами (N=18; возраст: M=18.67; SD=6.22). В рамках второго этапа (N=63; возраст: M=24.81, SD=10.34) измерялись личностные характеристики (нейротизм, открытость опыту) (Корнилова & Чумакова, 2016), эмоциональный интеллект (Панкратова, Корниенко & Люсин, 2022), толерантность к неопределенности (Корнилова, 2010). Предпочтения маршрутов классифицировались как рискованные и надёжные в соответствии с составленным ключем.

Результаты: Результаты первого этапа исследования выявило, что такие особенности как отсутствие четких ориентиров, прохождение болот, оврагов и наличие плохо проходимых лесных участков местности, понимаются спортсменами-ориентировщиками как рискованные. Второе исследование показало, что индивидуальные особенности, такие как толерантность к неопределенности (β=0.28, p=.041), эмоциональный интеллект (β=0.37, p=.017) и открытость опыту (β=–0.37, p=.014), вносят значимый вклад в факт принятия рискованного или надёжного решения. Результаты настоящего исследования показывают, что спортсмены с высоким уровнем толерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта чаще выбирают рискованные маршруты.

Выводы: Данное исследование не только помогает углубить понимание особенностей принятия решений атлетами в рамках соревновательной деятельности, но и спортивным федерациям и организациям разработать более эффективные программы подготовки спортсменов, с учетом их индивидуальных особенностей.

1. Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86. EDN MANCMP.
2. Корнилова Т., Чумакова М. Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. doi: 10.54359/ps.v9i46.480
3. Панкратова А. А., Корниенко Д. С., Люсин Д. В. Апробация краткой версии опросника Эмин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19, № 4. С. 822–834. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-822-834
4. Дубровина Е. Все больше россиян занимаются спортом или физкультурой // Ведомости. 2023. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/14/962911-bolshe-rossiyan-zanimayutsya-sportom
5. Федерация спортивного ориентирования России (ФСОР). Рейтинг: Ранг молодежный (2021–2022). 2022. URL: https://rufso.orgeo.ru/raiting/57

Плотникова Н.С.
ГАОУ ВО МГУСиТ

Механизм изменения ценностных ориентиров спортсменов при использовании методики «Построение «Башни» собственной жизни»

Ценностные ориентиры, переживание горя и спортивной травмы, автокоммуникация, уровень субъективного контроля спортсмена, пластичность образа мира спортсмена

Актуальность исследования. Переживание спортивной травмы, ситуации завершения спортивной карьеры, горя – это кризис идентичности. Психологу необходимы эффективные экспресс-инструменты, которые дают возможность в короткий срок безопасно вывести клиента из этих состояний, сместить ценностные ориентиры и локус контроля в системе ценностей для успешной реадаптации в новых жизненных условиях.

Цель исследования: определение механизмов влияния на ценностные ориентиры спортсмена, изменяющиеся в результате использования авторской наглядно-образной методики «Построение «Башни собственной жизни» (далее «Методика»).

Методы и организация исследования. В течение 2025 года проведено исследование, Методика использовалась в индивидуальной психологической работе со спортсменами, действующими или завершивших спортивную подготовку в течение последних 3 лет и в группах психологической поддержки жен и вдов бойцов специальной военной операции (далее СВО). Выборка составила 16 человек в возрасте от 17 до 34 лет (9 спортсменов и 7 жен бойцов СВО), из них 3 вдовы бойцов СВО и 2 спортсмена в последние 4 года пережили утрату близкого человека. Методика проводилась с использованием стандартной инструкции для испытуемого [4], фиксированием в протоколе исследования ценностных выборов, наличие спортивных травм, утрат близких людей, характер и стадия переживания горя. Первые 3 попытки разрушались после построения 12 этажа, 4 попытка достраивалась до конца.

Результаты. В исследовании удалось проследить закономерность в порядке и способах выборов ценностных ориентиров у испытуемых, переживших утрату близкого человека, которые выстраивали «свою жизнь» на 8-9 этажей с первой попытки, основываясь на интернальных ценностных ориентирах [1]. Испытуемые, не пережившие утрату, построение первых 8-9 уровней осуществляли на основе экстернальных ценностных ориентиров, смена локуса контроля ценностных ориентиров происходила после 2-3 разрушения конструкции, при этом испытуемые проявляли признаки стрессовых поведенческих реакций («бей, беги, замри, умри»). В обоих случаях быстрая интервенция запустила процесс глубокой рефлексии, что привело к автокоммуникации, когда в короткий срок развернулись два последовательных этапа «фаза понимания» и «фаза продуктивного мышления» [2], как следствие, развилась пластичность образа мира [3], что, в свою очередь, привело к смещению системы ценностных ориентиров и интернальности локуса контроля в системе ценностей.

Выводы. Механизм работы методики «Построение «Башни» собственной жизни» заключается в последовательном запуске процессов: рефлексии, автокоммуникации, изменения пластичности образа мира и, соответственно, смещения ценностных ориентиров, интернализации системы ценностей.

1. Брызгалин Е.А. Межкультурный анализ ценностных ориентаций авторов Википедии /Национальный психологический журнал № 1(37) 2020 с. 3 – 5 https://doi: 10.11621/npj.2020.0101
2. Измагурова В.Л. Феномен автокоммуникации как фактор развития сознания // Коммуникология, 2015. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-autokommunikatsii-kak-faktor-razvitiya-soznaniya
3. Костюченко Е.В. (2015). Полифункциональность перцептивного отображения различных компонентов образа мира у студентов. Психологическая наука и образование psyedu.ru, 7(2), 72–82. https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070207
4. Плотникова Н.С. Методика коррекции ценностных ориентаций личности «Построение «Башни» собственной жизни» в работе со спортсменами / Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики Т.3 2023 № 3, с.76–83. doi10.15826/spp.2023.3.82

Дементьева Е.А., Мищенко А.Д., Ахметшин А.Д.
ФГБОУ ВО СПбГПМУ

Влияние восточных единоборств на развитие психологической устойчивости у детей

Спортивное ушу, тхэквондо, айкидо, психологическая устойчивость

Психологическая устойчивость (ПУ) – способность адаптироваться к жизненным вызовам и восстанавливаться после них, формирующаяся в процессе личностного развития человека. Подростки с высоким уровнем ПУ демонстрируют способность эффективно применять психологические ресурсы, гибкость и адаптацию (Абдрашитов Р.Х. и др., 2013; Бочавер К.А. и др., 2023; Викулова Д.А., 2017; Заочинский М.С., 2021). Представляет теоретический интерес исследование влияния занятий спортом и спортивного опыта на развитие ПУ.

Цель исследования: определить уровень ПУ среди спортсменов различных видов восточных единоборств, и детей, не занимающихся спортом.

Материалы и методы. В добровольном анонимном тестировании принял участие 31 ребенок 11-18 лет, из них 8 человек регулярно занимаются спортивным ушу, 8 – айкидо, 7 – тхэквондо, 8 подростков спортом не занимаются. Проведено исследование уровня ПУ (детский тест психологической устойчивости, M. Ungar, О.Е. Хухлаев, вариант методики для подростков и молодежи 10-23 лет). Статистическая обработка – Statistica for Windows v. 6.1.

Результаты. Среди детей, не занимающихся спортом, уровень общей ПУ составляет 63±14 баллов, находясь в диапазоне от низкого до высокого, при этом 37,5% обследованных подростков имеют высокие значения ПУ, 25% – средние, 37,5% – низкие. Личностная ПУ находится в пределах 36,0±7,8 баллов, социальная – 27,0±7,9.

В спортивное ушу обследованные дети пришли в возрасте 6,5±3,0 лет. Уровень ПУ у них составляет 73±7,3 баллов, при этом у 75% спортсменов он имеет высокие/крайне-высокие значения, у 25% – низкие. Личностная ПУ среди ушуистов находится на уровне 40±5,1 баллов, социальная – 31±4,4 баллов. Выявлена низкая прямая корреляционная связь ($r=0,4$, $p\leq0,01$) между спортивным стажем и уровнем общей ПУ.

Спортсмены тхэквондо пришли впервые на занятия в возрасте 7,3±2,1 лет. Уровень ПУ у них составляет 68,8±7,1 баллов, при этом у 57,1% спортсменов он имеет высокие/крайне-высокие значения, у 14,3% – средние, у 14,3% – низкие. Уровень личностной ПУ 38,5±2,9 баллов, социальной – 30,3±5,8 баллов. Выявлена средняя прямая корреляционная связь ($r=0,6$, $p\leq0,01$) между стажем в тхэквондо и ПУ.

В айкидо ребята пришли на свою первую тренировку в возрасте 10,5±4,1 лет. Уровень их ПУ 75,4±5,3 баллов, что соответствует высокому/крайне-высокому значениям. Уровень личностной ПУ среди айкидоистов – 35,0±1,4 баллов, социальной – 40,4±4,7 баллов. Обнаружена высокая прямая корреляционная связь ($r=0,7$, $p\leq0,01$) между спортивным стажем и уровнем общей ПУ.

В ходе проведенного исследования выявлено, что у детей, занимающихся восточными единоборствами, уровень общей ПУ выше по сравнению с ровесниками, не занимающихся спортом. Установлена прямая зависимость между спортивным стажем и уровнем ПУ. Для формирования оптимального значения ПУ рекомендуется с дошкольного возраста осуществлять выбор конкретного вида спорта для ребенка, мотивировать к занятиям, обеспечивать регулярность тренировок.

1. Абдрашитов Р.Х., Малосиева В.М., Дудин Д.С. Влияние различных видов спорта на психофизическое состояние подростков // Бюллетень медицинских Интернет-конференций (ISSN 2224-6150). 2013; 3(2): 161
2. Бочавер К.А., Бондарев Д.В., Довжик Л.М. Психологическая диагностика в спорте: учебное пособие. М.: Спорт, 2023.
3. Викулова Д.А. Влияние занятий различными видами спорта на психическую устойчивость подростков // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XXXV междунар. студ. науч.-практ. конф. 2017; 24(35): 274-276
4. Заочинский М.С. Актуальные проблемы психологии спорта. М.: Скиф. 2021; 7 (59): 12-16.

Букса О.А., Ильина Н.Л.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Ценностные ориентации спортсменов конного спорта

Ценности, спортсмены, конный спорт

Введение. Ценности считаются универсальными принципами, регулирующими все аспекты жизни, включая спорт. Роль ценностей в спортивной психологии изучена недостаточно, а исследований, где они выступают фундаментальной концепцией, немного (Shields, Bredemeier, 1995). В конце XXI века повысился интерес к ценностям в молодежном спорте, особенно в Европе (Steenbergen et al., 1998; Lee et al., 1998). Цель исследования – выявить и сравнить ценностные ориентации спортсменов, занимающихся выездкой и конкуром.

Методы. В исследовании участвовали 64 спортсмена конного спорта (32 – выездка, 32 – конкур) в возрасте 18–25 лет с разрядами от III взрослого до Мастера спорта. Использовались анкета молодежных спортивных ценностей (YSVQ) и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Результаты. Результаты показали принципиально различное ранжирование ценностей:

Выездка:

1) Наиболее значимыми ценностями являются: 1) богатство, известность и признание, красота и внешняя привлекательность; 2) коммуникабельность, самостоятельность, манерность; 3) спортивное мастерство, демонстрация мастерства, качественное выступление;

2) Наименее значимыми:1) чувство справедливости, толерантность, эмпатия; 2) мудрость и богатый жизненный опыт, счастливая семейная жизнь; счастливое общество; 3) самореализация, послушание в общении со старшими (более опытными), сплоченность команды.

Конкур:

1) Наиболее значимыми ценностями являются: 1) духовное равновесие, независимость, увлекательная деятельность; 2) амбициозность, дисциплинированность, самостоятельность; 3) забота, забота о здоровье, удовольствие от спорта.

2) Наименее значимыми: 1) жизнерадостность, аккуратность, манерность 2) счастливая семейная жизнь, гедонизм, искусство и творческая жизнь; 3) сплоченность команды, терпимость, значимость победы.

Выводы

Выездка как дисциплина, ориентированная на эстетическое исполнение, формирует у спортсменов ценности, связанные с внешней привлекательностью, признанием и мастерством. Важна не только техническая сторона, но и социальное признание, а также умение успешно взаимодействовать с окружающей средой. Для спортсменов выездки мотивация может быть связана со внешними стимулами – статусом, красотой выступления, что может способствовать развитию перфекционизма и социальной ориентированности.

Конкур, напротив, требует большей психологической устойчивости, автономности. Увлекательность деятельности и амбициозность также подчеркивают стремление к преодолению трудностей и личностному росту. Спортсмены конкура, ориентированные на внутренние ценности, вероятно, имеют более устойчивую мотивацию.

Для обеих групп низкая оценка таких ценностей, как сплоченность команды, терпимость и чувство справедливости, может указывать на индивидуалистический характер конного спорта, где успех во многом зависит от личных усилий и взаимодействия с лошадью.

Ценности – устойчивая организация убеждений относительно предпочтительных способов поведения (Rokeach, 1973), что напрямую влияет на контекст деятельности, в которой находится спортсмен и к каким результатам стремится.

1. Lee, M. J., Whitehead, J., & Balchin, N. (1998, August). Socio-moral values among young athletes [Poster session]. 24th International Congress of the International Association of Applied Psychology, San Francisco.
2. Lee, M. J., Whitehead, J., & Balchin, N. (2000). The measurement of values in youth sport: Development of the youth sport values questionnaire. Journal of Sport and Exercise Psychology, 22(4), 307–326.
3. Rokeach, M. (1973). The nature of human values. The Free Press.
4. Shields, D. L., & Bredemeier, B. J. L. (1995). Character development through physical activity. Human Kinetics.
5. Steenbergen, J., Buisman, A. J., De Knop, P., & Lucassen, J. M. H. (1998). Waarden en normen in de sport: Analyse en beleidsperspectief. Bohn Stafleu Van Loghum.

Ромашко Ю.С., Горская Г.Б.
ФГБОУ ВО КГУФКСТ

Особенности взаимосвязи персональных ресурсов и метакогнитивной включенности в профессиональную деятельность спортсменов

Метакогнитивная включенность, метакогнитивные умения, персональные ресурсы, спорт

В современном мире, когда спорт высших достижений регулярно претерпевает определенные изменения, спортсменов сопровождает высокий уровень психических нагрузок и повышенный стресс (Горская, 2021). В этой связи возрастает необходимостьпоиска психологических ресурсов, которые позволят спортсменам успешно справляться со сложными ситуациями, накапливать ресурсный запас и снижать их потери. Применение спортсменами профессиональных умений в большей степени зависит от умения регулировать собственное поведение и сознательно принимать решения относительно той или иной затруднительной ситуации. В этой связи весьмаперспективным видится формирование у спортсменов умений моделироватькритические ситуации, анализировать факторы, способствующие их проявлению ипроектировать для них решения. Умения такого рода иначе называют метакогнитивными умениями, представленными в метакогнитивной психологии как умения более высокого порядка, чем технические умения.

Цель исследования – определение связи метакогнитивной включенности в профессиональную деятельность и персональных ресурсов спортсменов. В исследовании приняли участие спортсмены в возрасте от 17 до 25 лет (женщины n=53,мужчины n=46) различной квалификации. Для определения метакогнитивной включенности в деятельность использовалась методика Г. Шроу и Р. Деннисона «Метакогнитивная включенность в деятельность» (адаптация А.В. Карпова и И.М. Скитяевой). Оценка потери и приобретения личностных ресурсов определялась спомощью опросника Н. Водопьяновой и М. Штейна «Потери и приобретения персональных ресурсов». Для обработки результатов применялся коэффициент корреляции r-Спирмена.

В результате исследования установлено, что как в женской, так и в мужской выборке спортсменов включение в профессиональную деятельность метакогнитивногокомпонента повышает уровень их ресурсообеспеченности. Иначе говоря, осознанныйподход в подготовке к соревнованиям, заблаговременный анализ возможностейсоперников и, соответственно, корректирование своего выступления в той или инойстепени повышают возможности спортсменов к адаптации в условиях современногомира. В то же время, при отсутствии анализа и мониторинга причин неудачныхвыступлений на соревнованиях, построения эффективных стратегий снижается уровеньресурсности спортсменов. В группе спортсменов женского пола выявленыотрицательные корреляционные связи метакогнитивной включенности и потери ресурсов. Данные результаты свидетельствуют, что включение в спортивную деятельность метакогнитивного анализа ситуаций снижает потери ресурсности спортсмена и наоборот. Другими словами, зацикливаясь на неудаче, отказываясь от анализа выступления, планирования и прогнозирования будущих выступлений на соревнованиях, у спортсменов женского пола повышаются потери ресурсов. Активное включение в разбор выступлений, установление причин неудач и способовсовершенствования успешных выступлений, анализ тренировочного процесса с цельюповышения его эффективности, снижают потери ресурсов спортсменов женского пола.Результаты свидетельствуют, что метакогнитивное включение спортсменов вспортивную деятельность в целом повышает их ресурсный потенциал, у спортсменовженского пола – снижает вероятность потери ресурсности. Таким образом,формирование у спортсменов метакогнитивных умений повышает их адаптационныевозможности, тем самым снижается потенциал сопротивляемости стрессу.

1. Горская Г.Б. Проактивная регуляция организационных источников психическойнапряженности как фактор успешности соревновательной деятельностивысококвалифицированных спортсменов // Физическая культура и спорт. Олимпийское образование: Материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 18 февраля 2021 года. Краснодар: КГУФКСТ, 2021 С. 263-265.

Панфилова Е.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Поликонова И.С.
ФГБНУ ФНЦ ПМИ

Влияние сформированности ментальных навыков на преодоление стресса и тревоги в спортивной аэробике

В условиях высоких психоэмоциональных нагрузок навыки снижения соревновательной тревоги и управления стрессом становятся неотъемлемыми факторами достижения оптимального боевого состояния (ОБС) спортсмена (Алексеев, 2004). Когнитивные способности положительно влияют на развитие навыков управления соматической и эмоциональной сфер психологической подготовки спортсменов (Bochaver et al., 2021). Спортсменам в спортивной аэробике так же, как и в игровых и циклических видах спорта, предъявляются высокие требования к психоэмоциональной устойчивости (Манжелей, Чаюн, 2021), однако сформированность когнитивных и копиг-навыков спортсменов изучена недостаточно (Шовина, Смоленцева, 2018).

Цель исследования: изучение психологического профиля спортсменов-аэробистов и анализ взаимосвязи когнитивных навыков с навыками преодоления стресса и тревоги.

Методы. В исследовании приняло участие 24 девушки в возрасте от 12 до 17 лет (средний возраст 14,5 ±1,74). Спортсмены занимались спортивной аэробикой в группах тренировочного этапа (10 участников 12-14 лет) и этапа спортивного совершенствования (14 участников 15-17 лет). Исследование проводилось в летний период в отсутствие соревновательных стартов за 30 минут до начала тренировок в отдельной комнате, изолированной от шума. Диагностика соревновательной тревоги, стрессоустойчивости и когнитивных навыков проводилась на всей выборке исследования с использованием опросников в адаптации Бочавера К.А. и др. : «Опросник соревновательной тревожности спортсмена» (CSAI-2), «Тест копинг-навыков спортсмена» (ACSI-28), Оттавский тест ментальных навыков (OMSAT).

Результаты. Баллы субшкал и общий балл всех опросников для исследуемой выборки соответствовали средним значениям, рассчитанным для спортсменов разных видов спорта и квалификации. Баллы субшкал опросника OMSAT значимо коррелировали с субшкалами опросников CSAI-2 и ACSI-28 ($p < 0,05$). Ментальные навыки «Трудолюбие», «Управление тревогой», и «Помехоустойчивость» показали вклад в вариацию общей шкалы стресса ACSI-28 ($p < 0,05$).

Выводы. Психологические навыки спортсменов-аэробистов сформированы на среднем уровне, однако среди когнитивных способностей наиболее выражены навыки трудолюбия, концентрации и помехоустойчивости. Степень соревновательной тревоги в межсезонный период не превышает средних значений. Уровень развития ментальных навыков положительно влияет на преодоление тревоги и совладания со стрессом у спортсменов-аэробистов.

Ветвицкая Т.В.
ГБОУ «Центр «Динамика»

Эмоциональные особенности восприятия опыта спортивной травмы у спортсменок художественной гимнастики

Эмпатия, адаптивная физическая культура

Введение. Специалисту по адаптивной физической культуре (АФК) важно в своей деятельности находить индивидуальный подход к каждому ребенку с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА). Выраженным эмоциональное напряжение в обществе и индивидуальные эмоциональные особенности учителя АФК, могут негативно влиять на сопровождение детей с НОДА в образовательном процессе. Проявление эмпатии может выступать как регулятор взаимоотношений. Целью является выявление особенностей эмпатии учителей АФК.

Методы. В исследовании принимали участие учителя АФК коррекционных образовательных учреждениях и реабилитационных центрах, где проходят обучение илечение дети с НОДА, с опытом работы от одного года до 10 лет, всего 50 человек.

Учителям АФК были предложены несколько методик – «Методики диагностики уровня эмпатических способностей» (В.В. Бойко), диагностики уровня поликоммуникативной эмпатии (И.М.Юсупов).

Результаты. Учителя АФК демонстрируют параметры эмпатических способностей, которые проявляются как установки, которые способствуют эмпатии (4,6 баллов из 6 баллов) и идентификация в эмпатии (4,8 баллов из 6 баллов). Учителя АФК, показывают доминирующие установки, которые им помогают сотрудничать и эмоционально откликаться на потребности окружающих. Респонденты демонстрируют навыки понимания другого человека на основе сопереживания, использования стратегии «поставь себя на место другого» в общении, выражен интерес относиться к беспокойствам и трудностям окружающих. Учителя АФК в своей профессиональной деятельности проявляют заинтересованность к ученикам с НОДА. Наименьший показатель проявления эмпатии учителей – выявлены по субтесту проникающая способность (4,2 б. из 6 б.) и интуитивный канал (4,4 б. из 6 б.). Интуитивное восприятие зависит от мудрости, социального опыта, то, что позволяет чувствовать и предугадывать поведение разных людей, детей с особенным развитием, в частности. Респонденты испытывают напряженность, что может явиться предиктом профессионального выгорания. Показатель интегральности эмпатических способностей учителей АФК составляет 22 балла.

Полученный результат демонстрирует заниженный уровень развития эмпатических способностей учителей АФК. Результаты, которые характеризовали поликоммуникативную эмпатию проявились в следующих параметрах. Так, учителя показали наиболее выраженное эмпатическое отношение к героям художественных произведений (9 б. из 15 б.) и к детям (11 б.), и по отношению к животным (12 б.). Учителя АФК осознают и принимают свою профессиональную роль и чувственное отношение к детям. По всем шкалам эмпатии выявлены следующее распределение: доминирующиеуровни – средний и низкий, отсутствие наличия высокого уровня и очень высокогоуровней за исключением эмпатии по отношению к детям (24% учителей имеют выс. ур.), и в частоте проявление очень низкого уровня эмпатии за исключением эмпатии поотношению к родителям. По разным уровням поликоммуникативной эмпатии, среднийуровень доминирует (62% ср. ур., 36% – низ. ур.). В отношениях между людьми, учителяболее склонны оценивать поступки, меньше полагаясь на свою интуицию и чувствительность.

Сальникова М.М., Шевеленко Т.Д.
ФГАОУ ВО ГРРУ

Психологическое благополучие и отношение к телу как основа телесной самоидентичности и агентности

Психологическое благополучие, отношение к своему телу, подростковый возраст

В последние десятилетия внимание как отечественных, так и зарубежных авторов все чаще обращается к изучению связи между отношением к своему телу (ОКСТ) и психологическим благополучием (ПБ), то есть к изучению становления так называемого «здорового» телесного воплощения. Так, N. Piran (Piran, 2017) выделяет три ключевые компоненты «здорового» телесного воплощения: телесное принятие (ТП): отказ от оценивания тела только лишь по внешним критериям, акцент на функциональности, телесная агентность и телесная свобода (ТАС): способность действовать в соответствии с собственными потребностями, а не давлением социума и культуры, интегрированная телесная идентичность (ИТИ): в первую очередь, тело не объект, а субъект, являющийся частью Я. В данном исследовании показано, что различные аспекты ОКСТ и ПБ не только связаны друг с другом, но и являются основой для формирования телесной самоидентичности и телесного принятия (ТСТП), а также – осознанной самореализации и телесной агентности (ОСТА).

Цель: определить вклад аспектов ПБ и положительного ОКСТ в формирование ТСТП и ОСТА. Методы. Были опрошены 164 девочки-подростка (ДП) 13-17 лет, не имеющих диагноза «Расстройства приема пищи (РПП)», в школах г. Москвы по методикам «ОКСТ» (Шевеленкова, Волжина, 2014), «Шкалы ПБ» К. Рифф (Шевеленкова, Фесенко, 2005) и шкале EAT-26 (Скугаревский, 2007). Был проведен факторный анализ (ФА) методом главных компонент (метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера). Результаты. Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина: ,910, критерий сферичности Бартлетта: ,001. Выделилось 2 фактора (Ф). Ф1 (%σ=50,975), ТСТП: оценка способности отождествлять себя со своим телом (,907), оценка привлекательности своего тела для себя (,892), отсутствие риска РПП (-,797), оценка привлекательности своего тела для других (,762), оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом (,732), самопринятие (,707), автономия (,494). Ф1 отражает базовое телесное благополучие: гармоничное принятие своего тела, отсутствие конфликта с ним и интеграцию телесного опыта в идентичность. Ф2 (%σ=10,184), ОСТА: цели в жизни (,780), управление средой (,771), значимость красоты своего тела (,685), личностный рост (,660), оценка умения управлять своим телом (,586), позитивные отношения с окружающими (,539), значимость телесного здоровья (,539), оценка физического состояния (,516). Ф2 показывает, что тело еще выступает и как инструмент самореализации. Выводы. Ф1: статический аспект ПБ и ОКСТ (как я чувствую свое тело), тогда как Ф2: динамический аспект (как я использую свое тело для действий). Ф1, объясняющий 51% дисперсии, свидетельствует о фундаментальной роли телесного принятия в общей психологической устойчивости, тогда как Ф2 дополняет Ф1, где Ф1 может служить основой для Ф2. Проведенный ФА на выборке, состоящей из ДП, подтверждает теории об образе тела и ОКСТ: ТСПТ отражает ТП и ИТИ, объединяясь в Ф1, а Ф2, ОСТА, отражает ТАС.

1. Скугаревский О.А. Нарушения пищевого поведения: монография / О. А. Скугаревский. – Минск: БГМУ, 2007. 340 с.
2. Шевеленкова Т.Д., Волжина Ж.А. Отношение к своему телу и психологическое благополучие в подростковом возрасте // Мышление и речь: подходы, проблемы, решения. Материалы XV международных чтений памяти Л.С. Выготского: в 2 томах, РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского / под редакцией В.Т. Кудрявцева. М., РГГУ. 2014. С. 8-13.
3. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. Москва-Обнинск. 2005, № 3. С.95-129.
4. Piran N. Journeys of Embodiment at the Intersection of Body and Culture. London: Academic Press, 2017. 336 p.
5. Шевеленкова Т.Д., Волжина Ж.А. Отношение к своему телу и психологическое благополучие в подростковом возрасте // Мышление и речь: подходы, проблемы, решения. Материалы XV международных чтений памяти Л.С. Выготского: в 2 томах, РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского / под редакцией В.Т. Кудрявцева. М., РГГУ. 2014 С. 8-13.
6. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // «Психологическая диагностика». Москва-Обнинск. 2005, № 3 С.95-129.

Дьячук А.А.
КГПУ им.В.П.Астафьева

Переживание времени как характеристика вариантов совладания

Переживание времени, совладание, трудные ситуации, изменения

Неопределенность как характеристика современного мира актуализирует исследования активности личности, направленной на преодоление «разрыва непрерывности» (Леонтьев, 2025). Специфические формы данной активности могут быть описаны через варианты совладания как целостной характеристики активности, направленной на преодоление трудной ситуации, определяемые отношением к данной ситуации, используемыми стратегиями и результативностью совладания. Выделение вариантов совладания осуществлялось на выборке 1962 студентов в возрасте 17–26 лет в период вынужденного удаленного обучения в период пандемии COVID-19 с помощью кластеризации k средних.

В качестве оснований для выделения вариантов выделялась оценка ситуации как трудной (ТОрТС Е.В. Битюцкой), стратегии реактивного (COPE в адаптации Е.И. Рассказовой и др.) и проактивного копинга (ОПК в адаптации Е.П. Белинской, А.В. Вечерина), соотношение самочувствия, академической успешности как связи успеваемости и переживаний удовлетворенности и осмысленности в учебной деятельности (ДПД Д.А.Леонтьева). В результате было выделено 5 вариантов совладания, относительно которых проводился сравнительный анализ переживаний времени, показавший неслучайный характер соотношения.

Первый вариант характеризуется ориентацией на игнорирование и избегание трудностей, применением копинг-стратегий ухода от проблемы, использования «успокоительных», что приводит к низкой успеваемости. Совладание в данном варианте – уход, переключение на другую активность, создающие иллюзию решения проблемы, «эффект сдвига цели на ощущения» (Селигман, 2006). Для данного варианта время переживается как скачкообразное, раздробленное, пустое, растянутое, однообразное, неорганизованное, ограниченное и неприятное, т.е. как неуправляемое, на что нельзя повлиять. Для второго варианта совладания характерна ориентация на поиск препятствий и преодоление их через уход от проблемы или использование эмоционально-ориентированного копинга.

Совладение в данном варианте – борьба с препятствиями. Время переживается как скачкообразное, раздробленное, растянутое, неорганизованное, ограниченное, но более разнообразное и насыщенное по сравнению с первым вариантом, т.е. как неструктурированное, трудноорганизуемое в силу недостаточности ресурсов при многообразии и разнообразии изменений. Третий вариант отличается направленностью на экономию ресурсов и сил, предотвращение потерь, ожидание подходящего момента, что выражается в снижении академической успешности при стремлении поддержать самочувствие.

Совладение при данном варианте – минимизация затрат, экономия ресурсов, предотвращение их потерь. Время переживается как прерывистое скачкообразное, раздробленное, неорганизованное, ограниченное, т.е. как неструктурированное в силу отсутствия целостности, внутренней связанности, организованности. Четвертый вариант ориентирован на возможности для достижения цели с оптимальными или максимальными затратами усилий, с обращением к попыткам переосмыслит ситуацию в позитивном ключе, выделить и обдумать возможные варианты, которые могут не соответствовать возможностям, либо не учитывать потребности, что приводит к плохому самочувствию при высоких академических результатах.

Совладение в данном варианте может быть рассмотрено как преодоление, стремление достичь результата. Время переживается как быстрое, насыщенное, ограниченное, сжатое, более плавное, цельное, организованное, т.е. более целостное, но при этом напряженное. Для пятого варианта характерна ориентация на трудности как вызов, драйв, мотивирующий на действия, избыточные по отношению к ситуации, обращение к активным действиям и проактивным копингам. Совладение как самореализация, надситуативная активность. Время переживается как ограниченное, быстрое, насыщенное, скачкообразное, но при этом организованное, приятное, цельное.

1. Леонтьев Д.А. Совладание в контексте саморегуляции. Концептуальные проблемы и вызовы // Психологический журнал. 2025. Т.46. №1. С. 5–13.
2. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.

Новикова А.О., Корнеева Е.Н.
ФГБОУ ВО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Образ родительской семьи в условиях современных вызовов

Метакогнитивный подход; образ родительской семьи; семья

В условиях современных вызовов меняются традиционные модели семьи и внутрисемейных отношений. Изучение содержания и структуры образа родительской семьи (далее – ОРС), его влияния на актуальные партнерские и семейные отношения позволяет выявить факторы риска социально-психологической и личностной дезадаптации подростков и молодежи, разработать меры профилактики нежелательных явлений, например, отказа супругов от ролей родителей, и других. Наше исследование сосредоточено на метакогнитивной интерпретации ОРС, как личностного конструкта, состоящего из представлений, оценок и ожиданий, касающихся родительского поведения и ролевых функций членов семьи. Формирование этого конструкта обусловлено личным опытом жизни ребенка в семье, его восприятия поведения и взаимодействия членов семьи (Новикова, Корнеева, 2023).

Цель исследования: изучить параметры психологической структуры ОРС, выступающие в роли ментальной репрезентации опыта жизни в родительской семье, присущие современному этапу развития российского общества. Исследование проводилось на онлайн-платформе Yandex Forms. В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 18 до 63 лет (87 женщин и 15 мужчин).

Результаты проведенного исследования показали, что в сознании респондентов ОРС представляется («Шкала семейного окружения», адаптация С.Ю. Куприянова) как умеренно тёплый, близкий и организованный, но с низким уровнем интеллектуальной культуры и совместной активности. Идеальный ОРС (метод семантического дифференциала Ч. Осгуда), субъективно интерпретируется респондентами как абсолютно безопасное, прочное и гармоничное пространство, где царят тепло, доверие и близость, а любые проблемы укрепляют семейные связи. Реальный ОРС характеризуется средней степенью надежности и теплоты взаимоотношений: присутствует некоторая неопределенность, чувство близости недостаточно глубокое, конфликты иногда приводят к напряжению и раздражительности. Структура родительской семьи в представлении респондентов («FACES-3», адаптация Э.Г. Эйдемиллер, М.Ю. Городнова) характеризуется разобщенностью и гибкостью.

Общая динамика семьи основана на сочетании низкой эмоциональной привязанности и открытого обсуждения вопросов, что порождает потребность находить баланс между свободой и доверительными отношениями с близкими. Полупроективный опросник «Моя родительская семья – это…», модификация методики «Кто я» М. Куна, Т. Маклапареда, позволил не только установить превалирующее количество положительных оценок ОРС над отрицательными и нейтральными в сознании респондентов, но и выявить ресурсную и психотерапевтическую функцию ОРС.

Авторская методика «Модель ОРС» основанная на психосемиотическом тетраэдре Ф.Е. Василюка, позволила выявить структурные компоненты ОРС. Когнитивный компонент отражает ОРС, который строится вокруг конкретных объектов (дом, родители, традиции), символизируя домашний очаг и семейные обычаи. Эмоциональный компонент отражает центральную роль семьи в благополучии личности и демонстрирует преимущество положительных эмоций (тепло, любовь, поддержка), хотя присутствуют и негативные (грусть, обида). Смысловой компонент отражает важность семьи для формирования личности, через обеспечение опоры, поддержки, любви, заботы и уважения.

Полученные данные позволяют утверждать, что ОРС имеет следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный, смысловой, ментально представленные в опыте и сознании, и выполняет следующие функции: регулирующую актуальные межпоколенные и внутрисемейные отношения, ресурсную, социально ориентирующую, психотравмирующую или психотерапевтическую в зависимости от доминирования в структуре ОРС тех или иных ментальных компонентов.

1. Новикова А. О., Корнеева Е. Н. Образ родительской семьи: трактовка сущности, содержания и характера влияний на личность человека // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. РИО ЯГПУ. 2023. С. 134–140.

Сулим О.С., Нуркова В.В.
ФГБУН ИП РАН

Динамика событийного образа будущего при адаптации к глобальным вызовам

Образ будущего, событийная временная перспектива, социальный кризис

Введение. Способность предвосхищать события индивидуального будущего является важнейшим условием успешного существования и развития личности. Более того, показано, что построение событийной временной перспективы (СВП) будущего может выступать в качестве адаптационного ресурса личности, помогающего ей выйти за рамки текущего кризиса (Сулим, 2024). Однако предыдущие работы рассматривали трансформацию СВП будущего только на начальном этапе кризиса, оставляя открытым вопрос о том, какие изменения происходят с ней в период адаптации к его условиям. Возникает также гипотеза о том, что для разных кризисных ситуаций могут быть характерны разные паттерны изменений СВП будущего.

Так, например, пандемия COVID-19 и специальная военная операция (СВО) стали качественно различными вызовами для населения России, по-разному отразившимися на психологическом состоянии общества (Шестопал, Рогач, 2023). В связи с этим, целью данной работы стал анализ динамики СВП будущего российских респондентов в ходе переживания пандемии COVID-19 и СВО и адаптации к ним. Методы В ходе кросс-секционного исследования сравнивались образы будущего, полученные с помощью графической методики «Линия жизни будущего» за пять временных периодов: 2019 г. (N = 106), 2020 г. (N = 119), 2021 г. (N = 72), 2022 г. (N = 95) и 2023 г. (N = 93). Основными параметрами анализа стали количество событий будущего, длина перспективы (в годах), процент позитивных событий, уровень сценарности (степени ассимиляции культурного жизненного сценария в образ будущего).

*Результаты.*Протоколы линий жизни «спокойного времени», по сравнению с кризисными периодами, характеризуются значительно более низкими показателями по всем параметрам анализа, кроме сценарности. В ходе дальнейшего анализа они были исключены из обработки, а остальные данные были разделены по двум критериям: тип кризиса (пандемия/СВО) и этап его переживания (первичная реакция на кризис/адаптация). Двухфакторный дисперсионный анализ позволил выявить значимое взаимодействие типа и этапа кризиса для количества событий будущего ($F=9{,}177$, $p=0{,}03$), длины перспективы ($F=4{,}724$, $p=0{,}03$) и уровня сценарности ($F=17{,}701$, $p<0{,}001$). Самые низкие показатели по этим переменным наблюдались в начале пандемии (2020г.), а самые высокие – в начале СВО (2022 г.), в то время как в периоды адаптации к обоим кризисам (2021г. и 2023г.) переменные демонстрировали средние значения. Важно отметить, что сценарность будущего стала единственным параметром, который снизился в начале пандемии, но значимо повысился в начале СВО, превосходя уровень 2019 года. Для уровня позитивности установлено влияние исключительно фактора типа кризиса ($F=13{,}402$, $p<0{,}001$): для периода СВО характерен более низкий процент позитивности как в начале кризиса, так и в фазе адаптации.

Выводы. Результаты позволяют зафиксировать: 1) общие для качественно различных кризисов паттерны трансформации отдельных аспектов СВП будущего (увеличение длины перспективы и количества событий) в период первичной реакции, 2) неоднозначность динамики указанных параметров в период адаптации к разным кризисам, 3) различную для кризисов динамику сценарности и позитивности образов будущего. Результаты также будут дополнены анализом событийного содержания будущего в условиях пандемии COVID-19 и СВО.

1. Сулим О.С. Событийная временная перспектива будущего как адаптационный ресурс в условиях социальных кризисов // Психологические исследования. 2024. Т. 17. №. 93. С. 2.
2. Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. №. 2. С. 150–165.

Лыкова Т.П., Зиновьева Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Я-нарративы молодых людей открытых новому опыту и избегающих его

Я-нарративы, открытость опыту, толерантность к неопределенности

Нарративный подход является методом исследования идентичности, акцентируя внимание на значении личных историй в формировании самосознания. Я-нарратив является организованным рассказом человека о событиях, произошедших с ним, о его собственных переживаниях, в связи с этим, наделенных смыслах, отношениях и принятых решениях, что помогает человеку формировать и поддерживать идентичность. Я-нарратив позволяет интегрировать прошлое, настоящее и будущее в целостную автобиографическую конструкцию, через которую индивид осмысляет свой опыт, ценности и жизненные смыслы[1,2]. В отечественной литературе проблема Я-нарративов, и их роли в регуляции жизни человека остаются малоизученной.

Совместное исследование нарративов и открытости к опыту (ОО) позволит глубже понять механизмы формирования идентичности и адаптации личности к изменениям в условиях неопределенности современности. Предпринятое нами исследование ставило своей целью изучить особенности Я-нарративов молодых людей с разным уровнем ОО. Предполагалось, что характеристики Я-нарративов будут значимо отличаться в зависимости от уровня ОО респондентов, а также, что группы людей с разным уровнем ОО будут отличаться по показателям шкалы толерантности к неопределенности (ТН).

Выборку составили 57 молодых людей в возрасте от 18 до 26 лет (М = 22): 19 мужчин (33,33%) и 38 женщин (66,67%). ОО измерялась с помощью русской версии опросника «Большой пятерки» (BFI-2) в адаптации А.Ю. Калугиной, С.А. Щебетенко и др. (2018), ТН – с помощью «Нового опросника толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой. Я-нарративы были получены посредством письменных автобиографических рассказов и проанализированы методом контент-анализа. Для обработки использовались описательные статистики, иерархический кластерный анализ, хи-квадрат Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, корреляционный и множественный регрессионный анализ. С помощью кластерного анализа были выделены группы с высокими и низкими показателями по шкале «открытость опыту».

Сравнительный анализ выявил значимые различия между группами, у респондентов с высокими показателями по этой шкале в нарративах присутствовали маркеры, отражающие большую внутреннюю активность и агентскую позицию по отношению к собственной жизни, и так же маркеры, демонстрирующие стремление респондентов описывать новизну в своих рассказах и смену порядка. Помимо этого, группы отличались по показателям ТН. С этой шкалой была выявлена устойчивая корреляционная связь с маркерами рефлексивности, анализа событий и описания своей жизни с использованием большого количества метафор и символов.

Регрессионный анализ показал, что ОО в сочетании с ТН являются значимыми предикторами, присутствия в нарративах референтов, описывающих выраженность ориентации на изменения, гибкость и готовность к жизненной трансформации. В дальнейшем планируется изучить взаимосвязь открытости опыту, характеристик Я-нарратива с конкретными поведенческими проявлениями для более глубокого понимания того, каким образом Я- нарративы и открытость опыту регулируют готовность человека к изменениям и адаптацию к новым жизненным обстоятельствам.

1. Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии. Экзистенциально-нарративныйанализ личных историй // СПб: Алетейя, 2017. – 364 с.
2. McAdams, D. P. The stories we live by: Personal myths and the making of the self // New York: Morrow. 1993.

Аксенова А.Л., Поляков А.С.
АНОВО ММУ

Наличие черт тёмной тетрады, как предиктор когнитивных искажений у студентов

Студенты, тёмная тетрада, когнитивные искажения, предикторы

Введение. С годом деструктивное социальное поведение молодого населения становится всё более выраженным (Рахимкулова, 2020). Изучение черт тёмной тетрады способствует определению личностных черт, вызывающих когнитивные искажения, которые негативно сказываются на межличностных отношениях и психическом здоровье. По данным Д.Л. Полхуса, первоначальный термин «Тёмная триада» состоял из следующих черт: макиавеллизм, субклинические психопатия и нарциссизм (Paulhus, Williams, 2002). Дальнейшее изучение темы выделило дополнительную черту – субклинический садизм. Таким образом, термин был расширен до «Тёмной тетрады» (Paulhus et al., 2020). В рамках когнитивной теории возникновение тревоги сводится к понятию когнитивного диссонанса, возникающего в результате неполного осознания и использования индивидуумом дезадаптивных когнитивных стратегий. Так, когнитивный диссонанс проявляется в когнитивных искажениях, сопряженных с неправильной интерпретацией индивидуумом смысловых контекстов (Бобров, Файзрахманова, 2017). Целью настоящего исследования стало выявления значимых связей между чертами тёмной тетрады и когнитивными искажениями.

Методы. Для достижения поставленной цели были подобраны две адаптированные психодиагностические методики: опросник «Тёмной тетрады» (Short Dark Tetrad, SD4) (Д.Л. Полхус, Э.Э. Баклс, П.Д. Трапнелл и Д.Н. Джонс, адаптация: Д.С. Корниенко, В.К. Вязовкина, И.С. Горностаев), опросник «Когнитивные ошибки» (А. Фриман, Р. Девульф, адаптация: А.Е. Бобров, Е.В. Файзрахманова). В выборку исследования вошли 136 студентов в возрасте от 17 до 24 лет (Мвозраст = 19,6, SD = 1,90). Результаты. Для оценки вклада показателей черт тёмной тетрады в склонности респондентов к когнитивному искажению «Катастрофизация» (R-квадрат 0,0859, F – 6,25, p – 0,003), была построена регрессионная модель (МРА), предикторами в которой выступили показатели черт тёмной тетрады «Неклинический садизм» (коэффициент регрессии 0,217) и «Неклинический нарциссизм» (коэффициент регрессии 0,172). Для оценки вклада показателей когнитивных искажений в склонности респондентов к черте тёмной тетрады «Садизм» (R-квадрат 0,0995, F – 7,35, p – 0,027), была построена регрессионная модель (МРА), предикторами в которой выступили показатели когнитивных искажений «Чтение мыслей» (коэффициент регрессии -0,208) и «Катастрофизация» (коэффициент регрессии 0,264). Выводы.

По результатам проведённого сбора данных, самыми часто встречающимися когнитивными искажениями стали чтение мыслей, персонализация и преувеличение опасности. Самыми нераспространёнными – гипернормативность и упрямство. Также регрессионный анализ показал вклад двух предикторов: неклинический садизм и нарциссизм (8,6% вариативности значений переменной) в такое когнитивное искажение как катастрофизация. С другой стороны, такие когнитивные искажения как чтение мыслей и катастрофизация (10,0% вариативности значений переменной) определяют неклинический садизм.

1. Бобров А. Е., Файзрахманова Е. В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Неврология Психиатрия. 2017. № 8(137). С. 59-65.
2. Рахимкулова А.С. Последствия рискованного поведения для физического и психического здоровья подростков // Девиантология. 2020. №4. Том 1(6). С. 3-15.
3. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. №36. Vol. 6(6). P. 556–563. https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6
4. Paulhus D. L., Buckels E. E., Trapnell P. D., Jones D. N. Screening for dark personalities: The Short Dark Tetrad (SD4) // European Journal of Psychological Assessment. 2020. Vol. 37(3). P. 208-222. https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000602

Эстрина М.К., Люсин Д.В.
НИУ ВШЭ

Эмоциональная дифференцированность как фактор гибкости регуляции эмоций

Эмоциональная дифференцированность, гибкость регуляции эмоций, вариативность регуляции эмоций, психологическое благополучие

Введение. Эмпирические исследования демонстрируют, что эмоциональная дифференцированность (ЭД) и эффективность регуляции эмоций связаны с психологическим благополучием, стрессоустойчивостью и социальной адаптацией (Gross, 2015, Kashdan et al., 2015). Однако механизмы их взаимосвязи изучены недостаточно. В частности, остается открытым вопрос о том, как именно способность тонко различать свои эмоции влияет на такие характеристики процесса регуляции эмоций, как вариативность (степень того, насколько разнообразно человек использует стратегии РЭ) и гибкость (синхронизацию регуляции эмоций с факторами контекста).

Цель данного исследования – изучить роль эмоциональной дифференцированности в гибкости регуляции эмоций. Методы В исследовании участвовали 40 человек (90% женщин, средний возраст 22,3 года). Для сбора данных применялась методика многократных замеров настроения (7 раз в день респонденты оценивали 16 эмоций по 5-балльной шкале) и ежевечерний опросник, который включал оценку использования 8 стратегий регуляции эмоций по 7-балльной шкале, а также вопросы об интенсивности переживаний, сфере жизни и цели регуляции эмоций. Показатели ЭД отрицательных (ЭД/О) и положительных (ЭД/П) эмоций рассчитывались отдельно.

Исследование продолжалось 10 дней с использованием мобильного приложения m-Path, после чего собранные данные были проанализированы с помощью методов линейной и многоуровневой регрессии. Результаты ЭД/О положительно связана с вариативностью внутри стратегии (b=0.14, p=0.04) и между стратегиями (b=0.13, p=0.02). ЭД/П значимых связей не показала. Изменения факторов контекста (сферы жизни, цели РЭ, интенсивности переживаний) оказались значимым предиктором изменений использования стратегий РЭ, но ЭД не усиливала эту связь.

Выводы. Результаты подтверждают, что способность тонко дифференцировать негативные эмоции (ЭД/О) способствует более вариативному использованию стратегий их регуляции. ЭД/П не показала значимых связей, что согласуется с предыдущими исследованиями (O›Toole et al., 2020). Изменение факторов контекста (сферы жизни, цели РЭ, интенсивности переживаний) оказалось значимым предиктором изменений в использовании стратегий РЭ, что согласуется с концепцией гибкости регуляции эмоций (Aldao et al., 2015). Однако, эффект модерации ЭД этой связи, полученный в схожем исследовании коллегами из Шанхая, не был обнаружен (Liao et al., 2024). Настоящее исследование вносит вклад в понимание того, как способность к точной идентификации собственных эмоций связана с вариативностью и гибкостью их регуляции.

1. Aldao A. Emotion Regulation Flexibility // Cognitive Therapy and Research. 2015. Vol. 39, № 3. P. 263-278. doi:10.1007/s10608-014-9662-4
2. Gross J.J. Emotion Regulation: Current Status and Future Prospects // Psychological Inquiry. 2015. Vol. 26, № 1. P. 1-26. doi:10.1080/1047840X.2014.940781 Kashdan T.B., Barrett L.F., McKnight P.E. Unpacking Emotion Differentiation: Transforming Unpleasant Experience by Perceiving Distinctions in Negativity // Current Directions in Psychological Science. 2015. Vol. 24, № 1. P. 10-16. doi:10.1177/0963721414550708
3. Liao L., Zhang K., Zhou Y., Liu J. The association between negative emotion differentiation and emotion regulation flexibility in daily life // Cognition and Emotion. 2024. doi:10.1080/02699931.2024.2381079
4. O›Toole M.S., Renna M.E., Elkjær E., Mikkelsen M.B., Mennin D.S. A Systematic Review and Meta-Analysis of the Association Between Complexity of Emotion Experience and Behavioral Adaptation // Emotion Review. 2020. Vol. 12, № 1. P. 23-38. doi:10.1177/1754073919876019

Баранова А.В., Наземнов Р.В.
ФГБОУ ВО РязГМУ

Особенности взаимосвязи жизнестойкости и субъектности у студентов

Жизнестойкость, социальная субъектность, трансситуативная субъектность, личность

Введение (с указанием цели исследования). Активность личности может рассматриваться с разных сторон, в рамках как конкретных ситуаций, так и как общая стратегия жизнедеятельности. Ввиду этого интересным представляется рассмотрение взаимопроникающих конструктов, подходящих к активности с разных сторон. Если жизнестойкость – убеждения, позволяющие быть активным и стойким при столкновении с трудностями (Мадди, 2002), то субъектность в целом конструкт, центром которого является активность личности, ее способность осуществлять самоуправление в социальном контексте бытия (Щукина, 2014) и позицию личности в контексте жизни в целом (Коржова и др, 2018).

Цель исследования – изучение особенностей взаимосвязи субъектности и жизнестойкости у студентов. Методы (описание выборки, методов и процедуры исследования). Приняло участие 60 респондентов, средний возраст 20 лет, 21 юноша и 29 девушек, студенты медицинских и технических вузов Рязани. Использованы психодиагностические методики: тест жизнестойкости С. Мадди (ТЖС) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой, опросник «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М. А. Щукиной, опросник субъект-объектных ориентаций (опросник жизненных ориентаций) Е. Ю. Коржовой. При подсчетах использовался критерий корреляции Пирсона в программе IBM SPSS Statistics 26.

Результаты. Жизнестойкость имеет значимую связь со всеми компонентами социальной субъектности, в особенности с компонентами «активность» ($\rho = 0{,}733$, $p>0{,}01$), «автономность» ($\rho = 0{,}729$, $p>0{,}01$), что говорит о тесной взаимосвязи данных конструктов в понимании роли окружения в возможности человека совладать с возникающими ситуациями, например, в обращении к ним или в результате обучения. В то же время с компонентами трансситуативной субъектности наблюдаются менее прочные связи, в особенности обращает на себя внимание обратная корреляция «трансситуативное освоение мира» ($\rho = -0{,}327$, $p>0{,}05$), что говорит о внешней направленности жизнестойкой личности и может указывать на разное понимание роли внутренней позиции личности по отношению к жизненным ситуациям.

Выводы. Субъектность личности – сложный и многоаспектный конструкт, имеющий сходства с пониманием жизнестойкости в плане оценки роли социального окружения и способностей взаимодействия с ним, при этом другая сторона субъектности, ориентация на более субъектную или объектную позицию, не так однозначно связана с жизнестойкостью у студентов.

1. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ // СПб.: Речь, 2002. Щукина М.А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014.Т.11, №2. С.7-22.
2. Коржова Е.Ю., Волкова Е.Н., Рудыхина О.В. и др. Психология человека как субъекта жизнедеятельности и жизненного пути личности: основные итоги исследований // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. №187. С.40-50.

Баранчукова А.С., Кузнецова Е.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Представления молодых людей о собственной неудачливости: сравнительный анализ

Неудача, переживание неудачи, собственная неудачливость

Неудачи являются неотъемлемой частью жизни человека. Важно обращать внимание на процесс их переживания, ведь от него зависит восприятие себя и ситуации при повторном столкновении с неудачами. Однако что делать тем, кто не смог справиться с переживанием ряда неудач и уже продолжительное время чувствует собственную неудачливость? И если тема переживания неудачи хотя бы минимально освещена в научном пространстве (Логунова, Пагина, 2019), то с феноменом «собственной неудачливости» дела обстоят гораздо хуже. В связи с чем, *целью исследования* являлось изучение представлений молодых людей о собственной неудачливости.

Под «собственной неудачливостью» мы подразумеваем некие устойчивые представления о себе как о неудачливом человеке. Выборку исследования составили 34 человека. В 1 группу (N=17) вошли респонденты со сформированным представлением о собственной неудачливости в настоящем (M=22,1, SD=2,1), во 2 группу (N=17) – респонденты без сформированного представления о собственной неудачливости в настоящем (M=24,3, SD=3,6). Для сбора данных использовались: авторская анкета для выявления представлений респондентов о собственной неудачливости и полуструктурированное интервью. Обработка качественных данных была произведена при помощи метода тематического контент-анализа, сравнительный анализ проводился с использованием критерия хи-квадрат Пирсона. Анализ представлений респондентов о собственной неудачливости показал, что у респондентов 1 группы чаще не было объяснений собственной неудачливости, в то время как во 2 группе объяснение было всегда ($p<0,001$).

Респонденты 2 группы связывали чувство собственной неудачливости с каким-то конкретным событием (например, расставанием с партнером) или ни с чем не связывали, респонденты же 1 группы чаще связывали возникновение чувства собственной неудачливости с предрасполагающей к этому средой (например, склонностью родителей к сравнению ребенка с другими детьми или отсутствию похвалы и поддержки). Респонденты 1 группы чаще отмечали, что начали переживать собственную неудачливость в детстве, в то время, как респонденты 2 группы встретились с этим чувством в более позднем возрасте ($p=0,008$). При этом у респондентов 1 группы переживание неудачливости чаще проявлялось в нескольких сферах, в то время как во 2 группе переживания, как правило, касались какой-то одной сферы (например, романтических отношений).

Респонденты 1 группы определяли понятие «неудачливость» через призму собственного опыта, описывая его скорее как личностную характеристику, в то время как респонденты из 2 группы давали определения на примере обезличенного образа неудачливого человека, который в большинстве случаев являлся заложником внешних обстоятельств. Респонденты обеих групп использовали разные способы совладания с чувством собственной неудачливости ($p<0,001$). Респонденты 1 группы чаще пассивно ожидали решения текущих проблем или меняли отношение к ситуациям, в которых чувствовали себя неудачливыми.

В то время как респонденты 2 группы прибегали к более активным действиям – переосмысляли неудачный опыт, разрабатывали и реализовывали планы по решению проблем, которые вызывали у них чувство неудачливости. Таким образом, представления о собственной неудачливости у молодых людей чаще всего возникают в детстве, проявляются одновременно в нескольких сферах жизни, описываются ими скорее как личностная характеристика и в меньшей мере связываются с конкретными ситуациями.

1. Логунова Л.Ю., Пагина И.С. Ценность неудачи в жизни личности // Философская школа. 2019. № 8. С. 22-29. https://doi.org/10.24411/2541-7673-2019-10815

Пашиева А.О, Мерзляков Д.Е.
ФГАОУ ВО ПГНИУ

Эмоциональный интеллект как медиатор связи черт Темной триады и проблемного использования интернета

Темная триада, эмоциональный интеллект, проблемное использование интернета

Проблемное использование интернета (далее – ПИИ), включая зависимость от социальных сетей и чрезмерную вовлеченность в онлайн-активности, остается предметом активного изучения. Существуют противоречивые данные о связи ПИИ с чертами Темной триады: в одних исследованиях между ними связь (Баскаева, 2024), тогда как других – «темные» черты демонстрируют положительную связь с ПИИ (Tang, 2022). Эмоциональный интеллект (далее – ЭИ) как способность понимать и управлять своими/чужими эмоциями может выступать медиатором связи ПИИ и черт Темной триады. ЭИ демонстрирует различную выраженность у людей с чертами Темной триады: при нарциссизме чаще наблюдается высокий уровень эмоционального контроля, тогда как при психопатии – его дефицит (Дериш, 2019, Маралов и др., 2024).

Цель исследования: изучить роль ЭИ как медиатора связи между чертами Темной триады и ПИИ. Выборка: 250 человек (218 ж. и 32 м.) в возрасте от 18 до 24 лет (M=20.16, SD=1.65). Методы: опросник Темной триады (Егорова, Паршикова, 2015), опросник ЭмИн (Люсин, Панкратова, Корниенко, 2022), Шкала проблемного использования интернета (Герасимовой, Холмогоровой, 2018). Обработка данных производилась в JASP (0.17.2.1). В результате корреляционного анализа Спирмена обнаружены умеренные положительные связи нарциссизма с пониманием чужих эмоций ($r=0.21$, $p<0.001$), управлением чужими эмоциями ($r=0.32$, $p<0.001$), отрицательные слабые связи с предпочтением онлайн-общения ($r=-0.19$, $p<0.01$). Получены слабые отрицательные связи психопатии с управлением своими эмоциями ($r=0.30$, $p<0.001$), макиавеллизма и управления своими эмоциями ($r=-0.18$, $p<0.01$). Получены слабые положительные связи макиавеллизма с управлением чужими эмоциями ($r=0.13$, $p<0.05$), с предпочтением онлайн-общения ($r=0.14$, $p<0.05$).

В ходе медиаторного анализа установлено, что способность понимать ($\beta=–2.60$, $p<0.001$) и управлять своими эмоциями ($\beta=–2.55$, $p<0.001$) является значимым отрицательным предиктором ПИИ. Выраженные нарциссические черты положительно связаны со способностью понимать ($\beta=0.05$, $p<0.001$) и управлять ($\beta=0.06$, $p<0.001$) эмоциями, что, в свою очередь, опосредованно снижает риск ПИИ (совокупный косвенный эффект: $\beta=–0.29$, $p<0.001$). Психопатия отрицательно связана с управлением своими эмоциями ($\beta=–0.10$, $p<0.001$), что повышает вероятность ПИИ (косвенный эффект через управление эмоциями: $\beta=0.25$, $p=0.003$). Связей с макиавеллизмом не обнаружено. Прямое влияние черт Темной триады на ПИИ оказалось статистически незначимым ($p>0.05$). Результаты. Мы можем сделать вывод, что люди с высоким уровнем нарциссизма и с развитой способностью к пониманию и управлению собственными эмоциями не склонны к проблемному использованию интернета. Люди с высоким показателем психопатии и сниженной способностью управлять своими эмоциями склонны к проблемному использованию интернета.

1. Баскаева, О. В. Связи зависимости от социальных сетей с личностными чертами HEXACO и темной триады // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 1. С. 144-158.
2. Дериш Ф. В. Половые особенности взаимосвязи Темной триады личности и эмоционального интеллекта //Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. №. 3. С. 356-371.
3. Маралов В. Г., Кудака М. А., Корягина И. И. Исследование взаимосвязи черт Темной и Светлой триад личности с эмоциональным интеллектом у студентов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2024. Т. 24, № 4. С. 396-410
4. Tang W. Ye. The interplay of the Dark Triad and social media use motives to social media disorder / W. Ye. Tang, F. Reer, T. Quandt // Personality and Individual Differences. 2022. Vol. 187. P. 111402.

Антипина В.М., Шаталина М.А.
СПБ ГАОУ ВО СПБГИПСР

Психолингвистическое исследование гендерных стереотипов в ответах языковых моделей ИИ

Гендерные стереотипы, языковое сознание, психолингвистика, искусственный интеллект, проективные методики

Введение. Современное общество переживает трансформацию коммуникативных практик под влиянием искусственного интеллекта. Популярные языковые модели, такие как ChatGPT, DeepseekGPT и GigaChat интегрируются в образование, медиа, профессиональную сферу, позиционируясь как нейтральные инструменты. Однако эмпирические исследования (Caliskan et al., 2017) выявляют парадокс: ИИ систематически воспроизводит культурные стереотипы, включая гендерные. Это противоречие формирует научную проблему: можно ли считать ИИ «носителем» культурных стереотипов, и какова природа их репрезентации в сгенерированных текстах?

Цель исследования – выявить и проанализировать имплицитные гендерные стереотипы в вербальных реакциях языковых моделей ИИ, как отражение социально-психологических паттернов, закрепленных в языковом сознании. Актуальность обусловлена риском усиления стереотипов при массовом использовании ИИ. Методы Создана искусственная «гендерная выборка» при помощи промпта (запроса), инструктирующего ИИ генерировать ответы как «среднестатистический мужчина/женщина» на основе внутренних паттернов данных.

Адаптирован комплекс психодиагностических методик: 1) 16PF для оценки личностных профилей, 2) Семантический дифференциал (15 шкал) для анализа коннотаций, 3) Методика незаконченных предложений (SCT) для выявления имплицитных установок, 4) Ассоциативный тест для исследования глубинных связей. Выборка включала 3 модели ИИ × 2 гендерных концепта × 3 замера (n=18).

Результаты. Результаты выявили выраженную поляризацию гендерных образов. Анализ личностных профилей (16PF) показал, что мужчины описывались как доминантные, эмоционально сдержанные и ориентированные на карьеру, с выраженным дефицитом эмпатии. В свою очередь, женщины характеризовались как эмоциональные, заботливые и ориентированные на семью, но демонстрировали пассивность в публичной сфере. Методика SCT подтвердила жесткую привязку женщин к ролям матери и хранительницы очага, тогда как мужчины устойчиво ассоциировались с инструментальными ролями добытчика и защитника. Ассоциативный тест зафиксировал бинарность стереотипов: стимул «мужчина» вызывал ассоциации «сила» и «работа» (100% ответов), а «женщина» – «красота» и «забота» (88.9%). Любые отклонения от традиционных ролей (например, мужчина-воспитатель) систематически маркировались как «исключение» (77.8-88.9% ответов), что отражает психологический механизм защиты нормативных границ. Низкая вариативность между моделями ИИ свидетельствует о глубокой интериоризации культурных стереотипов в их операционном языковом сознании. Вариативность ответов между разными моделями ИИ оказалась минимальной, что подчеркивает универсальность выявленных паттернов. Выводы Результаты исследования демонстрируют воспроизводство ИИ устойчивых гендерных дихотомий, что создает риск усиления стереотипов в обществе. Результаты подчеркивают необходимость создания этических стандартов применения неспециализированных ИИ в психологии и образовании и дальнейшего изучения ИИ как «зеркала» коллективного бессознательного.

1. Гаранович М. В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских. Пермь, 2020. Горошко Е.И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций // Гендер, язык, культура, коммуникация – 2002. – С. 457.
2. Caliskan A., Bryson J. J., Narayanan A. Semantics derived automatically from language corpora contain human-like biases // Science. – 2017. – Vol. 356, № 6334. – P. 183–186.
3. Bolukbasi T., Chang K.-W., Zou J., Saligrama V., Kalai A. Man is to Computer Programmer as Woman is to Homemaker? Debiasing Word Embeddings // Advances in Neural Information Processing Systems 29. – 2016. – P. 4349–4357.
4. Ellmers N. Gender Stereotypes // Annual Review of Psychology. – 2018. – Vol. 69. – P. 275–298.

Комерова Н.Е., Селезнева Ю.В., Гришина А.В.
ФГБОУ ВО ДГТУ

Взаимосвязь личностной конфликтности и временной перспективы / у населения территорий военного конфликта

Конфликтность, агрессивность, временная перспектива

Введение. Затяжной военный конфликт, вынужденными участниками которого стало мирное население Донецкой народной республики и Луганской народной республики, затронул, в той или иной мере, каждого жителя региона. Экстремальные жизненные ситуации (потеря близких, имущества, вынужденное переселение и пр.) длительное время воздействуют на население региона. Личностные трансформации в этом случае неизбежны, и, в частности, они затрагивают сферы отношения ко времени жизни и поведения личности в конфликте (Квасова, 2010).

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи личностной конфликтности и временной перспективы у населения территорий локального военного конфликта (ДНР и ЛНР). Методы: «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Личностная конфликтность и агрессивность» Е.П. Ильина, В.А. Ковалева, коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена. В исследовании приняло участие мирное население, проживающее на территории ДНР и ЛНР в количестве 930 человек (из них: 215 мужчин и 715 женщин). Результаты. Шкала временной перспективы «негативное прошлое» имеет прямые взаимосвязи со шкалами «вспыльчивость» (0,303***), «напористость» (0,219***), «обидчивость» (0,377***), «мстительность» (0, 252***), «подозрительность» (0, 444***), «позитивная агрессивность» (0,248***), «негативная агрессивность» (0,215***), «конфликтность» (0,455***), что свидетельствует о том, что чем выше неспособность личности справиться с негативным прошлым опытом, тем больше выраженность конфликтных стратегий поведения. Шкала «позитивное прошлое» имеет обратные связи со шкалами «мстительность» (-0,105***), «нетерпимость к мнению других» (-0,114***), «негативная агрессивность» (-0, 130***), «конфликтность» (-0,166***), что говорит о том, что способность личности интегрировать события прошлого в опыт связана с меньшей выраженностью проявлений агрессивности в поведении. Шкала «гедонистическое настоящее» имеет прямые связи со шкалами «напористость» (0,287***), «неуступчивость» (0,209***), «позитивная агрессивность» (0,292***), что характеризует способность человека наслаждаться жизнью в настоящем и, в связи с этим, проявлять уверенность и настойчивость в достижении поставленных задач, однако, возможно смещение в сторону краткосрочных выгод. Шкала «фаталистическое настоящее» имеет прямые взаимосвязи со шкалами «обидчивость» (0,295***), «мстительность» (0,182***), «подозрительность» (0,313***), «негативная агрессивность» (0,246***), «конфликтность» (0,345***), что означает, что чем больше вера личности в то, что жизнь зависит от силы внешних обстоятельств, тем сильнее выражены негативные личностные черты, связанные с нарушением психологических границ других людей. Шкала «будущее» имеет обратные связи со шкалами «вспыльчивость» (-0,151***), «нетерпимость к мнению других» (-0,157***), «негативная агрессивность» (-0,166***), «конфликтность» (-0,153***), что означает, что чем выше направленность личности на будущее, тем ниже выраженность деструктивных личностных характеристик, связанных с агрессивным поведением с другими людьми.

Выводы. Наибольшее количество прямых связей личностной конфликтности и агрессивности выявлено с выраженностью негативного прошлого, что указывает на взаимосвязь травматический событий жизни населения региона и проявлений деструктивных форм поведения. Также увеличение проявления деструктивных личностных черт обнаружено с высокой выраженностью гедонистических и фаталистических установок. Однако, высокая направленность на будущее и способность интегрировать и принять события прошлого как опыт связаны со снижением выраженности личностной конфликтности.

1. Квасова О.Г. Временная перспектива личности в экстремальной ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2010. – №2. – С. 66-72.

Зинченко Е.В., Терещенко Н.В., Лаврова М.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Субъективное благополучие юношей и девушек, обучающихся в российских вузах: региональный аспект

Субъективное благополучие, обучающиеся, психологическая служба, вузы

С 2022 г. в Российской Федерации происходит активное формирование системы Психологических служб в организациях высшего образования. Одними из приоритетных задач деятельности таких служб становятся улучшение психического и психологического здоровья, повышение психологического благополучия обучающихся, с учетом принципа непрерывности образования. Термины психологическое здоровье и благополучие, тесно связаны между собой, при этом психологическое здоровье представляет собой один из уровней психологического благополучия, наряду с психическим здоровьем (Воронина, 2005). Современные научные исследования в интересах психологического сопровождения обучающихся вузов со стороны психологических служб становятся все более масштабными и уже охватывают различные регионы и вузы различных ведомств нашей страны.

Следует отметить, что при составлении комплексных психологических программ, ориентированных на повышение благополучия, необходимо учитывать как половозрастные особенности респондентов, так и региональные аспекты. Основной целью нашего исследования, являющегося реализацией одного из первых шагов в направлении создания научной базы для деятельности психологических служб с учетом региональных особенностей, стало изучение проявлений субъективного благополучия юношей и девушек, обучающихся в образовательных организациях высшего образования, находящихся на различных территориях. В нем приняли участие 457 обучающихся из вузов Южного федерального и Уральского федерального округов в возрасте от 17 до 35 лет: 131 студент УрФУ, 326 студентов ЮФУ. Из них 54 (11,8%) – юноши, 403 (88,2%) – девушки. В качестве методического инструментария использовалась методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой (Шамионов, Бескова, 2018).

Для математической обработки данных были использованы описательная статистика и непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Согласно полученным результатам, более чем для половины обучающихся вузов (59,1%) оказались характерны высокие значения показателя социально-нормативного благополучия (соответствие жизни социальным нормам, нравственным ценностям личности в их интериоризированном виде). Были выявлены значимые различия в показателях субъективного благополучия обучающихся вузов, находящихся на разных территориях РФ.

Так, у респондентов из ЮФО наблюдаются более высокие значения эго-благополучия по сравнению с жителями УрФО (при $p=0,015$),что свидетельствует о большей удовлетворенности собой, своим внешним видом, характером у жителей более южного региона. Между показателями субъективного благополучия девушек и юношей на общей выборке не было установлено значимых различий. Однако характеристики эго-благополучия и социально-нормативного благополучия различаются у юношей и девушек, обучающихся в УрФУ: у девушек они оказались выше (при $p=0,034$ и $p=0,027$ соответственно). Выявленные различия указывают на специфику выраженности некоторых показателей субъективного благополучия в разных регионах. Перспективой исследования становится расширение географии вузов, участвующих в исследовании, и изучение связи субъективного благополучия обучающихся с выбором стратегий совладания с трудностями.

1. Воронина А.В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепция и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005, 21. – С.142-147.
2. Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 8. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 23.06.2025).

Селезнева Ю.В., Гришина А.В.
ФГБОУ ВО ДГТУ

Отношение ко времени как ресурс самоуправления личности в ситуации кризиса

Время, самоуправление, инфантильность, саморегуляция, кризис

Введение. Исследование личностных ресурсов человека в настоящее время одна из самых разрабатываемых областей в психологии. Ситуация кризиса, переживание психотравмирующих обстоятельств, наряду с негативными последствиями для человека может стать условием личностного роста и определить потенциал новых личностных изменений. В качестве значимых личностных ресурсов в психологии личности особое место занимает отношение человека ко времени. Сбалансированность временной перспективы (позитивное переосмысление прошлого, ощущение текущего момента и возможность построения прогнозов будущего) является важной составляющей личностного потенциала человека и может быть отнесено к условиям его психологического благополучия. Начиная с Ф. Зимбардо данная категория развивалась и в настоящее время конкретизирована учеными с позиции разных аспектов. [3]

Методологической основой для нашего исследования выступила концепция С.В. Духновского и понимание времени как ресурса человека, от грамотного управления которым зависит успешность его социальной адаптации, а также психологическое благополучие. [1,2] Цель: изучение взаимосвязи между отношением ко времени и возможностями самоуправления человека в ситуации кризиса. Методы: Шкала «Отношение к времени» (Духновский, С. В.), Методика исследования самоуправления, VCI (J. Kuhl, A. Fuhrman в адаптации О. В. Митиной Е.И. Рассказовой), Портретный ценностный опросник, PVQ-RR (Шварц), Опросник совладания со стрессом, COPE (C. Carver, в адаптации Е.Н. Осина), Шкала экзистенции А. Лэнгле (в адаптации (в адаптации И. Н. Майниной, А. Ю. Васанова).

Результаты. На первом этапе исследования были изучены и описаны психологические особенности самоуправления мирного населения приграничных территорий зоны локального военного конфликта. Наиболее выраженные значения были зафиксированы по шкалам «Саморегуляция» (29), «Чувствительность к себе» (21), «Самоконтроль» (29). Таким образом, ситуация кризиса может существенно активизировать личностные ресурсы человека в аспекте саморегуляции и способности его к самоорганизации. Второй этап был связан с выявлением различий в особенностях самоуправления респондентов в зависимости от разного отношения ко времени. Достаточно важной составляющей является способность человека воспринимать и использовать время как ресурс.

В зависимости от разного отношения ко времени выборка была разделена на три группы: временная свобода, зависимость от времени, инфантилизм. В каждой группе были проанализированы особенности самоуправления и выявлены следующие достоверно значимые различия: в группе «Временная свобода» значимо выше показатели по шкале самоуправления «Волевая активность» (9,9, 0,13*), «Способность к концентрации» (10,3, 0,17*). Интересные результаты были получены в группе отношения ко времени «Инфантильность». Так, в данной группе по шкалам самоуправления значимо выше показатели по шкалам «Саморегуляция» (36,6, 0,14*), «Саморелаксация» (11,4, 0,28**), Инициативность (12, 0,36**).

Выводы. На наш взгляд, отношение ко времени по типу «Инфантильность» при выраженном отсутствии ценностного восприятия времени демонстрирует способность индивида к общей регуляции эмоционального состояния (шкала «Саморелаксация»), способность к мобилизации сил и готовность к действию (шкала «Инициативность»). В заключении отметим, что отношение ко времени, предполагающее восприятие времени как источника развития, большую гибкость при планировании и контроле времени (группа «Временная свобода») взаимосвязано с выраженностью показателей самоуправления, связанных с пролонгированным действием, что отражает волевой ресурс личности: способность удерживать намерение в действии (шкала «Волевая активность»), а также удерживать фокус внимания и отвлекаться от помех в достижении цели.

1. Духновский, С. В. Отношение к времени как ресурсная характеристика личности / С. В. Духновский // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2022. – Т. 5, № 1 (14). – С. 55–61.
2. Духновский, С. В. Шкала «Отношение к времени»: психометрическая характеристика и возможности использования / С. В. Духновский // Личность: ресурсы и потенциал. – 2021. – № 4 (12). – С. 59–66.
3. Зимбардо, Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб. : Речь, 2010. – 352 с.

Трофимова Е.О., Парфенова Д.А.
ФГБОУ ВО СЗГМУ имени И.И. Мечникова

Когнитивные и мотивационные детерминанты перфекционизма будущих врачей

Перфекционизм, иррациональные установки, студенты

Введение. Перфекционизм оказывает значимое влияние на отношение к себе, другим и деятельности. Важно, когда будущие врачи развиваются профессионально, стремятся освоить знания и сформировать навыки, чтобы выполнять свою работу в дальнейшем на высоком уровне. Однако избыточная требовательность может способствовать профессионального выгоранию, снижению стрессоустойчивости и провоцировать межличностные конфликты (Гаранян и др., 2001, Южакова и др., 2017). Иррациональные установки, как неосознаваемые и искажающие представление о себе и мире убеждения, могут быть рассмотрены как когнитивно-мотивационная основа развития перфекционизма (Соколова, Цыганкова, 2011).

Целью нашего исследования было прояснение иррациональных убеждений, перфекционизма студентов медицинского вуза и выявление взаимосвязи перфекционизма с иррациональными убеждениями у студентов медиков. Методы. В исследовании участвовали 59 студентов-медиков в возрасте 17-22 лет. Определение структуры перфекционизма проводилось с помощью шкалы перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта, для выявления соотношения рациональности-иррациональности в мышлении и определения степени выраженности иррациональных установок – методика Эллиса. Обработка данных осуществлялась с помощью описательных статистик, U-критерия Манна-Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. По методике Эллиса у студентов преобладают ярко выраженные иррациональные установки катастрофизации, а также долженствовании в отношении себя, при этом присутствуют, но не так выражены иррациональные установки долженствования в отношении других, низкой фрустрационной толерантности и оценочной установки. Преувеличение негативных последствий произошедших событий, высокие требования по отношению к себе, могут способствовать росту внутреннего напряжения и снижать продуктивность учебной деятельности. По методике Хьюитта и Флетта на высоком уровне средние значения интегрального показателя перфекционизма (165) и перфекционизма, направленного на себя (68). Низким же оказался уровень социально предписанного перфекционизма (51). При сравнении полярных групп с высоким и низким уровнем общего перфекционизма по критерию Манна-Уитни было выявлено, студенты с высоким уровнем общего перфекционизма обладают статистически достоверно более высоким показателем долженствования в отношении себя (U=64,50, p=0,037), а также более низкой фрустрационной толерантностью (U=56,00, p=0,017) и выраженной оценочной установкой (U=55,50, p=0,016). Интегральный показатель перфекционизма по критерию ранговой корреляции Спирмена статистически значимо положительно ($p<0.05$) связан с группами иррациональных убеждений, такими как долженствование в отношении себя (r=-0,43), фрустрационной толерантности (r=-0,46) и оценочными установками (r=-0,40). При повышении выраженности данных иррациональных установок наблюдается повышение уровня перфекционизма.

Выводы. Студентам свойственны иррациональные установки катастрофизации и долженствования в отношении себя, высокий уровень перфекционизма, особенно перфекционизма, ориентированного на себя. Статистически достоверно перфекционизм связан с такими иррациональными убеждениями как долженствование в отношении себя, низкая фрустрационная толерантность и оценочная установка. Снижение выраженности данных установок может быть одним из направлений коррекции уровня перфекционизма.

1. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Консультативная психология и психотерапия. 2001, Том 9, № 4, С. 18–48
2. Соколова Е.Т., Цыганкова П.В. Перфекционизм и когнитивный стиль личности у лиц, имеющих попытку суицида. // Вопросы психологии, 2011, № 2, С. 90-100
3. Южакова И.О., Желонкина Ю.Н., Басалаева Н.В. Перфекционизм: признаки и способы преодоления. // Инновационная наука, 2017, №12, С. 192-194

Москвичёва Н.Л., Баннова Д.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Восприятие временной перспективы как личностный ресурс матерей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья

Временная перспектива, ресурс, Я-нарратив

В сложной жизненной ситуации взаимодействия родителей с «особым» ребенком отсутствие смыслообразующих личностных ресурсов может приводить к формальной реализации матерями функций по уходу за ребенком, отчуждению от собственной жизни, отсутствию в совершаемых действиях ценности и смысла. Цель исследования состояла в описании временной перспективы матерей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, как ресурса переосмысления своего жизненного сценария.

Исследовались: направленность временной перспективы личности, событийная наполненность психологического прошлого, настоящего и будущего и их взаимосвязи с характером Я-нарративов, связанных с рождением и воспитанием ребенка с ограниченными возможностями здоровья. В исследовании применялся феноменологический подход, методы включали полуструктурированное интервью, автобиографические нарративы с описанием двух временных точек: «Я в период рождения ребенка» и «Я в настоящем», методики «Психологическая биография» (модификация Логиновой, 2001), «Временная перспектива личности» Ф.Зимбардо, СЖО Д. Леонтьева. Выборка составила 10 женщин в возрасте от 29 до 52 лет (средний возраст 37,8 лет, 70% – в браке, 80% – работают), чьи дети посещают ППМС центры реабилитации детей с ОВЗ (средний возраст детей – 9,4 года, мода – 10 лет).

Интервью проходило очно, при личной встрече или посредством мессенджера, все респонденты участвовали в исследовании на добровольной основе. Для обработки данных применялся контент-анализ, сравнительный и корреляционный анализ. Важными единицами анализа свободных описаний выступали: «проактивные» высказывания, отражающие принятие ответственности как субъекта своей жизни (высказывания, начинающиеся с Я, принятие болезни ребенка как жизненного опыта, извлечение смыслов и ожидание новых возможностей.), и «защитно-избегающие» высказывания, отражающие пассивную жизненную позицию (безличные высказывания, подчеркивание обстоятельств, не поддающихся контролю, отсутствие осмысления настоящей ситуации и новых возможностей, и для ребенка, и для себя, утешительные воспоминания). Показано, что отрезок жизни, связанный с рождением ребенка с ОВЗ, в целом, насыщен разными событиями, например, связанными с романтическими отношениями, путешествиями, а также событиями постановки и переживания диагноза ребенка, изменений отношений с окружающими.

Выявлены тесные взаимосвязи между тем, как мама вписывает свою жизненную ситуацию в жизненный опыт, количеством проактивных высказываний и осмысленностью жизни в целом. Проактивная позиция в нарративах связана с осмысленностью жизни (r=0,425) и отрицательно коррелирует с ориентацией на негативное прошлое (r=-0,533). Временная перспектива «гедонистическое настоящее» у матерей с ОВЗ достаточно выражена и положительно связана с выраженностью локуса контроля Я (r=0,546) и локуса контроля – жизнь (r=0,485). События будущего включают как реабилитацию ребенка, так и планы, связанные с самореализацией и дальнейшей жизнью семьи, но их число значительно варьируется в зависимости от возраста матери и осмысленности ее жизни.

Таким образом, ориентация на будущее, наполненное разными событиями, и ориентация на настоящее, не фаталистическое («у меня не складывается судьба»), а гедонистическое, как умение полно проживать события жизни, у матерей детей с ограниченными возможностями здоровья могут выступать ресурсом в переосмыслении своего жизненного сценария, субъектности в собственной жизни. В таком случае ограничение здоровья (болезнь) ребенка может быть переосмыслено и воспринимается не как жизненная неудача, а как событие, которое ставит новые задачи и необходимость реализации себя с учетом таких условий, которые предоставила жизнь.

1. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности.Алматы: Казак университеті, 2001.

Федорова Е.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Социально-психологические и внутриличностные факторы переживания субъективного одиночества

Одиночество в настоящее время становится все более актуальной темой как в научной, так и в бытовой среде. Исследователи (Хорошилов, 2023, Killeen, 1998) все чаще говорят об «эпидемии одиночества» в современном мире, связывая ее с индивидуализацией и даже некоторой атомизацией в обществе. Действительно, исследования на разных выборках обнаруживают рост доли людей, испытывающих одиночество в том или ином виде. Например, опрос студентов из 37 разных стран показал, что процент опрошенных, испытывающих одиночество, вырос в два раза за 6 лет(с 2012 по 2018). Одиночество также испытывает значительная доля взрослых людей. Вместе с тем одиночество представляет собой глобальную и важную для изучения тему, так как коррелирует с высокой смертностью, депрессией, снижением когнитивных способностей, болезнью Альцгеймера, диабетом 2 типа, артритом, и ишемической болезнью сердца. Несмотря на всю свою значимость, одиночество долгое время оставалось «слепым пятном» психологии.

Одиночество как психическое явление часто упоминается в отечественной психологии, однако практических и теоретических исследований феномена одиночества начались не так давно – примерно в 1980-ых. В последнее время исследователи все чаще обращаются к взаимосвязи личностных черт и одиночества, однако они чаще всего опираются на модель Большой пятерки, из-за чего мы не имеем исследований, использующих другие модели личности и личностных черт. В этом исследовании мы опирались на определение С.Г.Корчагиной из учебного пособия «Психология одиночества», где она определяет его одиночество как «психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми» (Корчагина, 2008).

Цель: исследование взаимосвязи между уровнем субъективного переживания одиночества и различными личностными чертами.

Гипотезы исследования: Существуют половые различия в уровне переживания одиночества Уровень одиночества взаимосвязан с уровнем замкнутости, эмоциональной стабильности, робости и тревожностью.

Методы: исследование проводилось с помощью сервиса Google forms. Выборка составила 227 человек(151 женщина и 76 мужчин) в возрасте от 18 до 25 лет (M=20.2 лет, σ=1,92). Применялись методики: «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла» и «Шкала одиночества UCLA». Результаты. Сравнение по полу. Т-тест Манна-Уитни не показали статистически значимых результатов (p=0.899) Для статистического анализа результатов исследования был применен метод ранговой корреляции Спирмена. Анализ показал, что существует прямая корреляция высокого уровня значимости между уровнем одиночества и тревогой(rho=0.537), тревожностью(rho=0.429), а также обратная корреляция с робостью/смелостью (rho=-0.451), эмоциональной стабильностью(rho=-0.368) и экстраверсией(rho=-0.391) Также был использован регрессионный анализ, показавший статистически значимый коэффициент регрессии между одиночеством и смелостью(β=-0,275), тревожностью(β=0,176) и напряженностью(β=0.138) Представленные данные говорят о том, что предикторами одиночества являются робость, тревожность и напряженность, также обнаружена взаимосвязь между одиночеством и интроверсией и эмоциональной стабильностью. Гипотеза о значимых различиях в уровне переживания одиночества между мужчинами и женщинами была опровергнута.

1. Корчагина С.Г. Психология одиночества : учебное пособие. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2008. -228 с.
2. Хорошилов Д. Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей //Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13. – №. 4. – С. 447–461-447–461.
3. Killeen C. Loneliness: an epidemic in modern society //Journal of advanced nursing. – 1998. – Т. 28. – №. 4. – С. 762-770.

Мириева К.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности согласованности Я во времени и экзистенциальная мотивация личности

Временная согласованность, экзистенциальная мотивация, ранняя взрослость

В последние десятилетия всё большее внимание уделяется осмыслению временного контекста существования человека, в частности, способности к интеграции прошлого, настоящего и будущего как аспекту психологической согласованности. Несмотря на множество исследований, посвященных изучению нарративов и самоопределяющих проектов, сравнительно меньшее внимание уделяется исследованию интеграции прошлого и будущего в единый автобиографический конструкт, в частности недостаточно изучен вопрос взгляда на согласованность личности во времени через призму экзистенциального подхода. В условиях современной неопределенности, особую актуальность приобретает изучение согласованности Я во времени в период ранней взрослости, традиционно характеризующийся активным поиском себя и разрешением экзистенциальных кризисов.

Цель исследования – выявить взаимосвязь между степенью временной согласованности «Я», выраженной через интеграцию самоопределяющих воспоминаний прошлого и проектов будущего, и уровнем экзистенциальной мотивации личности. Предполагается, что экзистенциальная мотивация тесно связана с тем, как мы осмысливаем и интерпретируем своё прошлое и будущее. Следовательно, более высокая согласованность жизненных нарративов положительно коррелирует с внутренней мотивацией. Выборка составила 30 человек в возрасте 20-25 лет (M = 22,3, SD = 1,5). Исследование включает полуструктурированное интервью, в ходе которого участники описывали три ключевых самоопределяющих события прошлого и три проекта, определяющих их будущее. Критерии отбора событий были едины для обоих временных направлений: события должны восприниматься человеком как значимые, отражать устойчивую тему или конфликт, быть эмоционально насыщенными, ярко представляться и многократно переосмысляться (Singer J. A. 2013, D'Argembeau A. 2021). Для оценки субъективного восприятия событий была разработана проективная методика: участникам предлагалось разместить их на листе бумаги относительно центра «Я» (близость к «Я» отражала субъективную значимость). Для количественной оценки использовался Тест экзистенциальных мотиваций в русской адаптации (Шумский и др., 2016). Для обработки использовались методы контент-анализа, описательной статистики и корреляционного анализа. Временная согласованность была выявлена на основе взаимосвязи шести событий, оценка проводилась экспертами по 5-балльной шкале на основании тематической и причинно-мотивационной согласованности (Köber et al., 2015). В результате гипотеза была подтверждена: конструирование согласованного представления о себе во времени связано со всеми составляющими экзистенциального становления («условиями экзистенции») в период ранней взрослости ($r = 0.63$, $r = 0.56$, $r = 0.66$, $r = 0.58$). Выявлены статистически незначимые, но устойчивые тенденции, указывающие на то, что участники с ориентацией на будущее демонстрируют более высокие показатели экзистенциальной мотивации, особенно по шкалам «ценность в будущем» и «смысл жизни». Были определены особенности нарративных паттернов респондентов, включая наличие и доминирование переломных событий и выявления основных категорий автобиографических рассказов.

1. Allé M. S., Köber K. et al. Autobiographical memory and future thinking: A narrative identity perspective // Memory. 2015. Vol. 23(3). P. 349–360. https://doi.org/10.1017/CBO9781139021937.022
2. D'Argembeau A., Lardi C. et al. Self-defining future projections: Exploring the identity function of thinking about the future // Memory. 2012. Vol. 20(2). P. 110–120. https://doi.org/10.1080/09658211.2011.647697
3. Singer J. A., Blagov P., Berry M., Oost K. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of Personality. 2013. Vol. 81(6). P. 569–582. https://doi.org/10.1111/jopy.12005

Горбатова В.В.
ФГБОУ ВО ЮФУ

Особенности когнитивных функций студентов колледжей, использующих искусственный интеллект.

Искусственный интеллект, когнитивные функции, студенты, память

Внимание. Искусственный интеллект (ИИ) все больше входит в жизнь современной молодёжи. Он представляет собой передовую технологию, которая способна имитировать поведение человека, выполнять творческие задачи, а также постепенно обучаться. Данная система отличается способностью быстро и структурированно находить информацию, генерировать изображения, выступления и многое другое, что и пользуется популярностью у молодых людей не только в пределах нашей страны, но и в мире. В настоящее время исследований, направленных на изучение влияния ИИ на когнитивные функции, в психологической парадигме недостаточно для формирования истинного знания по данной проблематике. Нейросеть – одна из производных искусственного интеллекта, которая обладает пользой для когнитивных способностей, однако ученые призывают критически подходить к данной технологии (Вагин И. О., 2023). Люди, реализующие свой творческий потенциал, могут столкнуться с сокращением рабочих мест и снижением уровня развития воображения (Давыдова Е., 2023). Вышеописанное подтверждает новизну и актуальность исследования.

Цель исследования – выявить особенности когнитивных функций студентов колледжей, использующих искусственный интеллект. Выборку составили 48 студентов колледжей г. Ростова-на-Дону в возрасте от 16 до 18 лет, использующих искусственный интеллект. Для достижения цели исследования были использованы следующие методики: 1. Опросник «Когнитивные ошибки» (CFQ) Д. Бродбента, направленный на выявление особенностей работы когнитивных функций (Broadbent D. E., 1982). 2. Авторская анкета, исследующая осведомленность об Искусственном интеллекте, его достоверность и качество знаний, оценку влияния на познавательные функции, критическую оценку предоставляемой информации. На основании статистической обработки данных по методу корреляционного анализа Спирмена мы получили следующие результаты: 1) при умеренном использовании ИИ в личных целях студенты колледжей сохраняют контроль за своими действиями и поведением ($r = 1{,}000$, при $p < 0{,}001$). 2) при редком использовании ИИ в личных целях диагностированы нарушения поведенческого контроля и нарушения произвольности внимания ($r = 1{,}000$, при $p < 0{,}001$ в обоих случаях). 3) умеренное использование ИИ в образовательных целях прямо пропорционально среднему уровню внимания, контролю действий и общего параметра проявления когнитивных ошибок ($r = 1{,}000$, при $p < 0{,}001$ во всех перечисленных случаях). 4) частое использование ИИ в личных целях имеет высокую обратно пропорциональную связь с низким и средним уровнем нарушения когнитивных функций, что может говорить о том, что чем выше частоты применения ИИ в личных целях, тем меньше нарушений в развитии внимания ($r = -0{,}846$, при $p < 0{,}001$), памяти ($r = -0{,}781$, при $p < 0{,}05$), поведенческого контроля ($r = -0{,}728$, при $p < 0{,}05$).

Полученные нами данные позволяют сделать вывод о связи частоты использования ИИ в личных целях с развитием когнитивных функций у обучающихся колледжей. Перспективой исследования становится расширение выборки, изучение влияния применения ИИ на когнитивные способности студентов колледжей путем проведения лонгитюдного исследования.

1. Вагин И. О. Нейросеть. Как влияют нейросети на мышление и поведение молодежи // Дзен. 2023. С. 4. https://dzen.ru/a/ZI6T4wPltUbjHDcU
2. Давыдова Е. Как искусственный интеллект повлияет на ментальное здоровье человека // ForbesLife. 2023.
3. Broadbent D. E. The Cognitive Failures Questionnaire (CFQ) and its correlates / P. F. Cooper, P. FitzGerald, K. R. Parkes [et al.] // British Journal of Clinical Psychology. 1982. P. 16.

Компанийцева К.Д., Дроздов Д.С., Леоньтьев Д.А.
НИУ ВШЭ

Страх счастья как психологическая переменная

Страх счастья, хрупкость счастья, проблемное детство, тревога

Концепция страха счастья, разработанная М. Джошанлоо, является относительно новым направлением в современной психологии. Она означает избегание переживаний счастья и радости. Актуальность данного исследования подтверждается растущими данными о том, что страх счастья тесно связан с такими психологическими состояниями, как тревога, перфекционизм и воспринимаемый стресс. Особое внимание уделяется роли таких факторов, как несчастливое детство, которое оказывает влияние на формирование устойчивых негативных убеждений о счастье.

Целью настоящего исследования является изучение страха счастья как психологической переменной, факторов, оказывающих влияние на нее, для выявления механизмов, способствующих формированию этого страха и его возможных последствиях для индивидов. Основной метод в данном исследовании – самоотчет. 317 человек заполнили опросники. Возраст выборки составил от 17 до 84 лет, проживающие в различных городах России. Среди респондентов 263 женщины, 54 мужчины.

С целью изучения связи страха счастья и проблемного детства, хрупкости счастья, воспринимаемого стресса, тревоги в исследовании использованы следующие методики:

• Шкалы «Хрупкость счастья» и «Страх счастья» (Joshanloo M., 2013, Joshanloo, M., Lepshokova, Z. K., Panyusheva, T., et al, 2014), методику адаптировала на русский язык Зарина Хизировна Лепшокова из Центра Н.М. Лебедевой

• Русскоязычная версия шкалы воспринимаемого стресса Ш. Коэна (PSS-4) (Золотарева, 2023)

• Шкала проблемного детства, валидизация которой планируется в ходе этого исследования

• Русскоязычная версия шкалы генерализованного тревожного расстройства (GAD-7) Р. Спитцера и др. (Золотарева, 2023)

Структурная модель, где Ментальное нездоровье (общий фактор воспринимаемого стресса и тревоги) опосредовало связь Проблемного детства и Страха счастья, где Проблемное детство выступало предиктором Страха счастья (β=0.217, p=0.007), показала приемлемое соответствие данным: CFI=0.911, TLI=0.904, SRMR=0.066, RMSEA=0.054, χ^2=580, p<0.001, df=400. . Модель множественной регрессии с наиболее высокой объясненной дисперсией (R=0.0873) продемонстрировала, что наиболее вероятными предикторами Хрупкости счастья являются тревога (β=0.219, p<0 .001) и проблемное детство (β=0.142, p=0.023). В настоящем исследовании была валидизирована методика «Проблемного детства». Она предназначена для скрининга накопленных неблагоприятных семейно-детских факторов, потенциально формирующих у взрослого тревогу, перфекционизм и страх счастья. Таким образом, данные косвенно подтверждают, что страх перед счастьем может быть вызван травмирующим опытом в детстве. Например, если ребенку запрещали испытывать положительные эмоции или наказывали, когда он смеялся или радовался. В некоторых случаях страх счастья может быть сформирован, так как ребенок не чувствовал себя безопасно дома, он наблюдал конфликты между членами семьи.

1. Золотарева А. А. Адаптация русскоязычной версии шкалы генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder-7) // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31, № 4. С. 31–46.
2. Золотарева А. А. Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14) // Клиническая и специальная психология. 2023. Т. 12, № 1. С. 18–42.
3. Joshanloo M. The influence of fear of happiness beliefs on responses to the Satisfaction with Life Scale // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 54, No. 5. P. 647–651. https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.11.011
4. Joshanloo M., Lepshokova Z. K., Panyusheva T., et al. Cross-cultural validation of the Fear of Happiness Scale across 14 national groups // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. Vol. 45, No. 2. P. 246–264. https://doi.org/10.1177/0022022113505357

Александрова Е.Е., Костромина С.Н., Ершова Е.Э.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Козлова А.Ю.
ФГБОУ ВО КГУ им. К. Э. Циолковского

Архетипические особенности личных историй у людей с разным уровнем внутриличностной конфликтности

Архетип, личная история, внутриличностная конфликтность

Личные истории клиентов составляют значительную часть материала, с которым сталкивается психолог в рамках консультативной практики. Согласно К.Г. Юнгу, рассмотрение собственной жизни и облечение её событий в слова представляет собой процесс создания персонального мифа (Юнг, 2003). Разнообразие словесных структур, в которые человек облекает свой жизненный опыт, с одной стороны, подчеркивает уникальность персональной истории, с другой – представляет определенную методологическую трудность в части их исследования. Предполагая, что персональный миф, выраженный в личных историях, структурирован подобно коллективным мифам, уместно будет уточнить наш вопрос: существуют ли архетипические особенности личных историй, которые могли бы указывать на наличие или отсутствие внутриличностного конфликта во внутреннем пространстве клиента?

Проведенное нами исследование является шагом в сторону ответа на этот вопрос. Выборку составили 50 человек, из них 17 мужчин и 33 женщины (средний возраст – 21.8, SD = 2.5). Методами сбора данных выступили полуструктурированное интервью, направленное на выявление личных историй, «Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности» (Анцупов, Шипилов, 1999), «Индекс функционирования Self-системы» (НИПНИ, 2003) для оценки выраженности внутренних противоречий и силы Эго. Обработка данных проводилось с помощью контент-анализа, позволившего распределить истории на группы в соответствии с наиболее выраженным архетипом. Также были применены тематический и дисперсионный анализы.

В результате проведения контент-анализа личных историй было выявлено, что с архетипом Персоны соотносятся 14,9% историй, с Героя – 63,8%, Тени – 4,3%, Анимы/Анимуса – 12,7%, Материи/Духа – 4,3%. Символы Самости не были представлены, что согласуется с представлениями о жизненных задачах молодых людей, находящихся на ранних этапах процесса индивидуации. Дисперсионный анализ (ANOVA) продемонстрировал тенденцию ($0.43 < p < 0.71$, тест Левина (p) < 0.501) к проявлению различий между средними значениями силы Эго и его компонентов в группах с разными преобладающими архетипами. Дополнительный пост-хок анализ (Tukey HSD) позволил более детально рассмотреть полученный результат: респонденты с архетипами Материи/Духа в личных историях в среднем обладают значимо большей силой Эго по сравнению с теми, в чьих историях обнаруживаются образы Анимы/Анимуса. Важно заметить, большая часть историй в выборке представлена образами архетипа Героя, в связи с чем отдельно был проведен их тематический анализ. Такое доминирование архетипа Героя очевидно связано с возрастом респондентов. Выявлено, что, истории респондентов с низким уровнем внутриличностной конфликтности (ВК) характеризуются направленностью на преодоление трудностей: это истории о непростом детстве, конкуренции, травмирующих событиях, часто содержащие вывод, итог пройденного пути. Для среднего уровня ВК характерен мотив достижения цели: «истории успеха», побед, вознаграждения за упорную работу, демонстрирующие некоторое свойство, черту через конкретную жизненную историю. Высокий уровень характеризуется незавершенностью «истории пути», они не имеют четкого конца или вывода, отражают мифологический мотив «иди туда, не знаю, куда». Таким образом, символические проявления в личных историях архетипов Анимы/Анимуса и Тени могут указывать на меньшую силу Эго по сравнению с Материей/Духом. Содержательные особенности проявления архетипа Героя также могут указывать на уровень выраженности внутренних противоречий. Представленные результаты могут выступать дополнительным источником интерпретации при работе с личными историями клиентов.

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И., Конфликтология: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1999. Залуцкая, Н.М., Вукс А.Я., Вид В.Д. Индекс функционирования Self-системы (на основе теста оценки нарциссизма). СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2003. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Мн.: Харвест, 2003.

Власюк Е.Н.
АО «Центральный научно-исследовательский институт автоматики и гидравлики»

Кризис идентичности личности в контексте меняющегося мира

Кризис идентичности, личность, индивидуальные и нормативные ценности, меняющийся мир.

Кризис идентичности личности в условиях быстро меняющегося мира представляет собой сложный психологический феномен, часто связанный с потерей чёткого представления о собственной личности, индивидуальных и нормативных ценностях и роли в обществе. Современный этап общественного развития характеризуется ускорением социальных, технологических и культурных изменений, что может привести к дестабилизации традиционных механизмов формирования идентичности. В условиях многократного усложнения социальных структур и ценностного плюрализма личность сталкивается с необходимостью постоянной реконструкции собственной идентичности, что может спровоцировать кризисные состояния. Методологическую основу исследования составили: психодинамический подход Э. Эриксона (кризис идентичности как естественная стадия психосоциального развития), социальный конструктивизм П. Бергера, Т. Лукмана (идентичность как продукт социальных взаимодействий и институциональных нарративов), концепция «советского человека» И.С. Кона, В.А. Ядова (анализ формирования социалистической идентичности через трудовые коллективы и идеологические институты), теория социалистического образа жизни А.Г. Харчева, М.Х. Титма (конфликты идентичности при урбанизации и профессиональной адаптации). Проблемой исследования выступил феномен кризиса идентичности в контексте меняющего мира.

Цель исследования: изучить особенности проявления кризиса идентичности в условиях изменяющегося мира. Гипотеза: кризис идентичности личности в условиях меняющего мира выражен в большей степени у лиц, ограниченных жёсткой регламентацией деятельности. У личности в ситуации свободного выбора действий и принятия личной ответственности кризис идентичности выражен в меньшей степени. Для получения результатов были использованы следующие методики исследования: методика «Кто Я» В.С. Мухиной, методика исследования самоотношения, авторы – В.В. Столин, С.Р. Пантелеев, методика «Fundamentanal Interpersonal Relation Orientations», автор разработчик В. Шутц. Обработка и анализ полученных результатов проводилась с использованием статистических программ Microsoft Excel и Statistica, использованы методы корреляции и факторного анализа. В исследовании приняло участие 146 человек, из них 73 – сотрудника уголовно-исполнительной системы, осуществляющих работу в условиях жёсткой регламентации, 73 – работники, выполняющие творческие задачи с высокой личной ответственностью. 100 % составили сотрудники мужского пола, в возрасте от 24 до 69 лет. 9 % – имеют среднее образование, 9 % – среднее профессиональное, 46 % – высшее, 31 % – кандидаты наук, 5 % – доктора наук. 16 % – не состоят в браке, 59 % – состоят в браке, 25 % – разведены. Гендерные особенности не рассматривались в рамках данного исследования. Обработка и анализ результатов при помощи корреляционного анализа показал, что в группе исследуемых, осуществляющих работу в условиях жёсткой регламентации, имеется положительная корреляция по параметрам «самоуверенность» и «внутренняя конфликтность», «выражаемая потребность во включении» и «отражённое самоотношение», «самообвинение» и «требуемая потребность в аффекте», отрицательную: «самоценность» – «потребность в контактах и участии в жизни других», «самообвинение» – «самоценность» (при $p<0,01$). В группе исследуемых, деятельность которых не ограничена жёсткой регламентацией, имеется положительная корреляция по следующим параметрам: «саморуководство» – «самопринятие», «самообвинение» – «требуемая потребность в контроле», «выражаемая потребность в аффекте» – «открытость-закрытость», отрицательную: «отражённое самоотношение» – «требуемая потребность во включении», «самопривязанность» – «выражаемая потребность в аффекте» (при $p<0,01$). В условиях данного исследования гипотеза подтверждена, действительно, кризис идентичности личности в ситуации быстро меняющего мира выражен в большей степени у лиц, ограниченных жёсткой регламентацией деятельности. Чем выше внутренняя конфликтность, самообвинение, тем ярче выражен кризис идентичности.

1. Абрумова А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика / А.Г. Абрумова // Психологический журнал. – 1985. – № 6. Асмолов А.Г. Личность: психологическая стратегия воспитания // Образование. – 2002. – № 1. – С. 17 – 32.
2. Кон И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 336 с.. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты.) / В.С. Мухина. – 4-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Национальный книжный центр, 2014.

Борисова А.М.
ФГБУН ИПРАН

Исследование образа праздника у современников

Образ праздника, индивидуальный образ сознания, ассоциации

В условиях трансформаций, происходящих в современном мире, человек оказывается в перманентном состоянии уязвимости к воздействиям той или иной сферы социальной жизни. Для поддержания стабильности как внутриличностной, так и социальной важно сохранять такие формы общественной жизнедеятельности, в которых личность находится в привычных для себя условиях на протяжении долгого времени, в течение которого реализуется преемственность поколений. Праздники являются одной из таких форм, которая сохраняет основные ценностные категории, принятые и поддерживаемые большинством, и вместе с тем передает накопленный опыт следующим поколениям. Праздник рассматривается в качестве одной из интерпретационных призм, с помощью которой происходит постижение базовых представлений, формируемых культурой, языком, религией, сложившимся социальным укладом, т.е. формированием субъективной картины мира.

Одним из компонентов этой картины является индивидуальный образ праздника. В качестве теоретической основы конструирования образа праздника используется модель образа сознания А.Н.Леонтьева. Интуитивная составляющая образа праздника (значение) определяется с помощью ассоциативного метода, когнитивная составляющая (личностный смысл) – с помощью метода определения понятий. Предполагалось, что ассоциативный компонент будет содержать более обобщенные и более эмоционально окрашенные характеристики, когнитивный же – будет представлен более конкретным содержанием, предметно-деятельностным.

В цели нашего исследования входило: сопоставить содержание малоосознаваемых (или неосознаваемых) представлений, составляющих образ праздника, с осознаваемыми (отрефлексированными). Применялись ассоциативный метод и метод определения понятий. Респондентам предлагалось ответить на два пункта анкеты: 1) указать первое, что приходит в голову со словом «праздник», 2) закончить предложение – «Для меня праздник – это …». Выборку составили мужчины и женщины, граждане РФ (N=164), средний возраст – 22 года. По первому пункту анкеты были получены следующие ассоциации (в скобках указывается число упоминаний): веселье (68), радость (44), подарки (32), отдых (22), друзья (16), выходной (15), счастье (15), семья (14), настроение (14), торт (12), Новый год (11), улыбки (11), шарики (10), цветы (10), салют (10), еда (10), близкие / родные (9), стол (7), день рождения (7), конфеты (6), торжество (6). Что касается второго пункта анкеты, то на задание закончить предложение: «Для меня праздник – это …» – респонденты давали ответы в виде предложений, словосочетаний, перечисления отдельных слов.

Полученные ответы были разделены на несколько тематических блоков: праздник как событие, аффективно-эмоциональная составляющая, непосредственные участники празднования, праздничное время как выходной и отдых, разнообразные действия, совершаемые во время празднования, праздник как чудо. Полученные результаты показали, что и ассоциативный, и когнитивный компоненты схожи по содержанию и имеют незначительные различия. Сходство полученных характеристик праздника в обоих компонентах указывает на то, что в структуре индивидуального образа сознания, связанного с праздником, значение, в котором представлена «идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (Леонтьев, 1972), находит свое отражение в личностном смысле, что свидетельствует об отсутствии противоречий в структуре индивидуального образа праздника. Состав полученных в нашем исследовании характеристик праздника полностью повторяет черты, выделенные почти два века назад И.М.Снегиревым (Снегирев, 1837), что демонстрирует довольно стойкую сохранность представлений о празднике у нашего народа.

1. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Москва, 1972. 290 с.
2. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды: [в 4-х выпусках] / [соч.] И.М.Снегирева. Москва: В Университетской типографии, 1837 – 1839. Вып.1.

Торбикова Е.В., Звездина Г.П.
ФГБОУ ВО ДГТУ

Психологические особенности виртуальной идентичности лиц поколений Y и Z

Интернет, интернет-зависимость, самопрезентация в социальных сетях, виртуальная идентичность

Актуальность данной темы обусловлена тем, что Интернет, как уникальная среда по заложенным в ней условиям и возможностям, позволяет изучать психические явления, которые не были реализованы или не столь доступны для эмпирического изучения в других средах деятельности и взаимодействия. Одним из таких явлений можно считать динамичность самопрезентации. Становится целесообразным уточнить круг возможностей для самопрезентации, которые предоставляют социальные сети, и которая связана с такими аспектами самосознания, как «Я – Идеальное» и «Я – Реальное».

Целью исследования является изучение психологических особенностей виртуальной идентичности лиц поколений Y и Z. Характеристика выборки: В исследовании приняли участие лица молодого возраста. Общее количество опрошенных составило 90 человек, из них 17 мужчин и 73 женщины в возрасте от 18 до 45 лет.

Эмпирические методы: 1. Методика «Шкала Чена» (Адаптация: Малыгин В.Л., Феклисов К.А. (2011)), 2. Опросник «Самопрезентация в социальной сети» М. Михикян (Michikyan M.) (Адаптация: Корниенко Д.С., Руднова Н.А. (2021)), 3. Методика «Виртуальная идентичность пользователей соцсетей, ВИПСС» (Погорелов Д.Н. (2022)).

Методы обработки данных:

1. Для определения нормальности распределения в выборках был использован критерий согласованности Колмогорова-Смирнова (K-S Test).

2. Для выявления психологических особенностей виртуальной идентичности был использован метод сравнение двух независимых групп – U-критерий Манна-Уитни.

Этапы исследования:

На первом этапе эмпирического исследования организовывались и проводились анкетирование-тестирование лиц поколений Y и Z с целью выявления психологических особенностей виртуальной идентичности.

На втором этапе эмпирического исследования обрабатывались данные с использованием количественных методов.

На третьем этапе эмпирического исследования проводился анализ и интерпретация результатов исследования, были сформулированы выводы исследования.

Результаты: Были выявлены на эмпирическом уровне психологические особенности виртуальной идентичности лиц поколений Y и Z. Статистически значимые различия в выраженности Фальшивого Обманного Я и Реального Демонстративного Я у лиц поколений Y и Z не выявлены. Общим для лиц поколений Y и Z является то, что созданный ими виртуальный образ в целом отражает реальные характеристики пользователя и обладает свойствами стабильности. Выводы: У лиц поколения Z наблюдается выраженная, по сравнению с лицами поколения Y, склонность и наличие интернет-аддикции, что говорит об их большей подверженности и неспособности контролировать себя и эту сферу жизни, что ведёт к негативным последствиям, затрагивающим, как их психологическое, так и физическое здоровье.

Для лиц поколения Z в сравнении с лицами поколения Y более характерны следующие особенности:

1. Желание быть онлайн, имеют постоянную потребность выходить в сеть.

2. Переживают неприятные физические и психические последствия, возникающие при внезапном снижении или полном прекращении интернет-активности.

3. Явной чертой является неспособность контролировать количество времени, проводимого в сети, они остаются в сети дольше, чем изначально предполагали. У лиц поколения Y наблюдается, по сравнению с лицами поколения Z, отсутствие выраженной склонности к интернет-аддикции, что говорит об их меньшей подверженности и лучшем контроле себя в этой сфере жизни.

Для лиц поколения Y в сравнении с лицами поколения Z более характерны следующие особенности:

1. Отсутствие постоянного желания проверять аккаунты, новости, отсутствие чрезмерного стремления к виртуальному общению.

2. Используют Интернет чаще в определенное время и с четко определенной целью.

3. Не теряют интереса к своим хобби, общественной деятельности и общению с семьей и друзьями.

4. Сохраняется критическое отношение к информации, публикуемой в социальных сетях, и возможностям, которые они предоставляют.

1. Тихонов О. В. Виртуальная идентичность: аспект визуальной самопрезентации индивида в пространстве социальных сетей // ВЭПС. 2022. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-identichnost-aspekt-vizualnoy-samoprezentatsii-individa-v-prostranstve-sotsialnyh-setey
2. 2. Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Горбушина Е.А., Дериш Ф.В. Психометрические характеристики шкалы самопрезентации в социальной сети // CYBERPSY. 2022. URL: https://cyberpsy.ru/tests/psihometricheskie-harakteristiki-shkaly-samoprezentacii-v-socialnoj-seti/

Гулин Н.В., Леонтьев Д.А.
ННОЧУ ВО МИП

Состояния привязанности как индикатор саморегуляции

Привязанность, состояния, саморегуляция, самоуправление, самоорганизация

Введение. Планируя жизнь, человек нередко попадает в «ловушку планирования»: зафиксировавшись на целях, он теряет чувствительность к смыслам, подменяя живой контакт с собой и другими рациональными установками. В попытке избежать неудачи и страдая от переживаемой уязвимости, индивид стремится сохранить контроль и перестает считывать или верно считывать сигналы собственной эмоциональной системы, которая предназначена для настройки на реальность, ценности, мотивы, отношения и успех. У человека попавшего в эту ловушку, оценочные суждения занимают место фактов, манипуляции – диалога, а власть – человеческой заботы. Это может проявляться как внешне успешная, но изолированная «взрослая» позиция или как родительская директивность, в которой требования к ребёнку учитывают не его потребности, а неотрефлексированные страхи или саморегуляторные ограничения взрослого. Без восстановления контакта с внутренней сигнальной системой – чувствами как ориентирами смысла – невозможно увидеть, в чём на самом деле сейчас нуждается ребёнок или просто другой человек, люди. Для шага из этой ловушки необходим фокус на успех и контакт с внутренней сигнальной системой – эмоциональными состояниями, отражающими «не предметную действительность, а отношения между мотивами и вероятностью успеха отвечающей им деятельности» (А.Н. Леонтьев, 1975).

Цель. Выявить связи между состояниями привязанности и особенностями саморегуляции. Гипотеза «Надёжное состояние» привязанности имеет закономерные связи с факторами саморегуляции.

Методы и методики. Общая выборка: N = 173, 85% женщин, средний возраст – 33 года.

• «Оценка переживания состояний привязанности» (SAAM, адапт. Н.В. Гулин, Д.А. Леонтьев),

• Диагностика Самоуправления (Selbststeuerung, адапт. О.В. Митина, Е.И. Рассказова, 2019),

• «Опросник фокусов регуляции» (RFQ, адапт. Гершкович В.А., Морошкина Н.В., Кулиева А.К., Наследов А.Д.). Результаты Данные не соответствовали нормальному распределению, использовался коэффициент Спирмена (ρ). Анализ показал закономерную разнонаправленность связей между состояниями привязанности и факторами «Самоуправления» первого уровня и «Фокусами регуляции»: Надёжное состояние привязанности положительно связано с:

• Саморегуляцией (ρ = 0.498***),

• Волевой регуляцией (ρ = 0.330***),

• Доступом к себе (ρ = 0.398***), и отрицательно с:

• Уровнем жизненного стресса (ρ = –0.311**)

• Фокусом на достижение (успех) (ρ = 0.487***). Тревожно-амбивалентное состояние: • Отрицательные связи с Саморегуляцией (ρ = –0.446***),

• Самоконтролем (ρ = –0.234*),

• Волевой регуляцией (ρ = –0.318**),

• Доступом к себе (ρ = –0.512***),

• Положительная связь с уровнем стресса (ρ = 0.267**)

• Фокусом на предотвращение (избегание неудач) (ρ = –0.304*).

Избегающее состояние:

• Отрицательные связи с Саморегуляцией (ρ = –0.250*),

• Доступом к себе (ρ = –0.375***)

• Значимых связей с Фокусами регуляции не выявлено. *p < 0.05, **p < 0.01, **p < 0.001

Обсуждение. Полученные данные подтверждают, что надёжное состояние привязанности связано с зрелыми регуляторными процессами, тогда как амбивалентное и избегающее – с выраженными дефицитами. Это позволяет утверждать, что состояния привязанности являются индикаторами особенностей расстройств саморегуляции. Регуляторный «Фокус на достижение» или успех (promotion focus) продемонстрировал обратную связь с Тревожно-амбивалентным состоянием и прямую связь с Надежным состоянием, что тоже закономерно. Надёжное состояние – не врождённая данность, а результат зрелого интериорезированного самоуправления, развитой и сбалансированной как волевой, так и эмоциональной регуляции.

1. Леонтьев, А.Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.
2. Митина, О.В., Рассказова, Е.И. (2019). Апробация методики исследования самоуправления Ю.Куля: психодиагностика и факторная структура. Психологический журнал, 40(2) 111127 https://doi.org/10.31857/S020595920004061-3

Гузанова А.И., Мироненко И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Взаимосвязь рефлексивности личности и принятия моральной ответственности

Рефлексивность, принятие моральной ответственности, моральное чувство, сильные стороны личности

Человек в обществе порождает необходимость поведения, которое обеспечивает успешное функционирование общества и благополучие его членов. Допустимость поведения определяется моральными правилами (Cushman et al., 2006). Их усвоение и передача происходит культурно-историческим путём в процессе развития личности, которое невозможно рассматривать вне системы ценностно-нравственных координат (Peterson et al., 2004). Здесь особую роль играет такое свойство, как рефлексивность (Леонтьев и др., 2011); чрезвычайно важным становится самосознавание себя, своего «Я» в совместно разделяемой психологической реальности. Среди феноменов морально-нравственной сферы личности наше внимание обращено к феномену отчуждения моральной ответственности. Несмотря на повышенный интерес к данной теме в российской науке (Ледовая и др., 2016), многие вопросы, связанные с ней, остаются малоисследованными. Таким образом, цель нашей работы состоит в исследовании взаимосвязи рефлексивности личности и принятия моральной ответственности.

В эмпирической части исследования устанавливались характеристики общей рефлексивности, типов рефлексии, механизмов отчуждения моральной ответственности, типа моральной ситуации, личностных ценностных ориентаций, рассматривались их взаимосвязи. Для этого использовались следующие методы: Тест морального чувства Кушмана (адаптация К.Р.Арутюновой и др., 2013), Шкала отчуждения моральной ответственности MD-24 (адаптация Я.А.Ледовой и др., 2016), Дифференциальный тип рефлексии (Д.А.Леонтьев и др., 2014), Опросник рефлексивности А.В.Карпова (2003), Опросник «Ценности в действии» К.Питерсона, М.Селигмана (адаптация А.А.Ставцева, и др., 2021); элементы дискурс-анализа развёрнутых ответов на вопросы авторской анкеты; статистические методы корреляционного анализа, регрессионного анализа, анализа средних. Были проанализированы ответы 103 русскоязычных респондентов, от 18 до 35 лет, средний возраст – 23,5 лет.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что общий уровень рефлексивности и выраженность типов рефлексии личности взаимосвязаны с принятием моральной ответственности, а также гипотезу о том, что эта взаимосвязь реализуется в форме влияния рефлексивности на принятие моральной ответственности, и это влияние опосредовано личностными ценностными ориентациями. Гипотеза о том, что принятие моральной ответственности людьми с различным уровнем и типом рефлексии различается в зависимости от типа ситуации морального выбора, была подтверждена частично.

Выявлены взаимосвязи общего уровня рефлексивности и отдельных типов рефлексии с принятием личностью моральной ответственности (корреляции показателей на уровне $p < 0,01$, $p < 0,05$). Обнаружено влияние личностных ценностных ориентаций на характер взаимосвязи рефлексивности и принятия моральной ответственности (для: системной рефлексии $p = 0,006$; общей рефлексии $p = 0,033$; квазирефлексии $p = 0,042$). Определены особенности принятия моральной ответственности людьми с различным уровнем и типом рефлексии в зависимости от типа ситуации морального выбора.

1. Ледовая, Я.А. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я.А.Ледовая, Р.В.Тихонов, О.Н.Боголюбова [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – № 4. – С. 23–39.
2. Леонтьев, Д.А., Аверина, А.Ж. Рефлексивность как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика/ Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. – 2011. – С. 360–381.
3. Cushman, F. The role of conscious reasoning and intuition in moral judgments: Testing three principles of harm / F.Cushman, L.Young, M.Hauser. // Psychological Science. – 2006. – Т. 17. – №. 12. – С. 1082–1089.
4. Peterson C., Seligman M.E.P. Character strengths and virtues: A handbook and classification. – Oxford university press, 2004. – Т. 1.

Кара Ж.Ю.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Взаимосвязь психологического благополучия личности и сочувствия к себе как проявление качества жизни

Психологическое благополучие, «сочувствие к себе», личность

В современных условиях стремительно развивающегося мира, разрабатываемых новых технологий, усложнения социального пространства, где есть место не только семейным и рабочим отношениям, но и множеству других сфер жизни, как никогда встает вопрос о тех требованиях, выдвигаемых обществом, которым должен соответствовать современный человек. Психологическое благополучие современного человека становится актуальным как никогда ранее. В последнее время теме самооценки уделяется достаточно большое внимание. Адекватная самооценка позволяет говорить о качестве жизни человека и в тоже время выступает фактором успеха и способностью соответствовать требованиям общества. В расширении изучения самооценки, Кристин Нефф разработала концепцию сочувствия к себе (самосострадание). Она предлагает уйти от оценивания себя с точки зрения низкой или высокой самооценки к совершенно другому пониманию своей ценности, а именно к сочувственному отношению к себе. В соответствии с данной концепцией, человек не попадает в ловушку самооценки, если относится к себе с добротой, понимает общечеловеческую природу своего несовершенства и внимателен к своим переживаниям: не избегает, но и не преувеличивает их.

*Цель исследования з*аключалась в проверке предположения о наличии взаимосвязей между параметрами психологического благополучия и сочувствия к себе (самосострадание).

Методы исследования: Выборка исследования: В исследовании приняли участие 78 человек (22 мужчин и 56 женщин) в возрасте от 17 – 59 лет. Для исследования были подобраны такие методики как: Опросник «Сочувствие к себе» К. Нефф (адаптация Чистопольской К.А., Осин Е.Н., Ениколопова С.Н., Николаева Е.Л., Мысиной Г.А., Дровосекова С.Э.) (Чистопольская К.А. и др., 2020); «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой – Т.П. Фесенко) (Жуковская Л. В.,2011).

Результаты и выводы: Были обнаружены значимые корреляции между шкалами методик «Сочувствие к себе» (самосостраданием) К. Нефф и «Шкала психологического благополучия» К. Рифф при $p \leq 0{,}01$. Выявлены положительные связи между шкалами «Доброта к себе» (самосострадание) и всеми шкалами психологического благополучия ($\rho = 0{,}324$; 0,347; 0,445; 0,364; 0,395; 0,580 при $p < 0{,}01$ – шкалы Положительные отношения с другими, Автономия, Управление окружением; Личностный рост; Цель в жизни, Самопринятие), согласие с самим собой дают человеку осознать себя и принять таким какой есть, иметь возможность видеть мир и принимать в нем участие. Отметим выявленные отрицательные связи между шкалой «Чрезмерная идентификация» (самосострадание) со шкалами психологического благополучия (-0,346; -0,406; -0,299; -0,550 при $p < 0{,}01$ Автономия, Управление средой, Цели в жизни, Самопринятие) говорящие о захлестывании переживаниями в трудных ситуациях, о погружении в себя и невозможности адекватно контактировать с внешним миром.

Таким образом, сочувствие к себе, позволяет принять себя, создать/иметь психологического благополучия и качество жизни человека улучшается. Исследование подтвердило значимую роль сочувствия к себе в поддержании психологического благополучия личности и как проявление качества жизни. Исследование продолжается, дополняясь методиками и количеством исследуемых.

1. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология.2020. Том 16. № 4. С. 35-48. DOI: https://doi.org/10.17759/chp.2020160404
2. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. Номер 2 С. 82-93

Подболотова Е.А., Звездина Г.П.
ФГБОУ ВО ДГТУ

Психологические предикторы самопрезентации в сети Интернет у студенческой молодёжи

Самопрезентация в сети, сеть Интернет, алекситимия, эскапизм, интернет-зависимость

Введение. Исследование особенностей самопрезентации студенческой молодёжи в интернет-среде приобретает особую актуальность в связи с тем, что современные научные работы, посвящённые данному феномену, зачастую упускают из вида важный аспект – психологические детерминанты, которые и формируют онлайн-образ личности. Выявление и анализ личностных характеристик, которые могут служить детерминантами для определённых паттернов самопредъявления в сети, является важной и не до конца разработанной задачей. Определение психологических черт и особенностей, которые могут прогнозировать и объяснять формы самопрезентации в онлайн-среде позволит не только углубить понимание механизмов формирования онлайн-образа, но стать базой для разработки практических рекомендаций в высших учебных заведениях для повышения психологического благополучия молодёжи в цифровом мире.

Целью исследования было выявление особенностей самопрезентации в сети Интернет у студенческой молодежи.Методы. Выборкой исследования являлись 83 студента (из них 13 юношей и 70 девушек) факультета «Психология, педагогика и дефектология» Донского государственного технического университета (ДГТУ) г. Ростова-на-Дону в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст 18 лет).

Исследование было проведено с помощью разработанной цифровой формы диагностического инструментария на платформе Google Forms.

Методы математической статистики: описательные статистики, критерий Колмогорова – Смирнова, факторный анализ с выделением главных компонентов.

Методики: Опросник самопрезентации в социальной сети (в адаптации Корниенко Д.С., Рудновой Н.А. и др. (2021)), Торонтская алекситимическая шкала TAS-20 (в адаптации Старостиной Е. Г. и др. (2010)), Методика измерения уровня выраженности эскапизма (Савченко Т.Н., Теславская О.И., Беловол Е.В., Кардапольцева А.А.) (2019)) и Шкала Чена (в адаптации Малыгина В.Л., Феклисова К.А. и др. (2011)).

Результаты. Факторный анализ полученных данных позволил выделить по 4 фактора, обуславливающих Фальшивое обманное Я и Реальное демонстративное Я в сети Интернет.

Общий уровень объяснённой дисперсии для Фальшивого обманного Я равен 79,553%.

Выделившейся фактор 1 для Фальшивого обманного Я был обозначен как «неконтролируемое использование интернета» (уровень дисперсии равен 49,2%). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: уровень интернет-зависимого поведения (факторная нагрузка равна 0,962); проблемы, связанные с интернет-зависимостью (факторная нагрузка равна 0,877), ключевые симптомы интернет-зависимости (факторная нагрузка равна 0,868), внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем (факторная нагрузка равна 0,817), проблемы с управлением временем (факторная нагрузка равна 0,789), компульсивные симптомы (факторная нагрузка равна 0,783), симптомы отмены (факторная нагрузка равна 0,743) и симптомы толерантности (факторная нагрузка равна 0,731).

Выделившейся фактор 2 для Фальшивого обманного Я был обозначен как «избегание своих чувств и реальности» (уровень дисперсии равен 14,6%). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: выраженность эскапизма (факторная нагрузка равна 0,905), альтернативная социальная реальность (факторная нагрузка равна 0,780), неудовлетворенность и избегание (факторная нагрузка равна 0,753), трудности идентификации чувств (факторная нагрузка равна 0,711), общий уровень алекситимии (факторная нагрузка равна 0,608), Состояние Потока (факторная нагрузка равна 0,608) и трудности описания чувств (факторная нагрузка равна 0,547).

Выделившейся фактор 3 для Фальшивого обманного Я был обозначен как «склонность к идеализированному самовыражению» (уровень дисперсии равен 9,09 %). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: Состояние Потока (факторная нагрузка равна 0,650), компульсивные симптомы (факторная нагрузка равна 0,423) и ключевые симптомы интернет-зависимости (факторная нагрузка равна 0,416).

Выделившейся фактор 4 для Фальшивого обманного Я был обозначен как «сложности в описании собственных чувств и концентрация на внешней среде» (уровень дисперсии равен 6,5%). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: экстернальное мышление (факторная нагрузка равна 0,868), общий уровень алекситимии (факторная нагрузка равна 0,675) и трудности описания чувств (факторная нагрузка равна 0,438).

Общий уровень объяснённой дисперсии для Реального демонстративного Я равен 79,082%.

Выделившейся фактор 1 для Реального демонстративного Я был обозначен как «неконтролируемое использование интернета» (уровень дисперсии равен 50 %). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: ключевые симптомы интернет-зависимости (факторная нагрузка равна 0,933), компульсивные симптомы (факторная нагрузка равна 0,859), симптомы отмены (факторная нагрузка равна 0,846), уровень интернет-зависимого поведения (факторная нагрузка равна 0,802) и симптомы толерантности (факторная нагрузка равна 0,697).

Выделившейся фактор 2 для Реального демонстративного Я был обозначен как «влияние использования интернета на здоровье» (уровень дисперсии равен 14,2%). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: проблемы, связанные с интернет-зависимым поведением (факторная нагрузка равна 0,828), внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем (факторная нагрузка равна 0,804) и проблемы с управлением временем (факторная нагрузка равна 0,696).

Выделившейся фактор 3 для Реального демонстративного Я был обозначен как «альтернативная реальность как инструмент для познания себя» (уровень дисперсии равен 8,45%). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: выраженность эскапизма (факторная нагрузка равна 0,915), альтернативная социальная реальность (факторная нагрузка равна 0,768), Состояние Потока (факторная нагрузка равна 0,745), неудовлетворенность и избегание (факторная нагрузка равна 0,666) и трудности идентификации чувств (факторная нагрузка равна 0,595).

Выделившейся фактор 4 для Реального демонстративного Я был обозначен как «эмоциональная некомпетентность, компенсируемая внешне-ориентированным «Я»» (уровень дисперсии равен 6,37%). Данный фактор включал в себя следующие шкалы методик: экстернальное мышление (факторная нагрузка равна 0,885) и общий уровень алекситимии (факторная нагрузка равна 0,705).

Выводы. Выявлено, что склонность к созданию искажённого, не соответствующего действительности онлайн-образа (Фальшивое обманное Я) студенческой молодёжи связана с двумя ключевыми группами личностных особенностей: эмоциональная отчуждённость (к которой отнеслись выделившиеся факторы «уход в виртуальную реальность», «избегание своих чувств и реальности») и зависимость самовыражения от общественного мнения (к которой отнеслись выделившиеся факторы «склонность к идеализированному самовыражению», «сложности в описании собственных чувств и концентрация на внешней среде»).

Стремление с демонстрации реального, но при этом подчёркнутого и яркого образа в онлайн-среде (Реальное демонстративное Я) студенческой молодёжи также связано с двумя ключевыми группами личностных особенностей: интернет-зависимое поведение (к которому отнеслись выделившиеся факторы «неконтролируемое использование интернета», «влияние использования Интернета на здоровье») и эмоциональная некомпетентность с поиском самоидентичности (к которой отнеслись выделившиеся факторы «альтернативная реальность как инструмент для познания себя», «эмоциональная некомпетентность, компенсируемая внешне-ориентированным «Я»»).

1. Одарюк И.В. «Формирование цифровой социализации молодёжи на основе актуализации стратегий самопрезентирования» «Образовательные ресурсы и технологии,» № 4 (49), 2024, С. 56-65. doi:10.21777/2500-2112-2024-4-56-65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tsifrovoy-sotsializatsii-molodezhi-na-osnove-aktualizatsii-strategiy-samoprezentirovaniya (дата обращения: 03.07.2025)
2. Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Горбушина Е.А. «Особенности самопрезентации в социальной сети в связи с чертами большой пятёрки и тёмной триады» Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика», vol.31, № 1, 2021, С. 45-53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoprezentatsii-v-sotsialnoy-seti-v-svyazi-s-chertami-bolshoy-pyaterki-i-temnoy-triady (дата обращения: 03.07.2025)

Горюнова Л.Н.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Технологический прорыв как кризис профессиональной идентичности: психологические механизмы адаптации

Профессиональная идентичность, цифровая трансформация, деятельностный конфликт, опасные профессии, операциональная ритуализация

Цель исследования выявить психологические механизмы трансформации профессиональной идентичности специалистов опасных профессий в контексте изменения социально-экономических смыслов труда. Современный технологический прорыв меняет профессиональную деятельность, особенно в потенциально опасных сферах (энергетика, АЭС, авиация). Однако, как отмечает Хан (Han, 2017), цифровизация не просто трансформирует труд – она становится механизмом фиксации более глубокого кризиса: утраты социально-экономических смыслов профессиональной деятельности. Проблема заключается в том, что в опасных профессиях этот процесс проявляется особенно остро: технологии заменяют экспертное суждение (Зубова, 2019), формальные регламенты вытесняют осмысленное отношение к риску (Горюнова, 2021). Происходит подмена профессиональной идентичности ритуальным исполнением процедур.

Чем больше мы теряем живую связь с профессией, тем больше наращиваем контроль: датчики, алгоритмы, жёсткие регламенты. Исследование анализирует трансформацию профессиональной идентичности. Данные собраны в 2013-2025 гг. среди специалистов опасных профессий (N=512). Выборка отражает отраслевую структуру: мастера энергосетей- 58%, руководители смен и служб – 28%, операторы АЭС: – 9%, диспетчеры электросетей – 5 %. Критерии: опыт ≥5 лет в условиях современного производства. Процедура сбора данных: адаптационное обучающее исследование (основной метод): обучение навыкам саморегуляции (по авторской программе), кейс-анализ нештатных ситуаций, фиксация нарративов о профессиональной роли, когнитивных схем деятельности, эмоционального отношения к технологиям.

В процессе обучения выявлялись: критические точки идентичности, компенсаторные стратегии адаптации. Верификация данных проводилась с использованием экспертных интервью, анкетирование, контент-анализ производственных регламентов.

Полученные данные выявляют психологические механизмы трансформации профессиональной идентичности: 1) Деятельностный конфликт профессиональной саморегуляции: противоречие между сложившейся системой профессиональных действий («Я-эксперт») и новой операциональной структурой деятельности («Контролёр систем»), повышенная тревожность как признак дезадаптации у 86% специалистов при формально сохраненной эффективности деятельности. 2) Операциональная ритуализация деятельности: замена осмысленных профессиональных действий формальным выполнением алгоритмов, признаки «псевдодеятельности» – сохранение внешней формы при утрате предметного содержания труда. 3) Компенсаторная перестройка структуры деятельности: тенденция адаптационных стратегий к гипертрофированному следованию инструкциям, формированиеновых смысловых ориентиров профессиональной деятельности.

Результаты демонстрируют, что технологические изменения вызывают рассогласование между смысловой и операционально-технической сторонами деятельности, а также трансформируют структуру профессионального самосознания. Это позволяет предположить, что цифровизация актуализирует на личностном уровне кризис утраты социально-экономических смыслов профессиональной деятельности и демонстрирует необходимость новых форм профессиональной саморегуляции.

1. Горюнова Л.Н., Фёдоров С.И., Верещагина Л. А., Погребицкая В.Е., Воронина О.В., Лепёхин Н.Н. Психологические факторы личной культуры безопасности мастеров электрических сетей//Психология экстремальных профессий / материалы II Международной научно-практической конференции (27-29 июня 2019 г., С. 42-45.
2. Han B.-C. Psychopolitics: Neoliberalism and new technologies of power. London, UK: Verso, 2017. Zuboff S. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. New York, NY: PublicAffairs, 2019.

Литовченко А.Н., Патраков Э.В.
ФГАОУ ВО УрФУ

О парадоксах взаимодействия участников образовательного процесса в цифровых средах

Взаимодействия в цифровых средах, риски и ресурсы, цифровизация образования, педагоги

Введение. В наших предшествующих исследованиях (Патраков, Водопьянова, 2024) был выявлен парадокс: при высоком уровне технооптимизма, ценностях открытости изменениям, педагоги испытывают негативное отношение к цифровизации образования, неудовлетворенность образовательным процессом. Эта проблема была обсуждена в рамках фокус-группы.

Методы. Выборка: 12 преподавателей направлений «философия» и «педагогика». Возраст 24-60 лет. Все участники имеют опыт взаимодействия с цифровой средой в педагогической деятельности от 2 до 20 лет. Вопросы посвящены анализу возможных причин обозначенного парадокса. Пример вопроса: «В ряде исследований выявлено, что педагоги имеют выраженное опасение цифровых сред, при этом, имеют ценности открытости изменениям. Как вы считаете, (1) есть ли такое противоречие и (2) чем оно может быть обусловлено? Каковы ресурсы разрешения этого противоречия?»

Результаты. Респонденты признают парадокс, связывая его с дефицитом или отсутствием культуры взаимодействия с другими участниками образовательного процесса, опосредованного цифровыми средами. Также респонденты указывают на дефицит ресурсов цифровой среды для качественной передачи информации (с трансляцией ценностей, смыслов), что ограничивает возможности применять цифровую среду, как развивающую. Вторая причина – высокая интенсивность цифровизации, названная как «агрессивная», сопровождающаяся дефицитом времени для рефлексии происходящих изменений учебного процесса. По мнению респондентов, противоречие может быть разрешено через восприятие цифровой среды как педагогического средства достижения образовательных целей, включенного в общую логику развивающего обучения. Можно сказать, что испытуемые говорят о формировании «цифровой культуры» (Кудрявцева, Пряхина, 2023).

В обсуждении вопроса о том, какие ценности педагогов способствуют успешному применению цифровых сред, были противоречивые высказывания: ценностная детерминация может вообще отсутствовать, либо не является определяющей, решающее значение респонденты отдают содержанию и целям взаимодействий в цифровых средах. По мнению респондентов, интенсивно-вынужденные взаимодействия в цифровых средах приводят быстрее ведут к выгоранию. Сотрудники с большим педагогическим стажем могут негативно относится к цифровым образовательным средам вследствие потери контроля качества обучения. Респонденты признают, что часть операций (в том числе и когнитивных) могут быть делегированы цифровой среде. Эти операции не должны затрагивать непосредственно межличностное взаимодействие. При решении задач, имеющих развивающий потенциал, цифровая среда должна быть лишь средством наглядного представления информации, методы оценивания, опосредованные цифровой средой, дополняют систему контроля, но не являются ее единственным источником.

Выводы. В ответах прослеживается явная неудовлетворенность вынужденностью взаимодействия в цифровых средах при минимальной заинтересованности, а также недостаточной адаптированности сред под нужды образовательного процесса. Решение: включение образовательного сообщества в систему разработки цифровых образовательных продуктов.

1. Кудрявцева М.Е., Пряхина А.В. Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства. Дискурс. 2023, 9(5):98-116. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-98-116
2. Патраков Э. В., Водопьянова Н. Е. Цифровизация: цена и ценности // Вопросы психологии. – 2024. – Т. 70, № 3. – С. 16-25.

Казначеева Н.Б., Иванова Е.Ю.
ФГБОУ ВО ПГУПС

Применение искусственного интеллекта в практике психологов

Искусственный интеллект, чат-боты, психология, этика

Внедрение современных инновационных технологий коснулось и сферы психологических наук. К одной из таких новаторских технологий следует отнести искусственный интеллект и его возможности анализа массива данных, обработки текстовых файлов, транскрибирования, распознавания образов, а также алгоритмы интерпретации больших объемов информации. Среди зарекомендовавших себя приложений, активно использующихся для лечения посттравматического расстройства, аддиктивного поведения, тревожных расстройств и депрессии выделяются следующие – Tess, Wysa, Deprexis, Woebot.

Стремительный всплеск интереса связан с удобством использования чат-ботов, простотой и доступностью. Так, к началу 2023 года число активных пользователей чата GPT выросло до 100 млн. человек (Лебедев, 2023). Использующие инструменты кпт–терапии чат-бот Woebot показал свою эффективность, согласно исследованиям Fitzpatrick K.K. «те, кто состоял в группе Woebot, значительно уменьшили свои симптомы депрессии в течение периода исследования (F=6.47, P=0.01), а также беспокойства» (Корж, 2023). Чтобы понимать, насколько активно ИИ внедрился в нашу сегодняшнюю жизнь, в практику психологов, было проведено исследование посредством анкетирования среди психологов и магистров–психологов университетов СПбГУ, ПГУПС г. Санкт–Петербурга.

По итогам, участвовало 64 человека, из них 46 респондентов (71.9%) возрастом от 20 до 25 лет, 15 человек (23.4%) от 35 лет и старше и 3 человека (4.7%) от 25 до 35 лет. Подавляющее число отвечающих составляли студенты–психологи (52 человека, что составляет 81.3% от числа всех лиц, участвующих в данном опросе). Можно предположить, что молодые специалисты более активно используют возможности ИИ и внедряют современные разработки в текущие учебные и практические процессы. Но, необходимо отметить и тот факт, что практикующие психологи, старше 35 лет, так же следуют современным веяниям научной жизни и практикуют ИИ в своей работе.

Среди выделенных инструментов ИИ, использующих в своей работе и учебе респонденты выделяют, в порядке возрастания, программы для оформления информации более простым языком, сервис Алиса, картинки для соцсетей или презентаций, умный поиск (например, Яндекс), транскрипция аудиозаписей, приложения для мониторинга эмоционального состояния, чат-боты для предварительной оценки состояния клиента, программы для анализа данных и/или выявления паттернов. Разумеется, в информационном поле неоднократно поднимались вопросы этического и морального характера, касающиеся доступности и достоверности информации при использовании ИИ.

Следовательно, подавляющее большинство респондентов полагает, что ИИ не сможет заменить человеческое взаимодействие (92.2%), но исполнить роль посредника или помощника может совершенно точно (полагают 4.6%). И лишь 2 человека (3.2%) предположили, что ИИ справится с ролью психолога без участия человека.

Основываясь на этих данных, можем предположить, что различные программы машинного обучения помогут в будущем практикующим психологам и студентам психологических факультетов расширить свои возможности в практической, научной и учебной деятельности, станут средством для решения профессиональных задач, процессов автоматизации в работе (транскрибирование консультационных сессий и интервью), а также, подготовки презентаций, лекций, материалов для просветительской и профилактической деятельности.

1. Корж Е.М., Громова А.В. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в психологии // Системная психология и социология. – 2023. – №2 (46). – С.60–70. 2. Лебедев А.Н. Искусственный интеллект и психология // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. – 2023. – Т.3.– №2. – С.6–22.

Захарова Л.Н., Сайгина Е.В.
ННГУ им. Н.И.Лобачевского

Инновативный социальный капитал российских компаний в обеспечении технологического суверенитета

Технологический суверенитет, ценностный конфликт, организационная культура, субъективное благополучие, инновативность

Введение. Достижение РФ технологического суверенитета – важнейшая цель с сфере социально-экономического развития [2]. Цель исследования: раскрыть ценностную специфику организационно-психологических условий повышения инновативности персонала компаний для преодоления низкой восприимчивости экономики к технологическим инновациям.

Методы: метод диагностики организационной культуры (ОК) и организационно-культурных предпочтений К.Камерона и Р.Куинна, оценка когнитивного стиля по М.Киртону, анкетирование с целью выявления специфики восприятия организационных условий персоналом ординарных и инновационных компаний, субъективного благополучия (СБ) сотрудников (мужчин и женщин молодого, среднего и старшего возраста). Респонденты – более 2.5 тыс. сотрудников (рабочие, инженеры, менеджеры разного уровня) предприятий ОПК.

Результаты. 1. В инновационных компаниях сложилась ОК принципиально отличающаяся от ОК ординарных компаний. Статистически значимо выше показатель инновационности – в среднем на 18%, и что, самое важное, в ОК-предпочтениях персонала, независимо от возраста и гендерной принадлежности, отражается готовность к дальнейшему инновационному развитию (до 30% против 12.8% в ординарных). У персонала ординарных компаний в последние годы существенно растут ОК-предпочтения клановых ценностей вплоть до их полного доминирования, превышая тот же показатель инновационных компаний в среднем на 15%.

2. СБ персонала инновационных компаний также существенно выше, чем в ординарных: сотрудники чувствуют менее усталыми при примерно одинаковых переработках (у 70% персонала переработки превышают 10 часов в неделю), более здоровыми и готовыми к профессиональному развитию.

3. Для инженеров инновационных компаний более характерен инноваторский когнитивный стиль, чем в ординарных компаниях, но пока нет достоверных оснований утверждать, что он поддерживается инновационной ОК компаний, а не более качественным подбором инженерных кадров.

4. Анализ показывает, что клановый компонент ОК ординарных компаний проявляется как сплоченность персонала с функцией психологической защиты от попыток менеджмента внедрять инновации в автократической модели управленческого взаимодействия с непоследовательным использованием патерналистского стиля.

5. В инновационных компаниях наблюдается минимизация ценностного конфликта между менеджерами и персоналом исполнительского звена. Менеджеры, в основном, интуитивно используют поддерживающую модель управленческого взаимодействия с элементами сервисного лидерства, которая строится на основе утверждения ценностей созидательного труда и человеческого достоинства, поддержки как поведенческих моделей инновативных сотрудников, активно взаимодействующих между собой и менеджментом по внедрению технологических и управленческих инноваций. Такие управленческие практики способствуют установлению «вертикального» и «горизонтального» доверия в трудовых коллективах, основы становления и развития позитивного социального капитала компаний [1].

Выводы.

1. Попытки выстраивать управление в западной рыночной парадигме на ценностной основе прибыли и внутренней конкуренции порождают у значительной части персонала внутренние ценностные конфликты, и, как следствие, стресс и снижение СБ, способствуют клановой консолидации персонала.

2. Источник готовности персонала к принятию инноваций исполнительской частью персонала промышленных предприятий лежит в ценностной основе управленческих практик менеджмента, совпадающей с национальными ценностями россиян.

3. Представляется перспективным исследовать возможности формирования инновативного социального капитала компаний в контексте коллективистки-инновационной модели единства корпоративной и организационной культур.

1. Захарова Л.Н., Сайгина Е.В. Традиционные ценности и управление персоналом // Ученые записки Крымского Федерального университета им.В.И.Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Том 10 (76), №1. С. 15–32. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65086268 2. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358

Шанкер Д.Р., М. Сирисети
ГИТАМ

Патраков Э.В.
ФГАОУ ВО УрФУ

On the Role of Social Reflection in Technological Innovations and Digitalization

Social reflection, gains and losses, innovations

Introduction. In postmodernist philosophy, it has been asserted that innovative technologies are not neutral with respect to the individual (Heidegger, 2025). They inevitably influence the person, shaping social behavior and, to some extent, the value system. In psychology, a research domain has also emerged focusing on attitudes toward new technologies (Zhuravlev & Nestik, 2019; Zabelina et al., 2023). We believe that within the context of studying attitudes toward new technologies (and digitalization), reflection can be considered not only in the professional sense, but also in the social and personal dimensions. This paper aims to substantiate and discuss this idea.

Method The research method used was theoretical analysis.

Outcomes. An analysis of various concepts in the field of attitudes toward new technologies (constructionist and interactionist paradigms, which have gained wide recognition in cultural anthropology; the conception of social engineering of technology; the domestication model; etc.,) has shown that authors recognize the role of reflection in evaluating new technologies. However, reflection is most often ascribed an adaptive function in terms of applying technologies. The same can be said of a large body of research in the field of digitalization in education. However, attention should be drawn to the following: in connection with digitalization and technological innovations, the problem of forming an «extended mind» (MacFarquhar, 2018) is being discussed. Such definitions suggest that a person acquires new properties that go beyond their «natural» capabilities. Yet there is no answer to the question: do innovations provide only «extended» properties, or are there also losses? And if losses exist, what exactly does a person lose, and what are the patterns of such «gains» and «losses»? Moreover, the algorithmic nature of «digital» information transmission, sometimes presented as innovative, can, in some cases, conflict with the ethical norms of personal and business interactions (Patrakov & Vodopyanova, 2024). This often results in the alienation of moral choice to digital environments. Facing such a situation may lead a person to forgo defending their own position and instead select one of the proposed options, for various reasons, including trust in technology. The topic of alienation of choice is not new in psychology. However, in this case, the influence of innovations casts this familiar problem in a new light: to what extent is the alienation of moral choice under conditions of innovation a forced phenomenon?

Findings. Thus, we can say that the topic of social reflection has significant potential for analyzing the introduction of innovations and their consequences for the individual, particularly in relation to moral choice.

1. Heidegger, M. (2025). Being and time. Rare Treasure Editions. MacFarquhar L. The mind-expanding ideas of Andy Clark // The New Yorker. 2018. 26 March. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2018/04/02/themind-expanding-ideas-ofandy-clark (accessed 29.04.2025).
2. Patrakov EV, Vodopyanova NE. Digitalization: price and values. Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]. 2024; 70(3):16-25. (In Russ.)
3. Zabelina, E., Cruz-Cárdenas, J., Deyneka, O., Maksimenko, A., Guadalupe-Lanas, J. and Ramos-Galarza, C. (2023), «Psychological time of green entrepreneurs: a mixed methods study of SMEs», International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research, Vol. 29 No. 7, pp. 1427-1452. https://doi.org/10.1108/IJEBR-06-2022-0533
4. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Sotsialnopsikhologicheskie posledstviya vnedreniya novykhtekhnologii: perspektivnye napravleniya issledovanii [Socio-psychological consequences of the introduction of new technologies: promising areas of research]. Psikhologicheskii zhurnal[Psychological Journal], 2019, vol. 40, no. 5, pp. 35-47. https://doi.org/10.31857/S020595920006074-7 (In Russ.)

Медяник О.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Концептуальная модель финансового мошенничества в различных коммуникационных средах

Финансовое мошенничество, психологические механизмы, коммуникативные среды, социальная инженерия, манипулятивное воздействие

Современная динамика социально-технологических трансформаций требует постоянного обновления методологических подходов к изучению манипулятивных воздействий и методов социальной инженерии (Хэднэги 2018, Игнатова 2024). Особую значимость приобретают междисциплинарные исследования, интегрирующие психологические (Баранцев и др., 2024), нейрофизиологические (Медяник, Шошина, 2025), экономические и технологические методы анализа. Научная новизна исследования заключается в разработке интегративного подхода к пониманию психологических механизмов финансового мошенничества, который выходит за рамки традиционных криминологических и психологических концепций. Предложенная модель рассматривает манипулятивное воздействие как сложную динамическую систему, где ключевую роль играют не только технические приемы, но и глубинные психологические триггеры.

Цель исследования – выявление универсальных психологических паттернов манипулятивного воздействия. Методология включала смешанный подход с применением включенного наблюдения за работой банковских сотрудников отделов фрод-мониторинга 4 российских банков, структурированных интервью с жертвами мошенничества (n=124), анализ 187 записей телефонных переговоров банковских сотрудников и потенциальных жертв мошенничества, лонгитюдное исследование динамики мошеннических «обучающих скриптов» (2022-2025), анализ видеоматериала уличного мошенничества, предоставленное криминалистами и взятых из отрытых источников. Валидация результатов проведена методом экспертных оценок с участием специалистов в области нейрофизиологии, психологии и криминалистики. Результаты исследования демонстрируют изоморфность психологических механизмов финансового мошенничества независимо от коммуникативной среды. Ключевые универсальные стратегии включают активацию латентных страхов, блокировку критического мышления, создание атмосферы срочности и манипуляцию эмоциональными состояниями. Разработанная концептуальная модель психологического воздействия интегрирует базовые компоненты, структурные элементы, стратегии (Медяник, 2024) и механизмы влияния (Чалдини, 2021) в различных коммуникативных средах. Основное различие между уличной и телефонной средами заключается в канале передачи воздействия: полисенсорное и аудиальное воздействие с высокой эмоциональной интенсивностью. Практическая значимость модели состоит в возможности: создания универсальных алгоритмов психологической защиты, разработки образовательных программ противодействия мошенничеству, формирования системы раннего предупреждения манипулятивных атак. Государственная политика в сфере психологической безопасности должна эволюционировать от reactive к proactive модели – от реагирования на уже совершенные атаки к их упреждению и профилактике на системном уровне. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением нейрофизиологических механизмов манипуляции и разработкой технологий искусственного интеллекта для распознавания психологических атак.

1. Баранцев С.П., Медяник О.В., Низовских Н.А., Николаева О.А. Психологические аспекты противодействия телефонному мошенничеству в финансовой сфере: методические материалы. Киров: Управление МВД России по Кировской области, 2024.
2. Игнатова Е.С. Манипуляция эмоциональной безопасностью кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии: case-study // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 374-390. DOI 10.17072/2078-7898/2024-3-374-390
3. Медяник О.В., Шошина И.И. Нейропсихология финансового внушения. Москва: Литрес, 2025.
4. Медяник О.В. Психологические стратегии защиты россиян от суггестивного финансового воздействия: кластерный анализ // Вестник Вятского государственного университета. 2024. № 1(151). С. 129-148.
5. Хэднэги К. Социальная инженерия: Наука взлома человека. М.: ДМК Пресс, 2018.

Горохова А.С., Прусова И.С., Лавелина Д.Я.
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ

Адаптация шкалы воспринимаемого классизма (PCES) в российском контексте

Шкала воспринимаемого классизма, классизм, социально-экономическое неравенство

Согласно оценке Росстата, в России коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в 2023 году был равен 40.5% (Росстат, 2023). Одновременно с проблемой социально-экономического неравенства, отмечается ухудшение отношения к бедным слоям населения (Tikhonova, Mareeva, 2016), что может свидетельствовать о феномене классизма – негативных установках и поведении по отношению к членам разных групп, которые основаны на суждениях об их материальном достатке (Lott, 2012). Для измерения опыта столкновений с классизмом, была разработана шкала воспринимаемого классизма (PCES) (Cavalhieri, Chwalisz, 2020), которая учитывала недостатки предыдущих методик и основывалась на комплексных теоретических рамках. Шкала воспринимаемого классизма, обладающая 3-факторной структурой (нисходящий, восходящий, латеральный классизм), в предыдущих исследования продемонстрировала высокую внутреннюю и критериальную валидность, однако была протестирована только на выборках из США (Cavalhieri, Chwalisz, 2020). Цель настоящего исследования заключалась в проверке структуры и валидности шкалы воспринимаемого классизма в российском контексте. После перевода оригинальной методики и процедуры веб-пробинга (N=644) было проведено два исследования для проверки факторной структуры, валидности и инвариантности шкалы.

В Исследовании 1 (N=385, 36% женщин, Мвозраст=36.8) респонденты заполняли методику PCES, в Исследовании 2 (N = 516, 56% женщин, Мвозраст=47.4) респонденты заполняли методику PCES, а также методики для измерения поддержки неравного распределения доходов, справедливости равного распределения, социальной мобильности и удовлетворенности жизнью. В Исследовании 1 после исключения утверждений 16 и 13 конфирматорный факторный анализ (КФА) показал хорошее качество модели ($\chi2$ (101) = 317.748, $p < .001$, CFI = .932, TLI = .920, RMSEA = .075 [.065, .084], SRMR = .044). В Исследовании 2 подтвердилась 3-факторная структура PCES из 16 утверждений.

Межгрупповой КФА подтвердил конфигурационную, метрическую и скалярную инвариантность модели в подгруппах по переменным пола, возраста, образования и субъективного дохода. Корреляционный анализ для проверки конвергентной валидности продемонстрировал ожидаемые взаимосвязи: позитивную – всех видов классизма с оценкой справедливости равного распределения, позитивную – нисходящего и восходящего классизма с социальной мобильностью, отрицательную – нисходящего и латерального классизма с удовлетворенностью жизнью.

В российском контексте шкала воспринимаемого классизмапродемонстрировала воспроизведение трехфакторной структуры, однако была сокращена до 16 утверждений. Результаты исследования показали, что русскоязычная шкала воспринимаемого классизма инвариантна в разных социально-демографических подгруппах и обладает высокой внутренней согласованностью и конвергентной валидностью, что позволяет использовать ее в дальнейших исследованиях.

1. Росстат. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/NB_RD_1-2-5.xlsx (дата обращения: 20.01.2025).
2. Cavalhieri K. E., Chwalisz K. Development and Initial Validation of the Perceived Classism Experiences Scale // The Counseling Psychologist. 2020. Vol. 48 (3). P. 310–341. Lott B. The social psychology of class and classism // American Psychologist. 2012. Vol. 67 (8). P. 650–658.
3. Tikhonova N. E., Mareeva S. V. Poverty in contemporary Russian society: Formation of a new periphery // Russian Politics. 2016. Vol. 1 (2). P. 159–183.

Басимов М.М., Басимова П.М.
АНО ВО УМЦ

Проявление эмоциональной отстраненности для различных групп политической ориентации

Политические предпочтения, эмоциональная отстраненность, множественное сравнение

Введение. Изучались зависимости политических предпочтений, особенностей политическогоповедения, политической активности, отношение к «гражданскому браку» молодежи и психологических особенностей по 9 методикам.

Методы. Исследование проводилось (2017-2019 гг.) на факультете психологии РГСУ. Обработка данных (120 респондентов) проводилась с использованием авторского метода множественного сравнения [1], в рамках которого по 163 интервальным показателям сравнивались выделенные группы (всего 89) по номинальным ответам на вопросы анкеты.

Результаты. Эмоциональная отстраненность как одна из компонент эмоционального выгорания оказалась наиболее ярко выражена у трех групп.

1. Группа G13-06 из 5 респондентов (сравнительная весомость равна +8916). Эти респонденты, анализируя способы воздействия на органы власти, в качестве наиболее эффективных способов предлагают свои нестандартные варианты.

2. Группа G07-01 из 21 респондента, которые на выборах депутатов Государственной Думы РФ голосовали за Единую Россию (+7344). В тоже время в этой группе ярко выражены еще четыре шкалы эмоционального выгорания: личностная отстраненность или деперсонализация (+8360), «загнанность в клетку» (+5602), переживание психотравмирующих обстоятельств (+4771), тревога и депрессия (+3404).

3. Группа G03-02 из 8 респондентов, которые считают, что препятствия со стороны родственников являются причиной вступления молодых людей в «гражданский брак» (+6554). В несколько меньшей степени это касается еще двух групп. 4. Группа G09-01 из 13 респондентов (+3314). Это молодые избиратели, которые, выбирая Президента РФ, обозначают причину своего выбора тем, что он им нравился, прежде всего, как политик. Также для этой группы характерны: личностная отстраненность или деперсонализация (+9864), «загнанность в клетку» (+3530), расширение сферы экономии эмоций (+2009).

5. Группа G05-10 из 17 респондентов, которые оценивая свою политическую активность, заявляют, что политика их раздражает (+2293). В дополнение в рамках шкалы нужно отметить пять групп, которым эмоциональная отстраненность явно несвойственна.

6. Группа G03-06 из 20 респондентов, которые причиной вступления молодых людей в «гражданский брак» считают возможность сохранить свободу (-2390). Также им несвойственна эмоционально-нравственная дезориентация (-2908). 7. Группа G07-10 из 65 респондентов (-2577). Это достаточно большая группа политически пассивных респондентов, которые не принимали участия в выборах в Государственную Думу РФ. При этом они не переживают и психотравмирующие обстоятельства (-3334).

8. Группа G04-03 из 42 респондентов, которые значимым недостатком гражданского брака определяют отсутствие ощущения стабильности своего положения (-2730).

9. Группа G06-07 из 9 респондентов (-2978). Это политически пассивная группа респондентов, не принимающая участия в политической жизни. Свою пассивность они объясняют своим доверием президенту, который сам должен решать все проблемы. Они всегда будут довольны результатом. Но еще меньше у них наблюдается эмоциональный дефицит (-8744). 10. Минимальные значения эмоциональной отстраненности наблюдаются в группе G15-01 из 7 респондентов (-10971). Респонденты этой группы высказываются положительно о дебатах между оппозиционными партиями. Они им интересны, что позволяет сформировать свой выбор.

Выводы. Таким образом, если говорить об эмоциональной отстраненности, как симптоме эмоционального выгорания, можно отметить широкий диапазон изменения сравнительной весомости эмоциональной отстраненности для разных номинальных групп, отсортированных по ответам на вопросы социологической анкеты политического содержания.

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: РАО, Изд-во МПСИ, Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008.

Брызгалова А.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Представления молодежи о политической борьбе

Политическое участие, политическая борьба

Несмотря на постоянное и большое количество исследований представлений, ценностей, установок и мировоззрения молодежи по различным аспектам социальной и политической жизни, пробелы в данной области знаний остаются. Общемировая тенденция аполитичности молодежи, причинами которой выступает преимущественно мировой кризис демократии и диффузная идентичность по национальным интересам, свидетельствует о необходимости пересмотра действующих политических практик.

Молодежь как основной объект и субъект политики всё больше предпочитает выбирать нетрадиционные формы политического участия, действующие в «новых медиа». Данное исследование предполагает изучение представлений молодежи о политической борьбе как активного и пассивного участника политического процесса, взгляд «со стороны» и «внутри». Видится также необходимым выяснить их мотивы и цели, определить представления о действующих и предпочтительных (идеальных) способах политической борьбы, отношение к конвенциональным и неконвенциональным методам ее ведения.

Основные гипотезы: 1) представления молодежи о политической борьбе носят диффузный характер, во многом зависят от ориентации на различные источники информации – официальные СМИ или «запрещенные» СМК; 2) молодежь XXI века отдает предпочтение конвенциональным формам политической борьбы; 3) на готовность вступления молодежи в политическую борьбу наибольшее влияние оказывают социально-психологические установки (отношение к государству и власти, ценностные ориентации, стремление к справедливости и гражданской ответственности) и социально – экономические причины (кризис, резкое обеднение).

Цель исследования: изучение представлений молодежи о политической борьбе в контексте глобальных изменений.

Задачи исследования:

1. Выявить представления о наличии либо отсутствии интереса современной молодежи к политической жизни общества в целом и к политической борьбе в частности.
2. Изучить основные источники получения политической информации.
3. Описать основные цели и мотивы участия молодежи в политической борьбе.
4. Проанализировать представления молодежи о допустимости применения тех или иных средств в политической борьбе, включая экстремальные (радикальные).
5. Оценить степень влияния типа политической культуры и вида идеологической направленности на форму участия молодежи в политической борьбе.

Объект исследования: студенты Санкт-Петербургских вузов в возрасте от 18 до 35 лет.

При проведении исследования планируется использование следующих методов: контент-анализ, анкетный опрос, метод определения понятий, метод ранжирования политических ценностей (О.С. Дейнека), методика фиксированных ассоциаций, методика Р. Инглхарта.

Результаты исследования могут быть полезны как для политического психолога, так и для политолога, социолога с целью разработки эффективных способов взаимодействия в политическом пространстве, организации акций и других действий.

1. Степанищенко О.В. Исследование молодежи как особой социальной группы в социально-гуманитарных науках // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 73. С. 587– 600.

Зиброва М.А., Прусова И.С., Горохова А.С.
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ

Представления о социальной справедливости как предиктор коллективной активности

Социальная справедливость, коллективная активность, относительная депривация, социально-экономическое неравенство.

Согласно Докладу о мировом неравенстве, беднейшая половина человечества владеет лишь 2% мирового богатства, в то время как богатейшие 10% – 76% (Chancel et al., 2022). Представления о справедливом распределении доходов зависят от социального контекста, при этом в странах постсоветского пространства отмечается поддержка как эгалитарных, так и меритократических принципов (Smith & Matějů, 2012). Воспринимаемая справедливость является ключевым фактором в изучении разных форм коллективной активности (Smith & Ortiz, 2002; Van Zomeren et al., 2008). Однако в таких исследованиях воспринимаемая справедливость рассматривается через ограниченный набор аффективных и когнитивных индикаторов, не отражающих в полной мере комплексную природу этого феномена (в том числе, принципов распределения) (Van Zomeren et al., 2008). Цель настоящего исследования состояла в определении роли представлений о социальной справедливости в готовности участвовать в коллективной активности. Для реализации исследования была эмпирически проверена модель, в которой принципы дистрибутивной справедливости рассматривались как предикторы, коллективная активность – в качестве зависимой переменной, а социально-демографические характеристики – контрольных переменных.

В исследовании, проведённом в 2021 году в 5 странах (Россия, Украина, Узбекистан, Казахстан, Беларусь), приняли участие 420 человек (55% женщин; Мвозраст= 33.2). В рамках онлайн-опроса, респонденты заполняли бланк методики для измерения основных принципов дистрибутивной справедливости, коллективной активности (голосование на выборах, подписание петиций и коллективных обращений, участие в работе общественных движений и др.), а также отвечали на вопросы о социально-демографических характеристиках.

Результаты регрессионного анализа показали, что для всей выборки в целом принципы капитала (Equity) ($\beta = 0.09$; $p = .003$) и потребностей (Need) ($\beta = 0.07$; $p = .036$) вносят значимый положительный вклад в готовность участия в коллективной активности. В России принцип потребностей вносит значимый положительный вклад в готовность участия в коллективной активности ($\beta = 0.27$; $p < .001$), а в Украине – принцип капитала ($\beta = 0.22$; $p = .001$). В Узбекистане, Беларуси и Казахстане принципы справедливости не были значимо связаны с коллективной активностью.

Полученные результаты свидетельствуют о специфике социального контекста, в зависимости от которого различные принципы социальной справедливости выступают ключевыми предикторами коллективной активности. Понимание роли восприятия социальной справедливости может способствовать разработке мер социальной политики по стимуляции коллективной активности среди населения.

1. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. et al.World Inequality Report. 2022. URL: wir2022.wid.world (дата обращения: 20.06.2025). Smith H. J., Ortiz D. J. Is it just me? The different consequences of personal and group relative deprivation // Relative deprivation: Specification, development, and integration / I. Walker, H. J. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. https://doi.org/10.1017/cbo9780511527753.005
2. Smith M. L., Matějů P. Two decades of value change: The crystallization of meritocratic and egalitarian beliefs in the Czech Republic // Social Justice Research. 2012. Vol. 25 (4). P. 421–439. https://doi.org/10.1007/s11211-012-0164-9(2012).
3. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. Vol. 134 (4). P. 504–535. https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504

Хомяков Д.О., Дейнека О.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Возможности и ограничения эксперимента в исследовании социальных представлений о военном насилии

Специальная военная операция, социальные представления, насилие

Введение. Целью данного исследования является выявление недостатков и определение перспектив методологии проведенного нами в мае 2025 г. пилотажного исследования (Хомяков, 2025), посвященного изучению социальных представлений о применении военного насилия в современных военно-политических конфликтах. Эмпирическим объектом исследования являлись российские студенты 18-22 лет, не участвующие ранее в военных действиях (N = 62). Основная гипотеза заключалась в следующем: у студентов, как части российского общества, на фоне глобального тренда снижения физического насилия (Пинкер, 2021), доминируют гуманистические представления о применении насилия даже в военных конфликтах. В то же время их представления подвергаются влиянию таких факторов как психологические защиты, позволяющие избежать перенапряжения, привыкание к наблюдаемому уровню насилия посредством СМИ и социальных сетей, солидаризация со своей страной. Учесть перечисленные факторы возможно в предложенном нами эксперименте. Методы. Для нейтрализации влияния этих эффектов применялся эксперимент с последующим анкетированием.

После получения соответствующего согласия, одной группе испытуемых перед прохождением анкеты показывали фильм с кадрами военного насилия со стороны украинских военных в ходе СВО, второй группе показывали фильм с кадрами военных действий со стороны российских военных, третьей – с военным насилием с обеих сторон, а контрольной группе предоставлялась анкета без показа видеокадров. Предлагаемая анкета состояла из незаконченных предложений, которые необходимо было завершить одним или несколькими словами, и включала три блока: общее впечатление после просмотра фильма, отношение к насилию в современных военных конфликтах, оценка насилия в ходе СВО. Результаты. В целом гипотеза подтвердилась, студенты продемонстрировали бóльшуюприверженность гуманистическим ценностям, чем антигуманным (Хомяков, 2025).

Проявились ожидаемые эффекты: вытеснение неприятных мыслей о насилии, привыкание к наблюдаемому уровню насилия (Нестик, 2023) и «объединение вокруг флага», обуславливающее бóльшуюлояльность к насилию над врагом (Звоновский, Ходыкин, 2023).

Тем не менее следует выделить некоторые ограничения и определить потенциал исследования. Так, в дальнейшем целесообразно: 1) расширить объем выборки и выровнять ее по полу, 2) улучшить качество звуковой дорожки стимульного материала, 3) соотнести полученные результаты с доминирующими в информационном поле сообщениями, 4) сконструировать валидный опросник отношения к насилию и милосердию. Вывод. Выполненное исследование показало преобладание интолерантности к насилию у большей части студентов даже в период военного конфликта. В дальнейшем планируется элиминировать ограничения эксперимента с кинокадрами и/или выполнить комплексное опросно-тестовое исследование.

1. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. №1. С. 8-35.
2. Нестик Т.А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. 2023. Т. 4. № 9 (28). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo# (дата обращения: 19.06.2025).
3. Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше / пер. с англ. Г. Бородины, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
4. Хомяков Д.О. Социальные представления российских студентов о военном насилии в ходе СВО: результаты пилотажного исследования // Научное мнение. 2025. № 6.

Скайде Т.В., Дейнека О.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Динамика образа России у немецких граждан на фоне глобальных перемен

Образ страны, обыденное сознание, немецкие граждане, Россия, Германия, аффективный образ, партнёрские предпочтения, образ межгосударственных отношений, глобальные угрозы

В условиях глобальных трансформаций, нарастающей геополитической напряжённости и информационного давления вопросы восприятия страны за рубежом приобретают особую значимость. Формирование образа страны – это не только результат медийных манипуляций, но и продукт коллективного символического производства, в котором участвуют историческая память, культурные коды и политические интересы [3]. На восприятие России в немецком обществе оказывают влияние как исторически укоренившиеся стереотипы, так и современные информационные потоки, политическая риторика и динамика международных конфликтов.

Цель исследования заключалась в изучении образа Российской Федерации, который сформировался у немцев на фоне глобальных перемен, в частности, перехода от однополярного к многополярному миру. Метод. Эмпирический материал был собран офлайн в Германии в земле Северная Рейн Вестфалия в период с 03.03.2025 по 12.04.2025. В исследовании приняли участие 124 респондента, из которых 53 мужчины (43%) и 71 женщина (57%); средний возраст участников составил 29,5 года.

Методический инструментарий исследования был представлен двумя блоками. В первый блок, направленный на исследование образа России у немецких граждан, вошли три экспресс методики [1], а именно «Аффективный образ России» (ранжирование политических эмоций и чувств), «Образ отношений Германии с Россией» и ранжирование потенциальных партнёров Германии. Во второй блок, предназначенный для измерения отражения в политическом сознании глобальных перемен, были включены методика ранжирования глобальных угроз [2] и опросник отношения к глобальным трансформациям. Также учитывались пол, возраст, субъективный уровень дохода и уровень образования. Дизайн исследования позволил сравнить данные 2025 года с данными, полученными на сходной выборке немецких граждан в 2020 году (см.: [1]).

Результаты сравнения данных 2020 и 2025 гг. показали, что эмоциональный образ России стал несколько менее враждебным (ненависть ушла с первой позиции), но при этом снизилась позиция вины (политической). На первых местах оказались эмоции «раздражение» и «обида». В «Образе отношений между странами» на первых позициях в 2025 году остались «враг» и «источник ресурсов», на третье место пришел «конкурент», а вариант «партнер» оказался на последнем 8-м месте. Более благоприятный образ России и образ отношений с ней Германии показали испытуемые с более высоким уровнем образования и оценившие выше свой доход.

Анализ глобальных установок показал, что немецкие респонденты убеждены, что в наше время не должно быть колониальных отношений, их крайне раздражает двойная мораль в международной политике и плохо работающее современное международное право. Обсуждение. На основе описательных статистик можно констатировать усиление эмоциональной холодности и психологического отчуждения немцев по отношению к России в 2025 г. Исследование глобальных установок и отражения глобальных угроз немецкими гражданами показало, что по сравнению с данными россиян, обследованных в 2023 г. [2], которые продемонстрировали страх атомной войны и биогенных угроз, немецкие граждане в качестве основных глобальных угроз отметили вырождение демократии и глобальное потепление.

Выводы. Исследование позволяет констатировать преобладание амбивалентного и преимущественно негативного образа России у немецких граждан, укоренённого в историко-культурной памяти и усиленного современным медиа-дискурсом. Настораживающими в условиях геополитического напряжения тенденциями в психологии немецких граждан являются снижение политической вины и дефицит страха атомной войны.

1. Дейнека О.С. Образ и медиаобраз России в сознании немецких граждан на фоне усиления радикальных установок в обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 225–231. DOI: 10.24158/spp.2021.12.34.
2. Максименко А.А., Дейнека О.С. Индивидуальная самостоятельность россиян в контексте глобальных вызовов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4. С. 16–24. DOI: 10.24158/tipor.2023.4.1.
3. Plebanek O.V. Human Sciences: Another Experience of Substantiating Socio-Humanitarian Knowledge // Дискурс. 2023. 9(3). P. 6.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ И ЛЕТ ЖИЗНИ

Сергиенко Е.А.
ФГБУН ИП РАН

Ребенок как субъект развития и психическое здоровье

Введение. Значение раннего психического развития для становления и физического, и психического благополучия, включающего психическое здоровье, получили научные обоснования и подтверждения. От раннего развития ребенка зависит качество биопсихосоциального развития взрослого человека. Кроме того, многочисленные работы по депривации доказали необходимость тесного взаимодействия ребенка с семейным окружением, значение личностного смысла ребенка для родителей (Мухамедрахимов, 2024). Более того, не только постнатальное, но пренатальное развитие и взаимодействие с матерью и средой оказывают влияние на психическое здоровья ребенка. Накоплено достаточно фактов, свидетельствующих о том, что эмоциональные реакции матери служат причиной огромного числа таких послеродовых состояний у младенцев, как неврозы, тревожные состояния, аллергии, отставание в умственном развитии (Добряков,2010; Соколова, Сергиенко, 2004). Характеристики постнатального поведения зависят от особенностей пренатального опыта (Психофизиология, 2004). Ребенок в утробе не просто пассивно воспринимает сигналы окружающей среды. Представляется, что во время пренатального развития он делает самые первые шаги в познании мира. Цель данной работы состоит в обоснование положения, что ребенок на всех стадиях является субъектом развития, не реципиентом воздействий, а активным участником взаимодействий. На основе теоретических и экспериментальных работ предлагается гипотеза об уровневом развитии ребенка как субъекта, что становится основой его психического здоровья.

Результаты. На основе континуально-генетического подхода, была предложена гипотеза об уровневом развитии субъекта на протяжении жизни. При этом субъект и личность рассматриваются как две неразрывные ипостаси, имеющие специфические функци). Для операционализации функций субъекта разработаны и верифицированы субконцепции контроля поведения (регулятивная функция) и модель психического (когнитивная функция). В этих позициях представлены уровни развития субъекта: уровни первичной и вторичной протосубъектности (0 -2 и 9-12 мес.), уровень агента и наивного субъекта (4-7 лет), растущей субъектности (младший школьный возраст), определяющийся субъект (подростковый возраст), компетентный субъект (взрослость) и интегративный субъект (пожилой возраст). В младенческом возрасте первичной и вторичной субъектности происходит развитие структуры Я и возможностей познания физического и ментального мира, его особенностей, при изменении контроля поведения и модели психического, на основе собственной индивидуальности. Развитие функций субъекта и личности на самых ранних этапах обеспечивают развитие психических функций, закладывая основы психического здоровья (Сергиенко, 2021).

Выводы.

1. На всех этапах развития ребенка, начиная с пренатального возраста, он является субъектом взаимодействий с окружающим миром.

2. Непрерывность субъектогенеза, обеспечивает становление психической организации при согласованном и реципрокном уровневом развитии субъекта-личности.

3. Гипотеза единой взаимосвязанной субъектно-личностной организации в развитии человека позволяет интегрировать разные аспекты психического развития и оценить перспективы его психического здоровья.

1. Добряков И.В. Перинатальная психология СПб: Питер. 2010.
2. Мухамедрахимов Р.Ж. Научные основы ранней помощи детям младенческого и раннего возраста и их семьям // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 4. С. 571–587. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.401
3. Психофизиология / Учебник для вузов под ред. Ю.И. Александрова. СПБ.: Питер. 2004.
4. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
5. Соколова О.А., Сергиенко Е.А. Влияние беременности на психическое здоровье матери и ребенка. // Сб. Исследования по когнитивной психологии./ Под ред. Сергиенко Е.А. М: Изд-во Институт психологии РАН, 2004.

Садовникова Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГУ

Психическое развитие младенцев: результаты диагностики в рамках учебных занятий студентов-психологов

Младенческий возраст, возрастно-психологический подход, диагностика психического младенца, профессиональное развитие студентов

Проблема психологической диагностики детей младенческого возраста в актуальна в теоретическом и практическом плане. Профильным министерством РФ поставлена задача организации систематического, комплексного контроля за развитием детей (Ковязина, Захарова, 2024).

Целью публикации является обобщение опыта проведения практических занятий, направленных на формирование компетенций будущих психологов в области диагностики психического развития ребенка младенческого возраста, а также представление полученных данных о развитии обследованных детей. Авторский курс с видеоматериалами диагностических проб был разработан Е.И. Захаровой в 1988 году. С 2005 года занятия проводит Т.Ю. Садовникова.

Методы: Методика Денвер-2, авторы Frankenburg & Dodds (1992); наблюдение; беседа; описательные статистики.

Результаты обследования студентами 185 детей первого года жизни без зафиксированных соматических нарушений здоровья, из полных семей -- 86 мальчиков (46,5 %) и 99 девочек (53,5 %), -- показали, что большинство обследованных младенцев развиваются благополучно. В 149 (80,5 %) случаев развитие младенцев квалифицировано как «нормальное»; в 30 (16,2 %) -- как «сомнительное» (одна «задержка» и/или два или больше «предостережений»); в 6 случаях (3,2 %) – как «аномальное» (есть 2 «задержки», необходимо диагностическое исследование).

Неблагоприятные тенденции в психическом развитии обследованного младенца, являются для студентов субъективно трудной ситуацией. Негативные переживания часто проявляются при представлении случая, и, иногда, в искажении результатов проведенного обследования при формулировании итогового вывода о результатах развития обследованного младенца.

Выявлена психологическая неготовность части студентов третьего-четвертого курсов (учебный план менялся), в возрасте примерно 20-21 год, к выполнению практического задания по обследованию ребенка первого года жизни.

В соответствии с инструкцией методики Денвер-2 развитие считается «нормальным» и при наличии одного «предостережения», что выявлено у 47 младенцев (25,4 %).

Одно задание типа «задержка», что означает невыполнение ребенком задания, которое выполняют все дети его возраста, и, соответственно, «сомнительное» развитие, выявлено у 18 детей (9,7 %).

Наибольшее количество заданий типа «предостережение» оказалось у обследованных младенцев в сфере «Язык»: 29 чел. (15,7 %). В сфере «Личностно-социальное развитие» -- 17 чел. (9,2 %). В сфере «Тонкая моторика» -- 16 чел. (8,6 %). В сфере «Локомоции» -- 15 чел. (8,1 %).

На учебных занятиях со студентами подробно обсуждались принципы «обратной связи», предоставляемой родителям обследованных младенцев. В случаях «сомнительного» и «аномального» развития младенца преподаватель совместно со студентом обсуждали конкретные рекомендации для родителей ребенка, предлагали очную встречу.

Формирование профессиональных компетенций студентов-психологов в практической работе возрастного психолога требует поиска новых подходов (Зинченко, Карабанова, 2012).

Приведены результаты анализа студенческих отчетов по самостоятельному планированию, реализации и оценке результатов психологической диагностики младенцев с помощью методики Денвер-2 (W.K. Frankenburg, J.B. Dodds) с опорой на возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, М.И. Лисина, А.В. Запорожец, О.А. Карабанова, Г.В. Бурменская, Е.И. Захарова, А.Г. Лидерс).

1. Захарова Е.И., Ковязина М.С., Баулина М.Е. Разработка системы контроля за психическим развитием детей младенческого возраста // Вестник Удмуртского университета 2024. Т. 34, вып. 4. С. 369-380.
2. Зинченко Ю.П., Карабанова О.А. На пути к профессионализации психологов России: итоги V съезда РПО // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 158–160.

Артамонова А.Ю.
АНО «Открывая двери»
ЧОУ ДПО «Социальная школа Каритас»

Аникина В.О., Мухамедрахимов Р.Ж.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Диагностическая классификация: 0-5 (ДК:0-5) - теоретические основы и применение в современной диагностике

Диагностическая классификация ДК:0-5, психическое здоровье младенцев, оценка, психологическое сопровождение

Введение. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до пяти лет – ДК:0-5 (Диагностическая классификация…, 2022) – многоосевая классификационная система, широко применяемая в мировой клинической и исследовательской практике. За более чем 30 лет своего существования, классификация выдержала три пересмотра. Последняя версия вышла в 2016 году; переведена на 13 языков, включая русский. В основу классификации лег системный подход к выделению и описанию природы нарушений ребенка, ДК:0-5 строится на базе многолетних исследований и клинической практики в сфере психического здоровья младенцев (Аникина и др., 2023). При разработке классификации был использован ряд теоретических подходов, сделавший классификацию уникальным диагностическим инструментом.

Метод. Применение ДК:0-5 предполагает использование следующих включенных в классификацию подходов. Нозологический - ориентирован на создание алгоритмов распознавания, подтверждения и классифицирования симптомов и расстройств в младенчестве и раннем детстве. ДК:0-5 учитывает данные даигностических классификаций МКБ-10 и DSM-5. Она существенно дополняет их, фокусируясь на возрасте от рождения до 6 лет. Подход с позиций развития – учитывает динамику развития ребенка от рождения до 5 лет. В ДК: 0-5 это отражено в оценке навыков ребенка и его функционирования в контексте близких отношений, с учетом соответствующего возрасту ребенка этапа развития, это отличает ее от традиционной дефицитарной модели. Функциональный – сосредотачивается на эмоциональном функционировании маленьких детей в контексте социальных отношений. Центральным в ДК: 0-5 является то, что расстройство может иметь причины и механизм возникновения как исключительно присущий индивиду (маленькому ребенку), так и в связи с его контекстом близких отношений. Подход, основанный на сильных сторонах - фокусируется на выявлении сильных сторон или защитных факторов, влияющих на психическое здоровье младенцев в контексте семьи, способностях ребенка и его потребностях, а также на сильных сторонах его окружения.

Результаты. ДК:0-5 успешно применяется в Санкт-Петербурге с 2023 года. Специалисты проводят оценку развития ребенка различными методами диагностики, проводят наблюдение за функционированием ребенка в контексте семьи, выявляют сложности, с которыми семья столкнулась за время жизни ребенка и как они повлияли на его функционирование и адаптацию. В результате 3-5 встреч с семьей формулируется комплексное описание функционирования ребенка и семьи, план помощи семье с включением междисциплинарной команды специалистов.

Заключение. Многоосевая структура ДК:0-5 позволяет описать особенности развития и психического здоровья ребенка с учетом существующих в его жизни психосоциальных стрессоров, состояния физического здоровья, качества отношений с близкими взрослыми и особенностей функционирования семейной системы, систематизировать полученную о ребенке информацию.

1. Аникина В.О., Артамонова А.Ю., Шабалина Е.В. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет (ДК:0-5): основные положения /Третьи Поляковские чтения по клинической психологии. Сборник материалов Всероссийской научно- практической конференции с международным участием (23–24 марта 2023 г) /под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. – М.: издательство МГППУ, 2023. – 659 с.
2. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет: [пер. с англ.]. Санкт-Петербург: «Скифия», 2022. 456 с.

Трушкина С.В.
ФГБНУ НЦПЗ

От «DC:0-3» к «DC:0-5»: динамика методических подходов к диагностике психического здоровья и развития ребенка

Младенчество, ранний возраст, DC:0-3, DC:0-3R, DC:0-5

Введение. Третья версия «Диагностической классификации нарушений психического здоровья и развития в младенчестве и раннем детстве» DC:0-5 (в оригинале – Diagnostic Classification of Mental Health and Developmental Disorders of Infancy and Early Childhood, 2016) в сравнении с ее предыдущими редакциями DC:0-3(1994 и 2005 годов издания) была не только расширена за счет увеличения охватываемого возрастного диапазона, но также претерпела значительные изменения в содержании диагностических осей.

Метод: сравнительный анализ.

Результаты. Основная ось клинических расстройств сохранила 8 рубрик, однако, наполнение их значительно поменялось. Первое место в классификации клинических расстройств DC:0-5 заняла рубрика «Расстройства нейропсихического развития», вобравшая в себя расстройства аутистического спектра, синдром дефицита внимания и гиперактивности, общее отставание в развитии, расстройства речевого развития, расстройство развития координации и др. В DC:0-3 такой рубрики не было, а расстройства аутистического спектра входили в рубрику «Мультисистемное нарушение развития» как единственная нозологическая единица.

Ось 2 «Контекст отношений» в первых редакциях состояла из Шкалы PIR-GAS (The Parent-Infant Relation General Assessment Scale, «Общая оценка качества родительско-детских отношений») и оригинальной классификации нарушенных отношений. Родительско-детские отношения оценивались по 100-балльной шкале, при оценке ниже 40 баллов признавались нарушенными и относились диагностом к одному из шести типов: сверхвовлеченному, недостаточно вовлеченному, тревожно-напряженному, враждебному или насильственному. В DC:0-5 разработчики отказались от использования количественной оценки отношений и заменили ее более простым отнесением к одному из четырёх уровней адаптивности. Типологический подход при оценке нарушений бы заменен на оценку сторон взаимоотношений по простейшей трехбалльной схеме. Общая картина была дополнена характеристикой семейного окружения в целом.

Впечатляющие изменения произошли в подходах к оценке уровня развития ребенка. Сама Ось 5 поменяла свое название с «Эмоциональное и социальное функционирование» в DC:0-3 на «Компетенции ребенка» в DC:0-5. В соответствии с версией 2005 года предлагалось проводить оценку развития ребенка на основе подхода С. Гринсперна, который выделяет в социально-эмоциональном развитии детей первых трех лет жизни шесть стадий: совместного внимания и саморегуляции (0 - 3 мес.); интереса к другому и установления отношений (3 - 6 мес.); целенаправленного двустороннего взаимодействия (6 - 10 мес.); сложноорганизованных коммуникативных сигналов и решения проблем (10 - 18 мес.); использования символов и понятий для выражения мыслей и чувств (18 - 30 мес.); причинно-следственных связей и абстрактных понятий (30 - 48 мес.). В DC:0-5 вместо этого приводится таблица возрастных норм по пяти областям: эмоциональное, социальное, речевое, когнитивное и двигательное развитие, с шагом в 3 месяца.

Таким образом, прослеживая изменения, вносимые авторами в новые версии диагностической классификации, можно видеть живой процесс научного творчества, который основывается на анализе обратной связи от специалистов, использующих на практике более ранние теоретические наработки диагностической классификации.

1. «DC:0-3» Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood, Arlington, DC: Zero to Three, 1994
2. «DC:0-3R» Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood: REVISED EDITION, Washington, DC: Zero to Three, 2005
3. «DC:0-5» Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood, Washington, DC, 2016

Скобло Г.В
АДПП

Новый диагностический инструмент – психопатологическая диагностика в рамках ДК:0-5

Младенчество, ранний возраст, клинические расстройства, диагностика

Наличие оси «клинических расстройств» как необходимой в междисциплинарном диагностическом подходе отражено в последней версии DC:0-5TM (ZERO TO THEE, 2021). Для отечественных специалистов важен русский перевод DC:0-5 с сокращенным названием ДК:0-5TM (СПб: «Скифия», 2022). Цель данного сообщения - детальный анализ оси «клинических расстройств» в рамках ДК:0-5.

Здесь описаны более 40 психических расстройств у детей в возрасте от младенчества до 5-ти лет включительно. Они представлены по единой схеме: вначале излагаются специфические диагностические симптомы расстройства, возраст начала и продолжительность, далее освещаются развитие ребенка при этом расстройстве, его популяционная частота, факторы риска и прогноза, диагностические аспекты, связанные с культуральными и гендерными особенностями, дифференциальный диагноз, коморбидность, аналоги диагноза в DSM-5 и МКБ-10. (Последнее ценно в России, где официальная психопатологическая диагностика осуществляется пока в рамках МКБ-10.) Такая систематизированность и подробность информации позволяет выделить то новое и современное в понимании каждого из расстройств, что еще не отражено в отечественной литературе.

Схожие в диагностическом отношении расстройства объединены в 8 рубрик: расстройства нейропсихического развития, сенсорные, тревожные, аффективные, обсессивно-компульсивные расстройства, расстройства сна, пищевого поведения и синдром плача, травматические, стрессовые и депривационные расстройства, расстройства отношений. Вторая и последняя рубрики терминологически новы для отечественных специалистов, но при анализе описания сенсорных расстройств выявляется их соответствие классическим синдромам невропатии, а собственная клиническая практика показывает высокую правомерность диагноза расстройств отношений.

Каждой рубрике предшествует общая характеристика входящих в нее расстройств с отражением общих клинических, этиопатогенетических и популяционных данных. Так, расстройства нейропсихического развития – это расстройства с началом в раннем возрасте, непрерывным течением, частой коморбидностью внутри группы, более распространенные у мальчиков, в их этиологии присутствуют генетические аномалии, обычно сочетающиеся с неблагоприятными биоэкзогениями и негативными психосоциальными факторами, с суммарной популяционной частотой 15%. В ДК:0-5 это прежде всего расстройства аутистического спектра и СДВГ, описания которых содержат много новой клинической, а также и другой информации. Нами на практике показана высокая валидность диагностики расстройства аутистического спектра в рамках ДС:0-5 (Skoblo, Trushkina, 2023).

Диагностически ценно описание критериев ряда новых расстройств в подрубриках, ранее не представленных в классификации (раннее атипичное расстройство аутистического спектра, синдром гиперактивности и импульсивности в младенческом и раннем возрасте, синдром страха новизны, расстройство регуляции гнева и агрессии в младенческом и раннем возрасте и др.).

В целом, анализ оси «клинических расстройств» позволяет отнести ее к разряду масштабных современных диагностических руководств по ранней психопатологии.

1. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет.- Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2022.
2. Skoblo G.,Trushkina S. The Interdisciplinary Diagnostics of autism spectrum disorder Using DC:0-5TM: A Gase Report. Consortium Psychiatricum 2023. V.4. (4). P.49-56. doi:10.17816\CP14783
3. ZERO TO THREE. (2021). DC:0-5TM: Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood. (Vesion 2.0). Washington, DC: Author. (Original work published 2016)

Крылова А.В., Масленникова Е.О.,
СПБ ГКУЗ СПНДР №13

Опыт практического применения ДК: 0-5 междисциплинарной командой дома ребенка №1

Психическое здоровье, младенческий и ранний возраст, диагностическая классификация ДК: 0–5, раннее вмешательство

В первые годы жизни ребенка закладывается фундамент физического, психического и нравственного здоровья. Ранний возраст – это важный сензитивный период для овладения ребенком способности регулировать эмоции, для достижения им автономности, а также для формирования отношений с близким взрослым и окружающим миром.

Проведенные в последние десятилетия российско-американские квазилонгитюдные исследования выявили существенное влияние качества социально-эмоционального окружения на показатели психического здоровья и развития детей, проживающих в условиях дома ребенка (Мухамедрахимов, 2013). На основании этих исследований в доме ребенка № 13 была сформулирована «Программа раннего вмешательства», которая предполагает изменение организации жизни детей и работы персонала в интересах развития личности детей.

Сейчас работа в доме ребенка построена по принципу командного взаимодействия. Междисциплинарная команда учреждения объединяет специалистов различного профиля: учителей-дефектологов, педиатров, неврологов, социальных работников, психологов и инструкторов по лечебной физической культуре, педагогов дополнительного образования. Одна из основных целей их работы – сохранение психического здоровья детей до их устройства в семью (усыновление, опека и попечительство, возвращение кровным родителям).

Для единого подхода к оценке психического здоровья детей раннего возраста команда специалистов СПНДР № 13 применяют в своей профессиональной деятельности признанную международным научным сообществом систему классификации - «Диагностическую классификацию нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет» (ДК: 0-5). Данная классификация описывает особенности развития и психического здоровья ребенка, контекст его развития, влияющий на возникновение расстройства, включая отношения и психосоциальный контекст; помогает систематизировать информацию в ходе обследования. Классификация является основой для описания случаев и разработки программ помощи детям и их семьям (Аникина, 2022).

Диагностика проводится среди детей раннего возраста, находящихся в группах социального (пренебрежение нуждами) и биологического риска (перинатальные патологии). Эти дети могут оказаться в учреждении вследствие изъятия из семьи или других сложных жизненных обстоятельств.

В процессе работы командой специалистов была разработана схема действий по работе с ДК: 0-5. Каждый специалист заполняет данные по своей оси на соответствующем этапе, после чего проводится междисциплинарный консилиум, на котором специалисты обсуждают результаты диагностики по всем разделам, выявляют факторы риска и защитные факторы, формируют клиническое заключение, определяют направления программы сопровождения.

Применение ДК: 0-5 в условиях дома ребенка позволяет снизить риски нарушения психического здоровья детей в условиях социального неблагополучия, минимизировать субъективность оценок и повысить эффективность сопровождения детей в условиях учреждения и в замещающих семьях.

1. Аникина В.О., Артамонова А.Ю., Шабалина Е.В. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет (ДК:0-5): Основные положения // Поляковские чтения 2023: Третьи Поляковские чтения по клинической психологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (23–24 марта 2023 г.). Москва: МГППУ, 2023. С. 101–105.
2. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет. Санкт-Петербург: Скифия, 2022.
3. Мухамедрахимов, Р.Ж.; Никифорова, Н.В.; Пальмов, О.И.; Гроарк, К.Я.; Мак, Колл Р.Б. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2009.

Артамонова А.Ю.
АНО «Открывая двери»
ЧОУ ДПО «Социальная школа Каритас»

Шабалина Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Опыт применения ДК:0-5 в Центре психического здоровья ребенка и семьи

Диагностическая классификация ДК:0-5, психическое здоровье младенцев, оценка, психологическое сопровождение

Центр психического здоровья ребенка и семьи (ЦПЗРиС, г. Санкт-Петербург) открыт на базе АНО «Открывая двери» в 2022 году как практическое консультативное пространство для семей по вопросам социально-эмоционального благополучия и развития детей первых пяти лет жизни. Открытие Центра позволило начать работу по апробации и клиническому использованию русскоязычного издания Диагностической классификации нарушений психического здоровья и развития детей от рождения до 5 лет (ДК:0-5; СПб: «Скифия», 2022) на российской выборке семей с детьми из разных групп риска. Перевод ДК:0-5 был выполнен в рамках совместного проекта «Психическое здоровье и ранняя помощь» АНО «Открывая двери» с ЧОУ ДПО «Социальная школа Каритас» при поддержке кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей СПбГУ. Сотрудники центра – клинические психологи, имеющие опыт работы с семьями и прошедшие обучение использованию ДК:0-5 у ее разработчиков – организации «От нуля до трех».

При организации работы особое внимание уделяется пониманию психического здоровья и развития ребенка в контексте его семьи (Аринцина и др., 2024). Поводом для обращения могут быть беспокойство или вопросы родителей, касающиеся эмоционального состояния, развития и поведения ребенка. С семьей проводится первичная консультация, в ходе которой возможно уточнение запроса, формулирование общего взгляда на проблему и направления работы. Далее проводится углубленная диагностика с опорой на принципы, оси и диагностические алгоритмы ДК:0-5. Она включает сбор и анализ данных о ребенке и семье с помощью осей ДК:0-5 и других методов: интервью и опросников для взрослых, наблюдения за игрой ребенка и его взаимодействием с родителями, методов скрининговой или экспертной оценки развития ребенка и др. По итогам диагностики формулируется заключение, включающее подробное клиническое описание и рекомендации по организации дальнейшего сопровождения.

За время работы в центр обратились и получили помощь более 100 семей с маленькими детьми. Среди наиболее частых причин обращений: беспокойство о развитии ребенка; сложности, касающиеся взаимодействия с ребенком; наличие у ребенка специфических симптомов, особенностей в поведении; трудности, связанные с регуляцией эмоциональных состояний; диагностическое психологическое обследование для постановки диагноза.

Преимущество ДК:0-5 для практической работы в том, что она предлагает инструменты для структурирования данных о контексте ребенка и его семьи (Mulrooney et al., 2023), позволяющие оценить вклад биологического и психосоциального риска и выделить защитные факторы. Это имеет ключевое значение для выстраивания процесса сопровождения с целенаправленным выбором направлений, методов и форм поддерживающей работы, отвечающих потребностям семьи.

1. Аринцина И.А., Артамонова А.Ю., Кравченко А.П., Лотош О.Р., Насретдинова Ш.Ф. Шабалина Е.В. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет в практической работе психологов // Аутизм и нарушения развития. 2024. Т. 22, № 1. С. 68–75. https://doi.org/10.17759/autdd.2024220109
2. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет: [пер. с англ.]. Санкт-Петербург: «Скифия», 2022. 456 с.
3. Mulrooney K., Keren M., Osofsky J. D. (Eds.). DC:0-5TM casebook: A guide to the use of DC:0-5TM: Diagnostic classification of mental health and developmental disorders of infancy and early childhood in diagnostic assessment and treatment planning. ZERO TO THREE, 2023. 315 p.

Шабалина Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Колесникова М.А.
АНО «Открывая двери»

Контекст отношений в оценке психического здоровья детей: подбор методов углубленной оценки

Психическое здоровье младенцев, оценка отношений ребенка и близкого взрослого, диагностическая классификация ДК:0-5

В области психического здоровья развитие и психическое благополучие младенцев и детей раннего возраста рассматриваются в системе отношений с ближайшим окружением (Clark et al., 2019). В связи с этим оценка психического здоровья и развития маленьких детей должна включать в себя диагностику их отношений с близкими взрослыми. Данная работа посвящена краткому обзору актуальных методов оценки отношений в рамках диагностики психического здоровья.

Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития детей от рождения до 5 лет (ДК:0-5; СПб: «Скифия», 2022) является нозологической системой, используемой для оценки психического здоровья с учетом контекста отношений. В структуру ДК:0-5 включена Ось II «Контекст отношений», которая позволяет подробно описать качество отношений ребенка с близкими взрослыми и с расширенным социальным окружением. В данной оси предложены таблицы для анализа сильных сторон и проблемных областей в системе отношений с точки зрения параметров родительской заботы и расширенного окружения, а также таблица для оценки вклада характеристик ребенка в отношения. По результатам оценки выявляется уровень адаптивного функционирования, который отражает наличие и выраженность проблем в отношениях, степень риска для психического здоровья ребенка и определяет необходимость вмешательства. В случаях, когда симптомы, нарушающие функционирование ребенка, проявляются только в отношениях с определенным человеком, эти нарушения в ДК:0-5 могут быть рассмотрены в рамках диагноза 80.1 «Специфическое расстройство отношений в младенческом и раннем возрасте» (СПб: «Скифия», 2022).

С точки зрения системной модели, для наиболее полной диагностики сферы детско-родительских отношений необходимо использование методов, основанных на наблюдении за поведением и взаимодействием ребенка и близкого взрослого, а также интервью взрослых для выявления их представлений об отношениях (Zeanah, Lieberman, 2016). К первой группе методов относятся, например, «Незнакомая ситуация» (SSP, Ainsworth et al., 1978), «Индекс заботы» (CARE-Index, Crittenden, 1981), «Оценка ранних детско-родительских отношений» (PCERA, Clark, 1985). Во второй группе методов можно выделить «Интервью о внутренней рабочей модели отношений с ребенком» (WMCI; Zeanah et al., 1994), «Интервью привязанности у взрослых» (AAI, George et al., 1985-1996; DMM-AAI, Crittenden & Landini, 2010). Данные методы апробированы и признаны в мировом научном сообществе, но для их практического использования требуется обучение.

Таким образом, ДК:0-5 представляет комплексный подход к оценке психического здоровья детей, включающий анализ контекста отношений ребенка с ближайшим окружением. Для углубленной оценки отношений могут применятся методы, основанные на наблюдении и анализе взаимодействия ребенка и близкого взрослого, и интервью с родителями.

1. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет: [пер. с англ.]. Санкт-Петербург: «Скифия», 2022. 456 с.
2. Clark R., Tluczek A., Moore E. C., & Evenson, A. L. Assessment of early parent–child relationships //The Oxford handbook of infant, toddler, and preschool mental health assessment. 2019. Vol. 2. P. 1-62. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837182.013.3
3. Zeanah C. H., Lieberman A. F. Defining relational pathology in early childhood: The Diagnostic Classification of Mental Health and Developmental Disorders of Infancy and Early Childhood DC:0–5 approach // Infant Mental Health Journal. 2016. Vol. 37. P. 509–520. http://doi.org/10.1002/imhj.21590

Галкина Е.В., Краснощекова С.В.
ИФ РАН

Зарождение эвиденциальности на ранних стадиях речевого развития

Детская речь, когнитивное развитие, раннее речевое развитие, эвиденциальность

Введение. В работе рассматривается формирование навыков вербализации эвиденциальности (способность указывать на источник сообщаемой информации) типично развивающихся детей в возрасте 8–24 месяцев. Выделяются основные типы эвиденциальных значений: прямая эвиденциальность (информация получена самим говорящим посредством органов чувств), инферентивность (сообщение основано на логическом выводе), пересказывательность (информация получена от других лиц) (Козинцева, 1994, Aikhenvald, 2004). Известно, что в раннем возрасте освоение происходит поэтапно и обуславливается характером родного языка (Koring, Mulder, 2015; Fitneva, 2018). Исследования на материале русского языка немногочисленны и носят факультативный характер (Цейтлин, 2024).

Материал и методы. В работе использованы лонгитюдные данные речи 27 русскоязычных детей в возрасте 8–18 мес. (записи лаборатории детской речи РГПУ им. А.И. Герцена, а также собственные материалы авторов исследования). Учитывались ранние высказывания объемом 1–3 слов. Всего проанализировано ~1500 контекстов с рассматриваемой семантикой.

Результаты. В высказываниях информантов данного исследования были обнаружены все основные типы исследуемых значений. В речи детей зафиксирована прямая (визуальная, слуховая, тактильная) эвиденциальность. Ребенок называет непосредственно наблюдаемую ситуацию или объект: Снег идет (1,6); Моя дом! (2,0), упоминает свое физиологическое или эмоциональное состояние: Вава [больное место] (1,6), Тяка [червяка] боюсь! (1,9) или реагирует на услышанный звук: Яся ля-ля-ля [поет] (1,6).

Инферентивность в ранних высказываниях тесно связана с причинностью. Ребенок словесно выражает свои предположения относительно связи между явлениями: Няма всё [кот съел всё] (реакция на то, что тарелка кота пустая) (1,11), Порвала, чинить (1,11), а также делает логический вывод на основе наблюдаемой ситуации: В. Эту ягодку нельзя кушать. Р. Плохая [~ ‘если эту ягоду нельзя есть, значит, она плохая’] (1,6).

Пересказывательность отмечается в случаях, когда ребенок: а) воспроизводит «речь» животных либо называет референт – животное или звучащий неживой объект посредством издаваемого им звука: Р. Каяку! В. Кто это кричит? Р. Петушок (1,10); б) повторяет за взрослым: В. Это палка. Скажи «палка». Р. Па́ка (1,0), в) использует глаголы при указании на авторство: Дядя сказал нихт (1,11), Мышка пищит привет (2,0), Машина бибикает до свидания (2,0).

Выводы. Ранние эвиденциальные высказывания обычно относятся к области «я» ребенка и его ближайшего окружения и являются ситуативно обусловленными. Несмотря на то, что специфичное языковое оформление на рассматриваемом этапе еще не освоено, спектр основных эвиденциальных значений обнаруживается уже в самом раннем возрасте, что свидетельствует о способности ребенка позиционировать как себя, так и другого в качестве «хозяина» информации, и озвучивать собственные выводы, сделанные на основе наблюдений, внешних факторов и внутренних состояний.

1. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
2. Цейтлин С.Н. Онтолингвистические этюды. СПб.: РГПУ, 2024.
3. Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford: Oxford university press, 2004.
4. Fitneva S.A. The Acquisition of Evidentiality // The Oxford Handbook of Evidentiality / ed. by A.Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford university press, 2018. P. 185–201.
5. Koring L., De Mulder H. Understanding different sources of information: the acquisition of evidentiality // Journal of Child Language. 2015. Vol. 42 (5). P. 947–968. https://doi.org/10.1017/S030500091400052X

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разноструктурных языков)».

Лункина Н.И., Сысорова О.Ю.
РКЦ МПС «Росток»

К вопросу изучения ранних проявлений дизонтогенеза в развитии у детей до года

Сенсомоторное развитие, саморегуляция, критерии развития

Введение. В практике работы Центра «Росток» в настоящее время наблюдается увеличение количества запросов, связанных со стабильной школьной неуспешностью и дезадаптивными формами поведения детей и подростков. Данные проявления, с точки зрения нейропсихологического подхода, во многом связаны с различными нарушениями онтогенетического развития, клиническая картина которых обнаруживается на более поздних этапах развития, когда должна активно формироваться произвольность высших психических функций. При осуществлении комплексного медико-психологического сопровождения детей по развитию произвольной саморегуляции в качестве актуальной задачи диагностической работы нейропсихологи Центра «Росток» видят раннее выявление дизонтогенеза развития.

В своей работе специалисты Центра опираются на системный подход, теоретические и методологические разработки А.Р. Лурия, А.Б. Холмогоровой, Л.С. Цветковой, Э.Г. Симерницкой, А.В. Семенович. В раннем онтогенезе очаг поражения вызывает системное недоразвитие соответствующих высших психических функций. В частности, поражение в сенсомоторных и премоторных отделах головного мозга неизбежно сказывается на формировании произвольных двигательных процессов и, как следствие, произвольности высших психических функций. Учитывая, что сенсомоторный уровень является базовым для дальнейшего развития высших психических функций, нам представляется целесообразным использование для ранней диагностики возможных нарушений в развитии ребенка в качестве фундаментальной трехуровневой системы, разработанной в соответствии с учением А.Р. Лурия и теорией нейропсихологической реабилитации Л.С. Цветковой.

Три уровня системы отражают общую картину развития процессов саморегуляции:

1. «Уровень активации непроизвольной саморегуляции, энергоснабжения и статокинетического баланса нейропсихосоматических процессов».

2. «Уровень операционального обеспечения сенсомоторного взаимодействия с собой и внешним миром».

3. «Уровень произвольной регуляции и смыслообразующей функции психических процессов» (Семенович, 2010). Первый уровень ощущений и управления собственным телом является базовым для организации двигательных актов, высокосложных, адаптивных движений и избирательного выполнения действий.

Таким образом происходит первичная закладка саморегуляции, поэтому сопровождение ребенка на данном этапе его развития является предпосылкой для полноценного дальнейшего развития произвольной психической деятельности в целом и общей способности к обучению в частности.

Метод. Для реализации задачи раннего выявления проявлений дизонтогенеза специалистами Центра предпринята попытка систематизировать опыт отечественных и зарубежных исследований и выделить критерии, позволяющие отслеживать развитие ребенка от рождения до 1 года.

Результаты. Выделенные критерии отражают качественные изменения, происходящие в развитии ребенка в соответствии с первым уровнем вышеуказанной трехуровневой системы, и включают сенсомоторные функции (зрительное слежение, двигательная активность, игры и др.), социально-адаптивные функции (эмоциональные и коммуникативные проявления), речевое развитие (гуление, лепет, вокализации и др.).

Выводы. Требуется дальнейшая работа по содержательному наполнению и качественному анализу выделенных критериев сенсомоторного развития в Центре «Росток».

1. Корнеева В.А., ШевченкоЮ.С. Методология сенсомоторной коррекции дефицитарных нейропсихологических функций у детей // Клиническая психотерапия (инстинктивно-поведенческие и нейропсихологические модели) / Под ред. Ю.С. Шевченко. - М.: ООО «Издательство «Медицинское информационное агентство», 2018. С. 272-285.
2. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2000.
3. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего отногенеза: Учебное пособие. - М.: Генезис, 2010.

Корсак А.А.
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Иванова Е.М.
ФГБНУ НЦПЗ

Особенности развития улыбки и смеха как индикатора дизонтогенеза

Улыбка, смех, дизонтогенез, дети

Улыбка и смех – это продолжительные нейромышечные процессы, которые в онтогенезе возникают как рефлекторная реакция и затем развиваются в сложную социально-коммуникативную функцию. При дизонтогенезе эти процессы могут быть нарушены. Наблюдается пробел в исследованиях этой проблемы (Альбицкая, 2017).

Цель – анализ и систематизация данных по особенностям проявления улыбки и смеха при дизонтогенезе.

Нарушения улыбки и смеха могут наблюдаться в связи с особенностями социального взаимодействия. Например, к 6 месяцем слепые дети (Valente, 2017) улыбаются нерегулярно и часто эти улыбки бывают кратковременные. В 2-3 года у слепых детей наблюдается снижение общей мимической активности в отношении улыбки и смеха. Слепые дети могут маскировать негативные эмоции «фальшивой» улыбкой. Однако у них улыбка реже появляется в негативных ситуациях, что указывает о несформированности защитной реакции.

У врожденно глухих младенцев улыбка и вокализация смеха такая же, как и у здоровых. У врожденно глухих людей громкость, положение рта, частота смеха аналогичны слышащей аудитории. Это подтверждает, что смех имеет биологическую основу. Однако у глухих людей смех отличается меньшей амплитудой и большей продолжительностью, что связано с социальными факторами (Makagon, 2008).

Задержка в появлении улыбки и смеха может быть связана с когнитивным дефицитом. При умственной отсталости улыбка появляется поздно, а в 33% случаев дети до года не улыбаются. При раннем детском аутизме первая улыбка появляется так же, как и у здоровых, но не как реакция на кого-то, а «отстраненная». В 25% случаев дети не улыбаются до 1 года (Альбицкая, 2017). Дети с аутизмом редко смеются в ответ на смешные лица и не используют смех и нелепое поведение для общения, в отличие от детей с синдромом Дауна.

Специфические нарушения могут проявляться при гипертрофированном развитии улыбки и смеха. Это наблюдается у детей с синдромом Ангельмана, уже в младенчестве появляется неестественная улыбка. В 80% случаев наблюдаются частые эпизоды смеха, которые считаются стереотипным поведением. Однако в лонгитюдном исследовании (Adams, 2015) было выявлено, что у таких детей в возрасте с 6 до 10 лет частота улыбок и смеха возрастает в присутствии родителей. Гипертрофию смеха можно увидеть при синдроме Туретта – эпизодические и социально неуместные приступы смеха (Cavanna, 2010).

Следовательно, улыбка и смех могут служить индикаторами проявления дизонтогенеза. Исследования демонстрируют как биологическую природу улыбки и смеха, так и влияние когнитивных и социальных факторов на их проявление.

1. Альбицкая Ж.В. Возрастные особенности нарушений эмоциональной сферы у детей с различными психическими расстройствами // Медицинский альманах. 2017. №5 (50). С. 144–146.
2. Adams D., Horsler K., Mount R., Oliver C. Brief Report: A Longitudinal Study of Excessive Smiling and Laughing in Children with Angelman Syndrome. Journal of Autism and Developmental Disorders. 2015. Vol. 7. P. 1–14. https://doi.org//10.1007/s10803-015-2404-y
3. Cavanna A.E, Ali F., Leckman J.F, Robertson M.M.Pathological laughter in Gilles de la Tourette syndrome: an unusual phonic tic. Mov Disord. 2010. Oct 15;25 (13):2233-9. doi: 10.1002/mds.23216. https://doi.org/10.1177/0145482X0309700704
4. Makagon M.M., Funayama E.S., & Owren M.J. An acoustic analysis of laughter produced by congenitally deaf and normally hearing college students. The Journal of the Acoustical Society of America. 2008. Vol. 124 (1). P. 472–483. https://doi.org/10.1121/1.2932088
5. Valente D, Theurel A, Gentaz E. The role of visual experience in the production of emotional facial expressions by blind people: a review. Psychon Bull Rev. 2017. Vol. 25 (2). P. 483-497. https://doi.org//10.3758/s13423-017-1338-0

Быховец Ю.В., Харламенкова Н.Е.
ФГБУН ИП РАН

Особенности психологической оценки травматического стресса у детей, подростков и взрослых

Посттравматическое стрессовое расстройство, дети, подростки, взрослые, психодиагностика

В настоящее время для психологической диагностики посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у детей, подростков и взрослых используются разные методики. Для оценки ПТСР в разном возрасте требуется диагностика ПТСР по следующим признакам: вторжение, избегание, физиологическая возбудимость, негативные изменения когнитивных функций и настроения, функциональные нарушения в межличностном общении и профессиональной сфере.

Исследование ПТСР у респондентов разных возрастов имеет свои особенности, что связано с определенными факторами. Например, дети раннего возраста (до 5 лет) в целом трудно вербализуют свой травматический опыт, а в более позднем детском возрасте они начинают понимать и страшится того, что с ними произошло, что также затрудняет определение психотравмирующего стрессора. Более того, есть данные, что дети не всегда могут установить причинно-следственные связи между имеющейся у них психопатологической симптоматикой и пережитым травматическим событием.

В тоже время некоторые авторы указывают, что у детей воспоминания о травме могут проявляться в форме повторяющихся высказываний на тему события или бесконечных вопросов о нём, либо о сопутствующих обстоятельствах (Трушкина, 2019). Ребёнок неосознанно стремится проработать тягостные воспоминания с помощью рисунков, игр, разговоров. Этот феномен можно объяснить ригидностью их психологических защит. Для оценки выраженности ПТСР у детей можно использовать полуструктурированное интервью, разработанное А.И. Щепиной и А.В. Макарчук, для выявления признаков посттравматического стресса у детей 10-13 лет (Тарабрина, 2001). Также в этот возрастной период рекомендуется использовать проективные тесты: рисуночные тесты «Несуществующее животное», «Человек под дождём», методики интерпретации ситуаций (тест Розенцвейга, тематический апперцептивный тест (ТАТ). В DSM - V введена дополнительно модифицированная возрастная подкатегория ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство у детей в возрасте шести лет и меньше, диагностические критерии которого существенно отличаются по многим параметрам от критериев ПТСР детей старше шести лет. В особенности это касается того, что для постановки диагноза ПТСР у детей в возрасте шести лет и меньше, вместо семи симптомов, требуемых для старших детей и взрослых, требуется наличие только трех симптомов, по одному из групп симптомов вторжения, избегания негативных мыслей или возбуждения (Bui et al., 2014).

ПТСР у подростков имеет черты, сходные с проявлением симптоматики данной нозологии как у детей, так и у взрослых. Отмечается, что подростки, как и дети, участвуют в травмирующем воспроизведении, в которое они включают аспекты травмы в их ежедневную жизнь (Силенок, 2013). Кроме того, подростки более вероятно, чем младшие дети или взрослые, проявляют импульсивные и агрессивные реакции поведения, которые отсутствовали до столкновения с психотравмирующей ситуацией. Для психодиагностики ПТСР у подростков могут использоваться как методики для детей, так и для взрослых.

ПТСР у взрослых характеризуется усилением симптомов ПТСР при воспоминаниях о травме. В эмоциональной сфере проявляется преобладание определённых чувств (гнев, стыд, печаль и чувство вины). Люди с ПТСР часто жалуются на различные соматические проблемы. Также следует отметить их повышенную чувствительность к повседневному стрессовому воздействию: часто пациенты ощущают сильные эмоциональные реакции на стрессовые ситуации, не связанные с травмой. Для оценки симптомов ПТСР у взрослых можно использовать следующие опросники: PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist, Weathers et al., 2013 в адаптации Тарабриной с соавт., 2017), шкалу оценки влияния травматического события (ШОВТС) (Impact of Event Scale-R, IES-R, Weiss et al., в адаптации Тарабриной с соавт., 2001), шкалу для клинической диагностики ПТСР (Clinical-Administered PTSD Scale, CAPS в адаптации Н. В. Тарабриной с соавт., 2001), шкалу оценки интенсивности боевого опыта (Combat Exposure Scale, CES в адаптации Тарабриной с соавт., 2001).

В целом, можно отметить нехватку адаптированных на русский язык методических средств для диагностики ПТСР у детей и подростков по сравнению со взрослой выборкой. Это является одной из актуальных задач современной психологической науки.

1. Силенок И.К. Характеристика посттравматического синдрома подростков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. N 3(123). С.134-141.

2. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001.
3. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А., Хажуев И.С., Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дан М.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Институт психологии РАН, 2017.
4. Трушкина С.В. Влияние сильного стресса на детей первых лет жизни // Медицинская психология в России. 2019. Т.11. N. 3. С. 8
5. Bui E., Ohye B., Palitz S., Olliac B., Goutaudier N., Raynaud J.P., Kounou K.B., Stoddard F.J. Acute and chronic reactions to trauma in children and adolescents // Rey JM (ed), IACAPAP e-Textbook of Child and Adolescent Mental Health. Geneva. 2014.

Захарова Е.И., Ковязина М.С., Кулагина В.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Баулина М.Е.
ФГБОУ ВО РГГУ

Особенности психического развития современных детей второго года жизни

Раннее развитие, второй год жизни, онтогенез

Введение. Второй год жизни ребенка является критически важным этапом в онтогенезе психики, характеризующимся качественной перестройкой всех сфер психического функционирования (Петровский, 1996; Карабанова, 2005). Однако современные социокультурные условия, включая цифровизацию, изменения в воспитательных практиках, оказывают значительное влияние на психическое развитие детей, что требует пересмотра существующих нормативов и подходов к диагностике.

Цель исследования: провести сравнительный анализ уровня психического развития современных детей второго года жизни с нормативными показателями, описанными в психологической литературе, и выявить особенности развития, обусловленные изменяющейся социокультурной ситуацией. В исследовании была выдвинута гипотеза о том, что трансформация социальной ситуации развития (включая изменения в семейной структуре, образовательных практиках и технологическом окружении) приводит к изменению сроков и темпов психического развития детей раннего возраста.

Методы. Методика, использованная в исследовании, разработана авторами для оценки основных линий психического развития детей второго года жизни: моторной (локомоции и мануальные действия), сенсорной, познавательной и социальной. Она имеет скрининговый характер и позволяет выявить степень сформированности ключевых возрастных умений, их соответствие представлениям о нормотипическом развитии, а также может служить средством контроля за развитием.

В разработанную методику вошло 30 проб. Обследование проводилось индивидуально в присутствии родителя. Исследователь находился в непосредственном контакте с ребёнком, предлагал игровые действия, демонстрировал предметы и наблюдал за реакциями ребенка. Общее время обследования – около 15-20 минут. Были обследованы 66 детей, среди которых было 35 девочек и 31 мальчик в возрасте от 12 до 23 месяцев. Все дети на момент обследования были здоровы и не имели нарушений нервно-психического развития.

Результаты. Результаты исследования свидетельствуют о сохранении общей логики онтогенетического развития. Основными линиями развития остаются развитие речи, мануальных действий (орудийная деятельность), восприятие. В то же время зафиксировано специфические особенности траектории развития. Современные дети раньше осваивают рисование карандашом (к 18 мес. 100% детей) в то же время освоение орудийных действий, связанных с самообслуживанием (использование посуды, одевание, пользование горшком) запаздывает. Это может быть связано с современными воспитательными практиками, где родители чаще выполняют эти действия за ребёнка. Приходится говорить о некотором отставании развития активной речи. Словарный запас начинает увеличиваться лишь с 21 мес. В то время, как использование указательного жеста устойчиво фиксируется уже в 15 мес., использование речи для выражения желания не характерно детям вплоть до двух лет. Особое внимание привлекает развитие самосознания: выполнение зеркальной пробы устойчиво выполняется лишь к 18 мес., указание своих частей тела только к 21 мес.

Выводы

1. Динамика психического развития ребенка на втором году жизни в целом соответствует общей логике, задаваемой структурой психологического возраста.
2. Психическое развитие современных детей обнаруживает тенденцию к запаздыванию самосознания, использования активной речи в коммуникации со взрослым, становлении навыков самообслуживания.

1. Введение в психологию / Под общ. ред. проф. А. В. Петровского. Москва: Издательский центр «Академия», 1996.
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного кон-. сультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005.

Марголина И.А.
ФГБНУ НЦПЗ

Типология расстройств пищевого поведения в раннем и дошкольном возрасте

Ранний возраст, дошкольный возраст, пищевое поведение

Введение. Расстройства пищевого поведения широко распространены во всех возрастных группах, однако большинство исследований посвящено их изучению во взрослом и подростковом возрасте, а в раннем детском и дошкольном возрасте эта проблема изучена недостаточно, особенный интерес представляет выявление этиопатогенетической связи и коморбидности с другими психическими расстройствами (Балакирева, 2020). С целью изучения расстройств пищевого поведения у детей этих возрастных групп сотрудниками Института детской психиатрии ФГБНУ НЦПЗ проведено исследование на примере детей с психической патологией, вызванной различными этиологическими факторами, в возрасте от 6 месяцев до 6 лет 11 месяцев. В задачи исследования входило описание типологии расстройств пищевого поведения в раннем и дошкольном возрасте, выявление их взаимосвязи с общей клинической картиной психического расстройства, разработка методов их коррекции.

Материалы и методы исследования. Выборку составили три группы: 25 детей с расстройствами аутистического спектра; 30 детей с резидуальной церебральной недостаточностью; 30 детей из ситуации психической депривации (дети-сироты, дети, изъятые из неблагополучных семей. Методы исследования: клинические (педиатрический, неврологический, клинико-психопатологический) и параклинические (патопсихологический, инструментальный).

Результаты. В группе детей с РАС расстройства пищевого поведения были тесно спаяны с симптоматикой эндогенного психического расстройства и включали в себя неприятие новых видов пищи, крайнюю избирательность аппетита, медленное и недостаточное пережевывание пищи, пикацизма, мерицизм, ритуалы, связанные с едой. В группе детей с церебральной недостаточностью нарушения возникали на фоне таких функциональных расстройств пищеварения как пилороспазм, эзофагальный рефлюкс, и проявлялись в основном сниженным, реже повышенным аппетитом, едой малыми порциями, регургитационным расстройством, поздним переходом к твердой пище. Особенностью этой группы было заметное уменьшение выраженности описанных расстройств с возрастом. Для группы детей из условий депривации было характерно сочетание расстройств пищевого поведения с аффективными нарушениями и прямая корреляция с их выраженностью. Нарушения приема пищи проявлялись преимущественно в виде аноректических и булимических расстройств на фоне тревоги и депрессии. Меры, направленные на коррекцию выявленных нарушений, зависели от нозологической формы психической патологии и клинической феноменологии психических нарушений.

Выводы. Расстройства пищевого поведения у детей отличаются большим разнообразием и различной степенью выраженности. При эндогенной психической патологии (РАС), они наиболее глубоки и разнообразны. В то же время при состояниях, вызванных экзогенно-органическим и психогенными факторами они также представлены достаточно широко. Выявленные расстройства пищевого поведения были тесно связаны и коррелировали по степени выраженности с другими психическими нарушениями, обусловленными тем или иным этиологическим фактором, а также сопровождались различными соматовегетативными расстройствами. Терапия должна проводиться с учетом этиологического фактора.

1. Балакирева, Е. Е. Нарушения пищевого поведения у детей и подростков. Психиатрия и психофармакотерапия. 2020;22(4):38-41.
2. Балакирева Е.Е, Зверева Н.В. Нарушения пищевого поведения у детей с расстройствами аутистического спектра. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2022;122(9 2): 42- 45
3. https://doi.org/ 10.17116/jnevro202212209242

Иванов М.В., Богачева О. И., Калинина М.А.
ФГБНУ НЦПЗ

Привязанность в системе мать-дитя у детей раннего возраста с риском нарушений психического развития

Привязанность, мать-дитя, ранний возраст, риск нарушений психического развития

Введение. В результате эмоционального взаимодействия с матерью или лицом ее заменяющем в течение первых лет жизни у ребенка формируются паттерны привязанности (Мухамедрахимов, 1999; Кремнева, 2014; Bowlby, 1969; Mercer, 2011). Исследование качества привязанности, особенно у детей группы риска возникновения нарушения психического развития (предболезни) представляет интерес с целью разработки первичных психопрофилактический стратегий, направленных на гармонизацию биопсихосоциальной системы «мать-дитя» (Кремнева, 2014). Цель: выявить особенности привязанности в системе мать-дитя у детей раннего возраста с риском нарушения психического развития.

Методы. Выборка 27 детей в возрасте от 24 до 32 месяцев жизни (средний возраст 28 месяцев). Эмпирическая группа – 16 детей группы риска возникновения нарушений психического развития (по скрининговой анкете и ГНОМ); контрольная группа – 11 детей группа здоровья по ГНОМ. Методики исследования: скрининговая анкета для родителей по выявлению риска возникновения нарушений психического развития у детей раннего возраста (Иванов М.В., Симашкова Н.В., Козловская Г.В.); психодиагностическая методика «ГНОМ» (Козловская Г.В., Калинина М.А., Горюнова А.В.); беседа; опросник по изучению состояния привязанности ребенка и опросник по изучению состояния привязанности матери (Кремнева Л.Ф., Иванов М.В.)

Результаты исследования. Для большинства детей с нормативным развитием (по методике ГНОМ) характерна надежный тип привязанности в системе «мать-дитя». Для этих детей характерна эмоциональная устойчивость, их матери положительно оценивают достижения детей, а свою привязанность к ребенку считают сильной.

Для детей группы риска возникновения нарушений психического развития характерны проявления нескольких типов привязанностей: надежной, избегающей и дезорганизованной. Избегающий тип привязанности в большей степени характерен именно детям из группы риска. Для этих детей не характерен поиск близости с матерью, в ситуации разлуки они не огорчаются, а также не проявляют заметной радости при возвращении матери. Для части детей группы риска оказывается характерным поведение дезорганизованной привязанности, в поведении таких детей можно наблюдать от ярко выраженной агрессии до подавленности.

Среди детей группы риска встречаются случаи с повышением результатов по шкале «реактивное расстройство привязанности», достигающие клинической выраженности по критериям F94.1 по МКБ-10, что может сиглазировать отсутствие тесного эмоционального контакта у этих детей с родителями (грубые нарушения в системе «мать-дитя»). Для этих детей характерно проявление боязливости и повышенной настороженности, у них имеются сложности во взаимодействии со сверстниками, порой с проявлениями выраженной как гетероагрессии, так и аутоагрессии.

Выводы. Качество привязанности у детей раннего возраста из группы риска возникновения нарушений психического развития отличается от привязанности детей с нормативным развитием. У детей из группы риска на ряду с надежной, выявляется избегающая и дезорганизованная привязанности, также проявления реактивного расстройства привязанности

1. Кремнева Л.Ф. Нарушения материнского поведения и его последствия для психического здоровья детей // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. М.: МГППУ, 2013. С. 69–73.
2. Мухамедрахимов Р.Ж. Психологическое взаимодействие матери и ребенка: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1999. 431 с.
3. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1, 1969. New York: Basic Books. 477 p.
4. Mercer J. Attachment theory and its vicissitudes: toward an updated theory. Theory and Psychology. 2011. № 21. P. 25–45. http://dx.doi.org/10.1177/0959354309356136

Гребенникова О.В.
ФНЦ ПМИ

Актуализация предметной деятельности детей раннего возраста в процессе социализации

Предметная деятельность, ранний возраст, социализация, предметные действия

Современная ситуация развития, в которой дети с раннего возраста включаются в активную информационную социализацию: изобилие гаджетов, постоянное использование родителями ребенка социальных сетей и мессенджеров может искусственно сворачивать предметно-манипулятивную деятельность (Психология САМО-стояния детей: проблемы, ресурсы, развитие, самоопределение, 2024).

Основные аспекты психического развития в процессе социализации детей раннего возраста непосредственно связаны с ведущей деятельностью - предметно-манипулятивной или предметной деятельностью. Предметная деятельность - это целенаправленная форма активности ребёнка, в основе которой лежит его познавательная потребность, а основным её содержанием является овладение объектом как предметом культуры, в котором аккумулирован общественно-исторический опыт данного общества.

Изучением психического развития ребенка в рамках предметной деятельности, занимались такие выдающие ученые как: Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, П.Я. Гальперин, М.И. Лисина, Е.О. Смирнова, А.Г. Рузская, Л.Н. Галигузова, С.Л. Новоселова, К.Л. Печора и другие.

На основе предметного действия формируются все психические процессы, поэтому понять предметное действие - означает понять развитие. В предметном действии, по мнению Д.Б. Эльконина, у детей раннего возраста сначала осваивается функция предмета, а только потом способ употребления (Возрастная психология, 2014).

Е.О. Смирнова отмечает, что возрастные особенности детей раннего возраста, включающие ситуативность, интерес к предметам, повышенную двигательную активность и другие предъявляют особые требования к организации предметной среды, которая бы способствовала развитию детей (Смирнова и др., 2014).

В обучении детей предметной деятельности современный исследователь М.В. Браткова рекомендует использовать следующие методы: 1) наглядные: показ-подражание-совместные действия; образец, наблюдение, зрительно-перцептивное обследование предметов; 2) практические: предметные действия, пробы, практическое примеривание, наложение, прикладывание, дидактические игры и упражнения, игровые задания; 3) словесные: потешки, песенки, считалки, стихи, сказки, объяснения и т.д. Автор выделяет наиболее эффективные приемы в работе с детьми раннего возраста: эмоционально-речевое воздействие: четкая и краткая инструкция взрослого, комментирование всех действий с предметами и игрушками; тактильное воздействие; поощрение; привлечение внимания; отсроченное речевое сопровождение; подхватывание встречных действий-манипуляций ребенка с предметами (Браткова, 2009).

В процессе социализации детей раннего возраста необходимо уделять должное внимание развитию предметных действий (орудийных и игровых), их совершенствованию и возможности производить их относительно самостоятельно, без непосредственного участия и помощи взрослых; отделению действия от предмета и его обобщение; развитию личности ребёнка, опосредуя его отношение не только к окружающему предметному и социальному миру, но и к самому себе.

1. Браткова М.В. Пути формирования предметных действий // Дошкольное воспитание. 2009. № 1. С. 83-91.
2. Возрастная психология: учеб.пособие для студ. учреждений высш. образования / [Т.П. Авдулова, О.В. Гавриченко, Т.В. Гармаева и др.]; под ред. Т.Д. Марцинковской. -2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2014.
3. Психология САМО-стояния детей: проблемы, ресурсы, развитие, самоопределение: монография / под общ. ред. Т.В. Шининой.-Москва: ИНФА-М, 2024.
4. Смирнова Е.О., Ермолаева Т.В., Мещерякова С.Ю. Развитие предметной деятельности и познавательных способностей. М.: Мозаика-Синтез, 2014.

Басимов М.М.
АНО ВО УМЦ

Падурина Е.А.
ФГБОУ ВО КГУ

Типология зависимостей в рамках исследования позитивных родительских чувств

Родительство, коэффициент корреляции, коэффициент силы связи

Введение. Рассмотрим результаты изучения статистических связей для данных, полученных Е.А. Падуриной (Падурина, 2008) в рамках диссертационного исследования (140 родителей с дошкольниками) особенностей позитивных родительских чувств, при изучении которых рассматривалось их влияние на формирование адекватной самооценки дошкольника.

Методы. Типология статистических зависимостей изучалась в рамках 50 показателей 6 методик: Взаимодействие родитель-ребенок И.М. Марковской; Позитивные родительские чувства Е.А. Падуриной; Детско-родительское эмоциональное взаимодействие Е.И. Захаровой; Профиль чувств в отношениях Л.В. Куликова; Эмоциональная направленность личности Б.И. Додонова; 6) модифицированный вариант методики «Лесенка» Г.В. Щур. Для изучения статистических связей использовался авторский метод М.М. Басимова (Басимов, 2008), когда наряду с линейными связями выявляются и простейшие нелинейные зависимости.

Результаты. Для 50 количественных показателей пар между различными показателями будет 1225. Корреляций Пирсона, не попадающих в определение значимых (abs(r)<0.17), нашлось 652 (53.22%). Значимых корреляций разной силы (0.17<abs(r)<=1) имеем достаточно большое количество 573 (46.78%). Это почти половина от всех возможных пар переменных, поэтому если следовать негласному правилу и отбирать как представляющие интерес все значимые корреляции, то их хватит для любой тематики в рамках анализируемых данных, а также для большого количества гипотез, характеризующих причинно-следственную картину: очень слабых корреляций в интервале 0.17<=abs(r)<=0.2 имеем 103 (8.41%); слабых корреляций в интервале 0.2<abs(r)<=0.3 – 218 (17.80%); умеренных корреляций в интервале 0.3<abs(r)<=0.5 – 212 (17.31%); средних корреляций в интервале 0.5<abs(r)<=0.7 – 39 (3.18%); сильных корреляций в интервале 0.7<abs(r)<=1 – всего 1 (0.08%).

Сильных (0.7<abs(r)<=1) и почти сильных корреляций (0.6<abs(r)<=1), которые включены из-за недостатка сильных, которых всего одна, для 1225 пар переменных набралось 17 (1.39%). Из них 16 зависимостей связывают различные виды позитивных родительских чувств методики Е.А. Падуриной, и только одна зависимость связывает показатели различных методик. Максимальное по модулю значение коэффициента корреляции равно 0.72. И вместо того, чтобы искать реальные зависимости в дальнейшем, в психологическом сообществе негласно сформировалось правило, когда для большинства корреляция стала считаться достойной внимания, если она «значимая» (звездочки SPSS).

Среди 218 значимых, но при этом очень слабых и слабых связей (0.17<abs(r)<=0.3) в модели для кварт было найдено 13 сильных (SV>0.7) простейших нелинейных зависимостей (ошибка 2 типа). Например, зависимость гедонистической эмоциональной направленности от способности воспринимать состояние ребенка далека от линейной (r=0.26), а коэффициент силы связи SV=1.07 (сильная зависимость).

А среди 103 зависимостей, которые не попали в зону значимости в модели для кварт, было найдено 12 сильных (SV>0.7) простейших нелинейных зависимостей (ошибка 1 типа). Например, зависимость позитивных чувств к ребенку, основанных на безусловном принятии, от глорической эмоциональной направленности (r=-0.07, SV=0.87).

Среди 212 умеренных по линейной корреляции (0.3<abs(r)<=0.5) зависимостей найдено 56 сильных по коэффициенту SV связей, которые представляют собой монотонные или близкие к ним зависимости.

Выводы. Родительство, как сложный предмет исследования, никак не вписывается в линейные модели и требует изучения, прежде всего, простейших нелинейных зависимостей.

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: РАО, Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008.
2. Падурина Е.А. Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников: диссертация ... кандидата психологических наук. – Екатеринбург, 2008.

Зверева Н.В., Сергиенко А.А., Строгова С.Е., Строгова С.Е., Клак Д.С.
ФГБНУ НЦПЗ

**Темперамент детей раннего и дошкольного возраста:
значение для оценки психического развития**

Темперамент, дети, ранний и дошкольный возраст

Введение. Изучение темперамента традиционно для психологических исследований, но внимание редко фокусируется на раннем/дошкольном возрасте (Русалов, Трофимова, 2011, Зверева и др., 2021). И.Н.Трофимова разработала опросник функционального ансамбля темперамента (STQ 77, далее ФАТ), он позволяет оценить особенности ФАТ от младенцев до взрослых. Изучение детей раннего возраста часто основано на родительском взгляде на развитие ребенка, как и в опроснике ФАТ. В ФГБНУ НЦПЗ ведутся 2 проекта: 1) оценка развития психики здоровых детей (0-3 лет), 2) оценка специфики становления психики детей с разными способами зачатия (естественно или с помощью вспомогательных репродуктивных технологий - ВРТ). Эти проекты определили цель данного пилотного исследования.

Цель: оценка возможностей применения опросника ФАТ в раннем и дошкольном возрасте.

Методы: краткая версия опросника ФАТ (Trofimova, 2016).

Материал: по правилам методики ФАТ анкеты заполняют родители, в нашей работе анкеты детей заполнили мамы. Дети, чьи анкеты включены в анализ, не имели психической или неврологической патологии. Выделено 3 группы: группа раннего возраста – РВ, 24-х детей 0-3 лет, средний возраст 2,8 лет; группа ВРТ, 28 детей 4-7 лет, средний возраст – 5,7 лет, зачатых с помощью ВРТ, группа ГК, 40 детей от 4 до 7 лет, средний возраст 5,7 лет, зачатых в естественном цикле. ГК является контрольной для ВРТ по способу зачатия, для РВ по возрасту, т.о. все 3 группы различались между собой попарно по возрасту (РВ и ГК), по типу зачатия (ВРТ и ГК).

Результаты. Оценивали средние баллы в группе по анализируемым показателям; соотношение % высоких и низких показателей в 3-х группах по выделенным показателям. Из 12 показателей ФАТ выбраны 6: физическая выносливость, социальная выносливость, эмпатия, пластичность, импульсивность, тревожность.

РВ: высокие средние баллы по показателям социальной (среднее 19 б.) и физической выносливости (среднее 18,6 б.), эмпатии (среднее 18,2 б.). Баллы отражают основные параметры развития ребенка раннего возраста, связанные с общением со взрослым. При этом показатели тревожности и импульсивности были в пределах средних значений (12 - 18).

ВРТ: 79% выс. баллов по социальной эргичности, 64% выс. баллов физической выносливости, что отражает «энергетические» аспекты поведения. Выявлены относительно низкие показатели пластичности (среднее 15,7 б.). Сравнительно с РВ и ГК показатели импульсивности высокие (среднее 15,3 б.), в сочетании с низкими показателями тревожности (среднее 12,8 б.).

ГК: показатели средние (12 - 18), % встречаемости выс. баллов у ГК значителен лишь для социальной выносливости – 53%.

Ранее у детей ВРТ был выявлен невысокий показатель эмпатии (Зверева и др., 2021). Обнаружены особые соотношения показателей нейропсихологической диагностики и ФАТ.

Резюме. Сравнение данных ФАТ детей разного возраста и вариантов зачатия показало адекватность опросника для изучения психического развития детей. Обнаружено своеобразие группы ВРТ по сравнению с детьми ГК. Профиль ФАТ детей ГВ отражает логику развития ребенка, значение социальной ситуации развития, эмоционального общения со взрослым.

Ограничения: небольшой объем групп, не все параметры ФАТ освещены, дана лишь первичная описательная статистика данных.

Перспективы: увеличить группы, проанализировать все параметры ФАТ, применить более сложный статистический аппарат.

1. Зверева Н. В., Зверева М.В., Строгова С.Е., Трофимова И.Н. Пилотное исследование когнитивного развития детей, зачатых с помощью ЭКО //1-й Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. 9-я международная конференция по когнитивной науке. 2021. С. 325-327.
2. Русалов В. М., Трофимова И. Н. О представленности типов психической деятельности в различных моделях темперамента //Психологический журнал. 2011. Т. 32. №. 3. С. 74–84.
3. Trofimova, IN, Christiansen, J. Coupling of traits of temperament with mental illness in four age groups // Psychological Reports.2016. T. 118(2). P. 387-412. doi:10.1177/ 0033294116639430.

Усоева А.А., Молчанова О.Н.
НИУ ВШЭ

Представления детских психотерапевтов о родительской вовлеченности в психотерапию ребенка

Детская психотерапия, родительская вовлеченность, качественное исследование

Введение. Родительское участие в терапевтическом процессе повышает эффективность детской психотерапии (Dowell, Ogles, 2010; 2015; Bratton et al., 2005). Однако в профессиональные представления психотерапевтов о родительской вовлеченности, ее роли и динамике в психотерапию ребенка изучены недостаточно. Это создает разрыв в теоретическом осмыслении феномена и ограничивает возможности развития эффективных стратегий работы с родителями в детской психотерапии. Цель исследования – изучить особенности восприятия детскими психотерапевтами родительской вовлеченности и характер ее изменений в процессе психотерапии ребенка.

Методы. Исследование выполнено в качественной методологии, с применением полуструктурированных интервью (Квале, 2003) и тематического анализа (Braun & Clarke, 2006). В выборку вошли 6 детских психотерапевтов с опытом работы не менее 3 лет. Для повышения надежности результатов применялись процедуры перекрестного кодирования и перепроверки кодирования.

Результаты. На основе анализа литературы было сформулировано определение: родительская вовлеченность в детскую психотерапию (РВ) – это процесс интеграции родителей в терапевтическое пространство, включающий взаимодействие с терапевтом и ребенком, осознание своей роли в психологических изменениях ребенка и активное участие в процессе терапии. Эта вовлеченность трансформируется на протяжении психотерапии и отражает степень включенности родителей в поддержку психологических изменений ребенка.

Психотерапевты воспринимают РВ как системный, многокомпонентный и динамичный процесс. Структура РВ включает четыре компонента: поведенческий, эмоциональный, когнитивный и практический – новый компонент, описывающий повседневные изменения в родительском поведении вне кабинета.

Выявлен эффект «оптимальной вовлеченности», предполагающий гибкую адаптацию РВ к изменениям процесса психотерапии. Также выделены четыре фазы РВ: начальный энтузиазм, столкновение с необходимостью изменений, реакция на изменения в состоянии ребенка, стабилизация или отказ от терапии. Обнаружены два парадокса РВ: успешности и регресса.

Были описаны основные трудности в работе с родителями: искаженные ожидания, сопротивление изменениям. Выявлены четыре стратегии фасилитации РВ: формирование доверия, структурирование процесса, поддержание мотивации, индивидуальный подход к особенностям семей.

Выводы. РВ – динамический нелинейный процесс, структурообразующий весь терапевтический процесс. Оптимальное участие связано со способностью родителей гибко адаптироваться к терапии. Выявленные трудности и стратегии фасилитации могут быть использованы для разработки практических рекомендаций по включению родителей в терапевтический процесс и подготовки специалистов.

1. Квале С. Интервью. Введение в качественное исследование. М.: Евразийский региональный институт исследования и поддержки молодежных инициатив, 2003.
2. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3 (2). P. 77–101. https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa
3. Bratton S.C., Ray D., Rhine T., Jones L. The efficacy of play therapy with children: A meta-analytic review of treatment outcomes // Professional Psychology: Research and Practice. 2005. Vol. 36 (4). P. 376–390. https://doi.org/10.1037/0735-7028.36.4.376
4. Dowell K.A., Ogles B.M. The effects of parent participation on child psychotherapy outcome: A meta-analytic review // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. 2010. Vol. 39 (2). P. 151–162. https://doi.org/10.1080/15374410903532585
5. Исследование выполнено в рамках подготовки выпускной квалификационной работы в НИУ ВШЭ

Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Формирование осознанного отношения старших дошкольников к правилам выражения эмоций

Понимание эмоций, произвольность, осознанность

Правила выражения эмоций в данном исследовании рассматривается как конструкт, включающий в себя нормы эмоционального реагирования, а также различные способы переживания эмоций. Использование таких правил через осмысление переживаемых эмоций способствует становлению саморегуляции старших дошкольников. При этом указанные правила часто являются содержанием образовательных программ, направленных на эмоциональное развитие дошкольников. Однако в названых программах не уделяется внимание осознанному отношению ребенка к таким правилам, к способности ребёнка использовать их в реальных ситуациях. Исходя из этого, была поставлена цель найти педагогические условия формирования осознанного отношения старших дошкольников к правилам выражения эмоций.

Для достижения цели были выделены особенности в развитии произвольности выражения эмоций старших дошкольников в русле культурно-исторического подхода. Такими особенностями стали следующие тезисы:

1. Саморегулирование эмоций развивается в ситуациях, когда выражение эмоций выступает для старшего дошкольника средством передачи своих чувств другому (Holodynski, 2019);
2. Развитие представлений об эмоциях дошкольников требует обобщения эмоционального опыта вместе со взрослым (Изотова, 1994);
3. Развитию эмпатии способствуют театрализованные игры (Стрелкова, 1987);
4. Развитие осознанности требует эмоциональной вовлеченности взрослого (Смирнова, 1977).

При сопоставлении указанных особенностей и существующих условий формирования осознанного отношения к правилам поведения были определены следующие педагогические условия формирования осознанного отношения старших дошкольников к правилам выражения эмоций:

- формирование у детей представлений об эмоциях через изучение внутренних ощущений и обобщенных категорий, связанных с эмоциями;
- использование театрализованных игр как основного вида деятельности;
- воспитание у детей чувства, связанного с бережным отношением к эмоциям;
- формирование у детей умения находить причины собственных эмоций;
- развитие у детей осознания способов проживания эмоций как средств передачи эмоций другому.

Для проверки условий была разработана программа из 20 занятий. В выборку вошли 77 детей старшего дошкольного возраста.

Процедура исследования заключалась в следующих методиках:

- тест на понимание эмоций (Веракса и др., 2021);
- метод беседы;
- метод наблюдения с последующей беседой.

Результаты формирующего эксперимента продемонстрировали достаточную эффективность выработанных педагогических условий. Выделенные на основе результатов бесед и наблюдений уровни представлений о правилах выражения эмоций и их использования до и после проведенных занятий увеличились. Также увеличились результаты теста на понимание эмоций. Таким образом, результаты исследования углубляют взаимосвязь между социально-нравственным воспитанием дошкольников как части дошкольной педагогики и социально-эмоциональным развитием как областью научных знаний в психологии.

1. Веракса, Н.Е., Веракса, А.Н., Гаврилова, М.Н., Бухаленкова, Д.А., Тарасова, К.С. Тест на понимание эмоций: адаптация русскоязычной версии на российской выборке детей дошкольного // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021.№18 (1). С. 56-70. https://doi.org/ 10.17323|1813-8918-2021-1-56-70
2. Изотова Е.И. Влияние эмоциональных представлений на психическое развитие детей дошкольного возраста: дис. … канд. псих. наук. МПГУ, М., 1994.
3. Смирнова Е.О. Влияние общения ребенка со взрослым на эффективность обучения дошкольников: дисс. … канд. псих. наук. АПН СССР, М., 1977.
4. Стрелкова Л.П. Психологические особенности развития эмпатии у дошкольников: дис. … канд. псих. наук. АПН СССР, М., 1987.
5. Holodynski M., Seeger D. Expressions as signs and their significance for emotional development // Developmental psychology. 2019. №55. P.1812-1829. https://doi.org/10.1037/dev0000698.

Седышева В.А., Ладыка Н.Н., Валькова И.А.
ГБДОУ №41 Центрального района

Диагностическая классификация ДК:0-5 в практической работе Службы ранней помощи: анализ случая

ДК:0-5, контекст отношений, индивидуальная программа ранней помощи

Введение. На сегодняшний день в ранней помощи существует практика использования Диагностической классификации ДК:0-5 (2022) для исследования, описания случаев, составления программы сопровождения. ДК:0-5 позволяет структурировать всю информацию о семье и её ближайшем окружении, является важным этапом в построении программы сопровождения ребёнка первых лет жизни и его семьи. На примере конкретного случая представлен вариант применения отдельных осей ДК:0-5 для внесения изменений в индивидуальную программу ранней помощи (ИПРП).

Цель исследования. На основе ДК:0-5 рассмотреть различные аспекты жизни ребёнка, отношения между мамой и ребёнком, и через описание семейного контекста и влияния факторов риска окружающей средыопределить направления и содержание сопровождения семьи междисциплинарной командой в Службе ранней помощи (СРП).

Методы. ДК:0-5 была использована для дополнительного обследования девочки в возрасте 1 г. 6 мес. с врождённой хромосомной патологией и её семьи. Первичный запрос семьи касался речевого и двигательное развития девочки, навыков самостоятельного приёма пищи, формирования навыков опрятности. Исходя из запроса семьи, медицинского диагноза, диагностики особенностей развития ребёнка была составлена программа сопровождения с фокусом внимания специалистов команды на становление и развитие коммуникации и речи, познавательной активности, самообслуживания и бытовых навыков девочки, а также помощи семье в создании в домашних условиях среды, способствующей развитию и участию ребёнка в повседневных жизненных ситуациях. Однако специалисты междисциплинарной команды столкнулись с тем, что реализация программы по намеченным направлениям не давала ожидаемых результатов. Было принято решение пересмотреть программу сопровождения, используя ДК:0-5 (Аринцина, Артамонова и др., 2024). Обследование было проведено междисциплинарной командой Службы ранней помощи ГБДОУ № 41 Центрального района СПб.

Результаты. Использование ДК:0-5 позволило сфокусировать внимание специалистов команды на контексте отношений (ось II) и психосоциальных и средовых стресс-факторах в жизни семьи (ось IV). Уровень адаптивного функционирования отношений в паре ребенок - близкий взрослый был определён как диапазон между уровнем 2 – «От напряженных до вызывающих беспокойство» и 3 – «От находящихся в зоне риска до нарушенных». Результаты описания по оси IV показали трудности внутри семьи и ближайшем окружении (пренебрежение нуждами ребёнка, наличие травмы в жизни матери, разногласия и конфликты между родителями и родственниками). Было обнаружено, что помимо биологических, социальные факторы существенно влияют на развитие компетенций девочки и ограничивают её возможности.

Выводы. Многоосевой подход ДК:0-5 позволяет междисциплинарной команде Службы ранней помощи выстраивать индивидуальную программу ранней помощи, направленную на психическое здоровье ребёнка и благополучие семьи, учитывая факторы физического здоровья и компетенции развития ребенка, контекст отношений ребенка с близкими взрослыми, психосоциальные и средовые стрессовые факторы.

ДК:0-5 может применяться на разных этапах сопровождения семьи.

1. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет. – Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2022.- 456 с.
2. Аринцина И. А., Артамонова А. Ю., Кравченко А. П., Лотош О. Р., Насретдинова Ш.Ф., Шабалина Е. В. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет в практической работе психологов // Аутизм и нарушения развития. 2024. Том 22. № 1. С. 68–75.

Кондаурова О.П.
ФГБОУ ВО УдГУ

Принятие родительской позиции и эмоциональное взаимодействие матерей с детьми раннего возраста

В современной науке, представлены данные, свидетельствующие о важности для младенцев и детей раннего возраста взаимодействия с матерью (Мухамедрахимов, 2024; Галасюк, Митина, 2020). С учетом возрастных особенностей развития ребенка, у матерей сохраняются прежние и появляются новые обязанности, исполнение которых зависит от степени принятия позиции материнства и эмоционального взаимодействия с ребенком (Захарова, 2015). Цель исследования - выявить особенности принятия родительской позиции и эмоционального взаимодействия матерей с ребенком младенческого и раннего возраста.

Исследование проводилось в г. Ижевске, выборку составили в возрасте от 24 до 33 лет – 20 матерей младенцев, 20 матерей детей раннего возраста. Все женщины состоят в браке, один ребенок.

Методы: опросник «Степень принятия родительской позиции» (Е.И. Захарова), «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ)».

Результаты. С помощью критерия U-Манна-Уитни выявлены значимые различия ($p \leq 0{,}05$) по принятию родительской позиции: «отношения к необходимости поддерживать ребенка», «отношения к зависимости положения родителя», «отношения к эмоциональной близости матери с ребенком». В эмоциональном взаимодействии обнаружены различия по: «пониманию причин состояния ребенка», «принятию себя в качестве матери» ($p \leq 0{,}01$), «стремлению к телесному контакту», «безусловному принятию ребенка» «оказанию эмоциональной поддержки», «ориентации на состояние ребенка при построении взаимодействия», «умению воздействовать на эмоциональное состояние ребенка» ($p \leq 0{,}05$). С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена у матерей младенцев обнаружены положительные связи ($p \leq 0{,}05$) между показателями: «отношение к заботе о ребенке» и «принятием себя в качестве матери», «эмоциональное отношение к ребенку» и «ориентацией на состояние ребенка при построении взаимодействия», «умением воздействовать на эмоциональное состояние ребенка». У матерей детей раннего возраста положительные связи ($p \leq 0{,}05$) между: «отношением к ответственности родителя» и «принятием себя в качестве матери», «эмоциональным отношением к ребенку» и «ориентацией на состояние ребенка при построении взаимодействия», «умением воздействовать на эмоциональное состояние ребенка».

Выводы. У матерей младенцев выше степень принятия позиции эмоциональной близости матери с ребенком, проявления безусловного принятия ребенка, стремления к телесному контакту и оказанию эмоциональной поддержки ребенку. Чем выше родительская позиция отношения к заботе о ребенке, тем выше принятие себя в качестве матери, чем выше принятие позиции эмоционального отношения к ребенку, тем выше ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия и умение воздействовать на его состояние. У матерей детей раннего возраста выше степень принятия позиции отношения к необходимости поддерживать ребенка, отношения к зависимости положения родителя, принятия себя в качестве матери. Чем выше степень принятия к позиции ответственности родителя, тем больше принятие себя в качестве матери. Они лучше понимают причины состояния ребенка и ориентируются на них при построении взаимодействия, способны воздействовать на состояние ребенка.

1. Галасюк И.Н., Митина О.В. Взаимодействие родителя с ребенком раннего возраста: структура и динамика родительской отзывчивости // Культурно-историческая психология. 2020. № 16(4). С. 72–86. https://doi.org/10.17759/chp.2020160408
2. Захарова Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. № 11(1). С. 44–49. https://doi.org/10.17759/chp.2015110106
3. Мухамедрахимов Р.Ж. Научные основы ранней помощи детям младенческого и раннего возраста и их семьям // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. № 14(4). С. 571–587. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.401

Маслова А.В.
Санкт-Петербург, Частный детский сад Artivity

Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Характеристики взаимодействия отцов с детьми раннего возраста в период адаптации к детскому саду

Адаптация, детский сад, отцовство

Адаптация к детскому саду – это период стресса и множества переживаний как для ребенка, так и для его родителей. Стресс ребенка связан с новизной правил, незнакомым окружением, стилем общения со взрослыми и сверстниками [1]. Часто переживания родителя приводят к сильной эмоциональной вовлеченности и трудностях в стабилизации состояния ребенка, или в случае, когда эмоции ребёнка сложно перенести, к дистанцированию от него. Затяжной процесс адаптации может проявляться в виде ухудшения здоровья ребенка и появлении патологических привычек [2]. Исследований, посвященных роли отца в процессе адаптации ребенка к детскому саду, крайне мало.

Цель исследования – выявить характеристики взаимодействия отцов и детей раннего возраста, посещающих детский сад в период адаптации к детскому учреждению.

В исследовании принимали участие: 11 отцов в возрасте 35-40 лет и 11 детей в возрасте от 2 до 3 лет, находящиеся в процессе адаптации к частному детскому саду. Все семьи являются полными; в 9 семьях – один ребенок, в 2 семьях есть старший сиблинг. Оба родителя с высшим образованием, поиск детского сада осуществляла мама. Использовались методики: до начала посещения ребенком детского сада – беседа-интервью с родителями, «Опросник эмоциональных отношений в семье (ОДРЭВ)» (Е.И. Захарова); с момента посещения ребенком детского сада – включенное наблюдение, «Диагностика уровня адаптированности ребенка к дошкольному учреждению» (А.С. Роньжина).

В ходе беседы-интервью были выявлены следующие запросы к детскому саду: постепенное привыкание к группе, внимательное отношение воспитателя к детям, разнообразие занятий, получение рекомендации по взаимодействию с ребенком дома.

При анализе опросника ОДРЭВ были выявлены высокие значения по шкалам «безусловное принятие» (3,7±0,4); «преобладающий эмоциональный фон» (3,0±0,5); «оказание эмоциональной поддержки» (3,3±0,5); «ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия» (2,5±0,7); «умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка» (2,9±0,4), однако, шкалы «чувства родителей в ситуации взаимодействия» (1,5±0,3) и «принятие себя в качестве родителя» (2,4±0,4) показали заниженные значения, что может говорить о неуверенности отца в своей родительской роли и возможных трудностях эмоционального сопровождения ребенка.

Анализ карты адаптации показал, что у 91% детей были отмечены высокие значения по критерию «взаимоотношения со взрослыми», у 82% детей были отмечены низкие значения по критерию «реакция на изменение привычной ситуации». Включенное наблюдение и анализ карты адаптации показали, что у 91% детей адаптация протекала в пределах нормы.

Выводы: работа психолога в процессе адаптации ребенка к детскому саду должна включать в себя работу с родителями; при сопровождении отцов необходимо уделять внимание формированию уверенности в отцовской роли, развитию навыков эмоционального сопровождения ребенка в трудных ситуациях адаптации к новому.

Ограничением исследования является его небольшая выборка и рассмотрение семей только в частном детском саду, предполагается расширение выборки и проверка взаимосвязи между степенью выраженности характеристик взаимодействия отцов с детьми и характеристиками адаптации ребенка к детскому саду.

1. Кузнецова Т. Ю. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации детей раннего возраста к условиям ДОУ / Т.Ю. Кузнецова // Вестник науки. – 2023. – №1 (58) – С. 112–122 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-protsessa-adaptatsii-detey-rannego-vozrasta-k-usloviyam-dou/viewer (дата обращения: 03.11.2023)
2. Соколовская Н.В. Адаптация ребенка к условиям детского сада: управление процессом, диагностика, рекомендации: 2-е изд. – М.: Волгоград: Учитель, 2020. – 188с.

Стуглева Н.А., Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Отношение к ребенку и родительский стресс у матерей детей раннего возраста

Материнство, родительский стресс, отношение к ребенку, ранний возраст

Введение. Под гнетом социального давления, образа «идеальной матери», который транслируется в социальных сетях, все больше женщин сталкиваются с родительским стрессом (РС). Данное состояние присуще всем родителям независимо от их индивидуальных качеств, условий жизни и системы поддержки (Thériault R.L et al., 2025). РС оказывает влияние не только на мать, но и на ребенка, ухудшая эффективность детско-родительских взаимоотношений (Chirico I. Et al, 2020). Целью данной работы является изучение взаимосвязи отношения к ребенку и родительского стресса у матерей детей раннего возраста.

Методы. Объем выборки: 34 матери детей раннего возраста, проживающие на территории РФ, в возрасте от 30 лет до 47 лет. Методики: Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) (Е.И. Захарова, 2002), Опросник родительского стресса Бери и Джонса (Berry, J. O., & Jones, W., 1995), Шкала эмоционального выгорания (Ефимова, 2013). Для анализа результатов использовались методы описательной статистики и корреляционного анализа.

Результаты. Обнаружены значимые корреляционные связи (pJChirico I., Andrei F., Salvatori P., Malaguti I., Trombini E. The Focal Play Therapy: An Empirical Study on the Parent-Therapist Alliance, Parent-Child Interactions and Parenting Stress in a Clinical Sample of Children and Their Parents // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17(22). P. 8379. DOI: 10.3390/ijerph17228379

1. Thériault R. L., Bernier A., Deneault A.A. Maternal and paternal parenting stress: Direct and interactive associations with child externalizing and internalizing behavior problems // Early Childhood Research Quarterly. 2025. Vol. 71. P. 114-122. DOI: 10.1016/j.ecresq.2024.12.006

Николаева Н.С., Савенышева С.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Предикторы родительского выгорания матерей детей раннего возраста

Родительское выгорание, материнство, ранний возраст, социальная поддержка, поведение детей

На данный момент проблематика родительского выгорания стала более широко исследоваться как отечественными, так и зарубежными психологами. По состоянию на 2021 год результаты психологических исследований, проводимых в 42 странах мира, показывают, что около 5% родителей испытывают выгорание при воспитании детей, при этом в западных странах этот процент поднимается до 9%. (Roskam et al., 2021). В условиях растущей нагрузки на семьи в развитых странах и увеличивающего процента РВ в них, выявление и анализ предикторов помогут расширить понимание механизма возникновения данного синдрома у матерей.

В связи с этим, целью нашего исследования стало изучение предикторов и последствий РВ у матерей детей раннего возраста. Была выдвинута гипотеза о том, что проактивный копинг, субъективное благополучие и социальная поддержка являются предикторами РВ, а оно является предиктором нарушения поведения детей и депрессивных симптомов у матерей.

Выборку составили 47 женщин в возрасте 25-48 лет (M = 34 года), имеющих хотя бы одного ребенка в возрасте от 1 до 4 лет (M = 1,9 лет). Методики: социально-биографическая анкета, опросник родительского выгорания (PBA), опросник социальной поддержки «F-SOZU-22», краткий вариант методики Социальной и эмоциональной оценки детей раннего возраста, методика диагностики депрессии PHQ-9, опросник проактивное совладающее поведение, методика диагностика субъективного благополучия.

Результаты исследования. Общий уровень РВ находится в пределах средних значений. Однако, результаты по шкале «Истощение» показали значения выше средних. Корреляционный анализ показал, что общий показатель РВ положительно коррелирует с экстернальными проблемами детей ($p<0,05$), общим показателем нарушений детей ($p<0,01$), симптомами депрессии матерей ($p<0,01$) и отрицательно коррелирует с показателями благополучие ($p<0,01$), эмоциональной поддержкой ($p<0,01$), социальной интеграцией ($p<0,05$), удовлетворенностью поддержкой ($p<0,01$) и с общей социальной поддержкой матерей ($p<0,01$). У отдельных показателей РВ обнаруживаются те же связи, что и у общего показателя РВ, за исключением отсутствия связи у показателя «дистанцирования» с «удовлетворенностью поддержкой». Регрессионный анализ показал, что низкий уровень «субъективного благополучия» является предиктором для всех параметров РВ, а низкий уровень «удовлетворенность поддержкой» – для всех, кроме «дистанцирования». При этом параметры РВ также выступают предикторами депрессивных симптомов у матерей ($\beta = 0,720$, $p = 0,001$), нарушения поведения детей ($\beta = 0,556$, $p = 0,002$) и экстернальных проблем детей ($\beta = -0,530$, $p = 0,004$).

Выводы. Таким образом, субъективное благополучие матери и социальная поддержка являются предикторами РВ, а оно, в свою очередь, выступает предиктором для депрессивных симптомов у матерей и нарушения поведения детей. Однако, наше предположение о влиянии проактивного коппинга – не подтвердилось.

1. Roskam I., Aguiar J., Akgun E., Arikan G., Artavia M., Avalosse H., Mikolajczak M. Parental burnout around the globe: A 42-country study // Affective science. 2021. Vol. 2 (1). P. 58-79. Doi: 10.1007/s42761-020-00028-4.

Крюков Д.О.
НОУ ВПО СПбГУП

Родительская тревожность и психическое здоровье ребёнка раннего возраста

Родительская тревожность, социально-тревожный тип взаимодействия, психическое здоровье ребёнка, эмоциональное благополучие

Введение. Конструктивное поведение родителей имеет существенное значение для процесса формирования эмоционального благополучия ребёнка. В то же время следует заметить, что деструктивное поведение родителей может, в свою очередь, способствовать формированию и развитию тревожности у ребёнка. Г.Г. Филиппова обращает внимание на наличие в современном обществе определённого запроса от женщин, которые стремятся стать «хорошими матерями». Но одновременно с этой ценностной установкой у них присутствуют основные симптомы такого синдрома, как «эмоциональное выгорание» (Филиппова, 2017). При этом синдром эмоционального выгорания включает в себя наличие такого симптома, как тревожность.

Примеры поведения родителей, связанные с проявлением страха, а также демонстрацией стратегии избегания, способны увеличить степень риска развития у ребёнка эмоциональных проблем в будущем. По данным исследователей, влияние тревожного родителя может иметь особое значение в том случае, если ребёнок обладает соответствующим «заторможенным» темпераментом. Таким образом, можно говорить о том, что отдельные действия тревожного родителя могут, по своей сути, транслировать ребёнку различные примеры тревожного поведения. Подобные паттерны тревожного поведения, в конечном итоге, увеличивают риск формирования у ребёнка в дальнейшем тревожных расстройств.

Цель исследования – выявить взаимосвязь количества детей в семье и уровень тревожности родителей. Гипотеза – предполагается, что в нуклеарных семьях, в которых только один ребёнок, уровень тревожности родителей выше, а также сильнее распространены основные симптомы родительского эмоционального выгорания.

Методы. В выборку вошли 27 нуклеарных семей с детьми раннего возраста (9 семей с 1 ребёнком; еще 9 семей с 2 детьми; оставшиеся 9 семей с 3 детьми), 54 родителя (27 матерей и 27 отцов). В качестве основного метода исследования выступал анкетный опрос, проведенный для выявления уровня родительской тревожности, а также симптомов родительского эмоционального выгорания (неуравновешенность, раздражение, агрессивность, эмоциональная истощённость, постоянное беспокойство за ребёнка, страхи, обидчивость).

Результаты. Наиболее высокий уровень родительской тревожности, а также характерных симптомов родительского эмоционального выгорания был зафиксирован в семьях с двумя детьми.

Выводы. Можно говорить о том, что выдвинутая гипотеза, предполагающая наличие высокого уровня тревожности, а также других симптомов родительского «эмоционального» выгорания преимущественно в семьях с одним ребёнком раннего возраста, полностью не подтвердилась.

Стоит отметить, что большинство исследований проблемы взаимосвязи родительской тревожности и психического здоровья детей сфокусирована на анализе поведения матерей. Так, например, в рамках одного из экспериментальных исследований у маленьких детей было выявлено как проявление повышенной боязливости, так и последующее избегание незнакомца в случае негативного опыта, полученного при переживании ими социально-тревожного типа взаимодействия матери и незнакомого человека. При этом подобное влияние оказалось более значимым для детей с темпераментом заторможенного типа (De Rosnay, 2006).

1. Филиппова Г.Г. Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии // Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи и общества: материалы итогового междунар. конгр. М., 2017. С. 154 – 159.
2. De Rosnay M., Cooper P.J, Tsigaras N., Murray L. Transmission of social anxiety from mother to infant: An experimental study using a social referencing paradigm // Behavior Research and Therapy. 2006. Vol. 44(8). P. 1165-1175.

Бозиева Ф.А., Сорокоумова Е.А.
ФГБОУ ВО МПГУ

Родительская тревожность и ее влияние на формирование привязанности у детей раннего возраста (1-3 года)

Ранний возраст (1-3 года) является критическим периодом для формирования привязанности, которая закладывает основу для дальнейшего эмоционального и социального развития ребенка (Плешкова, 2010). В этом возрасте ребенок особенно чувствителен к эмоциональному состоянию родителей, и их тревожность может существенно влиять на качество формирующейся привязанности. В работах отечественных исследователей тревожность рассматривается как устойчивое личностное образование, проявляющееся в склонности к чрезмерным переживаниям и нарушающее гармоничное взаимодействие в диаде «родитель–ребенок» (Карабанова, 2001). Высокий уровень тревожности у родителей связан с нарушениями в детско-родительском взаимодействии, что может приводить к формированию небезопасных типов привязанности (Боулби, 2003). В условиях возрастающей психологической нагрузки на семьи изучение этой проблемы приобретает особую актуальность. Исследования в области психологии развития позволяют понимать родительскую тревожность как сложное, многомерное психологическое образование, включающее три взаимосвязанных компонента: когнитивный компонент (искаженные представления об угрозах), эмоциональный компонент (повышенная напряженность), поведенческий компонент (специфические паттерны взаимодействия) (Смирнова, 2000).

Целью настоящего исследования является анализ влияния родительской тревожности на формирование типа привязанности у детей в возрасте 1-3 лет. Исследование проводилось на базе МКДОУ «Детский сад №2» г. Нальчика. В исследовании приняли участие 50 диад «родитель-ребенок» (25 диад «отец-ребенок», 25 диад «мать-ребенок», дети в возрасте 1-3 лет). Для оценки уровня тревожности родителей использовались: шкала тревожности Спилбергера-Ханина, опросник GAD-7. Тип привязанности у детей определялся с помощью методики «Незнакомая ситуация» М. Эйнсворт, С. Белл и наблюдением за взаимодействием в естественной среде. При обработке данных была использована программа статистической обработки данных Jamovi. Корреляционный анализ выявил значимые связи между уровнем родительской тревожности и типом привязанности у детей: высокая тревожность родителей коррелировала с тревожно-амбивалентным типом привязанности у детей ($r = 0,35$, $p < 0,05$), эмоциональная отстраненность родителей была связана с избегающим типом привязанности ($r = 0,31$, $p < 0,05$), безопасная привязанность чаще формировалась у детей, чьи родители демонстрировали низкий уровень тревожности ($r = -0,40$, $p < 0,01$).

Полученные данные согласуются с результатами предыдущих исследований, указывающих на то, что тревожность родителей может нарушать гармоничное формирование привязанности у детей (Захаров, 2006). Высокая тревожность часто приводит к гиперопеке или, наоборот, эмоциональной недоступности, что создает условия для развития небезопасных типов привязанности. Результаты исследования подтверждают, что родительская тревожность является значимым фактором, влияющим на формирование привязанности у детей раннего возраста. Своевременная психологическая помощь тревожным родителям может способствовать развитию безопасной привязанности и снижению риска эмоциональных нарушений у детей.

1. Боулби Д. Привязанность. Пер. с англ.: Н. Григорьева, Г. Бурменская. М.: Гардарики, 2003.
2. Захаров А.И. Происхождение и психотерапия детских неврозов. Санкт-Петербург: КАРО, 2006.
3. Карабанова О. А. Психология семейных отношений: Учебное пособие. Самара: Издательство СИОКПП, 2001. 122 с.
4. Плешкова Н. Л. Особенности привязанности у детей раннего возраста: автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2010. 26 с.
5. Смирнова Е. О., Быкова М. В. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопр. психол. 2000. № 3. С. 3-13.

Сорокоумова Е.А.
ФГБОУ ВО МПГУ

Курносова М.Г.
ННГУ им. Н.И.Лобачевского

Эмпатия матерей и тревожность детей старшего дошкольного возраста

Эмпатия, тревожность, старший дошкольный возраст

Введение. Материнская эмпатия выступает значимым предиктором психологического благополучия ребенка. Цель исследования - изучение влияния эмпатии матерей на тревожность детей старшего дошкольного возраста.

Причина тревожности ребенка зачастую связана с нарушениями детско-родительских отношений. Особенности материнской эмпатии имеет прямое влияние на поведение ребенка и его психическое здоровье (Walker, L.O., Cheng, 2007). Неэмпатичное, авторитарное отношение к ребенку, завышенные ожидания, критика любых действий ребенка усиливает проявления негативных эмоций у детей, в том числе тревожности (Смолярчук, И.В., 2018).

В конце дошкольного периода дети склонны испытывать тревогу, часто связанную с грядущим переходом из детского сада в школу, что влечет за собой увеличение не только эмоциональной, но и когнитивной нагрузки (Сорокоумова Е.А., Курносова М.Г., 2020). Ребенок, проходящий через такой непростой жизненный период, особо нуждаются в проявлении любви и эмпатии со стороны матери.

Методы. Исследование проводилось на базе ГБДОУ «Детский сад № 31» г. Нижнего Новгорода. Выборку составил 56 человек: 28 дошкольников от 6 до 7 лет и 28 матерей.

Методики исследования: проективный тест тревожности (В. Амен, М. Дорки, Р. Тэммпл); тест А.И. Захарова на оценку уровня тревожности ребёнка (для родителей); тест эмпатийного потенциала личности (И.М. Юсупова).

Сравнительный анализ количественных переменных с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни; анализ взаимосвязей с помощью непараметрического критерия ранговой корреляции Спирмена; регрессионный анализ для выявления влияния особенностей эмпатии матерей на проявление тревожности у детей.

Результаты. Обнаружено, что у детей наблюдается умеренно выраженный уровень тревожности; у детей, матери которых неправильно оценивают состояние тревожности ребенка, наблюдается более высокий показатель тревожности, при этом значимо более низкая оценка матерью состояния тревожности ее ребенка.

Показатели эмпатии матерей более выражены в тех диадах, где наблюдается совпадение оценки матерью состояния тревожности ребенка и выявленный уровень тревожности ребенка. У матерей выявлен средний уровень развития эмпатийного потенциала личности, и эмпатия с детьми.

Корреляционный анализ показал значимую взаимосвязь тревожности детей и эмпатии матерей: чем выше общий уровень эмпатии, а также уровень интуитивного канала эмпатии матерей, тем меньше у девочек будет прослеживаться уровень тревожности. Чем выше общий уровень эмпатии матерей, тем больше вероятность того, что у мальчиков будет прослеживаться более низкий уровень тревожности.

Было обнаружено влияние общего уровня эмпатии матерей на уровень испытываемой тревожности детьми 6-7 лет. При повышении общего уровня эмпатии матерей, которое сопровождается более развитым и осмысленным представлением внутреннего мира партнера по общению, происходит снижении уровня тревожности у их детей.

Выводы. Исследование подтверждает, что дети тяжело переживают отсутствие эмпатии и безусловного родительского (материнского) отношения к себе. Это может стать причиной возникновения отклонений в индивидуально-личностном развитии ребенка, в том числе возникновения детской тревожности.

1. Смолярчук, И.В. Влияние нарушенных детско-родительских отношений на проявления тревожности // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2018. – Т. 17. – № 38. – С.69-72.
2. Сорокоумова Е.А., Курносова М.Г. Специфика психологической готовности современных детей к школьному обучению // Педагогика и психология образования. 2002. № 1. С. 238-257.
3. Walker, L.O., Cheng, C.Y. Maternal empathy, self-confidence, and stress as antecedents of preschool children's behavior problems // Journal for Specialists in Pediatric Nursing. – 2007. – Vol. 12, № 2. – P. 93-104.

Шабас С.Г.
АНО ВО «Гуманитарный университет»

Осокина О.А., Сергеева Ю.В.
МБДОУ - детский сад №21

Семья ребенка раннего возраста в современном детском саду

Семья, ребенок раннего возраста, детский сад

Введение. Влияние семьи на ребенка раннего возраста при поступлении в детский сад включает содержание семейных установок, методы семейного воспитания, степень материнского участия и морально-нравственные ценности семьи (Безродных, 2023). Трудности родителей часто связаны с дефицитом представлений о возрастных особенностях детей, неадекватными приемами воспитания, неприемлемыми формами поведения ребенка (Вербианова, 2022). Затруднения педагогов в работе с детьми раннего возраста вызваны профессиональными дефицитами, связанными с недостаточным владением адаптационными и коммуникационными технологиями (Намсинк, 2024). Активное систематическое участие родителей во взаимодействии со специалистами детского сада предупреждает интеллектуальные, речевые и социальные проблемы адаптации ребенка в раннем возрасте (Лактионова, 2024). Поэтому целью исследования является анализ специфики взаимодействия семьи ребенка раннего возраста со специалистами в условиях современного детского сада.

Методы: наблюдение, анкетирование, анализ обращений и запросов. Выборка: родители и дети раннего возраста с 1 года до 2-х лет, посещающие 8 групп МБДОУ - детский сад № 21г. Екатеринбурга в течение 2023-2025 учебных годов.

Результаты. Наблюдение и активное взаимодействие с детьми раннего возраста и их родителями в процессе образовательной деятельности в условиях детского сада выявили следующую специфику субъектов образовательного процесса: -для современных детей раннего возраста характерны слабое формирование возрастных гигиенических навыков, отсутствие коммуникативного опыта со сверстниками, постоянное взаимодействие с гаджетами, негативная реакция на физические трудности (прогулка, одевание, прием пищи и т.д.), нахождение на грудном вскармливании, с соской и памперсами, -для родителей современных детей раннего возраста характерны выраженная дифференциация в понимании возрастных особенностей развития их ребенка и в подходах в семейном воспитании, повышенные требования к деятельности специалистов детского сада, противоречивость социальных установок на сознательное материнство и раннее общественное воспитание. -для педагогов и специалистов, работающих с детьми раннего возраста основной проблемой является отсутствие специальной подготовки по взаимодействию с данным контингентом детей и их родителями.

Выводы. Значительное увеличение потребности семей в дошкольном воспитании детей раннего возраста делают необходимым дальнейшее изучение специфики ребенка и его семьи, создание системы повышения психолого-педагогической культуры родителей и переподготовки специалистов детских садов для работы с данным контингентом.

1. Безродных Т.В. Влияние семьи и семейных установок на социализацию и социальное развитие ребёнка раннего и дошкольного возраста // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2023. № 18(2). С. 16-25. https://doi 10.21209/2658-7114-2022-18-2-16-25
2. Вербианова О. М., Улыбина Е.В. Современное родительство: трудности в воспитании детей раннего и дошкольного возраста // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 6(46). С. 149-158. https://doi 10.23951/2307-6127-2022-6-149-158
3. Намсинк Е.В. Анализ ключевых особенностей и проблем профессиональной деятельности педагогов раннего детства // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 1(66). С. 240-244. https://doi 10.25683/VOLBI.2024.66.867
4. Лактионова А.В., Терзи А.В. Психолого-педагогическое сопровождение семей с детьми раннего возраста // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2024. № 19. С. 2-9. URL: https://sdo-practice.ru/journalpril/laktionova-av-terzi-av-psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-semej-s-detmi-rannego-vozrasta.html (дата обращения: 07.06.2025).

Руднова Н.А.
ФНЦ ПМИ, МГУ

Корниенко Д.С.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Психологическое благополучие дошкольников в связи с отношениями в диаде «педагог-воспитанник»

Диада «педагог-ребенок», психологическое благополучие, дошкольники

Среда значительно влияет на развитие ребенка и его благополучие (Shishova, Akhatova, 2022). Наиболее значимыми при этом оказываются не структурные характеристики, т.е. предметно-материальное оснащение, а процессуальные, к которым относятся особенности взаимодействия. Большинство современных исследований сконцентрировано на изучении образовательной среды на уровне группы - например, отношение воспитателя к группе, учителя к классу (Pianta et al., 2008). Однако рассмотрение отношений в рамках диады «педагог ДОУ – ребенок» значительно ограниченно (Vandenbroucke, 2018).

Цель работы – выявить особенности психологического благополучия дошкольников через показатели экстернального (агрессивность, импульсивность), интернального (раздражительность, плаксивость) и просоциального поведения (ориентированного на других) с учетом характеристик отношений в диаде «педагог-воспитанник».

Методы. Выборка исследования включала педагогов (54 человека в возрасте от 22 до 65 лет) и матерей – 495 (возраст от 24 до 55 лет). Педагоги оценивали отношения с каждым ребенком по методике «Отношение в диаде педагог-ребенок» (Haldimann et al., 2023) по пунктам – доверие, конфликтность и потребность ребенка в поддержке от педагога, а матери – психологическое благополучие (выраженность интернальных, экстернальных проблем и просоциального поведения ребенка по опроснику «Сильные стороны и трудности»). Всего были получены данные относительно 495 детей в возрасте от 57 до 82 месяцев.

Результаты. Результаты представленные далее значимы при $p<0.05$. Обнаружены связи экстернального и интернального поведения с доверительностью (rэ = -0.09; rи=-0.16) и неконфликтностью (rэ= -0.25; rи=-0.16), а просоциальное поведение связано с доверительность (r = 0.12) и неконфликтностью (r=0.12). Экстернальное поведение связано с несамостоятельностью ребенка (r=0.12).

На основании кластерного анализа выявлены группы детей и педагогов, имеющих схожие отношения. Группа 1 с низким доверием, высокой конфликтностью и потребностью ребенка в поддержке педагога; группа 2 – среднее доверие, неконфликтность и потребностью ребенка в поддержке; группа 3 – среднее доверие и неконфликтность при высокой самостоятельности ребенка.

Были обнаружены значимые различия в показателях психологического благополучия между первой и двумя другими группами. В первой группе выше выражены экстернальные и интернальные проблемы и ниже просоциальное поведение.

Выводы. Результаты указывают, доверие педагога в сочетании с формированием автономии у ребенка при отсутствии конфликтов, способствуют большему психологическому благополучию, что выражается в психологическом благополучии ребенка.

1. Haldimann M., Morinaj J., Hascher, T. The Role of Dyadic Teacher–Student Relationships for Primary School Teachers' Well-Being // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20(5). P. 4053. https://doi.org/10.3390/ijerph20054053
2. Shishova E. O., Akhatova A. Z. Interaction of communicative creativity and primary school students' creativeness in the context of educational environment // New Ideas in Child and Educational Psychology. 2022. No. 2 (1–2). P. 66–79
3. Pianta R. C., La Paro K. M., Hamre B. K. Classroom Assessment Scoring System [CLASS] manual: Pre-K. Baltimore: Brookes Publ., 2008
4. Vandenbroucke L., Spilt J., Verschueren K., Piccinin C., Baeyens D. The classroom as a developmental context for cognitive development: A meta-analysis on the importance of teacher–student interactions for children's executive functions // Review of Educational Research. 2018.Vol. 88(1). P. 125–164. https://doi.org/10.3102/0034654317743200

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-18-00562)

Казанцева Н.В., Шевчук Е.А.
ФГБОУ ВО БФУ им. И. Канта

Взаимосвязь родительского стиля воспитания и техноференции

Смартфон, гаджет, дети, эмоции, поведение

Введение. Техноференция – нарушение живого общения из-за использования цифровых устройств. В семьях это явление снижает качество взаимодействия между родителями и детьми, создавая эмоциональную дистанцию и влияя на воспитательный процесс (Рагозинская, 2021; McDaniel, Radesky, 2018; Kildare, Middenmiss 2017; Radesky et al., 2023; Sundqvist et al., 2020).

Цель исследования: изучить взаимосвязь между техноференцией и стилями родительского воспитания.

Методы. В исследовании участвовали 50 семей с детьми 3–7 лет.

Использовались:

- Анкетирование (частота и длительность использования гаджетов при общении с ребенком).
- Методика Лисиной (диагностика форм общения).
- Рисуночный тест Бене-Антони (оценка эмоциональных отношений в семье).
- Структурированное наблюдение взаимодействия родителей и детей.

Результаты.

Стили воспитания:

- Авторитетный – 40%
- Либеральный – 30%
- Авторитарный – 20%
- Отвергающий – 10%

Уровень техноференции:

- Средний балл – 3,1 из 5.
- 60% родителей отвлекались на гаджеты более 3 раз в час.
- Лишь 15% показали низкий уровень техноференции (<2,5 балла).

Детское восприятие:

- 55% детей изобразили родителей с гаджетами.
- 30% рисунков показали признаки эмоциональной отстраненности (отсутствие зрительного контакта, раздельные фигуры).
- В семьях с высокой техноференцией (>3,5 балла) такие признаки встречались в 70% случаев.

Наблюдение за поведением:

В среднем родители отвлекались на гаджеты 4,2 раза за 30 минут.

Реакции детей:

- Фрустрация (35%)
- Вербальные попытки привлечь внимание (40%)
- Физический контакт (15%)
- Игнорирование (10%)

Связь со стилем воспитания:

- Либеральный стиль – выше техноференция (5,1 эпизода за сеанс).
- Авторитетный стиль – ниже (3,8 эпизода).

Выводы

Техноференция оказывает значимое влияние на детско-родительские отношения. Высокий уровень отвлечения на гаджеты чаще встречается при либеральном стиле воспитания, тогда как авторитетный стиль демонстрирует более осознанное использование технологий. Дети эмоционально реагируют на отвлечение родителей, что может негативно сказываться на их психологическом благополучии.

1. Рагозинская В.Г. Проблема фаббинга в психологии: обзор научной литературы. //Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2021. №2. С. 67-95.
2. McDaniel B.T., Radesky J.S. Technoference: Parent distraction with technology and associations with child behavior problems // Child Development. 2018. Vol. 89, № 1. P. 100–109.
3. Kildare C., Middenmiss W. Impact of parents mobile device use on parent-child interaction // A literature review. Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 75, pp. 579–593.
4. Radesky J.S, Kaciroti N., Weeks H.M., et al. Longitudinal Associations Between Use. of Mobile Devices for Calming and Emotional Reactivity and Executive Functioning in Children Aged 3 to 5 Years. // JAMA Pediatr. 2023. Vol.177(1). P. 62-70.
5. Sundqvist A., Heimann M., Koch,F-S. Relationship Between Family Technoference and Behavior Problems in Children Aged 4-5 Years. // Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2020. Vol. 23(6). P. 371-376.

Сороков Д.Г.
ФГБОУ ВО МГППУ

Методика БИ-2 «Беспокойство-избегание в паре»: конструктная валидность и внутренняя согласованность

Стиль привязанности, методика БИ-2, эмпирическая верификация, конструктная валидность, внутренняя согласованность

Влияние качества отношений в супружеской паре на психическое здоровье детей – тема хрестоматийная (Сороков, 1994). Но научные аспекты профилактики нарушений развития ребенка в семье, связанные со стилем привязанности в супружеской паре и семье в целом, как и создание инструментария для диагностики соответствующих психологических механизмов, – предмет остроактуальных исследований (Mikulincer, Shaver, 2017; Сороков, 2024).

В исходном конструкте методики БИ-2 – двухфакторная модель индивидуальных различий привязанности взрослых Бартоломью-Хоровитца, дополненная фактором амбивалентности. Субшкалы-прообразы: «Беспокойство» и «Избегание» из «Опросника привязанности к близким людям» (Сабельникова, Каширский, 2015); «Амбивалентность» из «Мульти-опросника романтической привязанности у взрослых» (Крюкова и др., 2019). Принципиальное нововведение: методика БИ-2 позволяет диагностировать не только стиль привязанности каждого супруга, но и его представления о стиле привязанности партнера, что дает возможность выявлять «диадический» и «отраженный» компоненты стиля привязанности в паре в целом (Сороков, 2024).

Цель: эмпирически верифицировать исходную факторную структуру теста-опросника взрослой романтической привязанности «Беспокойство и избегание в паре, БИ-2 v3.1» методики Д.Г. Сорокова (24 пункта), выявить характеристики ее конструктной валидности и внутренней согласованности.

Методы: 1244 измерения; средний возраст 24,8 лет (SD=4,81); обработка в Jamovi.

Результаты.

1) Эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент; вращение Varimax): критерий КМО и критерий сферичности Бартлетта показали приемлемую адекватность выборки для его проведения: КМО=0,934, χ^2=16638, df=276, p<0,001. Выделены 3 фактора, каждый из которых объясняет по 18% общей дисперсии (суммарно 53,9%); это согласуется с моделью, а содержание факторов (все индикаторы демонстрируют значимые нагрузки) соответствует исходному конструкту: «Беспокойство», «Избегание», «Амбивалентность».

2) Конфирматорный факторный анализ (модель оценивалась робастным методом максимального правдоподобия MLR для непрерывных данных, устойчивым к отклонению от нормального распределения) после процедур модификации (добавления ковариации ошибок для близких по смыслу утверждений) показал приемлемое и хорошее соответствие модели эмпирическим данным: χ^2/df=5,56, p<0,001; сравнительный индекс согласия CFI=0,934; индекс Такера-Льюиса TLI=0,924; стандартизированный среднеквадратичный остаток SRMR=0,0627; квадратичная усредненная ошибка аппроксимации RMSEA=0,0605.

3) Анализ внутренней согласованности методики: коэффициент Кронбаха α=0,911 подтверждает высокую надежность методики.

Выводы: по результатам эмпирической верификации подтверждена гипотеза о трехфакторной структуре рабочей модели, лежащей в основе методики «Беспокойство-избегание в паре, БИ-2 v3.1» Д.Г. Сорокова («Беспокойство», «Избегание», «Амбивалентность»); выявлены приемлемые характеристики ее конструктной валидности и высокая внутренняя согласованность.

1. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: КГУ, 2019.
2. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. № 36(4). С. 84–97.
3. Сороков Д.Г. Введение в психологию и педагогику детства. М.: Московская государственная академия легкой промышленности, 1996.
4. Сороков Д.Г. Роль «диадического» и «отраженного» компонентов надежного стиля привязанности в супружеских отношениях // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2024. № 7. С. 486-493. https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2024-7-68
5. Mikulincer M., Shaver Ph. Attachment in Adulthood: Structure, Dynamics, and Change. New York: Guilford Press, 2017.

Никитина Е.А.
ФГБУН ИП РАН

Удовлетворенность жизнью пожилых мужчин и их представления о своей прародительской роли

Прародительство, дедушки, удовлетворенность жизнью, включенность в воспитание внуков

В настоящее время имеется достаточно много данных о роли межпоколенных взаимодействий в благополучии членов семьи. Чаще всего речь идет о детско-родительских взаимодействиях, но не менее важно оценить и роль контактов внуков с прародителями. Имеется ряд работ, посвященных бабушкам – как их роли в воспитании младшего поколения, так и плюсам и минусам регулярного общения с внуками для самих бабушек, однако до настоящего времени информации, посвященной дедушкам крайне мало (например, Coall et. al., 2016). В то же время благодаря изменению демографической ситуации растет период активного взаимодействия с внуками для пожилых мужчин (Tanskanen et al., 2021), а значит, важно изучить психологические эффекты прародительства и для дедушек.

Целью данного исследования было выявление различий в удовлетворенности жизнью и связанных с ней характеристик между мужчинами пожилого и старческого возраста, по-разному оценивающими свою прародительскую роль.

В исследовании приняли участие 30 мужчин в возрасте от 65 до 84 лет, жителей Москвы, имеющих внуков разного возраста (от 1 года до 38 лет). Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, какое место в семейной системе занимают дедушки, а также заполнить ряд психологических методик (Шкалу удовлетворенности жизнью, Дифференциальный опросник одиночества, Опросник социальной поддержки F-SOZU-22, Шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн).

Результаты показали, что респонденты, отмечающие свою активную, а не вспомогательную роль, продемонстрировали значимо более высокие значения удовлетворенности жизнью, эмоциональной поддержки и социальной интеграции ($p<0,05$), самооценки внешности и характера ($p<0,01$) и на уровне тенденции более низкие значения общего одиночества.

Полученные данные коррелируют как с эмпирическими результатами, например, Дж. Бейтса и А. Тейлора, показавших, что включенные в воспитание внуков мужчины демонстрировали меньше депрессивных симптомов и более выраженный позитивный аффект (Bates, Taylor, 2012), так и с общим выводом, высказанным еще в 1968 г. Б.Г. Ананьевым о том, что «именно с активностью человека связано действие гигиенических факторов, способствующих стабилизации жизненных функций на высоком уровне в зрелые годы жизни» (Ананьев, 1968, с.165).

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968.
2. Bates J.S., Taylor A.C. Grandfather Involvement and Aging Men's Mental Health // American Journal of Men's Health. 2012. Vol. 6 (3). P. 229-39. https://doi.org/10.1177/1557988311430249
3. Coall D., Hilbrand S., Sear R., Hertwig R. A New Niche? The Theory of Grandfather Involvement // In book: Grandfathers. 2016. P. 24-52. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56338-5_2
4. Tanskanen A.O., Danielsbacka M., Hämäläinen H., Solé-Auró A. Does Transition to Retirement Promote Grandchild Care? Evidence From Europe // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 1-9. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.738117

Исследование выполнено по госзаданию (№ 0138-2025-0009 «Системное развитие субъекта в нормальных, субэкстремальных и экстремальных условиях жизнедеятельности»)

Рюмшина Л. И., Чернова А. А.
ФГБОУ ВО ЮФУ

Значимость формирования толерантности в российской семье

Семья, родительско-детские отношения, толерантность

Введение. Толерантность как право личности на возможность иного видения реальности (Асмолов и др., 2001) – ценность, которая необходима для конструктивного взаимодействия в мире людей. Как личностная черта толерантность может проявляться с 4 лет, поэтому ее развитие зависит, в первую очередь, от семейного воспитания (Рюмшина и др., 2022). Тем не менее, по данным некоторых исследователей, родители детей-дошкольников считают, что нужно формировать у детей, прежде всего, морально-этическую сферу (Собкин, Халутина, 2017), хотя следует подчеркнуть важность толерантности и для взаимопонимания между близкими родственниками, особенно в родительско-детских отношениях.

Последнее время в психологии интенсивно используется анализ больших данных. Преимущества его заключается в том, что позволяют учесть представление о психологическом феномене большого количества респондентов с различными социально-демографическими характеристиками. Мы решили воспользоваться этими преимуществами с целью изучения значимости формирования толерантности в российской семье.

Методы. С учетом вышесказанного нами было проведено эмпирическое исследование, основывающееся на данных «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey, WVS) о важности формирования толерантности в российской семье в период с 1990 по 2020 год (время проведения последнего опроса, обработанного в связи с пандемией в 2022 году). Общая выборка насчитывает 10344 человека. В соответствии с представленными в базе данными респондентов учитывались: пол, возраст, уровень образования, социальный класс. Для обработки данных применялись корреляционный анализ, критерий Краскала-Уоллиса, критерий Коновера, метод доверительных интервалов, логистическая регрессия. Результаты По мнению россиян, толерантность – одно из важных качеств, которые нужно формировать в семье. Однако с 2014 года можно наблюдать тенденцию к снижению этой точки зрения. Для женщин более важна толерантность в воспитании детей, чем для мужчин.

Обнаружена тенденция повышения значимости толерантности в связи с получением высшего образования, принадлежностью к высшему классу и возрастом. Поколения старшее 50 лет, в отличии от группы в возрасте до 29 лет более толерантны – большинство из них считает необходимым формирование толерантных установок в семье. Если попытаться описать человека, для которого наиболее значимо формирование толерантности в российской семье, то это, скорее всего, будет женщина старше 50 лет с высшим образованием, принадлежащая к высшему классу.

Выводы. Таким образом, если мы говорим о толерантном отношении к детям и воспитании толерантности у подрастающего поколения, то оно обеспечивается прежде всего старшим поколением, преимущественно с высшим образованием. Дедушки и тем более бабушки более толерантны, чем родители (особенно в возрасте до 29 лет), у которых к тому же в последние десятилетия снижается тенденция к «демократическому стилю» воспитания (Собкин, Халутина, 2017). Это нужно учитывать при организации психологической работы, связанной с родительско-детскими отношениями.

1. Асмолов А.Г., Солдатова Л.А., Шайгерова Г.У. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. Научно-публицистический вестник. 2001. № 1-2 С. 8–18.
2. Рюмшина Л.И., Зинченко Е.В., Чернова А.А., Бердянская Ю.В., Батычко О.В. Динамика установок формирования толерантности в семье у представителей различных социальных групп // Российский психологический журнал. 2022. 19(4). С. 211–230.
3. Собкин В. С., Халутина Ю.А. Ценностно-целевые установки родителей по воспитанию детей старшего дошкольного возраста и их связь со стилями воспитания. // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2017. № 7(79). С. 4-17.

Еселевич А.П., Аникина В.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Взаимосвязь эмоционального состояния детей и их матерей с родительскими компетенциями

Родительство, родительские компетенции, тревожность, эмоциональное состояние детей

Эмоциональные проблемы детей связаны с нарушениями раннего эмоционального взаимодействия с матерью (Мухамедрахимов, 2024), с нехваткой родительских компетенций (Wang at al., 2024), что приводит к трудностям в установлении здоровых отношений в семье и в формировании у ребенка адекватных поведенческих навыков, стабильного эмоционального состояния (Zimmer-Gembeck et al, 2022). Развитие родительских компетенций, особенно в области понимания детского развития, напрямую связано с качествомвзаимодействия с детьми (Аникина, Пшонова, 2019).

Целью нашего исследования было изучить эмоциональное состояние детей в связи с эмоциональным состоянием и родительскими компетенциями их матерей. В исследовании участвовали 68 пар мама-ребенок из 11 регионов РФ, 36 (53%) мальчиков и 32 (47%) девочек. Средний возраст детей - 5,3 (±0,8), 10,0 (±1,6) и 15,6 (±1,3) лет. Методы: для матерей - Шкала психологического функционирования Ахенбаха (ASEBA), «Незаконченные ситуации» Михеевой и ОДРЭВ Захаровой; для детей - «Паровозик» Велиевой для всех возрастов, тест тревожности Темпл-Дорки-Амен (4-6 лет), Шкала тревожности CMAS А.М. Прихожан (7-12 лет) и Шкала личностной тревожности А.М. Прихожан (13-17 лет), социально-демографическая анкета.

Результаты: Негативное психологическое состояние детей связано с депрессивностью, тревожностью и дезадаптивностью матерей в разных возрастных группах. Группа детей 4-6 лет: тревожность у детей коррелирует (r=0,525*) с эмоциональным состоянием матерей (замкнутость, депрессия). Группа детей 7-12 лет: связь (r=-0,389*) между уровнем стресса матерей и тревожностью детей. Группа детей 13-17 лет: общий уровень тревожности подростков связан с нарушениями эмоционального состояния по типу делинквентного поведения (r=0,598*) и признаками СДВГ (r=0,592*) у матерей. Связи между тревожностью детей и оценкой эмоционального взаимодействия матерями наблюдаются в отдельных аспектах. Например, в группе детей 4-6 лет тревожность связана (r=-,551*) с критикой со стороны матерей, у детей 7-12 лет – с положительной оценкой матерью действий ребенка (r=-0,348*), а у подростков – с угрозами (r=0,578*) и игнорированием (r=0,625*) со стороны матерей. Эмоциональное состояние матерей связано с их родительскими компетенциями, но не во всех возрастных группах. У матерей детей 4-6 лет связь между эмоциональным состоянием и компетенциями не выявлена, но есть связь (r=0,572*) между усталостью и качеством взаимодействия. У матерей детей 7-12 лет наблюдается связь (r=-0,654**) между тревожностью, депрессивностью и качеством взаимодействия. У матерей детей 13-17 лет родительские компетенции связаны (r=0,603*) с нарушением мышления.

Вывод: исследование подтверждает устойчивую взаимосвязь между психологическим состоянием детей и матерей, а также специфическими аспектами их взаимодействия, причем характер этих связей различается по возрастным группам детей.

1. Аникина В. О., Пшонова К. А. Взаимосвязь родительских компетенций, эмоционального состояния и уровня родительского стресса матерей детей дошкольного и младшего школьного возраста //Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – №. 6. – С. 49
2. Мухамедрахимов Р. Ж. Научные основы ранней помощи детям младенческого и раннего возраста и их семьям //Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2024. – Т. 14. – №. 4. – С. 571-587.
3. Wang S.-M. et al. Association of preschool children behavior and emotional problems with the parenting behavior of both parents // World Journal of Clinical Cases. 2024. № 6 (12). С. 1084–1093.
4. Zimmer-Gembeck M. J. et al. Parent emotional regulation: A meta-analytic review of its association with parenting and child adjustment //International Journal of Behavioral Development. – 2022. – Т. 46. – №. 1. – С. 63-82

Шурипа А.С., Ткаченко Д.П.
ФГБОУ ВО РАНХиГС

Роль когнитивной гибкости в отношении к поиску профессиональной психологической помощи

Когнитивная гибкость, поиск психологической помощи

Анализ статистики в области психического здоровья детей показывает, что заболеваемость психическими расстройствами остается стабильно высокой, тогда как число семей, обратившихся за профессиональной помощью, невелико. Это значимая проблема для социальных служб и здравоохранения, так как психические расстройства у детей являются одним из главных факторов, приводящих к инвалидности (Чичерин и др., 2024). Представляется актуальным изучение факторов, препятствующих обращению за психологической помощью.

Рассматривая обращение за психологической помощью как проблемно-ориентированное поведение, мы опираемся на теорию запланированного поведения Айзена, которая описывает связь убеждений и поведения. Недавний систематический обзор исследований показал, что именно убеждения о психологической помощи – наиболее значимый предиктор обращения к специалистам (Adams et al., 2022). С одной стороны, убеждения формируются с помощью информации о психологической помощи. С другой стороны, в контексте информационной доступности возникает вопрос о когнитивных факторах, которые определяют восприятие подобной информации.

В современных исследованиях появляется все больше данных в пользу того, что одним из таким факторов может быть когнитивная гибкость – способность переключаться между стимулами и адаптироваться к меняющимся условиям среды. Когнитивная гибкость влияет на возможность пересматривать систему убеждений и на процесс принятия решений. В ходе осмысления большого количества информации и учета противоречивых точек зрения, при отсутствии гибкости человек склонен полагаться на «быстрое» и интуитивное мышление. Например, развитая когнитивная гибкость способствует более позитивному отношению к медицинским услугам (Gomes-Ng et al., 2024). Анализ литературы показывает, что сниженная когнитивная гибкость делает человека более восприимчивым к стереотипно негативному, стигматизирующему отношению к людям с ментальными особенностями (De Los Santos et al., 2019). В рамках ранней помощи детям крайне важным является способность родителя заметить поведенческие нарушения ребенка, а действие стигмы может снижать восприимчивость родителей к нетипичному поведению собственных детей (Villatoro et al., 2018).

Таким образом, требуются дальнейшие исследования связи когнитивной гибкости и поиска психологической помощи. Однако предварительные данные позволяют предположить, что важно не только распространение достоверной информации о психологической помощи, но и учет когнитивных факторов, влияющих на восприятие информации.

1. Чичерин Л.П., Щепин В.О., Загоруйченко А.А. Тенденции психического здоровья детей и подростков России // Здравоохранение Российской Федерации. 2024. № 68 (2). С. 123–130. https://doi.org/10.47470/0044-197X-2024-68-2-123-130
2. Adams C., Gringart E., Strobel N. Explaining adults' mental health help-seeking through the lens of the theory of planned behavior: a scoping review //Systematic Reviews. 2022. Vol 11 (1). P. 160 – 176. https://doi.org/10.1186/s13643-022-02034-y
3. De Los Santos R., Carey C., Challman K., Perez V. The role of cognitive flexibility in stigma against individuals with schizophrenia //Schizophrenia Bulletin. 2019 Vol. 45. P. 323 – 324. https://doi.org/10.1093/schbul/sbz020.591
4. Gomes-Ng S., Wood J.K., Cowie S. Cognitive flexibility predicts attitudes towards vaccination: evidence from a New Zealand sample // BMC Psychology. 2024. Vol. 12 (1). P. 550 – 563. https://doi.org/10.1186/s40359-024-02048-2
5. Villatoro A.P., DuPont-Reyes M.J., Phelan J.C., Painter K., Link B.J. Parental recognition of preadolescent mental health problems: Does stigma matter // Social Science & Medicine. 2018. Vol. 216. P. 88-96. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.09.040

Карпинская В. Ю.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Мамина Т.М
НМЦ ООО «Сова-Нянька»

Роль чувства равновесия в развитии детей до трех лет

Чувство равновесия, вестибулярная система, ранний возраст

Чувство равновесия – это способность человека поддерживать устойчивое положение тела в пространстве. Оно обеспечивается вестибулярной системой, расположенной во внутреннем ухе, а также взаимодействием со зрением и проприоцепцией (мышечным чувством). Распространённость вестибулярных нарушений у детей изучена мало. Дети и их родители обычно не предъявляют основных жалоб, связанных с нарушением равновесия. Нарушения выявляются либо в ходе специального обследования, либо случайно. Известно, что вестибулярная гипофункция у детей проявляется в виде нарушения равновесия, приводящего к падениям; особенно это касается сложных моторных навыков, таких как прыжки или ходьба по бревну. Даже незначительные нарушения в работе вестибулярного аппарата вызывают существенные изменения моторики детей. У детей с отклонениями в состоянии здоровья нередко наблюдаются нарушения в работе вестибулярной системы. Они могут проявляться в различных двигательных нарушениях, например, при детском церебральном параличе, при задержке психического развития, нарушении зрения или слуха, умственной отсталости. Дети с умственной отсталостью практически всегда демонстрируют недоразвитие моторики: страдают не столько элементарные движения, сколько сложные координации и действия, требующие осмысления, словесного опосредования и произвольной регуляции (Ghai, 2019; Rine, Christy, 2014).

Вестибулярная дисфункция является весьма частым проявлением у детей с расстройством аутистического спектра, синдромом дефицита внимания и гиперактивности, умственной отсталостью и трудностями в обучении (Franco., Panhoca, 2008; Van Heckeet al.) Например, трудности с фиксацией взгляда, связанные с вестибулярной дисфункцией, могут привести к проблемам с чтением, трудностей в обнаружении и различении собственных движений и движений окружающей среды. Возможна компенсация при помощи зрения и проприоцепции, однако этого недостаточно.

Существуют ли критические периоды развития чувства равновесия и влияния этого развития на пространственное восприятие и другие когнитивные функции? Однозначного ответа нет, но в работе Wiener-Vacher, et al. (2013) приводится целый ряд весьма убедительных доводов в пользу существования периодов взросления, во время которых можно наблюдать манифестации таких нарушений. Это возраст 2, 7 и 11 лет, когда наблюдается согласованность в данных по росту гиппокампа и образованию связей между отделами головного мозга, отвечающими за проприоцепцию, зрение и вестибулярную чувствительность, и данных в области когнитивного развития (пространственное мышление, память, координация в пределах своего тела, в пространстве и т. д.).

Таким образом, необходимо уделять пристальное внимание развитию чувства равновесия и диагностике вестибулярных нарушений именно в раннем возрасте, чтобы предотвратить задержку психического развития, трудности адаптации и обучения в дальнейшем

1. Franco E. S., Panhoca I. Vestibular function in children underperforming at school // Brazilian Journal of Otorhinolaryngology, 2008. Vol. 74(6). P. 815–825. DOI: 10.1590/S0034-72992008000600003
2. Ghai S., Hakim M., Dannenbaum, E., Lamontagne A. Prevalence of vestibular dysfunction in children with neurological disabilities: a systematic review // Frontiers in neurology. 2019. Vol. 10. 1294. DOI: 10.3389/fneur.2019.01294
3. Rine R. M., Christy J. B. Physical therapy management of children with vestibular dysfunction. Philadelphia, PA: FA Davis Company, 2014. P. 457
4. Van Hecke R., Danneels M., Dhooge I., Van Waelvelde H., Wiersema J. R., Deconinck F. J., Maes L. Vestibular function in children with neurodevelopmental disorders: a systematic review // Journal of autism and developmental disorders. 2019. Vol. 49. P. 3328–3350. DOI: 10.1007/s10803-019-04059-0.
5. Wiener-Vacher S. R., Hamilton D. A., Wiener S. I. Vestibular activity and cognitive development in children: perspectives // Frontiers in integrative neuroscience. 2013. Vol. 7 P. 92. DOI: 10.3389/fnint.2013.00092.

Шереметьева Е.В.
ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ

Латентная группа риска нарушений познавательной активности и речевого развития в раннем возрасте

Латентная группа риска, познавательная активность, ранний возраст, речевое развитие, семья

Введение. Обращение к проблеме выявления латентности риска нарушений познавательного и речевого развития обусловлено необходимостью эмпирического поиска эффективных моделей организации своевременной психолого-педагогической помощи в раннем возрасте. Целью исследования стало определение скрытой группы риска по нарушениям познавательной активности и речевого развития среди детей раннего возраста.

Методы. На первом этапе в четырех детских садах двух муниципальных образованиях было проведено анкетирование 107 родителей детей от полутора до двух с половиной лет в двух регионально различных муниципальных образованиях (с. Рыбачье Алуштинского городского округа, Республика Крым и г. Челябинск Челябинской области Уральского федерального округа). На втором этапе было проведено углубленное обследование 81 ребенка раннего возраста группы риска из трех детских садов г. Челябинска по методике «Диагностика психоречевого развития ребенка раннего возраста» (Шереметьева Е.В., 2013).

Результаты. Установлено, что у 26,6 % детей родители отмечают сложности в формировании языковых средств. 10,8% родителей г. Челябинска уже осознают сложности с познавательным развитием собственных детей и запрашивают соответствующие коррекционные услуги педагога-дефектолога в образовательной организации. В с. Рыбачьем родители не отметили нарушений в становлении речи или познавательной активности детей, что возможно связано с малой выборкой.

Сложности со сформированностью навыков самообслуживания у детей косвенно, через запрос детскому саду, отмечают 43,1 % родителей в образовательных организациях ЧДОУ «РЖД детский сад № 36 г. Челябинска». В с. Рыбачьем у одной семьи возникло пожелание к педагогам сформировать навыки самообслуживания.

47,1 % родителей считают, что необходимо формировать навыки общения у детей в детских садах (г. Челябинск). Аналогичным образом запрашивают услуги по формированию навыков общения две семьи в с. Рыбачье.

Углубленное обследование позволило выявить обратимую задержку речевого развития у 34 детей, нерезко выраженные отклонения в овладении речью у 15 детей, выраженные отклонения в овладении речью у 24 детей и резко выраженные отклонения в овладении речью у 8 детей.

Качественный анализ коммуникативно-речевых профилей по соотношению выявленных факторов риска в речевом, познавательном развитии и коммуникативных условиях позволил разделить группу риска на три подгруппы: 49 детей, у которых выявлены нарушения овладения языковыми средствами общения при сложности коммуникативных условий; 24 ребенка, у которых определены равномерные нарушения в овладении языковыми средствами общения в сочетании с когнитивным недоразвитием и сложностями коммуникативных условий; 8 детей, у которых преобладает недоразвитие познавательной активности.

Выводы. Выявлены группа риска и впервые выявлена группа латентного риска по нарушениям познавательного и речевого развития среди детей раннего возраста образовательных организаций дошкольного уровня. Доказано, что только часть родителей уже могут сами констатировать возможную группу риска. К группе риска по нарушениям речевого и познавательного развития можно отнести детей раннего возраста, родители которых уже видят и отмечают недостаточность языковых средств общения для данной возрастной группы, сниженную познавательную активность собственных детей.

К группе латентного риска по нарушениям речевого и познавательной активности можно отнести детей, родители которых отмечают сложности с формированием навыков самообслуживания и сложности в общении (снижение инициативности ребенка в общении, мерцательное понимание обращенной речи).

1. Шереметьева Е. В. Диагностика психоречевого развития ребенка раннего возраста. Москва: ООО «Национальный книжный центр», 2013.

Аринцина И. А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Колесникова М. А.
АНО «Открывая двери»

Оценка пищевого поведения детей младенческого и раннего возраста из группы медицинского риска

Пищевое поведение детей, зондовое питание, оральное кормление

Введение. Формирование пищевого поведения у детей начинается после рождения и в первые годы жизни проходит этапы от моно кормления материнским молоком или смесью до пищевого разнообразия и перехода к семейному столу и самостоятельному приему пищи (Nicklaus, 2017). Дети из группы медицинского риска нередко требуют для своего выживания кормления через зонд или гастростомическую трубку в течение длительного времени. Такое кормление имеет определенные недостатки, риски и побочные эффекты, такие как отказ от еды через рот, утрата связи между процессом приема пищи и удовольствием, между голодом и насыщением, а также нарушение сенсорного восприятия пищи. Эти нарушения авторы определяют как посттравматическое расстройство приема пищи (Вилькен, Йотцо, 2022). Дети, находящиеся на длительном кормлении через трубку, при переходе на оральное питание часто нуждаются в специальном лечении междисциплинарной группой специалистов (Pahsini et al., 2023). Целью исследования было изучение пищевого поведения детей раннего возраста, имеющих опыт кормления через трубки и воспитывающихся в доме ребенка.

Методы. Проведен анализ случаев с оценкой развития детей согласно 5 осям Диагностической классификации нарушений психического здоровья и развития детей от рождения до 5 лет (ДК:0-5) и поведения детей в ситуации кормления по анализу видео записи. Выборку составили 3 ребенка (2 мальчика и девочка) в возрасте от 15 до 18 месяцев, имевшие те или иные медицинские проблемы: низкий вес к сроку гестации или недоношенность, пороки развития нервной системы, сердца или анальной зоны, генетический синдром. После рождения они несколько месяцев находились на отделении новорожденных и затем были переведены в дом ребенка. Кормление начиналось через зонд и затем через гастростому; отмечались проблемы с набором веса, показатели были значительно ниже нормы для их возраста. Возможность кормления через рот появилась в возрасте около 12 месяцев. На время обследования дети получали часть питания в виде пюре с ложки через рот, часть через гастростому.

Результаты оценки развития детей показали, что они имели такие нарушения, как общее отставание в развитии (код 10.5 по ДК:0-5), задержка речевого развития (10.6), расстройство пищевого поведения, недоедание (60.6) и атипичное расстройство пищевого поведения (60.7), другое травматическое, стрессовое и депривационное расстройство (70.6). Анализ видеозаписей ситуаций кормления выявил наличие у детей выраженных сигналов отказа от еды, отсутствие интереса к пище и самостоятельного участия в кормлении, проявления страха и тревоги, при этом ребенок мог откликаться на уговоры взрослого и открывать рот при поднесении ложки.

Выводы. В доме ребенка в ситуации медицинского риска кормление ребенка после рождения с использованием трубочек носит принудительный характер, это приводит к нарушению сенсорного опыта взаимодействия ребенка с пищей, эмоциональному напряжению, трудностям при кормлении через рот и формированию специфических паттернов его взаимодействия с взрослым во время приема пищи.

1. Вилькен М., Йотцо М. Расстройства приема пищи в младенческом и детском возрасте и переход от зондового кормления к питанию через рот // Нарушения глотания у детей: междисциплинарный подход / С. Фрей. М: Теревинф, 2022. С. 211-229.
2. Nicklaus S. The role of dietary experience in the development of eating behavior during the first years of life // Ann Nutr Metab. 2017. Vol. 70(3). P. 241-245. doi: 10.1159/000465532.
3. Pahsini K. et al. The association of tube weaning and oral skill development in infants with tube dependency: a prospective study // J Pediatr Gastroenterol Nutr. 2023. Vol. 77 (3). P. 54–60. https://doi.org/10.1097/MPG.0000000000003856

Либлинг М. М., Суетина О. П.
ФГБНУ ИКП

Диагностика развития детей раннего возраста с признаками расстройств аутистического спектра

Расстройства аутистического спектра, ранний возраст, комплексная диагностика развития, стереотипное поведение

Введение. Раннее выявление признаков расстройств аутистического спектра (РАС) существенно повышает эффективность психолого-педагогической помощи и качество последующей адаптации ребёнка. Однако клиническая картина аутизма в раннем возрасте часто остаётся неясной, а многие проявления стереотипного поведения, свидетельствующего о формировании РАС, интерпретируются родителями и специалистами как индивидуальные особенности ребенка. Проведение стандартных скринингов может быть недостаточным для уверенного выявления нарушений. Целью пилотного исследования стало изучение особенностей развития детей раннего возраста с подозрением на РАС и апробация нового диагностического инструмента - опросника «Привычек и привязанностей» - в составе комплексной диагностики.

Методы. Обследован 31 ребенок в возрасте от 30 до 36 месяцев. На момент проведения диагностики у всех отсутствовало медицинское заключение о наличии РАС, однако имелись стойкие поведенческие особенности, вызывавшие обеспокоенность родителей. Диагностический комплекс включал в себя 5 методик: ADOS-2 (Lord C. et al, 2012); «История развития» (разработан в ФГБНУ «ИКП»); ДиВАР - (Калмыкова Н.Ю., 2023); «Вайнленд-II» (Sparrow S.S. et al, 2005); «Опросник привычек и привязанностей» - разработанная нами и впервые апробированная методика, направленная на выявление характерного для РАС стереотипного поведения, частоты его проявления и выраженности помех, создаваемых таким поведением в процессе повседневного взаимодействия ребенка с близкими людьми.

Результаты. По итогам диагностики с помощью ADOS-2 и ДиВАР обнаружен выраженный риск РАС у 27 из 31 обследованных детей. Опросник «Привычек и привязанностей» оказался информативным при оценке стереотипных форм поведения. Уровень выраженности стереотипий по группе составил в среднем 71,8%, в то время как уровень обеспокоенности родителей по поводу этих проявлений был относительно невысок - 37,5%, что может указывать на восприятие родителями стереотипного поведения детей как естественного для раннего возраста. Наиболее частыми у детей исследуемой группы были действия, направленные на получение стереотипных сенсорных ощущений - 79,5%. Нежелательное стереотипное поведение в виде агрессии и самоагрессии имело наименьшую выраженность (50,6%), но вызывало наибольшую тревогу у родителей (уровень обеспокоенности - 44,75%). Результаты опросника продемонстрировали согласованность с поведенческими наблюдениями в рамках ADOS-2 и ДиВАР.

Выводы. Опросник «Привычек и привязанностей» продемонстрировал высокую диагностическую чувствительность к проявлениям РАС у детей раннего возраста. Он дополняет данные стандартных диагностических процедур, позволяя не только уточнить характер наблюдаемых проявлений, но и понять, насколько они осложняют взаимодействие ребенка с близкими людьми. Методика может применяться для первичной диагностики, формирования индивидуального маршрута психолого-педагогической помощи и оценки динамики состояния ребёнка. Планируется дальнейшая валидизация опросника на более широких выборках, включая группы с нормативным развитием, а также лонгитюдные наблюдения за динамикой стереотипного поведения.

1. Калмыкова, Н.Ю. Психодиагностическая дифференциация вариантов развития дошкольников с расстройствами аутистического спектра: дис. … канд. психол. наук / Калмыкова Наталия Юрьевна. – М., 2023. – 179 с.
2. Lord C., Rutter M., DiLavore P. et al. Autism Diagnostic Observation Schedule, Second Edition (ADOS-2) Manual (Part I): Modules 1–4. Torrance: Publ. Western Psychological Services, 2012. 96 p.
3. Sparrow S. S., Cicchetti D. V., Balla D. A. Vineland-II: Vineland Adaptive Behavior Scales (2nd ed.). Minneapolis, MN: Pearson Assessments, 2005.

Калинина М.А., Куликов А.В., Шимонова Г.Н., Иванов М.В.
ФГБНУ НЦПЗ

Баз Л.Л.
НОЧУ ВО МИП

Инициальные симптомы в раннем дебюте детского аутизма

Раннее детство, аутизм, когнитивный дизонтогенез

Введение. По мнению большинства исследователей, диагностика аутистических нарушений становится возможной к возрасту 18-24 месяцев жизни (Lord C. etc., 2018, Wang L. etc., 2023) в связи с отсутствием биологических маркеров и клиническим полиморфизмом состояния. Целью настоящей работы была попытка уточнить клиническую картину аутизма на ранних этапах заболевания.

Методы. В 2023-2025 гг. клинически были обследованы 86 детей (59 мальчиков, 27 девочек) в возрасте 1,5-2,5 лет по поводу аутизма. При обращении оформлялось информированное согласие родителями. С помощью теста ГНОМ определялся коэффициент психического развития – КПР (Козловская Г.В. и др., 2017). Выраженность аутистических нарушений оценивалась по тесту M-CHAT и оригинальной скрининговой анкете (Симашкова Н.В. и др., 2020). Катамнестическое исследование было проведено спустя 1-1,5 года. Результаты обработаны по программе Statistica 7.

Результаты. Психическое состояние когорты в основном определяли аутистические нарушения, задержка психоречевого развития, незрелость вегетативно-инстинктивной сферы. В 80,2 % случаев наблюдался аутистический синдром регрессивного типа, дебют которого приходился на 1-1,5 года жизни. У остальных 19,8 % детей начало аутистических нарушений было постепенным, с первых месяцев жизни в виде эмоциональной дефицитарности, стертого комплекса оживления, избегающего зрительного контакта, молчаливости и др., но до полного развертывания аутистических расстройств этим симптомам не придавали значения.

По особенностям клинической картины когорта разделилась на две группы. У 34,9 % детей преобладали проявления психоневрологической незрелости, аутистические симптомы с феноменами псевдоглухоты, задержка речевого развития (внешне сходная с сенсорной, моторной алалией), запаздывание формирования сенсорных функций. У остальных 65,1 % детей клиническая картина была полиморфной. Более сохранными были сенсорные и инстинктивные навыки. У части детей наблюдались разнообразные регрессивно-кататонические нарушения.

Спустя 1-1,5 года на фоне коррекционных мероприятий дети первой подгруппы имели выраженную психоречевую задержку, во второй – 50,0% детей осваивали речь, навыки самообслуживания, некоторые запоминали буквы, счёт. Игровая деятельность с возрастом приобретала более дифференцированный, но специфически стереотипный характер. Тестирование в динамике по шкалам подтверждало наличие аутистических нарушений. КПР (ГНОМ) как показатель когнитивного развития повышался с 75 баллов до 80 баллов в первой, и до 88-90 баллов во второй подгруппе.

Заключение. Таким образом, полученные результаты показывают, что структура аутистического синдрома находится в зависимости от уровня психоневрологической зрелости ребенка, и имеет прогностическое значение для ближайшего периода его развития. Полученные результаты носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшем изучении.

1. Козловская Г.В., Калинина М.А., Горюнова А.В. Психодиагностический тест «ГНОМ» для определения уровня психического развития детей раннего возраста. 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2017.
2. Симашкова Н.В., Иванов М.В., Макушкин Е.В., Шарлай И.А., Клюшник Т.П., Козловская Г.В. Скрининг риска возникновения нарушений психического развития у детей раннего возраста (данные по 9 регионам России в 2017–2019 гг.). Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020;120 (11):79-86.
3. Wang L, Wang B., Wu Ch, Wang J. Sun M. Autism Spectrum Disorder: Neurodevelopmental Risk Factors, Biological Mechanism, and Precision Therapy// Int J Mol Sci. 2023 Jan 17;24(3):1819. Doi: 10.3390/ijms24031819.
4. Lord C., Elsabbagh M, Baird G, Veenstra-Vanderweele J. Autism spectrum disorder// Lancet 2018 Aug 11;392(10146):508-520. Doi: 10.1016/S0140-6736(18)31129-2.

Давыдова Т.Г., Аринцина И.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Характеристики пищевого поведения детей раннего возраста, имеющих ограниченные возможности здоровья

Пищевое поведение, дети раннего возраста, ограниченные возможности здоровья, взаимодействие матери и ребенка

Введение. По данным исследований трудности при кормлении отмечаются у 25% детей раннего возраста без выявленных нарушений развития и у 85–90% детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), при этом нарушения пищевого поведения у них носят более стойкий и выраженный характер (Patel et al., 2002; Rybak, 2015). К особенностям пищевого поведения у детей раннего возраста относят избирательность в еде и неофобию, трудности принятия текстуры, вкуса и ароматических свойств пищи. У детей с ОВЗ наблюдается также задержка развития орально-моторных навыков, что приводит к нарушениям жевания и глотания (Volkert, Piazza. 2012). Авторы отмечают, что в раннем возрасте, в период перехода от моно кормления грудным молоком или смесью к разнообразию в питании, дети постепенно привыкают к разным вкусам и текстуре других продуктов, что определяется не только чувствительностью рецепторов, но и некоторыми врожденными предпочтениями, так называемым диетическим темпераментом, а также общим контекстом ситуации кормления, т.е. взаимодействием ребенка и кормящего взрослого, стилем кормления (Nicklaus, 2016). В работах показано также, что взаимодействие матери и ребенка с ОВЗ в ситуации кормления характеризуется высоким уровнем негативного эмоционального напряжения, неадекватными стилями кормления и низкой чувствительностью и отзывчивостью матери (Hodges et al., 2014).

Целью настоящего исследования является изучение пищевого поведения детей раннего возраста, имеющих ограниченные возможности здоровья. Методы. Проведен анализ случаев детей с оценкой их развития по методике RCDI, их эмоционального состояния и поведения по опроснику CBCL/1½-5, а также характеристик взаимодействия матерей и детей в ситуации кормления по видео записи. Выборку составили 3 пары матерей и детей. 2 мальчика имели такие медицинские проблемы как расстройство аутистического спектра у одного и расстройство развития моторной функции у другого, их возраст – 20 и 35 месяцев; 1 мальчик 27 месяцев не имел проблем со здоровьем.

Результаты. Оценка развития детей показала, что дети с ОВЗ имеют отставание в социальной сфере и сфере самообслуживания, в области моторного и речевого развития; а их поведение характеризуется дефицитом внимания и гиперактивностью. В ситуациях кормления у этих детей наблюдалось отсутствие интереса к еде, инициатив в отношении матери, исследовательской активности, связанной с едой, и удовольствия от приема пищи. Помимо этого, навыки пищевого поведения детей с ОВЗ, а именно, возможность самостоятельного потребления пищи и соблюдение опрятности выражены у них меньше, чем у здорового сверстника.

1. Hodges E. A., Johnson S. L., Hughes S. O., Hopkinson J. M., Butte N. F., Fisher J. O. Development of the responsiveness to child feeding cues scale // Appetite. 2014. Vol. 81. P. 210–219.
2. Nicklaus S. Complementary feeding strategies to facilitate acceptance of fruits and vegetables: a narrative review of the literature // Int J Environ Res Public Health. 2016. Vol. 13 (11):1160. doi: 10.3390/ijerph13111160.
3. Patel M. R., Piazza C. C., Martinez C. J., Volkert V. M. An evaluation of two differential reinforcement procedures with escape extinction to treat food refusal // J Appl Behav Anal. 2002. Vol. 35. P. 363–374.
4. Rybak A. Organic and Nonorganic Feeding Disorders // Ann Nutr Metab. 2015. Vol. 66, Suppl 5. P. 16–22.
5. Volkert V. M., Piazza C. C. Pediatric feeding disorders // In: Sturmey P., Hersen M. (eds). The handbook of evidence-based practice in clinical psychology. Hoboken: John Wiley & Sons, 2012.

Трушкина С.В., Строгова С.Е.,
ФГБНУ НЦПЗ

Сравнительный анализ инструментов диагностики психического развития в младенческом и раннем возрасте

Психодиагностика, психометрия, младенчество, ранний возраст

Введение. Раннее выявление отклонений в развитии ребенка представляет собой важнейшую задачу как в медицинской, так и в психологической практике. В настоящее время на практике выявляется ряд существенных трудностей при определении нормативности хода развития детей младенческого и раннего возраста. Медицинские, психологические и коррекционно-педагогические диагностические подходы разрабатываются в разных научных парадигмах, и это затрудняет общее понимание проблем развития у ребенка и выработку единого плана терапии, реабилитации и профилактики нарушений здоровья и развития. Существует дефицит российских стандартизированных методик оценки уровня психологического и нервно-психического развития для детей младенческого и раннего возрастов, а также проблема бесконтрольного перевода, размещения в сети интернет и использования зарубежных методик.

Цель: провести сравнительный анализ разработанных в России и мире подходов к оценке психического развития детей от рождения до трех лет и используемых на практике диагностических методик оценки детского развития.

Методы: анализ литературы, сравнительный анализ.

Результаты. Было проанализировано более 30-ти отечественных и зарубежных психодиагностических методик для оценки развития детей младенческого и раннего возраста. Показано, что методики могут быть классифицированы по разным основаниям: возрастному диапазону, исследуемым областям развития, способу получения данных (эксперимент, наблюдение, тестовые задания для ребенка, опросник для информаторов), наличию сведений о валидности, надежности и статистическом обосновании предлагаемых норм развития, продолжительности обследования и т.д.

Было выявлено, что значительная часть активно используемых в современной практике методик были разработаны еще в советский период, ориентированы на реалии образовательной и клинической практики того времени, оперируют соответствующими той эпохе нормативами возрастного развития. Для большинства актуальных на сегодняшний день методик отсутствуют данные об их валидности, надежности и статистическом обосновании норм развития (либо для стандартизации использовались нерепрезентативные выборки). Работы по рестандартизации норм возрастного развития не проводились.

Отсутствуют единый реестр и общепринятая систематизация психодиагностических методик для детей от рождения до трех лет; методики для детей младше трех лет редко включаются в отечественные справочники по психодиагностике.

Возможности применения в России зарубежных шкал и тестов развития существенно ограничены. Основные причины: отсутствие юридических прав на использование; во многих случаях - отсутствии качественного русского перевода, адаптированного к принятой в России системе понятий и терминов; не проведение процедур стандартизации норм на репрезентативных российских выборках; необходимость обучения, далеко не всегда доступного российским специалистам.

В целом для отечественных специалистов, работающих с детьми первых лет жизни, сохраняется ситуация недостаточной обеспеченности современным надежным психодиагностическим инструментарием.

1. Андрущенко Н.В., Пальчик А.Б., Осипова М.В. Современные возможности оценки двигательного развития у детей младенческого и раннего возраста в клинической практике // Российский семейный врач. 2024. Т. 28. № 4. С. 24–38. DOI: https://doi.org/10.17816/RFD636111
2. Кешишян Е.С., Сахарова Е.С., Алямовская Г.А. Оценка психомоторного развития ребенка раннего возраста в практике педиатра. М.: Гэотар-Медиа, 2020
3. Трушкина С.В. Психологическая диагностика детей раннего возраста: направления, цели, методы / Современные направления диагностики в клинической (медицинской) психологии. Научное издание. Коллективная монография. М.: ООО «Сам полиграфист», 2021. С.221-241

Prokofieva Nelson [a b]
[a] Obstetrical, Perinatal and Pediatric Epidemiology Research team (EPOPé), Centre of Research in Epidemiology and Statistics (CRESS), Université Paris Cité, INSERM, Paris, France
[b] Learning, Physical Activity and Health, Interdisciplinary Laboratory in Neuroscience, Physiology and Psychology, Université Paris Nanterre, Nanterre, France

Enhancing the Prevention of Abusive Head Trauma: A French Study of Professionals' and Victim Parents' Perspectives

Abusive head trauma (AHT), shaken baby syndrome, child physical abuse, shaking, thematic data analysis, prevention, intervention

Abstract

Introduction: Abusive head trauma (AHT), previously referred as shaken baby syndrome (SBS), is defined as «an injury to the skull or intracranial contents of an infant or young child due to inflicted blunt impact and/or violent shaking» (Narang et al., 2025; Parks et al., 2012). AHT mostly concerns young infants under 2 years old, with a peak incidence at a mean age of 2 to 4 months (Parks et al., 2023; Blangis et al., 2024). The incidence rate of hospitalized cases ranges from 14 to 34 per 100,000 infants per year in countries with developed economies (Keenan et al., 2003; Emrick et al., 2019). The case fatality rate for AHT varies between 7% to 26% (Ferguson et al., 2017; Lãzãrescu et al., 2022) with survivors being at risk for different short-term and long-term neurodevelopmental and psychological sequelae (Chevignard et al., 2014).

Background: Despite considerable efforts by various parental preventive programs (Chang et al, 2023), the incidence of abusive head trauma (AHT) is not decreasing in many countries with high income economies (Goethals et al., 2024). In this light current prevention initiatives and strategies may need revision to better account for the complexity of the phenomenon and integrate the perspectives of the AHT stakeholders.

Objectives: To better inform AHT prevention strategies, we aimed at gaining a deeper comprehension of the significance that experts and families assigned to both current preventive measures and upcoming initiatives.

Methods: The qualitative study followed thematic data analysis of semi-structural interviews. Twenty-eight interviews were conducted with 16 professionals (medical, social, legal, psychological, and psychiatric experts) and 13 parents of enfant victims.

Results: Both groups of participants recognized that current prevention efforts are not sufficient and better diffusion of messages to all target groups, including young fathers, are needed. The participants suggested fostering pre- and post-natal institutional prevention as well as the strengthening the training of childminders. Professionals insisted on better accompanying socially disadvantaged parents and adapting prevention to low-literacy groups. Families emphasized the potential of social media to inform a larger public and were convinced of the need for preventive messages to significantly harden their line on the severity of the medical and legal consequences of shaking. Both groups acknowledged that special innovative educational programs and informational campaigns are needed to counter the negative effects of scientific misconceptions about AHT that have been spread by some media.

Conclusions: Based on the analysis of the perspectives of different participants in contact with AHT, the most relevant points (in terms of participants, context, content and limits of the actions) were identified to improve the effectiveness of current prevention strategies which are traditionally focused on increasing parental knowledge and awareness regarding persistent crying. Several important implications for improving the prevention of AHT are suggested. They emphasize the importance of the following preventive approaches: comprehensive (inclusion of all stakeholders), continuous (prevention actins throughout the risk period), practical (preventive measures beyond mere information), non-stigmatizing (all profiles concerned), proactive (anticipating risk situations). These recommendations can contribute to the development of innovative approaches to better adapt prevention to the general public.

1. Goethals, L., Prokofieva Nelson, V., Fenouillet, F., Chevreul, K., Bergerat, M., Lebreton, C., Refes, Y., Blangis, F., Chalumeau, M., & Le Roux, E. (2024). Characteristics and popularity of videos of abusive head trauma prevention: systematic appraisal. Journal of medical Internet research, 26, e60530.
2. Chang, H. Y., Chang, Y. C., Chang, Y. T., Chen, Y. W., Wu, P. Y., & Feng, J. Y. (2024). The effectiveness of parenting programs in preventing abusive head trauma: a systematic review and meta-analysis. Trauma, Violence, & Abuse, 25(1), 354-368
3. Ferguson, N. M., Sarnaik, A., Miles, D., Shafi, N., Peters, M. J., Truemper, E., ... & Kochanek, P. M. (2017). Abusive head trauma and mortality–an analysis from an international comparative effectiveness study of children with severe traumatic brain injury. Critical care medicine, 45(8), 1398-1407.

4. Lăzărescu, A. M., Benichi, S., Blauwblomme, T., Beccaria, K., Bourgeois, M., Roux, C. J., Vergnaud, E., Montmayeur, J., Meyer, P., Cohen, JF., Chalumeau, M., Blangis, F., & Orliaguet, G. (2022). Abusive head trauma in infants during the COVID-19 pandemic in the Paris metropolitan area. JAMA Network Open, 5(8), e2226182-e2226182.
5. Parks, S. E., Annest, J. L., Hill, H. A., & Karch, D. L. (2012). Pediatric abusive head trauma: recommended definitions for public health surveillance and research. Atlanta, GA: Centers for Disease Control and Prevention https://stacks.cdc.gov/view/cdc/26243

Зверева Н.В., Сергиенко А.А., Строгова С.Е., Клак Д.С.
ФГБНУ НЦПЗ

**Темперамент детей раннего и дошкольного возраста:
значение для оценки психического развития**

Темперамент, дети, ранний и дошкольный возраст

Введение. Изучение темперамента традиционно для психологических исследований, но внимание редко фокусируется на раннем/дошкольном возрасте (Русалов, Трофимова, 2011, Зверева и др., 2021). И.Н.Трофимова разработала опросник функционального ансамбля темперамента (STQ 77, далее ФАТ), он позволяет оценить особенности ФАТ от младенцев до взрослых. Изучение детей раннего возраста часто основано на родительском взгляде на развитие ребенка, как и в опроснике ФАТ. В ФГБНУ НЦПЗ ведутся 2 проекта: 1) оценка развития психики здоровых детей (0-3 лет), 2) оценка специфики становления психики детей с разными способами зачатия (естественно или с помощью вспомогательных репродуктивных технологий - ВРТ). Эти проекты определили цель данного пилотного исследования.

Цель: оценка возможностей применения опросника ФАТ в раннем и дошкольном возрасте.

Методы: краткая версия опросника ФАТ (Trofimova, 2016).

Материал: по правилам методики ФАТ анкеты заполняют родители, в нашей работе анкеты детей заполнили мамы. Дети, чьи анкеты включены в анализ, не имели психической или неврологической патологии. Выделено 3 группы: группа раннего возраста – РВ, 24-х детей 0-3 лет, средний возраст 2,8 лет; группа ВРТ, 28 детей 4-7 лет, средний возраст – 5,7 лет, зачатых с помощью ВРТ, группа ГК, 40 детей от 4 до 7 лет, средний возраст 5,7 лет, зачатых в естественном цикле. ГК является контрольной для ВРТ по способу зачатия, для РВ по возрасту, т.о. все 3 группы различались между собой попарно по возрасту (РВ и ГК), по типу зачатия (ВРТ и ГК).

Результаты. Оценивали средние баллы в группе по анализируемым показателям; соотношение % высоких и низких показателей в 3-х группах по выделенным показателям. Из 12 показателей ФАТ выбраны 6: физическая выносливость, социальная выносливость, эмпатия, пластичность, импульсивность, тревожность.

РВ: высокие средние баллы по показателям социальной (среднее 19 б.) и физической выносливости (среднее 18,6 б.), эмпатии (среднее 18,2 б.). Баллы отражают основные параметры развития ребенка раннего возраста, связанные с общением со взрослым. При этом показатели тревожности и импульсивности были в пределах средних значений (12 - 18).

ВРТ: 79% выс. баллов по социальной эргичности, 64% выс. баллов физической выносливости, что отражает «энергетические» аспекты поведения. Выявлены относительно низкие показатели пластичности (среднее 15,7 б.). Сравнительно с РВ и ГК показатели импульсивности высокие (среднее 15,3 б.), в сочетании с низкими показателями тревожности (среднее 12,8 б.).

ГК: показатели средние (12 - 18), % встречаемости выс. баллов у ГК значителен лишь для социальной выносливости – 53%.

Ранее у детей ВРТ был выявлен невысокий показатель эмпатии (Зверева и др., 2021). Обнаружены особые соотношения показателей нейропсихологической диагностики и ФАТ.

Резюме. Сравнение данных ФАТ детей разного возраста и вариантов зачатия показало адекватность опросника для изучения психического развития детей. Обнаружено своеобразие группы ВРТ по сравнению с детьми ГК. Профиль ФАТ детей ГВ отражает логику развития ребенка, значение социальной ситуации развития, эмоционального общения со взрослым. Ограничения: небольшой объем групп, не все параметры ФАТ освещены, дана лишь первичная описательная статистика данных.

Перспективы: увеличить группы, проанализировать все параметры ФАТ, применить более сложный статистический аппарат.

1. Зверева Н. В., Зверева М.В., Строгова С.Е., Трофимова И.Н. Пилотное исследование когнитивного развития детей, зачатых с помощью ЭКО //1-й Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. 9-я международная конференция по когнитивной науке. 2021. С. 325-327.
2. Русалов В. М., Трофимова И. Н. О представленности типов психической деятельности в различных моделях темперамента //Психологический журнал. 2011. Т. 32. №. 3. С. 74–84.
3. Trofimova, IN, Christiansen, J. Coupling of traits of temperament with mental illness in four age groups // Psychological Reports.2016. T. 118(2). P. 387-412. doi:10.1177/ 0033294116639430.

Золотова И.А.
ФГБНУ НЦПЗ, ФГБОУ ВО ЯГМУ

Зозуля С.А., Сверчкова Д.А., Отман И.Н., Ларионов Г.В.
ФГБНУ НЦПЗ

Исследование психофизиологического развития детей младенческого возраста: клинико-иммунологический аспект

Психофизиологическое развитие, эмоциональная сфера, воспаление, клинико-биологические взаимосвязи

Введение. Социально-психологическая и медицинская значимость проблемы наследственной и врожденной патологии новорожденных и детей младенческого возраста сохраняет свою актуальность в современных условиях. (Золотова, 2024). Психофизиологическое развитие – это процесс возрастных изменений в ЦНС и других системах организма, обеспечивающих формирование и реализацию психических функций.

Современные исследования свидетельствуют об участии воспалительных механизмов в развитии психических и неврологических заболеваний (Hansen, 2024). Определение воспалительных маркеров в крови условно здоровых детей раннего возраста может служить способом выявления нарушений развития нервной системы и риска отклонений психического развития.

Цель исследования: выявить особенности психофизиологического развития детей младенческого возраста (возрастной срез 3-4 месяца) и провести их сопоставление с уровнем иммунологических показателей крови.

Методы. Обследовано 45 условно здоровых детей (3,3±0,4 мес.) без клинических признаков инфекций, соматических, неврологических и психических отклонений. В план исследования входило: 1. Оценка развития двигательной сферы; 2. Оценка развития эмоциональной сферы (возрастной срез 3–4 месяца). Степень сформированности двигательных навыков и развития эмоциональной сферы оценивалась от 0 до 2 баллов.

Иммунологическое обследование включало определение в плазме крови детей ряда воспалительных (активность лейкоцитарной эластазы (ЛЭ) и α1-протеиназного ингибитора (α1-ПИ)) и аутоиммунных маркеров (уровень аутоантител к нейроантигенам - белку S100B и основному белку миелина), отражающих течение патологического процесса в ЦНС (Клюшник с соавт, 2017).

Результаты. В обследованной группе условно здоровых детей младенческого возраста выявлена разная степень сформированности отдельных навыков двигательной сферы и развитие особенностей эмоциональной сферы. В общей группе детей выявлено умеренное повышение активности ЛЭ и α1-ПИ в плазме крови по сравнению с референсными значениями ($p<0.05$) на фоне не отличающегося от нормы уровня аутоантител к нейроантигенам. Выделены 2 кластера, различающиеся по активности воспалительных маркеров и представляющие условную норму (кластер 1, 56%) и умеренные отклонения от нормы (кластер 2, 44%). Повышение активности воспалительных маркеров в крови детей, входящих в кластер 2, в большинстве случаев сопряжено с разной степенью несформированности навыков двигательной сферы и особенностей развития эмоциональной сферы.

Выводы. Выявленные связи между особенностями психофизиологического развития и активностью воспалительных маркеров ЛЭ и α1-ПИ крови условно здоровых детей позволяют предположить, что активация воспалительных реакций может служить фактором риска нарушений развития ЦНС.

1. Золотова И.А. Особенности клинико-психологического консультирования женщин с учетом их психоэмоционального состояния при рождении ребенка с заболеванием в периоде новорожденности. // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2024. № 3 (124). С. 71-78. https://doi.org/10.26617/1810-3111-2024-3(124)- 71-78
2. Hansen A.S., Rask C.U., Kallesøe K.H. Inflammatory Markers in Children and Adolescents with Functional Somatic Disorders: A Systematic Review. // Children (Basel). 2024. Vol. 11. N. 5. P. 549. https://doi.org/10.3390/children11050549.
3. Клюшник Т.П., Андросова Л.В., Симашкова Н.В., Зозуля С.А., Сарманова З.В., Отман И.Н., Дупин А.М., Шушпанова О.В., Симонов А.Н. Иммунологический кластер в диагностике расстройств аутистического спектра. – М., 2017.

Работа выполнена в рамках НИР ГЗ ФГБНУ НЦПЗ (FURU-2024-0038, «Комплексная мультидисциплинарная оценка развития детей от рождения до трех лет»).

Романовский Н.В.
ФГБНУ НЦПЗ

Общение и предметная деятельность в ранней помощи: диагностика и постановка коррекционных целей

Культурно-историческая теория, ранняя помощь, общение, ведущая деятельность

В современной российской практике ранней помощи существует разнообразие подходов к ее оказанию, достаточно широкое распространение получили такие модели как ESDM, DIRFloortime, ABA терапия, применяются и отечественные подходы, в государственных службах в основном применяются эклектичные модели. Каждый из указанных выше подходов имеет как свои достоинства, так и ограничения.

Цель данной статьи обосновать возможности эффективного использования таких категорий как общение и предметная деятельность для практики оказания ранней помощи детям с нарушениями в развитии.

Согласно основным положениям культурно-исторической теории детского развития Л.С. Выготского психическое развитие ребенка происходит через взрослого, который является проводником ребенка в мир культуры, сублимирующий в себе опыт прошлых поколений (Мещеряков, Зинченко, 2009). В раннем возрасте передача опыта прошлых поколений происходит посредством общения и совместно-разделенной предметной деятельности ребенка и значимого взрослого (Мещеряков, Зинченко, 2009). На основе данных положений культурно-исторической теории были построены исследования онтогенеза общения М.И. Лисиной и теория ведущей деятельности Д.Б. Эльконина (Эльконин, 1971), которые внесли большой вклад в культурно-историческую психологию и возрастную психологию в целом. Стоит отметить, что в сфере ранней помощи исследований, проводимых в русле культурно-исторического подхода совсем немного. К таким работам относятся исследования общения и предметной деятельности слепых младенцев, проведенные Е.Б. Айвазян (Айвазян 2022) и Т.П. Кудриной (Кудрина 2017) в которых предпринимается попытка обоснования применения культурно-исторического подхода к практике ранней помощи. В данных работах экспериментально выделена новая весьма важная для коррекционной практики форма ситуативно-познавательного общения, описаны способы обучения родителей развивающему взаимодействию со своими особыми детьми.

Выделение общения, предметной деятельности, а также, обучения и вовлечения родителей как основных целей ранней помощи может иметь массу достоинств. Прежде всего подобное иерархическое и целостное понимание процесса развития ребенка и оказания ранней помощи позволяет уйти от постановки большого количества рядоположенных целей, и сосредоточиться только на главных, определяющих психическое развитие ребенка, не исключая при этом анализ причин возникновения нарушения развития. Имеющиеся в арсенале периодизация форм общения (ситаутивно-личностное, ситуативно-познавательное, ситуативно-деловое, внеситативно-позновательное, внеситуативно-личностное) а так же предметной деятельности может позволить определить степень нарушения развития и поставить ближайшие цели коррекционной ранней помощи, сделать процесс ранней помощи более иерархически организованным, восприятие же роли родителей как самого важного звена передачи ребенку культурного опыта позволяет уйти от свойственного коррекционной практике детоцентризма.

1. Айвазян Е.Б. Культурно-исторический подход к исследованию психического развития слепых детей раннего возраста: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Екатерина Борисовна Айвазян, Институт коррекционной педагогики РАО. Москва, 2022. 284 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд. М.: АСТ, 2009. 811 с.
3. Кудрина Т.П. Предупреждение трудностей в общении матери и слепого младенца: методическое пособие / Т.П. Кудрина. М. ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования», 2017. 58 с.
4. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 32-39.

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2024-570/2 от 22.05.2024.

Щелокова Е.Г.
ФГБОУ ВО ПГУПС

Шереметьева Е.В.
ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ

Роль медиапространства в работе специалиста с семьей и ребёнком раннего возраста

Ранняя помощь, семья, ранний возраст, медиапространство

Современные семьи активно используют цифровые технологии в воспитании детей раннего возраста, между тем, влияние медиапространства на развитие ребенка, особенно в контексте речевого развития, а также роль медиапространства в работе специалиста с семьей и ребёнком изучены недостаточно.

С одной стороны, воспитание детей начиная с самого раннего возраста с применением цифровых технологий для многих современных родителей представляется естественным (Хусаинова, Стыбаева, 2025), с другой стороны, чрезмерное потребление экранной информации маленькими детьми может стать источником проблем в развитии (Смирнова, Соколова, 2014). Решение этого противоречия возможно благодаря опоре на научно-исследовательские работы Н.М. Щелованова, А.Н. Гвоздева, Г.В. Чиркиной, Е.О. Смирновой, концепции ранней помощи (Разенкова, 2013; Мухамедрахимов, Самарина, 2020), обобщение практического опыта взаимодействия с семьями.

Активными участниками в процессе овладения речью в раннем возрасте в случае возникновения трудностей являются специалист, родитель, ребёнок (Шереметьева, 2024). Поделимся некоторыми примерами из нашей практики работы с детьми раннего возраста: ребёнок раннего возраста (18 месяцев) прислоняет сложенные вместе большой и указательный палец к окну, а потом разводит их, тем самым пытаясь как бы увеличить картинку, как на планшете. Ребёнок раннего возраста с трудностями в овладении речью (3 года) во время занятия не может собрать предметную картинку из 3 элементов, но при этом легко по-английски считает эти картинки, потому что, со слов мамы, увлекается просмотром так называемых развивающих мультфильмов. Приведённые практические кейсы демонстрируют важность исследования роли медиапространства на таких уровнях, как специалист – представитель системы ранней помощи, родитель и ребёнок – представители системы семьи.

В процессе овладения речью ребёнком раннего возраста семья играет ключевую роль – роль примера и наставника для ребёнка. Современная семья свободно пребывает в медиапространстве со всеми его возможностями и рисками для развития детей и сама, в свою очередь, нуждается в добром и надёжном наставнике по вопросам развития, воспитания и обучения детей, поэтому со стороны систем ранней помощи и отдельных специалистов как представителей этих систем как в реальном, так и в медиапространстве важна работа по налаживанию и укреплению взаимодействия с современной семьей и выстраиванию качественного диалога «специалист – родитель – ребёнок».

1. Мухамедрахимов Р.Ж., Самарина Л.В. Подготовка профессионалов для системы ранней помощи детям и семьям в Российской Федерации // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № S2. С. 106-117.
2. Разенкова, Ю.А. Становление системы ранней помощи семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья в практике специального образования: первые итоги // Психолого-педагогическая и медико-социальная помощь детям с особыми потребностями в раннем возрасте: Сборник научных и методических материалов научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 марта 2013 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2013. С. 82-91.
3. Смирнова Е.О., Соколова М.В. Психолого-педагогическая экспертиза мультфильмов для детей и подростков // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 4. С. 4–11.
4. Хусаинова Д.Б., Стыбаева А.Ш. Влияние медиапространства на развитие речи детей дошкольного возраста // In The World Of Science and Education. 2025. № 15 мая ПН3. DOI 10.24412/3007-8946-2025-151-72-76
5. Шереметьева Е.В. Стратегия запуска устной речи у неговорящих детей раннего возраста // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 8. С. 207-212.

Майер М.А., Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности раннего нейропсихического развития недоношенных детей с использованием оценочных шкал Bayley-III в связи с эмоциональным состоянием их матерей

Нейропсихическое развитие, ранний возраст, недоношенные дети, шкалы Bayley-III, эмоциональные состояния матери, родители, депрессия, тревожность

Показатели выживаемости недоношенных детей резко возросли за последние несколько десятилетий благодаря технологическим достижениям в области неонатальной и перинатальной интенсивной терапии. Примерно у 21% выживших детей в возрасте двух лет наблюдаются серьезные нарушения неврологического развития (Lowe J. et al., 2023). Ряд современных исследований развития недоношенных детей относят профили нейропсихического развития навыков в раннем возрасте к методам экспертного уровня, используя оценочные шкалы Bayley-III для разработки комплексного подхода в области раннего вмешательства в этой группе населения (Lowe J. et al., 2023; Kenyhercz F., Nagy B. E., 2022; Oliveira S. R. et al., 2023). Матери недоношенных детей подвержены риску развития негативных эмоциональных состояний и прежде всего депрессии, что в свою очередь может оказывать влияние на психическое здоровье ребёнка (Андрущенко Н.В. и др., 2024). При этом на актуальном этапе развития ранней помощи все большее внимание уделяется психическим состояниям и ресурсам близких взрослых ребенка. Для научно-обоснованного выделения работы с родителями в качестве самостоятельной мишени вмешательства требуется дополнение научной информации. Целью нашей работы было изучение особенностей нейропсихического развития недоношенных детей в младенческом возрасте в связи с эмоциональным состоянием их матерей.

В исследование вошли 30 (11 девочек; 19 мальчиков) недоношенных детей со сроком гестации 30,5 недель (SD=3,8 недель) в среднем хронологическом возрасте 16,1 месяцев (SD=7,5 месяцев) (корригированный возраст – 15,3 месяца; SD=8,1 месяца). Средний возраст матерей (n=30) обследованных нами недоношенных детей составил 33,5 года (SD=4,4 года). Для выявления особенностей раннего нейропсихического развития недоношенных детей мы использовали методику Bayley-III (Bayley N.; 2006); для определения эмоционального состояния обследованных нами матерей мы применили следующие психологические тесты: Шкалы депрессии Бэка (BDI-II; Beck et al., 1996); Шкалы тревоги Спилбергера – Ханина (Spielberger C.D. et al., 1983); Шкалы опросника Т. Ахенбаха для взрослых (ASEBA AdultASR/18-59 – самоотчет); Гейдельбергской шкалы стресса (Sidor A. et al., 2007).

Была выявлена отрицательная корреляция между показателем «Тонкая моторика» по шкале Bayley-III и показателем депрессии матери по шкале Бека ($r_p = 0{,}931$, $p \leq 0{,}001$). Таким образом, наличие депрессивных переживаний у матерей может оказывать негативное влияние на развитие тонкой моторики у их младенцев. Вместе с тем, была обнаружена положительная корреляционная связь между показателем «Когнитивное развитие» по шкале Bayley-III и показателями депрессивных переживаний матери ($r_p = 0{,}997$, $p \leq 0{,}05$) и показателями реактивной тревожности по шкале Спилбергера – Ханина ($r_s = 0{,}893$, $p \leq 0{,}05$), а также показателем шкалы опросника Т. Ахенбаха «Замкнутость» ($r_p = 0{,}384$, $p \leq 0{,}05$).

Полученные противоречивые данные свидетельствуют о необходимости продолжения исследования о связи эмоциональных состояний матерей и нейропсихического развития их недоношенных детей.

1. Андрущенко Н. В., Мухамедрахимов Р. Ж., Крюков Е. Ю. Эмоциональное состояние матерей недоношенных новорожденных детей с внутрижелудочковыми мозговыми кровоизлияниями, находящихся на отделении реанимации и интенсивной терапии //Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – Т. 32. – №. 2. – С. 31-47.
2. Андрущенко Н. В. и др. Тревога, депрессия и стресс матерей в течение первого года жизни преждевременно родившихся младенцев с внутрижелудочковыми церебральными кровоизлияниями //Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2024. – Т. 14. – №. 3. – С. 516-529.
3. Kenyhercz F., Nagy B. E. A new perspective: Establishing developmental profiles of premature infants based on Bayley-III scores at age 2 //Applied Neuropsychology: Child. – 2022. – Т. 11. – №. 2. – С. 125-132.
4. Oliveira S. R. et al. Cognitive assessment in preterms by Bayley-III: development in the first year and associated factors //Revista Paulista de Pediatria. – 2023. – Т. 42. – С. e2022164.
5. Lowe J. et al. Do Bayley-III composite scores at 18-22 months corrected age predict full-scale IQ at 6-7 years in children born extremely preterm? //The Journal of pediatrics. – 2023. – Т. 263. – С. 113700.

Казакова П.В., Савенышева С.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Психическое здоровье матери до и после родов как фактор психического развития ребенка в раннем возрасте

Психическое здоровье матери, беременность, психическое развитие ребенка, ранний возраст

Актуальность: зарубежные исследования показывают отдельно влияние пренатальных и постнатальных факторов на психическое развитие ребенка (Ibanez G. et al., 2015, Pickles A. et al., 2017), однако крайне мало исследований, учитывающих их вместе и на протяжении первых трех лет жизни ребенка.

Цель: изучение влияния психического здоровья женщин в пре- и постнатальный периоды на психическое развитие детей в младенческом и раннем возрасте.

Выборка: в период беременности участие в исследовании приняли 125 женщин, через 4-8 мес. после рождения ребенка – 125 женщин, через 1,5-3 года после рождения ребенка – 51 женщина (из них 33 прошли и два первых этапа).

Гипотеза: психическое здоровье женщины в пре- и постнатальный период развития ребенка оказывает влияние на характеристики его психического развития в раннем возрасте, причем каждый из периодов вносит свой уникальный вклад; наибольшее влияние оказывают показатели тревоги и депрессии.

Методики: Социально-демографическая анкета, Опросник психологического функционирования Т. Ахенбаха для взрослых, Шкала реактивной тревожности Спилбергера-Ханина, Шкала оценки влияния травматического события, Шкала RCDI (Child Development Inventory).

Результаты. Изучение психического развития детей раннего возраста показало, что они незначительно запаздывают по развитию сферы самообслуживания, общий показатель психического развития находится в рамках возрастной нормы.

Рассмотрение пренатальных предикторов психического развития детей раннего возраста среди показателей психического здоровья матерей показало, что негативное влияние на развитие социальных навыков оказывают нарушения мышления (ß = -0,753, p = 0,001), положительное – склонность к тревоге и депрессивным симптомам (ß = 0,429, p = 0,046), а на развитие тонкой моторики негативно влияет склонность матери к делинквентному поведению (ß = -0,360, p = 0,043).

С психическим здоровьем матери в период младенчества ребенка оказались связаны также только два параметра его психического развития в раннем детстве. Тонкая моторика оказалась зависима от наличия у матери расстройств избегания (ß = -0,368, p = 0,025), общий показатель развития оказался связан с наличием у матери расстройств избегания (ß = -0,571, p = 0,003) и нарушений мышления (ß = 0,392, p = 0,038).

Среди показателей психического здоровья матери в период раннего детства на психическое развитие ребенка в этот период наибольшее влияние оказывают расстройства избегания: они негативно влияют на крупную (ß = -0,291, p = 0,038) и тонкую моторику (ß = -0,479, p = 0,006), а также на общий показатель развития (ß = -0,369, p = 0,029). На социальную сферу ребенка оказывают негативное влияние нарушения внимания у матери (ß = -0,277, p = 0,049). Также обнаружено положительное влияние тревожных расстройств у матери на развитие тонкой моторики ребенка (ß = 0,362, p = 0,033).

Выводы: образом, психическое здоровье матери в периоды беременности и первые годы жизни ребенка оказывает значимое влияние на различные аспекты психического развития ребенка. Наибольшее негативное влияние оказывают симптомы нарушений внимания и расстройства избегания, тогда как тревожность матери в некоторых случаях может способствовать развитию ребенка.

1. Ibanez, G., Bernard, J. Y., Rondet, C., Peyre, H., Forhan, A., Kaminski, M. Effects of antenatal maternal depression and anxiety on children's early cognitive development: a prospective cohort study //PloS one. – 2015. – Т. 10. – №. 8. – С. e0135849.
2. Pickles, A., Sharp, H., Hellier, J., & Hill, J. Prenatal anxiety, maternal stroking in infancy, and symptoms of emotional and behavioral disorders at 3.5 years //European child & adolescent psychiatry. – 2017. – Т. 26. – №. 3. – С. 325-334.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №25-28-00484

Новикова М.К., Аникина В.О.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Долгосрочные последствия пандемии для психического здоровья матерей детей раннего возраста. Дизайн исследования

Пандемия COVID-19; матери детей первого года жизни; дети первого года жизни; психическое здоровье

Во время пандемии COVID-19 значительно возросла распространенность депрессии и тревожности среди матерей (Rodríguez-Reynaldo M. et al., 2025). Более того, уровень тревожности повысился с 17% во время первой волны до 27% во второй волне (Аникина В.О. и др., 2024). У женщин, переживших стресс во время беременности в период пандемии, выявлено улучшение психического здоровья в первый год жизни ребенка, однако спустя 1,5–3 года после рождения ребенка наблюдается ухудшение психического здоровья, связанное с накоплением усталости, связанной с рождением ребенка, выходом на работу и возможными долгосрочными последствиями пандемии (Гринюк В.В., 2024).

Цель нашего исследования: несмотря на множество исследований, посвященных последствиям пандемии, долгосрочное влияние стресса, пережитого во время пандемии, на психическое здоровье матерей детей раннего возраста остается изучено недостаточно.

Мы предполагаем, что психическое здоровье женщин, беременных в период пандемии, имеет динамику: происходит улучшение показателей психического здоровья в первый год жизни ребенка по сравнению с беременностью и ухудшение в раннем возрасте их детей.

Выборка: матери детей в возрасте 1,5-3 года, которые были беременны в период пандемии и проходили исследование в грантах РФФИ № 20-04-60386 и № 20-013-00859, а также в текущем гранте РНФ.

Методы: Шкала адаптивного функционирования (ASEBA18-59; Achenbach, T., Rescorla, L., 2003, ад Слободской), социально-демографические, акушерско-гинекологические данные.

Ожидаемые результаты. Будут выявлены пре- и постнатальные факторы, влияющие на психическое здоровье матерей детей раннего возраста, а именно – пре-и постнатальные показатели психического здоровья, влияние акушерско-гинекологических проблем, а также субъективной оценки переживаемого стресса во время беременности в период пандемии. Мы полагаем, что пренатальные факторы психического здоровья напрямую влияют на психическое здоровье в раннем возрасте ребенка; женщины, имевшие более выраженные значения стресса во время беременности в период пандемии будут иметь более выраженные проблемы психического здоровья в раннем возрасте их детей. Также будет выявлен ряд фактором, связанных со здоровьем – акушерско-гинекологические проблемы, незапланированная беременность, кесарево сечение, болезнь кого-то из близких во время пандемии, отсутствие социальной поддержки.

Заключение. Результаты исследования позволят лучше понять долгосрочные последствия пандемического стресса для психического здоровья матерей.

1. Аникина В. О., Савенышева С. С., Блох М. Е., Аринцина И. А., Грандилевская И. В. Стресс, связанный с пандемией COVID-19, у женщин в период беременности и после рождения ребенка. Вестник СПбГУ. Психология. 2024. Том 14, номер 2, с. 294-304
2. Гринюк В.В. Динамика показателей психического здоровья матери от периода беременности до периода раннего детства ребенка в ситуации глобального стресса: магистерская диссертация / Гринюк Видана Владиславовна; науч. рук. Аникина В.О.; Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет психологии. – Санкт-Петербург, 2024
3. Rodríguez-Reynaldo M, Rivera-Orraca Z, et al. Mental health impact of the COVID-19 pandemic in perinatal women living in Puerto Rico. J Reprod Infant Psychol. 2025 Jan;43(1):181-194. doi: 10.1080/02646838.2023.2232388.

1.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ №25-28-00484.

Ясная Д.В.
КГПИ КемГУ

Проскурякова Л.А.
КГПИ КемГУ, НГИУВ–филиал ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России

К вопросу о психоэмоциональных состояниях женщин в программах экстракорпорального оплодотворения

ЭКО, тревожность, депрессия, стресс, ЭЭГ

Современные исследования свидетельствуют о выраженной тенденции к увеличению числа детей, рожденных благодаря экстракорпоральному оплодотворению (ЭКО), которое является одной из наиболее эффективных методик в лечении бесплодия (Бирюкова и др., 2021). Вместе с этим, такой способ зачатия детей поднимает новые исследовательские вопросы, в частности – психоэмоционального состояния будущих матерей во время прохождения процедуры и его роли в успехе лечения бесплодия, становлении материнства. В работах исследователей отмечается, что у женщин, прибегающих к ЭКО, отмечается повышенный уровень тревожности, стресса и депрессивных тенденций, что потенциально негативно сказывается на качестве их взаимодействия с младенцами и формировании эмоциональной связи (Аникина и др., 2020). Также обнаружено, что у женщин с благоприятным исходом лечения был диагностирован меньший уровень выраженности депрессии и тревожности (Purewal S. and etc., 2020). Таким образом, психоэмоциональное состояние женщин является важным диагностическим параметром. Целью нашего исследования стало – изучить психоэмоциональные состояния женщин в программах ЭКО с помощью объективных и субъективных методов оценки.

Нами было проведено сравнительное поперечное исследование. Выборку составили 58 пациенток, проходящих лечение бесплодия методом ЭКО, разделенных на две группы: с первым и повторным протоколом лечения. Оценка состояния проводилась с помощью анализа электроэнцефалографии (ЭЭГ), применения методик «Шкала психологического стресса» PSM-25 в адаптации Н. Е. Водопьяновой, опросника «Тревожность и депрессия» К.К. Яхина, Д.М. Менделевича и статистических методов обработки данных.

В обеих группах исследования обнаружена высокая частота ирритативных изменений (28/35 (81%) в группе с первым ЭКО и 23/23 (100%) с повторным циклом), что свидетельствует о характерном в общем для пациенток ВРТ паттерне ЭЭГ напряженного типа, свидетельствующего о пребывании в состоянии стресса. Результаты психодиагностических опросников свидетельствуют об отсутствии стресса, тревоги и депрессии в обеих группах. Регрессионный анализ влияния длительности бесплодия, числа неудачных попыток ЭКО и потерь беременности в анамнезе не выявил статистически значимых предикторов для психоэмоциональных состояний пациенток, кроме тревожности ($p=0,02$).

Выявлено расхождение между результатами объективной психофизиологической оценки и данными субъективных опросников относительно психоэмоционального состояния женщин в программе ЭКО. Полученные данные свидетельствуют о комплексной природе психоэмоционального состояния женщин в программах ЭКО, не сводящейся исключительно к влиянию репродуктивных неудач. Это подчеркивает актуальность дальнейших исследований индивидуальных психологических особенностей в восприятии стресса и применении стратегий его преодоления для более полного понимания данного феномена.

1. Аникина В. О., Блох М.Е., Савенышева С.С. Эмоциональное состояние женщин, использующих вспомогательные репродуктивные технологии: обзор современных зарубежных исследований // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 6. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/76PSMN620.pdf (дата обращения:16.05.2025). Бирюкова А.М., Мартиросян Я.О., Ковальчик А.И., Хубаева Д.Г. Диагностика и лечение бесплодия. Клиническая лекция. Медицинский оппонент. 2021, 2(14): 41-45.
2. Purewal S., Chapman S.C.E, van den Akker O.B.A. Depression, anxiety and lifestyle factors and outcomes from IVF. Reproductive Biomedicine Online. 2018, 36(6): 646-657. DOI: 10.1016/j.rbmo.2018.03.010

Блох М.Е., Спиридонова А.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Отношение к ребенку матерей младенцев в связи с типом зачатия, родов и вскармливания ребенка

Отношение к ребенку, эмоциональное состояние матери, младенческий возраст, тип зачатия, роды, вскармливание

Отношение к ребенку, эмоциональное состояние матери значимо для формирования диадных отношений, безопасного типа привязанности у ребенка, его психического и физического здоровья. Женщины, зачавшие с помощью ВРТ, более эйфорично относятся к материнству, но менее эмоционально включены во взаимодействие с детьми, имеют чаще тревожно-депрессивные переживания (Аникина и др., 2021). Матери, родившие путем кесарева сечения, сталкиваются с большей психологической нагрузкой, негативными эмоциями, что влияет на способность формировать надежные отношения (Zanardo et al., 2016).

Цель исследования: изучение отношения матери к ребенку младенческого возраста в группах, разделенных по способу зачатия, родоразрешения, наличию проблем в родах и типу кормления. Методы: Анкета о социально-демографических и медицинских данных, Тест отношений матери (модификация теста отношений беременной, Аникина В. О., Блох М. Е., Савенышева С. С., Грандилевская И. В., 2021), Шкала оценки постнатальной привязанности (Maternal Postnatal Attachment Scale, Condon J., 1998), Шкала адаптивного функционирования (The Achenbach System of Empirically Based Assessment, Adult ASR/18-59, Achenbach, T., Rescorla, L., 2003, в адаптации Е.Р. Слободской), Родительские оценки детей (Ланцбург М. Е., Дудина А. А., 2014).

Выборка: Исследовано 106 матерей (средний возраст 31,6±4,87 лет). Средний возраст детей 5,03±2,22 месяцев.

Результаты: 77,36% женщины забеременели естественным путем, 22,64% при помощи экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), у 65,09% женщин были естественные роды, у 34,91% - оперативное родоразрешение, 51,89% женщин отмечает отсутствие проблем в родах, а 48,11% женщина говорит о наличии проблем в родах, 60,38% женщины на момент сбора данных сохраняют грудное кормление, 39,62% женщин придерживается искусственного или смешанного кормления. Матери, зачавшие путем ВРТ, кормящие искусственно или смешанно, достоверно чаще ($p \leq 0,05$) демонстрируют соматические симптомы, тревожность и тревожное материнское отношение. Матери, родившие через кесарево сечение, чаще тревожно относятся к ребенку ($p \leq 0,01$). Женщины, субъективно оценивающие роды как проблемные, чаще ($p \leq 0,05$) демонстрируют эйфорическое или игнорирующее отношение к ребенку, а отрицающие проблемы в родах - симптомы депрессивности и депрессивное отношение к материнству. Матери, проявляющие симптомы тревожности, депрессивности или соматических проблем чаще демонстрируют тревожное, игнорирующее или депрессивное материнское отношение, меньше испытывают удовольствия при взаимодействии с ребенком, чаще проявляют враждебность к нему. Матери с наличием соматических и тревожных симптомов, с тревожным отношением к материнству ниже оценивают здоровье ребенка. При игнорирующем отношении к материнству ниже оценка характера ребенка, а при эйфоричном - выше оценка самостоятельности ребенка.

Вывод. При оказании психологической помощи матерям детей младенческого возраста необходимо учитывать такие параметры как тип зачатия, особенности протекания родов, тип вскармливания.

1. Аникина В. О., Блох М. Е., Савенышева С. С., Грандилевская И. В. Психологическое функционирование и отношение к ребенку и их взаимосвязи у беременных женщин, зачавших при помощи вспомогательных репродуктивных технологий и естественным путем // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 9(6). С. 1-14.
2. Zanardo V., Soldera G., Volpe F., Giliberti L., Parotto M., Giustardi A., Straface G. Influence of elective and emergency cesarean delivery on mother emotions and bonding // Early Human Development. 2016. Vol. 99. P 17-20.

Филимонова В.В., Коргожа М.А.
ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава России

Онлайн-сервисы для психологического благополучия беременных женщин: обзор исследований

Беременность, психологическое благополучие беременных, цифровая интервенция, перинатальный стресс

Введение. Психологическое состояние беременной женщины влияет на течение беременности и здоровье ребёнка. До 34% женщин в перинатальном периоде сталкиваются с высоким уровнем тревоги, влияющим на их психологическое благополучие (Evans et al., 2022). При этом доступ к своевременной психологической помощи ограничен из-за нехватки специалистов, стигматизации, организационных барьеров. В связи с чем цифровые технологии становятся важным инструментом дистанционной поддержки и помощи беременным женщинам. Цель данной работы – анализ отечественного и зарубежного опыта применения онлайн-сервисов для психологического благополучия беременных.

Методы. Проведен обзор и анализ отечественных и зарубежных исследований, посвящённых онлайн-сервисам для психологического благополучия беременных женщин. В анализ включены 102 публикации, опубликованные в период с 2012 по 2025 годы и представленные в базах данных Scopus, PubMed, Web of Science, Semantic Scholar, Mendeley, РИНЦ и Crossref. Поиск осуществлялся с использованием ключевых слов и их комбинаций: «pregnancy», «apps», «digital intervention», «perinatal mental health», «chatbot pregnancy», «онлайн-поддержка беременных» и др.

Результаты. Цифровые сервисы для беременных сосредоточены в основном на мониторинге физического состояния и информировании, компоненты психологической поддержки представлены фрагментарно. Наиболее эффективными считаются программы, созданные на основе когнитивно-поведенческой терапии, mindfulness и психообразовании. Зарубежные инструменты на основе искусственного интеллекта (например, чат-боты) демонстрируют высокую вовлечённость пользователей, но страдают от низкой точности распознавания эмоционального состояния и слабой персонализации, особенно при клинически значимой симптоматике. Наибольшая активность в разработке цифровых решений отмечена в Северной Европе и Австралии, где такие программы (Mamma Mia, MUMentum) интегрированы в государственные перинатальные стратегии и включают психологическую поддержку, образовательные модули и трекинг. В Юго-Восточной Азии распространены краткосрочные стресс-фокусированные модули в популярных мессенджерах. В арабских странах популярны mindfulness-программы с религиозной направленностью, однако они имеют преимущественно информационную направленность и не включают валидизированные психотерапевтические методы. В США и Великобритании преобладают мультимодальные приложения с функциями самодиагностики, дневниковыми практиками и онлайн-консультированием. В России отсутствуют валидизированные цифровые решения, ориентированные на психологическую поддержку беременных. Существующие платформы (Flo, MamaHelp и др.) в основном нацелены на повышение информационной осведомленности, а зарубежные аналоги нередко недоступны из-за языковых и правовых ограничений.

Выводы. Цифровые инструменты для самопомощи и поддержки обладают потенциалом для расширения доступности психологической помощи женщинам в период беременности, особенно в случаях лёгкой и умеренной выраженности тревожной симптоматики. Эффективность подобных решений во многом зависит от научной обоснованности, культурной адаптированности и уровня интеграции в систему здравоохранения. Представляется целесообразным развитие и эмпирическая апробация отечественных цифровых программ, направленных на профилактику и раннюю помощь при нарушениях психического здоровья в перинатальном периоде, с последующим их включением в существующие модели оказания медицинской и психологической помощи беременным для содействия их психологическому благополучию.

1. Evans K., Donelan J., et al. Review of Mobile Apps for Women with Anxiety in Pregnancy: Maternity Care Professionals' Guide to Locating and Assessing Anxiety Apps // Journal of Medical Internet Research. 2022. Vol. 24, № 3. DOI: 10.2196/31831.

Шебанова В.И., Шебанова С.Г.
ФГБОУ ВО ХАУ

Когнитивно-поведенческие техники для снижения стресса у беременных: мета-анализ эффективности

Стресс у беременных, когнитивно-поведенческая терапия, психопрофилактика, психическое здоровье, перинатальные исходы

Введение. Стресс у беременных женщин представляет собой значимую проблему современного акушерства и перинатальной психологии. Исследования последних лет демонстрируют, что высокий уровень стресса во время беременности ассоциирован с риском преждевременных родов, низкой массой тела при рождении и нарушениями психического здоровья у ребенка в дальнейшем (Зефирова, Мухаметова, 2023; Моткова, 2022).

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) является одним из наиболее эффективных подходов для коррекции тревожных и депрессивных состояний у беременных. Однако, несмотря на растущее количество исследований в этой области, остается недостаточно изученным вопрос о том, какие именно КПТ-техники наиболее эффективны для беременных женщин и в каком формате проведения (групповом или индивидуальном).

Цель исследования: анализ эффективных когнитивно-поведенческих техник (КПТ) для снижения стресса у беременных женщин.

Методы. Был проведен мета-анализ 15 рандомизированных контролируемых исследований (РКИ), опубликованных в период с 2015 по 2024 гг. в базах данных PubMed, PsycINFO и Web of Science. Общий объем выборки составил 2,300 беременных женщин.

Критерии включения:

- использование валидизированных шкал оценки стресса (HADS, PSS-10);
- применение стандартных КПТ-протоколов;
- наличие контрольной группы.

Для анализа данных использовались:

- расчет средневзвешенного эффекта (Cohen's d);
- модель случайных эффектов из-за умеренной гетерогенности ($I^2 = 50\%$); - анализ публикационной предвзятости (funnel plot).

Результаты. На основе мета-анализа были выделены следующие наиболее эффективные техники: когнитивная реструктуризация, ведение дневника мыслей и эмоций, дыхательные упражнения. При применении техники «когнитивная реструктуризация» у беременных женщин отмечено: - уменьшение частоты катастрофических мыслей на 38% ($p < 0.01$); - снижение уровня тревоги: $d = 0.42$ (95% ДИ [0.35–0.49]). Ведение дневника мыслей и эмоций способствовало уменьшению когнитивных искажений на 35% ($p < 0.05$) и улучшению эмоциональной регуляции у женщин в период беременности. Регулярное применение дыхательных упражнений беременными женщинами обуславливает нормализацию вариабельности сердечного ритма у 68% участниц и снижение уровня кортизола на 25% (по данным нейрофизиологических исследований).

При сравнении группового и индивидуального форматов выявлена более высокая эффективность групповых КПТ-сессий по сравнению с индивидуальными, что связано с эффектом социальной поддержки. Индивидуальные сессии были предпочтительны для женщин с высоким уровнем тревоги по шкале HADS ≥ 15.

Выявлено, что мобильные приложения с КПТ-упражнениями снижали стресс на 28% (Abdelaziz et al., 2025).

Обсуждение. Полученные результаты согласуются с данными современных исследований (Golshani et al., 2021) и подтверждают эффективность КПТ для снижения стресса у беременных.

Ограничения:

- часть исследований включала специфические выборки (например, женщины с бесплодием в анамнезе);
- разнородность методологических подходов. В исследовании Golshani et al. (2021) использовалась шкала PSS-10, а не HADS, что может ограничивать сопоставимость результатов.

Выводы:

КПТ является эффективным методом снижения стресса у беременных женщин.

Наиболее результативными техниками являются когнитивная реструктуризация, ведение дневника и дыхательные упражнения. Групповые форматы показали преимущество для большинства беременных, тогда как индивидуальные сессии рекомендованы при высокой тревожности.

Цифровые технологии расширяют доступ к психологической помощи.

1. Зефирова Т. П., Мухаметова Р. Р. Чем опасен психологический стресс для беременных и как снизить его влияние на течение беременности и перинатальные исходы // Доктор.Ру. 2023. №5. С. 34-39.
2. Моткова М. А. Особенности пренатальных стрессов // Кинезиологические практики в образовании и психотерапии : Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25–26 декабря 2021 года. Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2022. С. 48-54.
3. Abdelaziz E.M., Alshammari A.M., Elsharkawy N.B. et al. Digital intervention for tokophobia: a randomized controlled trial of internet-based cognitive behavioral therapy on fear of childbirth and self-efficacy among Egyptian pregnant women. BMC Pregnancy Childbirth 25, 233 (2025). https://doi.org/10.1186/s12884-025-07341-5
4. Golshani F., Hasanpour S., Mirghafourvand M. et al. Effect of cognitive behavioral therapy-based counseling on perceived stress in pregnant women with history of primary infertility: a controlled randomized clinical trial // BMC Psychiatry 21, 278 (2021). https://doi.org/10.1186/s12888-021-03283-2

Диденко Д.М., Яковлева А.В.
ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Особенности восприятия образа тела у женщин в период беременности

Беременность, восприятие тела, образ тела

Беременность – важный и значимый этап в жизни женщины, сопровождающийся освоением новой социальной роли, приобретением родительских обязанностей, а также обширными психологическими и физиологическими изменениями, в том числе и в теле. Увеличение массы тела, изменение пропорций фигуры, появление растяжек и других видимых признаков беременности неизбежно влияют на телесное самовосприятие женщины.

Восприятие образа тела женщиной во время беременности, которое определяется как единство оценок, представлений, установок, связанных с собственным телом, а также восприятием того, что подразумевается под идеальным телом в данном социально-культурном контексте, непосредственно оказывает влияние на отношение к будущему ребенку (Cash, 2004). Беременные женщины воспринимают плод, как часть, продолжение собственного тела. Телесный дискомфорт приписывается и в отношении ребенка и рассматривается как фактор риска развития психической патологии у него в будущем (Айвазян, 2005). Целью данного исследования - изучение особенностей восприятия образа тела у женщин в период беременности.

Методы. Использовались «Опросник образа собственного тела» (ООСТ), О.А. Скугаревский и С.В. Сивуха; «Многокомпонентный опросник отношения к собственному телу» (MBSRQ) Т.Ф. Кэша, в адаптации Л.Т. Баранской, С.С. Татаурова.

В исследовании приняли участие 20 беременных женщин в возрасте от 19 до 40 лет г. Тулы, которые были разделены по возрастному критерию: 10 беременных от 19 до 29 лет (первая группа), 10 беременных от 30 до 40 лет (вторая группа).

Результаты. 65% женщин первой группы удовлетворены своим телом, 25% имеют средний уровень удовлетворенности телом, 10% - низкие показатели. Во второй группе только 16% полностью удовлетворены своим телом, 14% имеют средний уровень удовлетворенности и 70% женщин не удовлетворены своим телом. Возможно, первая группа женщин не воспринимает физические изменения в теле при беременности, как невозвратные, а женщины второй группы, старшей по возрасту, больше замечают изменения и определяют их как необратимые. По шкалам «оценка внешности» и «удовлетворенность параметрами тела» женщины второй группы показали более низкие результаты по сравнению с первой (2,3 и 4,4 соответственно). Шкала «озабоченность лишним весом» продемонстрировала низкие результаты в обеих группах (1,6 и 1,9 соответственно). Это может свидетельствовать о том, что женщины осознают увеличение массы собственного тела, как необходимый процесс роста и развития ребенка. Также в ходе исследования выявлено, что женщины, находящиеся на более позднем сроке беременности (33-39 нед.) имеют более низкие показатели ориентации на внешность, чем респонденты на первом и втором триместре беременности, что может быть связано с акцентированием внимания на ребенке и готовности к родам в третьем триместре.

Вывод. В восприятии образа тела беременными женщинами имеют значение возраст женщины, триместр беременности.

1. Айвазян Е. Б. Развитие телесного и эмоционального опыта женщины в период беременности: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.13 / Айвазян Елена Борисовна. – Москва, 2005. – 28 с.
2. Cash T. F. Body Image: Past, Present and Future // Body Image. – 2004. – Vol. 1, № 1. – P. 1–5.

Блох Р.А., Блох М.Е., Мухамедрахимов Р.Ж.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Клинико-психологические характеристики беременности и послеродового периода у женщин с ГСД.

Гестационный сахарный диабет, беременность, депрессия, тревожность, материнское отношение

Введение. Гестационный сахарный диабет (ГСД) – это форма диабета, возникающая во время беременности и сопровождающаяся изменениями углеводного обмена. По данным ВОЗ, распространенность сахарного диабета растет: 14% взрослого населения страдает этим заболеванием, более половины пациентов не получают адекватного лечения. ГСД может привести к серьёзным последствиям для матери и ребенка, включая повышенные риски преэклампсии, эклампсии, макросомии, гипоксии плода, а также отдалённые последствия как для физического, так и для психического здоровья женщины и ребенка. Несмотря на высокую распространенность ГСД, вопросы психического здоровья матерей с этим диагнозом остаются малоизученными. Женщины с ГСД имеют на 43% более высокий риск развития дородовой депрессии (Lee et al., 2020), 80% пациенток демонстрируют низкую приверженность лечению, а лишь каждая пятая демонстрирует оптимальное отношение к беременности (Старцева и др., 2022). Наличие заболевания, осложняющего течение беременности, ухудшает эмоциональное состояние женщины, негативно сказывается на здоровье матери и ребенка как в краткосрочной, так и долговременной перспективе, что диктует необходимость комплексного изучения этого состояния.

Цель исследования: сравнительное внутригрупповое и межгрупповое изучение психологических и клинических особенностей женщин с ГСД и без ГСД в период беременности и после родов.

Методы. Участниками исследования были 445 женщин, средний возраст M (SD) = 32 (5) лет, из них на этапе беременности 30 женщин с ГСД и 415 без ГСД, после рождения ребенка – 22 женщины с ГСД и 263 без ГСД.

Использовались следующие методы: Шкала адаптивного функционирования (Adult ASR, Achenbach, Rescorla, 1985); Тест отношений беременной (ТОБ, Добряков, 2010); Тест отношений матери (ТОМ, в модификации Блох и др., 2020); Шкалы оценки пренатальных (MAAS, Condon, 1993, в адаптации Савенышева и др., 2024) и постнатальных (MPAS, Condon, Corkindale, 1998) отношений матери к ребёнку; социально-демографическая анкета. Для анализа данных использовались непараметрический критерий Манна-Уитни и частотный анализ.

Результаты. Женщины с ГСД статистически значимо отличались от группы сравнения по ряду показателей: они имели более высокую массу тела до беременности, вдвое чаще подвергались оперативному родоразрешению, дольше находились в родильном доме и позже прикладывали ребенка к груди после родов. Показатели тревожности и депрессивности, DSM-ассоциированных антисоциальных расстройств у женщин с ГСД после родов повышались, тогда как у женщин без ГСД – снижались. Динамика отношения к беременности/материнству и ребенку у женщин группы сравнения положительная, а у женщин с ГСД – отрицательная.

Выводы. У женщин с гестационным сахарным диабетом отмечается ухудшение психоэмоционального состояния и материнского отношения в постнатальном периоде по сравнению с женщинами без ГСД. Полученные результаты подтверждают важность ведения беременности и послеродового сопровождения с обязательным учетом психоэмоционального состояния у женщин с гестационным сахарным диабетом.

1. Старцева Н.М., Банникова С.А., Руднева О.Д., Муковникова Е.В. Психологический компонент доминанты беременности пациенток с гестационным сахарным диабетом // Акушерство и гинекология: новости, мнения, обучение. 2022. Т. 10, № 3. С. 21–25. DOI: 10.33029/2303-9698-2022-10-3-21-25.
2. Lee K. W., Ching S. M., Devaraj N. K., Chong S. C., Lim S. Y., Loh H. C., Hamid H. A. Diabetes in Pregnancy and Risk of Antepartum Depression: A Systematic Review and Meta-Analysis of Cohort Studies // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. Art. 3767. DOI: 10.3390/ijerph17113767.

Печникова Е.Ю.
ООО Клиника «Семья с плюсом»

Перинатальный стресс как предиктор нарушения физического и психического здоровья ребенка

Пренатальный стресс, интранатальный стресс, постнатальный стресс, стресс беременной, перинатальное программирование, модификация стрессреактивности и половой дифференциации мозга

Стресс является модифицирующим фактором и элементом естественного отбора (Резников и др., 2004).Фенотипически проявляющиеся у потомков последствия ранних стрессов оказываются адаптивными в тех случаях, когда условия среды (в том числе той, в которой существовал организм матери в период беременности и сразу после рождения) соответствуют условиям их будущей жизни. При отсутствии достаточного адаптационного ресурса у женщины и/или высоко стрессогенной среды формируется материнский дистресс, приводящий к неблагоприятным последствиям для потомства.

Исследования показали, что у плода регулирование кортикотропин-рилизинг гормона (КТРГ) и глюкокортикоидов (ГК) происходит по принципу положительной обратной связи. При дистрессе матери повышенный уровень материнских глюкокортикоидов легко проникает через плаценту и гематоэнцефалический барьер плода, что в норме сдерживается плацентарным ферментом 11-бетта -ГСД2. Но этот фермент крайне чувствителен к внешней окружающей среде и синтез его снижается между 19 и 26 неделями беременности (Беляева, 2024).

При неблагоприятных обстоятельствах беременности плод отвечает ранней активацией гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (ГГН) оси и преждевременной регуляцией генов на каждом её уровне. Внутриутробные изменения гормонального баланса, биосинтеза, секреции и метаболизма гормонов в организме матери и плода, вне зависимости от их внутреннего или внешнего происхождения, могут вызывать не только тератогенные (пороки развития в 1 триместре), но и микроструктурные и функциональные (во 2 и 3 триместрах) нарушения у потомства (Резников, 2004).

Это влияние на плод описывается как программирование - процесс, при котором стимулы или повреждения во время критических периодов внутриутробного развития оказывают продолжительное или перманентное влияние в течении всей последующей жизни человека (Пауэр, 2004). Важным последствием «адаптивного ответа» плода на пренатальный стресс является модификация его стрессреактивности и половой дифференциации мозга, снижение фертильности (Резников, 2004). Интранатальный чрезмерный гипоксический стресс и родовая травма также имеют долгосрочные последствия для здоровья. Различные нарушения постнатального периода особенно раннего, когда к мощным адаптационным нагрузкам может добавляться биологическая информация грудного молока, содержащего множество биологически активных субстанций, включая гормоны стресса, может приводить к постнатальному дистрессу ребенка (Аксёнов и др., 2022).

Таким образом правомерен термин перинатальный стресс плода и новорожденного. В настоящее время в перинатальной медицине и психологии наработаны диагностические и терапевтические инструменты профилактики перинатального стресса, но на данном этапе времени реализация психологических профилактических мероприятий недостаточна.

1. Стресс: этиопатогенетические факторы развития у новорожденных. Российский вестник акушера-гинеколога. 2022, 22(3):21 29.
2. Беляева Л.Е., Шебеко В.И. Гинекологическая эндокринология. - Медицинская литература, 2024. – 256 с.
3. Пауэр, М. Л. Рождение ребенка, дистресс и риск болезней / М. Л. Пауэр, Дж. Шулькин. - М.: Триада-Х, 2010. - 264 с
4. Резников А.Г., Пищак В.П., Носенко Н.Д., Ткачук С.С., Мыслицкий В.Ф. Пренатальный стресс и нейроэндокринная патология. - Черновцы: Медакадемія, 2004. - 351с.

Кузнецова А.И., Старостина Ю.А.
ФГБОУ ВО МГУ имени Ломоносова

Взаимосвязь представлений об отцовстве и ценностных ориентаций у мужчин

Отцовство, ценностные ориентации, представления, межпоколенческие различия

Актуальность исследования обусловлена трансформацией традиционных представлений об отцовстве в современном обществе. Несмотря на значительное количество исследований материнства, отцовство остаётся малоизученным феноменом. Цель работы – выявить взаимосвязь между ценностными ориентациями мужчин и их представлениями об отцовстве, а также проанализировать возрастные различия в этих представлениях.

Исследование проводилось с помощью методики М. Рокича и модифицированной методики «Неоконченные предложения» из 18 предложений, позволяющих проанализировать когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты. В нем приняли участие 41 мужчина в возрасте от 18 до 55 лет. Выборка была поделена на 2 группы: младшее поколение (18–23 года) – 27 человек и старшее поколение (27–54 года) – 14 человек, из них 8 человек являются отцами. Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью сервиса Яндекс Формы, в социальных сетях.

Результаты исследования показали, что среди терминальных ценностей, обе группы выделяют «любовь», «здоровье», «счастливую семейную жизнь». Младшее поколение чаще выбирает «развитие» и «свободу», старшее – «активную деятельную жизнь». Среди инструментальных ценностей младшие респонденты ценят «рационализм» и «жизнерадостность», старшие – «ответственность» и «самоконтроль».

Также 3 из 18 неоконченных предложений показали статистически значимые различия и определенные тенденции к различию между поколениями, подтвержденные критерием хи-квадрат. Различия касались выраженности направленности на ребенка (больше выражена у младшего поколения), включенности отца в жизнь ребенка (младшее поколение), а также комплексности подхода к семье (младшему поколению важно уделять внимание всем членам семьи). За каждое предложение респонденты могли набрать от 0 до 3 баллов, и эти баллы определяли их отношение как более положительное или более отрицательное. Респонденты с баллами ниже 35 (более отрицательное представление об отцовстве) чаще выбирали ценности «Любовь», «Здоровье», а также «Жизнерадостность», «Честность» и «Ответственность». Респонденты с более чем 35 (скорее положительное представление об отцовстве) баллами отдавали предпочтение «Здоровью», «Развитию», «Счастливой семье», а также «Независимости» и «Рационализму».

Исследование показало, что младшее поколение демонстрирует более современные представления об отцовстве, старшее – традиционные.

В инструментальных ценностях можно заметить гораздо больше различий, чем в терминальных ценностях. Это может говорить о том, что цели и идеалы со временем не изменились, тогда как средства их достижения меняются.

Младшее поколение респондентов делает акцент на заботе о ребенке и его потребностях, в то время как старшее придерживается традиционного взгляда на роль кормильца семьи. Это отражает эволюцию представлений об отцовстве: младшие стремятся быть более вовлеченными в жизнь детей, а старшие сохраняют ориентацию на семейные ценности и ответственность.

Основываясь на результатах, можно заметить тенденцию к расширению традиционных представлений об отцовстве, где подчеркивается важность не только любви, но и счастливой семейной жизни и развития как ключевых ценностей. Помимо этого, результаты отражают современные тенденции к индивидуализации и личной свободе, а также прагматичный подход к жизни и принятию решений.

1. Антипова О. Л. Психология отцовства: тенденции исследования роли отца в родительстве //Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. – 2019. – №. 1-2 (5-6). – С. 27-31.
2. Овсяникова Е. А. Ценностные ориентации отцов с разными родительскими установками // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2016. – Т. 2. – № 2 (8). – С. 28-33.

Тимченко Д.Д., Сергиенко Е.А.
ФГБУН ИП РАН

Связь возраста, длительности лечения бесплодия и психологического состояния женщин

Бесплодие, женщина, психотравмирующие факторы

Введение. По данным исследований, диагноз бесплодие может являться значимым психотравмирующим фактором, повышающим риск развития расстройств тревожно-депрессивного спектра у женщин (Hussain et al., 2022). Процесс лечения инфертильности сопряжен с целым комплексом стрессоров: гормональной терапией, неопределенностью исхода, кризисами в отношениях, риском репродуктивной травматизации (Галимова и др., 2021). В связи с этим актуальным является изучение психологических характеристик женщин, проходящих лечение бесплодия с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), с учетом длительности лечения и возрастных особенностей, что поможет разработать программу психологического сопровождения для данной категории пациентов (Тимченко, 2024).

Цель исследования – анализ взаимосвязей возраста, длительности лечения бесплодия и психологического состояния женщин.

Методы. В исследовании приняло участие 120 женщин в возрасте от 24 до 45 лет, проходящих лечение бесплодия. Для оценки психологических характеристик использовались 5 методик: «Опросник Субъективного возраста человека» B. Barak, в адаптации Е.А. Сергиенко, «Шкалы депрессии, тревоги и стресса», DASS-21, в адаптации А.А. Золотаревой, «Шкала базисных убеждений», World assumptions scale, в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой, «Опросник временной перспективы Зимбардо», ZTPI. Результаты. Возраст респонденток положительно коррелирует с когнитивной иллюзией возраста ($r = 0,563$, $p = 0,000$), а также связан со шкалами «удачи» и «негативного прошлого» ($r = 0,232$, $p = 0,011$, $r = 0,201$, $p = 0,011$), что отражает нелинейность процессов совладания. С одной стороны, женщины чувствуют себя моложе, возрастает вера в благоприятное стечение обстоятельств, как результат накопленного опыта преодоления трудностей. С другой, прошлое воспринимается через призму неудачных попыток лечения. Анализ связей между длительностью лечения и психологическими характеристиками респонденток, выявил, что чем дольше не наступает беременность, тем эмоционально старше чувствует себя женщина ($r = 0,223$, $p = 0,014$), что может свидетельствовать о психологическом истощении. Также проявляется тенденция к негативной оценке прошлого опыта ($r = 0,228$, $p = 0,012$), снижение веры в «доброжелательность мира» ($r = -0,213$, $p = 0,019$), ухудшение «образа Я» ($r = -0,233$, $p = 0,011$). Число неудачных попыток зачатия положительно коррелирует с нарастанием депрессивных симптомов ($r = 0,179$, $p = 0,050$).

Выводы. Выявленные взаимосвязи отражают динамику психологического неблагополучия у женщин с бесплодием. Наиболее значимым аспектом дезадаптации является длительность лечения, повышающая уязвимость к развитию психопатологии вследствие истощения ресурсов совладания. При этом возраст женщины, вне контекста длительности лечения, может выполнять защитную функцию благодаря субъективному восприятию собственных ресурсов как в более молодом возрасте, а также накопленному опыту и вере в удачу.

1. Галимова Э.Ф., Громенко Ю.Ю., Еникеев Д.А., Галимов Ш.Н. Редокс-потенциал и репродуктивное здоровье: поиск актуальных маркеров бесплодия // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2021. № 1. С. 13-19
2. Тимченко Д.Д. Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. № 13 (3). С. 73-82. https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130307
3. Hussain N., Hazlina N., Noor N., Shaiful I., Nik A. Worldwide prevalence, risk factors and psychological impact of infertility among women: a systematic review and meta-analysis // BMJ Open. 12. e057132. 10.1136/bmjopen-2021-057132.

Локтева М.В., Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности психологического функционирования у женщин позднего репродуктивного возраста

В последние годы отмечается прогрессивная тенденция к увеличению возраста женщин при рождении как первого, так и последующих детей. В России доля первых родов от 2018 г. к 2021 г. у женщин позднего репродуктивного возраста повысилась с 7,5% до 9,1% (Долгушина, 2023). Известно, что у женщин 35 лет и старше высок акушерский и перинатальный риск, а также преэклампсии, гестационного сахарного диабета, самопроизвольных выкидышей, кесарева сечения. При этом, многочисленные исследования показывают наличие связи эмоционального состояния, отношения к беременности, материнству и ребенку с особенностями протекания беременности и послеродового периода, качеством детско-материнского взаимодействия (Huizink et al., 2017, Obrochta et al., 2020).

Цель исследования – изучение показателей психологического функционирования и материнского отношения у женщин позднего репродуктивного возраста в период беременности и после родов. Обследованы 228 первобеременных: 192 женщины раннего репродуктивного возраста (28.2 ± 3.3 лет) и 36 женщин позднего репродуктивного возраста (37.4 ± 2.5 лет) во второй половине беременности и через 4-6 месяцев после родов. Использовались: синдромные шкалы и DSM-ориентированные Шкалы психологического функционирования Achenbach, T., Rescorla, L., 2003 в адаптации Е. Р. Слободской (для исследования эмоционального состояния), Шкала оценки пренатальной привязанности (Condon J., 1993) в адапт. Савенышевой С. С. и Шкала оценки постнатальной привязанности (Condon J., 1998) (изучение материнского отношения). На этапе беременности женщины позднего репродуктивного возраста в сравнении с женщинами младше 35 лет продемонстрировали более высокие значения замкнутости (58,3 ± 5,4 и 56,2 ± 5,1 соответственно, $p = 0,043$) и делинквентного поведения (57,0 ± 5,0 и 55,4 ± 4,8, $p = 0,058$). Остальные показатели методик достоверных различий не обнаружили. После родов разрыв по замкнутости сохранился и усилился (57,5 ± 5,5 и 55,3 ± 4,9 соответственно, $p = 0,032$), делинквентность также оставалась выше у группы женщин позднего репродуктивного возраста (56,3 ± 5,2 и 54,3 ± 4,6, $p = 0,045$). При этом качество постнатальной привязанности оказалось значимо выше у группы женщин позднего репродуктивного возраста (39,9 ± 5,8 и 37,9 ± 5,4, $p = 0,042$), а прирост общего индекса с беременности до послеродового периода был выраженнее (+5,5 против +1,9, $p = 0,048$). Также у женщин старше 35 лет отмечено достоверное снижение тревожности после родов ($p = 0,033$), тогда как у женщин младше 35 лет этот показатель оставался стабильным. Первобеременные женщины позднего репродуктивного возраста чаще показывают более высокую склонность к ограничению социальных контактов и нарушающему правила поведению, что может быть следствием наличия внутреннего конфликта. Обнадеживающим фактом является позитивное материнское отношение к ребенку, что демонстрируют высокие показатели пре и постнатальной привязанности. Однако, сравнительно небольшое количество (36 женщин старше 35 лет) не позволяет делать обобщенные выводы и требует расширения выборки.

1. Долгушина Н.В., Адамян Л.В., Шешко Е.Л. Поздний репродуктивный возраст женщины: риски нарушения репродуктивной функции (обзор литературы) // Проблемы репродукции. 2023. № 29(4). С. 99-106. https://doi.org/10.17116/repro20232904199
2. Huizink A. C., Menting B., De Moor M. H. M., Verhage M. L., Kunseler F. C., Schuengel C., Oosterman M. From prenatal anxiety to parenting stress: A longitudinal study // Archives of Women's Mental Health. 2017. Vol. 20(5). P. 663–672. https://doi.org/10.1007/s00737-017-0746-5
3. Obrochta C. A., Chambers C., Bandoli G. Psychological distress in pregnancy and postpartum // Women and Birth. 2020. Vol. 33 (6). P. 583–591. https://doi.org/10.1016/j.wombi.2020.01.009

Лепёшкина А.П., Василенко В.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Родительский стресс матерей и отцов в связи с установками на интенсивное и осознанное родительство

Интенсивное родительство, осознанное родительство, родительский стресс матерей и отцов детей раннего и дошкольного возрастов

Тема родительского стресса и установок на родительство является актуальной в условиях современного общества, где поддержка и психическое здоровье родителей имеют важное значение для гармоничного воспитания детей. Родительский стресс изучается с конца XX века, но на данный момент пока нет полной картины этого феномена из-за быстроменяющихся требований к родителям, что обуславливает актуальность работы. В последнее время становятся все более распространенными установки на интенсивное и осознанное родительство. Под интенсивным родительством подразумевается выделение большого количества времени, энергии и материальных ресурсов на ребенка (Lee et al., 2014), что повышает вероятность возникновения стресса (Мисиюк, 2022).

В свою очередь, установка на осознанное родительство, при которой родители работают над собой, внимательно относятся к потребностям и чувствам ребенка, не осуждают и принимают его безусловно, позволяет снизить уровень переживаний (Huynh et al., 2024). Исследование направлено на изучение взаимосвязи между установками на родительство и уровнем родительского стресса. Гипотеза исследования: родительский стресс выше при более выраженной установке на интенсивное родительство и ниже при установке на осознанное родительство.

Выборку составили 50 человек из Сибирского региона и г. Санкт-Петербурга, родители детей раннего и дошкольного возрастов (от 6 месяцев до 7 лет). Методы: социально-демографическая анкета, опросник для диагностики выраженности установок на интенсивное родительство «Intensive Parenting Attitudes Questionnaire» (IPAQ) (Liss M.), опросник на осознанное родительство Mindful Parenting Inventories for Parents (MPIP) (Acet P., Oliver B.R.), шкала родительского стресса (Berry J.O., Jones W.H.) и опросник на родительский стресс А.А. Любушиной и С.С. Савенышевой. Средний уровень стресса у отцов составил M=31,9, у матерей M=34,4 баллов по шкале Берри, Джонса (max=90) и M=89,80 у отцов и M=92,17 у матерей по методике А.А. Любушиной и С.С. Савенышевой (max=268).

Эти значения указывают на низкий уровень стресса. Согласно результатам сравнительного анализа по Т-критерию Стьюдента, на уровне тенденции отцы более склонны к выраженной детоцентрированности и к предоставлению стимулирующей среды для ребенка, чем матери. Это может указывать на половые особенности восприятия родительской роли в современных условиях: отцы, вовлеченные в воспитание детей, могут стремиться к активному участию в развитии ребенка и ориентироваться на идеалы «нового отцовства». Корреляционный анализ по Пирсону подтвердил гипотезу исследования. Родительский стресс положительно коррелирует с установкой на интенсивное родительство и отрицательно – с установкой на осознанное родительство. Другими словами, чем интенсивнее родитель вовлечен в воспитание ребенка, чем больше отдает ему различных ресурсов (эмоциональных, временных, материальных), тем выше уровень стресса. В то же время, чем более осознанно родитель подходит к вопросам воспитания ребенка, чем чаще рефлексирует, развивает эмоциональную регуляцию и действует исходя из своих ресурсов, тем ниже уровень стресса. Это позволяет рассматривать данную установку как ресурсную в аспекте психического здоровья родителей.

1. Мисиюк Ю.В. Изучение родительского стресса и способов совладания с ним у женщин в контексте интенсивного материнства // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6. С. 110–115.
2. Huynh T., Kerr L., Kim N., Fourianalistyawati E., Chang Y.R., Duncan G. Parental refective capacities: a scoping review of mindful parenting and parental reflective functioning // Mindfulness. 2024. № 15. P. 1531–1602.
3. Lee E., Bristow J., C. Faircloth, Macvarish J. Intensive parenting and the expansion of parenting // Parenting culture studies. 2014. P. 25–50.

Барская Е.А.
Центр Репродукции и Генетики ФертиМед

Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности материнства у женщин, использовавших донорские программы ВРТ (клинический случай)

Вспомогательные репродуктивные технологии, донорские программы, материнство

Введение. Активное развитие вспомогательных репродуктивных технологий последние десятилетия позволяет решать проблемы во многих направлениях репродуктивного здоровья, однако, наряду с этим, приводит к появлению дополнительных проблем этического, физического и психологического характера (Тювина Н.А., 2020). Специфические переживания наблюдаются у мужчин и женщин, использующих донорские программы (донорство ооцитов, сперматозоидов, эмбрионов), в том числе сомнения в возможности принятия генетически «неродного» ребенка (Филиппова Г.Г., 2020); при этом количество таких программ растет с каждым годом, так, по данным регистра РАРЧ за 2022 год было 22 857 циклов с донацией.

Целью исследования было выявление особенностей материнства после применения донорских программ ВРТ, включая психологическую адаптацию и навыки общения с ребенком. Методы. Проведен анализ случая психологической работы с женщиной 43 лет, использовавшей донорство ооцита и воспитывающей ребенка 2 года.

Результаты. Запрос на работы со стороны клиентки: преодоление трудностей во взаимодействии с ребенком, принятие дочери. Из анамнеза известно, что женщина находится в гражданском браке 6 лет, имеет высшее образование, первая спонтанная беременность в 38 лет закончилась преждевременными родами на сроке 27 недель, ребенок умер на 9 сутки в реанимации. Донорство ооцита в рамках ВРТ было предложено по медицинских показаниям в связи с недостаточностью собственного овариального резерва. Приняла донорскую программу со слов без сопротивления «как шанс родить здорового ребенка». Беременность протекала на фоне высокой тревоги, ожидания, «что все будет плохо», за психологической помощью во время беременности не обращалась. После рождения дочери (роды в срок, ребенок здоров) акцентировала свое внимание на обеспечение потребностей по уходу за ребенком, а также медицинским контролем его состояния. В процессе консультирования у клиентки выявлен высокий уровень тревоги (31 по Шкале Бека), восприятие дочери как «чужой» в связи с отсутствием генетического родства, эмоциональная отстраненность и, как следствие, гиперкомпенсация поведенческих аспектов ухода без эмоциональной вовлеченности, нечувствительность по отношению к ребенку. Также выявлены признаки осложненного переживания горя в связи с потерей кровного ребенка 4 года назад, проявляющееся в виде застревания на этапе депрессии и самообвинения, что усугублялось наличием ятрогении, вызванной неосторожной негативной оценкой ее действий медперсоналом в ситуации преждевременных родов.

Целями психологического консультирования было: проживание незавершенного горевания, формирование уверенности в своей материнской роли, работа с иррациональным чувством вины, адаптация к настоящему материнству, развитие навыков общения с ребенком с учетом его эмоциональных потребностей, принятие «кровности» ребенка как самостоятельно выношенного и рожденного.

Выводы. Материнство после использования донорских программ в рамках ВРТ может сопровождаться специфическими переживаниями, что диктует необходимость психологической поддержки как на этапе подготовки к протоколу, так и в период беременности и после рождения ребенка.

1. Тювина Н.А., Николаевская А.О. Психоневрологические, морально-этические и социокультурные аспекты вспомогатель- ных репродуктивных технологий. Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2020;12(5):104–110. DOI: 10.14412/2074-2711- 2020-5-104-110
2. Филиппова Г.Г. (2022). Психологические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий: обзор зарубежных и Российских исследований. Современная зарубежная психология, 11(1), 26–38. https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110103

Шелоумова О.С.
ФГБНУ ЦНИИТ

Специфика дезадаптивных убеждений у детей с туберкулезом органов дыхания с разным уровнем тревожности

Дезадаптивные убеждения, тревожность, дети

Важной проблемой психологической науки является изучение роли раннего опыта в формировании психического здоровья детей. Так, например, исследуются имплицитные схемы, представляющие собой когнитивно-аффективные комплексы и являющиеся инструментом формирования представлений о мире (Падун, 2012). Показана взаимосвязь дезадаптивных схем и убеждений с психоэмоциональными нарушениями у детей и подростков (Loose, 2018). Представления о роли неблагоприятного детского опыта в возникновении эмоциональных нарушений нашли отражение и в исследованиях тревожности как устойчивого личностного образования, препятствующего нормальному развитию, деятельности, общению. Отмечено, что тревожность формируется вследствие фрустрации потребности в надежности и защищенности со стороны ближайшего окружения, рассматриваемых в детском возрасте в качестве ведущей. Неблагоприятная ситуация в семье, дисфункциональный характер отношений с близкими взрослыми, провоцируя переживание ребенком постоянных психологических микротравм, порождают состояние аффективной напряженности и беспокойства (Прихожан, 2006).

В ситуации госпитализации при туберкулезе органов дыхания (ТОД), характеризующейся высоким уровнем неопределенности относительно течения заболевания, специфики и длительности лечения, особенности восприятия и оценки, обусловленные высоким уровнем тревожности и дезадаптивными убеждениями о себе, могут оказывать влияние на выраженность показателей дистресса у детей. Целью настоящего исследования стало выявление специфики дезадаптивных убеждений о себе у детей с ТОД с разным уровнем тревожности для разработки индивидуализированных программ психологического сопровождения пациентов.

В исследование были включены 85 пациентов с ТОД в возрасте 7 – 12 лет (M=10,42; SD=1,79), поступивших на стационарное лечение в ФГБНУ «ЦНИИТ» (54 (63,5%) девочки и 31 (36,5%) мальчик). Использовались следующие методики: Опросник депрессии у детей (CDI) М. Ковак, Опросник «Сильные стороны и трудности (SDQ)», Шкала явной тревожности для детей (CMAS), Структурированное интервью для выявления дезадаптивных убеждений, составленного на основе вопросов методики DISC (Loose, Meyer, Pietrowsky, 2018). Для сравнения исследуемых показателей у пациентов с разным уровнем тревожности с помощью критерия U Манна–Уитни выборка была разделена на две группы: группа 1 (n=41) − с нормальным уровнем тревожности (1 − 6 стен), группа 2 (n=44) − с высоким уровнем тревожности (7 − 10 стен). Достоверными считались различия при $p < 0,05$.

По результатам исследования у детей с высоким уровнем тревожности отмечалась большая выраженность нервно-психической напряженности ($U = 1129,500$; $p < 0,05$), негативного настроения ($U = 1191,500$; $p < 0,01$), межличностных проблем ($U = 1159,000$; $p < 0,05$) и гиперактивности ($U = 1150,000$; $p < 0,05$). Выраженность дезадаптивных убеждений о себе у детей из этой группы также была значимо выше. Наибольшие различия наблюдались в выраженности следующих убеждений: «я не могу понять, как меня можно любить» ($U = 1237,00$; $p = 0,002$), и «что-нибудь всегда пойдет не так, как надо» ($U = 1315,50$; $p = 0,0001$).

Результаты исследования могут быть использованы для формирования мишеней психокоррекционного воздействия при психологическом сопровождении детей с ТОД, имеющих высокий уровень тревожности.

1. Падун М.А, Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика / Российская акад. наук, Ин-т психологии. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. –204 с.
2. Прихожан А.М. Изучение тревожности как переживания в контексте культурно- исторической концепции // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2006. № 1. С. 99−115.
3. Loose C., Meyer F., Pietrowsky R. The Dusseldorf Illustrated Schema Questionnaire for Children (DISC) // Psicol. Reflex Crit. 2018. Vol. 31, No. 7.

Зайцева Е.О., Шабалина Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности поведения и эмоциональной сферы младших школьников с опытом физического насилия

Физическое насилие, младшие школьники, эмоциональная сфера, нарушения поведения

Введение. В современном обществе проблема физического насилия над детьми остается одной из самых острых, поскольку оно широко распространено и часто сопровождается другими видами жестокого обращения (Madigan et al., 2023). Опыт физического насилия оказывает деструктивное влияние на психическое развитие ребёнка, а также имеет долгосрочные последствия для психического и физического здоровья (Springer et al, 2007; Волкова, 2015). Целью данного исследования является изучение взаимосвязи опыта физического насилия с особенностями поведения и эмоциональной сферы у детей младшего школьного возраста.

Методы. Объём выборки пилотного исследования составил 11 детей младшего школьного возраста с опытом физического насилия (6 мальчиков; возраст от 7 до 11 лет). В качестве методов оценки использовались: опросник для педагогов «Карта наблюдений для выявления внешних физических и поведенческих проявлений, характерных для ребенка, пережившего ситуацию насилия» (Волкова, 2008; 2015) для формирования выборки; опросник Ахенбаха для родителей (CBCL/6-18; Achenbach, Rescoral, 2001) и тест «Несуществующее животное» (Дукаревич, 1990) для оценки особенностей эмоциональной и поведенческой сфер.

Результаты. Согласно данным «Карты наблюдений», педагоги чаще всего отмечали у детей недостаток социальной нормативности, неблагоприятные условия среды, а также наличие невротических симптомов. По результатам CBCL/6-18 у 45.5% детей наблюдается критический уровень общих проблем поведения и эмоционального функционирования, у 27.3% – внешние проблемы, включающие агрессивное поведение, у 9.1% встречаются замкнутость, соматические проблемы и деликвентное поведение.

Качественный анализ рисунков «Несуществующее животное» указывает на наличие следующих особенностей: повышенная тревожность и противоречивые поведенческие паттерны; потребность в защите и поддержке; склонность к самоанализу и рефлексии; способность к социальному взаимодействию при наличии защитных механизмов; потребность в признании и стремление к независимости; потребность в исследовании окружения наряду с осторожностью в социальных контактах.

Выводы. Выявленные особенности эмоциональной сферы у детей с опытом физического насилия, такие как повышенная тревожность, недоверие к окружающим и склонность к замкнутости, высокие показатели агрессии и внешних проблем согласуются с результатами исследований в этой области (Moylan et al., 2010; Schilling et al., 2014). Признаки повышенной тревожности и агрессивных проявлений подкрепляются данными опросников и результатами качественного анализа проективного теста. Результаты исследования предварительные, будут дополнены после расширения выборки.

1. Волкова Е.Н. Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: монография / Е.Н. Волкова, О.М. Исаева. Н. Новгород, 2015. 290 с.
2. Madigan S., Deneault A.A., Racine N., Park J., Thiemann R., Zhu J., Neville R.D. Adverse childhood experiences: a metaanalysis of prevalence and moderators among half a million adults in 206 studies //World psychiatry. 2023. Vol. 22(3). P. 463-471.
3. Moylan C.A., Herrenkohl T. I., Sousa C., Tajima E. A., Herrenkohl R. C., Russo M. J. The effects of child abuse and exposure to domestic violence on adolescent internalizing and externalizing behavior problems // Journal of family Violence. 2010. Vol. 25. P. 53-63.
4. Schilling S., Christian C.W. Child physical abuse and neglect //Child and Adolescent Psychiatric Clinics. 2014. Vol. 23 (2). P. 309-319.
5. Springer K.W., Sheridan J., Kuo D., Carnes M. Long-term physical and mental health consequences of childhood physical abuse: Results from a large population-based sample of men and women //Child abuse & neglect. 2007. Vol. 31 (5). P. 517-530.

Силаева Д.В.
НИ ТГУ, ФГБОУ ВО СибГМУ Минздрава России

Гуткевич Е.В.
НИ ТГУ, Томский НИМЦ НИИ психического здоровья

К вопросу формирования детского пищевого поведения и факторов риска развития его нарушений

Пищевое поведение, нарушения и расстройства пищевого поведения, родители, раннее детство, профилактика

Факторы, связанные с пренатальным и перинатальным периодами, а также раннее детство, могут повышать риск развития нарушений и расстройств пищевого поведения. Цель данной работы – изучить влияние раннего опыта на формирование пищевого поведения и рисков возникновение расстройствпищевого поведения (РПП).

Формирование пищевого поведения ребёнка обусловлено взаимодействием наследственных и внешних факторов, где родители играют ключевую роль. Они определяют структуру питания, доступные продукты и эмоциональную атмосферу во время еды. Существуют три основные родительские стратегии кормления: принудительный контроль, структурированные подходы и поддержка автономии. Контролирующие методы ассоциированы с перееданием и сниженной чувствительностью к сигналам насыщения, тогда как структурированные и поддерживающие автономию – с формированием здоровых привычек и лучшей эмоциональной регуляцией (Costa, Oliveira, 2023).

Исследования показывают, что дети матерей с психическими расстройствами, включая РПП, подвержены высокому риску развития нарушений. РПП у матери, как в активной форме, так и в анамнезе, связаны с трудностями кормления, тревожностью у ребёнка, задержками когнитивного, речевого и моторного развития (Dobrescu et al., 2024). Кроме того, такие матери чаще применяют ограничительные стратегии кормления, способствуя формированию у ребёнка дезадаптивного отношения к еде и телу (Martini, Barona-Martinez, Micali, 2020). В научных работах отмечается значение стиля привязанности, который формируется из взаимоотношений родителей и детей с раннего возраста. У большинства подростков с РПП выявляются его нарушения: тревожный, избегающий и дезорганизованный тип, последний также характерен для их матерей. Такие типы привязанности ассоциируются с тяжёлым течением РПП, эмоциональной отстранённостью, низкой самооценкой и слабой телесной осознанностью (Gander, Sevecke, Buchheim, 2015).

Данные свидетельствуют о значительном влиянии РПП у матери на развитие ребёнка и подчёркивают важность раннего его выявления и поддержки в период беременности и материнства(Marzola et al., 2021). Исследования подчёркивают необходимость формирования благоприятной пищевой среды и отказа от авторитарных методов. Психообразование родителей – важный элемент профилактики РПП, поскольку их действия оказывают длительное влияние на поведение ребёнка. Важно учитывать,как особенности ребёнка, так и семейную динамику. Перспективными направлениями являются вовлечение отцов в период беременности и раннего детского развития ребенка, изучение факторов устойчивости, способных смягчить негативные последствия, связанные с пренатальным и перинатальным периодами.

1. Costa A. Parental Feeding Practices and Children's Eating Behaviours: An Overview of Their Complex Relationship / A. Costa, A. Oliveira // Healthcare (Basel). – 2023. – Vol. 11. – P. 400.
2. Gander M. Eating disorders in adolescence: Attachment issues from a developmental perspective / M. Gander, K. Sevecke, A. Buchheim // Frontiers in Psychology. – 2015. – Vol. 6. – P. 1136.
3. Martini M. G. Eating disorders mothers and their children: a systematic review of the literature / M. G. Martini, M. Barona-Martinez, N. Micali // Archives of Women's Mental Health. – 2020. – Vol. 23, No. 4. – P. 449-467.
4. Mental and physical health in children of women with a history of anorexia nervosa / S. R. Dobrescu, L. Dinkler, C. Gillberg [et al.] // European Child & Adolescent Psychiatry. – 2024.
5. The role of prenatal and perinatal factors in eating disorders: a systematic review / E. Marzola, F. Cavallo, M. Panero [et al.] // Archives of Women's Mental Health. – 2021. – Vol. 24, No. 2. – P. 185-204.

Чахутина М.И., Вартанян Г.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Детский опыт и представления о родителях несовершеннолетних правонарушителей несовершеннолетние преступники, неблагоприятный детский опыт, детско-родительские отношения

Согласно криминологической статистике, показатели преступности несовершеннолетних за последние годы остаются стабильными, при этом наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии (по данным официального сайта МВД РФ, дата обращения: 12.06.2025). В зарубежной науке последних десятилетий явно прослеживается тенденция связывать детско-родительские отношения и ранний детский опыт с преступным поведением подростков (Viemerö, 1996; Yohros, 2023), а также рассматривать терапию травм детства как важнейший фактор профилактики рецидивной преступности (Hunter, 2010; Zettler, 2021). Однако отечественных исследований в данной области недостаточно. Целью настоящего исследования стало изучение представлений о родителях и родительском воспитании несовершеннолетних правонарушителей.

Нами были выбраны следующие методы: расширенная социально-демографическая анкета; глубинное интервью о семье и воспитании; международный опросник неблагоприятного детского опыта (ACE-IQ, в адапт. АА. Кибитова и др., 2024); опросник «Родителей оценивают дети» (И.А. Фурманов, А.А. Аладьин, 1999); методика «Семантический дифференциал» (Ch. Osgood, 1952) в авторской модификации; анализ личных дел. Критерии включения в выборку: возраст 14–17 лет; уголовно-процессуальный статус подозреваемого/обвиняемого/осужденного и нахождение в местах лишения свободы; способность к пониманию и выполнению инструкций; владение русским языком; добровольное согласие на участие в исследовании. Исследование одобрено Этическим комитетом Санкт-Петербургского психологического общества (протокол №34 от 12.12.2024).

Выборку пилотного исследования составили 5 несовершеннолетних 16–17 лет (17 лет 5 мес. ± 6 мес.), совершивших преступления разной степени тяжести. Большинство (четверо) из полных семей, имеют сиблингов, ранее не судимы, не имеют установленных психических расстройств.

Результаты пилотного исследования: а) средний балл неблагоприятного детского опыта равен 7,2 (SD=1,9) из 13 возможных (согласно нормативным данным по методике); все участники имели опыт физического и эмоционального насилия, пренебрежения, домашнего насилия, буллинга, насилия в окружении; б) анализ семантического дифференциала показал, что несовершеннолетние оценивают понятия «мама» и «папа» в среднем выше, чем понятие «я»; оценки слов «воспитание», «наказание» и «насилие» схожи по шкалам силы и активности, при этом в среднем понятие «воспитание» воспринимается более позитивно; в) по данным опросника «Родителей оценивают дети» отмечены высокие значения по шкалам недостаточности требований-запретов (3,8; SD=0,7), минимальности санкций (3,2; SD=1,2); характерны тенденции к потворствующей гипер- или гипопротекции, неустойчивость стиля воспитания; г) контент-анализ интервью показал, что большинство участников представляют семейные отношения как «хорошие, теплые», при этом выражают стремление в будущем быть «более жестким» родителем, «учить, что хорошо и что плохо», отдавая предпочтение разъяснениям и ограничениям в гаджетах вместо физического наказания, которое, по их словам, «не работает».

1. Hunter J.A. Prolonged Exposure Treatment of Chronic PTSD in Juvenile Sex Offenders. Child Youth Care Forum 39. 2010. P.367–384.
2. Viemerö V. Factors in childhood that predict later criminal behavior//Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression. 1996. T.22(2). P.87-97.
3. Yohros A. Examining the Relationship Between Adverse Childhood Experiences and Juvenile Recidivism: A Systematic Review and Meta-Analysis//Trauma, Violence, & Abuse. 2023. 24(3). P.1640-1655.
4. Zettler H.R. Much to do about trauma: A systematic review of existing trauma-informed treatments on youth violence and recidivism//Youth Violence and Juvenile Justice. 2021. T.19. P.113-134.

Волкова Е.Н., Орлова А.А.
ФГБНУ ФНЦ ПМИ

Влияние раннего детского опыта на формирование цифрового самоповреждения у подростков

Цифровое самоповреждение, подростки, ранний детский опыт

Цифровое самоповреждение (ЦСП) – новый феномен аутодеструктивного поведения, суть которого заключается в размещении подростками оскорбительных или уничижительных сообщений о себе в Интернете анонимно или псевдоанонимно (Patchin, Hinduja, 2017). В рамках теоретического обзора, направленного на анализ и обобщение доступных сведений о феномене ЦСП, также проведена идентификация его потенциальных предикторов. Проанализировано более 800 публикаций из баз данных «PubMed», «eLIBRARY» (ноябрь 2024 – январь 2025).

ЦСП можно рассматривать как тип деструктивного поведения, схожий по своим механизмам с традиционными формами самоповреждения без суицидальных намерений (Макарова, 2023). У подростков ЦСП связанно со следующими мотивами: желание вызвать сочувствие у друзей и получить их поддержку, проверить качество эмоциональной связи, продемонстрировать собственную устойчивость перед давлением, развлечь остальных пользователей или спровоцировать их на взаимодействие (Patchin, Hinduja, 2017; Макарова, 2023). Таким образом, ЦСП может являться способом совладания с эмоциональным дистрессом в условиях отсутствия конструктивной социальной поддержки (Макарова, 2023). Выявлено, что связанными с феноменом ЦСП факторами являются наличие депрессивных симптомов, дефицит полноценного сна, семейные конфликты, негативная самооценка, трудности социализации и эмоциональной регуляции (Patchin, Hinduja, 2017; Semenza et al., 2021; Макарова, 2023; Loes, 2023).

Ключевыми факторами развития аутодеструктивного поведения, являются патологические изменения эмоционально-волевой сферы, негативное самовосприятие и внутриличностные конфликты (Дарьин, Зайцева, 2023). Ранний детский опыт, включающий насилие, неконструктивные стили воспитания и дефицит поддержки, также является важным предиктором подобных нарушений. Нарушение базовых доверительных отношений в детстве формирует слабую эмоциональную регуляцию и способствует развитию аутоагрессивных стратегий (Дарьин, Зайцева, 2023).

Одним из немногих исследований, изучавших влияние семейных факторов на развитие ЦСП, является работа C.N. Loes (Loes, 2023). Было установлено, что высокий уровень конфликтности в семье напрямую связан с ростом случаев ЦСП. Данная связь во многом опосредована развитием депрессивной симптоматики, которая часто присутствует у подростков, находящихся в дисфункциональных семейных системах.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют предположить, что ЦСП может быть связано с ранними нарушениями привязанности и неблагополучием в семье, и подтверждают важность внимания к семейному окружению подростков при анализе факторов риска. Аналогично традиционному самоповреждению, ЦСП может выполнять функции самонаказания, выражения внутреннего страдания или привлечения внимания. Тем не менее, прямая связь между отдельными аспектами раннего опыта и развитием ЦСП требует дальнейшего эмпирического подтверждения для более глубокого понимания механизмов опосредованности возникновения онлайн-аутодеструкции.

1. Дарьин Е. В., Зайцева О. Г. Эпидемиология несуицидального самоповреждающего поведения (несистематический повествовательный обзор) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2023. Т. 57 (2). С. 8-19. https://doi.org/10.31363/2313-7053-2023-694
2. Макарова Е. А. Самоповреждающее поведение детей и подростков в сети Интернет // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2023. № 1 (37). С. 49–55.
3. Loes C.N. Parental attachment and digital self-harm // Deviant Behavior. 2023. Vol. 44 (8). P. 1135-1148. https://doi.org/10.1080/01639625.2022.2150102
4. Patchin J. W., Hinduja S. Digital self-harm among adolescents // Journal of Adolescent Health. 2017. Vol. 61 (6). P. 761–766. https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.06.012
5. Semenza D.C., Meldrum R.C., Testa A., Jackson D.B. Sleep duration, depressive symptoms, and digital self-harm among adolescents // Child and adolescent mental health. 2021. V. 27 (2). P. 103-110. https://doi.org/10.1111/camh.12457

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00142, «Феномен цифрового самоповреждения у современных подростков»)

Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Медведева Т.И.
ФГБНУ НЦПЗ

Отдаленные последствия нарушения привязанности в раннем детстве

Нарушения привязанности, депрессия, враждебность, межличностные отношения

Введение: Теоретические положения и эмпирические исследования показывают, что ранний жизненный опыт, связанный с привязанностью, может быть особенно важным предиктором последующего психического здоровья во взрослой жизни (Kidd et al, 2016). Нарушения привязанности, согласно исследованиям, связаны как с депрессией, и с увеличением враждебности, особенно в близких отношениях. Актуальность исследования обусловлена важностью раннего выявления предикторов психических заболеваний аффективного спектра, а также тем, что враждебность рассматривается с одной стороны как свойство депрессии, а с другой стороны как фактор риска, и связана с вероятностью аутоагрессивного поведения (Ениколопов, 2007). Индивидуальная система поведения привязанности, вырабатываемая в раннем детстве, закрепляется в виде внутренней рабочей модели (Bowlby, 1982). Во взрослом возрасте внутренние рабочие модели привязанности измеряются как комбинация двух черт: тревога в отношениях и стремление к избеганию (Mikulincer M., Shaver P., 2007).

Целью исследования был анализ связи особенностей нарушений привязанности с враждебностью при эндогенной депрессии.

Материалы и методы. 49 девушек с диагнозом депрессивного расстройства. Использовались методики: SCL-90R; опросники Басса-Перри; «Опыт близких отношений» (ECR-R); Я-структурный тест Г. Аммона, шкала Гамильтона (HDRS-17). Для статистического анализа использовалась программа SPSS: дисперсионный анализ (ANOVA), либо непараметрический критерий Манна-Уитни для негомогенных выборок; методы корреляционного анализа (Спирмена), пошаговый множественный регрессионный анализ.

Результаты. При высоких показателях депрессии статистически значимо выше показатели «враждебности», «деструктивной» и «дефицитарной агрессии». Выраженность депрессии значимо коррелирует с выраженностью «тревожности» в привязанности (близких отношениях), а также с патологическим «нарциссизмом», «деструктивным внешним Я-отграничением», «дефицитарным внутренним Я-отграничением».

Для показателя «депрессии» регрессионный анализ показал, что регрессионная модель объясняет более 76% дисперсии, при этом значительный вклад вносят показатели «межличностной сенситивности», «дефицитарного нарциссизма» и «избегания». Для показателя «враждебности» регрессионная модель объясняет около 62% дисперсии, при этом значительный вклад вносят, показатели «межличностной сенситивности», и «избегания», однако в отличие от «депрессии» отмечается вклад не «дефицитарного нарциссизма», а «деструктивного нарциссизма»

Выводы. При выраженной депрессивной симптоматике повышены показатели враждебности. Враждебность при депрессии связана с факторами, вызванными нарушением ранних межличностных отношений (тревогой привязанности), что обуславливает повышенную сенситивность в отношениях с другими, «выстраивание барьера» между собой и внешней средой, воспринимаемой как враждебная, нарциссической патологией, проблемами в эмоциональной регуляции.

1. Ениколопов С.Н. Психология враждебности в медицине и психиатрии. Современная терапия психических расстройств. 2007;(1):18-22.
2. Bowlby J. Attachment and loss: retrospect and prospect. The American journal of orthopsychiatry. Oct 1982;52(4):664-678. https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.1982.tb01456.x
3. Kidd T., Poole L., Ronaldson A., Leigh E., Jahangiri M., Steptoe A. Attachment anxiety predicts depression and anxiety symptoms following coronary artery bypass graft surgery. Br J Health Psychol. Nov 2016;21(4):796-811. https://doi.org/10.1111/bjhp.12191
4. Mikulincer M., Shaver P. Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. New York: Guilford Press; 2007.

Фаустова А.Г.
ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

Прогнозирование эффекта психологического насилия, пережитого в детстве: какие параметры важны?

Психологическое насилие, детский возраст, психотравмирующий опыт

Введение. Психологическое насилие является наиболее распространенной разновидностью жестокого обращения с детьми и подростками, на его долю приходится до 30% всех случаев (Stoltenborgh et al., 2015). Опыт психологического насилия, пережитого в детском возрасте, выступает в качестве предиктора возникновения психических расстройств, обуславливает их раннюю манифестацию и более тяжелое течение (Teicher et al., 2022). Психологическое насилие также связано с риском ускоренного старения и возникновения возраст-зависимых соматических заболеваний (Li et al., 2023). Цель исследования: выявить параметры психологического насилия, которые оказывают наибольший психотравмирующий эффект.

Методы. Для получения массива эмпирических данных были опрошены 204 респондента в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст 19,12 лет), пережившие в детском возрасте психологическое насилие со стороны близких родственников. В процессе интервью с помощью специально разработанной диагностической формы оценивались следующие критериальные показатели психологического насилия: возраст начала психологического насилия; возраст прекращения психологического насилия; минимальная, максимальная и средняя продолжительность психологического насилия; количество различных психологически жестоких действий; степень родства с тем взрослым, который осуществлял психологическое насилие по отношению к респонденту; степень выраженности негативных эмоциональных реакций в ответ на психологическую жестокость; наличие психологической поддержки в период детства и подросткового возраста. Для прогнозирования эффекта и выявления значимых факторов были использованы метод линейной регрессии и метод случайного леса.

Результаты. Среди всех критериальных показателей, характеризующих психологическое насилие как паттерн дисфункциональных детско-взрослых отношений, наибольшим психотравмирующим эффектом обладают: минимальный возраст начала (β=-0,45; раннее начало связано с более выраженными негативными последствиями); средняя продолжительность психологического насилия (β=0,35; длительность психотравмирующего воздействия пропорционально увеличивает аллостатическую нагрузку); наличие психологической поддержки (β=-1,2; протективный фактор, снижающий выраженность негативных эмоциональных реакций); количество различных психологически жестоких действий (β=0,1; комплексность увеличивает выраженность посттравматических реакций). Определены пороговые значения для каждого предиктора и индекса психотравмирующего воздействия.

Выводы. Таким образом, комплексный анализ возраста начала и продолжительности психологического насилия, спектра психологически жестоких действий, объема психологической поддержки позволит прогнозировать негативное воздействие психологического насилия, пережитого в детском возрасте.

1. Li S.M., Zhang C., Bi K., Chen M.S. Longitudinal impacts of adverse childhood experiences on multidimensional health outcomes: Predicting trajectories in mental, physical, and behavioral health // Child Abuse & Neglect. 2023. P. 106543. https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2023.106543
2. Stoltenborgh M., Bakermans-Kranenburg M.J., Alink L.R.A., et al. The Prevalence of Child Maltreatment across the Globe: Review of a Series of Meta-Analyses // Child Abuse Review. 2015. №24. P. 37-50. https://doi.org/10.1002/car.2353
3. Teicher M.H., Gordon J.B., Nemeroff C.B. Recognizing the importance of childhood maltreatment as a critical factor in psychiatric diagnoses, treatment, research, prevention, and education // Molecular Psychiatry. 2022. №27. P. 1331-1338. https://doi.org/10.1038/s41380-021-01367-9

Барамошина В.С., Трусова А.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Неблагоприятный детский опыт и употребление алкоголя у женщин во взрослом возрасте

Неблагоприятный детский опыт, психическая травма, употребление алкоголя, сочувствие к себе

Введение: перенесенный неблагоприятный детский опыт достоверно связан с психическим здоровьем на протяжении всей жизни (Спаллетта Дж., и др., 2023). При этом он имеет довольно высокую распространенность в разных странах, вне зависимости от уровня ее развития (Kessler R.C. et al., 2010). Показано, что НДО ассоциирован с злоупотреблением алкоголем во взрослом возрасте. Однако данные в исследованиях по этому вопросу неоднозначны. Влияние НДО неодинаково у мужчин и у женщин. На наш взгляд, в отечественной литературе недостаточно исследований, сосредоточенных на связи НДО и уровня алкоголизации у женщин. Ряд исследований сфокусированы на исследовании пациентов наркологических отделений, что является достаточным критерием запущенности проблем, связанных с употреблением алкоголя. Нам интересно сосредоточить внимание на неклинической выборке, чтобы выяснить, какие есть факторы риска и протективные факторы, которые могут в будущем оказывать влияние на развитие проблемного употребления алкоголя. Таким образом, целью нашего исследования было: изучение специфики взаимосвязи неблагоприятного детского возраста и употребления алкоголя у молодых женщин.

Методы: Выборку исследования составили 34 женщины в возрасте от 19 до 28 лет. Сбор данных проводился посредством онлайн платформы Google Forms. Респондентам было предложено заполнить следующие опросники: социо-демографическая анкета, Международный опросник неблагоприятного детского опыта ACE-IQ (в адаптации Кибитова А.А., и др., 2024), Русскоязычная версия AUDIT, Опросник Сочувствия к себе Нефф.

Результаты: у большинства респонденток не выявлено риска возникновения проблем, связанных с употреблением алкоголя. Большинство респонденток сообщили о неблагоприятном детском опыте. Результаты в большей или меньшей степени отличались в зависимости от подхода к оценке ответов (бинарного или частотного). Уровень алкоголизации отрицательно коррелирует с уровнем образования и суммой баллов неблагоприятного детского опыта. Положительных корреляций между уровнем алкоголизации и каким-либо фактором НДО не обнаружено.

Выводы: В нашем исследовании не подтвердилась гипотеза о том, что большое количество неблагоприятного опыта, перенесенного в детстве, связано с повышенным риском развития проблем, связанных с употреблением алкоголя во взрослом возрасте. Это противоречит данным, полученным во множестве исследований, что представляется нам важным результатом и поводом к дальнейшему изучению данной темы, а также выяснению, более тонких механизмов связи НДО и употребления алкоголя во взрослом возрасте. Немаловажным является исследование других последствий неблагоприятного детского опыта.

1. Катан Е.А., Асадуллин А.Р., Карпец В.В. Распространенность неблагоприятного детского опыта среди наркологических пациентов // Вопросы наркологии. 2023. Т. 35, № 5. С. 35–56. doi: 10.34757/0234-0623.2023.35.5.003.
2. Спаллетта Дж, Джанири Д., Пирас Ф., Сани Г. Детская травма и психические расстройства. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023.
3. Кибитов А.А., Трусова А.В., Вышинский К.В., Мазо Г.Э., Кибитов А.О. Разработка и анализ психометрических свойств новой русскоязычной версии Международного опросника неблагоприятного детского опыта (ACE-IQ) // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Том 32. № 1. С. 29–57. DOI: https://doi.org/10.17759/cpp.2024320102.
4. Kessler R.C., McLaughlin K.A., Green J.G., Gruber M.J., Sampson N.A., Zaslavsky A.M., Aguilar-Gaxiola S., Alhamzawi A.O., Alonso J., Angermeyer M. et al. Childhood adversities and adult psychopathology in the WHO World Mental Health Surveys. // The British Journal of Psychiatry. 2010. Vol. 197. P. 378–385. doi: 10.1192/bjp.bp.110.080499.

Кондратьева О.В., Зиновьева Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Связь эмоционального восприятия травмирующей ситуации в детстве с характеристиками я-нарратива женщин

Я-нарратив, искажение интерпретация, эмоционального восприятия, травматический опыт, нарративный анализ

Исследования, посвящённые психологическим последствиям детского травматического опыта, становятся всё более актуальными (Алексеева, 2010). Эмоциональное восприятие травмы может оказать существенное влияние на личность, отражаясь на содержании и структуре Я-нарратива, характеризующего внутреннюю историю и жизненные позиции человека. Когнитивно–эмоциональная оценка травматической ситуации,включаясь в пережитый опыт становится фундаментом для построения поведения человека (Падун, 2012).

Проблема изучения связи эмоционального восприятия и Я-нарратива у женщин, переживших насилие в детстве, может быть рассмотрена через несколько направлений:

1. Эмоциональное восприятие и Я-нарратив. Переживания играют ключевую роль в переработке травматического опыта. Позитивное переосмысление может привести к внутреннему чувству спокойствия и улучшить Я-нарратив, в то время как негативное восприятие может усилить чувство вины, страха, отчаяния и стыда, что приводит к противоречивости в Я-нарративе.

2. Интенсивность и противоречивость опыта. Негативные эмоции, особенно если они интенсивные, могут способствовать укреплению разрушительных нарративов. Чем сильнее эмоциональный реакция на травму, тем больше вероятность, что эта ситуация будет актуализироваться в Я-нарративе.

3. Эмоциональная нестабильность и искажение воспоминаний. Эмоциональные реакции могут искажать личные воспоминания, что затрудняет понимание и принятие себя, изменяя ценностные ориентиры.

В рамках нашего исследования было выдвинуто предположение о наличии специфических характеристик Я-нарратива связанных с эмоциональным восприятием травматической ситуации в детстве. В частности, предполагается, что у женщин, подвергшихся травматическому воздействию, могут характеристики Я-нарратива отражаться на таких его свойствах как: противоречивость - согласованность, целостность -фрагментарность.

В процессе исследования были собраны данные от 28 женщин в возрасте 25–32 лет, переживших сексуальное насилие в возрасте 4-7 лет. Использовались методы анализа Я-нарративов (Кроссли, 2013) и вопросы структурированного интервью, которые направлены на исследование эмоционального опыта в контексте травмы и семейных отношений, что позволит понять, когда произошла переоценка и осознание травмы, как создавались основы для формирования самовосприятия и Я-нарратива.

Результаты анализа показали, что в Я-нарративах исследуемых респондентов присутствуют противоречивые характеристики; они могут испытывать одновременно несколько эмоций, включая страх, стыд, вину, гнев и печаль. Эмоциональное противоречивое восприятие травматического опыта приводит к эмоциональной нестабильности и искажение воспоминаний, в их Я-нарративах отражаются чувство беспомощности, растерянности, противоречивые установки по отношению к себе и своим близким, а также сложности в межличностных отношения У респондентов, которые испытывают негативные эмоциональные переживания, нарративы зачастую полны страха и вины, что отражается в их пессимистическом тоне повествования не только о прошлом, но и настоящем и будущем. Их Я-нарративы характеризуются фрагментарностью, присутствует много лакун, связанных с пониманием себя и своего поведения в настоящем. Таким образом, результаты исследования подчёркивают значимость эмоционального восприятия травмы в формировании Я-нарратива, а также возможность дальнейших исследований в области психологии и социальной работы для разработки более эффективных терапевтических подходов к помощи женщинам, пережившим насилие в детстве.

1. Алексеева И.А., Новосельский И.Г., Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь.4-е издание, дополненное и переработанное. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Москва 2010. С. 470.
2. Кроссли М.А. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов – Х.: «Гуманитарный Центр», 2013. – 284 с.
3. В.Д. Бадмаева, Е.Г. Дозорцева, И.А. Чибисова, Е.В. Нуцкова Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера Российский псих. журнал No 3, 2014.
4. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Изд–во «Институт психологии РАН», 2012. 206 с.

Платонова Н.В.
ФГБНУ НЦПЗ

Катамнестическое исследование детей-жертв сексуального насилия в раннем детстве

Раннее детство, сексуальное насилие, жестокое обращение, депривация

Введение. Актуальность проблемы психической депривации обусловлена как распространенностью неблагоприятных психосоциальных факторов, так и последствиями в виде различных нарушений психического и физического развития, формирования личности. На примере сексуального насилия известно, что психическая депривация является психогенным фактором, вызывающим как общие, так и относительно специфические психические нарушения, встраивающиеся в структуру формирующейся личности, соответствующие данному типу депривации (Догадина, Пережогин, 2000).

Методы. Были изучены отдаленные последствия сексуального насилия. Проанализированы данные наблюдений за пять лет. В катамнестическую группу вошли 38 детей (56% от общего числа выборки), в том числе из условий семейного насилия (СН) – 20 человек, из вне семейного – 18. Дети были обследованы неоднократно в течение катамнестического периода клинически и параклинически психиатром (клиническое наблюдение, беседа с ребенком и родителями), неврологом и клиническим (медицинским) психологом с применением проективных методик и тестов.

Результаты. Анализ психического состояния детей-жертв СН (обоих типов) в раннем и дошкольном возрасте в катамнестическом периоде показал, что у них нарастали конфликтность, агрессивность и эмоциональная неустойчивость. Во многих случаях возникла задержка психофизического развития. У дошкольников отмечалось отсутствие чувства дистанции в общении со взрослыми, расторможение влечений. Последнее проявлялось в виде сексуализированного поведения: эксцессивной мастурбации, копролалии, вовлечении окружающих в сексуальные игры, уменьшении чувства стыдливости, повышенного интереса к сексуальной тематике. Постепенно именно эти нарушения становились облигатной формой психопатологии.

В картине отдаленных психопатологических последствий внутрисемейного насилия в препубертатном периоде имели место побеги из дома, промискуитет, ранняя алкоголизация, употребление наркотиков, виктимное поведение, нарушение половой идентификации. Особое место среди отдаленных последствий сексуального насилия занимали дисморфофобические нарушения. Дети с неприязнью относились к своему телу, считали его грязным. У них развивались навязчивые действия в виде частого мытья тела, отряхивания одежды, повышенной брезгливости к прикосновениям. У них же отмечались определенные сенестопатии внизу живота, в области половых органов и ануса, ощущения загрязнения кожи и одежды. В других случаях, дети преувеличивали свои внешние достоинства, карикатурно подкрашивали лицо, делали вычурные прически, предпочитали яркую, порой нелепую одежду.

Выводы. Наблюдаемая клиническая картина нарушений может быть определена как патохарактерологическое формирование личности преимущественно смешанного типа, в числе которых: истерошизоидные, истероэпилептоидные, астенические и эмоционально неустойчивые. В структуре отдаленных психопатологических проявлений особенно в рамках нарушения личности (последствий внутрисемейного СН) наряду с повышенной эмоциональной возбудимостью сосуществует эмоциональное уплощение в виде утраты тонких этических чувств. На этом фоне отмечаются многочисленные невротические состояния, возникающие аутохтонно, такие как трихотилломания, онигофагия, эпизодический энурез и энкопрез, астенические и субдепрессивные состояния, навязчивые страхи, дисморфофобии и др. Известно, что отдаленные последствия перенесенного в детстве СН могут развиваться несколько лет и сохраняться не только в подростковом, но и в зрелом возрасте.

1. Догадина М.А., Пережогин Л.О. Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших. М.: «Сам себе адвокат», 2000. 81 с.

Давидович П.С., Заева К.В.
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Семейно-обусловленные психотравмирующие состояния и особенности пищевого поведения студентов

Семейно-обусловленные состояния, пищевое поведение, дисфункциональная семья, социально-семейные факторы

Большое количество научных исследований подтверждает увеличение процента людей, страдающих от расстройств пищевого поведения. По данным Всемирной Организации Здравоохранения за 2023 год, более 14 миллионов человек по всему миру, из которых 3 миллиона – дети и подростки. Опасность данного психического расстройства заключается в возникновении ряда тяжелых медицинских осложнений, а в ряде случаев имеются риски для жизни (Глазкова, Политика, 2024). Этиология пищевых расстройств и особенностей пищевого поведения остается открытым полем для дальнейших исследований, вклад вносят как генетические факторы и так и психосоциальные предиспозиции (Панюкова, 2024; Мешкова, 2015; Mazzeo, Bulik, 2009). В данной работе проблема нарушений пищевого поведения рассматривается в рамках биопсихосоциального подхода, фокусом исследования являются семейно-обусловленные психотравмирующие состояния.

Цель исследования: выявление структуры взаимосвязи между семейно-обусловленными психотравмирующими состояниями и нарушениями пищевого поведения у студентов медицинского ВУЗа.

Описание выборки. В исследовании приняли участие 25 респондентов (23 женщины и 2 мужчины) возрастом от 20 до 25 лет. Все респонденты являются студентами Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова, обучающимися по направлению «Клиническая психология в здравоохранении». Участие принималось на основе добровольно подписанного информированного согласия.

Материалы и методы.

- Теоретические: библиометрический анализ, понятийно-категориальный анализ;
- Эмпирические: опросник Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса «Семейно-обусловленное состояние» («Типовое семейное состояние»), Голландский опросник DEBQ (The Dutch Eating Behaviour Questionnaire), методы описательной статистики, корреляционный анализ Спирмена.

Результаты. По результатам описательной статистики, у выборки обнаружен высокий уровень эмоциогенного и экстернального нарушений пищевого поведения, а также средние показатели по шкалам напряжения, тревожности и неудовлетворенности.

Выявлена значительная корреляция между семейно обусловленной тревожностью и эмоциогенным типом пищевого поведения (r=0,42), а также умеренная корреляция между семейной неудовлетворенностью и эмоциогенным типом пищевого поведения (r=0,33) и слабая корреляция между семейно обусловленной тревожностью и экстернальным типом пищевого поведения (r=0,14). Таким образом, мы видим взаимосвязи и тенденции к ним между семейно-обусловленными психотравмирующими состояниями и особенностями пищевого поведения. Фокус с нормативного удовлетворения пищевой потребности смещается на дезадаптивные эмоциогенные и компульсивные варианты, создавая рисковое поле для пищевого поведения.

Выводы. Выявлены взаимосвязи между семейно обусловленной тревожностью и эмоциогенным, экстернальным типами пищевого поведения, семейной неудовлетворенностью и эмоциогенным типом пищевого поведения.

1. Мешкова Т.А. Роль наследственности и среды в этиологии нарушений пищевого иповедения. I. Обзор семейных исследований [Электронный ресурс] //Клиническая и специальная психология. 2015 Том 4 №1.
2. Глазкова Ю.В., Политика О.И. Симптомы и проявления расстройств пищевого поведения // Вестник науки. 2024. №11 (80).
3. Панюкова А.С. Социологические факторы возникновения расстройства пищевого поведения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4-2.
4. Mazzeo S.E., Bulik C.M. Environmental and genetic risk factors for eating disorders: What the clinician needs to know // Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America. 2009 V. 18 № 1 P. 67–82.

Кощавцев А.Г.
ФГБОУ ВО СПбПМУ МЗРФ

Диагностическое значение паттернов неонатальной ЭЭГ

Неонатальная ЭЭГ, тета вспышки, дельта-»щетки», паттерн вспышка-подавление.

Введение. Целью работы было дать краткий обзор графоэлементов неонатальной ЭЭГ. Мы сократили длинный перечень графоэлементов неонатальной ЭЭГ, существующий в других работах. В вероятно нормативной группе главными являются тета вспышки, дельта-»щетки», паттерн «прерывистая кривая ЭЭГ». В вероятно ненормативной группе главными являются паттерн вспышка-подавление, пароксизмальные графоэлементы ЭЭГ, асинхронные паттерны ЭЭГ.

Методы. Нами предпринят запрос в базе данных PubMed с 1996 по 2023 гг. по критериям включения (ключевые слова «neonatal EEG, non-abnormal EEG, abnormal EEG, theta bursts, delta brushes, burst-suppression pattern», период – все годы, метаанализы и систематические обзоры) было найдено 146 результатов.

Результаты. К вероятно ненормативным графоэлементам и паттернам неонатальной ЭЭГ (Abnormal patterns) относятся перечисленные ниже. Отсутствие электроцеребральной активности (электроцеребральное молчание, «изолиния»). Отсутствие активности означает состояние электрического молчания, отсутствие корковой мозговой электрической активности, даже при высокой чувствительности настроек электроэнцефалографического прибора. Такой паттерн ЭЭГ проявляется в различных клинических ситуациях, наиболее часто при асфиксии и массивном внутримозговом кровоизлиянии. Паттерн вспышка-подавление характеризуется вспышками высокоамплитудной дельта-тета активности и включает также острые волны, спайки, бета-активность. В наиболее тяжелом случае этот паттерн является грубо стереотипным, мало подверженным внешним стимулам и сохраняющимся в течение бодрствования и глубокого сна. Паттерн вспышка-подавление наблюдается после тяжелого поражения головного мозга (вследствие асфиксии, тяжелых метаболических расстройств, инфекций ЦНС и пороков развития головного мозга). Паттерн вспышка-подавление также может быть вызван высокими дозами нейро- и психоактивных веществ. При отсутствии значительных концентраций нейроактивных веществ паттерн вспышка-подавление, как правило, связан с плохим прогнозом (от 85 до 100 процентов неблагоприятного прогноза, в зависимости от исследования) [1].

При голопрозэнцефалии при наличии большой заполненной ликвором кисты ЭЭГ мала по амплитуде или регистрируется изоэлектрическая кривая над пораженной областью. ЭЭГ при лиссэнцефалии (агирия-пахигирия) демонстрирует картину «высокоамплитудной быстрой дизритмии». При синдроме Айкарди характерной особенностью ЭЭГ является наличие паттерна вспышка-подавление, который является полностью асинхронным между двумя полушариями [2]. При неонатальной форме болезни кленового сиропа отмечаются вспышки частотой от 5 до 7 Гц с монофазным отрицательным компонентом (Мю-подобные или гребенчатые), локализующиеся в центральных отведениях и более выраженные во время медленного сна. Положительные роландические острые волны регистрируются и при других врожденных нарушениях обмена веществ, которые связаны с поражением белого вещества головного мозга. ЭЭГ в случае тяжелого, распространенного герпетического энцефалита характеризуется мультифокальными периодическими вспышками дельта волн в височной области, а также во фронтальных и центральных областях.

Выводы. ЭЭГ является методом оценки функционального состояния мозга новорожденных детей из групп риска и служит значительным дополнением при обследовании новорожденного. Выделено две большие группы графоэлементов неонатальной ЭЭГ, корреспондирующиеся с подобными у старших детей. Это - вероятно нормативные графоэлементы и паттерны неонатальной ЭЭГ и вероятно ненормативные (Abnormal patterns) графоэлементы и паттерны неонатальной ЭЭГ. Вероятность различных сценариев развития и исхода у новорожденных и недоношенных детей - ключ к пониманию нормативного и патологического онтогенеза.

1. Douglass, L. Burst suppression electroencephalogram pattern in the newborn: predicting the outcome / L. Douglass, J. Wu, N. Rosman et al. // J. Child. Neurol. – 2002. – Volume 17. – P.403-409.
2. Glass, H. Contemporary Profile of Seizures in Neonates: A Prospective Cohort Study. / H.C. Glass, R.A. Shellhaas, C.J. Wusthoff, T. Chang, N.S. Abend // J. Pediatr. – 2016. - Volume 174. – P.98-103.

Гречаный С.В., Кощавцев А.Г.
ФГБОУ ВО СПбПМУ МЗРФ

Применение методики амплитудно-интегрированной электроэнцефалографии при судорожных состояниях у новорожденных детей

Судороги, ЭЭГ, амплитудно-интегрированная электроэнцефалография (аЭЭГ), дельта диапазон ЭЭГ

Введение. Амплитудно-интегрированная ЭЭГ - это клинически доступный метод непрерывного мониторинга функций мозга у новорожденных детей. аЭЭГ имеет большой потенциал для интерпретации, оценки и поддержки, но мало используется в отечественной неонатальной медицине [1, 2, 3, 5]. Основной целью исследования было дать сравнительную характеристику паттернов аЭЭГ у пациентов отделения патологии новорожденных с судорожными приступами и без них.

Методы. Проведено проспективное, наблюдательное, сравнительное исследование. Для реализации ЭЭГ, аЭЭГ применялась схема с 10 отведениями, наложением электродов согласно международной системы «10-20», монополярно. В отделениях интенсивной терапии отделения патологии новорожденных многопрофильной детской больницы обследовано 52 новорожденных со средним возрастом 20,3 дня. Все дети подверглись рутинному ЭЭГ обследованию в течение 107,7±32,7 минут и математической обработке ЭЭГ с помощью дополнительного программного обеспечения (для получения аЭЭГ-ленты).

Результаты. Было выявлено, что для большинства детей характерны генерализованные тонико-клонические приступы, что соответствует литературным данным [4]. Не отмечено влияния недоношенности на факт наличия или отсутствия судорожных приступов у новорожденных с разным сроком гестации. При анализе аЭЭГ и выделении суммарного индекса частот показано, что суммарный индекс Дельта-частотного диапазона по сравнению с новорожденными без судорог и однократными судорожными приступами достоверно выше. Для выявления порогового значения % суммарные индексы Дельта-частотного диапазона использовалась методика построения ROC-кривой, с точкой отсечения суммарного индекса дельта-активности – 53,5%. При этом значении чувствительность модели составляет 0,636, т. е. 63,6% пациентов, у которых суммарный индекс дельта-активности выше 63,5%, страдают судорожными приступами.

Выводы. При аЭЭГ анализе показано, что суммарный индекс Дельта-частотного диапазона по сравнению с новорожденными без судорог и однократными судорожными приступами достоверно выше, что подтверждает различие клиники и прогноза однократных и повторных пароксизмальных состояний у детей раннего возраста.

1. Кощавцев, А. Интерпретация электроэнцефалографии у детей раннего возраста / А.Г. Кощавцев, С.В. Гречаный // Эпилепсия и пароксизмальные состояния. – 2020. - 12 (1). – С. 9-25. (На рус.) Https://doi.org/10.17749/2077-8333.2020.12.1.9-25.
2. Харламова, Н. Использование амплитудно-интегрированной электроэнцефалографии у глубоконедоношенных новорожденных / Н. Харламова, А. Андреев, А. Маслюкова и др. // Врач. – 2018 – Т. 29, № 8. – С. 59–63. – doi. org/10.29296/25877305-2018-08-15.
3. Burger, C. Amplitude-integrated electroencephalography shows alterations in children born preterm displaying poor literacy precursor skills / C. Burger, M. Biermayr, A. Posod, V. Neubauer, U. Pupp Peglow, K. Kuenz, U. Kiechl-Kohlendorfer, E. Griesmaier // Acta Paediatr. – 2019. - Volume 108(9). – P.1661-1668. - doi: 10.1111/apa.14755. Epub 2019 Mar 10.
4. Kadivar, M. A Comparison Of Conventional Electroencephalography With Amplitude-Integrated EEG In Detection Of Neonatal Seizures / M. Kadivar, E. Moghadam, R. Badv, R. Sangsari, M. Saeedy // Med. Devices (Auckl). – 2019. -Volume 12 – P.489-496. - doi: 10.2147/MDER.S214662.
5. Schreiner, C. Amplitude-integrated electroencephalography signals in preterm infants with cerebral hemorrhage / C. Schreiner, M. Hammerl , V. Neubauer, U. Kiechl-Kohlendorfer , E. Griesmaier // Early Hum. Dev. - 2021. – Volume 154, March 2021, 105309. doi: 10.1016/j.earlhumdev.2021.105309.

Смирнова Я.К.
ФГБОУ ВО АлтГУ

Роль модальности подсказки от взрослого при опозновании объекта интереса у детей с нарушением слуха

Совместное внимание, социальное внимание, обучение, нарушение слуха, кохлеарная имплантация, айтрекер

Введение. Опыт взаимодействия совместного внимания без вербального сопровождения при ранней слуховой депривации может потенциально повлиять на то, как дети устанавливают совместное внимание и воспринимают мультимодальные сигналы от взрослого. Мы исходили из методологических представлений о том, что устойчивый взгляд на объекте в эпизодах совместного внимания может возникнуть как мультимодальное событие (Yu, Smith, 2017), что предполагает существование различных путей достижения скоординированного внимания. Однако, для детей с нарушением слуха требуется отдельное понимание того, какой из этих множественных путей наиболее доступен для данной группы (Tönsing et al, 2025).

Мы используем мультисенсорную методологию отслеживания движения взгляда айтрекером (Castellanos et al, 2018), которая обеспечивает несколько потоков покадровых записей с высокой плотностью записи, что позволяет фиксировать множественные способы, с помощью которых дети с нарушением слуха координируют свое внимание с взрослом.

Наша гипотеза проистекала из предположения, что опыт взаимодействия совместного внимания без вербального сопровождения при нарушении слуха может потенциально повлиять на то, как дети устанавливают совместное внимание и воспринимают мультимодальные сигналы от взрослого.

Цель. При помощи айтрекера через анализ движения глаз детей с нарушением слуха выявить как различные мультимодальные пути инициирования совместного внимания взрослым поддерживают совместное внимание.

Методы. Выборка исследования - 15 дошкольников (M=5,4=; SD=0,8) с сенсоневральной тугоухостью II степени, которым установлен кохлеарный имплантат (средний порог слухового восприятия на частотах 0,5, 1, 2 и 4 кГц – более 90 дБ). Для создания эпизодов совместного внимания взрослый экспериментатор предлагал ребёнку игру, в ходе которой ребёнку нужно будет угадать какой из 4 цветных колец выбрал взрослый, основываясь на подсказке. Было предложено 3 раунда игры, где менялись способы подсказки (зрительным сопровождением скоординированного взаимодействия взглядом, разворотом корпуса тела, мимикой). Регистрация движения глаз осуществлялась с использованием мобильного айтрекера в формате очков Pupil Labs.

Результаты. У детей с нарушением слуха скорость и когнитивная сложность распознавания объекта интереса взрослого, внимание к целевым и нецелевым стимулам, устойчивость поддержания визуального внимания, внимание к социально важным стимулам (лицу взрослого) меняются в зависимости от способа инициирования совместного внимания взрослым (зрительным сопровождением скоординированного взаимодействия взглядом, разворотом корпуса тела, мимикой).

Выводы. Отслеживая движения взгляда в естественных условиях взаимодействия детей с нарушением слуха и взрослого позволило выявить атипичности в интерактивной динамике поведения взгляда, потенциально информируя о диагностических и терапевтических решениях для эффективного установления совместного внимания.

1. Castellanos I., Pisoni D.B., Yu C., Chen C., Houston D.M. (2018) Embodied cognition in prelingually deaf children with cochlear implants: Preliminary findings // In H. Knoors & M. Mar-schark (Eds.), Evidence-based practices in deaf education (pp. 397–416). Oxford: Oxford University Press. 2018. https://doi.org/10.1093/oso/9780190880545.001.0001
2. Tönsing D., Schiller B., Vehlen A. et al. Altered interactive dynamics of gaze behavior during face-to-face interaction in autistic individuals: a dual eye-tracking study // Molecular Autism. 2025. Vol. 16. P. 12 https://doi.org/10.1186/s13229-025-00645-5
3. Yu C., Smith L.B. (2017), Multiple Sensory-Motor Pathways Lead to Coordinated Visual Attention // Cogn Sci. 2017. Vol. 41. P. 5-31. https://doi.org/10.1111/cogs.12366

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 24-28-20061 «Айтрекинг исследование трудностей обучения, связанных с особенностями визуального внимания у детей с нарушением слуха».

Круглякова Т.Р.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности слухового восприятия у детей после кохлеарной имплантации

Кохлеарная имплантация, слуховое восприятие, дети с нарушением слуха, реабилитация

Введение. Целью исследования является выявление специфических особенностей слухового восприятия у детей после кохлеарной имплантации (КИ), а также анализ факторов, определяющих успешность речевого, когнитивного и социального развития. КИ предоставляет детям с тяжёлой тугоухостью уникальную возможность слышать, однако не гарантирует полноценного речевого восприятия без целенаправленной и комплексной реабилитации.

Методы. В работе использован интегративный анализ данных российских и зарубежных исследований (Королёва, Таварткиладзе, Шеннон, Писони и др.). Описаны клинические наблюдения за детьми с КИ, установленных в возрасте от 1,5 до 6 лет. Применялись методы аудиологической диагностики, психолого-педагогического тестирования, опроса родителей и анализа медицинской документации. Особое внимание уделялось возрасту имплантации, длительности глухоты до операции и характеристикам последующей реабилитации.

Результаты. Установлено, что слуховое восприятие у детей с КИ носит качественно иной характер: страдает различение звуков, особенно в шуме; снижается чувствительность к интонации, просодии, тембру. Заметны трудности в понимании длинных и сложных высказываний. У ряда детей выявлены особенности центральной слуховой обработки – нарушения локализации, слухового внимания и памяти. Наиболее успешные результаты достигались при ранней имплантации (до 3,5 лет) и при наличии систематической работы с участием специалистов и семьи. Индивидуальная вариативность результатов остаётся высокой.

Выводы. КИ значительно расширяет возможности развития слуха и речи у детей с глубокой тугоухостью. Однако эффективность этой технологии напрямую зависит от возраста имплантации, качества слухоречевой реабилитации, педагогического сопровождения и условий окружающей среды. Рекомендуется как можно более ранняя диагностика и начало реабилитационных мероприятий. Необходимо развивать инклюзивные и адаптированные образовательные практики, а также поддерживать эмоционально-коммуникативную сферу ребёнка.

1. Кукушкина О. И., Гончарова Е. Л. Особенности слухового восприятия речи детьми после кохлеарной имплантации в условиях инклюзивного образования // Дефектология. – 2019. – № 2. – С. 3–14. – ISSN 0130-3074.
2. Королёва И. В. Кохлеарная имплантация глухих детей и взрослых (электродное протезирование слуха). – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: КАРО, 2019. – 752 с. – ISBN 978-5-9925-1353-0.
3. Таварткиладзе Г. А. Руководство по клинической аудиологии. – Москва: Медицинское информационное агентство (МИА), 2013. – 672 с. – ISBN 978-5-9986-0117-2.
4. Sharma A., Dorman M. F., Spahr A. J. Cortical development and plasticity in children with cochlear implants // Journal of Communication Disorders. – 2002. – Vol. 35, № 6. – P. 479–491. – DOI: 10.1016/S0021-9924(02)00107-9.

Гарбарук Е.С.
ФГБОУ ВО СПбГПМУ

Слуховые вызванные потенциалы в исследованиях слуха у детей раннего возраста: литературный обзор и анализ клинических случаев

Слуховые вызванные потенциалы, тугоухость, дети

Введение. Нарушения слуха, если они своевременно не выявлены, являются причиной задержки развития речи и языка, нарушения формирования социально-эмоциональных и коммуникативных навыков, задержки когнитивного развития и снижения академической успеваемости. Успешность программы ранней помощи для детей с нарушением слуха зависит от многих факторов, одним из ключевых является возраст выявления слуховых потерь. Современные аудиологические методы исследования слуха позволяют оценить функционирование слуховой системы на различных уровнях, начиная от наружного уха и заканчивая слуховой корой. Использование психоакустических тестов ограничено у детей раннего возраста и основную роль в аудиологическом тестировании занимают слуховые вызванные потенциалы (СВП) (Таварткиладзе Г.А., 2024).

При оценке состояния периферического отдела слуховой системы базовым методом является регистрация коротколатентных СВП (КСВП). Применение различных параметров стимуляции, тестирование по воздушной и костной проводимости, регистрация микрофонного потенциала позволяет проводить дифференциальную диагностику между кондуктивной, сенсоневральной тугоухостью, слуховой нейропатии. Важно помнить, что точная оценка слуха должна базироваться на комплексном обследовании слуха, регистрация КСВП должна быть дополнена данными других аудиологических тестов. Такой комплексный подход дает возможность определить состояние слуха с первых дней жизни, выявить периферическую патологию слуха, оптимально сформировать программу помощи, адекватно подобрать и настроить слуховые аппараты/импланты (Durrant et al., 2023).

Оценка функционирования центральных отделов слуховой системы является до сих пор до конца нерешенной, сложной и актуальной задачей. Для определения порогов слуха, оценки созревания слуховой коры у детей разного возраста могут использоваться корковые СВП (комплекс P1-N1-P2-N2). Запись данного вида потенциалов возможна и у детей раннего возраста, однако имеет свои особенности и ограничения (Durrant et al., 2023).

Методы. Анализ и обобщение представленных в литературе данных применения СВП для исследования слуха у детей. Представление клинических случаев регистрации СВП в норме и при различных типах снижения слуха.

Результаты. Данные литературы указывают на высокую чувствительность и специфичность метода КСВП (более 90%) при стимуляции широкополосным щелчок. Для оценки тональных порогов применимы как метод ASSR, так и КСВП, записанные на тональные стимулы (чистые тоны или Chirp-стимулы). Отмечается, что точность данных ASSR снижается при глубокой тугоухости (порогах слуха более 90дБ) (Таварткиладзе Г.А., 2024).

Регистрация комплекса P1-N1-P2-N2 применима для оценки слуховой чувствительности у детей со слуховой нейропатией (Лалаянц и др., 2018). Для оценки эффективности слуховых аппаратов/имплантов применяется запись облигаторных корковых СВП на речеподобные стимулы, в настоящий момент продолжается разработка и внедрение новых типов стимулов и параметров регистрации. Запись комплекса P1-N1-P2-N2 используется в качестве оценки степени зрелости слуховых центров. Выявлено, что у глухих детей после кохлеарной имплантации скорость созревания P1 соответствует скорости у детей с нормальным слухом, но имеет задержку, соответствующую длительности периода глухоты до имплантации (Sharma et al., 2011). В настоящий момент запись корковых слуховых вызванных потенциалов не входит в рутинное обследование врача-сурдолога, однако представляет особый интерес для специалистов по возможности применения в норме и при различных патологиях слуха.

Клинические случаи продемонстрировали высокую информативность стволомозговых СВП для оценки слуховой чувствительности при периферической патологии слуха. В рамках анализа клинического случая слуховой нейропатии показана применимость регистрации корковых СВП, несмотря на отсутствие КСВП.

Выводы. Комплексная аудиологическая диагностика с применением регистрации СВП позволяют с первых дней жизни точно проводить оценку периферического отдела слухового анализатора, что дает возможность своевременно начинать программу ранней помощи при выявлении нарушений слуховой функции у детей.

1. Лалаянц М.Р., Бражкина Н.Б., Гептнер Е.Н., Круглов А.В., Бариляк В.В., Таварткиладзе Г.А. Слуховые вызванные потенциалы у детей с заболеванием спектра аудиторных нейропатий // Вестник оториноларингологии. 2018. 83(4):15-20. https://doi.org/10.17116/otorino201883415
2. Таварткиладзе Г.А. Клиническая аудиология. Национальное руководство в 3 томах. Серия «Национальные руководства». М.: ООО Издательская группа «ГЭОТАР-Медиа», 2024. https://doi.org/10.33029/9704-8237-7-CLA-2024-1-416
3. Durrant, J.D. et al. eds. Basic Concepts of Clinical Electrophysiology in Audiology. San Diego, CA: Plural, 2023.
4. Sharma A., Dorman M. Central Auditory System Development and Plasticity After Cochlear Implantation. In: Zeng, FG., Popper, A., Fay, R. (eds) Auditory Prostheses. Springer Handbook of Auditory Research. 2011. V.39. Springer, New York, NY. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-9434-9_10

Граве П.И., Николаев А.С.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности отражения эмоционального состояния в мимической экспрессии детей 5–7 лет с расстройствами аутистического спектра

Расстройство аутистического спектра, эмоциональное состояние ребенка, мимическая экспрессия

Введение. Изучению отражения эмоциональных состояний типично развивающихся (ТР) детей в мимике посвящены исследования на материале разных языков (Garciá-Guerrero et al., 2022; Lawrence et al., 2015). Немногочисленны исследования характеристик мимической экспрессии и распознавания взрослыми эмоционального состояния детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) (Liu et al., 2023).

Целью данной работы является изучение особенностей отражения эмоционального состояния в мимической экспрессии детей 5–7 лет с РАС с использованием методического подхода оценки эмоциональной сферы детей «Child Emotion Development Method» (CEDM), разработанного в группе по изучению детской речи СПбГУ (Lyakso et al., 2022).

Методы. В исследовании принял участие 21 ребенок в возрасте 5-7 лет: 5 детей имели в анамнезе диагноз расстройства аутистического спектра (F84 – по МКБ-10), 16 типично развивающихся (ТР) детей, выступающих в качестве контрольной группы. При выполнении заданий методики CEDM на отражение эмоциональных состояний дети должны были изобразить базовые эмоции в мимике «радость – нейтральное (спокойное) состояние – печаль – гнев». С целью изучения возможности распознавания взрослыми эмоционального состояния детей по мимике проведён перцептивный эксперимент, в котором приняли участие 5 взрослых (экспертов). Для перцептивного эксперимента была создана тестовая последовательность (видеотест), содержащая 80 фрагментов видеозаписи детей, на которых им было предложено изобразить на лице эмоциональные состояния: радость – нейтральное – печаль – гнев. Перед аудиторами стояла задача на основе просмотра видеотеста определить эмоциональное состояние детей. Инструментальный анализ видеозаписей мимической экспрессии, включённых в видеотест, проводили в программе FaceReader 8v. (Noldus). На основании алгоритмов, заложенных в программе, проводили определение времени проявления эмоциональных состояний: радость – нейтральное – печаль – гнев – страх; а также средних значений активации и валентности эмоциональных проявлений в мимике детей.

Результаты. В работе показаны особенности распознавания взрослыми эмоционального состояния детей с РАС по их мимической экспрессии. Эксперты лучше определяли состояние радости, печали и гнева по мимике детей с РАС по сравнению с ТР детьми. Нейтральное состояние эксперты лучше определяли по мимике ТР детей по сравнению с детьми с РАС. Показаны особенности проявления эмоциональных состояний в мимике ТР детей и детей с РАС. Дети с РАС чаще ТР детей проявляют состояние печали, ТР дети чаще, чем атипично развивающиеся дети проявляют состояние радости, гнева и нейтральное состояние. Проявление в мимике нейтрального состояния у детей с РАС характеризуется отрицательным значением валентности. Наибольшая выраженность эмоциональных проявлений у ТР детей и детей с РАС определена при изображении радости и гнева.

Выводы. Выявлены различия в распознавании взрослыми эмоционального состояния детей с РАС и ТР детей по их мимике в перцептивном эксперименте. На основании инструментального анализа видеозаписей мимической экспрессии показаны особенности проявления эмоциональных состояний детей с РАС и ТР детей.

1. Garciá-Guerrero, M. A., Peña, J., Zubiaurre-Elorza, L., Benítez, D., Hernández, A. M., Oribe, A., Ojeda, N. (2022). Voice, Body Cues and Facial Expression in Emotion Recognition of Spanish Children and Adolescents: The Validation of Bell-Lysaker Emotion Recognition Test. Spanish Journal of Psychology, 25(3).
2. Lawrence, K., Campbell, R., Skuse, D. (2015). Age, gender, and puberty influence the development of facial emotion recognition. Frontiers in Psychology, 6.
3. Liu, S., Wang, Y., Song, Y. (2023). Atypical facial mimicry for basic emotions in children with autism spectrum disorder. Autism Research, 16(7), 1375–1388.
4. Lyakso, E., Frolova, O., Kleshnev, E., Ruban, N., Mary Mekala, A., Arulalan, K. V. (2022).
5. Approbation of the Child's Emotional Development Method (CEDM). ACM International Conference Proceeding Series.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект№(2245-02007), «Разработка междисциплинарного подхода к диагностике и коррекции нарушений эмоциональной сферы детей с использованием методов искусственного интеллекта: кросс-культурное исследование»)

Лаксо Е.Е., Фролова О.В., Турченко П.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Анализ эмоциональной сферы детей с СДВГ и сопутствующими нарушениями: пилотное исследование

Дети с СДВГ, сопутствующие нарушения, эмоции, методика CEDM

Введение. Синдром дефицита внимания/гиперактивности (СДВГ) является одним из типов нарушений нервно-психического развития, который встречается у 5-15% детей. Нарушения эмоциональной сферы (Graziano, Garcia, 2016) не включены в диагностические критерии СДВГ, но предполагается, что специфические особенности эмоций могут рассматриваться в качестве клинического признака (Hernandez et al., 2024). Существуют немногочисленные исследования, указывающие на способность детей с СДВГ (Jusyte et al., 2017) к распознаванию эмоций по мимической экспрессии, и единичные исследования по распознаванию эмоций по речи. Цель исследования – изучение эмоциональной сферы детей с СДВГ и детей с сопутствующими нарушениями с использованием методики CEDM.

Методы. В исследовании приняли участие 92 ребенка в возрасте 5-13 лет, разделенные на основании диагноза на 6 групп: дети с СДВГ (F90, n=10), СДВГ + интеллектуальные нарушения (ИН) (F90+F83, n=16), ИН (F83, n=23), СДВГ+ расстройства аутистического спектра (РАС) (F90+F84, n=10), РАС (F84, n=10) и типично развивающиеся (ТР) дети (n=23). Дети выполняли тестовые задания методики CEDM (Лаксо и др., 2025) на отражение эмоций (ОЭ) в голосе, речи, мимической экспрессии и на распознавание эмоций (РЭ) других людей. Для оценки выполнения каждого задания использовали балльные оценки по шкале Лайкерта. Уровень тревожности детей при выполнении тестовых заданий оценивали по тесту Люшера, их матерей – по опроснику Спилбергера-Ханина.

Результаты. На основании опросников установлены особенности раннего развития детей всех групп. Первые слова у детей с РАС и у детей с СДВГ+РАС появились позже, чем у детей других групп ($p<0.01$ - критерий Манна Уитни). Выявлены значимые различия по баллам за ОЭ между детьми с СДВГ и детьми с СДВГ+РАС, СДВГ+ИН, РАС; по баллам за РЭ – между детьми с СДВГ и детьми с СДВГ+РАС, ИН, РАС (Регрессионный анализ). Только для ТР детей выявлена связь между уровнем тревожности и баллами за выполнение тестовых заданий, для детей с атипичным развитием определяющим является фактор заболевания. Отсутствует значимая связь между уровнем тревожности матерей и их детей.

Выводы. Анализ эмоциональной сферы детей показал, что дети с СДВГ отличаются от ТР детей по выполнению тестовых заданий на ОЭ и РЭ. Худшие показатели выявлены у детей с сочетанными нарушениями – СДВГ+РАС и СДВГ+ИН. Дальнейшие исследования будут направлены на увеличение выборки детей и разделение детей с СДВГ на группы в соответствии с ведущей симптоматикой – нарушение внимания или гиперактивность.

1. Graziano PA, Garcia A. Attention-deficit hyperactivity disorder and children's emotion dysregulation: A meta-analysis // Clinical Psychology Review. 2016. Vol.46. P. 106-123. doi: 10.1016/j.cpr.2016.04.011
2. Hernandez M.L., Garcia A.M., Spiegel J.A., Dick A.S., Graziano P.A. Multimodal Assessment of Emotion Dysregulation in Children with and without ADHD and Disruptive Behavior Disorders // The Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2024. Vol. 53 (3). P. 444-459. doi: 10.1080/15374416.2024.2303706
3. Jusyte A., Gulewitsch M.D., Schönenberg M. Recognition of peer emotions in children with ADHD: Evidence from an animated facial expressions task // Psychiatry Research. 2017. Vol. 258. P. 351-357. doi: 10.1016/j.psychres.2017.08.066
4. Лаксо Е.Е. и др. Методика оценки эмоционального развития детей: Child Emotion Development Method – CEDM. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. https://doi.org/10.52565/9785911553913

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 25-15-00139, «Синдром дефицита внимания с гиперактивностью: объективизация диагностических критериев, патогенетические механизмы, методы искусственного интеллекта для диагностики»)

Кочетков А.Е., Попова Н.Н.
ФГБОУ ВО НГПУ

Задачи нейропсихологической диагностики младших школьников с применением компьютерных технологий

Нейропсихологическая диагностика, младшие школьники, высшие психические функции, компьютерные технологии

В условиях цифровизации нейропсихологическая диагностика младших школьников приобретает большую значимость, поскольку она позволяет отследить особенности работы и дальнейшего развития высших психических функций при регулярном использовании цифровых устройств. Кроме того, цифровые (компьютерные) технологии становятся новым диагностическим инструментом, с помощью которого можно быстрее получать более точные данные. Цель настоящего исследования заключается в выявлении главных задач нейропсихологической диагностики, включающей использование компьютерных технологий. В качестве метода исследования был выбран анализ научной литературы, посвященной нейропсихологической диагностике.

Нейропсихологическая диагностика в детском возрасте направлена на исследование развития высших психических функций.

В ее задачи входят:

- оценка уровня сформированности высших психических функций относительно возрастных норм;
- анализ особенностей психического функционирования в целом;
- определение компенсаторных возможностей высших психических функций в случае их дефицитарности, а также установление причин этого для планирования дальнейшей коррекционной работы (Некрасова, Ахмедова, 2023).

Применительно к младшему школьному возрасту, когда учебная деятельность становится ведущим фактором развития когнитивной сферы, это чрезвычайно актуально. (Выготский, 2023). Вместе с тем, внимание исследователей сосредоточено на выявлении взаимосвязей между применением цифровых технологий в образовании младших школьников и их нейропсихологическими особенностями, поскольку важно минимизировать и по возможности исключить негативные последствия для формирующейся психики. Как примеры таких последствий А.А. Осипова с соавт. приводят снижение объема, устойчивости и концентрации внимания, снижение продуктивности памяти, диспропорции в развитии речемыслительной сферы (Осипова, Лысенко, Бородин, 2020).

В последние годы как в нашей стране, так и за рубежом активно разрабатываются нейропсихологические батареи в виде компьютерных программ и аппаратно-программных комплексов для решения задач нейропсихологической диагностики. Возможности новых технологий были продемонстрированы в исследовании А.А. Корнеева, Е.Ю. Матвеевой и Т.В. Ахутиной, где применялись четыре компьютеризированные методики: тест «Точки», «Таблицы Шульте», «Кубики Корси» и тест на понимание близких по звучанию слов. В результате, авторы заявили, что «компьютерные тесты больше всего полезны как скрининговые методики выявления детей, требующих детального традиционного нейропсихологического исследования» (Корнеев, Матвеева, Ахутина, 2019).

Таким образом, разработка новых инструментов нейропсихологической диагностики с применением компьютерных технологий является перспективным направлением. Тем не менее, традиционные диагностические методы сохраняют свою значимость. Для них, в свою очередь, компьютерные инструменты следует рассматривать не как замену, а как дополнение, обеспечивающее комплексный подход к диагностике и улучшенную обработку данных.

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М: Изд-во АСТ, 2023. 576 с.
2. Корнеев, А.А., Матвеева, Е.Ю., Ахутина, Т.В. Компьютерные методы нейропсихологической диагностики // Вестник БГПУ. Серия: Психология. 2019. № 2. С. 84–89.
3. Некрасова К.А., Ахмедова Э.М. Понятие о детской нейропсихологии и ее текущие тенденции развития // Вестник ММА. 2023. № 2. С. 70-73.
4. Осипова А.А., Лысенко Н.А., Бородин И.А. Цифровизация в начальной школе: психолого-педагогические проблемы // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. 2020. № 3(2). С. 125–140.

Баулина М.Е.
ФГАОУ ВО РГГУ

Ретроспективный анализ раннего развития детей с дискалькулией

Раннее развитие, нейропсихологическая диагностика, дискалькулия

Введение. Дискалькулия рассматривается в современной нейропсихологии как вариант нарушения развития нервной системы, связанный с выраженными трудностями в освоении навыков счёта. Распространенность этого синдрома в популяции находится на уровне 3-8% (Peters et al., 2020). Умение вычислять является сложным навыком, формирующимся на основе таких функций как зрительно-пространственное восприятие, речь, память, соматогнозис, которые активно развиваются в первые годы жизни.

Цель исследования: провести ретроспективный анализ особенностей раннего развития зрительного и зрительно-пространственного восприятия, а также пространственного праксиса у детей с дискалькулией. В исследовании была выдвинута гипотеза о том, что предпосылки развития дискалькулии могут быть выявлены с помощью оценки состояния пространственного компонента восприятия и праксиса в раннем возрасте.

Методы. Исследование включало нейропсихологическую диагностику детей с дискалькулией и анкетирование родителей, включающее вопросы, относящиеся к раннему развитию зрительного и зрительно-пространственного восприятия, а также пространственного праксиса ребёнка. В нейропсихологическое исследование входила Корректурная проба Бурдона, проба на реакцию выбора, субтест теста Векслера «Повторение чисел», запоминание 5 невербализуемых фигур, кубики Кооса, пробы на лицевой гнозис (сравнение похожих лиц и оценка эмоциональных выражений лиц).

Анкета для родителей состояла из 14 вопросов, касающихся сроков развития графомоторных навыков, формирования ведущей руки, навыков копирования, конструирования и самообслуживания в возрасте до 3 лет.

Были обследованы 52 ребёнка: 24 с диагнозом «дискалькулия» в возрасте от 8 до 13 лет (11 девочек, средний возраст = 10,2±1,9 года, и 13 мальчиков, средний возраст = 10,15±1,14 года) и контрольная группа из 28 детей (12 девочек, средний возраст = 11,07±1,8 года, и 16 мальчиков, средний возраст = 11,6±1,7 года).

Результаты. Дети с дискалькулией продемонстрировали выраженные пространственные ошибки при выполнении методики Кубики Кооса и запоминании 5 невербализуемых фигур. Они хуже, чем испытуемые контрольной группы, выполняли задания на лицевой гнозис. Вероятно, лица и лицевую экспрессию можно рассматривать как сложно организованные зрительные стимулы. Также отмечались ошибки при воспроизведении слухоречевых стимулов в обратном порядке, что может указывать на трудности визуального представления детьми этих последовательностей.

Сопоставление результатов нейропсихологической диагностики с анкетой, описывающей раннее развитие детей, показало, что 78% обследованных испытуемых с дискалькулией до 3 лет не рисовали фигуру человека в виде «головонога», у 66% не определилась ведущая рука, 82% не проявляли интереса к складыванию пазлов и к конструированию, 69% испытывали выраженные трудности при освоении навыков самостоятельного одевания.

Выводы

1. Особенности развития детей с дискалькулией распространяются не только на восприятие чисел, форм и пространственных отношений между объектами, но и на восприятие любой зрительно-пространственной информации, и данные трудности могут быть выявлены в раннем возрасте.

2. Полученные результаты согласуются с данными нейрокогнитивных исследований, посвящённых оценке предикторов дискалькулии у младенцев, среди которых трудности субитайзинга (способности делать мгновенную оценку количества предметов в пределах четырёх) (Decarli, 2019).

1. Peters L., Op de Beeck H., De Smedt B. Cognitive correlates of dyslexia, dyscalculia and comorbid dyslexia/dyscalculia: effects of numerical magnitude processing and phonological processing. Res. Dev. Disabil. 2020. doi: 10.1016/j.ridd.2020.103806
2. Decarli G. The two core systems of numerical cognition in infants and developmental dyscalculia (doctoral thesis). Italy: University of Trento. 2019.

Васильева М.Ю., Князева В.М., Дмитриева Е.С.,
Гарбарук Е.С., Бобошко М.Ю., Александров А.А.,
ФГБОУ ВО СПбГУ

Вершинина Е.А.
ФГБУН ИФ РАН

Нейрофизиологические корреляты усвоения новых словоформ у слабослышащих детей с поздно выявленной слуховой дисфункцией

Вызванные потенциалы мозга, семантическое научение, дети, нарушение слуха, слухопротезирование

Введение. Быстрое усвоение новой лексики имеет определяющее значение для увеличения словарного запаса и овладения родным языком на ранних этапах развития. Показано, что в детском возрасте при усвоении родного языка критическое значение имеет особый нейрокогнитивный механизм быстрого ассоциативного научения, т.н. «fast mapping». Данный механизм опосредует сверхбыстрое формирование репрезентаций слов даже после однократного предъявления новых языковых единиц (Carey & Bartlett, 1978). Способность к усвоению родного языка максимально востребована у детей с нарушением слуха, и особенно остро - в популяции детей с поздно выявленной слуховой дисфункцией, в т.ч. с долингвальной нейросенсорной тугоухостью (НСТ), у которых упущен этап естественного овладения родным языком. Однако, изучения нейробиологических основ механизма «fast mapping» у детей данной группы не проводилось. При этом такие исследования являются крайне актуальными в плане разработки новых нейро-реабилитационных и образовательных технологий для данной популяции детей. В связи с этим целью настоящего исследования было изучение особенностей механизма быстрого ассоциативного научения у поздно протезированных слабослышащих детей с НСТ при усвоении новой лексики методом вызванных потенциалов (ВП) мозга.

Методы. Участники: дети (5-8 лет) с двусторонней хронической НСТ 2-4 степени (выявлена после 3-х лет), бинаурально протезированные слуховыми аппаратами после 3-х лет; типично развивающиеся дети (5-7 лет). Использовали парадигму быстрого ассоциативного научения: однократное предъявление в псевдослучайном порядке аудиально-визуальных пар «знакомое слово-знакомый объект»/«незнакомое слово-незнакомый объект» (Vasilyeva et al., 2019). Каждой аудиальной словоформе соответствовал семантический референт (визуальный объект), который располагали на подносе перед ребенком. Акустические стимулы: двусложные слова и псевдослова с родной (например, вапа [vapɐ]) и неродной (например, [thüpɐ]) фонологией, выровненные по акустическим характеристикам. Точкой дивергенции стимула служило начало второго слога. Регистрацию ВП проводили в условиях пассивного прослушивания знакомых и новых словоформ. Для статистической обработки использовали двухфакторный rmANOVA.

Результаты. В группе детей с НСТ выявлено значимое снижение нейрональной активации на интервале 122–172 мс (после точки дивергенции стимула), т.н. «ранний» эффект N400, для новых слов с неродной фонологией, использованных в задаче научения (по сравнению с контрольными стимулами) в правополушарном фронтоцентральном кластере ($p<0.05$). Для новых слов родного языка получено незначительное увеличение амплитуды ВП, отражающее отсутствие эффекта научения. В группе здоровых детей обнаружен значимый эффект однократного семантического научения для новых слов с родной фонологией: снижение нейрональной активации на интервале 182–232 мс (после точки дивергенции стимула) в правом фронтоцентральном кластере ($p<0.05$). Для неродных словоформ аналогичный эффект не зарегистрирован.

Выводы. Выявлены значимые различия процесса лексико-семантической обработки и усвоения словоформ родного и неродного языка у здоровых и слабослышащих детей в условиях быстрого семантического научения. Эффект однократного семантического научения, зарегистрированный как «ранний» компонент N400, получен для словоформ с родной фонологией в группе здоровых детей. Аналогичный эффект N400 для словоформ с неродной фонологией обнаружен в группе детей с поздно диагностированной слуховой дисфункцией. Зарегистрированная нейрональная динамика может отражать быстрое формирование репрезентаций новых слов, опосредованное высокопластичным механизмом «fast mapping».

1. Carey S., Bartlett E. Acquiring a single new word // Pap. & Rep. Child Lang. Dev. 1978. Vol. 15. P. 17–29.
2. Vasilyeva M., Knyazeva V., Aleksandrov A., Shtyrov Y. Neurophysiological correlates of fast mapping of novel words in the adult brain // Front Hum Neurosci. 2019. 13:304.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ №23-25-00108 «Усвоение родного языка и коммуникативная компетенция у детей с долингвальной нейросенсорной тугоухостью: клинические, нейрофизиологические и поведенческие корреляты»

Икс Д.О., Сафонова А.С.
АНО ПО «ИТ ХАБ»

Икс-Оганян С.А., Ванюхина Н.В.
ЧОУ ВО КИУ имени В.Г. Тимирясова

Нейропсихологически обоснованные игровые траектории в платформе EGX.education для ранней помощи: пилотное исследование

Ранняя помощь, нейропсихологические игровые траектории, цифровая платформа, нейропсихологическая диагностика, локализация ВПФ

Введение. Эффективность ранней помощи зависит от качества взаимодействия «специалист-ребенок-семья» (Семенова, Мачинская, 2022; Kouo, Lee, 2023). Цифровая среда открывает новые возможности для нейропсихологической диагностики и коррекции (Глозман и др., 2023), требуя научно обоснованных подходов. Цель пилотного исследования – апробация реализации специфических трёхэтапных игровых траекторий, разработанных на основе нейропсихологических принципов (системная динамическая локализация высших психических функций (ВПФ) А.Р. Лурии (Лурия, 2003), поэтапное восстановление ВПФ в версии Л.С. Цветковой (Цветкова, 2001), в цифровой платформе EGX.education для развития когнитивных функций у дошкольников с рисками развития.

Методы. К пилотному исследованию было привлечено двое участников 5 лет (Л., Н.) с рисками когнитивного развития. Использовали платформу EGX.education (с Unity WebGL играми). Ключевой элемент платформы – трехэтапные игровые траектории («Базовый навык», «Интеграция», «Автоматизация»), основанные на изоляции дефицитарного звена, восстановлении межфункциональных связей и автоматизации навыка. Примеры игр: «Пиратские сокровища» (состав числа 5, этап Базовый навык), «Поезд-Слово» (составление слов, этап Интеграция), «Диалоги с роботом» (коммуникация, этап Автоматизация). Критерии перехода этапов базировались на достижении заданной точности (85 - 90%). Оценку эффективности проводили с помощью структурированного наблюдения, анализа данных платформы, обратной связи от родителей.

Результаты. Во взаимодействии «специалист-ребенок» зафиксировано увеличение средней продолжительности продуктивного сеанса до 25 минут, уровень активности >80%, снижение сопротивления. Во взаимодействии «специалист-семья» родители использовали визуализацию прогресса («виртуальный город») для мотивации. Объективные данные платформы (например, достижение 80% точности на целевом этапе у участника Л.) стали основой для анализа динамики развития. Выявлено, что участник Л. достиг 80% целевых показателей по навыкам, участник Н. – 70%. У Л. навык «состава числа 5» был сформирован за 60 минут игровой практики. Автоматизация сбора данных высвободила около 30% времени специалиста.

Выводы. Пилотное исследование указывает на потенциальную эффективность трехэтапных нейропсихологически обоснованных игровых траекторий в цифровой среде для ранней помощи. Платформа EGX.education обеспечила автоматизированный сбор объективных данных, релевантных нейропсихологической диагностике, способствуя оптимизации работы специалиста и создавая основу для объективно подкрепленной коммуникации с семьей. Результаты подтверждают перспективность разработки и валидации научно обоснованных цифровых инструментов в нейрокогнитивном подходе к ранней помощи. Требуется проведение дальнейших исследований на расширенной выборке.

1. Глозман Ж.М., Соболева А.Е., Варако Н.А. Цифровые инструменты в нейропсихологической диагностике и коррекции: новые возможности и вызовы // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31, № 1. С. 70–89.
2. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2003.
3. Семенова О.А., Мачинская Р.И. (Ред.) Ранняя помощь детям и семьям: теория и практика. М.: Генезис, 2022.
4. Цветкова Л.С. Методика нейропсихологической диагностики детей. М.: Когито-Центр, 2001.
5. Kouo J.L., Lee A. The Effectiveness of a Gamified Application in Developing Social Skills for Children with Autism Spectrum Disorder // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2023. Vol. 53(8). P. 3291–3305.

Кручинина О.В., Гальперина Е.И., Макурина Н.В.
ИЭФБ РАН

Шумилова С.А., Антропова Д.А., Слюсарь Н.А.
НИУ ВШЭ

Нейрофизиологические корреляты детекции грамматических ошибок подростками

ЭЭГ, подростки, ошибки согласования

Введение. Освоение грамматических правил происходит в процессе взаимодействия с носителями языка на основе общих механизмов обучения (Tomasello, 2005). Это длительный и трудоемкий процесс, особенно при освоении сложных морфологических правил и исключений, что отражается в частоте и характере ошибок (Ambridge; Lieven, 2011). Нейробиологические данные связывают усвоение грамматики с созреванием мозга. Показано, что области мозга, участвующие в синтаксической обработке, продолжают созревать и в подростковом возрасте (Friederici, 2011). Русский язык имеет богатую морфологию и сложную систему согласования. В тоже время нет экспериментальных исследований, непосредственно изучающих, как русскоязычные подростки обрабатывают грамматическое согласование и ошибки в нем.

Методы. 20 подростков 14-17 лет носителей русского языка без неврологических и пр. нарушений (протокол этического комитета ИЭФБ РАН 03-02 от 26.02.24 г.).

Стимулы: по 160 целевых предложений одинаковой структуры с целевым стимулом (5 слово для предложений с атрибутивным согласованием и 2 слово - с предикативным) в 4 условиях: верное согласование, ошибка по роду, числу и падежу.

Испытуемые пословно читали 400 предложений (PsyTask версия 1.57.21) в момент регистрации монополярной ЭЭГ (МИЦАР-ЭЭГ-ВП31/8) от 31 электрода, по системе 10/10, в полосе 0.53 – 70 Гц, частота дискретизации 250 Гц,

Расчет связанных с событием потенциалов (ССП) в программе «WinEEG» (2.140.113) от начала предъявления 2/5 слова в предложении (в зависимости от типа согласования). Для статистического анализа усредняли группы отведений ЭЭГ по 9 областям интереса (ОИ). ОЛМ для повторных измерений с поправкой Шидак производили в IBM SPSS Statistics 26.

Результаты. Подростки демонстрируют устойчивую нейронную чувствительность к нарушениям согласования, что проявляется в повышении амплитуды ССП N100, P300, N400 и P600 для ошибок по сравнению с правильными предложениями во всех ОИ. В предикативном согласовании ошибки по роду вызывали большие амплитуды, чем по числу. Отличия амплитуды P300 могут быть связаны с избирательным привлечением внимания к определенным грамматическим признакам. Несовпадения по числу вызывали эффекты LAN/N400, компонента, ассоциирующегося с семантическими аномалиями (Kutas & Hillyard, 1984). Появление отличий по P600 отражает дополнительные усилия, необходимые для обработки информации об ошибках по роду (Faussart et al., 1999). Для предложений с атрибутивным согласованием отличия ССП были выявлены в фронтальных и теменно-височных ОИ билатерально для среднелатентных компонентов и LAN/N400.

Выводы. При сравнении обработки подростками ошибок в атрибутивном и предикативном согласовании выявлено, что N400 и P600 более выражены в предикативном согласовании, а ошибки по роду вызывали большую амплитуду. В атрибутивном согласовании несогласованность по падежу привлекала значительные ресурсы внимания, что отражалось в увеличении амплитуды P300.

1. Ambridge B., Lieven E. V. M. Child language acquisition: Contrasting theoretical Approaches // Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 392 p.
2. Faussart C., Jakubowicz C., Costes M. Gender and number processing in spoken French and Spanish // Rivista di Linguistica, 1999. Vol. 11. No. 1. Pp. 75–101.
3. Friederici A. D. The brain basis of language processing: from structure to function // Physiological Reviews, 2011. Vol. 91. No. 4. Pp. 1357–1392.
4. Kutas M., Hillyard S. A. Brain potentials during reading reflect word expectancy and semantic association // Nature, 1984. Vol. 307. No. 5947. Pp. 161–163.
5. Tomasello M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Harvard University Press, 2005.

Жолудева С.В.
ФГАОУ ВО ЮФУ

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков у детей старшего дошкольного возраста

Эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки, дети дошкольного возраста

Введение. Бурное развитие психологических и педагогических наук породило многочисленные подходы к пониманию сущности, значения, механизмов, средств коммуникации, причин коммуникативных неудач и способов их предупреждения и преодоления. Развитие эмоционального интеллекта находится в основе достижения успеха в различных сферах жизнедеятельности и формирования устойчивых межличностных связей. Умение различать проявление эмоциональных переживаний как своих, так и других людей позволяют ребёнку развивать навык ориентации на другого, придавая субъективное значение реальности. Целенаправленное формирование коммуникативных умений у дошкольников можно рассматривать как важное условие накопления ими положительного коммуникативного опыта, реализуемого в различных ситуациях общения с другими детьми, родителями и педагогами (Бичева, 2022). В возрасте от пяти до семи лет у детей происходит интенсивное развитие эмоциональной сфер личности, проявляется склонность к практическому экспериментированию, обобщению и установлению причинно-следственных связей (Ковынева, Введенский, 2017). Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков у детей старшего дошкольного возраста.

Методы. Исследование проводилось в дошкольном образовательном учреждении Пушкинского района г. Санкт-Петербурга. Выборка составила 40 детей в возрасте от 5 до 7 лет. Сбор данных осуществлялся при помощи методик «Эмоциональная идентификация» (Изотова, 1994) и «Изучение коммуникативных умений - «Рукавички» (Урунтаева, Афонькина, 1995). Для установления взаимосвязей был использован коэффициент корреляции Спирмена. Обработка данных производилась в IBM SPSS Statistics, v. 23.

Результаты. Анализируя полученные данные, можно утверждать, что уровень развития умения договориться напрямую взаимосвязан с тем на сколько хорошо ребёнок старшего дошкольного возраста способен опознавать и вербализировать эмоциональные состояния по экспрессивному комплексу. В процессе исследования была установлена взаимосвязь самоконтроля в деятельности и общении со способностью ребёнка идентифицировать эмоциональные состояния. Умения рационального использования средств совместной деятельности, самоконтроль в деятельности и общении напрямую связаны с тем, как старший дошкольник умеет установить причину эмоционального состояния другого человека. Так же умение вербализировать внутреннее состояние человека положительно влияет на динамику развития коммуникативного умения, а именно умения договариваться, в старшем дошкольном возрасте. В процессе исследования была установлена взаимосвязь умения отношения к результату и взаимопомощи с таким показателем эмоционального интеллекта, как вербализация эмоций. Было установлено, что чем лучше ребёнок может показывать эмоции, а значит понимать их и уметь передавать, тем лучше он будет проявлять коммуникативные умения. Такие дети легко могут выстраивать коммуникационное взаимодействие с ровесниками и старшими людьми, определять эмоциональное состояние партнёра и гармонично выстраивать совместную деятельность, следуя общей цели.

Выводы. Были установлены значимые корреляционные взаимосвязи эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков у детей старшего дошкольного возраста. Дети с высоким уровнем эмоционального интеллекта в большей степени могут идентифицировать эмоциональное состояние собеседника, что способствует выстраиванию коммуникативного взаимодействия и реализации совместной деятельности, умению договариваться, самоконтролю в деятельности и общении, отношению к результату, взаимопомощи и рациональности.

1. Бичева И.Б. Коммуникативные умения и особенности их формирования у дошкольников // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-1. – С. 79-81.
2. Ковынева О.Г., Введенский В.Н. Психологические особенности детей дошкольного возраста // Universum: психология и образование. – 2017. №11 (41).

Гальперина Е.И., Кручинина О.В., Макурина Н.В.
ИЭФБ РАН

Нейрофизиологические корреляты восприятия пассивного залога детьми дошкольного возраста

ЭЭГ, дети, пассивный залог

Введение. Механизмы интерпретации субъектно-объектных отношений описаны у взрослых [1], у детей этот навык необходим для понимания пассивных конструкций, появляющихся в речи русскоговорящих детей к 4-5 годам [2], хотя ошибки в понимании встречаются в 7-8 лет [3]. Дети преимущественно опираются на семантические признаки [4-6], поскольку нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие полноценное использование синтаксиса, созревают не ранее 9 лет [6]. Цель: описать нейрофизиологические корреляты восприятия конструкций с пассивным залогом детьми 4-6 лет.

Методы. Дети 4-6 лет (n=71) выполняли тест на выбор изображения к предложению в активном залоге с прямым порядком слов (АП), пассивном залоге с прямым порядком слов (ПП). ЭЭГ регистрировали от 32 каналов, расчет связанных с событием потенциалов (ССП) производился от начала предъявления каждого слова в предложении. Для статистического анализа ССП усредняли группы отведений ЭЭГ по зонам интереса. Сопоставляли средние амплитуды компонентов ССП для каждого слова на последовательных интервалах с помощью ANOVA.

Результаты. Процент правильных ответов в тесте на сопоставление изображения и предложения ЭЭГ у детей в 4-6 лет составлял от 40 до 98.5%. Были сформированы 2 подгруппы детей 4-5 лет с высоким процентом правильных ответов (> 80 %, n = 17, группа А) и низким (<60%, n = 19, Группа Б).

Во всех группах отличия амплитуды вызванного ответа в предложениях ПП и АП были выявлены на третьем слове в предложении. В группе А достоверные отличия амплитуды вызванного ответа выявились во фронто-центральных отведениях во временном окне 200-400 мс и 400-600 мс. В теменно-височных зонах интереса левого полушария - 300-400 мс и 500-600 мс, а для правого полушария - 300-400 мс.

В группе Б отличия амплитуды вызванного ответа выявились на 500-600 мс во фронто-центральных отведениях, а также в теменно-височных зонах справа на 300-400 мс.

У детей 6 лет достоверные отличия проявились на 200-300 мс, а также на 500–700 в теменно-височной области справа. Амплитуда во всех временных отрезках была выше для предложений с пассивным залогом.

Выводы. Выявлены возрастные изменения нейрофизиологических механизмов, связанных с восприятием сложных синтаксических конструкций у детей 4–6 лет. Они отражаются в изменениях амплитуды ССП фронто-центральной и теменно-височных областей левого полушария при восприятии третьего слова в предложении. Регистрировалась позитивность на 200–600 мс, распространяющаяся от фронто-центральных до височно-теменных зон обоих полушарий. Понимание сложных конструкций у детей 4–5 лет связано с активностью фронто-центральных и височно-теменных областей, особенно левого полушария.

1. Gattei C., Tabullo Á., París L., Wainselboim A. The role of prominence in Spanish sentence comprehension: An ERP study // Brain Lang. 2015. Vol 150. P. 22–35.
2. Vasilyeva M., Huttenlocher J., Waterfall H. Effects of language intervention on syntactic skill levels in preschoolers // Dev Psychol. 2006. Vol. 42 (1) P. 164–174.
3. Ахутина Т., Корнеев А., Матвеева Е. Возрастная динамика понимания логико-грамматических конструкций у младших школьников и ее мозговые механизмы // Специальное образование. 2017. Vol.3(47) P. 15–31.
4. Kruchinina O., Stankova E., Guillemard D., Galperina E. The Level of Passive Voice Comprehension in the 4–5 Years Old Russian Children Reflects in the ERP's // J Evol Biochem Phys. 2022. Vol.58(2) P.395–409.
5. Kruchinina O., Stankova E., Guillemard D., Galperina E. Passive Voice Comprehension during Thematic-Role Assignment in Russian-Speaking Children Aged 4–6 Is Reflected in the Sensitivity of ERP to Noun Inflections // Brain Sci. 2022. Vol.12 P. 693.
6. Skeide M., Friederici A. The ontogeny of the cortical language network // Nat Rev. Neurosci. 2016. Vol.17 P. 323–332.

Броништейн С.С., Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Вовлеченность родителей в реализацию программы раннего вмешательства

Родительская вовлеченность, раннее вмешательство, семейно-центрированный подход

Несмотря на широкое применение семейно-центрированного подхода и наличие научно обоснованных практик в системе ранней помощи, комплексных исследований, посвященных изучению родительской вовлеченности, остается недостаточно (Guralnick M. J., 2004), при этом известно, что уровень вовлеченности родителей в программах помощи детям варьируется (Morawska A., 2006). Изучение этого феномена важно для совершенствования программ раннего вмешательства с учетом актуальных потребностей ребенка и его семьи (Whittaker K. A., 2010).

Цель исследования: изучение взаимосвязей между психологическими характеристиками ухаживающих за ребенком взрослых и их вовлеченностью в реализацию программы раннего вмешательства.

Обследовано 37 родителей из семей, получающих раннюю помощь на этапе реализации программы. Методики: Шкалы депрессии и тревоги А. Бека, опросник родительского отношения А. Я Варги, В. В. Столина, Шкала воспринимаемого стресса S. Cohen, G. Williamson, Многомерная шкала восприятия социальной поддержки G. Zimet, адаптированный опросник комплаентности Д. Мориски, Л. Грин, опросник родительской вовлеченности, составленный на основе исследования Hackworth N. J. et al. 2018, социально-демографическая анкета. Математические методы: корреляционный анализ с применением критерия r-Пирсона, кластерный анализ методом k-средних.

Результаты свидетельствуют о том, что большинство родителей демонстрирует средний уровень вовлеченности в программы ранней помощи, проявляя наибольшую активность во взаимодействии со специалистом на занятии и наименьшую – в применении рекомендаций в повседневной жизни. У родителей выявлено преобладание симптомов депрессии в основном на уровне умеренных и субдепрессии, а также преимущественно незначительный уровень тревожности. Вовлеченность родителей отрицательно коррелирует с депрессивностью ($r = -0{,}420$, $p \leq 0{,}05$) и положительно с тревожностью ($r = 0{,}334$, $p \leq 0{,}05$). В отношении родителей к детям преобладают высокий уровень принятия и кооперации. В выборке наблюдается преимущественно средний уровень стресса у родителей, при этом наблюдается отрицательная корреляция между стрессом и внедрением рекомендаций в повседневную практику ($r = -0{,}642$, $p \leq 0{,}05$). Родители в данной выборке оценивают социальную поддержку высоко, при этом обнаружена отрицательная корреляция между поддержкой со стороны значимых других и посещаемостью занятий ($r = -0{,}432$, $p \leq 0{,}05$).

Вывод: таким образом, родительская вовлеченность взаимосвязана с особенностями эмоциональной сферы, восприятием стресса и уровнем социальной поддержки, что необходимо учитывать при реализации программ ранней помощи.

1. Guralnick M. J. Family Investments in Response to the Developmental Challenges of Young Children with Disabilities // Family Investments in Children's Potential: Resources and Parenting Behaviors That Promote. Eds. Kalil A., DeLeire T. Success (1st ed.). Psychology Press. 2004. P. 119-137;
2. Morawska A., Sanders M. A review of parental engagement in parenting interventions and strategies to promote it. // Journal of Children's Services 1, 2006. P. 29-40;
3. Whittaker K. A., Cowley S. An effective programme is not enough: A review of factors associated with poor attendance and engagement with parenting support programmes. // Children and Society. 2010. P. 138–149;
4. Hackworth N. J., Matthews J., Westrupp E. M. What Influences Parental Engagement in Early Intervention? Parent, Program and Community Predictors of Enrolment, Retention and Involvement // Prev Sci. 2018. P. 880-893.

Удалова А.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Андрущенко Н.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ, ФГБОУ ВО «СЗГМУ им. И. И. Мечникова»

Родительский стресс и взаимодействие в семьях, включенных в Денверскую модель

Дети с расстройством аутистического спектра, Денверская модель ранней помощи, родительский стресс, детско-родительское взаимодействие

По МКБ-10, признаки расстройства аутистического спектра (РАС) возможно диагностировать примерно к третьему году жизни, они представлены функциональными ограничениями в трех областях: мотивационной сфере, социальном взаимодействии и коммуникации (МКБ-10).

Денверская модель ранней помощи считается одной из наиболее эффективных для детей с высоким риском РАС за последние десятки лет (Старикова О. В. и др., 2022).

Родители ребенка с высоким риском РАС повержены повышенному уровню стресса из-за клинико-психологических особенностей своих детей и изменения привычного уклада жизни (Миланич Ю.М., 2014). Денверская модель ранней помощи предполагает использование родительского коучинга для снижения родительского стресса, однако, отмечается недостаток научных исследований, оценивающих воспринимаемый родителями уровень стресса и особенности эмоциональных компонентов детско-родительских взаимодействий в семьях, воспитывающих детей с риском наличия РАС и включенных в программы ранней помощи (Роджерс С. Дж. и др., 2016).

Целью исследования является анализ показателей родительского стресса и эмоционального компонента детско-родительского взаимодействия в семьях, воспитывающих ребенка раннего возраста с высоким риском наличия РАС, получающих услуги ранней помощи в рамках Денверской модели.

Материалы исследования: Исследование проводилось в Санкт-Петербургском Институте Раннего Вмешательства и Городском Центре реабилитации развития при ДГБ №1. Согласие на исследование дали 17 родителей (15 матерей, 2 отца). Возраст детей в исследовании составил от 1,5 лет до 4. У всех детей из этих семей были показатели по шкале M-CHAT, позволяющие предположить риск наличия расстройства аутистического спектра и умеренные ограничения по доменам «Коммуникация» и «Межличностное взаимодействие» при их оценке по матрице оценки активности и участия. Всем детям была рекомендована индивидуальная программа ранней помощи в рамках Денверской модели.

Методы исследования:

- Структурированное интервью
- Матрица для оценки активности и участия («Matrix of Assessment of Activities and Participation», Castro S., Pinto A.P., 2012)
- Модифицированный скрининговый тест на аутизм для детей («M-CHAT», Robins, Fein & Barton 1999)
- Опросник эмоциональных отношений в семье («ОДРЭВ», Захарова Е.И., 1997)
- Методика «индекс родительского стресса» («Parenting Stress Index», PSI-K-36, Abidin, 1995)
- Методика «шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale», Berry J.O., Jones W.H., 1995)

Результаты и выводы:

Родители детей с высоким риском наличия РАС склонны оценивать свое взаимодействие с ребенком как вызывающее повышенный уровень стресса, однако, при этом демонстрируют эмоциональную вовлеченность и удовлетворенность от взаимодействия, что свидетельствует о наличии внутренних ресурсов и опор в родительской роли.

Чувствительность и эмоциональное принятие ребенка являются важным ресурсом для снижения уровня родительского стресса.

Родительский стресс имеет универсальный характер и обусловлен особенностями воспитания ребёнка с риском наличия РАС, а не социально-демографическими факторами.

1. Миланич Ю.М. Реализация семейных функций как критерий оценки психологического благополучия семьи ребенка с нарушением развития // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. МКБ - 10
2. Роджерс С. Дж., Доусон, Дж. Висмара Л.А. Денверская модель раннего вмешательства для детей с аутизмом: как в процессе повседневного взаимодействия научить ребенка играть, общаться и учиться. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2016. 416 с.
3. Старикова О. В., Дворянинова В. В., Баландина О. В. 2022

Протопопова И.В., Чернего Д.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Эмоциональное выгорание как профессиональный риск воспитателей детских садов компенсирующего вида

Эмоциональное выгорание, профессиональный стресс, дошкольное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья, детские сады компенсирующего вида

Введение. Эмоциональное выгорание – распространённая форма психоэмоционального истощения среди специалистов «помогающих профессий», включая воспитателей детей с ограниченными возможностями здоровья (Jovanović et al., 2019). Исследования показывают, что педагоги, работающие в инклюзивном или компенсирующем дошкольном образовании, особенно подвержены этому синдрому из-за интенсивных межличностных взаимодействий, высокой ответственности и необходимости постоянной адаптации к разнообразным потребностям детей (Candeias et al., 2021).

В последние десятилетия в России наблюдается устойчивый рост числа дошкольных учреждений, ориентированных на работу с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Сегодня компенсирующие группы входят в структуру значительной части детских садов, а охват дошкольным образованием приближается к полному. Это делает проблему эмоционального выгорания воспитателей, работающих с данной категорией детей, особенно актуальной.

Воспитатели компенсирующих ДОУ ежедневно вовлечены в эмоционально насыщенную работу с детьми с разными нозологическими особенностями, координацию с коллегами и взаимодействие с родителями, что увеличивает профессиональные вызовы и риск выгорания (Jovanović et al., 2019; Ishibashi et al., 2022).

Ранее показано, что при уходе за ребёнком с особыми образовательными потребностями ведущим проявлением выгорания является эмоциональное истощение, а уровень социальной поддержки часто минимален (Савенышева, Разыграева, 2024), что подчёркивает значимость изучения факторов, влияющих на эмоциональное выгорание специалистов в этой сфере.

Целью настоящего исследования является изучение уровня профессионального выгорания у воспитателей компенсирующих дошкольных учреждений.

Методы. В исследование включены педагоги, работающие в дошкольных образовательных учреждениях компенсирующего вида и общеразвивающего вида. Диагностика эмоционального выгорания проводится с использованием опросника Maslach Burnout Inventory в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой 2009 г.

Результаты. Эмпирический материал исследования в настоящее время находится на стадии обработки и анализа. Полученные данные позволят получить более полное представление об уровне профессионального выгорания среди педагогов, работающих с детьми с ОВЗ, и оценить специфику выраженности компонентов выгорания в зависимости от особенностей профессиональной среды.

Выводы. Эмоциональное состояние воспитателей имеет важное значение в их профессиональной работе и играет значимую роль в качестве их взаимодействия с детьми.

1. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. В. Синдром эмоционального выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Речь, 2009.
2. Савенышева С. С., Разыграева Ю. С. Родительское выгорание, посттравматический рост и социальная поддержка матерей детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 1. С. 128–142. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.108
3. Candeias, A. A., Galindo, E., Calisto, I., Borralho, L., & Reschke, K. Stress and burnout in teaching. Study in an inclusive school workplace // Health Psychology Report. – 2021. – Vol. 9, № 1. – P. 63–75. – DOI: 10.5114/hpr.2020.100786.
4. Ishibashi, S., Tokunaga, A., Shirabe, S., Yoshida, Y., Imamura, A., Takahashi, K., Kawano, K., Iwanaga, R., & Tanaka, G. Burnout among kindergarten teachers and associated factors // Medicine. – 2022. – Vol. 101, № 38. – Article e30786. – DOI: 10.1097/MD.0000000000030786.
5. Jovanović, V. R., Karić, J., Hinić, D., Stojanović, G., Džamonja-Ignjatović, T., & Mihajlović, G. Burnout syndrome in special education teachers working with children with developmental disorders // Engrami. – 2019. – Vol. 41, № 2. – P. 21–29. – DOI: 10.5937/engrami1902021J.

Корж М.О.
НИУ ВШЭ

Киш И.Р., Битова А.Л.
РБОО Центр лечебной педагогики «Особое детство»

Лянгузова Е.В.
РООРДИ «Дорогою добра»

Влияние процедуры сообщения диагноза ребенка на ожидания родителей

Процесс информирования родителей об инвалидизирующем диагнозе ребенка может оказывать продолжительное воздействие на эмоциональное состояние членов семьи, определяя их способности к преодолению кризисной ситуации (Hsiao, 2007; Jalali et al., 2023). Целью исследования является анализ влияния процедуры сообщения диагноза на уровень диспозиционного оптимизма родителей – когнитивную установку, отражающую генерализованные ожидания относительно будущего (Гордеева и др., 2021).

Эмпирическая база исследования представлена количественным опросом, проведенным в период с 6 декабря 2024 г. по 30 января 2025 г. с применением целевой выборки в 14 регионах РФ. В итоговую выборку исследования вошли 1189 родителей детей, у которых в возрасте до 3 лет был выявлен инвалидизирующий диагноз или имелось подозрение на него. Большинство опрошенных – женщины (97.9%), средний возраст составляет 38 лет. В качестве зависимой переменной рассматривается уровень диспозиционного оптимизма родителей, фиксировавшийся при помощи адаптированной версии шкалы ТДО-П (Гордеева и др., 2021).

Согласно данным опроса, уровень оптимизма значимо различается в зависимости от периода сообщения информации о подозрении диагноза и предоставления врачом дополнительных сведений о нем ($H(5) = 22.60$, $p < .001$). Особенно выражены различия в первый месяц жизни ребенка: пояснения в отношении предполагаемого диагноза увеличивают средний уровень оптимизма родителей на 26.83%. Кроме того, на эмоциональном состоянии родителей сказывается стиль коммуникации, который использует медицинский работник. Более эмпатичная и ориентированная на понимание собеседником информации форма разговора приводит к более высоким показателям оптимизма среди родителей при сообщении как официального диагноза ($r(776) = .33$, $p < .001$), так и подозрения на него ($r(295) = .35$, $p < .001$). Кроме того, благотворное воздействие на восприятие ситуации оказывает психологическая помощь ($t(258) = 2.63$, $p = 0.008$ при сообщении о подозрении, $t(706) = 3.93$, $p < .001$ при сообщении официального диагноза). Анализ социально-демографических характеристик опрошенных позволил выявить, что значимым предиктором оптимизма родителей при сообщении официального диагноза ребенка выступает количество членов семьи ($r(776) = .14$, $p < .001$), что может свидетельствовать о влиянии поддержки социального окружения на восприятие информации.

Таким образом, ключевыми факторами, оказывающими положительное воздействие на оценки родителями своих жизненных перспектив, выступают стиль и форма сообщения информации об инвалидизирующем диагнозе ребенка или подозрении на него, наличие необходимых пояснений, а также доступная инфраструктура поддержки.

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 18 (1). С. 34–55. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-34-55
2. Hsiao J.L., Evan E.E., Zeltzer L.K. Parent and child perspectives on physician communication in pediatric palliative care // Palliative and Supportive Care. 2007. Vol. 5 (4). P. 355–365. https://doi.org/10.1017/S1478951507000557
3. Jalali R., Jalali A., Jalilian M. Breaking bad news in medical services: a comprehensive systematic review // Heliyon. 2023. Vol. 9 (4). P. e14734. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e14734

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Каган А.В., Плотникова Е.В., Кочорова Л.В., Андрущенко Н.В.
ФГБОУ ВО «ПСПбГМУ им. акад. И.П. Павлова» Минздрава РФ

Никитина О.Г., Парикваш А.В.
СПб ГБУЗ «Городская Поликлиника №51»

Особенности взаимодействия с родителями и семьями детей раннего возраста, рождённых недоношенными

Недоношенные дети, родители, психологические проблемы

Введение. Ранние годы развития детей оказывают огромное влияние на всю их дальнейшую жизнь, в частности на физическое, эмоциональное и психическое развитие личности. Кроме того, очень важно оценивать возможности родителей при рождении ребёнка с перинатальной патологией, требующего к себе особого внимания.

Целью проведённого социологического исследования явилась оценка родителей, обратившихся в СПб ГБУЗ «Детский городской многопрофильный клинический специализированный центр высоких медицинских технологий» (далее Центр), оказывающий реабилитационную помощь детям с перинатальной патологией.

Методы и материалы. В опросе приняли участие 295 родителей, средний возраст которых составил 34,95±1,7 лет.

Результаты. Материалы показали, что у 1/3 матерей младенцев с вышеуказанной патологией при рождении имеются клинически значимые признаки депрессии или страха (в 10% случаев отмечаются симптомы тяжёлой депрессии). Стрессовое состояние зависит от опыта и психологической устойчивости (молодость, отсутствие других детей). Из общего числа опрошенных родителей большая часть (34,1%) были неработающими, заметная часть (26,8%) – работающими, почти каждый четвёртый (22,0%) – сотрудник коммерческой организации, и 17,1% – служащие. Высокий удельный вес неработающих граждан обусловлен тем, что более половины (54,0%) из-за появления ребёнка с особенными потребностями были вынуждены отказаться от рабочей деятельности одного из родителей.

Социальное положение отличалось у лиц разного возраста, но эти различия оказались незначительны. Наибольшая доля неработающих зафиксирована среди респондентов самой молодой (до 30 лет) и самой старшей (40 лет и более) возрастных групп (60,0% и 50,0%) в сравнении с возрастной категорией 30-39 лет (28,1%).

Наиболее трудным и требующим значительных временных ресурсов является первый приём недоношенного ребёнка. Как правило, родители обращаются в Центр через 1 месяц после выписки ребёнка домой, возраст последнего при этом приблизительно равен 4 месяцам жизни.

Много времени уходит на подготовку родителями ребёнка к осмотру и адаптацию к атмосфере приёма. Сложной, особенно при первом посещении, является установка контакта с родителями, которые остро переживают преждевременное рождение ребёнка в плане неопределённости прогноза. Доверительные отношения с лечащим врачом необходимы для формирования благоприятного психологического климата в семье. Поэтому очень важным является вопрос времени нахождения родителей с детьми в реабилитационном Центре в течение одного дня госпитализации. Анализ результатов анкетирования показал, что более половины родителей (58,8%) находились в Центре каждый день в течение госпитализации в дневной стационар 2-3 часа, и в равных долях распределились родители с временем нахождения в Центре менее 2-х и более 3-х часов. Естественно, что на ежедневное нахождение в Центре оказывали влияние и социальные факторы. Так, можно отметить, что никто из родителей, участвующих в анкетировании и имеющих в семье 3 детей, не находился в Центре более 3-х часов.

При беседах с родителями выявлены факторы, способствующие их адаптации: стремление к взаимодействию, повышение комплаенса, настойчивость, пластичность, высокая активность. Установлено, что такие семейные особенности как открытость, взаимопонимание, отсутствие конфликтов, сплочённость обеспечивают лучшую адаптацию к болезни.

Выводы. Таким образом, семья с больным ребёнком – это проблема не только медицинская, но и психологическая, социальная, экономическая. Всегда следует принимать во внимание положение как самого ребёнка, так и его родителей, активно участвующих в реабилитационных мероприятиях.

Мельникова А.А., Андрущенко Н.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Балинтовские группы как метод профилактики профессионального выгорания у специалистов помогающих профессий

Профессиональное выгорание, балинтовская группа, специалисты помогающих профессий

Введение. Профессиональное выгорание остаётся значимой проблемой для специалистов помогающих профессий, особенно психологов-консультантов. Высокая эмоциональная вовлечённость, постоянный контакт с дистрессом клиентов и недостаточный уровень внешней поддержки повышают риск истощения (Водопьянова, Старченкова, 2008; Maslach & Leiter, 2016). В поиске эффективных форм профилактики всё чаще обращаются к балинтовскому подходу – групповому формату, направленному на рефлексию терапевтических взаимодействий (Винокур, 2019). Целью настоящего исследования является определение влияния участия в балинтовских группах на профилактику профессионального выгорания, с акцентом на выявление механизмов, способствующих сохранению эмоциональных и личностных ресурсов специалистов помогающих профессий.

Методы. В пилотном исследовании приняли участие 20 практикующих психологов-консультантов: 10 участвующих в балинтовских группах и 10 не участвующих. Использованы валидизированные русскоязычные версии опросников: Maslach Burnout Inventory (MBI), шкала воспринимаемого стресса PSS-10 (Золоторева, 2023), тест жизнестойкости (адаптация Осиным и Рассказовой), а также Опросник отношения к работе и профессионального выгорания (ОРПВ; Винокур, 2019). Проведён сравнительный анализ по каждой методике.

Результаты. Результаты анализа по MBI показали статистически значимые отличия между группами по двум шкалам: «Эмоциональное истощение» ($p = 0{,}003$) и «Редукция профессионализма» ($p = 0{,}016$), с более высокими показателями у не участвующих в БГ. По шкале жизнестойкости наблюдаются значимые различия в общем индексе ($p = 0{,}047$), а также по шкале «Контроль» ($p = 0{,}017$), указывая на более высокий уровень устойчивости у участников БГ.

Для шкалы PSS-10 различия по общей оценке воспринимаемого стресса также достигли статистической значимости ($p = 0{,}024$), в том числе по субшкале «перенапряжение» ($p = 0{,}011$). По ОРПВ значимые различия были получены по шкалам «Эмоциональное истощение» ($p = 0{,}002$), «Напряженность» ($p = 0{,}004$), «Общая самооценка» ($p = 0{,}049$) и «Здоровье и адаптация» ($p = 0{,}030$), подтверждая различия в психологическом состоянии между группами.

Выводы. Полученные данные указывают на потенциал балинтовских групп как ресурса профилактики профессионального выгорания. Участники БГ демонстрируют более низкий уровень эмоционального истощения и стресса, а также более высокий уровень жизнестойкости и самоэффективности. Это согласуется с предыдущими исследованиями эффективности балинтовского подхода (Huang et al., 2020; Gong et al., 2024). Расширение выборки позволит подтвердить полученные результаты и оценить долгосрочный эффект.

1. Винокур В. А. Балинтовские группы: история, технология, структура, границы и ресурсы: учебное пособие / В. А. Винокур. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: СпецЛит, 2019. – 263 с.Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. (2008). Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер.
2. Золоторева А.А. Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14) // Клиническая и специальная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 18–42. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2023_n1/Zolotareva
3. Gong, B., Zhang, X., Lu, C., Wu, C., & Yang, J. (2024). The effectiveness of Balint groups at improving empathy in medical and nursing education: a systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. BMC medical education, 24(1), 1089. https://doi.org/10.1186/s12909-024-06098-3
4. Huang, L., Harsh, J., Cui, H., Wu, J., Thai, J., Zhang, X., Cheng, L., & Wu, W. (2020). A Randomized Controlled Trial of Balint Groups to Prevent Burnout Among Residents in China. Frontiers in psychiatry, 10, 957. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00957

Гусева С.В.
Ассоциация детских психологов и специальных педагогов
в помощь детям с особенностями развития «Содействие»

Труфанов Д.О.
ФГАОУ ВО «СФУ», ЦСИ «Мониторинг общественного мнения»

Чадина К.В.
ЦСИ «Мониторинг общественного мнения»

Факторы субъектности семьи в ранней помощи

Ранняя помощь, субъектность семьи, факторы субъектности семьи в ранней помощи

Введение. Субъектность семьи в ранней помощи – ключевая характеристика вовлеченности семьи в процессы реализации задач ранней помощи. Вместе с тем, понятие субъектности семей в ранней помощи не имеет устоявшейся дефиниции, мало изучены факторы развития субъектности семей в ранней помощи.

Методы. В 2025 г. авторами реализуется исследование факторов субъектности семей в ранней помощи. Теоретическая часть нацелена на разработку модели субъектности семьи в ранней помощи и ее эмпирических референтов, практическая часть – на выявление факторов развития субъектности семей. Эмпирическая база - семьи, получающие раннюю помощь в Ассоциации детских психологов и специальных педагогов в помощь детям с особенностями развития «Содействие», г. Тула. Метод – сплошной анкетный опрос (38 семей, электронная анкета).

Результаты. Субъектность семьи в ранней помощи определена как состояние семьи или семейной группы, которое проявляется в деятельности по решению задач развития детей до 3 лет с ограничениями жизнедеятельности и риском появления таких ограничений. Источником групповых решений и действий выступает коллективность членов семьи, члены семьи занимают активную позицию по отношению к реализации ранней помощи, семья демонстрирует самостоятельность и самодостаточность в осуществлении данной деятельности. Характеристики субъектности семей в ранней помощи: адаптивность (способность корректировать цели и ожидаемые результаты работы с ребенком в зависимости от достигаемых результатов), вовлеченность (понимание методов ранней помощи и их целей, участие в занятиях с детьми, применение методов в домашних условиях), компетентность (члены семьи демонстрируют родительские компетенции во взаимодействии с ребенком в контексте реализации ранней помощи), контроль (способность оценивать практику ранней помощи в отношении ребенка, выделять виды деятельности, направленные на достижение результатов), социальная направленность (способность родителей формировать сенситивную социальную атмосферу в семье для достижения целей ранней помощи), ресурсность (способность к мобилизации ресурсов для достижения целей ранней помощи), самостоятельность (семья ощущает себя центром ответственности в отношении помощи ребенку).

Анализ результатов анкетного опроса показал, что наиболее развитыми аспектами субъектности семей в ранней помощи являются вовлеченность, самостоятельность, компетентность, адаптивность. Семья ощущает себя источником поддержки и развития ребенка, нацелена на участие в процессах работы с ним. В то же время фиксируются ослабленное ощущение ценности опыта семьи в помощи ребенку, сомнения в собственной компетентности и состоятельности как субъекта ранней помощи.

Основные факторы субъектности семей – развитие специалистами ранней помощи способности родителей оценивать, рефлексировать и прогнозировать в отношении развития ребёнка, фактор помощи семьи и сообществ, партнерство и паритетное взаимодействие специалистов с родителями, стимулирование самостоятельности семьи в реализации ранней помощи.

Выводы. Различные аспекты субъектности семей в ранней помощи получают неодинаковое развитие в ходе взаимодействия семей со службами ранней помощи. Семья в целом ощущает себя центром и активным субъектом помощи ребенку, но нередко обесценивает свой опыт и компетентность. Основные источники развития субъектности семей – подходы к взаимодействию с семьей со стороны служб ранней помощи, а также потенциал семей и сообществ.

Исследование выполнено за счет гранта Фонда президентских грантов (проект №25-1-008814, «Семьи в ранней помощи: от преодоления трудностей к новым возможностям устройства своей жизни»)

Степанова В. А., Нечаева Т. Н.
БФ «Даунсайд Ап»

Анализ потребностей семей при организации ранней помощи семье ребенка с синдромом Дауна

Дети с синдромом Дауна, семья ребенка с ОВЗ, ранняя помощь.

Введение. Опыт функционирования ранней помощи детям с ОВЗ на данном этапе ее развития, дает возможность специалистам провести анализ того, на сколько запланированные эффекты этой системы, оправдывают ожидания как специалистов, так и родителей. Специалисты БФ «Даунсайд Ап» проводят опросы благополучателей, направленные как на качественный, так и на количественный сбор и анализ потребностей семей, имеющих опыт включения в различные звенья системы ранней помощи фонда.

Цель исследований заключается в совершенствовании как качества оказываемых услуг, так и разработку новых форм поддержки семьи с особым ребенком.

Метод: онлайн- опрос (окт.-нояб.2021 г.), - выборка 764 чел., онлайн-опрос (октябрь-декабрь 2023 г.), - выборка 1108 чел. Семьи зарегистрированы в фонде и получают очную и дистанционную поддержку.

Результаты. Главными приоритетами для большинства родителей являются эмоциональное благополучие и физическое развитие ребёнка – базовые потребности, о которых говорят в равной степени родители детей всех возрастов. Чем старше ребёнок,тем важнее становятся развитие умения общаться, а также возможность физической активности. При этом, у родителей остается тревога о будущем ребенка (испытывают время о времени или часто 94% семей). Одиночество и социальную изоляцию, отсутствие поддержки близких испытывают 43% семей. Усталость – 88%, неуверенность в своих силах – 82% респондентов (в основном матери), депрессивные переживания – 54%, трудности контакта с ребенком – 54%. (2) Анализ предпочтительных форм психологической поддержки выявил следующее: на первом месте оказалась значимой поддержка со стороны других родителей (родительское сообщество) – 28% респондентов отметили ее, разовые очные консультации психолога – 22%, разовые дистанционные консультации психолога– 18%, семейное консультирование – 18%, вебинары, ролики, статьи на темы психологии – 18%, работа психолога с группой родителей – 14%, длительная психотерапия – 11% и другие формы. 16% ответили, что не нуждались в психологической поддержке. (3)

Вывод. Эти и другие данные подтверждают, что семьи, воспитывающие ребенка с ОВЗ испытывают значительную психологическую нагрузку и нуждаются в простроенной системе поддержки (Rutter TL., et al, 2024). Центр сопровождения семьи, отвечая потребностям семей на первом этапе их включения в программы фонда, организует психологические группы по переживанию травмы рождения ребенка с синдромом Дауна (Фюр, 2012), группы детско-родительского взаимодействия (с 1 до 3 лет), индивидуальное психологическое консультирование. Специалисты фонда проходят обучение, в частности, у фонда имеется опыт наблюдения за младенцами по методу Э.Бик (Степанова, Калина, 2013). Все это способствует повышению эмоционального благополучия родителей и их детей, включенных в раннюю помощь.

1. Психоаналитическое наблюдение за младенцами по методу Эстер Бик на примере ребенка с синдромом Дауна. / В.А. Степанова, О.Г. Калина. // Журнал «Синдром Дауна 21 век». – 2013 г. - № 2 (11). – С. 12-16
2. Потребности семей, в которых воспитывается ребенок с синдромом Дауна. Сайт БФ Даунсайд Ап. https://downsideup.org/analytics/potrebnosti-semey-v-kotorykh-vospityvaetsya-rebenok-s-sindromom-dauna/(датаобращения 04.07.2025)
3. Психологическая поддержка семей с людьми с синдромом Дауна. Результаты опроса. Сайт БФ Даунсайд Ап. https://downsideup.org/upload/iblock/186/2o0m6xcn5zn1y2ubboqub5kg8s1pnteh/Психологическая%20помощь_потребности_2023.pdf (дата обращения 04.07.2025)
4. Фюр Г. «Запрещенное» горе / Г. Фюр. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 60 с.
5. Rutter TL, Hastings RP, Murray CA, Enoch N, Johnson S, Stinton C. Psychological wellbeing in parents of children with Down syndrome: A systematic review and meta-analysis. Clin Psychol Rev. 2024 Jun;110:102426. doi: 10.1016/j.cpr.2024.102426. Epub 2024 Apr 6. PMID: 38652972.

Мухамедрахимов Р.Ж.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Интегративная теоретическая модель раннего вмешательства

Дети, семья, раннее вмешательство, теории, интегративная модель

Введение. Проведенные в различных странах мира исследования детей младенческого и раннего возраста привели к формированию междисциплинарного раннего вмешательства, ориентированного на развитие детей и поддержку семей, и раннего вмешательства, направленного на содействие становлению психического здоровья ребенка в контексте отношений с близким взрослым. Определение ранней помощи детям и их семьям, закрепленное в Федеральном законе, сочетает положения, характерные для обоих направлений (№ 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» с изменениями от 25.12.2023, статья 93). Настоящая работа посвящена анализу концепций, лежащих в основе различных направлений раннего вмешательства, и представлению интегративной теоретической модели.

Метод. В работе использовались поиск, анализ, систематизация и обобщение теоретических концепций в области раннего вмешательства,

Результаты. К настоящему времени системные, разделяемые международным профессиональным сообществом теоретические положения раннего вмешательства представлены в единой концепции раннего вмешательства и специального образования (Odom, Wolery, 2003), в модели систем развития (Guralnick, 2001), динамического взаимодействия поведения и репрезентаций матери и ребенка (Stern, 1995), раннего вмешательства, направленного на содействие формированию привязанности (van IJzendoorn et al., 2023), а также в принципах раннего вмешательства исходя из данных психологии развития и психоаналитических представлений (Emde, Robinson, 2000). Несмотря на различия в подходах, эти положения и модели объединяет общее понимание множественности контекстов, влияющих на развитие младенцев и детей раннего возраста, важности внимания к семье, как ведущему контексту развития, к контексту отношений ребенка. Интегративная теоретическая модель, предлагаемая на основании анализа представленных выше концепций и дополнительных научных данных, включает положения динамической семейной системы взаимодействия с добавлением состояния его участников, представления о потенциальном влиянии на семью стрессоров контекстов развития ребенка с дополнением стрессоров, связанных с общественными условиями и факторами среды обитания (Мухамедрахимов, 2025).

Вывод. Интегративная теоретическая модель раннего вмешательства сочетает положения, характерные как для междисциплинарного раннего вмешательства, ориентированного на поддержку семьи и развитие ребенка, так и раннего вмешательства в области психического здоровья, направленного на повышение качества взаимодействия и отношений в системе «родитель – ребенок».

1. Мухамедрахимов Р.Ж. Теории раннего вмешательства: перспектива интегративной модели // Вестник СПбГУ. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. (Принято в печать).
2. Emde R.N., Robinson J. Guiding principles for a theory of early intervention: A developmental–psychoanalytic perspective // Handbook of early childhood intervention / Shonkoff J.P., Meisels S.J. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 2000, P.160–178.
3. Guralnick M.J. A developmental systems model for early intervention // Infants and Young Children. 2001. Vol. 14, no. 2. P.1-18.
4. Odom S.L., Wolery M. A unified theory of practice in early intervention/early childhood special education: Evidence-based practices // The Journal of Special Education. 2003. Vol. 37, no. 3. P.164–173.
5. Stern D.N. The motherhood constellation: a unified view of parent-infant psychotherapy. New York: BasicBooks. 1995.
6. van IJzendoorn M.H., Schuengel C., Wang Q., Bakermans-Kranenburg M.J. Improving parenting, child attachment, and externalizing behaviors: Meta-analysis of the first 25 randomized controlled trials on the effects of Video-feedback Intervention to promote Positive Parenting and Sensitive Discipline // Development and Psychopathology. 2023. Vol.35, no. 1. P.241-256.

Лорер В.В.
ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России
ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П. Павлова Минздрава России

Организационно-методические основы ранней помощи детям и их семьям в Российской Федерации

Ранняя помощь детям и их семьям, ограничение жизнедеятельности, дети группы риска

Введение. Развитие ранней помощи детям и их семьям в РФ на системной основе берет начало с 2016 года, когда была утверждена Концепция развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года. С 2021 года организация оказания ранней помощи осуществляется с учетом положений Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов. Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 651-ФЗ закреплено понятие ранней помощи детям и их семьям, которая является одним из основных направлений комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, включающим комплекс мероприятий и услуг, реализуемых и оказываемых на междисциплинарной основе детям от рождения до трех лет (независимо от наличия инвалидности), которые имеют ограничения жизнедеятельности либо риск развития ограничений жизнедеятельности, и их семьям. Период с 2025 по 2030 годы можно отметить как переходный этап в развитии ранней помощи детям и их семьям в Российской Федерации. Целью исследования явилось изучение состояния ранней помощи детям и их семьям в РФ на начальном этапе переходного периода.

Методы. Анализ региональных нормативных правовых актов, программ и планов мероприятий. Анализ данных мониторинга состояния ранней помощи детям и их семьям по форме статистического наблюдения №1-РП «Сведения по ранней помощи детям целевой группы» от 85 субъектов Российской Федерации за 2024 год. Анализ проводился Федеральным методологическим и методическим центром развития ранней помощи детям и их семьям.

Результаты. По данным статистического наблюдения общая численность детей, которые нуждались в ранней помощи (целевая группу), составила 265367 человек (2023 г. – 269406 чел.). Распределение внутри целевой группы показало: 12,8% составили дети-инвалиды, 84,9% – дети группы риска, 2,3% – дети с генетическими нарушениями без инвалидности. Доля детей, нуждающихся в ранней помощи, составила 5% от общей численности детей в возрасте от рождения до трех лет в РФ. Анализ инфраструктуры ранней помощи в РФ показал, что в 2024 году функционирует 7138 организаций (2023 г.–7296). Распределение организаций по основным сферам в 2024 году показало, что 63,3% организаций создано в сфере образования, в сфере здравоохранения - 22,6 %, в сфере социальной защиты населения - 13,5%. По данным федерального наблюдения в 2024 году численность специалистов, оказывающих услуги ранней помощи, составила 41066 человек (2023г.-41853 чел.). Доля специалистов, прошедших обучение составила 25,6 % (2023 г. - 28,2%).

Выводы. Результаты мониторинга показали, что в субъектах РФ сформирована система ранней помощи на основе нормативных правовых актов, действующих до 2025 года. Наблюдаемое снижение численности детей, отнесенных к целевой группе, числа организаций, сокращение доли специалистов, прошедших обучение, может быть связано с оптимизацией системы ранней помощи в соответствии с новым законодательством.

1. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2016 № 1839-р «Об утверждении Концепции развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204218/
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.12.2021 № 3711-р «Об утверждении Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405017/
3. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2023 г. № 651-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Москва, Кремль, 2023. 33 с. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250054

Wu Y. Y.
SPbSU

Muhamedrahimov R. J.
SPbSU

Perception of early intervention among Chinese professionals in connection with their socio-demographic characteristics

Early intervention, Chinese professionals, socio-demographic characteristics, perceptions

Family-Centered Early Intervention, by empowering families and integrating ecological resources, can significantly increase intervention efficacy (Dawson et al., 2010) and generate high rates of return (Heckman, 2015). Although China emphasizes family centrality at the policy level, practice is still limited by strong theoretical transplantation, insufficient local innovation, and urban-rural implementation disconnects (Feng et al., 2015; Hu & Yang, 2013). The purpose of this study was to explore perceptions of early intervention and factors influencing it among Chinese early interventionists.

The methods of the study were the Chinese version of the FINESSE TEAM scale (McWilliam, Bainter & Hankey, 2016; Russian version by Muhamedrahimov & Palmov, 2024), and a socio-demographic questionnaire. The sample consisted of 37 Chinese professionals aged 23-40 years, 17 males and 20 females, 81.1% from first-tier cities (more than 15 million inhabitants) and 18.9% from non-first-tier cities, including 22 professionals working in family-centered interventions.

The results indicate that there is a significant difference between perceptions of typically practices (mean score: 4.31+1.13 on a 7-point scale) and ideal practices (6.17+0.84) in early intervention. Professionals with a higher level of education showed an orientation towards developmental and integrative use of equipment and assistive technology in their typical practices, and a greater orientation towards early help in the natural environment in their ideal practices during home visits. Professionals in family-centered services were more likely in their perceptions of typical and ideal practices to have a philosophy of working with close adults and families, and in their perceptions of ideal practices to have explicit intervention goals for the child. Professionals from Tier 1 cities were more likely in their ideal representations to indicate a team-based model of early intervention, with a designated primary professional working with the family and regular case discussions facilitated by a team member, and to indicate explicit intervention goals for the child.

The findings of this study reflect urban-rural limitations in resources, policy support, and training, emphasizing the need to bridge the difference between typical practices in early intervention and ideal perceptions through enhanced training, equitable resource allocation, and policy reforms to improve early intervention for Chinese children and their families.

1. Dawson G., Rogers S., Munson J., Smith M., Winter J., Greenson J., ... & Varley J. Randomized, controlled trial of an intervention for toddlers with autism: the Early Start Denver Model // Pediatrics. 2010. Vol. 125 (1). P. e17–e 23.
2. Feng, S. W., Li, K., Li, Y., & Zhang, M. X. Survey on the status and needs of welfare services for disabled children // Disability Research. 2015. Vol. 3. P. 33–39.
3. Heckman, J. J. Policies to foster human capital // Research in Economics. 2015. Vol. 54(1). 3–56.
4. Hu X., Yang X. Early intervention practices in China: Present situation and future directions // Infants & Young Children. 2013. Vol. 26 (1). P. 4–16.

Скобелина Н.А.
ФГАОУ ВО ВолГУ

Психологическая служба ранней помощи в учреждении социального обслуживания населения

Ранняя помощь, психолог, кейс-стади, экспертное интервью, центр социального обслуживания

Введение. Актуальность тематики, связанной с организацией деятельности психолога в службе ранней помощи, обусловлена тем, что проблема с психическим здоровьем в раннем возрасте влияет на дальнейшее развитие человека. В связи с этим, важно на этапе жизни ребенка от 0 до 3 лет заложить основы хорошего психического здоровья и таким образом организовать помощь, чтобы устранить факторы риска на раннем этапе жизни человека. Цель данного исследования заключается в определении форм и способов деятельности психолога в службе ранней помощи в центре социального обслуживания населения.

Методы. Для достижения цели использовался метод кейс-стади. В качестве кейса определен Кировский комплексный центр социального обслуживания населения (г. Волгоград). На первом этапе исследования были проанализированы документы, регулирующие деятельность субъектов службы ранней помощи детям от 0 до 3 лет и их семьям. На втором этапе методом экспертного интервью были опрошены психологи, оказывающие услуги ранней помощи (n=5).

Результаты. В отделении психолого-педагогической помощи психологи оказывают услуги детям из семей, находившихся в социально-опасном положении и детям, родители которых заметили особенности в развитии и поведении своего ребенка. Психологи делают акцент на том, что проблемы с психическим здоровьем в раннем возрасте влияют на жизненный путь ребенка, поэтому важно заложить основы психического здоровья на этапе от 0 до 3 лет. «Работа проводится по различным программам. Например, по индивидуальной программе «Первые шаги». В процессе ее реализации у ребенка формируется предметная деятельность, происходит развитие различных видов движений (психолог 1). Эксперты подчеркивают, что проводят занятия для развития психики, эмоционального настроя ребенка в игровой форме. «Мы придерживаемся принципа: в этом возрасте никаких учебных занятий» (психолог 2). Для ознакомления с возрастными особенностями ребенка и вовлечения родителей в воспитательный процесс используется программа «Активная поддержка родителей» (психолог 2). «Программы нацелены не только на психическое здоровье детей от 0 до 3 лет, но и на родителей для улучшения их психического развития» (психолог 5). «Программа «Растем вместе» направлена на повышение компетентности родителей в вопросах развития, социальной адаптации детей».

Психологами используется и групповой подход. Занятия проводятся с группой родителей с детьми. «Обычно на занятия приходят с ребенком мамы, папы бывают очень редко. Такие занятия проводятся для повышения настроения, улучшения самочувствия родителей и ребенка, для развития коммуникативных навыков детей» (психолог 4). С целью повышения родительской компетентности психологи проводят беседы и консультации с родителями. Эксперты отмечают, что в последние два – три года (после COVID-19) снизился интерес родителей к тренингам личностного роста.

В реабилитационное отделение дети направляются учреждением социальной защиты населения с медицинским заключением, справкой об инвалидности. Психологи реабилитационного отделения работают с детьми с ОВЗ и детьми, у которых могут в дальнейшем развиться стойкие нарушения функций организма. Специалисты проводят диагностику для выявления и анализа психического состояния и индивидуальных особенностей личности. Акцент сделан на индивидуальном подходе к каждому ребенку. В реализации программ «Мы вместе», «Поверь в себя» принимает участие психолог, родители и ребенок. «Два раза в месяц я провожу консультации с родителями. Групповые занятия, онлайн-занятия и выездные реабилитационные мероприятия мы не проводим. Только индивидуальные, и в учреждении» (психолог 3).

Выводы. В Кировском комплексном центре социального обслуживания населения психологическая помощь оказывается в реабилитационном отделении и отделении психолого-педагогической помощи. В службе ранней помощи психологи, опираясь на семейно-ориентированный, индивидуальный и групповой подходы и используя большое количество методик и программ, осуществляют свою деятельность двумя способами: в соответствии с индивидуальной программой ранней помощи, либо без нее. Услуги предоставляются в полустационарной форме без выезда на дом в офлайн-формате. В ходе исследования эксперты отметили незаинтересованность родителей в тренингах, направленных на личностное развитие.

Тишкина А.А.
АНО «Этика»

Бывальцева Т.П.
АНО «Этика»

Проект «Единая национальная система родительского просвещения»

Семья; родительская компетентность; демография; традиционные ценности; национальная безопасность

Острая демографическая ситуация, кризис института семьи, снижение численности состава семьи, снижение мотивации на рождение детей, проблема бесплодия, рост социального сиротства, рост депрессивных расстройств и неврозов среди детей и подростков, а также иные проблемные вопросы семьи и детства свидетельствуют о необходимости качественного изменения подхода к вопросам родительского просвещения и поддержки семьи. Нами проанализировано значительное количество исследований, которые подтверждают неоспоримую связь перечисленных проблем с уровнем развития родительских компетенций.

Результатом изучения теоретических изысканий и нашей практической деятельности стала предлагаемая нами Единая национальная система родительского просвещения. Полагаем, что создание Единой федеральной программы с централизованной платформой обеспечит идеологическую основу проекта и оптимизацию расходов государства.

Цели проекта:

Просвещение родителей ради оздоровления нации, улучшение демографической ситуации, снижения уровня социального сиротства, и, как следствие - уровня преступности, укрепление в российском обществе традиционных и культурных ценностей.

Задачи проекта:

Повышение родительской компетентности, профилактика социальных рисков, формирование просемейной идеологии, стимулирование ответственного родительства, обеспечение родителям доступа к научно-обоснованной и бесплатной информации.

Форма реализации:

Создание экосистемы, которая включает:

- единую цифровую образовательную платформу (интеграция с Госуслугами);
- кураторское сопровождение от планирования беременности до совершеннолетия ребенка;
- семейные центры на местах, работающие по единой программе;
- стимулирование интереса родителей к успешному освоению программы и повышению родительских компетенций - с помощью налоговых вычетов, дополнительных дней отпуска, дополнительных выплат к материнскому капиталу и т.д. Мы предложили рассмотреть ряд изменений законодательство Российской Федерации.

Неполный перечень блоков обучающей программы:

- Программа для пар, готовящихся к родительству
- Программа для пар столкнувшихся с бесплодием
- Программа для новоиспеченных пап
- Программа «Дети младенческого и раннего возраста с особыми потребностями»

В каждом блоке рассматриваются различные аспекты жизни пары и семьи: физиологические, медицинские, психологические, юридические и т.д.

Ожидаемые результаты к 2035 году:

Показатель	Целевое значение
Охват родителей	80%
Снижение социальных расходов благодаря данной Программе	Более 120 млрд руб. год
Рост рождаемости в участвующих семьях	+ 15%
Снижение детской смертности	- 25-30%
Готовность семей к повторным родам	+28%
Снижение количества случаев послеродовой депрессии	- 30%
Снижение подростковых суицидов	- 30%
Улучшение детской успеваемости	+30% к среднему баллу

Сегодня в нашей стране уделяется большое внимание вопросу родительского просвещения. Существует множество эффективных, но разрозненных программ, направленных на формирование родительской компетентности, разработанных и внедрённых Министерствами и ведомствами РФ. Мы мы предлагаем объединить лучшие наработки, методики, практики, исследования и материалы на едином он-лайн портале и в Единой государственной программе просвещения родителей. Убеждены, что научно обоснованный контент вкупе со стимулирующими мерами, сформируют со временем у родителей понимание естественности и важности процесса повышения родительской компетентности.

1. Захаров А.И. 40 лет наблюдений детских неврозов // Журнал Вопросы психического здоровья детей и подростков №2, 2018
2. Belsky, J., Steinberg, L., & Draper, P., Childhood experience, interpersonal development, and reproductive strategy: An evolutionary theory of socialization., 1991
3. Bandura, A. Self-efficacy: The exercise of control., 1997

Колкова С.М.
ГБУ ДПО СПб АППО

Позитивное принятие ребенка с особыми потребностями специалистами ранней помощи

Самопринятие, позитивное принятие другого, механизмы развития принятия

Введение. Способность безусловно позитивно принимать ребенка с особыми потребностями необходима для эффективной работы в ранней помощи. Эта способность непосредственно связана с безусловным самопринятием: осознания и признания своих чувств, позитивного отношения к разным частям своего Я. Цель: описание варианта реализации психологических механизмов, способствующих развитию безусловного самопринятия.

Метод. Тренинг развития самопринятия посредством реализации механизмов.

Результаты. Описание реализации психологических механизмов, способствующие развитию безусловного самопринятия

Выводы. Необходимо создавать условия не только функционального, но и личностного развития специалистов, работающих с людьми с особыми потребностями.

Работа с детьми с особыми потребностями предполагает наличие у специалистов комплекса гуманистических качеств, отсутствие каждого из которых делает недостаточно эффективным выполнение им профессиональной деятельности. К.Роджерс выделяет три основные установки в качестве необходимых и достаточных условий любого позитивного изменения личности человека в любых коммуникативных контекстах - безусловное позитивное принятие, эмпатическое понимание и конгруэнтное самовыражение.

Позитивные изменения личности невозможны без понимания человеком самого себя, своих особенных эмоциональных проявлений, своих ограничений. Пока не будет достигнута ощутимая степень осмысления, специалист будет не в состоянии распознать ситуацию, в которой он, вероятно, подвергается влиянию каких-то своих предубеждений и эмоций.

Началом, основой развития гуманистических качеств личности является ее безусловное самопринятие. Карл Роджерс считал, что самопринятие играет наиболее важную роль в развитии личности и её психического здоровья. Гуманистически развивающаяся личность, начинается с безусловного самопринятия, как позитивного отношения к разным частям своего Я, осознания и признания своих чувств (Роджерс, 1994).

Теоретический анализ позволил нам выделить психологические механизмы, способствующие развитию безусловного самопринятия:

- осознавание истинных эмоциональных состояний и собственных бессознательных форм реагирования;
- принятие собственных реально действующих мотивов. Выделяя данные механизмы, мы ориентировались лишь на начало процесса развития, понимая необходимость дальнейшего личностного саморазвития.

Реализация механизмов при работе со специалистами в форме разработанного нами тренинга имеет следующие этапы:

1). Осознавание истинных эмоциональных состояний, чувств и защитных форм поведения включает в себя три последовательных содержательных части:

Создаются условия для обращения специалистов к собственному бессознательному и для осознавания своих истинных чувств и эмоций, защитных форм поведения. Для этого объективируются амбивалентные состояния, которые вызывают внутренний конфликт между социально одобряемыми и неодобряемыми эмоциями.

Объективация аффективных состояний происходит с помощью метода сопереживания ситуации (Флейк-Хобсон, 1992), модифицированного нами.

2). Развитие целостности личности происходит через принятие собственных реально действующих мотивов. Выделяются конфликтующие части собственного «Я» (субличности), понимаются сущности целостного «Я», происходит усиление собственное «Я», становление его способности разрешать конфликты между субличностями, принимать каждую из них.

1. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс Универс, 1994.
2. Флэйк-Хобсон К. Мир входящему: Развитие ребенка и его отношений с окружающими. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1992.

Богданова Ю.Г.
Кэпт

Сопровождение детей с негативным детским опытом как объект исследования

Сокращение младенческой смертности ведет к росту количества детей с нарушениями развития. Это само по себе повышает их уязвимость. В силу стресса, трудностей ухода, частых госпитализаций и медицинских манипуляций их родители испытывают повышенную нагрузку. Нередко родители исключены из процессов принятия решения, особенно в медикализированной среде. Вследствие этих факторов объем неблагоприятного детского опыта (НДО) для этой группы детей растет. Они подвергаются токсическому стрессу (ТС) чаще и интенсивнее обычных сверстников (Parker-McGowan, 2023). И источники ТС лежат в разных контекстах жизни ребенка. НДО имеет прямую связь с разными видами устойчиво нарушенного здоровья во взрослом возрасте (Felitti, 2002). Таким образом повседневная жизнь уязвимых детей в большой степени сопряжена с НДО и его последствиям, в том числе через нарушения условий для формирования надежной привязанности (Crowell, 2003).

Современные программы раннего вмешательства (ранней помощи) специфичны к разным видам неблагоприятного детского опыта и могут сдерживать или даже предотвращать его наступление, значительно снижая негативное воздействие. Большинство стран ищет экономически посильные и эффективные форматы помощи уязвимым детям, имеющим НДО. В нашей стране также есть хорошие примеры. Их преимущество в постоянстве и длительности сопровождения. Один из примеров -программа «Уверенное начало» БФ Кэпт, работающая в формате домашнего визитирования (ДВ). Этот формат позволяет учитывать и нативно интегрировать изменения в контексты жизни семьи. Похожие стратегии использует БФ «Отказники» в программе для детей-сирот с нарушением развития.

Цель планируемого исследования практик – выявить, проанализировать и систематизировать подходы оказания помощи биологическим и замещающим семьям посредством домашнего визитирования, а также посредством длительных программ сопровождения для снижения негативного детского опыта.

1. Parker-McGowan Q. Comprehensive assessment and diagnosis across diverse settings. // Zero to tree. 2023. June, P.13-20
2. Felitti V. The relation between adverse childhood experience and adult health. // The permanente journal. 2002. Vol. 6. P. 44-47.
3. Crowell J. A. Assessment of attachment security in a clinical setting, observation of parents and children. // Developmental and behavioral pediatrics. 2003. Vol. 24 (3). P. 199-204.

Труфанов Д.О.
ФГАОУ ВО СФУ, Матвеева О.М.

Матвеева О.М.
РОО Красноярский центр лечебной педагогики

Чадина К.В.
ООО Центр социологических исследований

Дефициты родительских компетентностей в ранней помощи: опыт исследования

Введение. Трудности во взаимодействии родителей с детьми, получающими услуги служб ранней помощи, являются критически значимыми для развития ребенка в семье. Дефициты родительских компетенций снижают качество семейной помощи и поддержки детей, эффективность реализации ранней помощи. В 2024 г. авторами проведено исследование с целью выявления и оценки дефицитных родительских компетенций, создающих трудности во взаимодействии родительниц с детьми, получающими услуги служб ранней помощи.

Методы. Эмпирическая база - семьи, получающие услуги ранней помощи в учреждениях социальной защиты Красноярского края. Реализовано онлайн-анкетирование (55 семей), изучена распространённость родительских дефицитов, проведена серия глубинных интервью с родительницами (8 респондентов), описаны дефициты, создающие трудности во взаимодействии с детьми.

Результаты. В клиентских семьях выявлены основные дефициты родительских компетентностей: понимание возрастных и индивидуальных особенностей развития ребенка, понимание индивидуальной программы помощи ребенку, способность использовать предлагаемые во время занятий в центре способы развития ребенка в домашних условиях, неуверенность родителей в своих знаниях и решениях в отношении развития детей, затруднения при выборе правильных подходов к взаимодействию с ними, затруднения в оценке динамики состояния и развития ребёнка (мамы нуждаются в инструкциях по взаимодействию с детьми, в освоении методов научения ребёнка самостоятельности в разных бытовых и гигиенических вопросах), владение приемами эффективной коммуникации с ребенком (мамы не всегда понимают сигналы ребенка, не знают, как создать условия, чтобы помочь ему сформировать навыки повседневной активности в домашних условиях), способность мамы работать со своими негативными эмоциональными состояниями – раздражительностью и агрессией вследствие накопленной усталости и истощения личностного ресурса, критичность к информации о развитии детей с особенностями и использование полученной информации на практике.

Помимо дефицитов родительских компетентностей исследование выявило потребность родителей в общении с другими семьями, которые имеют схожие трудности. Выявленные дефициты могут быть частично компенсированы с помощью мероприятий, нацеленных на развитие родительских компетенций. В результате реализации проекта «Компетентная мама - успешный малыш» в РОО «Красноярский центр лечебной педагогики» наблюдается улучшение способности мам понимать свои эмоции, отслеживать изменения состояния и справляться с негативными эмоциональными проявлениями, способности самоконтроля в отношениях в семье, способности брать ответственность за решения в отношении взаимодействия с ребенком, организовывать взаимодействия с детьми во время игры и повседневных рутин.

В то же время усилился дефицит, связанный со способностью делегировать задачи взаимодействия с ребенком и помощи ему другими членами семьи. Результаты фиксируют возросшую сосредоточенность мам на ребенке, укрепление позитивного отношения к себе, как к основному субъекту, ответственному за развитие ребенка.

Выводы. Дефициты родительских компетенций семей в ранней помощи проявлены как при взаимодействии родителей с детьми, так и в управлении собственными личностными ресурсами и эмоциональными состояниями родителей. Дефициты поддаются изменениям. При этом могут возникать сложности, в связи с отказом от включения в процесс развития и воспитания ребенка других членов семьи.

Илюшина М.И.
Калужский институт (филиал) АНО ВО МГЭУ

Водопьянова Н.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Актуализация субъективной ресурсообеспеченности родителей при ранней помощи семье

Ресурсы, ресурсообеспеченность, субъективная ресурсообеспеченность, ранняя психологическая помощь

С появлением ребенка в семье жизнь родителей меняется кардинально и бесповоротно. Множественные заботы, трудности, бесконечные тревоги, исчерпанные ресурсы порождают усталость и наступает момент, когда кажется, что «все силы кончаются». В таких условиях может возникнуть апатия или агрессия по отношению не только к детям, но и к самим себе, служить триггером для родительского выгорания.

Как не допустить «растрату» ресурсов до того, как возникнет их дефицит?

Данный вопрос один из важных вопросов при организации ранней психологической помощи семье с ребенком. Решение данного вопроса возможно при организации работы по актуализации субъективной ресурсообеспеченности родителей.

Ресурсообеспеченность есть субъективное отражение «ресурсной базы» (набора ресурсов) как достаточной и необходимой в виде критериев и образов достижений, переживаний, когнитивно-аффективных оценок личных возможностей, внешних и внутренних условий психологического благополучия и качества его жизни (Водопьянова Н.Е., 2009).

Под субъективной ресурсообеспеченность родителей мы понимаем многомерный конструкт, отражающий субъективную оценку родителями необходимых и достаточных, имеющихся, приобретенных и потраченных ресурсов в процессе и в целях воспитания детей.

Родителям необходима знание о собственных ресурсах, как о системе внутренних и внешних условий, способствующих психологической устойчивости в трудных жизненных ситуациях для качественного воспитания и развития детей и себя как родителей (Илюшина М.И., Артемова О.В., 2016).

Нахождение баланса между затраченными и приобретенными ресурсами определяет актуализацию субъективной ресурсообеспеченности.

Психологическая помощь психолога по актуализации субъективной ресурсообеспеченности включает в себя диагностический и коррекционный этапы. На первом диагностическом этапе осуществляется оценка субъективной ресурсообеспеченности, включающая субъективную оценку «потраченных» и «приобретенных» ресурсов родителями. На коррекционном этапе проводится работа по «поддержанию» знаний относительно своих ресурсов; по «добавлению» себе потенциальных ресурсов; по «редактированию» набора имеющихся и потенциальных ресурсов; по «исключению» неактуальных ресурсов.

Целью нашего исследования являлось выявление субъективной оценки «потраченных» и «приобретенных» ресурсов родителями и их дифференциация между отцами и матерями. Выявление специфики детерминации субъективной ресурсообеспеченности отцов и матерей.

План исследования заключался в проведении опроса отцов и матерей. В исследовании применялись психодиагностические методики: «Индивидуально-типологический опросник» (Собчик Л.Н., 2010) и опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Н.Е. Водопьянова, 2009).

Обнаружено, что мужчины имеют более высокий показатель ресурсообеспеченности (ИР) (1,18, $p \leq 0,01$), чем женщины (1,05, $p \leq 0,01$). Статистически значимых различий между «потраченными» и «приобретенными» ресурсами не выявлено. В исследовании отмечена специфика детерминации субъективной ресурсообеспеченности отцов и матерей

Результаты исследования приводят к выводу о необходимости разработки модели психологической помощи молодым родителям для повышения их ресурсообеспеченности и внедрение ее в психологические центры поддержки семьи. Полученные результаты и цель легли в основу наших дальнейших исследований.

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
2. Илюшина М.И., Артемова О.В. Технология выявления и аккумуляции родительских ресурсов // Психологическая газета. 14.01.2016. URL:https://psy.su/feed/5169/ (дата обращения: 15.06.2025).
3. Собчик Л.Н. Индивидуально-типологический опросник: практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. М.: ООО «Компания Боргес», 2010.

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РАННЕЙ ПОМОЩИ И ОЦЕНКА ЕЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ДЕТЕЙ И ИХ СЕМЕЙ

Чернего Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Научно обоснованные программы ранней помощи детям и их семьям

Дети, младенческий и ранний возраст, ранняя помощь, научно обоснованные программы

Введение. Проведенные к настоящему времени исследования показали, что для психического здоровья детей младенческого и раннего возраста необходимо создавать и соблюдать характеристики первичного окружения и условия заботы, соответствующие основным потребностям их развития (Мухамедрахимов, 2024). Эти характеристики должны учитываться при разработке и реализации научно обоснованных программ ранней помощи детям и их семьям. Целью данной работы является анализ требований к оценке результативности и, в целом, научной обоснованности программ раннего вмешательства и представление примеров таких программ.

Метод. Анализ и обобщение исследований результативности программ ранней помощи детям и их семьям.

Результаты. Изучение программ ранней помощи детям первых лет жизни показало, что вместе с опорой на научную базу представлений о становлении ребенка в широком круге контекстов, современные программы основываются на данных исследований оценки их результативности. Такие исследования включают изучение показателей участников программы до, в процессе и после вмешательства в контролируемых условиях с обязательным наличием группы сравнения. Для оценки результативности используются наборы показателей, позволяющих оценить комплексный эффект воздействия программы на ребенка и родителей (Bakermans-Kranenburg et al., 2008; Bernard et al., 2015). Распространение научно обоснованной программы предполагает использование ее в том виде, в каком она была разработана и доказана ее результативность, и включает подготовку специалистов, использование в неизменном виде процедуры работы и применение для той же возрастной группы детей.

В качестве примеров научно-обоснованных программ ранней помощи могут служить программы вмешательства с использованием видеообратной связи и поддержки чувствительного дисциплинирования ребенка со стороны родителя (Bakermans-Kranenburg et al., 2008) и «Программа раннего вмешательства ABC» (Dozier et al., 2006). Исследования результативности данных программ свидетельствуют о комплексном положительном изменении показателей биологического и поведенческого функционирования ребенка и сохраняемом с течением времени улучшении качества взаимодействия близкого взрослого и ребенка (Bernard et al., 2015; Zajac, Rably, Dozier, 2019). Внедрение этих и других научно обоснованных программ в российских службах ранней помощи предполагает проведение исследований их результативности в российских социальных и культуральных условиях жизни ребенка и семьи.

Выводы. Научно обоснованные программы ранней помощи, как разрабатываемые, так и внедряемые, должны основываться на современных представлениях о психическом здоровье и развитии детей в различных контекстах окружения и включать исследование результативности для детей и их семей с использованием научно обоснованных методов.

1. Мухамедрахимов Р.Ж. Научные основы ранней помощи детям младенческого и раннего возраста и их семьям // Вестник СПбГУ. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 4. С. 571-587
2. Bakermans-Kranenburg M.J., van Ijzendoorn M.H., Mesman J., Alink L.R., Juffer F. Effects of an attachment-based intervention on daily cortisol moderated by dopamine receptor D4: a randomized control trial on 1- to 3-year-olds screened for externalizing behavior // Developmental Psychopathology. 2008. V. 20(3). P. 805-820
3. Bernard K., Dozier M., Bick J., Gordon M.K. Intervening to enhance cortisol regulation among children at risk for neglect: Results of a randomized clinical trial // Development and Psychopathology. 2015. V. 27 (3). P. 829-841
4. Dozier M., Peloso E., Lindhiem O., Gordon M.K., Manni M., Sepulveda S., Ackerman J. Developing evidence based interventions for foster children: An example of a randomized clinical trial with infants and toddlers // Journal of Social Issues. 2006. V. 6 (4). P. 767-785
5. Zajac L., Rably L., Dozier M. Sustained effects on attachment security in middle childhood: results from a randomized clinical trial of the Attachment and Biobehavioral Catch-up (ABC) intervention // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2019. V.61 (4). P. 417-424

Ульянченко О.В., Казьмин А.М.
ФГБОУ ВО МГППУ

Результативность индивидуальных программ ранней помощи

Ранняя помощь детям и их семьям, задержка развития, результативность, размер эффекта

В последние годы опубликовано несколько обзоров, посвященных анализу эффективности ранней помощи детям с различными нарушениями развития (Daniolou et al., 2022; Gómez-Cotilla et al., 2024; Vermeij et al., 2023), в которых указывается на преобладающий средний размер положительного эффекта в разных сферах развития ребенка. Целью настоящего исследования было определить результативность индивидуальных программ семейно-центрированной ранней помощи в отношении детей с задержкой развития преимущественно в сферах общения и межличностного взаимодействия.

Выборку составили 9 детей без двигательных расстройств, нарушений слуха и зрения: 7 мальчиков и 2 девочки средний возраст детей 30,8 ± 5,1 месяцев. Наличие задержки развития определялось относительно возраста, в котором 90% детей демонстрирует сформированность ключевых навыков. Для оценки профиля развития детей использовалось интервью родителей, включающее пункты, соответствующие категориям международной классификации функционирования. Вычислялись показатели: «психические функции», «сенсорные функции», «общие задачи и требования», «общение», «мобильность», «самообслуживание», «межличностные взаимодействия и отношения», а также интегрированный показатель «участие». Проведено 2 оценки с интервалом в 3 месяца. Ранняя помощь в объеме 30 часов включала консультирование родителей по поддержке развития ребенка в естественных жизненных ситуациях, обучающие сеансы для родителей с детьми, игровые группы. Проведенный кластерный анализ данных первой оценки методом k-средних позволил разделить выборку на 2 кластера: «1» - с низкими и «2» - с высокими значениями показателей «психические функции», «сенсорные функции», «обучение», «общие задачи требования», «общение», «самообслуживание», «межличностные взаимодействия и отношения». В кластер «1» вошли 4 ребенка (3 мальчика без диагноза и 1 девочка с детским аутизмом, средний возраст 30,2 ± 4,2 месяцев), в кластер «2» - 5 детей (3 мальчика без диагноза, 1 - с неуточненной эцефалопатией и 1 девочка, с синдромом Прадера-Вилли, средний возраст 31,4 ± 6,1 месяцев). Для оценки результативности оказания услуг применялся индекс размера эффекта g-Хеджеса.

При повторном обследовании детей из кластера «1» был выявлен очень сильный эффект по показателям «сенсорные функции», «психические функции», «участие», «межличностные взаимодействия и отношения», «общие задачи требования», «самообслуживание» (значения g: 5,1; 2,23; 2,19; 1,64, 1,48, 1,41) и сильный эффект по показателям «обучение», «общение» (g: 1,16; 1,04). У детей из кластера «2» сильный эффект был выявлен по показателям «обучение» и «сенсорные функции», (g: 0,84; 0,80), средний эффект – «участие», «межличностные взаимодействия и отношения» «психические функции» (g: 0,72; 0,69; 0,63), слабый эффект – «общие задачи и требования», «самообслуживание», «общение» (значения g: 0,45; 0,42; 0,39).

Полученные результаты позволяют предположить, что более ощутимую пользу от ранней помощи могут получать дети с более выраженными и комплексными проблемами развития при наличии у них достаточного потенциала.

1. Daniolou S., Pandis N., Znoj H. The efficacy of early interventions for children with autism spectrum disorders: A systematic review and meta-analysis // Journal of clinical medicine. 2022. Vol 11(17): 5100. https://doi.org/10.3390/jcm11175100
2. Gómez-Cotilla R. et al. Efficacy of early intervention programmes: Systematic review and metaanalysis // Psicología Educativa. Revista de los Psicólogos de la Educación. 2024. Vol. 30 (1). P. 1-10. https://doi.org/10.5093/psed2024a1
3. Vermeij B. A. M. et al. Effects in language development of young children with language delay during early intervention // Journal of Communication Disorders. 2023. Vol. 103(1): 106326. https://doi.org/10.1016/j.jcomdis.2023.106326

Саркисян А.Р.
Онлайн-школа по раскрытию человеческого потенциала через наращивание эмоционального иммунитета

Гааг О.С.
ФГБОУ ВО НГМУ Минздрава России

Забота о будущем-«Формула L.O.V.E.» в ранней помощи: укрепление психического здоровья семьи

Ранняя помощь, психическое здоровье, эмоциональный иммунитет, травма

Введение. Понятие «ранняя помощь» в контексте психосоциальной работы помогающего специалиста относится к комплексным мерам и услугам, направленным на поддержку детей и семей с детьми из групп риска. Врожденное или приобретенное ОВЗ ребенка-событие, навсегда меняющее траекторию жизни всей семьи.

Междисциплинарный подход, объединяющий усилия разных специалистов, обеспечивает комплексное и своевременное сопровождение, закладывая фундамент для благополучного будущего ребенка и укрепляя ресурсы семьи.

Есть особенности эмоционального состояния взрослых и детей в семьях детьми с ОВЗ-усиление факторов стресса, повышенная уязвимость детей, а также влияние на реабилитационный потенциал (Левитина и др., 2020). Крайняя важность психосоциальной работы в контексте ранней помощи родителям и детям заключается в развитии эмоционального иммунитета (Саркисян, 2025).

Способ психофизического оздоровления «Формула L.O.V.E.» (разработка защищена патентом РФ №2841912 от 03.03.2025г.) ставит в центр аутентичность и эмоциональный иммунитет каждого члена семьи, признавая родителей основными партнерами и агентами изменений в естественной среде ребенка. Цель исследования - проанализировать эффективность применения алгоритма «Формула L.O.V.E.» в контексте ранней помощи и в практике специалистов при оказании психосоциальной поддержки семьям с детьми, имеющими особенности развития или риск их возникновения, а также нормотипичными.

Направлениями психосоциальной работы по методу «Формула L.O.V.E.» являются: работа с потенциалом без погружения в травму; программа для самоанализа и помощи в моменты острого и хронического стресса, поведенческих кризисов у ребенка; повышение родительской ресурсности.

Цель такой работы – снизить уровень хронического стресса родителей, повысить их психологическое благополучие, эмоциональный иммунитет. Это напрямую ведет к улучшению эмоционального состояния ребенка, его поведения, социальной адаптации и прогрессу в развитии/реабилитации.

Методы. В исследовании (фокус-группы) участвовали 18 человек, в том числе родители детей с ОВЗ. Применялись индивидуальные и групповые сессии с родителями и их детьми, анализ документации специалистами по развитию потенциала и эмоционального иммунитета на предмет правильного самостоятельного выполнения алгоритма метода, помощь родителям в понимании потребностей своих личных и ребенка.

Результаты. Анализ применения алгоритма «Формула L.O.V.E.» в контексте ранней помощи показал у 83 % реконструкцию последствий в виде эмоциональной реакции и стратегии поведения, как ответной реакции изначально на травму, а в дальнейшем на все соответствующие травме триггеры. Тем самым происходит перепрошивка последствий этих триггеров через наращивание фундаментальных, стержневых, не задействованных в травме психоэмоциональных сторон личности.

Выводы. Применение алгоритма «Формула L.O.V.E.» в практике помогающих специалистов в сфере ранней помощи является высокоэффективным инновационным подходом. Метод не только раскрывает и наращивает эмоциональный иммунитет, нейтрализуя последствия травмы, но и масштабирует, активирует сильные стороны взрослого и ребенка. Такая стратегия, передающаяся через родителей, как и любая другая, наращивает эмоциональный иммунитет всей семьи, что вносит значительный вклад в заботу о психическом здоровье будущих поколений.

1. Саркисян А.Р. Формула «Формула L.O.V.E.» новый метод, меняющий жизнь. М.:Эксмо, 2025.
2. Левитина Е.В., Змановская В.А., Рахманина О.А. и др. Оценка эмоционального статуса родителей детей с психоневрологической патологией. // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2020. №4. С. 289–290.
3. Саркисян А.Р. Способ психофизического оздоровления человека: пат. RU2841912 РФ. № заявл. 2025104783, 03.03.2025, опубл. 18.06.2025 г.)

Сапожникова Н.В., Сонина В.В.
МБУ СО СРЦ «Здоровье»

Щелокова Е.Г.
ФГБОУ ВО ПГУПС
МБУ СО СРЦ «Здоровье»

«Школа для родителей» как онлайн-сервис социально-психологического сопровождения родителей детей раннего возраста

Ранний возраст, ранняя помощь, семья, дети с ОВЗ

Ранняя помощь – актуальное направление (Мухамедрахимов, 2024), в котором ведутся работы по апробации и тиражированию ресурсных практик помощи семьям с детьми с ОВЗ.

Проект «Ресурсный центр службы ранней помощи «Домашний консультант» на базе МБУ СО СРЦ «Здоровье» г. Челябинска реализуется при грантовой поддержке «Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» и представляет собой новый социальный сервис, обеспечивающий доступность ранней помощи в естественных жизненных ситуациях и включенность родителей в организацию жизнедеятельности ребенка и его социализацию.

Одно из направлений проекта – «Школа для родителей», цель – повышение компетентности родителей по вопросам развития, воспитания и социальной реабилитации детей раннего возраста с трудностями в развитии (Щелокова, 2022). Целевая группа: семьи, воспитывающие детей раннего возраста с нарушениями в развитии, прошедшие курс реабилитации в отделении коррекции детей раннего возраста. В заезде продолжительностью 3 месяца участвует 10 семей. Тренинговые занятия проходят 1 раз в месяц в соответствии с планом и программой «Школы для родителей».

Краткий тематический план:

1 – «Возможности раннего возраста»: при выборе темы мы исходили из того, что включение родителей как активных участников реабилитационного процесса повышает его эффективность (Мухамедрахимов, Самарина, 2020);

2 – «Общение с рождения»: формирование общности в диаде «родитель – ребенок раннего возраста» является важным фактором в его психоречевом развитии (Шереметьева, 2024);

3 – «Путь к себе: Мама в ресурсе»: личностные ресурсы родителя выступают как системообразующий фактор развития ребенка (Александрова, Лебедева, 2014).

На текущий момент в работе школы приняли участие 30 семей-участниц проекта. Большинство родителей отмечают трудности в распределении семейных и личных ресурсов при организации жизненных рутин ребенка. Услугами дистанционного сервиса активно пользуются родители, готовые к самоорганизации и разделяющие ценность группового процесса на онлайн-тренингах. Онлайн-сервис социально-психологического сопровождения родителей детей раннего возраста «Школа для родителей» может рассматриваться как технологичное дополнение социально-реабилитационного процесса и как ресурс, повышающий доступность ранней помощи семьям в естественных жизненных ситуациях.

1. Александрова Л.А., Лебедева А.А. Роль личности родителей в преодолении психологической травмы студентами с ограниченными возможностями здоровья // Вестник
2. Новосибирского государственного университета. Серия: Психологи, 2014, 8(2), 97–102.
3. Мухамедрахимов Р.Ж. Научные основы ранней помощи детям младенческого и раннего возраста и их семьям. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. № 4. С. 571-587.
4. Мухамедрахимов Р.Ж., Самарина Л.В. Подготовка профессионалов для системы ранней помощи детям и семьям в российской федерации // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № S2. С. 106-117.
5. Шереметьева Е.В., Скрипникова О.Т., Горовцова С.М. Группа риска по нарушениям речи и познавательного развития в раннем возрасте // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 4. С. 203-207.
6. Щелокова Е.Г. «Школа для родителей» как практика реализации семейно-центрированного подхода к непрерывной реабилитации детей с ОВЗ // Современные подходы к формированию процесса непрерывной реабилитации в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ: актуальность, опыт и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2022. С. 201-205.

Проект «Домашний консультант» поддержан «Фондом поддержки детей.

Лучникова А.П.
АНО «Физическая реабилитация»

Медведева Ю.И.
РБОО ЦЛП

Ретроспективный анализ постановки целей и результативности программы «Уверенное начало»

Ранняя помощь, рутины, канадская оценка деятельности, smart-цели, активность и участие

Введение. Программа ранней помощи «Уверенное начало» направлена на поддержку родителей и детей с двигательными и тяжелыми множественными нарушениями развития с рождения до 3 лет. Она помогает в изменении повседневных рутин, связанных с уходом за ребенком, в использовании их развивающего потенциала посредством предоставления ребенку возможности участия, что отвечает современному содержанию ранней помощи (Jeong J, 2021). В этой работе нам важно передать родителям опыт наблюдения за сигналами ребенка, возможность изменять свое поведение в зависимости от изменения потребностей и возможностей ребенка (McWilliam, 2016). Целью данного исследования является анализ проблемных областей и их связь с повседневными рутинами, изменение по шкалам «выполнение» и «удовлетворенность», а также достижение детьми поставленных целей. Кроме этого, сравнение полученных данных с результатами 2018 года (Горина. 2021).

Методы. В исследовании приняли участие 74 семьи с детьми с ТМНР, средний возраст детей 19 месяцев. Каждая семья участвовала в интервью Канадская оценка деятельности (COPM) (ØstensjØ S, 2008), в результате которого, совместно со специалистом был выделен список проблемных областей для работы на ближайшие 4 месяца. Для анализа данных все проблемные области были классифицированы с помощью МКФ, в начале и конце периода родителям было предложено оценить их по шкале «выполнение» и «удовлетворенность». К каждой проблемной области специалист сформулировал одну или несколько smart-целей, согласовав их с родителями. Каждая цель оценивалась в конце периода по системе GAS (Cusick A, 2006). Был проведен сравнительный анализ данных с исследованием 2018 года.

Результаты. Проблемные области и smart-цели, которые выделяют родители для работы, распределяются среди всех доменов МКФ в разделе «активность и участие», в отличии от результатов 2018 года, когда проблемы распределялись среди 5 доменов из 9. Это говорит о том, что направления работы, сформулированные в категориях активности и участия расширились. Были зафиксированы положительные изменения по шкалам «выполнение» и «удовлетворенность», подтвержденные долей достигнутых smart-целей.

Выводы. Исследование показало, что выросла результативность работы с родителями относительно активности и участия ребенка в ежедневных рутинах. Родители открыты к изменению рутин с целью развития навыков ребенка в контексте повседневной активности, им удается достичь значимого прироста в достижении ребенком целей.

1. Jeong J, Franchett EE, Ramos de Oliveira CV, Rehmani K, Yousafzai AK, Parenting interventions to promote early child development in the first three years of life: A global systematic review and meta-analysis // PLoS Med (2021) 18(5).
2. McWilliam R.A. Metanoia in Early Intervention: Transformation to a Family-Centered Approach // Revista Latinoamericana de Educación Inclusiva. RINACE, 2016. Vol. 10 (1). P. 155-173.
3. Горина Е.Ю., Коломенская Ю. И., Лучникова А.П. Планирование и оценка эффективности программы раннего вмешательства для семей, воспитывающих детей с нарушениями развития // Специальное образование. – 2021.- № 4. – С. 112–135. – DOI: 10.26170/1999-6993_2021_04_08
4. ØstensjØ S., Øien I., Fallang B. Goal-oriented rehabilitation of preschoolers with cerebral palsy–a multi-case study of combined use of the Canadian Occupational Performance Measure (COPM) and the Goal Attainment Scaling (GAS) //Developmental neurorehabilitation. – 2008. – Т. 11. – №. 4. – С. 252-259.
5. Cusick A. et al. A comparison of goal attainment scaling and the Canadian Occupational Performance Measure for paediatric rehabilitation research //Pediatric rehabilitation. –2006. – Т. 9. – №. 2. – С. 149-157.

Ковалева В.И., Литвякова Е.Е.
СПБ ГБУ СОН «ЦСРИиДИ Калининского района»

«Ранняя помощь детям до 3х лет с тяжелыми множественными нарушениями развития в отделении раннего вмешательства в условиях СПБ ГБУ СОН «ЦСРИиДИ Калининского района»

Ранняя помощь, дети с ТМНР раннего возраста, социальная реабилитация

В современной практике оказания эффективной ранней помощи принят единый алгоритм работы с ребенком с различными нарушениями в развитии и его семьей: ранняя диагностика – ранняя помощь – раннее начало социализации (различные варианты инклюзии) – сопровождение в процессе социальной адаптации ребенка и семьи. Программно-целевой подход к решению проблем профилактики детской инвалидности на основе ранней помощи детям с нарушениями развития позволяет добиваться системных результатов по сокращению масштабов и глубины детской инвалидизации за счет предоставления своевременных и всесторонних абилитационных и реабилитационных услуг.

Раннее выявление нарушений развития является важным условием для проведения программ ранней социальной психолого-педагогической помощи, предупреждающих появление вторичных осложнений. В Санкт-Петербургском государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга» (далее – Центр) с 2010 года успешно функционирует отделение раннего вмешательства для детей в возрасте до трех лет (далее – отделение). В отделении разработана и осуществляется программа ранней помощи в. Целевую группу ранней помощи в отделении составляют дети, имеющие категорию ребенок-инвалид, а также дети без инвалидности, имеющие нарушения в развитии или риск отставания, в возрасте от 2 месяцев до 3 лет.

За последние 5 лет в отделении раннюю помощь получили 992 ребенка раннего возраста, имеющих нарушения в развитии различной степени тяжести, а также их семьи. За этот период программа ранней помощи в отделении была реализована в отношении 76 детей с тяжелыми множественными нарушениями развития, в том числе с генетическими нарушениями (далее – ТМНР), что составляет 36,1% от всех детей-инвалидов раннего возраста, получивших помощь в отделении. Ранняя помощь в отделении осуществляется, как комплекс медицинских, социальных, психологических и педагогических услуг, предоставляемых длительно и непрерывно на междисциплинарной основе, направленных на раннее выявление детей целевой группы, содействие их оптимальному развитию, формированию физического и психического здоровья, включения в среду сверстников и интеграцию в общество, а также сопровождение и поддержку семьи, повышение компетентности родителей (законных представителей).

Средний срок программы ранней помощи, которую завершили дети раннего возраста с ТМНР, равен 8,5+/-2 месяцам. Чаще всего родители детей с ТМНР обращались за ранней помощью, когда возраст ребенка составлял от 16 до 22 месяцев. Результаты первичной и итоговой диагностики показали, что за период получения ранней помощи в Центре дети демонстрировали прирост в возрастных нормативных навыках по всем основным областям развития. За период участия в программе ранней помощи возраст их развития в среднем увеличивался на 6+/-2 месяцев, что является высоким результатом в виду наличия у детей тяжелых нарушений в развитии. Наиболее выраженная положительная динамика в развитии навыков проявлялась в коммуникативной (34% от детей с ТМНР) и когнитивной сферах (20,5%), а также в сфере самообслуживания и социально-бытовой адаптации (15,4%). Своевременно оказанная качественная ранняя помощь, направленная на оптимальное развитие ребенка с множественными нарушениями развития, создает условия для мягкой адаптации ребенка к дошкольной образовательной среде, а также интеграции его семьи в общество.

1. Жигорева М. В. Проблемы диагностики детей с множественными нарушениями развития раннего возраста / М. В. Жигорева // Раннее и дошкольное образование в системе непрерывного сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья: Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции, Москва, 22–23 марта 2017 года / Составители О.Г. Приходько, В.В. Мануйлова, А.С. Павлова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Юкод», 2017. – С. 101-106.
2. Кудинова Н. А. Комплексная модель работы с семьей, воспитывающей ребенка с множественными нарушениям развития // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2020. – № 1(51). – С. 233-239.
3. О. С. Бояршинова, А. М. Пайкова и др. под ред. А. Л. Битовой, О. С. Бояршиновой. Уход за детьми с тяжелыми и множественными нарушениями развития: информ.-метод. сб. для специалистов / – М. : Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017. – 114 с.

4. Е. В. Семёнова, Е. В. Клочкова, А. Е. Коршикова-Морозова, А. В. Трухачёва, Е. Ю. Заблоцкис. Реабилитация детей с ДЦП: обзор современных подходов в помощь реабилитационным центрам / – М.: Лепта Книга, 2018. – 584 с.
5. Уляшева А. А. Индивидуальный образовательный маршрут развития ребенка с тяжелыми множественными нарушениями развития // Перспективы и реалии педагогического образования, Сыктывкар, 11 апреля 2019 года. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – С. 109-110.

Ткачева Л.О., Наследов А.Д., Мирошников С.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Стратегии ранней интервенции при РАС

Проблема раннего вмешательства в развитие аутичного ребенка является сложной и многогранной. Она включает в себя как вопросы диагностики и доступа к помощи, так и вопросы выбора наиболее эффективных методов вмешательства. Эта проблема осложняется рядом факторов, таких как, недостаточная осведомленность родителей и педиатров, отсутствие доступных и надежных инструментов скрининга, недостаток квалифицированных специалистов.

Наши исследования показывают, что в 1-2 года симптомы аутизма недостаточно специфичны. Ярко проявляются лишь симптомы коммуникативных нарушений, в то время, как симптомы сенсорной дезинтеграции и эмоциональной дисрегуляции выражены на том же уровне, что и у детей с ЗПР. Что, вероятно, связано с узким репертуаром когнитивных, сенсорных и эмоциональных паттернов поведения в этом возрасте.

Среди подходов коррекции коммуникативных нарушений в раннем возрасте стоит выделить следующие: 1) Early Start Denver Model (ESDM) (Dawson et al., 2010). Это комплексная развивающая программа, основанная на игре, которая объединяет принципы ABA со стратегиями, ориентированными на взаимоотношения. Специалисты и родители используют игру и распорядок дня для обучения общению, социальным навыкам и когнитивным способностям. Основное внимание уделяется построению позитивных отношений и созданию возможностей для обучения в естественных условиях. Этот подход имеет коммуникативную направленность, поскольку поощряет невербальное общение как основу для развития речи. Использует имитацию, совместное внимание и позитивное подкрепление, чтобы мотивировать ребенка к общению.

2) Pivotal Response Treatment (PRT) (de Korte et al., 2022) - натуралистичный подход ABA, основанный на игре, нацелен на «ключевые» навыки, которые приводят к значительным улучшениям в других областях. Данный подход фокусируется на повышении мотивации к обучению, реагировании на многочисленные сигналы и самоуправлении. Интересы ребенка являются отправной точкой, отталкиваясь от них, ребенку просчитывается подкрепление, которое непосредственно связано с его коммуникативными попытками.

3) Hanen Program («It Takes Two to Talk») и Floortime (Developmental, Individual-Difference, Relationship-Based Approach - DIR) – программы, которые обучают родителей имитации ребенка как основной стратегии его развития (Bravo & Schwartz, 2022).

Следовательно, программа интервенции для 1-2 летнего аутичного ребенка обязательно включает в себя натуралистические методы, которые делают упор на обучение навыкам общения в естественной повседневной обстановке, активное вовлечение родителей, поскольку они являются ключевыми партнерами в процессе вмешательства и позитивное подкрепление, которое дается ребенку как вознаграждение за желаемое поведение после оценки его значимых мотивационных факторов. Принципиальным условиям является адаптация программы к конкретным потребностям, сильным сторонам и интересам ребенка.

Таким образом, наилучший подход заключается в фокусировке на развитии коммуникативных навыков, что осуществляется благодаря разработке индивидуального плана интервенции, под руководством квалифицированных специалистов и при активном участии семьи.

1. Randomized, controlled trial of an intervention for toddlers with autism: the Early Start Denver Model / G. Dawson, S. Rogers, J. Munson [et al.] // Pediatric. 2010. –Vol. 125, No. 1. P. e17–e23. – DOI 10.1542/peds.2009-0958
2. Pivotal Response Treatment (PRT) parent group training for young children with autism spectrum disorder: a pilot study / M.W.P. de Korte, M. van Dongen-Boomsma, L.J. Oosterling [et al.] // Scientific Reports. - 2022. - Vol. 12, No. 7691. - DOI 10.1038/s41598-022-10604-2
3. Teaching imitation to young children with autism spectrum disorder using discrete trial training and contingent imitation / A., Bravo & I. Schwartz // Journal of developmental and physical disabilities. -2022. – Vol. 34, No. 4. P. 655–672.- DOI 10.1007/s10882-021-09819-4

Велигодская А.А., Ульянова Н.Ю.
ЮФУ

Система мониторинга и оценки эффективности ранней помощи семьям детей с ОВЗ

Эффективность, ранняя помощь, дети с ОВЗ

Ранняя помощь – это комплексная система социальных, медицинских и психолого-педагогических мероприятий, направленных на содействие развитию детей раннего возраста (от 0 до 3 лет), имеющих ограничения жизнедеятельности, в том числе ОВЗ, инвалидность, генетические и иные нарушения развития (Собрание законодательства РФ, 2016). Цель исследования – апробировать систему мониторинга и оценки эффективности ранней помощи. В качестве заказчика и базы исследования выступила АНО «Ресурсный центр инклюзивных практик «Содействие».

В исследовании приняли участие 17 семей, воспитывающих детей в возрасте 9-36 месяцев (Med = 24) с ТМНР, генетическими нарушениями и из группы биологического риска (недоношенность) и участвующие в программе ранней помощи «Росточки» в 2024-2025 гг. Длительность участия в программе – от 3 до 24 месяцев (Med = 12). Все семьи получали услугу ранней помощи в формате надомных визитов и/или онлайн-консультаций дважды в неделю. Первый сбор данных прошёл в мае 2024 года, последний – в июне 2025 года.

В ходе исследования были последовательно решены следующие задачи: 1. Сформировать логическую модель, включающую список благополучателей программы, описание ожидаемых результатов для каждой группы благополучателей, описание показателей достижения для каждого из результатов. 2. Выявить возможные объективные показатели эффективности и инструменты их оценки: функциональные навыки детей, измеряемые с помощью методики The Canadian Occupational Performance Measure (COPM) (Горина и др., 2021) с дополнительными критериями достижимости целей, с помощью методики The Goal Attainment Scaling (GAS) (Shankar et al., 2020), и родительские компетенции, измеряемые авторской анкетой «Самооценка родителями своих компетенций по организации жизни ребенка». 3. Оценить динамику выбранных показателей.

Сравнительный анализ с использованием Т-критерия Вилкоксона позволил выявить значимую положительную динамику между первым и последним сбором данных по показателям оценки навыков детей: «Выполнение навыка» (T=1; p=0,002); «Удовлетворенность родителя» (T=2; p=0,002); по показателям самооценки родительских компетенций: «Коммуникация» (T=15; p=0,006); «Мелкая моторика» (T=3; p=0,005); «Активность и участие» (T=66; p=0,049). В ходе исследования был проведен анализ достижимости поставленных целей. Согласно результатам частотного анализа, доля целей, достигших ожидаемого уровня выполнения, равняется 0,23; доля целей, которые были не только достигнуты, но и значительно превзошли первоначальные ожидания – 0,30; доля целей с ухудшением показателей – 0,02.

Выводы.

1. Разработанная модель может использоваться для мониторинга и оценки эффективности программы ранней помощи.
2. Показатели функциональных навыков детей имеют значимую положительную динамику.
3. Самооценка родительских компетенций имеет значимую положительную динамику по трем показателям.
4. Выявлена значительная асимметрия в распределение результатов достижения целей, что может говорить о склонности специалистов устанавливать чрезмерно осторожные, заниженные плановые показатели.

1. Горина Е. Ю., Коломенская Ю. И., Лучникова А. П. Планирование и оценка эффективности программы раннего вмешательства для семей, воспитывающих детей с нарушениями развития // Специальное образование. 2021. № 4 (64). С. 112–133.
2. Об утверждении Концепции развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2016 г. № 1839-р // Собрание законодательства РФ. 2016. 12 сентября. № 37. Ст. 5510.
3. Shankar S., Marshall S. K., Zumbo B. D. A Systematic Review of Validation Practices for the Goal Attainment Scaling Measure // Journal of Psychoeducational Assessment. 2020. Vol. 38 (2). P. 236–255. https://doi.org/10.1177/0734282919840948

Богуцкая Л.В.
СОНКО МАИП

Тютичкина О.В.
Центр Психологической коррекции «Надежда»

Метод О.В. Тютичкиной в работе с детьми раннего возраста, имеющих задержки психоречевого развития

Раннее развитие, задержка развития, дети

Введение. Подход «Метод О.В. Тютичкиной» - это осмысление современных подходов к работе с детьми раннего возраста, имеющих задержки психического развития с нарушением психоречевого развития. Подход выстроен на базовых принципах замещающего онтогенеза, то есть на сопоставлении уровня развития мозговой организации психических процессов ребёнка с основными этапами их формирования и ретроспективного воспроизведение тех участков его онтогенеза, которые нуждаются в развитиии/коррекции/абилитации иосновывается на теории А.Р. Лурия о трёх функциональных блоках мозга и учении Л.С. Цветковой о нейропсихологической реабилитации психических процессов (Цветкова, 2017), кондуктивной педагогике (метод Петё). Метод формировался и реализовывался более 20 лет в практике нейропсихолога Тютичкиной Оксаны Викторовны, а также в работе центра Психологической коррекции «Надежда» (г.Ставрополь, г. Черкесск). Метод актуализирует важность ранней помощи детям и опирается на феномен «точка разворачивания задержки» (Ахутина, 2019): движения в сторону потенциального развития или в сторону патологической остановки. Специалист, работающий, в подходе, скажем метафорически, «одной рукой»поддерживает семью, а «второй рукой» ведет ребенка в мир возможных изменений и социальной состоятельности. Это становится возможным, благодаря формированию поля инклюзии, которое состоит из поля возможностей и поля включения. Стабилизация, отстройка, системность, целостность, преемственность - важные опорные векторы работы с детьми раннего возраста в подходе «Метод О.В.Тютичкиной»

Целью данного исследования стало осмысление и статистический подсчет динамики улучшений применения подхода в ранней помощи детей с задержкой психического развития, а также статистический анализ оценки пролонгированной работы по сопровождению детей.

Методы. Наблюдения в долгосрочной перспективе за ребенком и семьей, статистический анализ пролонгированной динамической диагностики. Период: 2014-2024 гг. Выборка: 500 детей. Промежуточные данные исследования предоставлялись к клиническому разбору и осмыслению в интервизионном пространстве Лаборатории клинических исследований СОНКО МАИП

Результаты. В пролонгированной работ выявлены следующие факторы, являющиеся критериями эффективности:стабилизация семейной системы, отстройка маршрута, командное взаимодействие специалистов, нейродинамическая , психомоторная динамика.

Результаты статистического анализа положительной динамики подхода по нескольким критериям (данные представлены в процентах как часть от 100% возможного качественного динамического изменения): в определённой сфере: ментальная - 11,6, регуляторная –16.6, экспрессивная –13.3, психомоторная –26.6, кинетическая –20; по целостности динамического процесса: динамика отдельной сферы –33,3, динамика всего психического поля –30; по факту системности изменений: не системная динамика –30, системная динамика –-20; по факту последующей плавности и преемственности в формировании навыков: плавное формирование – 43, скачкообразное формирование - 33.3, преемственное формирование –56,6, не преемственное формирование – 30.

Выводы. Эффективность подхода «Метод О.В.Тютичкиной» выявлена и подтверждает возможность приблизиться к интегрированной, более однородной по уровню, базовой структурной организации психического развития ребенка.

1. Ахутина, Т. В. Профилактика и преодоление трудностей в обучении на раннем этапе – 2-е изд. (эл.). – М.: В. Секачев, 2019.
2. Цветкова Л. С. Актуальные проблемы нейропсихолгии детского возраста. М.: МПСИ, 2017.

Медведева Ю.И.
РБОО ЦЛП

Лучникова А.П.
АНО «Физическая реабилитация»

Использование инструмента оценки риска развития гемипареза для планирования вмешательства

Терапия руки, CIMT-терапия, s-HAI, захват, двуручная деятельность

Введение. Риск развития гемипареза у младенцев можно определить с 3-месячного возраста (корригированного возраста в случае недоношенности), используя для этого инструмент HAI (Krumlinde-Sundholm, 2017). Это становится возможным, поскольку в этом возрасте ребенок симметрично сводит руки перед собой и начинает тянуться к игрушкам (Henderson, 2005). После подтверждения диагноза, важно как можно раньше начать терапию, имея ввиду нейропластичность детского мозга, используя метод baby-CIMT терапию (Eliasson, 2014), планировать и отслеживать результаты вмешательства с помощью стандартизированного, для этого возраста, инструмента Mini-AHA (Susan, 2013). Ограниченное количество доступных инструментов оценки риска развития гемипареза, планирования вмешательства и оценки результата затрудняет использование терапии в раннем возрасте. В связи с этим, была предпринята попытка использовать инструмент оценки риска возникновения гемипареза, разработанный в облегченном формате для родителей (Ryll, 2024), с целью диагностики риска, планирования и оценки результатов работы. Целью этого исследования было изучение возможности использования инструмента s-HAI для решения этих задач.

Методы. В исследовании приняла участие семья с ребенком у которого с помощью МРТ выявлен правосторонний гемипарез. Семья начала участие в программе ранней помощи «Уверенное начало» когда ребенку был 1 год 3 месяца, продолжала участие до 3 лет. В рамках программы специалист посещал семью 1 раз в неделю по 1 часу, проводил 3 раза замеры развития навыков мелкой моторики, обучил маму проведению baby-CIMT терапии, подбирал игры и занятия в повседневной активности ребенка, способствующие использованию паретичной руки и двуручной деятельности. Ребенок носил ортез на покой и активный ортез, корректирующий положении пронации предплечья.

Результаты. Было установлено, что инструмент оценки риска развития гемипареза, разработанный для родителей, помогает специалисту отслеживать динамику изменений, посредством определения степени асимметрии между руками, облегчает постановку реабилитационных целей, помогает выделить достижимые для ребенка, в каждый текущий период, задачи. В результате проделанной работы, ребенок научился захватывать предметы паретичной рукой, появилась двуручная деятельность в ситуациях, которые требуют использования двух рук.

Выводы. Исследование показало, что при отсутствии других инструментов оценки рисков развития гемипареза, планирования вмешательства и его оценки, мы можем использовать облегченный инструмент s-HAI.

1. Krumlinde-Sundholm L, Ek L, Sicola E, Sjöstrand L, Guzzetta A, et al. Development of the Hand Assessment for Infants: evidence of internal scale validity. Dev Med Child Neurol. 2017;59:1276–83.
2. Henderson, Anne, and Charlane Pehoski, eds. Hand Function in the Child: Foundations for Remediation. 2nd ed. St. Louis: Mosby, 2005
3. Eliasson, AC., Sjöstrand, L., Ek, L. et al. Efficacy of baby-CIMT: study protocol for a randomised controlled trial on infants below age 12 months, with clinical signs of unilateral CP. BMC Pediatr 14, 141 (2014). https://doi.org/10.1186/1471-2431-14-141
4. Susan Greaves, Christine Imms, Karen Dodd, «Development of the Mini-Assisting Hand Assessment: Evidence for Content and Internal Scale Validity,» Developmental Medicine & Child Neurology 55, no. 11 (November 2013): 103037, https://doi.org/10.1111/dmcn.12212.
5. Ryll, U. C., Kembe, J., Verhage, C. H., Sgandurra, G., Krumlinde-Sundholm, L., (2024). The Screening Hand Assessment for Infants for detecting the risk of unilateral cerebral palsy: Item selection and development. Developmental Medicine & Child Neurology, 66(12), 1644-1652. https://doi.org/10.1111/dmcn.16004

Валиуллина Г.В.
ФГБОУ ВО К(П)ФУ

Сухорутченко С.Н.
НЛЦ «Сила Речи» Валиуллиной Г.В.

Ранняя помощь детям, родившиеся от матерей с тяжелым течением COVID-19 в рамках проекта «Мать и дитя»

Ранняя помощь, задержка речевого развития, «COVID-19»

Введение. В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем являются последствия заражения коронавирусом COVID-19, которая сегодня приобретает не только медицинское, но и социальное значение. Беременные, инфицированные коронавирусной инфекцией, имеют высокий риск рождения детей с перинатальной патологией (Якубина А.А. и др.,2023). Исследования Приходько О.Г доказывают, что при условии раннего выявления и организации адекватного психолого-педагогического воздействия практическое выздоровление детей с последствиями перинатальной патологии центральной нервной системы (ППЦНС) и нормализация функций могут быть достигнуты в 60% случаев к 3 годам (Приходько О.Г., 2015) Особенности развития детей раннего возраста с ППЦНС требуют применения инновационных подходов.

Программа «Мать и дитя» представляет собой цикл из 45 групповых занятий с нейропсихологом 3 раза в неделю по 50 минут в группах по 5 детей совместно с мамами. Основная цель разработанной Программы способствовать своевременному формированию новообразований у ребенка с ППЦНС, сформировать у родителей специальные педагогические компетенции сопровождения детей с ППЦНС .

Методы. Программа реализовывалась с 01.07.2024 по 30.04.2025. В программе участвовали 20 детей(10 экспериментальная и 10 контрольная группы) в возрасте от 2 до 12 месяцев, матери которых перенесли COVID-19 в II и III триместре беременности. В рамках реализации проекта проведены следующие этапы экспериментальной работы:

- первичное обследование- выявление патологических состояний путем анализа клинико-анамнестических данных, проведения нейропсихологических тестов и оценка общего состояния развития детей с использованием методов анкетирования, педагогического наблюдения, нейрологопедического обследования и анализа медицинской документации;
- проведение формирующего экспериментального исследования с использованием авторской нейрологопедической методики «Ранняя помощь детям с последствиями перинатальной патологии центральной нервной системы». В рамках программы проводились занятия Всего за период исследования проведено 45 занятий.
- определение эффективности использования в коррекционно-развивающем процессе Программы, как инструмента развития детей с последствиями ПП ЦНС.

Результаты. Результатом применения Программы в условиях сети нейрологопедических центров «Сила речи» Валиуллиной Г.В. явились улучшение показателей развития детей экспериментальной группы в сравнении с контрольной группой в различных сферах (двигательной, сенсорной, когнитивной, речевой, эмоциональной), снижение выраженности последствий ППЦНС, повышение родительской компетентности.

Выводы

1. Оказание ранней помощи позволяет минимизировать число осложнений и способствуют восстановлению здоровья детей, родившихся от матерей с тяжелым течением COVID-19.

2. Программа «Мать и дитя»показала свою эффективность в процессе нормализации социальной, познавательной, речевой и двигательной линий развития детей раннего возраста, родившихся от матерей с тяжелым течением COVID-19.

1. Аксенова О.Ж., Баранова Н.Ю., Емец М.М., Самарина Л.В. Стандартные требования к организации деятельности службы раннего вмешательства. Санкт-Петербург, 2012.
2. Баранова Н., Довбня С., Клочкова Е., Кожевникова Е., Морозова Т. Аналитический обзор по теме: Раннее вмешательство в системе реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. Москва: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. – 2011.
3. Приходько О.Г. Система ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья и их родителям / О. Г. Приходько, О. В. Югова ; АНО –
4. Якубина А.А., Аксёнов А.Н., Бочарова И.И., Коссова А.А., Ефимкова Е.Б., Дулаева Е.В. Состояние здоровья новорожденных у матерей с манифестацией SARS-CoV-2 инфекции в разные сроки беременности. Доктор.Ру. 2023;22(5):20–25. DOI: 10.31550/1727-2378-2023-22-5-20-25

Егунькина А.Н.
ГКУ СО ЦДиКСО

Организация деятельности выездной службы ранней помощи «Домашний консультант»

Введение. В июле 2024 года благодаря гранту Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, на базе ГКУ СО «ЦДиКСО» (далее - Центр) создана выездная мобильная бригада специалистов службы ранней помощи «Домашний консультант». В рамках гранта имеется возможность увеличить количество семей, получающих услуги ранней помощи, в том числе в домашних условиях, а также расширить территориальные границы оказания данной помощи.

Методы. Для оказания услуг в рамках гранта были выбраны г.о. Самара и Волжский район Самарской области. В число специалистов мобильной бригады вошли: педагоги-психологи (в том числе нейропсихолог), учителя-дефектологи (в том числе сурдопедагог), учитель-логопед, врач-педиатр, врач-невролог (в том числе эрготерапевт), врач-психиатр. Услуги выездной бригады могут получить семьи с детьми-инвалидами в возрасте от 0 до 3-х лет; семьи с детьми в возрасте от 0 до 3-х лет, не имеющие статуса «ребенок-инвалид», у которых выявлены различные нарушения в развитии; семьи с детьми в возрасте от 0 до 3-х лет, родители которых обеспокоены развитием и поведением ребенка; семьи с маловесными/недоношенными детьми от 0 до 3-х лет, нуждающиеся в услугах ранней помощи. Выявление детей, нуждающихся в услугах ранней помощи, происходит, в том числе, благодаря участию в Межведомственной Акции «Ранняя помощь», которая с 2017 года организуется министерством социально-демографической и семейной политики Самарской области совместно с министерством здравоохранения Самарской области и министерством образования Самарской области на базе медицинских организаций.

Результаты. На данное время на сопровождении в рамках проекта находятся 8 семей, воспитывающих детей раннего возраста, среди них 4 ребенка имеют статус «ребенок-инвалид», в том числе 1 ребенок с паллиативным статусом, 4 ребенка имеют стойкие нарушения жизнедеятельности или риски их возникновения. Во все семьи осуществляются выезды мобильной бригады специалистов «Домашний консультант» с периодичностью 1 раз в неделю, в ходе которых проходят занятия через обучение родителей и организовано развивающее пространство в повседневных естественных жизненных ситуациях. За каждой семьей закреплен ведущий специалист, который всегда находится на связи, отвечает на возникающие вопросы, организует консультации семьи с другими специалистами службы при необходимости. Для повышения уровня социализации семей и установления позитивных детско-родительских отношений были проведены мероприятия, участниками которых стали, в том числе семьи, включенные в проект «Домашний консультант»: мероприятие, посвященное Дню недоношенного ребенка, новогоднее праздничное мероприятие, мероприятие, посвященное Дню защиты детей. В мессенджере Телеграм создан канал «Домашний консультант» г. Самара, который содержит актуальную информацию по развитию детей раннего возраста и дает возможность родителям задавать вопросы и получать консультации специалистов службы различного профиля в режиме онлайн. Ежегодно специалистами Центра проводятся семинары по вопросам оказания услуг ранней помощи для руководителей и специалистов учреждений, подведомственных министерству социально-демографической и семейной политики Самарской области. На данных семинарах поднимаются актуальные вопросы оказания услуг ранней помощи - освещение нормативно-правовых актов, регулирующих оказание услуг ранней помощи, представление опыта работы с детьми раннего возраста и их семьями на базе учреждений социального обслуживания. Реализация гранта продлится до конца 2025 года.

Вывод. Проект планируется тиражировать в 12 обособленных структурных подразделениях Центра, что позволит обеспечить доступность ранней помощи в отдаленных сельских районах Самарской области.

1. Пиклер Э. и др. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления, пер. с нем. под ред. О.И. Пальмова. - Москва: Издательство «Национальное образование», 2022.

Андрущенко Н.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ,
ФГБОУ ВО «СЗГМУ им. И.И. Мечникова» Минздрава России,
Детский городской многопрофильный клинический специализированный центр
высоких медицинских технологий

Чудина О.С., Дзанагова Р.О.
Детский городской многопрофильный клинический специализированный центр
высоких медицинских технологий

Ранняя помощь в условиях реабилитационного отделения детской городской больницы

Ранняя помощь, комплексная реабилитация, дети раннего возраста, родители

Ранняя помощь представляет собой технологию и организационную структуру, направленную на оказание помощи и поддержки детям раннего возраста с нарушениями в развитии (врождённые пороки развития, генетические нарушения, психоэмоциальные и психоневрологические нарушения, инвалидность) или с высокой степенью риска появления нарушений для содействия их оптимальному развитию и адаптации в обществе.

В отделении реабилитации детской городской больницы направляются дети, относящиеся к вышеперечисленным категориям, прошедшие в условиях детской городской больницы (отделение реанимации и интенсивной терапии, отделения патологии новорожденных) предыдущие этапы лечения и выхаживания и продолжающие в дальнейшем получать реабилитационно-восстановительное лечение до 18 лет. При этом среди детей, находящихся в отделении, две трети составляют дети раннего возраста.

Таким образом, целевая группа для оказания комплексной реабилитации и ранней помощи частично совпадает.

Декларируемыми современными принципами оказания реабилитационной помощи, являются: семейно-центрированность и ориентация на потребности ребенка. При этом делается акцент на мотивацию самого ребенка в процессе реабилитации.

Междисциплинарная реабилитационная командная работа позволяет сформулировать у ребенка, наряду с медицинским, функциональный диагноз, который динамически отслеживается во время текущего и последующих курсов реабилитации. Принята, в качестве более эффективной, ориентация на развитие ребенка в естественных жизненных ситуациях, при учете факторов контекста. Необходимой представляется оценка актуальных ресурсов и ограничений ребенка, индивидуальный профиль его развития.

При рассмотрении принципов оказания помощи в медицинской модели и модели ранней помощи можно отметить их согласованность.

Наблюдаются и различия в двух моделях. Например, в принципе непрерывности оказания ранней помощи и ее периодичности (курсовое лечение) в медицинской модели. Однако, при наличии возможности получения повторных курсов реабилитации, до 3-4 раз в год и возможности получения программы домашнего сопровождения, эти различия сглаживаются. Наиболее существенным различием представляются ограничения для внедрения в рамках медицинской модели психологической поддержки и сопровождения родителей в медицинском учреждении. Однако, они могут быть преодолены при развитии практики создания малых детско-родительских игровых групп для оценки и развития социального взаимодействия и гармонизации социально-эмоционального развития диады ребенок-родитель.

С 2019 года в условиях детской городской больницы работает отделение катамнеза, а с 2020 г. отделение реабилитации, ежегодно осуществляющее помощь от 400 до 700 семьям в год. Дети получают необходимое врачебное наблюдение, коррекцию нутритивного статуса. С каждой семьей, имеющей ребенка, направленного в отделение отборочной комиссией, работает междисциплинарная команда специалистов. Используются методы ЛФК и физической терапии: кинезиотерапия, гидрокинезотерапия, организация 24- часового постурального менеджмента, рекомендации по подбору технических средств реабилитации техники, эрготерапии: терапия кормления, создание развивающей среды, стимуляции оро-фациальной области, функциональный тренинг, ортезирование, а также развитие ранней коммуникации и альтернативной дополнительной коммуникации, сенсорной интеграции, Монтессори-терапии, оценка и способствование развитию детско-родительских отношений. Проводятся детско-родительские группы для развития самообслуживания, моторики и социального взаимодействия.

Таким образом, представляется необходимым и возможным внедрение технологий ранней помощи в комплексную модель реабилитации, реализуемую в условиях реабилитационного отделения детской городской больницы.

Прочухаева М.М.
ГБУ МОСЦ «Роза ветров» ДТСЗН

Тюрина Н.Ш.
ГАУ ИДПО ДТСЗН

Ранняя помощь детям, рожденным раньше срока в социальном комплексе города Москвы

Ранняя помощь, рожденные раньше срока, критическое состояние здоровья, неонатальный период, семья

Введение. Для современной перинатологии, психологии и педагогики преждевременное рождение ребенка является фактором риска развития медико-социальных и психолого-педагогических проблем. Исследования последних 20 лет убедительно показывают более высокие показатели когнитивных, моторных и сенсорных нарушений среди недоношенных детей (R.J. Shaw et al, 2023; A.R. Morris et al, 2021), наличие разнообразия психологических переживаний родителей (J. Xie et al, 2019; М. Зиборова, 2016), трудности формирования привязанности (S. Givrad et al, 2020) и др. Развитие факторов риска в каждом отдельном случае характеризуется высокой прогностической неопределенностью. Отечественный и зарубежный опыт доказывает, что в подавляющем большинстве случаев ребенок и его семья нуждаются в системной и целенаправленной поддержке (Н.В. Мазурова, 2012).

Цель исследования. Описание стандарта ранней помощи детям, рожденным раньше срока, а также детям с критическим состоянием в неонатальный период, и их семьям в городе Москве.

Объектом исследования является процесс сопровождения детей, рожденных раньше срока, а также детей с критическим состоянием в неонатальный период, и их семей.

Предметом исследования является стандарт оказания услуг ранней помощи детям, рожденным раньше срока, а также детям с критическим состоянием в неонатальный период, и их семьям в городе Москве.

Материалы и методы исследования. Разработка, апробация и внедрение стандарта сопровождения детей, рожденных раньше срока, а также детей с критическим состоянием в неонатальный период, и их семей реализуется на базе организаций ДТСЗН, ДЗМ и ДОНМ г. Москвы. В основу данного стандарта положен функциональный, семейно-центрованный, субъектный подходы.

Результаты. Алгоритм реализации стандарта сопровождения детей, рожденных раньше срока, а также детей с критическим состоянием здоровья в неонатальный период в Центрах ранней помощи (ЦРП) города Москвы включает первичную оценку развития ребенка и определение нуждаемости детей и их семей в ранней помощи; определение функциональных целей развития ребенка и семьи, промежуточную и итоговую оценку их реализации. Первичная оценка навыков функционирования и ограничений жизнедеятельности ребенка с использованием МКФ, результаты фиксируются в бланках оценки динамики развития ребенка. По итогам оценки определяется степень выраженности ограничений функционирования ребенка и формирование программы наблюдения. Функциональные цели развития ребенка и семьи на ближайшие 6 месяцев направлены на развитие навыков, помогающих ребенку включаться в повседневную жизнь семьи, с подбором наиболее эффективных средств и методов. Программа наблюдения предполагает содействие физическому и психическому развитию ребенка; его вовлеченности в повседневные естественные жизненные ситуации; формирование позитивного взаимодействия ребенка с родителями; социальную адаптацию ребенка в среде сверстников; повышение компетентности родителей.

Выводы. Определены алгоритм работы специалистов центров ранней помощи и нормативно закреплено межведомственное взаимодействие с целью снижение рисков инвалидизации детей и увеличение функциональности детей и их семей.

1. Зиборова М. И., Кешишян Е. С., Сахарова Е. С. Особенности психологического статуса семей с глубоконедоношенными детьми // Рос вестн перинатол и педиат. –2016. – №2. – С. 12–16.
2. Мазурова Н. В., Лазуренко С. Б., Карниз Т. А., Зайниддинова Р. С. Психолого-педагогическое сопровождение недоношенного ребенка и его семьи в структуре комплексной реабилитации // Российский педиатрический журнал. – 2012. –№5. –С. 13-17.
3. Shaw RJ, Givrad S, Poe C, Loi EC, Hoge MK, Scala M. Neurodevelopmental, Mental Health, and Parenting Issues in Preterm Infants. Children (Basel). – 2023. – T. 10. – No 9. – P. 1565.
4. Morris AR, Bora S, Austin NC, Woodward LJ. Mental health, neurodevelopmental, and family psychosocial profiles of children born very preterm at risk of an early-onset anxiety disorder. Dev Med Child Neurol. –2021. – Aug; 63(8). – P. 954-962.
5. Xie J, Zhu L, Zhu T, Jian Y, Ding Y, Zhou M, Feng X. Parental Engagement and Early Interactions with Preterm Infants Reduce Risk of Late Postpartum Depression. J Nerv Ment Dis. – 2019. – May;207(5). – P. 360-364.
6. Givrad S., Hartzell G., Scala M. Promoting infant mental health in the neonatal intensive care unit (NICU): A review of nurturing factors and interventions for NICU infant-parent relationships. Early Hum. Dev. – 2021. – No. 154. – P. 105281.

Клочкова Е.В.
АНО реабилитационных услуг «Физическая реабилитация»

Ранняя помощь младенцам с высоким риском развития церебрального паралича и других нарушений, обусловленных поражением центральной нервной системы

Ранняя помощь, церебральный паралич, клинические рекомендации

Введение. За последние 15 лет подходы к ранней помощи младенцам с риском ДЦП существенно изменились под влиянием данных о нейропластичности, результатов мультицентровых исследований и возможностей надёжного раннего выявления и прогнозирования тяжести нарушений. Клинические рекомендации (Morgan et al., 2021) акцентируют необходимость начала помощи сразу после выявления риска, а не при появлении задержки развития, использовании вмешательства, основанного на принципах нейропластичности, поддержки функционирования ребёнка в обогащённой среде, укрепления родительских компетенций и привязанности. Базовыми принципами считаются партнёрство с семьёй, совместная постановка целей, использование доказательных, структурированных программ с достаточной интенсивностью и интеграцией в повседневную активность ребёнка. Цель настоящего исследования – проанализировать массив исследований программ ранней помощи детям с риском ДЦП и других нарушений развития, связанных с поражением ЦНС, за 2022–2025 годов программ раннего вмешательства с целью подтвердить и дополнить актуальную базу доказательств.

Методы. Использовался ориентированный на рекомендации тематический обзор с обновлением данных. В качестве аналитической рамки использовались актуальные клинические рекомендации по раннему вмешательству для детей с высоким риском ДЦП (Morgan et al, 2021). На основании ключевых направлений доказательных вмешательств, представленных в этих рекомендациях, был проведён обзор публикаций за последние годы (2022–2025), с целью выявления новых данных, подтверждающих или дополняющих существующую базу доказательств.

Результаты. Проанализировано 46 исследований (2022-25 г.), сфокусированных на анализе результативности подходов и принципов ранней помощи, сформулированных в ранних руководствах и клинических рекомендациях. Современные исследования подтверждают, что ранняя помощь детям с риском ДЦП должна начинаться до 6 месяцев жизни, быть интенсивной и в максимальной степени ориентироваться на возможности нейропластичности в первые 24 месяца жизни (Boyd et al, 2024). Кроме традиционных контактных подходов к помощи, показана результативность форматов с использованием телемедицины и форматов, основанных на коучинге родителей (Ziegler et al, 2023), включая форматы, где роль специалиста выполняют реабилитационные работники сообщества (Benfer et al, 2024). Развитие системы ранней помощи должно основываться на равном доступе, научной доказательности и учёте потребностей семьи, что позволяет улучшить долгосрочные исходы и качество жизни ребёнка.

Выводы. Проведённый анализ подчёркивает необходимость переосмысления ранней помощи младенцам высокого риска с акцентом на раннюю диагностику и немедленное вмешательство, включающее междисциплинарные, экологичные по отношению к ребёнку и семье подходы и должную интенсивность. Для этого потребуется развитие кадров, методическое сопровождение и организационные изменения в системе ранней помощи.

1. Benfer K. Efficacy of Early Intervention for Infants With Cerebral Palsy in an LMIC: An RCT// Pediatrics. 2024. Apr 1. 153(4). e2023063854.
2. Boyd R. et al. Efficacy of Early Intervention for Infants With Cerebral Palsy in an LMIC: An RCT// Paediatrics. 2024. 153 (4). e2023063854.
3. Morgan K. et al. Early Intervention for Children Aged 0 to 2 Years With or at High Risk of Cerebral Palsy: International Clinical Practice Guideline Based on Systematic Reviews// JAMA Pediatr. 2021. Aug 1. 175(8). P. 846-858.
4. Ziegler A. et al. The potential of COPCA's coaching for families with infants with special needs in low- and middle-income countries// Front. in Pediatr. 2023. 11. e983680.

Любова А.В.
ГБОУ школы 627 Невского района Санкт-Петербурга

Самсонова А.В.
ГБОУ школы 627 Невского района Санкт-Петербурга

Простейшие голосовые коммуникаторы как средство альтернативной коммуникации для детей, имеющих ограниченные возможности здоровья

Альтернативная коммуникация, дети с ограниченными возможностями здоровья, низкотехнологичные средства.

Коммуникация – это общение с помощью речи, слов. Однако для детей, по различным причинам испытывающих сложности с вербальной речью, можно и нужно использовать альтернативные системы коммуникации. Альтернативная коммуникация – это любые способы коммуникации, помимо вербальной речи, позволяющие развить навык коммуникации в целом, а также развить у ребенка способность выражать свои желания и мысли. (Фон Течнер Стивен, 2016).

Голосовые кнопки, коммуникаторы – это простейшие низкотехнологичные средства альтернативной коммуникации, которые доступны даже малышам. На эти устройства можно записать голосовое сообщение, быстро перезаписать сообщение, поменять символ. Коммуникаторы состоят из нескольких кнопок и по сути своей - это коммуникативная таблица, только озвученная (Штягинова Е.А., 2012). Коммуникативные кнопки могут использоваться в качестве дополнительного средства общения для детей, не обладающих вербальной речью. На кнопку можно прикрепить визуальную опору. Также можно делать тактильные коммуникативные кнопки для слабовидящих детей. Использование данного средства доступно даже для ребёнка с тяжёлыми двигательными нарушениями, так как ребёнок может нажать на кнопку не только рукой, но и другими частями тела. Предоставление выбора с помощью кнопок может стать для такого ребенка способом, которым он контролирует окружение и окружающих.

С помощью коммуникативных кнопок малыш может научиться:

- отвечать на вопросы собеседника простыми словами «ДА/НЕТ»;
- приветствовать собеседника (прощаться);
- договаривать сказки, песни, стихи;
- сообщать о физиологических потребностях (пить, есть, туалет…);
- использовать коммуникативные кнопки для общения.

Коммуникатор - это низкотехнологичное средство коммуникации с речевым выводом, которое благодаря незначительному весу можно носить с собой. Наборы картинок подбираются индивидуально для каждого ребенка, в зависимости от его общего и речевого развития, мотивации и потребностей.В коммуникаторе существует несколько уровней, и можно одновременно на один коммуникатор записать несколько коммуникативных таблиц.

Для чего нам нужны технические средства коммуникации? Это всегда высокая мотивация. Детям очень интересно нажимать на кнопку: гораздо больше мотивации, чем просто показывать пальцем на картинку. Это мгновенная обратная связь, задействовано сразу несколько анализаторов. Это повышение собственной активности и собственного интереса к коммуникативной деятельности, осознание себя субъектом коммуникации.

Благодаря использованию простейших низкотехнологичных средств альтернативной коммуникации на занятиях и дома расширяются возможности малышей, повышается их самостоятельность и упрощается социализация детей с ограниченными возможностями здоровья. Улучшается процесс взаимодействия между всеми участниками педагогического процесса: ребенком, воспитателем, специалистами, родителями.

1. Альтернативная и дополнительная коммуникация в работе с детьми и взрослыми, имеющими интеллектуальные и двигательные нарушения, расстройства аутистического спектра. Сборник статей./Ред.-сост. В. Рыскина.- СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016.-288 с.
2. Штягинова, Е.А. Альтернативная коммуникация: метод. сборник / Е.А. Штягинова / Городская общественная организация инвалидов «Общество «ДАУН СИНДРОМ». – Новосибирск, 2012.- 30 с.

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Славинская А.Н
ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Семья: роль биологического и социального во взаимодействии родителей и детей

Семья, приемная семья, формально-динамические характеристики

Ближайшее окружение ребенка – его семья. Многие проблемы современной семьи и общества обусловлены историей их происхождения. Весь животный мир, и человек, как его часть, умеет отличать «свое» и «чужое» (Николаева, Япарова, 2013).

Русский язык крайне резко относится к тому, кто принадлежит другой крови. Для сына его любимая – невеста, но для его родственников она - невестка. Мать – родное существо, но мачеха даже словесным обрамлением предупреждает об опасности. Сын – пасынок, дочь – падчерица. Особенно болезненно это применительно к приемным семьям. В России всегда принято было брать детей бедных родственников. У них не было никаких имущественных прав, и имя им давалось соответствующее – приживалы (Николаева, Япарова, 2010).

Эти языковые экзерсисы отражают важную проблему: насколько комфортно развиваться приемным детям в семьях, где есть родные и неродные дети? Ранее мы сравнивали семьи, которые несмотря на трудности, возникающие при адаптации приемного ребенка в семье, стремились оставить его в семье, и семьи, где размещение завершилось расставанием. Центральной характеристикой приемной мамы, сумевшей принять ребенка, оказалась когнитивная гибкость и воспитание только приемных детей, тогда как семьи, которые расставались с ребенком, имели много ригидных установок, и очень часто одновременно воспитывала родных и неродных детей (Николаева, Япарова, 2013).

Методика

В исследовании приняли участие 109 матерей, из которых 52 матери (47,4±6,2 г.) имеют опыт замещающего родительства продолжительностью от 1 до 177 месяцев (54,3±33,2 мес.).

Все матери заполняли опросник Я Стреляу, оценивающий формально-динамические характеристики темперамента.

Результаты и их обсуждение

Отличие кровных матерей от группы приемных матерей, одновременно воспитывающих родных и приемных детей состояло в меньшей сенсорной чувствительности последних. Ранее мы выявили, что многие приемные родители не считали значимым для приемных детей тактильное взаимодействие (Николаева, Дыденкова, 2025), порой отмечая, что они не любят «когда дети к ним липнут». Приемные матери, воспитывающие одновременно родных и приемных детей, менее чувствительны к сенсорным воздействиям. Можно предположить, что это защитный механизм, позволяющий им справиться с одновременным действием биологических и социальных механизмов. В тоже время стоит подчеркнуть, что это может быть и свидетельство большего выгорания этих матерей).

Воспитание одновременно родных и приемных детей, включающее антагонистическое действие биологических инстинктов и социальных механизмов требует больших ресурсов от приемной матери и способствует большей вероятности возникновения выгорания. Кумулятивный эффект хронического стресса в сочетании с большим числом детей может вести к возникновению негативных внутрисемейных отношений. Это требует большей социальной поддержки семей и создания условий регулярного отдыха приемных родителей, повышения их образовательного уровня как фактора устойчивости семьи.

1. Николаева Е.И., Япарова О.Г. Ребенок свой и чужой. Ребенок в родной и приемной семье: проблемы и их решение. М.: Мой учебник, 2013 https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21842134
2. Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Славинская А.Н. Влияние социобиографических характеристик матерей на особенности их исполнительных функций //Познание и переживание. 2025. Т. 6. № 1. С. 89-106. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80621585

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта Российского государственного университета им. А.И. Герцена «Факторы, опосредующие влияние цифровой среды на когнитивное развитие детей в дошкольном и младшем школьном возрасте» 52ВГ

Артамонова Е.А., Пальмов О.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Коммуникация и характеристики взаимодействия воспитателей и воспитанников с синдромом Дауна в ДДИ

Дети с синдромом Дауна, коммуникация, детский дом-интернат, характеристики взаимодействия, институционализация

В учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей, эмоциональный контакт ребенка со взрослым ограничен, что приводит к физическим, эмоциональным и поведенческим трудностям (Мухамедрахимов и др., 2022). В частности, это касается и детей с синдромом Дауна, проживающих в детских домах-интернатах: в общении они проявляют меньше инициативы, чем дети с СД, воспитывающиеся в семьях, снижена их заинтересованность в окружающем мире, эмоциональность речи, социальная мотивация (Григоренко, 2016). Эмоциональная вовлеченность сотрудников в общение с детьми часто оказывается сниженной, условия могут характеризоваться социально-эмоциональной депривацией (Алексеенко и др., 2017). Целью данного исследования является изучение показателей развития коммуникации у воспитанников детского дома-интерната 9-20 лет с синдромом Дауна в связи с характеристиками взаимодействия воспитанников и воспитателей.

Исследование проводилось в одном из ДДИ Санкт-Петербурга. В исследовании приняли участие 17 пар «воспитатель – воспитанник», возраст воспитанников варьировался от 9 до 20 лет. Оценка коммуникативного развития воспитанников проводилась с помощью методики «Матрица коммуникации» (Rowland, 1990). Характеристики взаимодействия воспитателей и воспитанников оценивались по видеозаписи: участницам было предложено в течение пяти минут играть в свободную и структурированную игру с детьми; использовалась методика «Лист оценки взаимодействия взрослого и ребенка в ситуации свободной и структурированной игры» (Пальмов, Капустянская, Курохтина, Артамонова; неопубликованный метод). Также воспитателями заполнялась социально-биографическая анкета.

Было выявлено, что с характеристиками взаимодействия воспитателей не связаны показатели коммуникации воспитанников, но связаны характеристики их взаимодействия в процессе игры. В данной выборке уровень коммуникативного поведения детей не связан с тем, как воспитатели взаимодействуют с ними в процессе игры. Мы можем предположить, что условия в ДДИ не позволяют воспитателям общаться с ребенком так, чтобы это повлияло на его способности. Также было выявлено, что характеристики взаимодействия с детьми со стороны воспитателей не связаны со стажем работы в детском доме-интернате. Результаты свидетельствуют о различиях в использовании воспитателями разных форм игры. В процессе свободной игры воспитатели используют меньше вмешивающегося поведения, перестимуляции и оставления без внимания коммуникативных инициатив, чем в структурированной игре.

Таким образом, коммуникативное развитие детей в ДДИ не полностью зависит от поведения воспитателей, однако в момент взаимодействия то, как воспитатель общается с воспитанником, значительно влияет на эмоциональное состояние и поведение ребенка в игре. Полученные результаты могут быть использованы для организации супервизий сотрудниц, а также оценки эффективности их взаимодействия с детьми.

Соловьева Т.И., Пшеничнюк Д.В., Чумакова М.А
НИУ ВШЭ

Эмоциональная депривация при опыте институционализации как предиктор развития делинквености

Делинквентное поведение, институционализация, эмоциональная депривация

Введение. Исследование посвящено анализу влияния возраста начала и длительности институционализации на склонность к делинквентному поведению. Актуальность работы обусловлена противоречиями в существующих данных, теоретических и эмпирических: одни исследования связывают делинквентность преимущественно с биологическими факторами (Ling et al., 2019), другие – с социальными, включая опыт институционализации с сопутствующей эмоциональной депривацией (Rutter et al., 2007; Nsabimana et al., 2019). Цель исследования – выявить наличие или отсутствие взаимосвязи между возрастом попадания в детский дом, длительностью пребывания там и показателями делинквентного поведения.

Методы. В исследовании приняли участие 213 респондентов (109 женщин, 104 мужчины) в возрасте от 15 до 38 лет (M=19.4), имеющих опыт пребывания в детских домах Москвы и Санкт-Петербурга. Использовались: 1) форма самоотчета для взрослых (ASR) из опросника Ахенбаха, включающая шкалы «Агрессивное поведение», «Нарушение правил» и «Навязчивое поведение»; 2) опросник психологического благополучия ВОЗ (WHOQOL). Участники были разделены на группы по возрасту попадания в учреждение (ранняя – до 3 лет, поздняя – 4 года и старше) и длительности пребывания (долгая – любой срок для ранней группы и более 2 лет для поздней; недолгая – менее 2 лет для поздней).

Результаты. Группа с ранней и длительной институционализацией демонстрировала более высокие показатели по шкалам «Тревожность/депрессия» (p=0.02) и «Проблемы мышления» (p=0.03) по сравнению с группой поздней и длительной институционализации, но значимых различий по шкалам делинквентности выявлено не было. Группа с поздней, но длительной институционализацией имела более высокие показатели психологического благополучия (p=0.11), чем группа с недолгим пребыванием, что может свидетельствовать о значении стабильности среды. Ни одна из гипотез не продемонстрировала значимую связь между опытом институционализации и склонностью к делинквентному поведению по шкалам ASR.

Выводы. Ранний возраст попадания в детский дом связан с эмоциональными трудностями, но не обязательно ведет к делинквентности. Длительное пребывание в стабильных условиях учреждения может способствовать психологическому благополучию. Для уточнения полученных данных необходимы дальнейшие исследования с увеличенной выборкой и включением качественных методов. Полученные результаты важны для разработки программ психологической поддержки воспитанников детских домов.

1. Chumakova, M., Zhukova, M., Kornilov, S., Golovanova, I., Davyudova, A., Logvinenko, T., & Grigorenko, E. (2020). Psychological well-being of adults with a history of institutionalization. Psychology, 17(1), 102-117. doi:10.17323/1813-8918-2020-1-102-117
2. Ling, S., Umbach, R., & Raine, A. (2019). Biological explanations of criminal behavior. Psychology, crime & law, 25(6), 626-640. doi:10.1080/1068316X.2019.1572753
3. Nsabimana, E., Rutembesa, E., Wilhelm, P., & Martin-Soelch, C. (2019). Effects of Institutionalization and Parental Living Status on Children's Self-Esteem, and Externalizing and Internalizing Problems in Rwanda. Frontiers in psychiatry, 10, 442. doi:10.3389/fpsyt.2019.00442
4. Rutter, M., Beckett, C., Castle, J., Colvert, E., Kreppner, J., Mehta, M., & Sonuga-Barke, E. (2007). Effects of profound early institutional deprivation. European Journal of Developmental Psychology, 4(3), 332-350. doi:10.1080/17405620701401846
5. Ураева, Г. Е., Боголюбова, О. Н., Смыкало, Л. В., Скочилов, Р. В., Йорик, Р. В., Суворова, С. В., & Захаров, К. А. (2012). Опыт переживания насилия в семье и психологическое состояние ВИЧ-инфицированных женщин. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, (2), 48-55.

Романова Р.С., Кузнецова Ю.Е.
НТУ «Сириус»

Распространенность аутизма и квазиаутизма у воспитанников домов ребенка в России

Институционализация, расстройство аутистического спектра, аутизм, квазиаутизм

У детей, находящихся без родительской заботы в учреждениях интернатного типа, чаще наблюдаются задержки физического развития, нарушения когнитивной, языковой, а также социально-коммуникативной сфер (Van Ijzendoorn et al., 2008). Раттером и др. был описан феномен квазиаутизма, как распространенного явления среди детей с опытом институционализации. Основными чертами квазиаутизма являются: слабая реципрокность, сложности с восприятием социальных сигналов, отсутствие адекватных социальных границ, элементы так называемого «беспорядочного дружелюбия», а также ограниченное поведение и необычные увлечения (Rutter et al., 2007). Помимо этого, существуют статьи, демонстрирующие повышенную распространенность аутизма среди лиц с опытом институционализации, оцениваемую на уровне 11% (Green et al., 2016).

Цель исследования: оценка превалентности аутизма и квазиаутизма среди детей в возрасте от 12 до 48 месяцев, проживающих в домах ребенка в РФ.

Исследование проводилось на базе КУ ВО «Воронежский областной специализированный дом ребенка». В исследовании применялся двухфазный кросс-секционный дизайн, включавший скрининг и последующую клиническую и поведенческую оценку участников группы риска. Выборка состояла из 32 детей (21 мальчик) в возрасте от 12 до 49 месяцев. Для оценки риска аутизма применялись «Модифицированный скрининговый тест на аутизм для детей, пересмотренный» (M-CHAT-R, Robins et al., 2014) и «Опросник расстройств аутистического спектра» (CASD, Mayes, 2012). На второй фазе применялся «План диагностического обследования при аутизме, вторая версия» (ADOS-2, Lord et al., 2012).

У 56,3% участников (N=18) были обнаружены высокие показатели риска по результатам скрининга. Также для участия во второй фазе были приглашены двое участников, имевших диагнозы, связанные с аутизмом согласно медицинским записям. Из них 12 участников набрали баллы, ассоциированные с аутизмом (все мальчики). В большинстве случаев отмечались высокие показатели в нарушении социальной коммуникации, без проявлений ограниченных и/или стереотипных форм поведения. Таким образом, только двое участников получили исследовательский диагноз аутизм, а остальные имели проявления квазиаутизма.

П*о результатам исследования* среди детей, проживающих в условиях институционализации, была обнаружена повышенная распространенность аутизма (6,3%), а также высокая распространенность квазиаутизма (31,3%). Причиной может являться как негативное влияние внешних условий, так и повышенная вероятность того, что дети с особенностями развития могут быть переданы в дом ребенка из-за трудностей в обеспечении им надлежащего ухода со стороны родителей, а также низкая вероятность их усыновления в случае сиротства.

1. Van Ijzendoorn M. H., Luijk M. P. C. M., Juffer F. IQ of children growing up in children's homes: A meta-analysis on IQ delays in orphanages //Merrill-Palmer Quarterly. – 2008. – Т. 54. – №. 3. – С. 341-366.
2. Rutter M. et al. Early adolescent outcomes of institutionally deprived and non-deprived adoptees. III. Quasi-autism //Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2007. – Т. 48. – №. 12. – С. 1200-1207.
3. Green J. et al. Autism spectrum disorder in children adopted after early care breakdown //Journal of Autism and Developmental Disorders. – 2016. – Т. 46. – С. 1392-1402.
4. Robins D. L. et al. Validation of the modified checklist for autism in toddlers, revised with follow-up (M-CHAT-R/F) //Pediatrics. – 2014. – Т. 133. – №. 1. – С. 37-45.
5. Mayes S. D. Checklist for Autism Spectrum Disorder. Wood Dale, IL: Stoelting. 2012
6. Lord C. et al. Autism Diagnostic Observation Schedule. 2nd ed. Western Psychological Corporation; 2012.

Морозова Е.Ю., Шабалина Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности поведения и привязанности у детей с поздним возрастом поступления в дом ребёнка

Институционализация, возраст поступления в учреждение, нарушения поведения, привязанность

Введение. Ранние отношения с близким взрослым имеют решающее значение для эмоционального и социального развития ребёнка. Дети, воспитывающиеся в домах ребёнка, часто подвергаются социально-эмоциональной депривации, что приводит к нарушениям привязанности, эмоциональной регуляции и поведенческим трудностям (McCall et al., 2016).

Возраст поступления в учреждение рассматривается как потенциальный модератор, определяющий последствия неблагоприятного опыта для развития и психического здоровья детей (Zeanah et al., 2004). Целью пилотного исследования является изучение влияния возраста поступления ребёнка в дом ребёнка на его эмоциональное состояние, поведение и особенности формирования привязанности. Внимание в работе уделяется сравнению детей, находящихся в учреждении с рождения, и детей, изъятых из семей в более позднем возрасте, с учётом их различного раннего опыта.

Методы. В пилотном исследовании участвовали 18 детей (10 мальчиков; ср. возраст: 21,5±6,9 мес.), проживающих в доме ребёнка г. Санкт-Петербурга. Группа 1 включала 14 детей, поступивших в учреждение после периода жизни в семье (ср. возраст поступления 14±10,1 мес.); группа 2 состояла из 4 детей, помещённых в учреждение с рождения. Методы оценки включали анкету для сбора анамнестических данных, модифицированный опросник привязанности (MAQ, Chisholm, 1998) и опросник для оценки нарушений поведения и эмоциональных проблем CBCL/1,5–5 (Achenbach, Rescorla, 2001). Обработка данных проведена с помощью пакета Jamovi 2.3.28.

Результаты. Анализ данных показал, что в целом, у детей наблюдается выраженное поведение привязанности (MAQ: средний балл по шкале привязанности, M±SD = 74,2±4,8). При этом у 86% детей отмечаются признаки неразборчивого дружелюбия, маркера расторможенного расстройства привязанности (M±SD = 10,8±2,5). При сравнении групп выявлены более выраженные признаки безопасной привязанности у детей, проживавших в доме ребенка с рождения (в тенденции, $p = 0,06$). По результатам CBCL среди детей с опытом жизни в семье у 28% выявлены признаки эмоциональных и поведенческих нарушений, в то время как их не обнаружено у детей, проживавших в доме ребенка с рождения.

Выводы. Полученные данные подтверждают значение возраста поступления и наличия доинституционального опыта для формирования привязанности и возникновения нарушений поведения у детей в условиях учреждения. Дети с опытом жизни в семье чаще демонстрируют признаки эмоциональных и поведенческих проблем, трудности формирования безопасной привязанности, что может быть связано как с влиянием утраты первичной фигуры привязанности (Hawk et al., 2018), так и с вероятным наличием неблагоприятного опыта в семье. Более высокие показатели у детей, с рождения проживающих в учреждении, могут объясняться высоким качеством окружения в доме ребенка семейного типа (McCall et al., 2016). Результаты являются предварительными, планируется расширение выборки и анализ вклада качества раннего опыта, полученного в семье.

1. Hawk B.N., Mccall R.B., Groark C.J., Muhamedrahimov R.J., Palmov O.I., Nikiforova N.V. Caregiver sensitivity and consistency and children's prior family experience as contexts for early development within institutions // Infant mental health journal. 2018. Vol. 39 (4). P. 432-448.
2. McCall R.B., Muhamedrahimov R.J., Groark C.J., Palmov O.I., Nikiforova N.V., Salaway J.L., Julian M.M. The development of children placed into different types of Russian families following an institutional intervention // International Perspectives in Psychology. 2016. Vol. 5 (4). P. 255-270.
3. Zeanah C.H., Scheeringa M., Boris N.W., Heller S.S., Smyke A.T., Trapani J. Reactive attachment disorder in maltreated toddlers // Child abuse and neglect. 2004. Vol. 28 (8). P. 877-888.

Куцувил С.А., Чернего Д.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Исследование эмоционального выгорания и качества отношения к воспитанникам у сотрудников сиротских учреждений

Введение. Педагоги сиротских учреждений сталкиваются с высокими психологическими нагрузками в силу особенностей их работы (Ахтырский, 2021). Работа с детьми, раннее пережившими тяжелые события и находящимися в состоянии эмоциональной депривации, создают колоссальную психологическую нагрузку на персонал, что может привести к эмоциональному и профессиональному выгоранию (Томилова, 2024). Эмоциональное выгорание сопровождается эмоциональной сухостью, личной отстраненностью, игнорированием отличительных черт воспитанников, что ведет к ухудшению качества ухода и ослаблению эмоциональной вовлеченности в жизнь воспитанников (Аборина, 2016). В свою очередь, качество раннего социально-эмоционального окружения влияет на психическое здоровье ребенка (Мухамедрахимов, 2022) Несмотря на государственный курс на устройство детей в семьи, многие дети по-прежнему живут в сиротских учреждениях, а их воспитатели и педагоги испытывают высокие психологические нагрузки (Львова-Белова, 2024). Существует значительный пробел в понимании масштабов и специфики эмоционального выгорания персонала сиротских учреждений, а также того, как это выгорание сказывается на качестве их отношения к воспитанникам. Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи эмоционального выгорания и качества отношения к детям у сотрудников сиротских учреждений.

Методы. В исследовании приняли участие сотрудники сиротских учреждений. Для изучения эмоционального выгорания использован опросник психического выгорания для работников социальных профессий (Орел, Сенин, 2005), для определения качества отношения к детям предлагалась анкета по оценке отношения к воспитанникам и условиям работы в учреждении для детей, оставшихся без попечения родителей (О.И. Пальмов, Н.А. Селина, неопубликованный метод).

Результаты. Собранный эмпирический материал исследования находится на стадии анализа данных. В результате исследования будет получена информация об эмоциональном выгорании и качестве отношения к детям у сотрудников сиротских учреждений. Выводы. Результаты исследования позволят расширить научные знания и оценить значимость взаимосвязи эмоционального выгорания и качества отношения к воспитанникам у сотрудников сиротских учреждений.

1. Ахтырский А.А Исследование процессов профессионального выгорания педагогических работников сиротских учреждений. Опыт применения методики PsyCap в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. №2. С. 65-71.
2. Аборина М.В., Сахарнова Л.В. Профессиональное выгорание сотрудников детских учреждений // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. №5(56). С. 59-59.
3. Мухамедрахимов Р.Ж. Психическое здоровье детей в домах ребенка и замещающих семьях // Forcipe. 2022. 5 (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskoe-zdorovie-detey-v-domah-rebenka-i-zameschayuschih-semyah (дата обращения - 25 июля 2025 г.)
4. Семья на первом месте: Мария Львова-Белова дала старт проекту «Вызов» в 14 регионах России // уполномоченный при президенте российской федерации по правам ребенка URL: https://gclnk.com/ZsuKX97v (дата обращения: 22.06.2025).
5. Орел В. Е., Сенин И. Г. Опросник психического выгорания для работников социальных профессий. 2005. https://psytests.org/stress/burnso.html (дата обращения: 25.07.2025).
6. Томилова, Е.А. Повышение ресурсности специалистов, работающих в детском доме, как залог эффективной деятельности учреждения. // ГБУ АО «Центр «Надежда» URL: https://nadejdaarh.ru/poleznaya-informatsiya/dlya-spetsialistov-detskikh-domov/597-povyshenie-resursnosti-spetsialistov-rabotayushchikh-v-detskom-dome-kak-zalog-effektivnoj-deyatelnosti-uchrezhdeniya (дата обращения: 22.06.2025).

Полянская И.В.
СПБ ГКУЗ СПНДР №13

Дом ребенка как участник системы ранней помощи: опыт и перспективы

Дома ребенка, традиционно воспринимаемые как изолированные учреждения временного пребывания детей, оставшихся без попечения родителей или находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе детей с тяжелыми множественными нарушениями развития, обладают значительным потенциалом стать активными участниками системы ранней помощи для детей младенческого и раннего возраста и их семей (кровных/замещающих).

Опыт СПб ГКУЗ «СПНДР № 13» демонстрирует возможность организации непрерывной поддержки, фокусирующейся не только на реабилитации ребенка в период институционализации, но и на профилактике вторичных отказов через укрепление семейного окружения. Фундаментом работы учреждения является модель организации жизни детей и работы персонала, ориентированная на поддержку психического здоровья и развития детей в доме ребенка и доказавшая свою эффективность (Мухамедрахимови др., 2009). К ключевым элементам модели относятся малочисленные (до 6 детей) интегративные группы семейного типа, прекращение переводов между группами и закрепление постоянных воспитателей (5-дневный график). Эта организация создает условия для формирования отношений ребенка и близкого взрослого в группе. Следование сотрудниц принципам уважительной заботы Эмми Пиклер способствует их бережному и чувствительному взаимодействию с детьми.

Современный этап развития дома ребенка связан с выходом помощи за пределы учреждения и усилением роли в сопровождении семьи. Стратегическим шагом в СПНДР № 13 стало освоение и внедрение в работу в 2024-2025 гг. при поддержке БФ «Абсолют-Помощь» Диагностической классификации нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет (ДК: 0-5) (Диагностическая классификация…, 2022). Обучение специалистов работе с ДК: 0-5 сформировало новые профессиональные компетенции, позволив междисциплинарной команде (педиатры, неврологи, психологи, дефектологи) перейти к углубленной оценке не только развития и психического здоровья ребенка, но и его отношений, а также критического психосоциального контекста семьи (стрессоры, ресурсы, факторы риска, включая риск вторичного отказа). Внедрение ДК: 0-5 позволило команде специалистов на единой методологической основе проводить оценку состояния ребенка, учитывающую взаимосвязь биологических, психологических и социальных факторов риска и разрабатывать индивидуализированные программы помощи, дифференцировать состояния у детей с органическими поражениями ЦНС и структурировать рекомендации для семьи и служб ранней помощи.

Перспективы включения дома ребенка в систему ранней помощи предполагают расширение взаимодействия со службами ранней помощи на основе общих стандартов и оценку влияния непрерывного сопровождения на функционирование детей и стабильность семейного устройства. Опыт СПб ГКУЗ «СПНДР № 13» подтверждает, что дом ребенка, интегрирующий модель стабильного и чувствительного социального окружения детей, междисциплинарный командный подход и диагностический инструмент ДК: 0-5 в систему преемственного взаимодействия со службами ранней помощи, является важным звеном в защите детства, обеспечивая комплексную реабилитацию ребенка и активную поддержку его семьи как в период нахождения в учреждении, так и после семейного устройства.

1. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет. Санкт-Петербург: Скифия, 2022.
2. Мухамедрахимов, Р.Ж.; Никифорова, Н.В.; Пальмов, О.И.; Гроарк, К.Я.; Мак, Колл Р.Б. Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2009.
3. Пиклер Э. и др. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления / Под ред. О. И. Пальмова, Э. Пиклер. М.: Национальное образование, 2021.

Комалева Е.О.
СПБ ГКУЗ СПНДР №13

Преемственное сопровождение семей при переходе ребенка из дома ребенка в службу ранней помощи

Дети, которые по тем или иным причинам попадают в дом ребенка, испытывают действие травмирующих факторов, таких как раннее разлучение со своими биологическими родителями, отсутствие адекватной заботы и пренебрежение их нуждами, разнообразные события негативного характера, происходящие внутри значимых для ребенка отношений, тяжелые множественные нарушения развития. Для детей с ранним травмирующим опытом характерны расстройства привязанности, эмоциональной регуляции, повышенная тревожность, низкий уровень доверия и другие нарушения психического здоровья (Солодунова, 2020).

Сопровождение семей после усыновления или возвращения в биологическую семью является необходимым элементом успешной интеграции ребёнка в новую жизнь. Оно помогает предотвратить возможные трудности и способствует созданию гармоничных отношений между родителями и ребёнком. Сопровождение ребенка и семьи должно включать в себя консультации психологов и психотерапевтов, кратковременную и длительную терапевтическую работу, помогающую родителям справляться с эмоциями и стрессовыми ситуациями, а ребенку – преодолевать и отреагировать травматический опыт жизни вне семьи, привыкать к новым условиям и доверять окружению.

Для обеспечение непрерывности и преемственности сопровождения ребенка в учреждении и в семье необходим диагностический инструмент, на основании которого выстраивается программа ранней помощи ребенку и родителям, который также применяется специалистами службы раннего вмешательства, в которую направляется семья. С 2024 года в рамках проекта «Обретая семью» (2024 – 2025 гг., при поддержке БФ «Абсолют-Помощь») в доме ребенка №13 было проведено обучение специалистов работе с Диагностической классификации нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет (ДК: 0-5) (Диагностическая классификация…, 2022). Применяя ДК: 0-5 в работе с семьями, авторы выделяют два этапа (диагностический и этап сопровождения), а также отмечают необходимость структуры и единого алгоритма действий и сбора данных для всех специалистов при составлении программ сопровождения ребенка первых лет жизни (Аринцина и др., 2024).

Одной из задач междисциплинарной команды дома ребенка в процессе внедрения ДК: 0-5 стало описание и апробирование технологии направления и передачи семей с детьми из дома ребенка в службы ранней помощи. Данная технология состоит из нескольких этапов. На первом, подготовительном, проводится диагностика ДК: 0-5 и разрабатывается индивидуальная программа сопровождения ребенка. На следующем этапе происходит подготовка документов для перехода ребенка в биологическую/ приемную семью (информирование органов опеки, подписание согласия на передачу данных). На третьем этапе семья переводится на сопровождение в службу ранней помощи, куда из дома ребенка передается информация о ребенке и семье, сведения о проведенном сопровождении в доме ребенка и рекомендации по индивидуальной программе ранней помощи. На четвертом этапе осуществляется сопровождение семьи в службе ранней помощи.

Данная система преемственного взаимодействия со службами ранней помощи обеспечивает активную поддержку семьи, помогает мягко проходить все этапы адаптации ребенка к новым условиям жизни, а также является профилактикой вторичных отказов и повышения качества жизни.

1. Аринцина И.А., Артамонова А.Ю., Кравченко А.П., Лотош О.Р., Насретдинова Ш.Ф., Шабалина Е.В. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет в практической работе психологов // Аутизм и нарушения развития.
2. 2024. 22(1). С. 68–75.
3. Диагностическая классификация нарушений психического здоровья и развития у детей от рождения до 5 лет // Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2022.
4. Солодунова М.Ю. Работа психолога с детьми раннего возраста и персоналом в домах ребенка // Психологическое консультирование детей и родителей: учебное пособие / под ред. В.О.Аникиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 235-256.

Железняк Л.С., Ярыгина О.Ю.
СПб ГБУ «Центр помощи семье и детям»

Представления о приемной семье у кандидатов в замещающие родители и специалистов

Предварительные знания, убеждения, установки и ценности кандидатов в замещающие родители, обучающихся в школах приемных родителей, влияют на эффективность процесса их обучения. Актуальность исследования связана с необходимостью более глубокого понимания специалистами представлений у обучающихся. По наблюдениям специалистов, ожидания и представления многих кандидатов в приемные родители часто сформированы СМИ, несущими выраженный стереотипный и иллюзорный посыл. Тогда как представления кандидатов-родственников основаны на реальном опыте жизни с ребенком или знакомстве с ним (Ярская-Смирнова и др., 2015).

Исследование проведено на базе СПб ГБУ «Центр помощи семье и детям» в Школе приемных родителей (далее ШПР), особенностью системы подготовки которой является раздельное обучение кандидатов в замещающие родители, еще не выбравших ребенка, и находящихся в процессе проектирования своей будущей семьи (далее «планирующие»), и кандидатов, уже назначенных временными опекунами детей, лишившихся родительского попечения (далее «опекающие»). Цель исследования - изучение представлений о приемной семье у кандидатов в замещающие родители. Гипотеза: существуют отличия в представлениях о замещающей семье у «планирующих» и «опекающих» кандидатов; представления «опекающих» кандидатов не отличаются от представлений специалистов. В исследовании приняли участие три группы респондентов: «планирующие» кандидаты (N=30), «опекающие» кандидаты (N=30), психологи Центра и аналогичных ШПР Санкт-Петербурга, а также сотрудники органов опеки и попечительства (N=40). Сбор данных проходил в процессе работы с каждой группой респондентов методом мозгового штурма (Ашимова Ч. М. и др.). На первом этапе группа респондентов составляла список отличительных характеристик замещающей семьи, которые затем разбивались на три группы характеристик: биологические, психологические и социальные. Каждое высказывание оценивалось как описывающее сильную, либо проблемную сторону замещающего родительства. На последнем этапе высказывания оценивались по смысловому содержанию и как ориентированные на интересы ребенка, или на интересы приемного родителя.

Было обнаружено, что позитивные стороны замещающего родительства отмечают только «планирующие» кандидаты (6 из 33 высказываний). «Опекающие» кандидаты и специалисты не отмечают ни одной сильной стороны. Подавляющее большинство высказываний респондентов всех трех групп описывают негативные психологические особенности замещающей семьи, как причиняющие личные страдания самим родителям. «Планирующие» кандидаты склонны больше говорить о сложностях, связанных с неопределенностью и отсутствием поддержки, а «опекающие» кандидаты больше обращают внимание на эмоциональное напряжение, давление долга и страх, специалисты – на ошибки коммуникации и построения отношений. Высказываний, ориентированных на интересы детей, ни в одной из трех групп респондентов в данном исследовании не обнаружено. Исследование подтвердило необходимость раздельной подготовки для различных групп кандидатов. Более существенным результатом стало обнаружение крайне негативных представлений о приемной семье у всех ключевых акторов семейного устройства – кандидатов и специалистов.

1. Ашимова Ч. М., Джунушалиева К. К., Суходубова Н. А., Чистякова И. Н. Обучение взрослых: основные подходы. Учебно-методическое пособие Currciculum GlobALE. Бишкек, 2022. https://www.dvv-international-central-asia.org/fileadmin/files/central-asia/images/images_kg/Publications/Newsletter/Curriculum_GlobALE_manual_in_russian_2022.pdf (дата обращения – 25 июля 2025г.).
2. Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., Вербилович О.Е. Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов //Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81). С. 157-173.

Калабина И.А.
ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Благополучие семьи: от истоков к современным интерпретациям

Благополучие, благополучие семьи, качество жизни, психологическое благополучие семьи

Введение. В современных исследованиях психологии семьи происходят определенные сдвиги: традиционная модель анализа, концентрировавшаяся на дефицитарных характеристиках (дисфункциональных, кризисных и девиантных семейных системах), трансформируется в ресурсно-ориентированный подход, сосредоточенный на категориях семейного благополучия, психологической устойчивости, жизнеспособности (Махнач, 2024). Несмотря на это сохраняется ключевая методологическая проблема: формулировка общепринятого, комплексного определения семейного благополучия, что создаёт существенные ограничения для разработки критериев его оценки. Как правило, к благополучным принято относить семьи, характеризующиеся выполнением базовых семейных функций, стабильной структурой, эмоциональными связями (Шульга, 2025). Однако отсутствие негативных факторов не может являться достаточным критерием благополучия. Цель данного исследования: провести психолого-педагогический анализ эволюции представлений о семейном благополучии.

Методы. Для изучения категории «благополучие семьи» использовался системный подход (анализ психологических, социальных, экономических и педагогических аспектов). Исторический метод был применен для выявления изменений в интерпретации понимания благополучия семьи в ретроспективном контексте и трансформации данной категории в контексте эволюции представлений о семье.

Результаты. В современных исследованиях семьи такие понятия, как функционирование, жизнестойкость, здоровье семьи, гармоничные и благополучные семьи, используются разрозненно и часто без четкого разграничения. Чаще в исследованиях приводятся модели благополучия индивида в семейном контексте (Sirgy, 2012). Культурные установки оказывают важное влияние на различные аспекты семейного благополучия, включая особенности внутрисемейных отношений, психологическое здоровье членов семьи, практики воспитания детей и способность семьи преодолевать кризисы (Seyed Alitabar, 2023). Семейное благополучие как теоретический конструкт претерпевает существенную эволюцию: от узко нормативных трактовок к многомерным моделям, интегрирующим объективные и субъективные параметры.

1. Махнач А.В. Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 5–20. https://doi.org/10.17759/sps.2024150301
2. Шульга Т.И. Работа с неблагополучной семьей. Москва: Издательство Юрайт, 2025.
3. Sirgy M. J. The Psychology of Quality of Life». Springer, 2012.
4. Seyed Alitabar S.H. Cultural Beliefs and Family Well-being: A Narrative Review // Journal of Psychosociological Research in Family and Culture. 2023. 1(2), 25-32. https://doi.org/10.61838/kman.jprfc.1.2.4

Красавина Т.Ю.
ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Исследование отношения к семейным ценностям у людей разного возраста

Психологическое здоровье, семейные ценности, духовно-нравственное развитие

Психологическое здоровье родителей оказывает влияние на психологическое здоровье детей. В свою очередь, психологическое здоровье человека во многом зависит от его нравственного состояния или, более точно, духовно-нравственного состояния (Воловикова, 2014; Коржова, 2013, Коржова и др., 2018). В настоящее время проблема духовно-нравственного воспитания молодежи является актуальной темой психологических исследований (Веселова, Коржова, 2018; Дворецкая, 2016). Однако остаются нерешенными многие вопросы психологического сопровождения духовно-нравственного развития молодых людей с учетом их возрастных психологических особенностей (Купрейченко, Воробьева, 2013; Веселова Е.К. Коржова Е.Ю., 2018 и др.).

Целью нашего исследования является изучение отношения к семейным ценностям у людей разного возраста.

В исследовании приняли участие 146 человек. Среди них студенты 18-21 лет Киришского филиала ГУАП - 37 юношей и 42 девушки; рабочие и служащие г. Кириши в возрасте 35-45 лет - 35 женщин и 32 мужчин.

В модифицированном варианте методики «Деловой совет другу» Е.К. Веселовой, Г.А. Токаревой респондентам было предложено 36 ситуаций морального выбора (профессионально-деловых и бытовых). Им необходимо было дать свободный аргументированный ответ на поставленный вопрос. После заполнения методики осуществлялся контент-анализ высказываний.

В ситуации № 21 (влюбленность в супруга своей приятельницы) и в ситуации № 24 (ситуация возможного совершения аборта по причине оставления второй половиной) участникам исследования надо было дать совет другу как поступить в данной ситуации. Контент-анализ ответов у респондентов каждой возрастной группы выявил сходства и различия отношения к моральным нормам, стоящими за этим ситуациями.

Выяснилось, что у всех респондентов преимущественно отрицательное отношение к ситуации № 21, предполагающей прелюбодеяние (больше 50% процентов ответов в каждой группе). То есть, большинство участников исследования дорожат семейным благополучием и прилагают усилия для его сохранения и приумножения.

В ситуации № 24 опрашиваемые всех возрастов ответили в основном уклончиво (больше 50% процентов ответов в каждой группе). То есть отношение к абортам у всех респондентов недостаточно четко выражено в ответах и требует, на наш взгляд, психологической коррекции с учетом новейших знаний о вреде абортов для психологического здоровья родителей и их будущих детей.

Возрастные различия в ответах всех респондентов по обеим ситуациям колеблются незначительно, однако, на наш взгляд, требуют психологического анализа с целью составления психологических программ коррекции отношения к семейным ценностям с учетом христианского мировоззрения, не приветствующего аборты и разводы по причине негативного влияния на психологическое здоровье всех участников таких ситуаций. Особенно это актуально для молодых людей.

1. Веселова Е.К. Коржова Е.Ю. Оценка ситуаций морального выбора современными студентами // Развитие человека в современном мире. - 2018. - № 1. - С. 7-15.
2. Воловикова М. И. Психологическое здоровье личности и ее духовно-нравственное состояние // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества /Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. – М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 79-95.
3. Коржова Е. Ю. Здоровая личность: теоретические модели // Здоровая личность / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013. С. 146 – 173.
4. Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Рудыхина О. В., Туманова Е. Н. Психология человека как субъекта жизнедеятельности и жизненного пути личности: основные итоги исследований // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2018. - № 187. - С. 40-50.
5. Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Нравственное самоопределение молодежи. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. - 480 с.

Ефимова В.Л, Николаева Н.О.
РГПУ им. А.И. Герцена

Мустафаева А.О.
ассоциация логопедов и дефектологов РиК

Экран или книга: роль семейной языковой среды в речевом развитии ребенка раннего возраста

Ранний возраст, экранное время, развитие речи, языковая среда, диалогическое чтение

Введение. В последние годы наблюдается стремительный рост времени, которое дети раннего возраста проводят перед экранами цифровых устройств [1,2]. Цель исследования: изучение связи между речевым развитием детей 3-х лет и семейными традициями, связанными с чтением ребенку вслух и использованием цифровых технологий.

Методы. Исследование, в котором приняла участие 21 семья проводилось на базе детского сада. Речевое развитие оценивалось у 21 ребенка (14 девочек и 7 мальчиков, возраст 3 года) в процессе стандартного логопедического обследования. Проводилось анкетирование родителей и оценка среднего экранного времени.

Результаты. Чем больше ежедневное экранное время ребенка раннего возраста и родителей, тем выше вероятность задержки речевого развития у ребенка. Наиболее значимые отрицательные корреляции выявлены между экранным временем ребенка и сформированностью фразовой речи, а также между экранным временем родителей и речевыми навыками ребенка.

Во многих исследованиях оценивается только экранное время ребенка. Но развитие речи ребенка раннего возраста во многом зависит от количества и качества взаимодействия с родителями. Поэтому экранное время родителей также является значимым показателем. Важен не только сам по себе объем экранного времени, но и то, что происходит в жизни ребенка и родителей помимо взаимодействия с цифровым миром. Выяснилось, что в семьях, где регулярно практикуется диалогическое чтение книг ребенку, уровень речевого развития детей значимо выше.

Полученные нами данные совпадают с данными литературы: нейрофизиологические исследования, включая методы гиперсканинга, демонстрируют синхронизацию мозговой активности взрослого и ребенка во время совместного чтения, особенно если оно носит диалогический характер [3,4]. Пассивный просмотр видео не дает такого эффекта, даже если родители считают, что ребенок смотрит развивающие программы.

Снижение экранного времени родителей приводит к снижению экранного времени детей раннего возраста. При этом чтение вслух книги ребенку становится тем видом совместной активности, который проще всего организовать современным родителям.

Нарушения речевого развития обусловлены тем, что избыток пассивного взаимодействия ребенка с цифровым миром сопровождается недостатком взаимодействия с родителями.

Выводы. На основании полученных данных делается вывод о необходимости просветительских инициатив для родителей, направленных на развитие навыков диалогического чтения, осознанного использования цифровых устройств и формирования благоприятной языковой среды в семье.

1. Вятлева, О. А. (2022) Замена книги экраном и ее последствия для обучения. Педагогика, т. 86, № 3, с. 55–62.
2. Калабина, И. А., Никитина, Е. А., Николаева, Е. И. (2024) Исследование специфики действий ребенка дошкольного возраста с гаджетом и опосредование этого поведения родителями. Science for Education Today, т. 14, № 3, с. 7–23. https://doi.org/10.15293/2658-6762.2403.01
3. Massaroni, V., Delle Donne, V., Marra, C. et al. (2023) The relationship between language and technology: How screen time affects language development in early life – a systematic review. Brain Sciences, vol. 14, no. 1, pp. 27. https://doi.org/10.3390/brainsci14010027
4. Sundqvist, A., Koch, F. S., Birberg Thornberg, U. et al. (2021) Growing up in a digital world-digital media and the association with the child's language development at two years of age. Frontiers in Psychology, vol. 12, article 569920. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.569920

Александрова Т.В.
ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И.Герцена

Сопровождение семей разного типа

Современная семья претерпевает серьезные изменения, реагируя на изменения, происходящие в обществе. В настоящее время появляются и заявляют о себе новые типы семьей (Писаренко, Александрова, Алексеева и др., 2016). Описание современной семьи с выделением основных психологических особенностей ее функционирования является вектором для психологических исследований. Особым направлением в современных исследованиях является подготовка педагогов образовательных учреждений к работе с семьями разного типа, психолого-педагогическим сопровождением детей с учетом типологии семьи, в которой он воспитывается.

Целью нашего исследования явилось изучение психологических особенностей семей разного типа. В исследовании приняли участие дети дошкольного возраста и их родители из следующих типов семей: монокультурные религиозные семьи (христианские православные и протестантские), семьи со срытой формой неблагополучия (перфекционистские и гопоопекающие). Изучение старших дошкольников из перфекционистских и гопоопекающих семей показало, что для них характерны такие особенности: повышенный уровень личностной тревожности и агрессивности, а также заниженная самооценка. При этом у детей из перфекционистских семей показатель агрессивности выше, чем у детей из гипоопекающих, а показатели тревожности выше в гипоопекающих семьях.

Различия в самооценке у детей из данных типов семей незначительные. «Образ семьи» у старших дошкольников в монокультурных христианских православных семьях характеризуется неточностью представлений, семья рассматривается как расширенная, с сохранением межпоколенных отношений. Дети воспринимают семейную ситуацию как благоприятную, проявление любви в семье видят в совместной деятельности, семейном досуге и тактильном контакте.

Значимым членом семьи для детей выступает отец, который рассматривается как глава семьи, воспринимается как строгий и авторитетный член семьи, обеспечивающий стабильность функционирования семейной системы. «Образ семьи» у старших дошкольников в монокультурных христианских протестантских семьях также характеризуется неточностью представлений. В основном, дети обращают внимание на эмоциональные отношения в семье, не выделяя распределения ролей и обязанностей между членами семьи.

В целом, «образ семьи» является благополучным. Наиболее значимой фигурой остается мама, которая удовлетворяет потребности в любви и ласке. Отец также выступает как значимый член семьи, который осуществляет эмоциональную поддержку и организует семейный досуг. Педагоги дошкольных образовательных учреждений в числе своих воспитанников имеют детей из семей со скрытой формой неблагополучия, а также монокультурных христианских семей. Личностные особенности ребенка, а также специфика родительского отношения и поведения, характер функционирования семейной системы обусловливают специфику психолого-педагогического сопровождения ребенка в условиях образовательной организации.

Этапы работы с педагогами дошкольной образовательной организации следующие: достаточный мониторинг, построение системы работы по повышению квалификации педагогов, реализация программы с применением интерактивных форм работы, определение эффективности освоения программы, индивидуальное сопровождение педагогов. Программа повышения психолого-педагогической компетентности педагогов включает разделы: семья как система, характеристика семьей разного типа, практикум по взаимодействию с родителями, практикум по сопровождению детей из семей разного типа.

1. Писаренко И. А., Александрова Т. В., Алексеева Е. Е. [и др..] Ребенок в пространстве семьи / Под ред И.А. Писаренко. Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2016.

Алдашева А. А., Сиваш О. Н., Рунец О. В.,
ФГБУН ИП РАН

Минимальные компетенции приемного родителя

Концептуальная модель, компетентность, приемные родители

Приемная семья является одним из приоритетов семейной политики в России. Реализация роли приемного родителя усложняется отсутствием модели функционирования приемной семьи, в отличие от кровной, закрепленной в культурном коде: представления о функционировании, родительстве, правилах и традициях, задающих направления социализации, воспитания и гармоничного развития личности ребенка (Сапогова, 2021). Теоретический анализ исследований проблем приемного родительства показал, с одной стороны наличие «ролевых помех» как признаков неблагополучия семьи, в частности связанных с проблемами воспитания детей, принятых в семью (Kirk, 1964). Общественный дискурс, с другой - ставит вопрос о необходимых компетенциях и психологических желательных качествах, которыми должен обладать приемный родитель (Ж.В. Горькая, Е.М. Савицкая; Е.А. Лесина; И.А. Меркуль, Д.В. Машкова; и др.). На примере изучения «образа приемного ребенка» как основного элемента семьи, показано, что недостаточность и неполнота образа может привести к трудностям и проблемам при воспитании детей. Отсутствие у приемных родителей знаний об особенностях и дефицитарных потребностях, возникающих вследствие «семейной депривации» у ребенка, согласно работам Р. Ж. Мухамедрахимова с соавторами, (Аринцина, Одинцова, Пеньков, Лянко, Солодунова, Вершинина, Мухамедрахимов, 2018), затрудняет коррекционную работу, психологическое сопровождение приемной семьи и взаимодействия с социальными институтами.

Выделенные проблемные зоны преодолимы при условии единого понимания модели приемной семьи, образ которой способен минимизировать риски ее функционирования. Проведенные исследования (Алдашева с соавт., 2021, 2023, 2024) позволили разработать концептуальную модель приемного родительства, наполнить ее основные элементы, связанные между собой психологическим содержанием. Наличие модели позволяет описать «минимум» компетенций приемного родителя, которые обеспечивают выполнение основных функций по воспитанию и создание благоприятного социально-психологического климата в семье.

Целью работы является изучение представлений экспертов по сопровождению опекунов, попечителей и приемных родителей о минимальных компетенциях приемных родителей. Экспертами выступили специалисты по сопровождению опекунов, попечителей и приемных родителей города Москвы в количестве 21 человека. В исследовании применялся модифицированный опросник О. Липмана для изучения социономических профессий.

Результаты многоуровневого анализа выделенных качеств (факторный анализ, предметно-содержательная модель личностно-профессиональной пригодности) позволили получить структуру и «психологический портрет» успешного приемного родителя. Факторная структура содержит направленность на общение и сотрудничество, развитие конструктивно-динамических умений, стрессоустойчивости, умений проектирования воспитательного пространства приемной семьи. Составлена предметно-содержательная модель каждого фактора, показывающая вклад психологических желательных качеств, обеспечивающих эффективность взаимодействия в диаде «приемный родитель – приемный ребенок» и семьи в целом.

По результатам работы были выделены минимальные требования к компетентности приемных родителей, направленные на обеспечение выполнения основных функций по воспитанию детей, принятых в семью. Подготовка приемных родителей, основанная на концептуальной модели, направлена на формирование помогающего поведения в воспитании, предполагает знания, умения, навыки и психологическую готовность к деятельности: направленность на общение и сотрудничество, развитие конструктивно-динамических умений, стрессоустойчивость и проектирование воспитательного пространства и жизненного пути ребенка, принятого на воспитание и семьи в целом. Практическое применение разработанной концептуальной модели приемного родительства помогает преодолеть возникающие «ролевые помехи» и акцентировать специфику образа приемной семьи в общественном сознании.

1. Алдашева А.А., Сиваш О.Н., Рунец О.В. Психологические функции родительского труда // Южно-российский журнал социальных наук, 2023, 24 (3), 85-101. DOI: 10.31429/26190567-24-3-85-101.
2. Аринцина, И. А., Одинцова, В. В., Пеньков, Д. Г., Лянко, Л. М., Солодунова, М. Ю., Вершинина, Е. А., Мухамедрахимов, Р. Ж. Заболеваемость и физическое развитие детей, воспитывающихся в домах ребенка Санкт-Петербурга //Педиатрия. Журнал им. ГН Сперанского. 2018. Т. 97 (1), 167-174.
3. Сапогова, Е.Е. Родитель как сверхзначимый Другой в смысловой системе взрослого человека // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXVI Международного симпозиума / отв. ред.: Г.А. Вайзер, Т.А. Попова, Н.В. Кисельникова М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2021. 25-32.
4. Kirk D. Shared Fate: A Theory of Adoption and Mental Health. New York: The Free Press of Glencoe London Collier- Macmillan Ltd. 1964.

Работа выполнена в рамках Госзадания № 0138-2024-0017 «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений».

Колесникова М.А., Мухамедрахимов Р.Ж.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Коммуникативное развитие детей, переведенных из домов ребенка в родственные и неродственные замещающие семьи

Дети, дом ребенка, родственные и неродственные замещающие семьи, коммуникативное развитие

Введение. В области психического здоровья развитие детей раннего и дошкольного возраста рассматривается в контексте отношений с близким взрослым. Дети, оставшиеся без попечения родителей и не имеющие близкого взрослого, оказываются в зоне риска. В связи с негативным влиянием институционализации на развитие ребенка (van IJzendoorn M. H. et al., 2020) и необходимостью удовлетворения потребности детей в семейном окружении, в последние десятилетия в России наблюдается значительное снижение числа детей в домах ребенка и их помещение в замещающие семьи. При этом недостаточно исследованным остается вопрос о роли типа замещающей семьи (родственная или неродственная) в развитии детей, в частности в коммуникативном развитии. Так, родственная семья может относиться к семье социального риска со снижением показателей чувствительности, отзывчивости и постоянства окружения, что негативно влияет на ребенка (The St. Petersburg–USA Orphanage Research Team, 2008). Целью нашей работы было сравнительное исследование коммуникативного развития детей в родственных и неродственных замещающих семьях.

Методы. В исследовании приняли участие 116 детей (55% мальчиков) в возрасте обследования 42 ± 11,8 (18-60) месяцев, переведенные из домов ребенка в родственные (28 - семьи биологических родителей и 10 – родственная опека) и неродственные (54 - семьи усыновителей, 14 – приемные, 10 - опека не-родственниками) семьи Санкт-Петербурга. Для оценки уровня развития детей была использована шкала коммуникативного развития методики BDI (Newborg et al., 1984).

Результаты. Анализ данных с использованием ANCOVA при исключении влияния возраста перевода ребенка из дома ребенка в замещающую семью выявил более высокие показатели рецептивной и экспрессивной коммуникации и общего коммуникативного развития у детей в неродственных семьях, по сравнению с родственными, F (1, 103) = 2,7-3,63; p = 0,06-0,10 (на уровне тенденции); = 0,026-0,034.

Обсуждение и выводы. Результаты работы соотносятся с данными исследования взаимодействия детей и замещающих родителей, в котором было показано, что дети в неродственных семьях имеют более высокие показатели взаимодействия с родителями, чем дети в родственных семьях (Muhamedrahimov et al., 2022), что может вносить вклад в различия их коммуникативного развития. Полученные данные поддерживают научную информацию о влиянии качества первичного социального окружения на развитие детей в раннем возрасте, подчеркивают значение специфики семейного окружения в коммуникативном развитии детей с опытом институционализации, принятых на воспитание в замещающие семьи, и свидетельствуют о необходимости ранней помощи детям и родителям в замещающих семьях, особенно в родственных.

1. Muhamedrahimov R., Shabalina E., Palmov O., Nikiforova N. Caregiver-Child Interaction in Children Placed into Different Types of Russian Families following an Institutional Intervention //Adoption Quarterly. 2022. P. 1-30.
2. Newborg, J., Stock, J. R., Wnek, L., Guidubaldi, J., & Svinicki, J. Battelle developmental inventory: Examiner's manual. Allen, TX: DLMLINC Associates. 1984.
3. The St. Petersburg–USA Orphanage Research Team. The effects of early social emotional and relationship experience on the development of young orphanage children. Monographs of the Society for Research in Child Development. 2008. № 73. P. 1–262.
4. van IJzendoorn M. H. et al. Institutionalisation and deinstitutionalisation of children 1: a systematic and integrative review of evidence regarding effects on development //The Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7. №. 8. P. 703-720.

Азанова Е.А., Семина А.С., Макарова А.С.
БУ «Няганский технологический колледж»

Трудности адаптации детей в замещающих семьях и их раннее сопровождение

Введение. С каждым годом в России увеличивается количество детей, передаваемых в замещающие семьи. В тоже время в 2024 году фонд «Найди семью» зафиксировал 61 обращение родителей о намерении вернуть ребенка в детский дом (Цеплик, 2025), что свидетельствует о потребности семей в профессиональном сопровождении на ранних этапах принятия ребенка в семью. Такое сопровождение включает комплекс мер, направленных на поддержку ребенка и семьи в критический ранний период адаптации, в т.ч. психологическое консультирование, социально-педагогическое сопровождение, юридическую поддержку, группы взаимопомощи для родителей. Цель настоящего исследования - изучение влияния раннего сопровождения на успешность адаптации детей в замещающих семьях.

Методы. В работе использованы анкетирование и интервью. Выборка состояла из 43 студентов колледжа, проживающих в замещающих семьях г. Нягани.

Результаты. В ходе анкетирования 13% респондентов отметили трудности в адаптации: высокая тревожность из-за новых условий, особенно у детей, помнящих кровных родителей. Некоторые респонденты испытывали чувство собственничества и потребность во внимании замещающих родителей, которое наблюдалось в семьях, где были другие дети. 87% респондентов отметили, что трудностей в адаптации не возникало, так как семью ежегодно сопровождает психолог, замещающие родители являются компетентными в вопросах воспитания. На основании данных литературы (Токарская, 2024) при помощи интервью были выявлены основные направления раннего сопровождения приемных семей в г. Нягань: школа для замещающих родителей, ежемесячное посещение Учреждений социальной защиты в соответствии с индивидуальной программой предоставления социальных услуг, консультации по вопросам прав и обязанностей опекуна и детей, по медицинским вопросам, в том числе о детских заболеваниях, их профилактика; работа психолога с ребенком, опекунами и близкими родственниками, а также юридическая помощь по вопросам, связанным с жильём и льготами после достижения совершеннолетия ребенка.

Выводы. Раннее сопровождение замещающих семей в период адаптации - это не просто поддержка, а необходимость, которая помогает семьям преодолеть кризисы и создать крепкие, здоровые отношения. Чем раньше родители и ребенок получат профессиональное сопровождение, тем успешнее пройдет интеграция в новую семью.

1. Токарская, Л. В. Социальное и психолого-педагогическое сопровождение приемных детей и их семей: учебное пособие для СПО / Л. В. Токарская. – 3-е изд. – Саратов, Екатеринбург: Профобразование, Уральский федеральный университет, 2024.
2. Цеплик Е. Почему приемные родители возвращают детей в детские дома // Сноб. 1 июня 2025. https://snob.ru/children/pochemu-priemnye-roditeli-vozvrashchaiut-detei-v-detskie-doma/ (дата обращения – 30 июля 2025 г.)

Асламазова Л.А.
ГБУ РА «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»

Домашние визиты как форма ранней помощи замещающей семье

Замещающая семья, домашние визиты, ранняя помощь

Введение. Помещение в систему замещающей семейной заботы детей с неблагополучной историей раннего развития делает их повышено уязвимыми, несмотря на все плюсы такого вида вмешательства. В силу перенесенного травматического опыта в биологической семье и последующего воспитания в условиях учреждения они демонстрируют широкий спектр соматических и психических проблем, сопоставимых с симптоматикой посттравматического стрессового расстройства (Salazar et al., 2013). Это значительно затрудняет выстраивание отношений с новыми родителями (Dozier, 2005) и повышает риск преждевременного прерывания воспитания (Harkin, Houston, 2016). Поэтому специалисты сопровождения находятся в постоянном поиске действенных средств оказания своевременной и доступной помощи замещающих семьям. Одной из таких форм вмешательства являются домашние визиты.

Цель исследования – выявить, проанализировать и систематизировать научные работы, посвященные особенностям оказания помощи замещающим семьям посредством домашнего визитирования.

Методы. Применялись методы: выявление, анализ, систематизация и обобщение результатов российских и зарубежных исследований, направленных на изучение особенностей оказания ранней помощи замещающим семьям в форме домашних визитов.

Результаты. Домашнее визитирование рассматривается как самостоятельная технология сопровождения семьи с детьми, связанная с предоставлением ей адресной помощи в привычных для нее условиях. Это позволяет родителям не только осваивать умения и навыки заботы о ребенке в естественной среде, но и генерализовывать их в повседневной жизни, что повышает результативность вмешательства. Исследования показывают положительное влияние программ, основанных на домашних визитах, на всех их участников: детей, родителей, семью в целом, специалистов. Приемные дети получают возможность смягчения или устранения задержек в развитии за счет раннего выявления имеющихся трудностей и предоставления необходимой помощи, поддержки адаптивного взаимодействия с родителем. Замещающие родители могут повысить свои компетенции, научиться наблюдать за ребенком и фокусироваться на его потребностях, активно вовлекаться в процесс сопровождения, работать в партнерстве со специалистом и принимать совместные решения, а также улучшить свое эмоциональное состояние, в том числе снизить симптомы депрессии. Улучшаются семейные взаимоотношения за счет своевременной оценки трудностей и предоставления поддержки, специалисты налаживают тесный контакт с семьей, способствующий партнерской работе. Однако имеются и ограничения: высокие требования к квалификации специалистов, возможное формирование у родителя пассивной позиции, трудности организации в рамках отдельно взятой службы сопровождения в виду малого числа штатных специалистов и отсутствия системы их специальной подготовки.

Выводы. Проведенное исследование позволяет говорить о положительном влиянии программ помощи замещающим семьям, основанных на домашнем визитировании, а также о насущной необходимости решения организационных и методических вопросов включения столь результативного формата в работу служб сопровождения семей с приемными детьми.

1. Dozier M. Challenges of foster care // Attachment and Human Development. 2005. Vol. 7. P. 27-30. https://doi.org/10.1080/14616730500039747
2. Harkin C., Houston S. Reviewing the literature on the breakdown of foster care placements for young people: complexity and the social work task // Child Care in Practice. 2016. Vol. 22 (2). P. 98-112. https://doi.org/10.1080/13575279.2015.1102124
3. Salazar A.M., Keller T.E., Gowen L.K., Courtney M.E. Trauma exposure and PTSD among older adolescents in foster care // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2013. Vol. 48 (4). P. 545-551. https://doi.org/10.1007/s00127-012-0563-0

Кравченко А.П., Ладыка Н.Н.
ГБДОУ детский сад №41 Центрального района

Значение групповой работы для поддержки психического здоровья детей раннего возраста

Психического здоровье детей, тоддлеровская группа, родительский клуб, дети с ОВЗ, ранняя помощь

Введение. На сегодняшний день психологическая работа в ранней помощи включает в себя, как индивидуальные, так и групповые формы, и направлена на поддержку психического здоровья маленьких детей и их семей.

Цель – представить опыт ведения тоддлеровской группы и родительского дискуссионного клуба, как инструментов поддержки психического здоровья детей раннего возраста и их родителей.

Обе групповые формы работы проводились в течении одного года в интегративном детском саду. Тоддлеровская группа - психоаналитически ориентированная форма групповой работы, способствующая установлению доверительных отношений и развитию маленьких детей во всех сферах их жизни. Тоддлеровскую группу посещали пары мама и ребенок от года до трех лет, она включала детей с ОВЗ и без. Семьи приходили 1 раз в неделю в одно и тоже место, на 1,5 часа. Цель группы – поддержка мам и детей в процессе прохождения трудностей в отношениях, связанных с сепарационными процессами.

Родительский дискуссионный клуб – это регулярные тематические встречи для родителей, воспитывающих детей с ОВЗ и посещающих Службу ранней помощи (СРП) или группы детского сада. Клуб стал местом получения и обмена информацией, позволяющим родителям совместно размышлять о своем опыте. Встречи проходили 2 раза в месяц. Важно отметить, что у большинства родителей были сформированы доверительные отношения с ведущими, благодаря участию ранее в других формах работы СРП или детского сада.

Часть родителей посещали обе группы, а часть только одну. Таким образом мамы детей с ОВЗ - участницы обеих групп – смогли на тоддлеровской группе обсуждать вопросы, актуальные для этого возраста (например, возрастающая независимость ребенка, его истерики, агрессивность, отлучение от груди и т.п.), а в пространстве клуба обсуждать те трудности, с которыми они сталкиваются, как родители детей с ОВЗ.

Выводы. Опыт ведения тоддлеровской группы в сочетании с родительским клубом показал, что благодаря тому, что мамы обсуждали беспокойства в клубе, в их психическом пространстве освобождалось место для ребенка, они могли наблюдать и видеть его, обнаруживать его потребности, отделять от своих. Кроме того, важными факторами, которые позволяли психологической работе быть эффективной явились следующие.

- Два психолога, ведущих обе группы, имеющие подготовку в психодинамическом подходе, рассуждающих об отношениях в психоаналитическом ключе.
- Регулярные супервизии, позволяющие осмыслить работу, анализировать контрпереносные чувства, обсуждать внутренние переживания родителей и их проекции. Совместно осмыслялись групповые процессы и индивидуальный опыт. С разрешения мам велось видеонаблюдение тоддлеровской группы, отдельные эпизоды обсуждались на супервизиях.
- Создание и поддержание «контейнирующего» пространства и атмосферы принятия, которые являются целительным инструментом для детей, родителей и группы в целом [2].

Т. Барадон говорит о том, что подобные психодинамические группы могут выступать безопасным объектом привязанности. «Когда родители и дети начинают воспринимать группу как безопасное место, которое вселяет чувство общности и принятия, группа может стать объектом привязанности» [1, с. 284].

В результате того, что группа становится безопасным местом или даже объектом привязанности, чувства и их интенсивность направленны не на одного психолога, а на двух ведущих и других участников группы; эти чувства становится возможным обнаруживать и обсуждать.

1. Барадон Т. Практика психоаналитической родительско-младенческой психотерапии: провозглашение прав младенца – Киев: Изд-во Ростислава Бурлаки, 2021
2. Психологическое консультирование детей и родителей: учебное пособие / под ред. В.О. Аникиной. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020

Варпаховская О.Г.
РОО «Мы и наши дети»

Пространство становления человека от рождения до трех лет: «Зеленая дверца»

Пространство ранней социализации, междисциплинарный подход, родительские компетенции

Ранний опыт в становлении личности ребенка, рожденного незрелым, успешно исследовался как ведущими отечественными специалистами (Л. Выготский и его школа), так и известными зарубежными исследователями-практиками (Я. Корчак, Э. Пиклер, Ф. Дольто и др.). Однако результаты этих работ не сразу становятся достоянием родителей, остро нуждающихся в профессиональной помощи, особенно на раннем этапе развития ребенка.

Многие родители видят в новорожденном ребенке только физическое тело, нуждающееся в заботе и уходе, тогда как еще в 30 гг. XX в. венгерский педиатр Э. Пиклер предложила целостный подход сохранения и физического, и психического здоровья, который «основывался на уважении и ценности каждого ребенка, приносил ощутимые практические результаты» (Пальмов, 2022). Как справедливо замечает О. Пальмов, этот результативный подход к воспитанию и развитию малышей долгое время не был известен не только широкому кругу родителей, но даже профессионалам.

То, что тема Конференции этого года посвящена включению ранней помощи детям и их семьям в Федеральный закон РФ и обращена к актуальным проблемам широкого изучения ранних этапов развития ребенка, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее и искать и находить пути к сокращению разрыва между научным знанием и родительскими компетенциями.

Наша РОО «Мы и наши дети», созданная группой специалистов раннего детства осуществляет впервые в России работу комплексного профилактического междисциплинарного центра ранней социализации «Зеленая дверца» (по модели Зеленого дома Ф. Дольто) для приема малышей от рождения до трех лет и их родителей. Это центр призван стать центром, где родители могут кратчайшим путем получить необходимые компетенции от специалистов раннего детства, а дети-необходимое пространство социализации с мамой для успешного становления своей личности.

Специалисты «Зеленой дверцы», в первую очередь, принимают детей и родителей такими, какие они есть. Пространство «Зеленой дверцы» – пространство инклюзии в самом полном смысле этого слова, пространство включения, внимания к каждому и к тем межличностным отношениям, которые складываются при свободном общении детей и взрослых; это пространство, где фокус внимания смещается на сильные стороны, а не на слабые.

«Зеленая дверца» за 30 лет своей работы показала, что профилактическое комплексное пространство ранней социализации помогает родителям связать индивидуальное и социальное развитие ребенка, осознать на практике, что ранняя социализация может стать мощным средством профилактики тех трудностей в развитии детей, с которыми мамам и папам приходится ежедневно сталкиваться. Здесь они открывают для себя роль речевого общения для полноценного развития ребенка в его раннем дословесном периоде.

Пространство ранней социализации по модели Дольто успешно опирается на перекликающиеся мысли Выготского и Дольто. «Начало психической жизни состоит в формировании у ребенка специфически человеческой потребности в общении. Всякое, даже наипростейшее отношение ребенка к внешнему миру оказывается всегда отношением, преломленным через отношение к другому человеку» (Выготский, 2005).

«Человек, не просто отдельное существо, а существо, находящееся в межличностном общении посредством слова. В человеке физиологическое не существует само по себе, оно неотделимо от символического. Все наши функции лежат в языке» (Дольто, 1997).

1. Выготский Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. - Москва: Эксмо, 2005.
2. Дольто Ф. На стороне ребенка. - Петербург - XXI век, 1997.
3. Пальмов О. И. Основные положения Пиклеровского подхода и его применение в ранней помощи // «Актуальные вопросы развития ранней помощи в Югре» Региональная конференция 15 декабря 2022 года, г. Ханты-Мансийск: материалы и доклады / ред. М.Э. Беспалова. Сургут, 2022, стр. 12-17.

Захарова И.Ю., Поленова М.А.
РБОО Центр Лечебной педагогики

**Бережное сопровождение развития ребёнка от 0 до 4 лет.
Программа «Родители и дети»**

Программа «Родители и дети» («РиД») направлена на сопровождение развития детей раннего возраста и поддержку их близких взрослых. В основе программы лежат современные представления о развитии детей от 0 до 4 лет. Опираясь на эти представления, взрослые не столько формируют процессы, соответствующие традициям воспитания, сколько стараются создавать условия для оптимального естественного развития детей.

Реализуя программу «РиД», эмоционально вовлечённый взрослый (родитель или ведущий группы) создаёт адекватную возрасту и возможностям ребёнка среду, позволяющую удовлетворять базовые потребности в исследовании, игре и общении. В результате у ребёнка устанавливаются гармоничные отношения с миром людей, с физическим пространством и предметным миром, а также с самим собой (развитие самовосприятия).

Программа учитывает концепцию К. Бриша о базовых потребностях развития: потребность в физиологической и эмоциональной безопасности, потребность в ощущениях, потребность в исследовательской активности, потребность в «личной эффективности», потребность в «избегании неприятного».

Подход «РиД» включает в себя следующие программы: «РиД. - первый год жизни» (на основе программы Pekip), «РиД - второй год жизни», «РиД - третий год жизни», «РиД - четвёртый год жизни» (последние три - на основе подхода Игровая педагогика).

Все 4 программы объединены следующими основными задачами: способствовать позитивному развитию взаимоотношений родителей и ребёнка, в том числе уместной дистанции между ребенком и близким взрослым (через совместные игры, наблюдение, беседы); поддерживать развитие ребёнка через игры и движение; способствовать обмену опытом между родителями (беседы, встречи); поддерживать взаимодействие между детьми.

При подготовке ведущих особое внимание уделяется их способности создавать психологически безопасную среду для всех участников процесса: детей, родителей и самого себя. При обучении ведущие получают знания из следующих сфер: психология развития и педагогика раннего возраста; современные аспекты теории привязанности; кинезиология раннего возраста; практические навыки ведения групп, тематически центрированное взаимодействие (Р. Кон), клиент-ориентированная терапия (К. Роджерс); игры и занятия для детей раннего возраста на разных возрастных этапах; тренинги чуткости (развитие навыков наблюдения и эмпатии), тренинг позитивной обратной связи, ведение бесед в родительской группе.

Стандарты проведения программ «Родители и дети».

Периодичность групповых встреч: 1 раз в неделю по 1,5- 2 часа

Группа состоит из 6-8 детей одной возрастной категории (оптимальная разница между возрастом детей с нейротипичным развития - не более 3 месяцев) и их близких.

Работа в группах «РиД» может начинаться с детьми в возрасте от 4-6 недель (в группах «РиД. Первый год») и может продолжаться до достижения ребенком 48 месяцев (в группах «РиД. Четвертый год жизни»).

Игры – основное содержание работы группы. (Развивающие игры первого года жизни описаны в книге Л. Полински [2], игры второго-четвертого года жизни описаны в методическом пособии И.Захаровой, Е. Моржиной [1], используются также другие игры и идеи, соответствующие ценностям и представлениям о развитии детей раннего возраста авторов и ведущих программы.

Дети с ОВЗ также могут посещать занятия в группе. При необходимости ведущие вместе с семьей особого ребенка на основе индивидуального подхода разрабатывают план его сопровождения.

Особую роль программы мы видим в возможности выявления и предупреждения отклонений в детском развитии, особенно в психосоциальной сфере (проблемах поведения и общения). При информировании родителей о трудностях ребёнка ведущие опираются на принцип позитивной обратной связи, выделяя сильные стороны ребёнка и его окружения, помогают увидеть индивидуальный маршрут развития, определить зону ближайшего развития в каждой сфере.

Подведём итоги. Группы «РиД» направлены на создание такой среды, в которой, при учете базовых потребностей всех участников групп, происходит укрепление психической устойчивости детей к различным изменениям, что способствует развитию у них навыков саморегуляции и активной позиции в отношениях с другими людьми, окружающим миром и собой.

Еще группы «РиД» направлены на поддержку и развитие родительских компетенций, ведущие уделяют внимание осознанию потребностей каждого, укреплению взаимопонимания между взрослыми и детьми, а также информированию близких ребенку взрослых о задачах развития детей в разном возрасте, и профилактике трудностей в сфере отношений между взрослым и ребёнком, и вторичных нарушений развития у детей с ОВЗ.

1. И. Захарова, Е. Моржина. Игровая педагогика. – М., «Теревинф», 2020 г.
2. Л. Полински. PEKiP: игра и движение. Более 100 развивающих игр для детей первого года жизни. - М., «Теревинф», 2018 г.
3. Е. Просветова. Опыт проведения детско-родительских игровых групп «Родители и дети. Второй год», «Родители и дети. Третий год»// Современное дошкольное образование. Теория и практика. - 2018. - № 2 (84). - С. 77-79. - ISSN 1997-9657. - (Практическое приложение к журналу «СДО»).

Пайкова А.М., Просветова Е.В.
РБОО Центр Лечебной педагогики

Опыт применения подхода «Развивающий уход» с детьми раннего возраста

Развивающий уход, навыки самообслуживания, дети младенческого и раннего возраста, принципы развивающего ухода, коммуникация.

Развивающий уход - это метод ухода за детьми, который сочетает в себе как задачи непосредственного ухода, так и задачи установления эмоциональных отношений и развития способностей и возможностей человека, за которым осуществляется уход. А именно: развитие собственной активности, развитие коммуникативных способностей ребенка, навыков самообслуживания и социализации ребенка.

Этот подход был разработан, в первую очередь, для детей с особенностями развития, включая тяжелые множественные нарушения развития. В 2022 году был принят Национальный стандарт Российской Федерации «Услуги по осуществлению развивающего ухода за детьми-инвалидами», который носит рекомендательный характер. Но, на самом деле, метод Развивающий уход подходит всем детям, которые так или иначе нуждаются в уходе, в том числе, в силу своего возраста (младенцы или дети раннего возраста).

Особенность метода заключается в том, что он направлен на установление отношений и развитие эмоционального контакта, развитие возможностей собственной активности ребенка и его участия в повседневных рутинных делах, связанных с уходом за ним и организацией быта. Если мы создаем условия, в которых маленький ребенок может быть активным участником бытовой рутины, происходящей с ним, это дает ему возможность быстрее и легче развивать вышеперечисленные навыки.

В ходе применения Развивающего ухода с любыми детьми, в том числе и с младенцами, мы опираемся на следующие базовые принципы:

Принцип уважения личности ребенка - то есть принятие ребенка со всеми присущими ему особенностями, внимательное отношение к его чувствам и потребностям, предоставление ребенку возможности выбора и личной самостоятельности.

Принцип индивидуального подхода. Учет индивидуальных особенностей, интересов и потребностей ребенка на всех этапах взаимодействия с ним, в том числе индивидуального темпа восприятия и движения.

Принцип ориентированности на формирование основных жизненных компетенций. Помощь ребенку в освоении навыков, применимых в повседневной жизни.

Принцип развития собственной активности ребенка. Создание возможности для ребенка проявлять инициативу и быть активным участником ежедневной деятельности (Развивающий уход за детьми с тяжелыми и множественными нарушениями развития, 2017).

В ходе осуществления повседневного ухода за детьми младенческого возраста и раннего возраста (от 0 до 24 месяцев) мы использовали следующие инструменты «Развивающего ухода»:

Содействие установлению эмоционального контакта, развитию интерсубъективнсти и совместного внимания, а также развитию коммуникации в процессе развивающего ухода. Например, обучение ребенка навыку делать выбор, а также использование средств альтернативной и дополнительной коммуникации для облегчения понимания ситуации и экспрессивной коммуникации детей в довербальном периоде развития (Захарова И, 2020).

Обеспечение правильного позиционирования и перемещения в пространстве детей в период до освоения ими самостоятельного передвижения и навыка находиться в позе сидя. Содействие развитию самовосприятия в ходе осуществления повседневных рутин и игры. Создание условий для проявления активности ребенка в таких повседневных рутинах, как кормление и самостоятельная еда, чистка зубов, купание, одевание и раздевание, освоение навыка пользования горшком, освоение первых бытовых навыков. (Развивающий уход за детьми с тяжелыми и множественными нарушениями развития, 2024)

В ходе применения принципов и инструментов Развивающего ухода во взаимодействие с детьми младенческого и раннего возраста мы увидели благотворное влияние этого на общее эмоциональное и коммуникативное развитие ребенка и эффективность освоения им социальных и бытовых навыков.

1. Али, М. Мой ребенок в первый год жизни. Недоношенный, с задержкой развития, с нарушениями? Или просто другой. – СПб. : Скифия, 168 с., 2016
2. Захарова, И. Игровая педагогика. Таблица развития, подбор и описание игр / И. Захарова, Е. Моржина. – М. : Теревинф, 2020.
3. Мухамедрахимов, Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. – СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.
4. Развивающий уход за детьми с тяжелыми и множественными нарушениями развития : информационно-методический сборник для специалистов / под ред. А. Л. Битовой, О. С. Бояршиновой. – М. : Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017.
5. Развивающий уход за детьми с тяжелыми и множественными нарушениями развития / под ред. О. С. Бояршиновой. – М. : Теревинф, 2024. – 432 с.

Пальмов О.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Басова С.Б.
ГДОУ ТО «Детский сад для детей с ОВЗ»

Ковалева В.И.
СПб ГБУСОН «ЦСРИДИ Калининского района»

Особенности взаимодействия матерей и их детей раннего возраста с ОВЗ в режимных ситуациях

Принципы уважительной заботы и алгоритмы поведения взрослых в ситуации повседневного ухода за младенцами в подходе венгерского педиатра Эмми Пиклер (Пиклер и др., 2021) в настоящее время все шире используются в программах раннего вмешательства, направленных на поддержку психического здоровья, активности и участия ребенка в ежедневных жизненный ситуациях (Ямщикова и др., 2022). Пилотное исследование взаимодействия матерей и их детей раннего возраста с особыми потребностями показало, что есть связь между качеством контакта и поведением сотрудничества со стороны матери в ситуации одевания ребенка с его вовлеченностью в процесс и с показателями развития его навыков самообслуживания (Кондратьева, Пальмов, 2022).

Опираясь на данные литературы, мы предположили, что в режимной ситуации одевания матери детей с ОВЗ по сравнению с матерями типично развивающихся детей чаще прерывают самостоятельную активность ребенка и реже следуют за его инициативой, чаще повышают интенсивность своих действий в связи с дискомфортом ребенка. В исследовании приняли участие 37 пар матерей: с типично развивающимися детьми (N=9), детьми с ЗПР/ЗРР (N=14), и детьми с установленным медицинским диагнозом (N=14). Средний возраст детей составил 25 мес. Матерям было предложено заполнить опросник вовлеченности, независимости и социального взаимодействия (MEISR) и сделать видеозапись взаимодействия в ситуации одевания. Видеозапись кодировалась с использованием метода оценки взаимодействия взрослого и ребенка в ситуациях заботы (Пальмов, Джаошвили, Кондратьева, Федорова, 2023. Неопубликованный метод).

Было обнаружено, что чем старше дети с установленным медицинским диагнозом, тем чаще их матери в режимной ситуации отвлекают и удерживают своих детей, прерывают их инициативу и оставляют без ответа обращения. При этом проявление радости, совместное внимание, бережность в обращении с телом ребенка, взгляды на лицо ребенка проявляются в этой группе чаще, чем у матерей типично развивающихся детей, тогда как вербальные обращения и организация внимания ребенка более выражены у матерей типично развивающихся детей по сравнению с матерями детей с ЗПР/ЗРР. В целом исследование показало, что поведение матерей детей с ограниченными возможностями здоровья и матерей типично развивающихся детей в режимной ситуации одевания скорее связано со способностью матерей проявлять чувствительность и направленность на сотрудничество, поддержку самостоятельности ребенка, чем с наличием или отсутствием у ребенка трудностей и их выраженности.

1. Кондратьева Д.В., Пальмов О.И. Характеристики взаимодействия матерей с детьми младенческого и раннего возраста в ситуации ухода и формирование навыков самообслуживания у детей. Результаты пилотного исследования // «Ранняя помощь и сопровождение». Сборник статей / Минтруд России, Глав. ред. член-корр. РАН, д-р мед. наук, проф. Г.Н. Пономаренко, ред. коллегия: канд. биол. наук А.В. Шошмин, К.Н. Рожко, канд. экон. наук Я.К. Бесстрашнова. Санкт-Петербург: ООО «ЦИАЦАН», 2022. С. 20-25.
2. Пиклер Э. и др. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления / Под ред. О. И. Пальмова, Э. Пиклер. – М.: Издательство «Национальное образование», 2021.
3. Ямщикова Н. А. и др. Активность и участие ребенка, как фокус междисциплинарной ранней помощи в центре реабилитации СПБ ГБУЗ «ДГМ КСЦ ВМТ»: практика использования МКФ и гуманистического подхода (концепция Эмми Пиклер) // FORCIPE. 2022. № 5(2). С. 578–579.

Дмитриева О.С.
МБУ ДО «ЦППМиСП»

Использование Пиклеровского подхода в сопровождении ребенка и семьи в службе ранней помощи

Пиклеровский подход, ранняя помощь, взаимодействие

У детей раннего возраста, родители которых обращались за консультациями к специалистам ранней помощи в городской ППМС-Центр, чаще всего диагностировались трудности в областях социального взаимодействия, коммуникации, саморегуляции, а их родители, согласно наблюдениям специалистов ранней помощи, испытывали трудности с пониманием потребностей и интерпретаций эмоционального состояния своих детей.

Рассмотрим пример сопровождения мальчика (20 мес., диагноз G 96.8) и его родителей. Оценка взаимодействия матери и ребенка в ситуациях заботы выявила трудности в области контакта и сотрудничества в процессе повседневного ухода за ребенком. Индивидуальная программа ранней помощи для этой семьи была дополнена подходом венгерского педиатра Эмми Пиклер (Пиклер и др., 2021), который все чаще применяется в междисциплинарной ранней помощи, является инструментом терапевтического взаимодействия, заботы и воспитания младенцев и детей раннего возраста (Ямщикова и др., 2022;).

С целью развития чувствительности родителя к сигналам ребенка и поддержки адекватного эмоционального и поведенческого отклика, специалисты раскрывали терапевтические возможности пиклеровского подхода, а также содействовали внедрению заботы с уважением в естественные жизненные ситуации семьи. Также наряду с подходом Пиклер семья на групповых встречах знакомилась с ценностями «Направляемого диалога» (Хундейде,1999). Формат фасилитационных бесед и минитренингов способствовал взаимообмену успешными родительскими стратегиями мамы с участницами группы, развитию навыков наблюдения за детьми. Позже семья посещала детско-родительскую группу, где были созданы условия для свободной игры детей и наблюдения.

Результаты. Оценка изменений у матери и ребенка была проведена через 8 месяцев программы ранней помощи. Мать стала называть действия ребенка и объекты, на которые он смотрит, она изменяла свое поведение в связи с его сигналами; держала паузу после просьбы, благодарила за сотрудничество и предлагала выбор. Мать начала лучше понимать и чутко реагировать на потребности и коммуникативные инициативы сына, и в целом демонстрировала внимательное, бережное и поддерживающее отношение к нему. Ребенок чаще реагировал на голос, поворачивал голову и смотрел на взрослого, когда тот обращался; в ряде ситуаций сам инициировал контакт со взрослым. Мальчик продемонстрировал расширение игрового репертуара, устойчивый познавательный интерес и развитие навыков социального взаимодействия. Так же семьей было адаптировано домашнее пространство для самостоятельной игры.

Таким образом, применение пиклеровского подхода в индивидуальном и групповом формате ранней помощи в сочетании с программой «Направляемый диалог» привело к позитивным результатам для наблюдаемого ребенка и его родителей.

1. Пиклер Э. и др. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления. / Под ред. О. И. Пальмова. М.: «Национальное образование», 2021.
2. Хундейде К. Направляемый диалог: пособие для программы ICDP по развитию чувствительности. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ин-т раннего вмешательства, 1999.
3. Ямщикова Н. А. и др. Активность и участие ребенка, как фокус междисциплинарной ранней помощи в центре реабилитации СПБ ГБУЗ «ДГМ КСЦ ВМТ»: практика использования МКФ и гуманистического подхода (концепция Эмми Пиклер) // FORCIPE. 2022. 5(2). С. 578–579.

Исследование выполнено за счет гранта Министерства труда и социальной защиты Тульской области в рамках регионального проекта Ассоциации «Содействие» (Соглашение № 37 от 16 октября 2023 года), ««Пространство доверия: ранняя помощь детям с нарушениями развития на основе партнерства с родителями»»

Колпакова Е.В., Доронина И.С., Брума Л.А.
СПб БФ «Родительский мост»

Использование подхода Эмми Пиклер в комплексном сопровождении матерей с детьми в условиях кризисного центра

В условиях трудной жизненной ситуации особенно уязвимыми оказываются дети раннего возраста и их матери, испытывающие тревогу, ощущение небезопасности и снижение родительской чувствительности (Schechter, Willheim, 2009). Кризисные центры временного пребывания становятся важным ресурсом в поддержке таких матерей и их детей младенческого и раннего возраста, обеспечивая междисциплинарное сопровождение и программу реабилитации для пары «мать – ребенок». В реабилитационном процессе подход Эмми Пиклер сфокусирован на формировании безопасности, предсказуемости и уважительного взаимодействия (Пиклер, 2021).

Целью настоящего исследования стало описание и оценка применения подхода Эмми Пиклер в работе с матерями и детьми, временно проживающими в кризисном центре Санкт-петербургского благотворительного фонда «Родительский мост».

Материалом для анализа стали практики взаимодействия с детьми и матерями, применяемые сотрудниками кризисного центра в рамках подхода Пиклер: организация среды для самостоятельной активности детей и предоставление детям нового опыта в игре и движении, предсказуемость и сотрудничество, проявление внимания к инициативе ребенка и его эмоциональному состоянию, совместное (специалист и мама) наблюдение за движением и игрой ребенка в специально оборудованном пространстве с последующим обсуждением, поддержка матерей в повседневном уходе за детьми с опорой на принципы уважительной заботы (Федорова, Пальмов и др., 2024). Внимание также уделялось распознаванию сигналов и анализу физического, эмоционального и коммуникативного отклика детей на взаимодействие и происходящие с ними события, сотрудники центра моделировали бережную заботу о ребенке и поддерживали вовлеченность матерей. Матери, попадающие со своими детьми в кризисный центр, переживали пренебрежение и насилие по отношению к себе, имеют опыт пребывания в учреждении и-или утраты родителей, 70% матерей имеют ментальные особенности. Как правило, матерям трудно не вмешиваться в процесс самостоятельной активности ребенка, не интересно наблюдать за своими детьми, сложно тренировать себя в чтении сигналов своих детей.

По нашим наблюдениям, пребывание в кризисном центре и программа сопровождения, включающая внедрение подхода Эмми Пиклер способствовали постепенному восстановлению состояния детей, ранее переживших разлуку с матерью, пребывание в доме ребенка или другие травмирующие события. У детей отмечалось преодоление отставания в развитии, формирование моторных и исследовательских навыков, улучшение эмоциональной регуляции и увеличение количества инициатив в общении со сверстниками и со взрослыми. Матери демонстрировали рост доверия сотрудникам, готовность следовать рекомендациям по режиму, питанию и заботе о здоровье детей, снижение проявлений негативного поведения по отношению к своим детям.

Полученные данные подтверждают, что создание предсказуемой среды, поддержка эмоционального состояния матерей, внимательное наблюдение за детьми и совместный анализ взаимодействия в ситуациях ухода становятся «островками стабильности», способствующими формированию чувства безопасности у ребенка и налаживанию взаимодействия матерей с детьми.

1. Пиклер Э., Тардош А., Фальк Ю. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления / Под ред. О. И. Пальмова, Э. Пиклер. – М.:Издательство «Национальное образование», 2021. 192 с.
2. Schechter D.S., Willheim E. The effects of violent experiences on infants and young children // Zeanah C. H. (Ed.). Handbook of infant mental health. 3rd ed. New York: The Guilford Press, 2009. P. 197–213.

Пальмова Н.С.
ГБДОУ детский сад №41 «Центр интегративного воспитания»

Гумилевская М.Ю.
ФГБОУ ВО ТулГУ

Наблюдение за ребенком в Пиклеровских детско-родительских группах как терапевтический инструмент

Пиклеровская группа, включенное наблюдение, представления о ребенке.

Благополучие маленького ребенка в подходе Эмми Пиклер сопряжено с рядом характеристик и компетенций заботящегося о ребенке взрослого, в числе которых уважение и проявление интереса к его самостоятельной активности ребенка (Пальмов, 2022). Изучение пар матерей и детей раннего возраста с типичным развитием и с ОВЗ в режимных ситуациях показало недостаточную способность матерей видеть мотивацию и намерения ребенка, его желание участвовать в происходящем, а также выявило неготовность матерей к следованию за этими инициативами (Федорова и др. 2024). Приходящие в группы родители детей раннего возраста согласно наблюдениям склонны привлекать внимание детей, демонстрировать варианты игры, помогать детям в ситуациях, когда те не нуждаются в помощи, в том числе в области двигательного развития.

Целью нашего исследования является обобщение опыта ведущих Пиклеровских групп в области совместного с матерями наблюдения за детьми с типичным развитием и с ОВЗ.

Пиклеровские группы для детей от 6 до 24 мес. приглашают матерей к включенному наблюдению за своим ребенком, которому может сам играть в специально организованном безопасном пространстве. Родителей просят не начинать игру, не привлекать внимание ребенка и не помогать ему осваивать оборудование для движения. При этом родители откликаются на обращения детей и утешают при необходимости. Ведущие обеспечивают безопасность детей при освоении ими оборудования и во взаимодействии друг с другом. Важной задачей ведущих является разговор с каждым родителем на каждой групповой встрече. Ведущий спрашивает о наблюдениях родителя о новых реакциях и навыках, которые проявились у ребенка в групповом пространстве и делятся с матерями своими наблюдениями, опираясь на критерии оценки самостоятельной игры и движения в концепции Пиклер (Али, 2016).

Наблюдение проводилось в 4х Пиклеровских группах, которые в течение учебного года посещали 18 матерей с детьми от 9 до 24 мес. с типичным развитием (n14) и с ОВЗ (n4).

Ведущие отмечают следующие изменения в поведении матерей: большинство матерей стали предоставлять детям возможность самостоятельно выбирать игру, осваивать новые движения, находиться на оборудовании для крупной моторики. Матери стали более предсказуемы для детей; большинство матерей перешли от отстраненного наблюдения за своим ребенком (с отвлечением на телефон, общение с другими родителями) к включенному наблюдению с проявлением интереса к действиям ребенка, его мотивам и намерениям.

У матерей детей с ОВЗ стали изменяться представления о способностях детей: так как концепция Пиклер выделяет и придает значение конкретным движениям, предметным действиям, намерениям и идеям ребенка, совместное наблюдение помогло находить смысл каждого действия и ценить инициативу ребенка. Этот опыт наблюдения матери развивали в домашних условиях и делились результатами.

1. Али М. Мой ребенок в первый год жизни: недоношенный, с задержкой развития, с нарушениями? Или просто другой? Отвечая на вопросы родителей. СПб.: Скифия, 2016.
2. Пальмов О.И. Основные положения Пиклеровского подхода и его применение в ранней помощи. https://depsr.admhmao.ru/sotsialnoe-obsluzhivanie-naseleniya/regionalnyy-informatsionnyy-bank-po-ranney-pomoshchi/konferentsiya-po-ranney-pomoshchi-2022/doklady-/8282422/palmov-o-i/
3. Федорова С.С., Пальмов О.И., Кондратьева Д.В. Характеристики взаимодействия матерей и детей раннего возраста в режимных ситуациях в связи с участием в программе сопровождения ребенка и семьи. Ананьевские чтения – 2024. Материалы международной научной конференции / Под ред. С. Н. Костроминой и А. Е. Ловягиной; отв. ред. В. И. Прусаков. – Нижний Новгород: Издательство «Кириллица», 2024. С.277.

Лянгасова Н. А.
Овчинникова Е. В.
Пространство для детей и родителей «Каштан»

Преимущества Пиклеровского подхода в групповой работе с детьми раннего возраста и их матерями

Взаимодействие, Пиклеровский подход, группа для детей и родителей

Приходя в детский центр на занятия с детьми до 2 лет, матери чаще всего озвучивают такие запросы как раннее развитие, обогащение сенсомоторного опыта, социализация, самостоятельная игра, бережная сепарация и подготовка к детскому саду. По наблюдениям текущего года в удовлетворении не только указанных запросов, но и решении других актуальных задач особенно результативной показала себя работа в группе, основанной на подходе венгерского педиатра Эмми Пиклер (Пиклер и др., 2021).

Рассмотрим пример работы с одной парой мать-ребенок в Пиклеровской группе с целью выделить ряд факторов, которые способствовали позитивным изменениям во взаимоотношениях в диаде и в поведении ребенка.

Основные условия и методы работы в группе: физически и психологически безопасное пространство; постоянный состав участников; специально подготовленная, насыщенная среда (Али, 2016); приглашение родителей к регулярному наблюдению за самостоятельной активностью детей, доверию и уважительной заботе; возможность обсуждать наблюдения, вопросы, тревоги матерей.

Наблюдение проводилось за 15 парами мать-ребенок, посещавшими 2 и более встречи группы «Пиклер» с октября 2024 по июнь 2025 г. На основании наблюдений на группе «Пиклер», а также занятиях «Открытое пространство» для малышей от 0 до 2 лет был проведен анализ случаев и динамики в парах. В качестве примера приведем один из случаев с выраженной положительной динамикой.

Мать и сын 16 мес. (на момент входа в группу) с типичным развитием. Посещали открытые занятия для малышей, затем на 3 мес. присоединились к группе «Пиклер». На входе в группу мальчик проявлял признаки повышенной тревожности, часто проводил первое время у матери на руках, пряча лицо и избегая контактов. Затем он активно двигался, иногда с предметом в руках, чем вызывал тревогу своей и других матерей за возможность столкновения с детьми; часто вокализировал; возвращался к матери в поисках внимания; бросал предметы; стремился выходить в коридор, где мог небезопасно двигаться, что требовало включения в диалог с ним матери или ведущих группы. Примерно через месяц посещения группы «Пиклер» мать отмечала, что ее сын «удивительно был коммуникабелен и вдумчив». Мальчик стал меньше времени проводить на руках и реже искал внимания матери; реже пытался выйти в коридор и самостоятельно возвращался; меньше времени проводил в движении, лучше концентрировался на материалах в среде и творчески взаимодействовал с ними; стал использовать больше слов; во взаимодействии с детьми проявлял бережность, лучше координировал свои движения и рассчитывал силу прикосновения. Мать стала уделять сыну больше качественного, чуткого внимания, больше доверять его компетентности и меньше тревожиться, чаще приглашать к сотрудничеству и видеть отклик. Эти изменения в их паре оказались устойчивы и наблюдались также на открытых занятиях для малышей, по завершении их участия в группе «Пиклер».

Таким образом, условия группы «Пиклер», присвоение матерями ценностей уважительной заботы, доверия и сотрудничества и получение детьми опыта подобного отношения способствовали быстрой и устойчивой положительной динамике в парах мать-ребенок.

1. Али М. Мой ребенок в первый год жизни: недоношенный, с задержкой развития, с нарушениями? Или просто другой? Отвечая на вопросы родителей. СПб.: Скифия, 2016.
2. Дим-Вилле Г. Первые годы жизни. Психоаналитическая теория детского развития (на осн. взглядов Фрейда, Кляйн и Биона). 2018.
3. Маганья Дж. Наблюдение за младенцами в семье / под ред. Дж. Маганья. М.: Ю. Новгородова, 2019.
4. Пиклер Э. и др. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления. М.: Национальное образование, 2021.

Хомутовская Н.Н.

Комалева Е.О.
СПБ ГКУЗ СПНДР №13

Психотерапевтический эффект присутствия отцов на тоддлеровской группе

Раннее вмешательство, тоддлеровская группа, психическое здоровье

Одной из форм психологической работы и сопровождения семей с детьми раннего возраста является тоддлеровская группа. Она представляет собой психологическую группу встреч для мам и детей от 1 года до 3-х лет, которая проводится в специально оборудованном помещении. Основными задачами тоддлеровской группы являются: поддержка и регулирование сложных переживаний детей и родителей, создание и поддержание «контейнирующего» пространства, получение разнообразного опыта игры и взаимодействия, более плавное прохождение процесса отделения ребенка от матери и переход к новому этапу развития отношений в семье.

Классически организованная тоддлеровская группа, которая родилась в Центре Анны Фрейд, подразумевает участие диад «мать и дитя». Наш опыт ведения группы тоже начинался с психологической работы с парами. Но в дальнейшем на занятия стали приходить отцы. В данный момент участниками тоддлеровской группы преимущественно являются семьи: мама-папа и ребенок. Наш практический опыт работы в таком формате позволил обратить внимание на отцов и исследовать значение и роль их присутствия на группе для психического развития ребенка и динамики отношений в семье.

После рождения ребенка мать большую часть времени посвящает уходу за младенцем, отвечает на его потребности, реагирует на его сигналы. Отцы в этот момент часто оказываются отстраненными от пары, уходят на второй план. С одной стороны, это позволяет диаде мать-младенец мягко пройти период, когда связь внутреннего и внешнего мира еще находится в слишком уязвимой стадии, сформировать отношения, научиться понимать друг друга (Винникот, 2004). С другой стороны, возращение отца помогает более мягко пройти этап отделения, становится для ребенка новым ориентиром, закладывает фундамент, благодаря которому ребенку в дальнейшем будет легче пережить «исключение из пары».

Анализируя нашу работу, можно заметить, что присутствие отцов на тоддлеровской группе дает им возможность соприкоснуться с внутренними переживаниями и тревогами матерей. А мамы, в свою очередь, могут увидеть реальных мужей в роли отцов с их переживаниями и трудностями. В процессе игры с ребенком на группе у отцов формируется иной взгляд на ценность совместного взаимодействия. Группа помогает «встроиться» отцам в диадные отношения «мать-ребенок» и укрепляет их позиции в семье, снижает напряжение в паре «муж-жена» при различных взглядах на вопросы развития и воспитания ребенка, а также дает более объективную картину причин трудностей в развитии ребенка. Таким образом, присутствие отца на группе символически помогает ребенку выйти из позиции психологического центра семьи и принять свое детское положение в семейной иерархии, развивая отношения с каждым из родителей и другими людьми (Иванова, 2020).

1. Винникот Д.В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. // Екатеринбург: Изд-во «ЛИТУР», 2004 – 400 с.
2. Зуева Н.А. Еще раз об отце. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2018. №2.
3. Иванова В.Ю. Тоддлеровская группа как метод психологического сопровождения семей с детьми раннего возраста. // Психологическое консультирование детей и родителей: учебное пособие / под ред. В.О. Аникиной. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. – 336 с.
4. Калина О.Г. Роль отца в психическом развитии ребенка : научно-популярная литература / О. Г. Калина, А. Б. Холмогорова. - Москва : Форум, 2012. – 110 с.
5. Parents and Toddlers in Groups: A Psychoanalytic Developmental Approach // eds. M.Z. Woods, I.-M. Pretorius., London, 2010

Борисова А.Г., Пальмов О.И.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Представления матерей об игре и психическом развитии их детей, посещающих детско-родительские группы

В современных исследованиях подчеркивается значимость игры в психическом развитии ребенка раннего возраста (Whitebread et al., 2017). Представления родителей, особенно матерей, об игре и развитии детей формируют стиль взаимодействия и определяют возможности ребенка для самостоятельной и совместной деятельности (Bugallo et al., 2024). Если игра воспринимается как «просто развлечение», это может ограничивать ее развивающий потенциал (Пиклер и др., 2022). Зарубежные исследования подчеркивают ценность свободной игры при участии поддерживающего взрослого как ресурса для развития эмпатии, социальных навыков и саморегуляции (Ginsburg, 2007). Участие в детско-родительских группах может положительно влиять как на развитие ребенка, так и на родительские компетенции, однако связь между представлениями матерей об игре и их опытом участия в разных типах групп остается малоизученной.

Целью исследования является выявление особенностей представлений матерей о психическом развитии, игре и взаимодействии с ребенком в зависимости от типа посещаемых ими детско-родительских групп или отсутствия опыта участия в таких группах. В исследовании планируется участие не менее 50 матерей детей младенческого и раннего возраста (от 6 месяцев до 3 лет). Респонденты будут распределены на две группы: (1) матери, посещающие детско-родительские группы, основанные на подходе венгерского педиатра Эмми Пиклер и ориентированные на уважительное взаимодействие и свободную самостоятельную активность детей с включенным наблюдением матерей, (2) матери, не посещающие какие-либо группы с детьми. На данный момент проведено пилотное исследование с участием 18 матерей, из которых 12 посещают группы Пиклеровского подхода, а 6 не водят детей в группы. Всем респондентам было предложено заполнить социально-демографическую анкету, опросник «Родительское рефлексивное функционирование» (PRFQ, Fonagy et al., 2017) в адаптации для русскоязычной выборки (Камская О.А., Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Гурова Е.В., 2023), а также авторский опросник «Представления родителей о психическом развитии, игре, взаимодействии и сотрудничестве с детьми раннего возраста» (Борисова А.Г., Сибагатуллина А.М., Пальмов О.И.). Предварительные результаты показывают, что матери, посещающие пиклеровские группы, чаще воспринимают ребенка как активного участника взаимодействия с раннего возраста и придают игре ключевое значение для психического развития. Напротив, матери, не посещающие группы, чаще рассматривают игру как развлечение или способ обучения. Также у матерей из пиклеровских групп чаще отмечаются высокие показатели по шкале «Интерес и Любопытство» и низкие – по шкале «Предрефлексия» в опроснике «Родительское рефлексивное функционирование». Эти данные подчеркивают значимость дальнейшего изучения связи между участием в детско-родительских группах и представлениями родителей об игре и развитии детей.

1. Пиклер Э. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления / Под ред. О. И. Пальмова, Э. Пиклер. М.: Издательство «Национальное образование», 2021.
2. Bugallo L., Mukherjee S. J., Scheuer N., Cremin T., Montoro V., Golinkoff R., Preston M., Wah Cheng D. P., Popp J. Children's and mothers' understanding of play and learning: Repertoires across five cultures // Learning and Instruction. 2024. Vol. 94. P. 101981.
3. Ginsburg K. R. The importance of play in promoting healthy child development and maintaining strong parent-child bonds // Pediatrics. 2007. Vol. 119 (1). P. 182–191.
4. Whitebread D., Neale D., Jensen H., Liu C., Solis S. L., Hopkins E., Hirsh-Pasek K., Zosh J. M. The role of play in children's development: a review of the evidence (research summary). DK: The LEGO Foundation, 2017. 40 p.

Ягудина М.Р., Шабалина Е.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Представления о своем детстве и страхи у родителей, воспитывающих детей с особыми потребностями

Родительские страхи, детский опыт, особые потребности

Введение. Воспитание детей с особыми потребностями – сложный процесс, сопровождающийся у родителей страхами, стрессом и чувством вины (Heiman, 2021). Данные литературы свидетельствуют, что собственный детский опыт матерей, включая неосознаваемый травматический опыт, может усиливать эти переживания (Fraiberg et al., 1975). Цель текущего исследования – изучение родительских страхов и представлений о собственном детском опыте у родителей, воспитывающих детей с особыми потребностями.

Методы. Участниками пилотного исследования стали родители детей с особыми потребностями: 3-ое родителей детей с РАС, 1 родитель ребенка с дизартрией. Для сбора данных использовались следующие методы: полуструктурированное интервью на основе интерпретационной феноменологической аналитики (Smith et al., 2009) и интервью по PCERA (Clark, 2019); социально-демографическая анкета; стандартизированный опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (Холмогорова и др., 2016). Интервью проводилось в комфортной и безопасной атмосфере и длилось 30-60 минут, записывалось на аудио с согласия участников. Опросники участники заполняли дистанционно через онлайн-форму. Данные интервью анализировались с помощью контент-анализа.

Результаты. Анализ данных интервью показал, что родительские страхи преимущественно связаны с социальным будущим и самостоятельностью детей, с более выраженной интенсивностью этих страхов у родителей детей с РАС по сравнению с родителями детей с дизартрией. Переживания матерей, связанные с негативным детским опытом, в т.ч., травматическими событиями, сочетаются с повышенным уровнем родительских страхов. Семейные дисфункции, с которыми сталкивались родители в своих семьях в детстве, включая индуцирование тревоги и фасадность, т.е. стремление семьи выглядеть максимально положительно в глазах окружающих, усиливают страхи, особенно в семьях с детьми, имеющими сложные диагнозы, такие как РАС.

Выводы. Результаты данного исследования являются предварительными, но позволяют предположить, что страхи у родителей детей с нарушениями развития формируются под влиянием их собственного детского опыта, а также зависят от тяжести диагноза ребенка и семейной динамики в родительских семьях. При этом в структуре страхов присутствуют страхи, обусловленные трудностями воспитательного процесса, а также связанные с будущим детей.

1. Clark R., Tluczek A., Moore E. C., Evenson, A. L. Assessment of early parent–child relationships //The Oxford handbook of infant, toddler, and preschool mental health assessment. 2019. Vol. 2. P. 1-62. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837182.013.3
2. Heiman T. Parents' voice: Parents' emotional and practical coping with a child with special needs //Psychology. 2021. Vol. 12 (5). P. 675-691. doi: 10.4236/psych.2021.125042
3. Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24 (4). С. 97-125. doi: 10.17759/cpp20162404005
4. Fraiberg S., Adelson E., Shapiro V. Ghosts in the nursery. A psychoanalytic approach to the problems of impaired infant-mother relationships. J Am Acad Child Psychiatry. 1975. Vol. 14(3). P. 387-421. doi: 10.1016/s0002-7138(09)61442-4.
5. Smith J. A., Flowers P., Larkin M. Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research. London: SAGE, 2009.

Ефимов К.Р.
НОЧУ ВО МИП

Иванов М.В.
ФГБНУ НЦПЗ

Особенности принятия диагноза родителями детей с аутизмом

Принятие диагноза, родители детей с аутизмом, расстройства аутистического спектра

Введение. Принятие диагноза матерями детей с РАС остается малоизученным процессом, несмотря на его критическую роль в адаптации семьи. Эмоциональная нагрузка, стигматизация и дефицит поддержки создают уникальные барьеры, особенно для женщин, которые традиционно становятся основными опекунами. Цель исследования – выявить ключевые психологические и социальные паттерны переживания диагноза через глубинный анализ 35 интервью с матерями. Акцент сделан на качественных аспектах: эмоциональных реакциях, трансформации родительской идентичности и взаимодействии с медицинской системой. Исследование фокусируется на субъективном опыте, минуя стандартные количественные метрики, чтобы раскрыть нарративы, которые часто остаются за рамками статистики.

Методы. В исследовании участвовали 35 матерей детей 3–12 лет с клинически подтвержденным РАС. Выборка формировалась через поддерживающие группы и реабилитационные центры в период 2024–2025 гг. Критерии включения: первичная постановка диагноза в последние 1–3 года, отсутствие сопутствующих психических расстройств у матери. Основной метод – полуструктурированные интервью (45–60 минут) с вопросами о первой реакции на диагноз, изменениях в семейной динамики и опыте коммуникации со специалистами. Данные анализировались через метод тематического анализа с выделением повторяющихся тем. Единственный количественный элемент – частота упоминания ключевых тем (например, «чувство вины» – 82% случаев). Этические принципы соблюдены: анонимность, добровольное согласие, право на выход из исследования.

Результаты. Анализ интервью выявил три ключевые темы в переживании диагноза матерями:

Эмоциональная турбулентность встречалась в 100 % случаев. Универсальные реакции, фиксируемые самими родителями - шок и отрицание: «Я неделю не могла говорить, просто ревела в подушку» (М, 32 года). 82% матерей испытывали хроническое чувство вины: «Я думала, это из-за прививок/плохой наследственности/моих ошибок», а 60% описывали социальную изоляцию: «Подруги перестали звать на встречи - будто аутизм заразный».

Трансформация родительской роли также оказались значимыми аспектами принятия диагноза. Так, 75% женщин кардинально меняли карьеру: «Ушла с работы, чтобы водить ребенка на 5 терапий в неделю». Многие отмечают конфликт идентичности: «Я больше не просто мама - я теперь мама особого ребенка» (Е, 28 лет) и парадоксальный рост: «Диагноз научил меня настоящей безусловной любви» (45% респонденток).

Проблемы взаимодействия с системой часто отмечаются родителями детей с РАС: 90% критиковали стигматизирующую подачу диагноза: «Врач сказал: «Ваш ребенок - овощ. Смиритесь»». Дефицит информации отмечается в 68% случаев: «Никто не объяснил, куда идти после диагноза - собирала информацию по форумам». В свою очередь, 40% столкнулись с отрицанием проблемы родственниками: «Свекровь уверена, что я просто плохо воспитываю сына».

Выводы. Исследование демонстрирует, что принятие диагноза матерями - нелинейный процесс эмоционального и экзистенциального кризиса, усугубляемого институциональными барьерами. Ключевые Проблемы включают 3 компонента:

Медицинская травма - грубая коммуникация врачей усиливает шок и чувство вины. Требуются протоколы деликатного информирования с привлечением психологов.

Социальная маргинализация - двойная стигма (как «плохой матери» и как семьи с «неудобным» ребенком). Необходимы программы поддержки с участием других родителей.

Ресурсное истощение - вынужденный уход с работы и гиперфокус на реабилитации приводят к эмоциональному выгоранию. Важно развивать системы адаптации для родителей детей с РАС.

Перспективы исследования заключаются в углубленном анализе стратегий адаптации матерей (как 45% находят позитивные аспекты) и разработке рекомендаций по навигации медицинской системы. Главной проблемой является то, что диагноз, разрушающий привычную жизнь, становится катализатором личностного роста - но только при наличии адекватной поддержки.

1. Богачева О.И., Иванов М.В., Симашкова Н.В. Осведомленность родителей о заболевании детей с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2019. Том 17. № 4. С. 3–11. DOI: 10.17759/autdd.2019170401
2. Вольская Е.А. Пациентский комплаенс: Обзор тенденций в исследованиях // Ремедиум: Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2013. № 11. С. 6–15. DOI:10.21518/1561-5936-2013-11-6-15
3. Ефимов К.Р., Иванов М.В. Родительская приверженность лечению детей с психическими расстройствами как клинико-психологическая проблема // Аутизм и нарушения развития. 2024. Том 22. № 3. С. 11–19. DOI: 10.17759/autdd.2024220302
4. Кузьмина А.С., Стоянова И.Я., Кривошей К.О. Психологические ресурсы матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2024. Том 22. № 4. С. 21–30. DOI: 10.17759/autdd.2024220403
5. Al Yahyaei A., Al Omari O., Abu Sharour L., Cayaban A.R., Shebani Z., Al Hashmi I., Al Bashtawy M., Alkhawaldeh A., Alhalaiqa F. The Lived Experience of Parent Caregivers of Adolescents with Mental Illness: A Phenomenological Study. Int J Community Based Nurs Midwifery. 2024 Jan 1;12(1):2-12. DOI:10.30476/IJCBNM.2023.100667.2375.

Дьяконова И.К., Блох М.Е.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Представление о ребенке и о себе в связи с эмоциональным состоянием и удовлетворенностью материнством у матерей недоношенных детей младенческого возраста

Недоношенность, эмоциональное состояние матери, младенческий возраст, представление о ребенке, удовлетворённость материнством

По данным ВОЗ ежегодно в мире рождается около 15,5% недоношенных и маловесных детей. В условиях стресса и неопределенности, связанных с уходом за недоношенным малышом, матери могут сталкиваться с различными психологическими трудностями, в том числе с посттравматическим стрессовым расстройством и депрессией (O'Hara M. W & Swain A. M. 1996, М.А. Арустамян, 2023). Эти состояния могут существенно влиять на удовлетворенность материнством и качество взаимодействия с ребенком, а также на представления о себе и младенце (З.В. Луковцева, Л.Л. Баз, 1999). Переживание матерями в послеродовой период состояния стресса и негативное изменение их психического состояния является предиктором нарушений развития у преждевременно родившихся детей в течение всего дошкольного периода (Н.В. Андрущенко, Р.Ж. Мухамедрахимов, и др. 2024). Цель данного исследования: изучение представлений о ребенке и о себе в связи с эмоциональным состоянием и степенью удовлетворенности материнством у матерей недоношенных детей младенческого возраста. Выборка исследования: 16 матерей основной группы (средний возраст 31±6 лет) имели недоношенного ребенка (средний возраст 5,5±3 мес) и 16 матерей группы сравнения (средний возраст 30±5,5 лет) имели доношенных детей (средний возраст 6,5±3 мес). Использованные методики: социально-демографическая анкета для матерей, Эдинбургская шкала послеродовой депрессии, скрининг опросник ПТСР (Brewin C. et al., 2002), опросник удовлетворенности материнством (Е. И. Захарова, 2012), методика «Личностный дифференциал» с понятием «Я – мать», модифицированный опросник «Личностный дифференциал» с понятием «Мой ребенок».

Результаты. Матери обеих групп имеют признаки постнатальной депрессии (11±6,3 и 11±4,3), при этом показатели послеродовой депрессии и симптомов ПТСР отрицательно коррелируют с уверенностью в себе как матери в основной группе и с оценкой себя как матери к группе сравнения. Матери недоношенных детей достоверно выше (при $p \pm 0,05$) оценивают себя как мать (12,5±5,4 и 5,5±9,1) и более удовлетворены отношениями с близким окружением (8,5±1,6 и 6±2,5), чем матери доношенных детей. Удовлетворенность материнством в основной группе взаимосвязана с оценкой ребенка (его физических и когнитивных характеристик), а в группе сравнения – с оценкой себя как матери и аффективными и поведенческими характеристиками ребенка (при $p < 0,05$).

Вывод. Полученные результаты подчеркивают важность психологической поддержки для матерей младенческого возраста для коррекции эмоционального состояния, формирования позитивной самооценки и уверенности у матерей недоношенных детей.

1. O'Hara, M. W., & Swain, A. M. Rates and risk of postpartum depression-A meta-analysis. International Review of Psychiatry. 1996. 8(1) 37–54. https://doi.org/10.3109/09540269609037816
2. Андрущенко Н.В., Мухамедрахимов Р.Ж., Крюков Е.Ю., Иова А.С., Аринцина И.А., Аникина В.О., Потешкина О.В., Солодунова М.Ю., Чернего Д.И. Особенности эмоционального состояния матерей в аспекте их раннего взаимодействия с недоношенными детьми // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119, № 5. С. 148 153.
3. Арустамян М.А., Аветисян Л.Р., Котанян А.О., Оганян М.Р., Мардиян М.А., Чопикян А.С. Особенности психологического статуса матерей недоношенных и доношенных детей // Доктор.Ру. 2023. № 3.
4. Луковцева З.В., Баз Л.Л. Психическое развитие недоношенного младенца // Вопросы психологии. 1999.

Ивашко С.Г., Редя П.С.
БГПУ им. М. Танка

Психологическое благополучие матерей, воспитывающих детей с особенностями психофизического развития

Психологическое благополучие матерей, удовлетворенность жизнью, дети с особенностями психофизического развития

Введение. В Республике Беларусь увеличивается количество детей с особенностями психофизического развития (далее – ОПФР), в этих семьях матери сталкиваются с повышенными эмоциональными и физическими нагрузками, обусловленными необходимостью постоянного включения в процессы коррекции и сопровождения ребенка, что влияет на уровень их психологического благополучия. Психологическое благополучие -интегральное субъективное состояние личности, отражающее эффективное внутреннее функционирование личности и выражающееся в позитивной самооценке, осмысленности жизни и устойчивости к стрессу (Власова, 2019, Diener, 1984, Ryff, 1989).

Цель исследования – выявление психологического благополучия матерей, воспитывающих детей с ОПФР.

Методы. Выборку испытуемых составили 100 матерей в возрасте 23–44 года, воспитывающих детей с ОПФР младшего школьного возраста. Выборка разделена по типу обучения и месту проживания детей: группу М1 - 50 матерей детей, обучающихся в интегрированных классах в ГУО «Средняя школа №178 г. Минска имени Т. А. Лукьяновича» и М2 – 50 матерей детей, обучающихся в специальном учреждении образования «Могилевский областной центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации». Методики: Шкала психологического благополучия (C.D. Ryff в адапт. Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко, 2005), Шкала удовлетворенности жизнью (E. Diener в адапт. Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева, 2008).

Результаты. Показатели матерей М1 доминируют по компонентам: «Позитивное отношение к людям» (61,56±0,85 против 53,26±1,30; $p<0,05$), «Автономия» (59,64±1,05 против 55,49±1,33; $p<0,05$), «Управление средой» (61,88±0,95 против 55,14±1,37; $p<0,05$), «Личностный рост» (63,80±0,98 против 56,74±1,16; $p<0,05$), «Цели в жизни» (65,36±1,05 против 55,34±1,46; $p<0,05$), «Самопринятие» (64,02±0,99 против 53,76±1,31; $p<0,05$), «Осмысленность жизни» (102,18±1,38 против 89,06±2,26; $p<0,05$) и «Человек как открытая система» (65,42±1,01 против 57,86±1,01; $p<0,05$). Матери группы М1 в сравнении с группой М2 в большей степени стремятся к взаимодействию, эмоциональной поддержке, постановке значимых целей, принятию решений, изменяя условия окружающей действительности при необходимости. Сохраняют внутреннюю свободу, что позволяет им уверенно справляться с вызовами, адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, находить новые ресурсы для решения задач, а также принимают себя, обладают ощущением значимости своей жизни. В группе М1 выше уровень психологического благополучия (378,46±4,68 против 327,78±6,13; $p<0,05$). По показателю «Удовлетворенность жизнью» между группами значимых различий не выявлено. В группе М2 преобладает «Баланс аффекта» (102,42±2,29 против 82,48±1,68; $p<0,05$), что свидетельствует о способности сохранять эмоциональное равновесие и регулировать внутренние состояния в условиях стресса, поддерживать устойчивость и сохранять внутренний комфорт в повседневной жизни.

Выводы. Большинство матерей группы М1 обладают средним уровнем психологического благополучия (76%), в группе М2 преобладает низкий уровень (64%). Для улучшения психологического благополучия матерей, воспитывающих детей с ОПФР, была разработана коррекционная программа, включающая 8 тренингов, направленных на формирование коммуникативных навыков, развитие самоконтроля, повышение стрессоустойчивости.

1. Власова М. Д. Факторы психологического благополучия семьи // Молодой ученый. 2019. № 49. С. 545–547.
2. Diener E. Subjective Well-Being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. P. 542–575.
3. Ryff C. D. Happiness Is Everything, or Is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57, No. 6. P. 1069–1081.

Нигматуллина А. И., Васильева М.Ю.
ФГБОУ ВО СПбГУ

Гарбарук Е.С.
ФГБОУ ВО СПбГПМУ

Особенности эмоционального состояния матерей, воспитывающих детей с нарушением слуха

Состояние матери, дети с нарушением слуха, слухопротезирование

Введение. Нарушения слуховой функции признаны самой распространенной сенсорной патологией, диагностируемой в детском возрасте. По данным статистики, в Российской Федерации насчитывается порядка 1 млн детей и подростков с нарушениями слуха (НС). Исследования свидетельствуют, что матери, воспитывающие детей с НС, имеют ряд особенностей в эмоциональном состоянии и находятся в группе риска нарушений в аффективной сфере (Туфатулин и др., 2021). Цель настоящего исследования – систематизация и обобщение научных данных об эмоциональном состоянии матерей, воспитывающих детей с НС.

Методы. Анализ и обобщение представленных в литературе результатов изучения показателей эмоционального состояния матерей, воспитывающих детей с нарушением слуховой функции различной степени тяжести и этиологии.

Результаты. Данные литературы указывают, что показатели эмоционального состояния матерей, воспитывающих детей с НС, имеют ряд отличительных особенностей. Рождение «особого» ребенка требует дополнительных психических и физических ресурсов при уходе за ним, что обусловливает психическое выгорание матери, выражающееся в повышении тревожности, ощущении разочарования и растерянности (Молчанова, 2019). Одним из факторов, негативно влияющих на психическое здоровье матерей, является задержка речевого и социально-эмоционального развития ребенка с НС. Самый высокий уровень родительского стресса, тревоги и депрессии диагностирован у матерей детей с низкими языковыми навыками, при этом тяжесть НС не связана с характеристиками психологического состояния (Hintermair, 2006). Стресс матерей приобретает хронический характер и повышает риск развития клинической депрессии, если ребёнок с НС испытывает трудности в социальной адаптации. Депрессия часто является следствием хронического стресса, возникающего при диагностировании хронической патологии слуховой функции у ребенка. Матери детей с НС характеризуются более высокой личностной тревожностью по сравнению с матерями здоровых сверстников и отцами слабослышащих детей: 55% женщин имеют симптомы тревоги (Coto et al., 2024).

Выводы. Эмоциональное состояние матерей детей с НС имеет ряд отличительных особенностей. Показатели стресса, тревоги и депрессии матерей выявляются на уровне от умеренных до клинических значений. Особенности эмоционального состояния матерей обусловлены влиянием множества факторов, наиболее критическим из которых является задержка речевого и социально-эмоционального развития ребенка с НС. Данные свидетельствуют о необходимости психологического сопровождения матерей, воспитывающих детей с НС, и включения таких семей в семейно-центрированные программы ранней помощи.

1. Молчанова Л. Н., Чеканова А. В. Особенности взаимосвязи психического выгорания и социального интеллекта матерей, воспитывающих детей с нарушениями слуха // Перспективы науки и образования. 2019. № 3(39). С. 290-299.
2. Туфатулин Г. Ш., Королева И. В., Мефодовская Е. К. Эпидемиология нарушений слуха у детей: распространенность, структура, аспекты слухопротезирования и социальные факторы // Вестник оториноларингологии. 2021. № 86(3). С. 28-35.
3. Coto J., Galicia M., Sanchez C., Sawafta J., Cejas I. Mental Health, Parenting Stress, and Parenting Practices of Parents of Deaf or Hard of Hearing Children During the Pandemic // American Annals of the Deaf. 2024. Vol. 169(1). P. 77-90.
4. Hintermair M. Parental resources, parental stress, and socioemotional development of deaf and hard of hearing children // Journal of deaf studies and deaf education. 2006. Vol. 11(4). P. 493-513.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект №23-25-00108, «Усвоение родного языка и коммуникативная компетенция у детей с долингвальной нейросенсорной тугоухостью: клинические, нейрофизиологические и поведенческие корреляты»).

Петш Е.В., Зайцева А.В.
ГБДОУ 79 Красносельского района

Особенности эмоциональных отношений родителей и детей раннего возраста с ОВЗ

Ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), эмоциональные отношения, дети раннего возраста с ОВЗ

Введение. Полноценное гармоничное развитие ребёнка невозможно без позитивных эмоциональных отношений с близким значимым взрослым. Рождение и воспитание ребёнка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) оказывает специфическое влияние на формирование эмоциональных отношений с родителем. Трудности возникающие в процессе построения взаимодействия с ребёнком приводят к нарушению эмоциональной связи в диаде и осложняют процесс воспитания (Савина, Чарова, 2008). Для выявления специфики эмоциональных отношений и взаимодействия родителя с ребёнком раннего возраста с ОВЗ было проведено наше исследование.

Методы. Нами был использован «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой. Опросник, разработанный для родителей, содержит 66 утверждений и направлен на выявление выраженности 11 параметров эмоционального взаимодействия родителя и ребенка раннего и дошкольного возраста (Захарова, 2023). Данная методика направлена на оценку чувствительности, эмоционального принятия ребёнка, поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия. В исследовании принимали участие 30 родителей детей раннего возраста (от 2 до 3 лет) с ограниченными возможностями здоровья, посещающие дошкольное учреждение.

Результаты. Результаты данных по методике «ОДРЭВ» свидетельствуют о том, что следующие параметры имеют значительную разницу со средним значением в худшую сторону: способность воспринимать состояние ребенка (блок чувствительности), понимание причин состояния ребенка (блок чувствительности), безусловное принятие (блок эмоционального принятия), ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия (блок поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия), умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка (блок поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия).

Выводы. Анализ данных исследования родителей, помог увидеть поле проблем и определить направления работы специалистов дошкольного учреждения. Значительной проблемой, на наш взгляд, является достаточно низкий уровень принятия себя как родителя, а также сниженный уровень безусловного принятия ребенка. Благодаря исследованию, была определена цель о необходимости разработать программу социально-эмоционального развития детей раннего возраста с ОВЗ при активном участии родителей малышей (Петш и др., 2024).

1. Савина Е.А., Чарова О.Б. Материнское отношение к детям с нарушенным интеллектом. Понятие родительского стресса. С.17-40 //Психологическая помощь родителям в воспитании детей с нарушениями развития. М.: Владос, 2008.
2. Захарова Е.И. Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» (ОДРЭВ) // сборник Психология САМО-состояния детей: проблемы, ресурсы, развитие, самоопределение: коллективная монография/ под общ. ред. Шининой Т.В. М.: ИНФРА-М, 2023.
3. Петш Е.В., Зайцева А.В., Соболева Н.А. «Это-Я!» Парциальная программа социально-эмоционального развития детей раннего возраста от 2 до 3 лет с ограниченными возможностями здоровья. Санкт-Петербург: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2024.

Мазко А.Ал., Степанова В.А.
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Социально-психологическая адаптация родителей к ребенку с синдромом Дауна

Родители детей с синдромом Дауна, социально-психологическая адаптация, ребенок с ОВЗ

Введение: Рождение ребенка с ОВЗ сопровождается комплексом социально-психологических трудностей, требующих от родителей адаптации к новым условиям жизни. Исследователи большое внимание традиционно уделяют анализу восприятия матерью рождения ребенка с особенностями. Современные работы подчеркивают важность внутрисемейных отношений, влияние роли отца, ближайшего окружения, а также ключевых факторов успешной адаптации семьи: социальной поддержки, доступа к специализированной информации и психологического консультирования. Однако, данные отличаются фрагментарностью, отсутствуют работы, систематизирующие материал по данной теме и исследующие динамику научных публикаций. Цель исследования – систематизировать и проанализировать отечественные и зарубежные исследования, посвященные различным аспектам социально-психологической адаптации родителей ребенка с синдромом Дауна.

Методы: Историко-перспективный анализ, библиометрический анализ, проблемологический анализ исследований социально-психологической адаптации родителей ребенка с синдромом Дауна в отечественных (eLibrary) и зарубежных (Dimensions AI) информационных базах за период 2015-2025 гг.

Результаты: Библиометрический анализ обнаружил, что как среди отечественных, так и среди зарубежных исследований отсутствуют работы, напрямую посвященные социально-психологической адаптации родителей к рождению ребенка с синдромом Дауна. Историко-перспективный и проблемологический анализы показали фрагментарность соответствующих исследований. Существуют работы, посвященные копинг-стратегиям и ресурсам семей с ребенком с синдромом Дауна (Кирпичник, Екимчик, 2020, Braga P. P. et al., 2021), теоретически осмысляющие сам кризис, с которым сталкиваются родители (Степанова, 2018), анализирующие отношения матери и ребенка (Одинокова, 2015) и др. Также есть ряд исследований, затрагивающих процесс адаптации родителей к тяжелой болезни ребенка в целом, что может быть основой для изучения адаптации именно к диагнозу синдром Дауна. Разрабатываются программы психокоррекционной работы с родителями, которые воспитывают детей с синдромом Дауна (Ефименко, Степанова, 2025)

Выводы: Проведенный анализ показывает, что существует дефицит комплексных исследований социально-психологической адаптации родителей к рождению ребенка с синдромом Дауна. Существующие работы фокусируются на смежных аспектах (копинг, диадное взаимодействие), но не раскрывают механизмы и детерминанты социально-психологической адаптации. В связи с этим, актуальна разработка специализированных исследований, изучающих факторы успешной адаптации (включая личностные детерминанты) для создания адресных программ поддержки.

1. Ефименко В.С., Степанова В.А. Особенности психокоррекционной работы с семьей, воспитывающей ребенка с синдромом Дауна // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2025. №. 1. С. 56-65.
1. Кирпичник О. В., Екимчик О. А. Копинг и благополучие родителей детей с синдромом Дауна: контент-анализ нарративов //Вестник КГУ. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 26(3). С. 112-120.

Одинокова Г. Ю. Выявление и преодоление неблагополучия в развитии общения матери и ребенка раннего возраста с синдромом Дауна: дис. Ин-т коррекц. педагогики РАО, 2015.

Степанова В. А. Группа детско-родительского взаимодействия как необходимый этап социализации семьи с ребенком раннего возраста с синдромом Дауна //Актуальные проблемы современного раннего и дошкольного образования детей с инвалидностью и ОВЗ. Сб. науч. статей по материалам регион. научно-практич. конфер. (11-12 апреля 2018 г.) / сост. О.Г. Приходько и др. М.: ООО «Юкод», 2018. С. 286-290.

Braga P. P. et al. Problem-solving and coping in family adaptation of children with Down Syndrome //Revista da Escola de Enfermagem da USP. 2021. Vol. 55. P. e03708.

вмешательства. Однако восприятие симптомов может различаться у родителей и специалистов. Родители наблюдают за поведением ребёнка в естественных условиях, специалисты опираются на профессиональные стандарты. Это может влиять на оценку симптомов и выбор стратегии помощи. Цель исследования –выявить различия в оценках симптомов РАС у дошкольников в зависимости от возраста и источника оценки.
Методы. Использовалась Шкала аутизма (Наследов и др., 2023), включающая 40 пунктов, сгруппированных в четыре шкалы: эмоциональные нарушения, сенсорная дезинтеграция, коммуникативные нарушения, гиперактивность. Участники – дети с РАС от 3 до 7 лет. Всего 201 анкета (161 – мальчики), из которых 129 оценок специалистов и 72 родительских, при этом 59 детей были оценены обоими респондентами. Анализ проводился с помощью двухфакторного MANOVA, по факторам «Возраст» - 3-5, 6-7 лет и «Тип респондента» - родитель или специалист. Дополнительно применен критерий t-Стьюдента для проверки различий в симптоматике между мальчиками и девочками. Проверялись гипотезы: 1) об изменении симптоматики между детьми дошкольного возраста – 3-5 лет и 6-7 лет; 2) о различии в оценке симптомов между родителями и специалистами; 3) о различиях в выраженности симптоматики в зависимости от пола ребенка.
Результаты. По многомерному критерию След Пиллая выявлен статистически значимый главный эффект возраста ($p < 0,001$), эффект респондента – на уровне статистической тенденции. Взаимодействие факторов близко к значимости ($p = 0,080$). По одномерным критериям с возрастом снижается общая симптоматика РАС ($p = 0,002$), особенно коммуникативные ($p < 0,001$), в меньшей степени эмоциональные нарушения ($p = 0,014$) и гиперактивность ($p = 0,016$). Родители оценивают симптомы статистически достоверно ниже, чем специалисты ($p = 0,015$), особенно по коммуникативной ($p = 0,009$) и сенсорной шкалам ($p = 0,028$). В родительских оценках коммуникативные нарушения сильнее снижаются с возрастом ($p = 0,028$). Также выявлены половые различия: у девочек более выражены симптомы в целом ($p = 0,041$), особенно гиперактивность ($p = 0,005$) и эмоциональные нарушения ($p = 0,056$). Различия оценок между родителями и специалистами не зависят от пола ($p > 0,05$).
Выводы. У дошкольников с РАС наблюдается снижение оценок общей симптоматики, а также коммуникативных, эмоциональных нарушений и проявлений гиперактивности. Результаты подтверждают расхождение оценок родителей и специалистов, особенно в области коммуникации и сенсорики. Это подчёркивает значимость комплексного диагностического подхода, включающего мнения всех сторон. Обучение родителей может повысить точность наблюдений и улучшить взаимодействие с профессионалами, способствуя также повышению качества жизни семьи (Fante et al., 2024). Более оптимистичная родительская оценка коммуникативных и сенсорных нарушений у детей 6–7 лет, вероятно, обусловлена их надеждами на готовность ребенка к обучению в школе. Необходимы дальнейшие исследования с расширенной выборкой.

дели симптомов аутизма у детей 3–6 лет // Клиническая и специальная психология. 2023. Т. 12. № 4. С. 47–72. https://doi.org/10.17759/cpse.2023120403
Fante C., Picione R. D. L., Dioni B., Manari T., Raffin C., Capelli F., Musetti A. Parental quality of life and impact of multidisciplinary intervention for children with autism spectrum disorders: a qualitative study // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2024. Vol. 55 (1). P. 310–322. https://doi.org/10.1007/s10803-023-06225-x

project/23-18-00155/

ГБУЗ НПЦ ПЗДП им. Г.Е.Сухаревой ДЗ

ФГБОУ ВО МГППУ

специализиронной помощи родителям, прежде всего матерям, имеющим детей с отклонениями развития. Для адекватной ее реализации необходимо изучить ценностно-мотивационную сферу матерей, имеющих детей с РДА и ЗПР. Исследования, посвященные этой проблеме, все чаще появляются как в отечественных, так и в зарубежных работах (Куканов, 2016; Abbott M., Bernard P., Forge J., 2012).

Цель настоящего исследования - сравнительный анализ специфических особенностей ценностно-мотивационной сферы матерей детей с ранним детским аутизмом (РДА) и матерей детей с задержкой психического развития (ЗПР) по сравнению с контрольной группой лиц (матерями нормативных детей).

Методики исследования и контингент испытуемых. Для реализации поставленных задач и ответа на выдвинутые гипотезы был использован следующий комплекс психодиагностических методик:

Система «Диагностика внутреннего конфликта» (ДВК) Е.Б. Фанталовой, состоящая из четырех методик: «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» (УСЦД)», «Семь состояний», «Шкала оценки дискомфорта», «Свободный выбор ценностей»;

Методика Ш.Шварца – «Обзор ценностей» и «Профиль личности

Опросник Мини-мульт (Сокращенный вариант Миннесотского многомерного личностного опросника MMPI). Адаптация Ф.Б. Березина, М.П. Мирошникова;

Методика PARI (Семейная жизнь глазами матери) Е. Шеффер и Р. Белла. Адаптации Т.В. Нещерет и Т.В. Архиреевой.

Выборка. В исследовании приняли участие 3 группы испытуемых:

Матери детей с нормативным психическим развитием (НПР) (Контрольная группа \ группа Нормы);

Матери детей с ранним детским аутизмом (РДА) (Экспериментальная группа 1 \ группа РДА);

Матери детей с задержкой психического развития органического генеза (ЗПР) (Экспериментальная группа 2 \ группа ЗПР).

Общий объем выборки: 150 человек (по 50 участников в каждой группе).

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы:

1. У матерей детей с РДА и матерей детей с ЗПР отмечаются как общие, так и специфические особенности в ценностно-мотивационной сфере личности в условиях текущего нарушенного развития их ребенка.

Общим для обеих исследуемых групп, по сравнению с матерями детей с НПР, является доминирование таких ценностей, как «Жизнерадостность», «Вера в Бога», «Самостоятельность» и отвержение «Гедонизма». Различия заключаются в наличии уникальной для каждой группы ценности: («Искренность» в группе РДА и «Оптимизм» в группе ЗПР); присутствии тенденции к выраженности состояния Внутреннего конфликта в ценности «Счастливая семейная жизнь» в группе РДА и «Материально-обеспеченная жизнь» в группе ЗПР; наличии состояния Внутреннего вакуума в ценности «Красота природы и искусства» в группе РДА.

2. Матери детей с РДА и матери детей с ЗПР обладают специфическими особенностями личности, которые обусловлены текущей жизненной ситуацией.

рика и Западная Европа [Электронный ресурс] / А.А. Куканов, Е.Б. Фанталова // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 1. С. 128–136.
Куканов А.А. Характеристика эмоционально-личностной сферы матерей, имеющих детей с РДА // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. №8. С. 268-273.
Abbott M., Bernard P., Forge J. Communicating a diagnosis of Autism Spectrum Disorder – a qualitative study of parents' experiences // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2012. Vol. 18 (3). P. 370–382.

у матерей детей с РАС

31, согласно последним данным (Shaw et al., 2025) – закономерно увеличивает число семей, сталкивающихся с особыми вызовами воспитания. Матери детей с РАС находятся в зоне повышенного риска психоэмоционального неблагополучия, о чем свидетельствуют данные о высокой распространенности депрессивных состояний (Yang et al., 2016), дезадаптивных стратегий совладания со стрессом (Нестерова, Ковалевская, 2015), а также об общем снижении их качества жизни (Kang et al., 2016). В частности, остаются недостаточно исследованными взаимосвязи между уровнем психоэмоционального напряжения, личностными особенностями, спецификой родительского отношения (включая как проблемные, так и ресурсные паттерны) и субъективно воспринимаемой социальной поддержкой. Это определило цель настоящего исследования.

Методы. Выборка составила 62 человека (матери, воспитывающие детей с РАС). Возраст участников исследования: 21-50 лет (средний возраст – 33,6).

Психодиагностический инструментарий:

Методика экспресс-диагностики уровня психоэмоционального напряжения и его источников (О. С. Копина и др.).

СМОЛ в адаптации Ф. Б. Березина и М.П. Мирошникова.

MSPSS С. Зимета в адаптации Н. А. Сироты, В.М. Ялтонского.

Тест-опросник родительского отношения А.Я. Варги, В.В. Столина.

Статистический анализ результатов исследования проводился с применением коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты. Были получены значимые связи между показателями ($p \leq 0,05$):

Характеристики «уровень психосоциального стресса» и «депрессия» положительно связаны со шкалами «симбиоз» (r=0,4) и «отношение к неудачам ребенка» (r=0,5),

Показатель «удовлетворенность жизнью» отрицательно связан со шкалами «симбиоз» (r=-0,6), «Отношение к неудачам ребенка» (r=-0,5), положительно связан с показателями «поддержка друзей» (r=0,4), «поддержка значимых других» (r=0,5).

Выводы.

1) Чем выше уровень психосоциального стресса и депрессивности у матерей, тем более у них выражена потребность в установлении симбиотических отношений с ребенком и склонность к его инфантилизации.

2) Чем выше уровень удовлетворённости условиями жизни, тем менее выражена потребность матерей в симбиотической связи с ребёнком; ребёнок воспринимается, как самостоятельный, способный добиться определённых успехов.

3) Чем выше уровень воспринимаемой социальной поддержки от друзей и значимых людей, тем более выражено позитивное отношение матерей к ребенку, а также их вера в успешность своего ребёнка.

Полученные результаты подчеркивают необходимость социально-психологического сопровождения матерей детей с РАС.

щих детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2015. № 3. С. 38-46.

Kang G. Y., Choi C. S., Ju S. J. Parenting experience of mothers with children with autism spectrum disorder: an analysis of the mothers' diaries. Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9 (20). P. 1-7.

Shaw K.A., Williams S., Patrick M.E., et al. Prevalence and Early Identification of Autism Spectrum Disorder Among Children Aged 4 and 8 Years – Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 16 Sites, United States, 2022. MMWR Surveill Summ. 2025. Vol. 74(2). P. 1–22. DOI: http://dx.doi.org/10.15585/mmwr.ss7402a1

Yang C. H., Du Y. S., Gong Y., Liu W. W., Kutcher S. Depressive symptoms and their correlates in parents of children with autism spectrum disorders // International Journal of Clinical and Experimental Medicine. 2016. Vol. 9(2). P. 5135-5143. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i20/94698

ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена

в процессе игры с их детьми с аутизмом

Дети с аутизмом испытывают трудности в сфере общении и коммуникации, имеют особенности игровой деятельности, которые затрудняют ее развитие, что ограничивает их опыт социального взаимодействия. Это определяет важность включения значимого взрослого в процесс их игры. В контексте организации взрослым игры и его присоединения к ней, ключевым является такое понятие как «родительская отзывчивость». В отечественных исследованиях родительская отзывчивость (далее – РО) раскрывается как «психологический конструкт, характеризующий специфическую активность родителя, чувствительность к сигналам ребенка» (Галасюк И.Н., Митина О.В., 2020). Целью настоящего исследования стало изучение характеристик родительской отзывчивости в процессе игрового взаимодействия матерей и их детей с аутизмом.

В исследование приняли участие 19 диад «мать-ребенок», проходивших программу реабилитации на базе ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта г. Санкт-Петербург. Критериями включения диады в выборку являлось наличие у ребенка установленного диагноза F84.0 (детский аутизм) по МКБ-10 без нарушений интеллекта и сопутствующей острой или хронической соматической патологии, а также возраст ребенка от 3 до 6 лет.

Теоретической основой изучения характеристик РО послужили метод оценки эффективного взаимодействия родителей и их детей с расстройством аутистического спектра (Davlantis K.S. et all., 2019) и структура РО, включающая её содержательные индикаторы (Галасюк И.Н., Митина О.В., 2020). В ходе исследования был организован и проведен эксперимент, состоявший из двух этапов: 1) матерям давалась инструкция: «поиграйте с ребенком так, как вы делаете это обычно». Характеристики их игрового взаимодействия фиксировались в специально разработанном протоколе в течение 10 минут; 2) матерям предлагалось оценить качество контакта с ребенком и назвать критерии его оценки.

По итогам эксперимента было выявлено, что наибольшим количеством положительных индикаторов характеризуется эмоциональный компонент РО (16 ситуаций взаимодействия). При этом, стоит отметить наличие негативных индикаторов познавательного компонента РО (9 ситуаций взаимодействия): матери не следовали за фокусом внимания ребенка, подменяли спонтанную игру развивающим занятием, демонстрировали высокую степень настойчивости в управлении вниманием ребенка, использовали манипуляции для смены деятельности ребенка. Физический компонент РО был выражен слабо: чаще других среди положительных индикаторов наблюдались тактильные прикосновения (5 ситуаций взаимодействия). Преимущественно наблюдалось инициирующее поведение матерей, закрепляющее наблюдалось реже. В качестве закрепляющего поведения в исследуемой группе матери чаще использовали невербальные эмоциональные реакции. На втором этапе эксперимента большинство исследованных матерей (17 человек) как основной критерий качества взаимодействия назвали выполнение детьми инструкций и их ответы на вопросы.

Таким образом, в ситуации игрового взаимодействия чаще отмечались индикаторы эмоционального компонента, при малой выраженности физического компонента. Наличие негативных индикаторов познавательного компонента и низкая частота встречаемости закрепляющего поведения может свидетельствовать об ориентации родителей на ситуацию обучения, а не игрового взаимодействия, вследствие чего контакт носил формально-дистантный характер.

намика родительской отзывчивости // Культурно-историческая психология. 2020. №4(16). С. 72–86. https://doi.org/10.17759/chp.2020160408
Davlantis K.S., Estes A., Dawson G., Rogers S.J. A novel method for measuring learning opportunities provided by parents to young children with autism spectrum disorder//Autism. 2019. Vol. 23(6): P. 1563-1574. doi: https://doi.org/10.1177/1362361318817303

АНОО «Солнечный круг»

ФГАОУ ВО ТГУ

с детьми с МНР

вой для разработки эффективных практик поддержки семей, воспитывающих детей с двигательными и множественными нарушениями развития (Клочкова, 2015). Цель исследования: проанализировать социально-демографические показатели, а также активность и участие ребенка и семей г.Тольятти в социальной жизни, сравнив условия и возможности семей, взаимодействующих и не взаимодействующих с сервисами, оказывающими системную поддержку детям и их семьям.
Методы. Исследование проводилось в мае-июне 2025 года на базе АНОО «Солнечный круг».
Для проведения исследования были привлечены сотрудники кафедры «Социология» ТГУ. Для исследования был использован метод полуформализованного интервью с целевой выборкой. В опросе приняли участие родители 40 семей, разделенных на две группы: 1. Экспериментальная группа: 20 детей, которые посещают центр «Солнечный круг» от 2 до 8 лет и получают услуги образования, реабилитации и организации досуга в режиме полного дня. 2. Контрольная группа: 20 детей, которые не посещают центр или посещают его только в формате индивидуальных занятий. Контрольная выборка была сформирована случайным образом из семей, откликнувшихся на приглашение принять участие в исследовании через социальные сети и родительские чаты. Все дети в обеих группах имеют двигательные нарушения и множественные нарушения развития, их возраст варьируется от 4 до 14 лет. Вопросы для опросника были разработаны междисциплинарной командой специалистов «Солнечного круга» и охватывали следующие аспекты: социально-демографические характеристики, занятость родителей, возможности для общения детей со сверстниками, социально-бытовые условия, доступность образовательных услуг, участие в социальной жизни. Для разработки опросника мы опирались на Международную классификацию функционирования (МКФ), а именно раздел Активности и участия (ICF, 2001).
Результаты. Анализ показал, что семьи, пользующиеся услугами центра в режиме полного дня, имеют более высокие показатели вовлеченности обоих родителей в трудовую деятельность (57% против 6%), чаще могут организовать досуг без ребенка (87% против 75%), имеют более высокий уровень дохода и чаще получают поддержку от расширенной семьи. Дети из этих семей чаще посещают образовательные учреждения и секции, участвуют в спортивных мероприятиях. В семьях, не взаимодействующих с центром либо взаимодействующих в формате индивидуальных занятий, выше доля неполных семей, ниже уровень образования родителей, реже используются внешние формы поддержки, что негативно сказывается на качестве жизни и возможностях социализации детей. Общими для обеих групп остаются трудности с организацией досуга родителей, финансовые и бытовые ограничения, однако наличие устойчивой среды поддержки существенно снижает уровень социальной изоляции и эмоционального выгорания.
Выводы. Вовлечение в деятельность сервисов, оказывающих системную поддержку детям и их семьям, обеспечивает доступ к образовательным и реабилитационным услугам, расширяет социальные связи, оказывает влияние на материальное благосостояние, снижает нагрузку на родителей и способствует более успешной социализации детей.

Goering, S. (2015). Rethinking disability: The social model of disability and chronic disease. Current Reviews in Musculoskeletal Medicine, 8(2), 134–138. https://doi.org/10.1007/s12178-015-9273-z
World Health Organization 2001. The International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF). Geneva: WHO. http://www.who.int/classifications/icf/en/ ICF, 2001